

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТОЛОГОВ

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: ПОВЕСТКА ДНЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

МАТЕРИАЛЫ II СЪЕЗДА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

11–13 ноября 2016 г., Казань

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2018

УДК 32
ББК 66.0
P74

Редакционный совет:

С.Г. Еремеев, А.С. Капто, А.П. Клемешев, Ю.С. Пивоваров,
В.Н. Плигин, В.А. Садовничий, А.В. Торкунов, А.Ю. Шутов, В.И. Якунин

Редакционная коллегия:

М.Г. Абрамова, С.В. Володенков, В.А. Гуторов, В.И. Коваленко,
И.И. Кузнецов, А.В. Манойло, О.В. Столетов, П.А. Цыганков,
Е.Б. Шестопал, А.А. Ширинянц

Российская политика: повестка дня в меняющемся мире:
P74 Материалы II Съезда Российского общества политологов (11–13 ноября 2016 г., Казань) / Российское общество политологов; под общ. ред. А.Ю. Шутова, С.Г. Еремеева, В.И. Якунина, И.И. Кузнецова. М.: Издательство Московского университета, 2018. — 1164 с.

ISBN 978-5-19-011323-5

В настоящий сборник вошли доклады и выступления участников пленарного заседания, секций и круглых столов, а также приветствия от официальных лиц и иные материалы II Съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов».

Для политологов, историков, правоведов, философов, а также всех, кто интересуется политической наукой и современной российской политикой.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-19-011323-5

© Российское общество политологов, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

О II СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ	12
ПРИВЕТСТВИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ	15

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

<i>Мухаметшин Фарид Хайруллович.</i> О значении политологического знания в осмыслении приоритетов регионального развития субъекта Российской Федерации.	20
<i>Морозов Олег Викторович.</i> Политическая повестка и политическое знание в выборе стратегии развития	29
<i>Коваленко Валерий Иванович.</i> Национальное единство: вызовы глобализирующегося мира и запросы гражданского общества	36
<i>Третьяков Виталий Товиевич.</i> Оптимальная политическая система для России	44
<i>Щипков Александр Владимирович.</i> Диалектика экономического и религиозно-этического в условиях мирового кризиса: российский взгляд	54
<i>Якунин Владимир Иванович.</i> Устойчивость политических систем в условиях развивающегося мирового кризиса	58
<i>Beatriz Bissio.</i> The 21st century's emergence of Asia: a new global perspective?	81

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПЕРИОД ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2016–2018 гг.: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ, СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Ветренко Инна Александровна.</i> Региональные политические элиты в контексте электорального цикла: поведенческий аспект.	94
<i>Голованов Роман Сергеевич.</i> Евразийская тематика в позиционировании российских политических элит	100
<i>Дроботушенко Евгений Викторович.</i> Избирательная кампания 2016 г. по выборам губернатора Забайкальского края: особенности восприятия обществом и экспертами.	113
<i>Ильин Александр Юрьевич.</i> Власть и институты гражданского общества в Карелии: формы и проблемы взаимодействия в электоральный период 2016–2018 гг.	116
<i>Керимов Александр Алиевич.</i> Информационная открытость парламента в современной России: направления и механизмы реализации	123
<i>Летуновский Петр Васильевич.</i> Архетипы и аградация политико-правовой культуры России: политологический аспект	127

<i>Ляховенко Олег Игоревич.</i> Тенденции развития партийной системы России после выборов в Госдуму РФ 18 сентября 2016 г.	132
<i>Попова Анна Владиславовна.</i> Российская неолиберальная теория конституционализма и парламентаризма начала XX в.: уроки и перспективы применения	141
<i>Соснин Дмитрий Петрович.</i> Партийно-политический дизайн губернаторских выборов 2016 года.	151
<i>Тимофеев Александр Александрович.</i> Смена политической элиты как необходимый фактор экономического развития страны	160
<i>Тузилов Андрей Римович.</i> Российское общество в электоральном цикле 2016–2018: идеологическая повестка дня.	174
<i>Федорова Светлана Сергеевна.</i> Экономические факторы формирования электоральных предпочтений граждан: сравнительный анализ РФ и ФРГ.	179
<i>Феоктистова Оксана Анатольевна.</i> Социальные сети как инструмент электорального влияния: возможности и ограничения мотивационного потенциала в условиях повышения ценностных оснований жизни общества	184
<i>Фомин Олег Николаевич.</i> Амбиции неолиберализма и национальные интересы России	196
<i>Шашкова Ярослава Юрьевна.</i> Особенности ведения парламентскими партиями избирательной кампании 2016 г. в регионах Западной Сибири	201
<i>Юрченко Инна Вадимовна.</i> Конфликтологическая экспертиза политических процессов в Краснодарском крае в условиях нового электорального цикла.	211

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ РОССИЯН
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ:
ЦЕННОСТИ, МОТИВАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТИ**

<i>Зверев Андрей Леонидович.</i> Мотивация политического участия молодежи в российских политических партиях.	218
<i>Казаринова Дарья Борисовна.</i> Россия и постсоветское пространство: актуализирующиеся ценности для интеграции.	224
<i>Линде Андрей Николаевич.</i> Значение феноменологического подхода к изучению социально-политических норм и ценностей.	233
<i>Палитай Иван Сергеевич.</i> Методологические особенности исследования массового политического сознания в условиях социально-политических изменений	245
<i>Смулькина Наталья Валентиновна.</i> Влияние идеального прототипа на электоральную привлекательность политических лидеров в российском массовом сознании	255
<i>Шестопал Елена Борисовна.</i> Изменение психологического состояния российского общества под влиянием выборов 2016.	263
<i>Юрченко Виктор Михайлович.</i> Ценностные ориентации российского общества как основа обеспечения национальной безопасности и гармоничного развития страны	265

**КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОПОРЯДКА И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ НАЧАЛА XXI в.**

<i>Абрамова Марианна Григорьевна. К вопросу о новых механизмах внешнего управления: угрозы политической стабильности современного миропорядка</i>	270
<i>Алексеева Татьяна Александровна, Минеев Александр Петрович, Лошкарёв Иван Дмитриевич. Международные исследования: меняется ли картина мира?</i>	274
<i>Барсенков Александр Сергеевич. Эволюция концептуальных основ внешней политики России в XXI веке</i>	284
<i>Бельский Виталий Юрьевич, Олейник Владимир Игоревич. Сетевой терроризм как угроза международной безопасности: информационный аспект</i>	293
<i>Буховец Олег Григорьевич. ЕАЭС: новые надежды и старые препятствия на пути евразийской интеграции</i>	299
<i>Ващенко Александр Владимирович. Глобализм — высшая стадия империализма и канун «исламской революции»?.</i>	310
<i>Галинский Илья Николаевич. Приднестровский вопрос во внешней политике России начала XXI в.</i>	314
<i>Грибанова Галина Исааковна. Политические детерминанты региональной интеграции в современном мире</i>	317
<i>Евстифеев Роман Владимирович. Политическая глобализация XXI века и роль Российского государства в новом миропорядке</i>	321
<i>Ефанова Елена Владимировна. Артикуляция внешнеполитических интересов современной России: контент-анализ посланий Президента Федеральному Собранию РФ 2012–2015 гг.</i>	324
<i>Жильцов Сергей Сергеевич. Роль Каспийского региона в мировой политике</i>	327
<i>Карадже Татьяна Васильевна. Эволюция внешнеполитических стратегий мирового господства США в условиях глобального мира</i>	332
<i>Комлева Наталья Александровна. Системное переформатирование Большого Ближнего Востока: основные причины</i>	335
<i>Мансуров Тимур Зуфарович. Конфликт в Сирии: политика России и механизмы его урегулирования</i>	338
<i>Мирзаде Лилия. Основная тенденция XXI столетия: противостояние «своих» и «чужих» во внешней политике</i>	347
<i>Орехова Валерия Дмитриевна. Влияние стигматизации России на дипломатическую стратегию США и ЕС</i>	351
<i>Пляйс Яков Андреевич. Новая мировая полярность как актуальная перспектива</i>	356
<i>Пророкович Душан. Трансформация структуры мировой политической системы от однополярности к многополярности</i>	383
<i>Радиков Иван Владимирович. Русофобия и ложь в современной политике давления Запада на Россию (12 тезисов доклада)</i>	397
<i>Рогожина Евгения Михайловна, Рыжов Игорь Валерьевич. Распространение радикальной исламской идеологии на территории современной России как угроза национальной безопасности государства</i>	402

<i>Сидорова Галина Михайловна.</i> Роль российской дипломатии в урегулировании вооруженных конфликтов	408
<i>Силаева Зоя Владимировна.</i> Рост «спорных государств» в мире как ответ на процессы дезинтеграции в мировой политике	412
<i>Телин Кирилл Олегович.</i> Концептуализация политического кризиса в контексте современных международных отношений.	415
<i>Трунов Филипп Олегович.</i> Проблемы взаимодействия РФ и стран коллективного Запада по «сирийскому вопросу» (на примере ФРГ)	419
<i>Хлебников Иван Евгеньевич.</i> Феномен «Brexit» как пример конфликта идентичностей и антиглобалистского протеста.	424
<i>Чворович Зоран.</i> Сербско-русские отношения: савременные искушения и наставления прошлого.	438
<i>Aymeric Chauprade.</i> Key trends of the world order and of the Russian foreign policy in early 21st century	444
<i>Hans Köchler.</i> Democracy in a multipolar world.	448
<i>Helena Rytövuori-Apunen.</i> Borders beyond the state: challenges for research and resolving 'frozen' conflicts	450
<i>Peter W. Schulze.</i> Mechanisms and the role of NGO's in assuring cooperation for security and peace in overall Europe	459

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Авзалова Эльмира Илгизовна.</i> Формы интернет-участия граждан в политике	466
<i>Артамонова Юлия Дмитриевна, Демчук Артур Леонович.</i> «Культура бедности» в современной политической коммуникации: идеи, установки, фигуры манипуляции.	471
<i>Василенко Ирина Алексеевна.</i> Диалог России со странами Востока: коммуникационные модели и социокультурные барьеры	479
<i>Закиров Айдар Робертович.</i> Развитие коммуникаций GR-стратегии в современных условиях	487
<i>Красноцветов Глеб Владимирович.</i> Политологический аспект конвергентных медиа в современной России	497
<i>Мальцева Дарья Александровна.</i> Феномен информации в процессе построения политических стратегий	504

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Абрамов Андрей Вячеславович.</i> Традиции и новации в российском патриотизме	514
<i>Вилков Александр Алексеевич.</i> Традиции российской социал-демократии: история и современность	521
<i>Гуторов Владимир Александрович.</i> Русский либерализм как политический феномен: историческая традиция и современные интерпретации	530

<i>Дергунова Нина Владимировна</i> . Воспроизводство этнокультурной и государственной идентичности русской молодежи за границей: традиции и современность	541
<i>Жихаревич Михаил Ефимович</i> . Псковская политическая культура	550
<i>Завершинский Константин Федорович</i> . Российские политические традиции в антропологическом измерении	556
<i>Игнатъев Николай Петрович</i> . Национальная идея в постсоветской России: поиск завершен (?)	563
<i>Кадочников Алексей Николаевич</i> . Экологическая политика: история, реалии и перспективы	571
<i>Карабуценко Павел Леонидович</i> . Политическая аксиология и теории политических элит	577
<i>Козиков Иван Андреевич</i> . Традиции социально-политических учений — важнейший фактор осмысления современности	587
<i>Кондратенко Сергей Евгеньевич</i> . Католицизм и российская политическая традиция: от конфронтации к диалогу	590
<i>Кукушкина Елена Иосифовна</i> . К вопросу о классических традициях в отечественной политологии	595
<i>Омельченко Николай Алексеевич</i> . «Русский этатизм» и «русский нигилизм» в политическом процессе России конца XIX–XX вв. (несколько актуальных тезисов)	603
<i>Фомин Вячеслав Васильевич</i> . Патриотизм и наука в русской политической традиции: от М.В.Ломоносова до наших дней	609
<i>Хордецки Бартош Маркович</i> . «Freedom of speech» и «wolność słowa» — в поисках терминологических традиций как факторов воздействующих на воображения в области аксиологии коммуникации	619
<i>Черняховская Юлия Сергеевна</i> . Политическая культура научно-технического романтизма versus парapolитическая имитационность «современного искусства»	628

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Аминов Ильдар Ринатович</i> . Потокное пространство регионов федеративного государства: теоретическо-методологические основы	638
<i>Ачкасов Валерий Алексеевич</i> . Некоторые проблемы осуществления государственной национальной политики в современной России	644
<i>Баранов Андрей Владимирович</i> . Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в Краснодарском крае (2016 г.)	651
<i>Большаков Андрей Георгиевич</i> . Государственная миграционная политика в России: достижения, противоречия, конфликты в российских регионах (на примере Республики Татарстан)	660
<i>Волох Владимир Александрович, Суворова Вера Александровна</i> . Национальная безопасность государства: проблемы интеграции молодых мигрантов.	668

<i>Гайдук Вадим Витальевич.</i> Политические технологии в укреплении этнополитического (межэтнического и межконфессионального) диалога.	674
<i>Денисов Андрей Евгеньевич.</i> Современное этноконфессиональное положение в Татарстане.	683
<i>Жаде Зуриет Анзауровна.</i> Влияние миграции на этносоциальные процессы и межэтническую напряженность на юге России	692
<i>Зорин Владимир Юрьевич.</i> Этнополитология современной России: новые вызовы и ответы.	702
<i>Иванов Андрей Валерьевич.</i> Практика расизма и неорасизма как идеологическое оправдание мигрантофобии и ксенофобии.	711
<i>Игонин Денис Иванович.</i> Миграционные процессы в России и в мире	720
<i>Магомадов Абдулла Ломалиевич.</i> Три подхода к феномену политического ислама	726
<i>Рыжов Игорь Валерьевич, Шмелев Антон Павлович.</i> Современные миграционные процессы в контексте формирования угроз национальной безопасности (на примере Российской Федерации)	729
<i>Сирюкова Яна Алексеевна.</i> Государственное управление этнополитическими процессами в Российской Федерации: медийные эффекты и практики	739
<i>Усманов Рафик Хамматович.</i> Влияние современных этнополитических процессов в России на геополитику Каспийского региона.	747

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

<i>Бобылев Владимир Владимирович.</i> Политическая персоналистика: к вопросу о молодежных лидерах в Российской Федерации	755
<i>Богданов Артем Владимирович.</i> Политическая социализация и политическая идентичность: особенности молодежной политической культуры в современной России.	760
<i>Бузанов Никита Андреевич.</i> Влияние исторической памяти на реализацию государственной молодежной политики	767
<i>Внукова Любовь Борисовна, Челпанова Диана Дмитриевна.</i> Что больше всего угрожает России? (Мнения студентов-радикалов по данным социологического исследования)	771
<i>Галихузина Резеда Гильмутдиновна.</i> Потенциал Духовного управления мусульман Республики Татарстан в противодействии молодежному экстремизму	776
<i>Говоров Михаил Вадимович.</i> Концепция совершенствования государственной молодежной политики	780
<i>Дубровский Даниил Николаевич.</i> Реализация государственной молодежной политики Российской Федерации: актуальные проблемы и экспертные оценки .	782
<i>Зотов Никита Сергеевич.</i> Оценка эффективности деятельности молодежных некоммерческих организаций: проблемы и решения	788
<i>Масленников Владимир Михайлович.</i> Профилактика праворадикальных настроений в молодежной среде Санкт-Петербурга: проблемы и перспективы . . .	793

<i>Морозова Галина Викторовна.</i> Ценности и мотивации российского студенчества в политической сфере	796
<i>Никитин Алексей Александрович.</i> Здоровье молодого поколения как императив молодежной политики России.	803
<i>Никитина Татьяна Игоревна.</i> Социально-политические ориентации студенческой молодежи Республики Татарстан	807
<i>Остроумов Александр Иванович.</i> Проблемы политической социализации студенческой молодежи.	814
<i>Порфирьева Ирина Дмитриевна.</i> Экологическая культура как фактор социализации студенческой молодежи	821
<i>Сидельникова Татьяна Тимофеевна.</i> Акмеологический тренинг как метод повышения квалификации аспирантов и молодых преподавателей политических дисциплин.	826
<i>Шибанова Наталья Александровна.</i> Современный политический дискурс о роли молодых женщин в терроризме: стереотипы, реалии, возможные пути профилактики.	834
<i>Ягодка Николай Николаевич.</i> Проблемы участия российской молодежи в современных гражданских и социальных практиках	843

**ПРОТИВОБОРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ:
ОТ «ГИБРИДНЫХ ВОЙН» К «ГИБРИДНОМУ МИРУ»**

<i>Ведерникова Мария Игоревна.</i> Продвижение конструктивного имиджа России в европейских странах	849
<i>Волкова Алина Михайловна.</i> Роль механизма социально-экономических санкций и контрсанкций во внешней политике Российской Федерации	858
<i>Дубови Александр.</i> Об актуальности определения войны Карлом фон Клаузевицем для понимания феномена «новых войн»	863
<i>Ильмарв Магнус.</i> Украинский кризис, «гибридная война» и страны Балтии.	868
<i>Соловьев Алексей Васильевич.</i> «Гибридная война» в контексте неополемологии	873
<i>Суворов Владимир Леонидович.</i> «Гибридная война» как социально-политический феномен и особенности ее проявления в современных условиях.	880
<i>Цзи Юешиэн.</i> Обеспечение культурной безопасности Китая в условиях гибридных угроз	899
<i>Oybek Makhmudov.</i> The virtual warfaring forms of cyber terrorism threats in Eurasia	902

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

<i>Ковалев Виктор Антонович.</i> Политические размежевания в футурологической перспективе. Гипотеза	908
<i>Коваленко Валерий Иванович.</i> Перспективы классических идеологий в XXI веке	913

<i>Майоров Арсений Валерьевич.</i> Анализ тактических и стратегических приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации: глобальные тренды и факторы построения конкурентной модели инновационной политики	918
<i>Феоктистова Оксана Анатольевна.</i> В ожидании сетевых войн	925
<i>Черняховская Юлия Сергеевна.</i> Политическая философия научно-технического романтизма как метод конструирования будущего	927
<i>Черняховский Сергей Феликсович.</i> Вспомнить о будущем	933
<i>Шаповалов Владимир Леонидович.</i> Образы будущего России в программах российских политических партий	945

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ, СОЮЗОВ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

<i>Баласанян Григор.</i> РФ, США и ЕС в процессе урегулирования региональных конфликтов (на примере Южного Кавказа)	952
<i>Зазнаев Олег Иванович, Сидоров Виктор Владимирович.</i> Суверенитет национальных государств в условиях кризиса европейской интеграции: уроки «Брекзита»	961
<i>Зубенко Вячеслав Васильевич.</i> Становление методологической базы евразийской экономической интеграции	966
<i>Кудусов Худжамурод Сафаралиевич.</i> Геополитические интересы Китая в странах Центральной Азии	977
<i>Тарасов Илья Николаевич.</i> Евроатлантическая интеграция — фактор развития международных отношений в Балтийском регионе	982
<i>Халанский Игорь Викторович.</i> Киргизская республика в формате ЕАЭС: проблемы и перспективы	987
<i>Черевык Константин Антонович.</i> Транспортная интеграция в Центральной Азии: значение проекта ККУЖД	994

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ

<i>Барский Яков Васильевич.</i> Особенности коммуникации гражданского общества в современной России	1000
<i>Беляев Владимир Александрович.</i> Отличия поколения элиты Татарстана 2010-х гг.	1007
<i>Головин Юрий Алексеевич.</i> Развитие гражданской активности молодежи в рамках кадетского образования	1015
<i>Журавлева Татьяна Андреевна.</i> Управление сетевыми альянсами в государственном управлении: возможности и пределы	1025
<i>Зорин Андрей Сергеевич.</i> Изменения стратегий предвыборных кампаний под влиянием непредвиденных факторов на примере Кировской области	1032

<i>Мартынов Михаил Юрьевич.</i> Опыт работы регионального отделения РОП в подготовке стратегии развития институтов гражданского общества в субъекте Федерации	1041
<i>Понделков Александр Васильевич, Старостин Александр Михайлович.</i> Стратегический потенциал российской политической элиты в экспертном измерении	1046
<i>Потапов Артем Дмитриевич.</i> Феномен сепаратизма и его тенденции в современной России	1055
<i>Цветкова Ольга Викторовна.</i> Технологии моделирования современного территориального устройства Российской Федерации	1060
<i>Чапковская Екатерина Алексеевна.</i> Российский опыт международного сотрудничества регионов (на примере Астраханской области)	1070

**ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

<i>Волосова Татьяна Васильевна.</i> Чечня и Русский мир	1075
<i>Грузнова Елена Борисовна.</i> Политическая конъюнктура и распространение исторических знаний	1091
<i>Коткин Константин Яковлевич.</i> Содержание политики памяти в современной России: на пути к мягкой памяти?	1098
<i>Симонова Елена Викторовна.</i> Политика формирования исторической памяти в молодежной среде: вызовы и ответы, достижения и просчеты	1106

**ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ:
ИСТОКИ, РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

<i>Вилков Александр Алексеевич, Шестов Николай Игоревич.</i> Проблема вариативности в подготовке политологов	1113
<i>Капто Александр Семенович.</i> К вопросу об институализации политической науки	1122
<i>Краюшкина Светлана Владимировна.</i> Актуальные проблемы формирования российской идентичности при преподавании обществоведческих дисциплин	1134
<i>Пляйс Яков Андреевич.</i> Актуальные проблемы политической науки и политологического образования в современной России	1139
РЕЗОЛЮЦИЯ II СЪЕЗДА ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТОЛОГОВ» (Казань, 11–13 ноября 2016 г.)	1144
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	1153

О II СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

II Съезд Российского общества политологов состоялся 11–13 ноября в г. Казань республики Татарстан. Тема Съезда — «Российская политика: повестка дня в меняющемся мире» — обусловлена необходимостью обозначения стратегических приоритетов России во внутренней политике, а также закреплением ключевых устремлений во внешнеполитической деятельности.

В работе мероприятий Съезда приняли участие ведущие ученые-политологи России и зарубежных стран, представители органов государственной власти, общественных организаций и бизнес-структур. Общее количество участников достигло 394 человек, было заявлено более 300 докладов и выступлений. Работа Съезда проходила в рамках 6 секций и 7 круглых столов.

СЕКЦИИ

1. Политические процессы на федеральном и региональном уровне в период электорального цикла 2016–2018 гг.: основные акторы, стратегии и технологии

Модераторы — В.И. Коваленко, С.Г. Еремеев, А.К. Магомедов, Р.Х. Усманов, А.Ю. Шутов.

2. Политическое участие россиян в контексте социально-экономических изменений: ценности, мотивация, идентичности

Модераторы — Е.Б. Шестопал, А.А. Вилков, А.П. Клемешев, В.И. Якунин.

3. Ключевые тенденции миропорядка и внешней политики России начала XXI века

Модераторы — П.А. Цыганков, В.А. Ачкасов, М.И. Рыхтик, А.В. Торкунов.

4. Эволюция коммуникационных технологий в политических процессах современной России

Модераторы — А.И. Соловьев, С.В. Володенков, Л.Н. Тимофеева, Г.В. Морозова, Н.М. Мухарямов.

5. Отечественные политические традиции: история и современность

Модераторы — А.А. Ширинянц, В.А. Гуторов, М.М. Мчедлова, С.В. Перевезенцев.

6. Этнополитические процессы в современной России

Модераторы — В.Ю. Зорин, В.А. Тишков, А.А. Федякин, А.Г. Большаков.

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

1. Актуальные проблемы современной молодежной политики в России

Модераторы — Г.В. Морозова, Э.В. Чекмарев, А.В. Селезнева, Т.В. Евгеньева.

2. Противоборство и сотрудничество в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру»

Модераторы — В.К. Белозеров, В.Л. Суворов, А. Дубови, А.В. Маноило.

3. Политическое конструирование будущего: теория и практика

Модераторы — В.Т. Третьяков, В.И. Коваленко С.Ф. Черняховский, В.А. Ковалев.

4. Процессы интеграции и дезинтеграции в современном мире: политические стратегии государств, союзов, международных организаций

Модераторы — А.И. Костин, В.С. Изотов, А.В. Власов, А.С. Барсенков, М.М. Лебедева.

5. Российские регионы в политическом пространстве: актуальные вопросы регионалистики

Модераторы — А.В. Понеделков, А.В. Баранов, А.К. Магомедов.

6. Политика исторической памяти в современной России: возможности и ограничения формирования и развития российской идентичности

Модераторы — А.Е. Петров, К.Я. Коткин, В.О. Беклямишев, Р.Р. Хайрутдинов, С.М. Шахрай

7. Истоки, развитие, современное состояние и перспективы российской политологии

Модераторы — Ю.С. Пивоваров, О.И. Зазнаев, Я.А. Пляйс.

На пленарном заседании были озвучены **официальные приветствия** от Президента Российской Федерации В.В. Путина, Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, Главы Русской православной церкви Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, Председателя Духовного управления мусульман Европейской части России Муфтия Шейха Р.И. Гайнутдина, а также от Председателя Духовного управления мусульман Республики Татарстан Муфтия К.И. Самигуллина.

С докладами **на пленарном заседании выступили** декан факультета политологии Федерального университета Рио-де-Жанейро Биатрис Биссио, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова В.И. Коваленко, научный руководитель Учебно-научного центра государственного строительства и подготовки управленческих кадров МГУ имени М.В. Ломоносова О.В. Морозов, Председатель Государственного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшин, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова В.И. Якунин, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ А.В. Щипков.

Результатом плодотворной работы Съезда стало **принятие соответствующей резолюции**, содержащей основные выводы и рекомендации.

ПРИВЕТСТВИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ

Приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина

Слов	ПЛАТА		ТЕЛЕГРАММА	№ связи	Передат
	руб.	коп.			
			ИЗ МОСКВЫ № _____	_____ го _____ ч. _____ м.	_____
Итого				_____	_____
Принят			_____ сл. _____ го _____ ч. _____ м.	Служ. _____	отметки: _____

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУДА: 129329, г.Москва, ул.Кольская, д.2, корп.6
подробный адрес: Общероссийская общественная организация
КОМУ: "Российское общество политологов"
Участникам и гостям II съезда РОП

Уважаемые друзья!

Приветствую вас на открытии съезда.

За прошедшие два года работы Российское общество политологов убедительно доказало свою востребованность и по праву заслужило авторитет в профессиональном политологическом сообществе страны и мира.

Отмечу, что повестка съезда крайне актуальна и представляет большой интерес. Российским гражданам важен взгляд отечественных и зарубежных специалистов на характер и особенности развития гражданского общества и политической системы, перспективы дальнейшей эволюции, формирование новых приоритетов и стратегий ведущих политических сил страны. Не менее значимым является также понимание характера современных международных отношений, появление новых глобальных вызовов и угроз.

Надеюсь, что в выступлениях и дискуссиях на съезде будут затронуты самые сложные вопросы и, возможно, будут представлены инновационные решения.

Желаю вам плодотворной работы, интересных дискуссий и достижений на благо России.

Пр-2192

В.Путин

**Приветствие Президента Республики Татарстан
Р.Н. Минниханова**

**ПРЕЗИДЕНТ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

**ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ПРЕЗИДЕНТЫ**

ПРИВЕТСТВИЕ

**Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова
II съезду Российского общества политологов
«Российская политика: повестка дня в меняющемся мире»**

Уважаемые участники и гости съезда!

Сердечно приветствую вас в столице Республики Татарстан.

Выбор Казани в качестве места проведения форума мы рассматриваем как признание вклада казанской школы политологов в исследование актуальных проблем развития российского общества.

Знаменательно, что многие заседания съезда будут проходить в стенах Казанского (Приволжского) федерального университета – вуза с более чем двухсотлетней историей. Это позволит прикоснуться к богатым традициям отечественных науки и образования, у истоков которых в Казани стояли такие выдающиеся ученые как Фукс, Лобачевский, Бутлеров и многие другие.

Республика Татарстан за последние четверть столетия добилась серьезных успехов в своем развитии. Одним из наиболее значимых среди них является достижение высокого уровня общественно-политической стабильности, межнационального и межконфессионального согласия.

Опыт Татарстана в данной сфере стал объектом пристального внимания и изучения политиков, общественных деятелей и ученых.

В республике сформировалось полное понимание того, что мир и согласие не являются чем-то дарованным свыше. Это плод предметной работы государства, институтов гражданского общества, всех людей доброй воли.

Причем авторитетное слово науки, серьезных специалистов и экспертов всегда играло важную роль при принятии всех решений по совершенствованию политической системы, развитию механизмов общественных связей.

Полагаю, что Второй съезд политологов сыграет важную роль в осознании особенностей нынешнего этапа развития страны, месте и роли регионов в решении важных социально-экономических и духовно-культурных задач.

Желаю съезду плодотворной работы, а всем его участникам благополучия, творчества и приятного пребывания на гостеприимной татарстанской земле.

Р.Н. Минниханов

Приветствие Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла

Организаторам и участникам Второго съезда Российского общества политологов

Уважаемые дамы и господа! Дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую всех вас, ныне собравшихся для компетентного диалога и экспертной оценки мировой политической ситуации и роли в ней нашей страны.

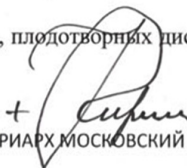
В современном мире значительно интенсифицировались информационные, социальные, культурные и политические преобразования. Однако несмотря на очевидное развитие политической науки, мир остается во власти схем и механизмов, сооруженных многие десятилетия назад лидерами наиболее технически оснащенных и обеспеченных ресурсами государств. От характеристик их взаимодействия в наше время зависит значительный спектр внутренних и внешних процессов, изменились лишь инструменты воздействия на них.

В каждом конкретном обществе рядовой гражданин стремится быть интегрированным в процесс обсуждения и выработки важнейших решений, выразить собственные взгляды. Однако взгляды эти зачастую формируются под воздействием экспертных оценок. В этой связи хотел бы отметить высокую значимость и большую ответственность деятельности политических экспертов. Зачастую кажущаяся незначительной неточность облеченного авторитетом автора может привести к тяжелым последствиям: росту напряженности, разделением и столкновениям общественных групп в одном государстве, - что совершенно невозможно оправдать и допустить.

Русская Православная Церковь призывает все активные общественные и политические силы осознать свою высокую ответственность перед Россией – не только огромной страной, обладающей значительными территориями и природными богатствами, но и объединяющей в единый народ носителей различных самобытных этнических и религиозных культур.

Российское общество политологов является авторитетной организацией, члены которой приводят в жизнь многие общественно значимые проекты. Известно также, что дискуссии в рамках деятельности организации носят исключительно мирный характер и направлены на поиск наиболее эффективных решений актуальных вопросов и задач отечественной политики. Уверен, что именно в открытом и честном диалоге возможно успешное достижение поставленных целей.

Желаю Вам доброго здоровья, плодотворных дискуссий и успехов в трудах на благо нашего Отечества.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Приветствие председателя Духовного управления мусульман Европейской части России Муфтия Шейха Р.И. Гайнутдина

Centralized Muslim Religious
Organization Russia Muftis Council

الإدارة الدينية المركزية
مجلس شورى المفتين لروسيا

Централизованная мусульманская религиозная организация
СОВЕТ МУФТИЕВ РОССИИ

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

09.11.2016 г.

Участникам II съезда
Российского общества
политологов

Уважаемые Участники Съезда!

От имени Совета муфтиев России и Духовного Управления мусульман Российской Федерации искренне поздравляю Вас с очередным съездом, который в этом году проходит в Казани. Проведение в столице Татарстана собрания ученых-политологов событие, безусловно, неординарное не только в жизни научного сообщества России, но и всего российского государства, будущее которого в известной степени зависит и от Вашего созидательного труда и Ваших интеллектуальных усилий. В современных условиях развития человеческого общества, которое сталкивается с новыми глобальными вызовами и коллективным поиском ответов на них, проведение съезда приобретает еще большую актуальность и общественную востребованность.

В преддверии открытия Форума политологов, хотелось бы еще раз обратить внимание на важность осознания всеми участниками Вашего высокого собрания идеи тесной взаимопереплетенности судеб народов нашего многонационального государства. Для всех 190 народов и народностей, проживающих в Российской Федерации, их будущее неразрывно связано с общей многовековой историей, в которой наши современники могут найти много славных и памятных страниц. Мне кажется, это особенно важно для нашей молодежи; которая часто испытывает необходимость в опоре на прочные и надежные мировоззренческие и нравственные ориентиры.

В этом смысле древняя Казань, как город, где пересекаются многие культуры, конфессии и этнические традиции, может создать по милости Всевышнего ту интеллектуальную атмосферу, которая позволит Вам сформулировать новые общественно важные научные подходы.

Молитвенно желаю всем участникам съезда открытых, а самое главное полезных для общества дискуссий! Творческих и научных успехов!

С наилучшими пожеланиями и добрыми молитвами,

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин
Председатель Совета Муфтиев России и
Духовного управления мусульман Российской Федерации

Приветствие председателя Духовного управления мусульман Республики Татарстан Муфтия К.И. Самигуллина

Централизованная религиозная
организация - Духовное
управление мусульман
Республики Татарстан

Узәкләшкән дини оешма -
Татарстан Республикасы
мөселманнарынның
Диния назарәте

юр.адрес: 420111, РТ, г. Казань, ул. Лобачевского, 6/27.
факт.адрес: 420021, РТ, г. Казань, ул. Тукая, 38.
(843) 237-94-53, www.dumrt.ru

№ 819

«10» 11 2016»

Уважаемые участники Съезда!

Рад приветствовать вас на гостеприимной земле многонационального Татарстана! Мы рады, что для обсуждения важных политологических вопросов вы избрали площадкой нашу республику.

Вызовы, с которыми сегодня столкнулось человечество беспрецедентны. Мы видим, как под прикрытием религиозных лозунгов глобальные силы зла развязывают бесчеловечные войны, уносящие жизни бесчисленного множества невинных людей. Мы видим, как последовательный отказ от традиционной системы ценностей, разрушающий привычный нам мир, полностью дезориентирует современного человека. Не меньше беспокоят нас и попытки подовать суверенную волю России, поставить ее на колени перед теми, кто возмнил себя вершителями судеб мира.

Глубоко убежден, что нам под силу справиться со всеми этими и другими вызовами современности. Всевышний Аллах в Благородном Коране говорит: **«Мы возлагаем на человека лишь то, что посильно для него»**. Испытания – неотъемлемая часть человеческого бытия. Но пройти через них с достоинством сможет лишь тот, кто не утратил нравственные основания жизни.

Не менее важно в эти непростые для России времена помнить и то, что в многоцветии культур и народов, образующих нашу страну, заключена не только красота, но и непоколебимая сила нашей Отчизны. Аллах в Коране говорит: **«Мы создали вас племенами и народами, дабы вы познавали друг друга»**. В своей истории мы имеем множество славных примеров нерушимого единства российских народов перед лицом внешних вызовов и угроз. И эти примеры служат сегодня для нас путеводной звездой.

Государство и общество нуждаются в научно обоснованных прогнозах и разумных советах от специалистов разного направления, в том числе от профессиональных политологов. Надеюсь и верю, что на этой основе будут приняты эффективные решения, которые откроют нашей России путь в завтрашний день.

Желаю всем участникам Съезда плодотворной работы, добра и мира.

Председатель Централизованной
религиозной организации –
Духовного управления мусульман
Республики Татарстан, Муфтий

Камиль хазрат Самигуллин

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

МУХАМЕТШИН ФАРИД ХАЙРУЛЛОВИЧ

О ЗНАЧЕНИИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В ОСМЫСЛЕНИИ ПРИОРИТЕТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хәерле көн, бүгенге форумда катнашучы хөрмәтле дуслар! Кадерле кунаклар!

Уважаемые дамы и господа, участники и гости Съезда!

Уважаемый Владимир Иванович! Дорогие друзья!

I. Прежде всего, хочу выразить слова признательности организаторам мероприятия за предоставленную Татарстану и его столице Казани возможность встречать и приветствовать вас, — *участников II Съезда Российского общества политологов*, — на нашей древней и гостеприимной земле.

Проведение здесь столь представительного форума мы рассматриваем как признание весомой роли Татарстана в отечественном политическом процессе. Высокую оценку научного потенциала республики, достижений Казанской школы политической науки.

1) Миссия Съезда высока и многогранна. Актуальность вынесенной в его «заглавие» темы не подлежит сомнению. В эти дни вам предстоит обменяться мнениями по широкому спектру ключевых ориентиров развития России на современном этапе. Тенденций политического процесса. Институциональных особенностей современной политической системы.

Предполагается проанализировать основные аспекты внешней и внутренней, *в т.ч. региональной*, политики в стране. *Обсудить сложившуюся электоральную и этнополитическую динамику, эволюцию политических институтов.*

Решить ряд организационных вопросов, относящихся к деятельности Российского общества политологов...

Вполне понятно, — такая насыщенная повестка заинтересовала многих специалистов-политологов — исследователей, политиков, экспертов, консультантов, преподавателей и аспирантов.

Заявки на участие поступили из более чем двух десятков стран и практически всех регионов РФ. Научная программа включает порядка 200 выступлений, сгруппированных по 7 секциям и 6 круглым столам.

Убежден, плюрализм мнений и научных школ будет способствовать плодотворным дискуссиям. *«Внесет свою добавленную стоимость»* в осмысление всего спектра заявленных проблем.

Мы — институты власти — рассчитываем на принятие конкретных рекомендаций в отношении политических условий устойчивого развития России в меняющемся мире, *избирательного цикла-2018, регионального политического процесса и других актуальных вопросов.*

Коллеги!

II. *Напомню*, — Татарстан на протяжении веков находится на стыке культур и цивилизаций, важнейших торгово-экономических путей. Исторически он стал крупным научно-образовательным и гуманитарным центром на евразийском пространстве.

Нашим профессиональным сообществом прилагаются значимые усилия по сохранению состоявшихся исследовательских школ, развитию инновационных направлений. Ярким примером такой целенаправленной работы является деятельность Казанской политологической школы...

- Еще одной незримой нитью, связывающей столицу РТ, Федеральный университет с Российским обществом политологов, является знаковая фигура *первого почетного президента Общества*, академика РАН Евгения Максимовича ПРИМАКОВА.

Помимо того, что он был признанным международником и востоковедом — *а Казань, вы знаете, славилась своей востоковедческой школой*, — с Татарстаном у Евгения Максимовича были самые добрые

отношения. Он неоднократно посещал республику. Поддерживал наш опыт и устремления в части национальной политики, развития федерализма.

Также, трудно переоценить роль Е.М. Примакова в формировании современной политической системы страны.

Напомню, именно им в союзе с первым президентом РТ М.Ш. Шаймиевым и другими «политическими тяжеловесами» был основан блок «Отечество — Вся Россия», ставший фундаментом партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»...

III. Вряд ли кто сегодня будет оспаривать часто высказывавшийся академиком Примаковым тезис о необходимости развивать отечественные школы политологии... Собственно, основная миссия общества политологов в этом и состоит. А на чем еще развивать нашу науку, как не на актуальных проблемах российской политики?

При всей значимости достижений мировой науки, главной задачей любой национальной политологической общности все-таки является анализ собственной, внутренней политической реальности...

С учетом продолжающейся дискуссии о направлениях и инструментах развития политологии в России, ее нынешнее состояние профессионалами отрасли, в целом, оценивается как стабильное, устоявшееся. Тому есть ряд существенных генезисных и организационно-юридических предпосылок.

Несмотря на то, что де-факто история российской, а ранее советской, политологии насчитывает уже шесть десятилетий — *Советская ассоциация политнауки была принята в состав Международной еще в 1955 г.*, — с момента ее официального конституирования в качестве самостоятельной дисциплины прошло немногим более четверти века.

Лишь в конце 1980-х — начале 90-х в ведущих вузах России создаются политологические кафедры, отделения и факультеты, начинается набор и подготовка студентов...

Такому подъему во многом способствовала необходимость осмысления российских трансформационных процессов. Кроме того, тенденции развития отечественной политологии определялись и бо-

гательшей традицией отечественной общественно-политической, философской мысли. Тем заделом в ряде областей, который был создан старшим поколением наших выдающихся политологов: Г.Х. Шахназаровым, Ф.М. Бурлацким, А.А. Галкиным, Е.М. Примаковым, А.М. Миграняном и мн. др.

Неудивительно поэтому, что за сравнительно короткий период в стране выросли авторитетные университетские центры, были осуществлены многочисленные исследовательские проекты, открыты специализированные аспирантуры и докторантуры по политическим наукам.

- Подготовка бакалавров-политологов в наши дни ведется в 349 российских вузах в 37 регионах.
- Действуют порядка трех десятков диссертационных советов по политическим наукам. *Защищено около 3 тыс. кандидатских и свыше 500 докторских диссертаций.*
- Регулярно проводятся представительные конгрессы и конференции, *установлены академические контакты с зарубежными коллегами.*
- На федеральном и региональном уровнях экспертно-консультационных услуг представлены десятки центров, советов и «фабрик мысли». *Другой вопрос, насколько качественно они исполняют свою функцию...*
- Важную миссию в части самоорганизации отрасли, репрезентации ее на мировом уровне выполняет Российская ассоциация политнауки.

Все это позволяет заключить, что политология сегодня, в целом, институционализована в научно-педагогическом и экспертно-аналитическом контекстах. Что очень важно — продукт политологического знания востребован органами государственной власти, гражданским обществом и бизнесом. Значимая роль во всех этих процессах принадлежит Российскому обществу политологов.

За время его работы образовано 60 региональных отделений, в т.ч. в Крыму и Севастополе. В их составе политологи ведущих научных школ России, представители аналитических центров, органов государственной власти и местного самоуправления.

IV. В этой аудитории мне особенно приятно отметить, что политическая наука в Республике Татарстан, *по признанию экспертов*, заслуженно входит в число известных научных школ страны.

Кафедра политологии в Казанском университете была образована одной из первых в России — в 1990 году.

- На ее базе выстроен действенный механизм подготовки высококвалифицированных кадров: бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура, *совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по политнаукам*.

Есть и спрос... Ее выпускники трудятся в органах госвласти РФ и РТ, МСУ, аналитических подразделениях банков и предприятий, аппаратах политических партий, общественных организациях, СМИ. В силу национальной специфики Татарстана и близлежащих регионов мы ощущаем растущую востребованность в специалистах, обладающих компетенциями в области политической регионалистики и этнополитологии...

- Кроме того, кафедра политологии КФУ исторически является «альма-матер» для большинства политологических структур в самом университете и иных вузах республики.

Примером тому выступает сравнительно недавно отпочковавшаяся от нее кафедра конфликтологии, которая ведет собственную научно-образовательную и исследовательскую деятельность. Готовит свои кадры кафедра прикладной политологии, на базе которой создано и действует Региональное отделение общества политологов...

Полагаю, будет справедливым отметить, что академические традиции и развитость научной инфраструктуры, активность наших политологов позволяют говорить о региональной политологии как об устойчивой точке роста российской науки.

Уважаемые участники Съезда и приглашенные!

V. Не буду сейчас подробно вдаваться в тот широкий пласт идейных и теоретико-методологических проблем, который сопровождает развитие политологии на современном этапе. Здесь и вопросы профессионализма, качества исследований, соответствия их мировым стандартам, вызовам и потребностям общества. *Во многом они являются следствием подходов и ориентиров эпохи становления политической науки*. Уверен, уважаемая аудитория прекрасно знакома с си-

туацией изнутри, активно участвует в профессиональной дискуссии по поводу необходимых решений...

В свою очередь, хотел бы перейти к тем аспектам повестки дня Съезда, которые вызывают вопросы у меня как у практикующего политика — руководителя республиканского законодательного органа власти.

- Это, прежде всего, разработка сценариев будущего развития страны. *Вы знаете*, в Татарстане мы всегда придерживались концепта, что Россия сильна регионами. В этом смысле, тезис «*регионы как точки роста Федерации*», по моему убеждению, нуждается в дополнительном методологическом осмыслении.

Объективном анализе и обобщении уникального опыта субъектов по стратегическому планированию и управлению собственным развитием.

Так, наша республика — динамично развивающийся субъект РФ. Регион-лидер по многим важнейшим социально-экономическим направлениям. Однако мы отдаем себе отчет в том, что залог будущего процветания — в движении вперед на основе инновационного развития производительных сил и вложений в человеческий капитал.

Именно в таком ключе эти идеи постулированы Стратегией социально-экономического развития РТ до 2030 г., утвержденной в качестве закона Парламентом республики.

В то же время, если с экономической точки зрения долгосрочные ориентиры определены, то в политическом плане, *к сожалению*, мы испытываем дефицит рекомендаций академического и прикладного характера от нашей политологической науки. Кроме тезисов о поддержании стабильности, ничего конкретного пока мы пока не слышим. *А ведь миссия политологии, в значительной мере, и состоит в выработке новых инструментов и смыслов в политике...*

- о Второе. *Думаю*, закономерно предположить, что изучение удачного опыта регионального развития рано или поздно поставит вопрос, — *простите за тавтологию*, — о «субъектности» (пределах самостоятельности) субъектов РФ, обеспеченности их политик собственными доходами.

А это уже предметная область федерализма, в том числе бюджетного. Тем более, что в последнее время в научном и политическом дискурсе частота употребления этих понятий заметно снизилась...

- Отдельного внимания, на мой взгляд, требует адекватное научное осмысление роли и значения договорных практик в российском политическом процессе. *И речь не только о том, что РТ сегодня — единственный субъект, сохраняющий договорные отношения с Федерацией...*

Необходимо смотреть на этот вопрос шире — с точки зрения анализа полномочий, практики заключения и реализации соглашений о сотрудничестве между субъектами Федерации, с приграничными регионами иностранных государств, *между представительными органами власти.*

Законодательное регулирование этого вопроса весьма размыто. В этом плане, политологи могли бы — через изучение форматов и содержания межсубъектных взаимодействий — выйти с рекомендациями и предложениями на федеральный уровень.

К слову, долгие годы работая в Конгрессе региональных и местных властей Совета Европы, я заглядывал в периодические научные журналы при подготовке своих выступлений на этой высокой трибуне. И что вы думаете, — анализа внутриевропейских межрегиональных отношений я также не находил...

- В качестве Председателя Государственного Совета Татарстана, координатора Ассоциации законодателей ПФО вынужден также констатировать нехватку политологических исследований, посвященных обзору наиболее перспективных законотворческих практик субъектов.

Не говоря уже о сравнительном анализе деятельности Ассоциаций законодателей в федеральных округах...

- Предметом нашей особой заботы и своеобразной «визитной карточкой» является состояние этнорелигиозных отношений в республике. Татарстан — многонациональный и поликонфессиональный регион с вековыми традициями мирного и добрососедского проживания свыше 170 этносов и народностей.

Поэтому органы государственной власти и МСУ республики, институты гражданского общества — *прежде всего, в лице Ассамблеи народов Татарстана,* — делают все от них зависящее, чтобы крепить атмосферу взаимного уважения и понимания между народами.

В этой части нет претензий и к экспертному сообществу. Совместная работа налажена: реализуются исследовательские проекты, проводится регулярное обучение государственных и муниципальных служащих.

Пользуясь случаем, приглашаю делегатов Съезда своими глазами убедиться в объективности высокой оценки нашего опыта, прозвучавшей из уст В.Ю. Зорина на недавнем Совете при президенте РФ по межнациональным отношениям (программой предусмотрено посещение Дома дружбы народов).

На что я бы особенно обратил внимание по итогам прошедшего Совета. В ходе его заседания президентом РФ В.В. Путиным была одобрена идея принятия закона о российской нации. И здесь, мне кажется, свою роль в адекватном определении этого понятия — с учетом национальной специфики, интересов всех народов России — должно как раз сыграть политологическое сообщество.

Очевидно, что гражданская нация, к чему, по всей видимости, склоняются инициаторы законопроекта, не должна подменять этничность. Напротив, она должна объединять людей всех национальностей, создаваться благодаря усилиям общества и поддержке гражданского согласия.

- Важнейшая задача, в таком случае, связана с формированием единого духовного, культурного, ценностного пространства нашей многонациональной страны, воспитанием патриотизма.

Причем не жертвенного-милитаристского типа, возникающего порой в результате нагнетания истерии в СМИ, а сознательно-гражданского — пусть даже критического — по отношению к настоящему и будущему своей «малой Родины» и, в целом, Отечества...

Думается, имеющиеся наработки и опыт регионов могли бы в существенной мере облегчить эту, без сомнения, сложнейшую задачу.

Кстати, на заседании Совета руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН Л. Дробижева, напомнила, что нацию прославляют не только спортсмены, но и ученые, делающие открытия. Она же предложи-

ла объединить потенциал науки и образование в деле формирования гражданского сознания...

- И последнее. Как руководитель органа государственной власти, потенциальный потребитель вашей продукции, призываю членов профессионального сообщества, экспертов и аналитиков к подаче объективной, правдивой и релевантной информации.

Мы понимаем, что «эффективное управление всегда нуждается в эффективной экспертизе».

Неслучайно, 31 октября по моей инициативе в Госсовете прошла встреча с руководителями Экспертных советов, созданных при всех семи парламентских комитетах...

Однако менее всего заказчик ожидает излишнего теоретизирования, нагнетания страхов или претензий на уникальность и «сокровенность» знания.

Научные разработки, предлагаемые вами государственным органам, должны быть доступны тем, кто принимает политические решения, и технологичны. То есть, содержать не только выводы и конкретные предложения, но и алгоритм и сценарии их практической реализации...

Уважаемые коллеги!

Завершая свое выступление, хотел бы напомнить, что вчера (10 ноября) отмечался Всемирный день науки, учрежденный ЮНЕСКО в 2001 г. для содействия более плотному взаимодействию науки и общества.

Поэтому разрешите поздравить присутствующих ученых с вашим «профессиональным праздником» — пожелать новых открытий и творческих успехов на избранной стезе!

Уверен, — плодотворное научное общение участников Съезда внесет свой значимый вклад в объективный анализ российской политики. Послужит делу дальнейшего укрепления позиций нашего многонационального Отечества на мировой арене.

Конференция эшенә зур уңышлар, барлык катнашучыларга исәнлек-саулык һәм яңа казанышлар телим!

Приятного вам знакомства с Казанью и Татарстаном. Крепкого всем здоровья и успехов!

МОРОЗОВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

1. Политическая повестка дня

Политика, как известно искусство возможного. Пределы возможного, выбор оптимального решения определяется знанием. Это знание о сущности происходящих процессов, о наличии возможностей для решения назревших проблем, о различных вариантах этого решения, об интересах, которые двигают субъектами политики.

Горизонты политического знания подвижны. Каждый день ставит перед практической политикой новые вызовы и политические риски. Знание, равно как и незнание имеет важнейшее значение при принятии решений, выработке ответов на такие риски. Иногда даже сам факт своевременного осознания проблемы, не говоря уже о правильной оценке ее масштабов позволяет избежать серьезных последствий. И без структурированного, накопленного не одним поколением научного знания, оценить и выработать алгоритм действий достаточно сложно.

Политическая повестка дня складывается как совокупность действий множества лиц и институтов. Но пружиной, приводящей в движение политический процесс, всегда являлся интерес субъектов политики. Этот интерес всегда предопределялся и формировался конкретной политической повесткой текущего дня. Образы будущего, мысли и представления об оптимальном общественном устройстве, никогда не имеют отвлеченного характера. Для политика они всегда встроены внутрь политической повестки.

Любой политик, любой индивидуальный или коллективный политический субъект, субъективен в оценке, восприятии, картины мира. Эта субъективность задана его интересами в борьбе за обладание властью, за расширение базы политической поддержки, за обладание ресурсами.

Но этот субъективизм имеет свои пределы: ни один политик не может игнорировать проблем и запросов, обуславливающих развитие общественных процессов. Либо его идеи и действия созвучны вектору общественного развития, либо противоречат ему. Одного желания

обладать властью мало. Борьба за власть — это всегда борьба за выбор цели, средств ее достижения. И если видение политической повестки адекватно отражает картину социального бытия, верно определяет критические точки в развитии общественных процессов, объективно соотносит целеполагание с имеющимися возможностями и ресурсной базой, адекватно оценивает соотношение социальных интересов и расклад политических сил, то такое видение позволяет выстраивать дорожную карту устойчивого политического развития, где собственный политический успех неразрывно вплетен в достижение общего политического блага.

Если же политическая повестка определяется на основе умозрительно понимаемых, социальных норм и идеалов, не укорененных в ткань общественной жизни, предполагает некритичное копирование политических и правовых конструкций, игнорирует социальные интересы значительной части общества, то подобная повестка может путем конъюнктурного расклада политических сил иметь определенный успех, но в историческом масштабе является обреченной на поражение.

Еще более усложняет восприятие реальной картины мира тот факт, что различные общественные, экономические процессы, политические события протекают, хотя и одновременно, но с разной скоростью и разными векторами. Но все они связаны между собой. И без научного анализа, обоснованных методов и технологий, подготовка и принятие решений становится высоким искусством. Но гении рождаются редко, а политические процессы идут непрерывно.

2. Политическое знание

Политическое знание всегда идет бок о бок с реализацией практической политики. Но эта связь не линейна и не столь тесна как хотелось бы. Политическое знание может опережать свое время и в этом плане многие политические доктрины и концепции, являясь отвлеченным теоретизированием в контексте места и времени их создания, были впоследствии с благодарностью восприняты в политической практике. Например, такие как концепты, как разделение властей, федерализм, правовое государство.

Политическое знание может непосредственно рождаться в творческой лаборатории практической политики, взаимообогащаясь

в процессе создания новых образцов политико-организационных форм, прежде не имевших аналогов. Именно так рождалась концепция федерализма.

Иногда политическое знание спонтанно вырастает в водовороте кризисных событий и рождает пусть спорные, но довольно устойчивые политические модели. Такой моделью явилась власть Советов, просуществовавшая 70 лет.

Но чаще политическое знание является догоняющим по отношению к политической практике, рефлексирующим и вбирающим в себя политический опыт, закрепляющим на доктринальном уровне разрабатываемые политиками форматы политической организации.

3. Политическая наука

Определенное отставание концептуального политического знания от практики в каком-то смысле является неизбежной платой за его научность — любые оценки, выводы и предположения, базирующиеся на строгом научном инструментарии, требуют рефлексии, анализа, в общем — времени.

Однако развитие информационных технологий, распространение информации о политических процессах через каналы СМИ и социальных медиа, расширение форм политического участия и степени вовлеченности граждан в политические процессы, ставят перед политической наукой принципиально новые задачи: знание должно быть достоверным и объективным. Знание должно органично встраиваться в политический контекст, реагировать на возникающие риски и запросы в режиме он-лайн, создавая практико-ориентированные «технологичные» концепты.

Подобно тому, как когда-то в Средневековой Европе знание передавалось от профессора к студентам, а профессор имел монополию на знание — он и только он мог передавать знания своим ученикам, так и обществоведение долгие годы существовало в узком коммуникативном пространстве. Сегодня такой подход губителен для будущности науки и по большому счету уже никем не поддерживается. Однако рецидивы такого мышления еще дают о себе знать. Подчас можно услышать, что наука о политике и политические технологии — это принципиально разные области деятельности, что объективность

научного знания предполагает определенную отстраненность исследователя от политических процессов, что теоретическое моделирование не терпит конъюнктурщины. В этих словах очень много здравого смысла, однако в всем должно быть чувство меры.

Исследователь, специалист в области политического знания, изучающий современное общество, не может жить в отрыве от общества и текущей политической повестки дня. Сохраняя объективность и здравость оценок, располагая багажом имеющихся знаний, он может либо отстраняться от текущих политических процессов, оставаясь над схваткой, либо активно вовлекаться в них. И в том и в другом случае это решение — его личный и гражданский выбор. Но как исследователя, его будут оценивать не за политическую позицию, а за профессиональную и научную честность и объективность. В любом случае он не в праве отстраняться от политической практики, политической повестки, от анализа реальных политических процессов уходить в раковину ложно понятого академизма.

Особенностью отечественного обществознания, прежде всего в его политологическом сегменте является его когнитивный и технологический разрыв между политической практикой и политическим знанием. Этот разрыв имеет глубокие исторические корни.

В отличие от стран европейской и американской политической науки, где политология органично возникала на стыке ряда отраслей гуманитарного знания, российская политология, начиная с 60-х годов развивалась подспудно и полулегально. Впоследствии процессы демократизации политической жизни и устранения монополии одной партии привели к тотальной переквалификации советских обществоведов в политологов: этот благотворный в сущности процесс, имел и определенные негативные составляющие. Приученность к некритическому заимствованию концептов и установок, десятилетиями культивируемые доктринальность и цитатничество привело к тому что труды классиков марксизма-ленинизма были с успехом заменены другими «классиками». Советские обществоведы, за редчайшим исключением, не влияли на выработку политического курса, они объясняли правильность проводимого в тот момент курса. Сегодня обществознание востребовано как сила, способная не только принять активное участие в оценке политической повестки дня, но и

в выработке оптимальной стратегии, а также ее последующей реализации.

Политическое знание должно исследовать практику, быть направлено на ее изменение, а не произносить над ней приговор. Ученый, уважающий свое дело, должен опираться на практику, а не снисходить до нее с высоты теоретического Олимпа.

4. Стратегия развития

Разрыв между теорией и практикой, возможно не столь воспринимаем самим научным сообществом, но зато очевиден всем потребителям политического продукта в его концептуальных формах. В современном мире радикально сокращается дистанция между фундаментальным научным знанием и его возможным применением. Но если в естественных науках дистанция до практического применения исчисляется иногда десятилетиями, то в общественной науке политическое знание востребовано уже в момент его появления. Тем более, что быстротекущая политическая повестка очень часто переводит знания о политике в область новейшей политической истории.

Трансформация фундаментального знания в знание прикладное — это улица с двусторонним движением. К сожалению, на этой улице сегодня слишком много незримых барьеров, создаваемых не государством, не политиками, а самими профессиональными средами. В нашей стране имеет место определенная оторванность политической науки от политической практики. Политическая наука преимущественно вырабатывает и воспроизводит свое научное знание внутри своего профессионального круга. В широкие коммуникативные среды знание выходит в основном через его отдельных представителей, причем подчас не самых подготовленных в профессиональном отношении.

Интеллектуальные инновации, решения, должны находить свое отражение в прикладном знании, в решении практических вопросов политической повестки. Трансляция политического знания от научного знания к знанию сугубо практическому — это процесс естественный. Подобно тому как базовые знания в области физики переходят в сопромат, в расчеты инженерных сооружений и применяются равным для проектирования и строительства мостов и кораблей. По-

литическое научное знание должно служить источником для проективных методик, технологий, прикладного анализа, когнитивным фундаментом для выстраивания дорожных карт политических процессов, определения стратегии политического курса и сценариев его развития.

В условиях растущего спроса на экспертное знание, на профессиональную оценку и прогноз развития политических событий, долгосрочное политическое консультирование, ученые-политологи зачастую проигрывают конкуренцию тем, кто выстраивает эту работу по модели бизнес-технологий. В схватке за умы, за внимание аудитории, побеждают не наиболее подготовленные в теоретическом отношении, а наиболее подготовленные к коммуникации, говорящие и пишущие на одном языке со своими потребителями, будь то заказчик политического продукта или аудитория ток-шоу.

В информационном пространстве экспертов — профессионалов в своем деле нередко подменяют пропагандисты, действующие в интересах тех или иных политических субъектов, выдающих свое субъективное видение, личную гражданскую позицию за объективное научное знание. Или общественное мнение формируют и вовсе лица, нахватавшиеся верхушек различных знаний, специалисты «обо всем на свете», чья «экспертиза» скорее способна ввести в заблуждение, чем разобраться в картине политической реальности, а решения, принятые на основании таких умозаключений, зачастую просто опасны.

Проблема состоит еще и в том, что профессиональное политологическое сообщество справедливо возмущаясь подобным положением вещей, пока не способно эффективно противопоставить свою собственную деловую и медийную активность. Российское профессиональное политологическое сообщество в массе своей — это специалисты, широко известные в узких кругах, признанные профессионалами и подтвердившими свою квалификацию именно внутри своего сообщества, в качестве научных и педагогических работников. Но политическая практика имеет свои критерии оценки эффективности и востребованности.

Выход из сложившейся ситуации представляется один: интеграция научного и прикладного знания, что предполагает с одной стороны — овладение таким институтом как профессиональное науч-

но-экспертное сообщество широким спектром коммуникативных навыков, а с другой — повышение научной ценности практических знаний и навыков, в том числе и путем участия практико ориентированных политологов и политтехнологов в преподавании, научного оформления ими результатов своей практической деятельности.

Особое место в институционализации экспертно-политологического сообщества сегодня должны занять профессиональные ассоциации. Именно они могли бы эффективно освоить имеющееся коммуникативное пространство обеспечить выражение представительства интересов профессионального сообщества политологов и иных сфер общественознания в целом, не взирая на политические предпочтения и научные школы, в диалоге с публичными политиками, государственными органами, политическими партиями и структурами гражданского общества.

Российское общество заинтересовано в том, чтобы качественное политическое, общественное знание могло бы быть получено не только при подготовке специалистов на факультетах политологии, но и в рамках образовательных программ высшего профессионального образования, на кафедрах общественных дисциплин при подготовке специалистов самого различного профиля. Качественное общественное знание — это базовый компонент высшего профессионального образования.

Запрос на профессиональное политическое знание требует выработки профессиональных и образовательных стандартов для представителей политических профессий. Эта работа должна проводиться научными и вузовскими центрами в тесном взаимодействии, не только с профессиональными ассоциациями, но и с представителями потенциальных работодателей. Определенных корректировок требует и сам подход к понятию политической науки и критериев научности политического знания: из-за разрыва между теорией и практикой, наукой и потребителем, сегодня под флагом новых прикладных научных разработок нередко предлагаются работы, лишенные даже элементов научной новизны, зачатков научного знания и методологии. С другой стороны, подчас диссертации и монографии в сфере политической науки подчас представляют из себя реферативные обзоры литературы, а не анализ реально существующих практик. И как

сомнительно существование искусства ради искусства, столь же сомнительно существование политической науки ради науки. Можно конечно на базе пятнадцати научных книг написать свою, шестнадцатую. Это может стать вехой в научном развитии ее автора, но к пониманию проблем современной политической повестки это мало что прибавит.

Политическое знание сегодня востребовано во всех коммуникативных средах и уровнях общественной организации. Оно необходимо публичным политикам, формирующемуся политическому классу. Оно востребовано во всех звеньях государственного механизма. И самое главное оно востребовано сегодня каждым членом общества, гражданином, вовлеченным в процесс принятия решений, ибо развитие демократических механизмов превращает политику из удела немногих в привилегию всех. Это даже не привилегия — это право и одновременно гражданский долг.

КОВАЛЕНКО ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО: ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА И ЗАПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье рассматриваются цивилизационные основания исторического пути России и основные характеристики национального самосознания россиян. Обосновывается значимость отечественных духовных традиций для адекватных ответов страны на новые вызовы со стороны глобализма, утверждения национальной консолидации и национального единства в стране, роли гражданского общества в этих процессах.

Ключевые слова: цивилизационные основы политического процесса, национальное самосознание, национальное единство, отечественная традиция, российская государственность и гражданское общество.

Россия, писал в свое время русский политический философ И.А. Ильин, — не есть случайное нагромождение племен и территорий, но живой, исторически выросший и культурно оправдавший

себя организм. Он воплощает собой географическое единство с развитыми связями хозяйственного взаимообитания, он — духовное, языковое и культурное единство, оплот европейско-азиатского, а потому вселенского мира и равновесия¹.

В условиях глобализирующегося мира этот тезис принимает крайне актуализированное звучание. В центр современных идейных споров все больше выдвигается проблема ценностных оснований нашей культуры и всего нашего политического бытия. Очень часто при этом звучат мотивы об «извечной порочности» отечественной политической традиции, о близорукости и даже прямой опасности нежелания политического класса России принять мировоззренческие образцы, определяемые строем либеральных представлений. Так, резко критикуя позиции России последних лет и заявляя, что она виновна в сознательном расшатывании фундамента сложившегося в течение 70 лет в Европе политического и международно-правового порядка, Адам Д. Ротфельд в статье «Путин борется за душу России» прямо утверждает, что такой курс обусловливается исключительным стремлением политической элиты России консолидировать общество на началах имперской ностальгии и отвлечь их от груза внутренних проблем, которые на данных основаниях решить невозможно.²

Особо острые формы в этой связи приобретает дискуссия о цивилизационных основаниях российского исторического пути. Показательны, в частности, названия ряда глав и параграфов книги А.С. Ципко «Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбах советского строя» («Национальный нигилизм учения об особой русской коллективистской цивилизации» — глава У; «О моральном уродстве учения об особой русской цивилизации» — § 4 этой же главы; и др.).³ Можно было бы принять мысль автора, если бы концепт российской цивилизации был связан исключительно с искусом самообольщения, тем более был бы нацелен

¹ Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 326.

² Ротфельд Адам Д. Путин борется за душу России // Новая Польша. 2014, № 4 (162). С. 3.

³ Ципко А.С. Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2014. С. 401–479.

на уничтожение других стран и народов. Речь, однако, идет о более основательных вещах, затрагивающих смысловые измерения современного миропорядка — проблемы единства и многообразия в историческом развитии.

В этом контексте, думаем, правомерно задаться вопросом о звучании логики «универсалий» в современном мире, основывающихся на системе либеральных представлений. Ни в малейшей степени не собираемся умалять великих завоеваний либерализма в отстаивании идеи независимости личности, свободы, ответственности и достоинства человека. Крайне упрощенным считаем, вместе с тем подход, согласно которому странам иного цивилизационного типа, с ценностями, несовпадающими с евроатлантическими традициями, с особым строем религиозных представлений, с иными корневыми основаниями жизни, достаточно просто перевернуть сложившуюся пирамиду приоритетов и ценностей, и глобализирующийся мир приобретет свою необходимую гармонию и стройность.

Ни в одной стране демократическая государственность не утверждалась в отрыве от национально-государственных традиций. Можно и должно, говорил русский историк В.О. Ключевский, заимствовать изобретенный другими способ вязать чулки, но нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувств и порядок отношений. Каждый порядочный человек все это должен иметь свое, как у каждого порядочного человека должны быть своя голова и своя жена. Оценивая с этих позиций установки, в рамках которых реанимируется взгляд на Россию как на «национальную пустыню», бессодержательное географическое пространство, которое может быть заполнено любой государственной, экономической, ментальной формой, правомерно вполне определенно заявить об их научной и практической несостоятельности.

Многообразие мира — естественное состояние сложносостаного социума. В теории систем давно доказано, что противопоставление дифференциации и интеграции, особенно в общественных процессах, некорректно ни в теоретическом, ни в методологическом отношении. Действительно, интеграция — процесс объединения, сплочения системы. Значит ли это, однако, что система тем прочнее, чем однообразнее, одноклеточнее, если угодно, будут составляющие ее элементы? Оказывается, нет. Система тем совершеннее, чем она пла-

стичней, чем более способна к самокоррекции, видоизменению. А это достигается разнообразием, полиморфностью элементов, из которых она складывается, все большей разветвленностью и специализированностью внутренних связей между ними. Таким образом, когда система совершенствуется, должны усложняться, дифференцироваться слагающие ее элементы, что укрепляет ее жизнеспособность и прочность.

Можно сказать об этом резче. Адаптационная модель, во всяком случае, в ее абсолютизированных трактовках, весьма частых для наших дней, порочна изначально, она лишает народ и страну (любой народ и любую страну) права и перспективы исторического сотворчества, роли субъекта общественного процесса, что отнимает возможность возвращения нации чувства достоинства и самоуважения, разворота ее психологического и интеллектуального потенциала.

Конечно, важно отлить это положение в его современные формы: продвигать культуру означает продвигать не «традиционную» культуру, а культуру, которая черпает свою идентичность в традиции, открываясь всем течениям в мире, Вне этого и без этого вряд ли сегодня могут быть созданы действительно прочные опоры под новым общественным миропорядком, под национальной идентичностью, обеспечена та мера общественного единства, та степень общественной поддержки, которые и дают возможности стране и народу выйти на новые перспективные и достойные рубежи.

Проблема утверждения в любой стране тех или иных идейных представлений непредставима без их сопряжения с основаниями национального самосознания. Национальное самосознание определяет себя как своеобразный духовный стержень общества и народа. Оценивается оно по тому, проявляется ли в истории своеобразная духовная матрица, существует ли в людях национальное чувство, знает ли он себя — свою историю, культуру, национальный менталитет, сохраняет ли он свое достоинство, относится ли он с уважением к другим культурам, есть ли у народа ответственность за судьбу страны и народа? Все это в конечном итоге упирается в проблему национального интереса.

С нашей точки зрения, допущение о том, что любая страна, любой народ в своем историческом развитии должны с неизбежностью руководствоваться национально-государственными интересами,

реализация которых (во всей их системе) единственно и выступает предпосылкой естественного и равноправного движения общества в мировом политическом процессе, вряд ли требует особого обоснования. Безусловно, параметры этих интересов должны иметь (особенно в условиях современного глобализирующегося мира) вполне цивилизованный характер, соотноситься с потребностями других стран и народов, мирового сообщества в целом. Хотелось бы в этой связи поддержать основную установку Российского общества политологов на приоритетность концепции национальных интересов России, которая может, по нашему убеждению, и стать цементирующей для общества, определить пути национальной консолидации, стать действенным инструментом утверждения национального единства в стране.

Напомню одну историю. Когда с началом гражданской войны новая власть объявила мобилизацию офицеров, в Адмиралтейство явился человек в морской форме, без погон, но с медалью на груди. Матрос, сидевший за начальственным столом, наливаясь гневом, бросил: «Почему не убрали с мундира царские цапки? Вы что, указов советской власти не читали?» — «Награда не царская, а народная», — сухо ответил офицер. — «Как»? — «Вручена за сражение на крейсере «Варяг». — «Какое отношение имеете к «Варягу»? — «Имел честь служить на крейсере старшим штурманом». И матрос, который, не удивлюсь, расстреливал в Кронштадте офицеров пачками (за погоны, за награды, за отдавание чести), вытянулся и отдал офицеру (это был Е.А. Беренс, ставший впоследствии командующим морскими силами Республики) честь! Идею служения, долга и подвига понимал каждый настоящий русский моряк.

В этой связи во весь рост встает вопрос о том, как нам, российскому обществу сегодня в ходе социальных и политических реформ распорядиться той уникальной ролью, которую всегда играли в стране основания и начала российской государственности. Уместно будет вспомнить о теоретическом наследии классиков российского либерализма, которые очень хорошо осознавали особенности отечественной почвы. Очевидно, не случайно ядром политического мировоззрения виднейшего из них — Б.Н. Чичерина — выступила трактовка государства как основного движителя и творца истории. Государство, по Чичерину, — политическая форма всего общества,

властный союз народа, а не просто учреждение, аппарат: это — единство народа, территории и верховной власти, это — единственная сила, способная обеспечить программу действительно эффективных реформ, которые могут прорвать узкие горизонты российского традиционализма.

В отечественной традиции обоготворялось все то, что связано с добром и благом. Сама духовность рассматривалась не как некое отвлеченное мудрствование (пусть самого высокого порядка), но, прежде всего, как нравственное чувство высшей справедливости; жить по душе, достойно, по правде. Закономерно, что такая максима воплощала в себе и императив служения (службы), в специфических условиях России оборачивающегося мотивом служения государю, государству. Петр I, провозгласив создание Российской империи, объявил служение Отечеству высшим смыслом жизни каждого его подданного. В единой парадигме сливались, таким образом, духовно-нравственные начала и идеи сильной государственности, что во многом обеспечило уверенное вхождение страны в круг мировых держав. Традиции отечественной политической истории явили нам образцы не только раболепия, тупого бюрократического чванства, мздоимства и произвола, но в то же время и примеры самоотверженного служения Родине, долгу, присяге. Наполнение идеи государственности высоким духовным смыслом питало лучшие умы России, выступало (хотя и в противоречивой форме, со многими встречными течениями) пружиной саморазвития народного духа, лакмусом национальной идентичности, обеспечивало национальное единство. Вопрос поэтому сегодня в том, как нам, российскому обществу, в ходе социальных и политических реформ распорядиться тем уникальным наследием, которое вытекает из всего строя нашей национальной жизни?

В наши дни, после искуса либеральной стихии девяностых годов, когда митинговые страсти подчас выступали движущей пружиной, нервом политического процесса, в условиях резкой дисбалансировки в экономике, социальной сфере, административных связях пришла пора осознания того непреложного факта, что именно государственная организация — сильная, эффективная, демократически ориентированная — может стать важным инструментом трансформации России, стать условием действительной консолидации общества,

обеспечить его стабильность, духовное здоровье, его поступательное развитие.

Любые, по-настоящему масштабные, политические перемены требуют, вместе с тем, смены парадигм, основательной инвентаризации духовно-идеологического багажа. Более того, новые мироощущение и мирочувствование, новый нравственно-психологический климат выступали и выступают не только следствием, но всегда непременным условием крупного общественного поворота. Принцип сильной государственности в традиционной для России формуле А.И. Солженицина — «Сила ради силы, мощь ради мощи. Все для государства, ничего для человека» должен быть сегодня радикально пересмотрен. Запрос общества в наши дни однозначен: государство не может рассматриваться как самодостаточный институт, как институт лишь обеспечения власти.

«Политик мыслит категориями выборов, государственный деятель — категориями государственных интересов» — эта формула, хотя рожденная и не на отечественной почве, крайне актуальна и для современной России. Консолидация общества, обретение национального единства могут оказаться прочными лишь в том случае, если принцип сильной государственности, органично опирающийся на отечественную политическую традицию, ожидания населения, будет тесно увязан с требованиями демократизации системы, одновременного роста институтов гражданского общества в стране, если он будет подкрепляться развитием всех других позитивных начал, работающих на новое качество жизни россиян и страны в целом.

Сильное государство в этом смысле — это, прежде всего, государство, способное выразить и защитить общесистемные интересы, создать для этого соответствующие взаимодополняющие элементы власти, положившие в основу своей деятельности решение социальных проблем населения, последовательное утверждение в жизни принципов социальной справедливости и опирающиеся на систему народной поддержки и народного контроля через механизмы общественных структур. Это государство, обеспечивающее мобилизацию всех ресурсов страны, подкрепляющее курс реформ традиционными для России началами государствоворения и ставящее своей целью формирование правового демократического государства и социаль-

ной рыночной экономики. Именно это и может стать двуединой стратегической целью реформирования страны и важнейшим фактором консолидации российского общества.

При этом важно помнить, что проблемы конституционного строительства, совершенствования институтов, механизмов и процедур управления, исключительно важные сами по себе, не должны закрывать от нас другой, не менее значимой стороны политической жизни. Государство — это еще и духовное поле, подпитываемое корневыми основаниями жизненного уклада, мироощущения, ментальных установок населения. Отсюда и значение духовно-нравственных начал в развитии общества, и того, что обычно ассоциируется с понятием национальной идеи.

Понимаемое таким образом государство будет способно уверенно ответить и на тревоги глобализирующегося мира. Проницательный исследователь современной цивилизации А. Тойнби вполне определенно заключал: техническое развитие наших дней пришло в столкновение с духовно-нравственными ценностями. Человек стал рабом созданных для себя условий жизни и вынужден дорого платить за свое благосостояние, платить потерей свободы и счастья. Все более явные признаки болезни общества, вторил ему О. Тоффлер, однозначно свидетельствуют о том, что оно более не в состоянии осуществлять свои даже наиболее принципиальные функции привычными путями.

Хотим еще раз подчеркнуть в этой связи плодотворность тезиса о России как особой цивилизации. Цивилизации, с особым духовным строем и особыми духовными установками, способными противостоять логике техно-потребительского общества.

Библиография

1. *Ильин И.А.* Что сулит миру расчленение России // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993.
 2. *Ротфельд Адам Д.* Путин борется за душу России // Новая Польша. 2014. № 4 (162).
 3. *Ципко А.С.* Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2014.
-

ТРЕТЬЯКОВ ВИТАЛИЙ ТОВИЕВИЧ

ОПТИМАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДЛЯ РОССИИ

Реальность

Политическая система, ныне существующая в России, не только не подходит ей, но и является для нее противоестественной. Причем во всех своих составляющих — от доктринальных документов (начиная с Конституции 1993 года) до институтов (например, Государственной Думы, в которой естественным для России является только ее историческое название; политических партий, которые не являются в строгом смысле слова партиями ни классического, ни нового типа; практически отсутствующего местного самоуправления и т.д.). Наконец, абсолютно противоестественным для России является ее подчиненность международным институтам, включая даже те, в создании которых она сама не принимала никакого участия, в силу чего они по определению не учитывают интересов России или впрямую им противоречат.

И дело не в том, что так считаю я. Дело в том, что все это подтверждается каждодневно и на все уровнях. Прежде всего тем, что единственным эффективно действующим политическим институтом в нашей стране является институт президентской власти (власти верховного правителя), причем и его эффективность проявляется только при сильном и целеустремленном носителе этой власти (в данном случае — Владимире Путине, ибо то же, но при Михаиле Горбачеве и Борисе Ельцине привело к печальным результатам).

Мы не можем найти в России ни одного социального слоя (от олигархов до бомжей, от так называемой интеллигенции до так называемого офисного планктона, от промышленных рабочих до так называемого креативного класса, от пенсионеров до золотой молодежи, от чиновников до богемы, от ученых до наемных работников), который бы в массе своей был удовлетворен нынешним положением дел (от экономики до политики и культуры) в стране и своим собственным положением.

Ни в одной просвещенной аудитории, включая участников данного съезда, вы не найдете и дюжины человек, которые искренне сказа-

ли бы, что в России есть политическая партия (думская или иная), отражающая их интересы и за сохранение власти которой они готовы в любой момент выйти не то что на баррикады, а хотя бы и на выборы, особенно если идет дождь или нужно ехать на дачу.

Наконец, все возрастающая ностальгия по советскому прошлому и по Советскому Союзу как государству дополняет эту картину, может быть, и эмоционально-психологической, но яркой и жирной краской.

Не буду далее — из-за ограниченности времени и за очевидностью моих утверждений — диагностировать эту реальность.

Почему так произошло?

В силу многих причин, но для наших рассуждений главными являются три.

Во-первых, нынешняя политическая система России позаимствована на Западе, а следовательно, абсолютно не подходит для нашей страны. Как мне уже неоднократно приходилось говорить, мы приобрели стиральную машину, которую вынуждены (в реальных условиях России) использовать как холодильник. Естественно, что она работает плохо и отнюдь не по приложенной к ней инструкции (то есть Конституции 1993 года).

Во-вторых, эта западная система, в частности — многопартийность, перенесены нами с Запада в тот момент, когда она перестала эффективно работать и там, то есть устарела, обветшала, переродилась и всё чаще работает не в демократическом, а в авторитарном режиме.

Невозможно построить демократию (не путать с демократическими декорациями) в стране, не приспособленной к западной модели демократии, да к тому же по устаревшей и изжившей себя модели. А ведь создание того, что невозможно в России создать (демократию западного типа) мы тратим гигантские усилия и средства, а на обеление ее (доказывание себе и другим, что это и есть желанная всеми и искомая демократия) — огромные информационные и интеллектуальные ресурсы. И всё это — бестолку. Ибо доказать недоказуемое нельзя, а политическая система в России работает по своим собственным законам, никакого отношения не имеющим к официальным документам и декларациям.

В-третьих, существующий с 1993 года в России политический режим привел (и не мог не привести) к не меньшему, чем на излете советских времен, отчуждению основной части населения от власти и особенно от собственности, понимаемой не только в границах лично-семейного кругозора (квартира, машина и пр.). Тут нужно иметь в виду, что население России фактически (пусть и в меньших масштабах) обладала лично-семейной собственностью и в советское время, но при этом не знало массовой бедности и тем более нищеты, однако официально и в какой-то степени и реально владело всей суммой общенациональных богатств. Синдром «ограбленной нации» остается и еще долго будет оставаться одной из основных характеристик массового (народного) сознания в России. Отсюда, в частности, и неприятие почти всех реформ, проводимых сегодня в России, даже в их здоровой (меньшей), а не спекулятивной (большей) части.

Что нужно сделать?

Во-первых, привести политическую систему современной России в соответствие с реальностями России как цивилизационно-исторического феномена — нации, страны и государства. К таковым, помимо прочего, относится наличие особой русской (российской) политической системы, сильно отличающейся от западной (европейской).

Во-вторых (как следствие первого), полностью отказаться от построения в России «демократии западного типа», а равно и от стратегии «догоняющего развития» и создать политическую конструкцию, отвечающую естественным условиям России и подлинным интересам населяющих ее народов, в первую очередь — русского.

В-третьих, минимизировать отчуждение населения от власти.

В-четвертых, ликвидировать отчуждение природных и остальных общенациональных богатств России от основной массы ее населения, то есть практически ото всех, кроме нескольких тысяч семей. Кстати, именно такое отчуждение и примерно в той же пропорции наблюдалось в Российской империи начала XX века. Результат — свержение власти и крушение государства.

(Ни первое, ни второе, ни третье, ни четвертое не отрицает демократии, частной собственности, рынка и прочих общецивилизационных институтов и ценностей.)

**Конкретно об оптимальной политической системе для России
(на примере парламента)**

Традиционный (известный нам, привычный, общепринятый) парламентаризм, основанный на «бесполой партийности» исчерпал свою политическую эффективность, а сам институт партий исторически устарел и почти полностью переродился в институт скрытого или открытого лоббирования интересов ограниченного числа современных владельно-властных кланов. Это справедливо для всего мира, а не только для России.

Вряд ли какой олигарх ходит голосовать на выборах, ибо у него и без того достаточно возможностей провести свой личный интерес или интерес своего политического или бизнес-клана в парламенте. А оттого, что какой-нибудь рабочий со всей семьей каждый раз участвует в голосовании, шансы на учет его интересов (кроме некоторых, в силу особых причин учитываемых правящим классом) в решениях парламента все равно не превышают ноль.

Когда-то считалось, что сословное представительство исключает учет интересов основной массы населения, а партийное создает механизм реализации этих интересов хотя бы на законодательном уровне. Когда-то, видимо, так и было. Было — и сплыло.

Я думаю, что в современном парламенте России в равных пропорциях должны быть представлены, как минимум, следующие сословия:

1. Крестьянское (сельхозпроизводители)
2. Рабочее (наемные работники сферы материального производства)
3. Врачебно-медицинское
4. Учительско-преподавательское
5. Научное (наполовину гуманитарное, наполовину от естественных наук)
6. Информационное (но не журналистское, у которого и так есть трибуна)
7. Духовное (от традиционных религий)
8. Военное
9. Управленческое (политическое)
10. Частнобизнесменское (владельческое)
11. Женское

12. Опекать и поднадзорных (дети-сироты, старики, инвалиды, бездомные, заключенные).

Нетрудно заметить, что первые десять сословий сложены фактически по профессиональному признаку, а последние два — по специфическим: гендерному и признаку повышенной социальной защищенности.

Мало кто из нас с легкостью ответит на вопросы: за какую партию он голосовал? Какая партия лучше других отражает его интересы? Какой должна быть партия, которая эти интересы отражала бы в максимальной мере?

Но любой из нас легко отнесет себя к одному из двенадцати перечисленных сословий (термин, возможно, нужно подобрать другой). Следовательно — легко и осмысленно сделает свой выбор при голосовании.

Обратите внимание: в предложенной мною схеме нет никакой аристократии или «художественной интеллигенции», олигархи и мелкие собственники соединены в одно сословие и полностью отсутствует юридическое сословие, которое вообще не должно иметь какого-либо выраженного самостоятельного, а тем более самодовлеющего статуса. Тогда парламент и конституционный суд будут, например, принимать решение об отмене либо воссоздании института смертной казни исходя не из каких-то абстрактных «европейских ценностей» и неизвестно как и зачем появившихся «международных обязательств», а из национальных интересов страны. В данном случае — из интересов борьбы с запредельной по масштабам и жестокости преступностью.

Двенадцати сословиям должны соответствовать двенадцать парламентских курий с равным числом мест. А столь дорогие сердцу многих нынешние и идеальные прошлые и будущие партии (электоральные механизмы), от которых сразу отказываться не нужно, пусть конкурируют своими конкретными списками за места в каждой курии, а не в Думе в целом.

Тогда и списки будут короткие — 20 человек. И кандидаты в них будут вноситься по внятным (а иначе не проголосуют за них) мотивам и обоснованиям.

«Золотая корзина» гражданина России: материально явленная справедливость

Все согласны с тем, что экономика, политическая система и общественные отношения России нуждаются в модернизации, но большая часть общества не верит в то, что правящая элита России и даже власть намерены справедливо распорядиться плодами этой модернизации. На многое способен, что не раз было доказано историей, русский народ, но когда он видит, что список отечественных миллиардеров растет гораздо быстрее, чем его, народа, благосостояние, то в лучшем случае замыкается в круге собственных материальных интересов, а в худшем посылает всё, включая и модернизацию, к черту. И уж тем более странно ждать в наше время, когда потребительство стало национальной идеологией России, а правящий класс даже не пытается умерить или скрыть свой гедонизм, а, напротив, открыто демонстрирует презрение не только к неимущим, но и к обществу и России в целом, что кто-то принесет в жертву национальным интересам страны свой комфорт и сиюминутное спокойствие.

Как уж там удавалось в США или Западной Европе под маркой «национальных интересов» непротиворечиво соединить интересы правящего класса и остального общества, отдельный вопрос. Но сейчас мы видим, что эта западная политическая конструкция начинает трещать по швам. Однако в России в последние десятилетия такого соединения добиться явно не удалось. Да и попыток серьезных не было.

Пора сделать такую попытку, ибо очевидно, что наличие колоссальных природных богатств у России, но при отсутствии единства цели и воли у общества, правящего класса и власти рано или поздно приведет к тому, что страна будет разорвана на части. Инициатором разрыва станет, конечно, правящий класс, а общество не захочет или не сможет сопротивляться. Ну а власть будет просто куплена правящим классом. Отечественным, если его еще можно так назвать, или правящими группировками других мировых игроков.

В треугольнике «общество-элита (правящий класс)-власть» общество, увы, является страдательным и пассивным объектом управления и эксплуатации. Правящий класс, являющийся властно-владельческим, так как у него, в отличие от общества, есть и власть, и собственность, активен, но исключительно эгоистичен и по факту является компрадорским. Интересы России волнуют его только в той мере и до той поры, пока ему удается извлекать из этой страны

сверхприбыли для себя. Остается власть — пока у нее еще есть сила контролировать правящий класс и подкармливать народ. И право издавать законы.

Итак, что же должна сделать российская власть, чтобы доказать (а не просто продекларировать) обществу искренность своих намерений устроить, в том числе и с помощью модернизации, процветание в России не только для элиты, а для всех? Ответ оригинальным быть не может, ибо он один-единственный. Это справедливость. Материально явленная справедливость. То есть соучастие каждого во владении тем, что является общим (между прочим, и по Конституции, которая в этой части полностью не соблюдается) достоянием всех граждан России — ее природными богатствами.

В принципе это вроде бы то же, что в свое время провозгласили и сделали большевики. Но в реальности в СССР произошло отчуждение этих богатств от основной массы населения, так как постепенно управление этими богатствами было передано тогдашнему правящему классу — партийной бюрократии. А сейчас обладающие властью и/или капиталом просто берут себе то, что считают нужным, оставляя всем остальным постыдную по содержанию «минимальную потребительскую корзину».

Безусловно, коллективное управление собственностью неэффективно, да в принципе и невозможно. Но и фактическая приватизация общенациональных богатств под прикрытием якобы лишь управления ими ни к чему хорошему не ведет. Да, прибыли максимизируются. Но только в интересах управляющих и в ущерб остальным, да и самим богатствам.

Так как же установить справедливость, которая является ценностью и сама по себе, а главное — в контексте нашей сегодняшней темы — которая подвигнет общество к соединению с властью?

Нужно отдать каждому его часть национальных природных богатств, не создавая при этом соблазна немедленно проесть полученное. Алгоритм, мне кажется, должен быть таким. Каждый гражданин России при рождении или при получении гражданства автоматически приобретает право на конкретно исчисленную долю национальных богатств России, называемую, допустим, годовой индивидуальный доход (ГИД), а еще лучше — «золотой корзиной» гражданина России. Эта доля включает в себя (единицы исчисления условны): 10 кв. м

земли, 1 кубометр питьевой воды, 10 кубометров древесины, 1 тонну нефти, 100 кубометров газа, унцию золота, 1 карат алмазов в год. По истечению каждого года жизни эта собственность зачисляется на персональный счет каждого гражданина России. Эта собственность является неотчуждаемой и не передается по наследству. Сам гражданин может воспользоваться своей собственностью или ее денежным эквивалентом в любой момент после наступления его 18-летия. При выходе из гражданства России право на ГИД автоматически пропадает. Институт двойного гражданства ликвидируется.

Денежный эквивалент ГИД («золотой корзины») исчисляется в специально созданной национальной валюте, курс которой к рублю устанавливается на основе биржевых котировок. Это что-то типа знаменитого золотого червонца.

Что дает такая схема, изложенная мною как принцип — без каких-либо экономических расчетов?

Во-первых, каждый гражданин России реально, а не конституционно-теоретически получает свою долю совокупных национальных природных (то есть не созданных другими людьми) богатств страны. И, оставаясь гражданином России, он имеет право этой долей свободно распоряжаться. И в этом качестве и самый бедный гражданин России, и миллиардер реально равны и равноправны на всех этапах своей жизни. А главное — равны и равноправны их дети.

Во-вторых, власть, вводящая такую систему распределения национальных природных богатств, автоматически вынуждена резервировать часть этих богатств за гражданами страны на случай предъявления ими своих прав, а потому не может отдать соответствующие природные ресурсы под полный контроль частных компаний. А частные компании вынуждены считаться с тем, что не весь объем природных ресурсов страны контролируется ими. Ибо если, например, 100 миллионов граждан России захотят в каком-то году получить причитающиеся им за этот год 100 миллионов тонн нефти, государство обязано будет им эту нефть выдать — из своих запасов или из запасов частных нефтяных компаний, неважно. Предполагаю, что одно это радикально изменит экономическую политику в стране. Ведь предъявление такого счета к государству возможно только в случае обнищания людей или даже просто постоянного получения ими за свой труд зарплаты, недостаточной для поддержания достойного уровня

жизни. Подозреваю, что сам подход к определению зарплат в этом случае изменится. Он просто станет справедливыми.

В-третьих, мне кажется, что после введения такого механизма вообще можно будет отказаться от нынешней неэффективной и несправедливой системы начисления пенсий по старости, ибо часть накопленного людьми ГИД будет использоваться как раз во время старости.

В-четвертых, само гражданство России станет материально выгодным, в то время как сейчас оно слишком многим представляется невыгодным прежде всего материально. Это очень важно, ибо, хоть это часто и не вполне справедливо, понятия «Россия» и «бедность» превратились в синонимы как в сознании наших граждан, так и жителей других стран.

В-пятых, только в этом случае мы начнем, наконец, беречь свои природные богатства. Богатые не берегут их сегодня потому, что Россия им нужна только для того, чтобы получить сверхприбыль и вывезти ее на Запад. А бедные — потому, что сегодня эти богатства им не принадлежат и завтра тем более принадлежать не будут. А богатые, по их убеждению, всё равно всё разграбят.

Но главное — это, конечно, то, что проблема отчуждения каждого гражданина от богатств его собственной страны снимается полностью. А появляется чувство необделенности, материально явленной справедливости и вера в то, что страна, наконец, принадлежит и тебе, а власть встала на службу и твоих интересов. Теперь я верю, что всё это не только «для них». И чем больше будем, по призыву власти, производить высокотехнологичной продукции, тем больше будет сохраняться мое богатство и богатство моих детей. А в другой стране мне ничего подобного не дадут.

Финальные замечания

То, что я описал в своем докладе, не исчерпывает все составляющие оптимальной для России XXI века политической и экономической конструкции.

Например, я не затронул проблему соотношения авторитарных (командных) и демократических (сетевых) способов управления. Хотя для меня ясно, что институт сильного президентства в России

должен быть сохранен, но при гораздо более сильном и сословном парламенте.

Еще одна даже не упомянутая мною проблема — соотношение центральной власти и полномочий множества, причем чрезвычайно разнообразных российских земель (того, что ныне именуется «субъектами Федерации»). Ведь Россия — это, помимо прочего, страна стран, а население России — это народ народов. По одной этой причине властные механизмы в разных частях России не могут быть, как предполагает Конституция 1993 года, одинаковыми. Да они и не являются таковыми в реальности — вопреки Конституции и остальным законам.

Уникальная цивилизационная и, соответственно, политическая система России слишком сложна, чтобы ее можно было проанализировать в одном докладе. Но при этом она не бесконечно сложна, а потому ее можно и описать в ее главных составляющих, и каждую из этих составляющих довести до желаемого оптимума.

Конечно, то, что я предлагаю, есть не просто изменение избирательной или конституционной системы. По сути это бескровная политическая революция. И решиться на нее, отказавшись от привычных стереотипов («рынок нас спасет», а «демократия осчастливит»), нелегко. Но нужно.

Спокойно, после длительной и серьезной общенациональной дискуссии. На то и власть, чтобы не только руководить тем, что ей досталось от предшественников, но и заменять устаревшее новым. Не только в градостроительстве или в том, что сегодня называется IT-технологиями. Но не просто новым, а новым жизнеспособным и только потому эффективным.

Законы власти и управления универсальны и неизменны, а механизмы управления и власти (в частности, политические режимы), как и любые другие механизмы, устаревают. И странно создавать в России XXI в. политические конструкции, устаревшие уже к концу XX в.

По моему глубокому убеждению, настоящая и животрепещущая задача современной российской политической мысли и конкретно политологии как раз и состоит в том, чтобы предложить нации не очередной проект перенесения «передовых» западных общественных моделей на нашу почву, а собственную модель (или вариатив-

ный набор моделей) оптимального политического устройства именно России.

Призываю Российское общество политологов взяться за эту работу. Готов принять в ней самое активное участие. Даже рискну предложить себя на роль одного из руководителей соответствующего проекта. Не моих амбиций ради, а для реализации (или хотя бы попытки реализации) общенациональных интересов на новой основе. Все старые пути (блуждания вслед за Западом) давно и многократно исхожены. Результат печальный. Пора найти свой путь.

ЩИПКОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

ДИАЛЕКТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКОГО В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА: РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Необходимость дать оценку современной экономике и социальной модели с религиозной точки зрения назрела давно. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» хозяйственная деятельность рассматривается как «сотрудничество Богу». Несколько лет назад в лоне Церкви возник тезис: «Жизнеспособна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью».¹ А недавно в рамках Всемирного русского народного собора (ВРНС) обсуждался доклад «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд». И хотя в этом докладе нет прямых ссылок на Писание и на святых отцов, он основан на христианском наследии.

Говоря о социально-экономическом аспекте христианства, уместно вспомнить «Слово против ростовщиков» Григория Нисского, суждения Иоанна Златоуста и представителей его школы. Эта часть наследия была перечеркнута на Западе в 16-м веке, когда при Лютере произошла отмена морального запрета на практику ссудного процента. Также имел место перенос принципа неравенства из биологии в

¹ Послание Предстоятелей Православных церквей от 12 октября 2008 года. URL: <https://mospat.ru/archive/2008/10/42934/>

сферу теологии — отсюда возник кальвинистский принцип «избранности ко спасению», хотя апостольское христианство утверждает равенство людей перед Богом.

Такова исходная историческая взаимосвязь религии и экономики.

Говоря сегодня о связи экономического и религиозного, необходимо сказать о суррогатных формах неклассической религиозности. Например, философ Пьер Бурдьё показал природу секулярной религиозности на примере медиакратии. Он описал, как работают телепроповедники, «говорящие головы», комментаторы и эксперты.

«Иметь значит быть» — вот в чем суть проповедуемого ими учения секулярной религиозности? «Иметь значит быть» — вот главный принцип либерального капитализма. А его социальный императив — извлечение символических удовольствий из процесса потребления. Он напоминает позицию ветхозаветных богоотступников: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» Это я цитирую 1-е послание Коринфянам (15, 32) апостола Павла.

Подчиняясь этому императиву, человек сбрасывает рациональные, этические, культурные компоненты личности как непрофильные активы. И предстает перед миром горстью, конгломератом желаний. Правящий класс формирует этот стандарт через установку или снятие запретов. Сознание обывателя утрачивает критичность, перестает отличать пропаганду от фактов, религиозное от секулярного, политическое от эстетического. Вместе с товарами обыватель покупает идеологию и образ жизни. Он примеряет на себя образ метросексуала или хипстера, или креакла. Таким образом модели потребления превращаются в модели самоидентификации. Так обыватель встраивает свое социальное тело в нормативную социальную матрицу. Выпадение из нее — всегда травматичный опыт. Если оно происходит, человек чувствует себя «лузером», обитателем социального гетто. Фактически это социальная смерть субъекта.

Таков культ, распространенный на территории «электронной деревни», о которой писал Маршалл Маклюэн.

Строго говоря, статусное потребление — это современная форма идолопоклонства. Она обращает человека в бегство от себя и дарованной ему Богом свободы выбора, обращает к иллюзорному, мнимому выбору. Но именно этот феномен обеспечивает экономике наработку спроса и заставляет вращаться экономические шестеренки. Так

сакральность заставляет работать «машины желания». Особую роль в этой системе играют «фабрики социального порядка» — формирующая психология и формирующая социология.

Вывод очевиден: в условиях информационного общества миф и экономика тесно связаны. Общество имеет дело с квазирелигиозностью, которая несет в себе матрицу разрыва с основной традицией.

Мы вынуждены констатировать, что экономика либерального капитализма превратилась в хрематистику (науку обогащения), в основе которой лежат ростовщичество и спекулятивный капитал. Поэтому глобальная экономика основана на системе центральных банков, не подконтрольных национальным правительствам, управляемых транснациональными структурами и обеспечивающих эксплуатацию «золотым миллиардом» народов периферийных стран. По сути это современная форма неокOLONиализма.

Такая экономика строится как набор пищевых цепочек, стянутых к центрам капитала. Типичный пример — грядущая система Трансатлантического партнерства, которую США навязывают Европе и которая, если она действительно состоится, обескровит Западную Европу точно так же, как сама Западная Европа обескровила собственную «периферию» — Грецию, Португалию, Прибалтику, а теперь Украину.

Способствуя выведению капитала из страны, покупая американские ценные бумаги и размещая в США активы Резервных фондов, финансовые власти стран периферии кредитуют не собственную экономику, а экономику США. При этом у зависимой страны нет права даже на свободную эмиссию национальной валюты, которая выпускается строго в объеме долларовой выручки.

Экспансии капитала устремляется и в личностное пространство, которое можно назвать капитализацией личности. Это стремление подавить те элементы идентичности, которые не подвластны законам рыночного обмена — такие как вера, мораль, семейные ценности, национально-культурная специфика. Ставится задача создать «новый тип человека» — как в советскую эпоху, но с текучей и управляемой идентичностью. По аналогии с термином «хайтек» этот новый тип получил обозначение «хай-хьюм» (high hume) — по сути это значит «сверхчеловек». Для него характерно отчуждение родственных связей, жесткая регламентация отношений родителей и детей (ювенальная юстиция), превращение мирового сообщества наций в мир

сконструированных «воображаемых сообществ», проектных этносов и квазиидентичностей.

Роль придатка этого проекта не совместима ни с христианской ортодоксией, ни с исторической миссией нашего народа. Традиционный религиозный взгляд на все сферы жизненного мира, включая экономику, основан на библейской ценностной базе. Поэтому важная задача сегодня — создать слой интеллектуалов, который взял бы на себя бремя нового проекта развития и обеспечивал его теоретический потенциал.

Также следует отказаться от ряда стереотипов.

Один из них связан с пониманием экономики как автономной сферы. «Чистой» экономики не бывает, как не бывает чистого разума или чистого искусства. И то, и другое, и третье — культурно, психологически и идеологически опосредованные явления. Экономика — только часть социокультурной матрицы. Например, православная матрица может порождать собственный формат хозяйственной этики и хозяйственных отношений. Исходя из известной веберовской формулы «протестантская этика и дух капитализма» мы можем определить «православную этику и дух солидарности» как основу одной из возможных моделей на территории России. Раскрыть это определение не составляет труда. Как сказано в ранее упомянутом докладе «Экономика в условиях глобализации», (цитирую) «наш долг — соизмерять экономическую деятельность с категориями нравственности и греха, содействуя спасению и препятствуя падению человечества». Полагаю, что тут есть что сказать и российским мусульманам, чей интеллектуальный потенциал огромен и разнообразен.

Второй стереотип — это отношение к глобализации как к чему-то безальтернативному. Естественные пределы глобализации уже достигнуты. Ресурсы и возможности развития в рамках этой парадигмы исчерпаны. Усиливается падение эффективности капитала. Проект начинает сыпаться. И наша задача — успеть создать новую экономическую и политическую модель прежде, чем старая «постройка» упадет нам на голову.

Третий стереотип — это легитимность транснациональных элит, которая на деле близка к нулю. Их диктатура должна быть упразднена. Для этого необходим приоритет национального права над международными квазиправовыми институтами.

И православные и мусульмане не претендуют на знание основ биржевой аналитики или сырьевых рынков. Но общие подходы в макроэкономике и социально-политические приоритеты — предмет нашего пристального внимания. В противном случае проблемы мирового развития превратились бы в сферу оккультного знания, которая исключает нормальную экспертизу и аналитику.

И в порядке краткого заключения повторю: «Жизнеспособна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью»¹.

ЯКУНИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ МИРОВОГО КРИЗИСА

Сегодня в мире развернулась широкая научная дискуссия об адекватности модели, используемой для описания процессов тектонических изменений в современной глобальной политике, экономике и обществе, экспертным сообществом осуществляется поиск новых моделей, которые обладали бы не только дескриптивным, но и прогностическим потенциалом. Пожалуй, наиболее острой проблемой современности ученые называют фактор несправедливости и неравенства, а также наличие глубочайшего финансово-экономического кризиса, перешедшего, по оценке ведущих мировых специалистов, в фазу системного кризиса.

Современный мировой кризис часто рассматривают, прежде всего, с точки зрения экономики. Именно кризисные явления в экономической сфере наиболее очевидны, ощутимы для государства, бизнеса и рядовых граждан. Собственно о кризисе, поразившем человечество в конце XX в., стали в полный голос говорить лишь в 2008–2009 гг., после того как мировая экономика сорвалась в рецессию. Между тем научное осмысление этого явления требует более детального анализа. На Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций» участ-

¹ Собрание Предстоятелей Православных церквей от 12 октября 2008 г.

ники прогнозировали наступление острой фазы глобального кризиса задолго до событий 2008 г. на Уолл-стрит, и затем — 7 лет назад — первыми квалифицировали его как системный. При этом, *под системой мы подразумеваем всю архитектуру глобального международного устройства, состоящую из множества подсистем, будь то локальные и региональные политические объединения, суверенные государства, развивающиеся или развитые демократии.* Природу этой системы определяют сегодня по-разному: Ноам Хомский обозначает ее как американскую глобальную империалистическую систему» [12], другие — как систему американского глобального доминирования [24], третьи продвигают представление о ней как об арене борьбы за мировое экономическое превосходство, опуская политические аспекты [16].

Мы исходим из следующего посыла: сегодня вся политическая система, пирамида перевернута «с ног на голову», экономика здесь больше не лежит в основе всего и не является гарантом политической устойчивости, а именно идеологизированная политика господствует над экономикой. Другой важнейшей чертой кризиса является доминирующее влияние внешнеполитических и глобалистских факторов, которые оказывают радикальное воздействие на устойчивость политических систем. Это то, чего не было еще лет 30 назад. В результате часто меняется сама логика внутривнутриполитического развития. Отказ учитывать такие факторы, как цивилизационная идентичность, межцивилизационные различия, чреват ростом общей политической неустойчивости. Иллюстрация этого тезиса в реальности разворачивается на наших глазах. В результате провала политики мультикультурализма сотрясаются фундаментальные основы внутривнутриполитической стабильности в Европе. Рост популярности крайне правых политических движений, формирование вооруженных отрядов защиты в Германии, фактический запрет выносить проблематику межэтнических столкновений в публичное поле — все это в высшей степени показательные явления.

На наших глазах политический догматизм вступает в противоречие не только с экономическими, но и с естественно-природными законами. А экономическая рецессия влечет за собой возникновение, помимо всего прочего, общей политической неустойчивости: сам факт существования этого порочного круга пока мало кем осмыслен.

Общая характеристика текущего кризиса политических систем

Лишь в начале XXI в. мы осознали ключевой факт: ялтинско-потсдамская система, существовавшая в мире после Второй мировой войны до 1991 г., отличалась большой гибкостью и устойчивостью.

Она обеспечивала приемлемый статус-кво не только в сфере мировой политики. Стабильно функционировали внутривнутриполитические механизмы в большинстве стран мира, основанная на реальном производстве экономика развивалась последовательно, хотя и не одинаково быстрыми темпами. Устойчивость — синоним баланса.

Именно глобальный баланс сил обеспечивал мировую политическую устойчивость. Те, кто поддержал его демонтаж в надежде обрести безусловное превосходство и уничтожить всякое противодействие, серьезно просчитались под влиянием иллюзии обретения собственной непоколебимой стабильности. Нынешняя ситуация в мировой политике ярко контрастирует с теми ожиданиями, которые испытывали победители в холодной войне после 1991 г.

После распада СССР и краха «реального социализма» в 1991 г. мировая политическая стабильность казалась прочно обеспеченной. Ф. Фукуяма, в 1990 г. провозгласивший «конец истории», констатировал «универсализацию либеральной демократии Запада как окончательной формы управления в человеческом обществе» [5, с. 85]. С. Хантингтон выделил феномен «третьей волны демократизации» — массового возникновения демократических режимов западного типа в странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Демонтаж систем советского типа, некоторых автократий, военных диктатур, действительно шел по всему миру. На их месте возникали политические режимы, созданные по западным лекалам.

Победа Запада казалась полностью закономерной, в некотором смысле «технически» предопределенной. Лучшая организация экономики, налаженное функционирование политических систем, эффективный контроль над умами, на базе достижений пятого технологического уклада, как считалось, гарантировали ее. Инерция этого мышления оказалась очень сильной.

Восторжествовал новый технократизм — проектный подход к разрешению политических и социальных конфликтов. Перенесенная в своем исходном виде в политику из сферы военной аналитики времен холодной войны теория игр гласила, что человек — это эгои-

стическая рациональная машина, стремящаяся к достижению лишь собственного блага. Принятый на веру, этот тезис дал пышные всходы в виде всплеска моды на технократичность, формализованность, утилитаризм [3].

Современная техника создавала для всего этого благоприятную почву: научно-техническое развитие и, прежде всего, ИТ (Information Technology), AI (Artificial intelligence) должны были исключить человека-индивидуума и общество как их совокупность из алгоритмов выработки политических решений. Считалось, что это «программирование» служит «общему благу».

Политическая система в самих странах Запада на волне победного торжества, казалось, консолидировалась. В США и Великобритании закрепился неолиберальный консенсус, основные положения которого приняли обе доминирующие партии двух государств: демократы и республиканцы в США, лейбористы и консерваторы в Великобритании.

В 1990-е гг. не было понимания того, что именно это фактическое выхолащивание политического поля, распространение неолиберального консенсуса чревато серьезными угрозами для стабильности государств Запада. Глобализация по-американски, превращение Вашингтона в единственный мировой центр силы принесли с собой не большую безопасность и стабильность, а хаос и распад общественно-политических структур.

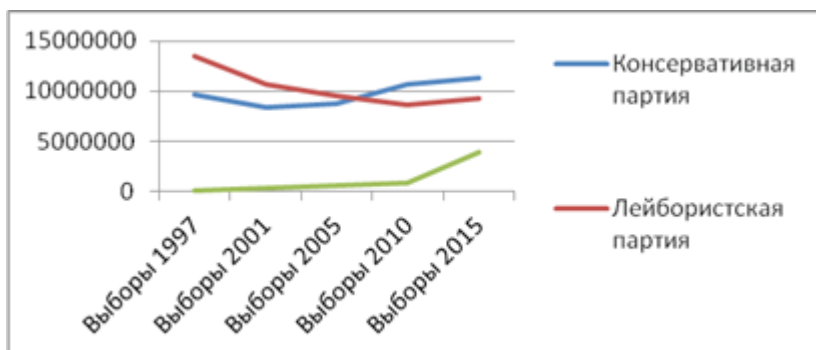
Базовой опорой западной демократии исторически являлось формирование двухпартийной политической системы, основанной на конкуренции двух основных партий — либеральной (условно правой) и социал-демократической (условно левой). Их программы выражали интересы двух примерно равновеликих общественных групп — собственников и наемных работников, что позволяло сбалансировать социально-экономические и политические интересы в рамках страны. При этом само существование советской системы и коммунистических партий, как и ее представителей на Западе, играло роль дополнительного консолидирующего фактора: основные буржуазные партии при всех своих разногласиях действовали солидарно перед лицом того, что считали общей угрозой. Возникновение глобальной экономики, распространение на Западе так называемой постиндустриальной модели развития, деиндустриализация подточили

социальный фундамент политической стабильности. Западный средний класс (мелкий бизнес, служащие госсектора, высококвалифицированные промышленные рабочие), который на протяжении всего послевоенного периода являлся становым хребтом либерально-демократической системы, стал быстрыми темпами распадаться [19].

Практически беспрецедентный уровень личной экономической незащищенности работающих людей в постиндустриальной экономике является серьезным политическим фактором [7].

Ту же роль играет и общая нестабильность экономики, в которой лидирующие позиции захватил финансово-спекулятивный капитал. В отличие от хозяйства, базирующегося на отраслях «реального сектора», то есть материального производства, она чрезвычайно подвержена резким спадам, которые происходят неожиданно и практически моментально, что создает для широких масс населения целый комплекс проблем. Последствия этой ситуации начали проявляться уже в начале 2000-х гг. Тревожным симптомом стало падение популярности и стагнация старых системных партий и параллельный рост новых «нетрадиционных» (назовем их так) политических сил. Цифры говорят сами за себя. В Великобритании консенсус между консерваторами и лейбористами начали подтачивать евроскептики (см. график 1).

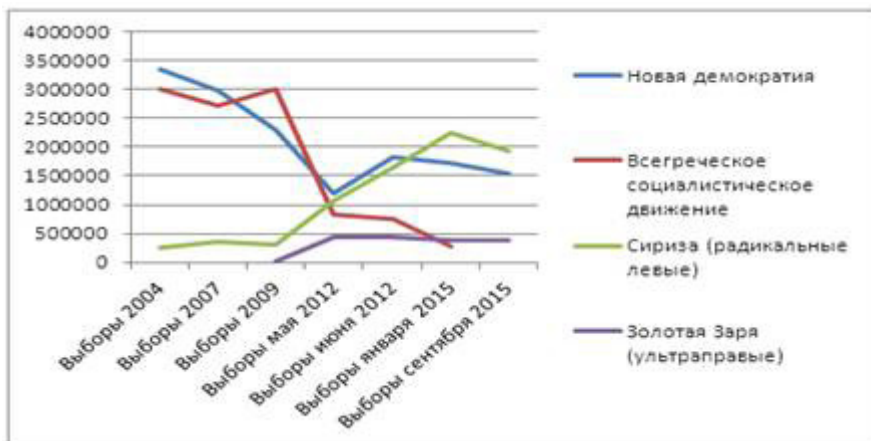
График 1. Динамика электоральной поддержки основных политических партий Великобритании (количество полученных голосов на национальных выборах)

Источник: The Home Office.

В тех странах Европы, где политическая система была менее устойчивой, этот процесс шел еще быстрее (см. график 2).

График 2. Динамика электоральной поддержки основных политических партий Греции (количество полученных голосов на национальных выборах)

Источник: Ministry of Interior of Greece.

Речь идет лишь о нескольких примерах тех кризисных явлений, которые поразили политические системы европейских государств. К сегодняшнему дню они лишь усилились. Результаты последних выборов и опросов общественного мнения показывают беспрецедентный рост популярности непарламентских, крайне левых и крайне правых, а то и ультраправых, смыкающихся с фашистской идеологией партий. В Испании — 20,7% голосов за партию «Подemos» на парламентских выборах 2015 г., в Италии — 28% респондентов, готовых проголосовать за антиглобалистов и евроскептиков из «Движения пяти звезд», и 15,5% поддержки у правых евроскептиков из «Лиги Севера», в Германии — 11,5% сторонников партии евроскептиков «Альтернатива для Германии» [18].

Правящим элитам не остается ничего другого, кроме как прибегнуть к бюрократическим уловкам. Почти везде на Западе избирательная система давно отлажена таким образом, чтобы купировать любые непрогнозируемые колебания электоральной стихии.

Особая нарезка избирательных округов, наличие второго тура, практика создания блоков, не говоря уже о факторе СМИ, позволяют поставить искусственные, но на данный момент достаточно прочные барьеры на пути несистемных сил к власти. Последним наиболее яр-

ким примером использования этих технологий являются региональные выборы, прошедшие во Франции в декабре 2015 г. Национальный фронт, выигравший в первом туре выборов в большинстве регионов и набравший 6 млн голосов, во втором туре не достиг победы ни в одном округе Франции. Хотя и эта система иногда дает осечки. Вспомним выборы в Греции или Италии, например.

Фактически эта модель уже имеет мало общего с самой либеральной демократией. Тенденцию на американском материале хорошо описал Н. Хомский. Комментируя результаты президентских выборов 2004 г., он отметил важную вещь: лишь меньшинство из тех, кто пришел на избирательные участки, признавали, что голосуют за конкретную программу конкретного кандидата. Более того, ряд ключевых внутренних проблем, волнующих американцев, вообще не нашел отражения в платформах кандидатов на высший пост, например, проблема системы медицинского страхования. Вывод Хомского звучит предельно конкретно: «Американцев могут поощрять к участию в выборах, но не к настоящему вовлечению в политику. В сущности, выборы являются методом маргинализации населения» [13]. Наиболее дальновидные представители западных политических элит уже ведут речь о том, что либерально-демократическая модель дает сбой. По словам Жака Аттали, перемены становятся жизненно необходимыми, *«пока кризис не углубился настолько, что никто не сможет доверять рынку, а демократия будет не в силах справиться с “големом”, которого сама и создала»* [1, с. 87].

Исчезновение Советского Союза в качестве одного из столпов мирового порядка в долгосрочной перспективе привело к резкому ослаблению европейских государств. Особые отношения с Советским Союзом на европейском континенте создавали условия для превращения европейских стран из послевоенных объектов международной политики в ее субъекты. Распад СССР лишил европейцев важной опоры. Он дал Соединенным Штатам возможность объявить себя мировым арбитром, главным носителем единственно верного набора ценностей, который, как в декабре 1991 г. прямо сказал президент США, стал залогом решающей победы Запада над коммунизмом [25]. Эта ситуация нанесла мощный удар по легитимности европейских политических систем. Если в 1990-е гг. старый ресурс еще сохранялся, и его хватало даже на такие самостоятельные акции, как коллектив-

ное выступление европейцев (Ж. Ширака, С. Берлускони, Г. Шредера) против американской операции в Ираке в 2003 г., то впоследствии он практически полностью иссяк.

Характерно, что утрата легитимности европейскими государствами сопровождается наиболее масштабным за последние десятилетия ростом антиамериканизма. В 2012 г. 69% французов отмечали пренебрежение Соединенных Штатов национальными интересами Франции [11]. Два года спустя проведенный в Германии опрос показал, что 57% немцев хотят большей независимости от США в сфере дипломатии и безопасности [26]. Подобное явление характерно для таких стран, как Франция, где идея «величия нации» являлась одним из фундаментов государственности.

Знаменитая триада де Голля «величие Франции, сильная президентская власть, консенсус между трудом и капиталом» легла в основу современной политической системы Франции [10]. Отход от нее, в явном виде состоявшийся в начале 2007 г. и оформленный возвращением страны в военную организацию НАТО в 2009 г., совпал с углублением политической нестабильности и эрозией массовой поддержки существующей власти.

Формирование однополярной системы, безудержная эксцивилизационная глобализация, распространение финансово-олигархической модели капитализма, политика сначала сдерживания, а затем подавления России стали основными причинами глубокого политического кризиса в Европе, беспрецедентного по своим масштабам. Однако едва ли не в большей степени от попыток навязать миру унифицированный жизненный уклад и систему управления пострадал большой Незапад. Попытка реализовать идею о том, что любой цивилизации можно «предписать» наилучший для нее вектор развития, просчитать все его перспективы и издержки, а возможные нештатные моменты вовремя купировать, в полной мере проявилась на Ближнем Востоке. Политическую нестабильность в этом регионе решили направить в «правильное» русло путем «встречного взрыва» (используя технический термин). Западные стратеги-технократы посчитали, что реально накопившееся в этих странах социально-политическое напряжение можно использовать для инициации политических взрывов, которые могут быть организованы с использованием проамериканских элементов, а затем ситуации будут взяты под контроль, и они сумеют по-

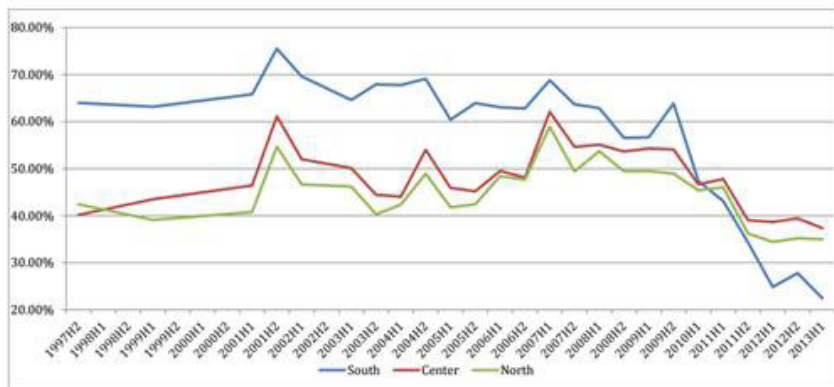
тушить конфликт, не позволяя ему стихийно вырваться на мировую арену, смогут контролировать процесс. Оказалось, что недооценка влияния так называемого человеческого фактора привела к тому, что Аль-Каида и ISIS вышли из-под контроля.

Современные политические системы и их роль в международных отношениях в контексте развивающегося кризиса

Ближний Восток — лишь один из примеров эрозии политических систем под влиянием кризиса. Кризис волнообразно захватывает один регион мира за другим. Однако одной из первых его жертв стал Европейский союз. Цивилизационная составляющая евроинтеграции неоднократно акцентировалась на высшем уровне: Европа — это не придаток англосаксонского мира, а самостоятельное политическое и культурное пространство. Де Голль, вероятно, один из наиболее ярких европейских политиков за всю историю, не случайно выступал против приема Великобритании в Европейское экономическое сообщество. Он справедливо опасался того, что Лондон станет своего рода «троянским конем» США. В то же время он последовательно выступал за развитие отношений с Советским Союзом. Генерал мыслил стратегически. Его идея единой Европы от Атлантики до Урала была частью комплексной картины мира без идеологических противостояний и танковых армий в центре континента.

Современный же проект евроинтеграции, похоже, не выдерживает испытания глобализацией в условиях однополярного мира. Можно утверждать, что изначально ЕС не проектировался исходя из предположения, что глобализация будет развиваться в направлении однополярного мира с одним геополитическим актором, претендующим на мировое господство, унифицирующим «под себя» экономическое и культурное пространство других стран и народов. Тот факт, что в последние десятилетия евробюрократия в Брюсселе, вопреки сопротивлению ряда членов ЕС, переняла эту логику развития, инициировала волнообразную экспансию своих институтов, отбросила в сторону факт наличия на своей периферии самостоятельных цивилизационных образований, с которыми объективно требовалось выстраивать равноправный диалог, во многом объясняет его нынешние трудности. В этом свете закономерным, однако, неожиданным для европейских элит процессом стал резкий рост евроскептицизма (см. график 3).

График 3. Эволюция доверия населения стран ЕС единым европейским институтам

Источник: Eurobarometer surveys.

Идея формирования единых политических и финансовых институтов Европы столкнулась с нежеланием европейцев голосовать за новую бюрократию, которая во имя реализации глобалистских идей фактически лишала крупнейшие страны ЕС серьезной части их государственного суверенитета. Однако и здесь демократические принципы оказались принесены в жертву. Лиссабонский договор 2007 г. учредил единые европейские политические институты в обход демократической процедуры. Тот факт, что в последние годы именно европейская бюрократия берет на себя ответственность за все непопулярные меры, начиная от политики жесткой экономии и курса в греческом вопросе и заканчивая приемом миллионов беженцев, фактически делегитимирует систему ЕС — в кризисной ситуации ей не хватает легитимности.

Об этом говорит Н. Хомский: «В Европе, вне зависимости от того, какое правительство приходит к власти, осуществляют одну и ту же политику. Причиной этого является то, что правительства не играют никакой роли в определении этой политики. Политику определяют бюрократы в Брюсселе и в Бундесбанке. Что считают люди — не имеет значения» [21]. Еще в 2014 г. Н. Хомский предупреждал о том, что любая попытка решить греческий вопрос через проведение референдума — непосредственную демократическую процедуру —

обречена на неудачу ввиду заведомого сопротивления Брюсселя. События 2015 г. подтвердили его правоту. Июльский референдум в Греции завершился с очевидным результатом, однако его фактически проигнорировали при том, что сам факт проведения плебисцита вызвал принципиальные возражения со стороны евробюрократии.

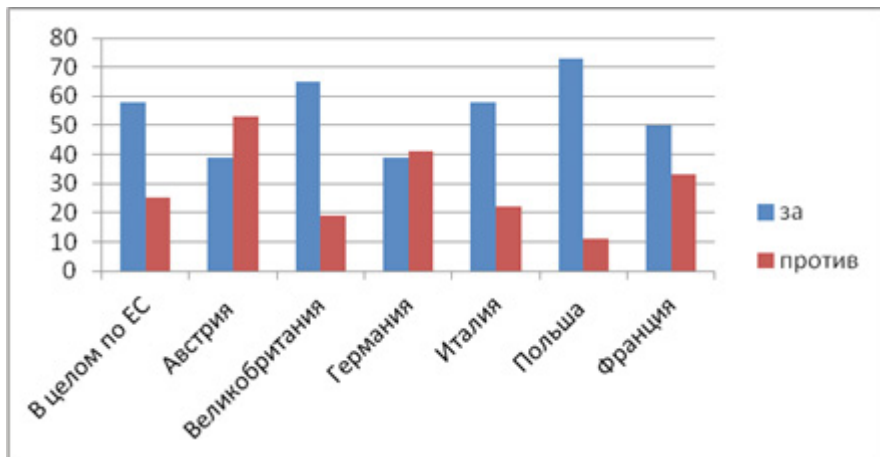
Последствия этого крупнейшего за всю историю ЕС обвала легитимности единых институтов могут быть самыми разрушительными. Кроме того, для европейцев важно еще одно обстоятельство, отмеченное И. Валлерстайном: *«Среди американских политиков наблюдается смешанное чувство беспокойства и радости по поводу тех проблем, которые переживает Европа <...> Европа и Соединенные Штаты балансируют на своего рода качелях: когда один идет вверх, другой опускается вниз. Как эта ситуация будет развиваться в течение следующих двух-пяти лет, совершенно не ясно»* [28]. В 2016 г., шесть лет спустя после прогноза Валлерстайна, мы можем внести ясность в этот вопрос. Греция и Бельгия оказались далеко не последними источниками проблем для политической системы единой Европы.

Кризис с беженцами в 2015 г. кратно усилил те тенденции, о существовании которых писал Валлерстайн в 2010 г. Уже дало трещину Шенгенское соглашение: 18.01.2015 г. Австрия объявила о введении контроля на своих границах. Уровень доверия к правительству А. Меркель в Германии упал до рекордно низкого уровня [15]. Ряды правительственной коалиции серьезно ослаблены: политику канцлера в отношении беженцев критикуют даже ее ближайшие соратники.

Политической слабостью Европы стремятся воспользоваться США. Проект соглашения о трансатлантической зоне свободной торговли по замыслу его авторов должен навсегда привязать Европу к Соединенным Штатам и подчинить им, лишив ее шансов на будущее политическое самоопределение, а тем более на возможную глубокую кооперацию и сотрудничество с Россией. Здесь нет никакой идеологии — только интересы крупнейших американских транснациональных корпораций. Ведь при таком сценарии этот экономический союз объединил бы человеческие ресурсы в объеме более 500 млн человек и создал реального мирового экономического конкурента США. В сочетании с сохраняющейся и расширяющейся инфраструктурой НАТО эта мера, действительно, может оказаться эффективной. Европейское общественное мнение отдает себе отчет в существовании по-

добной перспективы, и его отношение к предложениям Вашингтона далеко не однозначно (см. график 4).

График 4. Поддерживаете ли Вы подписание соглашения о свободной торговле между ЕС и США?, в %

Источник: Eurobarometer surveys, 2015.

Фактически Европа оказалась в ловушке: отсутствие общей политической воли компенсируется внешним давлением, которое объявляется единственно возможной формой обеспечения безопасности и стабильности в европейском регионе. Военно-политическое «безволие» Европы в полной мере проявилось в ходе украинского кризиса. Под давлением Вашингтона и его сателлитов в Центральной и Восточной Европе ЕС наложил на Россию так называемые экономические санкции с целью вынудить Москву изменить свою политику в отношении нового политического режима на Украине. Негативный эффект от этих мер очевиден для всех сторон, однако радикальные решения при этом не принимаются. Любая уступка Москве и даже намерение понять ее позицию считается проявлением слабости, что в реальности лишь усиливает конфронтацию [4].

В то же время Соединенные Штаты также испытывают серьезные проблемы. У них есть свои слабые места: если у европейцев речь идет о структурных недоработках интеграционного проекта, то в случае с США угроза исходит со стороны созданной олигархической верхуш-

кой глобальной финансовой системы, основанной на долларе. С одной стороны, на протяжении последних десятилетий она служила эффективным инструментом поддержания мирового господства и до сих пор выглядит прочной. 2/3 мировых финансовых потоков контролируется банками США и Великобритании. При этом англосаксонские финансовые структуры владеют значительной долей корпоративных активов планеты. В 2011 г. под эгидой Евросоюза и Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе было проведено исследование «Сеть глобального корпоративного контроля».

Его авторы проанализировали структуру собственности 43 тыс. транснациональных корпораций и выделили спецгруппу, состоящую из 147 тесно связанных финансовых институтов, которые контролируют 40% остальных ТНК мира через владение их акциями. При этом из 50 с наивысшим глобальным контролем 24 компании — американские и 8 — британские, а возглавила весь список Barclays plc, признанная экспертами мощнейшей финансовой группой мира [27].

Таким образом, особенность современной глобальной финансовой системы заключается в том, что контроль над ней осуществляется преимущественно крупнейшими транснациональными и международными банками, а также финансовыми конгломератами. Это обстоятельство — результат финансовой глобализации, осуществляемой под эгидой Соединенных Штатов. США активно используют финансово-экономические инструменты во внешней политике с целью ослабления новых центров силы, способных в перспективе бросить вызов доминированию Запада. Возникает новая форма глобального противостояния и важная составляющая гибридной войны — финансово-экономическая война. В качестве оружия в ней используются институты, возникшие в рамках глобализации, позиционировавшиеся как «общее достояние» человечества, но на поверку оказавшиеся каналами осуществления политики конкретных государств. Введенные против России санкции — один из наиболее характерных эпизодов финансово-экономической войны [8, с. 16–17].

Типичным ее примером может служить финансовая и экономическая политика Запада в отношении Ирана. Данный случай наглядно описывает Джеймс Рикардс: *«В феврале 2012 г. США закрыл Ирану доступ к платежным системам, использующим американский доллар и контролируемым ФРС и Казначейством США <...> В марте 2012 г.*

США потребовали от SWIFT запретить Ирану пользоваться платежной системой. Ирану было официально запрещено осуществлять валютные операции с реципиентами из остальных государств мира. Соединенные Штаты не скрывали своих истинных целей в этой финансовой войне с Ираном. 6 июня 2013 г. официальный представитель Казначейства США Дэвид Коэн заявил, что цель американских санкций заключалась в том, чтобы девальвировать риал и сделать его непригодным для использования в международной торговле» [23, р. 42–43].

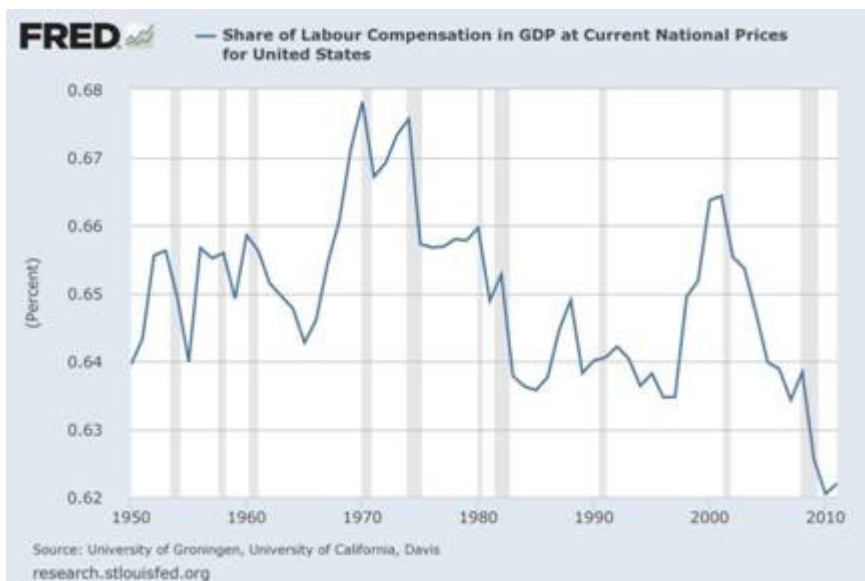
С другой стороны, стабильности глобальной финансовой системы, обслуживающей интересы США, угрожают ее структурные недостатки. Суть этого противоречия хорошо описал тот же Рикардс: «Ключевой проблемой мировой финансовой системы сегодня являются не деньги, а долг. Производство денег используется как инструмент оттягивания дефолта по кредиту. В 2005 г. Соединенные Штаты, которыми управляют ослепленные собственным интересом и утратившие осторожность банкиры, отравили мировую экономику через ипотечное кредитование и открытие кредитных линий для тех, кто заведомо не мог расплатиться <...> Эмитированная таким образом денежная масса из триллионов долларов оказалась неуправляемой» [23, р. 196]. Результатом стал финансовый кризис 2008–2009 гг. Структурные проблемы и сейчас дают о себе знать, вне зависимости от официальных деклараций.

Американцы быстро беднеют, и это уже трудно скрывать. [20] Статистика демонстрирует это со всей наглядностью: в общем объеме произведенных в США товаров и услуг доля заработной платы упала до исторического минимума (см. график 5). По оценке американских же экспертов, уровень благосостояния американского среднего класса откатился к уровню 1958 г.

С возникающей по этой причине нестабильностью США не могут справиться. В качестве одного из способов «списания» накапливающегося долга рассматривается экспорт напряженности вовне и искусственное разжигание вооруженных конфликтов по всему миру. Для идеологического обоснования этого курса изобретаются пропагандистские паллиативы, которые должны прийти на смену явно утратившему актуальность, но по сути своей до сих пор привлекательному лозунгу борьбы с «красной угрозой». Призывы к борьбе

против «стран-изгоев», «международного терроризма», «российской агрессии» и т.п. следует рассматривать именно с этой точки зрения. Под знаком идеи распространения демократических институтов США поддерживают «цветные» революции по всему миру. Ближний Восток, Африка, Украина за последние годы стали ареной для нового американского экспансионизма.

График 5. Доля заработной платы в ВВП США

Источник: University of Groningen, University of California, Davis.

Нынешняя политика Вашингтона дала Н. Хомскому основание для того, чтобы назвать США «главным мировым террористом» [14]. Оборонные расходы США в 2014 г. достигли цифры в 610 млрд долларов и превышают оборонные расходы всех стран вместе взятых. Однако ни мощнейшая армия, ни доминирование в глобальных финансах не помогают США закрепить свое положение мирового гегемона.

Во-первых, политика Вашингтона из рациональной все более и более превращается в идеологизированную: будь то гуманитарные интервенции в целях продвижения западной демократии или легализации однополых браков. Во-вторых, Соединенные Штаты приняли концепцию права на одностороннее применение вооруженной

силы в любое время и любом месте для защиты своих интересов вне легитимных процедур и международных институтов. В-третьих, экономическое благополучие воспитало внутри американского политического истеблишмента иллюзорную идею о способности США модернизировать и перекраивать мир в соответствии только с собственными представлениями об идеальном. Этот момент особо акцентирует Ж. Аттали: *«В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно все, опьянение властью и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию»* [1]. Но подавляющего превосходства США в основных сферах больше нет. Теперь Вашингтон физически не способен оказывать эксклюзивное воздействие на основные международные тенденции и явления. Мы полагаем, что Соединенные Штаты сдают свои лидирующие позиции в мире. Кто-то должен заполнить сложившийся геополитический вакуум.

По мнению многих экспертов, на эту роль может претендовать Китай. В Вашингтоне это понимают и считают «китайскую» опасность важной угрозой для себя.

Уверенно можно предполагать, что США отнюдь не безразличны к перспективе занятия Пекином первой строчки в мировой экономике, а тем более к планам Китая по созданию собственных проектов глобального экономического развития (НШП) и обслуживающих их финансовых институтов (АИБ).

Так, например, под эгидой США в октябре 2015 г. было подписано соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), в которое вошли такие государства, как США, Япония, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили и Перу. То, что данное соглашение направлено именно против Китая и его партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ни у кого не вызывает сомнений. Б. Обама после заключения соглашения заявил, что правила мировой торговли должны диктоваться США [22]. Задача-максимум для Вашингтона — не допустить ревизии сложившегося порядка. КНР к этому сотрудничеству даже не пригласили.

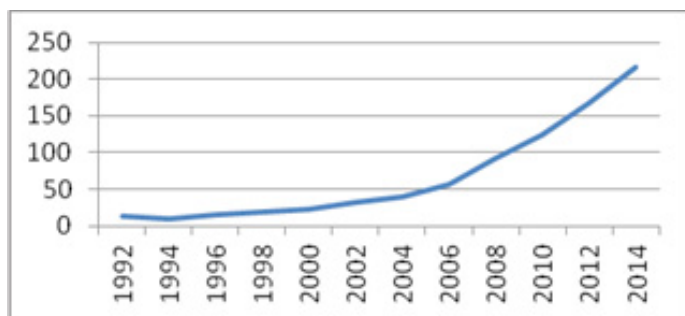
КНР долгое время следовала рецептам Дэн Сяопина, который делал особый акцент на необходимости для Китая проведения максимально сдержанной внешней политики. Страна успешно встроилась в глобальную экономику, приняв тем самым существующие в ней правила игры. Однако 2000-е гг. показали, что полностью воспользо-

ваться ее преимуществами Китаю не дадут: Запад оказался не готов к тому, что его начнут обыгрывать по им же введенным правилам. К исходу 2000-х гг. Пекин был готов к участию в совместных с США и их союзниками проектах в Азиатско-Тихоокеанском регионе и к еще более тесной интеграции в мировые финансовые институты. Но здесь в дело вступила политика. Администрация Б. Обамы посчитала расширение сотрудничества с Пекином политически неприемлемым. Фактически речь шла о переходе к политике сдерживания Пекина.

Китай отвечает на это через общую смену вектора международного развития. Тихоокеанское направление меняется на азиатское, но при этом между Китаем и блоком союзников США возникает широкий пояс потенциальной и реальной напряженности.

Территориальные споры в Южно-Китайском море и с Японией — лишь первые предвестники будущих конфликтов. В центре возможного кризиса будет находиться Тайвань, а это уже чревато военной угрозой. Китайцы понимают это и быстрыми темпами наращивают оборонные расходы (см. график 6).

График 6. Динамика роста оборонных расходов КНР, в млрд долл. США, нормированных по состоянию на 2013 г.

Источник: SIPRI.

В то же время на азиатском регионе Китай пытается взять на себя роль глобального лидера посредством выдвижения масштабных проектов развития в рамках инициативы создания «Экономического пояса Шелкового пути». У КНР есть хорошие шансы преуспеть на данном направлении. Однако у нее есть ряд объективных ограничений, которые могут сыграть роль тормоза для процесса превращения

Пекина в мировую силу. Китай испытывает явный дефицит политического ресурса, который выражается в трудностях с выдвиганием глобальных всеохватывающих моделей мирового устройства.

Свою роль здесь играет и традиционный отказ Пекина от активного участия в мировой политике и слабая дипломатия. Военный потенциал КНР увеличивается нарастающими темпами, однако опыт его применения также незначителен.

Китайцы предпочитают действовать медленно, делая акцент на мягком распространении сферы своего влияния за счет экономической экспансии. В современном мире, где сила вновь начинает играть важную роль, подобная политика имеет существенные минусы.

Эти проблемы в китайском глобальном проекте могла бы восполнить Россия. Уступая Китаю экономически, Москва имеет перед ним ряд преимуществ в военно-политической и дипломатической сферах. Россия исторически является мировой державой и лишь в этом качестве может существовать. Если Китай традиционно проявляет склонность к политическому изоляционизму, что в некоторой степени вредит ему в современной ситуации, то Россия, напротив, всегда была ориентирована вовне. Именно этим объясняется ее политический упадок в 1990-е гг. Идея интеграции в систему западных институтов с превращением в «новую Канаду», как в свое время выразился один из проводников проамериканского курса в российской внешней политике, обернулась общей деградацией всех сфер общественной жизни. Запад воспользовался своей победой в холодной войне и развернул мощную экспансию на Восток, стремясь раз и навсегда решить «русский вопрос». Однако эта победа в конечном счете оказалась пирровой. Расширение НАТО и пренебрежение российскими интересами не только привели к широкой дестабилизации в Евразии, но и способствовали пробуждению самосознания правящего класса и общества России в целом.

Курс президента В.В. Путина на возрождение мирового престижа России как великой державы является комплексным — этот момент часто упускают комментаторы и эксперты.

Речь идет не только о дипломатии и сфере военного строительства. Усиление внешнеполитических позиций должно иметь эффект мультипликатора — «подтянуть» за собой все другие сферы общественной жизни.

Консолидация общества, которая возникла в результате украинского кризиса, является важным ресурсом, без которого невозможно ни экономическое, ни социальное, ни культурное преобразование страны. С цивилизационной точки зрения, российский проект развития не имеет альтернативы: ни один другой дееспособный актор в Евразии не имеет достаточного исторического, цивилизационного и военно-политического ресурса для того, чтобы сформулировать его. Остро стоит вопрос закрепления внешнеполитических достижений России. Нехватка экономического фундамента новой глобальной конструкции, создаваемой Москвой, является объективным обстоятельством. Во многом именно на это рассчитывают те западные политики, которые активно лоббируют антироссийские санкции. Отсюда возникает важнейший вызов для современной российской внешней политики.

Потенциально есть три пути реагирования на него. Один из них Москва уже выбрала. Речь идет о социально-экономической интеграции на постсоветском пространстве. Евразийский союз должен превратиться в полноценный экономический центр Евразии с населением более 200 млн человек, перспективную площадку для неоиндустриализации России и близлежащих стран [9]. Важным преимуществом Евразийского союза является то, что он, в отличие от ЕС, не является «бюрократической империей» [2]. Это делает его гибким не только внутри, но и в отношениях с внешними игроками.

«Сопряжение» евразийского проекта с другими интеграционными объединениями является второй потенциальной опцией для России. На первый план здесь выходят блоки с участием Китая — БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). О БРИКС в последние годы говорится много. Основная цель, объединяющая страны — члены БРИКС, — реформирование глобальной финансовой системы в пользу тех стран, которые до сих пор ничего не выигрывали от ее существования. Речь идет о снижении доминирования Соединенных Штатов и их союзников в МВФ и в глобально-финансовой системе. Кроме того, предполагается формирование таких инструментов, которые будут способствовать снижению рисков, являющихся следствием нестабильности международной экономической конъюнктуры. В более конкретном виде речь может идти о диверсификации внешнеэкономических связей стран БРИКС.

Третий подход подразумевает замену положений «вашингтонского консенсуса» «пекинским», который может предложить миру новые идеалы: инклюзивный экономический рост, экономическое развитие при неприкосновенности суверенитета, стремление к инновациям и экспериментам (специальные экономические зоны), накопление инструментов асимметричной силы (триллионные валютные резервы).

Альтернативной «рамкой» для сопряжения может являться ШОС. Несмотря на молодой возраст, ШОС из когда-то консультативной структуры постепенно преобразовалась в региональную международную организацию и взяла на себя функции гаранта мира и стабильного развития и в Центральной Азии, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом страны — участницы ШОС развивают тесное торговое и экономическое сотрудничество. Речь идет о необходимости создания таких совместных финансовых институтов, как Банк развития и Фонд развития ШОС. Поскольку с момента создания ШОС (2001 г.) к концу 2014 г. товарооборот между членами организации увеличился шестикратно, в повестке дня ШОС на первый план вышли экономические проекты.

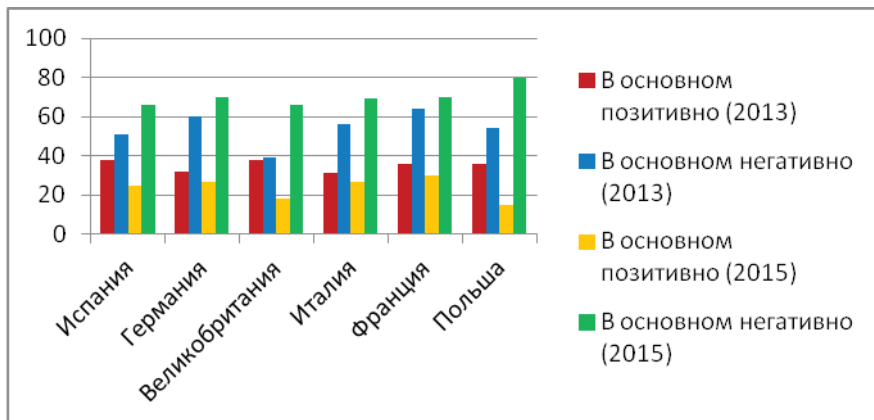
А тот факт, что за это время Пекин выделил странам — членам ШОС банковские кредиты в общей сложности на сумму 60 млрд долларов, подразумевает необходимость претворения в жизнь разносторонних механизмов в области инвестиций [6].

Однако у России остается еще одна опция. Губительные последствия современного политического кризиса для европейских государств становятся все более очевидными. В Европе поднимается массовое движение, которые мы определяем как «новых европейцев». Речь идет о миллионах рядовых жителей стран ЕС и представителях общественно-политической элиты, которые недовольны доминированием атлантизма во внешней и внутренней политике европейских государств и склонны к восстановлению отношений с Россией в качестве ключевого партнера. Удельный вес этой части общественного мнения достаточно велик и стабилен.

На него слабо влияет конъюнктура и метания средств массовой информации (см. график 7).

Точку зрения этой силы сегодня в Европе в первую очередь выражают правые и крайне правые партии, которые, как правило, считаются несистемными, однако в последнее время они получили серьезную массовую поддержку.

График 7. Как вы относитесь к России?, в %

Источник: Pew Research Center, September 2013 — August 2015.

Европа не монолитна. Однако тот факт, что здесь уже вполне сложилась значительная прослойка, которая отходит от «железобетонного» атлантизма, неоспорим. Показательно, что многие ее представители относятся к среднему и крупному бизнесу. Это именно те люди, которые опасаются, что соглашение о трансатлантической зоне торговли, очередной виток глобализации по-американски, нанесет Старому Свету удар, от которого ему будет трудно оправиться. Российско-европейский блок мог бы стать дееспособным геополитическим образованием, где Москва обеспечивала бы политическую составляющую (которой остро не хватает Европе), а Европа — экономическую (слабое место России).

Основные выводы

Современный мир — это бесконечно сложный организм, которым нельзя управлять из одного «офиса», даже если этот «офис» — Вашингтон. Такие попытки предпринимались, предпринимаются и, вероятно, будут предприниматься, однако они обречены на неудачу. Основная причина их неизбежного провала — сама человеческая природа, наличие «человеческого в человеке», того, что нельзя просчитать и запрограммировать, несмотря на доступность самой современной техники.

Эта реальность является, если угодно, ядром антитеории заговора — «заговоры» всегда будут составляться, но их историческое поражение predetermined. Провал последней попытки уже очевиден. Современная парадигма однополярного мира — с подавляющим доминированием одного полюса и его эксклюзивности — со всей очевидностью терпит крах. Спроектированные в ее рамках институты глобального управления уже не могут эффективно справляться с поставленными перед ними задачами. В политической сфере это проявилось в форме агрессивной и насильственной экспансии либерально-демократической модели, в принципе являющейся внеисторической и оторванной от характерных особенностей развития каждого конкретного государства, региона или цивилизации.

Все эти явления стали причиной существенного роста конфликтного потенциала в современных международных отношениях. Идеология противоборства социализма и капитализма, модернизированная после развала СССР в идею защиты от «терроризма», «агрессивности», «путинского режима» в сфере политики, а в сфере экономики — в систему, основанную на презумпции неизбывной мощности экономики США и их безусловного права господствовать в глобальном мире, себя исчерпала. Эти базовые концепции и привели к дестабилизации общей мировой ситуации и, как следствие, к неустойчивости политических систем.

Есть два варианта дальнейшего развития событий: либо глобальная солидарность, отказ от гегемонистских устремлений, от однополярного доминирования, солидарное интегральное развитие, либо верное падение в пучину всеобщего коллапса. Только первый вариант дает перспективу мирного преодоления развертывающегося кризиса глобальной политической системы.

Мир может быть многообразным, состоящим из нескольких центров роста, множественным, многоукладным, транстерриториальным, с высокой степенью географической локализации стран, не обязательно находящихся в трансграничном соединении. Мы говорим о новом мире, где будет разорван порочный круг перехода политического кризиса в экономический и обратно. Плоская модель «экономика и политика», вне зависимости от перестановки слагаемых, недостаточна. Нужен ее многомерный вариант, где помимо экономики и политики будет учтен фактор «человеческого в человеке». Только так

мы сможем приблизить момент наступления стабильного мирового порядка.

Библиография

1. *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. Что дальше? СПб.: Питер, 2009
2. *Глазьев С.Ю.* У нас есть шанс стать равноправным участником ядра нового центра глобального экономического развития. [Электронный ресурс] URL: http://www.glazev.ru/sodr_eep/434/
3. О социальном конструктивизме см.: Nicholas Onuf on the Evolution of Social Constructivism, Turns in IR, and a Discipline of Our Making. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital Library/Articles/Detail?lng=en&id=195339>
4. *Саква Р.* Новый атлантизм // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-atlantizm-17753>
5. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
6. *Хас К.* ШОС на пороге новых решений: quo vadis? [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20150323/227053416.html>
7. *Якунин В.И.* и др. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Науч. эксперт, 2012.
8. *Якунин В.И.* Новая фаза глобальных трансформаций: опыт критического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2015. № 1.
9. *Якунин В.И.* Транс-Евразийский пояс «RAZVITIE» станет базой для формирования новой парадигмы глобального экономического развития. [Электронный ресурс] URL: <http://eurasiancenter.ru/perspective/20140421/1003391303.html>
10. *Berstein S.* La France de l'expansion. T. 1: La République gaullienne (1958–1969). Paris: Seuil, 1989.
11. Ce que pensent les Français de l'Amérique en 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.france-amerique.com/articles/2012/06/22/ce_que_pensent_les_francais_de_l_amerique_en_2012.html
12. *Chomsky N.* Electing the President of An Empire. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alternet.org/news-amp-politics/noam-chomsky-electing-president-empire>
13. *Chomsky N.* The Disconnect in US Democracy. [Электронный ресурс] URL: <https://chomsky.info/20041029/>
14. Chomsky says US is world's biggest terrorist. [Электронный ресурс] URL: <http://www.euronews.com/2015/04/17/chomsky-says-us-is-world-s-biggest-terrorist/>
15. German poll puts Merkel's conservatives down 2.5 points. [Электронный ресурс] URL: <http://www.reuters.com/article/us-germany-merkel-poll-idUSKCN0UX0M7>
16. *Harding S.* China Is Winning The Economic War. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2010/08/13/china-is-winning-the-economic-war/#785d596d148c>
17. *Harding S.* China Is Winning The Economic War. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2010/08/13/china-is-winning-the-economic-war/#785d596d148c>
18. INSA&Yougov/Bild. 11.01.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wahlrecht.de/umfragen/insa.htm>

19. *Luttwak E.* Why Fascism is the Wave of the Future. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future>
20. Myth of the Middle Class: Most Americans Don't Even Have \$1,000 in Savings. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alternet.org/economy/myth-middle-class-most-americans-dont-even-have-1000-savings>
21. Noam Chomsky on EU's democracy deficit (22.05.2014. Dunham University, England). [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fPbXWB0X1UQ>
22. President Obama: Writing the Rules for 21st Century Trade. 18.02.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/blog/2015/02/18/president-obama-writing-rules-21st-century-trade>
23. *Rickards J.* The Death of Money. N. Y., 2014.
24. *Roberts P.C.* Why WWII Is on the Horizon. [Электронный ресурс] URL: <http://wpfdc.org/blog/politics/19617-why-wwiii-is-on-the-horizon>
25. Text of Bush's Address to Nation on Gorbachev's Resignation. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nytimes.com/1991/12/26/world/end-soviet-union-text-bush-s-address-nation-gorbachev-s-resignation.html>
26. Umfrage: Die Deutschen wollen sich von den USA emanzipieren. [Электронный ресурс] URL: <http://www.welt.de/politik/ausland/article132095894/Die-Deutschen-wollen-sich-von-den-USA-emanzipieren.html>
27. *Vitali S., Glattfelder J., Battiston S.* The Network of Global Corporate Control. PLoS ONE, 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://arxiv.org/pdf/1107.5728.pdf>
28. *Wallerstein I.* Is Europe Imploding? [Электронный ресурс] URL: <http://iwallerstein.com/is-europe-imploding/>

BEATRIZ BISSIO

THE 21st CENTURY'S EMERGENCE OF ASIA: A NEW GLOBAL PERSPECTIVE?

Firstly, may I thank Professors Andrei Shutov and Vladimir Izotov for inviting me to participate in this important Congress thus permitting me to share reflexions about the current world scenario, and the vital contribution Russia is making.

First a little about myself. Born and educated in Uruguay, I chose journalism as an initial career. Obligated to leave Uruguay when still a student during the dictatorship, I then spent some years in Peru and Mexico, finally settling in Brazil in the early 80's, where I am still living. The Middle East, the Arab World, Islam, South-South and North-South relations are, and have been, the principal themes of my academic research.

In this research I have been giving continuity to the events that I had covered during three decades as a journalist working for the magazine “Third World”, subsequently as editor and finally, as director. This Latin-American publication — focusing on global problems, principally those of the regions that today are known as Global South — circulated for over thirty years from 1974 until 2006 with editions in Spanish, Portuguese and English. Sadly, financial difficulties led to the closure of the publication. I then started my academic career.

So, let’s begin!

Much has already been written in the last decades about the profound changes that have been taking place in the international political arena and over thirty years, and as a Latin-American journalist, and more recently, as an academic, I have been chronicling and researching them.

Let’s go back a little: Since the early days of its independence, the expression Manifest Destiny has symbolized the divine right the United States felt was then theirs to expand territorially, considering Latin America as its “backyard”, an ideal space over which to exercise its control. The Mexicans have an amusingly ironic expression in this respect: “Poor Mexico, so far from God and so close to the United States!”

This “Manifest Destiny” notion was reinforced by President James Monroe in his annual message to the US Congress in 1823 and has had enormous influence on American foreign policy since then. The Monroe Doctrine declared that

“(…) the American continents, by the free and independent condition which they have assumed and maintain, are henceforth not to be considered as subjects for future colonization by any European powers.”

This doctrine has been carried out by successive US governments aiming to maintain Latin America within its sphere of influence, expressed in today’s language as “(Latin) America for the (North) Americans”. One of the ways of implementing this doctrine has been continuing efforts to impede the integration of Latin American nations and defeating the progressive parties and their leaders, who were aiming to govern independently of US influence and, consequently, to define their own nations’ sovereign position in the world. During the Cold War this doctrine was very apparent. The dictatorship cycles — in Brazil, Argentine, Chile, Uruguay, Paraguay, Bolivia, Guatemala, El Salvador, Nicaragua — in the 60’s, 70’s and 80’s and

the Cuban blockade are painful examples of this policy but certainly not the only one.

The end of the Cold War and the dismemberment of the Soviet Union that followed in the last decades of the past century, as you without doubt know better than I do, paved the way to a period in which a new international arrangement prevailed, characterized by a unipolar world, with the United States as the only superpower.

But it was for a short period. Today we see a clear tendency towards the formation of a multi-polar world, with Russia and China as major players. And, more than this, we are witnessing the progressive decline of the West that will lose more than a half of its economic importance in the next 15 years. The implications for countries like the US of this economic shrinking are obvious. For instance, where will the resources come from to enable them to continue involvement in conflicts in different parts of the world?

Conflicts involving the US are not exclusively related to its hegemonic ambitions. A number of them are also very much linked to the fact that the United States can no longer provide the strategic minerals necessary in its industrial area and for its advanced technological weapons system.

A 1988 official report, called "International Strategic Minerals Inventory"¹, emphasized the importance of many strategic and critical minerals to the U.S. defense and economy, which could only be imported, because of the lack of substitutes for them in domestic production (cobalt, chromium, manganese, platinum, etc). The document affirmed that the major deposits of those minerals were located in the "politically unstable regions of Southern Africa or the former Soviet Union". In the last twenty years other minerals, in particular lithium, titanium and niobium were added to the list of the most strategic ones, in particular because of their indispensability to the newest technologies, as for instance, to the superconducting materials. And the need to ensure secure supply for these minerals will remain an important aspect of U.S. national security strategy for the foreseeable future, the latest official security documents reveal. And the most important resources of lithium and niobium are located in South America; Brazil is the world's leading producer of niobium and Bolivia has almost 98% of the world lithium deposits.

¹ International Strategic Minerals Inventory Summary Report-Titanium // US Geological Survey.

The US official documents also declare that the country has the right to use any strategic mineral it needs wherever the mineral is located. The ambiguity allows us to feel that they are authorizing themselves to use any means to get access to such material.

So, we are seeing that, for many reasons, the US supremacy is being threatened and more than that, for the first time in five centuries this could be the beginning of the end of the world's western domination. The well-known historian Eric Hobsbawn referred to the 19th century as the "century of Europe"; and everything indicates that the 21st century will be "the century of Asia".

The prospect of losing its hegemony, actually already lost in various areas, but not meanwhile, in the military one, alarms the Washington hawks and their allies. These fears well explain many of the reactions that we are seeing on the global level and that have helped in creating a situation of real danger and instability that some analysts are already referring to as a prelude to a confrontation of greater proportions, the possible trigger being Syria.

It is important, therefore, to realize that no analysis of the actual global geopolitical situation is possible without references to the conflict in Syria, and to a lesser extent in Yemen and Iraq, and the deterioration in the US-Russian relationships these events are causing.

This scenario was also very much reflected in the present US presidential campaign, that clearly showed the divisions in the American society. One part still appears to cling to the "Manifest Destiny" and the Monroe Doctrine, and the other part understands that the world has moved on in the last two hundred years and strongly senses that those attitudes are no longer acceptable in the name of global peace and mutual understanding, and if not changed could threaten global destiny.

Unequal development in a multi-polar world

So, this is the scenario we are going to analyze in more detail. Let's begin by analyzing some of the causes of Western decline.

A Brazilian colleague, the political scientist and professor Luis Fernandes, looking for an understanding of the origin of this change in the international order found an explanation in the "unequal development" concept formulated originally by Lenin based on reflexions of Hobson and Hilferding on theoretical debates about Imperialistic Economic Policy. Fer-

nandes opines that this concept, incorporated by respected actual researchers of economic policy in international relations, explains the tendency towards a structural erosion of the power of the existing hegemonic center (like the US) as a consequence of the ascension of new dynamic capitalist economic poles later developed, either in the capitalist core or on the system's periphery.

In a recent article, Luis Fernandes describes the process in the following way:

“Realistic International relations researchers, as Paul Kennedy and Robert Gilpin, attributed the erosion of power of the hegemonic center and the emergence of new poles to two reasons: Firstly, to the high costs of maintaining hegemony. Secondly, to the tendency towards a rapid transfer of technology from the center to the periphery. This phenomena due to the “advantages of the backwardness”, identified by Alexander Gerschenkron that allowed the backward ones to skip stages of development on incorporating more advanced and efficient technical skills.

An additional explanation was offered by Kenneth Waltz, named the “Hobson/Lenin paradigm”.

This explanation shows that the profits from finance capital at the core of the system are increasingly fed by a speculation logic sustained by gains produced by activities from outside the center. “This dynamic would lead to a break down or reduction of the center’s economic dynamism and the ascension of new poles of larger growth in the system. That means that the dynamic of unequal development undermines the continuity of the bases of the established world order.”

The fact is that whatever the causes and their explanations, the 21st century presents a growing multipolar international scenario, with two emerging actors, China and Russia. And for this reason these two countries are seen by the North-American establishment as the biggest challenge to the continuity of its hegemonic pretensions. The position of India is also on Washington’s radar, particularly because of its economic growth and improving relationship with China; but at least, for the time being, does not arouse the same level of worry as the other two more powerful nations.

Russia in the 21 century

In the last decades, after overcoming the political, social and economic crises following the fall of the Berlin Wall, Russia has recovered its influence in the political as well as in the economic international arena. Now it is

reacting to the presence of the US on its frontier regions and the expansion of NATO, exacerbated with the growth of its military forces in the Baltic region. Perhaps other actors have not noticed the successful Russian strategy of strengthening a Euro-Asian project, but certainly the US has. A main facet of this initiative is to rebuild the alliances with the ex Soviet Republics, today sovereign states, prioritizing economic agreements and infra-structure programs with positive and peaceful political and geopolitical consequences. Another facet is to widen economic and commercial agreements with Asiatic countries that have been in the US sphere of influence since after World War II. (Examples: Eurasian Economic Union — EAEU, and Eastern Economic Forum)¹.

It is obvious that none of this could be possible if Russia did not currently have solid internal unity, reflected in the comfortable majority that the government has in the Parliament, ratified by the results of the recent elections.

Reflections on China in the 21 century

For a long time Beijing's leaders have been developing the idea that the stability and prosperity of China depend on the stability and prosperity of its surrounding neighbours. This perception of the need to pay attention to regional integration led the Chinese president Xi Jinping to launch the ambitious project of the One Belt, One Road (OBOR), also known as the New Silk Road, aiming for the geo-economic integration of Asia through impressive infra-structure undertakings and building projects, high velocity railways, roads, oil and pipelines, ports, optical fiber cables, etc. The project is supported by abundant financial resources.

Besides these development projects, China had a significant triumph in 2015, when the yuan was chosen to be one of the currencies of the Special Drawing Rights or SDR of the IMF, which means that the yuan is now a reserve currency accepted by all the Central Banks of the member countries of IMF, together with the US dollar, the Pound Sterling and the yen.

¹ In a recent meeting of the Economic Forum, that took place in Vladivostok, more than three participants from 60 countries were present, the largest number being from Japan, China and South Korea. More than 2000 economic agreements were signed, involving more than US\$ 26 billion. This was one more example of the vitality of Eurasian integration. These countries may in the future be part of the Eurasian Economic Union — EAEU, led by Russia, that has been referred to as the New Russian Silk Road.

In the recent G-20 meeting in Huangzhou, the president Xi showed that the OBOR Project is central to the Chinese vision of how to best advance Asiatic integration and more ambitiously, Euro-Asiatic integration. The OBOR has a bonus: it is betting on the failure of the Trans-Pacific Partnership (TPP), launched in 2005, aiming to open the Pacific Asian markets to US, Canada and Australia. A little more than ten years after this launch, the TPP is itself facing the Chinese challenge, because the OBOR offers better market opportunities to its Asian members. Moreover, messages revealed by WikiLeaks at the end of 2010, showed that enormous business deals were conceived behind the back of the TPP. Many of the deals' clauses were maintained in secret because their benefited the large multinationals, in detriment to the population of the involved nations.

Russian-Chinese Cooperation

In this context, the extraordinary geopolitical importance of the growing cooperation between China and Russia speaks for itself. For those who witnessed the schism between China and the Soviet Union from the beginning of the 60's and the ensuing dramatic consequences that this had in the so-called Third World, the present closeness, cooperation and political coordination between Russia and China has a symbolic significance even greater than if only measured by its importance to 21 century geopolitics.

In his last visit to Beijing in June this year, President Vladimir Putin affirmed that the Russian and Chinese points of view in relation to international questions are almost identical and that both countries will continue to coordinate their steps in cooperation in international institutions such as the United Nations, the Shanghai Cooperation Organization (SCO)¹ and BRICS.

Moscow and Beijing are also developing joint transport and infrastructure projects. And as you may know, one of these important projects is related to this city, Kazan: they have already agreed on the issues of joint funding for the construction of a high-speed rail route between Moscow and Kazan (and I would love to be invited to the inauguration, if I am still around and I hope to be.) The 770 km stretch is scheduled to open by 2020 and the railway is to be further extended to China, connecting Moscow and Beijing. It can become part of the New Silk Road project route, which is

¹ Shanghai Cooperation Organization, founded in 2001.

aimed at linking China with Europe and the Middle East. Another important initiative is that both Russia and China are set to bolster their financial partnership, including mutual settlements, in national currencies. China is Russia's key economic partner and the aim is to reduce the influence of the US dollar and foreign exchange risks.

The historical background undoubtedly influences the actual decision of fostering much closer cooperation between Russia and China. After meeting with president Vladimir Putin in Beijing the Chinese president Xi Jinping said that: “the more difficult the international situation, the more decisively we must be guided by a spirit of cooperation and friendship (with Russia), reinforcing bilateral support and political and strategic cooperation.”

The role of BRICS

In this scenario, the emergence of BRICS is of particular importance. This acronym, originally used in 2001 by Jim O'Neil, the Chief Economist of Goldman Sachs, ended being the signatory name of the agreement sealed in 2006 between Brazil, Russia, India and China, during the UN General Assembly, defining its own agenda for subsequent developments. In 2011 South Africa formally became a member, adding a capital “S” to the acronym, to confirm membership.

Since then considerable advances have been made from year to year in the BRICS' projects. In the Summit in Fortaleza, Brazil, in 2014, it was decided to fund the New Development Bank, an initiative aiming to establish an alternative to the economic-financial structure established in Bretton Woods, in 1944.

Putin described BRICS as one of the key elements of the emerging multi-polar world. The New Development Bank (NDB) and the BRICS Contingent Reserve Arrangement — with a total capital of U\$200 billion — is the best example of its international role. The NDB started its work in 2016, having approved the first projects in all five countries, giving priority to renewable energy. “Our countries reject the policy of coercive pressure and infringement upon the sovereignty of other states. We take similar stances on urgent international issues, including the Syrian crisis and the Middle East settlement”, declared Putin in a recent interview.

The recent BRICS Summit in Goa looked at the initial results of implementing the Strategy for BRICS Economic Partnership adopted in Ufa last

year and finalized the draft of the BRICS Road Map for Trade, Economic and Investment Cooperation until 2020.

Brazil: the weakest link in BRICS

Strategies and methods used to frustrate perceived challenges to the US hegemony are various and contribute to create a political atmosphere now being referred to as the New Cold War. One of them is to frustrate BRICS. In this game, it is not difficult to understand that Brazil has been the weakest link. During the period of governance of Luis Inácio Lula da Silva and afterwards, with his successor Dilma Rousseff, Brazil developed diplomatic initiatives independent of Washington's aspirations. One of them was opposition to the Treaty of Free Commerce of the Americas — ALCA, that was effectively frustrated by the actions of Brazil together with other Latin American countries. US reaction to these sovereign Brazilian diplomatic initiatives, BRICS particularly, was to be expected, clearly aiming to get Brazil back under its sphere of influence. This reaction was reinforced and articulated in Brazil with the support of important conservative political groups, business leaders and the media, particularly the Globo Network oligopoly. A key moment of the confrontation was triggered by the adverse economic scenario that South America is experiencing. This was characterized by a fall in the price of raw materials, specially oil. A fall, we may say, that many specialists have no hesitation in attributing, at least partially, to an orchestrated plan emanating from world power centres, intending not only to affect countries like Brazil and Venezuela, in South America, but also Russia and Iran.

Therefore, many scholars and politicians sense that the Brazilian political crisis that led to the impeachment of President Dilma Rousseff was in great measure linked to a wider strategy aiming not only to make Brazil back off from actual strategic regional alliances (UNASUR, MERCOSUL) but also intending to undermine the BRICS project.

The “hybrid war” in Syria

One of the strategies used by Washington in an attempt to contain Russia has a significant importance in recent months: the “hybrid war — like all hybrid war not recognized as a formal war — initiated by the US and allies in Syria whether in a direct form or through proxy elements.

As usual this aggression that violates international law is presented to the American people and to international public opinion as “humanitarian intervention”. To accomplish this the North American strategists count on media outlets controlled directly by interests linked to them or which are ideological allies of their vision. The worsening of the conflict showed explicitly that the “humanitarian intervention” transformed itself into a “regime change” proposal. Besides, this is nothing new, seeing that it is a simple repeat of strategies used on previous occasions, such as in Libya. There everything began with a much vaunted humanitarian operation, but ended up with the assassination of Gaddafi and the destruction of the country. The dramatic consequences of this intervention are clearly shown in the actual situation of this country, now completely broken apart and ungovernable. Without political unity and stability, Libya’s economy is crumbling, the conflict spreads to other countries and the (destroyed) state is totally powerless to prevent the country’s unraveling. It is easy to understand that in a scenario like this, ISIS and other like-minded groups are free to continue to act, disrupting the security of Libya and neighbouring countries.

But the war in Syria introduced a new element: Russian participation in support of the Assad government, principally aiming to avoid a repetition of the Libyan disaster. The policy of the US establishment then aimed to block the Russian government from obtaining a strategic victory that would impede North American ambitions for control of the country and would not let them replace Assad with a leader of their own choice.

A sophisticated strategy was implemented, organized by the most important Western media corporations whose aim is to label the Russian government (and also China, in a more subtle form) and the figure of president Putin as an aggressor and an oppressor. At different times, since World War I, which inaugurated the use of propaganda and information as a weapon of war, the world has seen the use of similar methods in relation to other leaders and countries and with the new global information revolution this has become a major weapon.

The Russian presence in Syria on the side of president Assad is blocking the United States and its Israeli allies from continuing to implement in the Middle East a 21st century version of the Sykes-Picot Agreement to facilitate the Balcanization strategy of domination.

In June 2006, in Tel Aviv, U.S. Secretary of State Condoleezza Rice used for the first time the term “New Middle East,” endorsed by Washington and

London. The statement coincided with the inauguration of the Baku-Tbilisi-Ceyhan Oil Terminal in the Eastern Mediterranean. The conceptualization of a “New Middle East”, embraced by the Israeli government, aimed to create an arc of instability and chaos from Lebanon to the Persian Gulf, including Palestine, Syria, Iraq, Iran and Afghanistan.

The Anglo-American occupation of Iraq, the Iraqi Kurdistan in particular, was the preparatory ground for the division of the Middle East, as is more clear now, several years after the invasion. The partition of Iraq into three separate territories had already been implemented. But that wasn't the only target. The “New Middle East military Road Map” aimed to enter into Central Asia, extending US influence in that region.

The information war (hearts and minds)

To implement its “New Cold War” strategy the US and its allies depend not only on their sophisticated weaponry and the NATO infrastructure and technology. They know that the battles are not exclusively won on the ground, even if they have, as is the case, the most powerful military apparatus. Equally important is the battle for public opinion, as already mentioned, carried out

through what Joseph Nye has best characterized as “soft power”, using well known celebrities, film-stars and films as an effective means of cultural expression and communication. In this “Information Age” the social networks play an important part. It is impossible in today's world to make an analysis of forms of domination and the implementation of hegemony without studying the role of the media.

The Movement of the Non Aligned Countries and even UNESCO made a correct diagnosis in the seventies of the role of the media — when non alignment was at its peak and playing an influential part in international politics, still dominated by the Cold War. According to this diagnosis, it will not be possible for countries that have emerged from the colonial stage to reach full development without the fulfillment of two conditions: Firstly, profound change in the rules of the game in the international economy — that for them, basically producers of raw materials, means renegotiating the commodity values in the world market. Secondly, a profound change in the media, diversifying and democratizing content, journalistic approaches, participants and sources.

Obviously the Non Aligned Movement didn't have the political power to implement these changes. Today, media control is even more efficient than in the past, due to the greater concentration verified in the international media monopolies and the more sophisticated technologies. On the other hand, one can argue that today the ease of access to information through the internet lets us create alternatives to the dominance of Western commercial media. But we have still a long way to go until the internet becomes a tool able to neutralize the Western monopoly in terms of international communication. Polls realized in different countries, social classes, cultural environments, showed that most of the populations form their opinions through radio and television, even to the detriment of the newspapers. (Newspapers continue being the source of information for the most literate segments and for the decision makers.) The source of international information broadcast by radio, TV and even newspapers in the West, continues to be concentrated in the hands of four large Western information agencies.

Conclusions

The question that arises when observing the progressive decline of the West and the emergence of Asia is: What does this mean and how best can Russia, China and other Asian countries play their part?

Will this emergence lead to a better or a worse world for Humanity? Everything should be done to assure that it will lead to an opportunity for mutual global development, particularly in the emerging countries and of innovative ways of leading with Nature (not only climate change).

Next year, 2017 we will be commemorating the centenary of the Russian Revolution, an exceptional moment of History that aroused profound confidence and hope for, and in, a new society. The aspiration to build such a world with social justice did not die even when that concrete experience was frustrated due to many complex factors. It is not possible to reproduce a movement of political, ideological and social dimensions like that of 1917 in the 21st century which is so different from those times. But it is possible to seek inspiration in the ideals, in the reflexions and in the battles that were the foundations of that movement, to study the mistakes made and to outline strategies adequate to our historical moment.

To build a world of peace, solidarity, social justice, gender equality and respect for all religious beliefs is possible. It is necessary to begin by embracing the dream of possible transformation. Each one of us can help

with our own contribution, however small. Together small becomes huge. Mountains are made of millions of mole hills! And we, as political scientists, have a part to play: our knowledge, our research, can be a base for rethinking and reshaping, when and where necessary, our present world toward a more harmonious, peaceful and just one!

* * *

Thank you for listening to me so patiently.

It is an honor for me to be sharing these reflexions with you at this delicate moment in international relationships!

Bibliography

1. International Strategic Minerals Inventory Summary Report-Titanium/ US Geological Survey.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПЕРИОД ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2016–2018 гг.: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ, СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ

ВЕТРЕНКО ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА: ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье дан анализ принципов формирования политических элит в регионах России. Рассмотрено поведение региональных элитных групп в период электоральной кампании 2016 года, а именно артикуляция интересов элит, создание ими блоков и альянсов, использование ресурсов и конкуренция. Автором выявлены функции выборов в процессе формирования региональной политической элиты.

Ключевые слова: региональная политическая элита, выборы, политический прогноз, легитимация, принципы формирования элит.

В априори выборы являются инструментом смены и обновления элит, это их основная функция, но в российской практике сложилась так, что они, как правило, выступают механизмом удержания власти в руках действующих элитных групп. В связи с этим у нас редко оправдываются ожидания, связанные с тем, что после выборов мы получим новую структуру и измененный персональный состав властвующей элиты. Ярким примером может служить прошедший электоральный цикл — выборы в Государственную думу седьмого созыва. Так, президент фонда «Петербургская политика», эксперт Михаил Виноградов предполагал, что в Государственную Думу пройдут только три партии¹. Большинство рейтинговых агентств прогнозировали полноцен-

¹ См.: Три процента — предел: шансы пройти на выборах в Государственную Думу. URL: http://www.debri-dv.ru/article/14345/tri_procenta_-_predel_shansy_partiy_na_vyborah_v_gosdumu (дата обращения: 20.09.2016).

ное, т.е. фракционное прохождение шести политических партий¹. Не оправдался ни один прогноз, связанный с расширением или сокращением числа фракций в нижней палате парламента, при этом обновление персонального состава состоялось только на 34%. Более того очевидным стал тот факт, что оппозиция вообще не способна прийти к власти в России через выборы. В связи с этим для нас больший исследовательский интерес представляют не результаты выборов, а анализ поведения региональных элит в период всей электоральной кампании 2016 года, а именно артикуляция интересов элит, создание ими блоков и альянсов, использование ресурсов и конкуренция.

Изначально следует разобраться в вопросе, что из себя представляют наши региональные элиты сегодня. Говоря о политической элите, следует отметить, что речь идет о людях, которые являются элитой по должности, и таких порядка 5 тысяч человек в стране. Это — губернаторы, руководители муниципальных образований и другие чиновники. Это своего рода констатация сложившейся ситуации. Однако мы убеждены, что есть факторы, которые обязательно должны иметь место при формировании региональной политической элиты.

Во-первых, критическая масса элиты должна формироваться выборным путем. Поскольку если она будет назначаться пусть и одним всенародно избранным человеком (губернатором), то легитимность назначенных людей будет вызывать множество вопросов со стороны населения регионов России.

Во-вторых, мы разделяем мнение директора Института избирательных технологий Евгения Сучков, который уверен, что элита вообще не рекрутируется: она может сформироваться только в результате политической и экономической борьбы в регионе. Нынешнюю политическую элиту Е. Сучков по способу формирования и рекрутирования называет «номенклатурой в чистом виде»². А, как известно, закон номенклатурного отбора — это закон отрицательного отбора. Те проблемы, которые в значительной степени существуют в экономике регионов, во многом, проистекают из того, что у нас был в по-

¹ См.: Рейтинги партий за неделю до выборов. URL: <http://fom.ru/Politika/12854> (дата обращения: 27.09.2016)

² *Малкин Е., Сучков Е., Мамитов А., Петров В. Политические технологии: работа над ошибками.* М., 2016. С. 87.

следнее время номенклатурный отбор экономической и политической элиты.

В связи с тем, что механизмы формирования региональной политической элиты в регионах отличаются, выделили из них наиболее очевидные на сегодняшний день. Так, национальный принцип доминирует в национальных республиках таких, как Адыгея, Ингушетия, Татарстан, Чечня, республика Алтай. В данном случае ядро элитной группы формируется из лиц одной национальности или этнической группы. Национальный принцип наиболее жестко выдерживается на всех стадиях существования элитных групп, поскольку в большинстве случаев он основан на родовых связях.

В ряде субъектов федерации имеет место территориальный принцип формирования элит. В этом случае основу элиты составляют выходцы из одной местности. В процессе функционирования данной группы ее рамки постепенно размываются. Примерами подобных групп могут служить ижевская группа, сложившаяся в Удмуртии вокруг мэра, группа кугарчинцев в Башкирии, череповецкая группа в Вологодской области и др.

Во многих регионах активно работает, так называемый профессиональный принцип, он во многом сходен с территориальным, но с той разницей, что ядро группы составляют лица, работающие в одной отрасли или на одном предприятии. Наиболее характерна здесь группа Саянского алюминиевого завода в Хакасии, многочисленные аграрные группы в других субъектах федерации.

Партийный принцип формирования региональных элит был особенно характерен для конца 1980-х — начала 1990-х гг. Так, например, в 1991 г. в Мордовии к власти пришла группа «Демократической России» во главе с В. Гуслияниковым. В последнее время эти группы, сформировавшиеся по партийному принципу, приобрели заметную региональную окраску, а активное партстроительство привило к персонализации политического движения, что позволило выделить еще один принцип — личностный. В данном случае ядро группы формируется из лиц, ориентирующихся на конкретную персону — лидера. Таковыми, например, являются группы, окружающие большинство президентов национальных республик РФ, а также лидеров ряда других республик РФ. При этом большинство принципов формирования групп рано или поздно сводятся к личностному, поскольку заменяе-

мость лидера в современных условиях в РФ крайне низка. Как правило, элитная группа, лишившись своего лидера, крайне редко способна сохраниться.

Подобную ситуацию можно наблюдать в Омской области. Там после 21-летнего правления губернатора Л.К. Полежаева в мае 2012 года к власти пришла новая группа элиты, более молодая, технократичная по стилю управления, он новый губернатор В.И. Назаров сменил заместителей губернатора, полностью обновился состав правительства и обновление дошло до уровня начальников управлений и отделов министерств, хотя смысла менять последних не было никакого. Сформировавшийся разрыв элит до сих пор не позволяет действующему губернатору сформировать свою команду, идет постоянная кадровая чехарда.

Сегодня в регионах все чаще властвующая элита формируется по смешанному принципу — в ее составе выделяется лидер, на которого она ориентируется, в группу входят лица, с которыми ее члены работали на одной территории, в одной структуре и т.п.

Элиты, сформированные по всем вышеуказанным принципам, имеют всю ту же системную проблему — отсутствие или не хватка легитимности. На наш взгляд выборы не только могут, а и призваны решить эту проблему региональных элит.

Здесь же возникает другой вопрос — есть ли запрос на обновление элит?

Запрос на новую элиту существует, и он весомый. Мы могли это констатировать во время наблюдения за региональными политическими элитами в период выборов. Запрос прежде всего предъявляют граждане, но далеко не все представители элитных групп осознают этот вызов. Есть различные инструменты власти, которые призваны стимулировать обновление элиты, начиная от различных обучающих программ (например, Президентская программа подготовки управленческих кадров в регионе), заканчивая различными рейтинговыми проектами (например, фонда ИСЭПИ). Однако очевидно, что темпы обновления не устраивают многие группы во власти за счет указанных механизмов, поскольку они долгие и отсроченные во времени в плане достижения желаемой цели. Поэтому выборы рассматриваются, как самый короткий путь формирования, легализации и легитимации элит.

Выборы — это во многом борьба элитных групп. Именно фактор региональной элиты определяет многовекторность происходящего. А на региональном уровне эту борьбу далеко не всегда можно предсказать. Очень часто существует борьба между губернатором и элитными группами регионов.

Возвращение одномандатных округов и выборности губернаторов привело к резкому увеличению числа конфликтов на местах и обострению противостояния между региональной администрацией и группами местных элит. В то же время происходит значительная идеологизация политических партий, они утрачивают влияние и контроль над собственными аппаратами в регионах. Кандидаты часто используют партии исключительно как площадки для выдвижения, вступая с ними в договорные и коммерческие отношения. Появилось в ряде регионов такое понятие, как «партийная франшиза», т.е. партийное руководство представляют бизнесменам свои партии для облегченной формы регистрации на выборах (без сбора подписей), а те в свою очередь финансируют выборные кампании муниципального, регионального уровня, проходят в парламенты субъектов и дают тем самым возможность преодолеть партиям фильтр на выборах в Государственную Думу¹. Так, произошло в Красноярском крае с партией «Патриоты России», которая вступила в такие отношения с известным бизнесменом Анатолием Быковым, в Ханты-Мансийском автономном округе с партией «Родина» и местным олигархом Александром Петерманом.

Однако в отличие от 2011 года, когда развернулось противостояние между Кремлем и либеральной оппозицией, в этот раз все оппоненты демонстрировали лояльность по отношению к верховной власти и апеллировали к ее авторитету и, прежде всего, по отношению президенту, а те, кто этого не делали, стали аутсайдерами думских выборов — РОДП «Яблоко», Политическая партия «Республиканская партия России – Партия народной свободы».

Противостояние в период выборов далеко не всегда принимало форму борьбы между «Единой Россией» и ее конкурентами, как, на-

¹ *Ветренко И.А.* Политические партии России в электоральных циклах 2014–2015 гг. // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2016. С. 23.

пример, произошло в Оренбургской области, где сформировалась «объединенная оппозиция», а часто это выливалось во внутривнутрипартийную борьбу в «Единой России», как в Екатеринбурге или Волгограде).

Несмотря на требование федерального центра соблюдать принцип «конкурентности, открытости и легитимности» (КОЛ), региональное руководство на практике зачастую не могло или не хотело выполнять это предписание. Более того, в период избирательной кампании открыто обсуждалась на местах перспектива избирательных фальсификаций, что создало серьезную дилемму для Кремля, которому пришлось задуматься над выбором между региональными властями и их оппонентами, которые далеко не всегда являются противниками президента Путина.

Тезис о пассивности элит в регионах очень наглядно подтверждается при анализе политической ситуации в регионах «тюменской матрешки» (Тюменская область, ХМАО, ЯНАО), очевидно, что руководители автономных округов очень не хотят менять своих представителей в областной думе, потому что они отлично интегрированы в тюменский истеблишмент.

Выборы способны обеспечить региональные элиты не только вожаденной легитимностью, но еще и показать ее ресурсную обеспеченность, т.е. по составу переизбранных региональных парламентов становится очевидным представители каких держателей ресурсов пришли к власти. В данном случае мы можем говорить о разделении элит по сферам влияния — «ресурсам». Так, прошедшие выборы в регионах нам продемонстрировали участие элит со следующими ресурсами: властные; экономические; публично-политические; информационные. А по результатам выборов стало очевидным, что практически во всех регионах к власти пришли те, кто обладает первыми двумя видами ресурсов и преимуществом на стороне лиц, обладающих властными ресурсами, что и подтверждает наш начальный тезис об удержании власти посредством выборов.

Библиография

1. *Ветренко И.А.* Политические партии России в электоральных циклах 2014–2015 гг. // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2016. С. 22–37.

2. Малкин Е., Сучков Е., Мамитов А., Петров В. Политические технологии: работа над ошибками. М., 2016. 287 с.
3. Рейтинги партий за неделю до выборов. URL: <http://fom.ru/Politika/12854> (дата обращения: 27.09.2016).
4. Три процента — предел: шансы пройти на выборах в Государственную Думу. URL: http://www.debri-dv.ru/article/14345/tri_procenta_-_predel_shansy_partiy_na_vyborah_v_gosdumu (дата обращения: 20.09.2016).

ГОЛОВАНОВ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ТЕМАТИКА В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Стратегия развития современного российского общества с необходимостью должна учитывать внешнеполитические факторы. Крупнейшим внешнеполитическим проектом России является проект евразийской интеграции, получивший международное признание и ориентированный на дальнейшее расширение. Особенную актуальность евразийской интеграции придают общее охлаждение отношений России с Западом и антироссийские санкции.

На Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. Президент РФ В.В. Путин заявил: «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура. ... Предлагаем подумать о создании большого евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китая, Индии, Пакистана, Ирана и, конечно, имея в виду наших партнеров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений»¹.

Реализация таких амбициозных планов невозможна без активного участия российских политических, экономических, силовых, культурных, научных элит и их институционального взаимодействия с элитами государств — реальных и потенциальных участников и наблюдателей Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

Не вдаваясь глубинно в различные аспекты теории элит, согласимся со следующим описанием. Обычно к политической элите относят главу государства, премьер-министра и министров, руководителей палат парламента, парламентских фракций, лидеров партий и общественно-политических движений, региональных руководителей, а также крупных чиновников-управленцев (административную элиту). Кроме того, также выделяют экономическую элиту, военную, информационную, научную, духовную. Эти группы могут оказывать существенное влияние на политику государства, а в некоторых случаях и срачиваться с политической элитой. Политическая элита как наиболее активная, компетентная и влиятельная часть общества играет ключевую роль в политическом процессе. Она участвует в разработке и принятии стратегических решений и руководит их реализацией, определяет направления общественного развития, формирует оборонительную политику страны, представляет страну на международной арене. Элиты также играют основную роль в выработке той или иной идеологии или политического течения, в формировании общественного мнения и в мобилизации масс для участия в политических акциях и движениях. Особенно велики роль и значение политических элит в переходные и кризисные периоды¹.

Именно такой период переживает в настоящее время Россия. В то же время она стремится к формированию «Евразийского экономического союза, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств ... эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом»².

Административно-политическая элита воплощает эти установки на основе Указа Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» (2012 г.), Концепции внешней политики РФ (2013 г.), серии антисанкционных указов «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обе-

¹ Понятие политической элиты. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/politicheskayaelita.html>

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/

спечения безопасности Российской Федерации» (2014–2016 гг.), ежегодных посланий Федеральному Собранию, выступлений Президента РФ В.В.Путина на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2015 г.), саммитах ШОС, ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, на совещаниях послов, в ходе прямых линий и пресс-конференций.

На совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, состоявшемся 30 июня 2016 г., в очередной раз В.В. Путин заявил: «Безусловно, в числе приоритетов — укрепление стратегического партнерства на пространстве Евразии. Вместе с Беларуссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией реализуем масштабный интеграционный проект Евразийского экономического союза. ... При этом наш союз заинтересован во взаимодействии со всеми странами и интеграционными объединениями на принципах свободы и открытости. Консультации о создании в ЕАЭС зон свободной торговли проводятся с более чем 40 государствами и международными организациями»¹.

Очевидно, что осуществление этих проектов предполагает тесное сотрудничество политических элит всех заинтересованных государств. Одним из основных каналов институционального взаимодействия элит выступает межпарламентское сотрудничество, осуществляемое комитетом Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. От нового состава этого комитета во многом будет зависеть качество и скорость евразийской интеграции. С этой точки зрения интересно посмотреть на программные установки основных политических партий Российской Федерации, касающихся евразийских интеграционных процессов.

Мы считаем, что отношение партии к евразийской интеграции выступает важной идеологической характеристикой, отражающей видение партийной элитой места и роли своей страны в мировом и региональном политическом пространстве, оценку текущей ситуации в мире и регионе и перспективы ее развития.

В список политических партий, имеющих право в соответствии с Федеральным законом от 11 июля 2001 г. № 95–ФЗ «О политических

¹ Совещание послов и постоянных представителей Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52298>

партиях» принимать участие в выборах, по состоянию на 17 июня 2016 г. включены 74 организации¹. Очевидно, что в результате выборов в состав парламента войдут далеко не все, поэтому рассмотрим евразийскую тематику в программах парламентских партий и партий, ориентированных на преодоление 3% барьера и получение госфинансирования.

Следует сказать, что в программах предыдущего избирательного цикла (2011 г.) евразийская тематика в программах политических партий занимала незначительное место. Как отмечает А.Елисеев «правящая «Единая Россия» и еще три партии, представленные в Госдуме РФ, являются сторонницами более тесной интеграции России с постсоветскими странами. ... интеграционный процесс также не стал ключевым пунктом расхождения программ ведущих политических сил»². При ратификации Договора о ЕАЭС 26 сентября 2014 г. все депутаты (за исключением одного) голосовали «за».

В новой ситуации в предвыборных программах 2016 г. проблемы евразийской интеграции нашли более полное отражение.

В преамбуле программы партии «Единая Россия» говорится, что главный стратегический курс страны — это движение от сохранения единства и независимости к развитию России как суверенной мировой державы³. В разделе Программы «Справедливость и безопасность для мира и для России» уточняется: «Чтобы выдержать международную конкуренцию нам нужно быть экономически привлекательными. И быстрее развивать интеграцию с ближайшими соседями, что мы и делаем в составе Союзного государства, евразийской «пятерки», СНГ». В свою очередь, евразийский интеграционный проект будет способствовать возникновению новых возможностей для развития, для граждан и бизнеса.

Большое внимание в Программе уделено необходимости «качественно активизировать работу по продвижению российского обра-

¹ Список политических партий, имеющих право в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» принимать участие в выборах по состоянию на 17 июня 2016 г. URL: <http://minjust.ru/nko/vybory/partii>

² Елисеев А. Продвижение евразийской интеграции политическими партиями и неправительственными организациями // Евразийское обозрение. 2015. № 4. С. 7–8.

³ Успех каждого — успех России! Предвыборная программа Партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/party/program/userdata/files/2016/06/27/predvybornaya-programma.pdf>

зования, языка и культуры, работу с соотечественниками, особенно на постсоветском пространстве». В этом направлении партия планирует фундаментально обновить российскую политику иностранной помощи, ориентировать ее на адресную поддержку людей и НКО, способных и готовых продвигать российские интересы, техническую помощь (а не бюджетные вливания) стран бывшего СССР в создании экономической инфраструктуры и институционально-правовой среды, поддержку образования — как в российских вузах, так и в университетах стран-партнеров на русском языке.

Поскольку партийная элита «Единой России» в основном представлена депутатами, губернаторами, членами правительства, бизнесменами, учеными, журналистами, принимающими активное участие в различных мероприятиях, посвященных евразийской интеграции, проводимых как государственными структурами, так и общественными организациями и фондами, знакомство с их выступлениями позволяет получить детальное представление о евразийских планах партии.

На пленарном заседании Государственной Думы VI созыва по вопросу «О ратификации договора о Евразийском экономическом союзе» депутат фракции КПРФ В.Н. Лихачев привел обоснование поддержки партией этого договора.

Во-первых, документ соответствует всем тем мировым оригинальным трендам интеграции, которые существуют и активно развиваются в последнее десятилетие: это Меркосур, НАФТА, Европейский союз и многие- многие другие.

Во-вторых, этот документ в полной мере отвечает международно-правовым критериям, принципу суверенного равенства и вмешательства во внутренние дела, уважения прав и свобод человека и многие- многие другие императивные нормы международного права.

«Третий момент, он очень важный. Этот документ показывает, что весь тот капитал сотрудничества между странами постсоветского пространства, который свое движение начал во времена Советского Союза, существует, он позитивный, он дает плодотворные итоги. ... Поэтому и представляется крайне важным создание парламентской системы содействия евразийской интеграции. И она могла бы включить с позиции России такие пункты, как создание группы диалогового режима между парламентариями от России, Белоруссии и Ка-

захстана. Направить от высших законодательных органов этих трех стран общественных представителей для оказания парламентского содействия в работе евразийской комиссии и других структур.¹

Лидер КПРФ Г. Зюганов считает, что «в современном мире не выжить без самостоятельной политики, без реального суверенитета, без сильной и эффективной экономической системы. Или ее удастся создать, или нас уничтожат, сомнут, растопчут! ... В этой исключительно ответственной ситуации Россия должна ответить на судьбоносный для нее вопрос: Как защитить себя, как сохранить право на самостоятельное развитие? Как обеспечить достойное будущее своим детям и внукам?!»². Ответ — в том числе через поддержку ЕАЭС, создание которого стало важнейшим шагом в направлении интеграции братских народов.

В то же время КПРФ использует евразийскую тематику для подчеркивания своего оппозиционного статуса: «Мы ратовали за ускоренное сближение России, Белоруссии, Украины и Казахстана. С января 2015 года заработал Евразийский экономический союз. Но упущения российских властей помогли бандеровщине воцариться в Киеве. ... Необходимо всемерно способствовать сближению братских народов СССР, расширять культурные программы и защищать наших соотечественников за рубежом. ... Наша партия верна принципам интернациональной солидарности и дружбы народов. Мы делаем все возможное ради укрепления международного влияния левых, подлинно демократических сил. КПРФ деятельно работает в Союзе коммунистических партий (СКП-КПСС)»³.

В отличие от коммунистов лидер ЛДПР В. Жириновский считает, что общаться с соседями по СНГ надо на тех же принципах, что и со всеми остальными зарубежными странами, поскольку ни о каком их братстве с Россией в нынешних условиях не может быть и речи. Россия должна трезво оценить отношение к себе со стороны пост-

¹ В.Н. Лихачев: Крайне важно создать парламентскую систему содействия евразийской интеграции. URL: kprf.ru/dep/gosduma/activities/134994.html

² Развитие страны — выход из кризиса. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на Орловском экономическом форуме — 2016. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/151695.html>

³ К народной власти — вместе с КПРФ! Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на XVI Съезде партии. 2016–06–25. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/156506.html>

советских республик, многие из которых культивируют русофобские настроения и даже заигрывания с фашизмом. По его словам, те, кто это себе позволяет, России — враги, а не братья. России не следует развивать сотрудничество с ними на льготных условиях и делать щедрые подарки «за счет русского народа», мотивируя это братскими чувствами к той или иной соседней стране¹.

Специфическое понимание евразийской интеграции зафиксировано в предвыборной Программе ЛДПР: «Мы убеждены, что Россия — это великая страна, которая имеет право на свои исторические земли и должна приложить все усилия к тому, чтобы мирным путем расширить свои границы, по крайней мере, до пределов бывшего СССР. ... Внешнеполитические усилия России должны быть сосредоточены на следующих векторах: расширить Евразийский экономический союз, приняв в него Таджикистан, Туркмению, Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах, ДНР, ЛНР, а в перспективе Сербию и другие страны Восточной Европы»².

Партия «Справедливая Россия» считает, что в российском обществе существенно усилился запрос на более активную и самостоятельную роль нашей страны в мировой политике, на последовательное отстаивание геополитических интересов России. В Программе заявлено: «Цель Партии — содействие в становлении России в качестве великой державы, равноправного и ответственного партнера в межгосударственных отношениях»³.

Развитие отношений со странами СНГ и ближнего зарубежья «Справедливая Россия» полагает важнейшим направлением российской внешней политики. Создание Евразийского экономического союза в Программе признано «ключевым моментом в поддержании лидирующей роли России в интеграционных процессах и их наращивании на постсоветском пространстве. Создание интеграционных объединений с участием России должно опираться на принципы рав-

¹ Владимир Жириновский о постсоветском пространстве: «Никакого братства, никаких союзов, никаких скидок». URL: <http://www.stanradar.com/news/full/7851-vladimir-zhirinovskij-o-postsovetskom-prostranstve-nikakogo-bratstva-nikakih-sojuzov-nikakih-skidok.html>

² Программа ЛДПР. Принята XXIX Съездом ЛДПР. 29.06.2016. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/

³ Программа партии «Справедливая Россия». Москва 2016. С. 95–96. <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>

ноправия партнеров, учета законных интересов друг друга, взаимную выгоду».

В Программе этой партии выделена особая роль дипломатии в непростых реалиях современного мира, подчеркнута большое значение укрепления экспертно-научной базы, профессионального кадрового состава и правовой базы органов государственной власти России, участвующих в формировании внешней политики.

Одна из основных целей партии — создать на постсоветском пространстве постоянно действующий механизм регулярного сотрудничества социалистов и социал-демократов стран СНГ. «Наша Партия будет активно сотрудничать с дружескими партиями стран СНГ. Для этого мы продолжим работу в рамках форума социалистических партий, организованного по инициативе Справедливой России в феврале 2010 года, а также в формате двусторонних связей»¹.

Итак, евразийская тематика в предвыборных программах парламентских партий отражает их политико-идеологические установки, но в то же время сам проект евразийской интеграции не подвергается сомнению.

Близкие позиции занимают патриотически ориентированные непарламентские партии. Так, партия «Родина» на съезде 2 июля 2016 г. представила проект предвыборной программы «План обновления и развития», где заявила о поддержке стратегического курса президента РФ В. Путина².

X Съезд партии «Патриоты России» в качестве предвыборной программы принял План Семигина «Российский национальный прорыв — курс на страну №1». К стратегическим целям развития России отнесены: превращение России в лидирующую мировую державу, реализующую национально-государственные интересы по всему миру; ускорение развития Евразийского союза и присоединение к единому евразийскому пространству других государств; выход России на новый, лидирующий уровень взаимодействия в рамках ШОС, БРИКС, АСЕАН³.

¹ Там же. С. 99.

² «Родина» поддержит стратегический курс Путина. URL: <http://www.nedelya.ru/view/182434>

³ План Семигина «Российский национальный прорыв — курс на страну №1». URL: <http://www.patriot-rus.ru/politsovet.-mneniya/patrioty-rossii-predstavili-plan-semigina.html>

Партия «Коммунисты России» выступает за «восстановление оборонительного союза антиимпериалистических государств по образцу Варшавского договора. Сегодня наша главная цель — восстановление Союзного государства с социалистической и советской перспективой»¹.

Позитивное отношение в евразийской интеграции высказала партия «Гражданская платформа», которая считает, что сегодня Россия вновь должна стать одним из мировых центров силы: политическим, экономическим, социокультурным, военным. «В сложившейся на мировой шахматной доске ситуации мы должны воспользоваться историческим шансом: перестать быть сырьевым придатком запада. Хватит быть пешкой. Пора вновь становиться одним из лидеров нового мирового порядка. ... В ближайшей же перспективе нам нужно выходить на новые рынки благодаря экономической интеграции с соседями. Нашими естественными возможными союзниками в этом процессе выступают страны бывшего Союза, Юго-Восточной Азии, Восточной Европы и Ближнего Востока. Обусловленное объективными причинами создание Трансевразийского пояса развития позволит России вернуть статус одного из центров мировой политики и даст качественный толчок к построению мощной экономики»².

Главным фактором создания Евразийского экономического Союза является экономическая целесообразность, поэтому расширение интеграции должно быть адекватно общемировой ситуации. В перспективе 25 лет в Трансевразийский пояс развития могут войти страны, исторически входящие в Восточно-европейский и Малоазиатский экономические кластеры. Таким образом, нашими естественными возможными союзниками в этом процессе выступают страны бывшего Союза, Юго-Восточной Азии, Восточной Европы и Ближнего Востока.

Представляющая себя как оппозиционная власти партия «Яблоко» демонстрируют свою оппозиционность и в евразийском вопросе. Один из лидеров партии В. Рыжков на вопрос, есть ли у «Яблока»

¹ «Коммунисты России» утвердили список кандидатов на выборы. URL: <https://rg.ru/2016/07/01/reg-cfo/kommunisty-rossii-udarit-po-kapitalizmu-i-vozrodit-socializm.html>

² Программа Политической партии «Гражданская Платформа». URL: <http://xn--80aaag6azbdefu3lf.xn--p1ai/3363>

программа относительно того, как Россия должна выстраивать свои отношения с соседями — бывшими советскими республиками? — на своем сайте написал, что «Эта тема не очень важна для избирательной кампании. Избирателей больше волнует внутренняя политика, преодоление экономического кризиса. Всё остальное — второстепенно»¹.

Видимо поэтому раздел «Внешняя политика» помещен в самый конец 135-страничной предвыборной Программы. Там заявлено: «Постсоветское пространство. Вместо того чтобы рождать аморфные («зонтичные») интеграционные планы для всего постсоветского пространства, Россия должна предельно конкретно сформулировать свои экономические, военные и другие интересы применительно к каждой стране СНГ, отбросив неоимперские подходы и вытекающие из них опасные геополитические фантазии. Россия может эффективно противодействовать расширению НАТО на постсоветском пространстве, прежде всего, позиционируя себя как гаранта их территориальной целостности и суверенитета, развивая взаимовыгодные и равноправные отношения с ними во всех сферах взаимных интересов. В рамках новой архитектуры Европейской Безопасности следует предоставить многосторонние гарантии территориальной целостности стран СНГ. В первую очередь, Россия должна нормализовать отношения с Украиной и Грузией. Добровольному сближению стран СНГ с ЕС нельзя противодействовать в принципе, но оно не должно исключать Россию, а напротив — быть скоординировано (с учетом всех социально-экономических связей) с развитием отношений РФ с Европейским Союзом»².

«Яблоко» высказало жесткую позицию, непосредственно касающуюся постсоветского пространства: «мы за нерушимость границ в Европе; мы за территориальную целостность Украины; мы считаем, что Крым принадлежит Украине, его аннексия незаконна и должна быть отменена; мы считаем, что будущее Крыма должны определять жители полуострова на основе соответствующего законодательства. Мы не считаем законным референдум, спешно и вне всяких правил,

¹ Владимир Рыжков: Избирателей мало интересует внешняя политика. URL: http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=36812:2016-07-04-12-42-29&catid=26:2012-01-24-07-46-59&Itemid=2

² Уважение к человеку. Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО». URL: http://www.yabloko.ru/content/2016_0

законов и норм проведенный под «охраной» российских вооруженных сил. Мы призываем прекратить военно-политическую авантюру на Юго-востоке Украины...».

Глава республики Крым С. Аксенов так прокомментировал эти призывы: «Я считаю, что такие партии не могут быть российскими, они могут быть партиями другого государства, представлять, например, интересы Финляндии, но точно не Российской Федерации, не ее граждан»¹. Вице-губернатор Севастополя А. Решетников призвал правоохранительные органы проверить на экстремизм предвыборную программу партии «Яблоко».

Предвыборная программа партии «Парнас» представляет собой краткий документ под названием «Перезагрузи систему, поддержки «ПарНаС»», который основан на принятой в 2015 г. платформе Демократической коалиции². В нем содержится следующая оценка текущего положения: «национальные интересы страны на международной арене оказались подчиненными внутривнутриполитической задаче сохранения власти в руках нынешнего руководства страны, которое активно использует постимперские и постсоветские комплексы для мобилизации населения на основе противостояния с Западом».

«Парнас» предлагает строить внешнюю политику РФ на следующих основаниях: «сотрудничество с НАТО на основе доминирующих общих ценностей и интересов; возвращение к переговорам о вступлении в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); отмена визового режима для граждан стран-членов ОЭСР; открытость экономики: зона свободной торговли с США, Канадой и ЕС, переход на европейские нормы технического регулирования, снятие ограничений на иностранные инвестиции в отдельные сектора экономики; интеграция с объединенной Европой по всем направлениям сотрудничества».

«Партия роста» (до марта 2016 г. — партия «Правое дело») исходит из необходимости перезагрузки международных отношений. Она считает, что миссия России — стать гарантом демократии и свободы

¹ Аксенов предложил «Яблоку» сменить страну из-за позиции партии по Крыму. URL: https://lenta.ru/news/2016/07/07/not_a_place/

² Платформа Демократической Коалиции РПП-ПАРНАС. Принята на съезде РПП-ПАРНАС 5 июля 2015 г. URL: <https://parnasparty.ru/news/42>

на окружающем ее геополитическом пространстве, стать локомотивом развития для сопредельных стран.

«Мы можем и должны стать страной с привлекательным образом жизни, культурным, научным и образовательным партнером для своих соседей, лидером и инициатором экономической и культурной реинтеграции. Мы считаем, что Россия должна следовать европейскому пути развития. В нашей внешней политике мы должны исходить из базового принципа отсутствия военной угрозы со стороны Запада. Россия — часть Европы, часть европейской цивилизации, что подразумевает содействие созданию наиболее благоприятных условий для политического, экономического, военного и гуманитарного сотрудничества. Именно на этом направлении, при максимальном сближении с Евросоюзом, включая скорейшее заключение соглашения о взаимном безвизовом режиме, должны быть сосредоточены основные усилия нашей внешней политики»¹.

Анализ предвыборных программ оппозиционных партий показывает, что «интеграция с Евросоюзом является их ключевой идеей»², а евразийская интеграция рассматривается как неоимперский проект.

Решение, какую партию и какую программу поддержать, какая часть политической элиты России будет представлять ее внешнеполитические интересы, избиратели примут на выборах.

Библиография

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>
2. Понятие политической элиты. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/politicheskayaelita.html>
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/
4. Совещание послов и постоянных представителей Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52298>

¹ Программа Всероссийской политической партии «Партия роста». Принята Учредительным Съездом Всероссийской политической партии «Правое дело» 16 ноября 2008 г., с изменениями, внесенными решением Внеочередного Съезда Всероссийской политической партии «Правое дело» 26 марта 2016 года. URL: <http://minjust.ru/node/2269>

² *Городненко Ю.* От «патриотизма» к разделу страны. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/151620/>

5. Список политических партий, имеющих право в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» принимать участие в выборах по состоянию на 17 июня 2016 г. URL: <http://minjust.ru/nko/vybory/partii>
6. *Елисеев А.* Продвижение евразийской интеграции политическими партиями и неправительственными организациями // Евразийское обозрение. 2015. № 4. С. 7–8.
7. Успех каждого — успех России! Предвыборная программа Партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/party/program/userdata/files/2016/06/27/predvybornaya-programma.pdf>
8. *Лихачев В.Н.* Крайне важно создать парламентскую систему содействия евразийской интеграции. URL: kprf.ru/dep/gosduma/activities/134994.html
9. Развитие страны — выход из кризиса. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на Орловском экономическом форуме — 2016. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/151695.html>
10. К народной власти — вместе с КПРФ! Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на XVI Съезде партии. 2016-06-25. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/156506.html>
11. Владимир Жириновский о постсоветском пространстве: «Никакого братства, никаких союзов, никаких скидков». URL: <http://www.stanradar.com/news/full/7851-vladimir-zhirinovskij-o-postsovetskom-prostranstve-nikakogo-bratstva-nikakih-sojuzov-nikakih-skidok-.html>
12. Программа ЛДПР. Принята XXIX Съездом ЛДПР. 29.06.2016. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/
13. Программа партии «Справедливая Россия». Москва 2016. С. 95–96. URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>
14. Программа партии «Справедливая Россия». Москва 2016. С. 99. URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>
15. «Родина» поддержит стратегический курс Путина. URL: <http://www.nedelya.ru/view/182434>
16. План Семигина «Российский национальный прорыв — курс на страну № 1». URL: <http://www.patriot-rus.ru/politsovet.-mneniya/patrioty-rossii-predstavili-plan-semigina.html>
17. «Коммунисты России» утвердили список кандидатов на выборы. URL: <https://rg.ru/2016/07/01/reg-cfo/kommunisty-rossii-udarit-po-kapitalizmu-i-vozrodit-socializm.html>
18. Программа Политической партии «Гражданская Платформа». URL: <http://xn--80aaag6azbdefu3lf.xn--p1ai/3363>
19. Владимир Рыжков: Избирателей мало интересует внешняя политика. URL: http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=36812:2016-07-04-12-42-29&catid=26:2012-01-24-07-46-59&Itemid=2
20. Уважение к человеку. Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО». URL: http://www.yabloko.ru/content/2016_0
21. Аксенов предложил «Яблоку» сменить страну из-за позиции партии по Крыму. URL: https://lenta.ru/news/2016/07/07/not_a_place/
22. Платформа Демократической Коалиции РПР-ПАРНАС. Принята на съезде РПР-ПАРНАС 5 июля 2015 г. URL: <https://parnasparty.ru/news/42>
23. Программа Всероссийской политической партии «Партия роста». Принята Учредительным Съездом Всероссийской политической партии «Правое дело» 16 ноября

2008 г., с изменениями, внесенными решением Внеочередного Съезда Всероссийской политической партии «Правое дело» 26 марта 2016 года. URL: <http://minjust.ru/node/2269>

24. *Городненко Ю.* От «патриотизма» к разделу страны. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/151620/>

ДРОБОТУШЕНКО ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 2016 г. ПО ВЫБОРАМ ГУБЕРНАТОРА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЩЕСТВОМ И ЭКСПЕРТАМИ

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей избирательной кампании по выборам губернатора Забайкальского края 18 сентября 2016 г. Выделяются черты подготовки, протекания предвыборного этапа и самих выборов, оцениваются кандидаты и перспективы их выдвижения. Автор анализирует оценки экспертов, активных представителей общественности и обычных граждан относительно предстоящих выборов и с учетом имеющихся результатов делает попытку соотнести политические прогнозы и реальными результатами.

Ключевые слова: выборы, электорат, электоральное пространство, электоральное поведение, губернатор, Забайкальский край.

В политической науке особо интересным видится прогноз политической ситуации и оценка прогноза по результатам ее реализации. Прогнозы дело не благодарное, однако без прогнозирования развитие системы невозможно, так же, как и не возможно управление, в том числе политическое. Еще в начале XX в. знаменитый практик и теоретик управления, основатель классической (административной) школы управления Анри Файоль в своей работе «Общее и промышленное управление», изданной в 1916 г. определяя функции управления первой выделил «предвидение», которую в настоящее время иначе как планированием не называют¹. А планирование без наличия прогноза не возможно. Однако относительно прогнозов результатов выборов, часто складывается впечатление, что это «гадание на ко-

¹ Организация управления Анри Файоля: функция предприятия и элементы управления // Стратегия и управление.ru. режим доступа: <http://www.strategplann.ru/estatiq/organizatsija-upravljenija-anri-fajolja-funksija-predprijatija-i-elementy-upravljenija.html> (дата обращения: 07.11.2016).

фейной гуще». Примером этого служат недавние выборы Президента Соединенных Штатов Америки, результаты которых противоречат всем прогнозам.

Относительно прогноза выборов в регионах Российской Федерации и в Забайкальском крае, в частности, у автора данных строк иногда складывается впечатление, что сделав прогноз, политолог ждет результата, если совпал, то везде говорим о том, какие мы умелые, если нет, ждем следующих выборов. Иная проблема в том, что сегодня в России, кому не лень именуют себя политологами и делают прогнозы по развитию политической ситуации в целом, в различных аспектах и в выборах, в частности. Отсюда, на наш взгляд, значимость политического прогнозирования падает. С учетом сказанного попытаемся дать оценку прогноза выборов относительно их результата на конкретном примере — выборах губернатора Забайкальского края сентября 2016 г.

Автор данных строк в статье объемного сборника «Элитология и стратегии развития современной России», подписанного в печать 21 октября 2016, т.е. через три дня после выборов и, очевидно, написанной задолго до самих выборов отмечал, что выборы губернатора, в очередной раз не станут альтернативными. Иные кандидаты в состоянии набрать какое-то количество голосов, однако составить конкуренцию действующему ВРИО губернатора края не смогут.

Прогнозы на выборы и оценки результатов были и достаточно разные. Интересным является то, что часть авторов, делая прогноз на выборы, говорили раз за разом, о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, которые так же проходили 18 сентября 2016 г., обходя стороной выборы губернатора¹.

Депутаты Законодательного Собрания Забайкальского края еще за полгода до выборов говорили о том, что у ВРИО губернатора достаточно большие шансы на победу.

¹ Кузнецов О. Партия власти наберет около 50% // Давыдов.Индекс. Режим доступа: <http://davydov.in/2016/zabajkalskij-kraj-oleg-kuznetsov-partiya-vlasti-naberyot-okolo-50/> (дата обращения: 03.11.2016); Он же. Создается впечатление, что избирательные комиссии недостаточно активно работали на привлечение избирателей на участки для голосования // Давыдов.Индекс. Режим доступа: <http://davydov.in/2016/vybory-2016-zabajkalskij-kraj-oleg-kuznetsov-sozdaetsya-vpechatlenie-chto-izbiratelnye-komissii-nedostatochno-aktivno-rabotali-na-privlechenie-izbiratelej-na-uchastki-dlya-golosovaniya/> (дата обращения: 03.11.2016).

Отметил высокие шансы на победу ВРИО губернатора за несколько месяцев до выборов забайкальский политолог, заведующий кафедрой политологии ведущего вуза региона, Забайкальского государственного университета Д.А. Крылов¹.

Опрос по районам края, проведенный летом 2016 г. с участием автора данных строк показал, что за ВРИО губернатора Н. Жданову готова проголосовать значительная часть электората.

Итоги выборов показали, что прогнозы в целом оказались верными, однако уже по итогам некоторыми авторами делались, как минимум странные выводы. В одной из публикаций нами встречено замечание о неожиданности победы временно исполняющей обязанности губернатора Забайкальского края Н. Ждановой в первом туре выборов. Неожиданным данный факт называется в связи с имевшей место перед выборами острой борьбой с иным кандидатом, представителем КПРФ Н. Мерзликиным. По мнению автора, победу в первом туре преопределил приезд в регион перед самыми выборами Председателя Правительства РФ страны Д.А. Медведев². Согласиться с тем, что приезд Д.А. Медведева усилил позиции ВРИО губернатора края, вероятно, можно, а вот из чего следует наличие какой-либо борьбы между кандидатами не ясно.

Таким образом, несмотря на замечания автора о том, что достаточно часто прогнозы на выборы, как за рубежом, так и в России, особенно на региональном уровне, не сбываются, несмотря на то, что на сегодня их не делает только ленивый, несмотря на то, что сегодня тот, кто делает прогнозы именуется политологом, далеко не всегда имея к политологии и к политике серьезное отношение, выборы губернатора Забайкальского края 2016 г. были достаточно прогнозируемы.

Не смотря на то, что результаты выборов губернатора Забайкальского края соответствуют ожиданиям, все же представляется, что прогнозирование выборов, как и прогнозирование политической

¹ Крылов Д. Высокий рейтинг Ждановой говорит о том, что она на хорошем счету у федерального центра // БЕЗФОРМАТА.RU. Режим доступа: <http://chita.bezformata.ru/listnews/rejting-zhdanovoj-govorit-cto/48032013/> (дата обращения: 03.11.2016).

² Баринов А. Неожиданностью была победа в первом же туре губернатора Забайкальского края // Давыдов.Индекс. Режим доступа: <http://davydov.in/2016/rezultaty-vyborov-2016-zabajkalskij-kraj-aleksandr-barinov-neozhidannostyu-byla-pobeda-v-pervom-zhe-ture-gubernatora-zabajkalskogo-kraya/> (дата обращения: 03.11.2016).

ситуации в целом должно осуществляться профессиональными политологами, но самое главное прогнозирование должно быть ответственным, а не простым предположением «около политических» представителей общественности.

Библиография

1. *Баринов А.* Неожиданностью была победа в первом же туре губернатора Забайкальского края // Давыдов. Индекс. Режим доступа: <http://davydov.in/2016/rezultaty-vyborov-2016-zabajkalskij-kraj-aleksandr-barinov-neozhidannostyu-byla-pobeda-v-pervom-zhe-ture-gubernatora-zabajkalskogo-kraya/> (дата обращения: 03.11.2016).
2. *Крылов Д.* Высокий рейтинг Ждановой говорит о том, что она на хорошем счету у федерального центра // БЕЗФОРМАТА.RU. Режим доступа: <http://chita.bezformata.ru/listnews/rejting-zhdanovoj-govorit-cto/48032013/> (дата обращения: 03.11.2016).
3. *Кузнецов О.* Партия власти наберет около 50% // Давыдов. Индекс. Режим доступа: <http://davydov.in/2016/zabajkalskij-kraj-oleg-kuznetsov-partiya-vlasti-naberyot-okolo-50/> (дата обращения: 03.11.2016).
4. Создается впечатление, что избирательные комиссии недостаточно активно работали на привлечение избирателей на участки для голосования // Давыдов. Индекс. Режим доступа: <http://davydov.in/2016/vybory-2016-zabajkalskij-kraj-oleg-kuznetsov-sozdaetsya-vpechatlenie-cto-izbiratelnye-komissii-nedostatochno-aktivno-rabotali-na-privlechenie-izbiratelej-na-uchastki-dlya-golosovaniya/> (дата обращения: 03.11.2016).
5. Организация управления Анри Файоля: функция предприятия и элементы управления // Стратегия и управление.ru. режим доступа: <http://www.strategplann.ru/estatiq/organizatsija-upravlenija-anri-fajolja-funksija-predpriyatija-i-elementy-upravlenija.html> (дата обращения: 07.11.2016).

ИЛЬИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ

ВЛАСТЬ И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КАРЕЛИИ: ФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПЕРИОД 2016–2018 гг.

Аннотация: Борьба за власть в электоральный период 2016–2018 гг. развернулась в Карелии на фоне серии уголовных дел. Партия Единая Россия при поддержке чуть более 30% избирателей при введении смешанной системе обеспечила себе убедительную победу во всех выборах от муниципальных до выборов в государственную Думу. В 2017 году партия Единая Россия сможет столкнуться с сильным соперником за пост Главы Республик, имея стабильный процент протестного потенциала.

Ключевые слова: Гражданское общество, власть, выборы, политические партии, электоральное поведение.

Борьба за власть и влияние в Карелии с середине нулевых годов XXI века развернулась между с одной стороны бизнес-группами Василия Попова и Девлета Алиханова¹, возглавивших оппозиционные силы в республике и с другой стороны бизнес-группами Главы Республики Карелия Сергея Катанандова. А с 2010 года, сменивших его на посту Главы Республики выходцев из Санкт-Петербурга Андрея Нелидова и Александра Худилайнена.

Группы Катанандова, а в последствии группы влияния — Нелидова — Худилайнена на партийно-политическом поле представляют Единую Россию в Карелии.

Во взаимоотношениях с лояльными и особенно оппозиционными бизнес — группами руководители республики по мнению экспертного сообщества предпочитают конфликтный стиль отношений². Наиболее ярко данный стиль взаимоотношений проявился в последние два-три года, с момента прихода на должность Главой Республики А. Худилайнена.

Среди особо проблемных зон взаимодействия выделяя коррупцию и отсутствие общих интересов между представителями республиканской исполнительной власти и местных бизнес — структур, включенных в политическую деятельность региона³.

Факторы, которые являются препятствием для эффективного взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса	Карелия
Коррупция	26,96
Отсутствие общих интересов у субъектов данного взаимодействия	24,35
Законы не соответствуют условиям реальной жизни	16,52

¹ Ильин А.Ю. Избирательная система как залог целостности и единства современного государства // Ильин А.Ю. Вестник Центральной избирательной комиссии Республики Карелии. 2013. № 3. С. 6–20.

² Ильин А.Ю. Результаты выборочного социологического опроса экспертов Республики Карелия // Власть. Бизнес. Гражданское общество: модели взаимодействия (отечественный и зарубежный опыт) Информационно-аналитические материалы круглого стола с международным участием. Ростов-н/Д.: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2016. С. 127.

³ Ильин А.Ю. Результаты выборочного социологического опроса экспертов Республики Карелия. С. 122.

При этом современная политико-административная элита и ее лидеры и местные представители бизнеса, которые возглавляют оппозиционные силы и настроения не готовы идти на компромисс, а предпочитают в лучшем случае «Параллельное существование».

С приходом в 2010 г. на должность Главы Республики выходцев из Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга противостояние между региональной исполнительной властью и оппозицией вышло на новый качественный уровень. Новое руководство республикой активно задействовало силовой ресурс. В отношении политиков и руководителей всех уровней были возбуждены уголовные дела. В результате не только отдельные представители прошлой администрации подверглись административному и уголовному преследованию. Но наиболее существенный урон был нанесен оппозиции. Ее главные представители были арестованы или вынуждены под угрозой ареста покинуть страну.

В качестве примера можно привести два примера наиболее известных людей в республике, ассоциируемых как лидеров карельской оппозиции, курирующих деятельность ряда политических партий.

Девлет Алиханов как один из влиятельных представителей оппозиции с точки зрения партийной принадлежности никогда не проявлял жесткой привязки к какой-либо из политических партий, вступая, скорее, в договорные отношения в разные периоды своей политической активности с последними. В 1990-е г. — был членом КПСС, в 2001–2005 гг. — членом ЛДПР, до 2009 г. поддерживал партию Справедливая Россия. С июля 2009 г., отказавшись от борьбы за кресло Мэра г. Петрозаводска стал членом Единой России, заместителем Главы Республики, Сенатором в Совете Федерации Федерального собрания. Однако именно факт пребывания Д. Алиханова в Единой России стал не только пиком его политического влияния. Но и периодом ограничений его самостоятельности, как бизнесмена использующего политику для реализации своих бизнес проектов. Но и Единая Россия, скорее больше потеряла, чем приобрела. Так как вместе с собой в партию Алиханов привел большую группу, бывших членов Справедливой России, тем самым получив на уровне городской партийной группы мощное лобби. И фактически возглавил кампанию

против действующего Главы Республики — Андрея Нелидова. А с приходом в Карелию на должность Главы Александра Худилайнена и активностью в республике следственных органов и других силовых структур к началу электорального цикла 2016 года низвела активность Алиханова к минимуму, вынужденного уже весь 2016 год находиться под арестом.

Другому более известному «оппозиционеру» Василия Попова полностью удалось поставить под свой контроль деятельность партии «Яблоко». И, вероятно, не малая роль популярности Яблока в Карелии находится в прямой зависимости в информационной, финансовой, интеллектуальной поддержки ее деятельности со стороны Василия Попова.

Хотя, надо отметить, что сила «Яблока» состоит не в популярности ее лидеров (эта популярность условна) или в масштабности их начинаний в республике (они незначительны), а ее заряженностью на открытый виртуальный конфликт с представителями действующей власти. Тем не менее, партия Яблока имеющая традиционно поддержку в Петрозаводске и в целом в республике не смогли удержать свое влияние в администрации города, даже избрание формального лидера Эмилии Слабуновой председателем партии. Скорее избрание Слабуновой, накануне выборов 2016 года ослабила Яблоко в Карелии.

Так как ее лидеры вынуждены были расплывать свои силы. А снятие с выборов за депутатские места в Петросовет, свели возможности реванша партии за контроль над деятельностью администрации и депутатского корпуса Петрозаводска к минимуму. И максимальный результат, что показала партия на выборах это три из 36 мест в карельском парламенте. И, тем не менее, это один из самых высоких результатов партии Яблоко по всей России.

Сокрушительный успех партии Единая Россия, практически на всех выборах от муниципальных до федеральных, все же следует объяснять не только активностью следственных органов, вскрывающих коррупционные и иные виды преступной деятельности среди представителей бизнеса и политических групп или государственных служащих.

А также слабостью политических партий, малой привлекательностью ее руководителей в глазах избирателей.

И на этом фоне ставкой Единой России на известных людях в республике, даже в ущерб чистоте формирования избирательного списка, который должен быть сформирован по результатам праймериза. Но этот недостаток корректируется тем, что массовый избиратель не знает и не интересуется ни качеством, ни чистотой формирования партийного списка.

Еще один фактор способствующий победе Единой России, это возвращение смешанной системы избрания. Так как исходя из слабости партийной системы в Карелии, для победы достаточно набрать «контрольный пакет» в пределах 30% голосов. С чем лучше всех справились единоросы. И опять за счет хорошей агитационной кампании и высокой поддержки среди населения, особенно за пределами Петрозаводска политики Президента страны. Избиратель мало осведомлен и мало интересуется программами, Для него более важно если Президент страны поддерживает Единую Россию над голосовать именно за эту партию.

То есть популярностью среди населения фигуры Президента Путина В.В.

А также стремлением граждан к стабильности, при низкой заинтересованности личного участия в общественно-политической деятельности. Это связано, во-первых, четкой ориентацией на сугубо личные интересы и, во-вторых, с традиционным критическим отношением к политике в целом и, в частности, к любой власти, но при высоких требованиях к последней.

Ориентацией граждан на власть, контролирующей реальные рычаги управления.

При наличии устойчивого протестного потенциала, проявляющегося в низкой явке избирателей на всех уровнях в сравнении со средне статистическими показателями по России и готовности поддержать оппозиционные группировки, отсутствием в Карелии сильной оппозиции,

Массированной поддержкой информационными каналами политических лидеров республики и партии ЕР при резкой критике и «разоблачениях» представителей оппозиции.

В целом, особенностью электорального поведения жителей республики на региональном и местном уровнях сохраняется ситуативная

электоральная активность независимо от демографических особенностей избирателей или их идеологических или партийных предпочтений. При этом следует отметить, что Карелия никогда не относилась к регионам так называемого «красного пояса» или «поддержки проправительственного курса». Напротив, население Карелии демонстрировало устойчивый интерес к «умеренно реформистским демократическим» или маргинальным (ЛДПР) движениям.

При этом, при всей «оппозиционности» политического электората представители и сторонники «партий власти» традиционно набирают на выборах в среднем в пределах 30% голосов избирателей. При условии, что каждый из ближайших соперников получает в полтора-два раза меньше голосов. Независимо от конкретных процентов, оценка электоральных циклов парламентских выборов позволяет говорить, что не менее 70% избирателей не высказывают привязанности к той или иной политической партии, а голосуют ретроспективно, особенно если говорить о выборах в региональные органы власти¹.

На фоне уголовных дел, разоблачений конкурентов, снятие сильных игроков из оппозиции симптоматично на выборах стала успех КПРФ и ЛДПР.

ЛДПР и КПРФ при своем стабильном положении в регионе в настоящее время не имея известных и авторитетных фигур, получили от избирателей поддержку, деля 2–3 места в разные органы управления и власти. Что может объясняться тем, что перенесения протестного потенциала избирателей на поддержку партий, не представляющих серьезной угрозы для Единой России. Однако опыт анализ избирательных кампаний в Карелии в нулевые годы позволяет утверждать, что у проигравших партий есть шанс мобилизоваться и выставить единого кандидата.

И уже в ходе кампании 2016 года предложения о объединении сил уже прозвучало от лидеров. А у Единой России тогда стоит обратная задача. Всеми имеющимися ресурсам не допустить объединения перед выборами в 2017 году Главы Республики политических оппонентов.

¹ См. таблицу выборов в Карелии.

СЕКЦИЯ

Выборы в Карелии¹

Выборы	Явка (против всех)	ЕР (НДР, ОВР, Единство)	Яблоко	КПРФ	СР (П.Ж. +П.П.)	ЛДПР	СПС (П.Д.)
Глава РК							
1998 апрель		2 тур 49,5% Катанан- дов	3-е в 1 туре -Ча- женгин Степанов	2 тур 43,5% Степанов		2 тур Катанан- дов	
2002 апр. Главы РК	50,36% (10,72%)	53,45% Ка- танандов	10,37% Попов	7,48% Тюков			14.05% Мяки
Глава Петрозаводского ГО							
2002 апрель	49.76% (12,5%)	40,37% Масляков	10,26% Демин		11,34% Петеляева		
2006		36,45% Масляков	28,48% Попов				
2009. июль	21,23%	58,87% Левин				11.6% Бузова	
2013 сент.	26,26%	28,93% Левин	41,94% Ширшина	4,63%	3,25%	2,31%	
Президента РФ							
2000	(1,83%)	64,27% Путин	7,35% Яв- линский	17,04% Зюганов		3,41% Жири- ний	
2004	(3,56%)	74,14% Пу- тин		10,13%	1,10%	2,26%	
2008		67,25% Медведев		17,28% Зюганов		12,52% Жи-ский	
2012 март		55,38% Путин		16,47% Зюганов	6,10% Миронов	8,59% Жи-ский	12.22% Прох.
Петросовет							
2007 март	28,20%	18,33% Пять групп Главы РК Катанан- дова В т.ч. ЕР -8,33%	66,67% гр. Три группы бизнесме- нов Попо- ва- Али- ханова Нефедова	1,67%		0,00%	
2016 сент.		33,08%	Снята с выборов	18,26%	16,28%	17,79%	

¹ Ильин А.Ю. Избирательная система как залог целостности и единства современного государства // Вестник Центральной избирательной комиссии Республики Карелии. № 3. 2013. С. 6–20.

Выборы	Явка (против всех)	ЕР (НДР, ОВР, Единство)	Яблоко	КПРФ	СР (П.Ж. +П.П.)	ЛДПР	СПС (П.Д.)
Законодательное Собрание РК							
2006 окт.	33,13%	38,8%	Снята с выборов	12,77%	16,25%+ 12,05%	8,87%	
2011 дек.		30,12%	7,13%	19,05%	22,25%	18,34%	
2016 сент.		33,20%	9,89%	14,44%	15,54%	18,91%	
Государственная Дума РФ по партийным спискам							
2003	(5,66%)	37,86%	7,70%	7,95%	2,86%	14,42%	5,50%
2007		57,28%	3,98%	10,75	11,24%	10,38%	0,72%
2011 дек.	49%	32,26%	6,21%	19,26%	20,58%	17,94%	
2016 сент.	39%	37,30%	7,80%	13,05%	10,09%	17,57%	0,13%

Библиография

1. Ильин А.Ю. Результаты выборочного социологического опроса экспертов Республики Карелия // Власть, Бизнес, Гражданское общество: модели взаимодействия (отечественный и зарубежный опыт). Информационно-аналитические материалы круглого стола с международным участием. Ростов-н/Д.: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2016. С. 121–135.
2. Ильин А.Ю. Избирательная система как залог целостности и единства современного государства // Ильин А.Ю. Вестник Центральной избирательной комиссии Республики Карелии. № 3. 2013. С. 6–20. [Электронный ресурс]. URL: <http://vibor.karelia.ru/assets/Vestnik-CIK-RK/vestnik3.pdf>

КЕРИМОВ АЛЕКСАНДР АЛИЕВИЧ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ПАРЛАМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: проблема парламентской информационной открытости для современной России по-прежнему является актуальной. Данные тезисы посвящены анализу состояния и перспектив развития информационной открытости современного российского парламента. Автором предлагается комплекс мер, реализация которых может сыграть позитивную роль в преодолении имеющихся трудностей.

Ключевые слова: парламент, информационная открытость, коммуникационные каналы, гражданское общество, политическая культура.

Поскольку развитие парламентаризма в современной России совпадает с общемировыми тенденциями, то здесь трудно выявить чисто российские особенности информационной открытости парламента. По сути, проблемы парламентской информационной открытости и способы их решения имеют универсальный характер. Все наработки и реализуемые на практике проекты по обеспечению парламентской информационной открытости в различных странах мира находят применение и в России.

Для обеспечения информационной открытости парламента в современной России применяются как традиционные, так и новейшие способы взаимодействия парламента с населением. Среди традиционных можно выделить такие формы, как обращения граждан и общественных организаций в законодательный орган власти, законодательные инициативы со стороны граждан, организация общественных слушаний по различным законопроектам, создание при парламентских учреждениях общественных и консультативных советов, регулярные встречи депутатов с избирателями, организация выездных заседаний парламента, парламентских комитетов, проведение общественной экспертизы законопроектов, информирование общественности о деятельности парламента через различные коммуникационные каналы и др.

Наряду с традиционными формами взаимодействия с гражданским обществом парламент России использует и новейшие формы посредством современных коммуникационных каналов. Например, на официальном сайте Государственной Думы постоянно размещается информация о парламентской деятельности, осуществляется прямая трансляция парламентских слушаний и др.

Развитие перечисленных форм взаимодействия с гражданским обществом, безусловно, способствует практической реализации задачи по обеспечению информационной открытости парламента. Вместе с тем принимаемые меры недостаточны, кроме того, невысокий уровень общегражданской и политической культуры приводит к распространению неприятия стратегии парламентской открытости.

Парламентская информационная открытость может быть достигнута только при условии, если политическая власть всерьез будет заинтересована в ее реализации. Обеспечение информационной открытости не должно иметь декларативный характер и походить на

очередную кампанию. Выхолащивает сущность идеи парламентской открытости также создание многочисленных, но неработающих органов, которые обычно состоят из одних и тех же лиц. Концепция парламентской открытости должна быть наполнена конкретным содержанием и обеспечена правовыми механизмами ее реализации.

Парламентская информация может использоваться гражданами наиболее эффективно только в контексте широкой культуры открытости. Парламент обязан создавать законы, распространяющие культуру открытости, поощряющие активность гражданского общества. Более того, парламент обязан обеспечить эффективную реализацию этих законов, которые гарантируют открытость и прозрачность правительственной и парламентской информации посредством общественного наблюдения и предоставления законных средств, позволяющих гражданам реализовывать их права на доступ к публичной информации. Парламент также должен обеспечивать вовлечение граждан и гражданского общества в деятельность государства, поддерживая гражданское обучение, взаимодействуя с НКО и уважая права граждан на получение полной и своевременной парламентской информации¹.

Важно отметить, что легитимность политической власти и ее институтов в не меньшей степени зависит от уровня парламентской информационной открытости. Достижению этой цели может способствовать комплекс мер, предусматривающий организацию доступных и альтернативных коммуникационных каналов для полноценного информационного контакта с населением.

С учетом вышесказанного, можно рассмотреть ряд решений, реализация которых, на наш взгляд, может сыграть позитивную роль в преодолении проблем парламентской информационной открытости и восстановлении доверия к парламентским институтам со стороны граждан:

- организация прозрачной для общества и контролируемой им политической коммуникации в период формирования власти, т.е. во время проведения парламентских выборов. Являясь важнейшим источником легитимации власти, выборный процесс должен стать свободным от фальсификаций и манипуляций;

¹ Декларация о парламентской открытости. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openingparliament.org/declaration> (дата обращения: 22.11.2016).

-
- развитие интернет-ресурсов, направленных на приближение законодательной (представительной) власти и принимаемых ею решений к общественности. Парламенту необходимо шире использовать возможности электронной коммуникации, создавать полезные для общественности интернет-сайты;
 - формирование высококачественной журналистики, высокой журналистской этики и стандартов поведения и независимых медиа, способных профессионально и адекватно интерпретировать информацию, идущую от парламента к населению;
 - создание условий для полноценной, результативной коммуникации власти и оппозиции, их совместного, эффективного дискурса, что позволит сохранить целостность социума, легитимировать социальные интересы;
 - проведение эффективных, публичных, политических дебатов с участием первых лиц государства по актуальной повестке дня, которые должны стать неотъемлемой частью избирательного и поствыборного процесса;
 - грамотное выстраивание деятельности служб по связям с общественностью и СМИ, предоставляющих актуальную информацию от имени парламента населению обо всех важнейших событиях, происходящих в стране и в мире. Парламентские PR-службы должны налаживать честный дискурс с обществом, поддерживать открытый характер отношений с аудиторией и при этом опираться на ценности гражданского общества, постоянно корректируя свои позиции;
 - развитие диалоговых форм общения депутатов и общественности (думские слушания, круглые столы, прямые линии) для увеличения информационной открытости парламента;
 - признание приоритетным развитие коммуникационных медиаплощадок типа Общественного телевидения, «Открытого правительства», интерактивного портала «Российская общественная инициатива» и т.п.;
 - проведение активной политики, ориентированной на формирование у населения высокой политической культуры, позволяющей ориентироваться в общественно-политических вопросах;
 - усиление контроля общественности над властью, соблюдением ею законов, норм политической этики, морали и прозрачности деятельности;

- наполнение курса предмета обществознания для образовательных учреждений среднего и среднего специального образования новым содержанием, ориентированным на политическую социализацию учащихся и повышение уровня их политической грамотности.

Библиография

1. Декларация о парламентской открытости. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openingparliament.org/declaration>

ЛЕТУНОВСКИЙ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

АРХЕТИПЫ И АГРАДАЦИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: в статье автор поднимает вопрос о государственности и проблемах конституционного переустройства общества, на основе осмысления исторической самобытности и национального самосознания российских граждан.

Ключевые слова: культурно-правовое наследие, национальные традиции, духовность, православие, суверенитет, национальное достоинство.

Государствование постмодернистской России, вобравшее в себя многие научные теории, школы и направления различных эпох, к настоящему времени приблизилось к своеобразной «развилке» (или «точке бифуркации»), предопределяющей векторность дальнейшего развития. Непростой выбор, который предстоит сделать, обусловлен не только внешними обстоятельствами и современными проблемами финансово-экономического развития, но и глубинными сущностными противоречиями между «меркантилистско-потребительскими интересами» и «морально-этическими ценностями».

Внутренние архетипы отечественного культурно-правового кода связаны со спецификой самоидентификации, самоопределения и национального строительства в нашей стране. Общеизвестно, что православие пришло на Русь из Византии. Именно Русская Православная Церковь (РПЦ) Московского Патриархата впоследствии играла ведущую роль в формировании национального самосознания и самого процесса государственного строительства. Но в самом на-

чале этого пути имел место культурно — правовой и национально-государственный кризис (разрыв), связанный с отречением «от греков», что объяснялось необходимостью самоопределения Москвы и ее церковно-политического отделения от Константинополя. Данный подход нашел свое обоснование в конкретной формуле И. Грозного: «Наша вера христианская, а не греческая». В результате сложился весьма своеобразный, внутренне гетерогенно-синтетический дуалистичный архетип, впитавший два основных компонента: автохтонно-национальный и христианско-византийский.

Его «цветущая сложность» (по К. Леонтьеву), уникальность и амбивалентность позднее еще более усилились в связи с трехсотлетним золотоордынским «наслоением» и инкорпорированием с одной стороны восточно-китайских технологий государственного управления транзитированных на Русь чингизидами), а с другой массивированной практики «западнизации / вестернизации» и «имперского строительства», начало которой было положено Петром I.

Изначально матрица русской политико-правовой власти формируется как бинарная, предельно полифоничная. С одной стороны, имеет место чрезвычайно высокий уровень персонифицированной сакрализации властедержателя (ибо, как подчеркивал Н. Карамзин, государство на Руси «существует Государем»); с другой, не менее высок и уровень требований, предъявляемых к самодержцу, который обязан был быть в глазах общества справедливым и законным. Иосиф Волоцкий прямо указывал, что несправедливый царь — «не Божий слуга, но диавол». Власть обязана была быть эффективной: русский народ может простить властителем почти все, кроме слабости и недееспособности. И сегодня весьма актуальной представляется пророческая идея Ф.М. Достоевского: «Нации живут великим чувством и великою, всех единящую и всё освещающую мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля...»¹.

Наша самобытность аксиоматична и ее проявление в политико-правовой сфере выразилось в том, что русский народ «создал особую

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 31.

концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений, начало этическое»¹. Идеал «святой Руси» и «государства Правды» глубоко укоренен в историческом сознании (и подсознании) нашего народа. Как отмечал С. Франк, русское слово «правда» крайне трудно переводится на различные иностранные языки: оно полисеманлично и одновременно означает и «закон», и «истину», и «моральный долг», и «духовную веру», и «естественное право», и «справедливость». В отличие от экономико-центристского общества, порождающего «экономического человека», «индивида-потребителя», «глобалистского компрадора», этикоцентристская модель способна развивать национальную культурную традицию, совершенствовать человеческие отношения, сохранять высокую духовность, обращаясь к самым сокровенным ценностным идеалам.

Православная этика соборности, являющаяся реальной альтернативой западному индивидуализму, способна создать принципиально иной тип гражданского общества — этико-центристскую модель, которая обладает более высоким духовно-нравственным и социально-политическим потенциалом. «На это обстоятельство обращал внимание еще В. Ключевский, который подчеркивал, что «...чем теснее мы сближались с Западной Европой, тем труднее проявлялась у нас народная свобода, так как западноевропейская культура обращалась не на пользу страны, а лишь только усиливала неравенство, служила эксплуатацией, снижала общественное сознание масс, усиливая их сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе»².

Автор полагает, что и в современных условиях глупо и недальновидно подстраиваться под «западный эталон демократии» (апофеозом которого сегодня стали однополые браки. — прим. Л.П.). Еще несколько лет назад Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл отмечал: «демократия является принципом, выработанным на Западе, в странах евро-атлантического региона. По этой причине любой демократ в России вынужден априори обращаться с понятием демократии как с шаблоном, сравнивая российскую общественно-политическую жизнь с западным эталоном. В результате он запрограммирован на

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1982. С. 388.

² Летуновский П.В. «Смутное время» в политических координатах истории и памяти России как фактор ослабления государства // История государства и права. № 2015. С. 32.

две разновидности выводов: находить сходства, либо расхождения российской действительности и демократической модели. Но это есть лишь знакомый всем принцип прокрустова ложа.

Во-первых, этот метод ведет к интеллектуальной ограниченности и идеологической зашоренности.

Во-вторых, происходит отрицание самобытности национальной жизни, поскольку ее многие положительные черты оказываются невостребованными¹. Евроатлантические государственные лидеры, а также их доморожденные последователи-западоиды, не желают замечать очевидных фактов: именно русский народ на крутых поворотах истории спасал Европу от монгольского ига, нашествия Наполеона, фашизма. Роль соборного единения всей земли русской здесь огромна и неоспорима. Если западная демократия изначально стремилась обустроить земную жизнь в основном при помощи механизмов норм и институтов (безотносительно к морали и духовному состоянию человека), то восточнохристианская модель государственности, ориентированная на синергию и слияние земного и небесного начал, рассматривалась как основной гарант от «зловредности» и казуистики «формально-юридического устройства».

Почти четверть века отечественные «реформаторы-вестернизаторы», тупо копируя зарубежные штампы, и уповая лишь на «рационализм» с «прагматизмом», проводили в России свои безумные эксперименты, «рассматривая страну как полигон для испытаний» (по выражению руководителя ФЭП Г. Павловского). При этом подрывались сами устои отечественной государственности, ослаблялась национальная безопасность России. Ибо игнорирование духовного начала, национального самосознания и психоменталитета народа заведомо размывают авторитет власти. Если реальные чаяния и expectativas людей не совпадают с матрицей модернизации, то любая политико-правовая система начинает давать сбой: реальная практика 80–90-х гг. XX века конкретно доказала, что наиболее убедительной моделью является не «инструментально-универсалистская», а нравственно-этическая государственность, способная активировать мощный духовный потенциал, скрытые ресурсы всего общества посредством опоры не только на право, на веру, совесть и мораль.

¹ Соборность и демократия. Смоленск, 2005. С. 22.

Русский православный человек ментально воспринимает жизнь как подвижничество, как долг, как восхождение. Сегодня в условиях глобализации, антизакоинного санкционного прессинга и массовой информационно — психологической войны против нашей страны, исключительную актуальность обретает вопрос легализации и легитимизации в полном объеме Православия и прав «государствообразующего народа» (по определению В.В. Путина), избавления общества от грязи и мерзости неолибералистского нигилизма. В этой связи возникает проблема конституционного переустройства, ибо Основной закон страны должен соответствовать духу и мировосприятию Русской цивилизации, ее культуре, традициям, нравам, обычаям, ее онтогенетической, этнолингвистической, психоисторической специфике, Контрпродуктивно «подгонять» Россию под чужеродные импортные нормативно-правовые «штампы» и «ксерокопии», которые под маркой «демократизации» были навязаны ей «деспотичным меньшинством» (по выражению академика Г. Осипова) в смутном 1993 году. Директор Института телевидения В.Т. Третьяков совершенно справедливо подчеркивает в своем исследовании «...я утверждаю не то, что она плоха, а то, что она просто-напросто не подходит для России. Согласитесь, это серьезнейший, точнее, даже фундаментальный дефект, жить с которым просто нельзя. Относительно стабильности. То, что не соответствует стране, не может быть фактором ее стабильности»¹. Мэтр отечественной журналистики отмечает также, что «дефекты ныне действующей Конституции 1993 года столь значительны, а ее несоответствие политическим и шире — цивилизационным реалиям исторической и современной России столь масштабны, что простыми правками данного текста или усложнением его поправками и дополнениями проблема решена быть не может»².

С учетом аналитических оценок и в контексте современного политико-правового развития России представляется целесообразным принятие Закона о Конституционном Собрании, а затем, опираясь на данный конституционный механизм, приступить к разработке проекта новой конституции и ее открытого и широкого экспертного обсуждения. Тем более, что учеными-конституционалистами, государство-

¹ Третьяков В.Т. Что делать? М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. С. 129.

² Там же. С. 135.

ведами, общественными деятелями уже наработаны определенные текстуальные и пилотные «инварианты» (С.А. Авакьяна, О.О. Миронова, В.В. Володина, Е.Б. Мизулиной, А.И. Лукьянова, А. Сулакшина, В. Зволинского, Н. Харитонова и других). Замалчивать или оттягивать решение этой жизненно важной проблемы, пытаться «загнать ее вглубь» не только алогично, но и бесперспективно. Необходимо определяться и делать выбор.

После 30 лет хаоса, смуты и беспамятства мы только начинаем возвращаться к своим истокам. Наверное, впервые за последние десятилетия между обществом и властью переброшен своеобразный «Крымский мост», обозначились контуры общенационального консенсуса. Впереди — трудный и долгий путь самоосознания, самоосмысления, самоидентификации. В условиях глобализации и усложнения международной обстановки важно сберечь свой суверенитет, национальное достоинство, свободу и независимость России.

Библиография

1. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984.
2. *Рябова Е.Л.* Исследование основных аспектов культуры конфликтного взаимодействия в современном российском социуме // Социум и власть. 2010. № 2. С. 27–30.
3. *Соборность и демократия.* Смоленск, 2005.
4. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1982.
5. *Третьяков В.Т.* Что делать? М.: Эксмо: Алгоритм, 2009.
6. *Летуновский П.В.* «Смутное время» в политических координатах истории и памяти России как фактор ослабления государства // История государства и права. 2015. №. 17. С. 54–59.

ЛЯХОВЕНКО ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В ГОСДУМУ РФ 18 СЕНТЯБРЯ 2016 г.

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции развития партийной системы России накануне и после выборов в Госдуму РФ 18 сентября 2016 г. Анализируются политические вызовы и угрозы, стоящие перед партиями, а также действия самих партий, направленные на преодоление этих вызовов. Особое внимание уделяется задачам кадрового и организационного строительства политических партий, а также политического и правового образования партийных активистов и сторонников.

Ключевые слова: политические партии, партийная система России, выборы, выборы в Госдуму РФ 18 сентября 2016 г.

Ядро современной партийной системы России сформировалось в середине 2000-х гг. В это время «Единая Россия» становится безусловно доминирующей силой в федеральном и региональных парламентах. Формируется основной пул «парламентских» (т.е. представленных в Государственной Думе) партий, состав которого стабильно воспроизводится на протяжении целого ряда электоральных циклов (2007, 2011, 2016 гг.): «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». На «полупериферии» по отношению к этому ядру действует несколько «малых» партий, борющихся за влияние в отдельных регионах и территориях и пытающихся преодолеть «полупроходные» барьеры на федеральных выборах в расчете на получение государственного финансирования. В их числе — «Яблоко», «Патриоты», а также ряд партий и движений, которые исчезают на определенном этапе и затем воссоздаются в том или ином виде («Родина», партии пенсионеров, «Зеленые», «Коммунисты России» как партия «исключенных из официальной КПРФ» и т.д.). Происходит ослабление и резкое проседание либерального фланга, партии которого после 2003 г. не могут пройти в федеральный парламент.

Ядро партийной системы практически не изменилось ни за время уменьшения числа партий (до 7 в 2011 году), ни за время их радикального количественного роста (более 70 сегодня). Однако качественно оно отражает скорее социально-политическую ситуацию и специфику межэлитных договоренностей именно середины 2000-х гг. В результате — возникает **рассинхронизация между партийной системой и общественными запросами**, когда существующая партийная система только отчасти репрезентативна к запросам граждан. Этот разрыв проявился уже в 2011 г. и стал одним из факторов политического кризиса 2011–2012 гг. после выборов в Госдуму РФ VI созыва (отсюда — феномен протестного голосования «за кого угодно против «Единой России»»). Формальный количественный рост числа партий в 2012–2015 гг. в целом не привел к качественному изменению ситуации, однако изменил форму выражения недовольства партийной системой: вместо протестного голосования — снижения явки с 60% до 48% на выборах в Госдуму РФ VII созыва. Однако в

целом вопрос со снижением явки остается *дискуссионным*. В пользу аргумента о «кризисе» партийной системы говорят апатия избирателей и снижение интереса к политическому процессу из-за переносов федеральных выборов-2016 на сентябрь, в результате чего активная фаза предвыборной гонки пришлась на летние месяцы, «дачный» и «отпускной» периоды. С другой стороны, снижение явки позволяет говорить об уменьшении роли таких факторов выборного процесса, как мобилизация административно зависимого электората и непрозрачные корректировки результатов выборов на этапе подсчета голосов (аргумент в пользу «оздоровления избирательной системы»).

Политический кризис 2011 года стал сигналом для всех партий о необходимости корректировать повестку, методы работы с гражданами, сторонниками, СМИ, региональными отделениями и т.д. Произошло снижение доверия к партиям как политическим институтам — что важно, ко всем партиям. Но особенность избирательной кампании-2011 и ее последствия, в определенном смысле, исказили «видимую» сторону айсберга. Наиболее явно в 2011 г. под удар попала только «Единая Россия», потеряв конституционное большинство в Госдуме РФ и столкнувшись с серьезными имиджевыми проблемами. Напротив, представители парламентской оппозиции — прежде всего, КПРФ и «Справедливая Россия» — ситуативно стали бенефициарами протестного голосования и существенно повысили свои показатели (абсолютное число голосов, процент голосов, число депутатских мандатов в Госдуме РФ и т.д.). Однако этот, ситуативный по своей сути, успех по факту *замаскировал более глубокие и неочевидные проблемы*, накапливающиеся в партиях длительное время и остающиеся без решения. Оппозиционные партии не нарастили существенно число своих постоянных сторонников, не смогли расширить базу постоянных активистов, в т.ч. на местах, и т.д. Следствием этого стало то, что «Единая Россия» уже с 2012 г. была вынуждена менять повестку и искать новые рецепты политического успеха, в то время как парламентская оппозиция долгое время «почивала на лаврах» и оказалась в значительной мере неподготовленной к кризисам и вызовам 2014–2016 гг. Наиболее ярко со снижением электоральной поддержки в 2012–2016 гг. столкнулись КПРФ и «Справедливая Россия». Помимо объективных цифр (снижение доли полученных голосов на региональных и федеральных выборах в абсолютном выражении и

в относительных долях), следует отметить, что на федеральных выборах-2016 итоговые результаты КПРФ и ЛДПР оказались максимально приближены друг к другу (13,34% и 13,14%), то есть по факту ЛДПР смогла результативно бороться с КПРФ за символическое «второе место в общепартийном зачете». В свою очередь, «Справедливая Россия» резко ухудшила свой результат на федеральных выборах (с 13,24% в 2011 г. до 6,22% в 2016 г.), при этом на протяжении всей избирательной кампании-2016 у экспертов и независимых наблюдателей существовали серьезные опасения относительно общей способности этой партии переизбраться в парламент.

На этом фоне ситуативные успехи отдельных партий, прежде всего, КПРФ, на региональных и местных выборах в 2014–2015 гг. (Новосибирск, Иркутская область) по факту стали результатом очень сложного сочетания различных факторов: *объективных условий* (низких рейтингов «Единой России», высокого стартового уровня поддержки КПРФ в этих регионах), *собственной активности кандидатов от КПРФ*, которая позволила мобилизовать ядерный коммунистический электорат, а также сформировать «широкие коалиции» (в том числе с опорой на протестно настроенный городской класс и либеральных активистов), а также *явных недоработок региональных властей и «Единой России» при выстраивании собственных избирательных кампаний*. На этом фоне примечательно, что в отсутствие последнего фактора (явных провалов внутри «Единой России») КПРФ становится крайне сложно добиваться электоральных успехов, что ярко высветилось на выборах-2016, в том числе в кампаниях одномандатников.

Федеральные и региональные выборы 2016 г. ярко высветили проблемы, длительное время накапливающиеся внутри политических партий.

Первая из таких значимых, крупных проблем — это «отчужденность», «неконкурентность» партийных деятелей, многие из которых занимают ведущие позиции в своих партиях десятилетиями. «Забронзовение», несменяемость и неконкурентность партийных элит привели к тому, что серьезно усилился запрос «снизу» на общее кадровое обновление партий и на создание карьерных лифтов как для членов партий, так и для их сторонников и общественных активистов. Результаты выборов 18 сентября, в свою очередь, показали, что те партии, которые смогли предложить низовым активистам и обще-

ственникам кадровые и карьерные лифты и в целом — существенно обновили кандидатский корпус на выборах, выступили в целом лучше тех партий, которые на такие шаги не пошли. В этом смысле обращают на себя внимание праймериз по открытой модели, проведенные «Единой Россией». Предварительное внутрипартийное голосование позволило партии существенно обновить как состав кандидатских списков, так и итоговый состав депутатов в Госдуме РФ (смена состава фракции — более 50%). Аналогично, активной (подчас принудительной) ротацией депутатских кадров и привлечением молодежи занимается ЛДПР, что в значительной мере позволило партии ответить на «запрос на новые лица». Напротив, с серьезными проблемами на выборах столкнулись партии, в которых решение кадровых вопросов практически целиком замкнуто на действующее руководство этих сил («Яблоко», «ПАРНАС», в значительной мере КПРФ и «Справедливая Россия»).

На этом фоне уже в 2016–2021 гг. целый ряд партий может столкнуться с проблемой *смены руководства* — уходом (или как минимум отходом на второй план, на более «статусные» и «представительские» должности) действующих лидеров и их заменой новыми лицами или коллегиальными структурами. Уже в ближайшие годы с этим столкнутся, как минимум, КПРФ и ЛДПР, а также «Яблоко» (где Г. Явлинский оставил формальный руководящий пост, однако по факту остается главным партийным лидером). При этом серьезным риском для этих партий может стать *обострение внутрипартийной борьбы за лидерство*. Если она не примет институциональные формы, то может стать мощным фактором дестабилизации (внутрипартийный саботаж, «зачистка отделений» и т.д.). По ряду признаков, некоторые партии (прежде всего, КПРФ) уже в ходе кампании-2016 столкнулись с этой проблемой на практике, в результате чего значительные ресурсы уходили на борьбу между отдельными внутрипартийными группами, а не на повышение общего результата партии на выборах.

Вторая большая проблема связана со *слабостью организационных машин политических партий*. На практике сложилась ситуация, когда во многих партиях федеральные, региональные и местные структуры зачастую существуют «параллельно» друг другу, формируют собственные повестки, не связанные между собой, а порой и противоречащие друг другу. Получили распространение технологии

передачи региональных отделений во «франчайзинг» спонсорам или конфликтующим элитным группам конкретных регионов. При этом происходит столкновение двух по сути противоположных тенденций. С одной стороны, партии заинтересованы в привлечении ресурсов (кадровых, организационных, финансовых) и потому готовы идти на такое «сотрудничество», в том числе с высокой степенью автономизации региональных отделений по отношению к федеральным органам. С другой, нередки ситуации, когда «отданные во франчайзинг» региональные отделения партий становятся лишь инструментами внутриэлитной борьбы, при этом размываются единая партийная структура и повестка, а сама партия несет серьезные имиджевые потери.

Отдельный проблемный вопрос — это нехватка профессиональных кадров на местах (юристов, орговиков, технологов и т.д.). При этом особенностью «скучных» выборов 2015 и 2016 гг. стала резко возросшая роль избирательных споров и в целом — юридического сопровождения избирательной кампании (регистрация кандидатов, оспаривание нерегистрации в ЦИК РФ и судах, попытки оспорить регистрацию кандидатов-оппонентов и т.д.). Однако подобные «процессуальные» технологии требуют особого качества подготовки специалистов — юристов, менеджеров, политтехнологов, которых зачастую не хватает даже федеральным штабам партий.

Третья большая проблема (по факту, блок проблем) касается коммуникационных аспектов работы партий. С точки зрения личной коммуникации, ораторского искусства и т.д. — далеко не все партийцы и активисты способны активно работать с аудиторией, тем более с недружественной, участвовать в дебатах, вести агитацию на улице, во дворах и т.д., обсуждать проблемы в реальном времени и по существу, а не в формате ток-шоу и откровенно популистских призывов «доколе?!». Между тем, можно констатировать, что запрос на качественную коммуникацию как требование современной политсистемы возрастает (праймериз, дебаты, прямая агитация во дворах, «агиткубы» и т.д.). Не меньше вопросов и в части работы партий с «новыми» медиа и интернет-СМИ. Сайты партий, как правило, склоняются к одной из двух крайностей: либо очень официозные, без инструментов обратной связи, редко обновляемые, с запутанной навигацией, невозможностью найти актуальную информацию и т.д., либо очень «креа-

тивные» и «продвинутые», но по факту — виртуальные, без полевых машин, реальных сетей активистов и т.д. При этом обе крайности, факту, вызывают раздражение как со стороны профессиональных экспертов и аналитиков, так и со стороны рядовых граждан. Серьезные нарекания возникают и к аккаунтам партий в соцсетях: несистематическая работа, слабо выстроена перекрестная система «онлайн-офлайн», перекос в сторону информационного резонанса, а не донесения ценностей, смыслов, программных установок, непонятно, кто именно ведет аккаунт — реальный активист из региона или сотрудник партийного штаба из Москвы, и т.д.

С учетом перечисленных выше вызовов и проблем (а данный перечень не исчерпывающий), можно ожидать, что стратегическими направлениями развития партий на среднесрочную перспективу должны стать:

- создание инструментов внутрипартийной конкуренции и демократии, механизмов кадровых и социальных лифтов для сторонников и низовых активистов, институтов продвижения молодых и перспективных кадров;
- отстройка партийных структур на всех уровнях — за счет повышения качества организационной работы и усиления работы с непартийными сторонниками и их объединениями;
- масштабное и многоуровневое обучение партийных активистов, кандидатов и сотрудников аппаратов по широкому спектру направлений (юриспруденция, политтехнологии, организационный менеджмент, работа со СМИ, ораторское искусство и т.д.). В связи с этим будут востребованы как собственные «партийные университеты», так и повышение квалификации и переподготовка специалистов на профессиональных ВУЗовских площадках.

Отдельный вопрос — за рамками данной работы — касается более общего политического и идейного позиционирования партий и способности партий предложить работоспособные и востребованные модели будущего, привлекательные для избирателя. Но здесь, очевидно, перед партиями также стоит огромный фронт работы.

Вне зависимости от результатов федеральных и региональных выборов-2016, следует констатировать, что все перечисленные выше вопросы **актуальны для всех партий**. Но реагируют на эти вызовы партии по-разному.

«Единая Россия» из кризиса-2011 сделала весьма серьезные практические выводы. Отсюда — развитие институтов внутрипартийной демократии, таких, как внутрипартийные платформы (хотя они не так активны, как могли бы быть), праймериз (предварительное внутрипартийное голосование по открытой модели, в том числе перед выборами в ГД-2016), работа с дружественными общественными структурами (ОНФ, Советом сторонников «Единой России» и т.д.); обучение партактива на всех уровнях, в том числе на базе Корпоративного университета Сбербанка; повышение информационной открытости; качественные сайты и т.д. Однако большой фронт работ еще предстоит сделать.

КПРФ, «Справедливая Россия» — потенциально имеют сильные позиции (общественный запрос на социальную справедливость, на «левую» повестку, тем более в условиях экономического кризиса), но очень плохо пользуются имеющимися возможностями. Как следствие, усиливается запрос на «альтернативу» действующим лидерам и структурам (поэтому — ситуативные успехи «Коммунистов России», не связанные только с выполнением «спойлерской» функции; потенциально высокие шансы у партий пенсионеров и т.д.). Для «левых» партий жизненно важно развивать внутрипартийные лифты, привлекать активистов, отстраивать организационную работу, проводить обучение кадров, содержательно работать по «позитивной» повестке, наладить информационную работу с общественностью через сайты, социальные сети и т.д.

ЛДПР, в отличие от других партий парламентской оппозиции, находится в достаточно позитивном тренде, гибко реагируя на вызовы времени и по мере возможности пытаюсь на них отвечать. Отсюда — масштабная полевая агитация (агитпоезда, автопробеги, акции в регионах), молодые лица («соколы Жириновского»), смягчение риторики (в результате В. Жириновский перестает быть «скандальным популистом» и становится «уважаемым патриархом российской политической сцены»). Но перед партией наиболее остро стоит вопрос о лидерстве «после В. Жириновского» — кто подхватит знамя, и этот вызов для партии можно считать принципиальным.

В более проблемной и уязвимой зоне находятся «идеологические» и «идейно-политические» партии. «Левый» сегмент, в известном смысле, перенасыщен. Помимо двух явных «левых» парламентских

партий (КПРФ и «Справедливая Россия», которые даже в явном «федеральном» статусе часто сталкиваются с проблемой «найти избирателя и привести его на участок»), существует большое число «малых» партий: пенсионеров, альтернативных коммунистов, «партия за справедливость» и т.д. По факту, количество партий в данном случае не столько способствует усилению их роли и веса в партийной системе, сколько еще больше запутывает избирателя. При этом возникает очень характерный для российской политической традиции парадокс: в условиях экономического кризиса и падения доходов возрастает значение «левых» идей и усиливается запрос на социальную справедливость, однако граждане вместо того, чтобы голосовать за «левые» партии, голосуют за партию власти (в расчете на то, что она будет «не говорить, а делать»). Как следствие, «влево» смещается уже сама партия власти (вместо роста поддержки собственно «левых партий»).

Также весьма проблемно развивается «правый», либеральный фланг, при этом его сущность его проблем можно описать краткой формулой «много структур, низкая договороспособность». По факту, с проблемами организационного строительства и создания работающих структур сталкиваются и радикально-оппозиционные (ПАРНАС и т.д.), и явно «провластные» силы («Партия Роста» Б. Титова). Другая, традиционная для «правых» проблема — большое число партийных структур пытается разделить и без того небольшой (порядка 10–15%) сегмент электората. В результате нередко ситуация, когда бизнесмены предпочитают голосовать за партию власти (как реальную политическую силу), а не за свои «профильные», т.е. либеральные партии. В свою очередь, протестная городская интеллигенция игнорирует выборы или поддерживает одну из сил парламентской оппозиции (чаще всего КПРФ) как хоть сколько-то претендующую на реальный политический и электоральный результат — также вместо голосования за «правых».

«Патриотический фланг» конкурирует в первую очередь с «Единой Россией» и оттягивает голоса у нее (даже если формально адресует критику «левым», «либералам» и т.д.). В этом смысле перспективы самостоятельного и успешного развития на федеральном уровне для «патриотических» партий («Родины», «Патриотов») неочевидны. Хотя на уровне субъектов РФ эти партии могут достаточно успешно

выступать на региональных и местных выборах, нередко — в статусе «запасного аэродрома» для местных политических элит.

«Зеленые», экологические партии, по сути, сегодня являются слишком отраслевыми и специфичными сюжетами, для их успеха недостаточно объективных условий. Здесь можно вспомнить концепции Р. Инглхарта о соотношении материалистических и постматериалистических ценностей, при том что в России пока что явно доминируют именно материалистические запросы. Но «зеленая» повестка может стать качественным «довеском» для других партий, например, «Яблока» (что на практике часто и происходит, особенно на местных выборах и при работе с конкретными активистами) или «Единой России» (летом 2016 г. — резкий рост внимания со стороны партии и Общероссийского народного фронта к экологической проблематике).

Кроме того, важно отметить, что именно крупные партии выступают точками притяжения избирателей, и прошедшие выборы в Госдуму РФ и региональные парламенты в 2015 и 2016 гг. это показали. Напротив, механическое увеличение числа партий — зарегистрированных и участвующих в выборах — не приводит к росту поддержки «малых» политических сил. В результате можно ожидать, что уже после 2017–2018 гг. начнутся масштабные процессы укрупнения («слияний и поглощений») политических партий — как вследствие консолидации политических сил на разных идейно-политических флангах, так и по причине отзыва регистраций у политических партий вследствие невыполнения ими минимальных нормативов по электоральному участию.

ПОПОВА АННА ВЛАДИСЛАВОВНА

РОССИЙСКАЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НАЧАЛА XX в.: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: автор на основе анализа постулатов российской неолиберальной политико-правовой доктрины конца XIX — начала XX вв. о необходимости эволюционной перестройки системы государственного управления в целях достижения общественного идеала в виде демократического, конституционного, правового и

социального государства, приходит к выводу о современности данных тезисов в современных условиях государственно-правового развития Российской Федерации

Ключевые слова: конституционализм, парламентаризм, неолиберальная доктрина, революция, эволюция, демократическое правовое социальное государство.

Главным тезисом неолиберальной теории государства и права являлся постепенный эволюционный переход от существовавшего в начале XX в. самодержавного государства к демократическому конституционному, а от него к правовому и социальному государству как конечному государственно-правовому идеалу. Поэтому трактовка представителями российского неолиберализма конституционного государства и конституционализма приобретает особое значение.

Особенностью становления неолиберального конституционализма в начале XX в. стала взаимосвязь между теорией и ее реализацией на практике. Неолибералы полагали, что российский конституционализм, несмотря на определенные отличительные черты, находится во взаимосвязи с европейским конституционализмом, поэтому высказывалось мнение о возможности, а в некоторых случаях и необходимости рецепции основных начал английского конституционализма в России.

М.М. Ковалевский, обосновывая этот тезис писал, что принципы и формы английского парламентаризма заимствуются континентальной Европой только в том случае, если они соответствуют уровню общественного сознания и «общественному и экономическому укладу той или иной нации, того или иного государства». Поэтому европейский парламентский опыт следует использовать с обязательным учетом российской национальной специфики. Н.А. Бердяева, разделяя эту позицию, утверждал, что «мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь российскими». По его мнению, «русская идея» заключается в том, что «в глубине российского народа заложена свобода духа большая, чем у более свободных и просвещенных народов Запада».

Определяя пути реформирования российской государственности, неолиберальные государствоведы полагали обязательным учитывать особенности исторического развития отечественного государства. П.И. Новгородцев, П.Н. Милюков, М.М. Ковалевский, Б.А. Кистяковский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и другие утверждали естественное тяготение русского народа к монархическим формам организации го-

сударственной власти, поэтому будущей формой правления должна была стать конституционная монархия по образцу Великобритании, основанная на разделении власти. Неолибералы считали, что государство должно начать процесс самореформирования, главную роль в котором призвана играть законодательная власть.

В неолиберальной политико-правовой доктрине сложилось представление о различных видах конституционного государства: дуалистического и парламентарного. Так, В.М. Гессен полагал взаимодействие между исполнительной и законодательной властями, а «точнее — между парламентом и главой государства» главным основанием для их различия. Конституционное государство основано на таких принципах, как народный суверенитет, законность, разделение властей, народное представительство, законодательное закрепление в основном законе либо в законах, имеющих конституционное значение, а также на гарантированности системы прав и свобод граждан. Поэтому в конституционном государстве народ через своих представителей принимает решающее участие в осуществлении государственной власти.

Парламентарное государство, по мнению российских неолибералов, характеризуется: наличием стабильной двухпартийной системы; формированием кабинета министров (правительства) из числа представителей партии, имеющей большинство мест в парламенте в результате выборов; сосредоточением всей полноты законодательной власти только в руках органа народного представительства; возможностью вынесения импичмента должностным лицам государства; личной ответственностью членов правительства. При этом представители неолиберальной политико-правовой доктрины считали именно парламентскую монархию оптимальной формой правления. Однако для полного осуществления народовластия, основанного на участии представителей народа не только в законодательной, но и в исполнительной власти, был необходим определенный уровень общественного правосознания.

Характеризуя парламентарное государство, Б.А. Кистяковский отмечал, что «парламентская система представляет прямую противоположность системе разделения властей». В.М. Гессен, поясняя такое различие, отмечал, что «министерство, неудобное парламенту не может оставаться у власти; вотум недоверия влечет за собою его выход

в отставку, — в этом вся сущность парламентаризма»¹. Это и является парламентаризмом в узком смысле слова.

По мнению С.А. Котляревского, в парламентарной монархии организация правительства обеспечивает «его солидарность с общественным мнением». Поэтому парламентарное государство представляет собой высшую ступень развития конституционного, отличающуюся демократической системой организации и функционирования государственной власти. Исполнительная власть в таком государстве должна действовать в полном соответствии с волей народного представительства и только таким образом достигается гармония между правотворчеством и правоисполнением.

Развитие конституционализма как системы таких демократических принципов, по мнению неолибералов, происходит параллельно с развитием демократии, понимаемой как приобщение народа к политической жизни. Так, Ф.Ф. Кокошкин определял этот процесс следующим образом: «Создание конституционного государства есть продукт процесса рационализации власти, который идет рука об руку с процессом ее демократизации. Признание конституционных начал влечет за собою, как логическое последствие, и признание начал демократических»². С. А. Котляревский, продолжая данный тезис, утверждал, что демократия уже существует, или будет завоевана в самом скором времени.

Различие между дуалистическим и парламентарским типами монархической формы правления заключалось, по мнению неолибералов, в объеме власти народного представительства. Так в парламентарном государстве она была несравнима больше. «Конституционно-дуалистическая монархия возникла в ходе реформы сверху, когда происходило октроирование конституции государем, а парламентарная — как результат революции, когда пактированная конституция фиксировала условия договора между государем и его подданными». Поэтому в конституционно-дуалистической монархии глава государства ограничен палатами только в законодательстве, а в управлении

¹ Гессен В.М. Основы конституционного права (издание 2-е). Пг.: Издание юридического книжного склада "Право", типо-литография товарищества А.Ф. Маркс, 1918. С. 418.

² Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. 3-е изд-е. Рига: Давид Гликсман, 1924. С. 118.

имеет неограниченную власть. Правительство в такой монархии зависит от государя, который «царствует и правит, а не от народного представительства и общественного мнения», поэтому «в дуалистических государствах министры остаются у власти до тех пор, пока они угодны монарху». Соглашаясь с данным мнением, С.А. Котляревский утверждал, что в конституционно-дуалистической монархии определенный способ формирования правительства является гарантией его «полной независимости от общественного мнения»¹.

В соответствии с неолиберальным пониманием конституционализма, его отличительные признаки заключаются: в наличии конституции (писаной или неписаной); верховенстве и определяющей роли конституции как основного закона в системе действующего законодательства; опосредованности политических отношений конституционно-правовыми нормами; конституционной регламентации государственного строя и политического режима; конституционном признании прав и свобод личности; правовом характере взаимоотношений гражданина и государства. Поэтому в начале XX в. особенно остро обсуждался вопрос о необходимости обоснования правового режима конституционного народного представительства, ответственного правительства, демократических свобод в целях дальнейшего реформирования формы государственного правления в России.

В контексте синтеза различных теоретических взглядов на природу и сущность нового конституционного государства утверждалось положение о характеристике прав человека и гражданина в качестве основы и предпосылок построения основ демократического конституционного государственного строя. Провозглашение основным признаком конституционного государства принципа верховенства права не противоречило признанию обязательности существования организованной публичной власти в виде различных государственных органов и учреждений. Верховенство признавалось за народным представительством, что делает народ самостоятельным участником власти при сохранении самостоятельности государственной власти при условии ее «солидарности с народом».

¹ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. С. 8.

Данный тезис объяснял требование участия всех граждан в управлении собственным государством, «т.е. никакие ограничения избирательного права принципиально недопустимы». Поэтому неолиберальные мыслители полагали, что после введения представительного (законодательного) органа можно говорить о первом этапе трансформации России в конституционное, а затем в правовое и социальное государство. По мнению Б.А. Кистяковского, принятие государственных актов 1905–1906 гг. является доказательством начала преобразования России из абсолютной в конституционную монархию, поэтому «не подлежит сомнению, что конституционный государственный строй у нас установлен и у нас существует конституция»¹.

Сопоставляя реальное развитие России в начале XX в. с неолиберальной теорией социального правового государства, Б.А. Кистяковский отмечал, что в этот период начался переход к построению общественного идеала, признаком чего могло служить народное представительство в Государственной Думе, члены которой обладают «законными средствами влиять на то, чтобы правительство управляло страной так, как это, по их мнению, желательно и полезно»². К таким средствам он относил утверждение бюджета, создание в законодательном порядке учреждений и должностей подчиненного управления и их упразднение, право запросов.

Со времени осуществления народного представительства, по мнению В.М. Гессена, «устанавливается в стране конституционный режим», а, следовательно, и конституционное государство³. Оно отличается от абсолютной монархии, в которой все органы верховного управления, за исключением монарха, имеют только совещательный голос, и от сословной монархии, в которой верховная власть — это представительство отдельных сословий или чинов. «Во всех без исключения конституциях, — писал мыслитель, — мы встречались с одинаковой, по существу, формулировкой конституционного прин-

¹ Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году. СПб., РХГИ, 1999. С. 477.

² Там же. С. 482.

³ Гессен В. Теория конституционного государства: Лекции, чит. студентам эконом. отд[ания] СПб. политехн. ин-та имп. Петра Великого / В.М. Гессен. 3-е изд. СПб. : Касса взаимопомощи студентов СПб. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1914. С. 4.

ципа: закон издается не иначе, как с согласия народа или народного представительства, а в конституционных монархиях не иначе как коллективно (в единении) монархом и народным представительством».

В.М. Гессен считал, что законодательная и представительная власти различаются между собой, и обособление законодательной власти представляет «конституционное начало», наиболее последовательно осуществляемое при республиканской форме правления. Основной характеристикой конституционного государства, по мнению неолиберальных мыслителей, стал приоритет законодательной власти над исполнительной. Данный принцип представляет собой необходимое условие для правильного взаимоотношения между властью и гражданином, выражающегося в правоотношении между правовыми субъектами, а не во власти-отношениях между субъектом и объектом. В. М. Гессен, характеризуя признаки конституционного государства, отмечал, что только в нем индивид выступает субъектом публичных прав и обязанностей, а не объектом власти. Различие объективных (или публичных) прав гражданина и субъективных конституционных прав являлось главным критерием перехода от абсолютизма к правовому государству в странах Европы на рубеже XIX–XX вв.

Представители неолиберальной политико-правовой доктрины утверждали, что после внесения изменений в Основные законы Российской империи следует говорить о существовании определенных признаков конституционного дуалистического государства. При этом следует отметить существенный недостаток подобной формы правления — приоритет исполнительной власти по отношению к законодательной. Поэтому для дальнейшего развития России по пути достижения государственно-правового идеала неолибералы полагали, что необходимо реформировать такой государственный порядок, для чего в первую очередь предлагали изменить избирательную систему и расширить полномочия парламента. Различные сценарии развития общества нашли отражение в фундаментальных теоретических трудах представителей различных течений неолиберальной политико-правовой доктрины, а также в проектах Основного закона и политической Программе Партии конституционных демократов.

Неолибералы полагали процесс превращения России в социальное правовое государство многоэтапным, поэтому на первоначальном этапе, по их представлениям, необходимо завершить переход от

самодержавия к конституционной монархии, основанной на принципе разделения властей с системой сдержек и противовесов. В соответствии с западноевропейской традицией законодательная власть должна быть представлена выборным двухпалатным парламентом, в котором нижняя палата представляет интересы всего населения государства, а верхняя — интересы регионов. Исполнительная власть в лице правительства, с одной стороны, не зависит от парламента, а, с другой — подконтрольна ей. Вторым этапом — это республика, основанная на демократическом правосознании народа.

В отличие от классического либерализма, пропагандирующего невмешательство государства в сферы общественной жизни, российские неолiberaлы полагают необходимым подобное вмешательство, так как реформы «сверху» в виде определенных законов, основанные на общественном сознании, по их мнению, могут привести Россию к общественному идеалу. Особенностью неолiberaльной доктрины был тезис о реализации «государственной власти путем активной законодательской парламентской деятельности, ставящей власть в строгие рамки позитивного, государственного законодательства».

Таким образом, в неолiberaльной политико-правовой доктрине основой конституционного государства были принцип разделения властей, народный суверенитет и местное самоуправление. Особое внимание уделялось личности, которой отводилась ключевая роль субъекта публичной власти в связи с тем, что всякий полноправный гражданин через своих представителей является участником акта государственной воли, необходимость принятия которого планируется законом.

В современной юридической литературе существуют три основных точки зрения на возникновение и содержание российского конституционализма как формы модернизации Российского государства:

- первая исходит из самостоятельности содержания конституционализма в России;
- вторая предполагает, что российский конституционализм представляет собой рецепцию западноевропейских образцов;
- третья заключается в необходимости интеграции первых двух, когда конституционные «принципы могут иметь национальные особенности реализации в конкретных государствах и существовать наряду с уникальными (специфическими и неповторимыми) конституционными учреждениями».

На наш взгляд, необходима интеграция первых двух точек зрения, так как только при их сочетании возможен объективный анализ процесса формирования и развития конституционных учреждений в России.

Оценивая неолиберальную политико-правовую доктрину в целом, следует отметить, что ее формирование пришлось на переломный этап в истории России, в которой неолиберализм не имел прочной социальной базы, поэтому большинство его идей так и не получили соответствующей поддержки в обществе. Однако, несмотря на исторические условия, российские неолибералы сумели соотнести принципы классического западноевропейского либерализма с национальными особенностями становления российской государственности.

Созданная неолиберальная политико-правовая доктрина стала моделью общественного развития на ближайшую историческую перспективу, в ней были теоретически обоснованы наиболее оптимальные пути реформирования государственного строя от самодержавия к конституционному, а затем правовому и социальному государству. Однако данная модель, предлагавшая эволюционный путь разрешения такого кризиса путем правового обеспечения процесса реформирования общественного и государственного строя, не была востребована в исторических условиях рубежа XIX–XX вв.

Современный этап развития отечественного государства также приходится на время системного мирового кризиса, поэтому теория и практика российской неолиберальной политико-правовой доктрины представляет собой ценнейший опыт для решения политико-правовых задач, стоящих перед обществом. Несмотря на то, что реализация неолиберальной модели потерпела неудачу, предлагаемые неолибералами реформы представляют собой ценный объект для изучения. При этом современным исследователям государственно-правовых явлений необходимо помнить, что перенесение в чистом виде наработок представителей неолиберализма в сегодняшние реалии может привести к нежелательным последствиям.

Перед современным российским обществом поставлена цель создания новой национальной идеи, способной объединить все слои общества. В этой связи обращение к неолиберальной теории солидарности, на наш взгляд, представляется особенно актуальным, так как идея компромисса интересов между всеми слоями общества, являв-

шаяся основополагающей для реформирования государства в начале XX в., может стать основой для формирования государства нового типа в XXI в. Конституция Российской Федерации 1993 г. содержит ряд постулатов, являющихся базисными в неолиберальной доктрине начала XX в., в числе которых следует отметить: определение основ конституционного строя в виде демократического правового государства с республиканской формой правления; провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью; обязанность государства в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека; закрепление социального и светского характера государства; утверждение принципов разделения властей, равенства всех перед законом, многообразия форм собственности, многопартийности, идеологического плюрализма.

Поэтому можно говорить об определенном присутствии и востребованности идей российской неолиберальной доктрины конца XIX — начала XX вв. для теории и практики современного отечественного государственно-правового строительства, для формирования российской общенациональной идеи, отвечающей вызовам эпохи глобализации. Интеграция позитивных идей всех существующих в российском обществе политико-правовых идеологий позволяет создать обновленную государственную идеологию сохранения и развития российской цивилизации.

Библиография

1. *Гессен В.* Теория конституционного государства: Лекции, чит. студентам эконом. отд[—ния] СПб. политехн. ин-та имп. Петра Великого. 3-е изд. СПб.: Касса взаимопомощи студентов СПб. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1914. 299 с.
2. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. 2-е изд. Пг.: Изд. юрид. книжн. склада «Право», типо-литография тов-ва А. Ф. Маркс, 1918. 489с.
3. *Кистяковский Б.А.* Государственное право (общее и русское) Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году. СПб.: РХГИ, 1999. 800 с.
4. *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. 3-е изд-е. Рига: Давид Гликсман, 1924. V, 306 с.
5. *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных законов. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 223 с.
6. *Попова А.В.* Модель государственного и общественного устройства России в трудах неолиберальных мыслителей на рубеже XIX–XX вв. // История государства и права. 2009. № 10. С. 43–46.

СОСНИН ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН ГУБЕРНАТОРСКИХ ВЫБОРОВ 2016 года

Аннотация: в статье рассматривается практика участия российских политических партий в губернаторских выборах, состоявшихся в единый день голосования 18 сентября 2016 г. в семи субъектах Российской Федерации. Анализируется уровень партийно-политической конкуренции, дизайн партийных конфигураций и результаты голосования.

Ключевые слова: политические партии, губернаторские выборы, явка избирателей, легитимность, политическая конкуренция, сценарии выборов.

В единый день голосования 18 сентября 2016 прямые выборы высших должностных лиц состоятся в семи субъектах Российской Федерации: в Тверской, Тульской и Ульяновской областях, Забайкальском крае, Чеченской Республике, Республике Тыва и Республике Коми. И хотя в четырех регионах официальное наименование высшего должностного лица — «Губернатор», а в трех — «Глава Республики», далее по тексту используется обобщенное наименование «губернатор».

В целом по стране губернаторские выборы проводятся в пятый раз с момента политической реформы 2012 года, обеспечившей переход от института фактического назначения руководителей регионов Президентом страны с формальным утверждением внесенных кандидатур региональными парламентами к системе прямых выборов губернаторов населением. Исключением являются отдельные национальные республики, главы которых избираются законодательными органами. В 2016 году схема избрания глав республиканскими парламентами реализуется в Северной Осетии и Карачаево-Черкессии. Как отмечает Григорий Голосов, одним из ключевых факторов принятия решения по возврату к выборности губернаторов было осознание федеральным центром важности приобретения руководителями регионов навыков и организационных инструментов публичной политики, отсутствие которых, во-многом, предопределило сравнительно низкие результаты «Единой России» на федеральных выборах 2011 года¹.

В двух регионах из семи губернаторской серии 2016 года выборы по новым правилам уже проходили: в Забайкалье в 2013 году и в

¹ *Grigori V. Golosov. The September 2015 Regional Elections in Russia: A Rehearsal for Next Year's National Legislative Races // Regional & Federal Studies. 2016. Vol. 26, No. 2. P. 258.*

Коми в 2014. Однако, полномочия избранных на них губернаторов, Константина Ильковского в Забайкальском крае и Вячеслава Гайзера в Республика Коми, были прекращены досрочно.

Институт самовыдвижения кандидатов в губернаторы через механизм сбора подписей избирателей предусмотрен только в Тульской области. При этом изменение, допускающее самовыдвижение, было внесено в областной закон 31 марта 2016 года. В остальных шести регионах право выдвижения кандидатов в губернаторы предоставлено исключительно политическим партиям. В связи с этим с формально-юридической точки зрения именно политические партии являются основными субъектами политической борьбы за губернаторские кресла в российских регионах.

Для анализа партийно-политического дизайна губернаторских выборов необходимо учитывать контекст функционирования партийной системы в современной российской ситуации в целом.

После либерализации законодательства, регулирующего регистрацию политических партий, их количество увеличилось более, чем в десять раз: с семи в 2011 году до 74-х в июне 2016 года. Взрывной рост количества новых партий происходил в 2012–2013 годах, затем их количество стабилизировалось. А после выборов в Государственную Думу 2016 года, по мнению ряда экспертов, количество партий в России постепенно начнет сокращаться¹. Можно прогнозировать ликвидацию целого ряда партийных проектов, систематически не принимавших участие в выборах, что является обязанностью любой политической партии.

В 2014 году законодательно установлены «квалификационные» критерии для получения политическими партиями льготы по регистрации без сбора подписей партийных списков и кандидатов в одномандатных округах на выборах в Государственную Думу РФ. Партия соответствует критериям, если на предыдущих выборах нижней палаты российского парламента она получила не менее 3% голосов избирателей или избрала минимум одного депутата по партийным спискам на выборах в законодательный (представительный) орган хотя бы в одном субъекте Российской Федерации.

¹ Любарев А.Е. Ликвидация большого числа политических партий должна начаться в 2019 году. URL:<https://komitetgi.ru/news/news/2932/>

К концу 2014 г. «квалификационным» критериям соответствовали четырнадцать партий: семь «старых» — существовавших до 2012 г., и семь «новых» партий, образованных после либерализации партийно-законодательства¹. К 2016 г. их количество не изменилось.

В этом плане можно утверждать, что именно четырнадцать партий, прошедших «квалификацию», при всех их огромных различиях с точки зрения масштабов поддержки избирателями и политического влияния, на данный момент составляют институциональное ядро партийной системы Российской Федерации. С точки зрения формальных программных установок они представляют достаточно широкую партийно-идеологическую палитру: умеренные националисты, центристы-консерваторы, либералы, зеленые, социал-демократы, коммунисты.

Следует отметить, что особое «привилегированное» положение в российской партийной системе исторически занимают четыре парламентские партии: доминирующая партия — «Единая Россия», и три партии системной парламентской оппозиции — «КПРФ», «ЛДПР» и «Справедливая Россия».

О степени интереса политических партий к участию в губернаторских выборах можно судить по количеству выдвинутых ими кандидатов.

Как видно из табл. 1, сложившаяся на федеральном уровне «иерархия» партий проецируется на региональный уровень. из пятнадцати политических партий, выдвинувших кандидатов на губернаторских выборах 2016 года одиннадцать партий — из числа, имеющих льготу на выборах в Государственную Думу РФ. Только четыре партии, не входящие в «лигу четырнадцати», выдвинули по одному кандидату на губернаторских выборах: партии «Честно» и «Демократическая правовая партия» в Республике Тыва, партия «Национальный курс» в Тверской области и Аграрная партия в Забайкальском крае. Зарегистрирован только кандидат от Аграрной партии, остальным в регистрации отказано.

¹ Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ) Система квалификации партий на выборы в Государственную Думу РФ: практика функционирования и влияние на развитие партийно-избирательной системы. Аналитическая записка URL:https://politanalitika.ru/doklad/sistema_kvalifikacii_partii_na_vibori_v_gosydarstvennyu_dymy_rf%3A_praktika_fynkcionirovaniya_i_vliyanie_na_razvitie_partiino-izbiratelnoi_sistemi/

Активность политических партий по выдвижению кандидатов на губернаторских выборах 2016 года

Наименование политической партии	Количество выдвинутых кандидатов	Наличие «льготы» на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2016 г.
«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»	7	+
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»	6	+
Либерально-демократическая партия России	4	+
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ	4	+
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ	4	+
«ПАТРИОТЫ РОССИИ»	3	+
Политическая партия «Российская партия пенсионеров за справедливость»	2	+
«ЯБЛОКО»	1	+
«ПАРТИЯ РОСТА»	1	+
«Партия народной свободы» (ПАРНАС)	1	+
«Российская экологическая партия «Зеленые»	1	+
Аграрная партия России	1	-
«ЧЕСТНО»	1	-
«Демократическая правовая Россия»	1	-
«Национальный курс»	1	-

«Единая Россия» выдвинула кандидатов в губернаторы в шести регионах из семи. Партия не стала выдвигать кандидата только в Тульской области, где исполняющий обязанности губернатора Алексей Дюмин предпочел баллотироваться в качестве самовыдвиженца. Основной традиционный соперник «Единой России» — КПРФ выдвинула кандидатов в губернаторы во всех семи регионах, но в Тверской области получила отказ в регистрации. Таким образом, «Единая Россия» и КПРФ удерживают лидерство по числу зарегистрированных кандидатов на губернаторских выборах 2016 года. Как правило, и реальная борьба на губернаторских выборах (там, где они проходят по конкурентному, а не «референдумному» сценарию) разворачивается именно между кандидатами «Единой России» и КПРФ.

«Справедливая Россия» и ЛДПР выдвинули по четыре кандидата. Все они зарегистрированы. ЛДПР не стала выдвигать кандидатов в Чеченской Республике (позиции ЛДПР традиционно слабы на Северном Кавказе), Забайкальском крае и Тульской области. «Справедливая Россия» отказалась от выдвижения в Забайкальском крае, Тверской и Тульской областях.

Вплотную приближаются к парламентским партиям по числу зарегистрированных кандидатов на губернаторских выборах «старая» непарламентская партия «Патриоты Россия» и «новая» партия «Коммунисты России», достаточно успешно проявившая себя на выборах ряде российских регионов в 2013–2014 годах. Каждая из них сумела зарегистрировать по три кандидата: «Коммунисты России» в Ульяновской, Тульской и Тверской областях (отказ в регистрации в Республике Коми) и «Патриоты России» в Забайкальском крае, республиках Коми и Тыва.

«Яблоко», «Партия Роста» (бывшая «Правое дело») и Российская экологическая партия «Зеленые» выдвинули всего по одному кандидату. Все они зарегистрированы. Кандидаты от «Яблока» и партии «Зеленые» в Ульяновской области, от «Партии Роста» в Чеченской Республике.

«Российская партия пенсионеров за справедливость» выдвигала двух кандидатов. В Тульской области кандидат от партии был зарегистрирован, в Республике Тыва получил отказ в регистрации.

«Партия народной свободы» (ПАРНАС) выдвинула кандидата только в одном регионе (Республика Тыва), но в итоге он не представил документы на регистрацию.

Как уже отмечалось, самовыдвижение на губернаторских выборах 2016 года предусмотрено только в Тульской области, где этим правом воспользовалось три человека, из которых по итогам зарегистрирован только один — исполняющий обязанности губернатора Алексей Дюмин.

Всего на губернаторских выборах 2016 года суммарно по семи регионам выдвинулся 41 кандидат. Два претендента не представили документы на регистрацию (от партий ПАРНАС и «ЧЕСТНО»). По пяти кандидатам, представлявшим политические партии (КПРФ, Коммунисты России, Российская партия пенсионеров, Демократическая правовая Россия, Национальный курс) и двум самовыдвижен-

цам избирательными комиссиями приняты решения об отказе в регистрации. Один кандидат (партия «Патриоты России») снял свою кандидатуру уже после регистрации. В результате было зарегистрировано 32 кандидата, на момент голосования остался 31 кандидат. «Отсев» составил около 25% от числа первоначально заявившихся кандидатов.

В среднем в единый день голосования 18 сентября 2016 года уровень конкуренции составил 4,4 кандидата на губернаторское кресло. Образно говоря, показатель конкуренции примерно соответствует «магической цифре» количества парламентских партий. Наименьшая конкуренция сложилась в Тверской области (три человека на место), наибольшая — в Ульяновской области (семеро претендентов). Формально, исходя из количества зарегистрированных кандидатов, можно утверждать, что губернаторские выборы соответствовали провозглашенному федеральным центром курсу на конкурентность, открытость, легитимность.

Во всех семи регионах действующим на момент назначения выборов губернаторам удалось добиться победы. Тем не менее, уровень поддержки избранных руководителей со стороны населения, являющийся важным символическим ресурсом во взаимоотношениях с федеральным центром и внутрирегиональными элитными группами, существенно различается. Ключевыми индикаторами состоятельности губернаторов как публичных политиков можно считать явку избирателей на губернаторских выборах и процент полученных голосов.

С точки зрения активности избирателей традиционно резко выделяются национальные республики: Чеченская Республика, где явка составила почти 95%, и Республика Тыва — более 90%. В преимущественно «русских регионах» активность избирателей заметно ниже. В Ульяновской области приняли участие в губернаторских выборах 52% избирателей, в Тульской — 45,5%, в Тверской — 41,5%, в Республике Коми — 40,7%. Наименьшая явка зафиксирована в Забайкальском крае — 37,4%. Таким образом, за исключением национальных республик, системно демонстрирующих «феноменальные» возможности электоральной мобилизации, в «обычных» регионах синхронизация губернаторских кампаний с федеральными выборами Государственной Думы не привела к сколь-нибудь заметному повышению

активности избирателей по отношению к среднероссийским показателям.

Лидер по проценту полученных голосов — Рамзан Кадыров. За Главу Чечни проголосовало почти 98% жителей Республики. Внушительного результата на выборах сумели добиться Глава Тывы Шолбан Кара-оол (85%) и назначенный Президентом в феврале 2016 года исполняющий обязанности губернатора Тульской области Алексей Дюмин (84%). Уверенную победу одержали Игорь Руденя в Тверской области (72%) и Сергей Гапликов в Республике Коми (62%). По 54% голосов получили Сергей Морозов в Ульяновской области и Наталья Жданова в Забайкальском крае. Победа действующих губернаторов прогнозировалась во всех семи регионах уже на старте кампании, исходя из конфигураций выдвинувшихся кандидатов. Отдельные эксперты предсказывали возможность второго тура только в Ульяновской области и Забайкальском крае, однако на практике их прогнозы не подтвердились. Результаты голосования показывают, что все действующие руководители регионов, как недавно назначенные федеральным центром, так и «старожилы», успешно прошли тестирование на предмет поддержки населением регионов.

Рассмотрим более детально партийно-политический дизайн и результаты кандидатов от «оппозиционных» партий в каждом из семи регионов.

В Республике Тыва на этапе выдвижения заявилось 9 кандидатов, включая кандидатов от «экзотических» партий — партии «ЧЕСТНО» и «Демократической правовой партии России». Зарегистрированы были представители четырех парламентских партий и «старой» непарламентской партии «Патриоты России» (впоследствии выбыл из гонки). По итогам голосования кандидат от КПРФ получил 5%, от СР — 4%, от ЛДПР — 3%. Итоги голосования демонстрируют отсутствие выраженного лидерства в борьбе за второе место, при абсолютном электоральном доминировании действующего Главы Республики.

В Чеченской Республике специфика заключалась в том, что в «типичную» конфигурацию четырех зарегистрированных кандидатов был включен представитель партии «Роста». Каждый из партнеров Рамзана Кадырова по избирательной гонке набрал в диапазоне от 0,5 до 1% голосов избирателей. Говорить о какой либо борьбе за второе место при таких результатах не приходится.

Достаточно своеобразная конфигурация сложилась на выборах губернатора Тульской области. Алексей Дюмин единственный из действующих на момент старта кампании губернаторов предпочел выдвигаться не от партии «Единая Россия», а путем самовыдвижения. Кроме Алексея Дюмина еще два человека попытались выдвинуться в качестве самовыдвиженцев, но им было отказано в регистрации. В итоге в выборах принимали участие четыре человека: исполняющий обязанности губернатора «самовыдвиженец» Алексей Дюмин, кандидаты от КПРФ, партии «Коммунисты России» и «Российской партии пенсионеров за справедливость». По результатам голосования второе место получил представитель КПРФ Олег Лебедев, набравший 7,5% голосов избирателей (параллельно переизбравшийся в Государственную Думу седьмого созыва по партийному списку КПРФ).

Наименее конкурентная ситуация оказалась на выборах губернатора Тверской области. Изначально там выдвигалось пять кандидатов. Двум из них: кандидату от партии «Национальный курс» и потенциально сильному сопернику действующего губернатора, представителю КПРФ Вадиму Соловьеву (Секретарю Центрального Комитета КПРФ, депутату Государственной Думы РФ шестого созыва) было отказано в регистрации. В итоге в бюллетене осталось три кандидатуры: представители ЕР, «Коммунистов России» и ЛДПР. Второе место получил кандидат от ЛДПР, депутат Государственной Думы РФ Антон Морозов — почти 15% голосов. Представитель партии «Коммунисты России» видимо собрал часть электората КПРФ и набрал чуть меньше 10%. Однако, в связи с исключением из выборного процесса кандидата от КПРФ Вадима Соловьева, вопрос о реальном втором месте в политической системе Тверской области остается открытым.

В Республике Коми первоначально выдвигалось шесть кандидатов. Один кандидат (от партии «Коммунисты России») получил отказ в регистрации. В результате в бюллетене были представлены кандидаты четырех парламентских партий плюс кандидат от «Патриотов России». По итогам голосования соперники действующего губернатора от партий парламентской оппозиции получили примерно по 10% голосов каждый, кандидат от «Патриотов России» — 2,5%. В регионе сложилась полицентрическая модель, распределенного протестного голосования.

В Забайкальском крае на должность губернатора выдвигалось и было зарегистрировано четыре кандидата. «Справедливая Россия» отказалась от выдвижения своего кандидата на территории, где два с небольшим года руководил единственный в стране губернатор, представлявший партию «эсеров». ЛДПР также не стала выставлять своего кандидата. В результате партийная конфигурация в Забайкальском крае сложилась из кандидатов от «Единой России», КПРФ, «Аграрной партии России» и «Патриотов России». По итогам выборов второй место со значительным отрывом от двух остальных оппозиционных кандидатов занял представитель КПРФ, заместитель председателя Законодательного Собрания Забайкальского края Николай Мерзлякин, получивший почти 29% голосов избирателей.

В Ульяновской области на губернаторских выборах была представлена наиболее широкая палитра кандидатов: выдвинулось и было зарегистрировано семь претендентов (от ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР, «Коммунистов России», Яблока, Российской экологической партии «Зеленые»). По результатам голосования второй место получил кандидат от КПРФ, депутат регионального парламента Алексей Куринный, набравший 25,5% голосов избирателей. Одновременно Алексей Куринный баллотировался в Государственную Думу по Ульяновскому одномандатному избирательному округу №187 и сумел добиться там успеха. Остальные кандидаты в губернаторы Ульяновской области получили поддержку избирателей от примерно 1% голосов (представитель партии «Зеленые») до 6,5% голосов (представитель ЛДПР).

В целом, анализируя партийно-политический дизайн губернаторских выборов 2016 года, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство из 74-х зарегистрированных в России политических партий даже не пытаются участвовать в выборах высших должностных лиц субъектов РФ.

2. «Единая Россия» и КПРФ являются главными, хотя и неравновесными, игроками в борьбе за губернаторские кресла.

3. Парламентские партии — ЛДПР и «Справедливая Россия» — участвуют примерно в половине губернаторских кампаний, как правило, не претендуя на победу и фактически борясь за второе место.

4. Сравнительно сильные позиции КПРФ в ряде регионов делают востребованным участие в партийной конфигурации кандидатов в губернаторы политических партий «Коммунисты России» и «Патри-

оты России», аккумулирующих голоса лево-патриотических избирателей.

5. Остальные партии из числа четырнадцати, имеющих федеральную льготу на выборах в Государственную Думу и конституирующих «ядро» современной российской партийно-политической системы участвуют в губернаторских выборах в единичных случаях, исходя из специфики регионального политического контекста.

Библиография

1. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), назначенных на 18 сентября 2016 г. URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_180916/vdl.html
2. Grigorii V. Golosov (2016) The September 2015 Regional Elections in Russia: A Rehearsal for Next Year's National Legislative Races, *Regional & Federal Studies*. Vol. 26, No. 2, 255–268.
3. Любарев А.Е. Ликвидация большого числа политических партий должна начаться в 2019 году. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/2932/>
4. Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ) Система квалификации партий на выборы в Государственную Думу РФ: практика функционирования и влияние на развитие партийно-избирательной системы. Аналитическая записка. URL: https://politanalitika.ru/doklad/sistema_kvalifikacii_partii_na_vibori_v_gosudarstvennyu_dymy_rf%3A_praktika_funkcionirovaniya_i_vliyaniye_na_razvitie_partiino-izbiratelnoi_sistemi/

ТИМОФЕЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию состояния современной российской политической элиты. В ней представлены характеристика и особенности формирования современной российской политической элиты. Основное внимание концентрируется на наиболее значимых существующих проблемах в исследуемой теме- закрытости и консервации политической элиты. Автор проводит важную параллель зависимости экономики от политики и делает обоснованный вывод — отсутствие ротации политической элиты создает опасность для стагнации экономики страны. Подробно анализируется необходимость обновления политической элиты новым поколением политиков, используя механизм свободных выборов.

Ключевые слова: политическая элита, механизм формирования политической элиты, закрытость политической элиты, экономика.

Согласно результатам исследования Института социологии РАН, модель российской демократии носит элитистский характер¹. Следовательно, в современных условиях важно и актуально всестороннее и системное исследование политической элиты России. В системе изучения политических элит вопрос об особенностях формирования политической элиты является ключевым. Социальная представительность и качественный состав политической элиты во многом зависят от механизма формирования (рекрутирования) политической элиты.

Механизм рекрутирования политической элиты — это принципы выдвижения в ее состав новобранцев, которые неизбежно разнятся в зависимости от общественного строя и исторической эпохи. К таким принципам можно отнести кровное родство, наследование, владение собственностью, личную преданность, старшинство или выслугу лет и протекционизм².

Прежде всего, нужно проиллюстрировать, как применяются на практике системы рекрутирования политической элиты в России. Эффективность данной системы обеспечивается такими факторами, как широта ее социальной базы, круга лиц, осуществляющих отбор элиты и механизм отбора кадров.

Можно выделить наиболее распространенные системы формирования политической элиты:

- Антрепренерская (предпринимательская) система-отбор кандидатов на властные позиции осуществляется из различных по имущественному положению групп общества с учетом его личностных качеств и способности нравиться людям. Данная система характеризуется демократизмом, открытостью, ограниченным числом фильтров. Изобретательность, остроумие, активность являются главными критериями при отборе на руководящие посты.
- Система гильдии — она предполагает медленное, постепенное продвижение кандидата вверх по ступеням власти. Отбор кандидатов

¹ Кононенко В.А. Состояние современной российской политической элиты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 205.

² Таман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 100.

осуществляется из определенных социальных групп или партии с учетом множества требований: уровня образования, партийного стажа, опыта работы с людьми. Система гильдий закрыта и ориентирована на узкий круг руководящих работников. Склонность к воспроизводству одного типа руководителей вызвана отсутствием конкуренции. Это обрекает элиту на постепенное вымирание или превращение в замкнутую касту. Однако предсказуемость в политике снижает возможность раскола внутри элиты, что является преимуществом данной системы.

- Номенклатурная система — она основана на исключительно государственной собственности, директивном планировании, административном управлении. Ее чертами является всевластие, предельная замкнутость, корпоративная солидарность, закрытая система привилегий и строгая иерархия. Эта система близка к элите закрытого типа. Назначение руководителей практически любого уровня происходило с согласия соответствующих партийных органов, и кандидат последовательно продвигался по служебной лестнице. Такая система исключает конфликты внутри элиты и обеспечивает преемственность политического курса¹.

Механизм формирования политической элиты в России представляет собой симбиоз систем рекрутирования, где все больше схожих черт с советской номенклатурой, но с определенной спецификой (адаптирование под себя демократических институтов).

Специфической чертой российской действительности является неопределенность критериев, по которым происходит отбор в высшие социальные слои. Как показывает история последних двадцати лет, нельзя выделить набор специфических компетенций или качеств, которые определяют успешность инкорпорации в ту или иную элитную группу. Нет и такого образования, получив которое, кандидат может рассчитывать на гарантированное вхождение в элиту. Связи и случай тут решают больше, чем интеллект, знания и умения. Можно считать, что элита сама выбирает кандидатов для инкорпорации. Исключения составляют выборы, которые, хотя бы теоретически, являются входной дверью для всех желающих.

¹ Пинчук С.Д. Личность и политика: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Мор. гос. ун-та, 2000. 86 с.

Рассматривая не далекое прошлое, очевидно, что во время ельцинского периода были разрушены советские механизмы рекрутинга, а новые не возникли. В 1990-е годы это сводилось к следующему: поедем на дачу к Б. Ельцину, будем всю ночь пить, сидеть и вспоминать, с кем мы учились, а кто просто хороший парень. То есть процесс был совершенно случайный: кого-то припомнили — он получил назначение¹.

На сегодняшний день ситуация практически не изменилась, так завсектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН А. Дука отмечает, что никакой продуманной и внятной схемы рекрутирования людей в российскую политическую элиту не существует². Причем это касается и среднего управленца³. Дефицит ярких незаурядных личностей в Государственной Думе ФС РФ — это наиболее наглядное свидетельство того, что каналы рекрутирования новых людей в сферу обслуживания и принятия государственных решений имеют предельно слабую пропускную способность. Между тем, парламент всегда был площадкой для неординарных политиков, смелых и харизматичных ораторов.

Соответственно, такая же ситуация и с движением по карьерной лестнице на государственной службе.

Единой системы продвижения наиболее толковых и ярких людей наверх нет, социальный лифт в российской политике почти всегда персональный, на ручном управлении.

В целом, современная политическая элита формируется из представителей узкого привилегированного слоя и воспроизводится на своей собственной основе. Обновление ее состава происходит за счет неформальных каналов формирования — через родственников, знакомых, земляков, сослуживцев. Таким образом, в России отсутствуют открытые механизмы формирования политической элиты.

Можно констатировать и то, что сегодня в Российской Федерации полноценной системы обновления политической элиты не существует. Особенно это касается высшего эшелона, где ротация носит характер не регулярный, а ситуативный: освободилось место — ищут замену. При этом причины назначения человека очень часто непонятны и

¹ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2000. 384 с.

² Дука А.В. Политически гибкие и морально всеядные // Огонек. 2013. № 24 (5284). С. 16–17.

³ Белуза А. Госслужба по призыву // Известия. 2000. С. 15.

завуалированы, раскладываются внутри элитные «пасьянсы», кто-то кого-то в чьих-то интересах лоббирует.

В связи с этим, образовалась замкнутость российской политической элиты, ее необновляемость. Высшие политические чиновники уже на протяжении 20 лет плавно перетекают из одной должности на другую¹.

Высокая эффективность системы рекрутирования обеспечивается такими факторами, как широта ее социальной базы, круга лиц, осуществляющих отбор элиты, процедуры, механизма отбора.

Проблема формирования элиты, из-за ее закрытости особенно актуальна в настоящее время.

Закрытая элита, формируется из представителей узкого привилегированного слоя, воспроизводится на своей основе. Российская элита имеет все признаки закрытости².

История и политическая практика России говорит о том, что для нее характерна традиционная закрытая модель рекрутирования, допускающая только временную открытость в периоды социальных катаклизмов.

На сегодняшний день социальная закрытость политических элит России стала доминирующей тенденцией, препятствующей осуществлению социально-политических перемен в стране³.

«Формирование элиты у нас носит закрытый характер», «элита довольно замкнутая каста»⁴.

Как отмечает И. Хакамада «сейчас независимым политикам вообще нет места»⁵.

Как результат — «нулевые годы не дали новых политиков, это мертвая зона...»⁶.

¹ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2000. 384 с.

² Кононенко В.А. Состояние современной российской политической элиты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 205.

³ Пляйс Я.А. Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия. М.: РОС-СПЭН, 2010. 216 с.; Пономарева Е.Г. Современная Россия: политические отношения и политические институты. М.: МГИМО-Университет, 2006. 302 с.

⁴ Понарин Э.Д. От демократов до автократов // Московские новости. Приложение «Большая политика». 2013. № 135. С. В8.

⁵ Хакамада И.М. Роль политических партий — озвучивать и разъяснять решения исполнительной власти // Коммерсант. 2014. № 171. С. 4.

⁶ Перцев А. Прошлые не прошли // Коммерсант. 2014. № 149. С. 3.

По основным характеристикам, российская политическая элита все больше становится похожей на советскую номенклатуру. Она адаптировала под себя демократические институты и порядки, превратилась в новый класс чиновников и собственников, который продолжает оказывать огромное влияние на государственную политику.

Таким образом, можно отметить реставраторские тенденции трансформации политической элиты.

Произошел «реванш номенклатуры, застой и коррупция»¹.

Интересно мнение Л. Гудкова — силовые структуры, оставшиеся от советского режима, сегодня сами являются держателями власти. Избавившись от контролирующих партийных органов и подчинив парламент исполнительной власти, они получили неограниченные возможности для обеспечения своих частных, кланово-групповых интересов².

Между тем, как отмечает Е. Гайдар: «вся история Советского Союза — наглядное свидетельство того, какую цену приходится платить за устранение оппозиции и инакомыслия.

Речь идет не только о потере человеческих ресурсов, но и о том, что при отсутствии эффективных демократических механизмов с течением времени в социально-политической и экономической структуре возникают склеротические элементы, исчезает гибкость, способность к адаптации»³.

В качестве доказательств он приводит целый ряд красноречивых примеров из советского прошлого⁴.

¹ Орешкин Д.Б. Гибридный реванш. The New Time // Новое время. 2015. № 19. С. 42–43.

² Волков Д. Настроения российских элит после крима. Доступ: <http://glavpost.com/post/11nov2015/Conflicts/63295-denis-volkov-nastroeniya-rossijskih-elit-posle-kryma.html>

³ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.

⁴ В 1953 г. по письму Берии правительство СССР приостанавливает финансирование длинного перечня крупномасштабных инвестиционных проектов, на которые уже были затрачены крупные средства (начатых по указанию И. Сталина) и не имеющих какого бы то не было экономического обоснования. Приемники Н. Хрущева будут долго смеяться над его кампаниями, направленными на то, чтобы догнать США за несколько лет по производству мяса и в массовых масштаках насадить кукурузу в СССР. Но все это происходило после того, как инициаторы этих проектов уходили или были устранены от власти. До этого обсуждение, полемика были невозможны. Это одна из форм платы общества за выбор социалистической модели устройства.

Следует отметить что, отсутствие горизонтальной (через другие ветви власти) и вертикальной (через независимые СМИ и общественные организации) подотчетности исполнительной власти блокирует возможность стратегического развития страны.

И единственное, на что способна власть в такой композиции, — воспроизводство самой себя и удержание статус-кво.

Очевидно, что без создания конкурентного и прозрачного механизма формирования и функционирования политической элиты не будет реальной политики, партийной системы, развитых институтов гражданского общества, а без этого невозможно на сегодняшний день представить стабильное экономическое развитие страны.

Россия потеряет конкурентоспособность.

Замкнутость политической элиты также несет в себе риски социальных взрывов.

Люди чувствуют себя отчужденными от власти, если понимают, что система такова, что тебе ничего не светит, каким бы талантливым ты не был, то растет напряжение и риски социальных взрывов¹.

«Социальные лифты необходимы, они являются неотъемлемым условием и политической соревновательности, и легитимности»².

Есть ощущение усталости, старения власти, ее осень, президент устал, устало и окружение³. Российские элиты много лет живут и старятся вместе с президентом. Риторика стариков вынуждена перенимать молодежь.

Заслуживает внимание мнение декана экономического факультета МГУ Александра Аузана — «начинает пахнуть застоем. Застой же имеет запах — я уже второй раз в жизни этот запах чувствую в стране»⁴.

Именно, закрытие венецианской элиты от притока свежей крови, путем принятия в 1286 году нового регламента выборов в Большой

¹ Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2000. 384 с.

² Понарин Э.Д. *От демократов до автократов* // Московские новости. Приложение «Большая политика». 2013. № 135. С. В8.

³ Миронов Н. *Власть устала, но не уходит* // Московский комсомолец. 2015. № 26998. С. 3.

⁴ Аузан А.А. *В России начинается когнитивный диссонанс* // Ведомости. № 4092. 2016. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/economics/characters/2016/06/08/644671-rossii-nachinaetsya-kognitivnii-dissonans>.

Совет города, известного как «Закрытие» (La Serrata) стало началом конца Венеции и один из богатейших городов мира своего времени с передовыми экономическими институтами, такими как комменда (commenda) — зачаточный тип акционерного общества и политическими институтами — ежегодные выборы в Большой совет города превратилась из лидера экономики в музей¹.

«Венецианцы, которые когда-то открывали новые торговые пути и развивали передовые экономические институты, сегодня пекут пиццу, делают мороженое и выдувают поделки из разноцветного стекла на потребу ордам иностранных туристов».

По убеждению Г. Павловского актуальным становится вопрос поэтапной смены правящей элиты, так как «эта сделала все, что могла и это уже глубоко уставшие люди вчерашнего дня»².

Национальная элита формулирует, транслирует, объясняет, мотивирует, побуждает и организывает. И что мы видим и слышим сейчас в этой риторике «стариков» — «стабильность, стабильность, стабильность...». Экономический рост 2000-х замедлился, потом остановился, а затем и вовсе ушел в минус. Страна отбросила даже само слово модернизация. Сегодня у страны одна цель — 1% рост (который связывают в основном с ростом нефтяных котировок) и возможный возврат к уровню жизни 2012 года в 2018 году. И это все на фоне роста экономик ведущих стран, которые и так кратно превосходят российскую и гораздо более диверсифицированы, даже экономики стран Персидского залива уже менее зависят от цены на нефть и имеют больший запас прочности, чем российская.

И только смена поколения элит способно обеспечить экономический рост страны³.

Необходимо также прекратить целенаправленный негативный отбор политических фигур, реанимировать открытые площадки для дебатов, особенно выборы. Глеб Павловский делает прогноз, что 2017 станет годом реанимации политики.

¹ Аджемоглу Д., Робинсон А.Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 720 с.

² Павловский Г.О. 2016 год будет переходным к новому состоянию страны // Московский комсомолец. 2016. № 27066. С. 6.

³ Травин Д.Я. История чудес // Ведомости. 2016. № 3993. С. 6.

Отрицательная политическая селекция, когда в основе назначения на должность первостепенным фактором является не профессионализм, а лояльность¹ очень опасное явление.

Так, А. Амальрик был одним из немногих, кто точно предсказал не только неизбежность крушения советского режима, но и его время. Основанием его выводов было точное представление о негативном отборе кадров в рамках социалистической системы, когда приоритет при выдвижении на руководящие должности отдавался лояльности начальству².

Несколько десятилетий назад занялись одомашниванием лис. Для размножения отбирались только те особи, которые обладали смирным характером. К размножению не допускались особи с нежелательными чертами характера. Так вывели домашних лис. Все они оказались очень дружелюбны к людям и не агрессивны. По характеру и поведению эти лисы ничем не отличались от собак. Они перестали быть лисами, они стали собаками. Позже обнаружили, что такие лисы не обладают выраженной индивидуальностью и менее сообразительны — это были очень удобные для людей звери, но они лишились своей дикой природной красоты, грации и силы. «Вычистив» из лис те качества, которые не нравились, вместе с ними потеряли и то, что делало этих животных непохожими на других...³

Здесь выход только один — резкое обновление и омоложение политической элиты, и запуск социальных лифтов.

Так как прежние группы выработались, коррумпировались и тянут назад или к топтанию на месте⁴.

¹ *Сурначева Е.* Главное для российской элиты — лояльность. 2014. Доступ: <http://webnovosti.info/новости/главное-для-российской-элиты-лояльность-руководству-страны>; Аналитический центр Юрия Левады Левада центр. 2015. Аналитика. Настроения российских элит после Крыма. Доступ: <http://www.levada.ru/2015/11/11/nastroeniya-rossijskih-elit-posle-kruma>; «Место человека в российской власти определяется не его достижениями, а лояльностью к вышестоящей власти и назначением сверху» // Номенклатура и элита. Россия-2020: сценарий развития / Под ред. М. Липман и Н. Петрова. Московский центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2012. 485 с.

² *Амальрик А.А.* Will the Soviet Union Survive Until 1984? L.: Harper Collins, 1980.

³ *Лапин А.* Трактат о любви. Доступ: <http://www.liveinternet.ru/users/846849/post10263482>

⁴ *Караганов С.А.* Стратегия XXI: Стратегия просвещенного консерватизма // Ведомости. № 3539.2014. С.7.

Перемены — естественный двигатель истории, они придают ему заряд энергии, открывают путь наверх пассионарным личностям, они приводят к смене поколений, задающих тон общественному развитию в каждой конкретной стране¹.

Следует помнить, элиты эффективно защищаются от нововведений, если это угрожает их собственной власти.

Технологические инновации приносят человеческому обществу процветание и в тоже самое время они ведут к замене старого новым, в том числе это касается и политических элит.

Боязнь созидательных разрушений — вот главная причина отсутствия устойчивого экономического роста².

Если элиты от созидательного разрушения теряют гораздо больше, «означает не только то, что они не будут вводить инновации, но и то, что они всеми силами будут сопротивляться таким инновациям»³.

Для внедрения наиболее радикальных технологий общество нуждается в новых людях с новыми идеями и эти люди неизбежно несут созидательное разрушение и им очень часто на протяжении истории противостоит политическая и экономическая элита страны⁴.

С точки зрения политической элиты нет никакой необходимости вводить более полезные для благосостояния граждан или экономического роста институты, если действующие гораздо лучше служат интересам самой политической элиты. К примеру, ее несменяемости и как следствие монетизации своей должности посредством ввода барьеров для новых игроков в том или ином бизнесе, проведение непрозрачных аукционов и так далее. Экономические барьеры являются следствием барьеров политических. Все это негативно влияет на экономику страны и жизнь граждан, но позитивно отражается на благосостоянии самих представителей политической элиты.

Особенную значимость приобретает качество человеческого капитала в политической элите. Циркуляция креативных людей в политическую элиту.

¹ *Иноземцев В.Л.* Общество любителей консервации. Когда мы успели постареть? // Московский комсомолец. 2014. № 26476. С. 3.

² *Аджемоглу Д., Робинсон А.Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Изд-во АСТ, 2015. 720 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

Для объективной трактовки процессов социальной динамики Вильфредо Парето сформулировал теорию «циркуляции элит»¹. Генезис элиты связан с появлением внутри общества пассионарной группы, которая первоначально не имеет власти, не допускается к ней существующей правящей элитой, хотя и стремится к власти. Она является базовой основой новой элитной группы, выступающей в рамках старой политической системы в качестве контрэлиты.

Важно, что сохранение равновесия любой социальной системы постоянно требует смены одной элиты на другую.

Четыре взаимосвязанных переменных определяют развитие общества: интересы, «остатки», «производные» и социальная гетерогенность, под которой Парето понимает соперничество элит и борьбу масс с элитой. Революции, по его анализу, «происходят, поскольку с замедлением циркуляции элиты... в высших стратах общества накапливаются деградировавшие элементы, которые не обладают остатками, необходимыми для удержания власти, в то время как в низших стратах возрастает число элементов высшего качества, обладающих остатками, необходимыми ми для выполнения функции управления»².

Равновесие общества определяется гармонией «остатков» первого и второго класса в элите.

Только реально конкурентные выборы способны вплеснуть в жизнь новых амбициозных пассионарных людей, которые смогут двигать страну дальше. Толкать ее по пути развития, чтобы страна окончательно не погрузилась в летаргический сон, из которого она может и не проснуться. Это связано с тем, что сегодня скоростное развитие технологий стремительно меняет общество, бизнес и жизнь каждого человека. И если Россия, которая, по мнению, Г.Грефа на сегодняшний день превратилась в страну дауншифтера и не сможет «быстро бежать в сторону изменений», то ее ждет «технологическое порабощение»³.

¹ Антология мировой политической мысли. Т. 2 Зарубежная политическая мысль: XX век / Отв. ред. Алексеева Т.А., ред.-сост.: Г.К. Ашин, Е.Г. Морозова. М.: Мысль, 1997. 830 с.

² Там же.

³ Греф Г. Выступление на сессии «Будущее невозможного» Гайдаровского форума в РАНХиГС. Официальный сайт РИА-Новости. 15 января 2016 г.

Мировое неравенство резко выросло после английской промышленной революции. Часть стран переняла инновации, и начали быстро вырываться в лидеры мирового экономического и политического порядка, другая часть не восприняла новшества и именно реакция стран на беспрецедентную волну новых технологий определила их дальнейшую судьбу — прозябание и бедность, либо доминирование и экономическое процветание¹. Представляется, что сейчас происходит схожий этап в мировой истории — резкое развитие интернета, новых информационных технологий, которые выступают драйверами экономического роста во многих развитых и быстро развивающихся странах. И в ближайшем будущем (процессы развиваются гораздо быстрее, чем в XVIII–XIX веке) произойдет еще более резкое разделение стран на богатые и процветающие и бедные, стагнирующие. И именно отношение государства к новым технологиям, способность создать максимально комфортные условия для креативных людей определит их будущее.

Качество человеческого капитала будет определять, если уже не определяет все. Необходимо понимание, того факта, что сегодня люди, человеческий капитал являются главным ресурсом страны. Между тем, страна лишается штучных людей. Как отмечает руководитель сектора социальной мобильности Института социологии РАН Михаил Черныш в этом есть особенность нынешней российской ситуации — уезжают специалисты с высокой квалификацией, которые легко находят себе применение в других странах, а приезжают мигранты из Средней Азии с низкой квалификацией². Все это неизбежно ведет к деградации человеческого капитала, и как следствие к деградации страны, выпадение ее из инновационной мировой гонки и превращение ее в отсталую, бесперспективную.

В стране еще бытует популярный миф, что возможна авторитарная модернизация, этот подход опирается на «истории успеха» авторитарных реформ — от Южной Кореи 1960–1980-х гг. До Чили при Пиночете. Но, во-первых, данные «истории успеха» крайне редки, как отмечает Дани Родрик, на одного успешного реформатора вроде Ли

¹ Аджемоглу Д., Робинсон А.Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 720 с.

² Черныш М. Страна лишается штучных людей // Московские новости. Приложение «Большая политика» № 143 (582).

Куан Ю приходится множество клептократов наподобие Мобуту в Конго, доводящих свои страны до полного упадка¹.

Как справедливо отмечают авторы рассчитывать на успешную реализацию курса реформ в рамках электорального авторитаризма, опирающегося на бюрократию нет никаких оснований.

Неотразимый шарм авторитарного роста — дефектен. «...Россия и некоторые другие авторитарные режимы, переживающие в настоящий момент определенный экономический рост, через некоторое время упрутся в потолок этого роста и не преодолеют его, пока не трансформируют свои политические институты в более инклюзивном направлении...»².

Отсутствие конкурентных политических институтов неминуемо ведет к экономическому спаду.

А в случае отсутствия политической конкуренции — не может быть в стране и успешной конкурентной экономики.

Между экономическими и политическими институтами существует сильная синергия. Экстрактивные (то есть направленные на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой) политические институты концентрируют власть в руках политической элиты, она же в свою очередь конструирует экстрактивные экономические институты, которые не накладывают ограничений на саму элиту и препятствуют появлению новых игроков и соответственно позволяют ей присваивать максимально возможный при данных исторических обстоятельствах доход, к примеру от природной ренты. Инклюзивные политические институты, распределяя власть среди широкого круга лиц, будут неизбежно разрушать такие экономические институты, которые создают барьеры для входа новых игроков на рынок и таким образом ограничивают круг бенефициаров рыночной экономики узким кругом политической элиты страны и приближенных к ней персон. Великобритания стала одним из ведущих держав в мире потому, что в 1688 году в ней произошла революция, которая изменила по-

¹ Гельман В., Стародубцев А. Стратегия: Неудачные реформы // Ведомости. 2014. № 3743. С. 6.

² Аджемоглу Д., Робинсон А.Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Изд-во АСТ, 2015. 720 с.

литический строй страны и как следствие и экономику государства. Славная революция ограничила власть короля и передала парламенту часть его полномочий для формирования новых экономических институтов, которые стимулировали инвестиции, инновации, внутреннюю и международную торговлю, защищали право собственности граждан, в том числе на изобретения, развивали инфраструктуру страны, особенно систему дорог.

Политические права граждан были использованы ими для того, чтобы расширить свои экономические возможности.

Следует отметить, что автор не идеализирует политическую революцию, так как она не всегда приносит изменения к лучшему, российская история лучший тому пример.

Изменение политического режима — вот где ключ к выходу из бедности и, в конечном итоге, ключ к процветанию страны.

Свободные выборы в 90-е годы дали целую плеяду талантливых, креативных людей во власть, были и негодные губернаторы, но не так уж и часто ошибался народ. А если где и ошибался, то надо дать народу право учиться на ошибках ¹.

Иного выхода нет — без пассионарных людей нового поколения в политической элите — не будет изменений — без изменений Россия безнадежно отстанет в своем экономическом развитии и будет технологически порабощена.

Время сна ушло безвозвратно.

Библиография

1. *Аджемоглу Д., Робинсон А.Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Изд-во АСТ, 2015. 720 с.
2. Антология мировой политической мысли. Т. 2 — Зарубежная политическая мысль: XX век / Отв. ред. Т.А. Алексеева, Ред.-сост.: Г.К. Ашин, Е.Г. Морозова). 1997. М.: Мысль, 830 с.
3. *Белуза А.* Госслужба по призыву // Известия. 2008. С.15.
4. *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.
5. *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. № 3. 2000. С. 100.
6. *Гельман В., Стародубцев А.* Стратегия: Неудачные реформы // Ведомости. 2014. № 3743. С. 6.

¹ *Ясин Е.Г.* Нынешний элите возврат к авторитаризму невыгоден // Московские новости. 2012. № 299.

7. Дука А.В. Политически гибкие и морально всеядные // Огонек. 2013. № 24 (5284). С. 16–17.
8. Иноземцев В.Л. Общество любителей консервации. Когда мы успели постареть? // Московский комсомолец. 2014. № 26476. С. 3.
9. Караганов С.А. Стратегия XXI: Стратегия просвещенного консерватизма // Ведомости. 2014. № 3539. С. 7.
10. Кононенко В.А. Состояние современной российской политической элиты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 205.
11. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
12. Миронов Н. Власть устала, но не уходит // Московский комсомолец. 2015. № 26998. С. 3.
13. Орешкин Д.Б. Гибридный реванш // The New Time / Новое время. 2015. № 19. С. 42–43.
14. Павловский Г.О. 2016 год будет переходным к новому состоянию страны // Московский комсомолец. 2016. № 27066. С. 6.
15. Перцев А. Прошлые не прошли // Коммерсант. № 149. 2014. С. 3.
16. Пинчук С.Д. Личность и политика: учебное пособие // Владивосток: Изд-во Мор. гос. ун-та, 2004. 86 с.
17. Пляйс Я.А. Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия. М.: РОССПЭН, 2010. 216 с.
18. Понарин Э.Д. От демократов до автократов // Московские новости. Приложение «Большая политика». 2013. № 135. С. В8.
19. Пономарева Е.Г. Современная Россия: политические отношения и политические институты. М.: МГИМО-Университет, 2006. 302 с.
20. Травин Д.Я. История чудес // Ведомости. 2016. № 3993. С. 6.
21. Хакамада И.М. Роль политических партий — озвучивать и разъяснять решения исполнительной власти // Коммерсант. 2014. № 171. С. 4.
22. Ясин Е.Г. Нынешний элите возврат к авторитаризму невыгоден // Московские новости. 2012. № 299.

ТУЗИКОВ АНДРЕЙ РИМОВИЧ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ 2016–2018: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

Аннотация: Электоральный цикл 2016–2018 происходит на фоне ряда идеологических вызовов, влияющих на «повестку дня» (информационная война с западом, санкции и экономические трудности, украинский кризис, актуализирующий формирование российской идентичности). Автор выдвигает тезис, что формат идеологической повестки дня опирается на идеи патриотизма, безопасности, социал-консерватизма, социальной справедливости и гражданского активизма (демократии участия). Именно эти идеи задают рельеф складывающегося идеологического ландшафта современного российского общества.

Ключевые слова: вызовы обществу и государственности, демография, идентичность, идеология, безопасность, ценности, идеологический дискурс, «легоконструирование» идеологий.

На жизнь современного российского общества существенно влияет «длинный» электоральный цикл, связанный с выборами в Государственную думу 2016 года и выборами Президента России в 2018 году. Это связано, прежде всего, с активизацией обсуждения социально-экономических и социально-политических проблем в контексте текущей и перспективной «повестки дня». Ни одна сторона российского политикума не может уклониться от ответов на тех вызовы, которые явно проявляют себя в сфере безопасности и экономики. Информационная война с западом, «горячая» война на востоке Украины и в Сирии, экономические санкции и кризисные явления в экономической сфере не дают возможности избежать поиска политических ответов и предъявить их гражданам как программы и проекты политических сил страны. Данные вызовы «вплетаются» в формат трех главных, на наш взгляд, вызовов социально-культурного характера, имеющих особую остроту в рассматриваемый период. Имеются в виду вызовы российскому обществу и российской государственности связанные с демографией, идентичностью и идеологией.

В России уменьшается доля молодежи и растет доля лиц старшего возраста. По данным переписи населения 2010 г. почти 19% населения страны составили граждане в возрасте 60 лет. На 1 января 2016 года численность граждан России старше трудоспособного возраста являлась 35 млн 986 341 человек¹. Доля старшего поколения по отношению к трудоспособному населению уже более 30%. Если тренд сохраниться, то к 2030 г. доля населения только 65–летнего возраста составит почти 1/3 часть — 28%². Доля молодежи (14–30 лет) составляет 21.5% (31.5 млн чел) и имеет тренд к сокращению, так как доля 14–17 летних, идущих на смену двадцатилетним всего 17.1%³.

¹ Электронный ресурс. Код доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2409019>

² По классификации ООН, население считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7%. На начало 2013 года в России доля людей в возрасте 65 лет и старше составляла почти 13%, тогда как на начало 1991 года она была равна 10,2%.

³ Электронный ресурс. Код доступа: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic#/>

Российская идентичность, с одной стороны укрепились в последние годы. По данным ВЦИОМ в сентябре 2016 года 59% опрошенных, прежде всего, называют себя гражданами страны¹. Уровень патриотизма в стране остается высоким: патриотические чувства разделяют 80% россиян². Покинуть Родину навсегда ради лучшей жизни (в частности, после получения наследства) большинство россиян (70%) не готово. Среди тех, кто рассматривает такую возможность (всего 23%) чаще встречается молодежь (36% от 18 до 24 лет), москвичи и петербуржцы (32%). С другой стороны, современная идентичность носит плавающий характер и в среднем для 15% первостепенное значение имеет национальная и региональная идентичности, которые имеют потенциал актуализации при определенных обстоятельствах. Тем более, что ведущаяся сейчас мировая информационная война и «оранжевые технологии» как раз и нацелены на переформатирование идентификаций граждан атакуемых стран (пример Украины самый свежий в данном случае). Расколота страну по этническому признаку — давние планы врагов России.

Запрет на наличие единой государственной идеологии, закрепленной (почему отдельная тема) в ст. 13 Конституции России, на наш взгляд играет крайне негативную роль, так как фактически блокирует проектно-ценностное целеполагание в нашей стране, фиксируя лишь возможность следовать в кильватере целей и повестки дня «глобалистов» (консюмеризм и расширенные трактовки прав меньшинств).

Идеология в функциональном смысле позволяет в ценностно-окрашенной форме и в упаковке смыслов легитимировать власть (почему мы власть?), предъявлять интересы социальных групп (на что и почему мы имеем право?), конструировать идентичность (кто «мы» и что мы должны делать и кто «они» и что «они» не должны делать?) Идеология — ценностно-окрашенная схема интерпретации прошлого, настоящего и образа желанного будущего, позволяющая мобилизовать общество и его группы на усилия во имя достижения тех целей, которые форматируются как общие и значимые.

¹ Электронный ресурс. Код доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115866>

² Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход. Электронный ресурс. Код доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747>

В определенной степени в современном мире наблюдается кризис традиционных идеологических систем, которые давали названия политическим партиям (консерваторы, социалисты и т.п.). Чаще всего в публичной политике и медийной сфере мы имеем дело с идеологическими дискурсами¹, которые содержат матрицы задающие интерпретации влиятельных в данном обществе и в данное время идеологом (ценностно-окрашенных понятий с открытым смыслом, типа «свободы», «справедливости», «демократии» и т.п.). Идеологемы формируют «большие идеи-императивы». Тренд времени — возможность «легоконструирования» идеологической платформы (на основе сочетания различных идеологических императивов) под задачи избирательной кампании.

Указанные демографические вызовы (старение населения и сокращение числа молодежи) задают определенный социал-консервативный идеологический фон, который впрочем, в большей степени соответствует российским культурным традициям.

Своеобразный идеологический вызов — идея нового социального контракта. Он концентрируется вокруг следующих, на наш взгляд крайне значимых для современного российского (и не только российского) общества проблем: 1). Здоровье и продление активной жизни как большой общенациональный проект, 2). Качество жизни и безопасность, 3). Демократия как поиск форм ответственности власти перед обществом, 4). Гражданское общество как ответственное партнерство общества и государства в решении социальных проблем

Исследования М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой показывают, что в российском обществе сформировался и запрос на «большой» проект. Для более чем четверти наших сограждан, по их словам, большая цель, которая бы всех объединила, оказывается важнее собственного благополучия и интересов их семьи, а свыше половины всех россиян (52%) говорят о том, что они хотели бы быть полезными государству и обществу, а не просто жить так, как им хочется². Проектный императив проявляет себя и в запросе на участие в

¹ Что обсуждается, где, кем, с какими акцентами и о чем принято умалчивать публично.

² См.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества М.: Институт социологии РАН, 2013. 54 с.

реализации региональных проектах и по месту жительства (гражданский активизм). На наш взгляд, так проявляет себя демократия участия — запрос на активность и участие в реализации и форматировании проектов. Демократия участия перекликается с идеей демократии ответственности. Это, прежде всего, запрос на поиск форм институционализации ответственности власти перед обществом. Проблема реализации ответственности власти перед гражданами, на мой взгляд, ключевая для современной российской политики и государственного управления.

Что касается проблем здоровьесбережения, отметим, что как показывают исследования, старость — одна из трех главных фобий российского населения (особенно при проблемах со здравоохранением и с пенсионным обеспечением)¹. Вместе с тем продление активной и трудоспособной жизни — едва ли не единственный и крайне чувствительный с точки зрения большинства современных обществ вопрос мирового значения и вытекает из распространенного идеала гуманизма. Он имеет и выраженный аспект социальной справедливости (право на жизнь и здоровье для всех слоев населения) и актуальный в нынешних демографических обстоятельствах экономический аспект. Дискурс инновационного развития с фокусом на поиск технологий продления активного долголетия обрел бы «второе дыхание». В силу озвученных идеологических императивов предвыборными лозунгами могли бы стать:

- Сильная Россия — здоровая Россия!
- Мы за единство телесного и духовного здоровья страны!
- Демократия — это ответственность перед гражданами и страной!
- Науку и инновации на службу — продления активного долголетия!
- Здоровье и активное долголетие — каждому гражданину России!

Конечно, скептики и «реалисты» скажут, что эти лозунги вряд ли могут быть реализованы, но ведь тому, кто не знает куда плыть, никакой ветер не может быть попутным. Главное — внятно обозначить вектор движения. Не так ли?

¹ Электронный ресурс. Код доступа: http://fom.ru/uploads/files/Dobrohleb_dinamika.pdf

ФЕДОРОВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РФ И ФРГ

Аннотация: В статье анализируются результаты выборов в Законодательное собрание Санкт-Петербурга и Палату депутатов Берлина, прошедшие 18 сентября 2016 года. Основной акцент делается на значимости экономического фактора при формировании электоральных предпочтений граждан. Дается характеристика экономической ситуации в Российской Федерации и ФРГ, а также оценка удовлетворенности населением данных стран своим уровнем жизни.

Ключевые слова: выборы, электоральные предпочтения, экономические факторы, «голосование кошелька», уровень жизни.

В современных государствах на сегодняшний день в той или иной степени прослеживается взаимосвязь между экономическими и политическими процессами. Закономерность развития данных процессов во многом определяется конституционными основами государственного устройства. С точки зрения автора наиболее очевидным является выделение соответствующих закономерностей применительно к демократическим и недемократическим обществам. В силу того, что избирательный процесс является обязательным элементом демократии и имеет непосредственное отношение ко всем сферам общественной жизни, а также учитывая, что выборы как в Законодательное собрание Санкт-Петербурга, так и Палату депутатов Берлина состоялись 18 сентября 2016 года на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании, по принципу смешанной избирательной системы, представилось интересным провести сравнительный анализ формирования электоральных предпочтений граждан Санкт-Петербурга и Берлина.

Свое исследовательское поле автор ограничил такими экономическими факторами, как уровень жизни населения, так называемый феномен «голосования кошелька» (pocketbook voting), и наличие или ожидание экономического роста страны.

Гипотеза исследования: экономический мотив при голосовании оказывает значимое влияние на предпочтения избирателей в Санкт-Петербурге и Берлине.

С точки зрения автора экономический мотив влияет на электоральные предпочтения граждан сквозь призму их субъективной оценки экономического развития страны и уровня собственного благосостояния. Вслед за М. Льюисом-Беком («Экономика и выборы: основные западные демократии»¹), в данном ключе необходимо выделить три переменные — «ретроспективные» (оценка прошлого в сравнении с настоящим), «перспективные» (оценка будущего) и «аффективные» (немотивированное раздражение и т.п.), из которых оценка будущего в данном исследовании станет основополагающей. В работе М. Льюиса-Бекома респондентам было предложено оценить влияние правительства на безработицу, инфляцию, личное благополучие, торговый баланс, экономический рост и ряд других параметров. С точки зрения опрашиваемых, наибольшее воздействие правительство может оказывать на уровень безработицы и инфляции. Таким образом, учитывая вышеуказанные параметры, экономическую ситуацию в РФ и ФРГ, а также динамику результатов голосования граждан этих стран в Законодательное собрание Санкт-Петербурга и Палату депутатов Берлина в сентябре 2016 года, представляется возможным сделать вывод о том, устраивает ли население экономическая составляющая их жизни и государства в целом, и, соответственно, действующая власть.

Анализируя уровень жизни населения и показатели экономического роста страны, имеет смысл обратиться к данным, указанным в отчетах федеральных служб государственной статистики и Центров изучения общественного мнения РФ и ФРГ.

В октябре 2016 года Федеральное министерство по экономике и энергетики опубликовало отчет правительства Германии под названием «Lebensqualität in Deutschland» — «Качество жизни в Германии». Этот отчет явился результатом открытого гражданского диалога, проходившего в Германии с апреля по октябрь 2015 года в рамках правительственной стратегии «Gut Leben in Deutschland — was uns wichtig ist» — «Хорошая жизнь в Германии — что для нас важно». Более чем 15000 гражданам ФРГ было предложено сформулировать их собственное представление о качестве жизни. В результате проведен-

¹ Lewis-Beck M.S. Economics and Elections. The Major Western Democracies. The University of Michigan Press, Ann Arbor, 1988.

ного исследования, было установлено, что для населения ФРГ важными факторами качества жизни являются динамичное развитие общества, покупательская способность и наличие рабочих мест. Согласно отчету Statistisches Bundesamt — Федерального статистического ведомства ФРГ- «Statistisches Jahrbuch. Deutschland und Internationales», за последние несколько лет низкие цены на энергоносители и ослабление европейской валюты обеспечили экспортоориентированной экономике ФРГ солидный рост. Среднемесячный уровень инфляции в Германии варьируется от 0,5% до 0,8%. На рынке труда ФРГ также сохраняется благоприятная ситуация. Уровень безработицы не превышает показателя в 6,5%¹. Кроме того, в 2016 году в Германии был опубликован «Атлас счастья». Исследование, которое было положено в его основу, выявило тот факт, что в этом году граждане ФРГ чувствуют себя счастливее, чем в предыдущие годы.

Обращаясь к результатам выборов в Палату депутатов Берлина, следует заключить, что СДПГ и ХДС потеряли более 5% голосов избирателей, в сравнении с региональными выборами 2011 года, и лишились шанса на создание новой правящей коалиции. За СДПГ проголосовали 21,6% избирателей (в 2011 году — 28,3%), за ХДС 17,6% (в 2011 году — 23,3%). СвДП и «Альтернатива для Германии», напротив, благодаря своим традиционно сильным позициям в вопросах экономики и внутренней безопасности, которые стали ключевыми в ходе предвыборной борьбы, заручились поддержкой 14,2% (АдГ) и 6,7% (СвДП) избирателей².

Таким образом, несмотря на благоприятную экономическую ситуацию в Германии и удовлетворенность гражданами ФРГ своим уровнем жизни, итоги региональных выборов в Берлине продемонстрировали падение поддержки населением ФРГ действующей власти. Кроме того, резко возросла популярность партии «Альтернатива для Германии», которая была основана в феврале 2013 года как кон-

¹ Statistisches Jahrbuch. Deutschland und Internationales. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/StatistischesJahrbuch/StatistischesJahrbuch2015.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 01.11.2016).

² Wahlen zum Abgeordnetenhaus 2016//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wahlen-berlin.de/wahlen/be2016/afspraes/index.html> (дата обращения: 01.11.2016).

сервативная и евроскептическая политическая партия, выступающая за реформирование Европейского Союза с целью значительного сокращения обширных законодательных полномочий брюссельской бюрократии и призывающая к внесению изменений в миграционное законодательство ФРГ.

Из всего вышеизложенного напрашивается вывод о том, что экономический мотив при голосовании в Палату депутатов Берлина не являлся детерминирующим для граждан ФРГ. Свое влияние на результаты выборов оказали в большей степени последствия миграционного кризиса в Европейском Союзе и неэффективная государственная антикризисная политика.

Обращаясь к российским реалиям, следует отметить напряженную для Российской Федерации как экономическую, так и внешнеполитическую ситуацию. Падение цен на нефть и санкции повлекли за собой негативные последствия для зависимой от экспорта энергоносителей российской экономики и выразились как в изоляции государства на международной арене, так и в снижении объема частных инвестиций, образовании дефицита доходов, росте инфляции, снижению потребительского спроса.

Согласно данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), низкие заработные платы и экономические трудности возглавляют рейтинг проблем страны по оценкам граждан. Особое внимание население РФ уделяет проблемам безработицы, по которым ситуация лишь обостряется¹. Также в последнее время наблюдается падение уровня социального оптимизма и удовлетворенностью жизнью².

Корреляция соответствующей экономической ситуации в РФ и результатов выборов в Законодательное собрание Санкт-Петербурга позволяет сделать вывод о небольшой роли экономического мотива при голосовании граждан. Так, партия власти расширила свой избирательный электорат, возможно, этому способствовал праймериз

¹ Пресс-выпуск № 3216. Проблемный фон страны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115901> (дата обращения: 01.11.2016).

² Пресс-выпуск №3220. Социальное самочувствие: осенняя коррекция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115907> (дата обращения: 01.11.2016).

партии, проведенный в мае 2016 года. Так или иначе, за «Единую Россию» проголосовали 41,25% граждан (в 2011 году — 36,97%)¹. С кризисной ситуацией, исходя из итогов выборов, столкнулись либеральные партии РФ. В особенности речь идет о региональном отделении партии «Справедливая Россия». За нее проголосовали лишь 9,10% избирателей (в 2011 году — 23,08%). С точки зрения автора, данный показатель может быть обоснован как неэффективно проведенной мобилизационной кампанией, так и большим количеством партий-спойлеров.

Таким образом, в результате проведенного анализа, следует опровергнуть выдвинутую гипотезу. На текущий период времени, феномен «голосования кошелька» не нашел свое значительное отражение при голосовании граждан как в Санкт-Петербурге, так и Берлине. Факторы другого порядка, повлиявшие на исход голосования, требуют дополнительного исследования.

Без сомнения, следует учитывать и тот факт, что при изменении экономической ситуации в худшую сторону, когда избиратель будет чувствовать серьезную угрозу собственной экономической стабильности, результат исследования будет иной.

Библиография

1. *Lewis-Beck M.S. Economics and Elections. The Major Western Democracies.* The University of Michigan Press, Ann Arbor., 1988.
2. Выборы депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Сводная таблица результатов выборов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.st-petersburg.vybory.izbirkom.ru/region/region/st-petersburg?action=show&root=1&td=2782000678450&vrn=2782000678445®ion=78&global=&sub_region=78&prver=0&pronetvd=0&vibid=2782000678450&type=379
3. Пресс-выпуск № 3216. Проблемный фон страны//[Электронный ресурс]. — Режим доступа:// <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115901> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Пресс-выпуск № 3220. Социальное самочувствие: осенняя коррекция//[Электронный ресурс]. — Режим доступа:// <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115907> (дата обращения: 01.11.2016).

¹ Выборы депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Сводная таблица результатов выборов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.st-petersburg.vybory.izbirkom.ru/region/region/st-petersburg?action=show&root=1&td=2782000678450&vrn=2782000678445®ion=78&global=&sub_region=78&prver=0&pronetvd=0&vibid=2782000678450&type=379

5. Statistisches Jahrbuch. Deutschland und Internationales//[Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/StatistischesJahrbuch/StatistischesJahrbuch2015.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 01.11.2016).
6. Wahlen zum Abgeordnetenhaus 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <https://www.wahlen-berlin.de/wahlen/be2016/afspraes/index.html> (дата обращения: 01.11.2016).

ФЕОКТИСТОВА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Аннотация: Тема изучения социальных сетей как инструмента электорального влияния только появилась в научном дискурсе. Сегодня мы должны говорить об интернет-пользователях как о социальной реальности, учет которой необходим при выстраивании модели современного общества.

Ключевые слова: Социальные сети, инструмент электорального влияния, мотивационный потенциал, медиавоздействие.

За последние девять лет количество жителей страны, посещающих Интернет ежедневно, выросло почти в 10 раз. Две трети россиян пользуются Интернетом, в 2006 г. доля таких пользователей была в 10 раз меньше — 5%¹. Изучение динамики проникновения интернета ФОМ дает схожую картину².

Каждый пятый житель России обращается к Интернет-ресурсам несколько раз в неделю или месяц. Необходимо подчеркнуть, что в понятии интернет-ресурсы объединены: интернет-СМИ (проще говоря — новостные сайты), сайты отдельных компаний (предприятий

¹ http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/?id=275&search=1&prevSql=KGB6aF9xX3ZgLmBuYWY1YCBMSUtFICclys7LyNff0dLCziUnKSAGYW5kICAoYHpoX3FfdmAuYg5hbWVgIEExJS0UgJyXPzsvcx87CwNLFy8XJJScpICBhbmQgIChgemhfcV92YC5gbmFtZWAgTEILRSAnJcjNxdDNxdLAJScp&text=пользуе+ресь+ли+Вы+интернетом&logic=AND&in_q=on&day_f1=&month_f1=&year_f1=&day_t3=&month_t3=&year_t3=&ds=2&day_f2=15&month_f2=6&year_f2=1992&day_t2=6&month_t2=3&year_t2=2016

² <http://fom.ru/search#q=динамика+проникновения+интернета&from=&to>

и организаций), социальные сети. Активность последних очень высока: по данным Минкомсвязи РФ, в 2014 г. более 80% российских интернет-пользователей имели аккаунты в социальных сетях, около 35% заходили на них ежедневно. Аналогичную картину фиксирует ФОМ.

В целом как часто вы заходите на сайты социальных сетей?

Параметры опроса

ДАННЫЕ В % ОТ ГРУПП ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Вопрос задавался пользователям соцсетей – отвечали 87% респондентов. Карточка, один ответ

	Все интернет-пользователи	18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50 лет и старше
Несколько раз в день	37	66	49	35	21	20
Примерно раз в день	29	22	27	29	38	27
Несколько раз в неделю	15	6	14	18	15	16
Примерно раз в неделю	3	1	2	3	7	4
Реже, чем раз в неделю	2	1	2	2	3	3
Затрудняюсь ответить	1	1	0	1	1	3

Основное внимание нашего исследования сосредоточено на активной аудитории, поскольку нам интересны социальные сети как средство публичной коммуникации и влияние их на формирование общественного мнения. Таких активных авторов в декабре 2015 года (по данным «Бренд Аналитик») в России было около **37 млн** человек, они сгенерировали **588 млн** сообщений за месяц.

Активные авторы, создающие публичный контент, делают социальные сети актуальным индикатором общественных настроений, позволяя уловить «живые» общественные проблемы в самом начале формирования значимых трендов.

По количеству «пишущих» российских авторов лидирует «ВКонтакте» — **18,8 млн** уникальных авторов. У следующего на втором месте Instagram — невероятные темпы роста, в декабре в этой сети зафиксировано **10,6 млн** авторов, практически в 5 раз больше, чем весной 2015г. Третье место — Twitter — но, число активных авторов здесь снижется.

Сегодня мы можем говорить об интернет-пользователях как об отдельной социальной реальности, учет которой необходим, не составляет исключения и политическая деятельность. Между тем, осмысление теоретических оснований изучения этого пространства только начало проявляться в российском дискурсе. «Сложности начинаются уже с первых шагов — нет общего языка исследований. Категории чаще всего метафоричны, заимствованы из других областей, их содержание четко не определено. Приставка «онлайн» во многих случаях ритуальна. Вторая проблема изучения социальных сетей — определение категории социальной группы. Серьезная методическая задача — алгоритм сетевой кластеризации, а содержательная проблема — механизмы создания и пополнения социальных групп в социальных сетях, в том числе и политических»¹.

И эти задачи исследователям предстоит решать в ближайшее время. Есть два обстоятельства, которые заметно повышают политическую значимость именно этой реальности и этой социальной группы в широком смысле.

Во-первых, в России растет уровень недоверия граждан к традиционным (электронным и печатным) средствам массовой информации. В октябре 2016 г. ФОМ² объявил о том, что для многих было уже давно очевидным: доля не доверяющих СМИ россиян уже превысила 50%. Динамика роста за год составила 10%. Тех, кто доверяет, стало за прошедший год на 7% меньше — 40%. Все больше россиян называют

¹ Феоктистова О.А., Попов Д.А. Национальная безопасность современной России: новый взгляд на роль муниципального самоуправления // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. Ростов-на-Дону, 2015.

² <http://fom.ru>

в качестве канала информации о товарах и услугах, вызывающих наибольшее доверие, рекомендации социального круга, то есть знакомых и друзей. Для кого-то этот круг офлайновый — в реальной жизни, а для кого-то — онлайнный.

И здесь возникает второе обстоятельство. Социальные сети — это уже специфические нетривиальные группы сегментирования — готовые адресные группы.

Политические партии приложили за последние несколько лет большие усилия, для укрепления себя в интернет-пространстве. Так, например, за период январь-февраль 2015 года мы можем уже говорить о сопоставимости информационной активности в традиционных СМИ и интернете

Таблица 2

Структура публикаций о парламентских партиях в печатной прессе, ТВ и радио за январь—февраль 2015 г.

Партия	Количество сообщений	Доля, %	Главная роль	Медиа индекс	Негативный характер упоминаний	Позитивный характер упоминаний
«Единая Россия»	17 694	44,1	6855	55 051	307	605
КПРФ	10 680	26,6	4494	34 060	524	398
СР	5935	14,8	2085	27 426	115	144
ЛДПР	5774	14,4	2164	2985	87	134

В табл. 3 приведены данные о представленности партий и их парламентских фракций в Интернете, где опубликовано в 3 раза больше сообщений о партиях, чем в печатных СМИ, ТВ, радио и информагентствах вместе взятых (40 тыс. против 119 тыс. сообщений в Интернете)¹.

«Однако, по суммарному медиа-индексу упоминаемость политических партий в Интернете в полтора раза ниже. Это отражает тот факт, что интернет-СМИ меньше по объему аудитории и здесь меньше комплиментарных сообщений и больше критических материалов. В первую очередь — в социальных сетях и комментариях. Как правило, на форумах и в блогах редко пишут нейтральные посты. Высказы-

¹ Чижов Д.В. Формирование имиджа российских политических партий в сети интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 337.

вания избирателей в социальных сетях о политических партиях более чем двух третях случаев (до 75%) являются оценочно нагруженными, что не характерно для других каналов коммуникации»¹.

Таблица 3

**Структура публикаций о парламентских партиях
в интернете за январь—февраль 2015 г.**

Партия	Количество сообщений	Доля, %	Главная роль	Медиа индекс	Негативный характер упоминаний	Позитивный характер упоминаний
«Единая Россия»	59 836	50,2	31071	45 406	736	2117
КПРФ	25 840	21,7	11784	20 502	1010	862
СР	17 018	14,3	6635	14 169	379	296
ЛДПР	16 611	13,9	7282	20 883	196	372

Для многих политиков и государственных деятелей мнение интернет-сообщества часто стало подменять общественное мнение в целом. И здесь возникает важнейший вопрос: насколько мнение интернет-сообщества отражает позицию общества (целевой партийной группы) в целом?

Для ответа необходимо понять: что вообще из себя представляет таковая целевая группа как пользователи интернета. Автор считает, что ее уверенно можно разделить на три неравные части по убыванию:

1. Пользователи, обращающиеся к интернету, пусть и в ежедневном режиме, но использующие его как источник новостей, или средство коммуникации на уровне электронной почты или поисковика.
2. Вторая группа — пользователи, активно разыскивающие материалы по новостным, общественно-политическим темам, участвующие в социальных сетях, как минимум — на уровне общения.
3. Третья группа, самая малочисленная — профессиональные блоггеры, завсегдатаи соцсетей, комментаторы всего подряд.

¹ Чижов Д.В. Формирование имиджа российских политических партий в сети интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 336.

В ходе нашего анализа мы не затрагиваем третью группу из-за ее малочисленности и, на наш взгляд, изрядной маргинальности, и первую группу, пусть и самую многочисленную, но структурно никак от общеэлекторальной выборки не отличающейся.

Сразу оговоримся, что именно третья группа формирует негативный контент в отношении, как политических партий, так и отдельных политиков. И очень многие попадают на эту засаду — принимают мнение активного и негативного меньшинства за реальное общественное мнение. Однако в данном случае нужно, скорее, говорить о выявлении индивидуальных комплексов негативных комментаторов. До общественных умонастроений эти комплексы не дотягивают. Кроме того автор предполагает, что их доля составляет не более 10% электората и на выборы в большинстве своем они не ходят.

Группа №2, а именно, пользователи, активно разыскивающие материалы по новостным, общественно-политическим темам и участвующие в обсуждениях в социальных сетях, представляют интерес для нашего исследования, которое проводилось на протяжении 3 лет и ставило своей задачей изучение медиа воздействия, в частности, на интернет-аудиторию.

В двух словах о сути методики. СМИ ежесекундно создают для нас некий информационный фон. В связи с этим хочется вспомнить шуточную политтехнологическую историю про засолку огурца, который в действительности никто не солит, а погружает в раствор, которым он и пропитывается. Что касается политической составляющей этого фонового рисунка, то совершенно очевидно, что рисунок этот продуман, раскрашен и согласован. Проанализировать его очень несложно.

В данном исследовании нас интересовали информационные выпуски пяти основных ТВ каналов, которые согласно опросам ВЦИОМ и ФОМ и данным Геллапмедиа являлись лидирующими в списке просматриваемых. Сразу хочу заметить, что анализ информационных поводов показал их практическую идентичность на ведущих новостных телевизионных каналах, что закрепило и без того существующую уверенность в системности воздействия на общественное сознание.

А вот далее мы обращаемся к классику, заметившему однажды, что «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» и задаемся простым вопросом: а как реагирует то самое общественное мнение на

предлагаемую повестку дня? Есть много граней анализа, но в рамках моего выступления, интересует сравнение восприятия россиянами (в общей массе) и пользователей интернета.

Для анализа интереса россиян мы воспользуемся данными ответов на вопрос еженедельного «Экспресса» ВЦИОМ. Вопрос звучит так: Последняя неделя была насыщена экономическими, политическими, спортивными и культурными событиями. А что запомнилось, огорчило Вас, а может быть, обрадовало?»

Для анализа ситуации в течение года суммируются данные в абсолютных цифрах за весь период нахождения события в зоне внимания респондентов.

Для анализа интереса Интернет-пользователей (активных) используется количество запросов в поисковых системах по той или иной теме и количество просмотров новостных сюжетов в блогах (по данным рубрики Yandex, новости в блогах, выпуск Россия).

Рейтинг ТВ новостей проводится по принципу выявления наибольшего количества упоминаний события в информационных выпусках телеканалов Россия-1, Вести-24, ОРТ, НТВ, РЕН-ТВ, ТВЦ, 5-й канал.

Посмотрите, как выглядит список главных событий 2010 года глазами СМИ, респондентов и активных пользователей интернета.

2010 год. «Главные события года»

В телевизионных сюжетах	По мнению респондентов	По мнению пользователей интернета
Аномальная жара в центральной России	Аномальная жара в центральной России	Взрывы в московском метро
Выборы на Украине	Смена власти в Москве	Аномальная жара в центральной России
Олимпиада в Ванкувере.	Олимпиада в Ванкувере	Олимпиада в Ванкувере
Чемпионат мира по футболу	Гибель в авиакатастрофе Президента Польши	Отставка Лужкова (эмоционально окрашено)
События в Киргизии.	Массовое убийство в станице Кущевская	Новость о госпитализации певицы Валентины Толкуновой

Как видно из представленной таблицы, лишь 2 сюжета нашли пересечение в интересе интернет-пользователей и респондентов в целом.

Главные события 2011

В телевизионных сюжетах	По мнению респондентов	По мнению пользователей интернета
Крушение теплохода "Булгария"	Крушение самолета Як-42 с хоккейной командой "Локомотив"	События в Ливии
Крушение самолета Як-42 с хоккейной командой "Локомотив"	Крушение теплохода "Булгария"	Конкурс "Евровидение"
Террористический акт в аэропорту «Домодедово»	Футбол	Уход Стива Джобса с поста генерального директора «Apple» по состоянию здоровья
Землетрясение в Японии	Цунами в Японии. Авария на атомной станции. Опасность для жителей Дальнего Востока	Террористический акт в аэропорту «Домодедово»
Выборы в Государственную Думу	Деятельность Д. Медведева	Крушение самолета Як-42 с хоккейной командой «Локомотив»
Съезд партии «Единая Россия»	Выборы	Новости шоу-бизнеса
Футбол	Ситуация в Ливии	Землетрясение в Японии
Деятельность Президента Д. Медведева	Съезд партии «Единая Россия» в сентябре	День любви и верности
Ситуация в Ливии	Деятельность В. Путина	Убийство полковника Ю. Буланова
Деятельность премьер-министра В. Путина	Террористический акт в аэропорту «Домодедово»	Цунами в Японии. Авария на атомной станции. Опасность для жителей Дальнего Востока

Как видим: в пятёрке совпадение одно — крушение самолета Як-42 с хоккейной командой «Локомотив», а в десятке — два (прибавляется Цунами в Японии).

Главные события 2012

В телевизионных сюжетах	По мнению респондентов	По мнению пользователей интернета
Футбол	Выборы Президента РФ	Суд над участниками группы Pussy Riot
Деятельность Президента РФ В. Путина	Наводнение на Кубани	Празднование Дня Победы
Деятельность Премьер-Министра РФ Д. Медведева	Летние Олимпийские игры	Чемпионата Европы по футболу
События в Сирии	Коррупционный скандал в ОАО "Оборонсервис".	Операция Израиля «Огненный стол» в секторе Газа
Кризис Еврозоны	Авиакатастрофа ATR - 72 под Тюменью	Выступление группы «Бурановские бабушки» на «Евровидении»
Хоккей и победа сборной России по хоккею на чемпионате мира 2012 года	Празднование Нового года и Рождества	Гибель Марины Голуб в ДТП
Северный Кавказ	Гибель Марины Голуб в ДТП	Презентация компанией Apple iPhone 5
Погодные аномалии	Массовый расстрел в школе американского штата Коннектикут	Протестные акции оппозиции
Протестные акции оппозиции	Кончина Галины Вишневской	Скандал вокруг кинофильма «Невинность мусульман»
Ситуация на федеральных трассах М -10 и Доп	Убийство юристом Д. Виноградовым пяти человек	Победа сборной России по хоккею на чемпионате мира 2012 года

В 2012 году совпадение в восприятии всех респондентов и интернет-пользователей только одно: гибель Марины Голуб в ДТП.

Общий анализ новостных сюжетов 2012 г. в течение года позволяет сделать еще несколько выводов:

- Во время освещения протестных акций оппозиции в новостных сюжетах резко снижается присутствие Путина и Медведева;
- В самый активный пик протестов появляется тема политического реформирования и ее интенсивность возрастает одновременно с ростом освещения самих митингов.
- Интенсивность сюжетов не пропала даром — в сознании респондентов фоном отложились 5 тем из 10 предложенных официальными СМИ тем. Но это касается только респондентов. И никак не отражается на интересах интернет пользователей.

В 2015 г. на первое место выходит тема событий на Украине. Обращает на себя внимание тот факт, что тема Украины в 2015 г. вызвала реакцию в 4,8 раза интенсивнее, чем аномальная жара 2010 г.

Топ-6 событий ТВ 2015 г.	Топ-6 событий 2015 г. по мнению респондентов
Украина	Украина
Деятельность Путина	Война в Сирии
Кризис рубля	Авиакатастрофа в Египте
Война в Сирии	Теракты во Франции
Санкции	ВВС Турции сбили военный самолет
Крым	Убийство Немцова

Представленные материалы наталкивают на размышления о том, что жизнь «онлайн» протекает несколько иначе, чем «оффлайн». И восприятие потоков информации, просачивающихся через «Облака», не всегда соответствует традиционным представлениям. Сегодня мы вообще мало что можем сказать об этом новом направлении исследовательских практик. Применение классических количественных методов на больших массивах данных становится малоэффективным. Между тем, именно среда онлайн, именно городская молодежь является наиболее активным носителем политического протеста.

«2011 и 2013 года показали, что ни одному из ведущих российских центров изучения общественного мнения не удастся предсказать возникновение протестных движений или предпочтения элек-

тората. Первое вылилось в события на Болотной площади, а второе проявилось на выборах мэра Москвы. Жизнь, протекающая в «In cloud» сегодня оказывается скрытой не только от взгляда социологов и политологов. Процессы, происходящие в виртуальном мире малоизучены и психологией. Между тем, наряду с понятием «Информационные войны» в исследовательских работах уже появился термин «Войны сетевые». Последнее является новым уровнем, перед которыми индустриальная и экономическая мощь держав становится второстепенной»¹.

И вот на фоне этой многозначительной неясности политические силы пытаются вести борьбу за свой электорат. Насколько политический контент слышат и воспринимают «На Облаках?» И можно ли считать эффект воздействия через количество подписчиков и репостов?

Анализ предложенного контента показывает, что методы захвата площадок социальных сетей сегодня очень похожи на методы захвата поля традиционных СМИ. Ранее приведенные исследования

¹ Феоктистова О.А., Попов Д.А. Национальная безопасность современной России: новый взгляд на роль муниципального самоуправления // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. Ростов-на-Дону, 2015.

показали насколько не восприимчиво интернет-пространство к подобного рода контенту. Но практически все партии сегодня превращают свои ресурсы в подобие информационных порталов. Стилистически и информационно они мало чем отличаются от прежних форматов. Результаты последних выборов показали, что технологии мемов не работают, по крайней мере, на результат ближайшей перспективы.

Единственное исключение, пожалуй, сегодня представляет партия Роста. Этот опыт еще должен стать предметом оценок политологов. Партия изначально стратегически сделала ставку на проведение агитационной кампании в новом формате «Облаков». Надо отметить, что предложенные формы работы с избирателями — это нечто новое в активе политических кампаний в России. Это касается не только самих агитационных материалов — это уже вопросы тактического рисунка, но, прежде всего, речь идет о стратегическом подходе к самой технологии партийного строительства. До последнего момента в российской политической науке традиционно преобладал подход к созданию партии как эффективной избирательной машины, где конечный и главный продукт — партийный активист.

Но кто этот активист «In cloud»? Жизнь там формирует человека нового типа. Об этом человеке мы сегодня мало что можем сказать. «С появлением интернет-пространства, оказывающего влияние на повседневность, мы наблюдаем рождение нового типа онлайн-общностей. В отношении категории человек, новизна, видимо, состоит в появлении новых видов приписанных и достигнутых статусов в интернет-сообществах. В офлайн-сообществах, к примеру, близкие отношения, устойчивая социальная иерархия и соответствующие паттерны поведения; наборы ценностей и культурных символов и т.д. — все это приобретается преимущественно благодаря общности территории и социального времени — приписанный статус. Тогда как достигнутый статус — это скорее личные достижения, часто связанные с эмансипацией от приписанного статуса. Но что такое «территория» и «социальное время» в онлайн-сообществах? Ответа нет, и нет исследований»¹.

¹ Долгоруков А.М. Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения. Март-апрель 2015 г. № 2 (126). С. 37 http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/126/2015_126_4_Dolgorukov.pdf

Сегодня необходима разработка концепции понимания онлайн культуры. И здесь обращение к классической «понимающей социологии» Макса Вебера становится весьма актуальным. В мире прозрачности, социологи будут меньше изучать, и все больше понимать и конструировать.

И вот эти конструкторы — это новые материалы, которые необходимо изобретать заново. Это похоже на историю формулы реактивного движения Константина Циолковского Сотни ученых ломали головы над задачей конструирования пушки, ядро которой может долететь до Луны. «На ядре до Луны долететь нельзя», — заявил Циолковский. Нужен новый способ. И тогда появилась формула реактивного Движения. Но наши партии сегодня продолжают толкать ядро, пытаясь прорваться в облака. Результаты очевидно продемонстрированы на выборах Государственной Думы 18 сентября 2016 года.

Библиография

1. ВЦИОМ http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/?id=275&search=1&prevSql=KGB6aF9xX3ZgLMbUYW1lYCBMSUtFICclys7LyNfF0dLCziUnKSAgYW5kICAoYHpoX3FfdmAuYG5hbWVglExJS0UglyXPzsvcx87CwNLFy8XJJScpICBhbmQgICgcmhfcV92YC5gbmFtZWAgTEllRSAnJcjNxdDNxdLAJScp&text=пользуется+ли+Вы+интернетом&logic=AND&in_q=on&day_f1=&month_f1=&year_f1=&day_t3=&month_t3=&year_t3=&ds=2&day_f2=15&month_f2=6&year_f2=1992&day_t2=6&month_t2=3&year_t2=2016
2. ФОМ <http://fom.ru/search#q=динамика+проникновения+интернета&from=&to>
3. Феоктистова О.А., Попов Д.А. Национальная безопасность современной России: новый взгляд на роль муниципального самоуправления // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. Ростов-на-Дону, 2015.
4. ФОМ <http://fom.ru>
5. Чижов Д.В. Формирование имиджа российских политических партий в сети интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 337.
6. Чижов Д.В. «Формирование имиджа российских политических партий в сети интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 336.
7. Долгоруков А.М. Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения. Март-апрель 2015 г. № 2 (126). С. 37 http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/126/2015_126_4_Dolgorukov.pdf

ФОМИН ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

АМБИЦИИ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Аннотация: в статье неолиберализм рассматривается как идеология современного капитализма, проявляющегося в отношениях между странами. В связи с этим анализируется вопрос о проявлении неолиберализма в некоторых группах российского общества, преодоление чего будет способствовать консолидации населения страны вокруг национальных интересов.

Ключевые слова: неолиберализм, современный капитализм, консолидации общества, национальные интересы.

Рассматривая современное российское общество как объект политического исследования, мы неминуемо отметим, как сильно оно изменилось за последние 30 лет, и зададимся вопросом о его прочности и перспективах. В современном мире, где идет глобальная ломка устоявшихся международных отношений с целью создания монополярного проамериканского мира, прочность и независимость любого государства будет зависеть от совпадения интересов элиты и народа. «Цветные революции» (новая форма неокOLONиализма), гибридные войны (новая форма империализма) — всё это подтверждает агрессивную и жесточайшую борьбу западного капитализма со своими конкурентами за рынки, потребителя и монопольное влияние. Такая политика требует своего обоснования и оправдания.

Известно, что в западных обществах снижается влияние традиционных идеологий — либерализм, консерватизм и социализм. Фрагментация идеологического пространства до микрогрупп со специфическими интересами (например, самые бедные с экономической точки зрения группы, обладающие однако политическими правами: прекариаты и НЕЕТ¹ или гендерные микрогруппы — гомосексуалы, трансвеститы, политическую активность которых видно всему миру и т.п.) размывает социальную базу метаидеологий.

Не все, однако, согласны с тем, что крах традиционных идеологий — это закономерный и позитивный процесс. Сотни лет они обеспечивали решение важнейших политических задач, сохраняя общественную стабильность и государственное управление. Возможно,

¹ *Жвитаишвили А.Ш.* Новые социальные группы на западе: общее и особенное // *Власть.* 2016. № 1. С. 118–124.

их роль еще не утрачена: если они не в состоянии предложить нам достойное будущее, то хотя бы удерживают настоящее на своей территории. Для представителей западной традиции роль такой идеологии сегодня играет неолиберализм. Например, Д.Шварцмантель однозначно определяет его как господствующую идеологию, которая «включает ведущую роль рынка как глобального института, ценность человека, которого воспринимают как потребителя на рынке, и выбор которого считают высшим проявлением свободы и автономии, и значимость общественных институтов, деятельность которых оценивают с точки зрения ее продуктивности и измеримых результатов — то есть превращение в товар всех аспектов человеческой жизни»¹.

Показывая неразрывную связь неолиберализма с глобализацией, Д. Шварцмантель стремится убедить читателя в неминемости торжества американской модели мироустройства и в наивности тех, кто ищет этому альтернативы. Но это именно их взгляд на мир, где и левые, и правые в итоге подчиняются неолиберализму, признавая, что стремление к мировой справедливости — это глупость со стороны людей, не способных принять идею великого американского доминирования.

Мир, однако, многообразен. Такая позиция встречает оппонентов. Профессор Тегеранского университета Хасана Азгади, подчеркивает, что «проблемы глобализации возникают тогда, когда вместе с приемлемым ее реестром предлагают и реестр, который содержит такие моменты, как либерализм, секуляризация и т.д. и предлагают принять всё это вместе... Теория либерального капитализма не предусматривает понятие «справедливость». Эта теория основана на логике индивидуализма, «вещизма», на исключительно экономическом определении самого человека... Проповедники глобализации ратуют за несправедливость под личиной модернизма»².

По мнению крупнейшего японского политолога Иногути Такаси, «одна из очевидных слабостей западной политической науки — это тенденция втискивать свои идеи в прокрустово ложе унифицированной интерпретации индикаторов, имеющих отношение к какой-либо

¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. С. 293.

² Азгади Х.Р. Справедливость и глобализация // Глобализация и справедливость. М., 2007. С. 88–92.

части Запада, а затем принудительно навязывать их всем остальным»¹. Однако западный рационализм, опирающийся на антропоцентризм европейского гуманизма, не совпадает с незападным мировоззрением, отдающим преимущество, прежде всего, природе, группе, обществу, соседству и взаимопомощи, нежели индивидуальному «я». В этом аспекте к незападному мировоззрению близок и российский менталитет, утверждает И. Такаси. «В частности, самоидентификация японцев и русских имеет сходство во взаимоотношениях личности и государства, поскольку на протяжении столетий сильную инерцию приобрела традиция ставить государственные интересы выше индивидуальных, а государство метафорически описывать как единое тело, или живой организм. Такие представления коррелируют и с суждениями некоторых российских мыслителей о государстве как едином организме, и с конфуцианским видением идеального государства, уподоблявшемся человеческому телу, существование которого немислимо без взаимной зависимости всех его органов»².

Эта политическая традиция полностью не устраивает тех, кто моделирует будущее человечества в интересах американских ТНК³. Для них главное не человеческий социум, смысл их деятельности заключается в получении прибыли с индивида — потребителя. Ради получения прибыли Запад разрушит любой иной мир, иную цивилизацию, иной социум. Это не новая, а давно укоренившаяся природная хищническая сущность капитализма. Вот что пишет Д. Нитцан о современном капитализме: «Этот термин по-прежнему относится к миру, в котором мы живем. Ведь Маркс, который ввел понятие «капиталистический строй», имел в виду не только область экономики и даже не либерально-рыночную идеологию в целом. Для него капиталистический строй подразумевал некую новую всеобъемлющую логику, идейную систему, которая господствует в обществе и определяет его историческую траекторию. Роль индивида в этой схеме вторична, будь то рабочий или капиталист. Независимо от своего положения в

¹ Цит. по: Чугров С.В. Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т. Иногути) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182–191.

² Там же.

³ См.: Фомин О.Н. Цивилизационный подход как идейная платформа политического позиционирования в современном мире // Власть. 2014. № 9. С. 37–42.

обществе, каждый служит одному и тому же верховному божеству — капиталу как таковому. Логика капитала влияет на всё: она определяет природу собственности, власти и полномочий, направляет технический прогресс и формирует человеческое сознание. И мне кажется, что это широкое определение капиталистического строя, впервые данное Марксом, актуально сегодня, как никогда ранее»¹.

Опасность современного капитализма, заключается в его стремлении к абсолютизации своего влияния на все мировые процессы. Через определенные элитные группы социума, которые связаны с западным капиталом и находятся под влиянием западных постмодернистских ценностей, неолиберализм проникает в различные страны, разрушая традиционный образ жизни, размывая и подчиняя себе традиционные ценности, социальные отношения, связь между властью и народом. Вопрос вопросов для современной России заключается в том, как объединить интересы крупного капиталистического бизнеса и обычного населения? Как гармонизировать ко всеобщему благу, или хотя бы спокойствию, власть имущих и народ?

В какой бы научной парадигме мы не рассуждали о субъектах политики в современной России — марксистской, веберовской, рентно-сословной, социал-демократической — везде сталкиваемся с вопросом о возможности или не возможности общей позиции во взглядах на развитие страны со стороны элиты и народа. В отношении народа элита всегда, во всем мире бьется над решением двух вопросов: во-первых, каков тот минимум материальных благ, который необходимо отдать народу, чтобы он не бунтовал; во-вторых, чем можно добавить материальный минимум, чтобы различия в уровне и образе жизни выглядели более пристойно и не угрожали ее существованию. Классическое «хлеба и зрелищ!». В сегодняшней — капиталистической — России эти вопросы становятся всё более актуальными.

Абсолютизация этого обстоятельства дает основание некоторым авторам утверждать, что «внутренняя империя (властный аппарат, высшее сословие, партия власти, олигархи, номенклатура и т.д.) является ядром, транслирующим свои интересы и управленческие им-

¹ Капитализм как форма власти. Шимшон Бихлер и Джонатан Нитцан беседуют с Петром Дуткевичем // 22 идеи о том, как устроить мир: беседы с выдающимися учёными / Под ред. П. Дуткевича и Р. Саквы. М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 394.

пульсы на обширную периферию (народ) с помощью нарративов *государственных интересов, патриотизма, модернизации и т.д.* <...> Сегодня понятие государственных интересов используется всеми членами государственного аппарата и его юридической и идеологической obsługi для обоснования особого (обычно привилегированного) положения в обществе»¹.

Однако, при определенной справедливости таких утверждений, они очевидно упрощают проблему. Необходимо учитывать различия интересов внутри властной и бизнес элит — прежде всего, их национальную либо внешнюю ориентацию. Национальные интересы России, сохранение ею статуса великой державы ставят вопрос о необходимости определения сил и социальных субъектов, способных объединить социум в его стремлении к автономности и независимости в условиях агрессивной глобализации, и, как условие этого, о поиске идеологического основания такого единства. Думается, таким основанием и является патриотизм — идеология, объединяющая весь российский народ.

Как известно, правящая элита в последние годы заявила о своей приверженности консерватизму, тесно связывая его с патриотической традицией россиян. Социальная база такой политической стратегии довольно широка. Характерно, что симпатии населения всё более и более склоняются к ценностям социализма (как показали исследования, даже у молодежи элитных вузов отчетливо обнаруживается «синдром ностальгии по социалистическому прошлому»). А эта ориентация изначально связана с идеей патриотизма. Разумеется, это не означает, что либеральные идеи с их вненациональной направленностью утратили свое влияние — носителями их чаще всего являются представители крупного бизнеса, тесно связанного с международным капиталом. Однако национально ориентированный бизнес в силу своих объективных интересов также образует социальную базу патриотизма. И здесь уместно вспомнить слова Президента РФ В.В. Путина, когда он охарактеризовал желаемые патриотические отношения в стране как «эффективно выстроенное общественно-го-

¹ Макаренко В.П. Государственные интересы в контексте бюрократического господства // Политическая концептология. 2015. № 3. С. 6–17. С. 6.

сударственное партнерство... в деле, служения своей Родине, стране, России, своему народу»¹ [Путин, 2012].

Библиография

1. *Азгади Х.Р.* Справедливость и глобализация // Глобализация и справедливость. М., 2007. С. 88–92.
2. *Жвитаишвили А.Ш.* Новые социальные группы на западе: общее и особенное // Власть. 2016. № 1. С. 118–124.
3. Капитализм как форма власти. Шимшон Бихлер и Джонатан Нитцан беседуют с Петром Дуткевичем // 22 идеи о том, как устроить мир: беседы с выдающимися учеными / Под ред. П. Дуткевича и Р. Саквы. М.: Изд-во Московского университета, 2014. 528 с.
4. *Макаренко В.Л.* Государственные интересы в контексте бюрократического господства // Политическая концептология. 2015. № 3. С. 6–17.
5. *Путин В.В.* Стенографический отчет о встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. 12 сентября 2012 года, Краснодар, 2012. <http://www.kremlin.ru/news/16470>
6. *Фомин О.Н.* Цивилизационный подход как идейная платформа политического позиционирования в современном мире // Власть. 2014. № 9. С. 37–42.
7. *Чугров С.В.* Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т. Иногути) // Полис. 2016. Политические исследования. № 4. С. 182–191.
8. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 312 с.

ШАШКОВА ЯРОСЛАВА ЮРЬЕВНА

ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКИМИ ПАРТИЯМИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2016 Г. В РЕГИОНАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация: В статье характеризуются кадровые и агитационные стратегии парламентских партий на федеральных и региональных выборах 2016 г. На материалах Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей пока-

¹ *Путин В.В.* Стенографический отчет о встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. 12 сентября 2012 г., Краснодар. <http://www.kremlin.ru/news/16470>

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-03-50136 «Динамика социально-демографического состава элит региональных отделений политических партий Западной Сибири в контексте реформирования партийно-электорального пространства».

зан их подход к подбору кандидатов — стремление подчеркнуть свой всеохватный характер в сочетании с продвижением во власть представителей партийных элит. Отмечена персонификация партийных агитационных кампаний, сделан вывод о сохранении стабильности конфигурации партийно-электоральных полей под влиянием объективных и субъективных факторов.

Ключевые слова: политические партии, выборы, кадровая работа партий, политическая агитации, региональные отделения партий, Западная Сибирь.

Каждый избирательный цикл по-своему уникален, но кампанию нынешнего года политологи и аналитики ждали особо, и не только потому, что федеральные выборы всегда «имеют значение», определяют тренды политики на последующий период, а в ряде регионов, например, в Алтайском крае, Омской и Томской области они были совмещены с региональными выборами. Эффект новизны формировался сразу несколько переменными — это и увеличение числа допущенных к выборам партий, и возвращение мажоритарной составляющей выборов депутатов Государственной Думы, и социально-экономическая ситуация, накладывающая отпечаток как на массовое сознание, так и на финансовое обеспечение электоральной деятельности партий и кандидатов.

Как же проявлялось влияние данных факторов в электоральном поле регионов Западной Сибири?

Во-первых, в ряде одномандатных округов и регионов прошедшая избирательная кампания была достаточно конкурентна. При этом новые партии по-прежнему не смогли стать реальными соперниками «старых», несмотря на формальную активность части из них: в начале кампании активно проявляла себя «Родина», особенно в Новосибирске, по всем округам выставили своих кандидатов «Коммунисты России» и «Партия роста», однако кампанию они не вели.

Основная конкуренция развернулась между парламентскими партиями. И хотя лидерство «Единой России» не оспаривалась, борьба шла за степень ее доминирования. Сложная социально-экономическая ситуация обусловила рост протестного электората, который делили между собой КПРФ и «Справедливая Россия». Последняя вела довольно интенсивную кампанию на местном уровне, объединяя «обиженных властью» и ставя целью занять вторые позиции в иерархии партийно-электоральных предпочтений населения Запад-

ной Сибири. Тем самым можно констатировать сохранение в данном электоральном цикле выделенного Ю.Г. Коргунюком размежевания «власть — невласть» и усиление кливажей внутри «невласти»¹.

Во-вторых, важным элементом избирательной стратегии парламентских партий выступает ее кадровый компонент — особенности формирования партийных списков и выдвижения кандидатов — одномандатников. Сложная ситуация вокруг «Единой России» и внутри КПРФ подтолкнула их к созданию межрегиональных списков. Так, «Единая Россия», в отличие от 2011 г., была представлена только 2 списками. Один, во главе с губернатором Кемеровской области А.Г. Тулеевым, объединил Республику Алтай, Алтайский край, Кемеровскую и Томскую области (насчитывал 15 кандидатов), второй — Новосибирскую и Омскую области (9 кандидатов). Верхнюю строчку в нем занимал первый заместитель председателя Государственной Думы А.Д. Жуков. Относительная малочисленность списка партии власти была связана со стремлением к концентрации ресурсов, а также с установкой на победу в большинстве одномандатных округов.

КПРФ в Западной Сибири была представлена 2 межрегиональными (Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край — 11 кандидатов; Новосибирская и Томская области — 8 кандидатов) и 2 региональными (Кемеровская область — 8 кандидатов и Омская область — 6 кандидатов) группами.

«Справедливая Россия» также сформировала 2 межрегиональные группы — с участием Алтайского края (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край — 11 кандидатов) и Томской области (Томская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — 7 кандидатов). Кемеровская же, Новосибирская и Омская области имеют самостоятельные списки в составе 5, 4 и 5 кандидатов соответственно.

И только ЛДПР почти по всем регионам определила территориальные группы в составе 1–2 человек, привязанные к одномандатным округам и возглавляемые баллотирующимися по ним же одномандат-

¹ Коргунюк Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в постсоветской России и перспективы политического развития страны // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М.: КМК, 2012. С. 12.

никами, с учетом, что ее кандидаты по округам успеха традиционно не имеют¹.

Обращает на себя внимание незначительная представленность в партсписках «паровозов». В 2011 г. к ним относились губернаторы Алтайского края и Кемеровской области², в 2016 г. — губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев («Единая Россия») и мэр Новосибирска А.Е. Локоть (КПРФ).

«Парашютисты» традиционно в основном были представлены депутатами Госдумы или обеспечивали формирование списков партий, испытывающих кадровые проблемы. В частности, один из межрегиональных списков КПРФ возглавил москвич, писатель и журналист С.А. Шаргунов.

В-третьих, развитая, сложившаяся инфраструктура парламентских партий приводит к замыканию их партийных элит. Даже на стадии выдвижения кандидатов парламентские партии лишь частично смогли удовлетворить запрос общества на «новые имена».

Часть из них, например, «Единая Россия», проводили праймериз, объявляли «партийный призыв» и т.д. Вместе с тем, среди 24 кандидатов — списочников «Единой России» в регионах Западной Сибири 7 являлись депутатами Государственной Думы, 6 — региональных парламентов и 2 — муниципальных представительных органов. Данное распределение повторялось среди 33 кандидатов от КПРФ. На этом фоне в «Справедливой России» преобладали депутаты регионального уровня (9), 7 кандидатов на тот момент заседали в Госдуме РФ, 1 — в местном собрании депутатов. И, наконец, обратную зависимость демонстрировали территориальные списки ЛДПР — на первом месте в

¹ Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва // Избирательная комиссия Томской области. URL: http://www.tomsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/tomsk?action=show&root=1000238&tvtd=100100067796092&vrn=100100067795849®ion=70&global=1&sub_region=70&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795849&type=236 (дата обращения: 01.11.2016).

² Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва // Центральная избирательная комиссия. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvtd=100100028713304&vrn=100100028713299®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100028713299&type=236 (дата обращения: 01.11.2016).

них по численности депутаты муниципального уровня (9), затем следовали депутаты региональных legislатур (7) и только 1 кандидат имел думский мандат.

Для сравнения, в 2011 г. в списках «Единой России» в Юго-Западной Сибири 10 кандидатов из 31 являлись депутатами Государственной Думы (Новосибирская область — 4, Кемеровская — 3, Алтайский край — 3), 4 — региональных и местных legislатур. Для других парламентских партий это соотношение было обратным: в списках КПрФ было 3 депутата ГД из 26 кандидатов и 8 депутатов региональных и местных legislатур (в Кузбассе последних не было вообще). В списках «Справедливой России» — 2 депутата ГД и 8 депутатов регионального и местного уровня (из 26 кандидатов). У ЛДПР из 12 кандидатов — 1 депутат ГД и 2 депутата legislатур.

Что касается партийных спонсоров, то возврат мажоритарных выборов повлек за собой своеобразную аналогию с ситуацией первой половины 2000-х гг., когда богатые кандидаты предпочитали избираться по одномандатным округам, стремясь самостоятельно контролировать расходы своих ресурсов и гарантировать эффективную отдачу электоральных инвестиций. Тем не менее, в «Справедливой России» спонсоры явно или латентно присутствовали в списках всех уровней, у других партий — на уровне регионов.

По социальному составу списки парламентских и непарламентских партий ожидаемо заметно различались как по сферам занятости кандидатов, так и по их статусу в этих сферах¹.

Сравнивая сферы занятости кандидатов по партиям, участвовавшим и в предыдущих выборах, следует отметить их стабильное количество у «Единой России» при некотором смещении в сторону профессионализации кандидатского корпуса. В КПрФ, в соответствии с принципами кадровой работы массовых партий, было заметно стремление перевести на выборные должности значительную часть партаппаратчиков различных уровней. У ЛДПР и «Справедливой

¹ Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва // Избирательная комиссия Томской области. — URL: http://www.tomsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/tomsk?action=show&root=1000238&tvd=100100067796092&vrn=100100067795849®ion=70&global=1&sub_region=70&prvr=0&prontvd=0&vbid=100100067795849&type=236 (дата обращения: 01.11.2016).

России» можно констатировать расширение сфер занятости как показатель их стремления продемонстрировать свою «всеохватность», особенно заметный у «Справедливой России».

Социальный состав кандидатов в депутаты Государственной Думы РФ, выдвинутых по партийным спискам от парламентских партий, человек

	ЕР		КПРФ		ЛДПР		СР	
	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016
Депутат Госдумы		7		7		1		7
Депутат ЗС на освобожденной основе, помощник депутата		3		5		4		5
Бизнес	5	2	2	2	2	3	3	5
Аппарат Госдумы, помощники депутатов				5	5	4	1	1
Работники партийного аппарата			1	5			3	1
Депутат, работник ОМСУ				2		1		
Врач	1	3		1				
Шахтер		1						1
Юрист		3			2			1
Спортсмен, тренер	4	1					2	1
Журналист, PR		1	1	2			2	
Временно неработающий			2	2				2
Инженер			1		1	4		2
ИП						2	1	2
Губернатор	2	1						
Работник органа исполнительной власти		2						
Член СФ				1				
Арбитражный управляющий				1				
Менеджер						4		
Машинист						1		
Работник ВУЗа						1		
Преподаватель, учитель	1		3			2	2	
Руководитель общественной организации			2				2	1
Силловые структуры	1						1	1

	ЕР		КПРФ		ЛДПР		СР	
	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016
АПК	1		1					
Артист	1							
Пенсионер			4				1	
Рабочий			2					
Домохозяйка			1					

В-четвертых, сложная экономическая ситуация и переход части партийных спонсоров в статус одномандатников привели к сокращению расходов партий на агитационную продукцию и агитацию в СМИ, расширив использование наглядной агитации и актуализировав встречи кандидатов с избирателями. Например, в Алтайском крае платным эфиром воспользовались только «Единая Россия» и «Справедливая Россия».

В-пятых, возврат мажоритарной составляющей на выборах депутатов Госдумы при ее сохранении на выборах региональных legislatur усилили персоналистскую составляющую выборов, что могло привлечь к ним внимание ранее абсентеистски настроенных избирателей. Однако этого не произошло, в первую очередь в связи с незаинтересованностью элит, основных участников избирательной гонки, в увеличении явки.

Какие же результаты показали парламентские партии на выборах в Государственную Думу?

	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Явка	40,8%	89,2%	33,3%	37,6%	33,6%
ЕР	35,2%	77,3%	38,4%	36,3%	41,2%
КПРФ	17,3%	7,2%	19,7%	25%	16,9%
ЛДПР	19,8%	7,7%	19,7%	15%	21,2%
СР	13,8%	4,5%	5,6%	6,6%	8,7%

Кроме того, выдвиженцы «Единой России» победили в 14 одномандатных кругах, в 2 округах лучший результат получили коммунист О. Смолин и представитель ЛДПР А. Диденко.

В Омской, Томской областях и Алтайском крае федеральные выборы были совмещены с региональными. Следовательно, можно было ожидать расширения электорального поля данных регионов. Однако этого не произошло.

В Алтайском крае в выборах приняли участие только 5 «старых» партий, они же выдвигали кандидатов по одномандатным округам. Коммунистической партии коммунистам России и партии «Родина» было отказано в регистрации, опасаясь роста и без того высоких протестных настроений. Партия Великое Отечество документа для регистрации не представила. В ходе голосования по партийным спискам «Единая Россия» набрала 34%, ЛДПР — 21,2%, КПРФ — 21%, «Справедливая Россия» — 17,4% и «Яблоко» — 3%. При распределении мандатов «Единой России» достался 40 из 68 мандатов (31 — по округам), ЛДПР — 9 (1 — по округам), КПРФ — 8, «Справедливой России» — 8 (2 — округам).

В более развитой экономически Омской области в бюллетень было включено 6 партий: «Единая Россия» (набрала 36,3%), КПРФ (29,5%), ЛДПР (16,3%), «Справедливая Россия» (8,6%), «Яблоко» (2,7%) и «Партия роста» (2,98%). По итогам распределения КПРФ получила 7 депутатских мандатов в областном Заксобрании, «Справедливая Россия» — 2, «Единая Россия» — 9 (плюс 20 одномандатников), ЛДПР — 4 депутатских мандата.

Как и в Алтайском крае, в Омской области не были зарегистрированы Коммунистическая партия коммунисты России, «Родина», а также Российская партия пенсионеров за справедливость.

Наибольшее количество партий приняло участие в выборах депутатов Законодательной Думы Томской области, всегда отличающейся от соседних регионов большим количеством участников: 6 — в 2011 г., 9 — в 2016 г. Однако, по итогам голосования места в региональной легислатуре распределили между собой только парламентские партии — «Единая Россия» (41,2%, 10 мандатов по партспискам и 21 — по округам), ЛДПР (21,2%, 5 мандатов), КПРФ (16,9%, 4 мандата) и «Справедливая Россия» (8,65%, 2 мандата). Отказ в регистрации опять же получила Коммунистическая партия коммунисты России.

Таким образом, прошедшие выборы подтвердили устойчивость диспозиции региональных электоральных полей. В чем ее причины?

Во-первых, общероссийский и региональные электоральные рынки уже сложились и требуют высоких стартовых вложений, получить которые непарламентские партии могут только при наличии заинтересованных в них групп интересов. Однако большинство групп интересов в условиях суженной сферы публичной политики предпочитают гарантированные вложения, недаром часть представителей бизнеса отказалась от участия в выборах по территориальным спискам даже в рядах «Единой России», так как это не давало гарантий прохождения. Не говоря уже о мелких партиях.

Во-вторых, следует учитывать, что свою как положительную, так и отрицательную роль в современных выборах продолжает играть сложившаяся в 2000-е гг. тенденция сужения электорального поля, приведшая к деформации электорального выбора в процессе голосования. Под ее воздействием, избиратель, с одной стороны, не всегда мог «найти среди кандидатов (партий) представителя своих политических взглядов». А с другой, сейчас «кандидат (партия) может получить слабую поддержку не по причине непопулярности своих политических идей, а вследствие низкого личного доверия». А также сохранение «высокого заградительного барьера мотивирует граждан ориентироваться не на те партии, которые наиболее соответствуют их политическим взглядам, но на партии, которые имеют реальные шансы на прохождение в парламент»¹.

Этот тезис хорошо иллюстрируют социологические данные. Согласно всероссийскому опросу Левада-центра 23–27 июня 2016 г.², ответы на вопрос «Чем объясняется ваше намерение голосовать за эту партию?» дали следующее распределение:

Я симпатизирую лидеру (лидерам) этой партии	32
Я разделяю программу и лозунги этой партии	26
Я поддерживаю эту партию уже долгое время	23
Это самая сильная партия, ее поддерживает большинство	17
Эта партия может защитить интересы таких людей, как я	12

¹ Гришин Н.В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2. С. 45–46.

² Предстоящие выборы и образ нынешней Госдумы: Пресс-выпуск. 18.07.2016 // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/2016/07/18/predstoyashhie-dumskie-vybory-i-obraz-nyнешnej-gosdumy/> (дата обращения: 01.11.2016).

Эта партия способна обеспечить нормальную, достойную жизнь в стране	11
Эту партию поддерживают мои друзья, родственники	10
Эта партия имеет будущее/перспективы	9
Об этой партии я что-то знаю, про другие мне ничего неизвестно	6
Это партия нового поколения/поколения наших детей и внуков	3

Население, особенно в «третьей России» и регионах с сильными патерналистскими установками, голосует консервативно-рационально. Конкуренцию парламентским партиям могли составить уже раскрученные бренды патриотической направленности типа «Родины», но она в большинстве регионов была снята с выборов.

В целом можно констатировать, что, несмотря на значительное увеличение числа партий, имевших право участвовать в выборах 2016 г., основными игроками электорального поля по-прежнему остаются парламентские объединения. Именно их кадровая политика и агитационные стратегии определили конфигурацию избранных органов представительной власти, а следовательно, «повестку дня» начавшегося этапа российского политического процесса.

Библиография

1. Гришин Н.В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2. С. 42–48.
2. Коргунок Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в постсоветской России и перспективы политического развития страны // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М.: КМК, 2012. С. 10–31.
3. Предстоящие выборы и образ нынешней Госдумы: Пресс-выпуск. 18.07.2016 // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/2016/07/18/predstoyashhie-dumskie-vybory-i-obraz-nyнешnej-gosdumy/> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва // Центральная избирательная комиссия. — URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100028713304&vrn=100100028713299®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vbid=100100028713299&type=236 (дата обращения: 01.11.2016).
5. Список политических партий, принимающих участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва // Избирательная комиссия Томской области. — URL: http://www.tomsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/tomsk?action=show&root=1000238&tvd=100100067796092&vrn=100100067795849®ion=70&global=1&sub_region=70&prver=0&pronetvd=0&vbid=100100067795849&type=236 (дата обращения: 01.11.2016).

ЮРЧЕНКО ИННА ВАДИМОВНА

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые новые технологии анализа региональных политических процессов на примере Краснодарского края в ситуации избирательного цикла. Отмечается, что они основываются на принципах междисциплинарного и системного подхода, включая синергетическую парадигму, различные теории политической социологии и психологии конфликта, бихевиоризма, институционализма и дискурс-анализа. Подчеркиваются особенности современных этнополитических процессов, которые развиваются в одно и тоже время как конфликты межцивилизационные, региональные, этнотерриториальные и межгосударственные, что проявляется в ценностных размежеваниях избирателей во время выборов.

Ключевые слова: конфликтологическая парадигма, региональные политические процессы, ситуационный анализ, экспертный опрос, политическая риторика, медийный дискурс, уровень социального доверия.

В изучении современных политических процессов одной из самых востребованных является конфликтологическая парадигма, позволяющая развивать фундаментальные аспекты прогнозных характеристик политических трансформаций российской региональной политики, рассматривать теоретические и практические аспекты сценарного и ситуационного анализа конфликтного и интеграционного потенциалов в различных сферах жизни общества, осуществлять поиск эффективных технологий управления конфликтами и формировать механизмы разрешения и урегулирования конфликтов южно-российского региона с учетом их специфики. В условиях новых вызовов и угроз национальной и региональной безопасности российского общества в поисках противодействия экстремизму конфликтологическая парадигма исходит из того, что в исследуемом регионе остро стоит проблема трансграничных этно-конфессиональных, социокультурных и языковых сообществ, которые можно рассматривать в виде сложносоставного логико-содержательного пространства, выходящего за рамки общегосударственной общности и разрывающего ментально-культурные границы, делая общество еще более открытым, неустойчивым и подверженным внешним воздействиям, отрывающим субрегиональную моноэтническую языковую общ-

ность от полиэтнической государственности в ментальном плане. В структуре политического пространства всегда присутствуют центр, периферия и технологии взаимодействия между ними, т.е. политическое пространство организуется как создаваемая в центре иерархия структур политического контроля, управленческих, правовых и административных практик. Причем создание целостной системы территориально-политического контроля, особенно в многосоставном, мультикультурном, многоконфессиональном, полиэтническом обществе — это сверхсложная проблема, связанная с выявлением причин ценностной поляризации в политическом пространстве.

Разработка научного инструментария определения специфических особенностей конфликтов в условиях конкретной региональной электоральной ситуации, их динамики, причин затяжного или кратковременного характера, с учетом новых геополитических вызовов и обострения этноконфессиональных противоречий позволит предложить конкретные способы социального моделирования эффективного развития исследуемых территорий. Особое значение имеет обобщение опыта регулирования и стимулирования постконфликтной реконструкции социально-политического, экономического и этнокультурного пространства на основе компаративного анализа политического поведения в различных субъектах Южного и Северо-Кавказского Федеральных округов.

Новые технологии анализа и прогнозирования основываются на принципах междисциплинарного и системного подходов, включая синергетическую парадигму, различные теории и политической социологии и психологии конфликта, бихевиоризма, институционализма, дискурс-анализа и др. Комплексность и полипарадигмальность обусловлены, в том числе, и особенностями современных этнополитических процессов, которые развиваются в одно и то же время как конфликты междивизиационные, ценностно-когнитивные, региональные, этнотерриториальные и межгосударственные. Например, на основе теоретической модели Ш. Шварца, можно выделить основные мотивационные типы ценностей, которые образуют два биполярных измерения: самосохранение — самообновление; самоограничение — самоутверждение, позволяющие выявить специфику радикального политического поведения в сравнении с другими социокультурными

ми типами¹. В рамках реализации конфликтологической экспертизы проблем региональной безопасности Краснодарского края в новом электоральном цикле 2016 г. были проведены социологические исследования методами экспертного опроса (конфликтологическая характеристика этнополитической ситуации в регионе) и анкетного опроса (исследование конфликтогенных факторов электорального цикла в Краснодарском крае). В процессе проведения экспертного опроса было установлено, что этнополитическая ситуация в регионе является внешне спокойной. В снижении напряженности основную роль, по мнению экспертов, играет эффективное регулирование этнических процессов в регионе (в том числе деятельность правоохранительных органов). Весомую роль играют наметившийся в последнее время подъем национального самосознания и деятельность социально ориентированных НКО, которые рассматриваются экспертами как значимый фактор стабилизации этнополитической ситуации в Краснодарском крае, как неотъемлемая часть разрешения конфликтов. По мнению экспертов, профилактика конфликтов со стороны НКО приобретает большую актуальность. Но при этом возрастает давление на этнические организации. Основным конфликтогенным фактором, оказывающим существенное влияние на эскалацию этнополитической напряженности, является рост миграционных потоков, а также общее снижение уровня жизни населения в кризисных условиях. Электоральные процессы активизировали активность различных групп элит в направлении лоббирования своих интересов и могли спровоцировать обострение латентных конфликтов.

Важно подчеркнуть, какое значение придавал Е.М. Примаков созданию центров ситуационного анализа в конкретных регионах страны. Конфликтологическая экспертиза — один из важнейших научных инструментов проведения комплексного анализа политических процессов на региональном уровне. Юг России, в том числе и Краснодарский край, хотя и относится к числу наиболее стабильных субъектов РФ, остается достаточно сложным конфликтогенным пространством, в котором дестабилизация политических, этнических и конфессиональных взаимодействий может вызвать серьезную опас-

¹ Конфликт как проблема: Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. СПб: Фонд развития конфликтологии, 2015. С. 57.

ность для всего государства. Во многом это обусловлено традиционно существующими ценностными расхождением в результате наличия множества социокультурных образований, в том числе и по той причине, что Краснодарский край — один из самых миграционно привлекательных регионов России и этническая структура населения постоянно изменяется. Одновременно это является результатом навязывания идей русофобской направленности, которые идут разнонаправлено как извне, так и со стороны имеющих в стране групп космополитической и националистической ориентаций, сознательно или бессознательно раскалывающих складывающуюся веками полиэтническую общность. Интенсивно меняющаяся этническая идентичность жителей в результате миграционных потоков не может не влиять на политические процессы. Как отметил в своем интервью «Кубанским новостям» вице-губернатор Ю. Бурлачко, отвечающий за внутреннюю политику в Краснодарском крае, — политический спектр края напоминает слоеный пирог, где каждый слой имеет свою толщину и является отображением предпочтений различных политических вкусов избирателей: «Основа представлена правящей партией. Но есть и достаточно толстые слои, замешанные на сладких обещаниях, привлекательном внешнем виде, красиво оформленные. Бесспорно, они придутся по вкусу значительной части избирателей. Однако их представителям еще нужно провести огромную работу, чтобы стать основой кубанского политического пирога... Градус политической борьбы возрастает. У отдельных политических сил возникает искушение применить «майдановские» технологии. В Краснодаре попытки такие были»¹. На характер политических процессов в крае непосредственное влияние оказывает отношение различных категорий граждан к политическому кризису на Украине, воссоединению Крыма с Россией и последующему образованию единого Южного федерального округа. В этом аспекте особенно значим фактор казачества. Так, добровольцы Кубанского казачьего войска принимали активное участие в поддержании общественного порядка в Республике Крым, с тем, чтобы не допустить проникновения туда украинских национал-радикалов и защитить территорию, где базируется российский во-

¹ <http://krasnodarmedia.su/news/politics/21.08.2016/526019/vitse-gubernator-kubani-politspekt-r-kraja---sloeny-pirog-i-kazhdiy-sloy-imeet-svo.html>

енно-морской флот. Поэтому попытки дискредитации казачества со стороны деструктивной оппозиции направлены на общую дестабилизацию в регионе и особенно активно они разворачиваются в интернет пространстве различными акторами, конкурирующими с официальной властью и стремящимися подчинить себе сознание молодежи. Так, участились критичные публикации о деятельности Кубанского казачьего войска, его руководителей и комментарии по поводу высокопоставленных чиновников, поддерживающих казачество. Публикации новостей, статей или авторских колонок на эту тему вызывают рекордную для ряда сайтов активность читателей. Так, авторская статья колумниста «Югополиса» под названием «Встретили хлебом-большу», была посвященная «нападению» казаков на Алексея Навального и его сторонников в аэропорту города Анапы¹ информации о том, что казаки обвинили Навального в развязывании драки². Были такие комментаторы, которые осуждали действия казаков. Без внимания аудитории не остались также новости о количестве казаков в городе Краснодаре и выделенных из краевого бюджета средствах на поддержку казачества. Выборы — это борьба не только кандидатов и политических партий, но и разных подходов в решении социально-экономических проблем, в принятии важных управленческих решений, в стилях руководства. Взаимные обвинения политических партий в увлечении популизмом и демагогией, в нереальных обещаниях и заигрывании с избирателями закономерно активизируются в период выборных кампаний, но текущая политика должна ориентироваться на стремление обеспечить баланс интересов в экономике, в социально-политической сфере и культуре. Власть заявляет о том, что ей выгодна реальная конкуренция, чтобы победил самый понятный, сбалансированный, а значит, и приемлемый для большинства подход. Но о том, что прошедшая избирательная кампания достаточно острая на Кубани, говорят и факты, связанные с конфликтом, который пока носит латентный характер или стал так называемым «замороженным конфликтом» ряда кубанских фермеров с крупнейшими агрохолдингами. Как известно, этот конфликт был временно остановлен, однако

¹ <http://www.yugopolis.ru/authors/vstretili-hlebom-bolyu-o-napadenii-kazakov-v-anape-na-navalnogo-92176>

² <http://www.yugopolis.ru/news/kazaki-obvinili-naval-nogo-v-razvyazyvanii-draki-v-aeroportu-anapy-92173>

недовольство может накапливаться и игнорировать эти феномены не следует. Оппоненты в риторике акцентируют внимание на проблемах, связанных с болевыми точками общества, например рост тарифов на ЖКХ, хаотичное градостроительство, нехватка школ и детских садов, низкий уровень здравоохранения и многие другие. В современной политической конфликтологии можно обнаружить ряд специфических стилей научного поиска и технологий анализа. Наряду с традиционными социологическими подходами к изучению конфликтного политического процесса, сформировались комплексные, полипарадигмальные представления о конфликтологической экспертизе многообразных аспектов современной политики. Проблема предотвращения, нейтрализации и надежного блокирования деструктивных конфликтов стала одной из ключевых в исследованиях Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН и кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета — базовой кафедры ЮНЦРАН. В качестве важнейших направлений, которые изучаются сотрудниками института — выявление и системное изучение угроз, рисков и социально-политических проблем Южного макрорегиона, построение принципов научно-обоснованной экспертизы, прогнозирования и ранней диагностики политических, производственных, правовых, межнациональных и других конфликтов. Устойчивость политической системы, внутривнутриполитическая стабильность как условие региональной и национальной безопасности может быть обеспечена поддержанием баланса интересов различных социальных, в том числе этнических и профессиональных групп. Можно выделить ценностные аспекты политического процесса, влияющие на состояние динамического развития политической системы: конституционные, экономические, культурные взаимоотношения субъектов политики в конфликтном регионе, где могут появляться проблемы, получившие название «двойной периферии». Естественно, что большое место в этой проблематике отводится медийному дискурсу, способному влиять на этнополитические процессы и уровень социального доверия, как важнейшего условия внутренней консолидации общества.

Конфликтологическая экспертиза — это процесс изучения и фиксации проблем, а также поиска ресурсов, необходимых для разработки социальной технологии регулирования конфликта. Основной

целью конфликтологической экспертизы является выработка предложений по снижению конфликтной напряженности в обществе, профилактике, раннему предупреждению, разрешению и урегулированию конфликтов.

Социальная диагностика, конфликтологическая экспертиза и ситуационный политический анализ — важнейшие научные инструменты проведения комплексного изучения политических процессов на региональном и локальном уровне.

Библиография

1. Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. СПб: Фонд развития конфликтологии, 2015.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: ЦЕННОСТИ, МОТИВАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТИ

ЗВЕРЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

МОТИВАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ

Аннотация: данная статья посвящена мотивации политического участия молодежи в современных российских партиях, исследование которой в последние годы проводится на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. Большое внимание уделяется в статье сравнительному анализу мотивационных устремлений молодых активистов российских партий.

Ключевые слова: мотивация политического участия, политическая социализация, личность молодого политика, политическая активность молодежи, молодые лидеры в политике.

Кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ уже несколько лет проводит исследование политического участия молодых активистов в деятельности различных отечественных общественно-политических движений. В рамках данной статьи анализируется мотивация прихода молодежи в активную политическую деятельность, а также некоторые ее личностные характеристики, определяющие фабулу такой деятельности молодого поколения российских политиков.

Частично это исследование проходило в рамках большого научно-исследовательского проекта «Человеческий капитал политической элиты в России», проведенного кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и Российской ассоциацией политической науки в 2010–2015 гг.¹, и было

¹ См., подробнее: Человеческий капитал российской политической элиты / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: РАПН–РОССПЭН, 2012. Современная элита

существенно расширено и дополнено новыми данными, полученными из материалов дополнительно проведенных автором глубинных интервью среди молодых представителей общественно-политических движений. В первой части нашего исследования решалась задача построения мотивационного профиля политического участия молодых людей как активных членов различных политических сил, вторая часть исследования проводилась в виде кейс-стади (изучения отдельных случаев), в них была предпринята попытка анализа того, как политическая социализация и сложившиеся в ходе этого процесса личностные черты молодых политиков повлияли на их модели политического поведения, в том числе и в определении политической ориентации.

При определении мотивационного профиля политического участия применялась методика контент-анализа, которую предложил американский политический психолог Д. Уинтер¹.

Проведенное исследование показало, что для молодого представителя партии «Единая Россия» преобладающим в его политическом поведении оказался **мотив достижения**, который проявляется, например, во фразе *«хотелось бы изменить»*.

Также мотив достижения преобладает в мотивации молодой женщины-политика из партии «Яблоко». В ее интервью это заметно по оценке молодого поколения: *«Молодое поколение будет подрастать, и будет поддерживать демократию»*.

В мотивационном профиле политического поведения респондента, придерживающегося коммунистической политической ориентации, тоже наиболее выражен мотив достижения. Он диагностируется через позитивную оценку деятельности КПРФ и политиков советского периода: *«Это не удивительно, что КПРФ сейчас является единственной реальной альтернативой партии власти. Она — единственная сила, предлагающая не слова, а дела»*.

А вот для респондента из ЛДПР актуален мотив власти, проявляющийся в акцентировании внимания на действиях, которые по своей природе оказывают влияние на других людей через приписывание

России: политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопаля, А.В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.

¹ Winter D.G. Power, affiliation, and war: Three tests of a motivational model // Journal of personality and social psychology. 1993. № 4. Vol. 65.

себе высокой статусной позиции: *«Мы оказались смелыми, единственными из оппозиционных партий, представивших свою делегацию на данном молодежном форуме, а смелость организаторов лагеря оказалась декларируемой».*

Только лишь для представителя партии «Родина» в выработке своей модели политического поведения характерен **мотив аффилиации**. Он выражается в стремлении респондента установить дружеские взаимоотношения с единомышленниками и иными акторами, что в дальнейшем может обеспечить значительное влияние как ему самому, так и той политической партии, которую он представляет: *«Политическая деятельность для меня заключается, наверное, в выстраивании взаимоотношений с людьми, в поиске новых коллег, которые могли бы стать единомышленниками».*

Количественные показатели мотивов политического участия молодых респондентов, представляющих различные политические спектры, представлены в табл. 1.

Мотивация участия молодых респондентов в политике

Представители	Мотивы		
	Власти	Достижения	Аффилиации
Политик из «Единой России»	0,33	0,76	0,41
Политик из «Яблоко»	0,43	0,78	0,21
Политик из КПРФ	0,64	0,82	0,22
Политик из ЛДПР	0,77	0,65	0,36
Политик из «Родины»	0,23	0,54	0,71

Проведенный анализ мотивационного профиля политического участия активных членов различных политических сил в целом показал, что преобладает *мотив достижения*, меньшее значение имеет непосредственно политическая составляющая мотивации выбора политики как основного типа жизнедеятельности — мотивация власти, а мотив аффилиации стоит лишь на третьем месте. Из этого можно сделать вывод, что выбор политической деятельности для активной части молодого поколения обусловлен тем, что они воспринимают политику как своего рода *бизнес-проект*, способный обеспечить им высокий уровень достижений в рамках социальной среды амбици-

озного молодого поколения, обладающего юношеским максимализмом для достижения поставленных целей. Кроме того, политику, как и бизнес, представители этой активной части молодого поколения считают наиболее благоприятной средой их социальной мобильности, способной быстро обеспечить им высокий социальный статус и осуществить мечту в стиле *self-made man* — успеха в их жизненной карьере.

Интересно здесь то, что наиболее важен мотив аффилиации для представителя патриотической политической ориентации, деятельность общественно-политических организаций которых строится в большей мере в рамках сетевой, нежели иерархической модели, характерной для парламентских политических партий. Может быть, поэтому патриотические общественно-политические движения имеют большие мобилизационные возможности рекрутирования своих сторонников вокруг четкой и понятной их адептам идеи, чем традиционные парламентские партии со своими административными рычагами мобилизации.

При этом сегодня в политической психологии сложилось мнение, что только сочетание мотивов достижения и аффилиации в мотивационном профиле политического актора может позволить ему стать властным лицом, успешно выполняющим государственные задачи. Из изученных молодых представителей сферы современной российской политики таким сочетанием мотивов обладает лишь представитель партии «Единая Россия».

В целом, мотивация политического участия молодых активистов в деятельности российских политических партий заключается в следующем:

- мотивация прихода к власти рассматривается молодыми политиками из партии «Единой России» исключительно как возможность для самореализации, а участие в ее деятельности рассматривается с точки зрения карьерного роста и сопричастности с тем, что они вместе с другими партийцами участвуют в важном для общества деле управления важными государственными сферами, но при этом ответственность за принимаемые решения в партии, молодые политики брать на себя не готовы, они испытывают серьезные затруднения с определением своих идеологических предпочтений;

- отсутствие уверенности у молодых партийцев из «Единой России» в отстаивании позиций партии власти по проблемам текущей повестки дня, им легче критиковать взгляды оппонентов, нежели чем предлагать конструктивные подходы, основанные на ключевых партийных установках к решению озвученных оппонентами вопросов по сложившейся событийной политической повестки;
- молодые активисты из КПРФ демонстрируют высокий уровень командной сплоченности и дух коллективизма, что делает их весьма перспективной в будущем политической силой, при этом в публичной риторике часто молодые коммунисты используют идеологические клише, демонстрируют мировоззренческую ригидность, связанную с «сакральностью» определенных постулатов коммунистической идеи, а образ власти в их политических представлениях рассогласованный и абстрактный;
- большинство молодых лидеров из ЛДПР показывает высокую коммуникативную компетентность, при этом в публичной риторике наблюдается стремление проявить свою индивидуальность и выделиться из общей массы, в исследовании политической картины мира молодых активистов из ЛДПР выявлена ориентация на «идеологическую всеядность», включающую синкретизм «центристской», «национал-патриотической», «консервативной» ориентации в политике, детерминированный, по-видимому, местом ЛДПР в политическом ландшафте страны, в котором данная организация самая полифоническая с точки зрения ее идеологической сущности;
- молодые активисты партии «Справедливая Россия» имеют одну из самых четких из всех четырех парламентских партий систему ценностных ориентиров, совпадающих с присущей всей партии «Справедливая Россия» ориентации на соответствующие ценности социал-демократии, при этом только в рисунках молодых справедливороссов отражена особая роль партии, как одного из главных российских политических институтов, в тоже время по результатам исследования молодежь «Справедливой России» показала худший лидерский потенциал в сравнении с молодыми политиками из других партий.

Таким образом, мотивация прихода молодых людей в политику, обусловлена, во многом, их поколенческой спецификой политиче-

ской социализации, в которой стремление к собственной самореализации, проявлению индивидуальности и возможностью быстрой социальной мобильности при помощи политической деятельности в сложившейся иерархии общества, превалирует над идеологической смыслообразующей мировоззрение молодых людей политической ориентацией партии, в которой они социализируются. При этом, те, кто осознанно приходит в политику, имеют определенную базу для этого.

Так, одни, получая политологическое образование и имея некоторый опыт участия в практической политической деятельности, хотят стать политиками по профессии. Другие представители молодого поколения также осознанно идут в политику, имея свое видение устройства общества в виде идей, которые они хотят реализовать путем участия в текущих политических процессах. Стиль политического поведения активистов молодежных движений отражает специфику исполняемой ими политической роли.

Так, те респонденты, нашего кафедрального исследования, которые в своих организациях выполняют функцию публичной коммуникации с внешними агентами или являются руководителями органов федеральной власти, для которых публичная практика (произнесение речей), становится определенным показателем эффективности их профессиональной деятельности, мы относим к «агитаторам». Молодые лидеры из КПРФ в силу высокой идейной политической направленности своей организации относятся в большинстве своем к типу «теоретик-идеолог». В практике политического поведения молодежных активистов появилась все более востребованная сетевая модель мобилизации пользователей интернета в политическую организацию, созданную в рамках социальной сети доверия, объединенной вокруг социально значимой идеи или ценности. Пока успешно такую практику формирования политической организации применяют лишь движения патриотической политической ориентации.

Библиография

1. Паутова Л.А. Поколение XXI века: опыт социологического исследования. М.: Фонд подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» – Фонд социальных и маркетинговых исследований – Фонд «Общественное мнение», 2009.
2. Психология политического восприятия / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2012.

3. Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.
4. Уинтер Д.Г. Король-философ или противоречивый политик? Личностный профиль Барака Обамы // Полис. 2011. № 2.
5. Человеческий капитал российской политической элиты / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: РАПН–РОССПЭН, 2012.
6. Шестопал Е.Б., Нестерова С.В., Букреева О.В., Смутькина Н.В., Затонских А.В., Титов В.В. Образ кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. 2012. № 3.
7. Шестопал Е.Б. Политическая психология. М., 2002.
8. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000.
9. Atkinson J.W. Introduction to Motivation. N.Y., 1964.
10. Greenstein F. The impact of personality on politics: An attempt to clear away underbrush // The presidency. Boston: Little Brown and Company, 1969.
11. Hermann M. Effects of personal characteristics of political leaders on foreign policy // Why nations act. L.: Sage Focus Ed. 1979.
12. Lasswell H. Power and Personality. N.Y.: W.W. Norton, 1948.
13. McClelland D.C. Assessing Human Motivation. N.Y., 1971.
14. Post J. Psychological assessment of political leaders: Psychological profiles of Saddam Hussein and William Jefferson Clinton. Michigan: University of Michigan Press, 2003.
15. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway Books, 1997.
16. Winter D.G. Power, affiliation, and war: Three tests of a motivational model // Journal of personality and social psychology, 1993. № 4. Vol. 65.

КАЗАРИНОВА ДАРЬЯ БОРИСОВНА

РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКТУАЛИЗИРУЮЩИЕСЯ ЦЕННОСТИ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: Россия конкурирует за постсоветское пространство в попытках стать лидером для Евразийского макрорегиона, используя элементы мягкой силы. За постсоветское пространство идет конкурентная «гонка интеграций» между главными геополитическими игроками. В условиях изменений, которые происходят с национальным суверенитетом (постглобальный суверенитет) региональный интеграционный проект предлагает участникам «суверенитет+», который легитимизируется ценностно-политическим проектом. Сформулировать его довольно сложно ввиду ценностной аномии российского общества, тем не менее, общий знаменатель для этого просматривается. России важно использовать нынешний

исторический шанс, когда Западный мир пребывает в определенной растерянности из-за «конца знакомого мира» и выступить с инициативой сближения Евразийского союза на основе общих ценностей.

Ключевые слова: ценности, Евразийский союз, гонка интеграций, постглобальный суверенитет, ценностно-политический проект, мягкая сила.

Россия участник гонки интеграций

Евразийский союз, возникнув как ответ на вызовы расширения сферы влияния ЕС и НАТО на постсоветском пространстве, как ответ на гонку интеграций¹, по мере воплощения нуждается в переходе от отрицательной к позитивной мотивации своего развития. Тем более что постсоветское пространство, в частности, регион Центральной Азии, вероятно, в среднесрочной перспективе станет ареной для двойной «гонки интеграций», так как идея Евразийского союза вызвала определенное напряжение не только у западных стран, но и у Китая, выступившего с конкурирующей идеей «Один пояс — один путь», амбициозного геополитического проекта «экономического пояса» интересов Поднебесной.

Евразийский союз изначально столкнулся с вызовом множественности интеграций и конкуренции интеграционных стратегий с большим количеством акторов, имеющих интересы на постсоветском пространстве:

- Интеграционных проектов, где лидером является Россия — СНГ, ОДКБ.
- Проекта, где локомотивами интеграции были два глобальных актора — ШОС.
- Проектов, где интеграционный процесс шел в противовес России — расширение политики соседства ЕС.

Еще недавно позитивный эффект интеграционной конкуренции представлялся вполне возможным². Однако, позитивный сценарий

¹ *Троицкий М., Чаран С.* Дилемма интеграции на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2013. 7 нояб. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dilemma-integracii-na-postsovetskom-prostranstve-16177>

² *Казаринова Д.* Перспективы интеграционного строительства на постсоветском пространстве в рамках Евразийского союза и инструментарий российской мягкой силы // Мягкая сила в глобальной политике. Часть 2 Региональное и функциональное измерение. Материалы круглого стола // Вестник РУДН. Серия Политология. 2013 № 2. С. 5–9.

не оправдался. Тем не менее, задачи сотрудничества между интеграционными группировками продолжают оставаться и даже становятся все более актуальными. Объединенные усилия на этом пространстве, несомненно, нужны. И для России, и для ЕС жизненно важным, обеспечивающим вопросы безопасности своих границ, является социокультурный «европейский выбор» стран СНГ, причем важно, чтобы все пространство было охвачено этим выбором, и страны Закавказья, и Центральной Азии. Концепция «Большой Европы» от Атлантики до Владивостока должна получить новый импульс, чтобы противостоять радикальной исламизации региона, возврата в средневековье. Только совместными усилиями возможно сохранять контроль над обширным регионом с массой социально-экономических и политических проблем, непосредственно граничащим с еще более конфликтными пространствами современного мира. ЕС не обладает достаточным опытом реализации успешной стратегии сосуществования христианской и мусульманской цивилизаций, радикализация евроислама и ответный рост исламофобии и правого популизма в Европе тому подтверждение. Россия в этом смысле уникальный партнер для Европы, в течение веков объединявшая православные и мусульманские народы в рамках единой государственности. Однако ЕС и Россия в конкуренции за постсоветское пространство долгое время не видели леса за деревьями, а российско-европейские отношения от статуса стратегического партнерства уходят во все большую конфронтацию.

История всех интеграционных процессов показывает, что интеграционные процессы в экономической области индуцируют политическую интеграцию, которая в свою очередь невозможна без интеграции социальной, построения единого социального пространства. Такая социальная интеграция возможна на базе общей наднациональной идентичности, которая была бы в то же время непротиворечива с идентичностью национальной, региональной и этноконфессиональной, на базе общих смыслов, ценностей и исторической памяти. Здесь важно подчеркнуть, что советское наследие, с каждым годом утрачиваемое и с каждым поколением сходящее на-нет, тем не менее, создает огромный задел формирования того самого социального пространства. Поэтому, когда утверждается, что ЕАЭС нарушает принципы интеграции по методу Монне («интеграция требует посте-

пенности» и «интеграция — средство, а не цель»), а потому не сможет носить устойчивый характер, это не вполне справедливо. Некоторые этапы уже пройдены, но многое еще предстоит пройти, параллельно восстанавливая утраченное.

Серьезным препятствием развитию ЕАЭС остаются политические амбиции национальных лидеров стран-участниц. Идея национально-суверенитета тем более ревностно охраняется, чем с большим количеством вызовов со стороны глобального мира она сталкивается. Национальные правительства боятся потерять реальный контроль над действиями государства. Но, как пишет Э. Гидденс, «нельзя потерять то, что по большей части и так уже утрачено»¹. Развитие в логике постглобального суверенитета (когда далеко не каждая политическая общность обладает политической субъектностью) предполагает окончание глобализации в привычном понимании и переход к регионализации как магистральному пути глобального развития². Для макрорегионального суверенитета Э. Гидденс предлагает понятие «суверенитет+» для того, чтобы на национальном уровне у политического класса пришло осознание того, что «члены ЕС приобретают на мировой арене более реальное влияние, чем если бы они действовали по отдельности»³. Концепция «суверенитета +» представляется более чем необходимой для осмысления и продвижения идей евразийской интеграции.

В то же время интеграция требует не только практического интереса, на котором был построен метод Монне, но и более или менее проартикулированной общей идеи, то есть интеграция нуждается в сверх-идее гуманитарного характера. Позитивный образ общего будущего — это то, чего не хватает евразийской интеграции, вероятно, больше всего. Задача мягкой силы России — создать его.

Здесь видится сразу несколько проблем. Во-первых, характер угроз таков, что сегодня внешняя политика России под влиянием объективных обстоятельств ставит на силу традиционную: военную

¹ Гидденс Э. *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* М., 2015. С. 18

² Дуткевич П. *Причины и последствия конца глобализации: Открытая лекция в РУДН* 28.09.2016

³ Гидденс Э. *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* М., 2015. С. 18

и энергетическую. Ключевая роль в антитеррористической коалиции принесет России определенные имиджевые приобретения, но особенных надежд на закрепление позитивного образа России в мире испытывать не стоит¹.

Во-вторых, Россия не до конца решила задачу формирования российской национальной идентичности², однако, она должна реализовываться в двух противоположных направлениях, одновременно закладывая основы для евразийской интеграции, которая предполагает построение наднациональной макрорегиональной идентичности. С этой сложнейшей задачей Россия может справиться, только адекватно осмыслив и используя весь возможный инструментарий своей мягкой силы и в отношении соседей по постсоветскому пространству и направляя ее внутрь страны.

Таким образом, интеграция на постсоветском пространстве нуждается в интеграции «Русского мира» в самом широком его понимании, то есть создании единого социально-гуманитарного пространства, включавшего бы пространство образования и культуры, лингвистическое пространство на основе распространения русского языка, объединенного идеей гуманитарного характера. Отчасти такое пространство продолжает свое существование на руинах советского общества. Для укрепления его может послужить вычленение тех устойчивых во времени социокультурных комплексов, которые с прошлого века и до настоящего времени продолжают играть свою роль. Речь идет о том, что Россия должна предложить собственный ценностно-политический проект, который бы выступил центром притяжения всего постсоветского пространства.

Ценностно-политический проект как ядро мягкой силы

Мы определяем ценностно-политические проекты как широко-масштабные идеологические стратегии, которые формулируются политической властью от имени больших социально-политических общностей с использованием инструментов символической поли-

¹ Лукьянов Ф. 9/11.Ремейк // Россия в глобальной политике. 2015. 18 нояб. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/911-Remeik-17814>

² Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossijskij.html

тики, имеющих ценностно-смысловое наполнение¹. Такие проекты ориентированы на формирование определенных характеристик национальной и иных макрополитических идентичностей и служат для легитимации проводимого курса и конкретных политических решений как во внутренней, так и во и внешней политике. Они могут рассматриваться в том числе как аксиологический и телеологический базис политики, который выстраивается с помощью стратегий «мягкой», «умной» или традиционной силы для обеспечения национальных интересов. В настоящее время ценностный дискурс в политике все более актуализируется, что находит отражение в крайних мнениях о начавшемся «столкновении цивилизаций», гибридной «третьей мировой войне», «войне ценностей» и «битве идентичностей».

Целеполагание конкретного ценностно-политического проекта формирования идентичности предполагает поддержание социально-политической общности в рамках политического субъекта на определенной территории и способность не только удерживать такую общность в исторической перспективе, но и расширять пространство ее влияния. Такой проект выступает как политическая стратегия, артикулируемая интеллектуальными и политическими элитами, которые продвигают их от имени всего общества и сплачивают его на различных основаниях (религиозных, идейных, цивилизационных, культурных) в рамках универсалистской, т.е. отвечающей «общим» устремлениям и интересам, парадигмы.

Одним из ключевых атрибутов таких проектов является их апелляция к общности исторической судьбы сообщества, существующего в границах определенного политического пространства. Общее историческое прошлое рассматривается как фундамент, из которого вырастает общее будущее. Образ общего будущего — это очертания воплощенного результата реализации тех ценностей, которые разделяет то или иное общество.

Ценности россиян и их актуальность для стран Евразийского проекта

Важнейшей общей чертой всех россиян остается запрос на традиционные ценности: традиционная семья, подлинная жизнь (сочета-

¹ Казаринова Д.Б. Ценностно-политические проекты и геополитическая субъектность в современном мире // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 2. С. 182–189.

ние материального и духовного), гуманизм, сохранение разнообразия мира — это тот набор ценностей, который присутствует во властном дискурсе, транслируется обществу и обществом воспринимается. Большинство россиян отличает «современный традиционализм», представление о цивилизационном устройении России, включающем в себя содружество народов и конфессий, скрепленное сильным государством. Этатизм остается важной общей характеристикой политических устремлений. 76% россиян выступают за усиление роли государства во всех сферах жизни общества¹. При этом за последние 20 лет наши сограждане стали меньше рассчитывать на государство и больше на себя.

В сфере политики преобладает установка на сильное независимое государство, обеспечивающее целостность государства и безопасность граждан. Всеми гражданами отмечается необходимость консолидации общества. Все россияне хотят законности, достатка и эффективных институтов, но предполагают для достижения этих целей диаметрально противоположные пути: «если для россиян активного типа социальная справедливость должна достигаться через обеспечение прав человека, демократию и свободу самовыражения личности, то для россиян инертного типа более характерна ориентация на жесткую власть, которая, по их мнению, сможет обеспечить справедливость и порядок, а также возвращение к традиционным ценностям». Таким образом, спор между либеральными демократами и сторонниками «авторитаризма развития» идет не о финальных целях, а о средствах их достижения. Но ценностями являются, как уже было сказано выше, и первые, и вторые. Поэтому ценностный консенсус в России далеко не достигнут.

Важным общим моментом для всех групп населения России является то, что идея социальной справедливости оказывается в приоритете над идеей свободы. Социальная справедливость как благо, которого не хватает, остро актуализируется, в особенности в условиях кризиса. Пути достижения этого блага, повторимся, видятся не одинаково. Так, предпочтительный социальный строй будущего в России — это особый строй. Лишь 20% россиян хотят видеть в бу-

¹ Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] [Электронный ресурс] / Отв. ред. И. А. Халий. — Электрон. текст. дан. (объем 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. илл. 1 CD-ROM

дущем рынок, и всего 16% — социалистический строй. Значительная же часть наших граждан 53% в будущем видит иной строй, сочетающий элементы социалистической и капиталистической экономики¹. Идея особого пути характерна для России не только в экономике. Идея уникального пути соотносится со способностью вообще осознать свое место в общей судьбе человечества и предложить свой ценностно-политический проект. Для этого сейчас настало удачное время, так как доминирующая рациональность Запада теряет свое положение исключительного авторитета в объяснении действительности ввиду сложных посткризисных процессов и потрясения основ мирового порядка.

Преимущества России в условиях глобальной растерянности

Кризис доверия двум основным столпам современного общества — государству (кейнсианству) и рынку (неолиберализму) — констатируют многие ведущие ученые как в России, так и в Европе и Америке. В мире все больше ощущается ситуация неопределенности и неустойчивости на всех уровнях от личного до глобального. Общества в ситуации глобализации, с одной стороны, и нестабильности, «конца знакомого мира»², с другой, становятся «текучими»³, без устойчивой идентичности и нормативного стержня. Страх перед неизвестностью становится экономической и политической категорией, он проистекает от осознания принципиальной хрупкости личной и общественной экономической, политической, социальной безопасности⁴. Понятие посткризисного мира с 2008 года и до настоящего времени не получило какого-либо позитивного определения, так как конец старого мирового порядка и его экономической модели всеми признается, но по поводу вектора формирования нового доминирует ситуация глобальной неопределенности, описываемая таким понятием как *Interregnum*. То же происходит и с ценностями, которые еще недавно мыслились как универсальные, а сегодня встречаются все бо-

¹ Там же.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.

³ Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

⁴ Дуткевич П. Причины и последствия конца глобализации: Открытая лекция в РУДН 28.09.2016.

лее ожесточенное неприятие незападного мира. И свидетельством начинающегося ценностного кризиса становится торжество популизма в ЕС и США.

Эти процессы осмысляются социальными философами на Западе как новые, в то же время российское общество живет в условиях не до конца сформировавшейся идентичности, личной и общественной нестабильности, низкого уровня межличностного доверия и недоверия к институтам, а также ценностной аномии уже третий десяток лет. В этом смысле россияне и жители постсоветского пространства имеют определенное конкурентное преимущество, выработав определенные стратегии выживания. И если с экономической и социальной точки зрения Россия не является столь же аттрактивной как ее конкуренты, тем не менее военно-политическая мощь, амбиции регионального лидера и политическая субъектность, свобода от внешних стандартов рациональности позволяют России претендовать на место среди стран, которые окажутся в роли локомотивов региональных блоков и авторов альтернативной нормативной системы. России важно осознать выгоду текущего исторического момента и выступить с инициативами для всего Евразийского макрорегиона, чтобы эффективно конкурировать в гонке интеграций с растущим Китаем и слабеющим Евросоюзом.

Библиография

1. Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А. Халий. Электрон. текст. дан. (объем 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. илл. 1 CD-ROM
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.
4. Лидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М., 2015. С. 18.
5. Дуткевич П. Причины и последствия конца глобализации: Открытая лекция в РУДН 28.09.2016.
6. Казаринова Д. Перспективы интеграционного строительства на постсоветском пространстве в рамках Евразийского союза и инструментарий российской мягкой силы // Мягкая сила в глобальной политике. Ч. 2. Региональное и функциональное измерение. Материалы круглого стола // Вестник РУДН. Серия Политология. 2013. № 2. С. 5–9.
7. Казаринова Д.Б. Ценностно-политические проекты и геополитическая субъектность в современном мире // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 2. С. 182–189.

8. Лукьянов Ф. 9/11.Ремейк // Россия в глобальной политике. 2015. 18 нояб. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/911-Remeik-17814>
9. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность. 2007. http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novy_e_publicacii/rossijskij.html
10. Троицкий М., Чаран С. Дилемма интеграции на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2013. 7 ноября. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dilemma-integracii-na-postsovetskom-prostranstve-16177>

ЛИНДЕ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация: в данной статье определяется значение особого, воспринятого социально-политическими науками из философии, феноменологического подхода к изучению общественных норм и ценностей. Для лучшего понимания этого подхода проводится сравнительный анализ с системно-функциональным подходом по трем положениям. Устанавливаются преимущества феноменологического подхода.

Ключевые слова: феноменология, жизненный мир, системно-функциональный подход, нормы, ценности.

Основной научный, теоретико-исследовательский подход, при помощи которого в том или ином обществе, в научных исследованиях определяется сущность социально-политических норм, ценностей, предпочтений, представляет фундаментальное значение для проведения государственной политики. Мы можем выделить два ключевых, противоположных по своей сути подхода к выявлению сущности и роли социальных норм, ценностей: феноменологический подход и системно-функциональный.

Для лучшего определения значения феноменологического подхода, проведем сравнительный анализ с системно-функциональным подходом по трем основным пунктам.

Системно-функциональный подход сформировался под влиянием точно-научной, кибернетической методологии. Так, Р. Мидоу утверждает, что системный подход в целом основывается именно на

кибернетике «и связывается с понятием социального контроля»¹. В политической науке он был представлен Т. Парсонсом, Д. Истоном, К. Дойчем, Н. Луманом и др.

Но, хотя кибернетика как точная наука имела сильнейшее влияние с точки зрения технического прогресса, приложение ее точно-научной методологии в социальных науках, к изучению социальных норм, ценностей и дальнейшее применение в государственном управлении приводит как к научно-познавательным, так и к практическим общественным проблемам:

1. Проблемы научно-методологических основ изучения норм и ценностей

В кибернетике Н. Винер предложил научно-техническое понятие «самовоспроизводящейся системы», перенятое в социальной теории Т. Парсонсом для анализа общества в целом. Н. Винер дает следующее определение системе: в механистической технике или естественном организме на более высоком уровне развития элементы способны складываться в общую систему, обладающую свойством эмерджентности — несводимости новых свойств образовавшейся системы к свойствам ее отдельных элементов. Физиологические процессы объединяются в общую, согласующуюся, «синергическую деятельность», постепенно объединяясь в «один... орган»². Достаточно очевидно, что общество, находящееся на ранней стадии развития, также более сложные, постиндустриальные общества, нельзя определить как некую единую биосистему.

Но в системном анализе общества в целом, понимаемом как эмерджентная совокупность элементов в согласующейся деятельности, точно не определена роль норм, ценностей отдельного индивида, личности. Возникает научно-исследовательская проблема качественного изучения ценностей, укорененных в индивидуальном сознании личности. Скорее, предполагается доминирование норм, установок всей «системы» над представлениями отдельной личности или социальной группы.

¹ Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5. С. 52.

² Винер Н. Моё отношение к кибернетике. Ее прошлое и будущее. М.: Советское радио, 1969. С. 22.

Так, последователь феноменологии Г. Гарфинкель в экспериментах доказал, что человек всегда действует осмысленно, исходит из некоторого глубокого смысла в своей жизни, именно в связи с личной интерпретацией конструирует, «конституирует» свое видение действительности. Причем, это конструирование носит не внешне-принудительный, а самостоятельный, личностный характер: «...мы, очевидно, не можем выдержать, если мир не в порядке. Социальная реальность непрерывно конструируется нами так, что она сама производит смысл»¹. Но, основанная на методологии кибернетического управления, теория систем, дает государственному аппарату возможность, при помощи использования политической техники, навязать гражданам определенные им, отчужденные от культуры самого общества, нормы и ценности, смыслы деятельности и создать образ окружающей реальности. Таким образом, происходит отказ от действительно существующего личностного уровня переживания индивидуальных и самостоятельного осмысления общественных норм и ценностей.

2. Проблема определения происхождения и социальной роли норм, ценностей общества

Т. Парсонс в системно-функциональном подходе выделял ряд подсистем общества. Функции поддержания нормативного образца действия в общей системе соответствовала подсистема культуры. Она включала в себя систему поддержания норм и ценностных образцов общества. Поддержание единых норм и ценностей определяло общественное единство и *системную* интеграцию. Перенимая кибернетическую методологию Н. Винера, культура понимается Т. Парсонсом как вершина кибернетических отношений, связанная с функцией контроля общественных процессов.

Также важен и вопрос соотношения норм, ценностей и социального действия актора. Согласно Т. Парсонсу, индивидуальное действие «происходит практически в осуществление общих норм и ценностей»². Но подобное теоретическое преобладание общего над частным приводит к следующему. Применение абстрактной киберне-

¹ *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 118.

² Там же.

тической методологии в системно-функциональном подходе, основанной на изучении количественных данных и механики, также обуславливает и невозможность понимания личностно осознаваемых и принимаемых людьми норм и ценностей, глубинных смыслов.

Более того, нормы и ценности, интегрирующие общество, также представляются Т. Парсонсом как отвечающие за легитимацию власти: «Прежде всего... требует легитимации власть»¹. Д. Истон утверждал, что политическая подсистема: «совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитарным способом приносятся в общество»². Таким образом, не изучались плюралистические нормы и ценности различных социальных групп и отдельных личностей.

3. Проблема влияния общественных норм и ценностей на государственный строй

Но также и применение системного подхода, его принципов в эмпирических исследованиях политической культуры, норм и ценностей, примером чего являются исследования демократической культуры Г. Алмондом и С. Вербой, приводит как к научно-методологическим, исследовательским, так и реально существующим политическим проблемам.

Во-первых, изучаются и определяются единственно важными ориентации, нормы и ценности граждан по отношению к самой политической системе — государственным властным институтам, а не общему для них гражданскому обществу. Так, политическая система включает в себя: «(1)... *роли или структуры*: законодательные органы, исполнители или бюрократия; (2) *ролевые обязанности*: как монархи, законодатели, администраторы; (3) ... *общественная политика, решения или обстоятельства, порождающие решения*»³. Таким образом, учитывается только уровень государственных институтов, но не непосредственной деятельности самого гражданского общества.

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 103.

² Истон Д. Категории системного анализа политики. // Политология: Хрестоматия. Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 323.

³ Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политология: Хрестоматия. Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 563.

Это противоречит современным моделям партисипативной, делиберативной демократии, которые определяют политическое участие граждан как активную, рациональную, самостоятельную деятельность самого гражданского общества, во взаимодействии с государством.

Во-вторых, на основе прикладных исследований политической культуры пяти стран, ученые выводят три идеальных типа политической культуры: парохийный, подданнический и культуры участия. Но также на основе исследования США и Великобритании они предлагают некий механически выработанный идеальный образец для демократических государственных систем вообще: тип «гражданской культуры». И, в противоположность выявленным признакам оригинальных политических культур, с учетом которых развивалась государственная система наций, установленная гражданская культура определяется как универсально отвечающая самооценной демократической системе. Таким образом, именно научно установленная политическая культура требуется для определенной политической системы, поддержания ее функционирования и стабильности, а не сама человеческая культура утверждается, как самооценная.

При этом, данный тип политической культуры представляется в гораздо меньшей степени демократическим, чем культура участия, так как предполагает совмещение приходской, подданнической и партисипативной культуры и приверженность меньшей части населения культуре участия. Следовательно, закрепляются ведущая роль государственной власти, администрации и представительных органов государства, а не гражданского общества, элитарность демократической системы.

В-третьих, такое применение точно-научной методологии систем делает невозможным понимание самой качественно-интерпретационной природы политической культуры, норм и ценностей, также неподдающейся механическому, математическому анализу. Так, М.Н. Грачев пишет: «Очевидно... такой подход... делает невозможным постижение действительных законов общественного развития, поскольку человеческая культура понимается... не как процесс взаимодействия качественно различных микроструктур, а как простое тождество или близкое сходство элементов»¹.

¹ Грачев М.Н. Концепция типов политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы как инструмент вестернизации национального самосознания незападных обществ //

Таким образом, выявленные проблемы также определяли потребность в разработке нового, качественного подхода к исследованию, анализирующему субъективные личные ценности и нормы самого индивида, находящиеся в основе его социального действия и конструирования определенной картины действительности. Именно эту задачу стремится решить феноменологическое направление в социальных науках.

1. Научно-методологические основания изучения норм и ценностей

Феноменология — направление в философии XX в., основанное Э. Гуссерлем. Феноменология предполагает своей основной целью возврат к непосредственным феноменам сознания личности и их анализ. В отличие от системного подхода, ее теоретической основой является философия, но она также часто применялась в социально-гуманитарных дисциплинах: филологии, психологии, социологии и др. Философские основания подхода были разработаны в первой половине XX в. Э. Гуссерлем, применение в социальных науках было совершено А. Шюцем, П. Бергером, Т. Лукманом, Г. Гарфинкелем и Ю. Хабермасом во второй половине XX в.

Э. Гуссерль предложил центральное для феноменологии понятие **«жизненного мира»**, как совокупности субъективных, непосредственных представлений самих людей о себе и окружающем мире, религиозных предпочтений, норм и ценностей, которые всегда изначально заданы в жизненном опыте. Именно через восприятие этих идеалов, ценностей человек интерпретирует действительность. Также эти представления, являющиеся основанием различных личностных и социально-групповых интерпретаций, предшествуют научному опыту, не зависят от «каких бы то ни было научных... констатаций»¹.

Поэтому, ученый должен отойти от исследования мира как познания только объективных фактов и учитывать личные нормы и цен-

Проблемы российского самосознания: философия Льва Толстого: Материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием (20–22 мая 2010 г.). С. 112.

¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб.: Наука, 2013. С. 176.

ности, определяющие субъективные представления людей, конституирующие их индивидуальное видение повседневного мира.

2. Понимание происхождения и социальной роли норм, ценностей общества

В феноменологии изучается не только стремление системы оказать влияние на нормы, ценности общества. Нормы и ценности граждан изучаются как определяемые их субъективным опытом, они не задаются, не определяются и не регулируются политической системой. В феноменологии «только мы конструируем друг для друга совместную действительность, в которой связь ценностей и норм устанавливается только нами»¹. «Жизненный мир» соответствует изначально присущим, исторически выработанным и воспринимаемым культурным нормам и ценностям самого общества и образующих его индивидов.

В отличие от системного подхода, П. Бергер, Т. Лукман утверждали, что в современных обществах, в связи с невозможностью монопольной организации определения ценностей, и развитием науки, искусства неизбежно формируется ценностно плюралистическое общество. В подобном обществе могут сосуществовать различные социальные группы, обладающие собственной идентичностью, образующей их «домашний мир», но объединенные в социуме общим, минимально необходимым консенсусом. Руководство данным подходом в государственной политике означает возможность максимально учитывать различные точки зрения, «гарантировать и законные интересы меньшинства, быть внимательными к тому... чего требуют... разные... социальные группы, общество в целом»².

Также, в сравнении с воспринимающим только инструментальное, целерациональное действие системным подходом, отличается понимание социального действия. В феноменологии социальное действие предполагает не только рациональный выбор и достижение по-

¹ Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 118.

² Нарышкин С.Е. Лицом к залу. [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. 2016. URL: <https://rg.ru/2016/08/09/sergej-naryshkin-dal-neskolko-sovetov-budushchim-zakonodateliyam.html> (дата обращения: 31.08.2016).

ставленной цели. Согласно А. Шюцу, на уровне общего формирования «жизненного мира»¹, социальное действие предполагает скорее стремление к смысловому intersубъективному взаимопониманию между людьми.

Ю. Хабермас предложил сам термин подобного социального действия, как **коммуникативное действие**. В нем акторы также преследуют достижение цели, но при взаимном согласии, равенстве, стремлении принять точку зрения Другого и взаимопонимании, существовании договоренности. Исходя из лично осознаваемых ценностей, они постепенно достигают общего ценностно-нормативного взаимопонимания. Поэтому, цели, способы их достижения определяются при восприятии в обсуждении не только личного, но ставшего после обмена точками зрения общего, intersубъективного смысла действия. Происходит «вовлечение Другого», «уважение к каждому распространяется... на личность другого в инаковости»².

Это также приводит нас к значимой проблеме, как сочетаются обговоренные, общепринятые социальные нормы, ценности и личностно разделяемые ценности отдельных, разных социальных групп и людей. Для решения этой проблемы необходимо рассмотреть принципиально важный вопрос в социально-политической теории: не приведет ли критика общего, регулирующего частное, системно-функционального определения норм и ценностей, к нарушению социальной целостности и интеграции. Для того, чтобы опровергнуть эту критику, проанализируем противоречащий ей исторический пример принятия людьми между собой в сообществе норм и ценностей. Ю. Хабермас утверждает, что еще в традиционных обществах велись конфликты за признание легитимности, основой которых были проблемы норм и ценностей. В Античности, раннем Средневековье это проявлялось в сущности «пророческих и мессианских движений, направленных против официальной версии религиозной доктрины, которая легитимирует государство или... колониальное господство... примерами могли бы быть... распространение первоизданного христи-

¹ *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 112.

² *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 48.

анства в Римской империи»¹. Действительно, до официального признания Константином I в Римской империи, христианство сначала развивалось в общинах, как intersubjectively разделяемое верующими знание.

Таким образом, именно нормы и ценности, лично разделяемые обществом, первичны по отношению к их утверждению на государственном уровне, после продолжительной борьбы за изменение государственной легитимности. Поэтому, в отличие от системного влияния, процессы взаимопонимания в феноменологическом подходе не нарушают, а способствуют социализации людей, как свободному усвоению норм, ценностей, интеграции общества, учитывающей личную вовлеченность граждан. Ю. Хабермас отвергает различие понятий «общность» и «общество»: чувство идентичности, приобщение к культурным ценностям, служащим взаимопониманию, уже происходит в intersubjectively создаваемом жизненном мире. Благодаря усвоению общественных знаний, традиций происходит социализация индивида, затем воспроизведение культурных символов общества, за счет чего поддерживается общественная интеграция на *социальном*, а не системном уровне (административном). В этом существенное отличие от системного подхода, определяющего процесс усвоения ценностей скорее не как лично разделяемый, а как внешний по отношению к самим индивидам, и механико-автоматический в плане усвоения ценностей. Следовательно, феноменологическое направление удачно преследует цель изучения норм и ценностей.

3. Влияние общественных норм и ценностей на государственный строй

Значение «жизненного мира» также учитывается Ю. Хабермасом в политической науке, его концепции делиберативной демократии. С его точки зрения, не государственные властные институты должны производить собственную легитимацию, определяя единые для общества ценности, а именно сами политические ин-

¹ *Habermas J. Legitimation Problems in the Modern State // Habermas J. Communication and the Evolution of Society. Beacon Press, 1979. P. 181.*

ституты должны соответствовать нормативно-ценностному уровню «жизненного мира» граждан. Поэтому, также требуется не производство некоторой механической, искусственной системы, внедряющей в общество определенные нормы, ценности, а ориентированное на неотъемлемые культурные ценности политическое устройство общества.

Также Ю. Хабермас дал оригинальное определение «**публичной сферы**» как сферы, в которой возможно решение общественно значимых задач, происходит процесс формирования общественного мнения и «процесс коммуникативного производства легитимной власти»¹.

«Публичная сфера» служит рациональному обсуждению различных нормативно-ценностных представлений социальных групп. Она является центральным понятием для разработанной Ю. Хабермасом концепции делиберативной демократии.

Делиберативная демократия (от англ. *deliberate* — обсуждать, обдумывать) представляет собой особый подход к демократии, согласно которому для сохранения изначальных принципов демократии необходимо расширить власть гражданского общества и его влияние на государственный аппарат при помощи процедуры рационального обсуждения.

Кроме организационной проблематики, принципиально важным в делиберативной демократии является нормативно-ценностный аспект: прояснение ценностей и норм «жизненного мира» самого гражданского общества, и их влияние в основе проводимой государственной политики.

Это также исключает возможность утвердить навечно некоторую «единственно верную» политическую систему, «одну модель развития, признанную кем-то раз и навсегда единственно правильной»², как тоталитарные режимы XX в. или «универсальная» модель демократии.

¹ *Habermas J. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977—1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990. S. 203.*

² *Путин В.В. Речь на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс] // Президент России: [сайт]. 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 31.08.2016)*

Сравнительный анализ феноменологического и системно-функционального подходов к изучению норм и ценностей

Вопрос	Системно-функциональный подход	Феноменологический подход
Научно-методологические основания изучения норм и ценностей	Кибернетика, теория систем	Философия, гуманитарные науки
Понимание происхождения и социальной роли норм, ценностей общества	Социальные нормы и ценности определяются и регулируются внешней по отношению к людям системой. Нормы и ценности функционально отвечают легитимации власти	Нормы и ценности укоренены в интересующем «жизненном мире» людей, воспринимаются ими лично на уровне сознания. Нормы, ценности личности обладают самостоятельной значимостью
Понимание социального действия и влияние на него норм и ценностей	Целерациональное, инструментальное действие. Индивидуальное действие происходит в осуществление программируемых системой норм и ценностей	Коммуникативное действие. Основой действия являются переживаемые лично нормы, ценности. Успешное коммуникативное действие стремится к пониманию норм и ценностей, имеющих интересующее значение
Влияние общественных норм и ценностей на государственный строй	Фиксированные нормы и ценности обеспечивают функционирование того или иного, заданного государственного строя. Элитарная демократия с ведущей ролью государственной администрации	Нормы и ценности гражданского общества, прошедшие процедуру рационального обсуждения, могут повлиять на формирование легитимного государственного строя. Делиберативная демократия

Таким образом, феноменологический подход обладает следующими преимуществами в исследовании общественных норм, ценностей:

1. Нормы и ценности понимаются не просто как определяемые внешней по отношению к индивиду системой, а как принимаемые отдельными людьми на уровне их сознания, следовательно, индивидуально и лично воспринимаемые.

2. Поэтому, ученым в исследовании, как непосредственном интерпретационном диалоге, достигается понимание не устанавливаемых «внешней» отчужденной системой, а собственных, глубинно переживаемых ценностей и предпочтений граждан.

3. Качественные методы исследования позволяют раскрывать уровень глубинных культурных норм и ценностей людей, а также непосредственно понимать и интерпретировать их.

4. Ценности гражданского общества изучаются с точки зрения современного, плюралистического общества различных социальных групп.

5. Феноменологическая методология служит пониманию не только собственного видения действительности, но также и ценностей и взглядов «Другого». Благодаря этому становятся возможными диалог и достижение собственного, свободного, а не внешне установленного «механистического» общественного консенсуса.

Библиография

1. *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 98–124.
2. *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура и стабильная демократия // Политология: Хрестоматия. Сост.: проф. М.А.Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 560–577.
3. *Винер Н.* Мое отношение к кибернетике. Ее прошлое и будущее. М.: Советское радио, 1969. 24 с.
4. *Грачев М.Н.* Концепция типов политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы как инструмент вестернизации национального самосознания незападных обществ // Проблемы российского самосознания: философия Льва Толстого: Материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием (20–22 мая 2010 г.). С. 107–112.
5. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб.: Наука, 2013. 494 с.
6. *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия. Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 319–331.
7. *Нарышкин С.Е.* Лицом к залу. [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. 2016. URL: <https://rg.ru/2016/08/09/sergej-naryshkin-dal-neskolko-sovetov-budushchim-zakonodateliam.html> (дата обращения: 31.08.2016).
8. От критической теории к теории коммуникативного действия. Эволюция взглядов Ю. Хабермаса. Тексты сост.: Алхасова А.Я. Ульяновск: УлГТУ, 2001. 150 с.
9. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122.
10. *Путин В.В.* Речь на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс] // Президент России: [сайт]. 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 31.08.2016).
11. *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5. С. 41–54.

12. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. Спб., Наука, 2001. 417 с.
13. *Habermas J.* Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977—1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990. 254 S.
14. *Habermas J.* Legitimation problems in the modern state // *Habermas J.* Communication and the evolution of society. Beacon Press, 1979. P. 178–206.

ПАЛИТАЙ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация: статья посвящена проблеме изучения массового политического сознания. В условиях социально-политических изменений, происходящих на текущий момент, данная проблема выходит на первый план в связи с необходимостью выстраивания эффективного взаимодействия всех политически значимых сил и, прежде всего, власти и общества. Предложенная методология изучения политического сознания граждан позволяет оценить содержащиеся в нем образы тех политических объектов, которые отвечают за траекторию развития общества, а анализ их содержания может позволить выявить потребности, которые актуализированы в обществе на текущий момент, а также отношение граждан к тем или иным процессам, происходящим на политической арене.

Ключевые слова: политическое сознание, модернизация, исследование, методология, образ, политическая психология, власть, общество.

Процесс модернизации общества на постсоветском пространстве отличается от аналогичных процессов, проходящих в западных и восточных странах вследствие специфических особенностей, обусловленных уникальными механизмами развития. Помимо этого, необходимо понимать, что данные страны не имели тех социально-экономических, правовых и культурных условий (рынка, системы ценностей, способных подстраиваться к инновациям технологического и политического характера), на основе которых и происходит переход от традиционного общества к современному в обычной мировой практике.

Институты власти, которые были сформированы на постсоветском пространстве, оказались недостаточно эффективными в удов-

летворении социальных ожиданий населения. Вероятно, причиной этому послужила попытка внедрения ценности индивидуализма и связанного с ней рационализма. На деле же это привело к имущественному расслоению населения, которое прежде ориентировалось на ценность равенства. Одним из следствий такой политики явился факт несоответствия скорости формирования четкой социальной структуры общества процессу возникновения и становления различных политических партий и общественных движений. Другим результатом имущественного расслоения населения стало возникновение у него дискомфорта, проявляющееся затем в противостоянии новому режиму.

Из сказанного можно заключить, что одним из условий успешности процесса модернизации общества является наличие эффективного взаимодействия всех политически значимых сил и, прежде всего, власти и общества. Однако зачастую мы наблюдаем отсутствие разветвленной системы политической коммуникации на основе обратной связи, в результате чего наблюдается несоответствие реформ запросам общества, потребностям и менталитету основной массы населения.

На наш взгляд, одним из способов выстраивания названной коммуникации в условиях современных социально-политических изменений может быть изучение массового сознания, так как именно в нем содержатся образы тех политических объектов, которые отвечают за траекторию развития общества. Анализ содержания этих образов может позволить выявить потребности, которые актуализированы в обществе на текущий момент, а также отношение граждан к тем или иным процессам, происходящим на политической арене.

Мы отводим столь большую роль изучению образов по причине того, что современная политика становится все более виртуальной. Граждане, как правило, не имеют опыта личного общения с политиками и политическими институтами. Исследования политического восприятия позволяют понять, как формируются образы различных политических объектов в массовом сознании: образы власти и политиков, образы политических институтов (исполнительной, законодательной и судебной власти), государства в целом, образы политических партий и образы стран. Помимо этого, они позволяют выявить

те факторы, под влиянием которых эти образы складываются именно такими, а не иными. Наши исследования показали, что за весь постсоветский период не только происходила смена смыслов, содержания политических образов, но менялась и сама политическая оптика, включая эмоции, настроения, потребности, мотивы, которые служат линзой для восприятия политики, то есть весь психологический контекст трансформации. Именно этот психологический контекст определяет настроение людей, их мотивацию к поступкам, именно он питает доверие или недоверие к власти, государству, и поддержку реформ. Без учета этого психологического состояния общества неполными и неверными будут и все выводы относительно успеха или неудачи политической трансформации.

Рассмотрим концептуальную модель исследования образов и интерпретации политического восприятия, которая была разработана на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова¹.

Процесс политического восприятия принято рассматривать как разновидность социального восприятия. Во всяком случае, так к этому относятся социальные психологии. В принципе это верно, но есть и существенные отличия, которые ставят перед исследователями ряд теоретических и методологических проблем. Так, в первую очередь, это вопрос об особенных механизмах восприятия именно политических объектов. Выявление и описание этих закономерностей и механизмов не может быть сведено к простому переносу психологических форм на политическую реальность без серьезного анализа этой самой реальности.

Вторая проблема состоит в том, чтобы выявить структуру различных типов политических образов. Можно предположить, что эта структура в ее психологическом измерении будет более или менее сходной в той части, которая касается субъекта восприятия, но различия в объектах отражения непременно скажутся на структуре образов.

И, наконец, третья теоретическая проблема, с которой мы столкнулись в своих исследованиях, состоит в учете национального кон-

¹ Подробнее см.: Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2012; Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.

текста восприятия. Мы убеждены, что при изучении политического восприятия необходимо принимать во внимание национальную, страновую специфику. Это подтверждается и новейшими исследованиями психофизиологов, которые обнаружили огромную роль социо-культурных факторов на восприятие даже самых простых объектов, не говоря уже о таких сложных объектах, как политика¹.

Под восприятием вообще и социальным восприятием в частности, принято понимать отражение сознанием индивида социальных объектов. Термин «социальная перцепция» был введен Дж. Брунером в рамках разработанного им проекта «NewLook». Позже в его совместной работе с Л. Постменом социальная перцепция стала пониматься как восприятие социальных объектов: личностей, групп, более широких социальных общностей, в том числе и целого общества².

Политическое восприятие имеет специфические особенности, отличающие его от других видов восприятия.

Во-первых, оно направлено не столько на отражение объективной действительности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации политической власти и лидеров.

Во-вторых, оно отличается большей слитностью когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции.

В-третьих, оно является опосредованным (в основном СМИ).

И, наконец, поскольку политическое восприятие — это, как правило, восприятие, происходящее на уровне массового сознания, то на него влияют ценности, стереотипы, установки, присущие массовому сознанию.

Если восприятие — это процесс отражения в массовом и индивидуальном сознании власти, лидеров, партий, государств и других политических объектов, то, основными элементами, «кирпичиками» из которых строится этот процесс, как уже было сказано, являются образы. В психологии под «образом» понимается обобщенная картина

¹ Александров Ю.И. Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. 2007. N 1; Александров Ю.И., Колбенева М.Г. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: лингво-психологический словарь. Языки славянской культуры, 2011.

² Bruner J.S. and Postman L. Perception Cognition and Behavior// Journal of Personality. Vol. 18, Issue 1. P. 14–31. September 1949.

мира (предметов, явлений), складывающаяся в результате переработки информации о нем, поступающей через органы чувств¹.

В отечественной литературе существуют различные интерпретации понятия образа. Так, по мнению Д.А. Леонтьева, понятие «образ» не тождественно понятию «имидж»: «Как известно, слово «имидж» является английским эквивалентом русского слова «образ». Имиджем я называю впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а образом — то, которое формируется спонтанно. Образ можно конструировать специально и тогда он становится имиджем... Образ есть всегда, образ всегда можно диагностировать и описать — точно и разносторонне... Имидж — это навешивание совершенно конкретных ассоциаций и намеков». Таким образом под образом мы будем понимать отражение личности лидера, партии, государства, организации, товара и пр. в массовом и индивидуальном сознании граждан. Между тем, как под имиджем (или брэндом), мы будем понимать специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика, партии, государства, товара и т.д. Политический образ представляет собой, как и любой образ, с одной стороны — отражение реальных характеристик объекта восприятия — то есть политической власти, личности лидера, особенности той или иной политической партии, страны и т.д. Эти характеристики образа можно назвать его объектными компонентами. Они во многом определяют политическое содержание образа. С другой стороны, образ является проекцией ожиданий субъекта восприятия — то есть граждан. В образе отражаются потребности и мотивы, знания и представления, мнения, оценки и стереотипы, ожидания, эмоции, требования массового сознания к власти. Эти компоненты образа можно назвать субъектными. Политические образы будут изменяться с изменением психологии массового сознания. Кроме того, характер образов будет меняться и в соответствии с такими характеристиками субъекта восприятия, как пол, возраст, образование, региональные особенности и тому подобное.

В отличие от представлений, установок, и других психологических феноменов, образ вообще и политический образ в частности, имеет

¹ Психологический образ: строение, механизмы функционирования и развитие. Т. 1. М., 1994.

более «стереоскопическую» природу. Он достаточно сложно организован и в его структуре требуется, прежде всего, выделить отдельные уровни и компоненты для дальнейшего анализа.

Попытка описать психологическую структуру политического образа в отрыве от наполняющего его содержания наталкивается на ряд сложностей. Наш опыт исследования показывает, что каждый тип политического образа имеет свои особенности, что отражается и на структуре восприятия разных типов образов. Однако в структуре любого политического образа можно заметить некоторые общие черты и закономерности.

Так, во-первых, важным общим моментом для всех видов образов является наличие в их структуре рационального и бессознательного компонентов. Рациональные компоненты образа представляют собой отражение в сознании воспринимающих тех характеристик политического объекта, которые человек осознает и отдает себе в них отчет.

На бессознательном уровне восприятия, преобладают эмоции, которые практически не осознаются индивидом. Он далеко не всегда может объяснить свое отношение к партии, лидеру, стране или власти даже самому себе, не говоря уже об объяснениях, даваемых другим людям. А если респондент пытается обосновать свой ответ, то это не всегда достоверное объяснение, на которое оказывает влияние уже феномен рационализации.

Как показывают наши предыдущие исследования, в ситуациях политической неустойчивости системы у граждан могут быть не сформированы стабильные рациональные установки на политику и в своем выборе они руководствуются, прежде всего, эмоциями.

Тем самым образ затрагивает не только когнитивную, но и эмоциональную и поведенческую сферы личности.

Во-вторых, в политическом образе можно выделить такие элементы, как привлекательность, силу и активность, а точнее шкалы: привлекательность-непривлекательность, силу-слабость и активность-пассивность. Согласно принятой в психологии концепции Ч. Осгуда, в личности принято выделять эти три измерения. Но, как показали наши исследования, и в персонифицированных объектах, таких, как власть, партия, государство, парламент или страна, эти параметры образа тоже могут быть эффективно использованы.

Каким бы ни был набор привлекательных качеств того или иного лидера, власти или страны по содержанию, эти качества необходимо также оценить с точки зрения двух других психологических измерений: силы и активности. Присутствие параметра силы несомненно укрепляет привлекательность политического образа. Оценивая все ответы респондентов по этому показателю, мы получаем дополнительный инструмент, отсеивающий многие, казалось бы, бесспорно привлекательные черты (например, компетентность), которые без силы немного дают для оценки и прогноза.

В постсоветской политической культуре особенно параметр силы играет особую роль. Не только сила, но и насилие традиционно оценивается в российской и советской традиции достаточно амбивалентно, но чаще — со знаком плюс. Это связано с коренящимися в «коллективном бессознательном» обстоятельствами нашей истории и культуры. Здесь уместно отметить, что мало, кто из респондентов будет открыто восхвалять насилие или даже просто силу. Но даже в осознаваемых оценках качеств, которые нравятся или не нравятся респондентам, есть менее осознанный слой аттитюдов, связанный с представлением о том или ином политике или партии, как о сильных или слабых.

Сказанное о параметре силы во многом относится и к показателям активности. Активность имеет отношение к исполнению властных полномочий. При этом мы обнаружили, что и для параметра силы, и для параметра активности имеются определенные значения нормы. Отклонения образа от этой нормы как в сторону увеличения, так и уменьшения, сказывается на его привлекательности для граждан

Параметры силы и активности, как правило, вполне осознаются гражданами на рациональном уровне. Но они присутствуют и могут быть зафиксированы и на бессознательном уровне.

В-третьих, в политических образах имеет смысл выделять и отдельно исследовать визуальные и вербальные структурные элементы. Образ связан с визуальным восприятием в первую очередь. Восприятие визуальной политической информации всегда было значимым, но в современной политике доминируют Интернет и телевидение, которые конструируют образы, прежде всего, именно в визуальной форме, «упаковывая» всю политическую информацию в наборы картинок. Визуальная информация проще воспринимается нашей пси-

хикой, так как она базируется на более древних механизмах первой сигнальной системы. Известно, что именно через визуальные каналы в мозг проходит большая часть информации вообще.

Следует заметить, что по своей природе визуальные компоненты образов имеют бессознательную природу. Поэтому их анализ требует специальных методов, которые позволили бы выявить и проинтерпретировать эти бессознательные структуры. В наших исследованиях мы использовали для этих целей, прежде всего, проективные тесты.

В-четвертых, важным моментом в оценке индивидом того или иного реального политического объекта является его сопоставление с идеальным прототипом. Политическое восприятие нуждается в некотором ценностном эталоне, без которого восприятие затруднено.

Нельзя адекватно оценить объект исследования — образы политических объектов, если не учитывать те причинные связи, которые определяют восприятие. Речь идет о факторах разного уровня: устойчивых и изменчивых, факторах, идущих от воспринимаемых объектов и факторах, связанных с воспринимающим субъектом. Помимо этого, важную роль в восприятии играют пространственные, темпоральные и коммуникативные факторы.

Устойчивые факторы политического восприятия в первую очередь представляют собой особенности политической культуры общества. Политическая культура, понимаемая в политической психологии как интериоризованные в сознании индивида представления, ценности и установки в отношении политической системы¹, является динамичным, но при этом медленно трансформирующимся во времени явлением. Политическая культура, рассматриваемая нами в качестве независимой переменной, влияет на восприятие власти как призма сложившихся на протяжении столетий эталонных представлений о власти, сквозь которые воспринимается политическая жизнь общества. В процессе восприятия реальных политических объектов происходит их сопоставление с этими эталонами, в результате чего формируется образ существующей власти². Таким образом, реаль-

¹ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

² Шестопал Е.Б. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России // Теоретические проблемы. М.: Логос, 2003. № 4–5. Вып. 39. С. 178–185.

ный образ власти включает в себя идеальный образ, который в свою очередь отражает элементы менталитета и национальной политической культуры¹.

Ситуативные факторы восприятия могут оказывать такое же влияние на оценку личностью происходящих вокруг нее политических событий, как и устойчивые факторы. В случае стабильной политической системы последние служат гарантией преемственности политического поведения, если же общество находится в ситуации кризиса, то ценности, заложенные с детства, вступают в противоречие с новой реальностью. Происходит рассогласование между ними, в результате возрастает влияние ситуативных факторов. В странах, входивших ранее в состав СССР мы имеем именно такое рассогласование политического сознания.

Наблюдение за пост-советской политической реальностью привело нас к выводу о том, что одним из важнейших ситуативных факторов является состояние политической системы: стабильное или кризисное. Это состояние диктует власти принятие различных по характеру и времени действия политических решений, в соответствии с которыми общественное мнение может по-разному оценивать эффективность действующей политической власти.

Особенности политического восприятия определяются и региональными различиями политических субкультур. Как показывают многочисленные исследования в области политической регионалистики², существуют значительные различия в электоральном поведении между избирателями различных территорий. Соответственно, существенно отличается и массовое сознание жителей этих территорий.

Объектные факторы позволяют оценить, как деятельность отдельных политических акторов, так и деятельность государства в целом. Вместе они образуют единую конфигурационную модель, определяющую

¹ Блашенкова В.С. Эталоны в политике: образ святого князя и имидж современного политического лидера // Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. М., 2004.

² Ахременко А.С., Анисимова А.В., Горбатова В.В., Дербекко А.Ю., Евтушенко С.А., Жигжитов С.В., Леандрова М.П., Левшенко Ю.И., Лукс Н.Ю., Муццинин С.В., Филитова С.Г. Электоральные структуры и социальные размежевания в регионах России // Политические практики. 2007. № 2(5).

щую суть политической системы общества, которая вызывает у граждан чувство удовлетворенности или неудовлетворенности политической системой. Подобные настроения и определяют тональность восприятия текущих политических процессов в обществе.

Из всего сказанного можно прийти к следующему заключению. Изучение массового сознания и анализ имеющихся в нем образов различных политических объектов могут позволить выстроить более грамотную политическую коммуникацию власти с обществом, которая в итоге послужит фактором более успешной реализации процесса модернизации общества.

Библиография

1. Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012.
2. Александров Ю.И. Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. 2007. № 1.
3. Александров Ю.И., Колбенева М.Г. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: лингво-психологический словарь. Языки славянской культуры, 2011.
4. Bruner J.S. and Postman L. Perception Cognition and Behavior // Journal of Personality. Vol. 18, Issue 1, P. 14–31. September 1949.
5. Психологический образ: строение, механизмы функционирования и развитие. Т. 1. М., 1994.
6. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.
7. Шестопал Е.Б. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России. Теоретические проблемы. М.: Логос, 2003. № 4–5. Вып. 39. С. 178–185.
8. Блашенкова В.С. Эталоны в политике: образ святого князя и имидж современного политического лидера // Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. М., 2004.
9. Ахременко А.С., Анисимова А.В., Горбатова В.В., Дербекко А.Ю., Евтушенко С.А., Жигжитов С.В., Леандрова М.П., Левшенко Ю.И., Лукс Н.Ю., Мушнин С.В., Филиппова С.Г. Электоральные структуры и социальные размежевания в регионах России // Политические практики. 2007. № 2(5)

СМУЛЬКИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА

ВЛИЯНИЕ ИДЕАЛЬНОГО ПРОТОТИПА НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ
В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования особенностей восприятия политических лидеров, активно участвующих в избирательной кампании. Внимание уделяется специфике влияния политико-культурного фактора на процесс формирования электоральной привлекательности кандидата, а именно идеального прототипа политического лидера, существующего в массовом политическом сознании. Специфичным в исследовании является использование материалов, полученных в результате применения проективного метода индивидуального конструирования сказочного сюжета. Полученные данные позволили рассмотреть образы в динамике, с учетом взаимосвязей и взаимозависимостей.

Ключевые слова: политическое восприятие, электоральная привлекательность, идеальный прототип, образ политического лидера, кандидат, проективный метод, сказочный сюжет.

В политической науке все еще нет ответов на вопросы о специфике и причинах изменений, происходящих в отношении избирателей к политикам, о факторах, влияющих на динамику образов и на голосование «за» или «против» кандидата. Высокая значимость института выборов заставляет исследователей уделять пристальное внимание проблеме восприятия кандидатов массовым сознанием и влиянию сформированных образов на электоральное поведение в современной России. Несмотря на массу исследований в области политологии и политической психологии вопрос электорального выбора гражданина по-прежнему остается не достаточно изученным. На какие критерии опирается избиратель, голосуя за того или иного кандидата на выборах? Ориентируется ли он на идеальный конструкт — образование массового сознания, или исходит от противного, нормы анти-идеальной? В чем заключается специфика восприятия образа кандидата в президенты, как отдельного, важного элемента института выборов? Пытаясь ответить на эти вопросы, в 2012–2015 гг. проводилось исследование политического восприятия с использованием качественных методов исследования.

В результате концептуального анализа и систематизации существующих в научной литературе подходов к изучению вопроса восприятия политического лидера, была выбрана исследовательская

модель политического восприятия, разработанная на кафедре социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова¹. Образ кандидата в данном случае рассматривается на рациональном и неосознаваемом уровне восприятия, с использованием шкал аттрактивности, силы и активности. Целесообразным было определено рассмотрение образов относительно критериев конгруэнтности, стержневых характеристик. Определение структурных элементов образа политика, дало возможность обосновать выбор методологии исследования данного политического объекта с помощью психологического инструментария.

В ходе исследования был использован опросный метод фокусированного интервью в сочетании с проективным методом направленных ассоциаций с животным, цветом и запахом². Исследовались как образы конкретных политических лидеров участвующих в президентских выборах в качестве кандидатов (В.В. Путина, Г.А. Зюганова, В.В. Жириновского, С.М. Миронова, М.Д. Прохорова, Г.А. Явлинского), так и представления респондентов об идеальном политическом лидере, было рассмотрено соотношение данных образов.

Изучение образа кандидата в избирательной ситуации требует использование инструментария, который не только позволит рассмотреть образ как таковой, но и отразит его специфику в заданной ситуации, его функциональность. Для изучения неосознаваемых аспектов образа идеального политика и решения проблемы статичности изучаемого конструкта в качестве метода исследования был выбран проективный экспрессивный метод индивидуального конструирования сказочных сюжетов³. В ходе исследования предлагалось при-

¹ *Зверев А.Л., Палитай И.С., Смутькина Н.В., Розгозарь А.И.* Особенности политического восприятия в современных российских условиях // ПОЛИС. Политические исследования. № 3. С. 40–54.

² В разные периоды исследования собиралось от 100 до 200 интервью в Москве и Московской области. Исследование носило качественный характер и не претендует на репрезентативность в масштабах все страны.

³ Метод конструирования сказочного сюжета используется преимущественно в практике групповой и индивидуальной психотерапии, социодраммы, и применяется для выявления внутриличностных конфликтов и анализа социальной обусловленности. В коллективной форме, смонтированный в работу фокус-групп, он использовался при моделировании желаемого будущего коллективом авторов под руководством

думать сказочный сюжет на тему «Выборы»¹. В данном случае была сделана попытка исследовать образ кандидата в президенты не индуктивным, а скорее дедуктивным способом, как общую категорию, не привязывая ее к отдельным политическим личностям. Происходило оперирование обобщенными понятиями кандидата в Президенты, идеального лидера, по ходу анализа эти конструкты разводились и сопоставлялись.

Результаты исследования

Интервью, посвященные изучению образа идеального правителя, позволили сделать ряд выводов об его формировании на рациональном уровне восприятия. Зафиксирована некоторая антиномия конструирования образа идеального президента в массовом сознании. Регистрируется наличие взаимоисключающих характеристик, например, ряд противоречий в запросе респондентов на управленческие качества идеального президента, в требованиях к нему по критерию отношения к переменам и способности к инновациям. С одной стороны, респонденты хотят видеть в политике решительность и способность выходить за рамки правил, способность создавать новые идеи (черты инициативного стиля), а с другой, активно выступают за такие консервативные черты как — верность делу, умение предвидеть обстоятельства, выдержка, внимательность, терпимость. В требованиях респондентов к стилю работы политика с подчиненными преобладает приверженность к демократичному способу — привлечение коллег к процессу принятия решений и в то же время наиболее действенными считаются авторитарные методы приказов и директив. Некоторые черты одного стиля активно поддерживаются, а некоторые так же активно отвергаются.

Сопоставление, полученных материалов интервью с результатами ранее проводимых исследований, позволяет говорить о трансформации образа идеального президента. Если до середины 2011 года наблюдается отчетливый спрос на так называемых политиков менеджеров, не отличающихся харизмой, зато обеспечивающих раци-

А.Г. Асмолова, при исследовании прототипа идеального лидера И.К. Владыкиной, С.Н. Плесовских.

¹ Выборка составила 30 респондентов — жителей Москвы и Красноярского края и была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

ональное руководство компетентной командой профессионалов, то результаты исследования 2015–2016 года регистрируют, что не только профессионально-деловые, но и морально-нравственные качества преобладают в образе идеального президента. Смена массовых настроений в последнее время сделала актуальными такие характеристики как честность политика, открытость его действий, ответственность за них. Помимо обязательного требования профессионализма на рациональном уровне восприятия стала отчетливее просматриваться патерналистская установка, выражающаяся в ожидании от политика опеки, внимания, заботы, любви, интереса к жизни народа. Сила является обязательным атрибутом идеального лидера на обоих уровнях восприятия. Кроме того около 10% респондентов в качестве идеального политика видят не просто сильного, а «жесткого, авторитарного, тираничного лидера».

Выделим наиболее часто встречающиеся характеристики привлекательного профиля образа идеального президента: привлекательность, презентабельность; русская национальность, семейное положение (женат, с детьми); патриотизм, строгость, справедливость, честность; интеллектуальные способности, уверенность в себе, волевые качества; образованность, отстаивание национальных интересов и борющийся с коррупцией, должен знать что делает.

Наблюдается отчетливое преобладание значимости психологических моральных и профессионально-деловых характеристик в обоих образах на рациональном уровне восприятия. Вероятно, сочетание моральных, психологических и деловых качеств формирует ядро образа идеального политического лидера, которое остается достаточно устойчивым на протяжении многих лет, со временем меняется лишь степень выраженности отдельных характеристик. Значимыми категориями образа идеального президента являются сила и активность.

Анализ сказочных сюжетов отразил некоторые интересные тенденции. Персонаж идеального правителя почти всегда фигурировал в сюжетах, иллюстрируя идею немислимости отсутствия в жизни властного начала, олицетворенного политическим лидером, в массовом сознании. Нюанс в том, что, согласно сюжетам, кандидат в Президенты изначально никогда не соответствует предложенному идеальному прототипу. В лучшем случае, по ходу сюжета происходит генезис кандидата-персонажа и его воцарение в заключении, с приоб-

ретенением основных атрибутов идеального лидера. В худшем, можно говорить о существенном рассогласовании этих категорий.

При обсуждении вопроса генезиса образа кандидата, то отметим в первую очередь, что персонаж по ходу действия набирает силы. Еще в завязке он отличается сильной мотивацией (вне зависимости от ее специфики), высокой степенью активности и инициативы. По ходу действия кандидат улучшает свои коммуникативные навыки, копит силу и, победив в схватке, воцаряется. Вот тут то и происходит резкое снижение показателей активности. Идеальный правитель, в любом случае, обладает устойчивым морально-этическим ядром, так же он отличается высокими показателями силы, но не активности. Чаще идеальный правитель пассивен, предположительно это связано с сакральностью власти в сознании россиян. Сам правитель никаких действий не осуществляет, его функционал ограничивается, выдачей заданий своим подчиненным, вознаграждение за выполненное дело или наказание за ошибку.

Надсоциальный статус позволяет ему выступать в качестве проводника высшей воли и одновременно ответчиком перед ней за благополучие народа. Он гарант стабильности, выразитель всеобщих интересов. Кандидат в свою очередь чаще представляет интересы групповые или собственные. Его связь с высшими силами не очевидна. Разве только необъяснимая харизматичность кандидата является предпосылкой к тому, что у персонажа есть потенциал к представительству высших сил в мире земном. Влияние мира сверхъестественного на его образ ограничивается в сюжете, разве что вмешательством высших сил в случае чрезмерной злокозненности отдельных персонажей — соперников кандидата с их последующим наказанием.

В отличие от кандидата в президенты, идеальный правитель не способен к прогнозу, все инновационные идеи исходят чаще всего от персонажей помощника, мудреца или врага. Если правитель и иницирует нововведения сам, то главной причиной их является скука.

Если в сказочном сюжете кандидат является скорее личностью, связанной так или иначе с коллективом, то идеальный правителя не оценивают как человека вообще, его характеристика полностью опирается на его лидерский статус. Неудивительно, что потеря силы и способности контроля событий неотвратимо приводят идеального правителя к смерти. Это не редкий вариант развития событий, так

как правителю не характерна адаптивность, что отличает его от образа кандидата-победителя для которого способность ориентироваться в обстановке, приспосабливаться и активно реагировать на внешние и внутренние вызовы, является необходимостью. Кроме того идеальный лидер никогда не меняет своих идеологических представлений. Смена общественного идеологического запроса неумолимо влечет к низвержению или смерти идеального правителя (в данной ситуации это сценарии равнозначные). Согласно представлениям респондентов его правление должно длиться вечно, поэтому после смерти или потери силы, идеальный лидер не оставляет провозглашенного приемника, но, как правило, приемник/последователь всегда есть в потенции.

Завершая рассмотрение основных характеристик образа идеального президента, отметим, еще одним важным критерий рассогласование образов кандидата и идеала, а именно отношение к высшему моральному закону, который зиждется на принципе справедливости. В связи с тем, что респонденты изображают народ в определенной степени беззащитным к властному произволу, часто сквозной линией упоминается необходимость следования идеальным лидером единому закону, воплощением которого он же сам и является. Кандидат в Президенты никаким законам может и не подчиняться вовсе, он способен нести собственную систему ценностей, действовать в обход принятым правилам игры, мало того, в сюжетах такая тактика чаще всего подается как единственно верная, необходимая для победы. Это парадоксально и требует более тщательного изучения.

В ходе исследования образов В.В. Путина, Г.А. Зюганова, В.В. Жириновского, С.М. Миронова, М.Д. Прохорова, Г.А. Явлинского подтвердилась гипотеза о взаимосвязи идеальных конструктов и образов реальных политиков. Сопоставив степень выраженности характеристик образа идеального президента и реальных кандидатов в кампании 2012 года, отметим, что образ С.М. Миронова в наибольшей степени отражал несоответствие идеальному конструкту. Степень выраженности характеристик устойчивого «ядра» образа идеального президента (моральные, психологические, профессиональные качества), максимально соответствовала профилю привлекательности образа победителя предвыборной гонки, В.В. Путина.

Подтверждение тенденции взаимосвязи идеальных конструкторов с образами реальных политиков, не отвечает в полной мере на вопрос о степени их влияния на процесс восприятия разных кандидатов в разных условиях. Подтверждается предположение, что в контексте президентской избирательной кампании, восприятие политика происходит с учетом нескольких возможных идеальных прототипов. Предположим, что наиболее важную роль из них при оценке электоральной привлекательности политика в период избирательной кампании играет представления о его соответствии роли кандидата. Согласно результатам, образ кандидата в президенты отличается от образа идеального президента большей степенью активности, адаптивности, трансформации, но меньшей моральной привлекательностью. При высокой степени согласованности образа реального политика с образом потенциального кандидата-победителя, происходит более тщательная оценка респондентами кандидата по параметрам идеального президента. Согласно результатам исследования, в период избирательной кампании 2012 года образ Путина, не только в наибольшей степени соответствовал характеристикам образа кандидата-победителя, выявленных в конструированных сказочных сюжетах, а также отличался большей степенью согласованности его характеристик с характеристиками идеального президента.

В представлениях респондентов возможно присутствие рассогласования характеристик образов электорально привлекательного политика-кандидата и идеального правителя. Личностную наполненность образа электорально привлекательного политика-кандидата во многом определяют характеристики изменчивого общественно-политического контекста избирательной ситуации, выделенные воспринимаемыми по критериям: оценки состояния общества (общественно-политическое устройство, геополитическая составляющая); оценки конкретной избирательной кампании (ее институциональный уровень, баланс сил и отношений, темпоральная составляющая, состояние массового сознания на момент выборов).

В заключении, отметим, что не только степень соответствия образа реального политика идеальному конструктору определяет электоральную привлекательность кандидата. Значимым здесь становится и избирательный контекст. Нередко граждане оценивают кандидата

с учетом осознаваемых и бессознательных оценок его политических соперников. В научной литературе не рассмотрен в должной мере вопрос взаимосвязи восприятия политика и роли, которую он осуществляет. Часто, оперируя понятием роли политика, исследователи в меньшей степени уделяют внимание частным случаям, (таким как роль президента, парламентария, депутата, или же *роль кандидата*). Исследования, как правило, ограничиваются описанием статусных обязанностей и ролевых ожиданий, предъявляемых к политическому лидеру со стороны общества, характеру исполнения политиками разных ролей. А ведь особенности восприятия поведенческих моделей политика в ходе избирательной кампании — периода, отличающегося высокой политической активностью, укреплением связи «кандидат — общество», насыщенностью событиями, могут существенно отразиться на результатах выборов. В связи с этим, на первый план выходит вопрос необходимости изучения специфики восприятия гражданами не только отдельных политических объектов, в статичной их форме. Важным является изучение феномена электоральной привлекательности, во всем многообразии ее формулировки и составной сложности. Это заставляет нас осуществлять непрерывающийся поиск оптимальных исследовательских методов и совершенствовать уже отработанные процедуры сбора и интерпретации эмпирического материала.

Библиография

1. Асмолов А., Березин И., Борисов А. Президент по выбору. Моделирование желаемого будущего. М., 2000.
2. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2015. 304 с.
3. Владыкина И.К., Плесовских С.Н. Конструирование сказочных сюжетов как метод выявления прототипа идеального лидера среди молодежи // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 5. С. 98–103.
4. Зверев А.Л., Палитай И.С., Смутькина Н.В., Рогозарь А.И. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // ПОЛИС. Политические исследования. № 3. С. 40–54.

ШЕСТОПАЛ ЕЛЕНА БОРИСОВНА**ИЗМЕНЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВЫБОРОВ 2016**

Прежде, чем попытаться описать изменения, которые произошли в российском обществе после выборов в Думу в сентябре 2016 года, стоит задуматься о том, насколько вообще психологическое состояние значимо для политических процессов в целом и для электоральных в особенности? С точки зрения политической теории такой вопрос звучит странно. Действительно, как можно говорить о выборах без граждан? Нередко создается впечатление, что власти не просто опасаются, что граждане могут проголосовать не так, как им бы хотелось, и партия власти не наберет заветного большинства в парламенте, но и вообще были бы рады, чтоб граждане поменьше мешали «работе» властей, например, в роли наблюдателей, и даже избирателей.

Совершенно очевидно, что часть политических элит мало озабочена тем, что чувствует и думает общество, полагая, что по-прежнему им можно манипулировать с помощью различных технологий влияния: от подкупа, до телевизионного заговаривания зубов. На мой взгляд, эта позиция не просто недалёковидна, но и ошибочна. Приведу ряд аргументов:

1. Хорошо известна теория Истона и Дениса, которые писали, что любая политическая система устойчива только до тех пор, пока она имеет психологическую поддержку со стороны граждан. Именно поддержка и доверие составляют тот психологический фундамент, на который власть и может опереться. Но если власть не рассчитывает на этот психологический ресурс и опирается исключительно на манипуляцию, то и выборы по большому счету и не нужны.

2. В нынешних условиях нередко уже не срабатывают ставшие привычными манипулятивные технологии, рассчитанные на старые формы политической коммуникации (в первую очередь телевидение). У нас старшее поколение не так широко пользуется Интернетом, как в других странах, и он не оказывает прямого воздействия на электоральное поведение, но в нынешнем электоральном цикле именно Интернет стал существенным фактором изменении политического сознания граждан. Его прямое воздействие сильнее ощущают избиратели

более молодого возраста и высокого образовательного уровня. Но и на традиционные СМИ, которые опираются на Интернет-источники, он оказывает влияние, определяя их повестку дня и, таким образом, воздействуя на население в целом.

Другой вопрос: влияют ли выборы на психологическое состояние общества, меняют ли они что-либо в сознании людей? На этот вопрос эксперты отвечают по-разному.

Так, одни эксперты считают, что выборы серьезно не влияют на долгосрочно формирующиеся тренды в массовом сознании. Другая точка зрения, и, мне она ближе, — состоит в том, что нельзя недооценивать роль выборов как серьезного фактора в жизни общества. Выборы (по крайней мере, парламентские и президентские) играют роль своего рода Юрьева дня, и, несмотря на всеобщий политический цинизм, все еще воспринимаются гражданами как одна из немногих возможностей быть услышанными властью.

Политическая система в момент выборов по определению теряет устойчивость. Кроме того, та вертикаль власти, которая сложилась в предыдущий период, подвергается испытаниям. Мы убеждены, что состояние общества является значимым фактором политического процесса в целом и электорального в особенности. Но количественные оценки в данном случае не так важны, как выявление более глубоких трендов, которые мы зафиксировали в политико-психологических исследованиях, проведенных нами накануне нового электорального цикла и сразу после выборов.

Результаты наших исследований позволили говорить о том, что уже перед выборами обозначился новый этап в восприятии политиков и власти российским обществом. Обострение международной ситуации и экономический кризис привели к двум важным тенденциям, которые существенно повлияли на общий тонус общества. Во-первых, произошла не просто консолидация большинства населения вокруг национального лидера. Одновременно сложился тот ценностный фундамент, который никак не складывался в предыдущие постсоветские годы. Такого национального единства страна не помнит не только в 1990–2000-е, но и в поздне-советский период.

Во-вторых, после Крыма образ Путина сохраняет и даже наращивает свою масштабность, силу и лидерский потенциал, хотя его привлекательность на рациональном уровне и немного снижается. Одна-

ко на бессознательном уровне у него нет конкурентов ни в России, ни среди зарубежных политиков

Одновременно с этим есть ряд факторов, которые серьезно дестабилизируют психологическое состояние общества. Среди них особое значение имеют, на наш взгляд

- Не до конца выстроенная партийная и политическая система, в которой власть использует ручной, а нередко и импровизационный стиль управления.
- Неразбериха с партийными брэндами, которая сильно запутывает избирателя, и без того слабо информированного о партиях.
- широкое распространение альтернативных каналов коммуникации (Интернет), которые в нынешнем электоральном цикле сыграли существенную роль в делигитимизации результатов выборов.
- Серьезная дифференциация общества в отношении власти.

ЮРЧЕНКО ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Мы сейчас переживаем серьезный момент, что в том числе выражается в попытках лишить нас возможности защищать наши национальные интересы. А они должны быть защищены.

Безусловно, важны и необходимы актуальные работы, где рассматривались бы вопросы внутренней политики нашего государства, проблемы реализации национальных интересов, обеспечения национальной безопасности.

Е.М. Примаков

Определяя национальные интересы России и стратегические национальные приоритеты на долгосрочную перспективу «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, включает в их число возрождение традиционных духовно-нравственных ценностей.

Обоснование ценностных ориентаций Российского общества, на наш взгляд, консолидация вокруг базовых ценностей основных социальных групп, является первоочередной задачей на пути решения стратегических задач обеспечения национальной и личной безопасности.

С.Г. Кара-Мурза утверждает, что человеческие общности, являющиеся структурными единицами всего общества скрепляются, прежде всего общими ценностями и нормами. А общество собирается на основе определенной мировоззренческой матрицы. Автор отмечает существование ценностного разрыва в российском обществе, который ведет к аномии, нарастанию конфликтов между социальными группами, распаду и реформатированию мировоззренческой матрицы, на которой собрана страна, народ, культура.

Существенно важную часть мировоззренческой матрицы составляет система ценностей, это — ядро мировоззрения. На переднем крае существующего в массовом сознании ценностного разрыва находится, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, социальная справедливость, как ценность. Он делит страну (в этом контексте) как бы на две части, которые резко отличаются поведением, предрасположенностями, ориентациями.

В одной части — большинство рабочих и крестьян (двух самых массовых групп) сторонники социализма, хотя бы и пассивные. Для них социализм ассоциируется с демократией, а капитализм — с диктатурой и национализмом.

Против них — неустойчивые группы малого и среднего бизнеса. Эти две части страны живут в разных мирах и с разной совестью.¹

Более сложную социальную стратификацию российского общества предлагает Зубаревич Н., отчетливо выделяя 4 страты по сравнению с советским периодом.

- узкий слой сверхбогатого населения, который концентрируется в крупных городах страны;
- социальные группы относящиеся к среднему классу по совокупности критериев дохода, социально-профессионального статуса и самоидентификации. По данным исследования Независимого института социальной политики их доля близка к 20% населения

¹ Кара-Мурза С.Г. Вызовы и угрозы России. М.: Научный эксперт, 2015. С. 116–117.

и различается не по регионам, а по иерархии поселений: от 40% в Москве, 30% населения в крупных городах, 20% в прочих городах, до 11% в сельской местности. (Это на наш взгляд определяет особенности электоральной стратегии основных акторов (Прим. авт.). Структура среднего класса меняется, в начале 2000 — в нем преобладали предприниматели и профессионалы, а к 2011 почти половину составляли работники государственного сектора (бюрократы и силовики) и их семьи;

- самая крупная (до 60% населения, по оценкам НИСП) и размытая страта между низшим слоем и средним классом, в которой около 10% обладает потенциалом для продвижения в средний класс, а 15–20% находятся в зоне перехода к низшему сословию;
- низший слой бедного населения (до 20%), который шире представлен по периферийным территориям.

Главным дифференцирующим фактором по мнению автора, является различие по критерию «центр-периферия», особенно внутри регионов (крупный город — центр региона и периферийная сельская местность и малые города). Межрегиональные различия складываются иначе, их нельзя объяснить географически. Центрами являются города федерального значения, в первую очередь Москва, периферией — наименее развитые республики в составе РФ и депрессивные территории независимо от удаленности от столицы страны¹.

Понимая матрицу как цивилизационный феномен В.А. Никонов характеризует особенности (в т.ч. исторические и современные) российской цивилизации в широком разбросе мнений и утверждений. Он подчеркивает, что формы демократии всегда зависели от ментальности, традиций, институтов, уровня жизни, правовой культуры, исторического периода.

В мире работает та модель демократии, которая максимально учитывает национальную специфику².

Представляет Россию как цивилизацию и В.И. Коваленко. Говоря об интеграционном потенциале государственной идеи в нашей

¹ Зубаревич Н. Общество и элиты в Российских регионах: изменения за постсоветский период // Четверть века после СССР: мода, общество, реформы / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Изд-во Московского университета, 2015. С. 261, 359.

² Никонов В.А. Российская матрица. М., 2014. С. 922–923.

многонациональной стране, он подчеркивает, что стержнем российской политики всегда была социальная ассимиляция. Сильное государство по его утверждению, это то, которое способно выразить и защитить общесистемные интересы, создать для этого соответствующие взаимодополняющие элементы власти. Эти властные структуры в основу своей деятельности должны положить решение социальных проблем населения, через механизмы гражданского общества суметь обеспечить систему народной поддержки и контроля. По его мнению, крайне важно, что государство это не просто совокупность органов, но еще и духовное поле, которое подпитывается корневыми основаниями жизненного уклада, мироощущения, ментальных установок населения¹.

Формирование национально-государственной идентичности российских граждан — тема, широко обсуждаемая как научным сообществом так и на уровне государственной власти. В.В. Путин говорил об этом на заседании клуба «Валдай» в сентябре 2013 г., подчеркнув, что вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для нашей страны фундаментальный характер. Этот процесс должен, по его мнению, осуществляться на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности с судьбой страны без потери связей со своими этническими и региональными корнями. Это и есть условия сохранения единства в стране².

Вместе с тем, проведенное в том же 2013 г. в Москве исследование среди школьников показало, что на уровне страны себя представляют и отождествляют только 11,1% опрошенных, столько же, сколько и со всем миром. Наиболее значимыми уровнями идентификации выступают: семья (30,2%); друзья (15,9%)³.

¹ Коваленко В.И. Интеграционный потенциал государственной идеи // III Столыпинские чтения. Интеграционный потенциал современной России в условиях политических вызовов информационной эпохи: материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Краснодар, апрель 2014 г.) / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар, КубГУ, 2014. С. 11–16.

² Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сент.

³ Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В. Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // Ценности и смыслы. Научный и информационно-аналитический, гуманитарный журнал. 2015. № 2. С. 5–7.

Преодоления ценностного разрыва в сознании (и в социальном статусе) российского социума — тема глубокого и последовательного дальнейшего изучения. Мы бы подчеркнули — совместного, со стороны научного сообщества и институтов государства.

Российское общество политологов, обсуждая проблемы российской политики в меняющемся мире, делает важный шаг в разработке и определении ценностных ориентаций нашего сложного сообщества, а значит и стратегии его развития.

Библиография

1. Выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сент.
2. *Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В.* Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // ценности и смыслы. Научный и информационно-аналитический, гуманитарный журнал. 2015. № 2.
3. *Зубаревич Н.* Общество и элиты в Российских регионах: изменения за постсоветский период // Четверть века после СССР: мода, общество, реформы / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Изд-во Московского университета, 2015.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Вызовы и угрозы России. М.: Научный эксперт, 2015.
5. *Коваленко В.И.* Интеграционный потенциал государственной идеи // III Столыпинские чтения. Интеграционный потенциал современной России в условиях политических вызовов информационной эпохи: материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Краснодар, апрель 2014 г.) / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: КубГУ, 2014.
6. *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОПОРЯДКА И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XXI В.

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА

К ВОПРОСУ О НОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ВНЕШНЕГО
УПРАВЛЕНИЯ: УГРОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

«Неси это гордое Бремя -
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли -
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей».

Киплинг Р. Бремя белого человека

Проблема внешнего управления выходит сейчас на первый план в политологическом дискурсе. Это связано не только с все более распространяющимися технологиями «цветных революций» и «гибридных войн»: об этих механизмах стратегии внешнего управления известно уже достаточно, и политологи посвящают им свои аналитические работы¹.

Между тем, еще большую угрозу политической стабильности многополярному миру несут новые механизмы стратегии внешнего управления, о которых не очень много говорят с научных позиций. Речь идет о «гуманитарной» миссии западной цивилизации, в контент которой включаются сейчас не только экономические, социальные или культурные, но и все шире входят правовые факторы.

¹ Арапов А.В. Глобальное управление: концепции и тенденции // Международные отношения. 2014. № 1. С. 81–87.

«Цивилизаторская» миссия англо-саксонской расы среди «отсталых» народов, которая в новое и новейшее время носила в основном военный, в XXI в. стала носить таким образом более разносторонний характер.

Совсем недавно эксперты заговорили о феномене «правового империализма». В узком понимании он представляет собой распространение англо-саксонской юрисдикции на международное правосудие: его появление связывают с событиями 2001г. вокруг государственного долга Аргентины, когда суд Нью-Йорка по нескольким частным искам вынес решение в отношении этого государства, и решением судьи долг Аргентины был увеличен, по оценкам экспертов, на 120 млрд долл.¹

Однако представляется, что за прошедшее десятилетие «правовой империализм» приобрел более широкий контент и стал распространяться на сферу прав и свобод человека. Теперь правовой империализм можно определить как стратегию «исторического Запада» навязать англо-саксонское понимание философии права и внедрить англо-саксонские юридические конструкции (нормы, институты и целые отрасли) в национальные правовые системы. Этот механизм внешнего управления очень тонок, ибо по-настоящему оценить степень внедрения чуждых правовых дефиниций может только эксперт высокого уровня, хорошо ориентирующийся во внутреннем и зарубежном законодательстве. На бытовом уровне он не так очевиден для рядовых граждан, как «цветные революции» и «гибридные войны».

Выделим некоторые механизмы внешнего управления, реализуемого через феномен «правового империализма». Наибольшую опасность и актуальность этот вопрос приобрел для России в условиях интеграции нашей страны в европейское правовое пространство, в котором главную роль играет Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ). Ратифицировав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенцию), Россия получила в конце 90-х гг. XX в. совершенно не характерную для нее органически, наднациональную «добавку» к своей правовой системе. Учитывая также колоссальный объем самих прецедентов, принятых

¹ Катасонов Валентин. Игра без правил: правовой империализм против России // URL: http://ruskline.ru/opp/2015/2/09/igra_bez_pravil_pravovoj_imperializm_protiv_rossii_i/ (дата обращения: 28.08.2015).

на основе Конвенции, а также своеобразный механизм обновления норм-ориентиров через дополнительные Протоколы к Конвенции, принимаемые ежегодно, можно констатировать появление в правовой системе России сложного, и с материальной, и с процессуальной точки зрения чужеродного институционального организма, имеющего тенденцию к поправанию национальных правовых институтов, норм и традиций.

Практика сосуществования ЕСПЧ и высших органов национального конституционного правосудия не лишена противоречий.¹ Внедрение подходов и позиций ЕСПЧ в ткань российского правового пространства происходит непросто: процесс имплементации правовых норм и принципов западного происхождения не отвечает глубинным национальным интересам и традициям российской правовой школы.

Не выстраивание иерархической пирамиды правовых норм, наверху которой будет расположен наднациональный институт с функциями судьи-арбитра, с помощью чего создается невидимый механизм внешнего управления, а поддержание необходимого процесса диалога различных правовых систем, их взаимообогащение и взаимопроникновение, учет национальных особенностей и традиций каждого суверенного национального государства — таким нам видится будущее правовое пространство и Европы, и мира в целом. Этим целям отвечает позиция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, выдвинувшего модель «инфильтрации» решений ЕСПЧ в правовую систему России.²

Решения ЕСПЧ инфильтрируются Конституционным Судом Российской Федерации в силу чего правовые позиции ЕСПЧ, оказывая заметное воздействие на практику конституционного правосудия, приобретают качества внутригосударственной формально-юридической значимости.³ Инфильтрация, таким образом, может рассматри-

¹ Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в судебной практике. М.: Проспект, 2014. С. 5.

² Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2014. С. 54.

³ Зорькин В.Д. На вершине судебной власти // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 06.01.2015).

ваться как противоположное имплементации средство взаимодействия национальной и международной системы права, при которой будут внедряться лишь те правовые нормы и конструкции, которые отвечают национальным традициям и интересам. Концепция инфильтрации служит эффективным средством борьбы с внешним управлением.

Другими новыми механизмами внешнего управления через «правовой империализм» являются такие юридические конструкции как: ювенальная юстиция, гендерные принципы, проведенная модернизация доктрины о юридических лицах, переход на международные стандарты финансовой отчетности и др.

В заключение отметим, что независимость национальных правовых порядков, являющаяся неотъемлемым свойством государственного суверенитета, требует того, чтобы сближение и унификация национальных правовых систем, как одна из основных современных интеграционных тенденций, велась на основе всестороннего изучения национальной правовой практики, правовых традиций, специфики национального правосознания граждан данного государства. Взаимопроникновение и взаимообогащение национального и наднационального правового регулирования должно в XXI в. проходить с помощью механизма диалога разных правовых систем, культур и традиций. В XXI в. «Бремя белого человека» должно реализоваться не через инструменты правового империализма англо-саксонской экспансии, а в процессе правового взаимодействия различных цивилизаций через механизм правовой инфильтрации. Именно этот путь, с одной стороны, может обеспечить национальную безопасность, а с другой, — способствовать гармоничному политико-правовому взаимодействию современных национальных государств.

Библиография

1. Арапов А.В. Глобальное управление: концепции и тенденции // Международные отношения. 2014. № 1. С. 81–87.
2. Егорова О.А., Беспалов Ю. Ф. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в судебной практике. М.: Проспект, 2014.
3. Зорькин В.Д. На вершине судебной власти // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 06.01.2015).
4. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 06.01.2015).

5. *Катасонов Валентин*. Игра без правил: правовой империализм против России. // URL: http://ruskline.ru/opp/2015/2/09/igra_bez_pravil_pravovoj_imperializm_protiv_rossii_i/ (дата обращения: 28.08.2015).
6. *Комаров С.А., Лантева И.В., Титенков Д.И.* Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2014. 354 с.

**АЛЕКСЕЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА
МИНЕЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
ЛОШКАРЁВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
МЕНЯЕТСЯ ЛИ КАРТИНА МИРА?¹

Ключевые слова: научная картина мира, позитивизм, постпозитивизм, квантовый холизм.

В исследованиях международных отношений и мировой политики по-прежнему ощущается определенная недоговоренность относительно того, нужна ли для изучения «международного» отдельная наука или же достаточно уже имеющегося перечня наук. Для подтверждения своих притязаний международники, подобно представителям других наук, обычно обращались к философии науки. Все же, эти попытки нередко не подкрепляют притязания международников на самостоятельности, поскольку трудно найти опору в чем-то, что во многом лишено определенности и законченности. Сама философия науки пребывает в состоянии нескончаемых дискуссий и не раз переживала расколы в отношении природы, возможностей и даже желательности наличия философских оснований для науки и знания. Тем не менее, связь науки о международных отношениях и философии науки несомненна. Как это ни парадоксально, в конце концов, чуть ли не каждый подход в исследовании международных отношений пытается найти хорошо обоснованное философское основание для того, чтобы узаконить, обосновать и подтвердить свою легитимность.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 16-03-00803 «Инновации в методологии политических наук (попытки применения открытий в области физики)».

В.С. Степин отмечает в этой связи: «В каждой специальной области науки (в каждой подсистеме развивающегося научного знания) — физике, химии, биологии и так далее (и теория международных отношений не является исключением — Авт.) — в свою очередь, можно обнаружить многообразие различных форм знания: эмпирические факты, законы, гипотезы, теории различного типа и различной степени общности. Все эти разнообразные виды знания организованы в целостность благодаря основаниям, на которые они опираются. Основания определяют стратегию научного поиска и опосредуют включение его результатов в культуру соответствующей исторической эпохи. Именно в процессе формирования, перестройки и функционирования оснований науки наиболее отчетливо прослеживаются социокультурная размерность научного познания»¹.

Ученые стремятся представить научный взгляд на развитие и закономерности природного и социального мира. Однако уровень научных знаний и система общих научных представлений о мире в каждый период истории различались. Неудивительно, что исследователи, исходя из имевшегося у них опыта и знаний, по-разному определяли для себя и потомков существенные связи — некие принципы, которые были призваны «все объяснить» и которые, одновременно, необходимо было познать.

В этой связи, для нас критически важно понятие «научной картины мира». Научная картина мира включает в себя множество теорий, описывающих известный человеку природный мир. Однако фундаментальная теория конкретной науки может сформироваться в научную картину мира только тогда, когда исходные ее понятия и принципы приобретут общенаучный и мировоззренческий характер. Поскольку картина мира это системное образование, ее изменение нельзя свести ни к какому пусть и самому крупному научному открытию или изобретению. Как правило, речь идет о целой серии взаимосвязанных открытий в главных фундаментальных науках. Эти открытия почти всегда сопровождаются радикальной перестройкой методов исследования, а так же значительными изменениями в самих нормах и идеалах научности.

¹ *Степин В.С.* Основания науки и их социокультурная размерность. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0

Не вдаваясь в широкую философскую дискуссию, напомним, что принято выделять как минимум две действительно научные картины мира:

- «механистическую» (ньютоновскую);
- «вероятностную» (гейзенберговскую).

Сменяющие друг друга научные картины мира отражают совокупность открытий и изобретений, своего рода синтез научных знаний соответствующей эпохи. Ключевую роль как правило играют открытия в естествознании, преимущественно в физике (физика — «мать всех наук») — именно они формируют господствующие представления о реальности и роли человека в мире, сохраняющихся на протяжении определенного исторического периода.

Смена научных картин мира предполагает также фундаментальные преобразования науки как таковой, ее качественные метаморфозы. Ньютоновская картина мира предполагала, во-первых, что в любом событии, каким бы оно ни было, выражается определенный закон природы. Иными словами, господствовало представление об абсолютности пространства и времени, непоколебимости истины, механического движения, элементарным носителем которого полагалось материальное тело, то есть редукционизм, сводящий сложное к простому. А, во-вторых, благодаря Р. Декарту, закрепилось четкое разделение на объект и субъект исследования. До Нового времени считалось, что траектории движения всех объектов не определить без вмешательства сверхъестественных сил. В ньютоновской картине мира Бог постепенно выпал из «механики мироздания», а религия стала заменяться верой в силу науки, а также отчасти — «гражданской религией» (Ж.Ж. Руссо). Но, главное, что отличается эту картину мира — это эпистемологический оптимизм, убежденность, что с помощью естественнонаучных методов можно открыть и пояснить любые закономерности, любые взаимоотношения объектов исследования (объектом могли быть и субъекты).

С конца XIX века в научном знании начался переход к новой картине мира. «Новую» картину мира обусловила серия фундаментальных открытий (сложной структуры атома, явления радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения). Казалось, что ниспровергалось чуть ли не все, достигнутое науками до этого. В трудах М. Борна, В. Гейзенберга, Н. Бора все более отчетливо звучала

мысль о том, что наши представления о физическом мире зависят от положения самого познающего субъекта и от специфики его познавательных средств.

Гейзенберговская картина мира подразумевает системность, целостность (вместо редукционизма), многомерность пространственно-временных структур, эволюционность. Одновременно эту картину мира отличает эпистемологическая осторожность, поскольку вместо незыблемых закономерностей мы имеем дело с правилами, которые работают на определенных интервалах — на определенном диапазоне скоростей, при некотором размере объекта. Это хорошо известный «принцип соответствия» Нильса Бора: новая научная теория не отвергает полностью предшествующую, а включает ее в себя в качестве частного случая, то есть устанавливает для нее ограниченную область применения.

Смена научных картин мира носит нелинейный характер — это относительно длительный и довольно противоречивый процесс. Например, переход от ньютоновской к новой картине мира еще отнюдь не завершен, в каком-то смысле мы все еще находимся в переходном периоде. Особо отметим, что гуманитарные и социальные науки обычно не получают одного, доминирующего философского основания, им присущ теоретический плюрализм, допускающий и даже предполагающий диалогичность и сочетание разных подходов.

В теории международных отношений механистическая картина мира, вне всякого сомнения, преобладает. К сожалению, наука о международных отношениях остается оторванной от фундаментальных достижений, даже в рамках социальных наук, или лишь изредка осваивает отдельные теории. Несмотря на очевидные проблемы (нельзя же всерьез анализировать современные проблемы с позиций научной картины XVII–XIX столетий!) и критику, которая указывает на эти проблемы, значительная часть международников остается приверженной, в сущности, позитивистскому взгляду на теорию. Но позитивистский подход плох не только потому, что он устарел, а еще и потому, что он (по крайней мере, для социальных наук) принципиально тавтологичен: значение имеют только факты, факты воспринимаются вне широкого философского контекста, а, значит, по мере прироста фактологической базы прогресса в понимании сущностных связей не происходит. Социальное и политическое знание, в котором боль-

шею значение играют субъективные и интерсубъективные факторы, остается в таких условиях малодоступным: позитивисты игнорируют ресурс философии науки, пытаются объяснить факты с помощью фактов¹.

Например, одна из трех доминирующих парадигм ТМО — реалистская — основана на механистической идее относительности размера. Государства (или государственные деятели) сравнивают количество ресурсов (не обязательно только материальных) у себя и «у соседа»: если ресурсов больше у оппонента или партнера, то выбираются стратегии сдерживания, вовлечения, примыкания; если ресурсов больше у исходного государства, принимаются решения о более агрессивном, наступательном внешнеполитическом поведении. Другой аспект относительности размера в реализме таков: если ресурсов у страны относительно много, это может вызвать страх у других государств, то есть сдерживать амбиции, активность этих государств. Отметим, что реализм не сводится только к относительности размера, хотя эта идея в данной парадигме имеет большое значение.

Очевидно, что видные ученые-реалисты не могут игнорировать дальнейшее развитие научных знаний. Примечательно, что один из основателей реализма Г. Моргентау в свое время возложил ответственность за сложности в освоении новой картины мира на объект своего изучения — правительства, государственную власть: «Это парадокс наших дней. С одной стороны, научные и технологические революции сменяют друг друга с небывалой скоростью, и, значит, от научного сообщества требуется соответствующая открытость в отношении научных инноваций и способность приспосабливаться к технологиям. В это же время, с другой стороны, бюрократизация науки и ее утилитаристская ориентированность ослабляют эти качества. Другими словами, некоторая консервативность (как элемент научной традиции) отодвигается на второй план в ходе развития современной науки, хотя одновременно эта консервативность, вероятно, только усиливается из-за новых взаимоотношений науки и правительств»². Зависимость социальных и политических наук от текущей политиче-

¹ Crawford R.M.A. *Idealism and realism in international relations. Beyond the discipline.* London & New York: Routledge, 2000. P. 60–61.

² Morgenthau H.J. *Modern Science and Political Power // Columbia Law Review.* 1964. Vol. 64, No. 8. P. 1397.

ской ситуации не может быть признана достаточным оправданием: вряд ли правительства в современном мире диктуют ученым, какую картину мира использовать и к каким теориям прибегать.

Безусловно, позитивистская природа снижает эвристическую ценность не только реалисткой парадигмы ТМО, но и либеральной и, отчасти, марксистской. Среди тех ученых, кто все-таки признает наличие проблем в картине мира международных исследований, доминирует компромиссная позиция, а именно стремление найти некую смесь позитивизма и постпозитивизма. Действительно, в последние десятилетия происходит активное взаимообогащение теоретических подходов в изучении МО, так почему бы не легитимизировать практику теоретического плюрализма? Г. Соренсен аргументировал такой подход следующим образом: «Во-первых, я считаю, что если и есть проблемы с позитивизмом, то постпозитивистские взгляды в некоторых аспектах также проблематичны... Во-вторых, я утверждаю, что некорректно говорить о непреодолимой бездне между позитивизмом и постпозитивизмом... Я скорее убежден, что в большинстве подходов, связанных с позитивизмом (реализм, либерализм, некоторые версии марксизма) и постпозитивизмом (критическая теория, историческая социология, нормативные теории, некоторые другие версии постпозитивизма и феминизма), можно найти продуктивную «золотую середину» между крайностями позитивизма и постпозитивизма»¹. Попытки сконструировать компромиссный «критический реализм» продолжаются уже два десятилетия, успех этих попыток в лучшем случае незначителен. Представляется, что причина не только в том, что «золотая середина» определяется исследователями весьма субъективно, а, значит, договориться о чем-либо становится только сложнее. Проблема также в том, что международники (как многие другие исследователи политических проблем) отдают предпочтение эпистемологическим вопросам над онтологическими².

Между тем, социальные и политические науки в их нынешнем виде (и теория международных отношений — не исключение) не могут справиться с двумя крупными онтологическими проблемами.

¹ Sørensen G. IR Theory after the Cold War // Review of International Studies. 1998. Vol. 24. P. 86–87.

² Patomaki H., Wight C. After Postpositivism? The Promises of Critical Realism // International Studies Quarterly. 2000. Vol. 44, No. 2. P. 213–215.

Первая проблема: мы все еще не можем адекватно определить, что делать с аномалией субъективных феноменов, прежде всего, с феноменом сознания. Мы воспринимаем как должное, тот факт, что человеческие существа обладают сознанием и, в сущности, не пытаемся объяснить, с чем мы имеем дело. Это не значит, что мы игнорируем сознание в принципе: например, психологи много и охотно работают над проявлениями сознания — верованиями, убеждениями, желаниями. И международники анализируют проявления сознания — страх, идентичность, стремление к выгоде и (или) к сотрудничеству. В частности, международники-реалисты смело приписывают сознание либо государствам в целом, либо государственным деятелям: определить силовой потенциал страны, испытать страх, воспринимать угрозу — все это невозможно сделать в *бессознательном* состоянии. Напротив, международники-либералы пытаются убедить нас, что государства стремятся к сотрудничеству, потому что *осознают* взаимовыгодность кооперативного поведения, а, значит, можно и нужно договариваться о формах и правилах сотрудничества государств. Наконец, конструктивисты предполагают, что государства вступают в отношения без заранее продуманного и четкого сценария дальнейших действий, они реагируют на поведение другого, такая череда взаимных реакций и составляет основу для постоянно усложняющейся *идентичности (самоосознания, самости)* государств. Но можем ли мы что-либо утверждать относительно самого сознания? В доминирующей в научной картине мира у исследователей социальных и политических феноменов есть две альтернативы. Во-первых, можно признать, что сознание может выразить с помощью нескольких формул (закономерностей) и верифицировать эти закономерности с помощью естественнонаучных методов. Во-вторых, можно утверждать, что сознание имеет немеханистическую природу, то есть выпадает из господствующей в социальных науках картины мира. Признание, что есть некий феномен, который наука не в состоянии объяснить, может привести к различным выводам, но такое признание однозначно дискредитирует научное знание и науку как сферу деятельности человека.

Вторая важная проблема социальных наук — ненаблюдаемость социальных структур. В изучении международных отношений есть место таким понятиям как «система международных отношений»,

«глобальное управление», «региональная подсистема безопасности», «режим нераспространения». Не вдаваясь в подробности, отметим, что локализовать конкретное местоположение этих феноменов нельзя. При этом, большинство международных экспертов согласится, что эти феномены реальны, поскольку они, либо взаимосвязаны с поведением государств (ограничивают свободу политического маневра или наоборот обеспечивают дополнительные возможности, или являются продуктами деятельности стран), либо проявляются в общественно-политическом дискурсе (иначе выходит, что государства обсуждают несуществующие вещи). Как и в случае с сознанием, международные исследования (и все социальные науки в целом), стоят перед двумя альтернативами — механистическое (и заведомо неудовлетворительное) объяснение или самодискредитация¹.

Выход из данного положения, с одной стороны, достаточно прост, но с другой — требует определенной научной смелости. Проблемы определения субъективных феноменов и ненаблюдаемости социальных структур присущи механистической научной картине мира. Однако переход к новой картине мира, который уже начался в других науках, возможно, позволит решить эти проблемы, вырваться из замкнутого круга двух неприятных альтернатив. Именно такое предположение выдвинул видный международник А. Вендт, известный как один из основоположников конструктивистской парадигмы ТМО.

Научная картина мира, связанная с именами А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга, М. Борна, Л. де Бройля, Э. Шредингера, П. Дирака, В. Паули, Р. Фейнмана, неизбежно приведет к готовым ответам. Безусловно, Вендт далеко не первым решил подобрать «квантовый» ключ к проблеме сознания. Еще в 1961 году физик Э. Вигнер выдвинул гипотезу о квантовой природе сознания. Но поскольку в гейзенберговской картине мира теоретические допущения нередко работают на ограниченном промежутке реальности, более широкие умозаключения привели ученых к противоположным выводам. Сам Вигнер думал, что его гипотеза будет решающим доводом в пользу онтологического дуализма, несводимости субъективного начала к материальному — и наоборот. Напротив, британский математик

¹ Wendt A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 11–25.

Р. Пенроуз выстроил аргументацию таким образом, что квантовая природа сознания неизбежно означает признание правоты материализма¹. По мнению А. Вендта, новая картина мира подразумевает онтологический и гносеологический холизм. Более того, квантовый холизм нельзя упрекнуть в том, что он ставит целое выше части. Если несколько упростить, микроскопические объекты в квантовой механике взаимосвязаны (когерентны), поскольку они «ведут себя» как волны. А значит, эти объекты в каком-то смысле нереальны, но в некоторый момент они становятся реальными, когда переходят в одно из двух состояний — частицы или волны². Проще говоря, нельзя поставить целое выше части, поскольку части в квантовом холизме нередко существуют в форме возможностей (вероятностей): до определенного момента нам просто неизвестно, какая именно часть будет в составе целого.

Что означает новая картина мира для теории международных отношений? Во-первых, принципиально изменится понимание государства в квантовом холизме, вырастет роль индивидов, чье сознание составляет сложную систему, основанную на интерференции (наложении) волн. А. Вендт назвал данный взгляд на государство «партиципаторной отнологией». Во-вторых, получит дальнейший толчок конструктивистское понимание взаимодействий акторов мировой политики. Конечно, придется «перепрочитать» лингвистику, психологию, нейрофизиологию, теорию коммуникаций с позиций квантовой физики, чтобы понять, как тем или иные феномены описываются в языке, как значение соотносится и взаимодействует с содержанием феномена, как значения и их восприятие складываются в дискурс. Наконец, в-третьих, определенность относительно онтологических вопросов позволит двинуться в сторону вопросов методологии³. В этой связи, перспективными представляются работы по «квантовой» тео-

¹ *Peacock K.A.* The quantum revolution: a historical perspective. Westport: Greenwood Press, 2008. P. 161–162.

² *Wendt A.* Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 141.

³ *Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д.* «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 3(48). С. 13–14.

рии принятия решения, в частности, исследования Дж. Бьюсмейера¹ и А.Ю. Хренникова².

Конечно, количество публикаций по квантовому подходу в исследованиях международных отношений и мировой политики еще не достигло критической массы, достаточной для переход к новой научной картине мира. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что этот переход начался, и международники преодолели первые и, возможно, самые тяжелые его этапы.

Библиография

1. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 3(48). С. 7–16.
2. Стёпин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/0
3. Crawford R.M.A. Idealism and realism in international relations. Beyond the discipline. London & New York: Routledge, 2000.
4. Morgenthau H.J. Modern Science and Political Power // Columbia Law Review. 1964. Vol. 64, No. 8. P. 1386–1409.
5. Patomaki H., Wight C. After Postpositivism? The Promises of Critical Realism // International Studies Quarterly. 2000. Vol. 44, No. 2. P. 213–237.
6. Peacock K.A. The quantum revolution: a historical perspective. Westport: Greenwood Press, 2008.
7. Sørensen G. IR Theory after the Cold War // Review of International Studies. 1998. Vol. 24. P. 83–100.
8. Wendt A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

¹ См. например: *Busemeyer J.R., Wang Z., & Townsend J.T.* Quantum dynamics of human decision making // *Journal of Mathematical Psychology*. 2006. № 50. P. 220–241; *Pothos E.M. & Busemeyer J.R.* A Quantum Probability Explanation for Violations of “Rational” Decision Theory // *Proceedings of the Royal Society*. 2009. № 276 (1165). P. 2171–2178.

² См. например: *Haven E., Khrennikov A.* Quantum Social Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2013; *Khrennikov A.* Ubiquitous Quantum Structure. From Psychology to Finance. Berlin: Springer-Verlag, 2010.

БАРСЕНКОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ В XXI веке

Аннотация: в докладе раскрываются предпосылки формирования внешнеполитического курса России в XXI веке. Анализируется изменение представлений о возможностях и приоритетах международной деятельности страны. Показано влияние внешних акторов на коррекцию внешней стратегии России. Раскрывается содержание современных представлений о роли России в мировом порядке.

Ключевые слова: внешняя политика России, отношения Россия-Запад, конфликт ожиданий, концепции внешней политики России, реальный суверенитет, новая холодная война.

Международный политический кризис 2014–2016 гг., связанный с событиями на Украине и в Сирии, впервые столь остро обнажил противоречия, которые накапливались в отношениях между Западом и Россией после завершения холодной войны. Кризис стал важным основанием для нового осмысления международной деятельности страны на основе анализа динамики мировой политики в условиях интенсификации глобализационных процессов. Адаптация России к новым реалиям не могла быть и не была простой, что связано с внутренней системной трансформацией общества и государства в 1990–2000-е годы. Цель настоящей статьи — выявить основные концептуальные идеи, определявшие содержание и международные приоритеты России в новом тысячелетии. Возникавшие в этот период подходы во многом связаны со сменой высшего руководства страны, что и содержательно, и формально определяет в качестве точки отсчета 2000 год.

В 2010 г. анализируя причины неустойчивости российско-западных связей, министр иностранных дел С.В. Лавров отмечал, что после завершения холодной войны сформировался конфликт ожиданий, «который стал характерным для состояния наших отношений с Западом и который мы только начали преодолевать»¹. Анализ документов и исторического контекста 1990–1992 гг. позволяет реконструировать имевшиеся тогда у сторон расчеты.

¹ Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 154.

США считали Россию государством, проигравшим холодную войну, и хотя в двусторонних отношениях соблюдались приличия, страну рассматривали не как субъект, а как объект воздействия Америки и ее союзников. В этой связи рассчитывали, во-первых, на признание Россией нового мирового порядка при американском лидерстве и выстраивание внешней политики в соответствии с представлениями «победителей», Во-вторых, ликвидацию угрозы реставрации коммунизма в России США видели в форсировании «демократических» преобразований, где на главном месте стояли приватизация собственности и уход государства из экономики. Для этого требовалась поддержка «реформаторов», готовых бороться против «реваншистов» из левого и «националистического» лагерей. В-третьих, в мировой экономике, все более обретавшей черты глобальной, Россию видели в качестве поставщика, прежде всего, сырьевых ресурсов. В-четвертых. Особое место в американской стратегии отводилось недопущению «возрождения империи», что предполагало блокирование серьезных интеграционных инициатив.

В неосуверенной России, начавшей строить демократическую систему и не имевшей опыта общения с внешним миром, рассчитывали, во-первых, на установление союзнических отношений с США, когда две великие державы будут выступать как равные партнеры. Во-вторых, в России ожидали масштабной экономической и технической помощи в проведении системной трансформации. Как в Москве, так и в Вашингтоне предполагали, что перемены произойдут достаточно быстро и относительно безболезненно. В-третьих, в конце 1991 г. в России в отношении бывших союзных республик доминировали изоляционистские настроения. Это, однако, предполагало, что в будущем после успешного проведения Россией реформ новые независимые государства сами к ней «потянутся» и вступят в новое интеграционное объединение, очертания которого определятся со временем. Все эти представления нашли отражение в «доктрине Козырева», получившей название «атлантизма» или доктрины «демократической солидарности».

Итоги 1990-х годов оказались противоречивыми. С одной стороны, Россия решительно порвала с прошлым, но новые общественные отношения не выглядели гармоничными. Как отмечал известный британский исследователь Р. Саква, в стране утвердился не рыноч-

ный, а олигархический капитализм, не демократия, а «бессильный авторитаризм», вместо устойчивой федерации — «фрагментированный регионализм»¹. Далекими от ожидаемых оказались и внешнеполитические итоги десятилетия. Стратегического союза с Западом не получилось, масштабы финансовой помощи были незначительными, а предложенная международными институтами модель экономических реформ оказалась неадекватной российским условиям. США и ЕС не признавали за Россией право на особые интересы на постсоветском пространстве. Изменившаяся роль России в мировой политике стала особенно заметной в ходе урегулирования югославского кризиса. И хотя руководство страны постоянно подчеркивало ее статус «великой державы», в зарубежной экспертной среде с этим были согласны не все. Отталкиваясь от критериев мощи государства в глобальном мире, Россию аттестовали как «несовременную», «бывшую» и даже «мнимую» великую державу. После натовских бомбардировок Югославии отношения с Западом оказались в низшей точке после холодной войны. Стали говорить об угрозе международной изоляции.

Избрание нового российского президента сопровождалось «инвентаризацией» пройденного Россией в 1990-е годы пути. В одном из первых выступлений В.В. Путин отмечал, что в стране созданы *основы* демократии и рыночных отношений, в которых предстоит *навести порядок*. В этих условиях в июне 2000 г. появилась вторая концепция внешней политики России. В отличие от первого (1993 г.), новый документ был *основан на опыте* предшествующего десятилетия и знаменовал переход к более *реалистичной и прагматичной* политике. Не случайно уже вначале текста ставилась задача переосмысления ее приоритетов в контексте *возможностей ресурсного обеспечения*. Была важной констатация того, что «не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром». В качестве *направлений главных усилий* внешней политики были названы: создание внешних условий для поступательного развития России и ее экономики; формирование пояса добрососедства по периметру российских границ; поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями. В соответ-

¹ Sakva R. Putin: Russia's Choice. London and New-York: Routledge, 2004.

ствии с этим «прописывалась» иерархия региональных направлений: США, отношения с которыми были приоритетными в 1990-е годы, заняли третью позицию. На первую ставились связи с государствами — участниками Содружества Независимых Государств, на вторую — отношения с европейскими государствами, на четвертую — взаимодействие со странами Азии. Замыкали список приоритетов государства Африки и Латинской Америки.

Развивавшие идеи концепции международники обращали внимание на то, что к числу важнейших общенациональных задач относится повышение конкурентоспособности экономики, кардинальное увеличение ВВП, интеграция России в мировую хозяйственную систему. В связи с этим геополитическое видение мировой политики, исходящее из соотношения военных сил, воспринимающее международные отношения как главным образом силовую борьбу за сферы влияния, заменяется системой геоэкономических представлений. В рамках этой парадигмы угрозы международной безопасности России порождаются, в конечном счете, ее экономической слабостью и отставанием в освоении новых технологий. В этой связи ключевым элементом новой внешнеполитической философии должно стать положение о многовекторном характере российской политики. Многовекторность подразумевает выстраивание конструктивных отношений со всеми государствами, которые представляют интерес, решая в каждом конкретном случае важные для страны проблемы¹. Некоторые стали это называть «стратегией избирательной вовлеченности». При этом отмечалась важность не абсолютизировать расхождения, а стремиться к созданию «коалиций победы», одна из которых могла быть направлена против международного терроризма и угрозы распространения оружия массового уничтожения.

Крупный вклад в развитие доктринальных основ внешней политики внес академик А.А. Кокошин. С 1999 г. он разрабатывал концепцию «реального суверенитета» России. В 2003 г. выступая на заседании Госсовета в присутствии президента, он предложил считать «реальный суверенитет» «доктриной Путина»². Впоследствии к раскрытию содержания различных аспектов этой категории сам глава государства

¹ Торкунов А.В. От «холодной войны» к «коалиции победы». Новая философия внешней политики России // Космополис. 2004. № 4.

² Кокошин А.А. Реальный суверенитет. М., 2006.

возвращался не раз. В российской литературе реализацию доктрины связывают с устранением внешнего влияния на внутрисполитические процессы и консолидацией российского народа вокруг возрожденной национальной идеи. Во внешней сфере — с достижением такой свободы действий на международной арене, которая бы позволила обеспечить интересы России в мировом и региональном масштабах. За рубежом «доктрину Путина» трактуют шире: как стремление восстановить экономические, политические и геостратегические активы, утраченные советским государством в 1991 году.

В начале XXI века Запад предпринимает ряд важных шагов, оказавших заметное влияние на отношения с Россией. В 2003 г. США под сомнительным предлогом и в обход Совета Безопасности ООН осуществляют «превентивную интервенцию» в Ирак, приведшую не только к свержению легитимного режима и исчислявшимся сотнями тысяч жертвам мирных жителей, но и к общей масштабной дестабилизации в регионе. В 2003–2004 гг. происходит расширение НАТО и ЕС в восточноевропейском направлении, что качественно меняет ситуацию в граничащих с Россией странах. Провозглашенная Брюсселем «политика соседства» была ориентирована на вовлечение бывших союзных республик в орбиту влияния евроатлантических структур. Стимулированные в них «оранжевые революции» несли для России целый спектр политических и экономических угроз. Это повлекло усиление внимания страны к жизненно важному для нее региону, который, однако, превращался в зону прямой геополитической конкуренции, а затем и конфронтации с американцами и европейцами.

Критика Россией американских действий в Ираке, активизация на постсоветском пространстве, решительные шаги по преодолению экономического и политического наследия 1990-х внутри страны привели к тому, что с 2003 г. в отношениях с ней американские администрации начинают руководствоваться главным образом вопросами состояния демократии и соблюдения прав человека внутри нашего государства. Следует заметить, что в 1990-х — начале 2000-х гг. в международных отношениях и праве внедряются концепции «человеческой безопасности», «ограниченного суверенитета», «ответственности по защите», интерпретация которых при определенных условиях открывает возможности для давления и даже прямо-

го вмешательства в дела любого государства. Это укладывается и в американские представления об инструментах собственной международной деятельности. При таком подходе внешняя политика рассматривается как «двухтрековая»: первый «трек» — «официальная» внешняя политика, проводником которой выступают государственные институты и их представители. Второй — работа со структурами гражданского общества внутри государств. Эта деятельность рассматривается и как помощь в укреплении демократии и защите прав человека, и как канал влияния на политико-идеологический климат других государств, с целью его формирования в желательном для американцев направлении.

Проблема «разрыва ценностей» начинает все громче звучать применительно к России и со стороны ЕС, превращаясь в один из главных пунктов в их переговорной повестке. При этом в Брюсселе открыто говорили о *«продвижении демократии» как инструменте внешней политики Евросоюза.*

«Российским ответом» на зарубежную критику стало выдвижение в 2005 г. концепта «суверенной демократии», в соответствии с которым государства идут к утверждению демократических принципов разными темпами и на основе собственного опыта. Утверждалось понимание того, что Россия и Европа находятся на разных стадиях развития: Россия восстанавливает государственность и суверенитет, а Европейский Союз их начинает преодолевать. Отсюда следовал вывод о неприемлемости, как форсирования изменений внутри страны, так и некритического копирования чужих форм, которые неприменимы в неорганичных для них условиях и могут привести к деструктивным последствиям. Концепт «суверенной демократии» вызвал скептическое отношение ряда отечественных и зарубежных экспертов. Тогда же государством была продекларирована задача создания структур гражданского общества с опорой на использование внутренних ресурсов поддержки. Одновременно появляется понятие «оффшорная аристократия» для обозначения экономически значимой части элиты, чьи перспективные жизненные траектории уже не связаны с Россией, но которая является носителем и проводником компрадорских настроений в стране.

Укрепление российского государства и рост его экономических возможностей стимулировали постановку вопроса о новой роли

России в мировой политике. Была выдвинута концепция «Россия — великая энергетическая держава» и даже «Россия — энергетическая сверхдержава». Эту линию руководство попыталось закрепить в ходе саммита «Большой Восьмерки», проходившем в июне 2006 г. в Санкт-Петербурге и посвященном проблемам энергетической безопасности. Однако идея «энергетического лидерства» России была воспринята более, чем настороженно. Экономический по содержанию газовый конфликт с Украиной был интерпретирован как попытка использовать поставки в качестве инструмента политического давления. Заговорили об «энергетическом оружии» и «газовом империализме» России, для противодействия которому предлагалось создать «энергетическое НАТО». Остро негативно было воспринято обсуждение возможности объединения стран-экспортеров газа в рамках «газовой ОПЕК».

Все это привело к возникновению сразу ставшей популярной на Западе концепции «Новой Холодной Войны» (НХВ), которую в 2007 г. наиболее полно изложил автор британского «Economist» журналист чешского происхождения Э. Лукас¹. В его книге содержится весь набор западных «претензий» к России, которые в почти неизменном виде воспроизводятся и поныне. Концепция НХВ публично закрепляла негативный имидж В.В. Путина как олицетворения всего неприемлемого для Запада во внутренней и внешней политике. И если в начале 2000-х годов на Западе публикации о втором президенте носили преимущественно «сочувственный» характер и начинались с констатации тяжести «наследства», доставшегося от предшественника, то к концу второго срока ситуация радикально изменилась. С этого времени российский лидер представляется преимущественно в негативном свете независимо от того, какие действия он предпринимает.

Этапным событием в реализации доктрины «реального суверенитета» стало выступление В.В. Путина в феврале 2007 г. на мюнхенской конференции по безопасности в Европе. Российский лидер резко осудил «однополярный мир», который «означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решений», мир «единого хозяина, одного суверена». Не нося

¹ Lucas E. The New Cold War. How the Kremlin Menaces both Russia and the West. London: Bloomsbury, 2007.

конфронтационного характера, выступление президента обозначало круг важнейших международных проблем, решения которых страна намерена добиваться с учетом ее интересов. Речь получилась резонансной, после нее в публичный обиход вошло выражение «Россия поднимается с колен».

Одна из попыток смягчить «ценностные» противоречия была связана с избранием третьего президента России. Выдвижение конкретной фигуры на конституционно главную властную позицию России имело и внешнеполитический подтекст. Как отмечали эксперты, с молодым, не связанным не только со спецслужбами, но и вообще с советским прошлым, имевшим репутацию либерала президентом, могли открыться новые возможности¹. Программным слоганом нового лидера стали слова «Свобода лучше, чем несвобода». В основу внутреннего курса была положена идея «модернизации», трактовка которой далеко выходила за привычные технократическо-экономические рамки. Новый лидер подчеркнуто много внимания уделял совершенствованию государственно-правовых институтов — суду, прокуратуре, милиции (реформированной при нем в полицию), гуманизации законодательства и пенитенциарной системы; поддерживал либеральные подходы в экономической политике. В пользу молодых управленцев «задвигались» многие влиятельные представители старой элиты, имевшие «партийно-хозяйственное» прошлое. В СМИ усилилась критика советского периода истории. Все это порождало определенный оптимизм даже среди американских неоконсерваторов.

В то же время, в июле 2008 г. президент подписывает третью в российской истории концепцию внешней политики. Документ появился после саммита НАТО в Бухаресте (апрель 2008 г.), на котором было принято политическое решение о вхождении в Альянс Грузии и Украины. В новой концепции уже прямо фиксировалось, что у России «есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы». Декларировалось, что «безусловным приоритетом является для нас защита жизни и достоинства наших граждан, где бы они не находились». Последовавший в августе конфликт с Грузией привел к кратковременному охлаждению, но не к свертыванию отношений с США

¹ Пушков А.К. Внешняя политика России и ее национальные интересы в XXI веке. М., 2011. С. 15.

и Европейским Союзом. Избрание на антибушевской волне нового американского президента сопровождалось провозглашением политики «перезагрузки», позитивные последствия которой носили ограниченный характер. Озвученное же в сентябре 2011 г. намерение В.В. Путина вернуться в Кремль усилило отчуждение США от России. Кампания по выборам депутатов осенью 2011 г. и президента зимой 2012 г. проходили под огнем жесткой критики. Все это привело к существенным изменениям общей стратегии государственного развития России. *Наметился сдвиг от неолиберально-глобалистского курса в сторону национально-ориентированной модели развития.* В этом контексте указом президента была введена в действие новая концепция внешней политики. В ней зафиксирована эволюция представлений о статусе страны. Если в концепции 2000 г. о России говорится как о «великой державе», то в 2008 г. она определяется как «один из влиятельных центров современного мира, крупнейшая евразийская держава». В концепции же 2013 г. отмечено, что внешняя политика России «отражает уникальную, сформировавшуюся за века роль нашей страны как уравнивающего фактора в международных делах и в развитии мировой цивилизации».

События на Украине зимой-весной 2014 г. привели к фактическому разрыву тех неустойчивых институциональных связей, которые складывались между Россией и Западом на протяжении всех постсоветских лет. Во многом вынужденный «поворот на Восток», перенос акцента на сотрудничество с государствами незападного цивилизационного ареала стал ревизией (а некоторые говорят — разрывом) проводившегося с 1991 г. Россией стратегического курса. В ходе украинского, а также сирийского кризисов, постепенно нащупываются параметры позиционирования страны в условиях появляющихся элементов деглобализации и начавшейся трансформации мирового порядка. Внешняя политика России вступает в этап наработки нового опыта и репутации.

Библиография

1. Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 154.
2. Sakva R. Putin: Russia's Choice. London and New York: Routledge, 2004.
3. Торкунов А.В. От «холодной войны» к «коалиции победы». Новая философия внешней политики России // Космополис. 2004. № 4.

4. *Кокошин А.А.* Реальный суверенитет. М., 2006.
5. *Lucas E.* The New Cold War. How the Kremlin Menaces both Russia and the West. London: Bloomsbury, 2007.
6. *Пушков А.К.* Внешняя политика России и ее национальные интересы в XXI веке. М., 2011. С. 15.

БЕЛЬСКИЙ ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ОЛЕЙНИК ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ

СЕТЕВОЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: Статья посвящена анализу специфики сетевого терроризма как одной из угроз международной безопасности, а также влиянию информационной революции на изменение характера террористической деятельности. Авторы отмечают переход террористических организаций к сетевому принципу управления и организации, что приводит к необходимости переосмысления государствами стратегии и тактики противодействия террористической угрозе.

Ключевые слова: терроризм, сетевой терроризм, террористическая деятельность, сетевая война, информационная война, безопасность, информационные технологии.

На сегодняшний день терроризм превратился в самостоятельное социально-политическое явление, создающее угрозу международной безопасности. Помимо того, что террористическая деятельность активно используется националистическими и сепаратистскими организациями, клерикальными и экстремистскими группировками для достижения своих целей, она активно применяется и некоторыми государствами для захвата и перераспределения власти, смены неугодных политических режимов, перераспределения ресурсов, установления контроля над геополитическим пространством и т.д.

Вместе с тем, по-прежнему существует понятийная неопределенность в исследованиях проблемы терроризма, связанная с тем, что еще не сложилось общепринятого определения данного феномена. Тем не менее, в последние годы учеными была проделана большая работа по разработке концептуальных основ в данном направлении. Так, ряд авторов (В.Ю. Бельский, А.И. Сацута и др.) определяет террористическую деятельность как насильственное принуждение, направленное на изменение политических отношений, непосред-

ственным субъектом которого выступают негосударственные организации, а идейной основой является экстремизм.¹ В свою очередь, С.Н. Борисов и М.А. Игнатов определяют терроризм как использование нелегитимного, антисистемного насилия и рассматривают его как специфический социокультурный феномен, имеющий определенные культурно-антропологические предпосылки, позволяющие не только диагностировать террористическую деятельность, но и осуществлять ее профилактику. Они отмечают важную роль социальных элит и СМИ в формировании дискурса глобального терроризма, когда происходит поэтапное развитие идеи террористической угрозы от локального к глобальному дискурсу². Террористические действия всегда связаны с устрашением противника (оппонента) и отличаются от прямого военного насилия лишь характером насильственных действий, масштабами использования традиционных вооружений и спецификой отношений между субъектами и объектами противоборства. Так, Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» № 35–ФЗ определяет терроризм следующим образом: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»³. Дискуссии вокруг определения понятия «терроризм» не утихают и, к сожалению, до сих пор составляют львиную долю теоретических разработок в области террологии. Вместе с тем, происходят постоянные изменения в самом характере террористической деятельности, что приводит к необходимости углубления исследований в данной области.

Сегодня наблюдается изменение целей, методов, структуры и характера деятельности террористических групп и организаций. С учетом происходящих в последние годы изменений в главных направ-

¹ Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М., 2015. С. 189.

² Борисов С.Н., Игнатов М.А. Сетевая природа терроризма: глобальное и региональное // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. М., 2015. № 14 (211). Вып. 33. С. 55, 58.

³ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ О противодействии терроризму // Российская газета. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения: 22.07.2016)

лениях «международного терроризма» путем переноса действий из пространства традиционного физического насилия над людьми в пространство информационно-ценностных систем, все более актуальной становится проблематика использования в политических и иных целях «психологического оружия», а также методов и технологий «информационного террора», «политико-идеологического терроризма», «правового насилия», «биотерроризма», «финансово-экономического терроризма», «этноконфессионального терроризма» и т.д.¹

В этой связи растет количество научных работ, посвященных изучению специфики сетевого терроризма. Так, Д.А. Журавлев рассматривает современное постиндустриальное общество как среду зарождения и распространения сетевого терроризма, указывая на необходимость выработки эффективных методов и способов борьбы с ним². В свою очередь, А.И. Сацута отмечает, что сегодня активно развиваются связи между террористическими формированиями, а координация их действий облегчается благодаря использованию новых форм организации террористических структур — создание на основе сетевого принципа, что обеспечивает большую маневренность³. Многие из них перешли к сетевой структуре под влиянием процесса глобализации, в частности, развития информационных технологий, что позволяет террористам быстро координировать свои действия. Если старая модель терроризма предполагала зависимость от идеологического и командного центра, что делало структуру управления уязвимой, то при сетевом принципе организации невозможно выделить руководящее звено, что позволяет террористам достигать большей конспиративности, эффективности, а также независимости от других ячеек. Даже в случае раскрытия одной из них это не приведет к

¹ Бельский В.Ю. Терроризм как инструмент глобализации и способ упразднения цивилизационных идентичностей // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: материалы науч.-практ. конф. с международным участием / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. С. 54–55.

² Журавлев Д.А. Постиндустриальное общество как среда зарождения и распространения сетевого терроризма // Вестник Московского университета МВД России. М., 2014. № 9. С. 74–77.

³ Сацута А.И. Терроризм в современном мире как вызов человеческой цивилизации, угроза ее безопасности // Социально-гуманитарное обозрение. М., 2016. № 2. С. 48–49.

разрушению всей сети, а идеологический центр может не принимать непосредственного участия в подготовке операций, ограничиваясь общим руководством.¹ Все это осложняет борьбу с сетевым терроризмом, которая должна включать профилактику и предупреждение террористических актов, а многие государства (в частности, страны Западной Европы) успевают лишь реагировать на уже произошедшие акции.

За 2015 г. в одной только Франции произошли две крупнейшие атаки террористов: нападение на редакцию Charlie Hebdo 7 января и серия терактов во Франции в ночь с 13 на 14 ноября. В первом случае ответственность за теракт взяли на себя боевики террористической организации «Аль-Каида на Аравийском полуострове» и «Исламское государство» (ИГИЛ),² а во втором случае вновь ИГИЛ, которая также причастна к взрывам в аэропорту и метрополитене на станции «Мальбек» в Брюсселе 22 марта 2016 г.³ Такие информационные поводы активно используются идеологами террористов и их специалистами в области сетевых войн для создания действенных образов, средств, приемов и методов информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание.

Как отмечает И.Ф. Лазуркевич, на метауровне сетевые войны представляют собой разновидности информационного противостояния и конфликтов, в ходе которых создаются разбросанные террористические группировки, деятельность которых осуществляется через использование интернет-технологий. Сетевой принцип применяется и для организации самих таких групп, для связи и координации усилий, вербовки последователей, а также для конспирации и устрашения населения путем информационно-психологического воздействия.⁴ Таким образом террористы создают себе необходимый имидж, формируют идеологическую линию и отработывают манипу-

¹ Соловьев Э.Г. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. М., 2004. № 5. Т. 2. С. 75–76.

² Запрещенные в России и других странах террористические организации.

³ Politie lanceert oproep: «Bezorg ons uw beeldmateriaal» [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.nieuwsblad.be/cnt/dmf20160322_02196223 (дата обращения: 02.06.2016)

⁴ Лазуркевич И.Ф. Риски сетевого терроризма в условиях глобализации: социально-философский анализ // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2016. № 3–5. С. 58.

лятивные технологии. Определяющая роль здесь отводится использованию информационных технологий (ИТ), которое может иметь как преимущества, так и недостатки для сетевых террористических организаций:

Таблица 1

Преимущества и недостатки использования ИТ сетевыми террористическими организациями (способствующие и сдерживающие факторы)

Использование ИТ	Способствующие факторы	Сдерживающие факторы
Организационное	<p>Рассредоточенная деятельность с поддержанием необходимого уровня секретности и анонимности;</p> <p>Возможность развивать независимую и гибкую сеть;</p> <p>Снижение зависимости от внешних спонсоров.</p>	<p>Риск перехвата сообщений;</p> <p>Информация может быть легко извлечена (при отсутствии необходимого уровня защиты);</p> <p>Необходимость общей идеологии и руководства для активизации сети.</p>
Наступательное	<p>Как правило, более низкие материальные издержки;</p> <p>Игнорирование национальных границ;</p> <p>Физическая дистанцированность;</p> <p>Преимущество при вербовке новых сторонников/сборе средств.</p>	<p>Значительные технические препятствия для осуществления террористической деятельности;</p> <p>Риски компьютерной безопасности приводят к регулярным расходам на ее поддержание.</p>

Сегодня террористами ведется информационная война против различных субъектов общественных отношений на местном, региональном, национальном и глобальном уровне. Конечной же целью применения террористами информационных средств, приемов и методов является создание в обществе или отдельно взятом регионе ситуации всеобщей социальной дисфункции¹. Для противодействия сетевому терроризму в информационном поле государствам необходимо делать упор на «сдерживающие факторы», так как они выступают слабыми местами сетевых террористических организаций.

Таким образом, терроризм в XXI в. претерпел определенную трансформацию, что привело к снижению эффективности традиционных способов противодействия террористической деятельности.

¹ См. выше: Терроризм как... С. 200–201.

Он стал носить децентрализованный характер, а террористические ячейки распылены (хотя и не обязательно в равной степени) по всему миру. Такой переход к сетевому принципу организации часто ограничивает эффективность некоторых контртеррористических операций, проводимых военными, полицией и разведкой.

Политические решения в данной области должны включать в себя профилактику экстремизма и терроризма, проведение симметричной информационной политики по дискредитации террористов и создание гибкой и в то же время мощной контртеррористической сети, направленной на противодействие сетевым террористическим организациям и охватывающей ключевые страны. Необходимо более глубокое научное осмысление феномена сетевого терроризма, включающее изучение политического, экономического и социокультурного контекста. Террористические сети подчиняются жестким законам, определяющим их типологию, структуру и способность эффективно функционировать в современных условиях. Они используют все преимущества самоорганизации сетей, включая гибкость и устойчивость к внутренним неудачам. Незнание этих закономерностей и отсутствие кооперации между государствами в борьбе с сетевым терроризмом может иметь серьезные последствия в сфере международной безопасности.

Более глубокое понимание коммуникативных основ и теории сетевых организаций, наряду с детальным изучением многомерных причин распространения сетевого терроризма в мире, позволит объединить усилия заинтересованных государств для эффективного противодействия террористической угрозе как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Для этого также необходим анализ основ возникновения, функционирования и распада террористических сетей, что позволит государствам выработать эффективную и слаженную стратегию противодействия сетевому терроризму на региональном, национальном и международном уровне.

Библиография

1. Бельский В.Ю. Терроризм как инструмент глобализации и способ упразднения цивилизационных идентичностей // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: материалы науч.-практ. конф. с международным участием / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. С. 54–55.

2. *Борисов С.Н., Игнатов М.А.* Сетевая природа терроризма: глобальное и региональное // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. М., 2015. № 14 (211), Вып. 33. С. 55, 58.
3. *Журавлев Д.А.* Постиндустриальное общество как среда зарождения и распространения сетевого терроризма // Вестник Московского университета МВД России. М., 2014. № 9. С. 74–77.
4. *Лазуркевич И.Ф.* Риски сетевого терроризма в условиях глобализации: социально-философский анализ // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2016. № 3–5. С. 58.
5. *Сацута А.И.* Терроризм в современном мире как вызов человеческой цивилизации, угроза ее безопасности // Социально-гуманитарное обозрение. М., 2016. № 2. С. 48–49.
6. *Соловьев Э.Г.* Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. М., 2004. № 5. Т. 2. С. 75–76.
7. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М., 2015. С. 189, 200–201.
8. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ О противодействии терроризму // Российская газета. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения: 22.07.2016).
9. Politie lanceert oproep: «Bezorg ons uw beeldmateriaal» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nieuwsblad.be/cnt/dmf20160322_02196223 (дата обращения: 02.06.2016).

БУХОВЕЦ ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВИЧ

ЕАЭС: НОВЫЕ НАДЕЖДЫ И СТАРЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: появление Евразийского экономического союза — конкретный пример плюрализации путей развития современного мира. Возникновение ЕАЭС было одобрительно воспринято как большинством жителей стран «пятерки», так и многими странами мира. В постсоветском пространстве некоторая часть «среднестатистических жителей» и заметное число масс-медийных, гуманитарно-публицистических и экспертно-аналитических сообществ настроены по отношению к перспективам интеграции постсоветского пространства в разной степени скептически. Важным источником евроскептицизма является, с одной стороны, «еврошовинизм», сформировавшийся во времена успешного развития ЕС, а, с другой — быстро ширящийся в последнее десятилетие евроскептицизм.

Ключевые слова: интеграция, Евросоюз, ЕАЭС, евроскептицизм, евроскептицизм, полицентричность мира.

Прошло уже более двух лет, как получил жизнь, в соответствии с договором, подписанным 29 мая 2014 г. в Астане президентами Казахстана, Беларуси и России — Н.А. Назарбаевым, А.Г. Лукашенко и В.В. Путиным, Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Формально ЕАЭС начал свою деятельность с 1 января 2015 г. Буквально на следующий день после своего рождения — 2-го января 2015 г. это новое интеграционное объединение расширилось за счет вступления в него Армении, а с 1-го мая 2015 г. его полноправным участником стал и Кыргызстан.

Появление такого масштабного интеграционного объединения с далеко идущими планами, в которое, как отмечалось, на данный момент входят уже 5 стран постсоветской Евразии, было встречено в разных регионах Европы и мира по-разному. Так, с самого начала стало очевидным, что в достаточно большом количестве стран, региональных и международных организаций создание ЕАЭС было воспринято позитивно и вполне заинтересованно. Это относится, прежде всего, к постсоветскому пространству, вернее — к большей его части.

Но наряду с постсоветским пространством, Евразийский экономический союз сразу же вызвал пристальный интерес и в ряде других регионов мира. О чем весьма красноречиво говорит то, что в считанные месяцы свою заинтересованность в налаживании различных форм сотрудничества с ним успели выразить представители уже более четырех десятков стран, в том числе таких важных, как Индия, Вьетнам, Иран, Турция, Израиль. Причем Вьетнам даже сумел уже заключить и договор о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС. Можно уверенно прогнозировать, что в ближайшее время последуют аналогичные соглашения и с другими заинтересованными странами.

Но не секрет, конечно, что евразийский интеграционный проект у руководства целого ряда государств, в основном западных, вызвал скептическое, неприязненное и даже откровенно враждебное отношение.

Чрезвычайно показательны в этом смысле опубликованные Фондом Фридриха Эберта в конце 2014 г. (т.е. как раз накануне начала деятельности ЕАЭС) «Четыре сценария развития отношений между ЕС, Российской Федерацией и общими соседями». В этих широко разрекламированных сценариях ЕАЭС трактуется только как «сфера

российского влияния», инструмент «прямого влияния» России на ее «ближнее зарубежье»¹.

Согласно консолидированному мнению многочисленной группы экспертов проекта, представляющих 12 стран (!), Евразийский союз как модель сотрудничества России с постсоветскими странами ведет «к дальнейшей политизации ее экономики и нарастанию напряженности в связи с притоком мигрантов в Россию»². А что же касается российских граждан, то они, по версии разработчиков проекта, «практически не замечают существования ЕАЭС и не возлагают на эту организацию какие-либо надежды»³. Более или менее нейтральное отношение к ЕАЭС (и то, как посмотреть) зафиксировано лишь в одном единственном сценарии прогноза: допускается, в частности, начало переговоров в 2031 г. (!) о «возможности включения стран — членов ЕАЭС в Шенгенское соглашение при условии более тесного сотрудничества в рамках программы «ФРОНТЕКС»⁴. Иными словами, и в этом случае — лишь на условиях ЕС...

Особенно характерно неприязненное отношение к ЕАЭС для стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), которые с подачи лидеров США, на Западе в последнее десятилетие часто называют «новой Европой». Впрочем, весьма прохладное отношение Запада к евразийской интеграции постсоветских стран проявлялось и на предшествующем созданию ЕАЭС этапе, когда действовали Таможенный союз и Единое экономическое пространство (ТС-ЕЭП).

Если обратиться к странам постсоветского пространства, то в них, согласно соответствующим социологическим опросам, как граждане государств инициативной «тройки» — Беларуси, Казахстана, России — так и преобладающая часть населения стран — соседей в отношении евразийской интеграции были настроены «достаточно оптимистично». Результаты социологического исследования, проведенного в рамках «Интеграционного барометра Евразийского банка развития» (ЕАБР), свидетельствуют, что в 2012–2013 гг. жители

¹ Группа по разработке сценариев «ЕС+Восток 2030». ЕС и Восток в 2030 году. Четыре сценария развития отношений между ЕС, Российской Федерацией и общими соседями. Берлин: Фонд имени Фридриха Эберта, 2014. С. 28.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 23.

стран — будущих его членов — Беларуси, Казахстана и России — непосредственно накануне начала деятельности Евразийского экономического союза в подавляющем большинстве одобряли евразийскую интеграцию, хотя и с тенденцией к некоторому снижению в 2013 г. уровня такой поддержки (исключая при этом Беларусь)¹.

Авторы указанного исследования делают вывод, что, по убеждению опрошенных граждан, «интеграционный проект будет либо развиваться, либо зафиксирует достигнутое, но сворачиваться в любом случае не будет». Таким образом, в создании ЕАЭС многие граждане стран-участниц и стран-кандидатов на вступление в него увидели важный реальный шаг к дальнейшей плюрализации путей экономического и социального развития, которая особенно явственно обозначилась в условиях современного финансово-экономического кризиса, совершенно небывалого по глубине, продолжительности и наступившим уже последствиям. Но это — с одной стороны.

С другой же — никак нельзя обойти вниманием и тот очевидный факт, что заметная часть как «среднестатистических» жителей, теперь уже «пятерки» государств-членов ЕАЭС, так и, в гораздо большей степени, их масс-медийные, гуманитарно-публицистические и экспертно-аналитические сообщества, настроены по отношению к перспективам интеграции евразийского пространства в разной степени скептически. А то и просто выступают с явно нигилистических позиций по отношению к самой идее евразийской интеграции.

Даже в солидных научных изданиях (не говоря уже о масс-медиа!) некоторые весьма популярные авторы проект ЕАЭС определяют не иначе как «безнадежную попытку» нынешнего российского руководства «воссоздать империю»². Партнеров же России по данному союзу они в совершенно недопустимой манере называют «практически безнадежными» и «бесполезными соседями», которые-де «стучатся» в ЕАЭС и «кричат о своих намерениях присоединиться» к нему³.

Для скептического восприятия всеми сомневающимися Евразийского экономического союза наши эксперты уже подобрали даже

¹ *Винокуров Е.Ю.* Евразозоскептицизм // Россия в глобальной политике. 2014. № 1. С. 78–83.

² *Иноземцев В.Л.* Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. 2014. № 6. С. 71.

³ Там же. С. 76, 81.

специальный термин — «евразоскептицизм»¹. При этом, анализируя природу этого «нового устойчивого феномена», эксперты предлагают, однако, не драматизировать сам факт наличия евразоскептицизма и подчеркивают, что отныне тот — не только «постоянный спутник» самого евразийского проекта, но и органическая его часть, подобно тому «как это происходит в Европейском союзе»².

Действительно, если не забывать, что *разница общественных интересов и устремлений* — *атрибутивная* характеристика в принципе любого социума, то евразоскептицизм — явление не только нормальное, но и просто *неизбежное*. Ведь что ни говори, но любая, даже самая успешная интеграция не может обеспечить интересы *всех* и во *всем*. Тот же евроскептицизм, к примеру, существовал в странах нынешнего Европейского союза *даже тогда*, когда последний, условно говоря, шел от достижения к достижению и от победы к победе.

А уж в то, какие масштабы евроскептицизм обрел сейчас, во времена кризиса — каких-нибудь 7–8 лет назад и поверить было невозможно! Теперь, как выразился бельгийский политолог П. Дельвиг, «быть «излишне» за Европу... *не модно и политически невыгодно* (курсив мой. — О.Б.)»³. Интегральным показателем этого стали результаты майских 2014 г. выборов в Европарламент, которые аналитики дружно назвали «политическим землетрясением». На них, в частности, евроскептики одержали беспрецедентные победы в Великобритании, во Франции и в Греции, а также больших успехов добились в Италии, Австрии, Дании, Испании, Германии, Швеции и ряде других стран — членов Евросоюза.⁴

Грозным предостережением для правящей в ФРГ коалиции стали и состоявшиеся в 2016 году выборы в ландтаги федеральных земель Баден-Вюртенберга, Рейнланд-Пфальца, Саксонии-Анхальт, Мекленбурга-Передней Померании и Берлина. Успех на них «Альтернативы для Германии» был назван «черным воскресеньем» для нынешнего правительства. Еще более тревожным событием для нынешнего Евросоюза, стали результаты прошедшего 23 мая 2016 года второго тура

¹ Винокуров Е.Ю. Евразоскептицизм // Россия в глобальной политике. 2014. № 1. С. 78–87.

² Там же. С. 78, 87.

³ Узародов И.М. Евроскептицизм // Современная Европа. 2015. № 1. С. 28.

⁴ Там же. С. 36.

президентских выборов в Австрии: кандидат от крайне правой «Партии свободы» был побежден с самым минимальным перевесом — всего лишь 0,6%. Причем, сторонникам «Партии свободы» удалось доказать факты подтасовок на выборах, в результате чего Конституционный суд Австрии отменил их результаты.

Если конкретизировать источники евразоскептицизма, то хотелось бы, прежде всего, назвать тот, который обеспечивает, пожалуй, наибольший мультипликативный эффект. Это, скажем так, — «перевод» конкретными гражданами стран ЕАЭС отношения к данному союзу с *макроуровня общего* восприятия евразийской интеграции на *микроуровень* конкретного вопроса: «Что же дает ЕАЭС *мне и моей семье?*» Понятно, что в условиях нынешнего мирового финансово-экономического кризиса, которым поражено и постсоветское пространство, слово «много» пока явно не подходит для ответа на этот конкретизирующий вопрос.

Среди других источников евразоскептицизма специалисты резонно называют, в частности, раздражение, испытываемое мелкими и средними национальными производителями государств-членов ЕАЭС, в связи с укреплением позиций российских компаний на общеевразийском рынке. Озабоченность и беспокойство у части жителей некоторых стран, входящих в союз, вызывает и общее доминирование российской экономики в нем.

Называется, кроме того, и недостаточное, либо непродуманное в деталях информирование населения стран-участниц ЕАЭС о реальных его преимуществах и достижениях. Заметное место среди источников евразоскептицизма занимает также явное оживление, особенно в связи с драматичными событиями на Украине, опасений, а то и просто страхов перед «возвратом к советскому прошлому».

В связи с последним особое внимание, как представляется, нужно уделить и евросоюзному источнику евразоскептицизма. Его роль ведь нашими авторами, безусловно, недооценивается. Если не просто игнорируется.

Как мы уже отмечали в ряде наших предыдущих публикаций, докризисный Евросоюз, воспринимавшийся в Европе и мире как эталон успешной интеграции, отбрасывал «тень вторичности» на все другие интеграционные проекты, в особенности — на постсоветские. Это уже само по себе благоприятствовало созданию имиджа евразийской

интеграции как *паллиативной и бесперспективной*.¹ Причем за суждениями ее «якобы тотальной недееспособности и декоративности» забывалось, что, в частности та же СНГ-шная модель межгосударственных отношений «дала возможность сохранить исторически сложившиеся производственные, экономические и иные традиционные связи народов наших стран, открыв перспективу их дальнейшего укрепления».

Глубокий же системный кризис, в который ЕС начал погружаться с 2005 г., создал совершенно иную ситуацию. С одной стороны, этот кризис способствовал как исчезновению чрезвычайно распространенных в докризисную пору в новых независимых государствах иллюзий об «обетованной земле евросоюзной», так и пониманию в связи с этим необходимости «перезагрузки» проектов евразийской интеграции.

Но с другой — у стремительно распространяющегося в странах ЕС евроскептицизма отчетливо стали слышны в последние годы *принципиальные антиинтеграционные* обертоны. И удивляться этому совершенно не приходится. Ведь еще и до наступления собственно финансово-экономической фазы нынешнего кризиса все более и более широкое недовольство граждан стран — членов ЕС стало вызывать «растущее влияние тяжеловесной брюссельской бюрократии, неповоротливость и малая эффективность надгосударственных институтов...» Евросоюза². Назидательным предупреждением политическому классу последнего о быстром росте такого недовольства должны были стать совершенно ошеломившие его провалы проекта «Конституции для Европы» на референдумах во Франции и Нидерландах в мае — июне 2005 г. (должны были стать, но, увы, не стали!).

Последующие годы лишь усугубили эти системные изъяны в реализации евросоюзного проекта. Сейчас, как резонно замечает известный российский экономист, член-кор. РАН В.П. Федоров, «по сути,

¹ Буховец О.Г. Евразийская интеграция: императивы мирового кризиса и парадоксы аналитики // Евразийский научный форум «Евразийская экономическая интеграция: становления и развитие». СПб., 2013. С. 130–142; Буховец О.Г. Евразийская интеграция. - Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 581–582, 598.

² Галкин А.А. Интеграция и национальное сознание Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 610.

страна — участник не может *самостоятельно* принять, за редким исключением, *ни одного серьезного решения без согласия брюссельской администрации* или консультации с ней (выделено мной. — О.Б.)»¹.

Потому-то и становятся всё более массовыми настроения в пользу изменения сложившегося в Евросоюзе порядка вещей. Вот как формулирует суть необходимых изменений М. Ле Пен — лидер победившего на выборах 2014 г. в Европарламент французского «Национального фронта»: «Люди в нашей стране больше не хотят, чтобы ими управляли извне, не хотят, чтобы им навязывали законы, за которые они не голосовали, не хотят подчиняться еврокомиссарам, которых они не выбирали напрямую»².

И вот сейчас указанные системные недостатки и огрехи *евросоюзной версии интеграции* уже сплошь и рядом выдаются просто за системные пороки *интеграционной идеологии вообще*. И как оказывается, эта ипостась *евроскептицизма* «подпитывает» теперь уже и *евразоскептицизм*, обеспечивая, своего рода, «накачку» сложившемуся еще, как известно, в 1990-е годы пессимистическому взгляду на будущие судьбы вообще всех без исключения постсоветских интеграционных проектов.

Вдобавок ко всему Запад вообще и Евросоюз, в частности, отнюдь пока не проявляют готовности отказаться от своей особой идеологии, используемой ими по отношению к странам постсоветского пространства, да и вообще ко всем незападным сегментам мира. Наши исследователи дают разные определения этой идеологии. В частности, российский политолог Ал.А. Громько называл ее «агрессивно-мессианской»³. Автор этих строк полагает, что ее можно также назвать и «нормативно-императивной».

Основную несущую этой идеологии следует определить как стремление «коллективного Запада» позиционировать себя в роли единственного «депозитария» так называемых «европейских ценностей». Последние, при этом, трактуются на западе как *аксиоматичные*, априорные. В соответствии с ними, России и другим постсоветским стра-

¹ Федоров В.П. Европейские перемены // Социология. 2015. № 2. С. 28.

² Узнардов И.М. Евроскептицизм // Современная Европа. 2015. № 1. С. 33.

³ Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громько, В.П. Федорова. М.: Весь мир, С. 694.

нам «вменяются» одни лишь *обязательства* соответствовать этим ценностям «при крайней неопределенности» их собственных прав.

Аксиоматичным, следует отметить это особо, предстает и твердое убеждение западных политических элит в том, что «людям всех стран мира свойственно стремиться в западные союзы и объединения, верить в ценности, которые они распространяют, и если какие-то правители пытаются помешать этому *естественному прогрессивному* движению, то рано или поздно они будут сметены волной народного протеста (выделено мною. — О.Б.)¹.

В этой связи, отмечают аналитики, вполне понятно стремление руководства Евросоюза превращать любые переговоры о тех или иных формах сотрудничества с ЕС в «тест на лояльность» ему. Доказательный пример тому — холодное, а если быть точнее, неприязненное отношение институтов Евросоюза к Евразийскому экономическому союзу, весьма неохотные, несмотря на явную заинтересованность последнего, контакты с ЕАЭС именно на *институциональном* уровне.

Очень показательно в этой связи сообщение агентства Reuters о том, что в его распоряжение в конце ноября 2015 г. попал текст письма Жана-Клода Юнкера В. Путину, в котором якобы содержалось предложение Еврокомиссии установить более тесные торговые связи между ЕС и ЕАЭС. Но претворение в жизнь данного предложения при этом увязывалось с обеспечением Россией реализации Минских соглашений. Разумеется у российского руководства подобная «увязка» вызывает только недоумение. Отсутствие в настоящее время необходимых условий для установления между ЕАЭС и ЕС прочных связей на институциональном уровне констатировал недавно известный итальянский ученый М. Риччери².

И в этой позиции Запада — абсолютно ничего нового. Для него — Евразийский экономический союз — это очередная, причем, с точки зрения его политического руководства, на сей раз куда более опасная,

¹ Лукин А.В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. 2014. № 6. С. 104.

² Ricceri M. Eurasian Economic Union the main elements of Novelty according to a reflection by Westem side. 2016. Современные глобальные вызовы и Беларусь: институты, идеологии и стратегии социально-политического взаимодействия. Белорусская политология многообразии в единстве: материалы VII международной научно-практической конференции (Гродно, 5–6 мая 2016 г.). С. 256.

нежели все предыдущие, попытка *реинкарнации* СССР. Именно это, ни мало, ни много инкриминируется, как мы уже выше отмечали, нынешнему политическому режиму России.

В связи с этим не обойтись, пожалуй, без сентенции о том, что кризисы приходят и уходят, а интеграционные императивы для современных экономик остаются и даже укрепляются. Разве не в интеграционных объединениях создаются наиболее подходящие условия для развития свободного рынка капиталов, рабочей силы, товаров и услуг, для формирования благоприятного инвестиционного и инновационного климата, для большей правовой защищенности экономических акторов, наконец, для обуздания коррупции и ограничения чиновничьего произвола? И каковы же, без создания теми или иными странами зон взаимного финансово-экономического благоприятствования, будут их шансы добиться снижения текущих издержек производства и последующего облегчения реализации произведенной продукции на внешних рынках? Ведь не добившись этого, невозможно будет обеспечить и какие-то конкурентные преимущества в международном разделении труда.

Трезвомыслящие аналитики различных постсоветских стран резонно призывают перестать смотреть на евразийский проект через своего рода «конспирологическую призму» и пугать общественность угрозой «реинкарнации империи». Как отмечает известный белорусский ученый А.Н. Данилов, речь на самом деле должна идти о том, что набирающая силу евразийская интеграция образует «в Большой Европе второй самостоятельный и самодостаточный интеграционный полюс во главе с Россией»¹.

Трудно не согласиться и с российским историком и политологом А.В. Лукиным в том, что страны-участницы ЕАЭС как бы говорят своим гражданам и мировому сообществу: «мы не ретрограды и консерваторы, мы просто по-другому смотрим на мир и должны построить свое объединение, куда войдут те, кто с нами»².

¹ Данилов А.Н. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы (рецензия) // Социология. 2015. № 3. С. 136.

² Лукин А.В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. 2014. № 6. С. 110.

Выводы

Появление Евразийского экономического союза — конкретный убедительный пример плюрализации путей развития современного мира. За первый год своего существования ЕАЭС из «тройки» инициировавших создание этой новой интеграционной организации — Беларуси, Казахстана и России — превратился в «пятерку», за счет вступления в него Армении и Кыргызстана.

Возникновение ЕАЭС было одобрительно воспринято как большинством жителей стран «пятерки», так и многими странами мира. На Западе же большая часть политического класса встретила появление этого союза холодно и даже неприязненно. В постсоветском пространстве некоторая часть «среднестатистических жителей» и заметное число масс-медийных, гуманитарно-публицистических и экспертно-аналитических сообществ настроены по отношению к перспективам интеграции постсоветского пространства в разной степени скептически.

Евразоскептицизм — явление не только нормальное, но и просто неизбежное, поскольку любая интеграция не в состоянии обеспечить интересы *всех и во всем*. Это показала, в частности, история развития Евросоюза. Важным источником евразоскептицизма является, с одной стороны, «еврошовинизм», сформировавшийся во времена успешного развития ЕС, а, с другой — быстро ширящийся в последнее десятилетие евроскептицизм.

Главная причина неприязни Запада к евразийской интеграции — исповедуемая его политическими элитами по отношению к постсоветскому миру «нормативно-императивная» идеология, с ее агрессивно мессианскими обертонами.

Библиография

1. Группа по разработке сценариев «ЕС+Восток 2030». ЕС и Восток в 2030 году. Четыре сценария развития отношений между ЕС, Российской Федерацией и общими соседями. Берлин: Фонд имени Фридриха Эберта, 2014.
2. *Винокуров Е.Ю.* Евразоскептицизм // Россия в глобальной политике. 2014. № 1.
3. *Иноземцев В.Л.* Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. 2014. № 6.
4. *Узнародов И.М.* Евроскептицизм // Современная Европа. 2015. № 1.
5. *Буховец О.Г.* Евразийская интеграция: императивы мирового кризиса и парадоксы аналитики // Евразийский научный форум «Евразийская экономическая интеграция: становления и развитие». СПб., 2013.

6. *Буховец О.Г.* Евразийская интеграция. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014.
7. *Галкин А.А.* Интеграция и национальное сознание Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014.
8. *Федоров В.П.* Европейские премены // Социология. 2015. № 2.
9. *Ricceri M.* Eurasian Economic Union the main elements of Novelty according to a reflection by Westem side. 2016. Современные глобальные вызовы и Беларусь: институты, идеологии и стратегии социально-политического взаимодействия. Белорусская политология многообразие в единстве: материалы VII международной научно-практической конференции (Гродно, 5–6 мая 2016 г.): В 2 ч. Ч.2 Гродн. Гос. ун-т им. Я. Купалы; ред. колл.: В.Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2016.
10. *Данилов А.Н.* Большая Европа. Идеи реальность, перспективы (рецензия) // Социология. 2015. № 3.
11. *Лукин А.В.* Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. 2014. № 6.

ВАЩЕНКО АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

ГЛОБАЛИЗМ — ВЫСШАЯ СТАДИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА И КАНУН «ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»?

За основу рассуждений о современном мировом порядке автором выбрана работа В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанная вождем мирового пролетариата весной 1916 года в Цюрихе в разгар Первой мировой войны.¹ В предисловии к работе 6 июля 1920 года, то есть уже после Октябрьской революции, основатель советского государства напишет: «Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года во всемирном масштабе»². Сравнивая современную ситуацию, с той, которая была проанализирована В.И. Лениным, автор предлагает ряд тезисов.

Тезис первый. Все признаки империализма, указанные В.И. Лениным, а именно: образование монополий; сращивание монополий с банками и образование промышленно-финансовой олигархии; вы-

¹ *Ленин В.И.* (1986) Империализм, как высшая стадия капитализма // Избранные произведения: В 4 т. Т. 2. С. 3–98.

² Там же. С. 7.

воз капитала; борьба за рынки сбыта и следующий за этим экономический и территориальный передел мира, не только присутствуют в современной международной системе, но, трансформировавшись, перешли на новый глобальный уровень.

Тезис второй. Асимметричность и неравномерность в развитии капиталистических стран и их конгломераций в виде интеграционных объединений сохраняется. Это привело к образованию двух тенденций, которые соперничают между собой в международной системе. Первая, «глобалистская», пост национальная, представленная в экономическом плане ТНК и ТНБ и их политической надстройкой в лице финансово-промышленной олигархии, прежде всего, США и стран Запада. Вторая, «суверенная» или «национальная», представленная ТНК и ТНБ крупных, многонациональных, многоконфессиональных стран, таких как, Китай, Индия и Россия. Политическая надстройка этих государств, понимая, что их экономические акторы еще слабы и в открытой борьбе, скорее всего, будут подчинены более мощным корпорациям, вынуждены проводить политику защиты их интересов. Отсюда стремление к суверенитету, самостоятельности, хотя, впрочем, все же, ограниченному и не полному. Это выражается в наличии контрольного пакета акций крупных ТНК и ТНБ в руках государства. Однако, при возможности, эти страны не упустят возможности поучаствовать в борьбе за рынки, в экономическом и территориальном переделе, если их соседи более слабые государства. Часто эти действия, совпадают с национальными интересами данных государств, и поддерживаются большей частью населения.

Тезис третий. Глобальный сектор не является монолитным. В нем идут процессы, суть которых, подтверждает неравномерность развития отдельных регионов и стран. Монополизация приводит к формированию глобального лидера-гегемона в лице США, который управляет другими. Слияние транснациональных банков и корпораций вывоз капитала приводит к появлению государств-рантье и целых государств должников, например, таких как Греция или Украина.

Тезис четвертый. Главный вектор мировой политики стран глобального блока это перемалывание суверенитета, что понимается ими как устранение любых препятствий на пути свободного движения товаров, капиталов, услуг, рабочей силы и информации, военных контингентов и т.д. Устранение социальных, экономических и

политических преград, мешающих максимизации прибыли глобальных ТНК, ТНБ и аффилированных с ними глобальных элит. В этом суть Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). «В XXI веке евро-американское Трансатлантическое партнерство должно выступить трамплином для новых норм и правил всего мирового управления во всех сферах. Согласно плану-прогнозу Жака Атали, самое позднее в 2050 году должна быть развернута окончательная деконструкция государств, «капитализм придет к своему пределу: уничтожит всё, что ему не принадлежит. Он превратит мир в огромный рынок, судьба которого не будет связана с судьбой наций и который будет свободен от требований и ограничений сердца»¹. Замечу, что с другой стороны глобального лидера Транстихоокеанское партнерство (ТТП) выполняет аналогичную функцию.

Тезис пятый. При таком расширении, неизбежно столкновение интересов и борьба за отдельные регионы и страны. В настоящее время идет битва за Ближний Восток. В эпицентре Сирия. Достаточно остро происходит борьба на постсоветском пространстве. В этом контексте интересно как редуцировались «цивилизованные методы борьбы» монополий с «иными участниками рынка». Ленин, ссылаясь на немецкого экономиста Кестнера, указывает на такие приемы как: «лишение сырых материалов», «лишение сбыта», «планомерное сбивание цен», «лишение кредита», «объявление бойкота»². Вот полный список санкционных методов, которые в XX веке применялись к отдельным фирмам, не входящих в картели, а в XXI применяется к целым странам и регионам.

Тезис шестой. В названии статьи автор поставил вопросительный знак. Это важная деталь. Она символизирует сомнение, что глобализм может быть последней стадией капитализма и империализма. Капитализм на всем протяжении своего исторического существования демонстрирует удивительную гибкость и приспособляемость. И второе сомнение, что это канун революции, явно не «пролетарской», тогда какой? Исламской?

¹ Коврига А.В. (2015) Глобальный кризис и переустройство государственного дела: вспомним камерализм? // Развитие и экономика. С. 149.

² Ленин В.И. (1986) Империализм, как высшая стадия капитализма // Избранные произведения: В 4 т. Т. 2. С. 19

Тезис седьмой. Почему ислам становится идеологией антиглобалистской революции? Почему ислам суннитского толка? Предположу, что на ислам работает несколько факторов. Первый — это демография. Из мусульманских стран происходит большое количество молодых людей, которые в силу разных причин не могут быть инкорпорированы в глобальные структуры. Второй, что сдерживающий фактор в лице светских государств был разрушен глобальными игроками в их погоне за прибылями, в порыве перемалывания суверенитетов. Пример тому Ирак, Ливия, Сирия. Третье — положения ислама не отрицающие активную борьбу за справедливое общество на Земле. Четвертый, глобальное распространение ислама. Пятый, кризис классической левой идеологии в виде социализма и коммунизма, что привело к тому, что ислам занял этот идеологический сектор.

Тезис восьмой. Хаотизация международной системы — это показатель революционной ситуации, когда «низы не хотят жить как прежде, а верхи не могут управлять и хозяйничать как прежде».¹ Не смотря на то, что «верхи» бросают огромные ресурсы на глобальное управление (им принадлежит монополия на высокотехнологичные виды вооружений, спецслужбы), они контролируют СМИ. Пытаются создать через систему «глобального образования» особый тип управляемого общества потребления. Хаотизация нарастает. Она нарастает еще и потому, что «верхи» пытаются использовать старый римский принцип «разделяй и властвуй», пытаясь играть на религиозных, этнических, гендерных, расовых, социальных и прочих противоречиях «низов».

Тезис девятый. В антиглобалистский протест втягивается огромное количество людей совершенно различных. Их объединяет то, что они не могут быть инкорпорированы в глобальную систему на приемлемых условиях. То есть их жизнь становится хуже. Рынок, «лишенный сердца», делает товаром всё, включая детей, человеческие органы, совесть, саму жизнь. Более того глобальная система стала угрозой для существования человека и как биологического вида и как духовного существа. «Верхи», разрушая преграды для рынка, для получения сверхприбыли оказывают колоссальное давление на

¹ Ленин В.И. (1973) Маевка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. С. 303.

«низы». Низы отвечают ассиметрично, но эффективно. Они отвечают демографией, миграцией и терроризмом. И чем сильнее давление, тем сильнее ответ. Чем сильнее ответ, тем сильнее давление. И в данной системе это противоречие неустранимо. Как следствие увеличение хаоса и конфликтности. И в этом контексте формирование глобальной рыночной капиталистической системы есть канун, наверно, революции?

Библиография

1. *Коврига А.В.* Глобальный кризис и переустройство государственного дела: вспомним камерализм? // Развитие и экономика. 2015.
2. *Ленин В.И.* (1986) Империализм, как высшая стадия капитализма// Избранные произведения: В 4 т. Т. 2.
3. *Ленин В.И.* (1973) Маевка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23.

ГАЛИНСКИЙ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НАЧАЛА XXI в.

Приднестровский вопрос, в том виде, как он образовался в 90-х гг. прошлого века, представляет собой проблему де-факто существующего уже 26 лет и территориально оторванного от Российской Федерации Приднестровья, независимого русского государства на берегах Днестра.

Проблему эту в интересах России и Приднестровья можно было безболезненно решить в период распада Советского Союза, поскольку Приднестровье самоопределилось как независимое государство в составе СССР 2 сентября 1990 г., тем самым подтвердив, что его русскоязычный народ видит свое будущее в составе СССР — России, а сепаратистом является Молдова, которая заявила о выходе из состава Союза. Однако у тогдашнего президента Советского Союза М. Горбачева, растерявшегося от парада суверенитетов, не хватило ни государственной мудрости, ни политического мужества для принятия данного шага. В свою очередь, унаследовав эту проблему от Советско-

го Союза, козыревская внешняя политика, которая была ориентирована на Запад, с самого начала отказала Приднестровью в праве на существование независимого государства и официально признала его частью унитарной Молдовы. В недрах внешнеполитического ведомства России возобладала точка зрения, согласно которой вся Молдова должна быть возвращена в сферу влияния России и ориентирована на участие в проекте евразийской интеграции. С тех пор в своей внешней политике Российская Федерация исходит из этой максимы, принимая всевозможные тактические шаги для ее реализации.

Вместе с тем, Россия, учитывая то, что Приднестровье — это часть Русского мира, здесь проживает около двухсот тысяч граждан Российской Федерации, оказывает ему всестороннюю помощь и поддержку. Россия проводит здесь уникальную миротворческую операцию. На территории Приднестровья также находится Оперативная группа российских войск, охраняющая военные склады в селе Колбасна.

Учитывая, что в 2001 г. президентом Молдовы стал председатель Партии коммунистов В. Воронин, который позиционировал себя в качестве пророссийского политика, на Приднестровье было оказано серьезное давление с тем, чтобы заставить власти ПМР согласиться на план федерализации Молдовы, в котором Приднестровье получало статус субъекта федерации с правом блокирования принимаемых Молдовой законов, если они не учитывали интересы Приднестровья. Подготовленный в 2003 г. план, получивший название «Меморандум Козака», был согласован с президентами Молдовы и Приднестровья: В. Ворониным и И. Смирновым.

Одновременно с планом, законодательными органами двух республик была создана Совместная конституционная комиссия, которая приступила к работе над Конституцией совместного государства. Комиссия подготовила проекты преамбулы и первой главы, велась работа над второй главой. Однако, в связи с тем, что «Меморандум Козака» был отвергнут молдавской стороной, работа Совместной конституционной комиссии была приостановлена. Случилось то, что должно было случиться. Под серьезным давлением посла США и послов других западных государств в Молдове, президент Молдовы В. Воронин отказался от подписания «Меморандума Козака», хотя каждая страница документа была им ранее завизирована, как и президентом Приднестровья И. Смирновым. Как оказалось, вся пророс-

сийскость В. Воронина была имитацией ради достижения текущих политических целей. В последующем В. Воронин переориентировался на Запад, именно его коммунистическая партия инициировала евроинтеграционные надежды Молдовы, сделала выбор в пользу европейского пути.

Данный поступок В. Воронина, свидетельствующий о его недоговороспособности, который Д. Козак назвал находящимся за пределами добра и зла, привел к кризису в молдо-российских отношениях и к увеличению поддержки Приднестровья со стороны России. Молдо-приднестровский переговорный процесс фактически приостановился.

В 2005 г. парламент Молдовы в одностороннем порядке принял закон «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)», демонстративно игнорируя мнение народа Приднестровья и «предоставляя» ему куцую автономию в составе унитарного государства. В свою очередь, Приднестровье, исходя из требований своего населения, провело в 2006 г. всенародный референдум, на котором 97,1% принявших в нем участия граждан ПМР высказались за независимый статус государства с последующим вхождением в состав России.

Несмотря на видимый выбор приднестровского народа, внешнеполитическая стратегия России в отношении Приднестровья не изменилась. Россия активно работает в приднестровском урегулировании в формате «5+2». Полномочный представитель президента России по молдо-приднестровскому урегулированию Д. Рогозин периодически совершает визиты в Молдову и Приднестровье, пытаясь наладить между сторонами конфликта конструктивное взаимодействие. Учитывая сложившиеся блокадные реалии вокруг Приднестровья, Россия запустила широкомасштабный социальный проект по строительству и ремонту учебных заведений, больниц, поликлиник, детских садов на территории республики.

Одновременно продолжилась работа по поиску в политических кругах Молдовы сил, симпатизирующих России. В последние два года ставка сделана на партию социалистов Республики Молдова и ее лидера И. Додона, который сегодня по социологическим замерам, по крайней мере, в два раза опережает своих соперников в качестве кандидата на пост президента. Однако не надо забывать, что если даже И. Додон будет избран президентом, Молдова–парламентская

республика и все важнейшие решения принимает парламент, где пока господствует право-европейская коалиция. Кроме того, мы опасаемся, как бы пропагандистские декларации И. Додона в пользу дружбы с Россией и участия Молдовы в евразийской интеграции не закончились с избранием его президентом. В последнее время им был выдвинут лозунг «Рядом с Россией». Быть рядом с Россией, это не быть вместе с Россией.

Стратегическая линия российской внешней политики на приднестровском направлении может кардинально измениться только в том случае, если Молдова реинтегрируется в Румынию и будет образовано единое государство, а сегодня эту идею, по данным опросов, поддерживают более 30% граждан Молдовы. В этом случае Россия, скорее всего, признает Приднестровье в качестве самостоятельного независимого государства.

ГРИБАНОВА ГАЛИНА ИСААКОВНА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Изначально понятие «интеграция» связывалось, главным образом, с экономической сферой, поэтому именно экономические интересы, выгоды от объединения сил долгое время находились в центре внимания исследователей. Однако в настоящее время все большее значение начинает придаваться ее политической составляющей. И это не случайно, поскольку с самого начала процесса интеграции могут преследоваться и другие, не менее, а, возможно, и более важные цели, отвечающие национальным интересам. Так, стимулом может служить решение проблем безопасности, обеспечения мира и помощь в становлении и развитии различных политических и социальных институтов. В то же время здесь необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на два момента. С одной стороны, даже тогда, когда эти задачи являются главными для региональной интеграции, необходимо учитывать экономическую эффективность их реализации. С другой — никакой экономической анализ интеграционных процессов не может

считаться законченным без оценки его потенциальных политических выгод, способствующих росту общего благосостояния.

Остановимся несколько подробнее на национальных интересах, выходящих за рамки экономической сферы, которые могут быть обеспечены в процессе региональной интеграции. Прежде всего, речь идет о **безопасности страны**, которая оказывается важнее простых материальных соображений, обычно определяющих экономическую политику. При определенных условиях именно интеграция может помочь смягчить напряженность между соседями. Сама идея о том, что торговля между странами может быть мощной силой, создающей и поддерживающей мирные отношения, родилась еще в XVIII веке. Соответственно, поскольку региональная интеграция почти всегда ведет к расширению торговых связей, то задействованные в них стороны заинтересованы в мирном разрешении любых конфликтных ситуаций. Однако, как показывает исторический опыт, это справедливо лишь в тех случаях, когда в интеграционном процессе участвуют относительно равные по своему потенциалу страны, правительства которых искренне желают мира, и когда выгоды от сотрудничества распределяются относительно равномерно.

Создание интеграционного экономического объединения может замысливаться с целью **облегчения решения ряда социально-политических проблем**. Так, стремление к интеграции может быть вызвано надеждой на то, что с ее помощью удастся не допустить или сократить распространение волны насилия или гражданской войны на свою территорию со стороны соседей. Еще чаще таким образом пытаются контролировать миграционные потоки. Следует отметить, что подобного рода соображения характерны для многих богатых стран, идущих на разного рода соглашения с более бедными государствами для того, чтобы воспрепятствовать массовой миграции, даже если она не несет непосредственной угрозы политической и социальной стабильности.

Однако возникает естественный вопрос, насколько проблема миграции может быть решена таким способом. Зависит это от того, являются ли торговля и миграция дополнениями или заменой друг другу. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что они заменяют друг друга, иначе говоря, растущая торговая интеграция должна вести к уменьшению различий между уровнями

доходов и заработной платы и тем самым снижать миграционный поток. Однако проведенные в последние годы исследования, опирающиеся на реальную практику, показали, что торговля и миграция между «богатым» Севером и «бедным» Югом взаимно дополняют друг друга, то есть интеграция может не привести к снижению миграции, особенно, когда речь идет о низкоквалифицированной рабочей силе.

В основе интеграции может лежать стремление *укрепить демократию* и соответствующие политические институты в стране. Действительно, экономические интеграционные объединения, внутри которых имеются четкие «клубные правила» могут способствовать проведению демократических реформ в странах-членах организации. Особенно характерно это в случае, если интеграционный блок включает крупные развитые демократии. Соответственно, страны, находящиеся в ситуации становления демократического политического режима, получают дополнительный шанс укрепить демократические институты, особенно если вступление в организацию обусловлено требованием проведения соответствующих политических, социальных и экономических реформ, что предупреждает возможность «отхода назад». «Клубные правила» нередко включают в себя элементы демократии и прав человека.

В случае если в какой-то из стран происходят нарушения демократии, могут быть предусмотрены процедуры консультаций между странами-членами организации и «провинившейся» стороной. Если эти консультации оказываются неэффективными, другие страны примут решение о санкциях вплоть до прекращения членства. Решение принимается, как правило, методом консенсуса и действует до момента восстановления демократии. Это особенно важно в тех случаях, когда речь идет о странах и регионах с богатой историей государственных переворотов. Однако эффективность санкций в поддержку демократии и прав человека зависит, на наш взгляд, от двух основных моментов: от ценности принадлежности к интеграционному объединению для каждого из его членов и от убедительности угрозы санкций. Новые члены организации, получившие значительную выгоду от доступа к новым рынкам и повышения собственной конкурентоспособности на мировой арене, вряд ли будут готовы рискнуть потерять ее. Конечно, для антидемократических сил это мо-

жет не быть достаточно весомым аргументом, однако основные экономические акторы в ожидании своих потерь будут менее склонны поддерживать мятежников.

Мотивом для региональной интеграции может быть и стремление **укрепить национальное государство**. На первый взгляд, это выглядит парадоксом, поскольку интеграция по необходимости требует передачу части контрольных функций в сфере принятия решений и, соответственно, определенную потерю политической автономии, как минимум по вопросу, о тарифах на продукцию партнеров. Ряд интеграционных объединений, однако, идет гораздо дальше этого и создает институты для принятия общих решений.

В то же время региональная интеграция совершенно не обязательно должна привести к подавлению нации как организационной целостности или к потере эффективного суверенитета. Наоборот объединяя суверенитеты, члены интеграционного объединения могут расширить и тем самым укрепить концепцию национальной идентичности и целостности. Национальные государства могут усилить свое положение путем создания объединенного союза для противостояния внешним силам или объединением усилий в переговорном процессе на международной арене.

Региональное сотрудничество может способствовать усилению на мировой арене позиций малых государств, по отдельности страдающих от низкого уровня конкурентоспособности. Двусторонние и многосторонние переговоры часто требуют значительных финансовых ресурсов, времени и экспертных знаний, наличие которых у этих стран ограничено. По мере того, как мир становится все более интегрированным и число вопросов, обсуждаемых на мировой арене увеличивается, возрастает и стимул для малых государств к сотрудничеству с соседями. Таким образом, им удастся значительно снизить свои издержки в рамках переговорного процесса, увеличить свой рыночный и переговорный потенциал, объединяя свои ресурсы и совместно артикулируя свои общие интересы. Это наиболее вероятно в тех случаях, когда:

Их интересы аналогичны — снижаются внутриблоковые переговорные издержки;

Издержки на проведение международных переговоров высоки — большой стимул к сотрудничеству;

Предметом переговоров является большое число вопросов — это является дополнительным стимулом и одновременно облегчает формирование «пакета», в рамках которого выигрывает каждая из участвующих сторон.

Таким образом, в современном мире в основе региональной интеграции, как правило, лежит целый комплекс взаимосвязанных причин не только экономического, но и социально-политического характера. При этом нарастает тенденция рассматривать интеграцию именно как политический процесс, ведущий к возникновению нового центра политического влияния. Таким образом, при всей значимости экономической составляющей процесса интеграции необходимо постоянно учитывать ее политические факторы, включая внутриполитические трансформации в каждой из стран-участниц, способные привести к изменению позиции политической элиты в отношении скорости, форм и методов, а иногда и самого вектора интеграции.

ЕВСТИФЕЕВ РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ XXI ВЕКА И РОЛЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В НОВОМ МИРОПОРЯДКЕ

В докладе рассматриваются процессы современного мирового политического развития, характеризующиеся сменой вектора глобализации, а также роль России в формирующемся миропорядке.

Глобализация, долгое время проявлявшаяся в основном в экономической сфере, в начале XXI века получила яркое политическое измерение, выразившееся в своеобразном возвращении конкуренции моделей политической организации обществ. Это привело к тому, что большое количество стран мира вынуждены были проводить изменения, направленные на повышение эффективности своих политических систем. В результате, можно говорить о новом явлении, в полной мере проявившемся уже в XXI веке — о политической глобализации. На смену альтернативам экономического развития (классическая глобализация) приходят ценностные альтернативы и различные модели распределения ценностей. При этом, складывающиеся

коалиции и альянсы государств, а также производимое основными акторами воздействие на окружающее политическое пространство, порождают невиданное ранее политическое пространство с взаимовлияющими факторами.

Относительно быстрая по историческим меркам трансформация системы автономных национальных государств в глобальную взаимозависимую систему привела к возникновению феномена политической глобализации, под которой сегодня можно понимать протяженность политических отношений в пространстве и во времени и распространение политической власти за пределы национального государства вплоть до планетарного масштаба. Политическая глобализация образует многоуровневую систему политических акторов, в которой политическая власть и политические действия распространяются независимо от географического расположения. При этом, пространство политической глобализации иерархизируется под воздействием наиболее сильных и могущественных участников.

Современные характеристики политической глобализации проявляются не только в традиционных «классических» геополитических интересах государств, но и во множестве разнообразных экономических, социальных, экологических и социокультурных проблем, в поисках эффективного решения которых многочисленные политические акторы выходят на межгосударственный, межнациональный и наднациональный уровни.

Многообразие взглядов и предположений, выраженных в научной литературе о политической глобализации, можно свести к пяти тенденциям, проявившимся в начале XXI века.

Во-первых, происходит ускорение ценностных трансформаций в политиях под воздействием столкновений и конкуренции ценностных систем и моделей распределения ценностей и способов их имплементации, включая различные модели распределения государственного и поощряемого государством насилия.

Во-вторых, происходит своеобразное «возвращение» истории, как противостояния различных политических моделей. «Старые» либеральные демократии сталкиваются с настоящей конкуренцией со стороны авторитарных, полуавторитарных и «гибридных» режимов, демонстрирующих свою эффективность, как в экономической, так и в социально-политической сферах.

В-третьих, происходит «возвращение» государства. Тенденции исчезновения, вымывания государства сменяются тенденциями усиления управленческих способностей государства (state capacity), позволяющих формулировать всеобщие правила и внедрять их в политику, управление, экономику и общество с минимальными отклонениями от политических намерений.

В-четвертых, отмечается превращение глобализации в глобализацию с «незападным лицом», в которой стандарты и тренды задаются уже западным миром («non-Western' face»), и, прежде всего азиатскими державами.

В-пятых, происходит превращение полярного мира в «беспольный беспорядок» («unpolar disorder»), где полюсом силы неожиданно может стать любое государственное и даже негосударственное образование (например, силы международного терроризма).

В результате воздействия всех указанных тенденций, казавшиеся универсальными либеральные и демократические ценности, подвергаются мощному давлению как внутри национальных государств, так и в межгосударственных отношениях. При этом, идут активные процессы конкуренции и конвергенции идей и ценностей и на наших глазах рождаются новые модели политической дистрибуции и отставания измененных ценностей.

Российское государство, несмотря на определенную неустойчивость и сохраняющийся периферийный характер своей экономики, тем не менее, не находится в стороне от этой конкуренции, а, напротив, пытается выработать собственные ответы в рамках политической глобализации. Однако, формируемые российским государством ответы пока нельзя признать современными, они, скорее основываются на использовании консервативного потенциала, чем на предложениях новых идей и ценностей. При этом, Россия пока не справилась с проблемами, доставшимися ей в наследство от XX века. «Долгий XX-й век», начавшийся в конце XIX века и принесший с собой невиданные трансформации для России, видимо, еще не закончился, хотя и привел к созданию нового варианта российской государственности на рубеже XX и XXI веков.

По всей видимости в ближайшее перспективе России так или иначе предстоят трансформации, позволяющие, с одной стороны, завершить «долгий XX-й век», а, с другой стороны, — войти в век XXI-й.

Именно поэтому, на наш взгляд, пути трансформации России лежат, прежде всего, в политической сфере и включают в себя: развитие эффективных инструментов позитивной селекции политических идей и носителей этих идей в рамках публичной политической конкуренции; трансформацию пространственного распределения политической власти (российский федерализм и местное самоуправление); создание механизмов выявления и учета мнения граждан; организацию эффективного взаимодействия граждан и политической и государственной власти.

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

Артикуляция внешнеполитических интересов современной России: контент-анализ посланий Президента Федеральному собранию РФ 2012–2015 гг.¹

Внешнеполитические интересы есть условия, с помощью которых, граждане страны обретают культурную и национальную идентичность, которая реализуется как внутри страны, так и на международной арене. Артикуляция государством своих внешнеполитических интересов несет за собой некий образ, который формируется у иных субъектов международных отношений. Каждый образ зависит от многочисленных элементов, ключевым же являются методы артикуляции («жесткая» / «мягкая» / «разумная» силы) внешнеполитических интересов.

В Послании Президента 2012 г. были обозначены следующие внешнеполитические интересы: сохранение геополитической востребованности путем привлекательной экономики, культуры, науки, образования, дипломатии; помощь в адаптации мигрантов; популяризация русского языка за рубежом; привлечение иностранных студентов в российские ВУЗы путем проведения международных олимпиад; упрощение правила пересечения границы и нахождения на территории стран — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16–33-01026.

В Послание Президента 2013 г. весомый акцент был сделан на укреплении Вооруженных сил, развитию современных высокоточных боевых комплексов. Президент говорил о необходимости создания ракетных систем стратегического назначения наземного, морского и воздушного базирования; формирования глобальной системы разведки. В.В. Путин внес предложение изменить систему подготовки в вузах, дать всем желающим студентам пройти военную специальность. Были затронуты и такие внешнеполитические вопросы: создание пунктов ЕГЭ по российским стандартам для школьников СНГ, с целью привлечения абитуриентов в российские ВУЗы; миграционная политика — прием иностранных граждан на работу на основе патента; евразийская интеграция.

Большая часть Послания Президента 2014 г. была уделена воссоединению Крыма и Севастополя с РФ, проблемам на Украине, политике сдерживания. В.В. Путин отметил, «Добиться военного превосходства над Россией ни у кого не получится. Наша армия — современная, боеспособная. Как сейчас говорят, вежливая, но грозная. Для защиты нашей свободы у нас хватит и сил, и воли, и мужества».¹ Несмотря на приумножения военной мощи России, Президент отметил, что необходимо активно продвигать деловые и гуманитарные контакты, научные, образовательные, культурные связи.

Послание Президента 2015 г. большое внимание уделило борьбе российского государства с международным терроризмом. Армия и флот России убедительно показали свою боеготовность, свои возросшие возможности. В.В. Путин отметил, что угроза терроризма нарастает, еще не решена проблема Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии. Президент отметил, что данный феномен невозможно победить только силами одной страны, необходимо коллективное противостояние. В рамках внешнеполитических интересов в Послание так же поднимались вопросы выхода России на внешние рынки, сотрудничество с новыми деловыми партнерами (инвесторы). На сегодняшний день, достигнута интеграция с китайской инициативой «Экономического пояса Шелкового пути», создана зона свободной торговли с Вьетнамом.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию (04.12.2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата доступа: 26.07.2016).

В целом, контент-анализ Посланий Президента Федеральному Собранию 2012–2015 гг. показал, что наиболее популярными категориями при описании образа страны являются: «сильная Россия», «суверенное государство», «многонациональное государство», «зрелая и ответственная держава», «лидирующее государство», «самостоятельное государство». Данные категории используются Президентом в позитивной и нейтральной эмоциональной оценке. Встречаются и такие образы России как «коррупционное государство» и «сверхдержава». Данные категории носят негативную эмоциональную оценку, поясним, что понятие «сверхдержава» воспринимается главой государства, как государство, которое насаждает (без чьего-либо согласия) свои ценности и интересы. Поэтому Россия не стремится стать сверхдержавой в международной системе, она стремится быть суверенным государством, достойной частью глобального мира.

Необходимо отметить, что в Послании Президента 2012–2015 гг. декларируются не только внешнеполитические интересы государства, но и обозначаются методы их артикуляции.

Послания 2012–2013 гг. артикулируют «мягкую» и «разумную» силы — сохранение геополитической востребованности путем привлекательной экономики, культуры, науки, образования, дипломатии; помощь в адаптации мигрантов; популяризация русского языка за рубежом; привлечение иностранных студентов в российские ВУЗы путем проведения международных олимпиад; евразийская интеграция и др. Это связано с более менее стабильной безопасностью РФ на международной арене.

Однако события 2014 г. — по настоящее время — воссоединение Крыма и Севастополя с РФ, проблемы с Украиной, политика сдерживания, борьба с международным терроризмом вынуждает Россию менять методы реализации внешнеполитических интересов с «мягкой» и «разумной» силы, на «жесткую». В Посланиях 2014–2015 гг. значимое место занимают вопросы наращивания военного потенциала страны. В речи Президента встречаются такие образы России, как «Тихоокеанская держава», «централизованное государство», «сильное государство».

Таким образом, результаты контент-анализа показали, что образ России представляет собой суверенное и сильное государство. В зависимости от тех или иных политических процессов меняются ме-

тоды артикуляции внешнеполитических интересов, что стремительно влияет на имидж государства в глазах российских граждан, так и иных субъектов международной системы.

Библиография

1. Послание Президента Федеральному Собранию (04.12.2004 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата доступа: 26.07.2016).

ЖИЛЬЦОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

РОЛЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация: Геополитическая ситуация в Каспийском регионе претерпела кардинальные изменения. Наибольшее влияние на ситуацию в Каспийском регионе¹ оказали вопросы, связанные с определением на многосторонней основе международно-правового статуса Каспийского моря, нарастающая милитаризация, которую осуществляют прикаспийские страны, а также проблемы экологии. Ключевое влияние на современную геополитическую ситуацию в Каспийском регионе и его роль в мировой политике оказывают углеводородные ресурсы.

Ключевые слова: Каспийский регион, Каспийское море, мировая политика, прикаспийские государства, углеводородные ресурсы, международно-правовой статус.

За более чем двадцатилетний период современного развития Каспийского региона геополитическая ситуация претерпела кардинальные изменения. Наиболее значимыми факторами, которые оказывали влияние на ситуацию в Каспийском регионе, были вопросы, связанные с определением на многосторонней основе международно-правового статуса Каспийского моря, нарастающая милитаризация, которую осуществляют прикаспийские страны, а также проблемы экологии. Не менее остро стояли вопросы сохранения биоразнообразия Каспийского моря. Однако ключевое влияние на современную геополитическую ситуацию в Каспийском регионе оказывали и оказывают углеводородные ресурсы. Прежде всего, вопросы, связанные

¹ Подробнее понятие «Каспийский регион» рассматривается в книге: Зонн И.С., Жильцов С.С. Новый Каспий. География, экономика, политика. М., Восток-Запад, 2008. 544 с.

с уровнем их добычи в прикаспийских странах и путями транспортировки на внешние рынки.

Добыча и транспортировка углеводородного сырья на Каспии приняли глобальный характер. Более того, ожидания появления на мировом энергетическом рынке дополнительных, и по разным прогнозам, достаточно значительных объемов нефти и газа, дают основание говорить о том, регион стоит на пороге нового этапа геополитического соперничества, которое может развернуться на каспийских просторах в ближайшие десятилетия. Тем более, что ожидания дополнительных объемов углеводородов тесно связано с дальнейшими планами по реализации трубопроводных проектов¹.

Ключевые проблемы, которые могут повлиять на будущее развитие Каспийского региона, заключаются в следующем. Во-первых, существует необходимость в оценке энергетического потенциала региона. Политизация данного вопроса, начавшаяся в 90-х годах прошлого века, привела к переоценке геополитической роли Каспийского региона в обеспечении энергетической безопасности западных стран. В тоже время данные об углеводородном потенциале Каспия, по-прежнему, различаются весьма сильно, что ведет к обострению геополитической ситуации в регионе. Во-вторых, в исследовании нуждаются оценка состояния трубопроводной инфраструктуры и перспективы ее развития. Данная проблема тесно связана с добычей нефти и газа на каспийских углеводородных месторождениях и является ключевым фактором, который влияет на геополитические стратегии стран региона, ЕС, США и Китая. В-третьих, в переоценке нуждаются геополитические стратегии новых прикаспийских государств, для которых энергетический фактор стал доминирующим в формировании внешней политики. В-четвертых, Каспийский регион характеризуется высокой динамикой происходящих в нем геополитических изменений, что связано с серьезными изменениями в стратегии внерегиональных «игроков» на Каспии. Соответственно, это требует уточнения ранее сделанных оценок и корректировки прогнозов.

Основное внимание приковано к «молодым» прикаспийским государствам: Азербайджану, Казахстану и Туркменистану, которые

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М.: Восток-Запад, 2011. С. 52–63.

объявили свои права на богатства Каспия, в связи с чем обострилась проблема раздела моря¹. Это связано с тем, что основные ресурсы углеводородов Каспия сосредоточены у берегов Азербайджана, Казахстана и Туркменистана². В свою очередь, для России и Ирана Каспийский регион представляет важное, но не решающее значение во внешней политике. Соответственно, экономическое значение Каспия является ключевым фактором для экономик новых прикаспийских государств. Наконец, темпы добычи углеводородных ресурсов и реализации трубопроводных проектов с участием Азербайджана, Казахстана и Туркменистана во многом будут определять динамику и характер геополитических изменений в Каспийском регионе. Этот подтверждает и то, что проблема экспорта углеводородного сырья в странах Каспийского региона поставлена на первое место в стратегии их развития³.

После распада СССР геополитическое значение Каспийского региона кардинально изменилось. Россия, Иран и новые прикаспийские государства — Азербайджан, Казахстан и Туркменистан — оказались в принципиально иной геополитической ситуации, что потребовало от них выработки новых подходов к формированию и реализации внешней политики, налаживанию многостороннего и двустороннего сотрудничества. По-новому были определены подходы к решению проблем Каспийского региона. Все это потребовало от российской политики нового осмысления проблем в Каспийском регионе и выработки иных подходов на этом стратегически важном региональном направлении.

Современная политика России направлена на то, чтобы активно участвовать в решении региональных проблем, к которым относятся вопросы определения международно-правового статуса Каспия, проблемы экологии и сохранения биоресурсов, нарастающей милитаризации.

¹ Зонн И.С., Глянц М.Х. Каспийский маятник (Взгляд в прошлое, чтобы понять будущее) // Вестник Каспия 2002. № 4. С. 80–102.

² Сырлыбаева Б. Сотрудничество прикаспийских государств в нефтегазовой сфере: проблемы и перспективы // Информационно-аналитический журнал «Analytic» (Казахстан). 2009. № 5. С. 58–69.

³ Жильцов С.С. Каспийский регион: «hot spots» // Информационно-аналитический журнал «Analytic» (Казахстан). 2012. № 3. С. 26–29.

За прошедший период не все задачи российской политики в Каспийском регионе были реализованы, часть из них выполнена не в полной мере. Формирование российской политики проходило в ситуации острого геополитического противоборства. Тем не менее, Россия сумела, несмотря на острое геополитическое противоборство, которое в 1990-х годах развернули западные страны и зарубежные нефтегазовые компании, частично переориентировать потоки углеводородного сырья на российскую территорию. Тем самым российская сторона сумела сохранить, пусть и не в полном объеме, свое влияние в определении направлений экспорта каспийских углеводородных ресурсов, которые являлись одной из главных причин геополитической борьбы в регионе.

Также Россия предложила компромиссный подход к поэтапному решению проблемы международно-правового статуса Каспия, который удерживал прикаспийские страны от односторонних действий: как в области добычи углеводородных ресурсов в «своих» секторах Каспийского моря, так и от прокладки экспортных трубопроводов, идущих по дну Каспийского моря.

Двусторонние и трехсторонние договоренности, достигнутые Россией с Азербайджаном и Казахстаном, позволили создать надежную основу для нормализации отношений с этими прикаспийскими государствами. При этом России удалось сохранить российско-иранские отношения, которые оказывали стабилизирующее влияние на ситуацию в регионе.

Ключевой задачей российской политики в Каспийском регионе оставалось и остается решение проблемы международно-правового статуса Каспийского моря в пятистороннем формате. На достижение этой задачи были направлены четыре саммита глав прикаспийских государств, а также заседания Специальной рабочей группы.

Россия сумела предотвратить военное присутствие на Каспийском море внерегionalных государств, а в более широком плане — вовлеченность третьих стран в решение региональных проблем. Данная позиция последовательно проводилась Россией, которая в отстаивании своих позиций искала компромиссные варианты с прикаспийскими странами.

Российская политика сыграла большую роль в защите экологии Каспия и его биоразнообразия. Подходы России в этой сфере позволили

оказать влияние на ход переговорного процесса в решении проблем, связанных с защитой окружающей среды Каспийского моря. В итоге, Каспий превратился в форпост российской политики на южном направлении. Использование Каспия в военной сфере подчеркнуло его геополитическое значение в отстаивании национальных интересов.

Каспийский регион по-прежнему остается районом мира, где пересекаются интересы внерегиональных государств и прикаспийских стран. Региональные проблемы, не получив своего разрешения, все так же требуют повышенного внимания со стороны России в отношении этого стратегически важного региона¹.

Предварительные оценки темпов добычи в странах Каспийского региона, реализации трубопроводных проектов и степени вовлеченности внерегиональных государств позволяют говорить о том, что Каспийский регион вступил в новый этап своего геополитического развития. Геополитическая ситуация в Каспийском регионе характеризуется высокой степенью неопределенности, поскольку сложно оценить динамику роста добычи углеводородного сырья прикаспийскими странами. Тем не менее, ожидания появления дополнительных объемов нефти и газа предопределяют высокий накал геополитической борьбы за контроль над путями их транспортировки. В это соперничество будут вовлечены как страны региона, так и внерегиональные государства, для которых трубопроводы остаются эффективным инструментом влияния на геополитическую ситуацию.

Этот фактор во многом будет определять геополитическую ситуацию в Каспийском регионе, который в силу многих причин находится на переломном этапе, и окажет ключевое влияние на соперничество внерегиональных государств за доступ и контроль над экспортом углеводородных ресурсов.

Библиография

1. Жильцов С.С. Каспийский регион: «hot spots» // Информационно-аналитический журнал «Analytic» (Казахстан). 2012. № 3. С. 26–29.
2. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М.: Восток-Запад. 2011. С. 52–63.
3. Зонн И.С., Глянц М.Х. Каспийский маятник (Взгляд в прошлое, чтобы понять будущее) // Вестник Каспия. 2002. № 4. С. 80–102.

¹ Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 234–236.

4. Зонн И.С., Жильцов С.С. Новый Каспий. География, экономика, политика. М.: Восток-Запад, 2008. 544 с.
5. Сырлыбаева Б. Сотрудничество прикаспийских государств в нефтегазовой сфере: проблемы и перспективы // Информационно-аналитический журнал «Analytic» (Казахстан). 2009. № 5. С. 58–69.

КАРАДЖЕ ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА США В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Американскими политиками ставится вопрос о том, что нарастание глобального беспорядка и настроений антиамериканизма ставят под угрозу устойчивость позиции США как единственной сверхдержавы. Несмотря на то, что все еще сохраняются в мире лидирующие позиции, превосходство США уже не является столь безоговорочным, а применять традиционные внешнеполитические стратегии, опирающиеся только на военную силу и экономическую мощь для решения своих задач становится сложнее.

В этой связи, стоит задача разработки новых стратегий управления и контроля глобальным пространством, которые позволили бы и сохранить статус великой державы, и одновременно экономить ресурсы. Проблема разработки нового мирового порядка и новых внешнеполитических стратегий, наиболее эффективных в условиях глобального мирового пространства, становится центральной в американской политической науке.

Реструктуризация современного мирового пространства во многом детерминируется характером мирового порядка и внешнеполитическими стратегиями разрабатываемыми странами-лидерами. Поэтому США продолжают активно разрабатывать новые подходы для упрочения своих позиций, чтобы свое лидерство мировым сообществом должно быть принято как узаконенное: «Если Соединенные Штаты желают сохранить у себя дома уклад жизни и свободу, которым они столь привержены, им надо обеспечить легитимность своего

господства за пределами Америки»¹. В этой связи, активно разрабатываются технологии внешнего управления социальными системами.

Современные политические технологии внешнего управления, обладают эффектом преадаптации и способны работать на опережение. Эффект преадаптации заключается в возможности прогнозирования тех адаптивных свойств системы, которые еще не проявились, но в будущем будут иметь для нее важное значение. Более того, особенностью технологий внешнего управления, как и любых манипулятивных технологий, это получение односторонних преимуществ, но так, чтобы у адресата сохранялась иллюзия самостоятельности принимаемых им решений.

Разрабатываются такие модели как модель «реформирования системы», когда посредством различного рода «реформирований», «модернизаций» и «оптимизаций» система теряет импульс для дальнейшего эффективного развития и национальная экономика ввергается в глубокий кризис. Суть данной технологии — постоянное ускорение темпов этого реформирования «без разработки адекватных стратегий развития и формирования субъектов их реализации». Политика «реформирование ради реформирования», создавая впечатление бурной инновационной деятельности, приводит к тому, что система отторгает любые новации и, утрачивая потенциал для дальнейшего развития, подвергается опасности перехода в управление внешних субъектов мировой политики².

Широко используются внешнеполитические стратегии «глобальной турбулентности» и «неопределенности» предполагающие посредством внедрения «вирусов — инноваторов» хаотизацию во всех сферах социальных систем. Цель вирусов — «переформатирование» системы посредством воздействия на ценностную систему, обеспечивающую целостность общества. «С американскими преимуществами в коммуникациях и возможностями глобального перемещения, вирус будет самовоспроизводящимся и будет распространяться хаотическим путем... Это единственный путь для построения долго-

¹ Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. С. 16.

² Карадже Т.В. Теория хаоса и технологии внешнего управления // Власть. 2015. № 7. С. 24.

временного мирового порядка.¹ В этой связи, активно разрабатываются технологии массового экспорта образовательных, религиозных структур, различного рода организаций транснационального гражданского общества, задача которых внедрение иной системы духовных ценностей, выполняющих функцию «переформатирования» общественного сознания.

США активно используют внешнеполитические стратегии так называемого «резонансного воздействия». Суть их в выборе правильной направленности воздействия на систему. «Малые, но правильно организованные резонансные воздействия на сложные системы, имеют большую результативность и малый сигнал на входе может вызвать сколь угодно сильный отклик на выходе»². В бифуркационной зоне незначительные, на первый взгляд, отклонения могут привести к катастрофическим последствиям, что дает простор для формирования различных технологий не только смены власти и режима, но контроля системы в целом. Социальные волнения, криминальные преступления, межэтнические и межконфессиональные конфликты, коррупция элиты — каждый из этих факторов при правильно организованных действиях и правильно выбранном времени могут не только затормозить поступательные процессы, но и изменить вектор развития системы. Значительное внимание в технологиях внешнего управления уделяется механизмам контроля элиты, среди которых «инфекция коррупцией и монополизация власти коррумпированными чиновниками»; «установление контроля над властной элитой посредством мониторинга их зарубежных счетов и финансовых нарушений»; «активное массовое включение представителей властной элиты в международные общественные структуры»; «содействие вывозу капитала коррумпированным чиновникам и предоставление им гражданства». Усиление воздействия на «агентов влияния» — коррумпированных представителей властных и силовых структур, которые под угрозой международного суда или различного рода санкций могут обеспечить смену власти, становится наиболее распространенным и действенным политическим инструментом в современном мире. Цель технологий внешнего управления посредством усиления

¹ Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. <http://chaos.in.ua/story/teoriya-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie-stiven-mann>

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 16.

хаотизации системы, разрушение государственности, а после достижения результата — перевести ее в стационарное состояние с заданными извне параметрами развития и контролируемая внешним управлением.

Представление о расширении арсенала ресурсов внешнеполитических стратегий США, дает возможность формировать России свою внешнюю политику, реализующую национальные интересы, что предполагает понимание цели и сути внешнеполитических стратегий стран-лидеров.

Библиография

1. Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. С. 16.
2. Карадже Т.В. Теория хаоса и технологии внешнего управления // Власть 2015. № 7.
3. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. <http://chaos.in.ua/story/teoriya-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie-stiven-mann>
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 16.

КОМЛЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

СИСТЕМНОЕ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

В последние годы наблюдается отчетливый тренд системного переформатирования (в экономической, социальной, политической и идеологической сфере жизнедеятельности общества в совокупности) всего региона Большого Ближнего Востока (ББВ).¹ С чем это связано?

Первое. ББВ — это львиная доля углеводородов Евразии и Африки. Контроль их добычи и транспортировки — это гарантия исключительного влияния на экономику стран потребления. Основные потребители углеводородов ББВ это Евросоюз, Китай, Япония. Эти центры силы современного мира, именно в качестве таковых, являются

¹ Термин существует с 1980 г. В 2006 г. в американской политической и научной традиции был заменён термином «Новый Ближний Восток», однако в европейской традиции преимущественно употребляется «Большой Ближний Восток», включающий страны Северной Африки, «традиционного» Ближнего Востока, Среднего Востока и Центральной Азии, а также страны Закавказья (Южный Кавказ).

геополитическими соперниками США. Каким образом возможно надежно притормозить развитие державы, которая является геополитическим противником? Прежде всего — взяв под контроль энергию, необходимую для этого развития, в данном случае основной энергоноситель, т.е. углеводороды. Кроме того, переформатирование ББВ, проходящее в жесткой форме провоцирования гражданских войн и «гуманитарных интервенций», вызвало вал беженцев — прежде всего в страны Европы. Необходимость принять сотни тысяч беженцев с Большого Ближнего Востока является значительным испытанием для социальной политики, экономики, а главное — для социального мира в странах Евросоюза.

Второе. К этой цели, т.е. контролю основных центров силы Евразии, добавляется одна, исключительно внутренняя, цель США — сохранение высокого уровня потребления. В связи с этим контроль глобальных ресурсов развития со стороны США, в том числе в регионе ББВ, становится настоящей необходимостью.

Третье. Основные владельцы углеводородов ББВ это турки, арабы, персы. Указанные этносы, политически оформленные различными государствами, являются политическими и экономическими соперниками на протяжении многих веков. К этому добавляется и религиозное различие: персы — шииты, арабы и турки — сунниты. «Разделять и властвовать» на такой основе — с целью прочного контроля ресурсов ББВ — не составляет слишком большого труда. Однако реальным препятствием такого внешнего контроля на протяжении почти полувека являлись властвующие кланы ключевых стран ББВ. Применение силовых актов несистемной оппозиции, совершаемых для подрыва правящих режимов, блокировалось введением чрезвычайного положения в ряде ключевых стран ББВ и его сохранением на многие годы. Война в Ираке (2003 — 2014 гг.) показала сложность, в том числе из-за репутационных потерь, ведения боевых действий в этом регионе. В этих условиях в самом начале 2010-х годов в ББВ было применено геополитическое оружие, получившее применительно к ББВ наименование Арабской весны: серия «цветных революций», которые под предлогом «народного гнева против коррумпированного режима» должны были снести — и в ряде стран действительно снесли — именно те самые кланы, которые надежно держали в руках природные богатства и экономику своих стран, пре-

пятствуя массивной иностранной экспансии. По нашему мнению, события Арабской весны являются, прежде всего, технологией ресурсного передела мира и поощряются, главным образом, глобальными корпорациями. «Контролируемый хаос» цветных революций, к тому же, применительно к региону ББВ, позволяет сдерживать экономический рост стран Магриба и MENA (Middle East North Africa), сохраняя их лишь в роли сырьевых придатков основных глобальных игроков, прежде всего, США

Четвертое. Для закрепления своего контроля над ББВ США как глобальная сверхдержава должны иметь в регионе прочное военное присутствие. Это возможно лишь при условии наличия постоянной и четко выраженной угрозы, желательного общерегионального или даже глобального характера. При реформатировании ББВ такой угрозой объявляется исламский экстремизм: вначале «Аль-Каида» в целом, а теперь — ее ближневосточный филиал «Исламское государство». Под предлогом противостояния исламскому экстремизму и терроризму США и их сателлиты имеют возможность постоянно вмешиваться во внутренние дела стран региона, в том числе и в форме «бесконтактной войны»¹, меняя по мере необходимости режимы, сходные по социальной сути, и добиваясь тем самым уступчивости вновь приходящих элит, их лояльности в отношении осуществления Западом реального контроля над нефтяными и водными богатствами их стран. Второй аспект деятельности ИГ — это существование ИГ в рамках общего тренда западного покровительства экстремистским организациям, используемым в качестве тарана, разрушающего государственность определенных стран. Тренд сложился на протяжении второй половины прошлого — первых десятилетий текущего века и был отработан в так называемых лимитрофных войнах. Третий аспект деятельности ИГ в регионе ББВ — разрушение материальных памятников древних культур Месопотамии с неартикулируемой, но четко отработанной целью последующего изменения самоидентификации народов, проживающих на территории Междуречья. Народы лишаются их же собственной материально ощущаемой истории, а затем «дело техники» внушить им через переписывание истории, т.е.

¹ «Бесконтактная война» исключает применение сухопутных войск и осуществляется преимущественно с использованием авиации.

посредством публикации соответствующих научных монографий, учебников, публицистических статей и выступлений, ту трактовку исторических событий, которая необходима для их превращения из носителей древних основ культуры и цивилизации всего человечества в исторических неудачников и бесплодных потребителей «высокой культуры» западных этносов.

Таким образом, переформатирование региона Большого Ближнего Востока является современной формой неокOLONиализма — политической практики, не раз применявшейся со второй половины XX века до наших дней. Однако сейчас это не неокOLONиализм доминирования и использования, а неокOLONиализм системного цивилизационного разрушения.

МАНСУРОВ ТИМУР ЗУФАРОВИЧ

КОНФЛИКТ В СИРИИ: ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности политики России и противоречия сторон в сирийском конфликте. Анализируется эволюция российской политики с начала гражданской войны в 2011 году и до сегодняшнего дня. Показаны форматы разрешения конфликта и механизмы урегулирования, предлагаемые Россией. Подвергается анализу эффективность деятельности России в сирийском конфликте по ряду направлений, включая процесс политического перехода, поиску компромиссов и стабилизации политической ситуации в стране.

Ключевые слова: сирийский конфликт, Россия, США, террористические организации, урегулирование конфликта, компромисс, прекращение огня, переходный процесс.

Анализ особенностей российской политики в отношении Сирии является насущной проблемой социально-политических процессов, протекающих в арабской республике. Актуальность данной темы подтверждается необходимостью обеспечения безопасности, стабильности и решения целого комплекса проблем, появившихся в регионе Ближнего Востока после возникновения сирийского конфликта. Россией предлагаются различные механизмы урегулирования конфликта, как мирные, так и силовые, с преобладанием первых, направленных на выстраивание политического диалога сторон в

формате различных международных площадок, конференций, предполагающего прекращение боевых действий и продвижение процесса политического перехода. Появление позитивных тенденций в выстраивании политического диалога между конфликтующими сторонами стало возможным в основном после дипломатического и военного вмешательства России в конфликт. Вместе с тем, прекращение взаимодействия России и США в октябре 2016 года нивелировали достигнутые успехи.

Российская Федерация как один из ведущих участников переговорного процесса изначально заняла прагматичную позицию. Об этом говорит то обстоятельство, что с начала появления массовых антиправительственных выступлений в 2011 году и вплоть до сегодняшнего дня Россия придерживается позиции мирного урегулирования конфликта, исключения каких-либо силовых операций (кроме борьбы с террористическими организациями), а также сохранения единства и территориальной целостности Сирии. Проведение военных кампаний в условиях всеобщей нестабильности, присутствия экстремистских и террористических группировок («Исламское государство», «Джебхат Фатах аш-Шам» и др.) является опасным шагом не только для Сирии, но и других региональных государств и могущим привести еще к большим социально-экономическим и политическим последствиям для развития страны, чем это было в Ираке и Ливии.

Нельзя не отметить, что политика России в Сирии оказалась бы неэффективной без взаимодействия с другими участниками переговоров: ООН, США, европейскими странами, государствами Персидского залива (Саудовской Аравией, Катаром), Лигой арабских государств, Ираном, Турцией и др. Работа в рамках различных международных форматов («Женева-1», «Женева-2», «Группа действий» по Сирии, «Международная группа поддержки Сирии») привела к пониманию безальтернативности пути мирного решения конфликта и определению конкретных шагов по его урегулированию.

Российская дипломатия становилась более инициативной по мере углубления сирийского конфликта. Россия стремилась не допустить повторения «ливийского сценария», в результате которого страна погрузилась бы в хаос. К тому же, Россия потерпела «дипломатическое фиаско» по вопросу выстраивания равноправного партнерства с США в урегулировании ливийского кризиса, рассчитывая на невме-

шательство в вооруженный конфликт и учет своего мнения и интересов. Однако США вскоре изменили свою позицию и оказали военную поддержку оппозиционным ливийским группировкам, приведшим к смене режима. На мой взгляд, это является одной из причин вмешательства России в сирийский конфликт.

На протяжении 2011–2012 гг. Россия блокировала несколько резолюций Совета Безопасности ООН, которые могли привести к наложению санкций и запустить процесс инициирования военного вмешательства в ситуацию в Сирии. Российская сторона оставалась недовольной односторонними, недостаточно обоснованными обвинениями в адрес сирийских властей и нагнетанием излишней напряженности¹. В противовес этому Россия выступала с инициативой создания многостороннего формата переговоров с участием непосредственных сторон конфликта. Во многом благодаря таким стремлениям стало возможным проведение первой международной конференции по Сирии, которая состоялась в Женеве 30 июня 2012 года.

Итогом данной конференции, получившей название «Женева-1», стало подписание ее участниками Женевского коммюнике — документа, в котором изложены принципы урегулирования конфликта. Среди основных можно назвать следующие: создание переходного правительства на основе взаимного согласия, включающего членов правительства, оппозиции и других групп; возможность пересмотра конституции страны; формирование новых органов государственной власти; проведение многопартийных выборов². Женевское коммюнике с момента его принятия и до сегодняшнего дня является базовым документом, на который постоянно ссылаются участники переговоров (как стороны, так и посредники) в сирийском конфликте.

После женевской конференции переговорный процесс начал испытывать затруднения. Причиной такому развитию событий являют-

¹ *Carpenter T.* The Syrian Civil War's Global Implications. URL: <http://www.cato.org/publications/commentary/syrian-civil-wars-global-implications> (дата обращения: 21.11.2016).

² Action Group for Syria Final Communiqué, 30.06.2012. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/150810?p_p_id=101_INSTANCE_9fcjSOwMERcf&_101_INSTANCE_9fcjSOwMERcf_languageId=en_GB (дата обращения: 21.11.2016).

ся серьезные противоречия сторон конфликта и поддерживающих их региональных и мировых держав. Западные страны (США, Великобритания, Франция) вопреки Женевскому коммюнике, а также государства Персидского залива (Саудовская Аравия, Катар) продолжали придерживаться позиции о необходимости отстранения Б. Асада от власти, ссылаясь на то, что он подрывает доверие к переходному политическому процессу и продолжали поддерживать сирийскую оппозицию. В сложившейся ситуации бывший спецпредставитель ООН и ЛАГ по Сирии К. Аннан отметил, что в западных странах часто критикуют позицию России по Сирии, но «при этом очень мало говорят о других странах, которые отправляют туда оружие, деньги и даже уже изучают ситуацию на месте событий»¹. В отношении последних К. Аннан добавил, что они на словах выступают за мирное урегулирование, а на деле их инициативы подрывают смысл резолюций Совета Безопасности ООН².

Несмотря на все усилия России сделать переговорный процесс более многосторонним, предполагающим подключение Ирана и Саудовской Аравии, вторая конференция в Женеве («Женева-2»), прошедшая в январе-феврале 2014 года, оказалась менее результативной. Участники конференции подтвердили ранее заявленные принципы урегулирования конфликта и договорились оказать гуманитарную помощь охваченному боевыми действиями г. Хомсу. Вновь сказались противоречия непосредственных сторон конфликта, политические размежевания в лагере сирийской оппозиции и поддержка ее наиболее непримиримой части аравийскими монархиями³.

Рассмотренные выше «неудачи» процесса политического урегулирования позволяют говорить о сирийском конфликте как сложной и многослойной проблеме. Россия и США как ключевые посредники прилагали значительные дипломатические усилия, направленные на решение конфликта и стабилизацию ситуации в стране. Например,

¹ Воронаев В. Аннан не теряет надежды // Российская газета. Столичный выпуск № 5827. URL: <https://rg.ru/2012/07/09/annan.html> (дата обращения: 23.11.2016).

² Там же.

³ Демченко А.В. Конфликт в Сирии: стагнация миротворчества и экспансия исламистов // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 4 (октябрь-декабрь). URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/927/4_2015.pdf (дата обращения: 23.11.2016).

можно отметить активное взаимодействие двух стран в разрешении проблемы сирийского химического оружия, когда неизвестными группами были применены отравляющие вещества против гражданского населения в пригороде Дамаска в 2013 г. Россия сыграла конструктивную роль, убедив власти Сирии в необходимости ликвидации химического оружия и, по сути, не допустила иностранной интервенции в страну¹.

Еще более активным и тесным взаимодействие России и США стало после появления другой угрозы — распространение радикальных исламистских группировок, провозгласивших в июне 2014 года шариат на значительной части территории Сирии и Ирака. США и их союзники начинают пересматривать свое отношение к конфликту, так как эти группировки представляют большую опасность процессу мирному урегулированию, а также так называемой «умеренной оппозиции», чем нахождение Б. Асада у власти. В рядах политической элиты стран Запада все чаще встречаются мнения о том, что сирийские власти являются реальной силой, сдерживающей террористическую угрозу, и необходимости противодействия ей.

В подобных условиях представляется закономерным осуществление США и возглавляемой ими коалиции военно-воздушных ударов по террористическим группировкам, начатым в 2014 году. В отличие от контртеррористической операции, проводимой Россией с 30 сентября 2015 по 15 марта 2016 г., они оказались недостаточно эффективными, так как не были поддержаны сирийской армией, осуществляющей наземные операции². Можно выделить, как минимум, три причины военного вмешательства России в конфликт. Во-первых, борьба с исламистскими группировками и угроза их проникновения на территорию Российской Федерации и стран СНГ. Во-вторых, опасность насильственного свержения режима и потеря Россией экономических и политических отношений с Сирией, сложившихся еще в советское время. В-третьих, незаинтересованность России в раз-

¹ Bhutani S. Russia and the Syrian Conflict // Site of the Institute for Defence Studies and Analysis. URL: http://www.idsa.in/idsacomment/russia-and-the-syrian-conflict_sbhutani_141215 (дата обращения: 24.11.2016).

² Шагланов А.Н. Кровавый узел сирийского конфликта. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2015. С. 208.

дробленности страны, неконтролируемой ситуации и придании конфликту выраженного конфессионального характера¹.

Участие воздушно-космических сил России в Сирии привели к значимым результатам: нанесен серьезный ущерб инфраструктуре террористических организаций, сирийская армия от оборонительных действий перешла в наступление, освобождены многие города и населенные пункты Сирии. В политическом плане России удалось возобновить многосторонний процесс диалога и «посадить» стороны за стол переговоров. Увидев поддержку официальных властей Сирии в лице России, некоторые оппозиционные группировки смягчили свои позиции. Это касается как «внутренней», так и «внешней» оппозиции. В результате ряда встреч на высшем уровне в Вене, Мюнхене, Цюрихе, Женеве в 2015–2016 гг. стороны приступили к реализации договоренностей по разрешению конфликта. Последние зафиксированы в резолюции 2254 СБ ООН и стали возможными благодаря усилиям Международной группы поддержки Сирии под председательством США и России.

Значительным продвижением в мирном урегулировании являются результаты переговоров, прошедших в Вене 30 октября и 14 ноября 2015 года. В дальнейшем содержание принятых документов по итогам двух раундов переговоров будет лишь конкретизироваться и выработываться практические меры по их реализации. Встречи участников Контактной группы по Сирии оказались достаточно представительными, а сам формат стал новым запуском процесса политического диалога в Сирии. Подписанное совместное коммюнике является своеобразной картой дальнейших действий для сторон конфликта и международных посредников.

По итогам двух встреч участники переговоров договорились осуществлять работу в рамках трех направлений: обеспечение гуманитарной помощи, обеспечение прекращения боевых действий, продвижение процесса политического перехода. Одну из главных задач посредники также увидели в необходимости в ближайшее время начать процесс разграничения умеренной оппозиции от радикальной.

¹ *Mansurov T.Z. Civil War in Syria and Counter-terrorist Operation of the Russian Federation // Theoretical and Applied Science. 2015. Vol. 31. Issue 11. P. 178–179.*

Самым сложным вопросом, обсуждавшимся в ходе двух встреч в Вене, оказалось формирование переходного процесса в стране. Участники МГПС сошлись во мнении, что он станет возможным после запуска межсирийских переговоров, которые ориентировочно должны пройти до 1 января 2016 года. В свою очередь, политический процесс предполагает создание переходных органов власти, принятие новой конституции, а также проведение выборов на инклюзивной основе и под контролем ООН. При этом, как отмечено в Заявлении МГПС от 14 ноября 2015 года, «Все стороны политического процесса должны придерживаться руководящих принципов, сформулированных на встрече 30 октября, включая приверженность единству, независимости, территориальной целостности и нерелигиозному характеру Сирии; обеспечению неприкосновенности государственных институтов; а также защите прав всех сирийцев вне зависимости от их этнической и религиозной принадлежности»¹.

На сегодняшний день сторонам конфликта не удалось значительно продвинуться в формировании переходного процесса. На него влияют сразу несколько факторов. Основной их них — противоречия между основными группами оппозиции, а также между последними и правительством Сирии по вопросу нахождения у власти президента страны Б. Асада и его участия в будущем политическом процессе. В Сирии есть значительная часть населения, которая как поддерживает, так и не поддерживает действующего президента Б. Асада. Вместе с тем, как сказано в итоговых документах, принятых в результате двух раундов переговоров в Вене, а также в Женевском коммюнике 2012 года и ряда резолюций СБ ООН, только сам сирийский народ определит будущее Сирии и политический процесс.

Несмотря на некоторые сложности процесса мирного урегулирования, работа в рамках отмеченных выше направлений продолжалась: соблюдался режим прекращения огня, стороны договорились сформировать переходное правительство, принять новую конституцию и провести парламентские и президентские выборы в течение 18 месяцев, оппозиционные группировки присоединялись к процессу политического диалога. Условно можно выделить три группы

¹ Тексты договоренностей по мирному урегулированию в Сирии. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2474005 (дата обращения: 25.11.2016).

оппозиции, участвовавших в мирном урегулировании: «московско-каирская», «хмеймимская» и «эр-риядская». Наибольшие сложности вызывала последняя группа оппозиции, поддерживаемая государствами Персидского залива, периодически срывающая переговоры и настаивающая на смене режима Б. Асада.

Положительное влияние на политическое урегулирование конфликта оказали межсирийские переговоры, прошедшие в рамках различных политических платформ в Москве, Каире, Эр-Рияде, нацеленные на достижение национального примирения. В феврале 2016 года активизировались переговоры между сторонами конфликта в Женеве, правда, проходящие с переменным успехом¹. Нельзя так же не отметить эффективность действий России в переговорном процессе, которая в рамках Международной группы поддержки Сирии способствовала формированию целевых групп по обеспечению гуманитарной помощи и контролю за режимом прекращения огня. Это стало качественным изменением в подходах, предполагающем тесное взаимодействие дипломатов, военных, экспертов в различных сферах, направленных на стабилизацию ситуации в стране и урегулирование конфликта.

Несмотря на достигнутые успехи, прекращение двустороннего диалога США и России по урегулированию конфликта в Сирии значительно изменило ситуацию в стране. Это ставит под вопрос перспективы двустороннего взаимодействия, переговоры в рамках многосторонних международных форматов, существование Международной группы поддержки Сирии, в которых оба государства играли ведущую роль, а также возобновление диалога непосредственных сторон конфликта. На мой взгляд, проведение гуманитарной операции в Алеппо стало для США той точкой, дальше которой они не смогли пожертвовать своими интересами. Оппозиционные группировки, считающиеся США умеренными, являются инструментом влияния в сирийском конфликте, и, не сумев найти способы разграничения радикальной оппозиции от умеренной, они способствовали созданию еще большему недоверию в отношениях с Россией. Развитие ситуации по такому сценарию является закономерным итогом

¹ Михаил Богданов: есть идея закрепить договоренности по Сирии в Совбезе ООН. URL: <https://ria.ru/interview/20160916/1477107067.html> (дата обращения: 25.11.2016).

урегулирования сирийского конфликта, так как осуществление процесса политического перехода невозможно без отграничения мирной оппозиции от различных террористических организаций.

На мой взгляд, в сирийском конфликте интересы США, направленные, прежде всего, на смену существующего режима, пришли в соприкосновение с заявленной ими целью борьбы с терроризмом. От того, насколько быстро и эффективно сможет быть решено это противоречие, зависят выгоды и издержки всех заинтересованных в конфликте сторон. Выработка компромисса по сирийскому вопросу между США и Россией предполагает уступки, обмены, «размены», в противном случае формирование каких-либо коалиций, международных диалоговых площадок окажется «зыбким», а создание какой-либо политической конструкции будущего Сирии сложно реализуемым процессом.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. На сегодняшний день, несмотря на усилия Международной группы поддержки Сирии по урегулированию конфликта, принесших значимые результаты, ситуация остается непростой. Действия России и США как ведущих игроков в сирийском конфликте «заморозились» и не привели к выработке конкретного плана политического перехода. Россия предпринимает различные меры дипломатического влияния на стороны переговоров, но они встречают препятствия отдельных оппозиционных групп, выдвигающих условия, которые противоречат достигнутым принципам мирного урегулирования. Сохраняется проблема отграничения террористических организаций от умеренной оппозиции. В связи с этим перспективным видится возобновление двустороннего диалога США и России, продолжение работы сторон конфликта и посредников в рамках отмеченных трех направлений, направленных на стабилизацию ситуации в стране.

Библиография

1. *Воропаев В.* Аннан не теряет надежды // Российская газета. Столичный выпуск № 5827. URL: <https://rg.ru/2012/07/09/annan.html> (дата обращения: 23.07.2016).
2. *Демченко А.В.* Конфликт в Сирии: стагнация миротворчества и экспансия исламистов // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 4 (октябрь-декабрь). URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/927/4_2015.pdf (дата обращения: 25.07.2016).
3. *Михаил Богданов:* есть идея закрепить договоренности по Сирии в Совбезе ООН. URL: <https://ria.ru/interview/20160916/1477107067.html> (дата обращения: 25.11.2016).

4. Тексты договоренностей по мирному урегулированию в Сирии. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEM-TQ3OvzcA/content/id/2474005 (Дата обращения: 25.11.2016).
5. *Шагланов А.Н.* Кровавый узел сирийского конфликта. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2015. С. 208.
6. Action Group for Syria Final Communiqué, 30.06.2012. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/150810?p_p_id=101_INSTANCE_9fcjSOwMERcf&_101_INSTANCE_9fcjSOwMERcf_languageId=en_GB (дата обращения: 23.07.2016).
7. *Bhutani S.* Russia and the Syrian Conflict // Site of the Institute for Defence Studies and Analysis. URL: http://www.idsa.in/idsacomment/russia-and-the-syrian-conflict_sbhutani_141215 (дата обращения: 25.07.2016).
8. *Carpenter T.* The Syrian Civil War's Global Implications. URL: <http://www.cato.org/publications/commentary/syrian-civil-wars-global-implications> (дата обращения: 21.07.2016).
9. *Mansurov T.Z.* Civil War in Syria and Counter-terrorist Operation of the Russian Federation // Theoretical and Applied Science. 2015. Volume 31. Issue 11. P. 178–179.

МИРЗАДАЕ ЛИЛИЯ

ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ XXI СТОЛЕТИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Основная тенденция миропорядка XXI столетия, вызывающая особое внимание — это растущая взаимозависимость и противостояние стран и народов, как идентичных, так и не идентичных культурных общностей, разного уровня экономического развития и достигнутых демократических свобод, включая отношение к законам своей страны и принятым международным сообществом. Многомерное ментальное образование из своих, чужих и иных во внешней политике, постоянно находится в состоянии противоречий и конфликтов, которые характеризуются глобальным расширением и трансформацией в процесс, чаще всего, враждебного восприятия чужой идентичности и уже за этим, последующие собственные действия, политические меры и общественную реакцию на них. Притом, что перед современными культурами стоят задачи на интеграцию, консолидацию, коммуникацию, для чего вырабатывают специальные языки и

способы обмена информацией, ориентирующие на мирное взаимодействие всех цивилизаций, а в будущем — на воспроизводство единой социальной целостности.

Почти четверть века назад в своей концепции «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон представил, можно сказать, сценарий современного мира. «Мировое сообщество в будущем ожидают силовые конфликты на линиях, разделяющих цивилизации. Различия, основывающиеся на истории, языке, культуре, религии, на ценностных понятиях прав и обязанностей, свободы и власти, равенства и иерархии, являются куда более важными, чем различия в политических идеологиях и режимах. Именно они вызывали самые длительные и жестокие конфликты на протяжении всей истории человечества», — писал он¹.

С прогнозом С. Хантингтона были согласны многие теоретики — политологи, философы, историки и другие представители гуманитарных наук, поэтому, в противовес концепции «Столкновение цивилизаций» появился ряд концепций «Диалога цивилизаций», «Диалога культур», «Мультикультурный диалог» и т.д., которые являются логическим сосуществованием различных народов и культур. Многие страны активно стремились и продолжают стремиться реализовать политику диалогизации. Россия и, кстати, Азербайджан, регулярно проводят международные мероприятия по данной тематике. Однако, несмотря ни на что, события, происходящие в современном мире, показали верификацию концепции «столкновение цивилизаций», в европейских странах политика мультикультурализма, практически, провалилась.

Во всех цивилизационных, геополитических трендах, США отведена доминирующая роль и, как видим, любыми средствами они стремятся сохранить за собой превосходство. Иные модели для западной цивилизации, которая постепенно утрачивает господствующее положение на мировой арене, представляют собой определенную угрозу. «Людам Запада часто трудно смириться с существованием других сторон света».² «Чужое» — для них опасность, возможность утраты власти, превосходства и, они вступают в борьбу, дискредити-

¹ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // United States Politics & Society. 1993. P. 2.

² *Душенко К.* Большая книга афоризмов. М.: Эксмо, 2008. С. 94.

рующую пропагандируемые ими ценности демократии. Кроме того, устройство хаоса, очень удобное состояние для того, чтобы загонять капиталы в Америку. То, что Россию «упаковывают» это очевидно даже не специалистам. Мы все были свидетелями несправедливого отношения к российским спортсменам, которых с трудом, в неполном составе допустили к участию в XXXI Олимпийских играх, проводимых в Бразилии, Рио-де-Жанейро и, как до сих пор Международный Олимпийский Комитет не допускает паралимпийцев.

В преддверии олимпийским событиям, вспомним антироссийские санкции, проводимые США, Канадой, странами ЕС и другими европейскими странами, не входящими в ЕС, такими, как Норвегия. Отсчет шел с 2012 года. Правда, результат оказался интересным: крупные убытки понесли и сами страны ЕС — 5 миллиардов евро, Норвегия потеряла 1 миллиард евро. Однако США, при этом, продолжали наращивать импорт в Россию¹.

То, что Россию стремятся изолировать и при этом не гнушаются ни какими способами, говорит о ее силе, несмотря на ее надорванную экономику, и о том, что Запад видит в ней серьезную угрозу.

С 1997 года по 2014-й год, Россия состояла участницей клуба, носящего на тот момент название «большая восьмерка». В 2014 году, после крымских и украинских событий, Россия была временно отстранена от работы клуба, который принял формат G7 - «большая семерка», объединяющая страны с ведущими экономиками — Великобританию, Германию, Италию, Канаду, США, Францию и Японию, то есть, исключительно «своих». Ибо, среди «своих» очень легко достичь компромисса по актуальным международным проблемам и определить основные угрозы. И, действительно, на очередной встрече, лидеры названных стран, а также присутствующие главы Европейского союза и Еврокомиссии, также принимающие участие в формате G7 (Япония, 2016 г. 26–27 мая), не испытывали никаких затруднений при достижении общих договоренностей, как в области мировой экономики, так и по другим проблемам — по борьбе с терроризмом, включающей расширение обмена информацией между соответствующими ведомствами; по наращиванию кооперации в области укрепления

¹ Российский торгпред оценила потери Норвегии от санкций. <http://mmgp.ru/showthread.php/showthread.php?t=310403>

контроля за границами; по борьбе с финансированием экстремистов; а также контрабандой культурных ценностей.

Следует отметить, что решения, принятые в ходе встреч «Большой семерки», не являются обязательными и не имеют юридической силы, потому что данная организация не основана на международном договоре и не имеет устава и секретариата. Однако стороны фиксируют свои договоренности и стараются придерживаться выработанной стратегии по обсуждаемым вопросам¹.

Нужен ли России данный формат или нет? Нужно ли России дистанцироваться от сильнейших стран мира и углублять в их восприятии образ врага? Какие союзники нужны России? Это вопросы дипломатии — средства осуществления внешней политики. А, «дипломатия, — как сказали британские писатели и сценаристы Джонатан Линн и Энтони Джей, — это вопрос выживания в будущем столетии»².

Не в первый раз происходит заговор против России. Но, Россия удивительная страна, с удивительным человеческим потенциалом. Ее политтехнологи умеют грамотно использовать свой исторический опыт и не наступать на те же грабли. На данный момент очевиден разворот России на Восток. Однако нельзя не учитывать идентификацию России с большинством новых независимых стран, а также нельзя не учитывать идентификацию России с Азией, а также с Европой, нельзя не учитывать метаморфозы глобального мира и то, что вчерашние «чужие», завтра могут стать «своими».

Библиография

1. Душенко К. Большая книга афоризмов. М.: Эксмо, 2008. 954 с.
2. Линн Д., Джей Э. Сводная энциклопедия афоризмов // Золотой фонд мудрости. М.: Просвещение, 2006. <http://endic.ru/aphorism/Dzhonatan-linn-jentoni-dzhe-648.html>
3. Российский торгпред оценила потери Норвегии от санкций. <http://mmgp.ru/showthread.php/showthread.php?t=310403>
4. Халтурина И. Клуб своих? Есть ли будущее у «большой семерки»? // Region plus. № 13. Б., 2016. С. 16–19.
5. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // United States Politics & Society. 1993. P. 2.

¹ Халтурина И. Клуб своих? Есть ли будущее у «большой семерки»? // Region plus. № 13. Б., 2016. С. 16–19.

² Линн Д., Джей Э. Сводная энциклопедия афоризмов // Золотой фонд мудрости. М.: Просвещение, 2006. <http://endic.ru/aphorism/Dzhonatan-linn-jentoni-dzhe-648.html>

ОРЕХОВА ВАЛЕРИЯ ДМИТРИЕВНА

ВЛИЯНИЕ СТИГМАТИЗАЦИИ РОССИИ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ США И ЕС¹

Аннотация: в статье рассматривается концептуализация международной реакции на внешнеполитические действия России как процесс конструирования в общественном сознании негативного образа государства за счет использования особых «ярлыков/стигм»: делается вывод об их влиянии на мировую политику.

Ключевые слова: стигма, США, Россия, изгой.

Критика внешней политики России, обрушившаяся со стороны США и ЕС после начала украинского кризиса, приобрела на уровне экспертов и официальных должностных лиц форму обвинений в ревизионизме современной системы международных отношений и сложившейся евроатлантической архитектуры безопасности. Средства массовой информации стали эксплуатировать тему обозначенного конфликта, подогревая интерес целевой аудитории некорректными эпитетами и намеренным искажением фактов, создавая тем самым целостный негативный образ. Ставшая вдруг популярной алармистская несдержанность и вольность в проведении аналогий лишь подчеркнула давно возникший евразийский раскол в восприятии и трактовке ряда международно-политических процессов.

Начиная с 2014 г. совершались неоднократные попытки обосновать правомерность включения РФ в перечень «государств-изгоев» в соответствии с концепцией, сформулированной в 1994 г. Э. Лейком — советником Президента США по национальной безопасности. По мнению сторонников подобной стигматизации, Россия отвечает следующим критериям «членства в клубе изгоев»: вмешательство во внутренние дела суверенных акторов мировой политики, многократное нарушение международного права, сотрудничество с другими «париями» (в частности, Москву обвиняли в укреплении связей с Сирией и Ираном). Ряд экспертов обнаружили также общие черты, объединяющие ее с другими «изгоями» и в идеологической сфере. Сотрудники Центра глобальных проблем Нью-Йоркского университета утверждали, что популярность идеи евразийства, уникальности

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01208.

российской цивилизации и русской нации, оказавшейся искусственно разделенной государственными границами, открывает Кремлю возможности для концентрации власти в едином центре, способном аккумулировать ресурсы для укрепления обороноспособности страны и направлять их на расширение внешнеполитического влияния¹. Аналогичные процессы, по мнению эстонского исследователя Хольгера Мёльдера, наблюдаются во всех «государствах-изгоях», и в каждом из них приобретают индивидуальную форму господствующей идеологии: коммунизм (Куба), чучхе (Северная Корея), арабский национализм (Ливия, Сирия), исламизм (Судан), шиитский фундаментализм (Иран), национализм (Мьянма)².

Подобные сравнения и теоретические эксперименты крайне спорны, поэтому, они постепенно уступили место новым стигмам. В 2015 г. появились публикации, в которых Россия названа «спойлером». Профессор Института исследований мира в Осло Павел Баев считает, что Москва заинтересована в акциях, способных помешать реализации стратегии США в регионе и отвлечь мировое сообщество от украинских событий³. Скандал, связанный с журналистскими расследованиями вокруг интернет-троллей, размещавших в соцсетях и блогах заказные карикатуры, сообщения и комментарии, вдохновил американский аналитический центр «Атлантический совет» на публикацию в декабре 2015 г. статьи под названием «Россия — тролль, а не изгой»⁴. По мнению автора, ее действия представляют собой последовательность провокаций (начиная с запрета гражданам США усыновлять российских детей и вплоть до «внезапного» приказа Президента РФ приступить с 15 марта 2016 г. к выводу войск из Сирии) с

¹ Galeotti M., Bowen A.S. Putin's Empire of the Mind: How Russia's President Morphed from Realist to Ideologue and What He'll Do Next // Foreign Policy. April 21, 2014. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/04/21/putins-empire-of-the-mind/>

² Mölder H. The Culture of Fear In International Politics — a Western-Dominated International System and Its Extremist Challenges // ENDC Proceedings. Vol. 14. 2011. P. 241–263.

³ Baev P.K. Russia as Opportunist or Spoiler in the Middle East??? The International Spectator. Vol. 50, No. 2. June, 2015. Pp. 8–21. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/03932729.2015.1019250>

⁴ Kornbluth A. Russia Is a “Troll State,” Not a Rogue State// Atlantic Council. December 2, 2015. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/russia-is-a-troll-state-not-a-rogue-state>

целью переключить на них внимание собственного населения, сосредоточенного на внутренних экономических и социальных проблемах.

Во многих зарубежных СМИ и высказываниях политиков подчеркивается непредсказуемость внешнеполитических акций РФ, порождающая опасения и рост недоверия других стран. Дэвид Кэмерон еще в статусе премьер-министра Великобритании призывал Европу сплотиться перед лицом угрозы, исходящей от России¹. Занявшая его место Тереза Мэй почти сразу после вступления в должность вторила: «Угрозы от таких стран, как Россия и Северная Корея до сих пор реальны»². Примечательно, что сказано об этом было в контексте выступления в поддержку программы «Successor» по модернизации ПЛАРБ.

Необходимость коллективного сдерживания «агрессора» получила обоснование сразу в нескольких программных документах.

В заключительном коммюнике Варшавского саммита НАТО³ отношения с Россией отведено значительное место, перечислены обвинения в провокационных военных действиях по периметру НАТО, нарушении суверенитета и территориальной целостности Украины, готовности для достижения политических целей пойти на применение силы. В этой связи делается вывод о том, что поведение России — источник нестабильности, подрывающий евроатлантическую безопасность и тем самым бросающий вызов Альянсу. И если в Стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности, принятой в июне 2016 г., используются относительно мягкие формулировки: отношения с Россией названы стратегическим вызовом, требующим единого подхода всех членов Союза к Крымскому вопросу и событиям на Украине⁴, то уже в списке приоритетных задач Европейского

¹ The Guardian. David Cameron urges Europe to remain united against Russian threat// The Guardian. July 9, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/09/david-cameron-europe-united-against-russian-aggression>

² PM Commons statement on future of Trident// GOV.UK. July 18, 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-future-of-trident-18-july-2016>

³ Warsaw Summit Communiqué// North Atlantic Treaty Organization. July 9, 2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm

⁴ A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy// European Union. 2016. URL: http://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/about/eugs_review_web_0.pdf

командования вооруженных сил США первым пунктом стоит: «сдерживание российской агрессии», представляющей глобальную по своему значению угрозу¹.

Таким образом, первоначальные эмоциональные обвинения: «изгой»/«тролль»/«непредсказуемый актер» заменили ярлыки: «агрессор»/«угроза». За каждым из них стоит определенная модель выстраивания отношений. «Изгой» изолируется, «тролль» игнорируется, «непредсказуемого актора» избегают, «угрозу» предотвращают, «агрессора» останавливают.

Условная «изоляция», выраженная в свертывании программ сотрудничества с рядом стран и международных организаций: НАТО, ОЭСР, Советом Европы, Всемирным банком, введении антироссийских экономических санкций; отказе от проведения саммитов «ЕС-Россия», а также встреч в формате G-8, постепенно уступает место более осторожному и взвешенному подходу. Политически он проявляется в росте военной напряженности и изменении баланса угроз в Европе (укреплении Североатлантического Альянса, проявляющимся в перевооружении, увеличении военных расходов, принятии решения о скорейшем развертывании под руководством США, Канады, Великобритании и Германии четырех батальонов на его восточном фланге) при одновременном возобновлении диалога на уровне Совета Россия-НАТО.

Экономический фактор служит дополнительным стимулом для преодоления конфронтации, однако, определенная инертность мышления и прозвучавшие на самом высоком уровне резкие высказывания не позволяют в одночасье перечеркнуть два года кризиса. Данный тезис можно проиллюстрировать комментарием Министра иностранных дел Словакии Мирослава Лайчака: «Мы формально поддерживаем санкции и за санкции, но каждый заключает с Россией крупные сделки, посещает ее, встречается с людьми, которые находятся в черном списке»².

¹ USEUCOM Theater Strategy// EUCOM. 2016. URL: <http://www.eucom.mil/media-library/document/35147/useucom-theater-strategy>

² Emmott R. EU to extend Russia sanctions, divided over next steps// Reuters. June 20, 2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-eu-sanctions-idUSKCN0Z61QE>

В теории создание образа врага происходит зеркально и становится средством формирования идентичности сторон конфликта, причем его эскалации в равной степени способствуют как враждебные, так и мирные действия, вызывающие недоверие и страх — тем сложнее разорвать этот замкнутый круг взаимной «демонизации». Тем не менее, положительная динамика есть. Согласно результатам исследования Американского института общественного мнения Гэллапа, 65% американцев негативно относятся к России, 39% считают ее «критической угрозой» для США¹, однако, эти показатели достигли в 2015 г. своих максимальных с 1989 г. значений и пошли на спад. Данные аналитического центра Pew Research Center свидетельствуют о том, что сейчас лишь 34% европейцев воспринимают напряженность в отношениях с Россией как потенциальную угрозу (большие опасения вызывают деятельность ИГИЛ, климатические изменения, нестабильность мировой экономики, кибератаки других стран и проблема беженцев)².

Происходит постепенное снижение напряженности на международной арене, о чем свидетельствует переход от эмоциональной стигматизации к использованию геополитической терминологии: от попыток изоляции — к постепенному налаживанию диалога. Тем не менее, наблюдаемый сейчас кризис оставит след в сознании людей в виде сложившегося образа врага и с большей силой отразится в случае развития нового конфликта, наслоившись уже не только на стереотипы Холодной войны.

Библиография

1. Baev P.K. Russia as Opportunist or Spoiler in the Middle East?// The International Spectator. Vol. 50, No. 2. June, 2015. Pp. 8–21. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/03932729.2015.1019250>
2. Emmott R. EU to extend Russia sanctions, divided over next steps// Reuters. June 20, 2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-eu-sanctions-idUSKCN0Z61QE>

¹ Gallup. Americans See Russia Less Negatively, as Less of a Threat// Gallup. February 18, 2016. URL: <http://www.gallup.com/poll/189284/americans-russia-less-negatively-less-threat.aspx>

² Stokes Br., Wike R., Poushter J. Europeans Face the World Divided// Pew Research Center. June 13, 2016. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/06/13/europeans-see-isis-climate-change-as-most-serious-threats/>

3. Galeotti M., Bowen A.S. Putin's Empire of the Mind: How Russia's President Morphed from Realist to Ideologue and What He'll Do Next// Foreign Policy. April 21, 2014. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/04/21/putins-empire-of-the-mind/>
4. Kornbluth A. Russia Is a «Troll State», Not a Rogue State// Atlantic Council. December 2, 2015. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/russia-is-a-troll-state-not-a-rogue-state>
5. Mölder H. The Culture of Fear In International Politics — a Western-Dominated International System and Its Extremist Challenges// ENDC Proceedings. Vol. 14. 2011. Pp. 241–263.
6. Stokes Br., Wike R., Poushter J. Europeans Face the World Divided// Pew Research Center. June 13, 2016. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/06/13/europeans-see-isis-climate-change-as-most-serious-threats/>
7. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy// European Union. 2016. URL: http://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/about/eugs_review_web_0.pdf
8. The Guardian. David Cameron urges Europe to remain united against Russian threat// The Guardian. July 9, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/09/david-cameron-europe-united-against-russian-aggression>
9. Gallup. Americans See Russia Less Negatively, as Less of a Threat// Gallup. February 18, 2016. URL: <http://www.gallup.com/poll/189284/americans-russia-less-negatively-less-threat.aspx>
10. PM Commons statement on future of Trident// GOV.UK. July 18, 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-future-of-trident-18-july-2016>
11. USEUCOM Theater Strategy// EUCOM. 2016. URL: <http://www.eucom.mil/media-library/document/35147/useucom-theater-strategy>
12. Warsaw Summit Communiqué// North Atlantic Treaty Organization. July 9, 2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm

ПЛЯЙС ЯКОВ АНДРЕЕВИЧ

НОВАЯ МИРОВАЯ ПОЛЯРНОСТЬ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

1. Введение. Основные слагаемые нового миропорядка

Начало XXI столетия ознаменовалось радикальным изменением в системе международных отношений. Этот процесс еще не завершился, и в его основе лежат следующие обстоятельства.

Во-первых, рухнувшая в конце 1980-х — начале 1990-х гг. антагонистическая биполярность двух мировых систем¹, положила начало переходу к новой расстановке сил в мире и новым принципам взаимоотношений между государствами². Такой переход происходит через временную однополярность, достаточно быстро сменившуюся так называемой многополярностью, о которой речь пойдет далее.

Во-вторых, стремление и связанные с ним усилия победившей западной системы, возглавляемой США, закрепить свое единоличное лидерство прежде всего через разного рода экспансию: НАТО, Трансатлантическое партнерство и др. Этой экспансии сопротивляются страны, не желающие страдать от диктата победителя и ограничивать свой суверенитет. Создавая свои международные организации —

¹ XX в. был свидетелем двух типов биполярных систем международных отношений: 1) неантагонистической системы США — Великобритания и 2) антагонистической системы США — СССР. Каждая из них имеет свои особые характерные черты. Между этими системами всегда были периоды перехода из одного состояния в другое, когда доминировала одна единственная держава, что позволяет считать этот период временем однополярного мира. В этот же период всегда вырастала вторая сверхдержава, складывалась ее совокупная мощь. Когда эта мощь становилась достаточной, начиналось крайне опасное для мира время открытой борьбы за первенство. Победу в ней одерживала та страна, совокупная мощь которой оказывалась более конкурентоспособной, что не могло не быть результатом деятельности жизненно важных систем. Немаловажное значение в обеспечении победы в этой борьбе имела эффективная внешняя политика, а также имеющиеся у страны ресурсы (внутренние и внешние). Именно ресурсы помогали СССР быть конкурентоспособным в биполярной борьбе несколько послевоенных десятилетий. Но и они оказались недостаточными для того, чтобы выиграть гонку за первенство. Наиболее важными факторами оказались все же системы жизнедеятельности общества и государства. Поэтому можно говорить о том, что победу в противоборстве США и СССР одержала капиталистическая система.

² Из двух систем международных отношений наибольшую опасность представляла антагонистическая система, то и дело ставившая мир на грань третьей мировой войны и полного уничтожения в термоядерном огне. Фактически, это был мир антагонистического противостояния двух систем международных отношений — западной капиталистической во главе с США и восточной, социалистической, во главе с СССР, а не только противостояния двух противоположных социально-политических систем или двух сверхдержав.

² Принципы взаимоотношений между государствами определяются, на мой взгляд, не столько международным правом, сколько отношениями между доминирующими в мире державами, т.е. права и силы. Когда они меняются, меняются и принципы взаимоотношений.

БРИКС, ШОС, ОДКБ и др., они стремятся защитить свои интересы и независимость.

В-третьих, быстро растущая мощь Китая, пока еще открыто не претендующего на глобальное лидерство, но весьма быстро приближающегося к заветной цели. Неоднократные заявления китайских лидеров о том, что их страна не стремится быть мировым лидером, не должны вводить в заблуждение. Как только у Китая образуется полноценная совокупная мощь, состоящая из таких слагаемых, как экономическое, финансовое, военное, научное, космическое, образовательное, информационное, культурное и др. могущество, начнется эра нового биполярного противоборства. Каким оно будет в реальности, сейчас трудно предсказать во всех аспектах, но кое-что предположить можно.

Судя по всему, это не будет соперничеством такого антагонистического типа, каким было противоборство между США и СССР несколько послевоенных десятилетий. Оно будет, по моим представлениям, несколько мягче, чем советско-американское, но все же антагонистическое, так как в основе лежат идеологические разногласия, поскольку коммунизм (социализм) с китайской спецификой, по сути, остается коммунизмом (социализмом) так же, как капитализм по-американски. И все же противоборство будет не таким жестким, потому что Китай действует своими методами, не так прямолинейно, как СССР, а мягче, часто через сотни «китайских предупреждений». Но это до поры до времени. Кроме того, не надо забывать и о том, что китайский социализм особый, конвергентный, т.е. более устойчивый к разного рода трансформации.

Но многое зависит и от поведения контрагентов. Если они поведут себя вызывающе, напористо, нагло, Китаю придется, вопреки желанию и традиции, отвечать той же монетой.

Биполярное антагонистическое противоборство — наиболее опасный вид соперничества, поскольку оно связано с борьбой за лидерство. Кто-то должен стать победителем, а кто-то побежденным. А поверженным никто не хочет быть, поэтому борьба идет не на жизнь, а на смерть. Если бы это не была борьба гигантов с глобальными интересами и амбициями, она была бы не столь опасна для планеты. Но борьба сверхдержав чревата глобальными катаклизмами и трудно предсказуемыми последствиями.

Кроме перечисленных трех обстоятельств, наиболее, на мой взгляд, важных, есть и другие, также существенные. К их числу относится международный и региональный терроризм, религиозный радикализм и фундаментализм, расширение числа держав, обладающих ракетно-ядерным оружием, массовая миграция и др. Перечисленные факторы, возникшие в последние два-три десятилетия или даже в последние два-три года, определяют сегодняшний глобальный ландшафт, принципиально отличающийся от того, что был в мире до конца 1980-х гг. Ясно, что это сложное переходное состояние международных отношений, чревато самыми неожиданными поворотами и осложнениями, в том числе драматическими. Поэтому всем субъектам международных отношений следует быть архиосторожными и предусмотрительными.

2. Взгляды политиков и ученых на новый мир и новые международные отношения

Внешнеполитической деятельности России руководители нашей страны уделяют постоянное пристальное внимание. Речь идет, прежде всего, о Президенте РФ В.В. Путине. Ссылаясь лишь на некоторые факты и источники последних месяцев можно отметить, что в статье «АТЭС: к открытому равноправному сотрудничеству в интересах развития», опубликованной в «Российской газете» 17 ноября 2015 г., накануне встречи лидеров стран — участниц форума АТЭС, Владимир Путин упоминает различные аспекты сотрудничества России со странами АТР.

Европейское и другие направления внешней политики России нашли освещение в разных интервью В. Путина отечественным и зарубежным журналистам. В связи с этим хочу упомянуть лишь два его интервью, имеющих принципиально большое значение, особенно с точки зрения понимания взглядов нашего президента на мир.

Первое пространное интервью прозвучало в фильме телеведущего Владимира Соловьева «Миропорядок», который был показан на телеканале «Россия-1» 20 декабря 2015 г. Речь в нем идет об отношениях России с Западом, о принципах геополитической борьбы и новом балансе сил в мире.

Главная проблема Европы, по убеждению российского президента, состоит в том, что она «не проводит самостоятельной внеш-

ней политики», передав часть своего суверенитета, по сути, лидеру НАТО — США. «Мы не ждем от наших партнеров в Европе, что они откажутся от своей евроатлантической ориентации», — считает Путин. Интересы европейских стран в том, чтобы объединять усилия и в экономике, и в политике, и в борьбе с террором, и в борьбе за решение экологических проблем, с организованной преступностью... Мы открыты, не собираемся губы надувать из-за этих санкций. Мы ждем всех», — говорил Путин.

Геополитическая борьба должна идти по цивилизованным правилам, убежден российский президент. Нельзя свои собственные схемы и представления о добре и зле, о демократии перекладывать автоматически, просто механически на другие страны и народы, с другой культурой, другой религией, другими традициями. «Чтобы продлить свое лидерство как можно дольше, нельзя никого унижать, а очень многие элементы внешней политики наших друзей из-за океана как раз связаны с продавливанием своей позиции с помощью силы. Вот это, конечно, плохо», — считает Путин.

После краха биполярной системы западные страны продолжали действовать и думать по старинке, по клише «холодной» войны. Но надо учитывать, что расклад сил в мире изменился.¹

Темы этого интервью были вновь подняты в начале января 2016 г. в Сочи во время беседы В. Путина с журналистами немецкого издания Bild. Вместе с тем прозвучали и совершенно новые заявления. В частности, было сказано, что Россия не претендует на роль супердержавы. «Это очень дорого и ни к чему. Мы занимаем пятое-шестое место в мире по объему экономики. Сейчас, может быть, чуть поменьше, имея в виду те экономические сложности, про которые я сказал, но мы точно знаем, что у нас очень хорошие перспективы развития и потенциал», — отметил Путин. Ответы Путина касались и участия России в G8, и сотрудничества в рамках Совета Россия — НАТО, и отношений с Турцией, и борьбы с ИГИЛ² в Сирии, развития демократии в нашей стране³.

¹ Латухина К. Расклад по правилам [Текст] / К. Латухина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6859 (288).

² ИГИЛ — запрещенная в России террористическая организация.

³ Латухина К. О пользе постоянства [Текст] / К. Латухина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 6870 (2); Она же. Всеми средствами» [Текст] / К. Латухина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 6871 (3).

Внешнеполитические позиции России нашли объяснение и в традиционной пресс-конференции по итогам прошедшего года Министра иностранных дел Сергея Лаврова, состоявшейся 26 января 2016 г.¹

Современному состоянию и перспективам международных отношений уделяется все больше внимания и учеными. Этому вопросу посвящено немало статей и в периодической печати, и в солидных научных журналах. Сошлюсь лишь на некоторые статьи как российских, так и западных авторов, опубликованные в последние месяцы 2015 г. Все они, в принципе, сходятся на том, что мир быстро меняется, что требует новых подходов к трактовке и оценке международных отношений, перспективам их развития. Например, Александр Рар, известный аналитик мировой политики, член правления российско-германского форума «Петербургский диалог», пишет: «Мир становится другим. Отношения России с Западом выходят на совершенно новый уровень». «Сирийская проблема — это один из кирпичей для построения нового глобального мирового порядка, который будет уже не однополярным, а многополярным. Никто не знает, как этот многополярный порядок в конце концов будет выглядеть, но в Сирии он уже начинает формироваться. <...> ...построению общего мирового порядка мешают геополитические разногласия, которые имели место в прошлом».² «США, — отмечает далее Рар, — традиционно хотят выстроить новый порядок на Ближнем Востоке таким образом, чтобы главную роль отдать Саудовской Аравии, с которой у Америки развиты близкие отношения. Россия, наоборот, хочет, чтобы в этой «большой игре» в первых рядах участвовал Иран, который исторически с Россией был связан больше, чем с Западом. Как все эти разные геополитические разногласия совместить — вопрос к дипломатам».³

В цитируемой статье Рара справедливо говорится и о другом важном обстоятельстве современной мировой политики — о том, что «американцам и НАТО все труднее вести войны на двух фронтах». «Америка, — пишет он, — как мы знаем, участвует в бомбежках

¹ Забродина Е. Кейс № 2015 [Текст] / Е. Забродина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 6883 (15).

² Рар А. Запад не должен избегать Москвы [Текст] / А. Рар // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6797 (226).

³ Там же.

ИГИЛ в Сирии. Но сейчас образовался новый пожар в Афганистане. И 15 лет миротворчества НАТО в этой стране подвергается большому сомнению. Запад не может принять этот вызов и выйти из Афганистана побежденным, как Советский Союз в 1989 г. Для Запада это будет огромным шоком. Поэтому есть предположение, что НАТО и Америка активизируют миротворческие усилия и военные действия в Афганистане»¹.

И еще одна цитата из статьи А. Рара: «В Сирии Россия стремится стать ведущей силой антитеррористического альянса, то есть сыграть ту роль, которую взяли на себя США в Афганистане. И Москва считает себя вправе делать это, поскольку выступает на стороне легитимного президента Башара Асада. А американцы непонятно с кем сотрудничают. Конечно, другая цель России — не допустить продолжения оранжевых революций или так называемой арабской весны и предотвратить попытки проводить перевороты, которые поддерживаются Западом ради построения демократии, которая нигде не установилась. Защита Асада — это барьер против продолжения революций, о которых многие на Западе мечтают, не понимая, что это им не удалось»².

На высокую динамику развития международной ситуации указывают и многие российские аналитики. Сошлемся на суждения и выводы лишь некоторых из них. Подводя внешнеполитические итоги 2015 г., председатель Комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков обратил особое внимание на то, как изменилась расстановка сил в мире, к чему стремится НАТО и кому выгодно сохранение напряженности на Украине. Отвечая на вопрос: «Как изменилась наша международная позиция и вообще расстановка сил в мире после начала российских авиаударов по позициям экстремистов в Сирии»? Пушков сказал: «Наши действия стали откровением и для США, и для ЕС. На Западе долго убеждали себя в том, что Россия — это лишь большой осколок Советского Союза. Но это не так. Не будем сравнивать себя с СССР, которой был признанной сверхдержавой. Но при этом наша страна, безусловно, входит в число ведущих

¹ *Забродина Е.* Кейс № 2015 [Текст] / Е. Забродина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 6883 (15).

² *Рар А.* Запад не должен избегать Москвы [Текст] / А. Рар // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015ю № 6797 (226).

мировых держав по совокупности факторов силы. А по способности к самостоятельным действиям она входит в тройку ведущих мировых держав. На Генеральной ассамблее ООН эта тройка обозначилась со всей ясностью: США, Россия и Китай. Это три мировых центра принятия самостоятельных решений. <...> Таким образом, операция в Сирии лишь подтвердила эту новую многополярность. Сейчас принято говорить, что в мире возникают все новые «полюса»: не только США и ЕС, но и Китай, Россия, Индия, Бразилия, Иран. <...> Да, это во многом так, но когда мы смотрим на горную цепь, то обращаешь внимание, что 2–3 вершины выше остальных. То же самое и в мировой политике»¹.

«Современная международная ситуация очень динамична, — продолжает Пушков, — ни одна проблема не остается долго в фокусе внимания, поскольку появляются новые темы, новые вызовы, причем очень серьезные»².

На частые изменения международной ситуации указывает и Игорь Иванов, президент Российского совета по международным делам (РСМД), министр иностранных дел России (1998–2004 гг.). В статье «Россия и Европа: к новым правилам» он пишет: «Сегодня можно уверенно констатировать, что историческая эпоха, начавшаяся во времена советской перестройки и продолжавшаяся без малого три десятилетия, завершилась»³.

Рассуждая далее о «некоторых параметрах новой реальности», Иванов отмечает: «Прежде всего, следует признать, что отношения между Россией и Европой придется строить на фоне устойчивого и глубокого взаимного недоверия — недоверия государственных лидеров, политических элит и обществ в целом». По мнению Иванова, «теперь недоверие становится долгосрочным параметром новой реальности». Причины такого недоверия, как считает Иванов, «...связаны с принципиальными расхождениями во взглядах на современный мир, на доминирующие тенденции в мировой политике, на желательные и необходимые параметры будущего мирового порядка».

¹ Рокоссовская А. Мировые игроки делают ставки [Текст] / А. Рокоссовская // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6862 (291).

² Там же.

³ Иванов И.С. Россия и Европа: к новым правилам [Текст] / И.С. Иванов // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6852 (281).

Иванов также считает, что «в новых условиях строить отношения между Россией и Европой на базе общих ценностей было бы малопродуктивным», потому что «ценности — слишком общее и слишком противоречивое понятие, чтобы использовать его в качестве фундамента внешнеполитической стратегии». Наиболее «практичным и продуктивным в данный момент», по мнению Иванова, является «выстраивание сотрудничества вокруг конкретных проблем, где наши интересы объективно совпадают».

Областей совпадающих интересов Иванов видит три: 1 — многочисленные проблемы, связанные с безопасностью: «Сегодня Россия и Запад практически вступили в новую гонку вооружений, причем главным плацдармом этой гонки становится именно Европа. <...> Поэтому первоочередной задачей является предотвращение эскалации военной напряженности, восстановление диалога по вопросам безопасности, расширение контактов между военными, обмен информацией о планах в сфере обороны, сравнение военных доктрин и так далее»; 2 — вопросы развития, не только экономического, но и социального, культурного и гуманитарного; 3 — проблемы глобального управления, охватывающие такие сферы, как: дестабилизация мировой политики, усиление тенденции к хаосу и анархии в международной системе, управление миграционными потоками и решение проблемы беженцев, решение экологических проблем региона, согласование позиций по вопросам изменения климата, диалог по ряду вопросов современного международного права¹.

Для более полного представления о современной картине международных отношений сошлюсь также на статью Константина Косачева, председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, озаглавленную «2015: в стране и в мире». Отмечая, в частности, что «...возможно, в какой-то мере мы оказались не совсем готовы к тому, что в международных отношениях будут столь явно доминировать политические и идеалистические, а не экономические и прагматические мотивы», Косачев далее перечисляет наиболее важные, с его точки зрения, события 2015 г. Речь в том числе идет о завершении переговоров по договору о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), который ЕС и США собираются подписать в ближайшее время.

¹ Там же.

Этот проект дополнен другим параллельным проектом о создании Транстихоокеанского партнерства. Десятилетние переговоры по нему завершились 5 октября 2015 г. В него объединились страны, представляющие треть мирового ВВП. Намечившаяся таким образом кардинальная перестройка глобальной экономики, последствия которой скажутся на большинстве государств мира, упомянутыми выше партнерствами не ограничивается. 1 января 2015 г. начал функционировать Евразийский экономический союз в составе России, Белоруссии и Казахстана (ЕАЭС), на следующий день к нему подключилась Армения, а 9 мая того же года — Киргизия. В мае 2015 г. лидеры России и Китая — В.В. Путин и Си Цзиньпин — подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути.

Говоря о важнейших событиях 2015 г., Косачев упоминает и о том, что в июле этого же года в Вене Иран и шестерка международных посредников достигли всеобъемлющих договоренностей по ядерной программе.¹

Теме современных международных отношений и внешней политики России большое внимание уделяет и Сергей Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. В статье «Праздновать еще рано» он, обобщая итоги 2015 г., отмечает, что «...российская политика во внешнем мире была успешной на большинстве направлений. При всех маневрах она была стратегичной и последовательной. Ей удалось перевести соревнование за международные позиции в те сферы, где Россия сильнее — военно-политическую, борьбу мозгов и воли... Но праздновать еще рано. В конечном итоге почти всегда, но особенно в современном мире возможности и влияние страны определяются экономической мощью, технологическим уровнем, качеством человеческого капитала».²

Среди наиболее важных направлений внешнеполитической деятельности России особое место принадлежит Китаю и Индии. Отношения с КНР давно уже стали одними из самых приоритетных в современной России. Еще в 1996 г. был создан механизм регулярных

¹ Константин К. 2015: в стране и в мире [Текст] / К. Константин // Российская газета. Федеральный выпуск. — 2015. — № 6865 (294).

² Караганов С. Праздновать еще рано [Текст] / С. Караганов // Российская газета. Столичный выпуск. — 2016. — № 6870 (2).

встреч глав правительств Китая и России, которые проводятся раз в год. В декабре 2015 г. состоялась 20-я такая встреча.

Сотрудничество России и Китая охватывает разные сферы: новые и высокие технологии, космонавтику, авиацию, ядерную энергетику, новые источники энергии и др. Речь идет также об углублении сотрудничества в рамках механизмов ШОС и БРИКС¹.

Индия также одна из тех стран Азии, которая имеет приоритетное значение во внешней политике России. Это еще раз было подтверждено во время визита в Москву в декабре 2015 г. премьер-министра этой страны Нарендра Моды. «Отношения между Россией и Индией охватывают все области, — сказал он в своем интервью перед поездкой. — Мы успешно сотрудничаем и на суше, и в воде, и в небе. Также тесно мы сотрудничаем на международной арене: во времена кризиса или когда просто нужно присутствие друга, Россия всегда была рядом»².

И Китай, и Индия, а также ряд других азиатских стран (в частности, Япония, Индонезия, Южная Корея) становятся все более важными партнерами России.³

3. Взгляд автора на трансформацию систем международных отношений в XX в. и на современный миропорядок

8 февраля 2008 г. войдет в историю России как особая дата, так как именно в этот день Президент страны В.В. Путин выступил на расширенном заседании Госсовета с концептуальной речью о стратегии развития России до 2020 г. Поделившись своим видением развития внутренней и внешней политики страны, президент обратил внимание на то, что «... наши долгосрочные ориентиры должны быть понятны всем, должны быть поддержаны гражданами страны». Поэтому крайне важно, «...чтобы планы развития страны прошли через широкое обсуждение в российском обществе с участием всех его институтов»⁴.

¹ Васильев А. Москва и Пекин относятся друг к другу как к равным [Текст] / А. Васильев // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6849 (278).

² Гусман М. Плечо друга [Текст] / М. Гусман // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6861 (290).

³ Выжutowич В. Восток — дело емкое [Текст] / В. Выжutowич // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6842 (271).

⁴ Российская газета. 2008. 9 февр.; Известия. 2008. 11 февр.

Внешнеполитический раздел речи 8 февраля посвящен преимущественно трем актуальнейшим для страны темам: 1 — новой гонке вооружений и ответным действиям России; 2 — мерам противодействия расширению НАТО на Восток и 3 — позиции России в глобальной борьбе за ресурсы. Отмечу, что задачи, возникшие перед Россией в последние годы, необычайно сложны, а их решение требует неординарных подходов и усилий. В связи с этим достаточно упомянуть о такой дилемме, обозначенной в докладе российского президента, как «... не дать втянуть себя в затратную конфронтацию, в том числе в разрушительную для нашей экономики, истощающую нашу экономику новую гонку вооружений, пагубную для внутреннего развития России», с одной стороны, и «...нас фактически ставят перед необходимостью ответных действий, вынуждают принять соответствующие решения» — с другой, чтобы убедиться в сложности ситуации, в которой оказалась Россия.

Для адекватного решения только этой проблемы нам необходимо разобраться в быстро меняющейся глобальной ситуации, в новой конфигурации международных отношений (особенно сложившейся в последние месяцы) и выстроить адекватную внешнеполитическую стратегию. Именно этому и посвящена данная статья.

* * *

XX в. вошел в историю человечества как один из самых сложных, динамичных и драматичных веков. Действительно, калейдоскоп событий менялся в этом столетии с такой быстротой, что даже опытным аналитикам и исследователям с трудом удавалось проследить тенденции и основные направления развития событий. За прошедшее столетие мир пережил две мировые войны; в небытие ушло несколько великих империй, существовавших не одну сотню лет и рухнувших чуть ли не в одночасье; менялось внутреннее общественное устройство многих стран, а у некоторых из них — неоднократно; революции и реформы также были постоянными спутниками прошлого века.

Некоторые наиболее важные явления потребовалось назвать здесь исключительно для того, чтобы показать, какие фундаментальные факторы лежали в основе тех глубоких изменений и трансформаций, которые происходили в международных отношениях в XX в. Под воздействием обстоятельств менялись не только формы и мето-

ды этих отношений, но и их характер. Все это стремились осмыслить и обобщить ученые разных стран, в том числе на теоретическом, системном уровне. Обобщая их взгляды, отмечу, что трансформация систем международных отношений — это непрерывный и, чем ближе к нашему времени, тем все более динамичный процесс. Анализ показывает, что в основе этой трансформации лежат определенные закономерности.

Во-первых, независимо от числа международных акторов между ними всегда шла, идет и (пока будут существовать национальные государства) будет идти противоборство в самых различных формах за реализацию своих национально-государственных интересов. В этой борьбе на первые роли выходят те, кто обладают большей, чем другие, совокупной мощью. При этом в разные времена роли и значение каждой из слагаемых этой мощи также трансформировалось. В результате в эпоху оружия массового уничтожения (ОМУ) военное могущество потеряло свое изначальное первостепенное значение из-за трагичной опасности его применения, но сохранило ранг одного из важнейших компонентов в совокупной мощи как самый мощный инструмент сдерживания потенциальных противников. Экономические и финансовые компоненты, а также глобальные коммуникации разного рода, напротив, выдвинулись на первые роли. Не в последнюю очередь это объясняется быстрым развитием социальной функции государства, изменением структуры потребления населения в пользу устойчиво возрастающих бытовых потребностей, а также интересов масс населения. Современная экономика знаний способствует (и одновременно требует), чтобы на первый план вышли сферы науки и образования. Это мы и наблюдаем в развитых странах. А теперь такая задача поставлена на повестку дня и в России.

К указанному необходимо добавить, что среди компонентов совокупной мощи есть не только повседневно действующие (экономика, финансы, информация, наука, образование, культура), но и те, которые важны в принципе, но действуют лишь в особых обстоятельствах, например, в условиях войны. Это, конечно, военная мощь, которая учитывается всеми, но которая действует лишь тогда, когда это необходимо и когда она становится основной. В мирное же время этот фактор играет, так сказать, пассивную роль, сдерживающую по-

тенциального противника, не работающего так повседневно и ежедневно, как другие.

Как бы ни менялись своими ролями компоненты совокупной мощи, все они всегда должны присутствовать в ней, и отсутствие или слабость какой-либо из них негативно сказывается на суммарном могуществе и, соответственно, на роли и месте того или иного субъекта на международной арене. Тот же субъект, который обладает самой значительной совокупной мощью, всегда претендует на роль мирового гегемона и диктатора. Превращаясь в сверхполюс (супердержаву, или мировую державу № 1), этот субъект во все времена стремился продиктовать свои правила игры всему миру.

Несмотря на экономическую, финансовую, моральную и прочую обременительность роли сверхдержавы, она имеет определенные преимущества и способна даже приносить ее обладателю немалые дивиденды, если только сверхдержава не берет на себя неподъемные даже для нее обязательства и не ставит перед собой невыполнимые цели и задачи. Но именно это, как правило, и случается. Прежде всего, потому, что те глобальные миссионерские цели, которые провозглашают и стремятся реализовать сверхдержавы (например, установление демократии по-американски во всем мире или коммунизма по-советски в глобальном масштабе) — это не только крайне дорогостоящие проекты, но в своей основе утопические, вызывающие скрытое или прямое неприятие у тех, на кого они направлены. Удержание их в своей орбите становится для сверхдержавы со временем все дороже, в результате чего неизбежно наступает момент ее отступления или поражения. Надорвавшись от непосильной ноши, сверхдержава начинает сдавать свои позиции и уступать первую роль подросшему конкуренту, созревшему для борьбы за первую роль. Здесь мы подходим ко второй закономерности, даже, пожалуй, закону неизбежного появления конкурента-претендента на первую роль, на роль глобальной сверхдержавы.

Этот конкурент вырастает из числа региональных лидеров. Попадая в благоприятную ситуацию, обладая необходимыми внутренними и внешними ресурсами, в первую очередь современными конкурентными системами организации общественной жизни и воздействия на огромные массы людей, региональный лидер начинает быстро про-

грессировать, составлять конкуренцию сначала себе подобным, а потом и глобальному лидеру.

Таким образом, логика и практика превращения в сверхдержаву следующие: *при благоприятных внутренних и внешних обстоятельствах государство, обладающее необходимыми предпосылками (прежде всего, наиболее конкурентоспособными системами организации внутренней жизни страны и ресурсами), вырастает в регионального лидера, а затем, при успешном для него развитии событий, — в глобальную сверхдержаву.* На всех этапах процесс трансформации одного статуса в другой сопровождается перманентной ожесточенной и бескомпромиссной борьбой между всеми великими державами, но особенно между лидером и претендентом на эту роль.

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу, что на мировой арене, начиная с давних времен (особенно с эпохи борьбы за мировое лидерство) и до сегодняшнего момента, из общего числа государств выделялись региональные лидеры, а из них уже сверхдержава (глобальный лидер) и ее соперники — претенденты на эту роль. При благоприятных условиях один из них со временем побеждал гегемона и сам становился им, чтобы через какое-то время, ослабев или одряхлев, тоже оказаться поверженным.

Примечательно, что основной конкурент лидера также организует свою систему международных отношений, имеющую, как всякая система, свое ядро в лице, разумеется, этого конкурента, своих сателлитов, вращающихся вокруг ядра, и периферийный резерв.

Поэтому единой системы международных отношений, как мне представляется, в мире не было, и думаю, едва ли будет. Даже в период монополярности. Несмотря на наличие международного права и международных организаций типа ООН, ВТО, МОТ, международных судов и т.п., деятельность и решения которых носят рекомендательный характер, и никак иначе, чтобы не вступать в противоречие с национальным суверенитетом. Правила поведения в конкретной системе международных отношений всегда устанавливал лидер, который считался со своими сателлитами или партнерами по союзам или блокам, когда считал это нужным. В то же самое время мир всегда был, есть и будет однополярным (в том смысле, что в нем всегда есть лидер), и одновременно всегда был, есть и будет многополярным. В том смысле, что в нем всегда есть несколько крупных региональных по-

люсов, некоторые из которых борются за пальму первенства в мире, т.е. за место и роль сверхдержавы. Поэтому постоянный спор о том, каков на самом деле мир, однополярный или многополярный, в сущности, не имеет смысла. Повторяю, мир всегда был и одним, и другим. В свое время (в XVIII в.) за лидерство против великих колониальных держав — Испании, Голландии, Франции — боролась Великобритания, набравшая мощь после промышленной революции второй половины XVII в., создавшая необходимые предпосылки и ресурсы для борьбы за мировое лидерство. Затем, уже в XIX в., после гражданской войны и успешной индустриализации, в борьбу за глобальную гегемонию вступили США. Во второй половине 50-х г. XX в., опять-таки после создания соответствующих предпосылок и резервов, в борьбу включился СССР. Сейчас то же происходит с Китаем, успешно и достаточно быстро создающим совокупную мощь, необходимую для борьбы за глобальное лидерство, ускоренно продвигающийся к первой роли в мире.

Поэтому можно обоснованно утверждать, что в определенные периоды времени, в частности, когда конкурент лидера приближается к нему по своей совокупной мощи, наступает *эпоха биполярности*. По природе своей эта биполярность так же, как двоевластие, не может быть продолжительной. Изматывая соперников, особенно через гонку вооружений, биполярность неизбежно заканчивается победой одного из полюсов, а именно того, кто наиболее силен и конкурентоспособен. В борьбе против своего противника каждый из гигантов использует все дозволенные и недозволенные приемы, возможные и невозможные средства. Конец борьбы и победа в ней одной из сверхдержав является в то же время началом нового раунда борьбы, но уже, как правило, с новым претендентом на роль лидера.

Необходимость постоянного подтверждения своего статуса гегемона неизбежно подталкивает его искать союзников, партнеров, вступать в блоки, различные организации, создавать свою систему международных отношений и т.п.

Какая же конфигурация сил на международной арене является наиболее устойчивой, приемлемой и результативной для международного сообщества? как субъектам международных отношений поступать в переходные эпохи? Например, в эпоху перехода от однополярности к биполярности, и наоборот.

Хотя на эти сложные вопросы трудно дать однозначные ответы, попытаюсь, тем не менее, это сделать. Тем более что они имеют прямое отношение к нашей стране.

Начну с однополярного состояния, поскольку, как было отмечено, мир одновременно и однополярен, и многополярен, и в то же время всегда находится в состоянии борьбы за глобальную пальму первенства, ведущуюся между лидером и основным претендентом на эту роль. Образно говоря, мир постоянно беременен bipolarностью.

Однополярное состояние характеризуется, прежде всего, тем, что лидер стремится не просто установить, а зафиксировать и сохранить свою основную роль, продиктовать другим субъектам свои правила игры и попытаться их узаконить, особенно в международном праве. Более чем наглядной иллюстрацией служит нынешнее поведение США, стремящихся обосновать и закрепить в международном праве практику прямого вмешательства во внутренние дела других стран. «Сегодня, — пишет Г. Киссинджер, — вестфальский порядок переживает системный кризис. Его принципы оспариваются, хотя приемлемую альтернативу еще предстоит отыскать. Не только Соединенные Штаты, но и многие европейские государства отвергают принцип невмешательства во внутренние дела других стран в пользу идей гуманитарной интервенции или вмешательства на основе следования всемирной юрисдикции. В сентябре 2000 г. на саммите ООН, посвященном наступлению нового тысячелетия, этот подход был одобрен и поддержан многими другими государствами. В 90-е гг. Соединенные Штаты по гуманитарным соображениям предприняли четыре военные операции — в Сомали, на Гаити, в Боснии и Косово; другие страны возглавили такие операции еще в двух местах — в Восточном Тиморе (Австралия) и в Сьерра-Лионе (Великобритания). Все эти интервенции, кроме интервенции в Косово, были санкционированы ООН»¹.

В прежние века, когда региональные лидеры были не столь сильны и влиятельны как сейчас (и число их было меньше), гегемону было проще устанавливать и поддерживать свой диктат, извлекая из него максимум выгоды. В наше время это не только более сложная, а фактически непосильная для него задача. Оппозиция настолько сильна,

¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? [Текст]: пер. с англ. / Г. Киссинджер; под. ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002.

что, хочешь не хочешь, с ней приходится считаться, и то и дело ей уступать. Поэтому роль современного сверхполюса заметно отличается от той, какой она была в прошлые века. Отсюда следует вывод: стремлению гегемона устанавливать свои правила игры можно успешно противостоять, блокируясь на временной или постоянной основе с его оппонентами. Наглядный пример — совместное выступление России, Германии, Франции и некоторых других стран против войны США и их союзников в Ираке в 2003 г.

Многополярный мир, о существовании которого так часто пишут и говорят многие наши политики, дипломаты и ученые, — это, прежде всего, значительно более сложный мир, чем однополярный или биполярный. Неслучайно сейчас все чаще говорят не о многополярном мире, а о многополярном хаосе. Эта сложность образуется не только из-за разновекторности различных национальных интересов региональных лидеров, образующих полюса, но и из-за того тоже, что у каждого из этих лидеров свое видение миропорядка и путей его развития.

Тем не менее современная реальность такова, что глобальные проблемы, в первую очередь проблемы безопасности, экологии, энергоресурсов, продовольствия и ряд других, вынуждают этих лидеров искать хотя бы шаткий консенсус, вырабатывать и претворять в жизнь взаимоприемлемые решения. Наиболее наглядным образом это проявляется на саммитах «большой восьмерки». В 2005 г. в Гленигсе, например, после трагических событий 7 июля в Лондоне было принято совместное решение о борьбе против международного терроризма.

В июле 2006 г., когда саммит «большой восьмерки» собрался в Санкт-Петербурге, в центре его внимания были такие вопросы, как: ситуация в странах с переходной экономикой, страны СНГ, борьба с бедностью, противодействие терроризму. По предложению Президента России В.В. Путина обсуждалась также проблема энергии и энергоресурсов.

Форматы G8, G20, а в последние годы и БРИКС позволяют учитывать как интересы всех основных полюсов, так и общемировые проблемы. Не следует, однако, забывать, что сама мощь сверхдержавы (или гипердержавы, по выражению В. Третьякова), особенно экономическая и финансовая ее составляющие, побуждает остальных участников международных форумов ориентироваться на того, кто фактически делает погоду, т.е. на мирового лидера.

В отличие от многополярного мира биполярный одновременно и проще, и сложнее. Но в любом случае он значительно опаснее, чем одно- или многополюсный миры. Опаснее потому, что биполярный мир — это постоянно враждующий мир, мир острой конфронтации и борьбы за глобальное первенство. Если же в основе этой борьбы лежат идеологические или цивилизационные различия или то и другое вместе взятое, из которых вырастают миссионерские амбиции борющихся, то это еще и антагонистический мир, то и дело переходящий на язык угроз и балансирующий на грани войны¹.

За примером далеко ходить не надо. Это канувший не так давно в лету биполярный мир эпохи «холодной войны», возглавлявшийся двумя сверхдержавами — США и СССР. Каждая из них имела свою систему международных отношений, построенную на своих принципах, своих сателлитов, свои международные организации, свой потенциальный резерв из стран «третьего мира» и неприсоединившихся государств, и каждая из них в борьбе друг против друга была готова идти до конца, до своей полной победы. При таком расколотом состоянии трудно сохранять мир, решать общие проблемы, найти взаимопонимание (не говоря уже о консенсусе), чрезвычайно много ресурсов и усилий затрачивается на борьбу одной системы против другой. И хотя этот мир стал достоянием истории, биполярность, как упоминалось выше, время от времени повторяется. В основе будущей биполярности, как считают многие исследователи, будет лежать противоборство США и Китая. Примечательно, что, как и предыдущая биполярность, грядущая будет, скорее всего, основана на антагонизме идеологий и политических парадигм, так как ни США, ни Китай не откажутся от своих мировоззрений, от образа жизни и действующих политических систем. К этому следует добавить, что биполярность бывает и другого типа, т.е. не только антагонистической, которая является наиболее опасным состоянием международных отношений,

¹ По этому вопросу существует и другое мнение, фактически противоположное моему. «Если рассматривать стабильность как некое «равновесие», — отмечается, например, в учебнике М.М. Лебедевой «Мировая политика» (М.: Кнорус, 2013), — то, пожалуй, биполярная система в наибольшей степени отвечает этим требованиям. Результаты взаимодействия государств в биполярном мире, как правило, относительно прогнозируемы» (с. 90). На мой взгляд, это достаточно спорная констатация, особенно в связи с относительной прогнозируемостью результатов взаимодействия государств. Действия еще можно как-то спрогнозировать, а результаты — едва ли.

но и неантагонистической. Это состояние возникает тогда, когда основные противоборствующие полюса исповедуют одну и ту же систему ценностей. Например, либеральную, как это было в период противоборства между США и Великобританией в конце XIX и первой трети XX в. за первую роль в мире. Иными словами, антагонистическая биполярность складывается тогда, когда в основе борьбы за первенство в мире лежат различные идеологии, например, либеральная (буржуазная) и коммунистическая, каждая из которых стремится к распространению на весь мир. Ради этого обе стороны готовы на все. Другими словами, именно идеологическое противоборство генерирует наиболее опасное состояние в международных отношениях. Но современное состояние мира — переходное, когда меняются не только мировоззренческие устои наций и государств, но и конкретные системы: политические, экономические и др. Поэтому и капитализм ведет себя иначе на международной арене, и социализм. Идет процесс конвергенции и общественных систем, и систем международных отношений. Из-за этого грядущая биполярность, на мой взгляд, США — Китай будет иной, т.е. не столь антагонистической, как дуполюсность США — СССР. Однако идеологическая и особенно цивилизационная основа противоборства США и Китая все же будет присутствовать, и это сделает противостояние достаточно острым.

Пока мир и международные отношения переживают переходную эпоху, важно видеть, какие тенденции в них развиваются. В связи с этим исследователи обычно обращают внимание на следующие основные тенденции.

1. Ускоряющаяся всеобъемлющая глобализация, заключающаяся, прежде всего, в полномасштабной интернационализации экономики, в развитии единой системы мировой связи, активной трансграничной деятельности негосударственных образований, изменении и ослаблении функций национальных государств, активной миграции населения, имеющей различный характер (трудовая, образовательная, научная, туристическая, пр.) и т.д.

На этой основе формируется все более взаимозависимый и целостный мир, взаимодействия в котором принимают системный характер.

2. Обострение образовавшихся ранее (экологической, энергетической, сырьевой, продовольственной, демографической и др.) и возникновение новых глобальных проблем (международный терроризм, международная наркоторговля, организационная международная преступность и т.д.), настойчиво побуждающее мировое сообщество объединять свои усилия для эффективного решения этих проблем.

3. Усиление влияния демократизации внутривнутриполитической жизни на международные отношения. Третья всемирная волна демократизации охватывает не только внутреннюю жизнь растущего числа стран мира, но и все шире распространяется на внешнюю политику и международные отношения. Этому в немалой степени способствуют достижения постиндустриальной революции — глобальная сеть «Интернет», спутниковая связь и кабельное телевидение, электронная почта и телефаксы.

4. Интенсивная интернационализация духовной жизни в целом и культурной в особенности, которая сглаживает и смягчает борьбу цивилизаций.

Все эти и некоторые другие тенденции развиваются в условиях продолжающегося раскола мира на два полюса. На одном из них — демократия, стабильность, высокий уровень жизни, на другом — бедность, активное социальное брожение, тирания. Первый полюс охватывают государства Западной Европы, США, Канаду, Японию, Австралию, Новую Зеландию, некоторые другие страны. В них проживает около 15% обитателей нашей планеты, так называемый золотой миллиард населения. Ко второму полюсу относится большинство государств Африки, Азии, Латинской Америки.

Наиболее драматичное положение сегодня в Африке. Более половины ее жителей существует на менее чем 1 долл. в день. С начала 90-х гг. в гражданских и этнических войнах на этом континенте погибли более 4 млн человек. Почти 30 млн африканцев — носители вируса иммунодефицита. За последнюю четверть века доля Африки в мировом валом продукте и мировой торговле снизилась без малого вдвое.

Учитывая ситуацию, саммит «большой восьмерки», состоявшийся в июне 2002 г. в канадском Кананаскисе, решил помочь Африке. Было заявлено, что помощь странам региона должна вырасти на 12 млрд долл. в год, а улучшение систем управления в странах Африки было объявлено одним из приоритетов «свободного мира».

На встрече лидеров восьмерки в Глениглсе (Шотландия) в июле 2005 г. африканская тема также была одной из центральных. Здесь обсуждался вопрос о списании долгов африканским странам. Изначально предполагалось списать до 100 млрд долл. 46 странам. Постепенно число этих стран снизилось до 18, а сумма списываемых долгов — до 40 млрд долл. В 11 из этих 18 стран только еще закончились или еще идут гражданские войны и лишь в четырех у власти находятся правительства, признанные демократическими. Списание долгов позволит должникам сэкономить только на выплате процентов 1,2 млрд в год¹.

На основании изложенного можно сделать следующий концептуальный вывод.

Мир одновременно одно- и многополярный. Был, есть и будет таковым. Это непреложный закон его существования и развития. Из региональных великих держав всегда выделяется та, которая вступает в борьбу за глобальное первенство, собирая вокруг себя сателлитов (явных и неявных), а также всех, кто стремится извлечь выгоду из блокирования с могущественным гигантом. Его совокупная мощь в сочетании с новой идеологической мессианской доктриной, приближаясь к совокупному могуществу доминирующей сверхдержавы, постепенно все глубже втягивается в борьбу с ней. Борьба развивается по всем направлениям во всех регионах планеты и в самых разнообразных формах. В момент относительного паритета наступает время биполярности — наиболее опасного состояния мира. Оно бывает разных типов: антагонистическое и неантагонистическое. Но каким бы оно ни было, это состояние не может длиться долго. В результате острого кризиса, протекающего нередко в военной форме, наступает развязка, и мир вновь возвращается к однополярному состоянию. (Кстати, биполярное состояние антагонистического типа протекает быстрее, поскольку оно более острое и требует максимального напряжения сил.) В борьбе побеждает тот полюс, который не только обладает более мощными ресурсами, но чьи системы более конкурентоспособные. Его победа означает не только конец одного цикла в истории международных отношений, но и начало нового, не менее сложного и драматичного.

¹ Иноземцева В. Ошибочная формула Глениглса [Текст] / В. Иноземцева // Независимая газета. 2005.

* * *

Системы международных отношений, действовавшие в XX столетии, представляли собой достаточно противоречивые системы отношений между великими державами, под которые были вынуждены подстраиваться другие. Такая ситуация напоминает ту, которая существовала в предыдущие века, в частности в XIX в. Напомню кратко ее суть.

«Концерт великих держав», образовавшийся вскоре после победы над Наполеоном и объединявший его победителей — Австрию, Британию, Пруссию и Россию, имел своей главной целью поддержание статус-кво, ради которого его участники были готовы пойти на интервенцию, что, кстати говоря, неоднократно случалось. Например, в Италии в 1820 г. или в Испании в 1822 г. Вскоре после возникновения «концерта» победители совершили искусный дипломатический ход и приняли в свои ряды Францию, превратив ее, таким образом, из врага в союзники. Так же поступили великие державы в конце XX в., когда после победы над СССР в «холодной войне» они включили Россию в состав «большой семерки», превратив ее в «восьмерку». «У «восьмерки», — пишет вице-президент «Оксфорд Аналитика» Ристо Пентилла, — есть все характерные признаки глобального концерта и впечатляющий, хотя и непризнанный, список заслуг в области обеспечения мира и безопасности. <...> Концерт великих держав — не идеальный способ управления мировыми процессами, но он существенно лучше анархии». Концерты «оказывают сдерживающее влияние на поведение сверхдержав», а «малые государства подстраиваются под правила, установленные сильными»¹.

Закон тотального господства великих держав был нарушен, когда во второй половине XX в. СССР образовал параллельную (социалистическую) систему международных отношений, со всеми признаками системы, но с другим знаком. Однако из-за фронды Китая, а также внутренних проблем советской системы она оказалась не столь консолидированной и долговечной, как капиталистическая во главе с США.

Подобно Версальской системе, оказавшейся недостаточно эффективной из-за несбалансированности ее принципов, Ялтинско-

¹ Известия. 2002. 20 февр.

Потсдамская (фактически биполярная система) также не могла быть долговечной, хотя и была более сбалансированной. Но эта сбалансированность, основанная на военном паритете, достигавшемся ценой невероятных усилий и затрат обеих сторон, была крайне опасной и в своей основе в общем также не вполне эффективной.

Через определенное время, когда Китай создаст необходимую для сверхдержавы № 2 совокупную мощь, биполярность, подобная прежней, вполне может возродиться. Чтобы она была не столь опасной, как прошлая биполярность США — СССР, целесообразно включить Китай, а затем Индию в нынешний «концерт великих держав», превратив «восьмерку» в «девятку», а в последующем — и в «десятку».

Новая система международных отношений еще не сформировалась, и неясно, успеет ли она сложиться до возникновения биполярности.

Всякая новая система вырастает не только из нового соотношения сил в мире, образующегося в результате какого-либо глобального кризиса, например, мировой войны или крушения могучей империи и ее системы международных отношений, но и новых принципов взаимоотношений между странами, которые отражают новые мировые реальности. Эти принципы кладутся в основу международных документов и, таким образом, становятся императивом для субъектов международных отношений. Без этого система не может сложиться и эффективно работать. Все это означает, что, пока идет сложный процесс согласования принципов и международного нормотворчества, говорить, что новая система сформировалась, нельзя. «Драма современного международного порядка, — отмечает профессор А. Богатуров в статье «Первый порядок эпохи ядерного оружия», посвященной 60-летию Потсдамской конференции, — состоит в кризисе стратегической культуры ялтинско-потсдамской поры. Отчасти это связано с расширением в 1998 г. круга фактических ядерных держав за счет «откровенных нелегалов» в лице Индии и Пакистана. Но и кроме них в мире насчитывают около десятка пороговых стран, не говоря о таких «специфических случаях», как Северная Корея и Иран: КНДР называет себя ядерным государством, но ей не верят, а Иран, напротив, клянется в отсутствии у него стремления приобрести атомное оружие, но все его как раз в этом подозревают»¹.

¹ Независимая газета. 2005. 20 июля.

Какая же внешнеполитическая стратегия может вытекать из национально-государственных интересов России и основных задач по модернизации страны?

На мой взгляд, следующая: поскольку сегодняшней России трудно проводить наступательную внешнюю политику, какую может себе позволить, например, США или любая другая великая страна со здоровой экономикой и конкурентной стабильной политической системой, постольку ее внешняя политика может быть, если говорить в целом, только **оборонительной**. Пример с расширением НАТО это продемонстрировал более чем наглядно. Однако оборонная стратегия не означает, что российская внешняя политика должна быть пассивной. **Оборона может и должна быть активной**. Прежде всего, на тех направлениях, где это возможно и где ситуация для нас благоприятна. В частности, на таких направлениях, как Ближний Восток, некоторые развивающиеся страны, Индия и др. Здесь можно вести наступательную линию или сочетать оборону с наступлением.

Исходя из этого, я отдал бы предпочтение стратегии «осмысленного многостороннего партнерства и балансирования». Такая стратегия, как мне представляется, вполне согласуется с выводом об активной обороне. Параллельно с такой стратегией я предложил бы также стратегию превентивных мер, нацеленных на предотвращение негативного развития событий на наиболее уязвимых направлениях.

Следующее мое соображение связано с тем, что по мере укрепления Китая и роста его амбиций как мировой сверхдержавы международные отношения вернутся в состояние противоборства двух сверхдержав (США — Китай). Мнимая многополярность, о которой все говорят как о состоявшемся факте с большими плюсами и которая всегда была, есть и будет, на самом деле — всего лишь исторический фон, на котором активно происходит процесс перехода от временного однополярного состояния к новому биполярному — антагонистическому (или полу-), со всеми вытекающими для всего мира и для России последствиями. Тот, кто учтет это в своей реальной политике, — выиграет, и наоборот. Именно поэтому нам следует переосмыслить и переписать нашу внешнеполитическую доктрину, исходящую из многополярности, а не из переходного состояния от однополярного мира к новому биполярному. Характер, конфигурация международ-

ных отношений и баланс сил на мировой арене будут заметно иными, чем в начале XXI в. Возрастет число великих и региональных держав, которые составят новые полюса, со своими интересами и амбициями (в этом смысле можно говорить и о формировании многополюсного мира, хотя он был таким во все времена), изменится приоритетность мировых проблем, безусловное решение которых потребует объединения усилий многих держав, поиска компромиссов, партнерства и т.д. Но мир все же будет **двухСВЕРХполюсным**.

В этой ситуации для России, которой в обозримом будущем явно не удастся вернуться в состояние сверхдержавы и за которой, очевидно, закрепится статус региональной великой державы, наиболее оптимальной и эффективной ролью будет, на мой взгляд, **роль соединительного моста между Западом и Востоком, а, когда возможно, и роль посредника**. Последнюю роль Россия, кажется, с успехом осваивала все последние годы. Посреднической роли благоприятствует не только уникальное географическое положение России на карте мира, но и ее природные ресурсы, исторические, культурные и иные традиции, искусство дипломатии и т.д.

Роли соединительного моста и посредника в сочетании со стратегией активной обороны позволили бы Российской Федерации в ближайшие 10–15 лет окончательно оправиться от распада СССР, в основном решить внутренние проблемы, прочно встать на ноги, наладить дружественные и союзнические связи с «ближним зарубежьем» и в конечном счете вновь стать одним из важнейших центров мировой политики. Иными словами, России сначала надо восстановить свое жизненное пространство¹, формировавшееся веками, вернуться к своим естественным границам, которые также определялись и устанавливались столетиями. Чтобы этот процесс шел быстрее и эффективнее, нам необходимо тотально модернизировать свою эко-

¹ Заметим, что это жизненное пространство одновременно является таким же и для других народов, его населяющих. Постсоветское время, разнообразные миграционные процессы (особенно трудовой миграции), создание и его начало функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, объединяющего Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению, а с 9 мая 2015 г. и Киргизстан, к которому проявляют живой интерес и некоторые другие страны СНГ, — все это и много другое подтверждает, что постсоветское пространство, действительно, жизненно важно для всех народов, его населяющих. Хотя на самом деле оно и его ресурсы способны обеспечивать достойную жизнь значительно большему количеству населения.

номику, перейдя к устойчивой инновационной модели развития, создать современную конкурентоспособную политическую систему (на ручном управлении далеко не уедешь), основанную на подлинной, а не фасадной конкуренции реализовать многое другое. Осуществление этого превратит Россию в сильный магнит, притягивающий не только страны ближнего зарубежья. Модернизированная Россия позволила бы ей перейти к новой внешнеполитической стратегии и новой практике внешней политики. Все это должно найти отражение в новой концепции внешней политики, разработка которой, на мой взгляд, давно уже назрела.

Библиография

1. *Латухина К.* Расклад по правилам [Текст] / К. Латухина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6859 (288).
2. *Латухина К.* О пользе постоянства [Текст] / К. Латухина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 6870 (2).
3. *Латухина К.* «Всеми средствами» [Текст] / К. Латухина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 6871 (3).
4. *Забродина Е.* Кейс № 2015 [Текст] / Е. Забродина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 6883 (15).
5. *Рар А.* Запад не должен избегать Москвы [Текст] / А. Рар // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6797 (226).
6. *Рокоссовская А.* Мировые игроки делают ставки [Текст] / А. Рокоссовская // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6862 (291).
7. *Иванов И.С.* Россия и Европа: к новым правилам [Текст] / И.С. Иванов // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6852 (281).
8. *Константин К.* 2015: в стране и в мире [Текст] / К. Константин // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6865 (294).
9. *Караганов С.* Праздновать еще рано [Текст] / С. Караганов // Российская газета. Столичный выпуск. 2016. № 6870 (2).
10. *Васильев А.* Москва и Пекин относятся друг к другу как к равным [Текст] / А. Васильев // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6849 (278).
11. *Гусман М.* Плечо друга [Текст] / М. Гусман // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6861 (290).
12. *Выжutowич В.* Восток — дело емкое [Текст] / В. Выжutowич // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. № 6842 (271).
13. Российская газета. 2008. 9 февраля; Известия. 2008. 11 февраля.
14. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? [Текст]: пер. с англ / Г. Киссинджер; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002.
15. *Иноземцева В.* Ошибочная формула Гленигса [Текст] / В. Иноземцева // Независимая газета. 2005.
16. Известия. 2002. 20 февр.
17. Независимая газета. 2005. 20 июля.

ПРОРОКОВИЧ ДУШАН Н.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Аннотация: Сравнивая экономическую, политическую и военную силу держав приходим к выводу о том, что сами присутствуем установлению многополярного порядка, в котором кроме США в большей или меньшей степени будут влиять на формирование политических решений и Китай, Россия, Индия, Япония, в том числе, три европейские страны: Великобритания, Германия и Франция. Возможно, в перспективе к ним присоединится и Бразилия. На текущий момент можно констатировать, что присутствуем происходящим — спаду мощности США и росту других игроков, вследствие чего трансформируется структура мировой политической структуры. Оттуда дестабилизации в ряде регионов в мире.

Ключевые слова: многополярность, мировая политическая система, экономическая сила, политическая сила, военная сила.

Теоретической основой настоящих выводов является структуральный реализм.¹ У мировой политической системы есть своя структура в виде однополярности, биполярности и многополярности. О том, как после развала Советского Союза сформирована однополярная структура с единственной сверхдержавой США, опубликовано большое количество публикаций.² Господство над мировым порядком является характерным признаком сверхдержавы, позволяющее ей влиять на формирование политических решений и навязывать свою волю везде в мире. Могут ли и сегодня США так действовать?

Ответ однозначный — не могут. Развитие событий в кризисе на Украине и в Сирии лучшее тому указание. И подтверждает это множество других примеров. Евросоюз отказывается от нового соглашения для укрепления трансатлантического партнерства, Китай не очень принимает во внимание американские предупреждения, касающиеся Южного китайского моря, Эрдоган пытается принимать решения более самостоятельно, чем Турция это ранее делала. Даже в небольших странах наблюдаются серьезные сдвиги, указывающие на спад американского влияния. Месяц тому назад в одном из двух энтитетов в Боснии и Герцеговине — в Республике Сербской, состоялся знаковый референдум, который практически отменил решения Кон-

¹ *Waltz, Kenneth.* Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 1979.

² *Wohlforth, William.* „The Stability of a Unipolar World“, International Security, 24, 1, Summer 1999: 5–41.

ституционного суда страны. Поскольку эта страна, по сути, является международным протекторатом, то в Конституционном суде решающую роль играют иностранные судьи, и вполне логично то, что против референдума высказались США, ЕС и НАТО. И что произошло после состоявшегося референдума? Ничего. Западные страны уже не в состоянии всерьез санкционировать руководство Республики Сербской. Это говорит нам о том, что США управляющие кризисом в Боснии и Герцеговине с 1996 года уже не способны делать этого, то есть, ими установленная на Балканах система безопасности стала нефункциональной. Как доминирующая сверхдержава США, конечно, могут инициировать кризисы, как на Балканах, так и по всему миру, но уже не могут добиваться преобладающей формы политических решений и навязывать свои решения.

Подобное происходит в результате измененного соотношения сил важнейших игроков в мировой политике, причем в качестве игроков мною, как и структуральными реалистами, рассматриваются государства. При этом не принижаем важности негосударственных участников, поскольку в теоретическом плане необходимо сопоставлять потенциалы государств. Соотношение сил включает сопоставления экономики, военной и политической мощностей. Для того чтобы заявить о своей наибольшей важности в мировой политике действующий участник должен обладать «критической массой»¹, то есть, нужной численностью населения, масштабом территории и потенциалом ресурсов, внутренней стабильностью и соответствующим социально-экономическим полем (табл. 1). Я не обнаружил ни одной публикации, в которой Республика Корея, Австралия или Саудовская Аравия были бы упомянуты в качестве великих держав. Именно потому, что у них нет «критической массы». Разумеется, Индия представляет собой великую державу, однако, некоторые американские авторы все еще классифицируют ее как «потенциальную великую державу» из-за сравнительно низкого уровня человеческого развития. А значит, для них под вопросом: может ли стать державой страна, имеющая такое коли-

¹ *Schweller, Randall L. Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest, Columbia University Press, New York, 1998: 52–74. Danilovic, Vesna. When the Stakes Are High: Deterrence and Conflict Among Major Powers, The University of Michigan Press, Ann Arbor, 2002: 27–8.*

чество бедных?¹ Критической массой обладают примерно десять стран и среди них надо искать действующие и потенциальные державы.

Сравнивая их экономическую, политическую и военную силу приходим к выводу о том, что сами присутствуем установлению многополярного порядка, в котором кроме США в большей или меньшей степени будут влиять на формирование политических решений и Китай, Россия, Индия, Япония, в том числе, три европейские страны: Великобритания, Германия и Франция (табл. 2, табл. 10). Возможно, в перспективе к ним присоединится и Бразилия². В отдельных регионах на политические процессы в какой-то мере будут влиять региональные державы.

На чем основывается такой вывод? Если сравним показатели экономического потенциала США и других держав, в первую очередь Китая и Индии, то заметим, что происходят два разных процесса. Доля США в глобальной экономике постепенно уменьшается, и Китая и Индии растет. В относительной доле США за последние двадцать лет потеряли четверть своей мощности (табл. 3). Спад экономики также наблюдается и в других западных европейских странах. В результате, в России и Турции продолжается стагнация, поскольку их главными партнерами во внешней торговле являются европейские страны, в Бразилии и Мексике неполадки, также в связи с их главным партнером — США. Такие перемены влияют и на реконфигурацию глобальной экономики, поскольку возрастает количество транснациональных корпораций происходящих не из западных стран (табл. 4). В прошлом году из десяти самых крупных в мире, таких было шесть корпораций. Какие перемены происходят в глобальной экономике также можно увидеть в сопоставлении активов самых крупных транснациональных банков. Среди пять крупнейших банков — четыре китайских и один японский банк (табл. 5). Всего восемь лет назад наилучший японский банк занял девятую, и китайский семнадцатую позицию в мире (табл. 6).

Изменения экономических потенциалов влияют на изменения соотношений военной силы. Начиная с 2008 года общие военные рас-

¹ *Luce, Edward*. In Spite of the Gods: The Rise of Modern India. New York: Anchor Books, 2008.

² *Ho Chun, Kwang*. The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. London: Routledge, 2016: 41–64, 149–56.

ходы США, Великобритании, Германии, Франции и Японии в абсолютном исчислении застойные или снижающие. Однако, с учетом непрерывного роста военных расходов Китая, России, Индии и Бразилии, в западных странах в относительном исчислении наблюдается спад военной силы (табл. 7). По сравнению с США за последние семь лет военные расходы Китая и России удвоились, в то время как европейские страны и Япония эти расходы снизили. Интересным представляется пример европейских стран, которые, несмотря на эскалацию миграционного кризиса, проблемы на Украине и Ближнем Востоке, не увеличили военные расходы. Поэтому возникает вопрос: чем Европа ответит на новые вызовы и угрозы? Здесь средства мягкой силы мало помогут. Сравним, к примеру, с одной стороны военные расходы НАТО, и с другой БРИКС и ШОС, также можно увидеть какие драматические трансформации происходят (табл. 9). По отношению к НАТО страны БРИКС за последние два десятилетия более чем в три раза увеличили свои военные расходы. Если такая тенденция продлится, то после 2030-го года страны БРИКС на военные расходы будут выделять больше чем НАТО в целом (табл. 8).

Это приводит к изменениям в отношении политической силы, трансформирует структуру мировой политической системы. Потому, что в случае если экономические и военные потенциалы США и их союзников равняются с потенциалами, к примеру, членов ШОС, то западные игроки не смогут влиять на политические решения в регионе Центральной Азии, и это будут делать Китай, Россия и Индия. Какими будут отношения между этими тремя странами, кто с кем будет сотрудничать или конфликтовать, это совсем другой вопрос, в данный момент нельзя его предвидеть. На текущий момент можно только констатировать, что присутствуем происходящим — спаду мощности США и росту других игроков, вследствие чего трансформируется структура мировой политической структуры. Оттуда дестабилизации в ряде регионов в мире. За последние пятьсот лет ни одной трансформации спокойно не произошло. За каждой из них последовали войны и эскалация кризиса. Тот мир, каким мы его знали до 2008 года, до возникновения большого экономического кризиса, уже не существует. Нынешние обстоятельства иные, в них формируется новый мировой порядок.

Таблица 1

Страны G-20 по площади и численности населения¹

Государство	#	Территория	Государство	#	Население
Россия	1	17 098 246	КНР	1	1 377 782 000
Канада	2	9 984 670	Индия	2	1 292 702 000
КНР	3	9 572 900	США	3	324 130 000
США	4	9 525 067	Индонезия	4	258 705 000
Бразилия	5	8 515 767	Бразилия	5	206 239 000
Австралия	6	7 692 024	Россия	9	146 599 000
Индия	7	3 287 263	Япония	10	126 990 000
Аргентина	8	2 780 400	Мексика	11	122 273 000
Саудов. Аравия	12	1 149 160	Германия	17	81 771 000
Мексика	13	1 964 375	Турскa	19	78 741 000
Индонезия	14	1 904 569	Франция	20	66 736 000
ЮАР	24	1 221 037	Велкобритания	22	65 110 000
Турция	36	783 562	Италия	23	60 665 000
Франция	41	640 679	ЮАР	24	55 654 000
Япония	61	377 930	Республика Корея	26	50 801 000
Германия	62	357 114	Аргентина	31	43 590 000
Италия	71	301 336	Канада	38	36 155 000
Велкобритания	78	242 495	Саудовская Аравия	40	33 248 000
Республика Корея	107	100 210	Австралия	52	24 136 000

¹ Central Intelligence Agency, The World Factbook, Washington D.C., 2016, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>

Показатели экономической мощи стран G-20¹

Государство	#	ВВП	#	ВВП НДН*	#	ИЧР**
США	1	18,558	10	55,805	8	0,915
КНР	2	11,383	84	14,107	90	0,727
Япония	3	4,412	27	38,054	20	0,891
Германия	4	3,467	16	46,893	6	0,916
Великобритания	5	2,760	25	41,159	14	0,907
Франция	6	2,464	24	41,181	22	0,888
Индия	7	2,288	122	6,162	130	0,609
Италия	8	1,844	31	35,708	27	0,873
Бразилия	9	1,534	76	15,615	75	0,755
Канада	10	1,462	21	45,553	9	0,913
Республика Корея	11	1,321	28	36,511	17	0,908
Австралия	13	1,200	16	47,389	2	0,935
Россия	14	1,132	48	25,411	50	0,798
Мексика	15	1,082	67	17,534	74	0,756
Индонезия	16	0,936	99	11,126	110	0,684
Турция	18	0,751	60	20,438	72	0,761
Саудов. Аравия	20	0,618	12	53,624	39	0,837
Аргентина	26	0,437	55	22,554	40	0,836
ЮАР	39	0,266	88	13,165	116	0,666

* ВВП на душу населения.

** Индекс человеческого развития.

¹ International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, IMF, New York, 2016.

Таблица 3

Доля в мировом ВВП ППС стран G-20 за указанный период 1989–2014 г.¹

Государство	2014/1989 (A)/(P)	2014 (%)	2009 (%)	2004 (%)	1989 (%)
США	- 6,14 (- 27,56)	16,14	16,98	19,64	22,28
КНР	+12,25 (+300,98)	16,32	13,71	9,68	4,07
Япония	- 4,39 (-49,94)	4,40	4,90	5,79	8,79
Германия	- 2,65 (-43,44)	3,45	3,72	4,20	6,10
Франция	- 1,75 (-42,27)	2,39	2,65	3,07	4,14
Бразилия	- 0,72 (-19,25)	3,02	3,18	3,08	3,74
Велкобритания	- 1,29 (-35,34)	2,36	2,53	2,96	3,65
Италия	- 2,26 (-53,42)	1,97	2,36	2,88	4,23
Россия	- 0,17 (-4,89)	3,30	3,44	3,47	НП
Индия	+3,11 (+83,60)	6,83	6,09	4,91	3,72
Канада	- 0,60 (-28,84)	1,48	1,54	1,73	2,08
Австралия	- 0,19 (-15,83)	1,01	1,04	1,09	1,20
Испания	- 0,78 (-34,98)	1,45	1,70	1,94	2,23
Мексика	- 0,65 (-24,71)	1,98	2,03	2,21	2,63
Республика Корея	+0,45 (+37,50)	1,65	1,67	1,64	1,20
Индонезия	+0,56 (+28,57)	2,48	2,27	2,03	1,96
Турция	+0,01 (+0,72)	1,40	1,34	1,38	1,39
Саудовская Аравия	+0,10 (+7,19)	1,49	1,38	1,28	1,39
Аргентина	+0,01 (+1,15)	0,88	0,89	0,81	0,87
ЮАР	-0,23 (-26,14)	0,65	0,68	0,70	0,88

¹ Quandl, „GDP as Share of World GDP at PPP By Country“, 2016, <https://www.quandl.com/collections/economics/gdp-as-share-of-world-gdp-at-ppp-by-country>

50 крупнейших корпораций в мире¹

#	Корпорация	Расположение	Отрасль	Прибыль	Сотрудников
1	Walmart	США	торговля	482	2 200 000
2	Sinopec Group	КНР	энергетика	455	358 571
3	China National Petroleum Cor.	КНР	энергетика	428	1 636 532
4	Aramco	Саудовская Аравия	энергетика	338	60 000
5	State Grid	КНР	энергетика	333	1 564 000
6	Samsung	Республика Корея	холдинг	305	489 000
7	Royal Dutch Shell	Нидерланды	энергетика	273	94 000
8	ExxonMobil	США	энергетика	268	75 300
9	Vitol	Нидерланды	холдинг	260	5 441
10	Kuwait Petroleum Corp.	Кувейт	энергетика	252	45 000
11	Wolkswagen	Германия	машиностроение	245	572 800
12	Apple	США	электроника	234	115 000
13	Toyota	Япония	машиностроение	227	344 109
14	BP	Великобритания	энергетика	223	83 900
15	Glencore	Швейцария	холдинг	221	181 000
16	Total	Франция	энергетика	212	100 000
17	Berkshire Hathaway	США	холдинг	211	316 000
18	McKesson	США	фармацевтика	179	32 000
19	China Railways	КНР	транспорт	163	2 045 600
20	Phillips 66	США	энергетика	161	13 500
21	Japan Post	Япония	холдинг	157	229 000
22	Daimler	Германия	машиностроение	157	275 087
23	General Motors	США	машиностроение	152	284 000
24	General Electric	США	холдинг	149	305 000

¹ Fortune business magazine, „Global 500“, 2015, <http://fortune.com/global500/>

#	Корпорация	Расположение	Отрасль	При- быль	Сотруд- ников
25	Exor	Италия	финансы	148	318 562
26	Allianz	Германия	финансы	148	147 425
27	Ford Motor	США	машиностроение	144	164 000
28	Petrobras	Бразилия	энергетика	144	86 100
29	Lukoil	Россия	энергетика	144	120 000
30	Honda	Япония	машиностроение	142	198 561
31	CVS Health	США	торговля	139	208 000
32	Chevron	США	энергетика	138	64 700
33	Industrial and Comercial Bank	КНР	финансы	137	405 354
34	E-ON	Германия	энергетика	135	79 000
35	FoxConn	Тайвань	электроника	133	1 290 000
36	Eni	Италия	энергетика	133	83 000
37	AT & T	США	телекоммуникации	132	256 000
38	Valero	США	энергетика	131	22 000
39	United Health	США	здравоохранение	131	99 000
40	PDVSA	Венесуэла	энергетика	128	191 000
41	Trafigura	Швейцария	холдинг	128	5 326
42	Verizon	США	телекоммуникације	127	176 000
43	China Construction Engin.	КНР	строительство	125	216 824
44	Cargill	США	пищевая промиш.	120	158 000
45	AmerisourceBergen	США	фармацевтика	120	14 500
46	Koch Industries	США	холдинг	115	100 000
47	Costco	США	торговля	113	189 000
48	Hewlett-Packard	США	электроника	111	302 000
49	TATA Group	Индия	холдинг	108	611 000
50	Microsoft Corporation	США	холдинг	93	112 689

Банки с крупнейшими активами в мире в 2016. г.¹

#	Банк	Активы	Расположение
1	Industrial and Comercial Bank of China	3 545,00	КНР
2	China Construction Bank Corporation	2 965,69	КНР
3	Agricultural Bank of China	2 828,25	КНР
4	Mitshubishi UFJ Financial Group	2 654,74	Япония
5	Bank of China	2 639,77	КНР
6	HSBC Holdings	2 595,67	Великобритания
7	JP Morgan Chase & Co.	2 423,81	США
8	BNP Paribas	2 404,10	Франция
9	Bank of America	2 185,50	США
10	Deutsche Bank	1 972,88	Германия
11	China Development Bank	1 897,80	КНР
12	Crédit Agricole Group	1 857,57	Франция
13	Wells Fargo	1 849,18	США
14	Japan Post Bank	1 842,69	Япония
15	Citigroup Inc.	1 800,97	США
16	Barclays PLC	1 795,14	Великобритания
17	Mizuho Financial Group	1 721,68	Япония
18	Sumitomo Mitsui Financial Group	1 660,52	Япония
19	Société Générale	1 550,47	Франция
20	Banco Santander	1 500,94	Испания
21	Groupe BPCE	1 356,77	Франция
22	Royal Bank of Scotland	1 269,12	Великобритания
23	Lloyds Banking Group	1 184,56	Великобритания
24	Bank of Communications	1 147,06	КНР
25	Postal Savings Bank of China	1 049,19	КНР

¹ Banks Around World, „Top Asset Management Firms“, 2016, <http://www.relbanks.com/rankings/largest-asset-managers>

Таблица 6

Банки с крупнейшими активами в мире в 2008 г.¹

#	Банк	Активы	Расположение
1	Royal Bank of Scotland	3 514,58	Великобритания
2	Barclays PLC	3 004,33	Великобритания
3	Deutsche Bank	2 895,50	Германия
4	BNP Paribas	2 729,23	Франция
5	HSBC Holdings	2 527,47	Великобритания
6	JP Morgan Chase & Co.	2 175,05	США
7	Crédit Agricole Group	2 173,89	Франция
8	Citigroup Inc.	1 938,47	США
9	Mitshubishi UFJ Financial Group	1 922,18	Япония
10	ING Bank NV	1 858,31	Нидерланды
11	Bank of America	1 817,94	США
12	UBS AG	1 740,27	Швейцария
13	Mizuho Financial Group	1 537,92	Япония
14	Société Générale	1 485,89	Франция
15	Banco Santander	1 464,74	Испания
16	UniCredit SpA	1 459,10	Италия
17	Industrial and Comercial Bank of China	1 425,72	КНР
18	Wells Fargo	1 309,64	США
19	China Construction Bank Corporation	1 104,01	КНР
20	Sumitomo Mitsui Financial Group	1 115,06	Япония
21	Bank of China	1 015,79	КНР
22	Credit Suisse	1 010,32	Швейцария
23	HBOS	1 004,25	Великобритания
24	Dexia Group	908,45	Бельгия
25	Commerzbank AG	872,45	Германия

¹ Banks Around World. „Top Asset Management Firms“, 2016. <http://www.relbanks.com/rankings/largest-asset-managers>

Военные расходы за указанный период 1988–2015 гг. (в миллионах УСД)¹

Государство	1988	1998	2008	2015
США	586731	398332	682967	595472
КНР	20212 (1989)	32715	113527	214485
Россия	343617 (СССР)	19243	56933	91081
Саудовская Аравия	22844	30704	48949	85354
Франция	69001	61091	64124	60747
Великобритания	64010	51485	69332	59730
Индия	17866	22737	41003	51116
Германия	69498 (СРН)	50248	47104	47046
Япония	39104	46331	45515	46346
Республика Корея	15902	21404	31479	38460
Бразилия	18792	19194	26639	31954
Италия	37955	38744	41049	28460
Австралия	14346	16041	23145	27793
Турция	9163	18800	15939	17669
Израиль	15581	13651	16099	17512
Канада	19352	14251	20469	17210
Испания	19444	18367	21877	16929
Польша	8646	6546	8315	12603
Тайвань	9943	11936	9814	10310
Алжир	615	2019	4516	10230
Иран	5653	5069	12629	9969
Пакистан	4526	5131	6676	9248
Мексика	2524	3997	5273	8976
Индонезия	2174	2899	3621	8071
Таиланд	3517	3942	5826	6101
Египет	4628	3788	5126	5362
Аргентина	3642	1663	2068	5342
Малайзия	1406	1990	5082	5300
Вьетнам	1238	1727(2003)	2759	4581

¹ SIPRI, Military expenditure by country, in constant (2014) US\$ m., 1988–2015, SIPRI, Stockholm, 2016.

Государство	1988	1998	2008	2015
ЮАР	6138	2393	3476	3881
Нигерия	750	883	2234	2298
Кения	1103	508	730	1002
Эфиопия	752	978	522	405

Таблица 8

Военные расходы США и других стран (США=100) (в миллионах УСД)¹

	1998	2008	2015
КНР	8,21	16,62	36,02
Россия	4,83	8,33	15,29
Индия	5,71	6,00	8,58
Бразилия	4,87	3,90	5,36
Япония	11,63	6,67	7,78
Великобритания	12,92	10,15	10,03
Франция	15,36	9,38	10,20
Германия	12,61	6,89	7,91
ЕУ-28	80,28	46,60	47,33

Таблица 9

Военные расходы – сравнительный обзор (в миллионах УСД)²

	1998	1998	2008	2008	2015	2015
НАТО	701,374	НАТО=100	1,029,257	НАТО=100	904,914	НАТО=100
БРИКС	96,282	13,73%	241,578	23,47%	392,517	43,37%
ШОС	52,552	7,49%	172,205	16,73%	368,509	40,72%
ЕУ	316,171	45,08%	318,323	30,93%	281,859	31,14%

¹ SIPRI, Military expenditure by country, in constant (2014) US\$ m., 1988–2015, SIPRI, Stockholm, 2016.

² SIPRI, Military expenditure by country, in constant (2014) US\$ m., 1988–2015, SIPRI, Stockholm, 2016.

Классификация стран Г-20 (+ великая держава/- региональная держава)

#	Государство	Тер	Нас	Вое	ВВП	ИЧР	Статус
1	США	+	+	+	+	+	++
2	КНР	+	+	+	+	-/+	+
3	Россия	+	+	+	+	+/-	+
4	Великобритания	-	+/-	+	+	+	+
5	Франция	-/+	+/-	+	+	+	+
6	Индия	+	+	+	+	-	+/-
7	Япония	-	+	+/-	+	+	+/-
8	Германия	-	+/-	+/-	+	+	+/-
9	Бразилия	+	+	+/-	+	-/+	-/+
10	Италия	-	-/+	+/-	+	+	-
11	Турция	-/+	-/+	+	+/-	-/+	-
12	Республика Корея	-	-/+	+	+	+	-
13	Саудовская Аравия	-	-	-/+	+	+/-	-
14	Канада	+	-	-/+	+	+	-
15	Австралия	+	-	-/+	+	+	-
16	Мексика	+	+	-	+	-/+	-
17	Индонезия	+	+	+/-	+/-	-	-
18	Аргентина	+	-	-	-	+/-	-
19	Южно-Африканская Республика	+	-/+	-	-	-	-

Тер — территория государства

Нас — население

Вое — военный потенциал

ВВП — валовой внутренний продукт

ИЧР — индекс человеческого развития

Библиография

1. *Waltz, Kenneth*. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 1979.
2. *Wohlforth, William*. „The Stability of a Unipolar World“, International Security, 24, 1, Summer 1999: 5–41.
3. *Schweller, Randall L*. Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler’s Strategy of World Conquest. New York: Columbia University Press, 1998: 52–74. *Danilovic, Vesna*, When the Stakes Are High: Deterrence and Conflict Among Major Powers, The University of Michigan Press, Ann Arbor, 2002: 27–8.

4. *Luce, Edward*. In Spite of the Gods: The Rise of Modern India, Anchor Books, New York, 2008.
5. *Ho Chun, Kwang*. The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis, Routledge, London, 2016: 41–64, 149–56
6. Central Intelligence Agency, The World Factbook, Washington D.C., 2016, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
7. International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, IMF, New York, 2016.
8. Quandl, „GDP as Share of World GDP at PPP By Country“, 2016. <https://www.quandl.com/collections/economics/gdp-as-share-of-world-gdp-at-ppp-by-country>
9. Fortune business magazine, „Global 500“, 2015. <http://fortune.com/global500/>
10. Banks Around World, „Top Asset Management Firms“, 2016. <http://www.relbanks.com/rankings/largest-asset-managers>
11. SIPRI, Military expenditure by country, in constant (2014) US\$ m., 1988–2015, SIPRI, Stockholm, 2016.

РАДИКОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ

РУСОФОБИЯ И ЛОЖЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ДАВЛЕНИЯ ЗАПАДА НА РОССИЮ

(12 тезисов доклада)

1. Вызов, брошенный Россией однополярному миру, отказ подчиниться американским претензиям на новую имперскость, гегемонию, противодействие бесцеремонному навязыванию норм и механизмов, разработанных и внедряемых Западом, по которым он же и выступает в роли арбитра, вызвал неприкрытое желание США «наказать» непокорное и уже казалось «побежденное» (пусть пока в «холодной» войне) государство.

2. Принятым летом 2014 года в США законом под названием «Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014» был дан старт активизации НАТО, включая развитие ПРО в Европе и расширенную поддержку Польши и стран Прибалтики; политике сдерживания «дальнейшей агрессии» России в Европе; укреплению Украины и других европейских и евразийских государств против «российской агрессии»; поддержке «российской демократии и гражданского общества» (то есть «пятой колонны» в Российской Федерации). Авангардом НАТО стали выступать территории, которые раньше входили в состав русской цивилизации (Малая Россия), Российской империи

(Польша, Финляндия) и Советского Союза (Прибалтика). Эти территории становятся русофобскими центрами.

3. Современная западная аналитика балансирует между двумя подходами в понимании России: алармистским, постоянно озабоченным тем, что «русские наступают» и пренебрежительным, не воспринимающим Россию всерьез и считающим ее большой «потемкинской деревней», которая рано или поздно придет в упадок из-за своей политики¹. Западные интеллектуалы, владеющие искусством рациональной аргументации, в большинстве своем, вместо логических рассуждений о России, ее политике, применяют трафаретные лозунги, шаблонные фразы, используют, замшелые предубеждения и глупые предрассудки, демонстрируя истерическую слепоту, двойные стандарты в отношении к фактам и глухоту к аргументам.

4. Организованное «единство» западных государств в борьбе с самостоятельностью и геополитической значимостью и влиятельностью России является фальшивым, в сущности, отражает не самостоятельную позицию официальных властей. По оценке президента РФ В.Путина, «это не просто нервная реакция США или их союзников на нашу позицию в связи с событиями и госпереворотом на Украине и даже не в связи с так называемой «крымской весной». Уверен, что если бы всего этого не было, то придумали бы какой-нибудь другой повод для того, чтобы сдерживать растущие возможности России, повлиять на нее, а еще лучше — использовать в своих интересах»².

5. В течение двух последних десятилетий произошла культурная переориентация американского стратегического мышления: война более не определяется исключительно в терминах чистого вооруженного противостояния, оно ведется, прежде всего, с помощью немилитаристских, информационных и психологических методов.

6. Среди мер давления Запада на Россию особая роль отводится активации мировой русофобии, пришедшей на смену продолжающейся почти 10 лет исламофобии (в 1997 г. британский исследовательский

¹ Кофман М. Стратегия Путина гораздо лучше, чем мы думаем // Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России. М.: Эксмо, 2016. С. 188–189.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/

центр Runnymede Trust опубликовал доклад «Исламофобия — вызов для всех», в декабре 2004 года прошла конференция «Борьба с исламофобией», где председательствовал генеральный секретарь ООН, резкое возрастание во всем мире связано с событиями 11 сентября).

7. Неестественный страх перед русскими является перманентным политическим фактором. Русофобия имеет древние корни. Ненависть и недоброжелательность, неприязнь и отвращение к России, стремление представить ее в образе отсталой, неуклюжей антизападной агрессивной и злобной державы были инспирированы уже иностранцами, посещавшими Русь в XV–XVII вв. и распространявшими фактические выдумки, сплетни и клеветнические слухи. Как писал А.С. Хомяков: «И сколько во всем этом вздора, сколько невежества! Какая путаница в понятиях и даже в словах, какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба! Поневоле родится чувство досады, поневоле спрашиваешь: на чем основана такая злость, чем мы ее заслужили?... Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов, отказать нам в этом праве они не могут, но и смириться с тем — тоже»¹. Первые несистемные проявления русофобии увеличивались по мере усиления России в XVIII—XIX вв. и в настоящее время приобрели масштабный, согласованный характер.

8. По мнению Ги Меттана — журналиста-обозревателя, бывшего главного редактора «Трибюн де Женев»; бывшего президента Верховного Совета, женеvского парламента, изложенном в книге «Россия — Запад. Тысячелетняя война. От русофобии Карла Великого до кризиса на Украине. Почему нам так нравится ненавидеть Россию», русофобия — это коллективный психологический феномен, психопатия, подпитываемая изнутри тенденциозно интерпретируемыми фактами и ситуациями, когда ответственность за их свершение перекладывается на русских или их политического лидера, в настоящее время Владимира Путина.

¹ Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России. http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_mnenie_inostran.html

9. Носителями и распространителями русофобии являются в первую очередь средства массовой информации.

10. Современная русофобия носит системный характер, распространяется на нескольких уровнях: обывательском (предубеждения, принимаемые порой за логический характер); интеллектуальном (сочинения, искажающие русскую историю, преподнося ее в заданном ключе); политическом (различные политические акции, действия государств и политиков, основанные на этом комплексе). Она относится к новому типу, более агрессивному, проявляющемуся через систему ценностей, моду и даже административную иерархию.

11. Русофобией больны сегодня многие государства, члены НАТО, союзники США. Наиболее известны своей русофобией прибалтийские республики, Польша, Украина. Их вступление в НАТО мотивировалось страхом перед прошлым, однако выяснилось, что членство в этой организации еще более стимулирует у прибалтийских государств антирусские фобии. Антирусская истерия, основанная на исторической лжи, и выступающая как заокеанский политический заказ, как единственно возможная плата за американское покровительство, характеризует украинское враждебное отношение к России, к русским. Министерство образования и науки утвердило проект Института национальной памяти (УИНП) о внесении изменений в школьную программу по истории Украины для 10–11 классов. В частности, для изучения введены темы: «Украинская революция 1917–1921 годов», «Установление советского тоталитарного режима в 1921–1939 годах», «Войны Советской России с Украинской Народной Республикой», «Советская оккупация Украины». Иначе говоря, со школьной скамьи украинским школьникам будут внушать, что их главный враг-Россия. Еще большую тревогу вызывает появление русофобских тенденций абсолютно среди всех социальных слоев белорусского общества и, в первую очередь, в среде интеллигенции, которая вдруг заговорила о необходимости национального возрождения, ориентированного на европейское наследие современных белорусских земель. Сторонники такого подхода всерьез считают, что для сохранения своей национальной идентичности у белорусов нет иного выбора, кроме как сформировать в своем сознании яркий образ внешнего врага в лице России. Обосновывается это, как правило, словами о том, что только Европа может дать белорусам все самое

прогрессивное, в то время как с восточной стороны как раз все наоборот — коррупция, пьянство, бескультурье, тирания и прочие «прелести» третьего мира. На этой волне в республике и стало появляться все больше тех, кто реально считает, что с Россией нужно разорвать любые отношения, а у Белоруссии существует только один путь — в Европу¹.

12. Пристального внимания требуют проявления русофобии в самой России, внедрение ее как мировоззрения внутрь российской среды. В русской истории часто находят примеры самоедских, близких к самоистреблению, т.е. русофобских, высказываний наших соотечественников (Чаадаев, Лермонтов, Печерин В.С. и мн. др.) Так, В.С. Печерин, называвшийся одним из самых способных студентов Петербургского университета, ставший в 27 лет профессором Московского университета, бежавший за границу и принявший католичество писал:

*«Как сладостно — отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничиженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!»².*

Эти слова нередко цитируют с восторгом, забывая прибавить, что сам автор позднее назвал эти строки безумными. Современные адепты русофобии внутри страны — российская «либеральная» оппозиция — «борцы за демократию и права человека», поставляющая на Запад фактуру. Напомним им слова Тютчева:

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы³.*

¹ Павловец Ю. Белорусам хотят привить русофобские настроения 31.07.2015 // Аналитика портала «Вместе с Россией». oss-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/yuriy-pavlovets-belorusam-khotyat-privit-rusofobskiye-nastroyeniya

² Печерин В.С. Оправдание моей жизни. http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml

³ Тютчев Ф.И. «Напрасный труд — нет, их не вразумишь...» // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Издат. центр «Классика», 2002. Т. 2. Стихотворения, 1850—1873. 2003. С. 181.

Таким образом, русофобия отражает иррациональность общественного сознания и одновременно являет собой жесткую пиар-схему, способом отвлечения западного мира от собственных проблем, переадресации негатива на внешний объект.

Библиография

1. *Кофман М.* Стратегия Путина гораздо лучше, чем мы думаем/ Цивилизация, при-творяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России. М.: Эксмо, 2016. С. 188–189.
2. *Павловец Ю.* Белорусам хотят привить русофобские настроения. 31.07.2015 // Аналитика портала «Вместе с Россией». oss-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/yuriy-pavlovets-belorusam-khotyat-privit-rusofobskiye-nastroeniya
3. *Печерин В.С.* Оправдание моей жизни. http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/
5. *Хомяков А.С.* Мнение иностранцев о России//http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_mnenie_inostran.html

РОГОЖИНА ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА РЫЖОВ ИГОРЬ ВАЛЕРЬЕВИЧ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАДИКАЛЬНОЙ ИСЛАМСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В современных условиях, когда различного рода финансовые и экономические кризисы, вооруженные конфликты и эпидемии захлестнули мировое сообщество, когда реализуется на практике теория «управляемого хаоса»¹, а мир полон непредсказуемых событий и опасностей, различного рода радикальные движения, течения, идеологии набирают все больше сторонников, что приводит к дестабилизации современного мира. Как идеологическая доктрина и политическая практика радикальный ислам реализуется в деятельно-

¹ *Нурыйшев Г.Н.* Современные концепции «управляемого хаоса» в глобальном геополитическом противоборстве. Режим доступа: <http://economics.open-mechanics.com/articles/633.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).

сти различных исламистских организаций. Эти организации могут быть глобального и регионального уровня. Формами радикальных исламистских организаций могут быть неправительственные организации, фонды, политические партии. Радикальный ислам — это проявление тенденции реисламизации общества и политизации ислама, как на постсоветском пространстве, так и в некоторых других регионах мира. Сегодня же для Российской Федерации активизацию данной идеологии можно рассматривать в качестве главной потенциальной угрозы безопасности государства. В последнее время, в связи с многочисленными терактами, самая обсуждаемая тема — международный терроризм, апогеем которого на сегодняшний день является группировка «Исламское государство» (далее — ИГ), запрещенная во многих странах мира, в том числе, и в Российской Федерации. Это один из самых тревожных феноменов современности, который привлекает всеобщее внимание и становится центром глобальной «большой игры»¹.

Группировка «Исламское государство» — это террористическое образование суннитского толка, получила широкую известность летом 2014 г., когда боевики ИГ захватили второй по величине иракский город Мосул. В дальнейшем под их контролем оказались значительные территории Ирака и Сирии. Сегодня ИГ стало реальной угрозой стабильности не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире. ИГ — это совершенно новое явление, которое пока не могут классифицировать ни с точки зрения международного права, ни современные международные институты.

В настоящее время вряд ли можно найти страну, чьи жители не стали объектом вербовки ИГ и где ничего не известно об идеологии этой группировки. Не удалось избежать распространения идеологии ИГ и в России. Лозунги этой организации хорошо «приживаются» на территории наиболее «проблемного» российского региона — Северного Кавказа, и исламские «богословы» ИГ умело пользуются этим. Так, в 2014 г. А. Б. аль-Багдади назвал Россию (наравне с США) главными врагами халифата и упомянул Северный Кавказ как террито-

¹ *Вайс М., Хасан Х.* Исламское государство: армия террора / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 7.

рию, где попираются права мусульман¹. С началом гражданской войны в Сирии в 2011 г., когда стали раздаваться призывы к участию на стороне ИГ, по разным оценкам, оттуда выехало 2–7 тыс. человек. Из Чечни, по признанию Рамзана Кадырова, уехало около 500 человек. Присоединившихся к боевикам в Сирии дагестанцев, по разным оценкам, 2–5 тыс. человек. В поток уезжающих в Сирию (возраст направляющихся в ИГ в основном колеблется в диапазоне 18–28 лет) вливаются и представители других народов России: башкиры, татары, русские. Расширяется и география такого исхода: среди боевиков ИГ замечены не только жители обеих столиц, но и представители различных регионов европейской России и Сибири. Всё это — результат изменения политики ИГ на Северном Кавказе: если прежде ИГ смотрел на самую влиятельную террористическую группировку Северного Кавказа «Имарат Кавказ» как на источник «пушечного мяса», то теперь рассматривает его в качестве своего филиала. Следует отметить, что по объективным причинам большое внимание уделяется, IT-специалистам, нефтяникам, врачам (в первую очередь — хирургам).

Летом 2015 г. Общественная палата России решила открыть «горячую линию» для приема сообщений о вербовке в состав «Исламского государства». Запуск мониторинга с участием общества означает, что угроза исламистской вербовки в России стала очень серьезной. Ведь если раньше под вербовку попадали Северный Кавказ и Средняя Азия, а «мишенью» вербовщиков были представители традиционного ислама, то всем известный случай Варвары Карауловой показал, что теперь вербовка ИГИЛ не имеет ни религиозных, ни этнических предпочтений². В ноябре 2015 г. Полномочный представитель Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе Сергей Меликов на заседании Общественного совета Северо-Кавказского федерального округа отметил, что «сегодня даже правоохранительные органы не до конца понимают, каким образом на неокрепшие умы воздействуют вербовщики». Как следствие, сложилась широкая география вербовочной деятельности. В фокусе вербовщиков оказываются как

¹ Цилюрик Д. «Исламское государство» под огнем воздушных танков // Независимая газета. 2015. 8 октября.

² Эль Мюрид. ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно? М.: Книжный мир, 2016. С. 232–233.

граждане РФ, так и мигранты (особенно из стран Центральной Азии и Закавказья), уроженцы как регионов с доминирующим мусульманским населением, так и Хабаровского края и областей Сибирского и Уральского федеральных округов, далеких от Дагестана и Чечни.

Попытаемся ответить на вопрос, почему же вербовочный механизм ИГ так успешно работает в России. ИГ привлекательно для части молодых мусульман обещаниями социальной справедливости, которую они отчаялись добиться на своей малой родине. Если до этого молодые экстремисты искали свое место в рядах боевиков вышеуказанной группировки «Имарат Кавказ», то взлет ИГ в 2013–2014 гг. дал им нового кумира. Им дается шанс обрести то, чего они не рассчитывали получить в своих странах и регионах, возможность не только попробовать сделать карьеру, но и участвовать в построении «справедливого» общества, основанного, как они считают, на законах шариата. В этой связи важно то, что нельзя сводить сложную картину к банальному выводу, что экстремистами становятся обездоленные. Связь этих факторов не линейна, «терроризм бедных и обездоленных» остался в прошлом. Среди присоединившихся к ИГИЛ, значительную долю составляют успешные, состоявшиеся люди. Анализ данных об уехавших в Сирию из некоторых дагестанских селений свидетельствует о том, что среди них преобладают выходцы из благополучных слоев общества, а представители семей, исторически находившихся на низких ступенях социальной иерархии, напротив, как правило, не отзываются на вербовочные призывы.

Учитывая географическую удаленность России от мест базирования боевиков ИГ, наиболее удобным способом привлечь в ИГ новобранцев из России является Интернет. Российский исследователь В. Платов в Интернет-журнале «Новое Восточное обозрение» утверждает, что исламисты, выступая за строительство «халифата» на основе средневековых догматов, все же не отказываются от широкого использования, наработанного в мире опыта в сфере агитационно-пропагандистской деятельности. Они применяют самые современные технологии в области информационных коммуникаций. При этом основной упор делается на использовании виртуального анонимного пространства Интернета. Их распространяющиеся видео и печатные материалы, нередко с выступлениями захваченных западных заложников, выходят в свет на пяти языках (русский — третий по частоте

использования после арабского и английского). К середине 2015 г. в Twitter отдельные специалисты насчитали уже около 90 тыс. аккаунтов, владельцы которых либо разделяли постулаты ИГ, либо интересовались деятельностью этого квази-государства. Каждый из таких аккаунтов имел от 2 до 50 тыс. подписчиков, создавая тем самым целевую аудиторию и распространяя информацию и взгляды радикальных исламистов¹.

Несмотря на то, что счет покинувших Россию граждан в пользу ИГ уже идет на тысячи, у нашей страны и общества есть ресурсы, которые можно и нужно противопоставить пропагандистам данной группировки. Во-первых, это исторические традиции мирного сосуществования мусульманских народов с другими этнорелигиозными сообществами в составе России. Во-вторых, это лояльность подавляющего большинства мусульман — граждан РФ к своей стране, высокий уровень их интеграции в общероссийский социум. В-третьих, это разочарование от практических попыток политической исламизации в постсоветский период. В-четвертых, это политика вовлечения всех народов нашей многонациональной страны в государственную власть и органы местного самоуправления, рассчитанная на межконфессиональный и межнациональный мир. Наконец, это широкие международные связи России со странами мусульманского мира (Ближний Восток, Центральная Азия), включая сотрудничество по линии борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Безусловно, Исламское государство — угроза для России. В первую очередь — на территории Северного Кавказа, где действует «Имарат Кавказ». Летом 2015 года члены этой группировки принесли присягу эмиру ИГ Абу Бакру аль-Багдади, чем формально привели Исламское государство на российскую территорию — теперь они являются его представителями в России.

В данных условиях нельзя забывать о сложных проблемах, которые делают нашу страну уязвимой для агитации и пропаганды со стороны радикалов, включая ИГ. Во-первых, нередко рост популярности исламистских настроений в основном связан не с успешными усилиями проповедников, а с распадом светских систем регулирования

¹ Платов В. «Кибер-халифат» ИГ // Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2016/02/10/kiber-halifat-ig/> (дата обращения: 25.08.2016).

различных сфер жизни. Ситуация усугубляется недостаточно эффективной судебной и управленческой системой. Отсюда и апеллирование к мечети, шейхам или ваххабитским группам как к возможным арбитрам. Во-вторых, в противодействии терроризму и экстремизму по-прежнему доминируют методы жесткой силы (пресечение деятельности агитаторов, уничтожение боевиков). Все эти меры неизбежны, однако они должны сопровождаться активными контрдействиями по продвижению российского, «традиционного» ислама как альтернативы зарубежным джихадистским течениям. К сожалению, у представителей духовных управлений мусульман не всегда хватает аргументов для опровержения идей радикалов именно с теологической точки зрения. Это происходит потому, что далеко не всегда принципы «умеренности в религии» и «умеренного ислама», которые изложены в Московской богословской декларации по вопросам джихада, такфира и халифата (2012 г.), доносятся муфтиями и имамами до членов религиозных сообществ. В-третьих, по-прежнему сохраняется сложная ситуация с соблюдением прав человека на Северном Кавказе. Для данного региона это обстоятельство имеет особое значение, прежде всего, из-за значительного отличия общеполитической ситуации по сравнению с другими регионами РФ, где наличие латентных межэтнических противоречий, непропорциональное использование государственного насилия, нарушение законодательства и излишнее администрирование общественных отношений способно формировать социальный и политический негативизм и протесты у населения. В-четвертых, серьезной проблемой, способствующей распространению джихадистской идеологии в России, является российская молодежная политика, которой не хватает ни последовательности, ни системности, ни надлежащего внимания и контроля. В итоге значительное количество молодых людей (не обязательно из регионов Северного Кавказа) во многом предоставлены сами себе в поиске собственной идентичности и жизненного выбора. Без должной опеки остается фрустрированная молодежь, склонная к экстремальным решениям в выборе жизненного пути, включая и путь джихадизма.

Библиография

1. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

2. *Нурьшев Г.Н.* Современные концепции «управляемого хаоса» в глобальном геополитическом противоборстве // Режим доступа: <http://economics.open-mechanics.com/articles/633.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).
3. *Платов В.* «Кибер-халифат» ИГ // Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2016/02/10/kiber-halifat-ig/> (дата обращения: 25.08.2016).
4. *Цилюрик Д.* «Исламское государство» под огнем воздушных танков // Независимая газета. 2015. 8 октября.
5. *Эль Мюрид.* ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно? М.: Книжный мир, 2016. 256 с.

СИДОРОВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Россия активно участвует в выработке общей стратегии урегулирования вооруженных конфликтов, политической линии мирового сообщества в конкретной кризисной ситуации, определении мандатов соответствующих миротворческих операций, согласовании шагов, направленных на обеспечение комплексного решения задач постконфликтного восстановления. Стремление нашей страны к недопущению эскалации напряженности и мирному разрешению конфликтов находит свое отражение в официальных документах внешнеполитического ведомства России. Так, в заявлении МИД России в связи с событиями в Турции в июле 2016 г. говорится: «Подтверждаем готовность к совместной конструктивной работе с законно избранным руководством Турецкой Республики в интересах продвижения двусторонних отношений на благо народов наших стран, к поиску эффективных путей решения злободневных международных вопросов, прежде всего связанных с противодействием угрозе терроризма¹.

Современные политические реалии подтверждаются намерением российского государства, как постоянного члена Совета Безопасности ООН, способствовать установлению мирного климата на планете.

¹ Заявление МИД России в связи с ситуацией в Турции, 16 июля 2016 года, 1330-16-07-2016 [Электронный ресурс] / МИД России, дата загрузки 16.07.2016, URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2356256 (дата обращения: 07.08.2016). С. 1.

Последовательно предпринимаются шаги по консолидации усилий в вопросе по урегулированию ситуации в Сирии. На встрече Президента России В.В. Путина с Министром иностранных дел России С.В. Лавровым и Министром обороны России С.К. Шойгу (Москва, 14 марта 2016 г.) отмечалось, что в целях урегулирования обстановки была создана международная группа поддержки Сирии, в которую вошли все без исключения ключевые игроки, включая региональные державы. Договоренности, которые в этой группе были достигнуты, о параметрах сирийского политического процесса, были одобрены в двух резолюциях СБ ООН, которые «утвердили триединый процесс — прекращение боевых действий, расширение доступа гуманитарных грузов в ранее заблокированные районы и начало межсирийских переговоров». Президент России отдал приказ о начале вывода с 15 марта 2016 г. основной части российской военной группировки из Сирийской Арабской Республики¹.

Россия пользуется правом вето в СБ ООН, хотя идеологические противники пытаются лишить ее этой привилегии. Только на проекты резолюций по сирийской проблеме вето накладывалось четыре раза. В первый раз это право было применено 4 октября 2011 г. Тогда Россия и Китай заблокировали проект резолюции, угрожавшей Сирии санкциями в случае, если власти не прекратят подавление выступлений оппозиции. 4 февраля 2012 г. Москва и Пекин отклонили проект резолюции, возлагавшей всю ответственность за кровопролитие на сирийские власти и предусматривавшей отстранение от власти президента Сирии Башара Асада. 19 июля 2012 г. обе страны вновь наложили вето на проект резолюции по Сирии, предусматривавшей введение санкций. В четвертый раз право вето было применено в СБ ООН 22 мая 2014 г. в отношении проекта резолюции по передаче в Международный уголовный суд досье по фактам возможных военных преступлений в Сирии.

Россия активный участник процесса по урегулированию ситуации на Украине. Постоянный представитель Российской Федерации

¹ Встреча Президента России В.В. Путина с Министром иностранных дел России С.В. Лавровым и Министром обороны России С.К.Шойгу, Москва, 14 марта 2016 года [Электронный ресурс] / Посольство РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (дата загрузки 15.03.2016). URL: <http://rus.rusemb.org.uk/fnapr/4795> (дата обращения: 92.08.2016). С. 1.

при ООН В.И. Чуркин относительно ситуации в Донбасе отмечал, что активность со стороны вооруженных сил Украины «происходит на фоне упорного нежелания заниматься реализацией политических аспектов Минских договоренностей, выполнять принятые Киевом на себя обязательства. Вместо этого представители Украины в переговорном процессе лишь пытаются создавать иллюзию заинтересованности в мирном разрешении внутриукраинского кризиса. Всячески акцентируя тему обеспечения устойчивой безопасности, Киев сам же и провоцирует обострение на линии соприкосновения. «Еще раз подтверждаем, отметил российский дипломат, — военного пути решения внутриукраинского кризиса нет. Он может быть урегулирован только мирным политико-дипломатическим способом на основе неукоснительного и полного выполнения «Комплекса мер» через прямой диалог Киева с Донбассом». Именно это «красной нитью» проходит через Минские соглашения от 12 февраля 2015 года, которые закреплены резолюцией СБ ООН 2202. Попытки задним числом извратить эти договоренности, навязать собственную интерпретацию очередности шагов, ставить искусственные предварительные условия приводят к затягиванию процесса мирного урегулирования¹.

Россия участвует в разработке и выполнении программ международного содействия Африке, в том числе в области укрепления миротворческого потенциала Афросоюза, через СБ ООН способствует снижению уровня конфликтности в Африке. В свою очередь, в африканских странах высоко ценят и приветствуют вклад России в урегулирование проблемы мира и безопасности на континенте. Активным участием в формировании международного взаимодействия в Африке Россия внесла конструктивный вклад в стабилизацию международного климата. В первую очередь это относится к миротворчеству. Российские военнослужащие и сотрудники органов внутренних дел задействованы во всех операциях ООН по поддержанию мира в Африке — в ДРК (МООНСДРК), Западной Сахаре (МИНУРСО), Сьерра-Леоне (МИНУСИЛ), Кот-д'Ивуаре (ОНУЧИ), Либерии (МИНУЛ),

¹ Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина Председателю Совета Безопасности ООН Кору Бешо о ситуации на Украине 22 июля 2016 года [Электронный ресурс] / Постоянное представительство Российской Федерации при ООН (дата загрузки 22.07.2016). URL: http://russiaun.ru/ru/news/sc_ltrpc (дата обращения: 07.08.2016). С. 1.

Судане (МИНУС). Российские вертолетные группы выполняют задачи в составе Миссии ООН в Судане и Миссии в Чаде (МИНУРКАТ).

Однако сегодня у России нет пока своей площадки для встреч на многосторонней основе с политическими деятелями стран Африки. Об этом нам постоянно напоминают африканские коллеги, ссылаясь на пример регулярно проводимых форумов «США — Африка», «Франция — Африка», «Китай — Африка», «Япония — Африка» (ТИКАД), «Республика Корея — Африка» и др. Создание подобных или каких-то других рамок российско-африканского диалога представляется целесообразным, поскольку в таком случае создается важное условие стабилизации двустороннего партнерства. Сделать Африку пространством мира и сотрудничества — вот, что ждут сегодня африканцы от мирового сообщества. И Россия в этом плане успешно делает шаги на пути многовекторной политики, к многополярному мироустройству. Покончить с конфликтами и вернуть их в правовое русло Устава ООН, на основе главных принципов и норм международного права, не так просто. Но превентивный потенциал у мирового сообщества вполне обозначился. В.В. Путин в своем поздравлении африканских стран по случаю Дня Африки заявил о намерении всемерно укреплять отношения дружбы и сотрудничества с африканскими странами и продолжать участие в различных программах и проектах содействия Африке¹.

Библиография

1. Заявление МИД России в связи с ситуацией в Турции, 16 июля 2016 года, 1330-16-07-2016 [Электронный ресурс] / МИД России, дата загрузки 16.07.2016, URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2356256 (дата обращения: 07.08.2016).
2. Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина Председателю Совета Безопасности ООН Коро Бешо о ситуации на Украине 22 июля 2016 года [Электронный ресурс] / Постоянное представительство Российской Федерации при ООН, дата загрузки 22.07.2016. URL: http://russiaun.ru/ru/news/sc_itrpsc (дата обращения: 7.08.2016).
3. Встреча Президента России В.В. Путина с Министром иностранных дел России С.В. Лавровым и Министром обороны России С.К.Шойгу, Москва, 14 марта 2016 года [Электронный ресурс] / Посольство РФ в Соединенном Королевстве Велико-

¹ Путин поздравил лидеров стран Африки с Днем освобождения [Электронный ресурс] // ТАСС Информационное агентство России, дата загрузки 25.05.2016. URL: <http://tass.ru/politika/3312159> (дата обращения: 05.08.2016).

британии и Северной Ирландии, дата загрузки 15.03.2016. URL: <http://rus.rusemb.org.uk/fnapr/4795> (дата обращения: 92.08.2016).

4. Путин поздравил лидеров стран Африки с Днем освобождения [Электронный ресурс] / ТАСС Информационное агентство России, дата загрузки 25.05.2016. URL: <http://tass.ru/politika/3312159> (дата обращения: 05.08.2016).

СИЛАЕВА ЗОЯ ВЛАДИМИРОВНА

РОСТ «СПОРНЫХ ГОСУДАРСТВ» В МИРЕ КАК ОТВЕТ НА ПРОЦЕССЫ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В настоящее время актуализируется проблема, связанная с не разрешением с политической точки зрения дилеммы относительно права на самоопределение народов и принципом целостности государства, которая нередко используется для управления локальными конфликтами. Политика «двойных стандартов» в решении данного вопроса зачастую способствует возникновению долговременной дестабилизации целых стран и регионов или прямых угроз национальной безопасности государств, для которых характерны центробежные тенденции. При этом возмутителями спокойствия нередко выступают безобидные, на первый взгляд, идеи о стремлении к самостоятельности и самообеспечению, о «праве голоса или праве быть услышанным», которые при благоприятных обстоятельствах превращаются в жесткие политические лозунги и способствуют росту националистической оппозиции.

Традиционно, несмотря на различия во внутреннем строении и положении в мировой системе европейские государства и союзы, международные организации можно было рассматривать как единое целое. Однако, в последнее время, под воздействием социально-экономических и политических проблем, обусловленных неразрешенностью отдельных локальных конфликтов, несовершенной миграционной политикой и возникающими последствиями от ее реализации, все чаще наблюдаются дезинтеграционные процессы и переход на приоритетные направления развития, выбранные руководством отдельных государств. Усиливающаяся внутренняя фрагментация способствует изменению направлений развития не только внутри госу-

дарства, но и отношений, складывающихся между государствами или блоками государств, которые влияют на процессы мировой политики и возникновения в них новых субъектов, одним из которых являются «спорные государства».

«Спорные государства» являются неотъемлемой частью современной мировой политики. Под «спорными государствами» понимаются все квазигосударственные образования и несостоявшиеся государства, характеризующиеся разной степенью признания, неопределенным политическим статусом, проблематизированными внешними аспектами суверенности, неспособностью обеспечить выполнение необходимых функций политического производства, доказывающие свое право на активное участие в международных делах. Появление данного субъекта мировой политики изначально, в первую очередь, связывали с демонтажом колониальной системы, распадом Советского Союза и Югославии, сериями затяжных политических локальных и региональных конфликтов и дальнейшей политической трансформацией в постсоциалистических европейских странах. Проблемные политико-территориальные образования, возникшие в данный исторический период, отличаются активным взаимодействием с сопредельными территориями, российским государством, ведущими европейскими и западными странами и себе подобными образованиями.

В политической науке, в отличие, например, от юриспруденции не всегда ставится вопрос о том, что территория или существование подобных проблемных политико-территориальных образований кем-то оспаривается, вопрос в другом. Вопрос в том, что такое государство, должно ли оно быть самостоятельным и независимым как внутри себя, так и на международной арене. С одной стороны, можно говорить о том, что суверенитет — это неотъемлемый признак государства. Суверенитет государства — это верховенство и независимость государства, равноправие с другими государствами. В таком случае, с одной стороны, практически ни одно проблемное политико-территориальное образование не обладает полным суверенитетом. С другой стороны, возникает вопрос, а сколько вообще государств, даже членом ООН обладает полным суверенитетом.

В политической мысли встречаются высказывания о том, что страны, входящие, например, в Европейский Союз, частично отказываются от своего суверенитета, и глядя на современные реалии, с этим

трудно не согласиться. Аналогичная ситуация и с понятиями «непризнанность» и «несостоятельность». Стремление же обрести вновь суверенитет приводит к процессам фрагментации и дезинтеграции, с одной стороны, и стремлением предотвратить это путем раздачи привилегий, с другой стороны. В связи с этим происходит изменение векторов развития внешней и внутренней политики ряда, в том числе и ведущих развивающихся государств.

Проблема «спорных государств» представляет интерес и для российского государства, стремящегося восстановить свое влияние на процессы мировой политики. Изоляция России рядом западных и европейских государств, способствовала корректировке векторов развития как ее внутренней политики (переориентация с энергетических рынков сбыта на подъем сельского хозяйства), так и внешней политики (расширение стратегического влияния в регионах). Осознавая, что интеграционным тенденциям в отношении России, подвержены лишь несколько государств, чья экономика и политическая система в значительной степени зависит от нее, российское государство пытается использовать различные информационно-политические технологии, направленные на снижение значимости диверсифицированной политики на сближение ряда государств с Европейским Союзом и США.

Как правило, «спорные государства» возникают после серии локальных конфликтов, которые внутригосударственные политические элиты не могут решить самостоятельно, обращаются к внешнему посреднику. И, как правило, российское государство всегда ориентировано на мирное послевоенное устройство с оказанием гуманитарной помощи, поддержанием экономической и политической стабильности государства, так как воспринимает эти государства или новые политико-территориальные образования как равноправные субъекты процессов мировой политики. Именно не понимание этого другими западными и европейскими державами и ведет к росту «спорных государств». Аналогично внутриличностному конфликту, у «спорных государств» возникает конфликт между собственным стремлением найти свое место в мировой политике, стать ее полноценным субъектом и нежеланием ведущих западных и европейских стран согласиться с изменением конфигурации международной системы и государственно-территориального устройства своего государства.

Таким образом, только политика интеграции и осознание, что сложившаяся политическая система и мировой порядок могут трансформироваться, и эти процессы неизбежно будут приводить к росту новых политических субъектов, к образованию новых политико-территориальных образований, учащихся самостоятельно проводить свою политику, направленную на защиту своих национальных интересов, будет способствовать снижению именно проблемных политико-территориальных образований, а «спорный» характер будет лишь временным, переходным, этапом их развития на пути становления их самостоятельными государствами и политическими игроками мировой политики.

ТЕЛИН КИРИЛЛ ОЛЕГОВИЧ

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Со степенью внимания отечественных авторов к проблематике политического кризиса может соперничать, пожалуй, лишь степень неопределенности исходного понятия. В постсоветские годы категория «политического кризиса», как и «кризиса» вообще, стала, по всей видимости, одной из «жертв» ухудшающейся экономической динамики и наблюдаемой деградации социально-экономических условий: несмотря на то, что обращение к ее терминологии регулярно происходило как в научной литературе, так и в популярной публицистике, разница в интерпретациях была и остается поразительной.

Конечно, следуя методологическому рецепту У. Гэлли, можно было бы объявить «кризис» сущностно оспариваемым понятием (*essentially contested concept*), однако нам представляется, что подобное решение лишь усугубило бы существующие проблемы прикладных кризисных явлений и обозначение их границ. Меж тем актуальность и востребованность такого рода разработок не требует дополнительных комментариев: и в России, и в других государствах политический процесс регулярно сталкивается с волнениями, нерешенными про-

блемами, всплесками насилия и ослаблением имеющих статусных ролей и идентификаций.

Концептуализация кризиса

Странным и почти необъяснимым обстоятельством, препятствующим четкому и непротиворечивому использованию понятия «политический кризис» в современной отечественной политологии, является отсутствие системного внимания к зарубежным разработкам, которые за давностью лет и уровнем цитирования могут, вероятно, считаться классическими. К таковым мы можем отнести Стэнфордский проект, занимавшийся исследованиями причинности политического развития и представленный в работе **Г. Алмонда, Р. Мундта и С. Флэнагана**, школу исторического институционализма с ее исследованиями «зависимости от пути» (path dependence) и ее «критических развилок» (critical junctures), а также фундаментальные труды **Р. Козеллека**. Кроме того, колоссальный вклад в научное исследование политических кризисов внесли работы **Э. Циммермана, К. Даудинга и Р. Кимбера, У. Розенталя** и его соавторов **М. Чарльза, П. т' Харта, А. Бойна**.

Так, стэнфордская модель предлагает рассматривать кризис с точки зрения сразу четырех методологических подходов — структурного функционализма, теории социальной мобилизации, теории лидерства и теории рационального выбора; **Р. Козеллек**, подчеркивая историчность кризиса и его оценочно-прогностическое значение, указывает на связь одной из трактовок этого понятия с отсутствием легитимного политического и социального строя. Институционалисты, тщательно рассматривающие возможности т.н. «зависимости от пути» (path dependence), указывают, что кризис можно связывать с «критическими развилками» на этом самом пути — периодами «значимых изменений», когда возрастает неопределенность и количество угроз, связанных с вероятной динамикой политического развития.

В целом, приведенные выше зарубежные авторы формулируют относительно непротиворечивую совокупность позиций, разъясняющих природу и возникновение политического кризиса как такового. Вместе с тем, из этой совокупности нас интересуют наиболее характерные прикладные суждения, которые мы и постараемся привести ниже.

Во-первых, У. Розенталь и его соавторы разделяют взгляды К. Даудинга и Р. Кимбера в интерпретации кризиса как *«серьезной угрозы базовым структурам или фундаментальным ценностям и нормам системы, которая в условиях ограничения времени и непредвиденных обстоятельств»* вызывает потребность в экстренных решениях» или как ситуации, *«оспаривающей ключевые элементы идентичности системы и лишаящей ее способности адекватно реагировать на угрозы ее существованию из-за распада институтов или неуправляемой и скоротечной трансформации структурных связей»*. Кроме того, управляемые и последовательные изменения, даже масштабного и стратегического характера, не могут называться кризисом, хотя могут быть связаны с конфликтом ожиданий и социальными (адаптационными) шоками.

Фактически, в представлении названных авторов, как и в работах **С. Вербы** (Verba, 1971) или «стэнфордцев», выход из кризиса — или превентивное уклонение от него — даже подразумевает необходимость инноваций и изменений. В случае, если структурной или институциональной трансформации политической системы, направленной на развитие и адаптацию к изменениям «окружающей среды», не происходит в управляемой форме, система действительно сталкивается с кризисом, поскольку оказывается не в состоянии справиться с вызовами и поддерживать сложившиеся социальные связи, статусные позиции и роли.

Это приводит нас ко второму замечанию: одной из важнейших характеристик политического кризиса является всплеск политически мотивированного насилия, которое, с одной стороны, используется государственными институтами для сохранения status quo любыми доступными способами, а с другой, представляет собой следствие размывания государственной же монополии на насилие — оппозиция может использовать крайние средства для делегитимации и запугивания властей. Этому уделяют особое внимание **Л. Морлино** и **Э. Циммерман**. **Ч. Джонсон** также полагает, что зачинающийся кризис неразрывно связан с внешним или внутренним давлением на политическую систему, которое чаще всего выражается в эскалации насилия и выходе последнего из привычных границ государственного контроля; **Р. Йонг-а-Пин** подчеркивает неразрывную связь политически мотивированного насилия и кризисной нестабильности го-

сударства. В свою очередь, некоторые отечественные авторы также справедливо отмечают, что наблюдаемый сегодня кризис международных отношений может выражаться в «максимуме массового насилия в мятежах, их подавлении, попытках сепаратизма, гражданских и внешних войнах».

Без сомнения, связь кризиса с насильственными действиями прослеживается едва ли не интуитивно, и тем не менее, при исследовании кризиса важно не ограничиваться тем его измерением, которое упомянутый Р. Йонг-а-Пин характеризует как «агрессию». *«Несмотря на то, что исследования фокусируются на вопросах политического насилия (...), ни одно из них не полагает, что политическая нестабильность ограничивается этим единственным измерением»*, — указывает он.

Из этого следует третий ключевой момент: имеющиеся в политической науке исследования кризиса предполагают, что он неразрывно связан с такими обстоятельствами, как «сжатие» времени, выделенного для принятия и реализации политических решений, и возрастающая степень неопределенности или даже, по выражению **И. Дрора**, «немыслимости» (*inconceivability*). Р. Козеллек пишет: *«кризис воспринимается как одноразовый, ускоряющийся процесс, в котором из разрушения существующей системы рождается и развивается новая ситуация»*. Это необходимые, но, конечно же, не достаточные признаки кризиса — некая задача или программа могут предполагать и высокую степень неопределенности, и ограничение во времени, но кризисным симптомом они становятся лишь тогда, когда соседствуют с факторами, рассмотренными ранее. Алмонд, Мундт и Флэнаган так описывают этот аспект кризисной ситуации: по сути, дисфункциональное состояние политической системы вызывается рассогласованностью «спроса» (политических ожиданий и запросов) и «предложения» существующих структур, а обострение этой рассогласованности инициируется субъективной убежденностью участников о том, что несоответствие не может быть разрешено в рамках *status quo*. Эта убежденность обеспечивает не только отклонение системы от ранее выделенных приоритетных целей, но и распад имеющихся оснований соотнесения и идентификации себя с имеющейся системой политических отношений.

Ч. Херманн подчеркивает, что кризис не просто отличить от интенсивной политической динамики: да, вполне справедливо представле-

ние о «стремительности» кризисных явлений, препятствующей адекватному воспроизводству системы в ее основных параметрах, но, по сути, исследователь (или политик-практик) встает перед вопросом, что является «нормальным» уровнем динамики и развития. Однако здесь повторяется ситуация с третьим замечанием: сама по себе, высокая скорость политических изменений не является определяющим элементом кризиса, однако в соседстве с другими обстоятельствами она действительно имеет значение.

Политический кризис			
РАВЕН		НЕ РАВЕН	
I	Разрушению существующих структур, статусов, ролей и институтов	≠ изменениям в социально-политической структуре общества	I
II	Неуправляемым, непредсказуемым, чрезмерно скоротечным изменениям	≠ ускоренной модернизации и динамичным социальным изменениям как таковым	II
III	Отсутствию коллективно разделяемых ценностей на общественном и групповом уровне	≠ отсутствию государственной идеологии	III
IV	Ограниченности сроков для принятия решения и ограничению прогнозного потенциала акторов		
V	Распространению политически мотивированного насилия и выходу его из-под контроля		

ТРУНОВ ФИЛИПП ОЛЕГОВИЧ

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РФ И СТРАН КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА ПО «СИРИЙСКОМУ ВОПРОСУ» (НА ПРИМЕРЕ ФРГ)

В условиях длительной (с марта 2011 г.) гражданской войны Сирия рискует скатиться в разряд «нестабильных государств», а территория страны является одним из ключевых источников угроз безопасности как для России, так и государств-членов ЕС и НАТО. Если в 2011–2013 гг. ключевым из вызовов являлось распространение нестабиль-

ности, то с конца 2013 г. в условиях укрепления позиций «Исламского государства»¹ основной угрозой стал международный терроризм, усугублявшийся для стран-участниц Европейского союза миграционным кризисом.

Учитывая масштаб террористической опасности (к осени 2015 г. в составе отрядов и бригад ИГ только в Сирии и Ираке насчитывалось от 40 до 80 тысяч боевиков) и миграционной проблемы, эффективное противодействие данным вызовам возможно только в случае координации усилий ключевых внешних игроков. В первую очередь, ими являются РФ и державы Запада, в том числе ФРГ как ведущее государство ЕС.

Однако предпосылки для взаимодействия, обусловленные наличием общих масштабных угроз безопасности, как показывала политическая практика, неоднократно нивелировались вследствие разницы задач и стратегических целей, которые ставят перед собой стороны.

На фоне постепенного роста ресурсной базы своей внешней политики РФ стремится к укреплению своих геополитических и геоэкономических позиций на Ближнем Востоке (БВ), которые были утрачены в конце 1980-х — 1990-е годы. Любые серьезные изменения обстановки на БВ оказывает заметное влияние на ситуацию не только на мировом, но и на региональных уровнях — в том числе, в Закавказье и Средней Азии, где располагаются союзные РФ государства-члены ОДКБ. Эту проблему особенно обостряло наличие в рядах ИГ многочисленных выходцев (от 6 до 12 тысяч по различным подсчетам) с постсоветского пространства, которые, в случае полной ликвидации светской власти в Сирии, направятся в страны происхождения. Поэтому задача по обеспечению мира и безопасности в этом нестабильном регионе, в целом успешно выполнявшаяся СССР², является в реалиях XXI века одной из ключевых для РФ³. Ее выполнение не может быть обеспечено без развития стратегического сотрудничества с

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² *Примаков Е.М.* Ближний Восток: на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. 384 с.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Сайт МИД РФ: http://archive.mid.ru//BRP_4.NSF/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 15.09.2016).

частью стран региона и обретения на их территории постоянных военных баз (в том числе военно-морских и военно-воздушных). В этой связи основным фокусным государством для РФ выступает Сирия, имевшая к началу 2010-х гг. громадный политический «багаж» взаимоотношений с СССР, в том числе, действующий договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный еще Х. Асадом.

В условиях масштабного расширения ЕС и НАТО на восток и юго-восток после окончания «холодной войны» в 2000-е гг. Сирия стала приобретать всё большее значение для Евро-Атлантического сообщества. В случае успеха реализации таких программ как «Средиземноморский проект» и «Восточное партнерство» вдоль границ Европейского союза возникал бы «буферный пояс» из государств Восточной Европы (в том числе постсоветского пространства) и Ближнего Востока, несший двойную нагрузку. С одной стороны, ЕС создавал зону своего влияния и получал многомиллионные рынки для сбыта своей продукции, с другой — зону, в которой могли бы «гаситься» проецируемые извне вызовы безопасности. Поэтому в условиях «Арабского пробуждения» («Арабской весны») страны Запада стали оказывать активную поддержку оппозиции, в составе которой изначально активную роль играли радикальные (исламистские) силы, с конца 2013 г. став доминирующими по влиянию в антиасадовском лагере. В рамках избранной стратегии для стран-участниц Евро-Атлантического сообщества на первый план выходила задача по свержению любой ценой правительства Б. Асада на фоне игнорирования факта поддержки официальных сирийских властей практическими всеми этноконфессиональными группами общества (алавиты и шииты в целом, христиане, часть сирийских суннитов и курды).

Таким образом, стратегические цели России и стран Запада, в том числе ФРГ, в отношении Сирии имели глубокие отличия, причем для каждой из сторон данная страна Магриба имела стратегическое значение.

Взаимоотношения РФ и ФРГ по «сирийской проблеме» уместно разделить на 4 основных этапа.

На первом из них (2011 г. — август 2013 г.) отчетливо проявились различия сторон. Так, ФРГ приняла активное участие в деятельности группы «Друзей Сирии» как основной дипломатической площадки для поддержки оппозиции, в то время как Россия продолжала раз-

вивать активный диалог с официальным Дамаском. Вместе с тем, реализуя курс на стратегическую сдержанность, Германия ограничивалась военно-оборонительными мерами (участие в развертывании района ПВО вблизи турецко-сирийской границы), но не допускала возможности боевого применения бундесвера в гражданской войне. В условиях ее затягивания и, как следствие этого, роста угрозы нестабильности для ЕС правительства А. Меркель/Ф.-В. Штайнмайера указывало на невозможность решения «сирийской проблемы» без участия РФ (особенно на саммитах глав внешнеполитических ведомств, глав государств и правительств G8 в 2013 г.)¹.

Определенное развитие данная линия получила на втором этапе, в августе — сентябре 2013 года. В реальной плоскости возник вопрос о масштабном силовом вмешательстве Запада в ход гражданской войны после бездоказательного обвинения официального Дамаска в причастности к применению химического оружия против мирного населения 21 августа 2013 года. РФ, благодаря выдвинутой президентом В.В. Путиным инициативе по уничтожению сирийского химического оружия под международным контролем², смогла добиться политического урегулирования военно-политического кризиса. Хотя ФРГ не сыграла сопоставимой с Россией роли, демонстративные шаги «черно-желтого» правительства на отказ от прямого участия в иницируемой США военной операции, безусловно, создавал благоприятный фон для действий РФ.

В условиях начала и развития украинских событий на третьем этапе, в 2014 — осень 2015 гг. политическое и практическое (в частности, военно-техническое) взаимодействие между двумя державами были сведено к минимуму.

Рост угрозы со стороны «Исламского государства», что показали акты мегатеррора в Париже 13 ноября 2015 г., привел к более активному вмешательству ФРГ в решение «сирийской проблемы», в том числе в значительной степени формальному присоединению к боевым действиям антитеррористической коалиции с ведущим участием

¹ Сапронова М. Сирия, G8 и особая позиция России // Военно-промышленный курьер. М., 2013. № 26 (494). С. 1, 3.

² Комментарий президента РФ В.В. Путина по ситуации с химическим оружием в Сирии, 9 сентября 2013 г. // Сайт президента РФ < <http://www.kremlin.ru/news/19194>>(дата обращения: 16.07.2016).

стран Запада. Однако вклад Германии и ее партнеров по ЕС и НАТО в дело разгрома ИГ было многократно меньше, чем у России, начавшей 30 сентября 2015 г. военную кампанию против «черной чумы» XXI века в Сирии. Пойдя впервые после самороспуска СССР на боевое применение военного потенциала за пределами постсоветского пространства, РФ смогла в тесном сотрудничестве с сирийской правительственной армией достичь стратегического перелома, уничтожив свыше 2 тысяч боевиков, в том числе, значительное количество командиров и связных и тем дезорганизовав управление силами ИГ на большей части направлений на сирийском театре военных действий¹.

Это открыло возможность для активизации переговорного процесса с участием РФ и стран Запада по Сирии, открыв четвертый период во взаимоотношениях России и Германии в данной сфере. Позиция ФРГ, равно как и ее западных партнеров по главе с США, отличалась двойственностью.² С одной стороны, германская сторона поддерживала скорейшее заключение договоренностей о прекращении огня в Сирии (в частности, соглашения от 27 февраля 2016 г., подготовленного при ведущем участии РФ и США). С другой — в основе данных шагов лежало стремление легализовать и расширить поддержку «умеренной оппозиции» (в том числе военными рычагами), продолжая преследовать цель отстранить от власти правительство Б. Асада и ориентирующиеся на него широкие слои сирийского населения.

Россия, не выступая против участия действительно умеренной оппозиции в политической модернизации и экономическом восстановлении Сирии, всё еще ведущей активную борьбу с ИГ на своей территории, в то же время справедливо указывает на невозможности развития этих процессов без участия действующих властей. Реализуемая РФ линия направлена на компромиссное решение различных составляющих «сирийского вопроса» и возвращения страны в стабильное государство. В то же время Запад стоит перед острой

¹ Встреча президента с Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу, 14 марта 2016 г. // Сайт президента РФ <<http://kremlin.ru/events/president/news/51511>> (дата обращения: 15.09.2016).

² Наумкин В.В. Военная победа в Сирии невозможна // Российский совет по международным делам russiancouncil.ru/inner/?id_4=7306#top-content (дата обращения: 05.09.2016).

дилеммой: согласиться на строительство «новой Сирии» не только и не столько с участием умеренной оппозиции, но и официального Дамаска, что позволит в действительности устранить угрозу международного терроризма с сирийской территории или продолжать придерживаться избранных стратегических установок в ущерб обеспечению собственной безопасности. От того, какой из двух вариантов будет избран, зависит в определяющей степени последующая динамика взаимоотношений РФ и ФРГ (и коллективного Запада в целом) по Сирии.

Библиография

1. Встреча президента с Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу, 14 марта 2016 г. // Сайт президента РФ <<http://kremlin.ru/events/president/news/51511>> (дата обращения: 15.09.2016).
2. Комментарий президента РФ В.В. Путина по ситуации с химическим оружием в Сирии, 9 сентября 2013 г. // Сайт президента РФ <<http://www.kremlin.ru/news/19194>> (дата обращения: 16.07.2016).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Сайт МИД РФ <http://archive.mid.ru/BRP_4.NSF/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F> (дата обращения: 15.09.2016).
4. *Наумкин В.В.* Военная победа в Сирии невозможна // Российский совет по международным делам <russiancouncil.ru/inner/?id_4=7306#top-content> (дата обращения: 05.09.2016).
5. *Примаков Е.М.* Ближний Восток: на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. 384 с.
6. *Сапронова М.* Сирия, G8 и особая позиция России // Военно-промышленный курьер. М., 2013. № 26 (494). С. 1,3.

ХЛЕБНИКОВ ИВАН ЕВГЕНЬЕВИЧ

ФЕНОМЕН BREXIT КАК ПРИМЕР КОНФЛИКТА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И АНТИГЛОБАЛИСТСКОГО ПРОТЕСТА

Аннотация: прошедший референдум о членстве Великобритании в ЕС имеет потенциал стать одним из поворотных моментов в истории Союза, одновременно с этим он является симптомом кризисных тенденций, которые испытывают современные западные демократии. Одним из важных аспектов этого кризиса является все увеличивающаяся поляризация по многим линиям. Анализ демографических данных проголосовавших показывает, что этот раскол в первую очередь проходит

по врожденным характеристикам: пол, раса, этничность. Одновременно можно зафиксировать смещение автохтонного населения западных стран в сторону такой политики идентичности, которая ранее была распространена только среди меньшинств.

Ключевые слова: Brexit, Брексит, глобализм, антиглобализм, локализм, идентичность, универсализм, партикуляризм, меньшинство.

Введение

За последние годы мы стали свидетелями кризисных процессов, происходящих в европейских странах и США. К их числу можно отнести институциональные проблемы демократических механизмов, экономический кризис 2008 года, увеличение имущественного расслоения, замедление роста благосостояния (а в некоторых случаях и снижение самого уровня благосостояния) граждан, увеличившиеся миграционные потоки и, как следствие, нарастание конфликтов между автохтонами и мигрантами, ослабление легитимности правящих элит, увеличение популярности контрэлитных и внесистемных движений и т.п.

Эти проблемы нарастали на протяжении прошлого десятилетия (а их предпосылки можно увидеть уже в процессах 90-х годов), и с каждым годом их становится все сложнее отрицать. 2016 год продолжил эту тенденцию (главными политическими событиями года являются, конечно, избирательная кампания в США и референдум о членстве Британии в ЕС), и рассуждения об этом системном кризисе стали уже общим местом. В качестве примера приведем две недавних публикации в крупнейших западных СМИ: передовице британской «The Times» от 1 ноября под заголовком «Демократия в опасности»¹ и статью известного эксперта Фарида Закарии «Популизм на марше», вышедшую в ноябрьском номере журнала «Foreign Affairs»². Обе статьи посвящены росту правых внесистемных партий в США и Великобритании и нарастающей неспособности традиционных демократических институтов выполнять свою роль в обществе.

С одной стороны часть этих проблем также характерна и для РФ: экономический кризис, нарастание напряженности в обществе, силь-

¹ Democracy in Danger // The Times. 10 November 2016. URL: <http://www.thetimes.co.uk/edition/comment/democracy-in-danger-r2f526397>

² Zakaria F. Populism on the March // Foreign Affairs. November/December 2016 Issue. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-10-17/populism-march>

ные миграционные потоки, проблемы с политической системой и легитимностью. И изучая проблемы, с которыми сталкивается Запад можно получить релевантную информацию о проблемах РФ.

С другой стороны, Западные страны, хочется этого или нет, являются Первым миром — центром и стрежнем всего человечества. И проблемы, которые испытывает центр (по мир-системной классификации Валлерстайна) — это проблемы не только центра, но и всего мира. Выражаясь фигурально, «когда у гегемона насморк, кашляет вся планета».

И нарастающие проблемы характерны для всего мира: погрузившийся в хаос Ближний Восток, продолжающаяся стагнация/рецессия в РФ, продолжающийся кризис на Украине, замедление экономического роста в Китае и нарастание там внутренних противоречий, планы Японии отойти от политики пацифизма, конституционный кризис в Бразилии и системный кризис в Венесуэле, грозящий превратить эту страну во вторую Колумбию — примеры можно приводить долго.

В этих глобальных условиях представляется важным оценить происходящие на Западе процессы, как минимум, что понять, чего стоит ожидать от ближайшего будущего и как это может затронуть нас.

Референдум о членстве

Референдум о членстве Великобритании в ЕС прошел 23 июня 2016 г. В результате 51,89% выступили за выход, а 48,11% — за членство.

Из распределения голосов видно, что данный вопрос раскол британское общество напополам, и какая бы сторона не сумела привлечь на свою сторону колеблющиеся проценты, расклад все был бы приблизительно «половина общества против половины общества».

Однако вопрос, решаемый на референдуме, касался не практической проблемы (повышать/снижать налоги, увеличивать/уменьшать социальные пособия и т.п.), а проблемы фундаментальной.

Quo vadis, Britannia?

На протяжении десятилетий в Европе господствовала идея интеграции в Единую Европу (не все соглашались, что это должно было быть единое государство, но все полагали необходимость европейкой интеграции). Какие-то страны медленнее интегрировались, какие не-

большие периферийные страны отказались формально вступать в Союз, но все наслаждались той или иной степенью взаимной интеграции и ни одна крупная страна не имела намерений существовать «вне» объединенной Европы.

Прецедент выхода Британии из Союза таким образом можно считать одним из ключевых, если не поворотных моментов в истории ЕС. Впервые не просто одна из стран, а один из крупнейших игроков в европейской политике отказался от членства в ЕС.

Это кардинально меняет расклад сил как внутри самого ЕС (приводя к закономерному усилению оставшихся крупных стран: Франции, Германии и Италии, в первую очередь), так и во всей Европе, а косвенно и соседних регионах.

Также это меняет многое для самих британцев. Если для этого магистральное направление развития их страны звучало как «медленное и постепенное движение в сторону большей интеграции и создания единой европейской идентичности», то теперь этот вопрос снова открыт: куда идти Британии?

Возникает вопрос, почему британские избиратели сделали такой выбор, почему распределение голосов оказалось насколько дихотомичным и куда собираются идти жители британских островов?

Проблемы, важные для избирателей

Как известно, во время предшествующее референдуму имелось лишь два основных лагеря: «за» и «против» членства. Для удобства их можно обозначить по названиям крупнейших блоков, агитировавших избирателей: Vote Leave («голосуй за выход») и Vote Remain («голосуй за то, чтобы остаться»).

Если мы проанализируем те блоки проблем (issues), которые мотивировали избирателей встать на ту или иную сторону, то мы увидим, что между Vote Leave и Vote Remain существует значительная разница. То есть речь идет не только о том, что избиратели занимают разную позицию по отношению к какому-то вопросу, но и о том, что ключевые проблемы, стоящие перед британским обществом они оценивают совсем по-разному. Если взглянуть на результаты опроса, проведенного в мае 2016 аналитической компанией Ipsos MORI¹,

¹ Ipsos MORI Political Monitor — May 2016 // Ipsos MORI. 18 May 2016. URL: <https://www.ipsos-mori.com/Assets/Docs/Polls/pm-may-2016-tables.pdf>.

то можно увидеть как Vote Leave и Vote Remain оценивали ключевые проблемы стоящие перед Британией.

Проблема	Vote Leave, % избирателей для кого эта проблема важна	Vote Remain, % избирателей для кого эта проблема важна
Число мигрантов, прибывающих с Британию	49%	15%
Возможность принимать свои собственные законы (независимость от Брюсселя)	30%	<5%
Влияние членства ЕС или выхода из ЕС на британскую экономику	25%	40%
Влияние мигрантов из ЕС на систему социального обеспечения Британии	16%	<5%
Влияние мигрантов на общественные услуги и доступность жилья	11%	<5%
Проблема беженцев	10%	
Торговля с другими странами ЕС	9%	12%
Размер членских взносов Британии в ЕС	9%	<5%
Вред постановлений ЕС британскому бизнесу	8%	<5%
Влияние выхода из ЕС на число рабочих мест	7%	11%
Влияние выхода из ЕС на место Британии в мире	7%	6%
Влияние на права рабочих в Британии	<5%	10%
Отношения Британии с другими странами	<5%	7%
Влияние выхода из ЕС на национальную безопасность	<5%	7%
Возможность путешествовать по ЕС	<5%	7%
Возможность гражданам Британии жить и работать в ЕС	<5%	6%

Как видно из таблицы выше, 3 ключевых проблемы — это мигранты (в различных формах, будь то мигранты из бывших британских колоний, беженцы или мигранты из ЕС), экономические вопросы и независимость от Брюсселя. По всем им видно резкое различие в их значимости для Vote Leave и Vote Remain (дельта в 34%, >25% и 15% соответственно).

Из этих проблем две наиболее важные для Vote Leave — это не «на-сущные» проблемы (экономика), а проблемы идентичности и долго-

срочного развития: кем должны быть британцы (проблема миграции) и чем должна быть Британия (независимость от ЕС).

Также можно отметить, что для тех 15% Vote Leave, для которых вопрос миграции также является ключевым, эта проблема видится с обратной стороны: в Британию должно прибывать больше мигрантов и это хорошо. Ipsos MORI не предоставляет эти данные, но можно предположить, что как минимум часть в этой категории — это получившие гражданство мигранты или их потомки.

Демография избирателей

Если же мы проанализируем результаты голосования, то обнаружится, что существует существенная разница в электоральных паттернах между различными группами населения. Причем эти различия проходят не только по социо-экономическим различиям (бедные голосуют одним образом, а богатые — другим), но и по более фундаментальным различиям: полу, этничности, религии, сексуальной ориентации.

Данные о большинстве этих признаков запрещено собирать во время голосования, поэтому у нас есть только фрагментарные данные, но и они рисуют вполне понятную картину:

- Среди возрастной группы 18–24 за членство проголосовали 75%, а среди возрастной группы 65+ — 61% проголосовал за выход (данные экзит-полла YouGove)¹.
- Среди крупных городов (где в основном проживают различные меньшинства) однозначно доминировали сторонники выхода. Так, среди 30 крупнейших городов, где в каждом проголосовало не менее 100 000 человек, сторонники членства победили с суммарным перевесом в 900 000 человек. В то время как в остальной Британии сторонники выхода победили с перевесом в 2,2 млн человек².
- Данные о голосовании по частям Великобритании также свидетельствуют о расколе среди населения: за выход проголосовало

¹ Speed, B. How did different demographic groups vote in the EU referendum? // New Statesman. 24 June 2016. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/staggers/2016/06/how-did-different-demographic-groups-vote-eu-referendum>

² EU referendum results // The Electoral Commission. 2016. URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/elections-and-referendums/upcoming-elections-and-referendums/eu-referendum/electorate-and-count-information>

53,3% в Англии (гораздо больше если исключить из рассмотрения космополитический Лондон и другие крупные города) и 52,5% в Уэльсе, в то время как за членство проголосовало 55,8% в Северной Ирландии и 62% в Шотландии.

- Более того, в Северной Ирландии результаты голосования хорошо накладываются на распределение католиков и протестантов: католики голосовали за ЕС, а протестанты — против.
- Что касается гендерного распределения, то в целом женщины больше голосовали за членство, но особенно различным голосование является в возрастной группе 18–24: 61% мужчин в этой группе проголосовали за членство и 80% женщин¹. А согласно данным исследования среди пользователей Twitter, проведенного до референдума, среди сторонников выхода имелось 24% женщин, в то время как среди противников — 34%.
- Данные по религии и этнической принадлежности не собирались, однако, судя по данным, голосования по округам, там, где высока была доля нерожденных в Великобритании избирателей, побеждали сторонники членства². А в 30 округах, где наибольшее число жителей идентифицировали себя как англичане, везде победили сторонники выхода страны из ЕС³.

В целом все эти различия лучше всего отражает заголовок одной из публикаций в преддверии референдума: «Я принадлежу к смешанной расе, женщина, левая, 19 лет и студентка, и да, я действительно голосую за Брекзит»⁴. То есть по умолчанию считается, что человек с таким набором характеристик (большинство из которых человеку не под силу изменить) не может голосовать за Брекзит.

¹ Distribution of EU Referendum votes in the United Kingdom (UK) in 2016, by age group and gender // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/567922/distribution-of-eu-referendum-votes-by-age-and-gender-uk/>

² McGill, A. Who Voted for the Brexit? // The Atlantic. 25 June 2016. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/06/brexit-vote-statistics-united-kingdom-european-union/488780/>

³ EU referendum: The result in maps and charts // BBC. 24 June 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-36616028>

⁴ Moreno, E. I'm mixed race, female, left-wing, a 19-year-old student — and yes, I really am voting for Brexit // The Independent. 21 June 2016. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/im-mixed-race-female-left-wing-and-a-student-and-yes-i-really-am-voting-for-brexit-a7093221.html>

Тут следует сделать важное уточнение: социальный статус или политическая ориентация человека, во-первых может меняться на протяжении жизни, а вторых играет соподчиненную роль по отношению к фундаментальным идентичностям. Можно убедить человека, что повышение налогов или переход к парламентской республике для него выгодно, но практически невозможно убедить его, что в том, что невыгодно быть женщиной или мусульманином или геем. То есть эти идентичности гораздо менее эластичны, если использовать аналогию из экономики.

И если мы соотнесем раскол между Vote Leave и Vote Remain по поводу проблем и раскол в голосовании по этим демографическим группам, то увидим, что для голосовавших важны не конкретные аргументы в пользу выхода из ЕС или против него, а они «голосуют сердцем» в соответствии с тем, какое решение будет выгодно их демографической группе. То есть большинство англичан (этнос) голосуют за выход, потому что боятся раствориться среди мигрантов, а большинство имеющих гражданство мигрантов голосуют за членство, потому что боятся раствориться среди англичан и желают увеличить свое представительство в британском обществе за счет новых мигрантов.

Глобальный раскол идентичности

На примере США (см. карту по ссылке <https://pbs.twimg.com/media/CvMZKsMWIAAVd8M.jpg:large>¹) видно, что и у них на выборах 2012 года (хотя эти процессы идут уже десятилетия) также наблюдался явный раскол между избирателями на основе их самых базовых идентичностей (на карте представлены расовое и половое измерение). И, несомненно, что этот раскол только увеличился за второй срок Обамы, что демонстрирует текущий избирательный цикл.

Видно, что если голосовали только мужчины, то выиграл бы один кандидат, если бы женщины, то другой. Аналогично, если бы голосовали только расовые меньшинства, то с абсолютным преимуществом

¹ What Would It Take To Turn Red States Blue? // FiveThirtyEight. // URL: <http://projects.fivethirtyeight.com/2016-swing-the-election/> Данные для исследования выше взяты из опроса Gallup. URL: <http://www.gallup.com/poll/139880/election-polls-presidential-vote-groups.aspx>

выиграл бы один кандидат, если бы только расовое большинство, то — другой.

То есть голосование за кандидата в современной политической системе и при современном состоянии общества — это не голосование за ту или иную экономическую или политическую или культурную программу или международную повестку. Это голосование за «своего» кандидата, такого, который (по мнению избирателей) будет отстаивать интересы отдельных гендерных, религиозных, сексуальных, этнических или расовых групп именно в таком качестве: интересы мужчин, интересы мусульман, интересы трансгендеров, интересы индийцев и т.п.

Все страны, затронутые мультикультурализмом (в первую очередь в форме больших миграционных потоков на протяжении десятилетий) или изначально имевшие раскол по одной из этих базовых идентичностей (например, Канада), будут при текущем “Zeitgeist” переживать все большую поляризацию общества по данным разломам.

Причины раскола: универсализм и партикуляризм

Очевидно, что такая комплексная проблема не может иметь одну специфическую причину. Однако можно выделить то, что непосредственно влияет на увеличение этого раскола.

Выше уже упоминались понятия мультикультурализма и его американского аналога «diversity». Представляется, что он сыграл ключевую роль в создании раскола.

Ключевой идеей мультикультурализма является, как следует из названия, сосуществование в обществе групп людей с различной культурой. Но культура представляет собой не только особенную одежду, особенную кухню и особенные религиозные церемонии, от нее зависят также самые глубинные ценности человека (core-beliefs). И то, как мультикультурализм реализовывался на практике, не могло не привести к расколу идентичностей, который мы наблюдаем сейчас. Попробуем предположить, как это происходило.

В рамках, как минимум, европейской цивилизации можно выделить два конкурирующих подхода к идентичности: универсалистский и партикуляристский. Согласно универсалистскому подходу между людьми есть некоторая универсальная схожесть, определяемая их природой, а значит, люди должны идентифицировать себя через свои

приобретенные различия: взгляды, достижения, вклад в культуру и общество, социальный круг и т.п. Согласно партикуляризму определяющим для идентичности является принадлежность к некоей общности, обычно к такой, где принадлежность не зависит от человека, а определяется по рождению или в самом начале жизни: пол, этнос, религия, сексуальная ориентация и т.п.

Не углубляясь глубоко в историю, можно указать, что второй половине XX и начале XXI в. в западных обществах продвигалась политика развития идентичностей у различных меньшинств на основе этих врожденных характеристик. Это побуждало их не ассимилироваться в господствующую культуру, а чувствовать себя непохожим на большинство, сдвигаясь, таким образом, в сторону партикуляризма¹.

В тоже время представители большинства подвергались действию противоположно направленной пропаганды, декларировавшей необходимость придерживаться ценностей универсализма и подавлявшей попытки перейти на позиции партикуляризма.

Наблюдающийся раскол можно приписать именно этому — по сути, в западных странах на территории одной страны начинают формироваться «псевдо-нации», которые очевидно имеют различные взгляды на будущее страны, которую каждая из них искренне считает своей.

А подъем внесистемных «нативитских» движений можно приписать как раз началу перехода большинства на такие же позиции партикуляризма, где уже стоят меньшинства².

Перспективы раскола

С учетом того, что в последние годы международная обстановка явно ухудшается, все страны мира движутся в сторону большей авторитарности³, увеличивается число конфликтов, а уровень доверия

¹ См., например: *Hobsbawm E.* Identity Politics and the Left. // *New Left Review*. May-June 1996. Issue 217.

² См., например: *Merry R. W.* Identity Politics Makes a Comeback in America // *The National Interest*. 7 January 2016. URL: <http://nationalinterest.org/feature/identity-politics-makes-comeback-america-14834>

³ На примере законов, ограничивающих свободу слова, усиления контроля над интернетом и явной идеологической предвзятости медиа в освещении событий — при чем все это происходит в том числе в западных демократиях. Предвзятость медиа можно иллюстрировать на примере исследования американского Center for Public

к властям падает в том числе на Западе, — все это приводит к нестабильности политических систем в формате либеральной демократии.

При этом сам формат смены власти начинает напоминать все менее «имитацию гражданской войны» (что и должны делать выборы) и все более «холодную гражданскую войну», когда избиратели не просто меняют мистера Джонса на мистера Смита, а считают, что выборы решают их судьбу.

В такой ситуации, какой бы кандидат не победил на выборах — это будет рассматриваться частью общества как катастрофа («нас убивают»), то общественного согласия достичь принципиально невозможно. Так как в рамках мышления «мы» (женщины) против «они» (мужчины) или наоборот ни один кандидат не в состоянии выступить защитником интересов обеих групп.

Все эти процессы подготавливают благодатную почву для перехода к авторитарному стилю правления (или даже авторитарному режиму), либо когда правящая элита под лозунгами «защиты Республики и недопущения популистов к власти» нарушит баланс политической системы, либо когда контрэлита под лозунгами борьбы с «глобалистской элитой, ведущей наш народ к пропасти» сделает тоже самое.

Зоны риска

Среди крупных европейских стран практически все испытывают вышеописанные проблемы (то же наблюдается и в меньших европейских странах). Попробуем составить список с краткими характеристиками:

- США испытывают, пожалуй, наибольшие проблемы, так как они испытали наибольшее влияние мультикультурного нарратива (в США он обозначается словом «diversity») и имеют наибольшие объективные расколы по базовым идентичностям: расовой, религиозной, языковой, этнической.

Выступления политизированной части афроамериканского меньшинства (например, Black Lives Matter), сопровождаемые массовыми

Integrity, когда выяснилось, что более 96% пожертвований от журналистов ушло в избирательный фонд Клинтон (см.: *Levinthal D., Beckel M. Journalists shower Hillary Clinton with campaign cash // The Center for Public Integrity. 17 October 2016. URL: <https://www.publicintegrity.org/2016/10/17/20330/journalists-shower-hillary-clinton-campaign-cash>*). И это не учитывая явные пример сдвигаания прежде демократических стран в сторону большей авторитарности: Венгрия, Турция, Израиль.

беспорядками в местах его компактного проживания с одной стороны, и нарушения множества общественно-политических табу во время кампании Трампа с другой (например предложение выслать всех нелегальных мигрантов или временно запретить въезд в страну всем мусульманам) — привели американское общества к той степени радикализации и враждебности, которую оно не испытывало как минимум со времен гражданских протестов 60-х годов¹.

- Великобритания с одной стороны уже испытала на себе последствия раскола (выйдя из ЕС по итогам референдума). С другой стороны существующая элита, выступающая против Брексита, сумела не допустить формирования устойчивой контрэлиты, взяв под контроль то, как именно будет проходить процесс выхода из ЕС.

Также необходимо отметить, что Британия, будучи по своей природе «псевдофедерацией», объединяющей части королевства с различными национальными идентичностями, рискует усилением окраинного сепаратизма (в первую очередь в Шотландии, но также и в Северной Ирландии)².

- Проблемы Франции также весьма типичны. С одной стороны это наличие ряда мигрантских гетто (где проживают не только мигранты, но и их потомки уже имеющие французское гражданство), а с другой нарастание раскола (пока еще в политическом измерении), когда все больше избирателей отдают предпочтение «несистемным» правым партиям (в первую очередь Национальному фронту). В настоящее время при помощи согласованных действий элиты удается не допускать конвертации электоральной поддержки в политическую власть. Но при продолжении этих трендов ситуация во Франции будет приближаться к таковой в англосаксонских странах.
- Германия является некоторым исключением, так как, не имев колоний или рабовладельческого прошлого, она не имеет потенциала к такому же расколу идентичностей по этноконфессиональному как

¹ *Merry, R. W.* Identity Politics Makes a Comeback in America // *The National Interest*. 7 January 2016. URL: <http://nationalinterest.org/feature/identity-politics-makes-comeback-america-14834>

² См., например: *Sturgeon: EU exit could trigger demand for Scottish independence referendum* // *BBC*. 21 February 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-35625067>

в вышеописанных странах. Долгое время наличие неассимилирующегося турецкого меньшинства не вызывало таких проблем, как в других странах.

Однако произошедшее в последние годы увеличение числа мигрантов (в основном беженцев с Ближнего Востока и из Африки) приводит к появлению в Германии тех же проблем. Беженцы пока еще не имеют гражданства и не могут напрямую влиять на выборы, но косвенным образом они толкают немцев «вправо», вызывая рост популярности правых партий (в первую очередь «Альтернатива для Германии»).

- Испания не имеет настолько серьезных проблем с внешними мигрантами как вышеописанные страны. Но при этом с Британией ее объединяет наличие компактно проживающих этнических меньшинств с развитым национальным самосознанием (баски и каталонцы). С другой стороны, экономический кризис и проблемы в экономике привели к росту левых партий (в первую очередь «Подemos»). И наконец, что касается гендерного раскола, то в Испании действуют жесткие законы против дискриминации женщин и насилия в отношении них¹. Из-за недоработок в законах и неэффективной правоприменительной практики это приводит к увеличению конфликтности между гендерами, что в перспективе может вылиться в раскол идентичности по образцу американского.

Если добавить к этому политический кризис в испанском парламенте на протяжении последних месяцев, то можно заключить, что при нарастании крайнего сепаратизма и прочих тенденций, долгосрочная стабильность в испанском обществе будет находиться под угрозой и эту страну также может ожидать раскол идентичностей.

- Случай Италии во многом похож на испанский. Также имеется угроза сепаратизма (в первую очередь в Падании), экономический кризис также привел к росту внесистемных левых сил (в первую очередь Движения пяти звезд). Также как и Испании отсутствуют заметные внесистемные правые силы.

Что касается меньших стран, то их достаточно дать перечислением: Польша (где к власти пришло радикальное крыло консерватив-

¹ См. например: Spain gender laws: A country against men. URL: <http://kukuruyo.com/2016/02/17/spain-gender-laws-a-country-against-men/>

ной партии «Право и справедливость»), Венгрия (которая из стран ЕС наиболее близко подошла к авторитарной модели управления), Австрия (где представитель правой Партии свободы едва не победил на отмененных выборах президента), Дания (где партия аналогичная Национальному фронту присутствует в парламенте уже более 15 лет и на выборах 2015 заняла 2-е место).

Заключение

Из всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы. Существуют основания предполагать, что мир вступает (вернее сказать уже вступил) в период нестабильности, приблизительно такой же, как ранние периоды: 1789–1814 и 1914–1945 годов.

Как и в предыдущих случаях, проблемы, зародившиеся в рамках европейского центра мир-системы начинают влиять на остальные регионы планеты.

В случае самого центра это проявляется в росте недовольства населения своими элитами и политикой, ими осуществляемой. Однако если мы посмотрим глубже, то увидим, что в реальности элиты отражают точку зрения некоторых частей общества, но далеко не всех. Если же взглянуть еще глубже, то можно увидеть, что внутри западных обществ нарастает конфликт идентичности, причем идентичности у разных групп населения настолько несовместимы, что возникает вопрос, насколько они смогут сосуществовать в рамках одного общества.

В настоящее время мы наблюдаем относительно успешную «атаку» нативистов, но на каждом шагу натыкающуюся на противодействие господствующих элит и союзных им частей общества. Аналоги подобного в истории найти достаточно сложно, но можно указать на некоторые сходства с ситуацией в поздней Российской империи, когда параллельно с «официальной» культурой начала зарождалась революционная контркультура, позже трансформировавшаяся в советскую. Исходя из этой аналогии, можно предположить, что европейские страны рискуют оказаться в ситуации нарастающей конфликтности внутри общества и повышенных риском перехода в сторону автократии.

Библиография

1. *Дробницкий Д.* Brexit и новая сложность // Русская идея. 27 июня 2016. URL: <http://politconservatism.ru/articles/brexit-i-novaya-slozhnost>
2. *Erlanger, S.* European? British? These 'Brexit' Voters Identify as English // The New York Times. 16 June 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/06/17/world/europe/european-union-britain-brexit-voters-english.html>
3. *Goodwin, M.* Identity trumps economics in revolt against elites // Financial Times, 24 June 2016. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/b6da366a-39ca-11e6-a780-b48ed7b6126f.html>
4. *Hobsbawm, E.* Identity Politics and the Left. // New Left Review. May-June 1996. Issue 217.
5. Ipsos MORI Political Monitor — May 2016 // Ipsos MORI. 18 May 2016. URL: <https://www.ipsos-mori.com/Assets/Docs/Polls/pm-may-2016-tables.pdf>
6. *Ledeer, M.* Brexit Is Not A British Revolution; It's Part Of A Global Revolt // Forbes. 26 June 2016. URL: <http://www.forbes.com/sites/michaelledeen/2016/06/26/brexit-is-not-a-british-revolution-its-part-of-a-global-revolt/>
7. *Paxman, J.* Brexit has exposed the chasm between the Establishment... and the rest of us // The Telegraph. 25 June 2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/25/brexit-has-exposed-the-chasm-between-the-establishment-and-the-r/>
8. *Schrieberg, D.* Donald Trump Thinks Brexit Foreshadows His Victory. Here's Why He May Be Right // Forbes, 24 June 2016. URL: <http://www.forbes.com/sites/davidschrieberg1/2016/06/24/donald-trump-believes-brexit-could-foreshadow-his-victory-heres-why-he-may-be-right/>
9. *Speed, B.* How did different demographic groups vote in the EU referendum? // New Statesman. 24 June 2016. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/staggers/2016/06/how-did-different-demographic-groups-vote-eu-referendum>
10. *Ward, O.* Toxic Brexit debate has led the U.K. into political turmoil: Analysis // Toronto Star. 25 June 2016. URL: <https://www.thestar.com/news/world/2016/06/25/toxic-brexit-debate-has-lead-the-uk-into-political-turmoil-analysis.html>

ЧВОРОВИЧ ЗОРАН**СЕРБСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ИСКУШЕНИЯ
И НАСТАВЛЕНИЯ ПРОШЛОГО**

Попробую коротко обозначить главные факторы, которые определяют современные сербско-русские отношения и то через призму как их исторической, так и современной стороны. В зависимости от того, положительно или отрицательно они влияют на развитие сербско-русских отношений, эти факторы мы можем поделить в две группы.

Что касается факторов, которые отрицательно влияют на современные сербско-русские отношения, в первую очередь можем выделить два.

Первое, современное доминирование западной идеологическо-культурной модели на сербских национальных территориях (Сербия, Республика сербская, Черногория) является важным препятствием для интенсивного развития сербско-русских отношений и их институционализации.

С исторической точки зрения плановая культурная вестернизация сербов, которые после пропасты сербской средневековой государственности попали под турецкое иго, началась в начале XIX века, наряду с борьбой за установление государственной самостоятельности и формированием первых национальных государственно-правовых, образовательных и культурных учреждений. В отличие от сербов, которые жили под властью турков, сербы, которые жили на границе с габсбургской монархией в течение нескольких веков находились под влиянием западной модели культуры. Это влияние культурной вестернизации было приостановлено из-за православной веры и древней патриархальной культуры рурального сербского общества. С другой стороны, вестернизация сербов была облегчена дефензивным поведением православного русского царства в сфере культурной миссии, которая сама в течение XVIII и в первой половине XIX века под влиянием своей элиты начала принимать западную культурную модель. Таким образом, перед обновленным нововековым сербским государством и его элитой не вставал вопрос о выборе культурной модели. Тогдашняя моральная свежесть западной либерально-демократической революционной идеологии, поддержанная абсолютным технологическим престижем западных государств, обеспечила западной цивилизации эпитет универсальности и прогрессивности. Особенно в балканских странах, которые только что освободились от турецкого ига и *легко клюнули* на неокOLONIALНЫЙ проект культурной вестернизации, потому что, с точки зрения своего исторического опыта, приняли пропагандистскую антиномию Запад — прогресс и свобода, Восток — деспотизм и отсталость. Знаки русского духовного пробуждения во второй половине XIX века, которое началось с деятельностью славянофилов, которые дали дефиницию подлинной словено-православной модели цивилизации, сербская элита, полу-

чившая образование на Западе, не поняла. Уже тогда было ясно, что сербов и русских, с одной стороны, объединяет исконное и интуитивное чувство братства, основывающееся, в первую очередь, на общей православной вере, которое в политическом смысле выражалось близкими союзными отношениями России с королевством Сербией и Черногорией, но с другой стороны делят разные степени вестернизации и принадлежность к разным культурным моделям. Потому что, пока в России в течение XVIII и XIX веков только высшее общество ассимилировало западную культурную модель, в то же время, в течение второй половины XIX века вестернизация в Сербии была глубокой и постепенно захватывала и сербское село, вытесняя аутентичный сербско- православный патриархальный образ жизни. В прошлом сербское и русское государства и общества часто находились на противоположных уровнях своего развития. Так, между сербами исследования славянофильских славяно-православных моделей цивилизации стали актуальными только в последующие несколько десятилетий, в межвоенной Югославии, с православным духовным ренессансом. Основателем его было так называемое *Богомольское* движение святого владыки Николая (Велимировича). В тот момент, когда славянофильская идея стала близка сербам, от нее отделились русские, которые опять под влиянием коммунистической идеологии подверглись процессу перфидной вестернизации. Когда же во время Второй мировой войны и в течение последующих нескольких лет патриотическая мобилизация приостановила эрозию русской исторической памяти и полную *прозападность* русского национального характера, сербы после Второй мировой войны, а особенно после 1948 года, попали под самую радикальную до того времени волну вестернизации. Версия Броза, так называемый кока кола социализм, которая подразумевала распространение социалистической идеологии на общественную жизнь, личную жизнь подчинила содержаниям западной подкультуры и разрушила последние остатки сербской патриархальной морали в сербском селе, которые сохранились в течение полутора века владения вестернизации. Последняя большая волна вестернизации захлестнула сербское общество после поражения сербского национального движения, которое в течение девяностых годов намеревалось добиться национально-государственного воссо-

единения сербских территорий в бывшей Югославии. Злоупотребив моральные последствия такого политического поражения, политическая элита *постоктябрьской оранжевой* революции, в рамках официального евроинтегративного определения Сербии, провозгласила западный культурный образец идеологически обязательным.

С исторической точки зрения, сербское нововековое общество охватили три большие волны идеологическо-культурной вестернизации: в течение первой волны (1800–1945) западные ценности усваивались путем аутентичного подражания; в течение второй волны (1945–1990) культурная вестернизация внедрилась в сферу частной жизни и свободного времени, не неся официальный характер, но имея официальную поддержку верхушки Броза; третья волна культурной вестернизации сербов, которая происходит после *пятиоктябрьского майдана* (2000), имеет все признаки нормативного, служебного процесса, согласованного с переговорами Сербии о вступлении в ЕС.

Другой фактор, который отрицательно повлиял на развитие сербско-русских отношений, как в прошлом, так и сегодня, это отсутствие ясного желания (определения) в верхах русского государства и общества начать создание аутентичной евроазиатской цивилизационной модели, которая бы была альтернативой западной цивилизационной модели во всех сферах, от культуры и образования до экономики и юрисдикции. Именно так, как в прошлом восточная, византийская модель была альтернативой западной папской модели государства и общества.

Внедрение западной культурной модели в русское общество прямым образом влияет на ослабление русско-сербских связей и русского влияния на Балканах. Еще Арнольд Тойнби подчеркивал, что политика западных государств рассчитывает на то, что православные балканские государства будут принимать ценности западной цивилизации непосредственно от центрально-европейских государств, а не от Москвы, а вестернизованная Москва должна была бы стать воротами вестернизации закавказских и центрально-азиатских государств. Короче говоря, принятие чужой культурной модели делает русскую *мягкую мощь* ифериорном на Балканах в отношении железных ворот Европы, с другой стороны создание аутентичной евроазиатской цивилизационной модели в духе византийских духовных традиций дает возможность России перейти в культурное, политиче-

ское и экономическое наступление на полуострове, которое соединяет Европу и Азию.

Что касается факторов, которые в нынешних условиях положительно влияют на развитие русско-сербских отношений, можно выделить два.

Первый фактор — это все еще духовно-моральное и национальное сознание сербского общества, которое пробуждено с особой силой в течение югославского кризиса и войны в девяностые годы прошлого века. Открытая, сначала политическая а потом и военная враждебность западной псевдоимперии к сербскому народу и идеи воссоединения сербского государства вызвала начало процесса духовной эмансипации сербов. Духовная эмансипация сербов в начале девяностых годов прошлого века привела к обновлению православной духовности и ренессансу церковности в народе. Эти процессы помогли подавляющему большинству сербского общества после десятилетия взаимного неузнавания снова стать самыми близкими духовными родственниками с Россией и русской духовностью. Именно этими глубокими причинами самосознания можно объяснить тот факт, что в начале девяностых годов прошлого века в Сербии массово печатались произведения известных русских мыслителей Н. Бердяева, А. Хомкова, А. Соловьева, И. Ильина, К. Леонтьева, князя Трубецкого. Тогдашний престиж русской духовности между сербами, *вирус который воспротивился новому мировому порядку*, был несравним с немощью тогдашней политической России. Именно в духовно-моральном и национальном сознании определенной части сербского общества нужно искать причины, по которым сегодня у русского народа в Европе нет союзника более близкого и природного, чем сербский народ.

Другой фактор, который положительно влияет на развитие сербско-русских отношений, это эмансипация русской государственной политики по отношению к Балканам, которая отличается от принципов и целей политики ЕС. Это лучше всего подтверждают события в связи с референдумом в Республике сербской, который не поддержали в Брюсселе, а поддержали в Москве. Официальная Москва не согласилась с оценкой ЕС по вопросу выборов и послевыборной ситуации в Черногории. А если взять во внимание решительную поддержку России территориальному интегритету Сербии, когда ста-

вится вопрос о самопровозглашенном сепаратистском образовании, Республике Косово, тогда становится ясно, что у Москвы диаметрально противоположная точка зрения на все ключевые очаги в границах сербского национального простора в отношении на Брюссель.

История XIX века подтверждает, что на сербско-русские отношения, как в остальном и на отношения Москвы с другими балканскими народами, отрицательно влияла методологическая, целенаправленная синхронизация русской официальной политики и политики ведущих европейских государств. Например, во время *Святого альянса* русская политика по отношению к Балканам была несамостоятельной, а зависимой от интересов европейских государств, которые были членами этой коалиции. Исходя из обязательств членов *Святого альянса* противостоять национальному освободительному революционному движению, Россия не смогла стать защитником национально-освободительных устремлений сербского и греческого народов, и это место в отношении Греции очень быстро заняла Британия, не будучи тем не менее членом *Святого альянса*. Одним словом, в рамках *Святого альянса* Россия оказалась материальной и моральной жертвой в борьбе за сохранение европейского мира, а при этом ее публично провозгласили реакционной, и поэтому она теряла престиж на континентах, где этот престиж из-за духовного родства и совместных жертв подразумевался. То, что русская балканская политика, которую она вела совместно с членами *Святого альянса*, оказалась ошибочной стало ясно после крымского поражения в 1856 году, когда Княжество Сербия больше не было под исключительной защитой России, а попало под коллективное опеку европейских великих государств. Страх отдельных петербургских кругов, которые старались, чтобы Россия унилатерально не выделялась из политических планов европейского клуба великих, привел к поражению в 1878 году на Берлинском конгрессе (так это охарактеризовал сам князь Горчаков, министр иностранных дел). Из-за решений Берлинского конгресса, которые были неблагоприятными для сербских национальных интересов, Россия потеряла влияние на сербскую политику, независимо от их совместных жертв в течение войн 1877–1878 годов.

Как бы это не звучало контрадикторно, выход России из рамок общей европейской политики и ее внешнеполитический поворот в сторону аутентичной евразийской политики, благоприятно отразится на

роль России в европейских и сербских делах. Одним словом, ангажемент на азиатском востоке позволит России активную деятельность на европейском юго-востоке.

AYMERIC CHAUPRADE

RUSSIAN FOREIGN POLICY — A FACTOR OF STABILITY IN INTERNATIONAL GEOPOLITICS

My presentation is not intended to provide a catalogue of conflicts or disputes everywhere in the world but to propose a comprehensive understanding of the contemporary geopolitical situation.

The main axis of this lecture consists in the demonstration that the shift from a BIPOLAR WORLD into two radically different possibilities of world organization — a UNIPOLAR WORLD or MULTIPOLAR WORLD — could provoke a large-scale and high-intensity war and make us return to classic inter-state conflicts.

If we look at history with a long-term view, we see that the quest for supremacy has been the main aspect of competition between civilizations and nations for a very long time.

World history can be summarized in a cruel quest for supremacy, which is true both at a world level and at a regional level.

Since the end of the bipolarity opposing the Western bloc against the Soviet Union, **a new dynamic is developing which consists mainly of the opposition between unipolar forces and multipolar forces.**

Unipolar forces are pursuing the objective of the preservation of Western supremacy that has existed for five centuries. They want America to stay Number One and they want globalization to mean Westernization.

For them there is absolutely no difference between Western interests and the expansion of globalization. Emerging countries are only emerging markets for their capitalistic and geopolitical interests. But if these emerging countries have a sovereign project to develop themselves, they call it a “nationalistic project” and demonize it.

And on the other side, **multipolar forces** are more and more powerful and organized. They come mainly from the emerging countries that are

now experiencing reality and calling for a new organization of the world without the supremacy of the US dollar and without the imperialism of Western standards.

The most important current issue is probably this confrontation between UNIPOLAR and MULTIPOLAR projects.

Multipolarity is provoking a **reversal** in the hierarchy of the major players that is going profoundly to transform relationships and behavior between the Western peoples and the rest of the world.

Westerners are used to **five centuries of domination and it is easier to change habits when rising rather than declining**.

That is the reason why I do believe that understanding contemporary geopolitics means understanding the global US strategy that aims to prevent both the resurgence of Russia and the rise of China.

And I do believe that the USA are following this strategy designed in the years following the collapse of USSR whose priority is to prevent China and Russia being major players.

There are probably many ways to describe and explain this global strategy which nevertheless seems so erratic. I propose my own with my own way to read it although I do not claim that it has been designed exactly in this way.

For me, US **foreign policy** aims at 5 major geopolitical goals and an analysis of these goals shows us the main conflicts today.

1. First goal : To extend the transatlantic alliance as far as the borders of Russia and China

Extension of the transatlantic bloc as far as the borders of the former USSR to build a large Western alliance in the face of China.

It implies the destruction of the European project as an independent power and also the cutting of ties between the EU and Russia.

This project has been implemented step by step since 1990

The expansion of NATO in the former Soviet sphere of influence sphere: 1999 (Hungary, Czechoslovakia, Poland), 2004 (7 new countries: 3 Baltic States, Slovakia, Slovenia, Bulgaria), Coloured Revolutions (Ukraine and Georgia), First attempt for Moldavia. War in the Ukraine. Moldova and Georgia are still on the path towards EU membership.

War of Yugoslavia from 1991 to 1999 => Croatia, Slovenia 1991, Bosnia 1995, the creation of Kosovo as a new independent state in 2000. This broke

the sacred principle of the *inviolability of borders* adopted after the Second World War.

Important because for Russia it means that the Western world has torn up the fundamental principles of International Law and they can do the same now.

Abkhazia and South Ossetia in Georgia 2008 and also Crimea 2014 are the direct consequence of the creation of Kosovo and of NATO aggression.

Ukraine: “Coup d’Etat” in Maidan/ New Pro-US government with pro-fascist political forces (historically pro-Germany oriented forces)/ Did not respect the rights of the Russian-speaking minority in the province of Donetsk and Lugansk.

Crimea revolution by the mainly Russian population.

The EU and US project to include Ukraine in EU then NATO does not make sense. Ukraine is an interface between Russia and EU and should not be a periphery of the EU. This goes against common sense and the geopolitical balance in the region.

But you have the geopolitics of Zbigniew Brzezinski. In *The Great Chessboard* written in 1997, this famous author explains that in order to roll back Russian influence on Europe, the US will have to control the Ukraine and take it into NATO. That is exactly what is happening now.

For Russia is it an unacceptable loss of influence. The US tried to do so in 2004 thanks to the orange revolution with a new pro-NATO government. But in 2010 Russia changed the situation and the Ukrainian people voted for Yanoukovitch and the Party of the Regions. What is happening now is a new attempt for a pro-NATO revolution backed by the US and accepted the pro-US German Chancellor Angela Merkel.

The EU appears as a weak player in this crisis. Anti-Russia countries like the Baltic States and Poland play a key role inside the EU to orientate EU policy in a very aggressive way against Moscow. The same is now occurring in the USA and Canada with the Ukrainian and Polish minorities that play a similar role as the Jewish lobby in the US Congress over US foreign policy in the Middle East.

It is therefore very difficult to find a compromise between Moscow, Paris, Berlin and Kiev because of this aggressive role that is played by Poland and other Eastern European countries.

The result of this crisis is to widen the gap between the EU and Russia and to end several strategic collaborations that were implemented at the

start of the 2000 decade. This was not only in the energy field but also in the defense field similar to what happened between France and Russia for the Mistral ships.

Russia will have greater interest in the future to develop towards China, South Korea and Japan. 2/3 of its oil is exported to Europe but Russian companies will try in the coming years to change this proportion and to export much more towards Asia. In this situation I do really believe that the EU has more to lose in terms of interests than Russia.

Russia, like Central Asia, could be the natural interface between EU and China, what we call the new Silk Roads, and the less Europeans depend on Middle Eastern oil and gas the better.

2. Second Goal of USA/NATO: To control Chinese and European energy dependency by controlling the Middle East and Russian periphery (the Greater Middle East)

It explains the “regime change” policy and military interventions in the Greater Middle East.

Iraq war: 1991 to 2003 -to break a potential regional power with a nationalist oil policy/ Protect Gulf allies/ Prevent access to the Arab atomic bomb (Israel).

2003 war without UN legitimacy= access to Iraq oil (2nd world reserve at that time) => improve US control on Middle East reserves/ counter-balancing Saudi Arabia (1st world oil producer)/ developing the “Shiite against Sunni” strategy that breaks the unity of Arab countries.

Asia (China, India, and other Eastern countries) import 70% of its oil from the Middle East. At the same time the US, thanks to shale oil and gas, is increasingly independent from the Middle East and could be a major world producer by 2020.

Iraq+ Gulf countries+ Iran= 60% of the world oil reserves

Russia= 30% of gas reserves, Iran and Qatar also

If they have a new alliance with Iran they will control nearly everything except Russia and Latin America (Brazil and Venezuela).

Russia is the alternative oil tank for Asia.

Libya: = 40% of Africa oil reserves/ same as Iraq/ To destroy every oil-nationalist nation in the Arab world. Libya is also gas for Europe (alternative to Russia)/ Ghaddafi was enemy of Saudi Arabia and Qatar. They founded the fundamentalists and wanted to kill an OPEC member.

1. **Syria** : big off-shore gas reserves in the Eastern Mediterranean/ road for Iranian oil to the Mediterranean/ Naval facilities for Russia/ Potential export pipes and roads towards Europe for Qatar and Saudi Arabia

Bibliography

1. *Aymeric CHAUPRADE*. Chronique du choc des civilisations. 4e edition, Editions Chronique, 2015. 290 p.
2. *Aymeric CHAUPRADE*. Géopolitique : constantes et changements dans l'histoire. 3 edition. Ellipses, 2007. 1104 p.
3. *Henry KISSINGER*. World order. Penguin Books, 2015. 432 p.

HANS KÖCHLER

DEMOCRACY IN A MULTIPOLAR WORLD

Ever since the Cold War era, “democracy” has been a buzzword in international ideological discourse. In connection with “human rights,” the meaning and implications of the concept were controversially debated between the erstwhile ideological rivals in the bipolar constellation of the time. The term has itself become a tool in the struggle to gain the “moral high ground” in the global game for power. In the unilateral framework since the beginning of the 1990s, the definition of “democracy” in the sense of the Western-liberal school of thought has had far-reaching implications for (1) the conduct of foreign policy in general, and (2) the (ideological) justification of interventionist policies, including military actions aimed at “régime change,” in particular. In a context where one party of the erstwhile bipolar constellation saw itself as the “victor,” trying to exploit the new situation to forcefully impose its ideology and rule globally, “democracy” has indeed become part of the arsenal of a new form of “hybrid war.”

To avoid a new Cold War, “democracy” must be taken out of this confrontationist context. For reasons of intellectual honesty and conceptual clarity, it is necessary to state that this political and legal concept — that is powerfully propagated and often forcefully imposed in distant and socio-culturally diverse countries — is primarily based on the principle of **representation**, and not of direct expression of the **popular will** (a point Hans Kelsen has also made in terms of philosophy of law). In distinction

from “direct” (participatory) democracy, “representative” democracy is not understood as rule of the people, but on behalf of the people — whereby the selection of the decision-makers is, at least in theory, the result of the people’s decision between competing political parties.

It is worthy of note that the doctrine of representation implies the assumption (a) that there exists a totality of the people and, accordingly, a *popular will* in the sense of an **ideal entity** (Carl Schmitt), and (b) that this popular will can and must be represented by individual office-holders who are only committed to the **general interest** (the common good), and not to the particular interests of themselves or their political group (party). This is the essence of the notion of “free representation” in modern democratic systems.

The **doctrine**, however, is often contradicted by the **practice** of representation in the traditional multi-party framework, especially in the parliamentary systems of the industrialized world. As explained by Schumpeter, this version of democracy is based on **competition** for the votes of the people, whereby the competitors use the latest methods of public relations to influence public opinion or, more blatantly said in the words of Walter Lippmann, to “manufacture consent.” Because there exists no equal playing field (even under conditions of liberal economy), this means that particular and **short-term interests** of groups or well-organized lobbies take precedence over the **long-term interests** of the state and the entirety of the people (as community of the citizens). However, the common good is more than the sum total of the particular interests of those groups of the population that have been able to organize themselves in a context of party politics. Those countries that propagate “democracy” only and exclusively in this sense, practice representation not according to its **idea**, oriented towards the **common good**, but as a form of **oligarchy**.

The actual practice of representation has meant that the most vocal and best-financed interests (lobbies) have often been able to influence state policy at the expense of weaker sectors of the population. Against this background, rule *on behalf* of the people turns into rule on behalf of the most influential lobbies and pressure groups — domestically as well as internationally, often with detrimental consequences for social stability and peace. This has undermined the **legitimacy** of the respective political systems and has become one of the root causes of “**democracy fatigue**” also in major industrialized countries. Dismissing this attitude as a phenomenon of “popu-

lism” will not help to understand the socio-economic framework in which dissatisfaction and frustration has developed, as also stated by Vladimir Putin in his address at the Valdai Club (October 2016).

In this era of global instability — which is characteristic of the transition from a unipolar to a new multipolar order, and where no player can claim ideological supremacy — it will be a major challenge for the theory of politics to overcome the antagonism between *parliamentary* and *participatory* (direct) democracy, and to come up with a comprehensive and multi-dimensional model that (a) incorporates various traditions and schools of thought (leaving room for different socio-cultural experiences and practices, i.e. for a “dialogue of civilizations” also in the political field), and that (b) cannot as easily as the hitherto dominant one be instrumentalized for the purposes of power politics. The “**power of definition**” must not rest in the hands of a self-declared, and self-interested, hegemon (or a dominant power bloc), lest “democracy” is destined to remain an ideological tool — instead of becoming the organizing principle of politics on a **worldwide** scale, *within* and *between* nation-states. Instead of being used as an ideological tool of the arsenal of “hybrid war,” “democracy,” as a multi-dimensional concept (comprising representative and participatory forms of decision-making), should be an element of an equally multi-dimensional “hybrid peace” in the multipolar world of the future.

HELENA RYTÖVUORI-APUNEN

BORDERS BEYOND THE STATE: CHALLENGES FOR RESEARCH AND RESOLVING ‘FROZEN’ CONFLICTS¹

Summary: This presentation argues that the study of borders (and consequently the emerging field of Border Studies) has much relevance for the multidisciplinary field of international relations in general and the study of the so-called frozen conflicts in the post-Soviet space, in particular. More specifically, it argues that the pragmatist perspective, which

¹ This presentation is based on my ongoing research and the manuscript of Helena Rytövuori-Apunen, ‘The Depth of Borders Beyond the State: Analytical, Normative and Epistemic Challenges of Study’ in Cengiz Günay and Nina Witjes (Eds), *Border Politics: Defining Spaces of Governance and Forms of Transgressions*, Springer, forthcoming November 30, 2016.

inquires how different bordering practices¹ resist the state- and nation-centric concepts through which they are conventionally framed, provides a relevant approach to examine the experience of borders beyond the institutional reality of the states and thus has a contribution to make in complementing these approaches. The basic thrust of the presentation is that the habitual reality of borders (the border-related life-processes of different groups of people) is an area of research which deserves serious attention in the study of international relations, because a focus on the state border cannot increase our knowledge and understanding of how all these other b/ordering practices consolidate or challenge the borders between the states and, consequently, strengthen or bring into question the normative order of international relations.

Although the limitations of state-centric conceptualizations and approaches have been recognized in the study of international relations, the study of borders in this field is predominated by the concepts of the border as a state border and the state border as an institution. The constructivist and state-building approaches that typically are used to formulate problems examine borders as institutions and ask how they are, or should be, set up, whilst the epistemic doubt (questioning how *real* borders are) is left to the side. This is unhappy, because without asking how borders matter and what difference they make in the lives of people, the efforts to create more efficient border management — to solve problems about ‘porous’ and ‘leaking’ borders, or to consolidate borders when they are not even recognized — merely focuses on some symptoms while remaining unable to even identify the problematic condition that should be cured.

Introduction: Studying Borders as Practices

Borders are signs of inclusion and exclusion; they are not always linear but, more generally, delimitations that mark boundaries and difference. Borders in international relations denote, in the first place, territory or geo-space whilst also marking frontiers of power and boundaries of identity. B/ordering practices described in this way are about geo-graphing power as presence and as control. They are about gaining influence and establishing identity in relation to a space, which may denote a bounded territory (from pieces of land up to entire countries) or a more diffuse functional space (such as information and networking spaces). While flows of people, goods and information may be signs of the diminishing importance of state borders,

¹ Bordering is a term coined in Henk van Houtum, Oliver Kramsch & Wolfgang Zierhofer (Eds.). *Bordering Space*. Aldershot: Ashgate, 2005.

they also can create their own borders by bringing forth transboundary spaces and creating outwardly dynamic frontiers. Borders are shaped by the processes of globalization and they also reignite sentiments of historical belonging¹. The interactions and the accumulation of transactions by one state or its citizens or inhabitants in another state do not in themselves create borders; they only do so as bordering activities — when claims of privileged access and efforts to control political outcomes are attached to mobility².

Bordering practices take many forms, and taxonomies make little sense in the flux of developments where borders are constantly fading or evolving. In relation to this actual pulse of life, the conventional map of the world as a map of states is largely an ideational grid which shapes reality through the heavily institutionalized practices of the modern state. In relations between states, which seldom are equal in power and position, issues are more complex. The principled legal perspective on international relations is also blurred by the fact that in the contemporary world the presence of one state within another relates less to the pursuit of domination over territory than it does to the interest to control specific political outcomes, such as decisions about access for mobility and integration with other states. Correspondingly, practices of power are subtle and persuasive and operate through mutually conditional collaborative relations instead of being directly coercive. As suggested by the initially U.S. — specific but nowadays widely applied idea of ‘soft power’³, the power which can change borders also operates with the attraction of values and normative discourses. Hence, this also means that borders have become an increasingly contested concept in the normative battles of international relations: a border-related conflict is less about a specific border than it is a symbol of an order.

Normative Thrust of Argument

The normative dualism embedded in the concept of the state border is easily politicized and becomes part of the political contests between states.

¹ *Steven Parham's*. *China's Borderlands: Inside People and Borders in Central Asia* (L.: I.B. Tauris, forthcoming December 2016) is an insightful discussion of these issues.

² A more comprehensive discussion of this thematic is presented in the Introduction chapter in Helena Rytövuori-Apunen (Ed. 2016), *The Regional Security Puzzle around Afghanistan. Bordering Practices in Central Asia and Beyond*. Opladen: Barbara Budrich Publishers (p. 1–28).

³ *Joseph S. Nye, Jr.* *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: PublicAffairs, 2004.

The state border is a good example of the '(quasi)legal approach' which, in the argument of John W. Burton represents the 'win-lose' framework logically opposed to conflict resolution¹. Burton's aim is not to undermine the importance of law but to emphasize that in those cases where consensus and legitimacy have already crumbled there is little to be gained from imposing one-sided definitions on the conflict and pointing out who the 'culprits' are.

The resolution of a conflict is a process which can only be started once the parties to the conflict start taking steps towards agreeing upon what it is that the conflict holds as its content.

In border-related conflicts diplomacy and efforts to solve these conflicts are frequently trapped in approaches that create the categories of 'right' and 'wrong' and use them to support one or the other party in the conflict. After the ideological confrontation of the Cold War ended, it was reasonable to expect that the respect for international law that had been recreated after World War II would be solidified, but within a decade developments had taken the opposite direction. Whilst E.H. Carr, in his realist critique of idealist politics, argued that the League of Nations crumbled due to political values that were seemingly universal yet disguised particular interests,² in the present day such a politically instrumental role is being played by abstract legal principles corrupted in their political usage.

The 'Hard' Reality of non-State B/orders

The naïve empiricist approach to the question whether borders are real is to ask whether the signs that correspond to our concept—border-crossing points (BCPs), flags, fences, gates and procedures to open these gates, literal and symbolic—exist as objects of our sense experience. For the pragmatist such sense experience does not yet provide enough proof. The pragmatist assumes that physical structures exist irrespective of being observed but that they are, for example, 'BCPs' on the basis of our interpretation which asks if they have the practical consequences that they have been designated to have. While a simple fence proves to be real if it obstructs movement, borders between states exist in their institutional contexts. They

¹ See, for example: *John Burton*. *Deviance, Terrorism & War: The Process of Solving Unsolved Social and Political Problems*. Oxford: Martin Robertson, 1979.

² *Carr E.H.* *The 20 Years' Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations*. London: Macmillan, 1939.

are institutional facts; facts which only appear—have some practical meaning—in the context of the institution which they manifest and symbolize¹. Correspondingly, where the institution—the state as part of a community of modern states—is not rooted in tradition which provides it with legitimacy, the ‘fact’ of state borders is a mere formality and contested by practices which derive their justification from other social conventions, communal practices and symbols of identity—practices which reflect affiliation with region, ethnic group, and family in blood or in purpose. Such non-national(izing) practices of belonging become complex when they are also strengthened by the memories of the past and nourished by wider regional and global rivalries for resources and influence.

The ‘hard’ reality of borders that leaves internationally recognized borders only apparent, void of real effect, is a highly relevant and yet neglected subject of study in the research of borders. A pragmatist approach offers a fruitful way to study such questions because it is realist and yet avoids the determinism of ‘facts’ and ‘history’². It offers analytical guidance for asking, for example, what it is that the Transnistrians and the Gagauz expect and reasonably can expect will be brought to them from their affiliation with either Russia or the European Union (EU) in terms of the things that matter in their lives. These are concrete things that symbolize some pattern or regularity in the habitual world (patterns of consumption, education, movement, etc., which are factual in their ‘traces’). Some of these things have ‘existential’ value and ‘make a difference’ on a life-scale instead of only representing better or worse conditions.³ The question concerning

¹ *John R. Searle*. *The Construction of Social Reality*. London: Allen Lane, The Penguin Press, 1995.

² The realist point of departure means that the mind-independent world is a continuous challenge to our thinking and the concepts through which we make sense of it. However, to speak of a ‘Realist ontology’ is problematic because the mind-independent reality (*ens reale*) only gains its unity (becomes ‘a world’) in our interpretation.

³ This means that ‘reality’ in human interpretation is ‘experience’ in three mutually interrelated dimensions. The existential dimension, the question of ‘proof’ in the habitual sense, and the concepts and discourses which are about the possibility of communication by using the symbolic practices of language correspond to what C.S. Peirce calls the Firstness, Secondness and Thirdness of experience. The concepts and discourses agreed in the EU’s institutional contexts are an example of the conventions of communication (Thirdness). See, for example: *Charles S. Peirce* (1992). ‘How to Make Our Ideas Clear’. In *Charles Sanders Peirce: Collected Papers*. Charlottesville: InteLex. CD-ROM Databases. Also in Louis Menand

such qualitative difference in the experience of people instructs us to ask what it is that Transnistria or Gagauzia practically means for its residents in the patterns of life that are 'new' (and offered by the EU) against the 'old' (and represented by Russia)? Like in many other countries that formerly were part of the Soviet Union, in Moldova the cultural divide that prevails under the mosaic of nationalities and instrumental citizenships has left a border dynamism which imbues issues of language and cultural belonging with much significance. The historical experience of the different groups of people valorizes the question of why it is that the EU does not have the kind of appeal in these regions that it has when it also represents a *reconnection* with a course of developments (European integration) from which actors and agents see themselves to have been unrightfully disconnected by the Soviet decades.

Understanding such 'existential' difference in the interpretation of developments such as the changes brought by the association with the EU enables us to unfold the depth of borders and the sources of the conflict beyond contemporary geopolitical rivalries.

In Ukraine also the deeper dividing lines can be unfolded by asking what it is that Russia, or the EU, represent for these people in relation to the opportunities that they have in their lives and the sense of belonging that gives them a history and a culture. This border has no fixed points on land but exists because it is sustained by some previous experience, personal and restored in the memory of generations. It becomes actual when people in their 'new' encounters with the empirical world can recognize something with which they feel familiarity or what, contrarily, feels alien and in its practical implications means discontinuity with their ways of existence. We cannot prejudge the political rhetoric about history and belonging to be merely manipulative; if it is so, it is uttering words not meant for an audience.¹ Although slogans such as being 'closer to' or 'together with' Russia or (Western) Europe are politically motivated, they also have a meaning for

(Ed.). *Pragmatism: A Reader* (p. 26–48). New York: Vintage Books, 1997. (Original work published 1878.)

¹ This point is common among philosophers of language and interpretation. It follows from speech act theory, which distinguishes the illocutionary force and the perlocutionary effect from the locutionary meaning of speech. *Austin J.L.* *How to Do Things with Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.

the people that supports them on the political agenda. Similarly, although the multinational identity of the 'Pridnestrovian' is a Soviet-type ideal and, in its public articulations, serves a political purpose, it also appeals to large numbers of people because it is coherent with their experience. We also must take into account that words and images, which may seem like clichés, have meaning as symbols through which identity is consolidated when the threat appears that it may be degraded, for example in the situation where status is dependent on being granted recognition in terms of 'minority rights'. Although the residents of Transnistria, who have been able to benefit from the Autonomous Trade Preferences (ATP) introduced by the EU in 2007,¹ have demonstrated their willingness to trade in all geographic and political directions, this has not eased the political conflict with Chisinau. The crucial issue remains the autonomy that enables people to pursue their lives without feeling that their habitual ways and the culture which they recognize as their 'own' is not part of the national culture in their country.

We can term Moldova and Ukraine 'cleft countries' (the term is Samuel P. Huntington's)² or something else, but such framings (so typical in the study of international relations) remain only conceptual 'stamps' unless there is interpretation that unfolds their practical meaning in the lives of people. Whilst the history of 'cleft regions' has already received some attention in the study of politics (Katchanovski 2006)³, identification of borders in the comprehensive sense requires us to open our eyes to the practices that resist established concepts of borders. Resistance can be examined in an individualistic as well as a holistic perspective, i.e. it can be seen to be the

¹ The EU extended the ATP for Transnistria until the end of 2015. In December 2015 the Transnistrian authorities reversed their previous policy and agreed to implement in the next two years the reforms required by the region's inclusion in the Union's Deep and Comprehensive Free Trade Area with Moldova. In spring 2014, more than 70% of Transnistria's exports were to the 'right bank' of the Dniestr and to the member states of the European Union. Sources: *Kamil Calus* 'The DCFTA in Transnistria: Who Gains?' *New Eastern Europe*, Articles and Commentary, January 15, 2016. <http://neueasterneurope.eu/articles-and-commentary/1861-the-dcfta-in-transnistria-who-gains> (retrieved June 20, 2016) and Anita Sobják, 'Is Transnistria the Next Crimea?' *The Polish Institute of International Affairs. Bulletin* 49(644), 2014.

² *Samuel P. Huntington*. *The Clash of Civilizations and Remaking of World Order*. London: Simon & Shuster, 1996.

³ *Ivan Katchanovski*. *Cleft Countries: Regional Political Divisions and Cultures in Post-Soviet Ukraine and Moldova*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2006.

result of the action and mobilization of groups of people as well as the force that structural entities and discourses demonstrate.¹ Pragmatism considers resistance not only as a social movement but as a challenge to the power of concepts, and it seeks to understand the deeper b/orders of existence from which it emerges. We cannot inquire about reality without genuine doubt, and this means that the objects of our study are ‘dynamic’: they (in their practical meaning)² can resist our efforts to define and impose meaning on them. This, in my view, is the key point in studying borders as practices. It is overlooked when borders—for example the future borders of the EU — are approached as ‘social construction’ or examined with an eye to implementing a political model of a state or a concept of border management. Instead of becoming part of the politicized discourses, the ethos of research is to retain the questioning attitude. A better understanding of the resistance to borders is not only an epistemic attitude but also a prerequisite for outlining working solutions to the conflicts that relate to these borders.

¹ For example, we can call Nagorno-Karabakh a region of Azerbaijan. However, a letter from Baku sent to an address in Khankendi (the Azeri equivalent for Stepanakert) will not arrive. Khankendi exists only as a name and does not have the intended practical implications. Whilst this is an effect of institution, the struggles of the conflict parties leave innumerable possibilities to study resistance as the result of the action of individuals and groups of people. Similarly, the efforts of the European Union Border Assistance Mission (EUBAM) to improve border control at the Moldova–Ukraine border by assisting these two states to bring their procedures and standards closer to those in the EU member states are resisted by the practices of people who evade the BCPs by using, for example, the many small, uncontrolled routes that have remained from the Soviet times when borders were non-existent. The communication networks built during the Soviet period of time are especially dense in the ‘central segment’ (the Transnistrian part of the borderline, 453 km) because Transnistria was part of Ukraine during 1924–1940, and redrawing the Soviet administrative borders later brought little change on the local levels. Today, when a state border is in the process of being established with border demarcation and border control institutions, the fact that this segment of the border is the part that remains beyond the control of the Moldovan constitutional authorities is the main structural and institutional obstacle for bringing a new level of control to the 985 km border between Moldova and Ukraine.¹⁵ In the pragmatist sense, persistent resistance, in spite of continuing efforts to implement a concept (to bring about the practical consequences it is intended to have), is a sign of ‘hard’ reality.

² The so-called pragmatist maxim argues that: ‘Consider what effects, that might conceivably have practical bearings, we conceive the object of our conception to have. Then, our conception of these effects is the whole of our conception of the object.’ (*Charles S. Peirce*. 1992. *Op. cit.*)

Bibliography

1. *Charles S. Peirce*. 'How to Make Our Ideas Clear'. In Charles Sanders Peirce: Collected Papers. Charlottesville: InteLex. CD-ROM Databases. Also in Louis Menand (Ed.).(1997). Pragmatism: A Reader (p. 26–48). New York: Vintage Books, 1992. (Original work published 1878.)
 2. *Carr E.H.* The 20 Years' Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1939.
 3. *Helena Rytövuori-Apunen*. The Regional Security Puzzle around Afghanistan. Bordering Practices in Central Asia and Beyond. Ed. 2016. Opladen: Barbara Budrich Publishers. p. 1–28.
 4. *Helena Rytövuori-Apunen*. 'The Depth of Borders Beyond the State: Analytical, Normative and Epistemic Challenges of Study'. Cengiz Günay and Nina Witjes (Eds), Border Politics: Defining Spaces of Governance and Forms of Transgressions, Springer, forthcoming November 30, 2016.
 5. *Ivan Katchanovski*. Cleft Countries: Regional Political Divisions and Cultures in Post-Soviet Ukraine and Moldova. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2006.
 6. *Austin J.L.* How to Do Things with Words. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.
 7. *John Burton*. Deviance, Terrorism & War: The Process of Solving Unsolved Social and Political Problems. Oxford: Martin Robertson, 1979.
 8. *John R. Searle*. The Construction of Social Reality. London: Allen Lane, The Penguin Press, 1995.
 9. *Joseph S., Nye, Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004.
 10. *Kamil Calus*. 'The DCFTA in Transnistria: Who Gains?' New Eastern Europe, Articles and Commentary. January 15. 2016. <http://neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/1861-the-dcfta-in-transnistria-who-gains> (retrieved June 20, 2016) and Anita Sobják, 'Is Transnistria the Next Crimea?' The Polish Institute of International Affairs. Bulletin 49(644), 2014.
 11. *Samuel P. Huntington* (1996). The Clash of Civilizations and Remaking of World Order. London: Simon & Shuster.
 12. *Steven Parham's*. China's Borderlands: Inside People and Borders in Central Asia (London: I.B. Tauris, forthcoming December 2016) is an insightful discussion of these issues.
-

PETER W. SCHULZE

MECHANISMS AND THE ROLE OF NGO'S IN ASSURING COOPERATION FOR SECURITY AND PEACE IN OVERALL EUROPE

Introductory remarks:

At least four Mega Trends combined with Game Changers are driving the transformation of the international system and influence the domestic policies of national states:

1. End of the system of balance of power: post modern versus modern State;
2. Change of force constellations in the international system toward a multipolar world; However, the future multipolar world can rebuild bipolar elements;
3. Revolution in I&C Technologies as the basis for globalization;
4. Participation of the people in shaping foreign and security policy goals

Some observations for the rise of subjective factors under specific historical conditions.

The general assumption that foreign policy and international relations only play a minor role in people's perceptions of state politics is valid in principle. Such a realm is still the exclusive field of action and decision making of state leaders and their preferred power groups. However the transformational stage of the present world order, undergoing rapid changes tends to modify such assumption.

History takes in some instances the liberty to veer off its course and produce shortcuts or variations of trends: Or better the interplay of two trends: MEGA TRENDS and GAME CHANGERS. Let us assume that sudden happenings as the intervention of people into political processes are able to cause disruptions of an otherwise predictable evolution of political and social institutions.

If we refer to European history since 1914 one widely held assumption argues that without violent interruptions the development of European states would have been relatively similar. The path was prepared to political pluralism, the rule of law, majority rule in representative political institutions, equal equality in political terms, protection of minorities etc. Of course, European societies would have evolved at different times in this

direction. To quote Robert Cooper, particularly Northern European states would have undergone a metamorphosis from a pre-modern to a modern and a post modern state.¹

However, if people interfere in decision making of foreign policy, history can veer off its course. And there is rarely a way for power elites to stop unleashed social forces, often then leading to regime changes, revolutions and fundamental changes of policy paradigms. In general, such interferences are synchronized with other popular demands, i.e. improvement of socio-economic conditions or ethic and cultural issues. Let me just point to a few historical events:

The Bolshevik revolution, Rise of Fascism in Europe, Anti-Vietnam war protests in the US and Europe, the Peace Movement in Germany at the end of the 1970s and beginning of the 1980s, the peaceful mass demonstration in Eastern Germany for German unification, and last not least to a certain degree the protest movements in the USSR unleashed by Glasnost which led to the demise of the Soviet Union.

In present times the rise of protest movements in several European countries is a new phenomenon. Protest is directed against their own national power establishments and governments, parties and connected institutions like media and even social movements. But the realm of protest is not only confined to a national political spectrum. Often and open or indirect it is directed against supranational institutions of the EU. Brussels has become a target of critique. National and supranational institutions are accused of being alienated from real life, are perceived as anonymous, even repressive in instances and not representing the will of European Citizens. Unquestionably at the bottom of such accusations and protest movements we can discern a crisis of legitimation of those institutions.

Ever since the US National Intelligence Council on “Global Trends 2025: A Transformed World”, appeared in 2010, and as well the latest NIC report² of 2012, “A changed world in 2030”, a vivid debate erupted in the international community of foreign- and security policy experts, not seen since the end of the Cold War. Long cherished believes, principles and assumptions

¹ *Robert Cooper*. The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. N. Y., 2003.

² National Intelligence Council, Global Trends 2030: Alternative Worlds, December 2012. www.dni.gov/nic/globaltrends; Those reports are handed to every newly elected President of the USA, one month after election.

about the nature, power position and constellation of power blocs in the international system were unexpectedly questioned. The purpose of such reports is to provide policy makers with a wide scale perspective how the world would look like, if certain tendencies would continue or would even gain in strength.

Such reports do not try to predict the future, but deliver some distinctive views, namely what may come possible in the course of future events and tendencies. In such, the reports try to explore how uncertainties might interact among themselves, and in combination with driving forces that are relatively 'certain', as well as plausible 'wild cards', to create a set of possible futures that present different challenges and opportunities to foreign policy. In the following we can differentiate between so called *Megatrends* or "long trends" which will affect nearly all societies and "*Game changers*" which will suddenly appear, although in confined and special circumstances and will impact different societies at different levels with dissimilar consequences.

The use of scenarios for longer term forward-looking assessments is valuable precisely because it opens the discussion to multiple perspectives. Rather than argue about what *will* happen or what we *wish* to happen, multiple scenarios seek to mark out the possibility space of what *could* happen. Policy makers can neither predict nor fully control the future, but they can come to a better understanding of what is most uncertain and most important about it, and prepare for more effective policy making in light of that understanding.

Let me just draw your attention to some key findings of the latest NIC-report which will serve as a reference point for our debate.

1. The United States will be a less dominant Power. By 2025 the US will find itself as one of a number of important actors on the world stage, albeit still the most powerful one. Even in the military realm, where the US will continue to possess considerable advantages in 2025, advances by others in science and technology, expanded adoption of irregular warfare tactics by both state and non-state actors, proliferation of long-range precision weapons, and growing use of cyber warfare attacks increasingly **will constrict US freedom of action.**

2. US interest and willingness to play a leadership role will eventually, as the ongoing crisis since 2008 demonstrates, be more constrained as the economic, military, and opportunity costs of being the world's leader are

reassessed. Economic and opportunity costs in particular may cause the US public to favor new tradeoffs.

3. In other words, with the end of the 20th century ended the predominant role of the USA. The last twenty years after the demise of the USSR where exceptional in the sense, that the USA achieved a hegemonic position, due to the end of system rivalry, i.e. the end of the Cold War. In the first two decades of the new millennium it became quite obvious that other countries and power constellations rose and having their impact on a new world order.

The BRIC countries, far from being at a final stage of a union, and as diverse and economically vulnerable as they are in many respects, are developing into an counter force against US hegemony and the unipolar world. This process is well under way and even shared in EU-Member states. Of course, signs of integration or building of institutions are yet to be seen. But their view of world politics differs sharply from perspectives on the future from those of the USA.

However, it is not only the rise of the BRIC countries which changed the structures and power constellations in world politics. We need also to mention the transformation of the European Union, despite all its internal problems, into a geopolitical however quite reluctant actor. The present state of the EU is deplorable; the EU community is fragmented and has lost its attraction as a magnet for other countries. However, the appalling present condition of the EU has given rise to reflections which path of future development the Union should embark upon: core Europe, a more democratic Europe, a regression to the concept of stronger nation states, or just muddling through with minor restructuring of the institutions. The Eu is in a transformational state which may go on for some years, but it is quite unlikely that the EU will collapse or relapse into a world of autonomous nation states.

And in addition which such processes at work we need to pay attention to developments which originate from such changes. First, a fundamental change of paradigms moving away from hard power politics to the use of soft power; and second, interlinked with such change, the rise of non-governmental organizations to influence international politics.

To sum up:

In political as well as in economic terms we are confronted with the re-arrangement of actors in the international arena. The constellation of forces

will change and the process of adjustment is well under way. A multipolar or polycentric global spectrum is evolving in front of our eyes. The rapid alteration of the old unipolar world affects the driving actors, i.e. the USA, Russia, China and the EU all together, but in different ways and intensities. Within such a transformational period, where one world order gives room to an emerging different one, subjective factors seem to play a major role. And those shifts ***could cause a qualitative adjustment of the national actors involved in world politics. The basis for such shift is already in operation.***

The revolution in information and communication technologies which started in the 1970s in western capitalist countries then spread to Europe and the Pacific Rim countries produced the essential technological global Megatrends which do affect all developed societies. Societies are exposed to such technological Megatrends in different ways. Although they vary in their political structures and in the stage of social and economic development, one specific feature is common to them all: Non-state actors enter the realm of national politics. They demand qualitative changes in domestic policies, in the structure of their respective political systems and of course in the external behavior of state agencies.

Let me point to a few features of the new phenomenon:

First, the revolution in information technologies created a whole range of new actors who will alter from within the composition of forces in their respective political systems. Such development is not limited to countries with a relative high level of socio-material welfare or to countries which encounter pressing political or material needs. Since the “greening” of the Western political world at the turn of the mid-eighties in the last century we saw societal forces enter the body of national politics which proposed different aims and called for a fundamental change in norms of political behavior. This process has now spread, due to available technological arrangements, to other parts of the globe. The internet has become a subversive force, allowing people to circumvent the traditional means of information NGO’s, social groups, action groups, grass root and single issue movements penetrated the body of politics in the Western world and caused a change in preserved paradigms. They left their impact on national politics and did not shy away even if exposed to instruments of rule and power preservation.

Second, the social networks allow direct, alternative information and escape administrative control. They can offer alternate notions of “national

interests” or for the conduct of foreign policy. The mass movements in the early 1980s in the midst of the Cold War to stop the arms race were an early sign of such trend, then labeled “peace movements”.

Ever since, other groups and social movements appeared, dealing with aspects of international life, criticizing state actors for either doing too little or nothing at all to improve the socio-economic or ecological conditions of their citizens. Such groups fought for minority rights, cared for political prisoners, demanded more state responsibility to deal with corruption and called for fair trade and a more economically balanced world order. Resulting from the emergence of such social movements and non-government actors, governments are more or less obliged- at least in democratic societies- to share responsibility and/or allow such groups to enter the decision making process in formulating foreign and security goals.

Third, in a certain sense, such action groups started to liberate foreign and security policies from the monopoly of state actors. Their impact on state policies was and still is astounding. Given the technological means for communication across national boundaries, and dense networks of linkages of civil societal groups on issues of common concern, such process seems to be not stoppable. The civil action or non- government groups will function from within as a slow breeder of change and offer alternatives to state policies. And by doing so, they can enforce, speed up or slow processes diagnosed by official actors and their institutions.

In light of all those convincing arguments listed in the above mentioned Global Report of the NIC, it is remarkable that there is very little mentioning of internal forces as potential deterrents for foreign policy. The official standpoint often tends to overlook the scope of their interference with official policies. A shift of power can be observed, top down, from governments to society, and its most active groups. Such shift of power is not free of risks. The danger of nationalist-populist movements to influence a larger share of foreign policy is as serious as there is a good chance that proposals for peaceful cooperation and conflict reduction among states could become dominate the agenda in inter-government talks.

If we combine the emergence of non-state actors as a driving force from within the states the *emerging new world order may be shaped on three different levels.*

The global powers, like the US, Russia, China and important member states of the EU and in a not so distant future as well some ascending coun-

tries of the BRICS may design the upper level by traditional hard power factors of military, economic and political might. However, this tier will remain predominantly hegemonic in structure

The second tier beneath represents economic or soft power. It will be composed of states which are economically strong and build the basis for multipolarity.

Thus we could add a third shift in international politics: the exclusive and dominant position in soft power which Washington holds for decades is evaporating. The third tier represents a plethora of transnational relations and reflects a world order which is shaped by the diffusion of power. This is the habitat of financial transactions, terrorism, cyber terrorism, ecological and climate change, pandemics and etc. The diffuse makeup of this level reflects the lack of coherent cooperation between major state actors of the North, South, West and East. Despite the evolving uncertainties which go hand in hand with such developments, the emergence of responsible civil action groups and non-state groups in the main national states which are motivated to influence the design of the multipolar world order gives us at least some hope of a successful and peaceful achievement.

Bibliography

1. National Intelligence Council, *Global Trends 2030: Alternative Worlds*, December 2012; www.dni.gov/nic/globaltrends
2. *Robert Cooper. The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century.* N. Y., 2003.

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АВЗАЛОВА ЭЛЬМИРА ИАГИЗОВНА

ФОРМЫ ИНТЕРНЕТ-УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПОЛИТИКЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема использования возможностей сети Интернет в создании новых форм участия граждан в политике. Анализируются институционализированные и неинституционализированные формы интернет-участия граждан в политике. Сделан вывод о том, что под влиянием сети Интернет формируется особый, отличающийся от традиционного тип участия граждан в политике.

Ключевые слова: политическое участие, Интернет, информационные технологии, интернет-участие, формы интернет-участия.

Под влиянием разных факторов (характер политического режима, тип доминирующей политической культуры, особенности функционирования демократических институтов) в каждом государстве складывается различная степень вовлеченности граждан в политику. Совокупность различных способов вовлечения граждан в политику охватывается понятием «политическое участие». Перспективным направлением в создании новых форм влияния граждан на принятие политико-управленческих решений представляется развитие концепций «сетевой» политики и интернет-участия.

Интернет-участие можно определить как форму политического участия посредством интернет-ресурсов. Интернет-участие представляет собой особый тип политического участия и характеризуется мобильным и относительно организованным характером: преодолеваются временные, географические и культурные ограничения, усиливается групповая интеграция вне зависимости от места проживания, что позволяет мгновенно реагировать на возникающие политические проблемы. Также интернет-участие дает возможность в большей степени привлечь к решению важных общественных про-

блем правительственные и неправительственные структуры, политические партии, политических лидеров, традиционные СМИ, международные организации, что способствует становлению обратной связи между органами государственной власти и обществом.

Основываясь на критерии институционализированности, можно предложить следующую самостоятельную типологию форм интернет-участия граждан.

К институционализированным формам политического участия в сети Интернет можно отнести:

1) интернет-голосование. Примером успешного использования возможностей сети Интернет в избирательном процессе являются системы e-voting Великобритании, Эстонии, Бразилии, Филиппин, предназначенные для проведения интерактивных выборов через Интернет. Как отмечается в литературе, во внедрении интернет-коммуникаций в процесс голосования наблюдается интересный факт: «В странах (преимущественно страны Северной Европы) с показателем высокой явки избирателей на выборах практически отсутствует интерес, причем как у государства, так и у общественности, к электронному голосованию. В странах с более низким показателем явки избирателей, например, в Великобритании, интерес проявляется сильнее. Впрочем, такие факторы, как частые выборы (Швейцария) и сложная система подсчета голосов (Бельгия и Нидерланды), также способствуют повышению интереса к электронному голосованию»¹.

Действительно, внедрение интернет-коммуникаций расширяет возможности избирательных кампаний, оказывает существенное влияние на процесс принятия политико-управленческих решений. Примером может служить беспрецедентный случай применения интернет-формата для разработки Конституции Исландии в 2012 году. Для подготовки текста Основного Закона был создан Совет из 25 граждан. На протяжении всего процесса создания документа через

¹ Антонов Я.В. Международный опыт электронного голосования // Сборник курсовых работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний, выполненных студентами и аспирантами высших учебных заведений (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) Российской Федерации в 2010/2011 учебном году. М.: РЦОИТ, 2011. С. 43–60. URL: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/b4f/sbornik-2011_new2.pdf, проверено: 12.09.2016.

социальные сети (Фейсбук, Твиттер и даже Ютуб) собирались предложения граждан (всего было получено 3600 комментариев к работе Совета и 370 поправок к Конституции). Окончательный вариант был одобрен референдумом;

2) законодательные инициативы, петиции, обращения, участие в выработке проектов политических решений, политических программ, местных бюджетов. Образцом того, как развитие информационных и интернет-технологий позволяет создавать централизованные ресурсы для обсуждения законопроектов, может служить пример США. На сайте Белого дома в виде небольшого информера размещаются петиции по важным общественным проблемам, которые может поддерживать любой интернет-пользователь. На петиции, которые набирают большое количество голосов, администрация Белого дома дает ответ, хотя юридически не обязана выполнять содержащиеся в них требования¹. Однако правила сайта гласят, что Белый дом будет отвечать на все обращения, которые превысят установленный рубеж поданных голосов.

Определенный опыт в этом направлении накоплен и в России. Так, «в Перми работает проект StreetJournal.org — аналог английской системы FixMyStreet, куда граждане присылают жалобы обо всех жилищных проблемах. В идеале, как говорят пермские чиновники, этот сайт должен стать виртуальной моделью краевого правительства, где будут четко отображены все стадии бюджетного планирования и распределения. Аналогичные проекты созданы в Казани (DaiSignal.ru), Красноярске (KrasRoad.ru)»²;

В качестве другого примера можно привести реализованный в России проект «Российская общественная инициатива» — интернет-ресурс с целью размещения инициатив граждан и голосования по ним. Данный сайт создан в соответствии с указом Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «для развития и укрепления гражданского общества, защиты прав человека и гражданина, участия граждан в управлении делами государства». На нем граждане России, авторизованные через поддерживаемую государством систему идентификации граждан

¹ Белый дом снял петицию о присоединении Аляски к России // РИА Новости. 2014. 20 апр. URL: <http://ria.ru/world/20140420/1004713181.html>, проверено: 12.09.2016.

² Тихомиров В. Здесь будет город-сайт // Коммерсант.ru. 2012. 12 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1887312>, проверено: 18.05.2016.

ЕСИА, могут выдвигать различные гражданские инициативы либо голосовать за таковые. Инициативы, набравшие сто тысяч голосов, рассматриваются экспертными группами, наделенными правом рекомендовать их для рассмотрения Госдумой.

3) создание сайтов, блогов, чатов, форумов, с политической направленностью. В российской практике тоже есть примеры использования возможностей видеоблогов. Так, именно участники обсуждения видеоблога Д.А. Медведева обратили внимание на невыполнение законодательства в области раскрытия информации о государственных закупках в Интернете. Соответствующие меры были приняты незамедлительно: сразу было поручено реорганизовать технологии контроля подачи заявок на сайте с автоматическим освещением ФАС о нарушении процедуры;

4) виртуальные съезды партий, телеконференции. Например, во время президентских выборов в 2000 году в США почти 600 тыс. человек посетили сайты двух кандидатов во время съездов Республиканской и Демократической партий¹. Перспективным направлением развития интернет-участия представляется практика такой интернет-коммуникации, как онлайн-телевидение. Кандидаты в президенты США уже давно открывают на видеоресурсе YouTube.com собственные видеоканалы. Это сделали как демократы Хилари Клинтон, Барак Обама, Джон Эдвардс и Билл Ричардсон, так и республиканцы Джон Маккейн, Митт Ромни и Рудольф Джулиани².

Среди неинституционализированных форм можно выделить:

1) мобилизации граждан на политические акции посредством флешмобов, митингов протеста или поддержки, забастовки. В качестве наиболее яркого примера мобилизующего потенциала интернет-коммуникаций можно привести организованные при помощи социальных сетей выступления граждан в Москве и регионах России после парламентских выборов в конце 2011 и начале 2012 года и революционные действия на Арабском Востоке;

¹ Панарин И.Н. К вопросу о возможности голосования через Интернет. URL: <http://www.panarin.com/doc/22/index.html>, проверено: 12.09.2016.

² Щенников М.А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: дис. канд. полит. наук / М.А. Щенников; Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2009. С. 60.

2) хакерские атаки на сайты и порталы органов государственной власти, политических партий, граждан, кибертерроризм. Терроризм в виртуальном пространстве направлен на выведение из строя сложившихся каналов политической коммуникации, популярных сайтов, блогов, распространение заведомо ложной информации об оппонентах. Передовые в области внедрения интернет-технологий в деятельность органов государственной власти страны уделяют немалое значение защите своих компьютерных систем от несанкционированных взломов (информационной безопасности). Так, в Великобритании вступил в действие закон о терроризме, который ставит хакерские атаки в один ряд с боевиками Ирландской республиканской армии¹. В соответствии с данным законом в случае взлома хакерами компьютерной системы, обеспечивающей национальную безопасность страны, а также попыток с их стороны каким-либо образом оказать воздействие на государственные структуры или угрожать обществу они могут быть обвинены в терроризме;

3) политические провокации и деятельность, направленная на ухудшение имиджа политических акторов. Примером неуспешной политической провокации может быть случай из электоральной практики США. Во время президентских выборов 2008 года в пик предвыборной кампании штаб Маккейна разместил в Сети большой объем компромата на конкурирующего кандидата. Однако реакция штаба Барака Обамы была неожиданно нестандартной. Политтехнологи не стали предоставлять опровержения и контркомпромат, а превратили весь процесс в продуманную игру — многотысячному электорату было предложено выявить и доказательно опровергнуть клевету, выложив свою ссылку, и им это удалось².

Разработанная типология форм интернет-участия граждан не претендует на исчерпывающий характер, так как продолжается процесс разработки и внедрения новых интернет-коммуникаций в политику.

Таким образом, политические интернет-коммуникации государства и общества становятся определяющими условиями развития

¹ Голубев В. Кибертерроризм как новая форма терроризма. URL: http://www.crimeresearch.org/library/Gol_tem3.htm, проверено: 19.05.2016.

² Щенников М.А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: Дисс. ... канд. полит. наук / М.А. Щенников. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2009. С.38.

сетевой гражданской активности и политического участия. Обсуждение многих актуальных проблем, не находя возможности быть реализованным в рамках привычных институтов, переходит в виртуальную плоскость. Формируется новый тип политического участия граждан — интернет-участие, создающий новые возможности для влияния граждан на политический процесс.

Библиография

1. Антонов Я.В. Международный опыт электронного голосования // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний, выполненных студентами и аспирантами высших учебных заведений (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) Российской Федерации в 2010/2011 учебном году. М.: РЦОИТ, 2011. С. 43–60. URL: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/b4f/sbornik-2011_new2.pdf, проверено: 12.09.2016.
2. Белый дом снял петицию о присоединении Аляски к России // РИА Новости. 2014. 20 апр. URL: <http://ria.ru/world/20140420/1004713181.html>, проверено: 12.09.2016.
3. Голубев В. Кибертерроризм как новая форма терроризма. URL: http://www.crimere-search.org/library/Gol_tem3.htm, проверено: 19.05.2016.
4. Панарин И.Н. К вопросу о возможности голосования через Интернет. URL: <http://www.panarin.com/doc/22/index.html>, проверено: 12.09.2016.
5. Тихомиров В. Здесь будет город-сайт // Коммерсант.ру. 2012. 12 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1887312>, проверено: 18.05.2016.
6. Щенников М.А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: Дисс. ... канд. полит. наук / М.А. Щенников; Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2009. 172 с.

АРТАМОНОВА ЮЛИЯ ДМИТРИЕВНА ДЕМЧУК АРТУР ЛЕОНОВИЧ

«КУЛЬТУРА БЕДНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИДЕИ, УСТАНОВКИ, ФИГУРЫ МАНИПУЛЯЦИИ

Аннотация: в статье на основе выделения ключевых проблем современных коммуникационных процессов и основных стратегий анализа коммуникации в свете этих проблем показывается, что одним из возможных выходов в сложившейся ситуации мог бы стать феноменологический анализ жеста, провоцирующего повторение,

или алгоритмы создания очевидности. Анализируются паттерны «культуры бедности» как такой алгоритм.

Ключевые слова: коммуникация, политическая коммуникация, семиотика, культура бедности.

Логика нашего анализа такова — для начала приведем реестр проблем, с которыми мы сталкиваемся при анализе современной коммуникации (1); затем наметим предложенные выходы из сложившейся ситуации (2); следуя предпочтительной стратегии, кратко покажем на примере, как ее можно развивать и использовать в политическом анализе (3).

Все традиционные модели коммуникаций предполагают в качестве очевидной предпосылку общего контекста коммуникации, т.е. единой реальности и ее более-менее сходного отображения, чем и обеспечивается в конечном итоге трансляция смысла от производителя знака к воспринимающему этот знак. Основоположники семиотики полагают, что, когда мы слышим фразу: «Здесь холодно», мы понимаем, что от нас хотят, чтобы мы закрыли окно. Чтобы семиозис работал (а его составляющими, по Ч.У. Моррису, являются четыре фактора — то, что выступает как знак; то, на что знак указывает (десигнат); воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком (интерпретанта); а также самого интерпретатора¹), нужно как минимум, чтобы было понятно, к кому обращена просьба закрыть окно, чтобы он на эту просьбу реагировал или как минимум воспринимал ее, причем пусть специфическим, но сходным с производителем знака образом. Однако эти вполне очевидные вещи сейчас не работают.

Можно считать доказанным положение о том, что иллюзия достижения вещи самой по себе, реальности самой по себе — иллюзия взгляда на мир XIX века. Знание — это то, о чем в рамках данной культуры можно сказать, согласно точному определению М. Фуко². Язык не просто членит мир особым образом — он задает и способ членения, «очевидность», границы которой переступить трудно. Нет той реальности, с которой можно было бы сопоставить десигнат;

¹ Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург, Деловая книга, 2001.

² Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

можно только попытаться показать, как вещь конструируется в данной очевидности, а таких очевидностей много. Их «сходимость» — не само собой подразумеваемое состояние, а проблема. Конечно, о полной подмене реальности речи нет — вопрос стоит иначе: существуют специфичные «каналы восприятия» реальности, из-за движения по которым далеко не все, что происходит, будет увидено и осмыслено человеком.

Не менее проблематичен и интерпретатор. Обычно мы, опираясь на бихевиористскую традицию, которая и является основой модели семиозиса, описываем человека как «черный ящик», в котором сигналы перерабатываются особым образом. Бессознательное (индивидуальное и коллективное), телесность и сложившиеся общественные практики — теперь обязательные составляющие интерпретатора. Однако, какие практики учитывать? Все — просто невозможно, а паллиатив — выбор основных (например, социально-классовые и т.д.) — не работает. Вот как точно описывает ситуацию Ж. Бодрийяр: «Термином «масса» выражено не понятие. За этим без конца используемым в политической демагогии словом стоит рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление. Верная себе социология будет пытаться преодолеть его ограниченность, используя «более тонкие» категории социо-профессионального и классового, понятие культурного статуса и т.д. Стратегия ошибочная... Впрочем, задним числом оказывается, что и понятия класса, социальных отношений, власти, статуса, институции и само понятие социального, все эти слишком ясные, составляющие славу узаконенных наук понятия, тоже всегда были только смутными представлениями, на которых, однако, остановились с тайной целью оградить определенный код от анализа»¹. Масса оказалась и актером, и зрителем — только теперь она наблюдает за колебаниями своего собственного мнения, о которых она сама же узнает из опросов общественного мнения. Она меняет мнения — но кто, собственно, в ней? Ж. Бодрийяра волнует анонимность и отсутствие всякой ответственности в таком поведении.

Кроме того, необходимо обратить внимание на проблематизацию системности производства и восприятия знака. Множественности

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. С. 9.

источников и потока информации банально приводит к тому, что нет времени, готовых алгоритмов, да и необходимости согласовывать сообщения между собой в рамках цельного, обладающего внутренним единством взгляда на мир. Все сообщения потенциально могут стать репликами разговора в ожидании Годо, когда каждая фраза по отдельности не лишена смысла, а их единство выстраиваемо каждым произвольно, если вообще выстраиваемо.

Заметим также, что спорна и предпосылка о системности языка как отражении системности либо мира, либо мышления. Знак У. Моррис мыслит элементом знаковой системы, которая скорее является идеальной моделью. Ярким примером являются визуальные знаки, «логика организации» которых пересматривается в разных культурах. И при рассмотрении естественного языка необходимо отказаться от иллюзии целостности — хотя бы потому, что, как показывают с разных ракурсов когнитивные исследования (Дж. Лакофф, Дж. Фодор и др.¹), различные блоки обработки информации не согласованы между собой.

Поэтому сегодня исследователи ставят вопрос иначе — что представляют из себя эти многочисленные логики производства «очевидности» и как они могут взаимодействовать?

Прежде всего, исследуется вопрос о возможных уровнях организации знаков и специфике их системности.

Отношение к «квазиреальности» должно выстраиваться, исходя из ее существования и невозможности существования мышления вне этих структур создания специфичной для каждого «очевидности».

Что же касается интерпретанты, то популярность термина «диалог» — яркий показатель проблематичности данного понятия. Концепции новой организации общественного взаимодействия (Э. Остром, Ю. Хабермас и др.²) пытаются создать квазиконтекст общения. В том же ключе следуют развернувшиеся исследования «врожденности» языковых, моральных, поведенческих структур

¹ См.: Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. 2004; Fodor J.A. Concepts; Where Cognitive Science Went Wrong, Oxford University Press, 1998.

² См., к примеру: Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: Мысль, ИРИСЭН, 2011; Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995; Он же. Моральное сознание и коммуникативное действие СПб.: Наука, 2000.

(С. Пинкер, М. Хаузер, Ф. де Вааль и др.¹), ищущие единую психофизиологическую основу коммуникации.

Вопрос о том, кто какую информацию будет производить и воспринимать, решается в основном на пути анализа «локального мира», реконструируемого, например, в рамках теории речевой деятельности или в терминах «когнитивной базы». Здесь интересен ракурс, который намечает М. Мерло-Понти в своем анализе логики восприятия. Он говорит о том, что «реальный субъект должен ...иметь некоторую систему значений, чьи соответствия, отношения, соподчинения не нужно разъяснять прежде, чем использовать»². Поэтому речь идет о жесте, который проводит границы мира и себя, задавая локальную очевидность. Именно такой анализ позволяет понять «повторяемость жеста» — речь идет о совпадении той самой «логики восприятия». Только она мыслится в феноменологическом ключе — как идеальные и объективные структуры, задающие смыслообразование: «Наиважнейшее завоевание феноменологии состоит, несомненно, в том, что ей удалось в своем понятии мира и рациональности соединить крайний субъективизм с крайним объективизмом. Рациональность в точности соизмеряется с опытами, в которых она проступает»³.

Необходимо отметить, что в исследованиях политической коммуникации есть примеры такого реализации этого феноменологически понятого «жеста», даже если исследователи не опираются целенаправленно на исследования феноменологов. И одним из этих примеров является понятие «культура бедности», введенной О.Л. Льюисом⁴. Опираясь на исследования поведения людей в бедных кварталах Нью-Йорка и многих городов Латинской Америки, он пришел к выводу, что бедность — не только проблема недостачи ресурсов; бедность будет воспроизводиться и при наличии ресурсов, поскольку речь идет об определенных и наследуемых паттернах поведения. Как антрополог, он выделил порядка 70 черт этой культуры бедности, которые сгруп-

¹ СМ., к примеру: Хаузер М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008; Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2002.

² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. С. 20.

³ Там же. С. 175.

⁴ Lewis O. The culture of poverty // Poverty in America / Ed. by L. Ferman, I. Kornblun, A. Haber. Ann Arbor: University of Michigan press, 1965. P. 405–419.

пировал в 4 основные группы: 1) на уровне общества в целом мы видим отсутствие или низкий уровень участия в институтах общества (партиях, профсоюзах и т.д.), критические установки по отношению к ним, в т.ч. цинизм по отношению к церкви; 2) на уровне локальной общности констатируется минимальный уровень организованности и даже простого взаимодействия вне рамок семьи, неумение действовать долгосрочно сообща и недоверие к организациям и организаторам; 3) на уровне семьи можно указать на специфичность отношений в ней — наблюдается раннее вовлечение в трудовую жизнь, отсутствие детства как защитного этапа и продолжительного периода в цикле жизни, повсеместные конкубинаты, необязательные связи и тенденции к созданию матриархальных семей и т.д.; 4) на уровне индивидуального сознания очень часто встречаются такие установки, как зависимость, надежда на подачки (или социальную помощь), что связано с низкой мотивацией к труду, неверием в перспективы (преобладает ориентация на сегодняшний день) и возникающей в этой связи неспособностью к планированию. Приведем простой пример. Представим себе ситуацию, когда большой выигрыш в лотерею выпал носителю этой «культуры бедности» и носителю другой культуры, допустим, обычному буржуа. Во втором случае эта сумма будет рассматриваться как удачное дополнительное поступление в бюджет, позволяющее улучшить финансирование важных направлений (например, дать детям более дорогое образование в более престижном учебном заведении). В первом же случае руководством выбора будет комплекс идей «жизнь непостоянна, шансов нет, везде обман и т.д.», что скорее всего приведет к трате этой суммы на роскошный отдых или аналогичные вещи, дающие на короткое время «почувствовать себя богатым» вместо «стать им». О.Льюис также обратил внимание на универсальность данных паттернов поведения — они воспроизводятся в разных странах и в разные периоды времени.

Описание «культуры бедности», данное О.Льюисом, по сути конструирует логику того самого феноменологического «жеста», показывая ту самую «логику мира» (очевидность), которая и является «логикой действия», постоянными алгоритмами принятия поведенческих решений. Опираясь на них, легко смоделировать восприятие любого интересующего нас смысла группой носителей данной культуры.

Обратим внимание на важный момент — речь идет именно о паттернах поведения, которые будут воспроизводить «бедность» как социальное состояние. Очень частая ошибка в интерпретации идей О.Льюиса — отождествление культуры бедных слоев и «культуры бедности». Не все бедные люди — носители «культуры бедности» и, наоборот, в небедных слоях могут быть носители «культуры бедности».

Например, взаимодействие с новыми элитами постсоветских стран, и, в частности, нашей страны истеблишмент стран «большой семерки» в 1990-е гг. выстраивал, опираясь на то, что эти элиты являются носителями этой «культуры бедности». Ввиду ограниченного объема статьи представим данный пример предельно кратко. Действительно, если истеблишмент стран «большой семерки» ориентировался на то, что мировосприятие и логика действий новой элиты России на первых порах были обусловлены паттернами «культуры бедности», то каковы должны были быть действия этого истеблишмента, необходимые для навязывания желаемой стратегии поведения новой «элиты»? Прежде всего, эта элита не должна быть консолидирована и способна к консолидации. Она должна формироваться быстро, не по принципу заслуг, выдвижения должны быть случайными, властная иерархия должна быть ликвидирована, чтобы новая элита воспринимала получение власти как счастье момента, случайный выигрыш. Для этих случайных выдвиженцев должен быть организован «праздник жизни» — то самое неограниченное (в том числе никакими этическими рамками) потребление, о последствиях которого не задумываются. Несмотря на случайность этой элиты, она должна ощущать свой статус и свою значимость. Кроме того, ей должна быть гарантирована безнаказанность. Этот ряд шагов используется, чтобы «подтвердить» картину мира, созданную алгоритмами, заданными паттернами «культуры бедности». Такая элита, не способная к стратегическому планированию, не будет критически оценивать ситуацию и пытаться что-либо менять в ней, скорее, напротив, выдвинет лишь требование «продолжения банкета».

Шельмование существующих партийных и государственных структур (вспомним суд над КПСС, разоблачения реальных и мнимых злодеяний КГБ), создание и поддержка многочисленных альтернативных друг другу центров власти, сжатые до безумия сроки

выборов новых органов власти и сама эпопея принятия новой Конституции в рекордно короткие сроки, ваучеризация и залоговые аукционы, мгновенно делавшие богатыми небольшую часть и нищими всех остальных, включение России во всевозможные организации, где реально она не могла играть серьезной роли, но лидеры были среди мировых («большая восьмерка», структуры Россия- НАТО и др.), бесконечные персональные контакты, в том числе неформальные (их число превосходило среднее количество контактов лидеров на порядок) — список мероприятий, «подтверждающих» для новой российской элиты наступление момента удачи и предложение насладиться им, не задумываясь о прочем, можно продолжать еще.

Более утонченной формой использования данных паттернов будет навязывание фреймов ситуации, которые будут, с одной стороны, соответствовать логике очевидности этой элиты и одновременно требовать в рамках этих фреймов действий, выгодных истеблишменту стран большой семерки. Однако эта форма начинает использоваться уже позже и менее успешно.

Библиография

1. *Fodor J.A.* Concepts. Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford University Press, 1998.
2. *Lewis O.* The culture of poverty // Poverty in America / Ed. by L. Ferman, I. Kornblun, A. Haber. Ann Arbor: University of Michigan press, 1965.
3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
4. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М. 2004.
5. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.
6. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург, Деловая книга, 2001.
7. *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: Мысль, ИРИСЭН, 2011.
8. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2002.
9. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
10. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
11. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
12. *Хаузер М.* Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла М.: Дрофа, 2008.

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА

ДИАЛОГ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА: КОММУНИКАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ

Аннотация: в статье рассматриваются основные особенности межкультурных коммуникаций России и стран Востока. Автор выделяет основные принципы и правила восточного переговорного дискурса, которые необходимо знать для эффективного управления коммуникационным процессом в странах Востока. В статье обосновывается вывод о том, что все базовые характеристики восточной переговорной культуры значительно отличаются от российской и западной, но социокультурные барьеры можно преодолеть, если опираться на основные правила восточного переговорного дискурса.

Ключевые слова: межкультурные политические коммуникации, восточная культура переговоров, социокультурные барьеры.

Центр мировой экономики и политики на наших глазах все более очевидно смещается в сторону восточных стран, где бьется бешеный пульс стремительно развивающихся азиатских рынков. И для того, чтобы Россия сегодня смогла в полной мере воспользоваться диалогом с восточными партнерами, успешно использовать азиатский подъем в интересах развития нашей экономики, важно глубокое понимание восточной культуры ведения переговоров. Овладение восточными переговорными практиками становится ключевой задачей для отечественной политической и экономической элиты.

Политические коммуникации на Востоке имеют яркую национальную специфику, где особое отношение ко времени и пространству, к культуре и традициям. Именно поэтому понимание социокультурных особенностей политического диалога с восточными партнерами имеет ключевое значение для заключения успешных политических деловых соглашений. Восток представлен множеством национальных культур, его культура коммуникаций соткана из огромного числа оригинальных переговорных практик, отражающих специфические социокультурные и страновые особенности. И в то же время можно говорить об особенностях восточной переговорной культуры в целом, поскольку некоторые важные принципы коммуникации общие для большинства восточных культур.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что переговорные коммуникации на Востоке не прямые, с высоким контекстом. Концеп-

цию высокотекстуальных и низкотекстуальных культур предложил американский антрополог Э. Холл. На Западе в большинстве стран ценится умение говорить коротко, ясно и по делу, не приветствуются двусмысленности и неопределенность: таковы культуры с низким контекстом. Напротив, на Востоке принято обращать особое внимание на невербальные коммуникации и неформальные связи, стиль коммуникации здесь косвенный, не принято сразу приступать к существу вопроса. Информация передается преимущественно невербальными средствами, общение здесь более насыщенное, огромное значение имеют личные связи, статус. Скрытая манера речи восточных партнеров часто прерывается выразительными паузами, молчание здесь многозначительно и его не спешат заполнить словами.

Восточные партнеры в большинстве случаев не стремятся выяснить отношения напрямую, для них нехарактерно открытое выражение недовольства, поскольку конфликт рассматривается как разрушительный процесс и его всячески избегают. Отношения между людьми складываются медленно, сложно, контакты налаживаются постепенно, но при этом отличаются прочностью и длительностью. Основной акцент в общении придается личным взаимоотношениям, устным личным договоренностям, а не письменным соглашениям, как в западных странах. Таковы культуры с высоким контекстом.

Русская культура также имеет высокий контекст, опирается на неформальные отношения. Но у нас, в отличие от восточных партнеров, принят более прямой стиль коммуникации, мы склонны подчеркивать «да» или «нет», расставлять четкие акценты. А многие восточные переговорные культуры вообще не используют категоричное отрицание, отвечая в таких случаях предельно уклончиво. Например, японцы особенно культивируют косвенную коммуникацию. Но и арабы будут долго вас хвалить, прежде чем отклонить ваше предложение.

Именно поэтому восточные партнеры на переговорах кажутся достаточно сложными для понимания, часто их поведение мы интерпретируем как нерешительное, чересчур уклончивое, неясное, неопределенное. Общаясь с восточными партнерами, важно помнить, что не стоит принимать подчеркнутую вежливость восточных людей, их комплименты и похвалы в свой адрес за согласие к подписанию соглашения.

Еще одна особенность восточного переговорного дискурса связана с тем, что с самого начала здесь принято сосредоточиться на отношениях партнеров, заключение соглашений всегда вторично. Если для россиян с самого начала важно концентрироваться на выработке и подписании соглашения, то восточные партнеры всегда начинают с анализа личных отношений партнеров.

Если вы придете на Восток с западным принципом «время — деньги», вы сразу же столкнетесь с подозрительным отношением к вашей спешке, это восточным людям глубоко чуждо. У арабов даже есть поговорка: «Когда Аллах сотворил время, он сотворил его для всех достаточно», поэтому «спешка от лукавого». Отсюда следует важное правило переговоров на Востоке: не спешите первыми заговорить о делах — дождитесь, когда это предложат сделать ваши восточные партнеры.

Другим важным принципом восточной коммуникационной модели является особое отношение ко времени: оно полихронное, а не монокронное, как в России или на Западе. Для российских и западных партнеров пунктуальность и соблюдение графика переговоров считаются основой делового общения, поэтому их относят к монокронным культурам.

Напротив, на арабском востоке, в Восточной Азии, Индии, Китае люди гораздо меньше беспокоятся о времени, эти культуры полихронные. Здесь опоздание в течение получаса считается вполне естественным. Особенно неторопливы арабы, которые задержку на час-два не считают неприличной на переговорах. Для восточного человека на первом месте стоят интересы семьи, клана, и только потом он думает о делах. Поэтому, например, рождение сына или внука способно парализовать переговорный процесс у арабов, начинается праздник и вы должны к нему присоединиться.

Отсюда следует важное правило переговоров на Востоке: если ваши восточные партнеры опаздывают, постарайтесь не раздражаться, и не принимайте это как знак неуважения к вашей делегации. У них другое отношение ко времени. Однако есть и исключение: японцы весьма пунктуальны и ценят это качество у партнеров по переговорам.

Наконец, еще одним важным отличием восточной коммуникационной модели является особое представление о личном простран-

стве, которое может сильно отличаться от российской и западной практики. Восточные культуры менее формальны, чем западные. В формальных культурах (большинство стран Запада) попытки партнеров подойти к ним слишком близко вызывают дискомфорт. На конфуцианском Востоке, в Японии, в арабских странах принято общаться на более близком расстоянии. Например, японцы подходят к партнеру на 25–30 см, в то время как для россиян комфортно общаться на расстоянии 35–40 см, для американцев комфортным считается расстояние в 50–90 см.

Однако, необходимо подчеркнуть, что в восточной переговорной культуре (в отличие от западной и российской) запрещено трогать партнера руками. Типичный для западных партнеров жест дружеского похлопывания партнера по плечу (излюбленный прием американских президентов) для восточных партнеров (особенно китайцев) означает личное оскорбление. Поэтому важное правило переговоров на Востоке состоит в том, чтобы дать восточному партнеру возможность самому установить комфортную дистанцию при общении.

Интересную модель для сравнения коммуникационных моделей предложил голландский социолог Г. Хофштеде. Он выделил шесть параметров, которые позволяют с разных сторон сравнить восточные переговорные культуры с российской и западной¹:

- дистанцированность власти: данный параметр связан с различной трактовкой проблемы человеческого неравенства;
- избегание неопределенности: определяет уровень общественного напряжения в ожидании неизвестного будущего;
- индивидуализм / коллективизм: связан с интеграцией индивидов в первичные группы;
- маскулинность / фемининность (мужское и женское начало): определяет распределение эмоциональных ролей между мужчинами и женщинами;
- долгосрочная / краткосрочная ориентированность: связана с выбором фокуса внимания для действий человека: будущее, настоящее или прошлое;

¹ Хофштеде Г. Модель Хофштеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 19–48.

- потворство желаниям / сдержанность: определяет удовлетворение базовых человеческих потребностей, относящихся к наслаждению жизнью, либо с самоконтролю.

Первый критерий отличия восточных переговорных культур — дистанцированность власти — означает, каким образом облеченные меньшей властью члены группы (например, в делегации переговорщиков) принимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства. Если в большинстве стран Запада уровень дистанцированности власти низкий (применение власти опирается на законы), то восточные культуры, напротив, развивают высокий уровень дистанцированности: власть является основой общества, предшествующей добру и злу, ее законность не имеет значения. Например, для правоверного мусульманина, слушать и исполнять поведения властей — долг, независимо от того, нравится это ему или не нравится.

Как это проявляется в процессе переговоров?

Прежде всего, восточные переговорщики относятся к старшему поколению с огромным уважением и трепетом, всегда можно определить, кто главный в их делегации — он обязательно самый старший по возрасту. Здесь место на иерархической лестнице органично связывается с распределением ролей в целях удобства, неравенством по сути. Подчиненные всегда ожидают, что им скажет руководитель. При принятии решений руководитель не станет советоваться с нижестоящими, он может предложить им высказаться, но принимает решение только он сам, и все обязаны беспрекословно подчиниться. Отсюда важное правило переговоров на Востоке: соблюдайте принцип старшинства и подчеркнутой субординации во всем, первым подходите к самому старшему в группе ваших восточных партнеров и выразите ему подчеркнутое уважение.

Второй критерий отличия восточных переговорных культур — избегание неопределенности — не стоит отождествлять с избеганием рисков переговорщиками. Данный параметр связан с тем, насколько спокойно переговорщики воспринимают неоднозначность смыслов сказанного. Он показывает, в какой степени та или иная культура задает своим членам ощущение спокойствия либо беспокойства в нерегламентированных ситуациях в процессе переговоров. Западная культура переговоров, избегающая неопределенности, пытается снизить возможность возникновения таких ситуаций с помощью строго-

го регламента переговоров, четкой повестки дня, профессиональных норм поведения. Одновременно переговорщики с высокой степенью избегания неопределенности более эмоциональны, их действия поддерживаются внутренней нервной энергией.

В большинстве восточных переговорных культур допускается высокий уровень неопределенности: восточные партнеры более терпимы к чужому мнению, они не стремятся вводить много правил, опираются на эмпирический опыт и релятивизм, позволяя различным направлениям мысли течь рядом друг с другом. Во многом по этим причинам восточные переговорщики кажутся нам более флегматичными и созерцательными, а их окружение не ожидает от них выражения эмоций.

В свою очередь, восточные партнеры отрицательно воспринимают повышенную эмоциональность, категоричность, конфликтность за столом переговоров, рассматривая эти качества как непродуктивные: «Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма (5)»¹. Поэтому старайтесь сохранять невозмутимость и спокойствие во всех сложных ситуациях на переговорах, не повышайте голос, не демонстрируйте признаки волнения, поскольку в восточных культурах такое поведение ассоциируется с «потерей лица».

Третий критерий отличия восточных переговорных культур связан с коллективизмом как антитезе индивидуализму западной культуры переговоров. При этом коллективизм рассматривается как характеристика общества, группы, а не индивида — это степень интеграции членов восточного социума в группу. В западной индивидуалистической культуре связи между членами переговорной делегации нежесткие: каждый отвечает сам за себя. В восточной коллективистской культуре переговорщики, привыкшие с рождения интегрироваться в сильные, прочные группы (кланы), точно также относятся и к своей делегации — для них это тоже «семья». И руководитель, и вся группа в целом оберегают коллектив, взамен получая беспрекословную преданность, сплоченность при контакте с партнерами по переговорам.

¹ Дхаммапада / Пер. В.Н. Топорова. М., 1960. С. 21.

Для восточных переговорщиков характерно «мы»-сознание, они стремятся избегать употребления местоимения «я», всегда подчеркивают свою принадлежность к группе, демонстрируют приоритет сохранения гармонии в коллективе. К другим людям они относятся не как к отдельным индивидам, а как к членам своей, либо чужой группы. Во время голосования их решение предопределяется принадлежностью к своей группе. Поэтому для западного переговорщика, как правило, поставленная задача важнее взаимоотношений, а для восточного — взаимоотношения важнее поставленной задачи.

Четвертый критерий отличия восточных культур — маскулинность в противовес фемининности — также рассматривается как характеристика общества, группы, а не индивида, относится к распределению ценностей между гендерными группами. При этом «мужские» ценности состязательно-агрессивные, максимально отличные от женских: умеренных, «заботливых», неравнодушных к другому.

У восточных переговорщиков доминирует маскулинность: между представителями мужчин и женщин наблюдается максимальная дифференциация эмоциональных ролей. Женщины традиционно не занимают здесь руководящих позиций, их присутствие в группе переговорщиков не приветствуется, возможно лишь в ранге переводчика. В Японии степень маскулинности весьма высока, несколько ниже она в Корее, в Китае. Поэтому не стоит включать женщин в состав переговорной делегации на руководящих позициях, если вы отправляетесь на Восток.

Пятый критерий отличия восточных культур — долгосрочная или краткосрочная временная ориентация — также весьма важен для переговорной коммуникации. Западные переговорщики ориентируются на долгосрочное планирование будущего, здесь принято говорить о будущих планах, детально их разрабатывать и обсуждать. Восточные переговорные культуры значительно сложнее относятся к долгосрочной временной ориентации. В арабском мире она запрещена исламом: будущее в руках Аллаха, и безумец тот, кто посягает на будущее. В этой культуре культ настоящего времени, и на переговорах с арабскими партнерами напрасно прельщать их отдаленными радужными перспективами — вас примут за авантюриста. Поэтому в мусульманских странах не стоит акцентировать внимание на отдаленных планах, много говорить о будущем, лучше сосредоточиться

на настоящей сделке, поскольку в представлении мусульман будущее зависит только от Аллаха.

На конфуцианском востоке присутствуют обе шкалы временной ориентации. Полюс шкалы, связанный с долгосрочной ориентированностью, соответствует современному «конфуцианскому динамизму». Ценности, обнаружившиеся у этого полюса, — это упорство, бережливость, статусная иерархизация отношений, наличие чувства стыда. Ценности на противоположном полюсе шкалы краткосрочной ориентированности, — это взаимные социальные обязательства, уважение традиций, боязнь «потерять лицо», личная устойчивость и стабильность. Таким образом, здесь присутствуют и долгосрочное планирование, и уважение традиций, уважение к прошлому.

Последний, шестой критерия отличия восточных культур — ориентация на сдержанность в противовес потворству желаниям, что свойственно западному социуму. Если западная культура уделяет важное место наслаждению жизнью и получению удовольствия, то для большинства восточных культур характерна сдержанность: удовлетворение потребностей здесь контролируется и управляется путем введения строгих общественных норм.

Восточные переговорщики привыкли быть отличными исполнителями, они не стремятся к лидерству, свобода слова для них не является первейшей заботой. Как правило, они трудоголики, способны работать сутками, очень выносливы, для них меньше важен личный досуг. Поэтому поведение восточных партнеров в большинстве случаев весьма сдержанно, подчиняется достаточно строгим общественным правилам и нормам традиционной морали. На переговорах следует выражать уважение к традиционным нормам восточной морали, стараться демонстрировать сдержанность в поведении и манерах.

Таким образом, все базовые характеристики восточной переговорной культуры значительно отличаются от российской и западной.¹ Поэтому отправляясь на переговоры с восточными партнерами важно запастись терпением и всегда помнить золотые правила восточной мудрости, на которых с детства воспитывались ваши партнеры:

¹ См.: *Василенко И.А.* Переговоры с восточными партнерами: модели, стратегии, социокультурные традиции. М.: Международные отношения, 2016.

- «Тот, кто хвалит свои собственные доктрины и хулит чужие, не решит ни одной проблемы» (Сутракритаганга).
 - «Благородный муж стремится говорить безыскусно, а действовать искусно» (Конфуций).
 - Вежливость — это самый драгоценный камень (Буддакарита).
- Знание правил восточного переговорного дискурса поможет лучше понимать ваших восточных партнеров по переговорам, а выражение уважения к восточным традициям даст вам возможность наладить хороший психологический контакт и развивать дух дружбы и взаимопонимания на переговорах.

Библиография

1. *Василенко И.А.* Переговоры с восточными партнерами: модели, стратегии, социокультурные традиции. М.: Международные отношения, 2016.
2. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // *Язык, коммуникация и социальная среда.* 2014. № 12. С. 19–48.

ЗАКИРОВ АЙДАР РОБЕРТОВИЧ

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАЦИЙ GR-СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в данной статье осуществляется попытка раскрыть основные каналы и способы взаимодействия бизнес-акторов с органами государственной власти. К бизнес-акторам относятся различные участники рынка, в том числе государство, которым для успешного функционирования необходимо вести деятельность в политическом окружении. Пять элементов коммуникации GR-стратегии, проанализированные в данной статье, функционируют в общем ключе и представляют собой единую систему.

Ключевые слова: лоббизм, Government Relations, GR, государственная власть, корпорация, консорциум, менеджмент.

Действия правительства в рыночной сфере могут влиять на конкурентные преимущества фирм и производств на всех уровнях, тем самым увеличивать или уменьшать рентабельность рыночных акторов. В большинстве случаев деятельность правительства в этой области определяется внешними факторами, то есть они экзогенны по природе. Эта экзогенность выражена в том, что GR-деятельность (Govern-

ment Relations), начиная от маленькой фирмы до группы компаний, могут влиять или даже формировать финальную форму решений, принимаемых правительством в области экономики, рыночных отношений и монетарной политики. Таким образом, возникают политические коммуникации в экономической сфере между участниками рыночных отношений.

Кейсы, среди которых американские «General Motors», «Аппалакская Энергетика», российская компания «РосНефть», группа компаний «Ренова», ОАО «РЖД» по своей структуре состоят из различных региональных департаментов и подразделений со своими уникальными технологиями производства, отношением с региональными властями штатов или субъектов, уникальными проблемами, и их способами их решения.

Такое широкое понимание стратегий в рамках взаимоотношений с государственными органами связано с тем, что в политике лоббирования можно выделить пять взаимосвязанных элементов, которые определяют направление, выбор, цену, выгоду, конкурентоспособность политической деятельности фирм. В данные пять элементов входит: во-первых, выбор уровня и типа включенности в политическую деятельность; во-вторых, выбор форм аргументирования; в-третьих, выбор точки соприкосновения; в-четвертых, выбор объекта для достижения данной цели; в-пятых, выбор «субъекта», это значит, кто будет осуществлять непосредственно деятельность и входить в контакт — менеджер, работающий непосредственно в компании (GR-менеджер) или нанятое со стороны профессиональное лицо, обученное и уполномоченное в GR-деятельности.

Уровень и тип включенности фирмы проявляется при разработке политических стратегий. При анализе было выявлено шесть основных альтернативных уровней включенности: 1) локальная фирма-участница; 2) определенный сегмент фирм (группа маленьких организаций или локальный географический регион); 3) определенная ветвь индустрии; 4) группа фирм включая экспортеров и покупателей; 5) группа ветвей индустрии (например, промышленность в целом); 6) уровень «лоббистской коалиции». Данная коалиция включает в себя локальных игроков, импортеров и конкурентов. Обычно силой, которая удерживает столь разнородных участников, является либо общая цели, либо общая идеология.

Стоит отметить, что рост включенности от одной фирмы до группы коалиции существенно повышает выгоду и стоимость для каждой отдельно взятой фирмы из группы. Также растет вероятность того, что, фирму не вытеснят рынка, и что не менее важно, доля вкладов для лоббирования у каждой фирмы в коалиции меньше, чем у отдельно взятой фирмы. Причиной такого явления является то, что в составе коалиции многим фирмам не приходится лоббировать тех людей или организации, которые были «пролоббированы в свое время» более ранними участниками лоббистской коалиции.

Лоббирование одной единственной фирмой может быть активной или пассивной. Пассивная включает в себя такое лоббирование, когда польза для фирмы достигается деятельностью других организаций. Это наиболее рациональная форма лоббирования для самых маленьких фирм в частности и малого бизнеса в целом. Тем не менее, даже пассивное лоббирование предполагает собой желательность разработки активной стратегий. В случае, когда фирма действует в активном индивидуальном порядке, ей не требуется тратить ресурсы на создание коалиции для лоббирования, о чем будет сказано ниже. В таком случае все ресурсы могут быть направлены на эффективное осуществление лоббирования. Такой подход однозначно имеет смысл, когда фирма обладает изначально малым капиталом и занимается частным производством, то есть является малым бизнесом. Как показывает практика, политики и органы государственной власти не всегда охотно соглашаются на сделки с такими фирмами, за исключением экономического кризиса, когда под угрозу попадает сохранение огромного числа рабочих мест.

Не секрет, что средний и крупный бизнес, действующий в индивидуальном порядке, имеет больше преимуществ в GR-связях по сравнению с малым бизнесом. Такие организации способны нести больше затрат на лоббирование, так как имеют больший изначальный капитал. Недостатками такой включенности являются: высокая степень затрат на лоббирование; отрицательное влияние на конкуренцию, особенно в случаях когда, производится совместный продукт (например, пищевое и пленочное производство).

Особо узкой формой включенности в GR-связи является групповая стратегия. Такую форму можно продемонстрировать на осуществлении лоббирования фармацевтическими производителями в виде

двух групп: большой и широкой, чаще всего это известные бренды, и маленькой, узкоспециализирующейся, например, лекарствах с наркотическими эффектами. Данная стратегия базируется на скорой организации группы для лоббирования и продвижения собственных интересов в органах государственной власти до появления в этой сфере других конкурентов.

Форма включенности в виде промышленной коалиции имеет несколько преимуществ для фирм-участников: низкие затраты для вступления в данную лоббистскую коалицию и невысокие издержки для самого лоббирования, доступ к более высоким уровням, объектам лоббирования, а так же тем, что промышленность является локальной точкой политической активности.

Лоббирование промышленной коалицией наиболее эффективно в следующих вопросах: обеспечение базовых индустрии и производств, где государство также заинтересовано в развитии. Такими могут являться агропромышленность и тяжелая промышленность. А также в таких вопросах, где лоббирование промышленной коалицией является наиболее эффективным инструментом оказания влияния на государственные органы власти, например, институционализированные консультативные группы в среднем бизнесе. Тем не менее, лоббирование промышленной группой склонно к импровизации, частым изменениям в составе и изменениям стратегий из-за неудовлетворения интересов отдельных членов.

Фирмы могут организовывать лоббистские группы в зависимости от занимаемого общего сектора на рынке, общего местоположения, куда могут входит различные фирмы независимо от сферы деятельности. Такая коалиция имеет схожие проблемы с промышленной коалицией, но данная коалиция шире как по составу, так и по охвату затрагиваемых проблем. Но лоббирование осуществляется только по тем проблемам, которые касаются всех участников и обычно носят временный характер, так как в постоянно меняющихся рыночных условиях сохранять долгосрочные лоббистские коалиции вызывает определенные трудности. Например, одним из вариантов такого лоббирования выступает отдельный регион, где объединяются различные производители, а главным лоббистом выступает глава региона.

Перечислив основные виды объединений для лоббирования, необходимо рассмотреть способы и формы аргументирования.

Одним из самых важных элементов GR-связей в общем и лоббирования в целом является выбор аргументирования.

Соответственно в ходе исследования можно выделить три формы аргументов лоббирования: факты и научные доказательства, «эффективные» аргументы («идеи») и рыночные («справедливые») аргументы.

Аргументы, основанные на фактических данных или научных доказательствах, чаще всего направлены на опровержение в качестве ответа на аргументы оппозиционных групп, конкурентов или политики государства. Научные данные также часто являются одной из главных причин дебатов в правительстве и повесткой дня в государственной политике. В случае, когда наука может сформировать сильную причинно-следственную связь между экономическими процессами и опасными последствиями, такими как озоновые дыры, глобальное потепление и т.п., то здесь достигается относительно быстрая реакция со стороны государственной политики. Такие аргументы традиционно имеют большую легитимацию со стороны населения, даже, несмотря на иногда возникающие в науке, фиктивные научные экспертизы. Использование научных доказательств на региональном уровне для лоббирования может быть крайне эффективным, особенно в случаях, когда государственные органы не могут провести собственные научные исследования.

Несмотря на то, что использование научных аргументов в лоббировании носит чрезвычайно эффективный характер, они не лишены определенных рисков. Научное исследование, спонсированное определенными клиентами в свою пользу, может при определенных обстоятельствах стать не научным псевдо-аргументом. Потому что ложное научное знание будет опровергнуто со временем, во многом теми людьми, кто пользовался услугами или товаром спонсора ложного исследования. Объективные научные требования являются эффективным средством для опровержения правительственной политики и других групп интересов, особенно в случаях, когда ложные исследования правительства или определенных групп интересов не только уменьшают беспокойство населения, а наоборот, повышают.

Во многом прошлое десятилетие и современность находится под влиянием «политики идей» и политических сетей. Одной из центральных идей для лоббирования — это идея эффективного распре-

деления ресурсов. Данная идея предполагает лоббирование в случаях, когда государство или иные организации (например, ВТО) проводит исследования и анализ организаций, которые наиболее эффективно используют свои ресурсы. Соответственно, дополнительное финансирование от государства дается тем фирмам, которые осуществляют свою деятельность наиболее эффективно. Отсюда и следует вывод, что суть «идейных» аргументов GR-связей состоит в том, чтобы показать ответственным органам государственной власти то, как фирма «работает» эффективнее своих конкурентов. Например, ВТО основывается в выборе организаций на критериях эффективности, соответственно лоббирование эффективной деятельности является одним залогов успеха фирмы.

Соответственно, можно выделить две причины, согласно которым фирме стоит ли использовать идейные аргументы в лоббировании или нет. Первая причина: идейные аргументы могут подвергаться апробации со стороны органов государственной власти, и чем ближе центру политической власти осуществляется лоббирование, тем более «шаткое» положение имеет идея, потому что центральные органы власти имеют кадры для политических и экономических анализов, которые обладают доступом к огромным базам данных и различным исследованиям. Вторая причина: некоторые идеи могут получить статус неэтичных в самой внутренней структуре фирм, что может привести к структурным конфликтам, описанным в первом разделе данной работы.

Лоббирование при помощи «честных и справедливых» аргументов более привлекательны для фирм в том случае, когда они позволяют избежать огромных финансовых потерь. Конечно, такие аргумент намного более сложные для корпоративного сектора, потому что в рыночной системе фирмы преследуют только одну цель — извлечение прибыли. Иными словами участников рынка можно назвать «жадными» и «не честными».

Корпорации и фирмы достигают успеха в использовании подобного рода аргументов, когда они могут сформулировать честные условия игры для маленьких фирм, локальных или отечественных производителей, т.е. честная торговля против свободной торговли. Например, честными аргументами лоббирования являются, когда представители российского АвтоВАЗа говорят, что продукция не-

сравнима по качеству с иностранными продуктами, но она более доступна, и на основании этого получают субсидии.

Лоббирование немислимо без непосредственных встреч заинтересованных групп и лиц, представляющих органы государственной власти. Соответственно, здесь затрагивается вопрос о выборе места (уровня) встреч.

Во многих случаях фирмы обладают единственной точкой соприкосновения для лоббирования с органами государственной власти потому, что государство это единый организм. Соответственно у фирм нет выбора в целом. Но для транснациональных корпораций и международных фирм круг выбора точки соприкосновения намного больше. Выбор места встречи во многом зависит от рассматриваемого вопроса и того уровня власти, который может реализовать лоббируемый вопрос. Соответственно, можно выделить такие места встречи, как наднациональный уровень, национальный уровень, региональный и локальный уровни.

Международный/наднациональный уровень. Данный уровень лоббирования как место встречи стало популярным вследствие трех факторов: глобализация многих бизнес-отношений (в частности в области здравоохранения и защиты окружающей среды), появление и рост глобальных торговых организаций (ВТО, Евразийское экономическое сообщество, Евросоюз и др.), рост количества международных фирм. Все это повлияло на возникновение наднационального уровня лоббирования. Например, создание Евросоюза повлияло на стратегию поведения многих фирм в области целевой аудитории и принудило перевести штаб-квартиры в город Брюссель.

Это может показаться очевидным, но самым важным местом встречи является национальный уровень. Особенно это важно в таких странах, например, как в США, Бразилии, Австралии, Канаде, Швейцарии и России. Конечно, степень политической власти данного уровня в каждой стране разнится и имеет различные составляющие. В Канаде, например, провинции налагают налоги, регулируют бизнес отношения и административные суды, а в Федеративной Республике Германии, согласно конституции, у центральной власти полномочий больше в данной сфере, чем у земель. К тому же, федеративная система предполагает использование всех уровней доступа для лоббирования.

Такое место встречи, как национальный уровень, во многом характеризуется как политические сети, где участники хорошо организованы, обладают большими ресурсами и предполагают стратегические цели в масштабах страны.

В федеративных государствах реализация GR-стратегий может быть важнее и значительнее, чем на национальном уровне. Например, в США на уровне штатов принимаются решения в области бизнеса. Потому что разделение полномочий происходит на конституционном уровне, соответственно необходимо максимально рационально выбирать уровень встречи для успешного лоббирования.

Рассмотрев вопросы о выборе точки соприкосновения, необходимо проанализировать выбор объектов лоббирования, так как к каждому объекту нужно выбирать свой, индивидуальный способ взаимодействия, иначе говоря — подход.

Выбор объекта лоббирования во многом продиктован конституционным строем, потому что в различных странах различные органы власти имеют не одинаковый политический вес. Также на выбор объекта лоббирования влияет политическая культура в той или иной стране. Но главной причиной выбора объекта лоббирования выступает то, какая политическая система в государстве: президентская или парламентская. Это достигается в силу того, какая ветвь определяет главную стратегию развития страны и принимает соответствующие решения. Форма распределения власти в президентской системе формирует намного больше объектов лоббирования, нежели в парламентской. Президентская система включает в себя исполнительную власть, огромный аппарат бюрократии, глав комитетов, отдельных законодателей (во многом президентская партия имеет слабую партийную дисциплину, поэтому индивидуальное лоббирование также является эффективным средством для реализации GR-стратегий), а также независимые регулирующие органы. В парламентской системе объекты лоббирования немного более ограничены: министры, высшие должности бюрократического аппарата, судебная система.

Как уже было сказано выше, члены законодательных органов в президентской системе являются одними из наиболее результативных объектов лоббирования, потому что в данном случае прослеживается слабая партийная дисциплина, нежели в парламентских

системах, что позволяет лоббировать в индивидуальном порядке, например, несколько механизмов взаимодействия с парламентом РФ.

Первым из них является способ представительства интересов через верхнюю палату Федерального Собрания РФ — Совет Федерации. Наибольшим преимуществом в данном случае пользуются регионы, поскольку члены Совета Федерации формируются из региональных представителей путем назначения законодательным органом субъекта. Это, безусловно, дает определенное преимущество региональным элитам в возможностях защиты собственных интересов перед остальными заинтересованными группами, которые имеют возможность в свою очередь взаимодействовать с Советом Федерации через различные комитеты, советы и комиссии Верхней палаты парламента РФ (Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, Комитет Совета Федерации по экономической политике и др.).

Вторым механизмом оказания влияния на Парламент РФ является процесс давления на депутатов или внедрения своих представителей в нижнюю палату Федерального Собрания РФ — Государственную Думу России.

Легальный механизм — это включение группами интересов собственных представителей в партийные списки, и обеспечение им проходных или полупроходных мест. Данный способ реализации собственных целей заинтересованными группами требует от последних большого количества средств, в виде финансовых, людских, административных ресурсов. Также данная стратегия нуждается в профессиональном политическом менеджменте.

Нелегальный способ взаимодействия содержит в себе ставшие уже традиционными средства: подкуп, шантаж, финансирование избирательной кампании и тп. Однако, стоит упомянуть, что в отличии от легального способа взаимодействия групп интересов с Государственной Думой, нелегальный предоставляет возможность реализовать интересы «здесь и сейчас», и не является предметом долгосрочного планирования.

Таким же объектом лоббирования могут выступать президент в президентских системах или премьер министр в парламентских республиках. В президентской системе «политическая арена, которая

централизована в исполнительной власти, в бюрократической автономии, и «назначаемых» отделах и комитетах представляет «выгодное поле» для реализации планов заинтересованных групп»¹.

СМИ не имеет непосредственного канала влияния на политику государственных органов власти, но могут отразить общественное мнение на финальной стадии разработки будущей политики государства. Внимание СМИ в большей степени направлено на реакцию и интересы ее аудитории. Например, когда GR-менеджеры решают, что в продвижении собственных интересов наблюдается стагнация, они могут направить внимание СМИ как катализатор для ускорения процесса. Поэтому многие политики для защиты собственных интересов и позиций имеют определенный доступ к СМИ, органы власти могут влиять на СМИ, даже формировать ее содержание.

И последний элемент стратегий лоббирования — это выбор «лица», субъекта, который будет осуществлять данную деятельность. Выделяют два вида лоббирования в данном вопросе: непосредственное лоббирование лоббистом компании или опосредованное лоббирование GR-специалистом, о чем было рассмотрено в начале данного исследования.

Все пять элементов выполняются систематически и представляют собой единую конструкцию — элементы GR-стратегий.

Библиография

1. *Aidan R. Vinning*. Building the firm's political lobbying strategy / Aidan R. Vinning, Daniel M. Shapiro and Bernhard Borges // *Journal of Public Affairs*. 2008. № 10. С. 150–175.
2. *Shaffer B.* The development of business-government strategies by diversified firms / B. Shaffer and Amy J. Hillman // *Strategic Management Journal*. 2000. № 21. С. 175–190.
3. *Shaffer B., Quasney T., Grimm C.* Firm level performance: implications of nonmarket actions // *Business and Society* 2000. № 39. P. 126–143.
4. *Mahon, J. and R. McGowan*. Industry as a Player in the Political and Social Arena: Defining the Competitive Environment. Quorum, Westport, CT. 2006.

¹ *Mucciaroni G.* Reversals of Fortune: Public Policy and Private Interests. The Brookings Institution: Washington, DC. 1995.

КРАСНОЦВЕТОВ ГЛЕБ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНВЕРГЕНТНЫХ МЕДИА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: Информационная и пост-информационная эпоха способствовали трансформации института СМИ, а соответственно, изменили его место в публичной политике. Качественно новым явлением в изменившихся условиях стали конвергентные медиа, особенности применения которых в современной публичной политике на настоящий момент исследованы довольно слабо. В настоящей статье автором рассмотрен политологический аспект применения конвергентных медиа в современной России.

Ключевые слова: конвергентные медиа, конвергентные СМИ, публичная политика, горизонтальные коммуникации, информационное общество.

В условиях современной публичной политики ключевым инструментом по управлению информационными потоками являются средства массовой информации. Стоит отметить, что тенденции, заданные информационной и следующей за ней пост-информационной эпохой, способствовали трансформации самого института СМИ. Технологическая составляющая информационной эпохи способствовала появлению их качественно новых форм: электронная периодика, Интернет-ТВ и Интернет-радио, блоги, СМИ, заточенные под социальные сети, и многое другое. Как следствие, изменилась специфика функционирования СМИ и модели управления ими. Сегодня же ключевой особенностью СМИ становится не преподнесение объективной информации о событиях и явлениях, как это предполагалось в рамках концепции информационного общества, где центральным понятием являлись знания, выделенные из общего потока информации; ключевым становится нужная тем или иным силам интерпретация этих событий и явлений, на первое место выходит контекст и внутрисобытийная информация, что в совокупности способствует становлению общества неведения, или «общества незнания» как продукта постинформационной эпохи¹. На основании вышеизложенного вершиной современного состояния СМИ как особого института становится их конвергенция, состоящая в объединении нескольких форм СМИ, как традиционных с новыми, так и исключительно но-

¹ Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания. // Вопросы философии. 2007. No 12. С. 68.

вых между собой, для транслирования на максимально широкую аудиторию определенной точки зрения на события и явления.

Актуальность исследования конвергентных медиа в современной России с точки зрения политологии заключается в изучении их изменяющейся роли и особенностей функционирования, в частности в вопросах их применения в современной публичной политике. Особенно интересным становится рассмотрение данной проблемы в условиях перехода от информационного общества к пост-информационному.

Стоит отметить и новизну темы конвергентных медиа для политической науки. Существующие отечественные и иностранные работы в данной области преимущественно сводятся к исследованию феномена конвергенции как процесса и модели, способов организации конвергентных редакций, а также медиаэкономики, уделяя минимум внимания особенностям коммуникации, осуществляемой через конвергентные СМИ, и возможностям их практического применению в политике¹.

Конвергенция СМИ стала возможной ввиду развития информационно-коммуникационных технологий. На современном этапе конвергенция СМИ как концепт может быть рассмотрена с трех основных точек зрения: институционально-организационной (способ объединения СМИ, конвергенция как бизнес-тактика, создание кон-

¹ *Вартанова Е.Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? URL: [http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b59df6463a315de4c32568fd0038da32\\$](http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b59df6463a315de4c32568fd0038da32$) (дата обращения: 01.11.2016); *Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные* / Под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010; *Storsul, T., Fagerjord, A.* Digitization and Media Convergence, [in:] *The International Encyclopedia of Communication* / Ed. W. Donsbach. URL: www.communicationencyclopedia.com/subscriber/tocnode?id=g9781405131995_chunk_g97814051319959_ss39-1 (дата обращения: 19.10.2016); *Lawson-Borders, G.* Integrating New Media and Old Media: Seven Observations of Convergence as a Strategy for Best Practices in Media Organizations. *JMM, The International Journal on Media Management*, Vol. 5. No. II, 2003; *Gordon, R.* The Meanings and Implications of Convergence, *Medill, Fall/Winter, 2002*; *Carpenter, S.* Convergence leads to questions of journalism quality, *Arizona State University* URL: <http://sc.edu/cmci/archive/convergence/v7no2.html> (дата обращения: 25.10.2016); *Wilkinson, J.* What is Media Convergence? Different Ideas About Technology and Media URL: http://rthk.hk/mediadigest/20030415_76_74280.html (дата обращения: 07.10.2016); *Crawford, K., Lumby, C.* *The Adaptive Moment: A Fresh Approach to Convergent Media in Australia 2011*; *Jenkins, H.* *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*, N.Y. University, 2006, 146 p. и др.

вергентных редакций), информационно-содержательной (конвергенция форм потребления контента, переупаковка контента и информационный обмен) и технологической (взаимное дополнение каналов коммуникации для доставки контента). При этом, традиционное понимание конвергентных СМИ как симбиоза традиционных и новых форм медиа постепенно начинает терять актуальность, так как стремительное развитие технологий и понимание сущности Интернета как коммуникационной среды приводит к тому, что под конвергентными СМИ начинают рассматриваться в том числе и «слияния» исключительно новых форм СМИ.

В контексте публичной политики СМИ являются инструментом конструирования политической действительности, выстраивания коммуникации и взаимоотношений между властью, силами, борющимися за власть, и обществом. В настоящий момент можно выделить две концептуальных модели конвергенции: мультибрендовая модель, когда существующие конвергентные редакции формально независимы друг от друга, что создает иллюзию плюралистического выбора (Издательский трест Херста; медиа, контролируемые ВВГ в США; Национальная медиа группа), и модель единого бренда, предполагающий развитие сети конвергентных редакций под единым брендом (BBC; RT).

Ключевой особенностью российской медиа конвергенции является ее хаотический характер. Понимание специфики использования каналов коммуникации довольно низкое, зачастую обусловленное модой на тот или иной новый канал коммуникации. Наиболее ярким примером в данном случае является использование таких новых каналов коммуникации, как Twitter и Telegram, которые стихийно были созданы практически всеми российскими СМИ. Большинство российских конвергентных медиа используют оба канала для распространения лида и ссылок на ту или иную новость, практически полностью игнорируя маркетинговые усилия данных компаний, заранее сформировавших общественное мнение об этих каналах коммуникации. Так, Telegram позиционировался как защищенный мессенджер для обмена конфиденциальной информацией, а соответственно, пользователи в большей степени ожидают увидеть в соответствующих каналах некий инсайд, уникальное знание, информацию, недосказанную в основном для того или иного СМИ канале коммуникации. Именно в

связи с этим можно заметить популярность таких Telegram-каналов, как «Незыгарь»¹, «Методичка»², «Давыдов.Индекс»³ и других, численность которых зачастую превышает численность Telegram-каналов достаточно крупных конвергентных СМИ. Twitter для корпоративных клиентов (например, СМИ) наоборот делал упор на оперативной доставке информации (максимально емкое описание события и ссылка) до каждого конкретного человека, ввиду чего именно этот канал коммуникации мониторится во многих государственных структурах разных стран для понимания и оперативного отслеживания текущей информационной повестки. Более того, многие западные СМИ (BBC, CNN и другие) ведут несколько каналов в Twitter, одни из которых ориентированы на аудиторию в целом, другие же — на определенную целевую группу (эксперты, журналисты иных изданий, политики и т.д.). Ключевое различие данных каналов состоит в скорости доставки и таргетинге тех или иных сообщений-новостей. Анализ российских медиа показал, что практически единственным изданием, использовавшим такой подход к применению Twitter являлся Slon.ru (после ребрендинга — Republic). Данное издание использовало официальный Twitter «Самый быстрый слон» для информирования широкой аудитории о выходе тех или иных материалов на официальном сайте, а также «Молниеносный слон», ориентированный на экспертов, политиков, журналистов иных изданий для максимально быстрого информирования о наиболее важных новостях (ввиду ребрендинга данные каналы удалены).

Таким образом, непонимание особенностей соотношения каналов коммуникации и транслируемого контента приводит к тому, что многие конвергентные СМИ России используют один-два привычных для себя канала коммуникации при попустительском отношении к остальным. И если с крупными национальными конвергентными СМИ дела обстоят несколько лучше ввиду достаточных финансовых возможностей, а соответственно, возможностей привлечения специалистов, то в случае региональных и иных небольшими СМИ проблема хаотической конвергенции является более существенной.

¹ Telegram-канал «Незыгарь». URL: <https://tlgrm.ru/channels/@russica>

² Telegram-канал «Методичка». URL: <https://telegram.me/mtd4k>

³ Telegram-канал «Давыдов.Индекс». URL: <https://telegram.me/DavydovIn>

Исследование специфики конвергентных СМИ показало, что расширение их инструментального применения в публичной политике достигается в результате объединения фрагментированной в виду различных интересов аудитории путем преподнесения таргетированной информации, интерактивизации и мультимедизации контента, эффективного преодоления семантических и технических шумов, грамотного использования каналов коммуникации, а также формированию вокруг конвергентных СМИ привязанных к ним коммуникационных сред, в которых осуществляется обратная связь, носящая адресный характер. На современном этапе именно обратная связь и астротурфинг приобретают наиболее сильное манипулятивное воздействие, так как в условиях информационной и постинформационной эпохи на первый план выходят горизонтальные коммуникации.

Важно отметить, что в России довольно силен фактор собственности на средства массовой информации, в связи с чем интерес представляет конечный бенефициар, которым в условиях российской действительности чаще всего выступает либо само государство, либо лица, аффилированные с властью. Анализ практического опыта применения конвергентных СМИ в публичной политике на примере России показал, что возможности тяготеющих к власти конвергентных СМИ в наибольшей степени применяются на международном и национальном уровне, что явилось результатом сочетания административного, финансового, организационного, инфраструктурного и кадрового ресурсов. На национальном и наднациональном уровнях перспективным становится применение российских конвергентных медиа как инструмента политических кампаний, инструмента легитимации действий власти, инструмента анализа и коррекции общественного мнения, площадки для новых форм политического участия.

С другой стороны, российские конвергентные медиа оппозиционного толка («Свободные новости», «Настоящее время») преимущественно сосредоточены на повестках регионального уровня. Общенациональную повестку способны поддерживать лишь отдельные издания («Новая Газета», «Дождь»), функционирующие, как правило, на средства отдельных граждан (система платных подписок, пожерт-

вования), доходы от рекламы и иностранные финансовые вливания¹. Также стоит отметить, что в последнее время предпринимаются попытки создания конвергентных структур наднационального уровня, ориентированных на русскоязычную аудиторию и направленных против провластных российских конвергентных СМИ. Одна из таких конвергентных структур в настоящее время развивается в Восточной Европе на средства Европейского фонда за демократию и ряда Западных правительств. Данная структура включает Прибалтийский центр совершенствования медиа (ВСМЕ), целью которого является подготовка журналистов по переупаковке контента, особенностям применения различных каналов коммуникации, работе с аудиторией и т.д.; программа новостного обмена, как второй элемент данной структуры, предполагает сотрудничество и новостной обмен между русскоязычными СМИ из Восточной Европы и России, негативно настроенными к российской власти; третий элемент данной структуры пока еще находится в процессе создания и условно именуется «фабрикой контента», который предполагается распространять между партнерскими СМИ². Аналогичная структура существует и в Центральной Азии.

Подводя итог, можно отметить, что эффективность применения конвергентных медиа в публичной политике в наибольшей степени связана с правильным соотношением контента, канала коммуникации и ожиданий конечных потребителей контента относительно того или иного канала. Хаотическая конвергенция в современной России не позволяет использовать возможности конвергентных медиа в полную силу, что особенно заметно на региональном уровне. Провластные конвергентные медиа в большей степени ориентированы на общенациональную повестку, в то время как оппозиционные преимущественно нацелены на региональные вопросы. Данное обстоятельство несет потенциальную угрозу власти, ввиду того, что могут возникать очаги напряженности, так как фактически произошло

¹ Загл. с экрана: «Новая газета» финансировалась Нидерландами // Известия URL: <http://izvestia.ru/news/590724>; Загл. с экрана: Телеканал «Дождь» заподозрили в финансировании со стороны ЕС // Взгляд, URL: <http://vz.ru/news/2016/6/3/814267.html>

² «Обеспечение плюрализма и сбалансированности русскоязычного медиапространства», EED стр. 5. URL: https://www.democracyendowment.eu/handlers/download.php?id=1271&object_id=1255

разделение сфер интересов в информационном пространстве между провластными и оппозиционными силами.

Библиография

1. «Обеспечение плюрализма и сбалансированности русскоязычного медиапространства», доклад EED стр. 5 URL: https://www.democracyendowment.eu/handlers/download.php?id=1271&object_id=1255
2. *Вартанова Е.Л.* К чему ведет конвергенция СМИ?, URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b59df6463a315de4c32568fd0038da325> (дата обращения: 01.11.2016).
3. *Горохов В.Г.* Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. No 12. С. 68.
4. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / Под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010.
5. Загл. с экрана: «Новая газета» финансировалась Нидерландами // Известия URL: <http://izvestia.ru/news/590724>
6. Загл. с экрана: Телеканал «Дождь» заподозрили в финансировании со стороны ЕС // Взгляд. URL: <http://vz.ru/news/2016/6/3/814267.html>
7. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.
8. *Савчук В.В.* Человек постинформационного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1998. Вып. 3. С. 18–23; *Он же.* Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001.
9. *Carpenter, S.* Convergence leads to questions of journalism quality, Arizona State University URL: <http://sc.edu/cmciis/archive/convergence/v7no2.html> (Дата обращения: 25.10.2016).
10. *Crawford, K., Lumby, C.* The Adaptive Moment: A Fresh Approach to Convergent Media in Australia 2011.
11. *Gordon, R.* The Meanings and Implications of Convergence, Medill, Fall/Winter, 2002.
12. *Jenkins, H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. N.Y. University, 2006. 146 p.
13. *Lawson-Borders, G.* Integrating New Media and Old Media: Seven Observations of Convergence as a Strategy for Best Practices in Media Organizations. JMM, The International Journal on Media Management, Vol. 5. No. II, 2003.
14. *Storsul, T., Fagerjord, A.* Digitization and Media Convergence, [in:] The International Encyclopedia of Communication / Ed. W. Donsbach, URL: www.communicationencyclopedia.com/subscriber/tocnode?id=g9781405131995_chunk_g97814051319959_ss39-1 (дата обращения: 19.10.2016)д
15. Telegram-канал «Давыдов.Индекс» URL: <https://telegram.me/DavydovIn>
16. Telegram-канал «Методичка» URL: <https://telegram.me/mtd4k>
17. Telegram-канал «Незыгарь» URL: <https://tigrm.ru/channels/@russica>
18. *Wilkinson, J* What is Media Convergence? Different Ideas About Technology and Media URL: http://rthk.hk/mediadigest/20030415_76_74280.html (дата обращения: 07.10.2016)д

МАЛЬЦЕВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Аннотация: в статье представлен анализ феномена информации и современных информационных технологий в политическом пространстве, а также рассматриваются содержание и специфические особенности использования IT-программ. Новые информационно-коммуникационные технологии качественным образом видоизменили прежние представления, установки, стереотипы, формы поведения и модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами. На современном этапе развития политических систем ни одна составляющая стратегического управления не может рассматриваться отдельно от анализа информационных потоков, пронизывающих каждое стратегическое решение. Информационные процессы в категориях построения стратегических моделей управления нуждаются в упорядочивании путем формирования особой внутриорганизационной культуры, имеющей в своей основе налаженные механизмы работы с информацией: ее получение, интеллектуальную обработку, а также применение для эффективной реализации стратегического плана.

Ключевые слова: информация, коммуникация, информационные технологии, политические стратегии, стратегическое управление, инновации.

Несмотря на формальное развитие представительных демократий в современных государствах, очевидна необходимость назревших преобразований в политике с учетом все большей интенсивности развития дифференцированного информационного общества, нуждающегося в обеспечении должного уровня интерактивности и прозрачности публичного политического процесса. Политические стратегии являются рациональной попыткой понять, каким образом можно избежать привычных политических потрясений, форсировать темпы развития политической структуры государства во всем ее многообразии, а главное — установить стратегическое согласие в социуме, добиться ценностного консенсуса власти и населения и, как следствие, имплементации общегосударственного вектора политической, экономической и культурной модернизации. В реалиях современного общества изучение стратегического управления в качестве интеллектуального продукта призвано проанализировать значимость социокультурных, политических, экономических, исторических факторов поведения субъектов политической деятельности для конструирования универсальных паттернов воспроизводства и позитивной трансформации информационного поля политики. Как

отмечает российский философ Б.В. Марков, «плюрализация источников информации приводит к парадоксальному эффекту: с одной стороны, демократическому обществу угрожает информационная энтропия, с другой стороны, даже левые демократы говорят о необходимости некой селекции: перевес включенности над исключенностью, ускорение процесса обмена информацией не оставляет времени и для рефлексии»¹.

С точки зрения социальной науки, информация обретает свое значение в обществе и благодаря обществу. В политическом контексте она модифицируется, конструируя социальные смыслы. Подобный подход позволяет не только концептуализировать многочисленные трактовки политической информации, но и увязать изучение явлений, происходящих в сфере политических информационных процессов, в целостную философскую теорию информации, объектом изучения которой являются все виды социальной коммуникации, а предметом — структура и свойства смысловых сообщений.

Надо признать, что для политической коммуникативистики подобная логика рассуждений иногда оказывается проблематичной и требует переосмысления того факта, что «любые мыслимые проявления социальности имманентно связаны с информационными процессами, с информацией как таковой»². Более того, проблематизация феномена информации как отраженного разнообразия, которое один объект в процессе взаимодействия содержит о другом, требует более серьезного отношения к философскому определению информации как центральной объяснительной категории. Что это означает для исследований, предметом которых традиционно является политическая информация?

Во-первых, плодотворно использование логики, апробированной в дисциплинарной области информатики для объяснения процессов, которые традиционно принято определять как политические.

Во-вторых, если рассматривать информатику как науку о *всех* видах социальных коммуникаций, то необходима и выработка некоего единого «когнитивного стиля».

¹ Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. С. 448.

² Семенюк Э.П. Глобализация информационного пространства и человечество // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2015. № 1. С. 1–13.

В-третьих, решение такой исследовательской задачи является необходимым условием выработки концепций и подходов к технологиям поддержания социального порядка, одним из качественных индикаторов которого являются адекватные интеракции сложноорганизованного социума с государством, которые Т. Гоббс афористично называл нервами, «при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности».¹

Информатизация, охватившая практически всё население мира, сопровождается развитием новых коммуникативных структур и процессов, глубокими изменениями социально-коммуникативной среды и самой коммуникативной природы социальной реальности, переоценкой значения информации в развитии общества. Таким образом, современные информационные технологии генерируют не только новые возможности, но и новые угрозы. Это влечет за собой необходимость поиска новой парадигмы и методологии исследования политической коммуникации в качестве самостоятельного объекта изучения, поскольку ей «присущи специфические функциональные нагрузки в рамках общества, своя морфология, многократно опосредованный стиль общения макросоциальных групп и ряд других свойств»².

Один из известнейших тезисов Ю. Хабермаса гласит, что политика выражает себя через систему коммуникативных действий, которые выступают в качестве цепочки опосредований. Более того, власть иерархична и насильственна, в то время как коммуникация же эгалитарна и воздействует посредством убеждения. Приобретая исключительную популярность и превратившись в универсальную объяснительную модель самых разных информационных феноменов в политическом процессе, этот тезис без должной теоретической проработки иногда создает замкнутый объяснительный круг: политика объясняется через информацию, коммуникацию, которая тоже нуждается в серьезном толковании как ее смысла, так и взаимосвязей с наблюдаемыми политическими процессами. Располагаясь на пересечении поливариантных осей, пересекающихся как с социальной, экономической, так и с иными типами систем, политическое про-

¹ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 6.

² Соловьёв А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5.

странство являет себя релятивным и подверженным перманентным трансформациям при сохранении объективных структур, напоминающих веберовские идеальные типы. В данном контексте информацию вряд ли можно представлять как сугубо технический, связующий, по сути своей вторичный элемент политического процесса, значение которого не зависит от цели акторов и выполняет лишь поддерживающую и оформляющую функции.

Создание политических стратегий, которое представляет собой процесс разработки наиболее эффективных способов реализации политического действия, в равной степени может считаться как виртуозным искусством, философией мышления, так и сугубо теоретической формой знания, поскольку сущность этих стратегий тяготеет к преобладанию в ней уникальных свойств, продиктованных реалиями политических трансформаций, то жестко законсервирована в рамках последовательного воспроизводства накопленного теоретического бэкграунда, что исключительно в квинтэссенции формирует базу для построения грамотных и эффективных стратегий в политике. Кроме того, необходимо более тщательно разобраться в том, какая информация позволяет быстрее адаптироваться к грядущим конфликтам и концентрироваться на целях, касающихся, в первую очередь, тех зон пространства, где стратегическая реакция политического актора может оказаться быстрее темпа изменений, а значит и возможность достижения которых видится более реальной и предсказуемой.

Наконец, требуется выяснить «зоны разногласий», в которых информация начинает регулироваться, искажаться и утаиваться, если под вопрос будет поставлена коррелятивность информации (неполные и неточные факты, нежелательное обнародование информации, недооценка фактов и их значения, подозрение в умышленном сокрытии информации, дезинформация, ненадежность экспертов и источников информации или данных, произвольная интерпретация использованного языка и т.д.).

Исследуя эффективность процесса реализации политических стратегий, а также рассматривая механизмы влияния информации на преодоление условий нестабильности, классически применяются такие методы управления, как экстраполяция тенденций, предвидение изменений, управление по слабым сигналам, отбор центральных стратегических позиций, ранжирование стратегических задач и т.д.

Таким образом очевидно, что роль информации в формировании политической стратегии — есть максимальная сконцентрированность именно на возможностях, а не на задачах. В данном контексте необходимо проанализировать информационные программы, способствующие усовершенствованию управленческих паттернов. Среди них наибольший интерес вызывают технологии, нацеленные на поиск и принятие эффективного решения; обслуживающие процесс менеджмента ресурсов; упорядочивающие внутрискруктурную работу политического института и способствующие перекрестному информационному обмену между различными государственными структурами на федеральном и региональном уровнях, а также их взаимодействию с экономическими и научно-техническими корпорациями, и, наконец, специализированные программы, работающие в режиме on-line, а также web-ресурсы, обеспечивающие интерактивность политических процессов, пробуждающие социальную активность, что играет существенную роль в условиях развития «сетевое общества»¹.

Первый тип программ, внедряемый в процесс стратегического управления, интерпретируется как система, поддерживающая выработку решения (Decision Support System — DSS). DSS-программы предлагают политическому менеджеру набор тематических блоков, которые составляют индивидуально для каждой политической организации. Каждый выделенный блок представляет собой сферу для потенциального принятия решения. Эффективно интегрируемые в работу министерств, эти программы имеют стандартный набор блоков: локальную внутриорганизационную сферу (кадровые решения, финансовая аналитика, реструктуризация подразделений, антикризисные меры и т.д.), основные масштабные проекты и маркетингово-репрезентативную сферу деятельности политического института. Работа со всеми блоками осуществляется посредством использования различных методик, спектр которых варьируется в зависимости от технологической сложности программы, а значит, и от непосредственной стоимости заказа на ее создание.

¹ Сморгунев Л.В. Политические сети, информационные технологии и публичное управление: переход от концепции “E-Government” к “E-Governance” // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 8–11 ноября 2005 г. СПб., 2005. С. 160–161.

Рассмотрим специфику основных методик, используемых в DSS-программах.

Во-первых, речь идет о поисковых механизмах. Программы DSS должны составляться таким образом, чтобы содержать как можно более детализированную информацию, способствующую обслуживанию формальной стороны процесса принятия решения. В данном контексте имеются в виду разветвленная база законодательных актов и система прецедентов, научно-теоретическая поддержка процесса принятия решений, доступ к перманентно обновляющимся общемировым новостным блокам и т.д.

Во-вторых, существенную роль играют процессы внедрения схем математического прогнозирования политических процессов, а также методик сценарного или имитационного моделирования, что позволяет отсеять огромное количество неадекватных той или иной ситуации вариантов без излишних затрат времени на их апробацию.

И, наконец, наиболее инновационным и эффективным представляется внедрение техник интерактивного консалтинга в процесс принятия политических решений, позволяющего в кратчайшие сроки получать рекомендации широкого круга высококвалифицированных специалистов — ученых, политтехнологов, экономистов, юристов и т.д. — со всего мира, перечень которых также формируется заранее индивидуально для каждой новой DSS-программы.

Второй тип информационных программ направлен на учет и распределение ресурсов. Получив название RMS-системы (Resource Management System — RMS), этот тип информационных программ уже многие годы широко используется в структурных подразделениях большинства транснациональных корпораций, особенно в энергетическом секторе. Однако сфера политического управления исключительно пренебрежительно относится к этому типу технологий, что, по сути, является крайне деструктивным. RMS-программы способны предложить политическому институту возможность перманентного контроля за ресурсами, перечень которых вносится в программу по требованию заказчика. В случае внедрения в политическую организацию, наравне с математической оценкой затраченного и полученного финансового ресурса, кажется актуальным внесение некоторых дополнений в стандартно разрабатываемые RMS-системы.

Во-первых, речь идет об учете человеческого ресурса посредством составления базы данных сотрудников политического института с подробными досье, включающим навыки, достижения, функциональный спектр, результаты деятельности и т.д., что существенно экономит время при ранжировании стратегических задач, а также при выборе кандидатуры, несущей ответственность за реализацию того или иного политического решения.

Во-вторых, сфера политического управления нуждается в учете инвестиций частных корпораций в государственные проекты, что позволит со временем выявлять тенденции и прочные маршруты для сотрудничества.

В-третьих, современные информационные системы позволяют внедрять мощные механизмы бюджетирования инновационных технологий, что делает доступным составление плана ожидаемого прихода ресурсов и дальнейшее планирование посредством моделирования сфер их возможного применения, которые политическому топ-менеджеру предложит сама RSS-программа в форме графиков и схем, ведущая комплексный учет ресурсного потенциала политического института, полей его приложения, а также степени эффективности данного процесса.

Третий тип информационных программ, интересных в дискурсе анализа процесса стратегического управления в политике, способствует налаживанию механизмов интегративного обмена между подструктурами политического института, а также самого института с организациями, специфика работы которых в той или иной степени пересекается с собственным полем политической деятельности этого института.

В данном контексте речь может идти о взаимодействии близких по роду деятельности министерств (культуры и образования, экономики и финансов и т.д.), регионов, имеющих элементы подобия (в экономическом, территориальном, национальном и ином отношениях), государственных и частных корпораций, осуществляющих единый проект и т.д. Условно мы назовем такой тип программ SIS-системой (Share Information System — SIS). В их основе лежит создание огромных информационных серверов, подключенных к единой системе. Каждый сервер представляет собой комбинацию упорядоченных по разделам доминант (информационных блоков), представляющих ра-

боту той или иной организации и способных иметь стратегическое значение для партнеров. SIS-платформа может содержать вариативные базы данных, открытые для обмена, анализа принимаемых законов и трансляции процесса постепенного претворения их в жизнь как бы в режиме on-line (т.е. в режиме постоянного обновления) в различных субъектах и даже государствах с целью объективной оценки действительности и обмена опытом, а также механизмы наблюдения и контроля за деятельностью партнера по тому или иному совместному мероприятию (например, в ситуации, когда национальный проект курируют сразу несколько министерств, работа каждого из которых серьезно определяет эффективность других, или же когда государственный заказ отдан (по тендеру или иначе) на выполнение частным корпорациям).¹ SIS-система результативна и в процессе работы внутри политического института, особенно если речь идет о масштабных политических организациях. Зачастую ведомства и отделы испытывают трудности в получении оперативной информации о деятельности друг друга, даже документальные акты порой существуют исключительно на бумаге, что дестабилизирует управленческий процесс и снижает скорость принятия решений. Таким образом, вполне очевидно, что специализированные SIS-платформы способны существенно упорядочить процесс политического управления, а главное — повернуть его в сторону системного действия, а не индивидуального.

И, наконец, последний — четвертый — тип программных платформ призван обеспечить публичность политического процесса, а, следовательно, и высокий уровень легитимности политической власти. В этом контексте рассматриваются традиционные для политической сферы программы виртуального характера (работающие с правительственными информационными серверами или стандартные web-ресурсы политических организаций, позволяющие индивиду включиться в процесс принятия решений, а также детально ознакомиться со структурой интересующей его организации. Интерес вызывают инновационные тенденции в данной сфере. Речь идет о различного рода программах, устанавливаемых на компьютер поль-

¹ Мальцева Д.А. Стратегическое моделирование в политике. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2015. С. 150.

зователя и предоставляющих ему возможность перманентного отслеживания интересующей его информации в политическом пространстве. Например: программы, обеспечивающие открытость процесса рассмотрения и принятия законов (Law Analysis System — LAS); программы, создаваемые для индивидов, имеющих определенную партийную принадлежность и желающих глубоко погрузиться в работу партии, приверженцами которой они являются, как в своем округе, так и за его пределами, а также ознакомиться с последними тенденциями и новостями (Party Member System — PMS); программы, оперативно доставляющие информацию о динамике стоимости акций государственных корпораций и составляющие прогноз, основанный на измерении их стоимостных колебаний (Stock Holder System — SHS), что добавляет прозрачности процессу политического управления и стабилизирует отношение населения к финансовому сотрудничеству с государственным сектором.

Проанализированные особенности использования информационных технологий в процессе политического управления наглядно демонстрируют, что ни одна политическая стратегия не может полностью учитывать быстрый темп трансформаций среды и ограничена в получении адекватной и своевременной информации. Однако наша оценка показывает, что, безусловно, в идеале политический аналитик или политический менеджер должен располагать всеми возможными информационными данными касательно той или иной ситуации. Углубленное рассмотрение практических аспектов построения стратегий в политике обнаруживает, что основные проблемы разработки и имплементации стратегий связаны, скорее, с избытком информации, работа с которой выполняется крайне поверхностно, что и детерминирует субъективное отношение к стратегическому управлению как процессу в целом. И, наконец, наиболее глобальное свойство интеллектуальных инноваций раскрывается в коммуникативном поле политического управления, где зарождаются информационные дискурсы, требующие дальнейшего хранения, реформатирования и трансляции в сопредельные с политическим пространства в ожидании получения импульса обратной связи. Подобная схема привносит в стратегические модели управления неизбежность анализа комплекса инновационных информационных технологий, а также поиска современных взаимодействий с общественным мнением. Внедрение

указанных технологий в процесс построения моделей призвано гармонизировать сферу политического управления на базе сочетания ее этического свойства с повышением рейтингов эффективности.

Таким образом, вполне очевидно, что пристальное внимание к феномену информации, а также своевременное внедрение инновационных информационно-технологических моделей гармонизирует стратегический процесс управления, добавляя в него элементы системности и рациональности, оптимизируя процесс принятия решений, координируя работу непересекающихся секторов в политических организациях, оптимизируя использование ресурсного фундамента, а также обеспечивая налаживание интерактивных механизмов, в которых нуждаются все современные политические системы.

Библиография

1. *Гоббс Т.* Левиафан // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. 731 с.
 2. *Мальцева Д.А.* Стратегическое моделирование в политике. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2015. 160 с.
 3. *Марков Б.В.* Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 665 с.
 4. *Семенюк Э.П.* Глобализация информационного пространства и человечество // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2015. № 1. С. 1–13.
 5. *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18.
 6. *Сморгунов Л.В.* Политические сети, информационные технологии и публичное управление: переход от концепции “E-Government” к “E-Governance” // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 8–11 ноября 2005 г. СПб., 2005. С. 160–161.
 7. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
-
-

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АБРАМОВ АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ

Аннотация: предпринимается попытка ответить на вопрос о соотношении в российском патриотизме традиционной и инновационной составляющих. Опираясь на анализ государственно-патриотических концепций прошлого, автор заключает, что в российском патриотизме успешно сочеталось традиционное и инновационное. Такое соединение традиционности и новизны позволяло российскому обществу сохранять единство и, вместе с тем, двигаться вперед.

Ключевые слова: патриотизм, российское общественно-политическое сознание, государственно-патриотическая идеология, политические традиции, политические инновации.

В 2014 г. известная в либеральных кругах радиоведущая «Эхо Москвы» Ксения Ларина разразилась гневной тирадой, направленной против патриотизма. «От слова «патриотизм» тошнит уже какими-то червяками и вишневыми косточками... — заявила она. — Патриотизм разрушителен, он ничего не создает, кроме трескотни, вранья, шарлатанства, лицемерия. Патриотизм не совместим со свободой, он убивает свободу мысли, свободу творчества, свободу самореализации. Патриотическое искусство — крикливо, фальшиво, примитивно. Патриотизм крышует бездарность и пустоту, производит бездарность и пустоту. Патриотизм мракобесен, как и показная примитивная религиозность, которая не имеет никакого отношения к вере. Патриотизм сам по себе является религией вчерашнего дня, религией мертвых... Патриотизм отвратителен. Он упрощает человека, лишает его разума»¹.

¹ Ларина К. Патриотизм // Эхо Москвы [Сайт]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/klarina/1250768-echo> (дата обращения: 01.10.2015).

При всей полемичности и явной политической ангажированности процитированного высказывания, вопрос о роли патриотизма в процессе развития общества является важнейшим в современной России. Является ли патриотизм лишь «авторитетом вечно вчерашнего» и представляет собой простое средство воспроизводства социальной модели или это сила, способная инициировать модернизацию социума, стать стимулом его интенсивного инновационного развития? Вот тот вопрос, который, без ответа на который, как представляется, невозможно понять политические процессы, происходящие в современной России.

Но чтобы ответить на этот вопрос, необходимо совершить краткий экскурс в российское прошлое, чтобы оценить, каково же было соотношение традиций и инноваций в российском патриотизме.

Первой государственно-патриотической идеологией в истории России являлась концепция «Москва — третий Рим», сконструированная из послания митрополита Спиридона о «Мономаховых дарах» и посланий 1523–1524 гг. настоятеля Псково-Елизарьева монастыря Филофея Василию III и его приближенным. В первом произведении генеалогия московских Рюриковичей выводилась от «кесаря римского» Августа, в связи с чем русские государи объявлялись равными византийским императорам (доказательство этого равенства — «мономахов дар» — подарок византийских императоров киевскому князю Владимиру Мономаху — мономахова шапка)¹. Произведения Филофея творчески переосмысливали восходящую к Книге пророка Даниила концепцию четырех «странствующих царств», наделенных Божьей благодатью. Результатом такого переосмысления стала формула о Москве как последней надежде христианского мира: «два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»².

Очевидно, что перед нами попытка соединения традиционного с инновационным: сюжетов древнеримской и византийской истории (как она понималась в Средние века) с политическими реали-

¹ Послание о Мономаховых дарах // Русская социально-политическая мысль. IX–XVII вв.: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Переверзенцева. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 176–180.

² *Филофей*. Послание о неблагоприятных днях и часах // Русская социально-политическая мысль. IX–XVII вв.: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Переверзенцева. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 193–194.

ями XVI в. Об инновационном потенциале теории «Москва — третий Рим» свидетельствует весьма любопытный факт: прибывший в XVII в. в Россию хорват Юрий Крижанич, считая факт родства московских государей с «кесарем Августом» фантастичным и умаляющим достоинство русских царей¹, тем, не менее, предлагал царю Алексею Михайловичу новую и смелую геополитическую программу: подобно Константинополю Москве следует стать центром восточно-христианского мира, освободив народы Балканского полуострова из-под власти османского султана.

Инновационный для XVII века патриотический проект превращения Москвы в ядро православного мира не был по достоинству оценен современниками Ю. Крижанича, но оказался одной из доминант внешней политики России второй половины XVIII — начала XX века. Даже вступление Российской империи в Первую мировую войну было вызвано желанием Москвы усилить свою позицию на Балканах.

Идеологическим «сопровождением» кардинальных преобразований эпохи Петра I стала концепция «Общего блага». Для россиян начала XVIII понимание государства как результата «общественного договора», а патриотизма как заботы и царя, и подданных об «общем благе», несомненно, являлось инновацией.

Впрочем, уже к концу XVIII столетия тема служения Отечеству стала неотъемлемой частью общественно-политического дискурса просвещенной части российского социума. Более того, само «общее благо» стало восприниматься нетрадиционно: не как служба государю и государству, а как деятельность по ограничению самодержавия. Уже М.М. Щербатов критиковал тиранию, приводящую к падению нравов, выражающемся «в уподлении людей, в коренении робости, раболепства и страха», потери «любви к отечеству»². Еще более радикален в своем понимании патриотизма и общего блага был А.Н. Радищев, призывавший к искоренению самодержавия как «наипротивнейшего человеческого естеству состоянию»³.

¹ Крижанич Юрий. Из «Политики» // Русская социально-политическая мысль. IX–XVII вв. Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Переверзенцева. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 527–530.

² История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд. М., 1997. С. 353.

³ См.: Радищев А.Н. Беседа о том, что есть сын Отечества // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / Под общ. ред. и со вступ. ст. И.Я. Щипанова. М., 1952. С. 279–281.

Идейными последователями А.Н. Радищева стали декабристы, которые своим патриотическим долгом считали совершение государственного переворота, ради проведения радикальной модернизации страны: отмены крепостного права и либерализации политической жизни. Забота об «общем благе», понимаемом как благо всего народа, стала центральной темой программного документа Южного общества — «Русской Правды» Павла Пестеля: «Обязанности в Государстве проистекают из цели Государства. Цель же Государственного Устройства должна быть Всевозможное Благоденствие Всех и Каждого»; «Правительство существует для Блага Народа и не имеет другого основания своему Бытию и Образованию, как только Благо Народное»¹.

Столь широко понимаемое «общее благо» фигурировало в российском политическом сознании вплоть до 1917 г. Оно стало своего рода политической традицией и явственно просматривается в программных документах либеральных и даже леворадикальных политических партий начала XX столетия.

Наиболее решительный разрыв с прежней патриотической установкой произошел в октябре 1917 г. Захватившие власть большевики провозгласили приоритет интернационального над национальным, классового — над общенациональным. Постулат К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что рабочие не имеют Отечества, и их главная задача завоевать политическое господство и «конституироваться как нация»², привел большевиков к лозунгу поражения России в Русско-японской и Первой мировой войне, поскольку «война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия»³.

Благом для граждан большевики свержение царизма. «...Нельзя... “защищать отечество” иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т.е. худших врагов нашей родины» — писал В.И. Ленин⁴.

¹ Русская Правда. II редакция // Восстание декабристов. Документы / Под ред. М.В. Нечкиной; Подг. к печати А.А. Покровский. Т.7. М., 1958. С. 115, 116.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической Партии. М., 1980. С. 44.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. 8-е изд., доп. и испр. М., 1970. Т. 1. С. 88, 401–402.

⁴ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. М., 1963. С. 108.

Однако вскоре после завоевания власти риторика большевиков решительно изменилась. Тот же председатель Совнаркома в период гражданской войны выступил с лозунгом «Социалистическое Отечество в опасности!». «...Мы можем вести войну, — писал В.И. Ленин, отмечая изменение позиции партии по отношению к ведению боевых действий в условиях прихода РСДРП к власти, — потому, что массы знают, за что воюют, и хотят воевать, несмотря на неслыханные тяготы... знают, что приносят отчаянные, непосильно тяжелые жертвы, защищая свое социалистическое дело...»¹.

Своеобразным «моментом истины», испытанием на прочность для советского государства стала Великая Отечественная война, для победы в которой требовалась сплоченность населения вокруг действовавшей власти. В этих условиях партийное руководство СССР предприняло довольно удачную попытку увязать коммунистическую риторику с традиционной национально-государственной проблематикой; пролетарского интернационализма — с интересами народов, населяющих СССР. Это ярко продемонстрировала речь И.В. Сталина 3 июля 1941 г.: «Прежде всего, необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране... Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»².

Сочетание традиционных и новых ценностей показало свою эффективность в годы Великой Отечественной войны, где просьбы идущих в атаку считать их коммунистами, смерть «За Родину, за Ста-

¹ Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38. М., 1963. С. 50.

² Сталин И.В. Выступление по радио 3 июля 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 58–59.

лина» сочетались с введением погон офицерам, восстановлением патриаршества и т.п.

Сочетание традиционного и современного сохранилось и сегодня. Проявляется это, прежде всего, в самоидентификации граждан. Если в начале 1990-х доля россиян традиционно продолжавших считать себя гражданами СССР была довольно внушительна, а процент считавших себя россиянами был невелик; то в XXI веке картина изменилась прямо противоположным образом. В 2012 г., отвечая на вопрос «Кто я такой?», большинство респондентов определяли себя как граждане России (55%). Советскими людьми считали себя лишь 14%¹.

Общегражданскую идентификацию россиян подтверждает их отношение к государственным символам: гербу, гимну, флагу.

Прежде всего, нужно отметить важный момент: эксперименты 1990-х гг. с «Патриотической песней» М.И. Глинки как гимном без слов были завершены. В декабре 2000 г. Президент В.В. Путин внес в Государственную Думу закон о возвращении музыки советского гимна композитора А.В. Александрова. Подавляющим большинством голосов депутатов закон «О Государственном гимне РФ» был принят. Спустя некоторое время гимн приобрел новые слова. Символичным было то обстоятельство, что написал их один авторов прежнего текста, С.В. Михалков.

Несмотря на недовольство некоторой части либерально настроенной элиты, в том числе и экс-президента Б.Н. Ельцина, мелодия советского/российского гимна нашла своих сторонников не только среди пожилых, но и среди молодежи. Уже в 2006 г. 53% респондентов ВЦИОМ отмечали, что гимн вызывает у них восхищение и гордость, а в 2015 г. доля гордящихся главной песней страны выросла до 72%. Единственной проблемой стали слова гимна. Но и здесь, благодаря изучению текста школьниками, ситуация постепенно исправляется. Так, если в 2005 г. верно назвали первые слова гимна лишь 19% опрошенных, то к 2015 г. число знающих гимн выросло более чем вдвое².

¹ Сколько в России патриотов? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2187 (12.12.2012). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113466> (дата обращения: 01.12.2013)

² Герб, гимн и флаг России: знание и отношение // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2911, 21.08.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115359> (дата обращения: 10.05.2016).

Не менее важным для консолидации общества и превращения инновации в традицию стало переименование праздника 12 июня, установленного в честь принятия Первым Съездом народных депутатов РСФСР в 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете РСФСР». Из неясного для большинства россиян и явно подражательного по названию «Дня независимости», в 2002 г. праздник был переименован в идеологически нейтральный «День России».

В целом утверждение в начале 2000-х гг. российской символики — гимна, герба и флага — стало своеобразным компромиссом между последователями традиций и сторонниками новой реальности; между разными группами российского общества: монархистами (царский герб), демократами (триколор, ставший символом противостояния ГКЧП в 1991 г.), коммунистами (гимн). В условиях имевших место в 1990-х острых противоречий, подобные шаги способствовали консолидации общества. Это продемонстрировали и социологические опросы: как и в случае с гимном, отношение к флагу и гербу вызывает со временем все большее уважение россиян¹.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что как показывает далекая и недавняя история, однозначно идентифицировать патриотизм как традицию невозможно. Как много веков назад, так и сегодня, государственно-патриотические представления россиян являются сочетанием традиционного и инновационного. Но думается, что именно такое соединение создает ту самую «цветущую сложность», которая всегда отличала Россию, позволяя стране сохранять свое единство и вместе с тем двигаться вперед.

Библиография

1. *Абрамов А.В.* Российский патриотизм: история и современность: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2016.
2. Герб, гимн и флаг России: знание и отношение // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2911, 21.08.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115359> (дата обращения: 10.05.2016).
3. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд. М., 1997.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. 8-е изд., доп. и испр. М., 1970. Т. 1.

¹ *Абрамов А.В.* Российский патриотизм: история и современность: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 137–139.

5. *Крижанич Юрий*. Из «Политики» // Русская социально-политическая мысль. IX–XVII вв. Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Переверзенцева. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
6. *Ларина К.* Патриотизм // Эхо Москвы [Сайт]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/klarina/1250768-echo/> (дата обращения: 01.10.2015)
7. *Ленин В.И.* О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. М., 1963.
8. *Ленин В.И.* Успехи и трудности советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38. М., 1963.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической Партии. М., 1980.
10. Послание о Мономаховых дарах // Русская социально-политическая мысль. IX–XVII вв. Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Переверзенцева. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
11. *Радищев А.Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / Под общ. ред. и со вступ. ст. И.Я. Щипанова. М., 1952.
12. Русская Правда. II редакция // Восстание декабристов. Документы / Под ред. М.В. Нечкиной; подг. к печати А.А. Покровский. Т. 7. М., 1958.
13. Сколько в России патриотов? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2187 (12.12.2012). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113466> (дата обращения: 01.12.2013)
14. *Сталин И.В.* Выступление по радио 3 июля 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т.15. М., 1997.
15. *Филофей*. Послание о неблагоприятных днях и часах // Русская социально-политическая мысль. IX–XVII вв.: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Переверзенцева. М.: Изд-во Московского университета, 2011.

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: в статье рассмотрены основные причины победы радикального крыла российской социал-демократии в крестьянской стране и особенности воплощения большевиками социалистической модели в советский период. Данный исторический контекст позволяет оценить специфику становления и перспективы развития в постсоветской России политических партий, ориентированных на внедрение в политической, социально-экономической и духовной сфере социал-демократических традиций и ценностей.

Ключевые слова: социал-демократия, большевики, меньшевики, идея социальной справедливости, общинные традиции, социал-демократические традиции, КПРФ, «Справедливая Россия», СДПР.

Идеология социал-демократии в истории нашей страны занимает особое место. Зародившись на идейной почве марксизма, социал-демократическое движение фактически с самого начала раскололось на два течения. Собираательные положительные образы большевиков и отрицательные меньшевиков с соответствующими имиджевыми характеристиками лежали в основе воспитания советских граждан на протяжении всей истории советского государства¹.

Г.В. Плеханов и его сторонники обосновывали необходимость первоначальной борьбы за демократические права и свободы, которые должны были приблизить крестьянскую Россию к западноевропейским странам. По Г.В. Плеханову, Россия не могла нарушить историческую закономерность, в соответствии с которой вначале в стране должен быть создан капиталистический базис и буржуазно-демократическая надстройка и созданы необходимые предпосылки для строительства социализма: «российская история еще не смогла той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма». По мнению меньшевиков в России не было трех главных условий для строительства социализма — высокого уровня развития производительных сил, соответствующей социальной базы в лице доминирования в стране рабочего класса, высокого уровня сознательности трудящегося населения.

Казалось бы, реальный исторический опыт продемонстрировал правоту большевиков, сумевших в 1917 г. прийти к власти и удерживать ее на протяжении последующих более чем семи десятилетий. Однако, большевики смогли взять власть в крестьянской стране в условиях первой мировой войны, используя набор совсем не социал-демократических лозунгов. Вначале они оказались фактически единственными, кто последовательно следовали установкам Штутгартского съезда II Интернационала 1907 г., в соответствии с которыми социал-демократы всех стран в случае «наступательной войны» не должны были поддерживать свои правительства. Большевики единственные открыто заявили о «поражении своего правительства и превращении войны империалистической в войну гражданскую».

¹ В связи с предстоящим столетним юбилеем Октябрьской революции 1917 года неизбежно на отечественном телевидении будет задействован архив советских фильмов по данной проблематике и данные образы будут оказывать соответствующее воздействие уже на современное подрастающее и постсоветское поколение.

Но победу в 1917 г. им принесли лозунги «Долой войну! Мир — хижинам, война — дворцам!», «Фабрики — рабочим!», «Землю — крестьянам!» Последний лозунг, предопределивший победу большевиков как пролетарской партии в крестьянской стране был вовсе не социал-демократическим, а лозунгом российских социалистов-революционеров. Соответственно и «черный передел» земли, осуществленный большевиками весной 1918 г. был реализацией главной части эсеровской программы (не случайно «левые» эсеры на время стали союзниками большевиков). Однако главной социальной опорой большевиков в деревне в этот период стали не Советы крестьянских депутатов и сельские сходы, а комитеты бедноты, осуществлявшие политику продразверстки, как части политики «военного коммунизма».

Ни о какой победе социализма в России, как отдельно взятой стране, Ленин и его сторонники в годы гражданской войны и не помышляли. Использовать революционную ситуацию и взять власть в свои руки в аграрной стране их побудила вера в мировую социалистическую революцию: «Россия начнет, а Германия подхватит». Но вот в 1921 г., когда надежды на поддержку европейского пролетариата и европейских революций не оправдались, большевики вынуждены были пойти на уступки крестьянству и начать новую экономическую политику. По поводу сути НЭПа и стратегии дальнейшего развития страны началась ожесточенная дискуссия, в которой победу одержали Сталин и его сторонники, обосновывающие возможность строительства социализма в одной стране. Троцкий, отстаивающий идею перманентной революции и рассматривавший НЭП как временное отступление, необходимое для накопления сил для решающей схватки на мировой арене, окончательно проиграл и был выслан из страны.

Сталин сумел доказать эффективность созданной социалистической системы. Гигантские темпы промышленного развития и успехи в области образования, науки и культуры были неоспоримыми. Как бы ни обвиняли Сталина в репрессивных мерах строительства социализма (которые действительно были беспрецедентными), но только на их основе такие успехи были невозможны. Не менее значимую роль играл массовый энтузиазм, вызванный верой в то, что в СССР строится «светлое будущее для всего человечества».

Какие же традиции и ценности социал-демократии позволили большевикам одержать победу и добиться ошеломляющих успехов?

Идея социальной справедливости, под которую К. Маркс подвел теоретическую базу о неизбежности перехода к коммунизму, основанному на общественной собственности на средства производства, в России имела свою особенность.

«Земля — Божья! Она принадлежит тем, кто на ней работает!». «Мы Ваши, но земля — наша!». Сохранившаяся в силу исторических обстоятельств передельная община и крестьянское самоуправление («крестьянский мир»)¹, традиции коллективизма и уравнительности стали причиной появления и популяризации в стране разнообразных идей общинного социализма (от Н.Г. Чернышевского, А. Герцена и до народовольцев и эсеров). Суть их сводилась к тому, что Россия в силу наличия общинных традиций может избежать процессов пролетаризации в ходе перехода к капиталистическим отношениям (и неизбежной в этом случае пауперизации) и перейти к социализму, минуя эту стадию.

В момент формирования российской социал-демократической партии данная идея отвергалась как утопическая. В программе РСДРП, принятой на втором съезде, аграрная часть была достаточно бедной и содержала пункты об отмене выкупных платежей о возвращении «отрезков», несправедливо отнятых у крестьян в процессе освобождения от крепостной зависимости. В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанной в годы первой русской революции, В.И. Ленин впервые обосновал необходимость союза со всем крестьянством в борьбе за буржуазно-демократические ценности. Однако уже тогда он подчеркивал, что на этапе социалистической революции, большевики будут выступать за союз только беднейшим крестьянством. Соответственно и конечной стратегической целью большевиков в деревне была полная национализация земли и создание крупных сельскохозяйственных предприятий.

Поэтому даже «черный передел» 1918 года, реализовавший эсеровскую программу, на самом деле был не совсем полным, так как часть помещичьих земель и имений большевиками была отведена под

¹ В 1840-е годы давно исчезнувшую в Западной Европе передельную общину «неожиданно» обнаружил в России немецкий путешественник-исследователь барон А. Гакстгаузен (*Гакстгаузен фон Август*. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России: В 2 т. М., 1869.)

советские хозяйства¹. Период НЭПа стал периодом максимального расцвета передельной общины и мирского самоуправления. Фактическое двоевластие в деревне в этот период (Советы крестьянских депутатов и земельные общества со своими сходами) показывало, что крестьяне большую часть жизненно важных для себя вопросов реализовывали именно на уровне земельных обществ и традиционного общинного самоуправления. Эта тенденция противоречила общей стратегии ВКПб на усиление роли бедноты в деревне и роль земельных обществ целенаправленно и последовательно стала ограничиваться. Массовая коллективизация и раскулачивание окончательно подорвали традиции мирского самоуправления.

Колхозное самоуправление фактически было имитацией общинного самоуправления, так как было встроено в жесткую вертикаль государственно-партийного управления. Выборы руководства колхозов осуществлялось под контролем партийных и советских органов, а хозяйственная деятельность колхозников полностью была подчинена централизованной системе управления².

С ростом экономических ресурсов колхозы постепенно стали играть доминирующую роль в решении различных вопросов внутренней жизни сельских жителей, вытеснив сельские Советы на периферию.

Традиции пролетариата, характерные для западноевропейских социал-демократов (профсоюзная борьба за отстаивание прав и социально-экономических интересов рабочих, политическая борьба на выборах), оказались реализованы в СССР в минимальной степени. Профсоюзы стали «школой коммунизма» и «приводным ремнем партии». Несмотря на то, что формально они могли стоять на защите условий труда и прав работников, подчиненное положение профсоюзов было неизменным.

¹ По замыслу они должны были стать передовыми образцами социалистического коллективного хозяйствования для большинства единоличного российского крестьянства и стимулировать его к объединению и созданию колхозов. Однако задача эта в большинстве случаев была провалена и совхозы и коммуны 1918–1929 гг. не стали «маяками» для единоличников. В результате была принята установка на форсированную и насильственную коллективизацию.

² Именно обязательное выполнение плановых показателей по сдаче хлеба колхозами стали ключевой причиной массового голода 1933 г. не только на Украине, но и в Поволжье и других регионах страны.

Политическое участие рядовых советских граждан также было специфическим. Например, им конституционно гарантировалось участие в выборах всех органов власти. Но с учетом того, что никакой конкуренции на выборах не могло быть в принципе, то голосование за единственного кандидата носило формальный характер. Участие в различных общественных организациях было массовым (фактически обязательным), но осуществлялось под строгим и всеобъемлющим контролем. Т.е. активность во всех сферах общественной жизни была высокая, но направляемая, регулируемая и подконтрольная.

В период «перестройки» попытались обосновать необходимость строительства «социализма с человеческим лицом». Фактически это был процесс обоснования перехода КПСС на традиционные западноевропейские социал-демократические ценности. Однако с учетом того, что осуществлялся он путем реанимации «ленинского социализма» и в условиях нарастания процесса «гласности», то результатом его стала дискредитация всего периода социалистического строительства как результата «сталинских извращений».

Одной из причин быстрого разрушения СССР и отсутствия серьезных массовых выступлений за его сохранение стало отсутствие навыков самоорганизации у советских граждан. Более того, 20 миллионная структура КПСС и многомиллионная армия ВЛКСМ, оказавшись без лидеров и четких команд сверху, также оказались деморализованными и парализованными.

В 1993 г. попытка отстранить от власти разрушителей СССР была осуществлена, но она провалилась во многом потому, что не было веры не только в справедливость и легитимность претензий на приоритет власти конкретно Р.И. Хасбулатова и А. Руцкого, но не было веры в наличие у них справедливой идеологии социализма. Она оказалась дискредитирована и разрушена инициаторами «перестройки» и идеологами «гласности».

Попытки институализировать движения и партии непосредственно под социал-демократическим названием осуществлялись на протяжении всего постсоветского периода становления российской многопартийности. Однако созданная «Социал-демократическая партия России» (СДПР) не смогла достичь каких-либо серьезных результатов во многом вследствие того, что в ней действовали несколько фракций

и имела место постоянная борьба между различными лидерами. Внутренние раздоры, конфликты и разбирательства сопровождали историю СДПР с момента образования и по сегодняшний день. Попытка реанимации идеологии социал-демократии, предпринятая М.С. Горбачевым, также закончилась полным провалом. Фактически история СДПР — это история дискредитации идей «чистой» социал-демократии в постсоветской России.

Не случайно, что две основные политические силы (КПРФ и «Справедливая Россия»), которые сегодня действуют на «левом» партийном фланге, стараются избегать прямых апелляций к традициям и ценностям социал-демократии.

КПРФ позиционирует себя, прежде всего, в качестве правопреемницы КПСС, хотя фактически ее лидеры признали многие ценности мировой социал-демократии (плюрализм собственности, в том числе признают частную собственность; права и свободы, плюрализм мировоззрений, значимость политической конкуренции и т.д.).

«Справедливая Россия» более четко позиционирует себя в качестве социал-демократической партии, но со своей спецификой. Изначально она создавалась как искусственный партийный конструкт в рамках модели «управляемой демократии» и в этой связи имела специфические имиджевые и функциональные характеристики. Прежде всего, они были обусловлены характером генезиса и предназначением партии — целенаправленное создание «левой опоры Президента РФ» в парламенте и политической системе в целом. Отсюда специфическая оппозиционность данной партии — «против чиновников и бюрократов», «против коррупции во власти», «против олигархического капитализма», «против административного ресурса единороссов» и т.д. Но, одновременно, «Справедливая Россия» изначально позиционировала себя как пропрезидентская партия, выступая (так же как и «Единая Россия») политическим инструментом реализации его стратегии.

Выбор для такой партии идеологии социал-демократии был обусловлен потребностью (в рамках стратегии «управляемой демократии») создать определенный противовес КПРФ на левом фланге и своеобразный запасной вариант «партии власти» (так называемая «вторая нога») с возможным стратегическим переходом к двухпартийной (или двух с половиной) партийной системе.

В результате «Справедливая Россия» закрепила в качестве парламентской партии, но серьезных успехов на выборах депутатов Государственной Думы не достигла:

- 2007 г. — 7,74% — 38 мандатов;
- 2011 г. — 13,24% — 64 мандата;
- 2016 г. — 6,22% — 23 мандата (16+7).

Среди причин низкой результативности «Справедливой России» можно выделить, прежде всего, отмеченную выше дискредитированность идей «чистой» социал-демократии в постсоветской России, которая косвенно сказывается и на восприятии «Справедливой России». Кроме высокой конкуренции на «левом» фланге, среди причин невысокой популярности можно отметить также искусственность происхождения «Справедливой России». «Родимые пятна» вспомогательного предназначения партии по сей день являются достаточно очевидными для значительной части российского электората и негативно сказываются на мотивах голосования за справедливороссов. Кроме того, недостаток организационных и информационных ресурсов дополняется дефицитом ярких федеральных и региональных лидеров. Не способствуют повышению рейтинга партии периодически проявляющиеся внутривнутрипартийные конфликты в «Справедливой России» (Д. Гудков, А. Митрофанов, И. Пономарев и др.).

Таким образом, отсутствие идеологической четкости в обосновании образа будущего России, очевидная для российских граждан имитация оппозиционности «Справедливой России», непоследовательность и избирательность ее проявления, неизбежно ставят вопрос о шаткости ее сохранения в качестве ведущего политического субъекта.

В этой связи актуальным становится вопрос о перспективах усиления КПРФ и постепенного вытеснения «Справедливой России» из числа политических «тяжеловесов». Определенные предпосылки для реализации данного варианта развития событий действительно прослеживаются. К ним можно отнести укрепление в последние годы общего позитивного социально-политического контекста в отношении СССР и социалистического опыта, во многом обусловленное публичным позиционированием первых лиц государства. Среди левых партий более всего от этого выигрывают представители КПРФ, как правопреемники КПСС. В результате имеет место определенная

тенденция к омоложению электората КПРФ. Кроме того, важное значение имеет уменьшение остроты противостояния КПРФ и других политических сил в современной России, когда коммунисты воспринимаются населением как системная политическая оппозиция.

Вместе с тем, есть несколько обстоятельств, которые объективно препятствуют реализации такого варианта. Важную роль играет наличие сильного антиобраза КПРФ, именно как правопреемницы КПСС, также как и наличие антиобраза советского наследия в целом. Для значительной части демократически ориентированных избирателей данные антиобразы являются важнейшими мотивами для позиционирования своей партийно-идеологической поддержки на выборах. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов наличие достаточно устойчивого ядра социал-демократического электората в современной России, которое стабильно голосует за «Справедливую Россию» по идеологическим мотивам, независимо от качества проведенной справедливороссами предвыборной кампании. Немаловажную роль играет также заинтересованность действующей власти в конкуренции на «левом» фланге и в наличии предсказуемой социал-демократической силы, оппозиционность которой не выходит за обозначенные ею самой рамки и не угрожает стабильности политической системы современной России.

Поэтому, краткосрочный прогноз позволяет предположить сохранение status quo в позиционировании КПРФ и «Справедливой России», а также в соотношении результатов на выборах. Фактически в ближайшее время нет предпосылок для создания единой социал-демократической партии.

Тем не менее, можно спрогнозировать, что уже в среднесрочной перспективе (например, после следующих выборов в Государственную Думу) объективно встанет вопрос о целесообразности концентрации политических ресурсов в борьбе за российский левый электорат. Соответственно будет инициировано обсуждение возможностей и вариантов объединения «Справедливой России» и КПРФ. Можно предположить, что через 10–15 лет в России останется одна сильная левоцентристская партия. Ее создание станет возможным, когда российские граждане забудут предательство М.С. Горбачева в отношении СССР, когда на место коммунистических идей (во многом носящих характер ностальгии по временам СССР) придет реальная социал-

демократическая программа альтернативного развития страны на основе защиты людей труда, на основе реального реформатирования страны в социальное государство, на основе справедливого перераспределения ресурсов в интересах большинства, на основе их концентрации на прорывных направлениях в сфере науки, образования, высокотехнологичных производств и т.д.

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация: в статье анализируются некоторые актуальные теоретические аспекты интерпретации российской либеральной традиции. Анализируются специфические особенности эволюции либеральной политики на рубеже XIX–XX вв. и рассматриваются перспективные методологические подходы к решению проблемы создания непротиворечивой типологии русского либерализма.

Ключевые слова: либерализм, идеология, политический дискурс, революция, историческая традиция, социальный утопизм, демократия.

История формирования и эволюции либеральных идей и политики в России является чрезвычайно поучительной в том плане, что именно в рамках данного направления свойственные всем российским идеологиям утопические настроения и иллюзии отличались особым драматизмом: неоднократно приближаясь к тому порогу, когда идея становится реальностью, либерализм снова и снова терпел позорное поражение от своих более удачливых идеологических и политических конкурентов и обрекал себя на весьма жалкую роль эфемерной оппозиции. Конкретные исторические обстоятельства и формы, в которые облакался крах отечественной либеральной политики, свидетельствовали также о том, что сформировавшийся на протяжении XIX и XX столетий «либеральный интернационал» и его лидеры, игравшие ключевую роль в идеологическом и политическом дискурсах Западной Европы и США, никогда не были склонны преодолеть собственные русофобские предрассудки, глобальные пре-

тензии вкупе с региональным эгоизмом и оказать своим российским единомышленникам реальную и действенную поддержку.

В XX веке российский либерализм дважды скомпрометировал себя настолько, что в ближайшей перспективе надежды на возрождение либеральной идеи практически не остается. Современный отечественный книжный рынок буквально наводнен публикациями, авторы которых подробно и иногда вполне доказательно разъясняют читающей публике причины исторического поражения либерализма и не без основания рассчитывают на понимание с ее стороны¹.

И действительно! Февральская революция 1917 г. оказалась прологом гибели Российской империи. Независимо от того, принимают современные ученые версию «масонского заговора» или нет, большинство из них уверены в том, что именно думские либералы, совершив вместе с перешедшими на их сторону царскими генералами государственный переворот на заключительной стадии самой кровавой и ожесточенной из войн, известных в то время в мировой истории, фактически «выпустили джина из бутылки», не смогли овладеть ситуацией и отправили ко дну государственный корабль. Вступление США в войну на стороне Антанты гарантировало победу союзников над Германией и Австро-Венгрией и без российской помощи. Франция и Великобритания — тогдашние оплоты либеральной культуры и ценностей — были, конечно, заинтересованы не в развитии свободы в «новой демократической России», но исключительно в продолжении ее участия в военных действиях «до победного конца». Но именно этого Временное правительство как раз и не могло обеспечить. Имперские германские политики и генералитет, сделав ставку на дестабилизацию положения в России с помощью радикальных социалистов, эту партию выиграли, ненадолго отсрочив собственное неминуемое поражение. Встав на путь политики национальной измены и военной катастрофы, российские либералы лишний раз продемонстрировали

¹ См.: *Бенуа А. де. Против либерализма (к Четвертой политической теории)*. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009; *Бергер М., Проскурнина О. Крест Чубайса*. М.: КоЛибри, 2008; *Добреньков В.И. О крахе либерализма в России. Письмо противникам президента В.В. Путина*. М.: ООО «МАКС-Пресс», 2004; *Квачков В.В. Кто правит Россией?* М.: Алгоритм, 2013; *Крепость Россия: Прощание с либерализмом: Сб. ст.* М.: Язуа, Эксмо, 2005; *Рормозер Г. Кризис либерализма*. М.: ИФРАН, 1996; *Самир Амин. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира*. М.: Европа, 2007.

полнейшее пренебрежение к двум основам образа мысли и действий, которыми всегда руководствовался Петр Великий: «это — неослабное чувство долга и вечно напряженная мысль об общем благе отечества, в служении которому и состоит этот долг»¹, а также отсутствие внимания к идеям крупнейших представителей русской либеральной культуры, прежде всего, Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина, учениками которых они себя постоянно именовали.

В августе 1917 г. Н.А. Бердяев в статье «Кто виноват?» следующим образом характеризовал либеральную политику: «Мы получили Россию от старой власти в ужасном виде, больную и истерзанную, и привели ее в еще худшее состояние. После переворота произошло не выздоровление, а развитие болезни, прогрессирующее ухудшение положения России. Не новая жизнь раскрывается и расцветает, а старая жизнь, окончательно распутившаяся, гниет. Если сознание долга всегда было слабо в России, то сейчас оно окончательно исчезло. Где же искать виновника? Почему так дурно протекает революция, почему разложение в ней возобладало над созиданием, почему таит она в себе семя неотвратимой, быть может, безобразной реакции?... К сожалению, в русском культурном обществе, либеральном и просвещенном, нет той силы духа и той горячей веры, которые могли бы спасти Россию от беснования. Чисто либеральные идеи — тепло-прохладные идеи, в них нет огня. И нужно правду сказать: если русские революционные круги исповедовали нигилизм, то русские либеральные круги исповедовали довольно поверхностное просветительство и поверхностный позитивизм, которые также разлагают духовную жизнь и подрывают веру в духовные реальности. Бескрылый русский либерализм сделался национально настроенным лишь во время войны, и революция укрепила его в этой настроенности. Но национальная идея не имеет в нем глубоких корней, для русских либералов в массе патриотизм есть вопрос политической тактики. Они патриоты через силу»².

«Либеральная революция», развернувшаяся в начале 1990-х гг. и вновь приведшая российское государство к экономической ката-

¹ Ключевский В.О. Петр Великий среди своих сотрудников // Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. VIII. Статьи / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. С. 376.

² Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М: Астрель, 2007. С. 611–612, 616–617.

строфе, осуществлялась под лозунгом целенаправленного развала «советской тоталитарной империи», сразу оживив самые худшие подозрения и ассоциации относительно традиционного схематизма, инертности, теоретической бездарности и практического бессилия отечественных либеральных группировок, крикливо заявлявших о себе в этот период. В отечественной научной литературе постоянно витает вопрос — возможно ли рассматривать «либеральную революцию» в России как движение, направленное на восстановление политических и культурных традиций досоветского времени и, в конечном итоге, укрепления и дальнейшего развития экономической и военной мощи страны? Отрицательный ответ на этот вопрос связан не только с тем, крайне знаменательным, фактом, что эта революция началась с целенаправленного развала российской государственности. Но ведь пришедшие к власти в начале 1990-х гг. либералы выдвинули идею возврата страны в мировую цивилизацию! Однако с самого начала этот лозунг был насквозь антиисторичен и имел весьма специфическую идеологическую нагрузку.

При всех особенностях исторической судьбы, например, традиционную конфронтацию с Западом, имперская Россия, особенно в конце XVIII — начале XIX вв., становится органической составной частью европейской экономической и политической системы. Во второй половине XIX в. об этом свидетельствовали в равной степени и бурное развитие капиталистических отношений в пореформенный период, и система финансовых и военных альянсов между Российской империей и западными странами на рубеже XIX–XX вв. (например, знаменитый французский заем, позволивший царской России стабилизировать финансовую систему и справиться с первой революционной волной, вступление в Антанту и т.д.). Если бы не Октябрь 1917 г., Россия, оказавшись в числе стран-победительниц в первой мировой войне, не только укрепила бы свои геополитические позиции, но и имела бы все шансы без революционных потрясений превратиться за короткий исторический промежуток времени в равного партнера любой великой державы, постепенно проводя экономическую модернизацию и политические реформы. После 1917 г., противопоставив себя Западу в качестве бастиона «мировой революции», советская Россия, тем не менее, вскоре вновь стала восстанавливать традиционные торговые и экономические связи с западными партне-

рами, хотя и всегда рассматривалась последними как потенциальный агрессор и источник социальных смут. Победа во второй мировой войне и превращение СССР в мировую сверхдержаву, естественно, усилили и процесс его интеграции в мировую экономику, хотя отношение к нему западных стран как к очагу «коммунистической угрозы» в идеологическом плане не изменялось.

Лозунги, выдвинутые российскими либералами, имели, следовательно, иную акцентировку, связанную с планом коренного изменения алгоритма экономического и политического развития страны на основе внедрения западных реформаторских рецептов и программ.

В свое время Октябрьская революция весьма рельефно выявила *утопический характер* либеральной программы тех политических партий, которые пришли к власти в феврале 1917 г. «Утопии, — отмечал Н.А. Бердяев, — плохо знали или забыли и слишком вздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления. Большевиков считали у нас утопистами, далекими от реальных жизненных процессов, реалистами же считали кадетов. Опыт жизни научает обратному. Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о правах и свободах человека и гражданина в русских условиях. Бессмысленные мечтания, неправдоподобные утопии! Большевики оказались настоящими реалистами, они осуществляли наиболее возможное, действовали в направлении наименьшего сопротивления, они были минималистами, а не максималистами. Они приспосаблились к интересам масс, к инстинктам масс, к русским традициям властвования. Утопии осуществимы, они осуществимее того, что представлялось “реальной политикой” и что было лишь рационалистическим расчетом кабинетных людей»¹.

В чем состояли интересы и инстинкты народных масс России, было прекрасно определено тем же Бердяевым: «Буржуазная идеология никогда не имела у нас силы и не владела русскими сердцами. У нас никогда не было идейно приличного обоснования прав буржу-

¹ Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: СП Интерпринт, 1990. С. 70–71; ср.: С. 37.

азных классов и буржуазного строя. Буржуазный строй у нас, в сущности, почти считали грехом, — не только революционеры-социалисты, но и славянофилы и русские религиозные люди, и все русские писатели, даже сама русская буржуазия, всегда чувствовавшая себя нравственно униженной. И европейского буржуа нельзя противопоставить русскому коммунисту. По духовному складу русского народа, русского человека так нельзя победить коммунизм, нельзя победить его буржуазными идеями и буржуазным строем. Такова Россия, таково призвание русского народа в мире»¹.

За десятилетия советской власти эти инстинкты были прочно закреплены на идеологическом уровне и в повседневной практике. Тем самым усиливалась основа российского консервативного традиционализма, были сформированы экономические, социально-политические и психологические условия обеспечения преемственности с глубинными традициями российской политической культуры. В начале 1990-х гг. этим традициям был вновь брошен вызов, причем в тот исторический момент, который оказался чрезвычайно благоприятным для выдвижения альтернативной программы: российское государство переживало глубокий кризис ценностей, вызванный полной дезориентацией общественного сознания, которая стала закономерным результатом краха инициированной Горбачевым «перестройки».

Пришедшие ему на смену либералы столь рьяно взялись за дело, что у чересчур наивных любителей внешних аналогий, наблюдавших за ускоренным созданием в посткоммунистической России либерального общества, так сказать, ударными темпами в полном соответствии с большевистским лозунгом — «пятилетку в три года!», — вполне мог возникнуть и такой вопрос: а не владело ли ими желание взять реванш за свое историческое поражение в 1917 г.? На наш взгляд, для такой аналогии между политикой либералов в начале и в конце XX в. имеется только одно реальное основание: их правление в обоих случаях ставило российскую государственность на грань катастрофы, которой в начале XXI века, к счастью, удалось избежать.

Разработанная российскими «отцами-приватизаторами» в тесном контакте с сотрудниками Гарвардского университета и американскими советниками типа Дж. Сакса, М. Бернштама и др. программа

¹ Там же. С. 51.

экономических реформ внешне основывалась на ультралиберальных идеях, составлявших основу неоконсервативной политики правительств М. Тэтчер и Р. Рейгана¹. В результате проведенной правительством Е. Гайдара «шоковой терапии» «за пять лет Россия из великой державы превратилась во второразрядное государство со всеми типичными чертами колониальной зависимости и слаборазвитой экономикой: половина производимого сырья экспортировалась, большая часть внутреннего рынка, оказалась захвачена импортными товарами, в структуре производства и инвестиций доминировали сырьевые отрасли, уровень расходов на науку стали соответствовать среднеафриканскому, продолжительность жизни населения была не выше, чем в большинстве слаборазвитых стран»². Сопоставление жизненного уровня различных слоев населения свидетельствовало: если в 1991 г. соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных слоев населения составляло 4.5:1, то в январе-апреле 1997 г. — 12.4:1. Если в январе-апреле 1997 г. на долю 10% богатых приходилось 32,9% денежных доходов (в январе—апреле 1996 г. — 2,2%), то на долю 10% пауперов — 2,6%. Если в 1992 г. уровень заработной платы высокооплачиваемых слоев (около 10%) составлял 16:1 к заработной плате остального населения, в 1993 г. — 26:1, то в 1995 г., по данным Министерства экономики РФ, он повысился до 29:1³.

Возникает естественный вопрос: в какой мере политическая философия либерализма разделяет вину либералов-политиков, тщетно пытавшихся в различные исторические эпохи применить ее в России на практике? Или же для нашей страны будет вечно актуален «самый большой парадокс в судьбе России», чрезвычайно метко охарактеризованный Н.А. Бердяевым: «либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году...», а «коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»?⁴.

¹ См.: Сакс Д. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1995.

² Глазьев С. Оглянитесь на Россию. Открытое письмо президенту // Новый Петербург. 1996. 21 июня. № 24. С.1–2.

³ Советская Россия. 1997. 3 июля. С. 3.

⁴ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 93.

Ответ на поставленные выше вопросы может быть получен, например, путем сравнения России и современных цивилизованных стран, прошедших период индустриальной модернизации и вступивших на рубеже XX–XXI вв. в постиндустриальную эру. И в Великобритании, ставшей в XIX в. своеобразной лабораторией, в которой принципы либерализма успешно прошли историческую проверку, и во многих западноевропейских странах, а также в США повсеместно распространено убеждение, что именно эти принципы лежат в основе как экономической эффективности, так и стабильности демократических институтов и системы административного управления. Соответственно, в случае если программа либерализации экономики и политической системы терпит неудачу, как это случилось в посткоммунистической России, возникающие в общественном сознании различные варианты анализа причин неэффективности либерализма во многом определяются идеологическими предпочтениями участников многочисленных дискуссий. Однако все существующие на данный момент способы объяснения сводятся к двум основным: либо либеральные принципы не являются универсальными, либо исторические особенности социально-политического и экономического развития страны («русский путь») и сформировавшаяся в специфических условиях ментальность россиян исключают возможность их реализации в ближайшей перспективе.

При этом большинство сторонников второго варианта — как ученые, так и практические политики — постоянно выделяют в качестве главного довода отсутствие в России правовой культуры, который был всесторонне обоснован еще в начале XX века авторами сборника «Вехи». Например, А. Валицкий в своей книге «Философия права русского либерализма» считает этот довод решающим: «Окончание работы над книгой, — отмечает он, — совпало во времени с избранием на пост генерального секретаря КПСС Михаила Горбачева. В конце 1986 г. я уже видел основания для надежды, что политика нового лидера ускорит запоздалый, но неотвратимый процесс детоталитаризации СССР, что приведет, в свою очередь, к демонтажу “реального социализма” и отказу от легитимизирующей его коммунистической идеологии. Мне хотелось верить, что это может произойти на путях разумной “политики права” (выражение Петражицкого), без опасно-го разжигания политических страстей и тем более хаотического де-

монтажа хозяйственных структур. Из этого видно, что правильное предчувствие “великой перемены” сочеталось у меня с чрезмерным оптимизмом относительно судеб новой, возрожденной России. На самом деле переход России к экономической и политической свободе оказался настолько трудным и разочаровывающим, что само понятие либерализма дискредитировалось в глазах широких слоев населения. Тем более важно подчеркнуть, что лучшие представители русской либеральной традиции никогда не отождествляли либерализм с неограниченной свободой рынка, ослаблением государственности и неконтролируемым ростом социального неравенства. Напротив: они защищали идею центрального места права в либеральной культуре, обосновывали программу превращения России в правовое государство, заботящееся о честности экономического соревнования и стремящееся обеспечить каждому гражданину “право и достойное существование”»¹.

Исторические обусловленные трансформации, происходившие с либерализмом на Западе на протяжении, по крайней мере, трех последних веков, имеют принципиально важное значение для современных исследователей российского либерализма, прежде всего, потому, что многие охарактеризованные выше линии эволюции либеральной и антилиберальной традиций воспроизводились в России на том же витке исторической спирали, одновременно демонстрируя ярко выраженную историческую специфику. Одна из важнейших особенностей российского идеологического дискурса состояла в том, что его эволюция зачастую выглядит как наглядное опровержение знаменитого тезиса К. Маннгейма, сформулированного им в своей известной работе «Идеология и утопия»: «Консервативное мышление не склонялось... к созданию идей. В эту сферу борьбы его едва ли не насильно ввел его либеральный противник. Своеобразие духовного развития как будто и состоит именно в том, что темп и форму борьбы диктует противник, выступивший последним. Конечно, дело обстоит совсем не так, как это стремится доказать “прогрессивное мышление”, согласно которому право на существование имеет лишь новое, а все остальное постепенно отмирает, в действительности же под воздействием нового старое должно

¹ Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. С. 21.

постепенно преобразаться и приспособливаться к уровню своего последнего противника»¹.

В России, напротив, либерализм в XVIII–XX вв. развивался именно как ответная реакция на нападки со стороны более мощных консервативных, а в дальнейшем и социалистических конкурентов и противников. К началу XX в. существенное отличие России от Западной Европы и США заключалось в том, что процесс формирования политических партий в эпоху первой русской революции во многом определялся политическими радикалами: ультра-революционной тактике левого крыла РСДРП и эсеров противостоял Союз русского народа, лидеры которого апеллировали к самодержавию как единственному центру силы, способному справиться с «марксистскими смутьянами» и с руководителями «масонского заговора», верховодящими в Государственной Думе. В этих условиях идеи и политика российских либеральных партий, направленная на создание в России конституционного режима, выглядела визионерской и, как и предсказывал Макс Вебер в знаменитой переписке с русскими либералами, была заранее обречена на провал, если только они не переходили на более консервативные позиции. «Чем более социалистическим становился радикализм в России, — отмечает К. фон Бейме в работе «Политические теории в России», — тем больше либералы ориентировались в направлении консерватизма. “Либеральный консерватизм” (“*Liberal-Konservatismus*”), — продолжает он, — был излюбленной самохарактеристикой (*Selbstbeschreibung*) для этой концепции от Чичерина до Струве. В условиях все более стужавшейся автократии консерватизм-статус кво (*ein Status-quo-Konservatismus*) не мог иметь успех. Даже консерватизм становился оппозиционным по мере того, как он все больше проникался намерением быть романтически-славянофильским и по большей части отчужденным от государства. Поэтому в рамках такой системы либеральные консерваторы должны были брать на себя функцию консерватизма. Струве однажды заметил, что русский народ слишком долго топтался на месте, чтобы позволить себе быть консервативным»².

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 195.

² *Beyme K. von. Politische Theorien in Russland. 1789–1945. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2001. S. 55.*

На наш взгляд, все эти обстоятельства до сих пор не способствовали внесению ясности в понимание того, что собой представляет либерализм на русской почве, но, наоборот, создавали дополнительные трудности в решении принципиально важного вопроса: «Одно из двух: или Россия в самом деле такая страна, что в ней все делается на выворот, или в самой оценке занимающего нас факта есть какая-нибудь фальшь»¹.

Учитывая приведенные выше доводы, в настоящее время можно наметить только общие теоретические контуры, образующие в перспективе непротиворечивую и научно обоснованную типологию отечественного либерализма.

Библиография

1. Бенуа А. де. Против либерализма (к Четвертой политической теории). СПб.: Амфора; ГИД Амфора, 2009. 476 с.
2. Бергер М., Проскурнина О. Крест Чубайса. М.: КоЛибри, 2008. 448 с.
3. Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: СП Интерпринт, 1990. 82 с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М: Наука, 1990. 223 с.
5. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М: Астрель, 2007.
6. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 566 с.
7. Глазьев С. Оглянитесь на Россию. Открытое письмо президенту // Новый Петербург. 1996. 21 июня. № 24. С. 1–2.
8. Градовский А.Д. Реформы и народность // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 6. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С. 353–374.
9. Добренчиков В.И. О крахе либерализма в России. Письмо противникам президента В.В. Путина. М.: ООО «МАКС-Пресс», 2004. 20 с.
10. Квачков В.В. Кто правит Россией? М.: Алгоритм, 2013. 336 с.
11. Ключевский В.О. Петр Великий среди своих сотрудников // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. VIII. Статьи / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. С. 375–408.
12. Крепость Россия: Прощание с либерализмом: Сб. статей. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 192 с.
13. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.
14. Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: ИФРАН, 1996. 292 с.
15. Самир Амин. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007. 168 с.
16. Сакс Д. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1995. 331 с.
17. Веуте К. von. Politische Theorien in Russland. 1789–1945. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2001. 213 S.

¹ Градовский А.Д. Реформы и народность // Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 6. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С. 354.

ДЕРГУНОВА НИНА ВЛАДИМИРОВНА

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ЗА ГРАНИЦЕЙ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Аннотация: Россия в XX — начале XXI вв. пережила несколько волн эмиграции.

Русские за рубежом продемонстрировали разные модели отношения к своей родине. В статье сравниваются способы воспроизводства русской этнокультурной идентичности молодежью белой эмиграции и выпускниками российских вузов, эмигрировавших за пределы родины в начале XXI в.

Ключевые слова: русская культура, воспроизводство, мотивация сохранения этнокультурной идентичности, формы деятельности, молодежь.

Русский мир включает в себя два базовых элемента — Россию и русское зарубежье. Отношения между составляющими Русского мира долгое время были прохладными, особенно в советские годы. Осознание важности русского зарубежья произошло в нашей стране лишь в 90-е годы XX века. Сегодня проведение эффективной диаспоральной политики, взаимодействие с соотечественниками, поддержка и защита их прав определено в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации.

В настоящее время перед Россией стоит острая проблема сохранения культуры в эмиграции, консолидации диаспоры. Сохранение сегодня «Русского мира» является достаточно проблематичным, так как представители разных волн эмиграции имеют разные ценности. Первые три волны эмиграции не принимают советский период в культуре, ими он рассматривается как попытка уничтожения русской культуры, поэтому они к ней принадлежать не могут. При этом для последней волны эмиграции советский период органически вписывается в непрерывную культурную традицию. Основная проблема формирования и сохранения единого пространства «русского мира» заключается в преодолении «культурного неравенства» между различными группами соотечественников и создании единой ценностной системы.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-01044-а1.

Создание единых точек соприкосновения разных представителей эмиграции: потомков первых волн, современных эмигрантов и тех, кто оказался в эмиграции путем изменения границ государств (распад СССР), остается сложной задачей, и не возможно без знания факторов, которые оказывают влияние на сохранение «русскости».

Российская эмиграция первой волны (1920-е годы), оказавшись оторванной от Родины, во многом не по собственной воле, старалась сохранить то культурное наследие, которым она обладала: русский язык, русские школы, традиции русских праздников — все это она хранила бережно. И что немало важно, транслировала и воспроизводила в среде потомков. Для них Россия всегда была и остается Родиной (даже для их потомков, которые родились и выросли за рубежом).

Политологи представляют массовый выезд из России как прямое следствие политики осуществляемой властями российского государства. Ими разрабатываются следующие вопросы: роль государства в процессе контроля над эмиграцией, воздействие выезда населения на институт гражданства, внешнюю политику и национальную безопасность¹. Однако российскую эмиграцию рассматривают не только как поведенческий акт, но и как этический поступок. Например, сущность эмиграции, с этической точки зрения, может отождествляться и с предательством Родины, и со спасением за рубежом истинной культуры России². В обоих случаях речь идет об определенной мифологизации явления в целом и его результатов в частности. Достаточно часто российская эмиграция рассматривается как способ самозащиты личности — противостояние государству³.

¹ Боровик М.А., Шемберко Л.В. Европейский вектор современной российской эмиграции: проблемы безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2005. Вып. 15. С. 14–20; Миграция и безопасность России / Под ред. Г.С.Витковской и С.А.Панарина. М., 2000 и др.

² См., в частности: Комин В.В., Червякова М.М. История российской революционной эмиграции: учеб. пособие. Калинин, 1985. 88 с.; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. 272 с.; Федотов А.С. Российская эмиграция и русское зарубежье. (К вопросу о дефинициях) // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Тез. докл. науч. конф. М., 1993. С. 5–8; Хрисанфов В.И. Культурная жизнь Русского Зарубежья 1920-х гг.: Итоги и перспективы изучения // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Тез. докл. науч. конф. М., 1993. С. 10–14.

³ Коханова А.В. Нравственный опыт русской эмиграции первой волны. (Аспект свободы): Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2003.

Российская эмиграция 20–30-х годов XX века была вынуждена, с одной стороны, смотреть в будущее и принимать в его устройстве непосредственное участие, а с другой стороны, чтить память прошлого и хранить достояния культуры и истории Родины. Память эмиграции была активной, она воссоздавала образ Родины за рубежом. Образовательные, научные учреждения, общественные организации, молодежные кружки воспроизводили ту атмосферу, которая царила в них в дореволюционной России. Российская эмиграция первой волны носила традиционные черты диаспорального сообщества, покинувших свою родину, но сохранивших при этом осознание собственной коллективной культурной идентичности, желание культивировать ее на новом месте.

Активная часть эмиграции старалась сохранить исторические корни, традиции и русский язык, обеспечить преемственность между поколениями. «Русская эмиграция не могла и не хотела идентифицировать себя ни с Советской Россией, ни с Западом, поэтому она постоянно оказывалась в опасности утратить свой язык, символы и ценности, а, следовательно — национальную историю и культуру»¹.

Желание эмигрантов сохранить преемственность национальных традиций в инокультурной среде проявилось в создании за рубежом русских школ, культурных центров. Особо острой проблемой для педагогов был вопрос национального воспитания, создание условий для приостановления процесса денационализации и утраты «русскости». Проблема сохранения культурной идентичности в среде русских эмигрантов в рассматриваемый период находилась под влиянием нескольких факторов: (1) взросление привезенных за рубеж, в чужую страну детей в новых культурных условиях: когда человек проживает за границей с детского возраста, именно там происходит его становление и социализация, и коренные изменения невозможно предотвратить; (2) отсутствие стремления у большинства взрослого населения эмигрантской общины сохранять историческое прошлое России и передавать знания своим детям с целью формирования позитивного образа Родины; (3) скептическое отношение молодежи к предложениям старшего поколения, во многом виновного, по мне-

¹ Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социокультурный феномен // Мир России. 1997. № 3. С. 162.

нию младшего поколения, в событиях 1917–1922 годов¹. Разочарование в поколении «отцов» толкало молодежь к созданию своих организаций или же к стремлению быстрее адаптироваться в эмиграции. Школа выступала способом сохранения национально-культурной гомогенности эмиграции.

Одной из форм передачи исторической преемственности и сохранения национально-культурной идентичности стало возрождение кадетских корпусов, которые в дореволюционной России служили кадровым потенциалом императорской армии. До революции 1917 года в России был 31 кадетский корпус, включая Пажеский и Морской корпуса, которые были на особом положении. Образовательная система была построена таким образом, чтобы после окончания корпуса кадеты обладали всеми образовательными, культурными и военными навыками для дальнейшего поступления в военные учебные заведения.

Эмиграция выпускников российских вузов за рубеж с 90-х годов XX века стала постоянным явлением современной жизни. Образовательный капитал на сегодняшний момент является одним из основных факторов эмиграции выпускников российских провинциальных вузов.

Создание высшей школой условий социальной мобильности актуализирует проблему сохранения эмигрантами своей этнокультурной идентичности и позитивного отношения к российскому государству. В течение 2015–2016 годов нами был проведен ряд полевых социологических исследований (фокус-группы, формализованные интервью, он-лайн-интервью) с выпускниками российских вузов, проживающими за рубежом.

Среди респондентов основную часть составили бакалавры (21%) и специалисты (67%) гуманитарного (35%) и экономического (25%) направлений подготовки. География вузов очень широка: это 26 городов России от Калининграда до вузов Красноярска и Новосибирска, включая Москву и Санкт-Петербург. Среди причин, побудивших к эмиграции из России, доминируют «поиск лучшей жизни» (32%) и

¹ *Климович Л.В.* Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20–30-е гг. XX века (на материалах Русской средней школы-гимназии в Париже) / Л.В. Климович // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 138

«неудовлетворенность полученным образованием» (19%). Сугубо материальные причины были названы 20% респондентов (материальные причины — 14%, социальная незащищенность — 6%). По совокупности данных параметров можно сделать вывод, что в основном эмигрируют выпускники вузов из семей среднего класса страны. Неприятие политического режима России как причина выезда была названа лишь 4% респондентов.

Основной возраст выезда за рубеж: от 18 до 27 лет. От 18 до 22 лет — 45%, от 23 до 27 лет — 40%, в возрасте 28–32 лет — 10%. Таким образом, практически каждый второй выпускник вуза выезжает после нескольких лет работы в России. Видимо, не сумев реализовать себя, молодые люди начинают выбирать путь эмиграции из страны.

В стране проживания только 21% молодых специалистов не работает и живет на деньги родителей, остальные стараются сами себя обеспечивать. До переезда за границу подавляющее количество респондентов (87%) имело опыт межкультурного общения при выезде за границу, в настоящее время российские мигранты имеют очень хороший уровень знания языка страны проживания. В этнокультурном отношении почти 70% респондентов считают себя русскими, гражданами России. Не ощущают потребности разговаривать на родном языке 27% опрошенных. Однако почти 90% участников опроса интересуются событиями, происходящими в России. При этом наши мигранты практически в одинаковой степени доверяют как российским (средний балл 2,89 из 5 возможных), так и иностранным источникам информации (средний балл 2,75). Наибольшее доверие вызывают официальные СМИ (средний балл — 2,92).

Российская молодежь за рубежом адаптирована к поликультурной среде и довольно легко вступает в контакты с представителями разных этнокультурных групп. 44% респондентов ответили, что больше всего общаются с иностранцами, 25% — в основном с русскоязычными (не обязательно русскими), 22% респондентов ответили, что общаются со всеми, с кем приходится сталкиваться в жизни.

Социокультурная идентичность индивида — одна из его основных комплексных характеристик, является весьма многогранным явлением. Идентичность отражает процесс сохранения качеств сходства и различия индивида неизменными на протяжении определенного времени. Структура социокультурной идентичности включает

в себя: государственную, гражданскую (государственно-гражданскую), культурную, религиозную, этническую составляющие¹. Нас интересовало в исследовании — происходит ли при эмиграции актуализация этнокультурной идентичности выходцев из России, молодых выпускников. Этническая идентичность — трактуется нами как сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений.

Респондентам был задан вопрос — ощущают ли они потребность в русском языке? Отрицательный ответ дали более четверти респондентов (27%). 47% хотели бы постоянно иметь возможность общаться на русском языке. Остальные ответы свидетельствовали о том, что русский язык уходит из постоянного общения, уходит в очень личную сферу. Учитывая, что общение на русском языке не дает преимуществ при адаптации в инокультурной среде, желание практически каждого второго общаться на родном языке, на наш взгляд, свидетельствует о достаточно глубокой сформированности русской этнокультурной идентичности российской молодежи.

Из праздников, наша молодежь за границей больше всего отмечает российско-советские праздники: Новый год (89%), 8 Марта (52%), 9 Мая (31%), 23 февраля (27%). В меньшей степени помнит и празднует традиционные православно-русские даты: православную Пасху (38%), Масленицу (30%). Русскоязычную литературу читают весьма умеренно. Большинство респондентов (52%) дали ответ, что читает в год от 3 до 10 книг на русском языке.

Любой вид идентичности личности включает в себя когнитивный, деятельностный и эмоционально-чувственный компоненты². Респондентам был задан открытый вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда слышите русскую речь, русскую народную музыку, песни русских исполнителей за рубежом?»

Положительные эмоции и переживания испытывает 54% респондентов. Это «радость, гордость, любовь к России» — 31 ответ, «вол-

¹ Дробижева Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 74–84.

² Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

нение, ностальгия, вспоминаю прошлое» — 13 ответов, «близость к России, русской культуре, к «своим» — 10 ответов. Остальные респонденты дали отрицательные ответы: негативные эмоции, никаких особых чувств не испытываю, обычное дело, зависит от обстоятельств (что слышу, где слышу и т.д.).

Еще меньше проявляется деятельностный компонент этнокультурной идентичности. Лишь 27% респондентов (5% — часто и 22% — иногда) посещали культурные мероприятия русской диаспоры в местах их проживания. Две три респондентов не планируют возвращаться на свою родину.

На вопрос «Кем вы себя ощущаете в данный момент по национально культурному признаку?», около 70% ответило «русским, гражданином России». Однако остальные 30% либо затруднились определить свою идентичность (5,7%), либо отметили возникшую свою этнокультурную амбивалентность — «гражданин двух стран, космополит, нечто другое».

Представленные данные позволяют сделать некоторые выводы об уровне сформированности этнокультурной идентичности русских у молодых выпускников российских вузов. В научной литературе выделяют три уровня сформированности социокультурной идентичности: пороговый, средний, глубинный¹.

Поверхностный, самый неглубокий уровень: человек осуществляет процесс социокультурной идентификации в результате работы только когнитивных элементов. В этом случае речь не идет об ощущении неразрывной связи со своим этносом у индивида. На этом чисто внешнем уровне субъект отождествляет себя со своей этнической группой в результате идентификации с формальными признаками: государством, местом проживания, гражданством и т.д. Смысловой конструкт примерно выглядит так: я — русский, потому что живу и родился в России; при этом выбор человека не является глубоко осмысленным, отсутствует эмоционально-чувственный элемент в осознании своей этнической принадлежности. На этом уровне человек не готов к действиям, направленным на подтверждение идентичности в рамках собственной культуры, то есть когнитивный компонент идентификации личности сформировался, а социальные действия нет.

¹ Тучина О.Р. Этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход // SOCIOSPHERA. 2014. № 1. С. 146–149.

На среднем уровне социокультурной идентификации уже подключается эмоциональный слой, работают психические механизмы человека. Этот уровень более глубокий, чем первый, человек считает себя представителем конкретной нации, потому что ощущает неразрывную связь со своим этносом, культурой. Возникает феномен сопереживания, выбор индивида более осмысленный. Примером среднего уровня идентичности может служить следование человеком своим обычаям, традициям. В случае нарушения последних, возникает личностный конфликт. На этом уровне индивид готов к действиям, направленным на подтверждение идентичности, однако они не носят экзистенциального характера, как, например, жертвование собственной жизнью ради Родины. Императивы национальной культуры не становятся на сто процентов для человека своими.

На глубинном уровне социокультурной идентификации человек сливается с национальными и культурными ценностями. При идентификации субъекта со своим этносом, культурой возникает сложный комплекс волевых, чувственных, эмоциональных переживаний, связанных со своей этнической принадлежностью. Изъятие человека из контекста собственной культуры невыносимо для индивида. Основанием культурных смыслов существования человека является императивы родной культуры. На этом уровне человек способен совершать поступки, подтверждающие его установки по национально-культурной идентичности, вплоть до жертвования собственной жизнью. Выбор этнической принадлежности глубоко осмысленный. Примером данного уровня может служить ощущение дискомфорта в инокультурной среде, чувство тоски по Родине даже при недлительных отъездах.

Поскольку наши респонденты выехали за границу и в массе своей не предполагают возвращения на Родину, говорить о сформированности у подавляющего глубинного уровня русской этнокультурной идентичности преждевременно, не подтверждается данными опроса. Конечно, 9% ответило, что обязательно вернуться на Родину. Еще 19% ответило, что «скорее да, чем нет». Но в любом случае это пока еще потенциальное желание вернуться, а не социальные действия по возвращению домой.

Наши данные показывают, что примерно у половины респондентов сформирован средний уровень этнокультурной идентичности:

ощущают себя русскими, имеют выраженное желание говорить на русском языке. Ответы остальной части респондентов (примерно 23–27%) демонстрируют поверхностный уровень этнокультурной идентичности.

Данные исследования также ставили целью изучение тенденций изменения социокультурной и гражданской идентичностей русскоязычной молодежи за рубежом. Выявлены «волновой» характер динамики этнокультурной идентификации на протяжении 8 лет пребывания за границей, описаны четыре модели поведения молодых мигрантов в отношении социокультурной адаптации и сохранения своей этнокультурной идентичности. Исследования показали негативное отношение русскоязычной молодежи к коллективным формам сохранения культурной идентичности, к русской диаспоре более взрослого поколения (50+). Формы сохранения этнокультурной идентичности молодежи носят в большей степени индивидуальный характер, с использованием современных коммуникативных технологий. Большинство респондентов сохранили позитивное отношение к российскому государству, его истории и культуре. Вместе с тем, часть молодых мигрантов высказала неприятие политического режима РФ и связала возможность своего возвращения в Россию с изменением политического режима в стране.

Библиография

1. Дробужева Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 74–84.
2. Дергунова Н.В. Динамика этнокультурной и гражданской идентичности выпускников российских вузов за рубежом // Вестн. Волгogr. ун-та. Сер. 4. История. 2015. № 6 (36). С. 76–80.
3. Климович Л.В., Климович Л.В. Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20–30-е гг. XX века (на материалах Русской средней школы-гимназии в Париже) / Л.В. Климович // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 134–146.
4. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социс. 2006. № 8. С. 25–34.
5. Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социокультурный феномен // Мир России. 1997. № 3. С. 155–184.
6. Тучина О.Р. Этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход // SO-CIOSPHERA. 2014. № 1. С. 146–149.
7. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

ЖИХАРЕВИЧ МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ

ПСКОВСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация: в статье рассматривается проблема востребованности национальных и региональных политических традиций России в качестве исторических оснований построения современного демократического государства. Обращение к истории Пскова приводит к постановке вопроса о векторе развития региональной политической культуры.

Ключевые слова: политическая традиция, региональная политическая культура, гражданские инициативы, актуализация исторического опыта.

Обращение к отечественной политической традиции, к истокам и особенностям тысячелетней политической истории России, эволюционных и революционных изменений ее государственного и общественного устройства представляется весьма актуальным. Ситуация, в которой оказалась наша страна, уже сама по себе формирует практический и исследовательский интерес к тем устоям, благодаря которым в течение веков российское государство не только является жизнеспособным, но и оказывает большое влияние на мировую политику, сохраняя и отстаивая свой суверенитет и культуру. События начала 90-х годов прошлого века, геополитическая катастрофа распада СССР, поставили Россию перед серьезными испытаниями, в которых, как известно, не было недостатка в ее истории. Одна из особенностей того времени — попытка импорта западной демократии в ходе социально-экономических реформ. В контексте обсуждаемой темы хотелось бы обратить внимание на то, что в 90-е годы шла не только политическая, но и теоретическая дискуссия, предметом которой была попытка рассмотреть происходящие изменения в плане их соответствия или несоответствия культурным традициям России. Речь шла о том, что ценностные ориентации россиян имеют истоки в культуре и ментальности, сложившихся на всем протяжении российской истории, включая советское время. Они отличаются от системы демократических ценностей, возникших и утвердившихся на определенном этапе развития западной цивилизации. Говорилось и о существенном отличии в понимании культуры в России и на Западе, о том, что корни российских проблем в значительной степени обусловлены культурой, и идеология реформирования страны должна это обстоятельство учитывать. Подчеркивалось, что социокультур-

ная дистанция связана с различиями в историческом опыте народов, которые обуславливают разные системы культурных ценностей и соответствующих им норм, традиций и обычаев, в том числе политических и правовых. Подчеркивалась большая роль, которую играет ментальность народа. Широко цитировались произведения русских философов и политических мыслителей (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, П.Б. Струве, Л.Н. Тихомирова, Г.П. Федотова и др.), в которых анализируется ряд существенных характеристик российской ментальности и национального характера, а также их влияние на восприятие процесса реформ. Обращалось внимание на такие черты, как повышенная зависимость от лидеров, потребность быть ведомыми, культ личности, вождистская, авторитарная, популистская, харизматическая психология, потребность в опоре на власть и руководство, этатизм и патернализм. При этом подчеркивалось, что регулятором и инициатором общественных установлений и перемен в России всегда было государство. В качестве следствия такого положения вещей отмечалась пассивность и иммобилизм, ограниченность сферы публичной политики. Среди особенностей российской ментальности выделялся ее антирыночный, антикапиталистический характер, эгалитаризм и антииндивидуализм. Отмечались также такие черты, как доверчивость, склонность к поиску социальной справедливости, к самоанализу и рефлексии, гипертрофированная терпеливость¹. Сама по себе позиция авторов 90-х гг. (сформировавшаяся как реакция на неудачи и ошибки реформ того времени) вместе с апелляцией к взглядам выдающихся русских мыслителей прошлого представляется во многом справедливой, но не исчерпывающей. Да, в 90-е гг. идеи демократии заимствовались извне, что привело к известной догматизации ее характеристик, односторонней оценке российского исторического опыта и отрицательно сказалось на реальных политических процессах. Между тем, обращение к российской истории, к русской культуре и ее региональным составляющим дает богатейший материал для размышлений. В России есть традиции, которые могут быть рассмотрены как исторические основания народного самоуправления,

¹ См., напр.: *Крамник В.В.* Имидж реформ: психология и культура перемен в России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 117 с.

построения современного демократического государства. Не о противопоставлении России западным демократиям идет речь, а о тех национальных и региональных политических традициях, опираясь на которые можно и должно совершенствовать современное государственное и общественное устройство. Речь идет, образно выражаясь, о духовном *импортозамещении*.

Обратимся к политической культуре Пскова. В XII веке Псков в результате изменения статуса взаимоотношений с Новгородом стал самоуправляемым. Особенности политической системы средневекового Пскова, отличия псковских порядков от новгородских описаны и проанализированы В.О. Ключевским¹. История Пскова свидетельствует о наличии традиций, способствующих возникновению гражданского общества. «И в Пскове, — пишет В.О. Ключевский, — было влиятельное боярство, образовавшее правительственный класс... И на псковском вече случались острые столкновения простого народа со знатью. Но боярская аристократия в Пскове не вырождается в олигархию; политические столкновения не разрастаются в социальный антагонизм, не зажигают партийной борьбы; обычные тревоги и неровности народных правлений сдерживаются и сглаживаются». Весьма примечательно еще одно утверждение великого русского историка: «И в Псковской земле было развито землевладение земцев и сябров. Но здесь нет следов холопства и полусвободных состояний, подобных новгородским половникам. В этом отношении Псковская область была, может быть, единственным исключением в тогдашней России»².

Политическая система Пскова XIV–XV вв. представляла собой сочетание властных структур и общинного самоуправления на всех управленческих уровнях. Высшим органом самоуправления было вече, организованное собрание городской политической элиты, способное к обсуждению важных вопросов и принятию компетентных решений. Ему подчинялись вечевые собрания городских концов, улиц, пригородов. По своей природе самоуправляемые структуры Пскова были дуалистичны. Они содержали потенциальные возможности саморазвития, как в сторону тупика боярской олигархии, так и

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 / Соч.: В 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. С. 89.

² Там же.

в направлении предпосылок формирования гражданского общества. И хотя в ходе формирования единого национального государства обе возможности были утрачены, сам факт существования второй из них позволяет говорить о наличии в определенном смысле демократического начала в политической культуре того времени. Этот, образно говоря, «зародыш демократии» проявлял себя и последующей историей. Попытка реставрации или введения самоуправленческих начал предпринимались как снизу, в ходе народных восстаний XVII в., так и сверху, в процессе реализации реформаторских усилий А.Л. Ордын-Нащокина, Петра I, Екатерины II, Александра II. Региональная система самоуправления была восстановлена в ходе земской и городской реформ 60–70-х годов XIX века и была разрушена сверху во времена социалистического эксперимента.

Исторический опыт показывает, что лишь опираясь на традиции, можно реализовать шанс создания эффективной и устойчивой демократии, формирования гражданского общества в России и ее регионах. Именно на этом пути существует возможность преодоления авторитарных доминант политической культуры, укоренения в структурах повседневности демократических процедур и ценностей¹.

Изучение региональных политических культур важно не только само по себе, не только как актуализация исторического опыта, но и как инструмент понимания специфики региона. Современный подход к региональной политике предполагает выявление и раскрытию внутреннего потенциала региона, взаимодействие и сотрудничество всех властных уровней между собой и с гражданским обществом. Сама политическая культура региона тоже должна трансформироваться, причем эта трансформация предполагает стимулирование через сознательное воздействие на ее формирование. Разумеется, мы не ставим перед собой невыполнимую задачу — в буквальном смысле через века провести линию эволюции региональной политической культуры от вечевого колокола до современных гражданских инициатив. Но найти общее у этих явлений возможно. И в средневековом Пскове, и в современном субъекте Федерации — Псковской области — можно отметить стремление активной части населения к

¹ Жихаревич М.Е. Формирование гражданской идентичности учителей в процессе повышения квалификации, опыт, проблемы, перспективы//Общественные науки в школе и в жизни. СПб., 2015. С. 403.

участию в обсуждении и решении важных вопросов повседневной жизни и в определении стратегических ориентиров. В развитии и координации деятельности организаций гражданского общества всё более заметную роль играет относительно молодой его институт — региональная Общественная палата.¹

Если мы принимаем точку зрения, согласно которой государство заинтересовано в развитии гражданского общества, то должны создаваться определенные каналы связывания гражданского общества и государства. Главной задачей такого рода механизмов является трансформация частных интересов в общие. Региональная Общественная палата по замыслу и должна являться таким институтом, который способствует вовлечению граждан и их объединений в управление, взаимодействию граждан с органами государственной власти. Это обстоятельство представляется нам весьма существенным в свете того, что существуют различные (иногда прямо противоположные) оценки места и роли Общественной палаты в региональном социуме. Одни называют ее средством эффективного гражданского контроля деятельности государственного аппарата, другие — суррогатом реальной политической конкуренции.

Мы исходим из того, что деятельность Общественной палаты направлена на согласование общественно значимых интересов граждан, институтов гражданского общества, органов государственной власти и местного самоуправления. Средства достижения этих целей обеспечены целым набором законодательно закрепленных прав, которыми обладает Общественная палата. Назовем некоторые из них: выдвижение и поддержка гражданских инициатив; общественная экспертиза проектов законов и нормативных правовых актов; общественный контроль деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, соблюдения свободы слова в СМИ и др. Формы деятельности Общественной палаты также разнообразны — слушания по общественно важным проблемам, заключения о нарушениях законодательства и свободы слова в СМИ, экспертиза законопроектов, общественные расследования и др. То, насколько эффективной может быть деятельность Общественной палаты, зави-

¹ Автор этих строк в 2009–2015 гг. возглавлял Комиссии по развитию гражданского общества, защите прав человека и взаимодействию со СМИ Общественной палаты Псковской области.

сит от многих факторов, из которых наиболее очевидными являются гражданская позиция членов палаты и уровень взаимоотношений с региональной властью.

Поскольку Общественная палата призвана согласовывать интересы граждан, институтов гражданского общества с органами государственной власти и местного самоуправления, она должна артикулировать общий интерес власти, бизнеса и институтов гражданского общества. Артикулируя общие интересы, Общественная палата должна уяснить и свои собственные. Это предполагает изучение мотивов деятельности членов палаты и создание соответствующей системы мотивации. Что касается экспертизы политических и управленческих решений, то в данном вопросе Общественная палата должна стремиться к достижению такого уровня взаимоотношений между властью и обществом, при котором власть, в принципе не обязанная *принимать* рекомендации экспертов, будет, вместе с тем, *обязана объяснять* обществу, почему она эти рекомендации не принимает. Феномен Общественной палаты, ее взаимодействие с государственной и муниципальной властью можно охарактеризовать как одно из направлений трансформации политической культуры региона. И эта трансформация, на мой взгляд, будет тем более успешной, чем в большей степени будет находить опору в исторической политической традиции.

Библиография

1. Жихаревич М.Е. Формирование гражданской идентичности учителей в процессе повышения квалификации, опыт, проблемы, перспективы // Общественные науки в школе и в жизни. СПб., 2015. С. 394–413.
 2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 / Сочинения: В 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. 448 с.
 3. Крамник В.В. Имидж реформ: психология и культура перемен в России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 117 с.
-

ЗАВЕРШИНСКИЙ КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация: в статье рассматриваются методологические возможности политико-антропологического подхода в исследовании российских политических традиций. Автор обосновывает значимость антропологических измерений процесса социального конструирования политических традиций как семантического компонента темпоральной интеграции общества посредством символической репрезентации прошлого в настоящем. Определяющее значение для возникновения политических традиций играет оформление политической памяти, которая «свертывает» представления о прошлом в символические фигуры, которые позволяют новые ситуации распознавать как повторение «прошлой» ситуации и обеспечивает пролонгацию коммуникативного процесса.

Ключевые слова: политико-антропологический подход, политические традиции, политическая память, символические фигурации.

Сложно подвергать сомнению значимость антропологических измерений при изучении проблемы политической преемственности, накопления и ретрансляции опыта политического взаимодействия в политическом пространстве России, поскольку любые дискурсивные способы презентации подобного процесса прямо или опосредовано включают в себя представления о политической природе человека, влияющих как на содержание научных интерпретаций, так и идеологическую легитимацию политических решений политиков. При первом приближении антропологические измерения русской политической традиции достаточно очевидно присутствуют в современной российской политологии, например, в предметной области исследования истории социально-политической мысли России (политико-философских концепций, школ, направлений и идеологических доктрин, мифо-религиозных представлений о природе власти) как отражении процесса преемственности в генезисе, становлении и развитии российской политики. Наиболее очевидна «антропологичность» подобного рода исследований при корреляции политических идей и доктрин русских мыслителей и этнокультурной специфики активности российских политических элит.

Вместе с тем, реализация политико-антропологической исследовательской установки, так или иначе представленной в современных стратегиях изучения национальной политической традиции, продол-

жает, на наш взгляд, оставаться теоретической и методологической проблемой, поскольку существует ряд теоретических и методологических лагун в реконструкции содержания русской политической традиции. В чем специфика методологии исследований российских политических традиций и их теоретических экспликаций в реалиях современных политических коммуникаций, где наблюдается перманентная дифференциация, обновление представлений о способах социального конструирования политической реальности прошлого, сопровождающаяся умножением акторов (символических элит), участвующих в этом процессе? Какие ограничения препятствуют «конвергенции» более традиционных исследований антропологии политического процесса, в частности, в контексте истории социально-политической мысли, с политико-антропологическими исследованиями в современной антропологии политики и культур-социологии? Подобная проблемность при анализе политических традиций стимулирует не только критическое описание российских политических традиций в контексте эволюции дискурса отечественной политической мысли как отражения динамики политического процесса в социокультурном пространстве России, но и способствует артикуляции вопроса о том, что и как превращало (превращает) многообразие политических представлений и знаний в политические традиции.

В отечественной политологической литературе политические традиции часто описываются как относительно устойчивые во времени, укоренившиеся в повседневности политические ценности, нормы политического поведения и обычаи, которые передаются от поколения к поколению и свидетельствуют об их «приверженности» («позитивной» или «негативной») «политическому прошлому» («прошлым» институтам власти и идеологическим стереотипам). Как правило российские политологи, анализирующие антропологическое значение политических традиций в жизни общества, артикулируют проблему их взаимосвязи с политической культурой, рассматривая традицию как специфическую ценностную составляющую («ценностный механизм», «образцы политической деятельности») политико-культурного процесса, обеспечивающую накопление, трансформацию и реализацию политического опыта. При этом нередко вопрос об антропологическом измерении смысла и содержания политических традиций редуцируется к описанию идеологической специфики

представлений о политических качествах «носителей» политических традиций в соответствии с аксиологическими схемами прогрессивное/консервативное или универсальное/партикулярное, лежащими в основе сложившейся типологии и классификации политической мысли Нового времени.

Подобный способ концептуализации феномена политической традиции, не умаляя его академической значимости, представляется все же односторонним, поскольку ценности, ценностные обоснования в современных коммуникациях в силу нарастающей вариативности идеологизаций — превращаются в своего рода «слепые пятна»¹, которые побуждают участников и наблюдателей политических коммуникаций к поиску оснований согласия, преемственности, но которые сами по себе не являются коммуникативным основанием пролонгации политического процесса. В связи с этим сохраняют актуальность социологические ремарки по поводу природы и роли социальных традиций, сделанные в свое время Эдвардом Шилзом. Он заметил, что традиционность нередко понимается синонимично «архаичному», сопрягается с констатацией наличия эмпирических остатков прошлой социальной действительности в возникшем «новом». При этом, как правило, речь идет не столько об эмпирическом присутствии прошлого в настоящем, а о нормативных представлениях в социальной памяти о событиях и практиках прошлого в виде некоторых предписаний, налагающих или снимающих ограничения на действия в настоящем. То, что номинируют традицией, полагал американский социолог, это всегда не столько «прошлое в настоящем», а всегда «компонент настоящего» и «недавняя новация». Поэтому доминирующие в науке описания «данности», «очевидности» традиции видится весьма проблематичным, поскольку неизбежно предполагает вариативность ответов. Традиция — это всегда некий потенциал и резервуар смыслов², что, на наш взгляд очевидно подтверждает история социально-политической мысли России и ее критические интерпретации в настоящем. Это связано с тем, как полагал Э. Шилз, что

¹ См.: Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 206; *Он же*. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: НАУКА, 2007а. С.419.

² Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press. P. 13, 21, 52.

все общества «существуют во времени» представляя собой «транстемпоральный феномен, результат не только пространственной, но и временной интеграции, с которой должны считать все участники политических взаимодействий, включая и тех, кто претендует на идеологическое или политическое доминирование. «Темпоральная интеграция» в вариативных и изменчивых формах — неотъемлемый и динамичный в своих силовых проявлениях атрибут любого общества, который не может быть изменен по воле частных социальных движений или интерпретаторов реальности¹. В контексте этих теоретических посылок социальные традиции можно рассматривать как важный компонент темпоральной интеграции общества, обеспечивающий темпоральную структурированность политического процесса посредством символической репрезентации прошлого в настоящем. Применительно к политической традиции — это многообразные символические репрезентации и их символические фигуры, делающие «видимым», «объективирующие» политические отношения в политической культуре и обеспечивающие действенность предположений о природе публичной власти и человека в повседневности. Показательно, что его современник, представитель культурной антропологии Л.Уайт видел перспективным понимание культурных феноменов «как континуума», «потока событий, свободно текущего сквозь время от одного поколения к другому» и от одной среды обитания к другой, возникающего в процессе выборочного упорядочивания событий в соответствии с принципом «время» и связанного с таким свойством человеческого вида как использование символов².

Симптоматично, что многие представители современной социальной антропологии полагают, что теоретико-методологическая «конвергенция» политологии и научной антропологии могла бы реализоваться в общности предметной области исследования символического производства значений, смыслов и антропологической интерпретаций базовых политических концептов, позволяющих «строить мосты» (см., напр.:) между политической наукой и поли-

¹ Op. cit. P. 327–328.

² См.: Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С.11–131.

тической антропологией как субдисциплин в рамках многообразия наук о политике¹.

Определяющее значение для возникновения политических традиций и, соответственно, их описания, играет тем самым оформление политической памяти, которая выступает не столько «хранилищем прошлого», а «свертывает» представления о прошлом в символические фигуры, которые хранят «обосновывающие воспоминания», позволяющие новые ситуации распознавать как повторение другой, «прошлой» ситуации, без чего невозможна пролонгация коммуникативного процесса. Социальная память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней»². Реализуя функции легитимации или делегитимации социального порядка через поддержание динамичного баланса в воспоминаниях властных и подвластных субъектов, социальная память порождает формы политической памяти, создавая особые идентичности (этнополитические, национальные) и символическую политику сохранения политической памяти. Национальная память как историческая модификация политической памяти выступает наиболее эффективным способом поддержания и реконструкции семантически значимого прошлого в силу своей временной структуры, обеспечивающей большую «растяжимость во времени», и играет ведущую роль в легитимации политических институтов и конструировании политической преемственности³.

То, что номинируют политической традицией, это не столько механизм сохранения политических ценностей прошлого, сколько способ символического маркирования знания о политическом прошлом через «вычитывание в прошлом различий», «задающих будущее» (горизонт политических событий), для их использования в настоящем. Соответственно, антропологическое «прочтение», поиск антропо-

¹ См.: Aronoff M.J., Kubik J. Anthropology and political science: a convergent approach. New York, Oxford: Berghahn Books, 2013; Cohen A. The Symbolic Construction of Community. L.; N.Y.: Ellis Horwood Ltd. 2001.

² Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. С.104; Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007б. С.110.

³ См.: Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. New York, 2006. P. 210–226.

логического потенциала политических традиций России в многообразных текстах — прежде всего измерения их роли и семантических возможностей для социального конструирования и трансформации в символические фигуры (в своих основаниях — мифических), «узнаваемых» в политической повседневности настоящего. Как, впрочем, семантический потенциал того или иного политического текста стать частью политической традиции зависит от его способности быть свернутым в символические фигуры политической памяти. Понятно, что в этом смысле антропологическое ядро политических традиций всегда представлено мифо-ритуальными практиками и связано с поддержанием символической репрезентации героизма и жертвенности¹. Именно поэтому, доктрины и идеологии, не способные к оформлению в символические фигуры, узнаваемые в политико-культурной среде, всегда конкретно-исторического для любого общества «настоящем», обречены на забвение и вытеснению на периферию той или иной политической культуры.

В связи с чем, как бы «негативно» это не выглядело в контексте либеральных интерпретаций тех или иных элитных групп российского общества, для того чтобы снизить риск революций и гражданских войн в современной России, национальная политическая память нуждается в артикуляции «советского» (где смысловым ядром выступает событие Русской революции), его месте и роли в политической культуре современной России. Дискуссии о присутствии (отсутствии) символических структур «советского» в политической памяти постсоветских поколений — это не только последствия «прошлой» борьбы элит за социальное доминирование, а симптом сложных перформативных процессов в мифо-ритуальном пространстве современной политической памяти. Порожденные в ходе политических реформ мифологии о «похоронах советского» и примитивная «эстетика коммунистического зла» препятствуют социальному конструированию новых политических традиций и мешают установлению связи времен, осмыслению многослойности символического пространства современной России и рисков погружения в «мифическое безвременье».

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 38–41.

Значимость нашего обращения к прошлому, как заметил в свое время Н. Бердяев, не в любви или ненависти к эстетике «эмпирического бывшего», а в способности нашей памяти осуществлять «отбор», трансформировать «бывшее» в «красоту настоящего»¹. В контексте подобной интенции русского мыслителя можно заключить, что существование и значимость политической традиции зависит прежде всего от потенциала национальной политической памяти конструировать символические формы (их фигурации) публичной власти, стимулирующие эволюцию политической солидарности в российском обществе. Подобные символические комплексы выступают своего рода общим, коллективно-значимым, а не частным горизонтом смысла, символической репрезентацией базовых для эволюции общества социальных событий. В связи с чем антропологизация исследований российской политической традиции предполагает анализ семантического потенциала символических структур национальной памяти, представленных в многообразных политических дискурсах и их влияния на политический процесс.

Библиография

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 398 с.
3. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 194–218.
4. *Луман Н.* Эволюция. М.: Логос, 2005. 256 с.
5. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: НАУКА, 2007а. 648 с.
6. *Луман Н.* Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007б. 360 с.
7. *Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 960 с. (Серия «Культурология. XX век»). 960 с.
8. *Aronoff M.J., Kubik J.* Anthropology and political science: a convergent approach. New York: Oxford: Berghahn Books, 2013. 341 p.
9. *Assmann A.* Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. New York, 2006. P. 210–226.
10. *Cohen A.* The Symbolic Construction of Community. L.; N.Y.: Ellis Horwood Ltd. 2001. 126 p.
11. *Shils E.* Tradition. Chicago: The University of Chicago Press. 334 p.

¹ *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 274.

ИГНАТЬЕВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ПОИСК ЗАВЕРШЕН (?)

Аннотация: Обретение смысла существования любого общества представляет собой извечную проблему человечества. Для стран, как Россия сегодня, совершающих переход от одного режима к другому, проблема поиска общенациональных основ единения общества становится особо актуальной. Эволюции поиска национальной идеи, формирования общенациональной идентичности, российской нации посвящена данная статья.

Ключевые слова: национальная идея, общенациональная/гражданская идентичность, патриотизм, политическая нация, российская нация.

Поиску национальной идеологии, национальной идеи, общенациональной идентичности, как духовных скреп общества, в последние годы уделяется все большее внимание в выступлениях представителей высшей политической власти, законодательных актах, образовательных и культурных программах, ей посвящены круглые столы и конференции, темы диссертационных исследований.

В современной российской политической элите до сих пор существуют большие разногласия по поводу общенациональной идентичности, поскольку она (элита) боится потерять относительную консолидированность на подобных дискуссиях. В. Путин в своем выступлении на Валдайском форуме 2013 г. прямо назвал те силы, в чьих интересах был идеологический и духовный вакуум — «отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы, и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались»¹.

Ожидания и запросы части политических элит и рядовых граждан на построение общенациональной идентичности под названием «российская нация», казалось бы, совпадают. Разночтения касаются несогласованности действий власти и общества по реализации данного «политического проекта» и, подчеркнем особо, **отсутствия конструктивного диалога власти и гражданского общества**. Поиски

¹ Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 г. // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> / (дата обращения: 19.06.2014).

современной правящей российской элитой нового комплекса технологий формирования гражданской идентичности сегодня характеризуются фрагментарностью их использовании, высокой степенью противоречивости и непоследовательности. Ей свойственна нацеленность на решение собственных актуальных политических задач, а не на перспективу выстраивания консесусного правового, административного, культурного поля взаимодействия граждан РФ разной, прежде всего этнической, принадлежности. Ею недостаточно используется ресурс положительного советского опыта старшего и среднего поколений в распространении ценностей интернационализма среди молодежи, не учитывается опыт многообразных локальных вариантов исторического сожительства разных этноконфессиональных групп в регионах России. У нее отсутствует единая стратегия «политики идентичности». Все это приводит к активизации не консолидирующих, а дифференцирующих процессов, и затрудняет формирование российской гражданской идентичности.

Озабоченность другой части элиты по поводу гражданской нации и российского народа как цельного, исторически обусловленного понятия, в последние годы начала выражать высшая политическая власть, пытающаяся найти и сформулировать национальную идею, национальную идентичность и, в конечном итоге, взрастить ее на российской общественной почве.

Оставив в стороне рассмотрение вопроса о национальной идеологии, необходимо оговориться о соотношении понятий «идея» — «идентичность». Выглядит оно, по мнению российского философа И. Чубайса, «как соотношение между замыслом и его воплощением, между планом-эскизом здания и самим возведенным сооружением»¹. В нашем тексте мы будем употреблять оба термина в одном контексте.

Позиции В. Путина в части национальной идентичности, национальной идеи за годы его правления претерпели значительную эволюцию. Первый срок во главе страны он в основном старался удерживать разваливавшуюся на куски страну и установить хотя бы некое подобие политической стабильности. Правда, до этого, еще в августе 1996 г. вскоре после победы на выборах, Президент Б. Ельцин при-

¹ Чубайс И. Национальная идея — что это такое? <http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-818436.html?page=4/> (дата обращения: 09.07.2014).

знав, что Россия находится в полосе идейного кризиса, предложил подумать о выборе национальной идеи, национальной идеологии. Правительственная «Российская газета» в августе 1996 г. даже объявила конкурс среди читателей «Идея для России», пригласив всех желающих принять в нем участие. Подведение итогов и вручение награды намечалось в декабре 1997 г., но оно так и не состоялось. Видимо, власть и сама поняла тогда бесплодность этой затеи.

В феврале 2004 г. В. Путин предпринял попытку определить в качестве основной национальной идеи — достижение «конкурентоспособности во всем»¹. Очевидно, что тогда такая установка на национальную идею не потянула.

В последние годы второго срока президентства В. Путина активизировался поиск подходящей философско-идеологической платформы для национальной идентичности россиян. Опорой были выбраны христианские и консервативные ценности. Но четко сформулированная национальная идея так и не была предложена, не считая идеологии «суверенной демократии», изобретенной в 2006 г. замглавы Администрации Президента РФ В. Сурковым, вызвавшей острую критику со стороны большинства в политологическом сообществе.

В апреле 2007 г. В. Путин, выступая с Посланием ФС, сравнил поиск национальной идеи со старинной русской забавой и предложил не открывать дискуссию по этим вопросам². Подразумевалось, что в выборный год в Госдуму не стоит раскалывать политическую элиту, общество очередной такой «забавой».

В июне 2011 г. в одном из интервью премьер-министр В. Путин согласился с определением А.Солженица национальной идеи, заявив, что в «сбережении народа» и «заключена главная цель современной России».³

Очередной виток ее поиска обозначился в период президентских выборов 2012 г. Так, в январе 2012 г. кандидат в Президенты РФ В. Пу-

¹ В. Путин против изменения Конституции, но, кажется, его уговорят // <http://www.sova-center.ru/democracy/news/archive/de-liberal/2004/02/d1734/> (дата обращения: 06.06.2016).

² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // <http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html/> (дата обращения: 07.06.2015).

³ Путин назвал новую национальную идею // <http://newsland.com/news/detail/id/712314/> (дата обращения: 09.03.2014).

тин особо подчеркивал, что стране необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме¹. А уже в сентябре 2013 г. ключевым посылом валдайского выступления В. Путина было признание того, что «вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер»².

Ранее, в августе 2013 г., Правительство РФ в добавление к ранее принятым программам («Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», «Стратегия национальной политики») утвердило еще одну — «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». Отметим, что еще на стадии ее проекта большинство экспертов подчеркивали, что инициатива по созданию единой идеи всей нации должна исходить не от представителей власти, а от народа. А по мнению некоторых экспертов представляется невозможным в нынешних условиях в России за несколько лет изменить гражданскую самоидентификацию населения³.

В сентябре 2013 г. в президентском Совете по межнациональным отношениям разработали первую версию концепции национальной идеи в двух тезисах — «Жить по совести» и «Жить во благо Отечества». Согласно ей предполагалось, что жить по совести и во благо Отечества — это думать о себе как о части нации, «осознать историческую миссию России как транслятора справедливости и созидания, опоры и поддержки для сотен больших и малых народов по всему миру», «читать прошлое, ценить настоящее и строить будущее»⁴. Кон-

¹ См.: Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Российская газета. 2012. 23 января. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html> / (дата обращения: 26.06.2012).

² Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> / (дата обращения: 14.10.2013).

³ См.: Ляпкина А. Минрегион удвоит число россиян за 125 млрд рублей. <http://izvestia.ru/news/544965> / (дата обращения: 22.10.2013).

⁴ См.: Малай Е., Цой Ю. Граждане будут осознать миссию России как транслятора справедливости // <http://izvestia.ru/news/556744#ixzz2esxnt2x/> (дата обращения: 12.08.2016).

кретные пути к достижению национальной идеи в такой постановке в проекте документа представлены не были

В поиске национальной идеи отметились спикеры обеих палат ФС РФ. Так, В. Матвиенко 19 ноября 2013 г. высказалась о возможности добавления положения о национальной идее в Конституцию РФ¹. С. Нарышкин 21 ноября 2013 г. усомнился в необходимости корректировки Конституции из-за внесения этого положения, поскольку, по его мнению, она уже «точно сформулирована в Конституции, в первой ее главе, где говорится, что мы строим демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»². Подобные подходы к национальной идее не коррелировали с позицией В. Путина.

Украинский кризис и присоединение Крыма, начатая по инициативе западных партнеров «война санкций» и как ее следствие рост антизападнических настроений у россиян — все это вместе взятое обусловило повышенный спрос на патриотическую риторику. Эта риторика, опирающаяся на широко разделяемые чувства и апеллирующая к защите привычных жизненных практик, служит для власти удобным инструментом мобилизации.

И как бы в ответ на эти обстоятельства в феврале 2016 г. на встрече с активом «Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса» В. Путин, казалось бы, окончательно поставил точку в долгом и мучительном поиске национальной идеи для современной России, заявив: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма».³

Будучи сформулированным на максимальном уровне обобщения, тезис о патриотизме как национальной идее, с одной стороны, кажется неоспорим. С другой стороны, он вызывает и сомнения в общественных кругах в такой его постановке. Так, по мнению, высказанному еще в декабре 2015 г., директором Института истории Академии наук Республики Татарстан Р. Хакимовым, следует, что патриотизм

¹ См.: Валентина Матвиенко: «В Конституции может быть сформулирована национальная идея» // <http://news2.ru/story/394264/> (дата обращения: 26.02.2015 г.).

² Цит. по: Нарышкин: Национальная идея сформулирована в Конституции» // <http://er.ru/news/2013/11/21/naryshkin-nac...-v-konstitucii/> (дата обращения: 28.02.2015 г.).

³ Путин В.В. Встреча с активом Клуба лидеров // <http://kremlin.ru/events/president/news/51263/> (дата обращения: 10.04.2016).

формирует идентичность, строящуюся на противостоянии с другими народами или странами, и «на время создает видимость солидарности общества, а на самом деле живет конъюнктурой»¹.

Доктора социологических наук И. Ясавеева (НИУ ВШЭ) тревожит милитаризация патриотизма, который в настоящее время представляется властями в качестве единственной национальной идеи. Смысл патриотизма сдвигается от любви к отечеству к готовности воевать за государство — такого рода смещения были зафиксированы, по его свидетельству, Центром молодежных исследований ВШЭ некоторое время назад. Патриотическое воспитание в таком ключе, по его мнению, означает усвоение ценностей силы, признание возможности и необходимости силового разрешения возникающих вопросов, а не ориентацию на мирное созидание, труд, творчество.²

Напрашивается и такой вопрос — признается ли кто-то из десятков миллионов россиян в том, что не любит свою страну? Допустим, что открыто сделает это ничтожно малая часть их, а какая-то часть может на словах клясться в своем патриотизме, внешне соблюдая правила игры, надеясь на благосклонность со стороны властей.

Еще один момент. Национальная идея, обозначающая любовь к Родине, служение ей не определяет перспектив развития общества. В каком направлении развиваться будет горячо любимая страна? Здесь неизбежно возникает вопрос о необходимости разработки и внедрения другой «духовной скрепы» — национальной идеологии, органически связанной с национальной идеей и национальной идентичностью. Дискуссий по этой проблеме становятся все больше.

И как своего рода логическим завершением поиска российскими властями национальной идеи, общенациональной идентичности явилось следующее обстоятельство. Выступая 31 октября 2016 г. в Астрахани на заседании Совета по межнациональным отношениям, В.Путин отметил, что процесс формирования российской идентичности сложный и небыстрый, вместе с тем он идет, причем в последние годы достаточно активно. И особо подчеркнул, что требует-

¹ Рафаэль Хакимов: «Для русского самосознания важна принадлежность к государству, для татар это не столь значимо». <http://www.business-gazeta.ru/article/147145/> (дата обращения: 15.07.2016).

² См.: Генерал Бородин собирает в Татарстане юную армию «красных беретов» // <https://www.business-gazeta.ru/article/326961/> (дата обращения: 28.10.2016).

ся участие в нем и властей всех уровней, и политических партий, и структур гражданского общества. На этом же заседании он одобрил высказанное В. Михайловым (завкафедрой из РАНХиГС) предложение о необходимости принятия закона о российской нации и призвал в практическом плане начать работать над ним.¹

И уже в начале ноября с.г. комитет Госдумы по делам национальностей оперативно приступил к разработке концепции законопроекта о российской нации, начались консультации с депутатами, экспертами, готовится техзадание.

Но, как и в случае с «найденной» национальной идеей, так и идея формирования «русской нации» и принятия этого закона ожидаемо вызвала горячие дискуссии в обществе.

Так, по мнению депутата ГД А. Журавлева, цена ошибки в принятии такого закона здесь крайне высока, поскольку корневые причины межнациональных конфликтов в российском обществе до конца не устранены. Он усомнился в способностях российской бюрократии управлять межэтническими отношениями и в силу этого последствия ее действий могут иметь непоправимый характер. Поэтому он призвал подходить к разработке этого документа с величайшей осторожностью².

Л. Бызов (Институт социологии РАН) считает, что процесс строительства нации не может быть ускорен или замедлен принятием какого-либо закона и прежде чем принимать закон, надо подумать о преодолении существующего идеологического разрыва, подрывающего возможность формирования единой российской нации сегодня. Он убежден, что российскую нацию может создать какая-то позитивная программа действий, которой сегодня нет³.

Директор «Левада-центра» Л. Гудков полагает, что в России никакой национальной идеи быть не может, кроме негативной, возникающей перед фантомом внешней угрозы, при консолидации от про-

¹ См.: Заседание Совета по межнациональным отношениям // <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения: 02.11.2016).

² См.: «Все мы русские в гражданском и политическом смысле» // http://www.aif.ru/society/opinion/vse_my_russkie_v_grazhdanskom_i_politicheskom_smysle/ (дата обращения: 07.11.2016).

³ См.: «Никакого советского народа не было» // https://lenta.ru/articles/2016/11/04/soviet_nation/ (дата обращения: 04.11.2016).

тивного. Общих ценностей для объединения россиян нет и их нельзя создать, они не могут быть имплантированы. Они появляются только в процессе социальных отношений, и очень нескоро¹.

Политолог В. Соловей (МГИМО-У) видит сверхзадачу власти в формировании политической нации, но под которую ею не предложено серьезных оснований. И главное, не предложены успешные политические и социоэкономические практики. Нация формируется, по его убеждению, когда есть практики совместного делания.²

Приведенные высказывания свидетельствуют о неоднозначном восприятии в обществе проектов власти в отношении национальной идеи, российской политической нации. Поэтому утверждать с большой долей вероятности о высокой результативности этих проектов в скором будущем, на мой взгляд, вряд ли правомерно.

В адрес Президента России раздаются призывы создать специальный орган, состоящий из ведущих интеллектуалов России, придерживающихся самых разных взглядов. Они должны сформулировать несколько вариантов желаемой российской идентичности, которые, в свою очередь, будут предъявлены общественному вниманию через публичные дискуссии в СМИ³.

Интересную и здравую мысль высказал М. Шевченко, журналист и член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Он рассматривает обсуждаемый закон как своего рода «общественный договор между разными гражданами, которые говорят: мы одно целое» и который должен приниматься на референдуме⁴.

Для диалога власти и общества в таком важном вопросе для России как обретение национальной идеи и утверждение национальной идентичности, формирование российской политической нации эти предложения, на мой взгляд, заслуживают внимания.

¹ Там же.

² См.: Валерий Соловей: «Для России пришло время строить новую государственную модель». <http://www.business-gazeta.ru/article/327634> / (дата обращения: 05.11.2016).

³ См.: Егоров Е. Перспективы-2030: Где взять идентичность // Ведомости. 2016. 28 июня. № 4104.

⁴ «Я сторонник пролонгации договора со всеми нюансами вплоть до поста президента Татарстана» // <http://www.business-gazeta.ru/article/328618/> (дата обращения: 15.11.2016).

КАДОЧНИКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ, РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

«Давайте признаем очевидное, если воздухом нельзя дышать, воду нельзя пить, пищу нельзя есть, то весь наш прогресс — технический, экономический, социальный — теряет свой положительный знак»

Профессор П.Г. Олдак

Аннотация: в статье на наглядных примерах кратко рассматривается становление экологической (природоохранной) политики в России. Сопоставлены основные потребности человека в главных природных ресурсах как биологического вида и как социально — экономической сущности. Дается предостережение относительно нерациональной и не взвешенной экологической политики для формирования фундамента благоприятного будущего.

Ключевые слова: экологическая политика, охрана природы, биосфера, природные ресурсы, кризис редуцентов, вода, Арктика.

Экологическая политика, — совокупность мер, направленных на достижение определенного результата, учитывающая, в первую очередь, двуединство человека, его биологическую сущность и сущность социально — экономическую.

Воспринимая себя как сущность социально — экономическую мы забываем зачастую, что человек (*Homo Sapiens*) — биологический вид, один из многомиллионного многообразия биологических видов на планете.

Однако без первой части нашей двуединой составляющей нет и не может быть и второй, более того, гибель, потеря или уничтожение 20% разнообразия биологических видов приведет к неминуемой гибели и *Homo Sapiens*, как биологического вида.

Таковы законы природы, изменить которые на современном этапе развития науки и научных знаний не в наших силах и власти.

Непосредственное и необходимое для выживания потребление важнейших природных ресурсов (вода, воздух, пища и энергия) каждым индивидуумом относительно невелико и, даже с учетом почти 7,5 миллиардного населения, планеты незначительно влияет на состояние планеты.

Человек как сущность социально-экономическая совершенно иное дело.

Опосредованно человек потребляет в день не два с половиной, а около 4000 литров воды — в том числе, и той воды, которая уходит на производство продуктов питания.

Более 92% мирового потребления воды на планете идет на нужды сельского хозяйства. Из этого количества в среднем 27% воды тратится в процессе производства, переработки и потребления зерновых культур, 22% — мяса и 7% — молочных продуктов. В ближайшие 10 лет пресная вода станет самым дорогим природным ресурсом, обогнав углеводороды, металлические и неметаллические полезные ископаемые.

История

Первые письменные свидетельства об охране природы содержатся в своде законов Ярослава Мудрого «Русская правда» (X в.) X–XV вв. — появление первых княжеских охотничьих заповедников, (Семиостровье на Белом море) и Беловежская пуца. В Московской Руси XV–XVI вв. строго охранялись леса вдоль южной границы государства. Царь Алексей Михайлович (1645–1676) издал около 70 указов об охране охотничьих и рыболовных угодий, лесов и сенокосов.

Исключительно большой вклад в дело охраны природы в России внес Петр I. Он не только издавал указы о злободневных проблемах охраны природы, но и добивался их выполнения, принимал меры для рационального использования и воспроизводства природных ресурсов. Петр I подходил к природоохранной деятельности значительно шире, чем это было принято в тот период, обращал внимание на восстановление лесов, для чего предписывал губернаторам организовывать лесопосадки в малолесных районах, озеленять населенные пункты. Издал первые указы, нацеленные на обеспечение чистоты водоемов и на предварительную экспертизу проектов: «...проекты зело исправными делать, дабы отечеству ущерба не чинить и казну понапрасну не тратить, а ежели кто проекты абы как ляпать станет, того лишать чина и бить батогами нещадно...»

В последние годы деятельности Петра и после него в связи с организацией Академии наук началось систематическое изучение природы России. Первые в России научные работы, содержащие мысли о необходимости бережного отношения к природным ресурсам, принадлежат первому русскому экономисту Ивану Тихоновичу Посо-

шкову, ботанику, географу и этнографу Степану Петровичу Крашенинникову, ботанику, лесоводу и философу Андрею Тимофеевичу Болотову, гениальному Михаилу Васильевичу Ломоносову.

После Петра заметно ослабло внимание к охране природы. При Екатерине II в рамках расширения прав дворянства были постепенно отменены указы Петра I об охране лесов. Предпринятые при Императоре Павле I попытки восстановить систему охраны лесов результатов не дали. Кораблестроение и другие отрасли промышленности обеспечивали постоянный спрос на древесину и в России, и в Западной Европе. За этот период в обжитых районах России леса были уничтожены на площади 67 млн гектаров. Земли на месте сведенных лесов подвергались распашке. Площади пахотных земель увеличивались и за счет склонов (особенно в пореформенный период), что вызывало эрозию, пыльные бури, обмеление рек.

В 1888 г. в России было принято Положение о сбережении лесов, запрещавшее сплошные рубки и установившее категории защитных лесов. Однако положение применялось формально и не препятствовало выборочным рубкам по всей площади лесных дач и последующему сельскохозяйственному освоению. В 1913 г. переруб расчетной лесосеки в Европейской части России достигал 47%, в том числе в Центральном Черноземье до 60%, а на Юго-Востоке — 35%.

Реалии, несколько примеров

Воздух. За одну минуту мы делаем около 15 вдохов, каждый наш вдох — почти 0,5 литра воздуха. Таким образом, за сутки человек вдыхает примерно 10 800 литров воздуха. При стандартном давлении такой объем воздуха будет весить около 14 кг, что более чем в 5 раз тяжелее съеденной нами за день пищи и выпитой жидкости.

Для примера: небольшой полутора — литровый автомобильный двигатель в мощностном режиме расходует 10 кубометров воздуха на литр бензина, что примерно соответствует суточному потреблению человека. Однако следует помнить, что зеленые растения потребляют лишь 1–2 процента, выделяемого ими же в процессе фотосинтеза кислорода, остальное отдают нам.

Части человечества, живущей в умеренном и холодном климате требуется обогрев жилищ и тепло для приготовления пищи. Однако, эти затраты в масштабах даже всего человечества ничтожны по срав-

нению с тем, что мы имеем на сегодняшний день, поскольку люди — сущность главным образом социально — экономическая.

Вода. Россия — на втором месте в мире по запасам и на 27 месте по потреблению воды.

Однако, это не совсем корректная цифра. Ежегодно только в Ладожское озеро поступает более 400 млн м³ загрязненных стоков, из них более 167 млн м³ без всякой очистки. То есть 0,4 кубических километра! И это не использование, а уничтожение стратегического ресурса.

Мировое водопотребление опережает природное возобновление пресной воды.

Современное использование водных ресурсов превосходит по масштабам и темпам роста все наиболее интенсивно расходуемые в мире природные ресурсы. Общее мировое потребление пресной воды в тысячу раз превышает уровень потребления всех вместе взятых видов промышленного сырья и за одни сутки достигает примерно 10 кубических километров, что равно годовой добыче всех видов полезных ископаемых.

Истощение водно-ресурсного потенциала. За последние три столетия мировое потребление воды возросло более чем в 35 раз, каждые 20 лет удваивалось и достигло более, чем 3,5 тысячи кубических километров в год (для сравнения Ладожское озеро вмещает 908 куб. км воды).

Поистине катастрофическим примером непродуманных эколого-политических решений в сфере водопользования на территории бывшего Советского Союза служит исчезновение Аральского моря, четвертого в мире по величине озера, произошедшее практически на глазах у старшего поколения, когда весь сток и Амударьи и Сырдарьи, впадающих в Арал, был выведен на хлопковые поля.

За 30 лет с 1970 по 2000 г. береговая линия отступила на сто с лишним километров, площадь Арала сократилась во много раз, а объем воды уменьшился почти в 10 раз, исчезли все эндемичные виды, при этом безвозвратно утрачена и пресная вода, направленная для орошения хлопковых полей в пустыне. Засоленные воды после орошения полей для ввода в водохозяйственный оборот нуждаются в такой степени очистки, что затраты становятся несопоставимыми с производством самого хлопка.

Кроме того, образовавшиеся десятки и сотни тысяч тонн пылевидных частиц, состоящих в основном из пестицидов, гербицидов и химических удобрений, разносимые ветром на тысячи квадратных километров, губительным образом влияют на здоровье 36 миллионов человек — население Аральского региона.

Мы уже не говорим о потере биоразнообразия, о ликвидации рабочих мест из-за уничтожения Арала как рыбопромыслового региона: вся рыба погибла.

В Российской Федерации к 2030 г. планируется реализовать около 150 арктических проектов, на Арктику возлагаются большие надежды. По словам президента России Владимира Путина Арктика — это не только кладовая ресурсов, но и наша обширнейшая территория, которая нуждается в особом патронате. Хрупкие и уязвимые арктические экосистемы требуют сверх бережного отношения, они не терпят спешки и необдуманных, не до конца взвешенных решений. Как сказал академик Алексей Эмильевич Конторович, освоение арктического шельфа, добыча углеводородов на шельфе арктических морей — проект намного более дорогой, чем освоение космоса. На сегодняшний день даже при использовании лучших современных технологий постоянная добыча нефти на арктическом шельфе — за пределами себестоимости.

Об Арктике. Основными геоэкологическими проблемами Арктики служат загрязнение природной среды, сохранение территориальных ресурсов биосферы и деградация экосистем.

Никто не отменит технического прогресса, развития науки, совершенствования техники и технологий. Для этого нужны ресурсы, но использовать их надо рационально. Со временем появятся новые, принципиально отличающиеся от сегодняшних, возможности, но для того, чтобы это произошло, необходимо неистощительно распоряжаться тем, чем мы располагаем.

Перспективы. Современный экологический кризис — кризис редуцентов, природные редуценты не успевают очищать биосферу от антропогенных отходов, она теряет способность к самовосстановлению.

Несмотря на достаточно совершенное природоохранное законодательство в Российской Федерации (Конституция РФ, Закон «Об охране окружающей природной среды», Экологическая доктрина РФ, «О

плане действий Правительства РФ по охране окружающей среды» и ряде других национальных стратегических документов, а также присоединению РФ к важнейшим международным соглашениям: «Конвенция о биоразнообразии», Рамсарская конвенция, Киотский протокол и др.), мы живем по-прежнему под лозунгом «Сибирь за нами!»

Так происходит потому, что в отличие от других стран, где экологическая политика, экологическое право и смежные области — сфера юриспруденции в силу законопослушания граждан и сформированного гражданского общества, у нас в стране — это мульти-дисциплинарная сфера. Это подтверждается результатами многих представительных конгрессов и конференций последних лет.

Необходимо объединение опыта, знаний и действий специалистов разного профиля и направлений для формирования у молодежи экологического сознания, потребности «Жить в согласии». Поэтому так важны экологическое воспитание, просвещение, экологическое образование и культура.

Мы не получаем природные богатства в наследство, мы берем их в долг у своих внуков.

Экологическая политика, взвешенная и продуманная, реализуемая интеллектуальными усилиями хорошо подготовленных специалистов и руками управленцев со сформированным экологическим сознанием есть

Благоприятное будущее наших потомков!

Библиография

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г.
2. Федеральный закон РФ «Об охране окружающей природной среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ.
3. Экологическая доктрина РФ.
4. «О плане действий Правительства РФ по охране окружающей среды».
5. «Конвенция о биоразнообразии». Рио-де-Жанейро, 1992.
6. Федеральный закон РФ «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 № 89-ФЗ (в ред. от 30.08.2008).

КАРАБУЩЕНКО ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ И ТЕОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Аннотация: цена современной политической элиты измеряется не только количеством затраченных на ее содержание материальных средств, но и качеством отдачи от ее непосредственной профессиональной деятельности. Сопоставление этих двух показателей указывает на несоразмерность полученных элитами результатов и затраченных на нее обществом затрат. Последнее свидетельствует о неэффективности и низком профессиональном уровне субъектов политической элиты. И этот диагноз касается большинства современных стран мира. На этот же вывод указывает и тот аксиологический набор, которым руководствуются элиты в своих повседневных практиках.

Ключевые слова: элита, элитология, элитность, ценность, качество, избранность, ответственность, эффективность, профессионализм.

Как раздел политической философии политическая аксиология оперирует категориями добра и зла, реального и идеального, сущего и должного, плохого и хорошего и т.д. Она производит оценку существующих ценностей и переоценку сомнительных качеств имеющих, свою ценность. И главной ее ценностью является элита.

Элита сама по себе уже является общественной ценностью. Но эту свою ценность она должна постоянно всем доказывать. Именно в этом ее доказательстве и заключается сам факт ее профессиональной деятельности. Элита должна не просто демонстрировать, а именно предоставлять бесспорные доказательства своей «избранности» (профессионализм, компетентность, ответственность, эффективность, конструктивность), т.е. те ценности, которые и делают ее элитой. Но как показывает новейшая политическая история не все элиты и не каждый политический лидер оказываются способными публично доказать свое право на занимаемый ими официальный статус. Свидетельством этих неудач как раз и является расцвет манипулятивных технологий.

Политическая аксиология: ценность — оценка — цена. Человек живет в системе создаваемых им ценностей, и сами ценности могут существовать лишь благодаря ему. Там, где появляется человек, возникают и сами ценности. В. Даль определяет ценность как свойство предмета (достоинство вещи) имеющую дорогую цену¹.

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус.яз., 2000. Т. 4. С. 578.

Но при этом цена должна быть всеми (или хотя бы большинством) признана. В противном случае само значение ценности будет взято под сомнение.

Ценность (*axios*) это — то, что важно, необходимо, имеет повышенный спрос, желаемое, то, что имеет реальное качество. Главное в ценности ее непредвзятая оценка. Оценка — это наше отношение к качеству обсуждаемого предмета, с точным указанием ее конкретной цены. Оценка есть выявление истинной цены существующей ценности. Оценка — это экспертиза качества и должна она проводиться экспертами, т.е. профессионалами экстра-класса. Последние входят в число т.н. интеллектуальной элиты. Оценка может быть: 1) неадекватной (спекулятивной: а) заниженной или б) завышенной) и 2) адекватной (реальной).

Далее следует указать на то, что ценности могут быть как позитивными (конструктивными), так и негативными (деструктивными). К первым относятся те, что характеризуют элиту с точки зрения ее публичных достоинств; ко вторым те, что характеризуют деятельность элиты в непубличной (ненормативной) сфере — коррупция, фальсификация, аморализм. Последний вид ценностей нами мог быть также обозначен как антиценности, но для субъекта элиты, включенного в систему коррупции, фальсификации и аморализма эти категории будут иметь большую значимость (ценность), чем набор таких позитивных качеств, как честность, неподкупность и мораль.

Политическая аксиология конструирует системы ценностей, исходя как из принципов научной необходимости, так и прагматической целесообразности политической реальности. Но без (систематизации) ценностей элита существовать не может. Элита — это определенная система ценностей и каждая национальная элита имеет свои характерные особенности, проистекающие из ее истории (традиции) и специфики национальной культуры.

Для элиты система ценностей имеет два аспекта — внутренний и внешний: к первому относится элитность (внутреннее достоинство субъекта элиты), ко второму — элитократичность (проявление и признание общественностью ее профессиональных качеств). Первый аспект характеризует качество т.н. «человеческого капитала»; второй аспект — меру владения властью. Еще Ф. Ницше указывал на то, что «ценность — это наивысшее количество власти, которое человек в со-

стоянии себе усвоить...»¹ Главным врагом «высших ценностей» (при котором они теряют свой смысл и значение) является нигилизм². Последнее является следствием обесценивания нормы, на которой держалась цена ценного качества.

Если элита сполна владеет ценностями, входящими в систему ее элитности, то ее притязание на свой высокий статус будут объективными и адекватными. В случае имитации недостающих качеств, мы уже будем иметь дело с квази- или псевдоэлитой, охотно идущей на фальсификацию своих собственных мнимых достоинств (скрывая в них свои явные недостатки). Выше мы отмечали, что уже в самом понятии «элита» скрыта некая самодостаточная ценность. В идеале элита и должна быть самодостаточной, т.е. ни от кого не зависящей. Это состояние и является ее главной ценностью, за которую ей приходится постоянно бороться.

Теории политических элит. Все существующие ныне теории политических элит отражают политические реалии XX в. В начале XXI в. на их базе появилась уже специальная дисциплина (политическая элитология), суммировавшая все их прежние достижения и предлагающая свои решения существующих проблем³. В этой связи между элитологией и теориями элит наметился некий методологический конфликт — представители последних долго и упорно отказывались признавать необходимость создания единой комплексной науки, видимо опасаясь, что она может поставить под сомнения некоторые их частные утверждения. К тому же конкурировать с отдельными теориями проще, чем с единой наукой.

Ценность существующих ныне теорий политических элит зависит от существующей на сегодняшний день их научной оценки и вытекающей из этого цены, которая в последние годы заметно снизилась. Необходимость переоценки ценности данных доктрин определяется происходящими ныне в мире стремительными изменениями, связанными с процессами глобализации (Г. Маркузе, А. Турен, А.Н. Чума-

¹ Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: «REFL-book», 1994. С. 341.

² Там же. С. 36.

³ Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 504 с.

ков и др.), и постиндустриализации (М. Янг, Д. Белл, В.Л. Инознецов и др.), а также с т.н. «восстания элит» (К. Лэш).

Следует подчеркнуть, что научная оценка элиты не всегда совпадает с тем, что элита представляет собой на практике. Наука не может быть по определению не правой. Следовательно, проблема кроется не в науке (политической элитологии), а в низком качестве самой элиты. В этом разночтении проступает главный порок реальной элиты (она не такая, как должна быть) и главный недостаток элитологии (частый формальный подход в оценке качества субъектов элиты). Выход из этой ситуации кроется не просто в сближении их позиций, но и в требовании гражданского общества об их адекватности друг другу.

Однако, у современной политической элитологии имеются и свои недостатки — она всё ещё слишком созерцательна и описательна, поскольку испытывает информационный голод в исследовании теневых схем деятельности элит. Она неплохо осведомлена об официальной стороне профессиональной деятельности элит власти, но крайне мало знает о ее политическом закулисье; она фиксирует и обобщает, но не влияет на саму политику. В итоге получается лакированная элита. Но такая лакировка не является реальным изображением элиты. Это ее парадный портрет. Реальная же элита находится в системе координат тайной власти и финансов. О тайной стороне в политике лучше всего написал в свое время византийский политический историк Прокопий Кесарийский,¹ а тайны финансовой стороны деятельности власти лучше всего изложил в своем «железном законе олигархии» Р. Михельс².

Близким по духу и букве к политической аксиологии оказываются ценностные теории элит. Сторонники меритократического подхода (ценностные теории элит) объясняют существование элит «превосходством» одних людей над другими, и поэтому особое внимание уделяют личным качествам, прежде всего интеллектуальным и мораль-

¹ *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история.* М.: Наука, 1993. 570 с.

² *Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens.* Leipzig, 1911 (2-е изд. Leipzig, 1925).

ным, представителей элитных групп»¹. По их мнению, «вхождение в элиту — это результат естественного отбора приобщения наиболее одаренных личностей к рычагам управления»; «элиты в обществе необходимы, прежде всего, как гарант высокого качественного состава руководителей, избранных населением»².

Итак, суммируя: классические теории политических элит явно устарели и могут уже рассматриваться как достояние истории политических учений. На смену этой концептуальной эклектике должна прийти единая комплексная наука элитология, политологический раздел которой будет стремиться давать системное описание, объяснение и — что тоже весьма важно — проектирование и инжиниринг (непосредственное участие в процессе создания) политической элиты. Из описательной политической дисциплины элитология может и должна стать инженерной и проектной практикой; быть научным сопровождением политической элиты.

Аксиология современных политических элит. Элитология как наука о ценностях, исходящих из элиты и принадлежащих элитам, рассматривает аксиологию в целом как важнейшее методологическое средство в процессе идентификации элит. Поэтому вопрос цены и ценности элиты не является праздным (особенно для политической) элитологии.

В системе ценности элиты можно выделить два момента: 1) корпоративные ценности — присущие элите как касте (роду деятельности) и 2) индивидуальные ценности — свойственные конкретно взятому ее субъекту. Первые ценности указывают на родовую принадлежность, вторые на персоналистическую. Только наиболее яркие личности могут противопоставить и успешно отстаивать свои личные качества натиску родовых стигм. Чаще всего бывает, что родовые подчиняют (подавляют) индивидуальные особенности. Очевидно, что набор ценностей элиты также различаются от их рода деятельности. Еще Э. Берк утверждал, что дело теоретика-философа — доказать истинные цели государства, а дело политика-практика — най-

¹ Лубский А.В., Старостин А.М., Понеделков А.В. Ценностные теории элит // Элитология: Энциклопедический словарь. /Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. С. 508.

² Там же. С. 508–509.

ти соответствующие средства для достижения этих целей и успешно пользоваться ими. То, что ценно для философа, будет малоценным для практика. От последних можно часто слышать, что философия не помогает, а напротив мешает их профессиональной деятельности (*синдром Нерона*)¹.

Ценностью современной элиты является то, что ею желается и осуществляется от минимального к максимальному. В первую очередь, это власть и финансы. Ценность власти выражается в достижении как можно более высокого чина, должности и вытекающих из всего этого статуса возможностей реализовывать свое эго в принятии важных решений, а также в извлечении из всего этого привилегий и наград. Ценность финансов вытекает из реализации первой возможности.

Цена самой элиты складывается из соотношения величины понесенных на ее содержание затрат и мерой эффективности полученных от ее профессиональной деятельности результатов. Как уже отмечалось выше, редко когда элиты могут похвастаться подобным результатом. Все чаще в мировой практике мы наблюдаем явное несоответствие этих параметров. Естественно, что и сама цена подобных элит будет невелика. Ценность элиты кроется в том, насколько она сама нужна гражданскому обществу, в качестве самостоятельной политической идеи. В этой связи не последнее значение имеют идеологические ценности. Рассмотрим некоторые из них.

Демократические ценности. Россия страна с условной демократией. Это значит, что здесь понимание демократических ценностей носит значительный местный (самородный) характер. Россия не обязана слепо копировать образцы западной демократии. У нее есть своя собственная историческая демократическая традиция (вечевой строй Новгорода. Пскова, Киева). Речь идет о «самородной демократии», той самой народной инициативе, которая зарождалась сама из реалий всего политического бытия.

¹ Аксиология и в самом деле может своей научной принципиальностью помешать элите быть таковой, хотя бы в научном и общественном мнении. Термин элита оказывается неадекватной оценкой (неким авансом) правящего класса. «Элита» это уже наша оценка, ибо имеет конкретную цену. Но реальная себестоимость правящего класса может оказаться минимальной, хотя в общественном мнении он по-прежнему может считаться «элитой».

Авторитарные ценности. Россия страна с исторически сильными представлениями о мощном государстве и политическом единоначалии. Исторически это оправдано; политически — не всегда доказуемо, а юридически — не всегда наказуемо. Элита этого типа придерживается монологического типа власти и опасается политического диалога¹.

Либеральные ценности. В Россию либерализм пришел с Запада. Но обольщение им таило в себе горечь разочарования. Данные ценности показали свою несостоятельность, поскольку их проводники выбрали неудачную политику по их внедрению — слепое копирование западного опыта. К тому же сомнительные ценности современных западных новаций делают этот вид политической идеологии крайне неудачным проектом. Современные западные ценности (мультикультурализм и постмодернизм) оказались успешной PR-компанией, но неудачным практическим проектом. Данные ценности всё больше напоминают по своим базовым характеристикам евнухов и мулов.

Консервативные ценности. Сохранение традиций стало для российской элиты брендом последнего десятилетия. Власти официально заявили, что умеренный консерватизм является приоритетом их политического мышления. Традиционные ценности являются основой ее стабильности и одновременно защитой от угроз постмодернизма западных либералов.

Гуманитарные ценности. В данном случае, речь идет об усилении в политике персонализма меритократии, как фактора верификации элиты на качество ее элитности. В пользу этого говорит и рост значимости этики в т.н. делиберативной демократии².

Демографические ценности. Они непосредственным образом проистекают из социокультурных ценностей. Россиян становится все меньше. Значит, чтобы не довести этот критерий до критического состояния, мы должны становиться качественно лучше (меньше, но лучше). Это абсолютизация ценностей т.н. человеческого капитала.

В качестве общего для всех их негативного момента следует указать на склонность элит всех этих идеологических типов к манипуляции и фальсификации. Так С.Г. Кара-Мурза считает, что основным

¹ Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. С.55.

² Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность / Пер. с нем. М.: Наука, 1992.

источником аномии в нашей стране является ложь элиты¹. О двойных стандартах западных политических элит и лидеров и «восточном вероломстве» и говорить не стоит.

Элита как элитная самодостаточность. Выше мы уже говорили о том, что главным признаком всякой элиты является ее самодостаточность в элитности. Мнимая самодостаточность есть свидетельство ущербности и уязвимости тех, кто занимает в политике элитные позиции. Ценности политической элиты обычно декларируются ими самими в качестве идеологических норм и догм. Но насколько они оказываются самодостаточными без активной поддержке общества, тем более гражданского?

Самодостаточность как отсутствие зависимости от другого (чужого) является важнейшим признаком легитимности и качества элиты. А что может быть важнее для элиты, чем свобода от инородных сил, и в первую очередь свобода от других элит? Как известно, главной геополитической ценностью государства является его суверенитет. Российская политическая элита готова за нее платить; украинская — нет.

Анализ мирового элитарного тренда указывает на то, что налично имеется явная деградация мировых политических элит. Чтобы управлять миром, нужны не только колоссальные военно-экономические ресурсы, но и фундаментальные знания. Анализ последних десятилетий показывает, что подобных знаний у политической элиты (особенно США) нет. «Система» их знаний носит явный эклектический характер. Эклектика является свидетельством нестабильности и одновременно поиска оптимального баланса сил. Если системность дисциплинирует и побуждает к самостоятельности и ответственности, то эклектика снимает все эти качества, предоставляя свободу от строгости и дисциплинированности. Последние обстоятельства снижают уровень профессионализма субъекта элиты, делают его уязвимым для критики.

О профессионализме элиты можно судить по количеству «посаженных ею деревьев» и качеству «наломанных дров». Соотношение этого количества и качества во многом также зависит от того, кто возглавляет элиту в конкретный исторический момент. Политическое лидерство является указующим перстом для сообществ элит,

¹ Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 144.

который указывает ей, что ломать, а что (или кого) сжать. Так, например, количество наломанных дров у царя Петра I превышает число посаженных им деревьев. А из того, что он тогда нам посадил, сорняков оказалось больше, чем плодовых деревьев.

И еще одна давно забытая ценность правящей элиты — это *честь*. В. Даль определяет «честь» как внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть¹; в наше время «честь» понимается, как комплексное этическое и социальное понятие, связанное с оценкой таких качеств личности, как верность, справедливость, правдивость, благородство, достоинство. В идеале первым измерительным «прибором» субъекта элиты должна быть как раз именно ее честь (или ее отсутствие). В условиях всеобщей процветающей коррупции это стало просто невозможным. Сама существующая система не позволяет чести укорениться в субъектах современной элиты, от чего возникает неуважение к подобным персонам со стороны общества. В идеале субъектом элиты должна являться та личность, которая обладает такими качествами, как честь, достоинство, ответственность и профессиональная самодостаточность. Если мы не будем рассматривать элиту как ценность, то она нам будет не нужна.

Еще одним немаловажным показателем качественного состояния элиты является то, как она контролирует *дефицит*. Дефицит — это ограниченная ценность, значимая для нас; лимит времени, средств; это ограниченное в количестве качество. Ценится выше то, что ограничено (доступ в элиту всегда ограничен, поэтому элита — это «вечный дефицит»). С обыденной точки зрения, элита — это те, кто владеет дефицитом (самыми лучшими вещами). Известно, что качественного всегда бывает меньше, чем количественного. Принцип дефицита заключается в том, что мы больше всего ценим то, что меньше всего доступно, то, что кажется лучше в своем качестве и в ресурсах, но имеет ограниченность. Он может быть либо достоверным, либо ложным. Но дефицит качества в самой элите указывает на кризис ее элитности (самоидентификации). Элитность же — это бездефицитное качество, обретающее преимущество в конкуренции.

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 4. С.599.

Немаловажным признаком политической ценности является также *ценз*. Ценз — оберег элиты. Если в прошлом существующие цензы (избирательный, половой, имущественный или образовательный) защищали систему от несанкционированного проникновения в электорат безответственных элементов, то ныне политический ценз уже направлен против свободного доступа в элиту «человека с улицы». Ценз становится «ситом», через которые правящий политический класс отсекает от себя конкуренцию и все чужеродные элементы. Мы не против того, чтобы для элиты существовал свой особый ценз. Но этот ценз (лат. *sensus* — опись, перепись) должен быть в виде перманентной проверки элиты на элитность (т.е. качество).

Рассмотренная нами система координат качества политической элиты во многом носит условный неструктуралистский характер, а значит, в любой момент может политической аксиологией быть пересмотрена в зависимости от меняющихся условий общественного бытия. Вечных ценностей в политике нет. Всё здесь преходяще. Все диалектически изменчиво. Поэтому элита должна сама научиться координировать свою аксиологическую систему координат для того, чтобы выглядеть адекватной и с меньшими потерями для своей элитности находиться у власти.

Библиография

1. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Изд.2-е испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 504 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус.яз. 2000. Т. 4. 688с.
3. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. А.Ю. Шутова, П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделкова. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576с.
4. Кара-Муrza С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
5. Лубский А.В., Старостин А.М., Понеделков А.В. Ценностные теории элит // Элитология: Энциклопедический словарь / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. С. 508–509.
6. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: «REFL-book», 1994. 352 с.
7. Панарин А.С. Философия политики. Учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
8. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. 570 с.

9. Шилов В.Н. Политическая аксиология /монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 116 с.
10. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность: Пер. с нем. М.: Наука, 1992.
11. Элитология: Энциклопедический словарь. /Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. — М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
12. Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911. (2-е изд. Leipzig, 1925).

КОЗИКОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

ТРАДИЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ — ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: В тезисах рассматривается влияние истории социально-политических учений России на осмысление современности, в частности проблем современного российского государства.

Ключевые слова: традиция, социально-политические учения, российское государство.

Традиция — это культурная схема накопления, сохранения и трансляции того или иного опыта, вырабатываемого в процессе жизнедеятельности людей. Это интегральные основания этого опыта как продукта и итога этой деятельности, а также его осмысление в общественном сознании.

Традиция — это социокультурная ценность, объект и ценность исторической памяти человечества.

Традиции связывают прошлое и настоящее в жизни общества. Традиция, в частности, традиция социально-политической мысли имеет большое значение для общества, понимания его исторического прошлого, а также для понимания настоящего и, в определенной степени, его будущего.

Изучая настоящее, мы, как говорил В.Г. Белинский, должны прозревать в историческую связь явлений. Традиции позволяют видеть и учитывать эту связь, в нее прозревать.

Эта историческая связь обуславливается тем, что в истории человечества действуют определенные общие закономерности, тенденции, которые в той или иной форме проявляются либо на всех этапах истории общества, либо на отдельных его этапах. Эти закономерности

сти, тенденции имеют место в социально-политической сфере жизни российского общества. Вместе с тем в историческом процессе имеет место проявление определенных повторений, циклов, которые в силу действия диалектического закона отрицания отрицания характеризуются определенными общими чертами. Эти общие черты, закономерности, тенденции, так или иначе осмысливались и сознательно исследовались в истории общественно-политической мысли России. На основе этих исследований создавались различного рода теории, концепции развития этой сферы, накапливался определенный опыт этих исследований, формировались свои традиции.

В социально-политических концепциях, учениях представителей российской общественно-политической мысли большое место занимали исследования проблем власти, государства и российского общества как социума в целом. В данном случае рассматриваются проблемы российского государства.

Анализируя различные концепции, теории в истории общественно-политической мысли России, например, начиная с М.В. Ломоносова в них отмечался ряд общих черт российского государства, которые характеризуют традиции этого государства и в той или иной степени проявляются в современном государстве России. Отметим лишь некоторые из них:

1. Централизм, в ряде случаев даже жесткий, в организации, строении и жизнедеятельности государства. Еще М.В. Ломоносов отмечал, что централизм спас славян, организованных в это государство и Россию от гибели и позволил им развиваться.

2. Высокая, определяющая роль князя, царя, как первого лица в государстве. Царь-батюшка для народа. А царь Николай II эту роль обозначал для себя как «хозяин земли русской». В свое время И.В. Сталин говорил, что в российском народе сильно царистское сознание. Безусловно это сознание способствовало формированию его собственного культа.

3. Патернализм государства. Россияне всегда уповали на заботу о себе государства. Социалистический период жизни россиян характеризовался развитием и укреплением этой черты государства и отношением к нему граждан.

4. Особая роль чиновничества в государстве. Она проявляется в том, что чиновничество в управлении присваивает ряд властных полномочий сверх регламентированных для него установок.

5. Формальное отношение у власти и в обществе в целом к принятым законам. Сегодня это проявляется в том, что российское государство далеко от провозглашенного Конституцией РФ правового государства. Принятые законы не выполняются в должной мере самими властями, чиновниками, управленцами, гражданами государства.

6. Достаточно большая реальная и предполагаемая властная автономия у местного самоуправления.

7. Многонациональность как основа формирования и развития государства и как реальные этно-национальные, конфессиональные и другие отношения. Сегодня с распадом СССР не ликвидированы, а сохраняются и требуют особого внимания эти основы российского государства.

8. Ощущение отставания России от других стран в различных сферах жизни общества. Представление о России как постоянно догоняющем другие страны обществе. Тезис о молодой российской нации, чем другие нации, другие страны Европы, о молодом российском этносе в определенной степени выражается в концепции вечно догоняющей России. Это представление, можно сказать, появилось в XVII веке. Уже М.В. Ломоносов выступал против таких утверждений. Однако до сих пор существуют настойчивые попытки принижения положения России. Это распространяется даже на тот период ее истории, когда Россия-СССР стала второй державой в мире, имела огромные достижения во всех сферах общественной жизни.

В связи с представлениями о вечно догоняющей России в социально-политической мысли страны происходили и происходят поиски и обоснования цивилизационных особенностей России.

9. В силу наличия угрозы со стороны внешних сил сохранению своей территориальной целостности российское государство всегда придавало большое значение патриотизму, его воспитанию в народе как важнейшему фактору самосохранения, в том числе и своих территорий.

Все отмеченные выше, как и другие особенности российского государства и сегодня в той или иной мере проявляются в общественно-политической сфере жизни российского общества. Это относится как к самой действительности, так и к общественно-политической мысли, которая продолжает исследование этих особенностей, сохраняя, таким образом, и свои традиции.

КОНДРАТЕНКО СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

КАТОЛИЦИЗМ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ:
ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ДИАЛОГУ

Аннотация: в статье анализируются некоторые аспекты дискурса современного католицизма в контексте межконфессионального диалога с Русской православной церковью. Церковь претендует на абсолютное обладание знанием о политическом благе и выступает инициатором новых общественных дискуссий, в центре которых находятся сугубо политические вопросы.

Ключевые слова: политическая аргументация, традиция, церковь, христианство, католицизм, православие, церковный раскол, РПЦ, межконфессиональный диалог.

На протяжении столетий европейский политический дискурс являлся рефлексией институционального дуализма государства и церкви. Нельзя не согласиться с К. Шмиттом, заключившим: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причем, например, всемогущий Бог становится всевластным законодателем, но и в их систематической структуре»¹. Этот тезис К. Шмитта в полной мере применим и в отношении политических институтов. Европейские демократические институты являются продуктом длительного процесса секуляризации «религиозного государства». Следует признать правоту Г. Дж. Бермана и Г. Кенигсбергера, усматривающих в перманентном противостоянии государства и церкви в Европе истоки принципов современной демократии и правового государства: «Инициаторы средневековых споров добились главного: они заложили фундаментальную и жизненно важную западноевропейскую традицию — традицию поиска правовой защиты от тирании. Эта традиция требовала, чтобы любая политическая власть не только опиралась на прецедент или силу, но и имела бы рациональное оправдание»².

¹ Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 57.

² Кенигсбергер Г. Средневековая Европа: 400–1500 годы. М.: Весь мир, 2001. С. 183. Так же см.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та: Изд. группа Инфра-М-Норма, 1998; Кондратенко С. Е. К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 4. С. 56–67.

Как и в определенные периоды истории Европы, в России церковь исторически поддерживала культурное и политическое единство территорий. Однако позаимствованная византийская идея «симфонии властей», в своем чистом виде всегда существовавшая лишь на идеальном уровне, на практике оборачивалась господством государства над церковью, признавшей власть князя над собой: «Восточные христиане потеряли то, в чем грешили, в чем не были христианами — независимость политической и общественной жизни»¹. Конфликт между церковью и государством в борьбе за лояльность подданных, актуальный со времен «папской революции» XI века и имевший огромное значение для развития политической аргументации в Западной Европе, практически отсутствовал в России. Определяющей для формирования модели взаимоотношений государства и церкви в России оказалась церковная реформа Петра I, опиравшегося на опыт протестантских государств.

Сегодня, в условиях кризиса политических институтов и гражданского общества, существенно возрастает роль церкви. Одна из основных причин современного кризиса — крушение тотального индивидуализма, ставшего идейной основой мироустройства конца прошлого века. Но ни отказаться от индивидуализма, ни вернуть его в приемлемые границы самостоятельно современные либеральные общества пока не в состоянии. Церковь стремится укреплять эти границы на основе общечеловеческих ценностей: справедливости, свободы совести, семьи, нравственного закона и др. Эти обстоятельства актуализируют межконфессиональный диалог между Римской католической церковью и Русской православной церковью, и вновь делают католицизм объектом политико-философской рефлексии, которая уже имела место в российском политическом дискурсе второй половины XIX в. Достаточно вспомнить оживленную полемику между В.С. Соловьевым и Н.Я. Данилевским².

Тысячелетний церковный раскол — серьезная угроза современному христианству, которая приобрела глобальный и чрезвычайно острый характер на фоне дехристианизации и исламизации. До сих

¹ Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Соч. соч.: В 4 т. Т. 4. СПб.: Издание Тов-ства «Общественная польза», 1887. С. 43.

² Данилевский Н.Я.Г. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. С. 670–714.

пор не затухает конфликт на Западной Украине, где традиционное православие вытесняется униатами, поддерживающими Украинскую православную церковь Киевского Патриархата во главе с митрополитом Филаретом.

Оставляя в стороне вероучительные разногласия, главными препятствиями для интенсификации межконфессионального диалога являлись униатизм и прозелитизм католической церкви на традиционных канонических территориях Русской православной церкви. В своей знаменательной страсбургской речи 1988 г. Иоанн Павел II утверждает, «что церковь должна полагать здравый предел политической власти и не допускать ее в сферу совести, последних целей, последнего смысла существования». Эти слова, звучащие эхом древних политических теорий, принадлежат главе института, который со времен Второго Ватиканского собора постоянно декларирует свое принципиальное невмешательство в политику и дела государства. В той же речи верховный понтифик определил позицию католической церкви в отношении новых территорий: «Мое чаяние как верховного пастыря Вселенской Церкви, по рождению принадлежащего к Центральной Европе и знающего устремления славянских народов — этого второго легкого нашего общего европейского организма, — чтобы Европа, свободно и суверенно избравшая себе институты власти, простиралась до пределов, определенных ей не только географией, но и еще более — историей»¹. В 2002 г. Иоанн Павел II обострил конфликт, повысив статус административных единиц католической церкви на территории России до уровня епархий. Позицию РПЦ с предельной четкостью выразил нынешний патриарх, а тогда глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Кирилл, напомнив в своем письме католическому митрополиту Минско-Могилевскому Тадеушу Кондрусевичу, что католическая церковь в России ведет свою миссию «не среди диких племен, никогда не слышавших о Христе, а в стране с тысячелетней христианской культурой и крупнейшей Православной церковью»².

¹ *Иоанн Павел II. Единство в многообразии: размышления о Востоке и Западе. М.: Изд-во «Христианская Россия», 1993. С. 204.*

² *Минин С. Москва и Рим сдали унию в архив // Независимая газета. 2016. 17 марта. № 032 (6646).*

Определенным прорывом в отношениях двух церквей можно считать недавнюю встречу папы Франциска с патриархом Кириллом на Кубе, призванной, по официальной версии Московского патриархата, защитить от геноцида христиан Ближнего Востока, а по неофициальной, — подготовить почву для нового экуменического проекта: «Человеческая цивилизация вступила в период эпохальных перемен. Христианская совесть и пастырская ответственность не позволяют нам оставаться безучастными к вызовам, требующим совместного ответа... Будучи открыты к вкладу иных религий в нашу цивилизацию, мы убеждены, что Европа нуждается в верности своим христианским корням. Призываем христиан Западной и Восточной Европы объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией». В совместной декларации униатизм признан ошибкой, разделяющей христиан: «Православные и греко-католики нуждаются в примирении и нахождении взаимоприемлемых форм сосуществования... Призываем наши Церкви на Украине трудиться для достижения общественного согласия, воздерживаться от участия в противоборстве и не поддерживать дальнейшее развитие конфликта»¹. С практической точки зрения встреча Кирилла и Франциска снимает остроту разногласий между конфессиями и позволяет выступить единым фронтом против общих угроз.

Патриарх Кирилл в последние годы достаточно часто высказывался по поводу христианских корней и консервативных ценностей Европы, за которые православные верующие должны бороться вместе с католиками. Подобная риторика оказалась весьма созвучной не только Франциску, но и российской политической власти, заявившей о себе как о потенциальном лидере «консервативного интернационала» и занявшей поиском союзников на Западе. Этими союзниками становятся критики западной системы, к которым безусловно относится и нынешний понтифик. Для России такой духовный и политический союз был бы крайне желателен с точки зрения создания коалиции, борющейся за более справедливое мироустройство.

¹ Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла от 12.02.2016. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>

Спустя четверть века после выступления Иоанн Павел II Франциск в 2014 г. прибыл в Страсбург, чтобы в свое речи, адресованной европейским парламентариям, подвести итоги евроинтеграции и констатировать глубочайший кризис европейских институтов Франциск: «Сегодня Европа представляется постаревшей, из центра мира, генерировавшего идеи для других континентов, она превратилась в периферию. На смену же новым идеям и свершениям приходит бюрократическая волокита европейских институтов»¹. Дискредитировавшим себя политическим институтам церковь, как и в V в. в условиях распада Римской империи, противопоставляет веру и сообщество верующих как альтернативную форму человеческого сосуществования: «Жизнь верующего становится жизнью церкви, потому что вера исповедуется в теле Церкви как конкретной общности верующих. Христиане являются единым целым, не теряя своей индивидуальности»².

Как и на протяжении всей своей истории, католицизм претендует на обладание истиной относительно того, что считать политическим благом, т.е. центральным концептом различных систем политической философии. Сама католическая церковь демонстрирует выдающуюся политическую адаптивность и готовность к внутренним институциональным изменениям. Об этом может свидетельствовать как внутренняя реформа курии, развернутая папой Франциском, так и его экуменистическая деятельность, в т.ч. по отношению к РПЦ. В то же время, недавний отказ Франциска в аудиенции духовному лидеру буддистов Тибета в изгнании далай-ламе «по очевидным причинам» свидетельствует о политическом прагматизме и неготовности церкви вступать в открытую конфронтацию с Китаем из-за опасения притеснений католиков и шире — о признании католицизмом нового баланса сил в мире, в частности растущей политической мощи Китая.

Библиография

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та; Изд. группа Инфра-М-Норма, 1998. 624 с.
2. Данилевский Н.Я. Г. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. С. 670–714.

¹ Francis. Address of Pope Francis to the European Parliament by 25.11.2014. URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasburgo-parlamento-europeo.html

² Там же.

3. *Иоанн Павел II*. Единство в многообразии: размышления о Востоке и Западе. М.: Изд-во «Христианская Россия», 1993. 241 с.
4. *Кенигсбергер Г.* Средневековая Европа: 400–1500 годы. М.: Весь мир, 2001. 374 с.
5. *Кондратенко С.Е.* К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 4. С. 56–67.
6. *Минин С.* Москва и Рим сдали унию в архив // Независимая газета. 2016. 17 марта. № 032 (6646).
7. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла от 12.02.2016. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>
8. *Соловьев В.С.* Великий спор и христианская политика // Собрание сочинений: В 4 т. Т.4. СПб.: Издание Тов-ства «Общественная польза», 1887. 588 с.
9. *Шмитт К.* Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
10. Francis. Address of Pope Francis to the European Parliament by 25.11.2014. URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasbourg-parlamento-europeo.html

КУКУШКИНА ЕЛЕНА ИОСИФОВНА

К ВОПРОСУ О КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Вопрос о традициях, на которые опираются современные отечественные политологи, занимает центральное место в кругу проблем этой еще не до конца сложившейся молодой отрасли современного обществознания. В работах современных ученых-политологов можно наблюдать соблюдение определенных традиций, формируемых в процессе накопления опыта анализа текущих событий политической жизни, как внутри России, так и за ее пределами. Политика каждой страны, так же как и объединяющая все страны мира международная политика, претерпевают постоянные изменения в условиях набирающей темп глобализации. В связи с этим происходит неуклонное расширение задач теории и все настоятельнее заявляет о себе потребность в совершенствовании методологических оснований научного поиска. Это предполагает, прежде всего, вместе с обращением исследователей к истокам мировой политической мысли (начиная с древних греков и римлян), глубокое осмысление так называемого донаучного этапа в истории политологии, особенностей формирования в России классических традиций гуманитарного знания целом и со-

циально-политических дисциплин в частности. Важную роль в этом процессе играло взаимодействие политической мысли с другими науками о человеке, особенно социологии. Обе эти дисциплины выросли из одного корня и, по сравнению с другими науками об обществе и человеке, обе они отличаются наибольшей близостью к самой социальной реальности, к конкретным историческим событиям в истории народов, населяющих Россию. На протяжении всей истории политология и социология находились в тесном взаимодействии и переплетении, пока, наконец, не наступил момент их размежевания и оформления в две самостоятельные области обществензнания¹. Их национальную специфику, закреплённую в исторически сложившихся традициях необходимо учитывать современным исследователям.

Во второй половине XIX в., вскоре после освобождения крестьян от крепостной зависимости, в России начинаются давно ожидавшиеся серьезные перемены. Превращение интеллигенции в активную общественно-политическую силу, появление разночинной интеллигенции, ширящееся народническое движение, набиравшая силу работа земств — все эти и многие другие процессы сопровождали проведение начавшихся в стране в начале 1860-х годов Великих реформ. В научную жизнь России в то время входил зародившийся во Франции позитивизм — философское направление, в русле которого складывалась и делала свои первые шаги отечественная социология. Это способствовало сближению ученых России с коллегами в наиболее развитых странах Запада. В то время для всей передовой интеллигенции главным и практически первостепенным был вопрос о будущем России. В образованных кругах российского общества наблюдался быстрый рост интереса к событиям политической жизни, усиливалась потребность в их научном анализе. Причем в обсуждение проблем общественно-политической жизни включались не только общественные деятели и ученые-гуманитарии, но и представители естественных наук. Наиболее яркими примерами участия ученых-естествоиспытателей в обсуждении вопросов политики государства, его отношения к науке, к развитию хозяйственных сторон жизни представляют великие русские ученые Д.И. Менделеев и В.И. Вернад-

¹ См. об этом: *Кукушкина Е.И.* Взаимодействие политологии и социологии: исторический аспект // Социс. 2015. № 8.

ский. В то время жизни ученых-гуманитариев значительным событием стало появление в России ряда научных обществ (этнографического, археологического, юридического и др.), стимулировавшее более глубокое изучение политэкономии, истории, русского права. Неизбежным следствием научного прогресса было совершенствование системы высшего образования, росло число университетских лекционных курсов, расширялась их тематика и повышалось их качество.

Обсуждение передовой частью общества необходимых радикальных изменений в управлении государством встречало активное противодействие со стороны официальных теоретиков консерватизма и охранительной политики самодержавной власти. Наиболее убежденными и влиятельными из них были приближенные к власти К.П. Победоносцев и М.Н. Катков. Таким образом проведение реформ и обсуждение вопроса о будущем России сопровождалось ожесточенной идейной борьбой.

Говоря о традициях отечественной политологии, необходимо также учитывать не только ту конкретно-историческую обстановку, в которой создавались те или иные социальной теории, но и особенности личностей ученых, обобщивших в своих трудах весь предшествующий и современный им опыт изучения политической мысли и сформулировавших основные принципы современной политологии.

К середине XIX века, когда социально-политическая мысль в России достигла в своем развитии достаточно высокого уровня, появилась возможность сделать следующий шаг — приступить к обобщению всего разнообразия представлений о политике как особой сфере общественной деятельности, постепенно выявляя ее специфику как самостоятельного предмета научного анализа. Выдающиеся умы России К.Д. Кавелин (1818–1885), Б.Н. Чичерин (1828–1904) и М.М. Ковалевский (1851–1916) по праву считаются основателями отечественной теории политики: они свели воедино и обобщили достижения своих предшественников, сформулировали важнейшие принципы политологии, выполнив тем самым свою историческую миссию создателей и носителей классических традиций отечественной политологии. Знание и учет этих традиций должны помогать современным политикам и политологам правильно определять верное направление своих поисков, находить необходимые средства реализации поставленных целей и получения объективных результатов, обеспечивая

дальнейшее укрепление и развитие выработывавшихся веками классических традиций.

Труды М.М. Ковалевского составляют завершающий этап процесса формирования политологии. Поэтому традиции политологических исследований получили в них наиболее полное отражение. Казалось бы, имея такую надежную опору для своих исследований, современные политологи получили возможность плодотворно трудиться и наращивать знания в столь важной области научных исследований. Однако в реальности дело обстояло отнюдь не просто. С победой Великой Октябрьской социалистической революции и началом впервые в истории человечества строительства государства, основанного на принципах социализма, на первых порах отвергались все прежние ценности и с «корабля современности» ниспровергались признанные авторитеты в области социально-политических наук. Это неизбежно тормозило в течение длительного времени нормальный процесс развития отечественного социально-гуманитарного знания и, вместе с тем, приводило к отказу от сложившихся традиций.

Научная и общественная деятельность одного из забытых научных авторитетов — выдающегося ученого-правоведа, историка, экономиста, социолога, этнографа — Максима Максимовича Ковалевского начиналась в последней трети девятнадцатого века, в разгар Великих реформ. Оставленное им богатое научное наследие, освоение которого начинается лишь в последние десятилетия минувшего века Яркий талант и живость характера, увлеченность профессией исследователя и педагога сочетались в поведении ученого с умением общаться с самыми разными людьми. Среди коллег он снискал навсегда закрепившийся за ним титул Рыцаря Истины. В Западной Европе с легкой руки его большого друга известного французского ученого-социолога Рене Вормса его стали называть связующим звеном между Россией и Западом. Как собеседник Ковалевский легко завладевал симпатией окружающих, нередко становясь душой компании.

Завершая намеченный в предыдущем столетии процесс формирования основ политической науки, М.М. Ковалевский наметил главные этапы эволюции политических идей, рассмотрел деятельность государственно-правовых институтов в их развитии и изучил их исторический путь в ряде конкретных стран включая Россию. Первые результаты этих исследований ученый изложил в своей магистер-

ской диссертации, посвященной развитию местного самоуправления (1878). Дальнейшая работа ученого над этой широкой тематикой получила отражение в его докторской диссертации «Общественный строй Англии конца Средних веков» (1880) и в 4-томном труде «Происхождение современной демократии» (1895–1897).

Отличительной особенностью научного творчества М.М. Ковалевского является глобальный подход к изучаемому предмету и стремление к социальной гармонии, с достижением которой ученый связывал сверхзадачу своих исследований — обеспечить средствами науки возможность максимального приближения человечества к состоянию счастья (через переход общества на каждом историческом отрезке времени к лучшему строю). С этой точки зрения его привлекали все формы и уровни исторического развития человека и человеческих коллективов — от полудикого состояния до высшего уровня интеллектуального развития. Поэтому он с одинаковым интересом приступал как к изучению сохранившихся на Земле первобытных коллективов, так и к исследованию политической жизни стран, достигших наивысшего уровня интеллектуального и социального развития. Отнюдь не случайно он принял приглашение В.Ф. Миллера посетить наиболее глухие уголки Кавказа. Собранный во время этой поездки материал послужил основой для создания монографии о законе и обычае на Кавказе. Это исследование имеет исключительное значение для решения М.М. Ковалевским поставленной им главной задачи — определить пути человечества от полудикого состояния к вершинам цивилизации. На позднем этапе своего научного творчества М.М. Ковалевский сформулировал принципы нового научного направления — генетической социологии (которую он называл также социальной эмбриологией или палеонтологией общества), с созданием которой стало возможным существенное совершенствование методологии политологических исследований. В то время этнографические исследования в России отличались особой активностью и интенсивностью, что способствовало ускоренному восстановлению «первоначальных фазисов общественности». Накопленное к тому времени большое количество данных о ранних формах хозяйственной жизни, политических и правовых институтах удавалось детально изучить благодаря собранному М.М. Ковалевским богатому этнографическому материалу. Обращение к данным этнографии вместе с

историческими фактами, открытиями археологов и новейшими работами фольклористов¹ значительно ускорило процесс определения предмета и задач генетической социологии. Результатом этих исследований стали сформулированные ученым принципы этого нового научного направления. В итоге М.М. Ковалевский пришел к заключению, что генетическая социология представляет собой «ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия и право...»².

В свою очередь сам М.М. Ковалевский в своих исследованиях опирался на традиции, сложившиеся благодаря деятельности ученых предшествующих поколений, которых он называл своими учителями и руководителями: О. Конта, Г. Мэна, Г. Спенсера, Л. Моргана, Дж. Леббока, К. Маркса. С большинством из этих представителей старшего поколения ученых Ковалевский был знаком лично и часто общался с ними во время длительного пребывания в Лондоне и Париже. Подчеркивая момент преемственности, известный русский ученый-историк, социолог и историк науки Н.И. Кареев, сотрудничавший и дружески общавшийся с Ковалевским на протяжении четырех десятилетий, отмечал у него полное отсутствие интереса к спорам на отвлеченные темы, а с другой стороны — обращал внимание на его живой интерес к возможным грядущим событиям. На этом основании Кареев пришел к заключению, что его многолетний соратник и коллега не может считаться объективистом чистой воды, а является историком-политиком («если под политикой разумею стремление к воздействию на общественную жизнь во имя определенных идеалов»³).

Основываясь в своих исследованиях на традициях французских и английских ученых-обществоведов, Ковалевский смог прояснить еще один важный момент в вопросе о традициях в политологии: он способствовал преодолению в научных трудах своего времени укор-

¹ Здесь уместно напомнить о том, какое большое значение придавал М.М. Ковалевский использованию данных фольклора в работах теоретиков-гуманитариев.

² *Ковалевский М.М.* Социология: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 1.

³ *Кареев Н.И.* М.М. Ковалевский как историк и социолог // М.М. Ковалевский: Сб. статей. Пг., 1917. С. 373.

нившегося одностороннего подхода к обществу, воспринятого у исследователей немецкой школы.

М.М. Ковалевский отличался особо внимательным отношением к фактам и неуклонным стремлением к синтезу накапливаемого фактического материала. Одним из важнейших сделанных им открытий, составившим завещанные им следующим поколениям ученых традиции, стал ответ на вопрос об источнике социальных изменений. Подведя итог исследованиям в области теории факторов, ученый обосновал принцип плюрализма в исследованиях общества и человека, заменив понятия фактора (или факторов) понятием независимой переменной.

Соблюдение сложившихся в русской науке традиций было обязательным и в педагогической практике М.М. Ковалевского. Создавая в начале XX века в Париже Высшую русскую школу общественных наук, он первостепенной задачей считал соединение в ней всех областей знания, знакомство с которыми является обязательным для каждого ее слушателя: истории, археологии, географии, этнографии, статистики, экономики, морали, права, политики. К этому перечню ученый добавил произведения художественного творчества — от музыки до живописи и ваяния. Об этом он постоянно говорил в своих устных выступлениях в самых разных аудиториях, писал в специальных научных изданиях и в популярной прессе. Опыт Школы и сложившиеся в ней за короткий период существования заимствовали учебные заведения разных стран, включая Россию, заинтересованные во всесторонней подготовке своих учащихся на современном уровне.

Традиции, которые современная политология, так же как и другие дисциплины, носителем которых был наш великий предшественник М.М. Ковалевский, имеют еще одну сторону, связанную с поведением, характером и моральным обликом ученого. Терпимость к чужому мнению сочеталась в поведении М.М. Ковалевского с принципиальностью во взглядах. Он с величайшим уважением относился к ученым, с которыми расходился во взглядах, ценил их способности, их преданность науке и не раз проявил готовность материально помочь в издании трудов коллегам, не являвшимся его единомышленниками. Так, известна та помощь, которую он оказывал П.Л. Лаврову в издании его сочинений, забота о публикации трудов Н.Г. Чернышевского. Многолетняя дружба связывала М.М. Ковалевского с Карлом

Марксом, с которым он регулярно встречался в доме последнего, приглашаемый каждое воскресенье на обед в кругу семьи Маркса. Не разделявший в целом учения Маркса, он высоко оценивал вклад этого мыслителя в мировую науку и признавал его влияние в отдельных вопросах на ход своих собственных исследований. Известна характеристика, данная Ковалевским Марксу: он увидел в нем «великого апостола не только социализма, но отчасти и новейшей социологии»¹. Много лет спустя, через четверть века после ухода Маркса из жизни, Ковалевский продолжал сохранять благодарную память о своем знакомстве с ним и называл его своим учителем². Высокая нравственность ученого, такие его качества, как терпимость по отношению к любому мнению, уважительное отношение к умным противникам, проявление деликатности в спорах на научные темы, безукоризненное выполнение своего гражданского долга как ученого и воспитателя студенческой молодежи, забота о нуждах студентов и при этом высокая требовательность учителя при проверке их знаний — эти и многие другие свойства души и характера, так же как и манера поведения М.М. Ковалевского, бесспорно являются важной составляющей тех традиций, которых придерживался он сам и которые были им завещаны новым поколениям граждан России.

Итак, подводя итог рассмотрению вопроса о классических традициях в развитии современной отечественной политологии, необходимо выделить определенную совокупность исследовательских установок, которыми руководствуется современный ученый-гуманитарий, занимаясь разработкой избранной темы в целях получения объективных результатов своего труда. Прежде всего, это установка на всесторонний охват предмета исследования с учетом всех связей политологии с другими науками, в том числе и естественными (с географией, биологией, психологией). Далее — необходимо располагать достаточным количеством проверенных фактов, добытых самим исследователем. Исследователь должен также опираться на достижения в изучении предмета его исследования в прошлом и настоящем и обоснованно оценивать степень изученности избранной им темы. Для этого требуется знакомство с наиболее серьезными исследова-

¹ Ковалевский М.М. Этнография и социология. М., 1904. С. 27.

² Ковалевский М.М. Две жизни // Вестник Европы. 1909. № 7 и 8.

ниями в данной области. При этом необходимо находить в уже созданных теориях данного предмета наиболее уязвимые или спорные положения и искать наиболее эффективные способы их проверки и дальнейшего изучения. От любого исследователя требуется ясное понимание важности разработки избранной им темы и обоснования ее актуальности с точки зрения развития науки и применения получаемых результатов в сфере практической деятельности. В обосновании выбора темы исследования должны, прежде всего, присутствовать социально значимые мотивы. То есть, научный труд должен быть не просто средством удовлетворения интереса частного лица (его автора), а служить развитию прогрессивных тенденций в жизни общества, членом которого является человек науки. В трудах представителей классического периода развития социально-политической мысли нашли конкретное воплощение эти и другие исследовательские установки. В живом процессе работы сегодняшних ученых над жизненно важными не только для России, но и для всех стран мира, для всего человечества проблемами классические традиции составляют необходимый ориентир, позволяющий находить наиболее верные пути и средства достижения на всей планете Земля безопасного и счастливо-го существования человека, о чем мечтал М.М. Ковалевский.

ОМЕЛЬЧЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

«РУССКИЙ ЭТАТИЗМ» И «РУССКИЙ НИГИЛИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ КОНЦА XIX—XX ВВ. (НЕСКОЛЬКО АКТУАЛЬНЫХ ТЕЗИСОВ)

Аннотация: статья посвящена анализу рокового для русского государства «двуединства» двух фундаментальных особенностей российской политической культуры — русского этатизма и русского нигилизма, представлявших в условиях России конца XIX — начала XX вв. явление одного социального порядка. В статье обосновывается мысль о том, что сочетание русского этатизма и русского нигилизма, взаимопроникавших и взаимодополнявших друг друга, выразивших нигилистическое отношение к сложным проявлениям реальной жизни, обусловили особо разрушительный ход русской революции 1917 г. и, в конечном счете, крушение исторической государственности.

Ключевые слова: политическая культура, русский этатизм, государственный максимализм, патернализм, русский нигилизм, деспотизм, анархизм, догматизм.

Сегодня исторически очевидна та огромная роль, которую играют в жизни любого общества, общественных групп и индивидов национальные традиции и политическая культура общества, свойственное той или иной социальной общности, тому или иному народу отношение к государственной власти, политическому участию.

Именно особенности политической культуры общества, приобретающие в результате длительной исторической эволюции либо последовательной индоктринации характер устойчивых установок и ценностей, оказывают непосредственное влияние на формирование национальных особенностей политических отношений, моделей демократии и политического процесса в целом.

Так, общий устойчивый тренд в сторону демократического развития, со временем составивший характерную черту развития ряда стран Западной Европы, был логическим продолжением сформировавшихся задолго до утверждения идей политической демократии либеральных принципов свободы, частной собственности и экономической автономии, невмешательства государства в частную жизнь граждан.

На принципиально иной основе формировались основные черты русской ментальности: русские изначально придерживались «антикапиталистической» ментальности, они традиционно по преимуществу не возводили частную собственность в ранг «священных принципов» (для русского человека идеалом была не богатая, а «святая Русь»).

Принято выделять ряд фундаментальных особенностей российской политической культуры, которые в совокупности определяли вектор всего общественного развития. К основным из них обычно относят присущие социокультурному контексту национально-государственного развития России ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни (*этатизм*) и государствоцентричность, изначально ограничивавшие сферу публичной политики и возможности формирования гражданского общества. Принадлежностью русской политической культуры стали обусловленные природно-климатическими условиями патерналистские черты широких народных масс, а также связанная с укоренившейся в

массовом сознании сакрализацией верховной власти устойчивая вера в высшую справедливость державного правителя, царской милости.

Отчасти эти черты русской политической культуры были сформированы историческими особенностями становления и развития российской государственности. Объективные условия «месторазвития» (по терминологии евразийцев) сформировали в России особую «сдерживающую» модель государства, которое вынуждено было не только обустроивать огромное «разбегавшееся» пространство, но и блокировать дезорганизующие, анархические силы, внешне выражавшиеся в различных проявлениях русской смуты. Все это придавало формируемому Московскому царству характер восточного абсолютизма, воплощенного в национальной форме самодержавной монархии. Уже в правление Ивана IV дает о себе знать тот «эстатистский соблазн», который будет преследовать Русскую власть на протяжении всей дальнейшей политической истории России.

Эта русская самодержавная монархия в течение нескольких веков находила поддержку в широких народных массах, разделявших в духе восточно-языческого монархизма убеждение о подобии порядка небесного и порядка земного. Примером могут служить многочисленные народные пословицы, буквально воспроизводившие в точном соответствии с языческими образцами теорию самодержавной монархии («Лучше грозный царь, чем семибоярщина», «Грозное царство лучше междуцарствия», «Бог на небе, царь на земле», «Без Бога свет не стоит, без царя земля не строится»)¹.

Дальнейшие события, связанные с укреплением абсолютной монархии в России, оказали решающее влияние на традиционную психологию и монархическое сознание русского народа, которое изначально не являлось точной копией официально признанной московским правительством иосифлянской теории московского самодержавия. Обожествляя монархию как институт, как символ веры, русский народ достаточно критически оценивал ее практическое воплощение, не прощая отступничества государства от народного идеала («До Бога высоко, до Царя далеко», «Не ведает царь, что делает псарь», «Царские милости сквозь боярское сито сеются», «Судьям полезно, что им в карман полезло»). Со временем в сознании народа

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

возникает смутное разочарование в подлинности московской самодержавной монархии как «последнего православного царства», что в перспективе создавало основания для резкой социальной критики религиозно обоснованного государства.

Петровский «государственный максимализм» должен был вступить в противоречие с христианской идеей духовного суверенитета каждой личности и отрицательно сказался на самочувствии народа, который, по замечанию Г.П. Федотова, «перестал понимать свое государство»¹, постепенно оказался в глубокой конфронтации с ним. После утверждения в России крепостного права и особенно после петровских ревизий, сопровождавшихся бесцеремонным вмешательством государственной бюрократии в деле «мира», народные массы стали воспринимать государство как «чужую власть», держащуюся на принуждении.

И здесь мы выходим на вторую не менее значимую особенность русской ментальности — *русский нигилизм*. В сущности, и русский этатизм как традиционная основа российской политической культуры, и русский нигилизм были явлениями одного порядка, имели один социальный корень. Уникальность русской политики, писал один из крупных русских философов С.Л. Франк, заключалась в том, что «в силу своеобразия исторического и культурного развития общества деспотизм и анархия шли в России всегда бок о бок, составляя роковое для страны «двуединство». Оба они имманентно выражали собой все тот же русский нигилизм, нигилистическое отношение к сложным проявлениям реальной жизни, взаимопроникали и взаимодополняли друг друга».

В этом видел русский философ основную причину крушения исторической России в 1917 г. и этим же, по его мнению, объяснялись многие неудачи русского освободительного движения в конце XIX — начале XX века. Если роковой конец старого порядка, заключал автор, «во многом определен был тем, что он связал идею консерватизма с нигилистическим деспотизмом и насильничеством», то совершенно так же роковая судьба русского освободительного движения состояла в том, что «исторически назревшая и по существу правомерная по-

¹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 129.

требность русского общества и народа в духовной самостоятельности и автономности слилась в ней с бунтарской стихией нигилизма»¹.

Те же мысли мы находим и у другого русского политика, П.Б. Струве. По его мнению, одной из основных причин особо разрушительного хода русской революции 1917 г. явилось ставшее традиционным для России отчуждение от политического процесса двух самых главных слоев русского общества — образованной элиты и крестьянской массы, которые не были вовремя «в надлежащей постепенности» привлечены «к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти»². Отстраненные русским самодержавием, ревниво оберегавшим свои автократические прерогативы, от государственности, собственности и правосознания, они оказались чуждыми идеям нации и государства. Народные массы «не имели ни вкуса к свободе, ни уважения к собственности», образованные же классы, выросшие во вражде к государству, от которого они были отчуждены, ставшие жертвой всякого рода абстракций, особенно социализма, не имели в момент революции «достаточного отвращения к своеволию, т.е. к попранию права и прав и, главное, самого основного из них — собственности»³.

Именно комбинация этих двух различных в своей основе сил — элиты и масс, объединившихся для разрушения государства, права и собственности (опустошительный союз, не встречавшийся ни в какой другой революции), и создали, по мысли Струве, «ту духовную атмосферу, в которой протекала русская революция»⁴.

Главным виновником этой трагедии, была, по мнению Струве, царская монархия, слишком долго и слишком ревниво охранявшая свою неограниченную власть и не пожелавшая вовремя провести политические и социальные реформы. Однако этому же способствовали и ненормальности и изъяны самой идейной жизни русского общества и особенно идейные изъяны в мировоззрении русской интеллигенции, для которой были свойственны оторванность от почвы,

¹ Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1922. Кн. I–II. С. 306.

² Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 26–27.

³ Струве П.Б. Клич к освобождению Реакция под личиной революции // Россия и славянство. 1932. 1 декабря.

⁴ Струве П.Б. Россия // Русская мысль. 1922. Кн. III. с. 109.

непрактичность, утопизм, отрицание многообразия законов жизни и склонность к слишком простым, несложным обобщениям и схемам, догматизм в построении своих идеалов.

Нельзя также не учитывать того огромного культурного отчуждения между образованным классом и остальной частью народа, между верхами и низами русского общества, которое определяло весь ход развития России в XVIII и XIX вв. и во многом предопределило разрушительный характер революции 1917 г, закончившейся крушением российской государственности. Прав был скорее не В.И. Ленин, а русский философ С.Л. Франк, утверждавший, что «классовая» ненависть русского крестьянства к дворянам-помещикам подкреплялась в России более глубоким чувством культурно-бытовой отчужденности. По словам философа, русский мужик не принимал в помещике в первую очередь «барина», а не только «помещика-эксплуататора», видел в нем существо чужой культуры, ему чуждое (вплоть до платья и внешнего обличья), непонятное и потому внутренне неоправданное¹.

Библиография

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998.
2. *Струве П.Б.* Клич к освобождению. Реакция под личиной революции // Россия и славянство. 1932. 1 декабря.
3. *Струве П.Б.* Размышления о русской революции. София, 1921. С. 26–27.
4. *Струве П.Б.* Россия // Русская мысль. 1922. Кн. III. С. 109.
5. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. СПб., 1993.
6. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1922. Кн. I–II.
7. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII.

¹ *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 246–247.

ФОМИН ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

ПАТРИОТИЗМ И НАУКА В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ: ОТ М.В.ЛОМОНОСОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация: в статье показывается, что норманская теория с момента своего возникновения в шведской донаучной историографии XVII в. использовалась в антирусских целях и что против нее первыми выступили немецкие историки XVII — первой половины XVIII в. М.В.Ломоносов, развивая их идею о выходе варягов из пределов Южной Балтики, в полном объеме продемонстрировал несостоятельность норманизма и пришел к выводам, которые поддержали ученые разных национальностей. Но оппоненты Ломоносова, будучи не в состоянии опровергнуть его аргументы, навязали науке представление о том, что в решении варяго-русского вопроса он исходил лишь из патриотических побуждений.

Ключевые слова: П. Петрей, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, антинорманизм, черноморская русь, варяги, Южная Балтика.

В 1968 г. эмигрант М.Д. Каратеев отметил, что «норманская доктрина пошла на вооружение тех русофобских сил западного мира, которые принципиально враждебны всякой сильной и единой России, — *вне зависимости от правящей там власти* (курсив мой. — В.Ф.), — и служит сейчас чисто политическим целям»¹. Действительно, стоило президенту В.В. Путину в послании к Федеральному Собранию в декабре 2014 г. сказать, говоря о важности возвращения Крыма в «родную гавань», что «именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе... принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь», как его тут же поспешили «поправить» из Швеции. И большим знатоком русской истории оказался ее бывший премьер-министр К. Бильдт, который 4 декабря написал в твиттере: «Это был античный греческий город Херсонес, где викинг князь киевский Вальдемар был крещен. Сомнительные основания для Москвы претендовать на Крым»².

Имевший славянское имя и славянское отчество «викинг князь киевский Вальдемар» есть порождение шведского взгляда на наше прошлое (обычно именуемого норманизмом), впервые озвученного в

¹ Каратеев М.Д. Норманская болезнь в русской истории // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 190–191.

² [valdemar/?utm_source=feedburner&utm_medium=email&utm_campaign](https://www.tweetdeck.com/valdemar/?utm_source=feedburner&utm_medium=email&utm_campaign)

1614–1615 гг., когда Швеция, стремясь удержать за собой захваченные в ходе Смуты обширные русские земли, заявила устами придворного историографа П. Петрея, что русские варяги были шведами (его «История о великом княжестве Московском» вскоре вышла на немецком языке в Лейпциге). Этот тезис, по оценке немецкого историка Г. Эверса, данной в 1808 г., «простодушного пустомели» Петрея, активно пропагандировали, в том числе и вне пределов Швеции, его соотечественники, например, в 1639–1698 гг. Р. Штраух, Ю. Видекинд, Э. Рунштейн, О. Верелий, О. Рудбек, а затем — особенно в ходе и после Северной войны (и все также до Г.З. Байера, мнимого «родоначальника» норманизма) — Х. Бреннер в 1723 г., А. Моллер в 1731 г., А. Скарин в 1734 г.¹

Но в те же самые годы совершенно иначе смотрели на этническую природу варягов, сыгравших важную роль в становлении государственности на Руси, другие представители германского мира: немцы Б. Латом, М. Преторий, Ф. Хемниц, И. Хюбнер, Г.В. Лейбниц, Ф. Томас, Г.Г. Клювер, М.И. Бэр, С. Бухгольц, датчанин А. Селлий, доказывая, что варяги вышли с южных берегов Балтийского моря (из славянской Вагрии). Причем Томас и Бэр в 1717 и 1741 гг. прямо оспорили заблуждение Петрея, а в 1688 г. Преторий подчеркивал, что русские призвали себе князей «от народа своей крови» «из Пруссии и с ними сообщенных народов», но только не из Дании или Швеции. Таким образом, именно эти ученые, политически не ангажированные и опиравшиеся на давнюю историографическую традицию (зафиксированную немцами С. Мюнстером и С. Герберштейном в 1544 и 1549 гг.), являются первыми антинорманистами².

При этом их нельзя обвинить в ложно понятом патриотизме, как это начал утверждать в 1802 г. в адрес М.В. Ломоносова, будучи не в состоянии опровергнуть его аргументы, А.Л. Шлецер (а за ним — наша наука, параллельно с тем невольно дискредитируя патриотизм вообще). По той же причине и с той же целью сегодня археолог

¹ Ewers J.P.G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. S. 53, anm. 2; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 8–57; Он же. Ультранорманизм в прошлом и настоящем // Историческое образование. 2014. № 2. С. 22–69.

² Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 422–438; Он же. Варяги и русь // Варяги и Русь: Сб. статей и монографий. М., 2015. С. 37–46.

Л.С. Клейн шумно ведет речь о его «крикливых ультрапатриотических эскападах», что он, выступив против Г.Ф. Миллера, выступил «против оскорбления патриотических чувств», что он «был предвзятым и потому никудашным историком, стремился подладить историю к политике и карьерным соображениям, и в их споре был, несмотря на частные ошибки, несомненно, кругом прав Миллер» и что немцы Байер, Миллер, Шлецер «блюли пользу науки, а Ломоносов мешал ей»¹.

Но против Миллера, точнее его речи-«диссертации» «Происхождение народа и имени российского», повторявшей шведских петреев, выступили во время ее обсуждения в 1749–1750 гг. не только *русский* Ломоносов, но и *немцы*, академики Петербургской академии наук И.Э. Фишер и Ф.Г. Штрубе де Пирмонт, которых к патриотам России также не отнесешь (последний, например, резюмировал, «Академия справедливую причину имеет сомневаться, пристойно ли чести ее помянутую диссертацию публично читать и напечатавши в народ издать»). А в 1875 г. другой «непатриот», немец и крупнейший норманист XIX в. А.А. Куник назвал речь Миллера «препустой»². Следовательно, позиция Ломоносова в варяго-русском вопросе (в том числе и к сочинению Миллера) имеет отношение именно к установлению истины и не к чему более. В пользу чего говорит тот факт, что многие его выводы приняли и развили ученые, независимо как от своего взгляда на этнос варягов и руси, так и от своей национальной принадлежности.

И прежде всего это вывод о давнем пребывании руси в южных пределах Восточной Европы. Опираясь на «Окружное послание» патриарха Фотия (867 г.), в котором тот напоминает о нападении русов на Константинополь в июне 860 г., Ломоносов заключил: «Толиких дел и с толь великою славою в краткое время учинить было невозможно. Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика»³ (однако Шлецер вычеркивал из истории черноморскую русь: «никто

¹ Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009. С. 21–24, 89, 201, 217, 240, 252, 254–255, 258; Он же. Трудно быть Клейном. СПб., 2010. С. 136–138, 614.

² Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 763; Дополнения А.А. Куника // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875. С. 641.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные ред. А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2011. С. 23.

не может более печатать, что Русь задолго до Рюрика пришествия называлась уже *Русью*»¹). Исключительно важную роль в закреплении в науке мысли нашего гения сыграл в 1808 и 1814 гг. немецкий историк и ученик Шлецера Г.Эверс. Как подытоживал норманист В.А.Мошин, в эпоху расцвета «ультранорманизма» шлецеровского типа» большое влияние оказала критика Эверсом «норманизма и доказательство пребывания руси на Черноморьи до 862-го года»².

А эти доказательства были столь весомыми, что их приняли исследователи разных национальностей (включая известных норманистов): И.С. Фатер (немец), Н.А. Иванов, П.И. Шафарик (словак), С.М. Соловьев, А.Я. Гаркави (еврей), Д.И. Иловайский, Е.Е. Голубинский, В.Г. Васильевский, С.Ф. Платонов, А.А. Шахматов, Л.В. Падалко, В.А.Пархоменко, Г.В. Вернадский, Д.Т. Березовец, В.И. Абаев, Д.Л. Талис, О.Н. Трубачев, К.А. Максимович и др.³

Критикуя норманскую теорию, Ломоносов констатировал, что, во-первых, «имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слышано». Норманисты почти 130 лет игнорировали этот вывод, пока в 1870-х гг. датский лингвист В. Томсен не признал (а за ним и другие норманисты, зарубежные и отечественные), что скандинавского племени по имени русь никогда не существовало и что скандинавские племена «не называли себя русью». Во-вторых, отсутствие сведений о Рюрике в скандинавских источниках. Позже Г. Эверс данный факт охарактеризовал как «убедительное молчание»⁴ (при этом младший современник Рюрика норвежец Ролло-Роллон, который с 876 г. неоднократно грабил Францию, а в 911 г. основал весьма небольшое герцогство Нормандское, вступив в вассальные отношения к французскому королю, сагам хорошо известен).

¹ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. XXVIII, 258, 315; ч. II. СПб., 1816. С. 86–116. Здесь и далее курсив принадлежит авторам.

² Ewers J.P.G. Op. cit. S. VII, 129, 212–271; Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2. М., 1826. С. 60–63, 72–73, 159–273; Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии: Сб. статей и монографий. М., 2010. С. 26–27.

³ Фомин В.В. Варяги и русь. С. 10–25.

⁴ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 26, 57, 130; Ewers J.P.G. Op. cit. S. 179–184; Эверс Г. Указ. соч. С. 148–151; Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 80, 82.

Указал Ломоносов и на полное отсутствие скандинавских названий на Руси (среди наименований древнерусских городов совершенно отсутствуют, подводил в 1972 г. черту польский лингвист С. Роспонд, «скандинавские названия», хотя, с одной стороны, летописцы фиксируют активное градостроительную деятельность первых варяжских князей Рюрика и Олега, с другой, например, в Англии и Франции, куда в реальности устремляли свои набеги норманны и где они затем в реальности оседали, в огромном количестве присутствуют скандинавские топонимы). Вот почему Ломоносов решительно пресек попытку Миллера представить Изборск в качестве скандинавского Иссабурга. Эту же идею не приняли норманисты Н.М. Карамзин и П.Г. Бутков. Современные приверженцы норманизма Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественская установили, что Изборск — это «славянский топоним». В 1994 г. немецкий языковед Г. Шрамм резюмировал: «Я охотно признаю, что славянская этимология названия Изборск пока имеет больше шансов на успех»¹.

Также решительно отверг Ломоносов и тезис, что «русские» названия днепровских порогов принадлежат скандинавскому языку. Частично правоту его слов признал в 1802 г. А.Л. Шлецер, сказав по поводу интерпретации этих названий как скандинавские, что некоторые из них «натянуты». В 1825 г. немецкий историк И.Г. Нейман правомерно заметил, что результат «превращения» названий порогов в скандинавские уже «по необходимости брать в помощь языки шведский, исландский, англо-саксонский, датский, голландский и немецкий... делается сомнительным». В 1985 г. М.Ю. Брайчевский к

¹ Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 397; Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 18–19, 32; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. Прим. 278; Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Нестеровой, от наветов скептиков. СПб., 1840. С. 61–62; Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 62; Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В. Несколько замечаний о происхождении и семантике топонима Изборск // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков, 1987. С. 24–27; Они же. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 1988. С. 224–226; Шрамм Г. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 145–150.

«русским» названиям днепровских порогов привел убедительные параллели из осетинского (аланского) языка, вместе с тем показав, что из германских языков нельзя объяснить ни одного из них¹.

Ломоносов отмечал, что Байер имена наших первых князей, «последуя своей фантазии», «перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги Аллогия, из Всеволода Визавалдур и проч.» (для германцев было характерно явление, отсутствующее в реалиях Руси и отмеченное Шлецером: «Германские завоеватели Италии, Галлии, Испании, Бургундии, Картагена и пр. всегда в роде своем удерживали германские имена, означавшие их происхождение»). О произвольном обращении Байера с русскими именами и названиями говорил затем Н.М. Карамзин (он «излишно уважал сходство имен», потому и «искал нашего Кия в готфском короле *Книве*», а название Москвы производил от монастыря «Моской. А имя Моской — от “муж” и “мужик”», т.е. мужская обитель»). Байер, резюмировал С.М. Соловьев, к своим выводам шел «путем внешних филологических сближений» и допускал натяжки в словопроизводствах, впадая при этом «в крайность», например, производя Псков от псов, город псовый. В.О. Ключевский, говоря о способе этого же ученого переименовывать летописные имена в скандинавские, констатировал, что «впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым, но самый прием доказательства держится доселе»².

Касаясь темы имен, Ломоносов вместе с тем правомерно говорил, что они сами по себе не указывают на язык их носителей и потому не могут считаться при разрешении варяго-русского вопроса главными доказательствами, на чем настаивают, за неимением собственно

¹ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 25–26, 28; Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 382, прим. на с. 330; Эверс Г. Указ. соч. С. 138; Погдин М.П. О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и критический разбор оногo. М., 1826. С. 37, прим.; Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев, 1985. С. 23–28.

² Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 17, 24; Шлецер А.Л. Нестор. Ч. III. СПб., 1819. С. 475; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. I. Прим. 71, 96; т. II–III. М., 1991. Прим. 301 к т. II; Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьева. СПб., [1901]. Стб. 1358–1359; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. М., 1959. С. 398.

исторических аргументов, норманисты: «Почти все россияне имеют ныне, — задавал он в 1749 г. Миллеру вопрос, оставленный без ответа, — имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски?». Справедливость данного замечания особенно видна в свете показаний Иордана, отметившего в VI в. давний факт активного международного обмена именами: «Ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»¹.

Ломоносов указывал на отсутствие связи между именами «Русь» и «Ruotsi» (финское название Швеции). То же самое утверждали в XX в. и утверждают сейчас зарубежные и отечественные лингвисты: Я. Отрембский (поляк), Ю. Мягисте (швед), А.В. Назаренко, Г. Шрамм (немец), О.Н.Трубачев, К.А. Максимович. Так, в 1960 г. Отрембский заключил, что норманистская версия происхождения имени «Русь» «является одной из величайших ошибок, когда-либо совершавшихся наукой». Шрамм в 2002 г. охарактеризовал идею происхождения имени «Русь» от Ruotsi как «ахиллесова пята», так как не доказана возможность перехода *ts* в *s*, и потребовал убрать «вопрос о происхождении слова *Ruotsi* из игры!»².

Видя в «варягах» общее наименование западноевропейцев, Ломоносов обращал внимание на тот факт, что в Сказании о призвании варягов, читаемом под 862 г., летописец выделяет русь из числа других варяжских (западноевропейских) народов, при этом не смешивая ее со скандинавами: «Блаженный Нестор, летописец печерский, варягов различает на свиев, на готов, на урмян (норманов), инглян (ингрян) и на русь. Следовательно, сии варяги жили по разным местам». Точно так рассуждали Миллер (уже после дискуссии) в 1761 и 1773 гг., Шлецер в 1768 и 1802 гг., М.П. Погодин в 1825 и 1846 гг.³ Ломоносов,

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*). СПб., 1997. С. 72; Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 25, 41.

² Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 18, 29, 32, 60; *Otrębski J. Rusz // Lingua posnaniensis*. T. VIII. Poznan, 1960. S. 219; *Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert*. Freiburg, 2002. S. 101, 107.

³ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 18, 22, 26–29, 49, 121, 125–127, 185; Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новагорода // Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 101; Он же. О народах издревле в России обитавших // Там же. С. 85, 87, 92; Шлецер А.Л. Опыт

констатируя, что «имени русь в Скандинавии... нигде не слышано», вместе с тем указал на существование в прошлом Неманской Руси, откуда, по его мнению, пришли к восточнославянским и угро-финским племенам варяго-русские князья (оттуда затем их выводили Н.М. Карамзин, И. Боричевский, М.П. Погодин)¹. Как подытоживал в 2007 г. крупнейший специалист в варяго-русских древностях академик В.Л. Янин, наши пращурьы призвали Рюрика из пределов Южной Балтики, «откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам»².

Но при этом в нашей науке продолжает господствовать норманская теория, согласно которой, как, например, утверждал в 1995–2000 гг. историк Р.Г. Скрынников, в нашем прошлом была не Русь, Русская земля и Русская страна, как ее называют источники, а никому не ведаемая «Восточно-Европейская Нормандия» (в которую вошли совершенно неизвестные истории «норманское Полоцкое княжество» и «норманское Киевское княжество»), во главе которой стояли не русские князья, как их именуют современники, а «норманские конунги» Игорь, Святослав, Владимир, или, а это уже слова археолога С.П.Щавелева, произнесенные в 2012 г., что «горсточка» викингов во главе с Рюриком «основала целое государство»³.

А продолжает господствовать эта теория потому, что, во-первых, освящена авторитетными именами исторической науки, во-вторых, ее сторонникам удалось перевести разговор о варягах и руси из области науки в область политическую, представляя критику в свой

изучения русских летописей // Скандинавomania и ее небывлицы о русской истории: Сб. статей и монографий. М., 2015. С. 279–281; *Он же*. Нестор. Ч. I. С. 316–317, 330, 421; *Погодин М.П.* О происхождении Руси. М., 1825. С. 110–115; *Он же*. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 2. М., 1846. С. 142–146.

¹ *Ломоносов М.В.* Указ. соч. С. 27–28, 49, 126, 186.

² Итоги. 2007. № 38 (588). С. 24; Русский Newsweek. 2007. № 52. 2008. № 2 (176). С. 58.

³ *Скрынников Р.Г.* Войны Древней Руси // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 25–27, 29–37; *Он же*. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // Там же. 1997. № 8. С. 3–4, 6–11; *он же*. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 8, 12, 51, 54–55, 63, 67; *Он же*. Русь IX–XVII века. СПб., 1999. С. 15–18, 20–50, 52, 54–55, 59, 60–62, 65, 71–72, 75–76; *Он же*. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 5, 9–19, 20–23, 25, 27, 30, 32; *Щавелев С.П.* 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032:980). Курск, 2012. С. 18.

адрес лишь как патриотические нападки, поддерживаемые государственными структурами (так, привычно избегая разговора по сути варяго-русского вопроса, норманисты «организовали» 1 марта 2016 г. в Сахаровском центре дискуссию среди своих «Борьба с норманизмом как инструмент исторической политики», утверждая, что он «становится заложником политической задачи усиления изоляционизма»¹).

Библиография

1. А.Л. Нестор. Ч. III. СПб., 1819.
2. *Биллярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
3. *Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев, 1985.
4. *Бутков П.Г.* Оборона летописи русской, Нестеровой, от наветов скептиков. СПб., 1840.
5. *Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В.* К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 1988.
6. *Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В.* Несколько замечаний о происхождении и семантике топонима Изборск // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков, 1987.
7. Дополнения А.А. Куника // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875.
8. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 1997.
9. Итоги. 2007. № 38 (588).
10. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М., 1989.
11. *Каратеев М.Д.* Норманская болезнь в русской истории // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.
12. *Клейн Л.С.* Спор о варягах. СПб., 2009.
13. *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном. СПб., 2010.
14. *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. Т. VIII. М., 1959.
15. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. 2-е изд., испр. и доп. М., СПб., 2011.
16. *Миллер Г.Ф.* О народах издревле в России обитавших // Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006.
17. *Миллер Г.Ф.* Краткое известие о начале Новагорода // Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006.
18. *Миллер Г.Ф.* О происхождении имени и народа российскийского // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.
19. *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий. М., 2010.
20. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 2. М., 1846.

¹ <http://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=2645>

21. *Погодин М.П.* О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и критический разбор оного. М., 1826.
22. *Погодин М.П.* О происхождении Руси. М., 1825.
23. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972.
24. *Русский Newsweek.* 2007. № 52; 2008. № 2 (176).
25. *Скрынников Р.Г.* Войны Древней Руси // Вопросы истории. 1995. № 11–12.
26. *Скрынников Р.Г.* Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // Вопросы истории. 1997. № 8.
27. *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997.
28. *Скрынников Р.Г.* Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000.
29. *Скрынников Р.Г.* Русь IX–XVII века. СПб., 1999.
30. *Соловьев С.М.* Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьева. СПб., [1901].
31. *Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891
32. *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
33. *Фомин В.В.* Ультранорманизм в прошлом и настоящем // Историческое образование. 2014. № 2.
34. *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. I.
35. *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. I.
36. *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. XXVIII, 258, 315; ч. II. СПб., 1816. С. 86–116. Здесь и далее курсив принадлежит авторам.
37. *Шлецер А.Л.* Опыт изучения русских летописей // Скандинавomania и ее небылицы о русской истории: Сб. статей и монографий. М., 2015.
38. *Шрамм Г.* Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
39. *Щавелев С.П.* 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032:980). Курск, 2012
40. *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2. М., 1826
41. *Ewers J.P.G.* Vom Urschprunge des russischen Staats. Riga; Leipzig, 1808.
42. *Otrębski J.* Rusz // Lingua posnaniensis. T. VIII. Poznan, 1960.
43. *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002.

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ МАРКОВИЧ

«FREEDOM OF SPEECH» И «WOLNOŚĆ SŁOWA» — В ПОИСКАХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ КАК ФАКТОРОВ
ВОЗДЕЙСТВУЮЩИХ НА ВООБРАЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ
АКСИОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: В статье сосредоточено внимание на выражениях «freedom of speech» и «wolność słowa», понимаемых как два термина, сформированы в рамках двух различных языковых сред. Целью текста является общее распознавание отличий между горизонтом ассоциаций, принадлежащих англоязычной и польскоязычной традициям использования этими терминами.

Ключевые слова: «freedom of speech», «wolność słowa», терминологические традиции, аксиология коммуникации.

1. Введение

В статье сосредоточено внимание на двух терминах, сформированных в рамках двух различных языковых сред. Этими терминами есть «freedom of speech» и «wolność słowa». Первый — что очевидно — это выражение английское, второй — польские. Что важно, в данный момент преобладает тенденция, чтобы «freedom of speech» и «wolność słowa» рассматривались как синонимы.

Тем не менее — форма слова не остается без влияния на содержание. Это происходит хотя бы поэтому, что два близкие по значению или синонимичные выражения имеют очень отдаленные источники и историю. Таким образом, горизонты ассоциаций, которым способствуют эти формулы, также иногда оказываются очень разными. По этой причине, нередко ситуация, в которой синонимы именно через их изменчивую форму могут направлять человеческое мышление совершенно по-другому¹.

Поэтому целью настоящей статьи является общее распознавание отличий между горизонтом ассоциаций, принадлежащих традиции использования термина «freedom of speech» и традиции использования термина «wolność słowa».

Как известно, термин „freedom of speech” был многократно исследован. Отсюда также обширная литература предмета в области зна-

¹ См. напр.: *Stevenson Ch.L.* Facts and values, studies in ethical analysis. New Haven and London: Yale University Press, 1975.

чения, происхождения, конкретного применения и семантических преобразований этой же формулировки¹. В свою очередь, не часто концентрировано внимание на функционированию и воздействию термина «wolność słowa».

2. «Freedom of speech»

Термин функционирует в английском языке по крайней мере с XVI века².

Следует обратить внимание, что «speech» появляется в качестве слова, которое само по себе может не нести религиозную коннотацию. Поэтому представляется целесообразным мнение, что распространение термина «freedom of speech» с течением веков способствует секуляризации англоязычного дискурса, касающегося свободы общения.

Интересно, что по существу дискуссия о значении представленного выражения была предопределена выводами, содержащимися в тексте, автор которого ни разу не воспользовался этим же термином. Речь идет о памфлете „Ареопагитика” Джона Мильтона, который трактует исключительно о проблеме лицензирования или цензуры печати³. Со временем, однако, упомянутая работа начинает функционировать в качестве одного из самых известных и основательно продуманных аргументирующих текстов в пользу «freedom of speech»⁴.

¹ См. напр.: *Haworth A.* Free Speech. London-New York: Routledge, 2012; *Kersch K.I.* Freedom of Speech. Rights and Liberties Under the Law. Santa Barbara-Denver-Oxford: ABC-CLIO, 2003; *Peters J.D.* Courting the Abbys: Free Speech and the Liberal Tradition. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2010; *Powers E.* Freedom of Speech: The History of an Idea, Lewisburg: Bucknell University Press, Rowman & Littlefield, 2011.

² См.: *Stapleton T.* A Counterblast to M. Hornes Vayne Blaste against M. Fekenham... Leuven, 1567: Apud Ioannem Foulurum, book III, chapter xxi, folio 308 (verso): «S. Iohn the Baptiste, who died for the lyke liberty and fredome of speache, as S. Quillian, and S. Lamberte did». <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A12940.0001.001/1:10.22?rgn=div2;submit=Search;subview=detail;type=simple;vid=18356;view=fulltext;q1=fredome+of+speache>.

³ *Milton J.* Areopagitica: A speech of Mr. John Milton for the liberty of unlicensed printing to the Parliament of England. http://www.dartmouth.edu/~milton/reading_room/areopagitica/text.html. См. тоже: *Parker W.R.* Milton. A Biography. Oxford: Clarendon Press, 1996; *Rowse A.L.* Milton the Puritane. Portrait of a Mind. L.: Macmillan London Limited, 1977; *Shawcross J.T.* Milton, the Critical Heritage. London: Routledge & K. Paul 1972; *Wacławczyk W.* Idea wolności słowa Johna Milтона. Toruń: Wyd. Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2008.

⁴ Не до конца верно — уместно будет напомнить, что Милтон в «Ареопагитике» отказал католикам в привилегии использования свободы печати.

По правде говоря, Мильтон — как человек времен религиозных войн в Англии — не избегал религиозной аргументации, сильно закрепленной в Библии. Тем не менее — что важно с точки зрения наших рассуждений — самыми вдохновляющими и до сих пор используемыми аспектами его текста являются концепция ареопага идеи и миф, согласно которому свободная конкуренция мнения должна привести к победе истины, которая действительно может засиять только на темном фоне лжи. С течением времени религиозные идеи и метафоры, используемые в «Ареопагитике» в значительной степени теряли свою яркость и, как правило, сегодня не используются в широких кругах.

Более того, процесс этот происходил не только в Европе, но и в англоязычных колониях в Америке. Здесь сперва диспут, касательно «freedom of speech», имел сильно религиозный характер, укрепленный в протестантских образцах и схемах, в частности пуританского характера. Причем различные виды протестантизма представляли в вопросах свободы выражения разные идеи¹.

Однако со временем — как уже ясно видно из учения британского судьи, сэра Уильяма Блэкстона, которое очень сильно повлияло на американское мышление — акцент смещается от вопросов религиозных, метафизических, духовных — на вопросы, связанные с выполнением обязанностей властей в области заботы об общественном порядке. В «Комментариях к английским законам» (англ. «Commentaries on the Laws of England») Блэкстон подчеркивал вопрос об ответственности авторов за их высказывания, отмечая, что они не должны вести к образованию неприязни и конфликтам, а также нарушениям общественного порядка².

Тенденция к секуляризации вопросов, связанных с «freedom of speech», в свою очередь, полностью обрисована в первой поправке к американской конституции, которая гласит: «Congress shall make no law respecting an establishment of religion, or prohibiting the free exercise thereof; or abridging the freedom of speech, or of the press; or the right of the people peaceably to assemble, and to petition the government for a redress of grievances»³.

¹ Kersch K.I. Op. cit. С. 50.

² Ibidem. С. 47.

³ https://www.law.cornell.edu/constitution/first_amendment. См. также: *Wagman R. The First Amendment Book*. New York: World Almanac, 1991; *Shear K. Unoriginal Misunderstanding: Press Freedom in Early America and Interpretation of the First Amendment*. Seattle: WA: Liberty Company, 2009.

Наконец, вопрос о религиозной мотивации уже больше не существует в эссе «On liberty» («О свободе») авторства Джона Стюарта Милля. В свете его выводов, весомым значением, которое оправдывает необходимость гарантии «freedom of speech» или «freedom of opinion», или «freedom of discussion», или «freedom of the expression of opinion» является автономность человеческой единицы. Интересно, что это значение — однако же — в соответствии с мнением Милля не является как ценность сама по себе. Она является чем-то ценным в связи с фактом, аргументирует философ, что благодаря ее реализации одновременно оптимизируются усилия для всеобщей пользы, которая якобы возникает из уважения к автономии единицы через общество и власть¹.

3. «Wolność słowa»

Трудно определить, когда впервые был использован термин «wolność słowa» для обозначения вопросов, связанных со свободным представлением индивидом его мнения. Тем не менее, приходится упомянуть, что проблемы из этой области уже регулировались в Вислицких статутах Казимира Великого².

Что важно, в отличие от «freedom of speech», «wolność słowa» остается выражением, значение которого гораздо труднее извлечь из традиции религиозного мышления. Прежде всего, это выводится из факта, что слово «słowo» не может не иметь в польском языке сильной религиозной коннотации. Это следует хотя бы из того, что на основе языка с незапамятных времен функционируют например такие сочетания, как «Słowo Boże» («Слово Божье»), означающее Библию, относящееся к Богу или Христу³.

Более того, не только на польском языке, слово «słowo» созвучно названию «Słowianie» («славяне»). Это сходство неоднократно было замечено и поднято, становясь важной предпосылкой в дискуссии об этимологии термина «Słowianin» («славянин»). Гипотез в этой об-

¹ Mill J.S. On liberty, Kitchener: Batoche Books, 2001. С. 18–52.

² Helcel A.Z. (изд.), Starodawne prawa polskiego pomniki poprzedzone wywodem historyczno krytycznym tak zwanego prawodawstwa wiślickiego Kazimierza Wielkiego. Warszawa: Księgarnia Gustawa Sennewalda, 1856.

³ Аналогичным с английским „Word”, но не „Speech”. Достаточно сравнить начальные строки Евангелия от св. Иоанна в различных переводах на польский и английский языки.

ласти много — причем одна из наиболее распространенных (что, конечно, не означает наиболее вероятную) говорит о том, что название «Słowianie» («славяне») означает «słownych» («словных»), то есть говорящих словами, в понятной форме — в отличие от «Niemców» («немцев»), а потому «niemuch» («немых»), т.е. использующих непонятные для славян звуки¹.

Эти ассоциативные рассуждения в польской традиции не раз приводили к признанию славян, как людей особенно связанных со словом, имеющих особое отношение к слову. Эта проблема встречается даже в лекциях по славянской литературе, которые Адам Мицкевич представлял в Коллеж де Франс². Во втором курсе 1841–1842 гг. между прочим собственно утверждал, что особое отношение славян к словам и, в результате, к литературе состоит в том, что «славяне, которые еще не злоупотребили даром слова, все еще приписывают ему первоначальную силу. Они полагают, что достаточно произнести слово, чтобы дело было сделано»³.

Специфическая религиозно-этническая окраска слова «słowo» иногда перекладывалась непосредственно на сильные, способствующие развитию культуры мысли и высказывания о «wolności słowa». Прекрасным примером этого феномена является поэма Циприана Камила Норвида «Rzecz o wolności słowa» («Речь о свободе слова»)⁴.

В поэме мы находим — выраженные *expressis verbis*, — все упомянутое выше вопросы.

Кроме того, следует подчеркнуть, что поэт явно противопоставлял „wolność słowa” в смысле свободы речи и «wolność słowa» в смыс-

¹ Gołąb Z. O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych. Kraków: Universitas, 2004.

² Notabene эти лекции, аналогично как „Книги народа и польского пилигримства” были осуждены папством и вписаны в индекс запрещенных книг. Urbankowski B. Adam Mickiewicz. Tajemnice wiary, miłości i śmierci, Poznań: Zysk i S-ka 2016. С. 10.

³ Mickiewicz A. Literatura słowiańska. Kurs drugi. Warszawa: Spółdzielnia Czytelnik 1955. С. 16.

⁴ Norwid C.K. Rzecz o wolności słowa, <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/rzecz-o-wolnosc-slowa.html>. Поэт представил текст во время публичного чтения в 1869 году в Париже В мероприятии приняли участие около 300 человек. Вечер оказался моментом триумфа поэта. «Речь о свободе слова» было принято очень благосклонно, Норvidу было предложено опубликовать текст в печатном виде, на что он и согласился. Gomulicki J.W. Mała kronika życia i twórczości Cypriana Kamila Norwida // Norwid C.K. Wiersze. t. I. Warszawa: PIW, 1966. С. 92.

ле свободы Слова [Божьего], которое неким образом перемещается сквозь историю, чтобы становиться все более плотью и жить среди людей. Эту оппозицию Норвид выделяет уже в предисловии к поэме: «Дамы и господа! До сих пор свобода слова является только завоеванием свободы откровения слова. Поэтому она является атрибутом личной свободы», хотя «о самой же свободе слова никто не говорил. Так, например, каждому разрешено подниматься на воздушном шаре, ибо это относится к его личной свободе, но воздушная навигация совершенно не является оправданной». Одновременно, по Норvidу: «То, что называют свободой слова, является до сих пор свободой речи, *la liberté de dire...*»; «Смешение этих двух понятий происходит от небольшого знания слова»¹.

Вступление выше позволяет поэту перейти к зарисовке взгляда, согласно которому «Слово человек не происходит из себя самого, но слово было из человека вызвано, и поэтому участие принимали две причины: одна в совести человека, другая — в гармонии законов мироздания»². Именно отсюда, по его словам, берется обоснование представленной поэмы, которая должна показать историю слова, ее успехи и неудачи на пути к окончательной реализации Божьего замысла.

В свете поэмы, «*wolność słowa*» предстает не как изобретение человека, но как элемент постоянно вписанный в человеческое состояние. В человеке есть внутреннее слово, данное ему высшей силой. В ходе истории оно проявляется в букве, благодаря которой может распространяться, изменяя человека и мир. Более того, человек, как существо, происходящее от Бога, силой своего положения, в состоянии понять содержание внутреннего слова, равно как открывать все более совершенную форму, чтобы выразить это содержание во внешнем слове. Согласно умозаключениям, представленным Норvidом в этой поэме, сначала человек был создан полным и красивым, потом просто пал, из-за чего вынужден в ходе исторического процесса возвращаться к своей полноте и первоначальной красоте. Через акт нахождения буквы слова, через называние реальности — он находит свою утраченную мудрость, вместе с тем проверяя ее.

¹ *Norwid C.K.* Op. cit.

² *Ibidem.*

Далее Норвид замечает, что историю слова следует разделить на два периода: до, и после жертвы и воскресения Христа. *До* — слово страдало от издевательств со стороны голой силы (правильным считалось то, что поддерживалось сильными), *после* — история подвергается перелому и слово раскрывает пустоту принуждения (сильным становится то, что является правильным)¹.

Тем не менее, оказывается, что процесс преодоления силы словом не идет по прямой линии, но изобилует многочисленными кризисами. В соответствии с поэмой, особенно неприятным и трудным оказывается тот факт, что гарантии свободы слова, как свободы личности, не переносятся на манифестации Слова Божьего. Более того, вместе с появлением и развитием рынка прессы — в людях замирает гражданское чувство, а пресса — громче, чем один голос — становится представителем не общего блага, но частных интересов².

В поэме также достаточно размышлений на тему роли славян в процессе понимания и раскрытия через человека заключенного в нем внутреннего слова. Норвид пишет, что славяне, кажется, повторяют в некотором смысле историю воплощенного слова, которое — как Христос — унижается и падает, чтобы иметь возможность возвыситься. Свою концепцию поэт основывает на этимологической работе со словом «Słowianie» («славяне»). Он пишет, что — несмотря на осознание самих славян — правдивыми могут быть различные гипотезы, касающиеся происхождения их названия. Особенно вероятными — читаем мы в поэме — являются: 1. гипотеза, которая видит происхождение названия «славяне» от слова «słaby» «слабый»; 2. предположение о том, что название «славянин» означает «раба», («sclavus»); 3. гипотеза, предполагающая, что это название отражает «słowo» («слово»); 4. предположение, что название «славянин» остается тесно связано со словом «sława» («слава»). Все эти следы, вместе взятые, пишет Норвид — позволяют ухватить интуицию, что Слово Божье, лучше могли понять и понимали те, кто сами не располагали силой, потому что были слабыми. Эти люди, славяне, поддавались иноземному гнету, зачастую становясь рабами. Этот опыт вызвал в них чрезвычайно сильное стремление к свободе, что, в свою очередь, облегчило им приня-

¹ Ibidem.

² Ibidem.

тие и понятие освобождающей силы, которая заключалась в словах Евангелия¹.

Тем не менее, окончательный отзвук, представленной Норвидом характеристики славян, совсем не оказывается оптимистичным. Поскольку поэма содержит тезис, согласно которому славяне являются истинными мастерами в понимании смысла Слова Божьего, однако не могут его выразить или лучше облечь в стабильные формы слов, которые имели бы шанс получить универсальное измерение. Другими словами, проклятие славян состоит в том, что понимая дух Слова, не заботятся о его букве. Следовательно, они не в состоянии передать то, что верно чувствуют, а это значит, что оставаясь в немощи, не могут изменить себя и мир².

4. Выводы

В свете представленных аргументов, из-за формального разнообразия, а также на основании принадлежности к иным языковым системам — понятия „freedom of speech” и „swoboda słowa” являются — в некоторых аспектах — существенно разными.

Вместе с тем следует поддерживать предположение о том, что различия, о которых идет речь, в значительной степени дифференцируют англоязычную и польскоязычную традицию размышления о свободах, связанных с высказыванием.

Формулировка «freedom of speech» является выражением наименее запутанным в религиозный контекст, чем «wolność słowa».

Однако, вместе с тем, дискуссии о «freedom of speech» нередко бывают довольно техническими и, как бы обремененными тенденцией к абстрагирования от того факта, что люди не только имеют взгляды, но иногда и твердо в них верят и глубоко переживают все, что связано с ними. Поэтому, трудно ожидать, чтобы звучащие достаточно меркантильно аргументы — основанные, между прочим, на метафоре свободного рынка идей — убеждали тех, кто усиленно верит, что истина и правда на их стороне. Более того, подчеркнутый Милтоном миф об истине, которая в конфронтации с ложью всегда защитится — может будить не только протест, но и нежелание, раздражение, гнев, агрессию. Более того, ссылки на тот же миф в современных тех-

¹ Ibidem.

² Ibidem.

нологических условиях можно легко принять за проявление лицемерия или пустого идеализма.

Польский термин, обсуждаемый в данном тексте, в свою очередь появляется, как сильно запутанный в религиозных контекстах, особенно в христианской дискуссии на тему значения слова и его роли в истории. Более того, тот факт, что используя этот термин, люди — особенно в XIX веке — часто устремлялись по направлению мифической связи свободы слова со славянами. Тогда предполагалось, нередко мечтательно, даже узурпаторско, что именно славяне назначены провидением или судьбой, чтобы сыграть в истории человечества роль корифеев свободы слова, понимаемого ими якобы лучше и наиболее полно.

Однако, в то же время, термин «*wolność słowa*» — будучи термином, который лингвистически невозможно выпутать из размышлений о религии и роли народов в истории — рассматривается как имеющий значительные преимущества. Он остается термином, который в некотором роде — сам по себе — напоминает, что вопросы, связанные со свободой слова всегда гораздо более спорные и конфликтные, чем это может показаться. Более того, фигура, в свете которой слово может противопоставляться Слову, также напоминает, что гарантия основных прав и свобод в области коммуникации не решает всего — все еще остается важным, какую пользу из этих прав и свобод люди выносят. Это, возможно, подчеркивает тот факт, не являющийся единственно важным, чтобы люди могли говорить что захотят — также важным является то, чтобы знали о чем следует говорить.

Библиография

1. First Amendment to the United States Constitution. https://www.law.cornell.edu/constitution/first_amendment.
2. *Gołqb Z.* O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych. Kraków: Universitas, 2004. С. 404.
3. *Gomulicki J.W.* Mała kronika życia i twórczości Cypriana Kamila Norwida // С. K. Norwid. Wiersze. t. I. Warszawa: PIW, 1966. С. 1088.
4. *Haworth A.* Free Speech. L.; New York: Routledge, 2012. С. 280.
5. *Helcel A.Z.* (изд.), Starodawne prawa polskiego pomniki poprzedzone wywodem historyczno krytycznym tak zwanego prawodawstwa wiślickiego Kazimiérza Wielkiego. Warszawa: Księgarnia Gustawa Sennewalda, 1856. С. 428.
6. *Kersch K.I.* Freedom of Speech. Rights and Liberties Under the Law. Santa Barbara-Denver-Oxford: ABC-CLIO, 2003. С. 395.

7. *Mickiewicz A.* Literatura słowiańska. Kurs drugi. Warszawa: Spółdzielnia Czytelnik 1955. C. 500.
8. *Mill J.S.* On liberty, Kitchener: Batoche Books 2001. C. 109.
9. *Milton J.* Areopagitica: A speech of Mr. John Milton for the liberty of unlicensed printing to the Parliament of England. http://www.dartmouth.edu/~milton/reading_room/areopagitica/text.html.
10. *Norwid C.K.* Rzecz o wolności słowa. <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/rzecz-o-wolnosci-slowa.html>.
11. *Parker W.R.* Milton. A Biography. Oxford: Clarendon Press, 1996. C. 1539.
12. *Peters J.D.* Courting the Abbys: Free Speech and the Liberal Tradition. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2010. C. 316.
13. *Powers E.* Freedom of Speech: The History of an Idea, Lewisburg: Bucknell University Press, Rowman & Littlefield, 2011. C. 227.
14. *Rowse A.L.* Milton the Puritane. Portrait of a Mind. London: Macmillan London Limited, 1977. C. 297.
15. *Shawcross J.T.* Milton, the Critical Heritage. London: Routledge & K. Paul 1972. C. 276.
16. *Shear K.* Unoriginal Misunderstanding: Press Freedom in Early America and Interpretation of the First Amendment. Seattle: WA: Liberty Company, 2009. C. 164
17. *Stapleton T.A.* Counterblast to M. Hornes Vayne Blaste against M. Fekenham... Leuven1567: Apud Ioannem Foulereum, book III, chapter xxi, folio 308 (verso): «S. Iohn the Baptiste, who died for the lyke liberty and fredome of speache, as S. Quillian, and S. Lamberte did». <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A12940.0001.001/1:10.22?rgn=div2;submit=Search;subview=detail;type=simple;vid=18356;view=fulltext;q1=fredome+of+speache>
18. *Stevenson Ch.L.* Facts and values, studies in ethical anaylsis. New Haven and London: Yale University Press, 1975. C. 244.
19. *Urbankowski B.* Adam Mickiewicz. Tajemnice wiary, miłości i śmierci, Poznań: Zysk i S-ka 2016. C. 590.
20. *Wacławczyk W.* Idea wolności słowa Johna Milтона. Toruń: Wyd. Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika 2008. C. 266.
21. *Wagman R.* The First Amendment Book. New York: World Almanac, 1991. C. 265.

ЧЕРНЯХОВСКАЯ ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА VERSUS ПАРАПОЛИТИЧЕСКАЯ ИМИТАЦИОННОСТЬ «СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА»

Аннотация: в ряде предыдущих работ автор рассматривал истоки научно-технического романтизма и его феномен — переход веры в научно-технический прогресс в веру в способность человека управлять законами социального развития. В данной статье

рассматривается другой аспект научно-технического романтизма: его потенциал для конструирования общества будущего.

Ключевые слова: научно-технический романтизм, будущее, идеальное конструирование, утопия.

Научно-технический романтизм — политико-философское и культурное течение, достигшее своего пика в первой половине 60-х гг. в СССР.

Научно-технический романтизм уходит корнями в далекое прошлое, объединяя в себе ключевые тенденции нескольких заметных философских школ прошлого: с одной стороны, он заимствует у европейского рационализма рациональный подход, крепкие материалистические основания стремление к обоснованности выводов, с другой стороны, в отличие от реализма исходит из позиции о необходимости построения идеала и идеал этот относит к будущему.

Научно-технический романтизм в СССР 60-х гг. произрастает из такого исторического контекста как успехи НТР, недавний запуск спутника и выход человека в космос. Последние события привели, как можно видеть в опросах Б.А. Грушина, к такому подъему общественных настроений, что антропологический оптимизм и вера в способность человека менять мир вокруг, выстраивать его согласно своим идеалам, перешли в качественно новое состояние — вера человека в способность к реконструкции природной среды посредством математических и естественных наук перешла в веру в способность человека конструировать и новое общества посредством достижений наук гуманитарных.

Характерными чертами научно-технического романтизма стали:

А. Устремленность в будущее. В ряде других работ автор статьи выводит типологию утопий, подразделяя утопии на утопии прошлого, пространственные и будущего. Для научно-технического романтизма характерна утопия будущего, которая, в отличие от двух других — принципиально осуществима.

Б. Стремление к построению идеала — социального, личностного, межличностного. Идеал научно-технического романтизма не оторван от действительности, как идеал серебряного века или идеал романтизма, его осуществимость адепты течения обосновывают, выстраивая своеобразные «истории будущего», которые должны опisać путь к этому идеалу.

В. Научно-технический романтизм тесно переплетается с проблемами естественных наук, освоения космоса, глобального введения новых технологий. Некоторые из них даже являются неотъемлемыми для построения идеала, другие — такие как проблемы освоения космоса, контакта с другими цивилизациями — интересуют адептов научно-технического романтизма в силу их искреннего интереса, не связанного с социальной частью течения.

Основным выражением научно-технического романтизма является стык фантастических жанров в литературе, кинематографе и изобразительном искусстве, включающий в себя социальную, утопическую и философскую фантастику.

Достигнув своего пика в первой половине 60-х гг. научно-технический романтизм в СССР идет на спад и практически исчезает из поля зрения на несколько десятилетий, после чего новый всплеск его можно наблюдать в США в 90-е гг. — то есть на пике подъема общественных настроений в Америке, установившей наконец однополярную геополитическую систему.

Можно таким образом предположить, что всплески научно-технического романтизма характерны для государства на этапе его высшего развития и максимального ускорения темпов этого развития. Однако что является причиной, а что следствием? Легко было бы предположить, что научно-технический романтизм, вера в будущее и возможности человека — есть следствие высокого уровня жизни, но это не так. На сегодняшний день подъем уровня жизни в России ощущим, несколько лет назад он был достаточно высок в Европе и на протяжении двух последних десятилетий на высоком уровне находится в Арабских Эмиратах — однако ни в одной из этих территориальных зон всплеска научно-технического романтизма сейчас нет.

Некоторые исследователи феномена социальной фантастики в СССР связывают рост ее популярности с наличием государственного заказа на «большую коммунистическую утопию», и, следовательно, можно было бы предположить, что научно-технический романтизм так же является следствием подобного заказа.

В ряде работ автор статьи отдельно рассматривает правомерность этой версии, здесь же хотелось бы лишь коротко оговорить, что подобное предположение заставляет задуматься о том, что научно-технический романтизм:

А) может быть создан искусственно, то есть не является напрямую следствием высокого уровня жизни (последнее, впрочем, можно видеть и так).

Б) является необходимым условием для создания общественной активности способствующей ускорению темпом развития государства.

Тем не менее, в отечественной практики с конца 60-х гг. научно-технический романтизм идет на спад, уступая место своеобразному традиционализму, в самых разных его формах, и некоему «революционаризму», или может быть даже «лже-революционаризму, стремлению к слому любых норм, борьбе с государством без формулирования целей этой борьбы. Результатом такого «революционаризма» в ряде стран становятся государственные перевороты и цветные революции, инициированные извне через запрос населения на «революцию».

В то же время запрос на образ будущего и решение других вопросов, находящихся в сфере интересов научно-технического романтизма если и спадает на какое-то время, то достаточно быстро возвращается, принимая иные формы, лишённые философского подтекста, но так же реализующиеся через фантастические (ирреалистичные) образы в культуре — современное искусство.

Автор исходит из ранее выведенного и апробированного в параллельном исследовании представления о классической культуре, как наиболее совершенном проявлении AGIL-схемы Парсонса в культуре. Авторская гипотеза подразумевает, что культура должна выполнять выведенные Парсонсом четыре функции схемы. Классической является та культура, которая в наилучшем виде выполняет AGIL-функции. Традиционная культура так же выполняет все четыре функции, однако отличается от классической тем, что выполняет только одну подфункцию четвертой функции: способствует сохранению, но не воспроизводству новых латентных образцов. Массовая (современная) культура подражает классической и традиционной и, как минимум, имитирует выполнение всех четыре функции или выполняют только их часть (степенью соответствия AGIL-схеме определяется ее качество).

Исходя из данной гипотезы прямым является определение «**современного искусства**» как реализованной в современности псевдо-версии классической культуры, однако в виду того, что заранее задан-

ным условием исследования было сохранение того значения термина «современное искусство», которое установила для себя и своего творчества группа модернистских и постмодернистских деятелей псевдокультуры, заведомо отрицающих ценностную составляющую культуры и аморфных по своим художественным предпочтениям (далее будет сказано, насколько различными бывают их собственные определения «современного искусства») автор исследования встал перед необходимостью определить место «современного искусства» в структуре культуры иначе.

Следующей очевидной гипотезой стало предположение что, поскольку «современное искусство» отрицает ценностную составляющую искусства, то есть считает принципиально необходимым не выполнять естественные функции культуры — адаптации, интеграции, идеалообразования, сохранения и воспроизводства латентных образцов — в этом случае категорию «современного искусства» следует приравнять к категории «антикультуры», так как единственной ее задачей является противостояние естественному ходу развития культуры.

В следствие, тем не менее, автор исследования пришел к выводу, что роль «современного искусства» в системе культуры более существенна. «Современное искусство» в системе поля культуры играет роль его периферии (при условии что под ядром мы понимаем классическую культуру).

Подобную концепцию в отношении политического сознания ранее выдвигала в своей диссертации Н. Поливаева, однако она лишь обозначила основы соотношения этих двух явлений. Основываясь на ее гипотезах А. Никлаус¹ в диссертационном исследовании разделяла функции AGIL-схемы на ядро и периферию, относя к ядру функции G и L, а к периферии — A и I.

В данном случае говоря о ядре и окружающем его поле автор исследования подразумевает, что ядром является вся та культура, которая выполняет функции AGIL-схемы целиком. Культура, выполняющая функции AGIL-схемы частично является окружающем его полем, а «современное искусство» есть некая приграничная эксперименталь-

¹ Никлаус А. Социокультурные ценностные основания как регулятивный компонент трансформации политического процесса постсоветской России: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2013.

ная зона, ориентированная или декларирующая свою ориентацию на выполнение задач поиска новых форм и ценностей.

Естественно, что экспериментальность «современного искусства» предполагает появление как позитивных, так и негативных результатов эксперимента. То есть, не всё, что создано в процессе экспериментального творчества является культурой, однако то, что создано в его рамках гипотетически может не только являться ей, но и сконструировать новые способы репрезентации традиционных ценностей, более современные, чем те, что мы знали и использовали раньше.

Понимание роли «современного искусства» в культуре и его особенностей крайне важно для решения исследовательской задачи в целом, так как зачастую теоретики классической культуры пытаются систематизировать «современное искусство» с позиций собственных представлений о культуре, ее жанровой и тематической классификации, отыскать в «современном искусстве» начала идеализма или материализма.

Это принципиально невозможно, так как «современное искусство» не является одним течением радикализирующим тенденции классической культуры, уходящим в неумеренный субъективизм или гипертрофированный реализм. «Современное искусство» подразумевает отклонение от классических представлений о культуре в любом направлении, нарушение любых ее канонов. И именно в этой разнородности, в отсутствии границ, заключается его главный потенциал. **Современное искусство** (далее без кавычек) — это всё, что претендует на звание культуры, является результатом некоммерческого творчества, но, в то же время, не соответствует классическим представлениям о культуре как таковой.

Мы имеем все основания утверждать, что одним из центральных моментов современного искусства является принципиальное отрицание ценностей и отказ от них. Однако, несмотря на подобную, довольно очевидную декларацию деятелей современного искусства, ряд ценностей всё же оказывается в современном искусстве реализован.

1. Будущее и построение идеала. В качестве одной из центральных ценностей современного искусства декларируется ценность конструирования в сознании идеального образа действительности, то есть, обращаясь к терминам классической литературы, создания утопии. Однако в отличие от классического искусства, современное искус-

ство предлагает конструировать идеал в собственном субъективном сознании зрителя, то есть в определенном смысле позволяет зрителю конструировать этот идеал практически независимо от объективной реальности и без наличия образца, предложенного художником. Представляется необходимым и важным сохранить это стремление к идеальному конструированию, характерное для современного искусства и более детально проработать это направление.

2. Ценность познания занимает в современном искусстве куда меньшее место, так как зачастую современное искусство декларирует принципиальный отказ не только от ценностей, но и от логики, однако в определенной степени присутствует и она. Одним из наиболее интересных проявлений этой ценности является направление кинетического искусства, ставшего своеобразным воплощением власти человека над природой. До определенной степени ценности познания так же нашли свое отражение в таком жанре искусства как Пэинт-арт, который частый обращается к образам космоса и других вселенных.

3. Заметное место в современном искусстве занимает претензия на осмысление сущности времени и пространства, то есть еще одна своеобразная форма познания.

Современное искусство выступает зачастую с критикой общества потребления и его ценностей, однако это направление представляется на сегодняшний день не слишком актуальным. Его позитивная роль может осуществляться только в комплексе с другими направлениями осмысления реальности, предлагающими альтернативу этим ценностям.

Основная потребность человека — в его самоактуализации, самовпечатывании в мир, как некой форме диалога с миром, реализующемся в его ощущении границы.

При этом, строго говоря, все названные ранее функции системы культуры (AGIL) функции исполняются через ощущение — то есть через ощущение границы.

Если данное самовпечатывание перестает ощущаться — как вариант, из-за привычности ощущения (привыкания к ощущению), — то диалог прерывается, граница перестает ощущаться: соответственно и функции не выполняются. Границы мира и ощущение мира, обеспечивающие исполнение функций системы заложены в формы искусства, но зритель их не ощущает: нет воспроизведения образцов, нет

создания идеала, нет целеполагания, нет «собирания» (интеграции), нет адаптации к миру — поскольку связь с миром разорвана.

Однако весь комплекс запросов на эти функции — сохраняется.

Часть художественного класса пытается его удовлетворить замещением ощущений иным механизмом, часть, чувствуя запрос и не имея на него ответа — пытается эксплуатировать запрос, обеспечивая свое место и утверждая свою претензию на его исполнение.

«Художественный класс», пытающийся удовлетворить запрос, частью пытается предложить новый комплекс ощущений с адекватным актуальности запроса содержанием, частью, в случае, когда не может предложить содержательный ответ, пытается ответить на запрос, отказавшись от субъектности предложения содержания ответа

Пытается утвердить свое право предлагать — декларируя его как право предлагать, не предлагая адекватного содержания и не формулируя ответ.

В этой ситуации его задачей осуществления воздействия становится перенос этой задачи на реципиента, превратить зрителя в участника создания необходимого для ответа содержания.

Но тогда создание его системы воздействия становится предложением воздействия (границы, формы) не конструирующий контент ответа на запрос, а снимающий границу, в расчете на то, что зритель сам сконструирует нужное ему ощущение. Однако, поскольку граница снята — ощущение не создается, и в лучшем случае — лишь представляется реципиентом, то есть создается как иллюзия.

При этом, отстраняясь от прежнего, не воспринимаемого формирования воздействия, уводя гипотетическое ощущение зрителя от границы его и мира к его границе в себе, разрывая, таким образом, связь человека и мира через их границу и, устранив границу дистанцией — устанавливая не преодолеваемую дистанцию через ее отсутствие, конструктор иллюзорных ощущений создает иллюзорное исполнение функций, приобретающих обратный характер собственной противоположности.

То есть, латентный образец, создаваемый вне мира — возникает не как образец поведения в мире, — а образец заведомого отстранения от него. Целеполагание/целестремление осуществляется не в воздействии на мир, — а в воздействии по отстранению от него и воздействие на свои иллюзии о нем. Интеграция (собирание) оказывается не собиранием внутри границы с миром, а вне его и дистан-

цировано от него и носит двойной характер: первое, как собирание отстранением от мира, и, второе — собирание в типе отстранения от мира, то есть разъединение и вне единства отстранения от мира. Соответственно, и адаптация выступает не как адаптация к реальному миру при сохранении ядра самоидентификации — а как адаптация к существованию вне реальности — и, во многом, через отрицание существования реальности.

Система диалога с миром и взаимодействия меняется на монолог с собой как слушателем, явление культуры обращается в явление антикультуры.

В целом, здесь присутствуют два начала: **первое, естественное** — требующее предложения нового типа ощущения, языка, преодолевающего отчуждение привычности, неощутимости границы, предлагающее ощутить границу через собственное участие в сотворчестве, диалог с миром, — и **второе, симулирующее**, предлагающее создать свое ощущение и представление без ощущения воздействия с миром.

Первое осуществляется при внесении и предложении моделирующего знака либо символа передаваемой ценности, включающего фантазию сотворчества, но и направляющего его на свою ценность.

Второе — без предложения формирующего знака, в лучшем случае предлагая знак неопределенности, дезорганизации, запускающего механизм фантазии в своем внутреннем монологе.

Отсюда вопрос использования средств современного искусства для актуализации заданных конкретных ценностей есть **вопрос нахождения конструирующих знаков и символов**, — с одной стороны, фантазию запускающий, — с другой — своим началом формирующий, подобно тому, как жемчужина рождается лишь при помещении под мантию раковины некоего образующего минипредмета, в результате чего, в своем росте, будущая жемчужина в общих контурах начинает воспроизводить очертания, казалось бы, инородного предмета, давшего толчок ее образованию.

Мы можем видеть таким образом, что «современное искусство» и «научно-технический романтизм» фактически занимаются решением одних и тех же задач, в ряде случаев склонны использовать схожие новаторские методы и привлекают одну и ту же зрительскую аудиторию. В то же время если научно-технический романтизм пытается давать ответы на поставленные вопросы, строить непротиворечивые

модели будущего, занимается «поиском», то современное искусство, заявляя о своей направленности на поиск новых форм и смыслов, на протяжении нескольких десятков лет дает ответ о принципиальной неспособности человека найти смыслы существования, увидеть будущее, познать пространство и время — и при этом по-прежнему провозглашает себя «современным» и авангардистским.

Современное искусство — это метод поиска будущего в обществе лишенном прошлого. Поэтому оно зарождается в США, лишенном собственной мифологии, набирает там популярность и остается популярным. И одновременно современное искусство — путь, ведущий в никуда.

Научно-технический романтизм — путь поиска будущего, основанный на познании собственного прошлого и органичном выстраивании его продолжения в будущее.

Вопрос в том, что выбираем мы.

Библиография

1. *Баталов Э.Я.* Сознание политическое / Э.Я. Баталов // Политическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Под ред. д.п.н. ГЛО. Семигина. М.: Мысль, 1999.
2. *Бурлацкий Ф.М.* Ленин. Государство. Политика. / Ф.М. Бурлацкий. М. Наука, 1970.
3. *Гаджиев К.С.* Политическое сознание или политическая культура? // К. С. Гаджиев // Кентавр. 1991. №12.
4. *Гозман Л.Я.* Политический лексикон. Энциклопедический лексикон в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.ПЭР СЭ, 2005.
5. *Зеркин Д.П.* Основы политологии. Курс лекции / Д.П. Зеркин. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
6. *Ильин И.А.* О политическом успехе или забытые аксиомы // Ильин И. А. Путь к Очевидности. Мыслители 20 века. М., 1993.
7. *Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике: Учебное пособие / Б.Г. Капустин. М.: МГУ, 2004.
8. *Ленин В.И.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. М.: Политиздат. Т. 42.
9. *Мапельман В.М.* Политическая и правовая формы общественного сознания / В.М. Мапельман, Е.М. Пеньков // Философские науки. 1980. № 5. С. 137.
10. *Попов А.В.* Ценности в политике / А.В. Попов, Л.А. Зуев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 1.
11. *Рахманин В.С.* Общественная психология и революционный процесс / В.С. Рахманин. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987.
12. *Широков Е.В.* Массовое политическое сознание в современной России: его состояние и особенности: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 1996.
13. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. Т. 1. № 1.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АМИНОВ ИЛЬДАР РИНАТОВИЧ

ПОТОКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНОВ
ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Аннотация: Этнополитические региональные конфликты несут существенные риски для стабильного развития федеративного государства. Однако существующие модели возникновения и развития конфликтов не позволяют учесть всех акторов процесса и структуру коммуникационного взаимодействия между ними. Применение модели потоковой коммуникации, как проекции на виртуальное пространство, ограниченного локацией региона позволяет как проводить глубокий анализ ситуации, так и управлять развитием конфликт-консенсусной ситуацией в регионе. Научное исследование потокового пространства регионов проводилось на базе Научно-исследовательского центра разработки устойчивой модели развития регионов федеративного государства Башкирского государственного университета.

Ключевые слова: поток, потоковое пространство, потоковая коммуникация, виртуальное пространство, виртуальность, топология, конфликт, консенсус, этнополитический конфликт, регион.

Актуальность статьи связана с важнейшим, а к началу XXI века и приоритетным значением, которое имеет в теории изучение причин, форм развития и протекания, а на практике создание методов предотвращения и разрешения этнополитических региональных конфликтов в условиях полиэтнической России. Политологические исследования проводимые нами в ряде регионов России методологически основаны на кластерно-сетевом анализе регионального потокового пространства. Данная статья посвящена теоретическому обоснованию метода.

Конец XX века, а именно период 1985–1999 гг., становится периодом перелома экономико-политической системы СССР и характеризуется большим числом региональных этнополитических конфликтов. Причиной конфликтных ситуаций в тот период стало ослабление

федеральных связей государства накопившиеся проблемы межэтнических отношений в различных регионах. К причине возникновения этнополитических конфликтов, следует отнести стремление групп региональных элит к институализации в формирующихся государственных образованиях как естественных государствах, закрытого порядка в терминологии Д. Норт.¹ Стремящиеся у формированию собственной государственности группы элит использовали этнический фактор как наиболее эффективный фактор мобилизации населения против «внешнего врага» которым назывались представители иного этноса, проживающие на данной территории.

В ряде случаев, как отмечала Л.М. Дробижева, в основе «межэтнической напряженности лежат процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов России. Вследствие чего нарастала конкуренция между титульными национальностями и русскими»². Несмотря на то, что действительно имело межэтническая напряженность между указанными группами, мы не можем полностью согласиться с мнением авторитетного эксперта. Прямой конкуренции между этими группами как раз не было. Во-первых, национальная политика СССР требовала строгого соблюдения квот для представителей «титульной» нации назначении на руководящие должности, а во-вторых, «русские», а точнее русскоязычные специалисты из центральных и западных регионов СССР среди которых были представители самых различных национальностей, работали в производственной, технической сфере, по большей части в городах. Тогда как этническая элита занимала руководящие посты в непромышленной, гуманитарной сфере и была представлена выходцами из сельской местности. В некотором роде этнополитические региональные конфликты несли черты «столкновения цивилизаций» в терминологии С. Хантингтона,³ и нес черты последствия урбаниза-

¹ Норт Д.; Уоллис Д; Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества/Дуглас Норт с соавт. Пер с англ. Д.Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 64–66.

² Дробижева Л.М. Этнические конфликты //Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // ПОЛИС. 1994. № 2. С. 109.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / Сэмюэл Хантингтон; пер. с англ. М.: АСТ, Мидгард, 1996. 576 с.

ции, смены ценности и роста новых потребностей масс сельского населения. В целом причины этнополитических конфликтов могут быть самые различные.

Для разрешения конфликта, необходимо провести объективный анализ и выявить наиболее существенные из них на которые можно оказать наиболее эффективное влияние. При традиционной форме понимания конфликтной ситуации в регионе как линейного разновекторного противодействия двух и более сил достичь невозможно. Так известный ученый и общественный деятель Я. Я. Этингер в своей классификации называет девять групп причин лежащих в основе этнополитических конфликтов в России в 1991–1993 гг.¹ и при этом не выявляет существенные факторы, значение которых стало ясным только спустя некоторое время. Более совершенным, чем структурно-функциональный подход нам представляется трансформационный подход, который разобран нами в более ранних статьях², позволяющий в динамике проследить политические процессы регионального конфликта.

Мы используем концепцию потокового пространства как проекцию реального акторно-сетевого взаимодействия включающего в себя реальных и виртуальных акторов, в том числе и образы вещей, материальных объектов, так или иначе задействованных в процессе взаимодействия. В рамках модели потокового пространства мы локализуем пространство по территориальному признаку. В потоковом пространстве мы учитываем акторно-сетевые взаимодействия отдельных личностей и сообществ как находящихся непосредственно в регионе, так влияющих на коммуникационные потоки извне (лоббирующие интересы региональных элит сообщества в федеральных органах власти, землячества и диаспоры, а также акторы, представляющие внешние факторы влияния и создающие коммуникационные связи.

Поскольку концепция потокового сообщества не получила большого распространения в России, остановимся на дефиниции понятий «потоковое сообщество» и «потоковое пространство».

¹ Этингер Я.Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 89–92.

² Аминов И.Р. Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов.// Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7. С. 122–128.

Наше понимание понятия «потокосвое пространство» продолжает и развивает идею М.Г. Бреслера о теоретических конструктах (моделей) отражения сетевого взаимодействия акторов на 1–n-мерное пространство от узла коммуникации до потока. Потокосвое сообщество, как писал М.Г. Бреслер: «пятимерная проекция сети»¹. Абстрактная проекция на виртуальное пространство данного сообщества включает в себя не только форму — структуру коммуникационных связей между узлами, но и частично содержание информационного продукта включающая образы материальных вещей — акторов данной коммуникации, а также информационные продукты — образы идей, материализующихся в символах и кодах. Последнее крайне важно для усиления/ослабления динамики информационного обмена в потокосвом сообществе. Таким образом, потокосвое сообщество включает в себя всё что по мнению Б. Латура «собирается» (assembled) под сенью общества»², всех взаимосвязей между «людьми» и «вещами», что собирает их в «ассоциацию», помогает выделить общие вектора движения и выявления тенденций развития общества. Понимание потокосвого сообщества именно как абстрактной модели позволяет преодолеть всеобщий, холический характер концепции Брюно Латура. Потокосвое сообщество отграничено объектом исследования, поэтому исследуя пространство региона, мы применяем термин «потокосвое пространство».

Потокосвое пространство региона — модель проекции на виртуальное пространство акторов и сетевых коммуникационных связей оказывающих влияние на политические процессы в данном локальном обществе, трансформирующих конфликт — консенсусную ситуацию региона.

Работами упомянутого выше Б. Латура, Д. Лоу³ и др. создана абстрактная модель топологической социологии, где материальные объекты полноценные акторы социальных отношений. Причем объекты

¹ Бреслер М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.

² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Брюно Латур: Пер. с англ. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

³ Ло Д. Объекты и пространства/ Джон Ло// Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. 2006. С. 30 [Электронный ресурс]. (дата обращения: 03.10.2016. URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211452463/5_1_6.pdf)

рассматриваются как гомеоморфные друг другу вследствие включенности в общее пространство и взаимосвязанности между ними. Российский исследователь В.С. Вахштейн¹, рассматривая пространство «Города» вводит материализованную «идею», как актора сетевой коммуникации. Отталкиваясь от «коммуникационного кода» в терминологии Соссюра автор проводит аналогию между кодами- символами языка и символическим (метафорическим) представлением материальных объектов обнаруживая при этом их гомеоморфное сходство, то есть возможность преобразования пространства объекта без потери возможности обратного преобразования. «В социальной топологии априорное различие между двумя множествами элементов X (город) и Y (язык) окончательно устраняется. Единственное, что имеет значение—это конститутивная сила элемента, его способность собирать» другие объекты»². Поддерживая в целом концепцию топологической социологии, мы в то же время не можем полностью согласиться с В. Вахштейном в области значения конституативного ядра объектов для понимания границ пространства. Рассматривая пространство как место локализации акторов в их сетевом взаимодействии, Автор в то же время находится в рамках ризомной парадигмы. Представляя сеть лишь как некое бесконечное дегенерализованное и децентрализованное взаимодействие акторов. Но, как уже указывалось выше, мы считаем сеть множеством сетевых сообществ, взаимопроникающих и взаимосвязанных друг с другом. Следовательно, каждый обозначаемый в информационном поле актор, пребывая в сетевом сообществе, а priori обладает конститутивной способностью к «сборке» объектов. При этом мы подразумеваем не сам объект, а его нематериальный симулякр, в терминологии Ж. Бодрийяра, как осознанный образ образа материального объекта. При этом симулякры объектов встроены в коммуникационные коды сообществ, которые в совокупности и составляют пространство «город» или соответственно объекту нашего исследования — «регион».

Концептуальный подход к региону как потоковому пространству позволяет использовать современные инструменты изучения

¹ Вахштейн В.С. Пересборка города: между языком и пространством //Социология власти №2, 2014, С. 9–38

² Там же. С. 32.

региона и воздействия, что выводит вопросы управления на совершенно иной уровень. Когда мы все факторы рассматриваем в совокупности с точки зрения соответствия деятельности — способствовать долговременному стабильному и эффективному развитию региона, улучшению качества жизни регионального общества, как основу процветания всего государства.

Классический анализ основан на роли большинства и лишь косвенно может определить активность, но не нагрузку узлов той или иной группы. Оценив мнение *ad hoc* той или иной группы населения, мы не можем точно сказать, насколько это мнение изменит политические или социальные процессы в обществе в целом. Однако при анализе структуры коммуникационных связей потокового сообщества в целом возможно на раннем этапе выявить потенциальный парк «Гези» и адаптировать решения муниципальных властей до того как это решение не привело к дестабилизации региона или страну в целом.

Развитие федерализма, укрепление российской государственности позволили в целом стабилизировать конфликтные ситуации на территории Российской Федерации, а также содействовать процессам умиротворения в государствах — бывших республиках СССР. Этот процесс в России в настоящее время стабилизирован, то странах ближнего зарубежья сохраняется опасность перехода конфликта в острую фазу.

Библиография

1. Аминов И.Р. Критика структурного функционализма в регулировании этнополитических конфликтов // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7. С. 122–128.
2. Бреслер М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.
3. Вахштейн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
4. Дробижева Л.М. Этнические конфликты // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // ПОЛИС. 1994. № 2. С. 109.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Бруно Латур; Пер. с англ. науч. ред. перевода С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
6. Ло Д. Объекты и пространства/ Джон Ло// Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. 2006. С. 30 [Электронный ресурс]. 03.03.2014. URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211452463/5_1_6.pdf

7. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Дуглас Норт с соавт.; пер с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 400 с. С. 64–66.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / Сэмюэл Хантингтон; пер. с англ. М.: АСТ, Мидгард, 1996. 576 с.
9. Этингер Я.Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 89–92

АЧКАСОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: в статье формулируются, с опорой на «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года», основные проблемы в реализации этнополитики в современной России. В то же время, отмечается, что в региональных политических практиках, как правило, нет четкой ориентации на решение этих проблем, нет их и в концептуальных документах в области государственной национальной политики официально утвержденных во многих регионах. В результате автор предлагает свой вариант ответа на вопрос о причинах расхождения между «словом и делом» в осуществлении российской «национальной политики».

Ключевые слова: «национальная политика», проблемы региональной этнополитики, российская гражданская нация, «этнические предприниматели».

Если опираться на текст «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»,¹ принятой в конце 2012 г., то можно утверждать, что сфера компетенций институтов этнополитики должна быть довольно широкой, однако политическая практика, особенно на региональном уровне, демонстрирует серьезные расхождения с многими положениями этого доктринального документа.

Что следует отнести к числу наиболее сложных проблем и основных направлений осуществления этнополитики в современной Рос-

¹ Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года // <http://www.ufa-edu.ru/education/Nacionalnoe%20obrazovanie/Normdoc/2025.pdf>

сии? Для экспертов очевидно, что в числе таковых следует выделить следующие:

1. Профессиональный анализ этнокультурных и социально-экономических процессов на федеральном и региональном уровне и принятие на основе этого анализа комплекса решений, в координации с другими управленческими структурами, которые обеспечивают социальное благополучие всех местных этнокультурных групп и исключают совмещение этнической топографии с топографией бедности и неблагополучия.

2. Мониторинг и профилактика межэтнической и межконфессиональной конфликтности, с опорой на имеющийся научный и экспертный потенциал.

3. Интеграция российских регионов в единое экономическое и политическое пространство, формирование российской гражданской нации как основы российской государственности с помощью целенаправленной интеграционной политики в центре и на местах.

4. Укрепление культуры толерантности, воспитание гражданской солидарности, формирование общероссийской идентичности. Как результат: Термин «национальный» должен стать синонимом «государственный». Само российское государство «должно называть «национальной политикой» политику обеспечения национальных приоритетов и интересов страны, а политика сохранения и управления этнокультурным многообразием должна называться этнической или этнокультурной политикой»¹.

5. Защита культурных прав всех российских граждан, вне зависимости от их этнической принадлежности и удовлетворение их культурных интересов. Утверждение двойной идентичности (гражданской и этнокультурной).

6. Расширение представительства нерусских народов в руководящем составе федеральных министерств и ведомств, в дипломатическом корпусе, в армейских офицерских кадрах. Необходимо также расширять объем радио и телевидения на языках народов РФ. Если одна этническая группа (ее представители) доминирует в государственных институтах, принимающих политические решения, а дру-

¹ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформгротех», 2010. С. 102.

гие этнические группы не представлены в них или сильно недопредставлены, то оправданно говорить о наличии институализированных этнических конфликтов. Также и закрепление монопольного контроля этнического большинства или этнического большинства над редкими ресурсами представляет собой институализированную форму этнического неравенства и, в потенции, этнического конфликта.

7. Поощрение создания ассоциаций, объединений, коллективов, построенных на территориальных, хозяйственных, профессиональных, а не этнокультурных принципах. Эти коалиции должны пересекать этнические границы, затруднять образование моноэтнических группировок и политических союзов, замыкание «этносов» и добровольную сегрегацию, переводить соперничество на межэтнический уровень.

8. Необходимо чтобы русские как этническая общность, проблемы защиты их статуса и культуры также стали объектами этнической политики РФ. В большинстве национальных республик России пока сохраняется сложный этнокультурный состав населения, и в них, как и в «русских» регионах должны осуществляться программы оптимизации межэтнических отношений, предупреждения и разрешения конфликтов.

9. Необходимо препятствовать резкой социальной стратификации по этническим основаниям, предотвращать явные диспропорции в социально-экономических условиях жизни непосредственно контактирующих групп, обеспечивать равные условия для социального продвижения граждан независимо от их этнической принадлежности.

10. Этнические общины в крупных городах России должны получить право на представительство своих интересов, различные формы общественного самоуправления, культурно ориентированную хозяйственную деятельность, организацию образовательного процесса любого уровня, собственные культурные учреждения, общественные фонды, разнообразные связи с родственными этническими группами в России и за рубежом. «Не вместо, а вместе с национально-государственными образованиями национально-культурная автономия является важнейшей формой национального самоопределения народов Российской Федерации»¹.

¹ Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № ½. С. 31–32.

Однако в региональных моделях этнополитики, а особенно в региональных политических практиках, как правило, нет четкой ориентации на решение названных проблем, нет их и в концептуальных документах в области государственной национальной политики официально утвержденных во многих регионах, и прежде всего в национальных республиках.

В связи с этим возникает очень противоречивая ситуация: на общероссийском уровне, казалось бы, есть понимание проблем этнокультурного развития страны и ее регионов, сформулированы стратегические цели в области этнополитики, а общественная практика демонстрирует устойчивое воспроизводство ксенофобских и интолерантных настроений в региональных и местных сообществах, а нередко и усиление межэтнической конфликтности (пока чаще всего латентной).

Практика показывает, что в сфере компетенции региональных институтов этнополитики по-прежнему остаются только вопросы взаимодействия с национальными объединениями (национально-культурными автономиями), организации различных фольклорно-фестивальных мероприятий, конференций, соревнований — довольно узкая сфера деятельности, связанная, прежде всего, с культурным развитием и образованием или теми областями, которые являются объектами управления региональных департаментов культуры и образования, т.е. возникло дублирование функций управленческих структур¹. В идеале именно национально-культурные автономии и другие этнические объединения должны взять на себя заботы по адаптации и интеграции вновь пребывающих мигрантов в российское общество, а также лоббировать интересы своих членов в местных органах власти. Однако, во-первых, их ресурсов явно недостаточно, чтобы в одиночку решать эти сложные проблемы, во-вторых, именно в этой среде зачастую появляются люди, которые начинают спекулировать на этнокультурной проблематике, превращая «различия» в инструмент политики. На этой основе происходит этнизация социальных, экономических и политических проблем, что находит выражение:

¹ См.: Шабает Ю.П., Садохин А.П. Локальные проблемы реализации государственной национальной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 1.

- в редукции социальных различий к этническим, а социального взаимодействия — к взаимодействию между этническими (этнокультурными или этноконфессиональными) группами;
- в отождествлении культурной и этнической идентичности индивидов, фиксации культурной принадлежности в зависимости от этнической аскрипции. «Родившись «русским», индивид приписан к «русской культуре», родившись «евреем» или «чувашем» — «еврейской» или «чувашской» культуре.

В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и ресурсам, понимаются как проявление взаимной культурной несовместимости этнических групп¹.

Таким образом, принятие «Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года» ничего принципиально не изменило в практическом решении этнических проблем на местах, поскольку чиновники, ответственные за «национальную политику» в регионах, как правило, не имеющие этнологической или этнополитологической подготовки, по-прежнему понимают свои функции весьма узко: как официальное содействие демонстрации культурной отличительности групп, культурного многообразия региона и оказания помощи «национальным меньшинствам», а русские по-прежнему остаются «незамеченным объектом национальной политики», в результате интеграционная политика и проблема формирования российской нации-согражданства просто выпадают из их поля зрения. Как следствие, основными партнерами чиновников в осуществлении подобной этнополитики выступают «этнические предприниматели», которых не только включают в состав разного рода экспертных советов, но и инкорпорируют в институты этнополитики и в региональные властные структуры. Такая ситуация связана с устойчивым стереотипом восприятия государственной национальной политики, как политики, ориентированной исключительно на удовлетворение нужд миноритарных культурных групп в «русских» регионах или титульных этносов, именем которых названа та или иная республика в составе РФ. Как результат, отношения между различными группами

¹ Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. С. 105.

интересов воспринимаются как отношения между «этносомами», поэтому преференции, представленные одному «этносу», воспринимаются как ущемление интересов всех других, а неизбежно возникающие конфликты интересов трактуются как конфликты, порожденные этническими различиями, т.е. они этнизируются. Как показывает российский и зарубежный опыт, наделение представителей какой-либо этнической группы особыми правами способствует не включению в мультиэтническое общество, а исключению из него и усугубляет раскол по «этническим линиям», навязывая «право на отличие», даже тем, кто за него и не боролся. В результате, практика реализации групповых прав и интересов одних как правило оборачивается укреплением границ между группами, усилением чувства исключительности и отчуждением, ущемлением прав других групп и индивидов, этнизацией общественного сознания и социальной сегрегацией. Факторы, влияющие на выбор человеком жизненных стратегий, не могут быть сведены только к влиянию неких обособленных сообществ — «этносов», все сообщества и культуры внутренне сложны, их члены часто конкурируют друг с другом, могут по-разному интерпретировать общее историческое наследие и по-разному относиться к групповым культурным ценностям и нормам, которые, в свою очередь, также могут противоречить друг другу. Принадлежности человека практически всегда бывают множественными, взаимопересекающимися и даже амбивалентными. Поэтому навязывать ему этническую идентичность как самую значимую, значит нарушать права человека, в частности, право на свободу выбора.

«Таким образом, — подводит некоторый итог А.Верховский, — можно констатировать, что федеральные власти ставят перед собой вполне осмысленную задачу в сфере этнополитики, но не прилагают — пока даже не собираются прилагать усилий, которые хотя бы теоретически могли быть достаточными для достижения результата. Во многом это происходит ... (в силу) недостаточной приоритетности темы, вследствие чего властным группам никак не удастся мобилизоваться, преодолеть имеющиеся разногласия и начать формировать реальную политическую линию. Но есть, конечно, и другая причина: этнополитика во многом складывается из тактических реакций на те или иные кратко- и среднесрочные

проблемы, а такие реакции не могут сами по себе складываться в единую линию»¹.

Как представляется, мнение эксперта во многом подтверждают результаты заседания «Совета по национальным отношениям» 31 октября 2016 г. в Астрахани, где Президент РФ В.В. Путин признал принципиальным вопрос — «координации органов власти, которые реализуют государственную национальную политику. Их только на федеральном уровне более 10. Плюс структуры в регионах и муниципалитетах. Но взаимодействие между ними подчас крайне низкое, не эффективное, не налажено и постоянное сотрудничество с научными и экспертными организациями». Это видимо означает неудовлетворительную оценку деятельности Федерального агентства по делам национальностей? Предлагаемое решение этой проблемы — принятие очередной Программы правительства РФ: «Правительство готовит профильную программу по национальной политике. Она должна стать действенным, единым магистральным документом для всех, кто занимается реализацией стратегии национальной политики». А это видимо означает признание провала предыдущей Федеральной целевой программы Правительства РФ «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», утвержденной в августе 2013 года?

В то же время Президент предложил определить федеральный орган, который отвечал бы за социальную адаптацию мигрантов: «В настоящее время эта сфера не обеспечена достаточными правовыми, организационными и экономическими инструментами. Необходимо определить федеральный орган, отвечающий за это направление. Нужны и профильные специалисты»². И это через несколько месяцев после упразднения Федеральной миграционной службы РФ, которая, действительно, выполняла преимущественно регистрационные и полицейские функции в отношениях с иммигрантами, однако ее можно было не упразднить, а реформировать. Таким образом, похоже, что все снова будет сведено к учреждению новых бюрократических структур на федеральном уровне «по координации и управлению»

¹ *Верховский А.* Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма // Pro et Contra. 2014. № 1–2, январь–апрель. С. 23.

² См.: Путин поддержал идею разработки закона о российской нации. <http://www.Interfax.ru>

и принятию новой целевой Программы, которая, скорее всего, как и предыдущие будет вскоре забыта или по-тихому провалена.

Библиография

1. *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформротех», 2010. 264 с.
2. *Верховский А.* Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма // Pro et Contra. 2014. № 1–2, январь-апрель. С. 19–33.
3. *Малахов В.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.
4. Путин поддержал идею разработки закона о российской нации // <http://www.interfax.ru>
5. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» // <http://www.ufa-edu.ru/education/Nacionalnoe%20obrazovanie/Norm-doc/2025.pdf>
6. *Тишков В.А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 3–38.
7. *Шабает Ю.П., Садохин А.П.* Локальные проблемы реализации государственной национальной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 1. С. 5–30.

БАРАНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

МОНИТОРИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ (2016 г.)¹

Аннотация: раскрыты тенденции развития межэтнических отношений и религиозной ситуации в Краснодарском крае (2016 г.). Внимание сосредоточено на институциональной системе этнополитики, на взаимодействии федеральных и региональных органов государственной власти с этническими и конфессиональными организациями. Сформулированы рекомендации акторам этнополитики. Необходимо

¹ Исследование выполнено по проекту Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем по теме №16/27 т «Проведение мониторинга межнациональных отношений и религиозной ситуации, анализ участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной и языковой политики Российской Федерации в регионах Южного федерального округа (Краснодарский край, Республика Адыгея и Волгоградская область)».

создать в структуре краевой и муниципальных администраций, представительных органов более влиятельные подразделения, специализированные на этнополитике и сформированные из профессионалов. Предложено ускорить создание территориального управления Федерального агентства по делам национальностей Российской Федерации в Краснодарском крае.

Ключевые слова: межэтнические отношения, религиозная ситуация, мониторинг, государственная национальная политика, Краснодарский край.

Актуальность темы в том, что Краснодарский край относится к числу стабильных в этнополитическом и конфессиональном аспектах субъектов федерации на Юге. Поэтому важно выяснить институциональные и коммуникационные аспекты этнополитики в регионе. Среди новейших исследований темы отметим экспертный отчет под редакцией Г.С. Денисовой¹, монографию А.В. Баранова², статью В.В. Касьянова и С.Н. Шаповалова³. Цель статьи – определить основные параметры межэтнических отношений и религиозной ситуации в Краснодарском крае в 2016 г.

За 2016 г. действовали долгосрочные факторы: последствия миграции; конкуренция этнических элит в сфере социальной иерархии; «черкесский вопрос». Преобладающие текущие факторы, которые влияли на этнополитическую и конфессиональную ситуацию: рост экономических затруднений, вызванных международными санкциями против РФ; политический кризис на Украине, прежде всего — гражданская война в Донбассе, вызвавшая приток беженцев на Юг России; гражданская война в Сирии, повысившая уровень угроз религиозного экстремизма в регионах Юга России.

Численность постоянного населения края, по данным Краснодарстата на 1 августа 2016 г. — 5548,8 тыс. человек, что на 446,7 тыс. человек больше, чем по переписи 2010 г.⁴ В крае проживают более 124 этниче-

¹ Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на второе полугодие 2015 года) / Под общ. ред. В.А. Тишкова, Г.С. Денисовой. М.; Ростов н/Д, 2016.

² Баранов А.В. Региональные политические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. Краснодар, 2015.

³ Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. Международная миграция на территорию Краснодарского края: состояние и перспективы // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 137–140.

⁴ Общая характеристика воспроизводства населения в крае. http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/8c42e3804d365619a52af54fc772e0bb/%D0%95%D0%94%D0%9D.htm

ских групп. По переписи населения 2010 г., этнический состав населения края таков. Русские — 4523,0 тыс. человек (86,5%); армяне — 281,7 тыс. (5,4%); украинцы — 83,7 тыс. (1,6%), татары — 24,8 тыс., греки — 22,6 тыс., грузины — 17,8 тыс., белорусы — 16,9 тыс., адыгейцы — 13,8 тыс., цыгане — 12,9 тыс., немцы — 12,2 тыс., азербайджанцы — 10,2 тыс. и др. За 1989–2010 гг. удельный вес армян в населении края вырос с 3,7 до 5,4%¹. Самая резкая убыль — среди немцев и евреев, умеренная — адыгейцев, греков, поволжских татар.

Исторический фактор сказывается в делении края на три субрегиона: Степную Кубань, предгорное Закубанье, Черноморское побережье. Их этнический состав различается. К северу от р. Кубань и Лаба русские составляют свыше 90% жителей, а в г. Сочи — 67,1%, в Туапсинском районе — 69,5%². Повышенный удельный вес армян на 2010 г. в г. Сочи (19,5% жителей), Туапсинском районе (13,7%), г. Армавире — 9,3%, г. Анапе — 9,0%³.

Население растет за счет миграционного прироста. За 2015 г. общий коэффициент миграционного прироста в крае остался на 3-м месте по России и составил 105,3 на 10000 человек постоянного населения, что на 24,8% выше уровня 2014 г. Из прибывших мигрантов 88,6% внутрироссийские⁴.

Анкетный опрос, проведенный В.Н. Муха в декабре 2012 г. (выборка 1200 человек всех возрастов старше 18 лет, квотная) доказал, что в системе идентичностей кубанцев лидирует национальная идентичность («Я — россиянин», 72,6%), на втором месте — региональная идентичность (66%), затем — этническая идентичность (45,5%). В сравнении субнациональных идентичностей преобладает локальная («единство с теми, кто живет в том же населенном пункте») — 43%, далее следует региональная («я — житель Кубани») — 38% и на третьей позиции макрорегиональная: «житель Юга России» — 19%⁵.

¹ Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010. www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls

² Национальный состав населения по субъектам...

³ Итоги всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2013. Т. 4. С. 20–71.

⁴ Общие коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 человек населения). http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/d9cfbe004886e79db01ef0f7eaa5adf2/Миграция.htm

⁵ Муха В.Н. Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности. Краснодар, 2014. С. 155.

Итак, степень распространения российской национальной идентичности высока, что требует целенаправленного закрепления методами информационной политики.

По сведениям Министерства юстиции РФ, в крае на 7 сентября 2016 г. зарегистрировано 803 религиозных организации. Они представляют 32 конфессии. В том числе, 370 православных организаций (доминирует РПЦ Московского патриархата), 220 — протестантских, 44 — «Свидетелей Иеговы», 12 — Армянской апостольской церкви, 9 — римско-католических, 9 — иудаистских, 5 — исламских и т.д.¹ Количество религиозных организаций растет.

Представление о религиозности населения дает анкетный опрос о религиозной идентичности, проведенный социологами Кубанского государственного технологического университета весной 2013 г. Выборочная совокупность — 1200 человек, репрезентативная квотная выборка с элементами случайного отбора населенных пунктов и респондентов. Состав респондентов соответствовал составу жителей старше 18 лет по полу, возрасту, уровню образования, урбанизации, этническому составу. 87,1% отнесли себя к верующим «в той или иной степени», 9,8% назвали себя «скорее неверующими» и 3,1% не считали себя верующими. Большая часть верующих респондентов (81,8%) определяли себя как православные. Мусульмане — 2,9% опрошенных. 2,5% исповедовали протестантизм. Приверженцы остальных конфессий, вместе взятые, составили 2%. Не отнесли себя ни к какой конфессии 11% респондентов². Уровень религиозности поверхностен.

44,5% опрошенных обеспокоены ростом численности иных религий. Причинами обеспокоенности они назвали:

- представители других религий придерживаются норм поведения, которые респонденты не могут одобрить (27,9%);
- представители других религий вытесняют представителей традиционных религий (22,4%);
- представители других религий поддерживают только своих, игнорируя чужих (21,3%);

¹ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>

² *Сергиенко Н.Л., Круглик Н.В., Муха В.Н.* Религиозная идентичность жителей Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 8. С. 47–50.

- множество религий способствует уменьшению уникальности нашей культуры (12,3%);
- 14,8% затруднились назвать причины тревоги¹.

Большинство опрошенных терпимо по отношению к представителям других религий. Только 15,1% респондентов предпочли бы не видеть представителей другой религии. Но большинство (45,2% респондентов) не готово принять представителей других религий как близких родственников. Охотнее жители края готовы взаимодействовать с представителями других религий в качестве жителей своего города, станицы, села (41,6%), граждан страны (39,4%) и коллег по работе (42%)².

По данным Духовного управления Республики Адыгея и Краснодарского края, численность мусульман в крае составляет около 180 тыс. человек, действует 7 мечетей³. Кроме них, на Кубани находится 160 тыс. трудовых мигрантов из Средней Азии (около 15 тыс., т.е. 9% легализовались), по мнению координатора сочинской приемной сети «Миграция и право» **С. Симонова**⁴. Среди мусульман преобладают татары, чеченцы, даргинцы, ингуши, представители дальнего зарубежья — студенческих диаспор.

Руководители религиозных организаций общаются под эгидой Общественной палаты края, Центра национальных культур. Постоянно проводятся встречи прокурора края с духовенством по вопросам законности, роли религиозных объединений в патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодежи.

На протяжении длительного времени в казачьем движении края доминирует Кубанское казачье войско (ККВ) как реестровая общественная организация. Это выгодно отличает край от Ростовской области и Ставропольского края, где казачество расколото. Атаманом ККВ с 2007 г. является вице-губернатор края Н.А. Долуда.

Активизировалось влияние ККВ на принятие законодательных актов. Губернатор края В.А. Кондратьев предложил наделить атаманов

¹ Там же.

² Там же.

³ Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края. <http://islam.maykop.ru/work/index.html>

⁴ *Туаев М.* На Кубани действует негласный запрет на строительство мечетей, заявили представители мусульманской общины. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/249591/>

районных обществ статусом заместителей глав муниципальных образований. Это будет способствовать патриотическому воспитанию и увеличит численность казачества¹. Н.А. Долуда на заседании Совета атаманов реестровых казачьих войск России в мае 2016 г. сообщил, что члены казачьих обществ будут наделяться землей без прохождения конкурсных торгов. Такое решение принято органами власти края. Атаман высказал мнение, что это необходимо сделать также руководству Адыгеи и Карачаево-Черкесии². Н.А. Долуда предложил, чтобы казаки получили право служить в рядах Национальной гвардии коллективно в одних подразделениях. Почти 500 из 6 тыс. призывников от края в Вооруженные Силы РФ весной 2016 г. — казаки. Необходимо сделать более тесным взаимодействие ККВ с Федеральным агентством по делам национальностей³.

Органы государственной власти, этнокультурные общественные объединения стремятся обеспечивать межэтническое согласие. 21 мая 2016 г. казаки Майкопского отдела ККВ приняли участие вместе с представителями национально-культурных организаций Адыгеи в поминовении 152-й годовщины окончания Кавказской войны⁴.

Украинский кризис стал поводом к попыткам зарубежных акторов стимулировать в Краснодарском крае сепаратистские настроения, координируя их из-за рубежа. Подрывная деятельность получила развитие в скоординированной информационной кампании, проводимой СМИ Украины с 2014 г. о мнимом «угнетении украинцев» на Кубани и их насильственной русификации⁵. Напротив, на территории края не проявляются проукраинские либо иные сепаратистские настроения.

¹ Триандофилова О. Важные вопросы надо решать сообща // Кубанские новости. Краснодар, 2016. 14 мая.

² Щербакова А. Перемены нужны как воздух // Кубанские новости. Краснодар, 2016. 2 апр.

³ Триандофилова О. Указ. соч.; Власенко А. Больше полномочий атаманам // Кубанские новости. 2016. 6 мая.

⁴ Ларина О. Кавказская война — трагедия народа // Кубанские новости. 2016. 28 мая.

⁵ Губернатор Донецкой области пообещал «вернуть» Кубань в состав Украины. <http://www.mk.ru/politics/2016/06/07/gubernator-doneckoy-oblasti-poobeshhal-vernut-kuban-v-sostav-ukrainy.html>

В крае за 2015 г. за попытку примкнуть к запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» правоохранительные органы возбудили уголовные дела в отношении 22 лиц, 15 из них задержаны, а 7 находятся в международном розыске, по сообщению прокурора Краснодарского края Л. Коржинека¹. Согласно справке прокуратуры Краснодарского края, правоохранительные органы Кубани за 2015 г. выявили 29 преступлений экстремистской направленности, из них 25 — в сети Интернет, 19 — связанных с действиями международных террористических организаций. Пресечена противоправная деятельность 16 граждан РФ, намеревавшихся выехать в Сирию для участия в экстремистских группировках. Суды края за 2015 г. блокировали доступ к 172 сайтам экстремистской направленности, 32 человека приговорены к административной ответственности за распространение экстремистских материалов².

Институциональная система этнополитики такова. В Законодательном собрании края взаимодействие с этническими и религиозными объединениями осуществляет Комитет по культуре, спорту, информационной политике и взаимодействию с общественными объединениями. В компетенцию первого заместителя главы краевой администрации входит взаимодействие с общественными, казачьими и религиозными организациями. В 2002 г. создано управление по взаимодействию с политическими партиями и общественными объединениями администрации края. В структуре администрации края действуют: отдел по межнациональным отношениям и взаимодействию с национально-культурными объединениями, подчиненный Управлению по работе с политическими партиями, общественными объединениями и межнациональным отношениям департамента внутренней политики; Управление по взаимодействию с религиозными и социально ориентированными некоммерческими организациями; Департамент по делам казачества и работе с военнослужащими. При краевой администрации функционирует Координационный совет по взаимодействию с религиозными организациями.

¹ *Исупова С.* На Кубани за попытку примкнуть к ИГ возбуждены дела против 22 человек. <http://ria.ru/incidents/20151224/1348428035.html#ixzz3vNAk4UUd>

² *Мочалова И.* Почему вербуют нашу молодежь? // Вольная Кубань. Краснодар, 2016. 21 апр. С. 9.

По информации Министерства юстиции РФ, на 7 сентября 2016 г. в крае зарегистрированы 6477 некоммерческих организаций, из них 803 религиозных объединения, 132 национально-культурных объединения, 24 национально-культурных автономии. Управление Минюста РФ по краю на 15 января 2016 г. зарегистрировало 495 казачьих обществ¹.

Национально-культурные объединения ведут диалог в рамках Центра национальных культур Кубани и центров в крупных городах, Общественной палаты края, Совета при главе администрации (губернаторе) края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

С начала 1990-х гг. работает Центр национальных культур Краснодарского края, где участвуют 35 общественных объединений². В г. Армавире, Краснодаре, Сочи, Новороссийске, Туапсинском районе также действуют центры национальных культур. Они объединяют 100 общественных организаций, являясь важным институтом диалога власти и общества³.

19 сентября 2013 г. постановлением главы администрации Краснодарского края утвержден состав Общественной палаты Краснодарского края. В ее составе создана комиссия по вопросам развития гражданского общества, межнациональных и межконфессиональных отношений, СМИ и обеспечения свободы слова под председательством О.И. Георгиева. Действуют и 8 общественных палат межмуниципального уровня⁴.

Действует Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы», принятая в 2012 г. Цели и задачи Программы — гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур; обеспечение взаимодействия исполнительных органов власти края и местного самоуправления с

¹ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>

² Национально-культурные общественные объединения ЦНК. http://kubanetnos.ru/?page_id=57

³ Ольга Ладыгина приняла участие в совещании полпреда Президента в ЮФО о предотвращении межэтнических конфликтов. <http://www.ufmskrn.ru/site2/news/66896/>

⁴ Общественная палата Краснодарского края. http://www.oprf.ru/about/interaction/region_chambers/1445/1438/newsitem/24053

национально-культурными объединениями; профилактика экстремизма и терроризма; поддержка и распространение идей духовного единства и межэтнического согласия¹.

Работает долгосрочная краевая целевая программа «**Сохранение и воссоздание объектов культурного наследия культового назначения и поддержка социально ориентированных религиозных организаций в Краснодарском крае на 2012–2016 годы**», утвержденная постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30.06.2011 № 663.

Но набор мер по выполнению программ неполно удовлетворяет современным требованиям. Приоритет по-прежнему отдан фестивалям этнических культур, просветительным публикациям в СМИ, обучающим семинарам для государственных служащих.

Постановлением главы администрации Краснодарского края от 15.07.2014 г. № 694 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2014–2016 годах в Краснодарском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» система мер этнополитики усовершенствована². Реализация этнополитики впервые согласована с формированием российской идентичности и патриотизма.

Рекомендации таковы. Необходимо создать в структуре краевой и муниципальных администраций, представительных органов более влиятельные, чем сейчас, структурные подразделения, специализированные на этнополитике и сформированные из профессионалов. Следует ускорить создание территориального управления Федерального агентства по делам национальностей в Краснодарском крае, определив его функции, штаты и финансирование. Нуждается в развитии институт экстерриториальной национально-культурной автономии. Необходимо коренным образом улучшить финансиру-

¹ Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы» (в редакции Постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 14.12.2012 № 1511). <http://www.docs.pravo.ru/document/view/29667633/30367059/>

² Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2014–2016 годах в Краснодарском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 15.07.2014 г. № 694. <http://krasnodar.regnews.org/docs/sq/bw.htm>

ние и организацию изучения русского языка в полиэтничных и миграционно привлекательных местностях.

Необходимость укрепления российской нации делает полезным создание краевого экспертно-аналитического центра, который бы на постоянной основе получал государственные заказы на мониторинг баланса идентичностей, межэтнических и межрелигиозных отношений, проявлений рисков и угроз конфликтов. Значительные ресурсы следует направить на поддержку интернет-сайтов, противодействуя пропаганде терроризма и радикализма.

Библиография

1. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на второе полугодие 2015 года) / Под общ. ред. В.А. Тишкова, Г.С. Денисовой. М.; Ростов н/Д, 2016. 156 с.
2. Баранов А.В. Региональные политические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. Краснодар, 2015. 236 с.
3. Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. Международная миграция на территорию Краснодарского края: состояние и перспективы // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 137–140.

БОЛЬШАКОВ АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, КОНФЛИКТЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Аннотация: в данной статье демонстрируется то, что эффективная миграционная политика государства является гарантом стабильности в социально-политической и этно-религиозной сферах жизнедеятельности общества. Российский вариант миграционного законодательства доказал свою жизнеспособность, это видно в сравнении с европейскими событиями последнего времени. Однако федеративное государственное устройство России, масштабность ее территории и др. факторы делают объективно сложным формирование гармоничной и бесконфликтной миграционной политики в России. Большую роль в данном процессе должны играть и российские регионы, их предложения пока не всегда оцениваются в процессе формирования федеральным центром миграционного законодательства и стратегии Российской Федерации во взаимоотношениях с сопредельными зарубежными государствами.

Ключевые слова: миграция, государственная миграционная политика, противоречия миграционной политики, интересы, федерация, конфликты, этно-бытовые и этно-криминальные конфликты, салафизм, анклавность, традиционный ислам.

В последние годы российское государство вернуло себе многие утраченные ранее позиции, является гарантом сохранения стабильности в стране и основным инструментом формирования гражданского общества. Известно, что в России сила государства играет важнейшую роль в поступательном развитии страны. Российское государство помогло относительно легко преодолеть первую волну мирового финансово-экономического кризиса и не допустить его перерастание в правительственный или иной политический кризис (по сравнению с ситуацией августа 1998 г.). Политическая система российского государства смогла адаптироваться к избирательному кризису 2011–2012 гг. и доказать свою жизнеспособность.

Выборы в Государственную Думу Российской Федерации 2016 года продемонстрировали полную победу «партии власти» в смешанной избирательной системе. Системные оппоненты боролись преимущественно за попадание своих представителей в состав парламента, а несистемная политическая оппозиция потерпела фиаско и не будет представлена в Государственной Думе.

В настоящее время Россия вступила во вторую волну финансово-экономического кризиса, которая, к сожалению, может оказаться более сложной для большинства людей, проживающих в стране. Отчасти это было уже продемонстрировано в неучастии больших групп населения в избирательной кампании 2016 г.

Миграционная политика в федеративном государстве обычно осуществляется федеральными властями, региональные и местные власти принимают в ее формировании незначительное участие, они могут передавать свои предложения по совершенствованию управления в этой сфере, а федеральная власть принимает или не принимает таковые. Россия как государство, претендующая на державный статус, нуждается в союзниках, поэтому в 2011 г. Президент РФ В. Путин выдвигает идею созданию Евразийского Союза, который предполагает не только экономическую, но и политическую интеграцию.

Интеграция, по замыслу российской элиты, должна была представлять собой объединение постсоветских и сопредельных зарубежных государств. Идея предполагала либеральную концепцию мигра-

ционной политики внутри Евразийского Союза. Барьеры в качестве границ должны практически полностью отсутствовать для людей населяющих данное интегрированное пространство¹.

По понятным причинам, подобная идея могла понравиться ряду стран постсоветского пространства, но внутри России она противоречила общественному мнению и была заменена на достаточно жесткую, национально ориентированную миграционную политику. Эта политика предполагала ужесточение квот на трудовых мигрантов, обучение пребывающих русскому языку, основам российского законодательства и истории и др. Позднее многие из этих идей были внесены в существующее российское миграционное законодательство.

В результате возникло самое значимое противоречие постсоветского этапа развития: между интересами России в международном, геополитическом плане и интересами России в национальном (государственном) аспекте. Российская политическая элита так и не сделала решающего шага в пользу принятия либеральной или консервативной (охранительной) модели миграционной политики. В данном случае речь идет даже не о законодательных нормах, а о стратегическом политическом решении.

Второе противоречие связано с тем, что регионы мало влияют на политику федерального центра в сфере миграции. Механизм передачи предложений с местного уровня на федеральный уровень власти работает пока достаточно неэффективно. При этом миграционные конфликты как раз характерны для локального уровня организации такого государства, как Российская Федерация.

Анализируя существенные проблемы в сфере миграционных процессов в Российской Федерации необходимо отметить, что в сравнительном измерении они не являются непреодолимыми в отличие от ситуации в современной Европе, которая непосредственно связана с очередным обострением кризиса на Ближнем Востоке. Россия смогла без масштабных потрясений и насильственных конфликтов принять на своей территории свыше 1 млн 200 тысяч беженцев с Украины. Ситуация в ДНР и ЛНР остается нестабильной, а конфликт так и не получил окончательного политического урегулирования, но россий-

¹ См.: Мендкович Н.А. На пути к Евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве / Н.А. Мендкович. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. С. 63–73.

ский опыт адаптации беженцев доказал свою жизнеспособность на практике.

Случай с Украиной является для России в настоящее время экстремальной практикой. Большинство мигрантов приезжают в Российскую Федерацию с целью трудоустройства и получения заработка, поэтому мы имеем дело преимущественно с людьми, которые приносят пользу российской экономике, занимая те ниши в народном хозяйстве, которые не пользуются спросом у местного населения.

Миграционный кризис в Европейском Союзе связан не только с невозможностью адаптацией большинства беженцев и мигрантов, но и их психологической установкой на проживание в странах с развитой экономикой с целью получения социального пособия и льгот, которые финансируются на деньги местных налогоплательщиков, что вызывает жесткую реакцию и конфликтное поведение со стороны старожильческого населения. Насилие, в его разных формах, стало неотъемлемой чертой решения миграционных вопросов во многих европейских странах.

Для современной России характерно социальное напряжение и конфликтность в этнической сфере для целого ряда регионов (Северного Кавказа, южных областей России; ПФО; территорий Центральной Сибири; столичных городов и др.); основная причина конфликтов — внутренняя и внешняя миграция (часто неконтролируемая и незаконная).

Миграция волнует свыше 30% россиян (по данным социологических опросов ВЦИОИ и ФОМ) и постоянно занимает второе, а в некоторые периоды первое место в перечне социальных проблем россиян. Внутренняя миграция (мобильность) очень часто не фиксируется статистикой, тем не менее, она вызывает жесткое отторжение старожильческого населения. Вспомним, негативное восприятие выходцев из региона Северного Кавказа в других регионах России на примере несостоявшихся программ А. Хлопонина по переселению кавказской молодежи в регионы Нечерноземья¹.

Данные статистики свидетельствуют, что трудовые мигранты в РФ — это 7–8% современного ВВП России. Разброс оценок присутствия трудовых мигрантов в РФ колеблется в очень широких преде-

¹ См. подробнее об этих процессах: *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции // Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. С. 113–161.

лах: от 1,5 до 15 млн человек. Большинство ученых сходится на цифре 4–5 млн (это согласованная экспертная оценка ежегодной численности трудовых мигрантов в России — легальных и нелегальных). Однако в этой оценке не учитываются люди, получившие российское гражданство (2–3 млн), подобная оценка не учитывает внутренней миграции. В Санкт-Петербурге с 2013 г. каждый четвертый житель — это мигрант (в основном представители Центральной Азии и Кавказа).

В 1990-е гг. и начале 2000-х гг. на территории России преобладали статусные и территориальные конфликты (федеральный центр — субъекты федераций). К этому времени относится и активная фаза осетино-ингушского конфликта, который представляет собой классический вариант этнополитического противостояния.

С середины 2000-х гг. и по настоящее время в России преобладают конфликты локального уровня между старожильческим населением и мигрантами («этнические», этно-бытовые», «этно-криминальные»), при этом конфликты на религиозной основе стали выходить на первый план так же с середины 2000-х гг., они связаны с проникновением на территорию Российской Федерации радикальных форм ислама. При детальном рассмотрении многие из этих конфликтов связаны с бытовыми или криминальными причинами.

Имидж Татарстана как одного из развитых субъектов Российской Федерации, базируется на трех основных составляющих: высокий уровень социально-экономического развития; общественно-политическая стабильность; межнациональное и межконфессиональное согласие. Несмотря на серию локальных конфликтов в районах республики, экстремистские вылазки религиозных фанатиков и теракт 2012 года, связанный с активизацией радикального ислама, ситуацию в Республике Татарстан пока удалось удержать под контролем.

По мнению большинства опрошенных (81,3%) Фондом «Общественное мнение — Татарстан» (октябрь 2016 г.), межнациональные отношения в республике являются «спокойными и стабильными». Еще 16,6% считают, что «обстановка спокойная, но напряженность начинает расти». Напряженной считают ситуацию 2,1% респондентов. Ситуацию в религиозной сфере республики считают спокойной 83,6%¹.

¹ Социально-политическая, межконфессиональная и межэтническая ситуация в Республике Татарстан. По материалам социологических исследований первого полугодия 2014 г. Казань, 2016. С. 7–15.

Исследование по вопросам межэтнических отношений, проведенное в мае-июне 2016 г. «Казанским межрегиональным центром экспертиз», свидетельствует что ситуацию во взаимоотношениях основных этнических групп считают «стабильной» 76,7%; 15,6% — «скорее нестабильной» и «нестабильной»¹.

По данным исследования Центра этносоциологических исследований Института истории АН РТ, посвященного вопросам миграции (первое полугодие 2015 г.), почти треть опрошенных (31,1%) «отрицательно» или «скорее отрицательно» относятся к мигрантам; в числе вызывающих наибольшее раздражение опрошенные отметили народы Кавказа (23,5%), Средней Азии (16%), а также цыган (13,1%)².

В числе основных причин негативного отношения к мигрантам были названы следующие: «привозят и распространяют наркотики» (12,2%); «отнимают рабочие места у местного населения» (10,4%); не хотят считаться «с обычаями и нормами поведения, принятыми в России и Татарстане» (8,2%); «опасаюсь мигрантов в связи с угрозой распространения терроризма» (8,0%).

К угрозам, которые являются наиболее важными для Республики Татарстан можно отнести: неконтролируемую миграцию, ведущую к образованию анклавных поселений приезжих, захвату отдельных отраслей бизнеса и коммерческой деятельности, трудоустройство мигрантов в большом количестве в муниципальных структурах управления, правоохранительных органах; экспансию исламского экстремизма на территории республики; «этнизацию» и «политизацию» бытовых и криминальных конфликтов.

К возможностям противодействия угрозам Республики Татарстан можно отнести налаженное взаимодействие с федеральными структурами при обеспечении безопасности крупных мероприятий, проведении спецопераций; эффективность силового вмешательства правоохранительных органов в бытовые и криминальные конфликты, для которых свойственна «этнизация» и «политизация»; проведение системных и масштабных мер по профилактике религиозного экстремизма, терроризма, дисфункциональных (деструктивных) конфликтов.

¹ Там же.

² Социально-политическая, межконфессиональная и межэтническая ситуация в Республике Татарстан. С. 14–15.

К издержкам противодействия угрозам Республики Татарстан можно отнести: объективную невозможность проводить самостоятельную миграционную или национальную политику; отсутствие использования примирительных процедур (медиации, переговоров и др.) в комплексе мер по регулированию потенциальных и реальных конфликтов.

2014–2016 гг. стали переломными в противодействии угрозам для Республики Татарстан. Традиционный ислам не смог самостоятельно противостоять радикальному исламу, на помощь ему пришли институты государственной власти и управления. Произошла быстрая перестройка государственных (республиканских) структур: подразделений Аппарата Президента РТ, занимающихся внутренней политикой; ОАО «Татмедиа».

Были внесены изменения в некоторые нормы республиканского законодательства, произошли изменения в статусе и персональном составе АТК в муниципальных районах, развернуты многочисленные профилактические программы. В частности, были внесены изменения в Закон РТ «О свободе совести и о религиозных объединениях», закреплялась обязанность религиозных организаций заключать с работниками контракты и договоры, в старой редакции закона написано, что религиозные организации «вправе» заключать трудовые договоры и контракты с работниками.

В настоящее время для духовных лиц предусмотрена необходимость наличия религиозного образования, полученного на территории Российской Федерации; учредителями местной религиозной организации отныне могут быть не менее десяти граждан Российской Федерации (в старой редакции не оговаривалось, гражданами какой страны они должны являться). Проповеди в мечетях Татарстана постепенно переводятся с русского на татарский язык. Эта мера позволяет закрепить преобладание именно традиционного ислама, для которого характерно терпимое и доброжелательное отношение к людям, представляющим другие конфессии и живущим рядом. Изучая татарский язык зарубежные мусульмане-мигранты приобщаются к местной культуре, адаптируют свои религиозные взгляды к традициям Татарстана. В последние годы не раз отмечалось, что сторонники радикального ислама (салафиты) проповедовали свои взгляды исключительно на русском языке с целью широкого охвата людей, различных национальностей.

Предпринятые меры позволили сделать государственный аппарат и существующее законодательство более эффективными, наладить взаимодействие республиканских органов власти и управления, местного самоуправления с федеральными структурами, ответственными за безопасность субъекта федерации. Одним из главных показателей эффективности является успешно проведенная студенческая Универсиада летом 2013 года, чемпионата мира по водным видам спорта 2015 года в Казани и ряд других мероприятий, которые позволяют успешно преобразовать инфраструктуру города и республики в целом¹.

В 2013 году в республике были созданы координирующие органы. Так, был сформирован Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям является совещательным и консультативным органом при Президенте Республики Татарстан, образованным в соответствии с Указом Президента Республики Татарстан № УП-71 от 30 января 2013 года. В марте 2013 года издано распоряжение Президента Республики Татарстан «О межведомственной рабочей группе по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан» № 161 (29.03.2013 г.).

Для предотвращения потенциальных конфликтов в межэтнической сфере усилен контроль над приобретением заброшенных жилых домов мигрантами, ограничена численность мигрантов в одном населенном пункте («политика расселения»), стала отслеживаться религиозная направленность групп мигрантов.

Органы государственной власти Республики Татарстан поставили вопросы о необходимости проработки вопроса законодательного ограничения компактного проживания (анклавов) иностранных граждан в Республике Татарстан; снижении числа административных нарушений по линии миграционного контроля; необходимости принятия мер против преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан (увеличилось в полтора раза за 2010–2014 гг.).

Работа по профилактике религиозного экстремизма, предотвращения деструктивной конфликтности, противодействию неконтро-

¹ Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад за второй квартал 2014 г. / Под ред. В.А. Тишкова. Оренбург: ООО ИПК «Университ», 2014. С. 92–93.

лируемой миграции стала носить системный характер. Это дает шанс на ее эффективность и предотвращение большинства экстремистских деяний, актов терроризма, деструктивных конфликтов.

Библиография

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции // Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. С. 113–161.
2. Концепция миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://pvsfms.ru/doc/kgmp.pdf> (дата доступа 28.11.2016).
3. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад за второй квартал 2014 г. / Под ред. В.А. Тишков. Оренбург: ООО ИПК «Университ», 2014.
4. Мендкович Н.А. На пути к Евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве / Н.А. Мендкович. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015.
5. Путин В.В. Выступление в Астрахани 31 октября 2016 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата доступа 28.11.2016).
6. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
7. Социально-политическая, межконфессиональная и межэтническая ситуация в Республике Татарстан. По материалам социологических исследований первого полугодия 2014 г. Казань, 2016.
8. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата доступа 28.11.2016).
9. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014.

ВОЛОХ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ СУВОРОВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ

Аннотация: в статье особое внимание уделяется проблеме интеграции молодых мигрантов в местное сообщество с учетом национальной безопасности государства. Авторы отмечают, что отсутствие целенаправленной адресной интеграционной политики для молодых мигрантов со стороны государства в будущем может привести к формированию целого класса лиц, интересы которых не учтены.

Ключевые слова: национальная безопасность, миграция, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, молодые мигранты.

В последние десятилетия проблемы миграции выдвинулись в ряд важнейших мировых проблем. В конце XX века процессы глобализации обусловили резкий рост масштабов международной и межрегиональной миграции. Миграция, как социальное явление имеет объективно обусловленный характер, развивается под влиянием различных факторов, наиболее значимыми из которых являются факторы политического и экономического характера¹.

С одной стороны, миграция способствует экономическому и социальному развитию государств и даже целых регионов мира, восполняет потребности экономик стран трудовыми ресурсами, выступает средством тесной международной коммуникации на человеческом уровне, играет заметную роль в межкультурном обмене между странами и народами. С другой стороны, миграция несет угрозы принимающему обществу. Мигранты привносят в новую среду свою культуру поведения, зачастую противоречащую традициям и ценностям принимающих обществ.

Сегодня большинство государств хотя бы в некоторой степени отличается культурным многообразием. Торговля, туризм, международный диалог ученых и деятелей искусства, мобильность квалифицированных специалистов и миграция приводят к тому, что в большинстве стран проживает значительное число людей, принадлежащих к другим культурам. Практически везде можно встретить представителей хотя бы одного культурного меньшинства — иностранных туристов и бизнесменов. Многие страны сегодня можно назвать многообразными в культурном плане уже потому, что они открыты внешнему миру — представители любых народов могут туда свободно приезжать, уезжать, а иногда и оставаться².

¹ Волох В.А. Исторический опыт интеграционной политики в России: Сб. материалов научно-практической конференции «Адаптация и интеграция мигрантов в принимающее сообщество: проблемы и пути решения» / Под ред. директора Института миграции и межнациональных отношений, д.э.н., проф. А.Б. Паскачева. М.: Издательство экономико-правовой литературы, 2015. С. 4.

² Суворова В.А. Основные направления формирования политики интеграции иммигрантов в принимающее сообщество: Сб. материалов научно-практической конференции «Адаптация и интеграция мигрантов в принимающее сообщество: проблемы и пути решения» / Под ред. директора Института миграции и межнациональных отношений, д.э.н., проф. А.Б. Паскачева. М.: Издательство экономико-правовой литературы, 2015. С. 27.

Международная миграция растет не только по своим масштабам и скоростным показателям, она характеризуется также увеличением количества вовлекаемых в нее стран. В результате люди различных национальностей говорящие на различных языках и имеющие различные обычаи, религии и модели поведения, входят в контакт друг с другом¹.

Международная миграция поднимает сложные вопросы об идентичности и ценностях личностей, семей и общин, а также общества в целом. Во многих странах граждане выражают озабоченность, как правомерную, так и необоснованную, по поводу прибытия людей из других стран и культур. С начала XXI столетия средства массовой информации по всему миру заполнены публикациями о мигрантах и миграции, многие из которых сосредоточены на сенсационных и отрицательных аспектах проблемы².

В связи с ежегодным увеличением количества мигрантов — представителей школьной и студенческой молодежи детей, отсутствие внимания и целенаправленной адресной интеграционной политики для этой категории лиц со стороны государства в будущем может привести к формированию целого класса лиц, интересы которых не учтены. Такие лица могут стать в дальнейшем причиной возникновения в обществе социальных конфликтов на национальной почве.

Во избежание национальных конфликтов внутри страны в будущем меры по адаптации и интеграции детей, подростков, молодежи мигрантов в российское общество должны предприниматься уже сегодня. При разработке механизмов совершенствования политики адаптации и интеграции важно рассматривать миграционные процессы как в целом по стране, так и отдельно анализировать миграционную ситуацию в каждом регионе. Безусловно, в силу неравномерности распределения населения по стране, а так же различной интенсивности миграционных процессов по регионам, миграционная ситуация в каждом из них различается.

¹ Горячев Ю.А., Курнешова Л.Е., Омельченко Е.А. Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М.: Издательский дом «Этносфера», 2008. С. 7.

² Суворова В.А. Интеграция мигрантов в сообщество как одна из составляющих иммиграционной политики // Вестник университета. Государственное и муниципальное управление. М.: ГУУ, 2008. № 2(10).

Активно распространена внутренняя образовательная миграция среди студенческой молодежи, граждан России. Молодые люди с высоким потенциалом из различных регионов Российской Федерации специально приезжают в Москву для поступления в вузы, так как считают, что в Москве высшее образование более качественное, чем в регионах, и в Москве больше возможностей для реализации себя. Это связано, во-первых, с тем, что в регионах не созданы условия для получения доступного качественного высшего/профессионального образования для местных жителей; во-вторых, не работают механизмы удержания молодых людей в регионах; в-третьих, существует отрицательный имидж регионального образования; в-четвертых, существует недостаточное количество образовательных учреждений в регионах.

Также распространена внешняя образовательная миграция среди студенческой молодежи. Большинство из них являются представителями бывших союзных республик СССР: Туркменистан, Киргизия, Армения, Казахстан, Узбекистан, Белоруссия, Литва, Азербайджан, Молдавия, Грузия, Украина. Существовавшая в Советском Союзе система образования сохранила в основных своих элементах свою сущность и после распада СССР на территории бывших союзных республик, что дает возможность современной молодежи из стран пост-советского пространства приезжать на учебу в Россию для продолжения своего обучения.

Большинство обучающихся мигрантов (как внешних, так и внутренних) не имеют желания возвращаться в те регионы, страны, из которых они приехали на учебу в Москву, и планируют остаться в Москве для построения своей дальнейшей карьеры и жизни (обучение, работа). Это связано с тем, что, во-первых, в регионах меньше возможностей для трудоустройства, заработка и карьерного роста; во-вторых, нет механизмов привлечения активной и дееспособной молодежи в регионы; в-третьих, существует стереотип престижной жизни в московском регионе.

Желание обучающихся мигрантов остаться в Москве можно рассматривать с двух противоположных позиций, отражающих разные миграционные тренды. С одной стороны, это неплохая тенденция, если в Москве по окончании обучения будет оставаться большое количество активной и ориентированной на трудоустройство, на интеграцию в местное сообщество молодежи из российских регионов.

Однако, необходимо провести анализ возможностей и потребностей столичного региона в молодых кадрах, следует заранее определить емкость рынка московского региона для трудоустройства мигрантов, подготовить социальную структуру для возможной интеграции в нее большого количества молодых людей. С другой стороны, тенденция оставаться в Москве по окончании своего обучения среди молодых мигрантов может привести к изменению социально-профессиональной структуры российских регионов, из которых происходит отток активного и трудоспособного населения

По нашим данным большинство представителей принимающего сообщества и обучающихся мигрантов считают, что приезжающие на учебу и длительное проживание в Москву молодые люди должны наряду со своими традициями принимать уклад жизни местного населения. Но для того, чтобы принимать уклад жизни местного населения, нужно знать и понимать культуру, обычаи, особенности жизни местного населения.

Данная тенденция связана, во-первых, с тем, что несмотря на глобализационные процессы, протекающие во всех сферах общественной жизни, в том числе и в духовной сфере, большинство людей все-таки имеет определенную этническую самоидентификацию и не желает ассимилироваться в поликультурной среде; во-вторых, приезжая в новый для проживания и учебы регион молодые люди имеют желание адаптироваться к окружающей среде и имеют установку на принятие элементов культуры принимающего сообщества.

С точки зрения педагогов — представителей принимающего сообщества, а также с точки зрения молодых людей, многие мигранты сталкиваются с разнообразными проблемами, трудностями, с которыми им не всегда удается справиться самостоятельно. Это трудности в освоении русского языка (для внешних мигрантов), трудности в управлении своим поведением, эмоциями, недостаточно высокая мотивация к учебе, проблема жилья, трудности в общении с местными сверстниками.

Наличие у мигрантов вышеперечисленных проблем и трудностей связано, во-первых, с возрастными особенностями молодежи, когда молодым людям не всегда удается контролировать собственные эмоции и поведение; во-вторых, с отсутствием организованной работы с мигрантами в образовательных учреждениях.

Наряду с положительным существует и отрицательное отношение к факту приезда молодых людей в Москву из российских регионов и других стран на учебу и длительное проживание. Причинами негативного отношения являются: во-первых, сформированный стереотипный отрицательный образ мигранта (навеянный СМИ и неподтвержденными слухами), во-вторых, недостаточное информационное сопровождение реализуемых мер в рамках миграционной политики РФ.

Поэтому, с одной стороны, важно совершенствовать механизмы адаптации и интеграции мигрантов в малозаселенных регионах страны, однако, в силу большого числа мигрантов, уже находящихся в стране и испытывающих трудности при адаптации и интеграции, важно большое внимание уделять и регионам с самой большой концентрацией приезжих.

Что же необходимо предпринять для эффективной интеграции детей и молодежи мигрантов в местное сообщество:

1. Введение в образовательных учреждениях дополнительных занятий по изучению русского языка для мигрантов.
2. Проводить тренинги личностного роста направленные, в том числе и на повышение мотивации к учебе.
3. Проводить психологические тренинги эффективной коммуникации.
4. Введение для мигрантов дополнительных часов, уроков, занятий в образовательных учреждениях для изучения русской культуры, истории, основ права.
5. Активная деятельность культурных национальных центров, организаций, позволяющих представителям разных этносов приобщаться к ценностям собственной культуры, не терять связь с представителями своей культуры, не чувствовать потерю культурных корней в крупном полиэтничном городе.
6. Разработать коммуникационную кампанию, направленную на формирование позитивного образа построения жизни в российских регионах.
7. Разработка коммуникационной кампании (с использованием социальной рекламы, PR-инструментов), направленной на формирование положительного образа мигранта и дружеской принимающей среды поликультурного города.

8. Принятие мер по осуществлению строгого контроля над миграционными потоками (в том числе и по образовательной миграции).

9. Работа с целевыми журналистами на постоянной основе для формирования полноценной информационной среды по проблемам миграции.

Реализация этих и других мер позволит оптимизировать процесс адаптации и интеграции молодых мигрантов в принимающее общество, уменьшить социальную напряженность в обществе и положительно сказаться на разработке целенаправленной адресной интеграционной политики для молодых мигрантов.

Библиография

1. *Волох В.А.* Исторический опыт интеграционной политики в России / Сборник материалов научно-практической конференции «Адаптация и интеграция мигрантов в принимающее сообщество: проблемы и пути решения» / Под ред. директора Института миграции и межнациональных отношений, д.э.н., проф. А.Б. Паскачева. М.: Издательство экономико-правовой литературы, 2015.
2. *Горячев Ю.А., Курнешова Л.Е., Омельченко Е.А.* Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М.: Издательский дом «Этносфера», 2008.
3. *Суворова В.А.* Основные направления формирования политики интеграции иммигрантов в принимающее сообщество / Сборник материалов научно-практической конференции «Адаптация и интеграция мигрантов в принимающее сообщество: проблемы и пути решения» / Под ред. директора Института миграции и межнациональных отношений, д.э.н., проф. А.Б. Паскачева. М.: Издательство экономико-правовой литературы, 2015.
4. *Суворова В.А.* Интеграция мигрантов в сообщество как одна из составляющих иммиграционной политики // Вестник университета. Государственное и муниципальное управление. М.: ГУУ, 2008. № 2(10)
5. *Сулейманова Ш.С.* Межнациональные отношения — этническая адаптация в современной России. // Этносоциум и межнациональная культура. М., 2010. № 3(27).

ГАЙДУК ВАДИМ ВИТАЛЬЕВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В УКРЕПЛЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО (МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО) ДИАЛОГА

Аннотация: в мире политики все чаще возникают ситуации с неопределенным развитием событий и результатом. В связи с этим роль акторов, которые заинтересованы

в реализации планов по мирному урегулированию конфликтов и недопустимости применения насилия становится все более актуальной. Современный мир изобилует ситуациями, в которых решение должны принимать лишь квалифицированные посредники (медиаторы), целью которых является решить конфликт наиболее эффективными и безболезненными методами. В данной статье рассматриваются основные аспекты новой для политической действительности технологии — политической медиации, которая является жизненно необходимой для разрешения сложных межэтнических и межконфессиональных проблем.

Ключевые слова: политическая медиация, политические технологии, политическая регионалистика, этнополитика, межэтнические отношения, межконфессиональные отношения, федерализм.

Современная политико-управленческая действительность такова, что дискурсивные особенности определения истинных ценностей в социальной сфере являются серьезным основанием говорить о зрелости тех или иных политических решениях, теориях и концепциях, которые непосредственно воздействуют на мировоззренческие основы. Технологическая проработанность невозможна без качественного обоснования существующих тенденций в области коммуникационного взаимодействия, выстраивания прямого диалога с участниками политических действий и интерпретации их действий с учетом существующей парадигмы развития общества.

Эффективная реакция на те вызовы, с которыми приходится справляться сегодня, является основанием говорить о том, насколько граждане России готовы воспринимать текущие события как систему, которая должна непременно встраиваться в те ситуационные обстоятельства, предлагаемые нашим государством для достижения взаимопонимания и согласия как внутри российского сообщества, так и за его пределами.

Современное диалоговое пространство является в своем выражении той структурной единицей переговорного процесса, которое имеет в своем арсенале важные основы для недопущения эскалации конфликтогенных патологий в сообществе. Особо это важно с учетом того, что мировая политическая обстановка то и дело подталкивает акторов совершать действия, которые навряд ли можно охарактеризовать как поведение рациональных акторов: невозможность признания руководством США необходимости создания единой коалиции по борьбе с запрещенной на территории России организацией Исламское государство, нахождения консенсуса по вопросам социально-

политического недопонимания по Украине (хотя, здесь мы должны понимать, что «украинский вопрос» сегодня для мирового сообщества не выходит на передний план с пометкой «незамедлительного решения»).

Сегодня конфликтное поле межнационального противоречия, равно как и этнического формируется в процессе многосторонних взаимоотношений наций друг с другом и этносами в полиэтническом пространстве. Сами конфликты вырастают на почве противоречий между интересами этих социальных организмов. Различие здесь состоит в том, что интересы этноса формируются как интересы замкнутой групповой организации людей и мышления, где индивид не отделяет себя от группы, и для него любая иная выступает в качестве другой, «чужой» по отношению к своей; для нации же имеет место представление и выражение интересов более широкой, но все же обособленной, самостоятельно существующей, государственно оформленной или оформляемой общности, приобретшей (или приобретающей) свою социально-экономическую и гражданско-политическую основу.

Конфликтная ситуация межэтнического порядка включает в себя структуру «свой-чужой», где происходит развенчание понятийного аппарата и расхождение в понимании необходимости решения проблем с учетом интересов заинтересованных сторон. В логике немецкого политического философа К. Шмитта такой порядок вещей является исходным для определения интересов заинтересованных акторов, так как логика перестройки взаимоотношений включает в себя обязательный поиск врагов — «чужих» и союзников — «своих»¹.

Политическая конфликтность, на сегодняшний день, обусловлена рядом факторов, воздействующих на определенные события, которые могут привести к необратимым последствиям: от проведения акций одиночного пикетирования до состояния гражданской войны и реализации конституционного права сепарации субъектами федерации.

Важно понимать, в связи с этим, какой существует субъектный состав политического конфликта, насколько далеко готовы зайти противоборствующие стороны, их целевые установки и понимание противоречий гражданами, которые задействованы в событиях, несущих

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 45–46.

под собой разрушительную силу. Политические события всегда носят яркий характер в самовыражении акторов, которые несут собственные идеи в массы. Иногда предлагаемые реформаторские или революционные проекты могут быть отвергнуты по разным причинам:

- несоответствие проекта поставленным целям;
- невозможность реализации (проект представляет собой утопию);
- неорганизованность группы, представляющей идеи проекта (априори заложено так, что команда, которая предвидит изменения и желает наступления последствий, должна представлять собой единый конгломерат).

Причины, ограничивающие возможности оптимального политического диалога и рационализации управления в российской политической системе, уходит корнями в прошлое страны с ее традиционалистскими отношениями, уверенности в возможности тотального контроля и жесткой централизации власти, с которыми связаны произвол и насилие. Противоречия современных элит — свидетельство неизжитости идеи естественного состояния человека и общества, в котором борьба за существование остается единственным фактором, обуславливающим отношения как внутри, так и вне современных социумов. В связи с данными обстоятельствами, конфликтность постсоветского пространства является достаточно серьезным основанием говорить о том, что сегодня требуется поиск новых форм и методов регуляции межэтнических, межгрупповых отношений в политической деятельности.

В связи с обозначенными тенденциями, можем констатировать, что на сегодняшний день, одним из наиболее эффективных методов реализации политической воли посредством предотвращения конфликтности в политическом пространстве является медиация. Во властно-управленческой сфере она представляет собой особенную технологию согласования элитарных интересов в государстве, позволяющая балансировать региональные интересы и интересы Центра с оптимизацией самого управленческого процесса¹.

При медиации достигается сочетание автономии воли сторон и гарантий по выработке общей позиции в достижении взаимовыгодного

¹ Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Политическая медиация как новая политическая технология // Вопросы политологии. 2014. № 4(16). С. 81–91.

результата, для чего стороны наделяют определенными полномочиями третье лицо — медиатора. В широком понимании медиация — это желание общества преодолеть социокультурные противоречия в связи с потребностями развития. Задача медиатора — помочь сторонам осознать их собственные интересы и на основе этого совместно выработать взаимоприемлемые договоренности, где медиация не направлена на определение правого и виноватого, а приводит стороны к консенсусу. Медиаторы (посредники) привлекаются для того, чтобы взглянуть на конфликт со стороны и помочь сторонам при рассмотрении спора освободиться от лишних эмоций и предвзятости.

Роль государства в соответствующих отношениях сводится к тому, чтобы предоставить их участникам правомерные процедуры для урегулирования спора, из которых можно выбрать наиболее приемлемые средства, для каждой из сторон.

Политическая медиация — есть форма альтернативного экспертно-политологического разрешения споров и урегулирования споров, добровольно избираемая конфликтующими элитарными сообществами исходя из солидарного стремления к достижению соглашения и политической объективности и целесообразности.

Медиация многократно усиливает преимущества и положительный эффект переговоров. Она помогает избегать задержек и решает внутренние проблемы. Такая технология обладает рядом преимуществ для деловых партнеров, поскольку:

- обеспечивает привлечение независимой третьей стороны для анализа проблемы;
- создает для сторон возможность общения;
- медиаторы являются консультантами для обеих сторон;
- стороны могут прекратить медиацию в любой момент и избежать риска навязываемого третьей стороной решения, и в то же время, в итоге, возможно заключение соглашения, имеющего обязательную силу;
- стороны осуществляют контроль за достижением результата и имеют широкий простор для того, чтобы сделать его приемлемым и выгодным с коммерческой точки зрения¹.

¹ Денисенко С.В. Использование медиации в сфере международных экономических отношений // Наука и образование. 2013. № 2. С. 37.

Основные принципы политической медиации в сфере межнациональных и межэтнических отношений можно свести к трем ключевым тезисам:

- медиатором в урегулировании конфликтов выступает научно-экспертная группа, компетенция которых признана общественностью и государством;
- медиаторы должны быть независимы от политической воли властных элитарных групп регионального, федерального или международного уровней;
- исполнение решений или рекомендаций медиатора необязательно для сторон конфликта.

Достижение консенсуса является главным предназначением социального регулирования. Медиативные технологии обеспечивают стабильность, основанную на соглашении, — это не только нравственный идеал неформальных межличностных человеческих отношений, но и системообразующий ориентир в упорядочении социальных связей, призванный оптимальным образом сбалансировать разнообразные, нередко противоречивые интересы.

Современная действительность свидетельствует о востребованности мирного урегулирования спора как средства повышения роли гуманизма и расширения диспозитивности в жизни, что соответствует общемировой тенденции повсеместного использования примирительных процедур разрешения разнообразных конфликтных ситуаций в различных сферах жизнедеятельности человека

Медиативная технология — неотъемлемая часть регулирования этнополитических конфликтов. Этнополитический конфликт содержит множество нюансов и противоречий.

При этом некоторые авторы считают, что «...несмотря на несомненную социальную значимость института примирения, практику его реализации пока вряд ли можно признать эффективной»¹.

В данном случае, мы не можем согласиться с данным утверждением, так как для нас важным считается то обстоятельство, что медиативные ресурсы располагают достаточными возможностями для активизации наиболее приоритетных аспектов решения существующих

¹ Власенко Н.А., Чернышова Т.В. Примирение и право // Журнал российского права. 2012. №7. С. 91–106.

ющих проблем на постсоветском пространстве. Медиативный комплекс мер, который применяется акторами политики для разрешения споров проходит активную стадию адаптации и формирования собственных ориентиров и реалий, на которые бы ориентировались отечественные эксперты, медиаторы, исследователи. И все же, существует ряд недостатков, которые могли бы быть устранены для наиболее эффективного обеспечения диалога между отдельными лидерами, группами.

Так, Д.Б. Елисеев считает, что в медиации сложнее быть уверенным в профессионализме медиатора, чем судьи в судебном процессе, тем более что медиатор, должен выступать как специалист сразу в нескольких областях, что на практике выливается в неприемлемую поверхностность знаний в каждой из таковых¹.

Добавим, что в современном мире проблема конструктивного урегулирования конфликтов настолько актуальна, что ее решение осмысливается как залог комфортного существования человека в обществе, а медиация как форма альтернативного разрешения споров выступает в качестве способа, с помощью которого конфликтующие стороны могут прийти к соглашению, осуществить взаимоприемлемое решение служебных, семейных, политических, культурных, экономических и другого рода проблем.

Медиация — это социальный способ разрешения конфликтов, который широко применяется во многих странах мира и в настоящее время проходит процесс адаптации в России.

Можно констатировать, что существует много способов завершения межнационального и межэтнического конфликта: устранение объекта конфликта; замена одного объекта другим; разделение объекта конфликта между сторонами; устранение одной из сторон конфликта; изменение позиций одной или обеих сторон; изменение характеристик объекта; получение новых сведений об объекте или наложение на него дополнительных условий; недопущение непосредственного или опосредованного взаимодействия участников (например, введение в зону соприкосновения конфликтующих сторон миротворческого контингента); приход участников конфликта к еди-

¹ Елисеев Е.Д. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, М., 2013. 32 с.

ному решению или обращение их к «арбитру» при условии подчинения любому его решению. В основном они направлены на изменение самой конфликтной ситуации путем либо воздействия на участников конфликта, либо изменения характеристики объекта конфликта и др.

Межнациональный и межэтнический конфликт в своей динамике может проходить различные уровни (стадии) противостояния, как в сторону эскалации противоборства, так и в сторону снижения накала борьбы. При этом важно, чтобы выбранный вариант соответствовал сложившейся ситуации и отвечал интересам и целям субъектов взаимодействия. Необходимо также помнить, что взаимодействие предполагает долговременную систему отношений. Поэтому не надо стремиться к демонстративной победе. Тактический выигрыш может обернуться стратегическим проигрышем, а демонстративная победа может даже оппонента превратить в потенциального и реального врага.

Курс политики должен придерживаться направленности в сторону гармонизации межнациональных и межэтнических отношений, укрепления единства Российской Федерации и снижения уровня социальной напряженности на этнической почве. Согласно Указу Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», основным принципом государственной национальной политики Российской Федерации является: государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти, который в свою очередь предполагает: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; предотвращение и искоренение любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

Во многих случаях межнациональные и межэтнические конфликты вместо решения доходят либо до полиции и суда, либо подавляются, замалчиваются, что увеличивает риск сильных вспышек нена-

висти и демонстрации силы. Для того чтобы обычное недопонимание между людьми не переросло в экстремизм, желательно уже на первом этапе такого проявления искать способы мирного урегулирования и предотвращения конфликтов. В этом случае медиация является наиболее удобной формой альтернативного разрешения конфликтов, осуществляющей в свою очередь и профилактику экстремизма.

Самое главное, чтобы в нем участвовали незаинтересованные группы. Постсоветский конфликт должен решаться только постсоветскими государствами, которые имеют на это политико-правовой и моральный долг. Возможно справедливое представительно государств в этом обсуждении. Для того, чтобы услышать их истинные пожелания¹.

Что может быть предметом медиативного урегулирования постсоветского конфликта? Безусловно, национальные интересы суверенных государств не должны лежать в центре угла. Конфликт должен рассматриваться с позиций «не навреди». Основные цели этого урегулирования — это обеспечение безопасности постсоветского региона, т.е. должна быть общая цель. И это тоже нужно понимать.

В целом ситуацию развития медиативной практики в странах постсоветского пространства можно охарактеризовать как находящуюся на этапе признания необходимости интеграции нового института в систему разрешения споров — начальном этапе формирования фундамента, на котором в будущем должно быть построено здание медиации. Институт медиации все чаще упоминается в различных изданиях, он становится известным все большему кругу граждан и официальных лиц. Вместе с тем необходимо отметить отсутствие в большинстве стран единого пространства медиативной практики, единообразного понимания процедуры медиации, значительную степень разобщенности медиаторов и медиативного экспертного сообщества.

И пока не будет общего признания, что медиация нужна, и не будет общепринятых медиативных технологий на постсоветском пространстве, достичь каких то результатов будет крайне сложно. Говоря языком Гоббса и Локка, сегодня нужен медиативный общественный

¹ *Gaiduk V.V, Suieymanov A.R.* Региональные медиаторы и их роль в обеспечении национальной целостности: коммуникативный аспект // *Коммуникология.* 2014. Т. 8. № 6. С. 115–128.

договор, который бы официально признали все страны постсоветского региона. И только тогда во царит мир и согласие. А иначе постсоветские государства будут сыпаться как «карточные домики».

Библиография

1. *Gaiduk V.V, Suieymanov A.R.* Региональные медиаторы и их роль в обеспечении национальной целостности: коммуникативный аспект // *Коммуникология*. 2014. Т. 8. № 6. С. 115–128.
2. *Власенко Н.А., Чернышова Т.В.* Примирение и право // *Журнал российского права*. 2012. № 7. С. 91–106.
3. *Гайдук В.В., Лукьянцев А.С.* Политическая медиация как новая политическая технология // *Вопросы политологии*. 2014. № 4 (16). С. 81–91.
4. *Денисенко С.В.* Использование медиации в сфере международных экономических отношений // *Наука и образование*. 2013. № 2. С. 37.
5. *Елисеев Е.Д.* Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико-правовой анализ): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 32 с.
6. *Шмитт К.* Понятие политического // *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 45–46.

ДЕНИСОВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

СОВРЕМЕННОЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТАТАРСТАНЕ

Аннотация: в современном мире гармоничное состояние этноконфессиональных отношений в поликультурных регионах является гарантом национальной безопасности. В статье рассматривается современное этноконфессиональное положение дел в Республике Татарстан на двух уровнях (обыденном и программно-политическом). В ходе исследования выявляются положительные и неблагоприятные аспекты, и даются рекомендации для нивелирования последних.

Ключевые слова: идентичность, межкультурный диалог, мигранты, Татарстан, толерантность, этноконфессиональные отношения.

Этноконфессиональное положение дел в Татарстане является краеугольным камнем при формировании грамотной политики как на уровне региона (непосредственно РТ), так и на федеральном уровне (региональная политика по отношению к Татарстану). В связи с этим очевидно, что данный вопрос очень важен для изучения.

Стоит сразу отметить, что в Татарстане в целом благоприятное состояние этноконфессиональных отношений. Прослеживается стрем-

ление, как населения республики, так и властей к внутреннему мониторингу ситуации и сохранению статуса-кво.

Хотелось бы выделить 2 уровня этноконфессиональных отношений в Татарстане: обыденный и программно-политический уровни.

Перед тем как рассматривать обыденный уровень стоит отметить, что в национальном составе РТ по переписи 2010 г. ярко выделяются 2 этноса (татарский и русский). При этом они примерно равны (татары — 53,2%, русские — 39,7%). Эти данные можно считать этнодемографическим фактором стабильности в регионе.

Среди населения республики высокий уровень толерантности. Это объясняется обилием факторов. Русский и татарский народы проживают на определенной территории уже достаточно долгий промежуток времени. Так же особенностью региона является историческое сосуществование разных этнических групп (не только татар и русских). Для Татарстана характерны интеграция и взаимодействия этнических культур с взаимообогащением друг друга. Примером может служить придание национальным и даже религиозным праздникам массового характера (Сабантуй, Масленица). Население нашей республики с легкостью вступает в межнациональные браки (до 1/3 всех браков в Татарстане смешанные).

Придание национальным праздникам массового характера объединяет людей не только на чувстве групповой (в этом случае — национальной) идентичности, но по принципу принадлежности к массовой культуре¹. Если мы возьмем, например, Сабантуй (праздник окончания весенних полевых работ), то увидим, что данный праздник начал приобретать черты именно массовой культуры. Сабантуй в Татарстане является не только национальным праздником татарской общины и общетюркским культурным явлением, но объединяет людей разной веры и национальности посредством взаимовлияния культур и приобщению других национальностей к культуре татарского народа.

¹ Нурутдинова А.Н. Народная культура как способ конструирования групповой идентичности (по материалам анализа печатных изданий Республики Татарстан // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: Сб. материалов XIX Международной научно-практической конференции (Махачкала, 13 марта 2016 г.). Махачкала, 2016. С. 48.

Таблица 1

Отношение к людям другой национальности и другой веры¹

	Москва	Татарстан
Уважение	31,5%	40,9%
Симпатия	12,4%	13,2%
Нет особых чувств	46,4%	50,3%

Таблица 1 доказывает высокий уровень толерантности в нашем обществе. По сравнению с Москвой в Татарстане на 10,2% выше положительных ответов, связанных с отношением к людям другой национальности и веры.

О. Попова выделяет две модели политической идентичности. Первая — «я — другой — чужой — враг» и вторая — «я — иной — другой».² Вторая модель подходит Татарстану. В республике отсутствуют какие-то особые конфликты между двумя крупными этносами (как на почве национальности, так и на конфессиональной почве). Другой этнос зачастую понимается не как «враг», «чужой» или «другой», а как просто «иной». Под «другими» чаще всего имеются в виду представители других национальностей, которые проживают или проживали на территории другой страны (например, мигранты).

Особое место в формировании спокойного этноконфессионального состояния в республике играет практически параллельный рост этнической и религиозной идентичности, как у русского, так и татарского населения в регионе.

Таблица 2

Рост этнической идентичности³

	Русские	Татары
1994	27,2%	50,5%
2011	67,4%	81,2%
Разница	+40,2%	+30,7%

¹ Саблуков А.В. Этноконфессиональная толерантность как фактор российского социума // Вестник МГЛУ. 2013. № 2. С. 193.

² Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Политические исследования. 2009. № 1. С. 143.

³ Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/inab_2012_06.html, свободный. — Проверено 15.09.2016.

Рост религиозной идентичности¹

	Русские	Татары
1990	28%	34%
2011	83,7%	84,4%
Разница	+55,7%	+50,4%

На мой взгляд, синхронное повышение уровня идентичности не может повлечь за собой ситуации, когда одна этническая группа будет доминировать над другой за счет большего осознания себя как определенной общности и попирает права другой этнической группы. Более того сам феномен усиления идентичности у двух национальностей объясняется первоначально ослаблением коммунистической идеологии, а затем развалом Советского Союза и крушением идентичности «советского человека». А так как титульный этнос и русское население вместе проживали в данном регионе задолго до образования СССР и особая культура взаимного уважения и сотрудничества не позволили случиться событиям, которые произошли в Нагорном Карабахе или в Ферганской долине.

В дополнении к этому хочется отметить, что религия в Татарстане не является дезинтегративным фактором. Среди русских положительно к исламу относится около 90%, среди татар к православию более 70%. В какой-то мере здесь играет роль особая разновидность «татарского ислама», которые некоторые ученые называют «евроисламом»². Он объясняется традициями джадидизма, по которому в современном обществе должен быть высокий уровень образования и постулируется его светский характер. Татарский ислам сближается с Западными трактовками ислама (ислам у боснийцев, у турок). При этом можно отметить и православную церковь (Татарстанская митропо-

¹ Мусина Р.Н. Современная ситуация в этнорелигиозном пространстве Республики Татарстан: религиозное сознание и религиозные практики // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы 9-й международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / Под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул. 2015. С. 215.

² Нуноев С-Х.М. Риски религиозного экстремизма в политико-конфессиональных процессах (на примере Татарстана) // Власть. 2015. №10. С. 152.

лия) и ее миролюбивый характер по отношению ко всем национальностям и конфессиям.

На благоприятное состояние этноконфессионального положения в Татарстане так же влияет консенсус по наиболее важным вопросам истории страны, ценностям, которые разделяют граждане; видение своего настоящего и ожидания от будущего.

При том, что обыденный уровень этноконфессиональных отношений является очень важным, не стоит забывать и о более высоком уровне — программно-политическом. Под ним понимаются разноплановые действия государства (в данном случае региональных властей) по обеспечению стабильности в описываемой сфере.

В первую очередь стоит отметить грамотное маневрирование властей республики в этноконфессиональной политике. В официальном календаре праздничных дней русские праздники (православные) наряду с татарскими (мусульманскими) имеют одинаковый статус выходного дня. В Конституции РТ так же отмечено, что 2 языка имеют статус государственного (русский и татарский). Это означает, что в школах и в других учебных заведениях идет преподавание этих языков практически в одинаковых объемах, документооборот в органах государственной власти и МСУ ведется на двух языках и нет никаких преград в использовании того или иного языка в повседневной жизни. Это придает этноконфессиональным отношениям в Татарстане равновесный характер даже по лингвистической линии.

Особенно стоит отметить синхронную поддержку культуры и религии русского и татарского народа в Республике Татарстан. Можно привести множество примеров — реставрация Благовещенского Собора и воссоздание мечеть Кул Шариф, активное участие в возрождении Свияжска и Булгар, создание (в будущем) Исламской академии и воссоздание разрушенного собора Казанской иконы Божией Матери. Без сомнения, эта параллельная поддержка культуры и религии в Татарстане позволяет считать нашу республику в авангарде конструирования межэтнического и межконфессионального диалога в российском и постсоветском пространстве.

В дополнение к бытовому и программно-политическому уровню этноконфессиональных отношений в Татарстане стоит отметить и экономические факторы. Как известно, благосостояние населения и региона (в более обобщенном виде) напрямую влияет и на толе-

рантное отношение к другим национальностям и религиям. В нашей республике на благоприятное развитие межнациональных и межконфессиональных отношений влияют: высокие показатели экономического развития, высокий рейтинг инвестиционной привлекательности и достаточно высокий уровень жизни по сравнению с другими полиэтническими регионами.

При всем этом стоит отметить, что в этноконфессиональном положении дел в регионе не всё так гладко.

Во-первых, в последнее время общество в Татарстане поляризуется по шкале «умеренные — радикалы» по отношению к религии. В данной поляризации можно выделить 2 группы факторов: внутренние и внешние.

К внутренним факторам стоит отнести скачкообразный рост этнической и религиозной идентичности в Татарстане (и у русских, и у татар) что приводит к маргинализации отдельных радикально настроенных групп внутри республиканского социума. Так же под внутренним фактором следует понимать возрастающую урбанизацию и приток сельской молодежи в крупные города (Казань, Набережные Челны) с сельско-патриархальными установками поведения. В городских условиях они ищут поддержку и опору на стороне и находят ее в радикальных направлениях религии.

К внешним факторам следует относить большой приток мигрантов и учеба молодых татарстанцев в зарубежных исламских религиозных центрах.

Вопрос с мигрантами очень важен, так как позволяет проследить не только радикализацию по отношению к религии, но и по отношению к другим национальностям. Что касается первого, то здесь ситуация схожа с положением сельской молодежи в городах. Мигранты «ищут себя» в религии и попадают на вербовку радикальных проповедников. Интереснее обстоят дела со вторым пунктом (рост этнической ксенофобии). Мигранты, приезжая в республику, не хотят соблюдать местные законы и не уважают традиции и ценности, которые сложились в определенном регионе. Всё это ведет к конфликтам между местными и приезжими.

В этом случае показателен конфликт 2013 года в Нурлате. Выходцы с Северного Кавказа спровоцировали драку с местным населением и полицией. Были пострадавшие с огнестрельными ранениями. Этот

конфликт освещали многие республиканские СМИ¹, и этот конфликт вызвал общественный резонанс. Националисты (и русские, и татарские) воспользовались им для того чтобы обвинить федеральные власти и республиканские в потворстве выходцам с Северного Кавказа и ненадлежащей защите интересов местного населения. На самом деле это излюбленная тактика националистов — попытка криминальный конфликт перевести в сферу политического (как в Кондопоге).

Особое беспокойство вызывает обучение выходцев из Татарстана в зарубежных исламских религиозных центрах. По данным журнала «Эксперт» в 2012 году в Саудовской Аравии обучались 120 татар². Никто не знает какому «исламу» их там обучают, но после того как они приезжают обратно в Татарстан, они очень часто начинают фигурировать в сводках силовых структур.

Все эти факторы ведут к расшатыванию хрупкого баланса в этноконфессиональной сфере республики.

Кроме этого существуют некоторые проблемы на программно-политическом уровне регулирования межэтнических отношений. Наверное, самый нашумевший пример это с ситуацией преподавания 2 государственных языков (русского и татарского) в школе. Активисты-родители (под патронажем Общества Русской Культуры) выступают против сокращения преподавания русского языка в школах и увеличения преподавания татарского языка. Данный латентный лингвистический конфликт не придает стабильности в этноконфессиональные отношения в республике Татарстан.

Важно так же отметить тенденцию распространения разного рода ксенофобских настроений в сети интернет среди молодежи. По данным социологических опросов в Татарстане среди местных жителей отрицательно относится к мигрантам примерно 25%³. Можно привести в пример заголовки молодежных интернет изданий, когда освещают

¹ Например: Станет ли Нурлат вторым Пугачёвым? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kazan.aif.ru/incidents/details/86947>, свободный. — Проверено 16.09.2016.

² Гарсия Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане [Электронный ресурс] // Эксперт. 2012. № 41. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/41/volga-vpadaet-v-aravijskoe-more/>, свободный. — Проверено 16.09.2016.

³ Ефимова С.Р. Конструирование этнических конфликтов в молодёжной среде средствами массовой информации // Власть. 2014. № 4. С. 87.

шался конфликт в Нурлате в 2013 году («Или мы, или нас», «За что бьется молодежь в Нурлате»)¹. Как видно из заголовков в них мало миролюбивого посыла.

Отчасти это связано с тем, что у современных молодых людей (не только в Татарстане, но и по всей России в целом) отсутствует толерантное восприятие меняющейся социальной реальности (в том числе и по миграционной обстановке). На этой есть достаточно широкий перечень причин.

Во-первых, у граждан Советского Союза было, своего рода «интеграционное» восприятие своего жизненного пространства. Разные этносы мирно и культурно существовали в рамках одного государства. Можно по-разному относиться к попыткам построить единую советскую общность², но следует признать, что она сдерживала национализмы разных народов СССР и заглушала конфликты, которые проявили себя с ужасающим размахом в последние годы Советского государства и после обретения независимости некоторых бывших советских социалистических республик (например, Нагорный Карабах и Ферганская долина).

Во-вторых, социально-экономическое расслоение. После неудачных экономических реформ 1990-х годов, к сожалению, население нашей страны стало стремительно беднеть. Поляризация общества не была объективна, так как являлась результатом процесса приватизации и «особенных» методов и способов ее осуществления после 1991 г.

Данное расслоение очень сильно повлияло на восприятие мигрантов населением.

Люди видели социальную несправедливость, и это часто выливалось в экстремистскую деятельность. По мнению профессора С.А. Сергеева, например, разочарование от либеральных реформ способствовало формированию образа «униженности и упадка» России. Наглядным свидетельством стало «засилье» мигрантов. Молодое поколение впитывало эти домашние разговоры старшего поколения и вышло на улицы городов уже в лице «бритоголовых»³.

¹ Там же. С. 88.

² Федосов Е.А. Советский человек: пропаганда или реальность // Русин. 2014. № 4. С. 145.

³ Sergeev S.A. Русский оппозиционный внепарламентский национализм: все цвета спектра? // The Soviet and Post-Soviet Review. 2015. Vol. 42, Issue 3. P. 340–341.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что этноконфессиональное состояние дел в Татарстане можно считать стабильным по многим причинам. Это связано и с тесной взаимной интеграцией, и с взаимодействием двух доминирующих этносов в регионе (бытовой уровень), и со стремлением региональных властей сохранять динамическое равновесие в регионе (политический уровень).

При всем этом существуют проблемы, которые требуют незамедлительного решения. К этим проблемам относятся снижение поляризации религиозных общин по линии «умеренные — радикалы», предупреждение деятельности радикальных вербовочных сетей по отношению к мигрантам и местному населению и более гибкая этнолингвистическая политика в республике Татарстан. Создание в будущем Исламской духовной академии в Булгарах видится верным шагом в политике предупреждения радикализации ислама в Татарстане.

Религия является базовой составляющей любой культуры. Основы культуры (свойственной для той или иной территории и этноса) дает семья. Это подтверждается результатами социологического опроса Аиды Нурутдиновой из КФУ. Три четверти татарских детей и более 50% русских детей знакомятся с основами своей религии и приобретают веру благодаря семейному воспитанию¹. Так что получается, что семья — один из главных агентов воспроизводства этнокультурных ценностей. Вследствие этого хочется сделать рекомендацию республиканским властям активнее проводить целенаправленную политику в области семьи, материнства и детства, так как крепкая татарская и русская семья является гарантом сохранения традиционных, не искривленных этнических и религиозных ценностей.

Библиография

1. *Sergeev S.A.* Русский оппозиционный внепарламентский национализм: все цвета спектра? // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2015. Vol. 42, Issue 3. P. 298–320.
2. *Гарсия Р.* Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане [Электронный ресурс] // *Эксперт*. 2012. № 41. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/41/volga-vpadaet-v-aravijskoe-more/>, свободный. — Проверено 16.09.2016.

¹ *Нурутдинова А.Н.* Интеграция и сохранение культур этнических групп Республики Татарстан // *Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 119.

3. *Ефимова С.Р.* Конструирование этнических конфликтов в молодежной среде средствами массовой информации // *Власть*. 2014. №4. С. 86–89.
4. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/inab_2012_06.html, свободный. — Проверено 15.09.2016.
5. *Мусина Р.Н.* Современная ситуация в этнорелигиозном пространстве Республики Татарстан: религиозное сознание и религиозные практики // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Материалы 9-й международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / Под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 214–217.
6. *Нунуев С-Х.М.* Риски религиозного экстремизма в политико-конфессиональных процессах (на примере Татарстана) // *Власть*. 2015. №10. С. 151–156.
7. *Нурутдинова А.Н.* Интеграция и сохранение культур этнических групп Республики Татарстан // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 117–121.
8. *Нурутдинова А.Н.* Народная культура как способ конструирования групповой идентичности (по материалам анализа печатных изданий Республики Татарстан // *Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития*. Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции (Махачкала, 13 марта 2016 г.). Махачкала, 2016. С. 48–49.
9. *Попова О.В.* Особенности политической идентичности в России и странах Европы // *Политические исследования*. 2009. №1. С. 143–157.
10. *Саблуков А.В.* Этноконфессиональная толерантность как фактор российского социума // *Вестник МГЛУ*. 2013. № 2. С. 192–200.
11. Станет ли Нурлат вторым Пугачевым? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kazan.aif.ru/incidents/details/86947>, свободный. — Проверено 16.09.2016.
12. *Федосов Е.А.* Советский человек: пропаганда или реальность // *Русин*. 2014. № 4. С. 139–151.

ЖАДЕ ЗУРИЕТ АНЗАУРОВНА

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ НА ЮГЕ РОССИИ¹

Аннотация: В статье, основанной на результатах экспертного опроса, анализируется воздействие миграции на содержание и специфику межэтнических отношений на Юге России. Исследование выявило, что проблема миграции становится одной

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность»

из глобальных, играющих роль фактора риска для регионального сообщества. Делается вывод о том, что интенсификация миграционных процессов оказывает влияние на такие параметры региональной безопасности, как этносоциальные процессы, уровень межэтнической напряженности, конфликтности и политической стабильности.

Ключевые слова: миграционные процессы, этносоциальные процессы, межэтнические отношения, межэтническая напряженность, миграционная политика, Юг России, экспертная оценка.

Миграция является важной составляющей глобальных изменений в мире, роль которой в современных сложных и противоречивых процессах возрастает. В миграционные потоки включены миллионы людей разного возраста, этнокультурной и конфессиональной принадлежности. Более того, миграционные процессы приводят к непрерывному преобразованию условий межэтнического взаимодействия на уровне социально-территориальной общности и являются важными факторами национальной безопасности.

Политические и социально-экономические процессы обусловили активизацию миграционных процессов и привели к глобальным изменениям в исторических судьбах народов. Нестабильность обстановки в ряде независимых государств, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные конфликты, нетерпимость к инациональному населению, межэтническая разобщенность, дискриминация по признакам национальности, вероисповедания, языка, политических убеждений и принадлежности к определенной социальной группе являются основными причинами, вызывающими приток вынужденной миграции во многих регионах России.

Не вызывает сомнений, что составной частью радикальных перемен, происходящих в Российской Федерации в последние годы, стало формирование совершенно новой миграционной ситуации. С одной стороны, миграция населения является одной из важнейших проблем современного мирового развития и ее следует рассматривать как сложный процесс, затрагивающий различные аспекты социально-экономической, общественно-политической, этнонациональной, нравственно-психологической, религиозно-духовной жизни целых

на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

стран и народов. С другой стороны, миграция, включая ее законодательное регулирование, относится к разряду комплексных общенациональных проблем, требующих учета всей суммы факторов, влияющих на современную ситуацию.

Известный российский исследователь В.А. Волох, исследуя сущность миграции, отмечает, что формирование миграционной политики включает в себя деятельность государственных и общественных организаций, связанных с разработкой политики и оптимизацией собственной миграционной политики, осуществляемую органами власти, а управление миграционными процессами, как реализация миграционной политики — деятельность государственных и общественных организаций, связанных с реализацией этой политики, и ответную реакцию мигрантов на действия властей¹.

Следует подчеркнуть, что в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ 13 июня 2012 г., определены следующие цели государственной миграционной политики Российской Федерации: обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения Российской Федерации; стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации; содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей.

В Концепции сформулирован ряд важных принципов, реализация которых направлена на предотвращение негативного влияния миграции на интеграционный потенциал российского общества².

31 октября 2016 года на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, посвященном актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России, было подчеркнуто, что миграционные процессы стали естественной характеристикой современного общества. Стабильно

¹ Волох В.А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2015. С. 161.

² См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13.

устойчивый, высокий объем миграционных потоков в России является одним из ключевых рисков роста социальной напряженности, что указывает на необходимость реализации комплексных мероприятий, направленных на повышение правовой грамотности мигрантов, формирование уважения к российской нации, ее истории и культуре. Общее количество иностранных граждан, попадающих в России под категорию мигрантов, по некоторым оценкам, составляет около 10 миллионов человек. Это эквивалентно 7% населения.

Главная особенность миграций состоит в том, что они существенно расширяют этнокультурную мозаику и, вместе с тем, обостряя противоречия между различными группами населения, вызывают социальные напряжения. Поэтому актуальной задачей государства становится поиск новых форм отношений с прибывающим, особенно иноэтничным, населением для того, чтобы адаптировать его к местным нормам повседневного поведения и ориентировать принимающее население на толерантное взаимодействие с мигрантами.

Особую актуальность эта проблема приобретает для ряда регионов России, занимающих особое геополитическое положение, имеющих внутрирегиональные различия в типах воспроизводства, этнического состава населения и т.п. Одной из слагаемых такой ситуации является концентрация мигрантов в достаточно густонаселенных регионах с благоприятными природно-климатическими условиями, к которым относится Юг России. Динамика миграционных процессов здесь не отличается, по основным своим параметрам, от общероссийской ситуации.

Современный этносоциальный вид Юга России является во многом результатом миграционных процессов, под влиянием которых наблюдаются новые тенденции в этнической структуре населения региона. Подробно комплекс вопросов, возникающих в сфере межэтнических отношений под влиянием миграционных процессов, рассматривался ранее автором данной статьи¹.

В данной статье использованы результаты экспертного опроса/интервью; опрошено 52 эксперта — специалисты по региональным конфликтам, занимающиеся межэтническими проблемами. В ходе

¹ Жаде З.А. Экспертное сообщество об этносоциальных процессах и причинах межэтнической напряженности на Юге России // Теория и практика общественного развития. 2016. № 7.

анализа данных, полученных в результате опроса, были обобщены экспертные оценки и сделаны выводы. На наш взгляд, опрошенные дали достаточно точную диагностику основных причин межэтнической напряженности. Из предложенного списка факторов межэтнической напряженности на Юге России в постсоветский период (нужно было проранжировать степень их значимости) на первое место они поставили экономические факторы, на второе — этноконфессиональный фактор, на третье — неконтролируемые миграционные процессы.

Как показывают результаты экспертного опроса, именно с мигрантами связывается напряженность в межэтнических отношениях. Среди основных причин напряженности в отношениях между людьми разных национальностей эксперты назвали увеличение доли мигрантов в регионе. К числу наиболее заметных изменений в этносоциальной обстановке в последнее время респонденты отнесли также концентрацию людей по этническому принципу в отдельных районах.

Некоторые эксперты полагают, что миграционные процессы оказывают влияние на состояние межэтнической напряженности, в том числе и в качестве «раздражителя». Для регулирования необходим комплекс мер — правовых, экономических, образовательных, культурных и т.д.

По высказыванию одного из экспертов, миграционный фактор — основной источник межэтнической напряженности в регионах «русскоязычного пояса» Юга России. Среди основных причин следует отметить культурную дистанцию между мигрантами и принимающим старожильческим населением, их конкуренцию на региональном рынке труда, а также отсутствие государственной политики адаптации мигрантов. При этом институт диаспоры зачастую выступает эффективным инструментом, снижающим остроту противоречий между мигрантами и местным населением, но к его потенциалу власти прибегают чаще всего в условиях уже обострившегося конфликта.

Обозначенной позиции придерживается и другой эксперт, полагающий, что воздействие миграции на состояние межэтнической напряженности в регионе негативное, поскольку на Юге России (впрочем, и почти по всей стране) преобладает этническая миграция, она часто ведет к капсулированию переселенцев, к конфликтам интересов и идентичности.

Рассматриваемую проблему можно вписать и в более широкий контекст. Эксперты говорят о вероятных последствиях миграции для этносоциальной структуры населения. По их мнению, этнополитическая ситуация может ухудшиться в связи с массовым перемещением граждан, огромными потоками беженцев и переселенцев в многонациональные регионы. Такие притоки населения повышают межгрупповую конкуренцию в распределении ресурсов и социальных благ, создают дополнительные культурно-психологические барьеры, резко меняя общественно-политическую ситуацию и провоцируя межнациональную напряженность и конфликты.

По мнению большинства экспертов, необходимо регулировать миграционные процессы, особенно внешнюю миграцию, направляя мигрантов в регионы в зависимости от готовности их принять, а также снижать коррупционную составляющую в регулировании миграционных процессов.

Главными шагами по снижению напряженности от мигрантов, по мнению экспертов, являются: работа по адаптации мигрантов в принимающее сообщество (адресная работа с каждым мигрантом при погружении (язык, культура, обычаи, традиции), контроль СМИ (препятствие этнизации бытовых проблем, преступности и т.д.), строгое соблюдение закона, который должен стать единым для всех и противодействие коррупции.

Следует отметить, что по результатам опроса подтверждена зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития региона и его социальной привлекательности. Чем выше уровень благосостояния в регионе и его социальная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию.

Таким образом, экспертное сообщество в целом, за некоторым исключением, солидарно в том, что в настоящее время миграционные процессы играют значимую роль в динамике этносоциального развития Юга России. Эта тенденция сохранится и в ближайшей перспективе. В этой ситуации пристальное внимание должно быть

уделено проведению целенаправленной миграционной политики, главная задача которой состоит в том, чтобы преодолеть стихийность миграционных процессов, свойственную для 1990–2000-х годов. Другая существенная задача состоит в том, чтобы в реализации национальной политики обратить внимание не только на проблемы адаптации мигрантов в принимающее сообщество, но также на положение и самочувствие коренного населения. В этой связи необходима дополнительная система мер, направленная на его адаптацию к новой этносоциальной ситуации, обусловленной притоком мигрантов.

Далее проанализируем миграционные процессы в Республике Адыгея, благоприятные климатические условия которой привлекали и продолжают привлекать мигрантов и вынужденных переселенцев из различных регионов России и стран СНГ. За последние годы в республике только в связи с миграционными процессами на 10% обновлен состав населения. Миграцию в Адыгею определяют три основных потока: межрегиональная миграция, миграция из стран СНГ и миграция из стран дальнего зарубежья. Появление здесь беженцев и переселенцев оказало существенное влияние на социальное и экономическое развитие республики. Сейчас количество мигрантов и переселенцев в Адыгее постепенно сокращается. Подобная ситуация объясняется тем, что в последнее время в государствах СНГ стабилизируется политическая и экономическая обстановка.

На протяжении последних десятилетий сфера межэтнических отношений в Республике Адыгея претерпела изменения в силу протекания динамичных этнополитических, этномиграционных, этноконфессиональных и этнодемографических процессов. Представляется несомненным, что эти процессы приобретают особый резонанс в связи с наличием на ее территории курдов, их быстрым численным ростом и конфликтогенными ситуациями, возникающими как на бытовой, так и на социальной основах.

Как известно, проблема межэтнических отношений особенно остро встает там, где происходит пересечение, наложение друг на друга этнических ментальностей. В Адыгее взаимопересекаются и взаимодействуют значимые по численности этнические общности, к числу которых относятся курды, проживающие компактно на территории Красногвардейского района. С момента их переселения по-

явилась «курдская проблема», являющаяся причиной межэтнической напряженности в регионе.

В связи с этим все последние годы данная проблема продолжает оставаться в фокусе этнополитологического анализа. Объясняется это тем, что динамика миграционных процессов в регионе приобретает значение фактора, способного преобразовывать не только политическое пространство, но и пространство повседневности. Перемещения населения приводят к существенным изменениям в социальной организации общества, к смещению до сих пор развивавшихся параллельно институций разного типа и генезиса, к деформации привычного и для мигрантов, и для принимающей стороны социального порядка. Межэтническая напряженность находит новые формы выражения, «прочерчиваются» новые линии противоречий и противостояний. Актуальность курдской темы еще больше подчеркивает факт весьма заметного ее политического окраса.

Результаты исследования, посвященного проблемам адаптации курдов, свидетельствуют о наличии проблемных сфер межэтнического взаимодействия в этнополитическом пространстве региона, которые связаны в первую очередь с распространением бытовой конфликтности и мигрантофобии¹. Представители курдской диаспоры часто оказываются в ситуации недоброжелательного общения в силу доминирующих в их сообществе установок. Данная установка возникла главным образом в результате социальной конкуренции в условиях закрытости для общения представителей курдской группы, а также акцентирования культурных различий со стороны средств массовой информации и органов власти, особенно в начальный период пребывания этой диаспоры в Адыгее.

К сожалению, с самого начала процесса поселения курдов в Адыгее возникли предпосылки к межэтнической напряженности, а затем прямые столкновения с местным населением. Межэтническая напряженность в местах компактного поселения курдов возникает из-за неприятия принимающей стороной курдских праздников, обрядов, продолжительного звучания непривычной музыки, танцев, песен; из-за непонимания и неодобрения способов воспитания детей, отно-

¹ См.: Курды Адыгеи / Гл. ред. А.Н. Соколова; ред. А.Ю. Шадже, З.А. Жаде. Майкоп: Качество, 2015.

шения к образованию, неприятия гигиенических норм, принятых в сообществе.

К причинам межэтнической напряженности следует причислить непонимание и неприятие использования курдами наемного неоплачиваемого труда, а также оформление курдами жизненного пространства (свободный выпас крупного рогатого скота, вырубка плодово-ягодных деревьев и кустарников, свободное пользование фруктами и ягодами соседей и т.д.).

Одним из ключевых механизмов преодоления межэтнической напряженности и налаживания мирного взаимодействия между принимающей стороной и курдами может стать неофициальное миротворчество или народная дипломатия. Как известно, у кавказских этносов с древнейших времен наряду с военной практикой активно развивались также и традиции примиренчества, когда кавказская культура мира и связанные с ней процедурные механизмы становятся оборотной стороной ее воинственности и агрессивности, т.е. своего рода компенсаторным инструментом сдерживания агрессии. Поэтому, при условии умелой организации и использования этот механизм, без сомнения, имеет все шансы обрести благодатную почву на адыгейской земле.

В Красногвардейском районе Адыгеи необходимой представляется реализация управленческой политики по профилактике межэтнической конфликтности, установок мигрантофобии за счет применения методик, повышающих эффективность адаптационных стратегий как курдов, так и принимающего социума.

Полиэтничность Адыгеи, не вызывавшая раньше негативных процессов, в результате демографических сдвигов и под воздействием целого ряда политических и экономических обстоятельств стала одним из факторов напряженности в регионе. Распространение неудовлетворенности потребностей и интересов (политических, социально-статусных), тревог и опасений, установок на принятие конфликтных форм межэтнического взаимодействия на фоне отсутствия в информационно-коммуникативном пространстве Адыгеи примеров позитивного межэтнического диалога (яркое освещение мероприятий, подобных «национальным праздникам», подчеркивающих «уникальность» и самобытность каждой этнической общности, имеет по существу этнодифференцирующий характер) на основе сотрудни-

чества, совместного решения социально значимых проблем (либо совместной реализации социально-ориентированных действий) — вот основные проблемы в сфере межэтнических отношений в Республике Адыгея, на решение которых должна ориентироваться этнорегиональная политика.

Можно утверждать, что определяющим условием сохранения этнополитического равновесия в Адыгее являются не столько усилия власти, как местной, так и центральной, сколько желание и способность членов местного сообщества — представителей различных этнических групп сохранять мир и формировать толерантность в отношении друг к другу.

Подводя итоги, следует отметить, что на Юге России современные миграционные процессы имеют этническую компоненту, оказывая влияние на общественную интеграцию. Особенность тенденции усиления взаимозависимости миграционных и этнических процессов проявляется, с одной стороны, в политизации миграционных, с другой стороны, в детерминированности этнических процессов миграций. Исследование этносоциальных процессов и факторов, влияющих на их состояние и динамику, становится актуальным в условиях растущего расслоения населения и увеличения миграционных потоков. Сфера взаимосвязанных миграционных и этнических процессов, оказывающих значительное влияние на развитие страны, требует обстоятельного изучения и своевременного реагирования со стороны органов власти.

Библиография

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».
2. *Волох В.А.* Новая Россия: политика и управление миграционными процессами. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2015. 192 с.
3. *Жаде З.А.* Экспертное сообщество об этносоциальных процессах и причинах межэтнической напряженности на Юге России // Теория и практика общественного развития. 2016. № 7. С. 9–15.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13. С. 3–6.
5. Курды Адыгеи / Гл. ред. А.Н. Соколова; ред. А.Ю. Шадже, З.А. Жаде. Майкоп: Качество, 2015. 204 с.

ЗОРИН ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Аннотация: в данной статье подробно анализируется содержание современного дискурса энополитологии в России. Особое внимание обращается на этническое многообразие, межэтнические отношения и религиозное взаимодействие в Российской Федерации, миграционную политику в стране. В статье содержится концептуальное обоснование современной российской гражданской нации, подчеркивается, что формирование политической нации только способствует развитию этнических ценностей многонационального российского народа. Автором предлагается системное видение процесса развития гражданской нации в современной России и роль в нем базовых нормативно-правовых документов.

Ключевые слова: этнополитология, межэтнические и межконфессиональные отношения, миграционная политика, формирование общегражданской идентичности, закон о гражданской нации, «политическая» и «этническая» нации, национально-культурная автономия, НКО в этнорелигиозной сфере.

Второй съезд РОП проходит в непростое для России и российской политологии время. Мы переживаем период больших успехов и немалых испытаний, среди которых — усилившееся политическое и экономическое давление со стороны США и Европейского Союза, растущие санкции наших европейских и американских партнеров, попытки раскачать внутривнутриполитическую стабильность, в том числе и за счет этноконфессионального фактора, ухудшение отношений с НАТО.

Усилия зарубежных контрагентов привели к обратному результату, эти беспрецедентные меры в отношении нашей суверенной страны наоборот способствовали объединению и консолидации многонационального народа России. Можно с уверенностью сказать: проект единства российской гражданской нации выдержал очередные испытания, и это является важным фактором преодоления ксенофобии, экстремистских и радикальных настроений, национализма и религиозной нетерпимости. События на Украине и в Сирии, Празднование 70-летия Великой Победы, Олимпиады в Сочи и Рио, доказали верность наших людей идеалам единства, справедливости и патриотизма.

Как справедливо отметил однажды проф. В.И. Якунин, перед российскими школами политологии, как и перед всей отечественной гуманитарной наукой в целом стоит задача формирования собственных

национальных подходов к тектоническим геополитическим процессам современности. По его мнению: «Речь идет не только о консолидации сил, но и о том, чтобы, не игнорируя и не отвергая достижений западной политологии, последовательно продолжать нарабатывать собственные подходы к актуальным вопросам мировой политики с позиций российских цивилизационных ценностей и традиций отечественной политической мысли»¹.

И это в полной мере относится и к такой ее отрасли как этнополитика, которая неуклонно развивается в стране, формируется в самостоятельное и востребованное направление политологического знания. Целые научные школы сложились сегодня в Российской Академии наук (Институт этнологии и антропологии, Институт социологии), МГУ имени М.В. Ломоносова (факультет политологии), Российской Академии народного хозяйства и государственной службы и др.

В последней из перечисленных научных организаций, например, только на кафедре национальных и федеративных отношений за 25 лет работы выпущено 120 кандидатов наук, десятки докторов, сотни дипломированных специалистов. Факультет политологии МГУ в рамках научного и учебного направления в текущем учебном году обучил более ста студентов. Министерство образования и науки РФ утвердило государственный стандарт и начало подготовку по направлению «Этнология и антропология».

Среди задач, которые стоят перед нашей молодой наукой, особое место занимают вопросы становления современных моделей этнополитики государства, вопросы ее формирования и эволюции. И, конечно, в первую очередь речь идет о новейшей истории России, о том, что длительное время в отечественной науке и практике называлось «национальным вопросом» и «национальной политикой». Суть этих проблем составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учет и отправление прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, тра-

¹ Якунин В.И. Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы. Предисловие // МГУ. 2016. С. 5.

диций, языка в условиях единой страны, разного типа расселения и условий проживания.

Наконец, сюда же входят проблемы межэтнических отношений, включая конфликты, а также усилия государства и общества по их предотвращению или разрешению. К этой же сфере в последние 20 лет, начиная с этнополитического конфликта в Чечне, добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного фундаментализма и международного терроризма, которые почти всегда задействуют в программы и лозунги этнический и религиозный факторы.

Этнический и расовый аспекты заключают в себе и такие явления российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленные главным образом против иностранцев, но также и против собственных граждан или наших недавних соотечественников — выходцев из регионов Южного Кавказа и Центральной Азии. В понятие национальной политики в ее традиционном понимании входят также разработка и реализация конституционно-правовых норм, деятельность специализированных институтов государственного управления разного уровня, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, просвещение и информация, общественные движения и организации этнокультурного направления, мониторинг и прикладные научные исследования.

Важной составляющей этнополитики является регулирование внутренней и внешней миграции, а так же отношение государства и религиозных организаций. Говоря языком рекламы, это своеобразное три «Д», которое должно быть «в одном». Институционально эти проблемы должны бы иметь в исполнительной власти одного куратора, возможно, в ранге заместителя Председателя Правительства РФ.

Говоря о научном обеспечении государственной национальной политики, следует подчеркнуть сложность научного исследования. Многие документы еще в архивах и, перефразируя академика Тишкова В.А., можно сказать, что пока мало достоверных документов и много мемуарной литературы! Однако, в последнее время, по инициативе известного политика эпохи 90-х гг. XX века С.М. Шахрая, создан общественный Фонд современной истории, который подготовил ряд солидных документальных публикаций по новейшей истории, прежде всего, по периоду образования новой федерации, становлении местного самоуправления, включая выработку Конституции РФ

1993 года. Большую ценность представляет изданная в 1990-е гг. под редакцией М.Н. Губогло документальная серия «Национальные движения в СССР и в Российской Федерации», которая посвящена именно этнополитическим событиям рассматриваемой эпохи. Сегодня появляются и новые работы¹.

В новых геополитических условиях российское государство определяет новые стратегии и тактики, как внутренней, так и внешней политики. Это касается и такой сферы, как межнациональные отношения, которые составляет важнейшую часть общественно-политической жизни. Принципиально новые подходы в области этнополитики в доктринальном и практическом плане сформулированы в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Одной из важнейших новаций этого документа является положение о содействии формированию общероссийской гражданской идентичности (российской нации) и этнокультурному развитию народов. Впервые среди подобных документов вопросы интеграции и социальной адаптации мигрантов обозначены как важнейшая цель национальной политики.

Следует подчеркнуть, что русский народ рассматривается в Стратегии не только как объект, но и как субъект государственной национальной политики. В связи с событиями вокруг Украины и недружелюбными акциями против РФ со стороны Запада, скрепляющая, объединяющая миссия русского народа расширяется не только внутри, но и вовне с целью защиты соотечественников за рубежом, сохранения и позиционирования «русского мира», а также объединения русскоязычного мира, всех друзей русского языка, энтузиастов русской культуры.

Политический смысл данной Стратегии шире, чем разработка инновационных основ этнополитики. Практически речь идет о восстановлении этнокультурного суверенитета нашей страны. При этом мы не отказываемся от таких программ как толерантность, мультикультурализм, политкорректность, от идей Европейской хартии региональных языков. Однако российская практика и более чем 1150-лет-

¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

ний опыт совместного проживания наших народов шире, глубже и фундаментальнее этих понятий. Так, в Европе на одну страну в среднем приходится 9–10 языков, тогда как в РФ — 277 языков, наречий и диалектов, причем 89 из них используется в качестве языков обучения (30) и изучения (59), а с учетом Крыма эта цифра еще возросла. ВГТРК ведет передачи, например на 54 языках.

Наряду со статьей В.В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹ и «Концепцией миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года»² Стратегия составляет основной костяк доктринальных документов по этнополитике государства на современном этапе. Сюда следует добавить Стратегию национальной безопасности РФ в редакции 31 декабря 2015 г.³ Получается, на мой взгляд, своеобразная «квадрига», определяющая практический план действий для всех уровней власти, которые позволяют разработать «дорожные карты» достижения внутривластной стабильности в обществе. Такие «дорожные карты» целесообразно иметь на всех уровнях реализации этнополитики — федеральном, региональном и местном и предоставить организационные возможности руководителям всех уровней, а также и руководителям национально-культурных организаций для воплощения их главных идей. Этого пока еще не наступило. Нередко в СМИ, да и на научных конференциях можно услышать критику отдельных положений Стратегии, которых в ней нет, и которые были отвергнуты еще на стадии предварительного обсуждения.

Несмотря на развернутую работу по реализации Стратегии в обществе, в экспертном сообществе, в СМИ отмечается скепсис, недоверие и даже жесткая критика, как Стратегии государственной национальной политики, так и техник и технологий ее реализации. На быденном уровне слышатся такие категоричные замечания, что «национальной политики нет» или что «национальная политика ангажирована и работает на интересы отдельных народов, этнических групп или субъектов РФ». Массированной атаке подвергается концепт единой российской гражданской нации.

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос «Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» // Независимая газета. 23.01.2012.

² http://www.fms.gov.ru/documentation/koncep_mig_pol/

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

Тем не менее, жизнь показала, что фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечают не только насущной потребности обеспечения гражданского согласия в крупном государстве, это также еще и единственная реализуемая формула устройства многоэтнической страны. Сразу следует подчеркнуть, что новая идеология гражданского национализма не означает отрицание или растворение российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некой монокультурной общности под названием «российская нация». Последняя есть, прежде всего, форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые представляют собой по историческому и культурному наследию и по современным лояльностям и патриотизму представителей одного народа — российского народа, многообразного, но единого.

Российская Федерация — исторически сложилось как многонациональное и поликонфессиональное государство, для которого межэтнические отношения были актуальны со дня его основания. Главная задача этнополитики на современном этапе — разработка проекта гражданской нации и обеспечение гражданского единства в условиях многообразия страны и этнокультурного развития общностей и регионов.

Из широкого перечня политологических дисциплин этнополитология наиболее востребована государством, имеет постоянный государственный заказ на научный анализ и мониторинг этноконфессиональных отношений и раннего выявления конфликтных ситуаций на межэтнической основе, уточнение перспектив этнополитики.

Ярким примером сотрудничества науки и власти является действующая Стратегия. Сегодня, спустя почти четыре года со дня принятия этого доктринального документа, полезно вспомнить историю его создания. Разработанный по поручению В.В. Путина вновь созданным Советом по межнациональным отношениям, проект Стратегии прошел серьезную общественную экспертизу.

Было организовано его широкое обсуждение с участием депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Общественной палаты РФ, представителей Русской православной церкви, духовных управлений мусульман, религиозных объединений буддистов, иудеев, национальных общественных

объединений, научных организаций. Проект был направлен во все субъекты РФ, где он обсуждался экспертами, активистами и лидерами национально-культурных организаций, этнических групп, общин, диаспор. В проект было внесено 3500 поправок и корректировок с учетом всех высказанных мнений, многие из которых были учтены редакционной комиссией.

Это позволяет сказать, что ни один документ, ни одна концепция, принятая в стране в последние годы, не проходила такой массовой экспертизы. Поэтому, на мой взгляд, «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в полной мере является документом общественного согласия, компромиссным документом, что крайне важно для России как многонациональной полиэтнической федерации.

Следует напомнить, что Стратегия определила пять целей современной этнополитики. В этой связи в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» акцентируется двуединая задача — формирование общероссийской гражданской нации, что особенно важно в нынешних международных условиях, и одновременное этнокультурное развитие всех народов страны. Однако в достижении двуединой цели имеются проблемы и некоторые противоречия, которые некоторые силы пытаются представить как «войны идентичностей». Далеко не однозначны обсуждаемые вопросы в экспертном, информационном и общественном дискурсе о том, что важнее для гражданина, имеющего российский паспорт, то, что он, например, аварец, ингуш, или то, что он россиянин?

События последнего времени, на мой взгляд, подтверждают последний тезис. Имею ввиду развернувшуюся в обществе дискуссию после заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, которое состоялось 31 октября 2016 года в г. Астрахани. Пытаясь понять и осмыслить причины современного накала страстей и аргументы дискутирующих сторон, хочу уточнить свою позицию по вопросу возможного принятия Закона о российской нации, которую я высказывал в разных формах в интервью ведущим федеральным и региональным СМИ.

Идея гражданской нации в России обсуждается давно и стала составной частью Стратегии государственной национальной политики,

принятой четыре года назад. Впервые в нормативно-правовом акте конституционное словосочетание: «многонациональный народ Российской Федерации» определен как синоним понятий «российская нация», «гражданская нация», «политическая нация». Поэтому сегодняшний переполох в связи с понятием «гражданская нация» просто неуместен. Идет последовательный процесс ее формирования. Государство может участвовать в этом процессе, прежде всего, через нормативно-правовую составляющую.

Потенциальный Федеральный закон о российской нации можно было бы назвать как Законом «Об основах государственной политики РФ в сфере национальных отношений». При таком подходе нет противоречий между российской нацией как гражданской политической нацией и русской, татарской, чувашской нацией и т.п. как нацией в этническом смысле слова.

Такое понимание, на мой взгляд, снимает и противоречие в отношении наших соотечественников за границей. Именно там русские, не являющиеся гражданами РФ, могут рассматриваться как этническая нация. И здесь методологическим ориентиром для нас могут стать слова, сказанные В.В. Путиным во вступительном слове на заседании октябрьского Совета. «...формирование российской идентичности – процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идет, и в последние годы достаточно активно идет. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся все более устойчивыми. Но это не значит, что мы должны просто наблюдать за этими процессами и просто фиксировать то, что происходит. Здесь требуется планомерная, настойчивая, целеустремленная работа: и просветительская, и организационная. Требуется участие в ней всех уровней власти, политических партий, общественных организаций, в том числе религиозных и этнических объединений».¹

В современной российской этнополитологии невозможно обойти вопрос о глоссарии данного направления. Было бы полезно обсудить унифицированные подходы к таким понятиям как «нация», «этнос»,

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям, 31 октября 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173>

«диаспора», «идентичность», «межэтнический конфликт», «толерантность» и другие смежные понятия.

В этом году мы отметили двадцатилетие со дня принятия Федерального Закона о национально-культурных автономиях. Сегодня в стране создано около 1600 НКА, в том числе 19 федеральных и около 250 региональных. 79 народов страны из 193 воспользовались этим законом. Их число продолжает расти, и это свидетельствует о том, что такая форма этнической самоорганизации стала эффективным инструментом в реализации прав и свобод граждан в их национально-культурном развитии, значимую роль в деле гармонизации межнациональных отношений, укреплении и развитии межнационального диалога.

На современном этапе развития общества национально-культурные автономии — равноправные партнеры федеральных и региональных властей, принимают активное участие в реализации государственной национальной политики. За время действия Закона об НКА в него внесены поправки, но важно постоянно анализировать правоприменительную практику закона, наметить пути его совершенствования в новых исторических условиях.

Еще одна важная тема, о которой говорилось на заседании Совета при Президенте РФ — поддержка некоммерческих организаций (НКО), деятельность которых связана с межнациональным сотрудничеством, с сохранением и защитой культуры, традиций, языков народов России, с социальной адаптацией мигрантов. Научное сообщество должно постоянно обсуждать роль и место институтов гражданского общества в реализации Стратегии, давать свои рекомендации НКО по партнерскому взаимодействию с органами власти и экспертным сообществом.

Безусловно, названные мною проблемы не исчерпывают всего перечня актуальных проблем реализации этнополитологии или реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Поэтому нам, этнополитологам, предстоит еще глубокий анализ предложений, высказанных на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ и выработка научно обоснованных рекомендаций по ходу реализации современной этнополитики российского государства.

Библиография

1. Заседание Совета по межнациональным отношениям, 31 октября 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173>
2. Путин В.В. Россия: национальный вопрос «Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» // Независимая газета. 23.01.2012.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

ИВАНОВ АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

ПРАКТИКА РАСИЗМА И НЕОРАСИЗМА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ МИГРАНТОФОБИИ И КСЕНОФОБИИ

Аннотация: неорасизм является мощным идеологическим концептом, который скрыто в рамках социальных практик закладывает мотивы потенциально возможных или реализуемых конфликтов не только на почве расовой дискриминации, но и в политической, идеологической, национальной, религиозной сфере, где ксенофобия или вражда транслируется в отношении какой-либо этнической или социальной группы, как, например, по отношению к мигрантам.

Ключевые слова: неорасизм, расизм, конфликт, ксенофобия, мигрантофобия.

Расистский дискурс и расистские практики в двадцать первом веке прежде всего проявляются в мигрантофобии. В России этнические группы мигрантов ультрарадикальными молодежными течениями рассматриваются как угроза местной идентичности, которые исходят не только из этнонационалистических позиций, но и установок расизма и неорасизма¹.

Прежде всего это проявляется в интернет-пространстве в социальных сетях. Современные социальные сети — это виртуальная площадка, в которой происходят активные коммуникации индивидов, с возможностью анонимной трансляции информационного контента с целью воздействия на потребителя. Эти данные не всегда имеют кон-

¹ *Ivanov A.V., Mansurov T.Z. 'Misanthropic Division' Phenomenon as a Member of Virtual Resources of the Internet-Space // The Social Sciences 10 (7). Medwell Journals. 2015. P. 1773–1776.*

структивный характер. Интернет-контент может нести потенциально деструктивное содержание, направленное на разжигание конфликтов не только в сфере виртуального, но и в области реальных общественных отношений. Возможностями социальных сетей активно пользуются представители сообществ радикального толка для рекламы и вербовки в собственные ряды новых adeptов, создающих основу для осуществления экстремистских действий.

Проявления радикализма в социальных сетях — это ответ на конфликтные вызовы политических и социально-экономических процессов общества, которые не устраивают в своем развитии пользователей виртуального пространства. В дальнейшем подобные пользователи интегрируются в сообщества различной степени радикальности и стараются реализовывать собственные взгляды посредством перехода из области виртуального в реальное пространство порой осуществляя уже экстремистские действия.

Стоит отметить, что именно социальные сети Рунета являются мощным инструментом политического активизма в среде виртуального социума, в силу широты их функций и возможностей, которые данные сети представляют. Загрузка и формирование медиаконтента с целью воздействия на интернет-пользователей и получения от них ответной «нужной» реакции является мощным инструментом в социальных сетях. Данный контент психо-эмоционально воздействует на личность в виртуальном пространстве, вызывает реакции и действия в реальном пространстве, чем активно пользуются активисты-идеологи экстремистских движений и группировок.

Наиболее популярными в российском интернет-пространстве являются социальные сети «ВКонтакте» и «Facebook». Первая, как правило, актуальна именно в молодежной среде, являющейся основной группой риска в области воздействия пропаганды расизма и неорасизма.

С начала украинского кризиса в 2013 г. появляется сетевая праворадикальная расовая идеология под обобщающим названием «Misanthropic Division», что означает «человеконенавистническая дивизия» (далее MD).

В следствии активного реагирования правоохранительных органов на MD, данное движение пошло по пути ребрендинга и сменило вывеску на название Феникс, а идеологический контент стала форми-

ровать в умеренно-завуалированном виде. Новое название радикального течения «Феникс», как бы намекает на легенду о мифологической птице, обладающей способностью сгорать, а затем возрождаться из пепла, и демонстрирует вызов данного радикального течения восстанавливаться даже после блокирования ее ресурсов.

По своим принципам это праворадикальное течение соотносится с национал-социалистическими объединениями, отстаивающими идеи превосходства одной расы, нации или этнической группы над иной. Сами участники MD определяют себя как «военизированную группу белых расистов и национал-социалистов, возникшую на Евромайдане... союз с пассионарным мировосприятием»¹.

Наиболее значимым для движения MD является провозглашение превосходства белой расы, в число которой входят славянские и европейские народы, являющиеся братскими нациями, и которые должны объединиться в целях борьбы с чуждыми представителями других национальностей и рас, например, евреев, афроамериканцев и др.²

Основным принципом данного праворадикального течения является антироссийская пропаганда. Привлекательность организации для молодежи состоит в возможной близости идей, состоящие в принципах равенства, любви и братства в среде белых народов, в отнесении себя к определенной социальной группе.

В социальных сетях «ВКонтакте» и Фейсбуке показателем принадлежности к мизантропам является значок, где перечеркнут силуэт человека или на котором один человек избавляется от другого посредством его «выбрасывания» в мусорную корзину. Вовлечение в идеологию MD происходит через усиление мотивов социальной мизантропии, возможность для подростка и молодого человека бросить вызов «несправедливому миру» в рамках ультранационалистических доктрин. Разработчики идеологии MD сознательно используют символику различных контркультур для постепенного вовлечения их членов в свое движение. Так, например, наиболее популярным сим-

¹ Внуки Вотана, сыны Майдана [Электронный ресурс] / Аналитика // Национал-Большевистская Платформа: [информ. сервер]. М., 16.11.2014. — Режим доступа: <https://nbplatforma.org/analitika>, свободный. — Проверено 15.09.2016.

² История «Misanthropic Division» [Электронный ресурс] / Статьи // Misanthropic Division6 [информ. сервер]. 26.11.2014. — Режим доступа: <http://misanthropic.info/article/4/>, свободный. — Проверено 31.09.2016.

волов MD стал так называемый знак «Черного Солнца», который используется и неонацистами и сатанистами.

Фундаментальная идея данной идеологии — это нацистское учение о «расовой чистоте» и ультранационализм. Учение «Белой Силы» (идея расовой чистоты), является консолидирующей для сторонников MD в вопросах противодействия людям с другим мировоззрением и вероисповеданием взята из фашизма. Происходит идеологическое противостояние сторонников MD исламу, представителям неславянских народов, мигрантам и т.д.

Подобные идеологемы находят наибольший отклик именно у молодежной аудитории в силу обусловленного возрастом более низкого порога критического восприятия всего нового, обостренного максималистского восприятия окружающей социальной реальности и стремления к уникальной — зачастую протестной идентификации.

Итак, основной виртуальной площадкой для пропаганды радикализма стали именно социальные сети.

Формирование подобной структуры в реальном пространстве требует определенных финансовых, человеческих и иных инвестиций, что значительно замедляло процесс их становления. Развитие интернета и социальных сетей, с их механизмами анонимности и быстрой передачи данных, многомиллионной аудиторией создало благоприятные возможности для ускоренных темпов формирования экстремистских движений основанных на расовых предрассудках.

Социальные сети это эффективная площадка для конструирования экстремистских сообществ с расовым и неорасистским содержанием, имеющих возможность в дальнейшем трансформироваться в организации и движения в реальном пространстве. Для получения подобных результатов лидерам необходим четко спланированный механизм действий развития небольшой социальной группы в организованное экстремистское сообщество. Работа, как правило, ведется в направлении расширения аудитории и оформления идейного информационного контента, способного консолидировать участников. К числу таких материалов возможно отнесение антиправительственных, этнорадикальных публикаций, определяющих образ врага, которому необходимо противостоять. Четкая структура и иерархия отношений создает видимость власти, что положительно отображается на формировании подобных сообществ.

Однако в связи с действенным давлением правоохранительных органов особенно в социальных сетях откровенно расистские установки заменяются на более мягкие неорасистские, которые позволяют порой избежать уголовной ответственности за разжигание межнациональной розни, но и формировать более широкую социальную базу последователей опираясь на мигрантофобию. Данные обстоятельства диктуют обратиться к пониманию феномена неорасизма в рамках российского пространства.

В социальных сетях появляются многочисленные группы и паблики с расистской и неорасистской проблематикой. Прежде всего активизация характерна для социальной сети «ВКонтакте».

На данный момент здесь образовано 64 группы с одноименным названием «Расология», с названием «Белая Раса» 87 групп. Это только группы, которые расовую проблематику явно обозначили в социальных сетях в своем названии. Количество таких групп исчисляется тысячами и вопрос мониторинга и классификации их это отдельная исследовательская проблема. Так одна из этих групп, в которой насчитывается около двадцати тысяч подписчиков в закрепленной записи от 24 сентября 2016 г. провозглашает: «Равенство опаснейший миф человечества. Даже тех черных, что живут в африканских племенах и по традиции уродуют свои мочки или губы огромными деревянными пластинами или обмазывают волосы жидким коровьим навозом с целью привлечь черных особей противоположного пола, — даже их можно приучить к белым стандарты опрятности и чистоплотности. Дело, однако, в том, что самые важные расовые различия — это различия генетические, а не культурные. Только глупец или смутьян станет утверждать, что в груди негра, белого и еврея обитает одна душа...»¹. Однако на данном ресурсе сугубо биологические расистские лозунги соседствуют с аргументацией культурного расизма: «Негритянская культура не просто отличается от белой культуры: эта культура менее развита и практически во всех отношениях стоит ниже нашей»².

Большинство групп расологической проблематики в социальных сетях стараются говорить о культурном дистанцировании, культурной непохожести европейцев с другими народами.

¹ Расология / [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://vk.com/rasologiya>, свободный. — Проверено 15.09.2016.

² Там же.

Современные расистские установки могут не настаивать на отношении иерархии между расами. Может даже не использоваться понятие «раса». Современный неорасизм избегает биологизаторства.

Впервые антрополог М. Баркер применил понятие «новый расизм» для описания нового политического дискурса в Великобритании 1970–1980-х годов, утверждавшего, что для людей естественно стремиться жить среди «себе подобных» и поэтому дискриминировать тех, кого они не считают частью своего сообщества¹. Иногда вместо понятия «неорасизм» исследователями используется понятие «культурный» или «дифференциалистский расизм»².

С победой политкорректности расизм занял более скрытые позиции. Расизм может выступать и как культурализация биологии, и как биологизация культуры.

Сущность расизма состоит в интерпретации различий между людьми в качестве естественных, а поэтому приемлемых в человеческой жизни. Различия для расизма носят естественный характер, который формально логически объясняет соподчинение и иерархию больших групп населения. Так получилось, что кто-то выше в социальной иерархии в рамках расистских установок по естественному положению вещей. Неорасистские позиции носят более завуалированный характер, объясняющие межрасовое и межнациональное дистанцирование культурными различиями.

Феномен неорасизма в современной российской историографии еще только начинает изучаться. Новатором в этой области является В.А. Шнирельман, который в своей книге ««Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма» проводит многостороннее исследование расизма, анализируются его различные проявления и региональные варианты, прослеживается его развитие в XX в.: от традиционного биологического к современному культурному расизму³.

Современный расизм носит скрытый характер и порой носители данной идеологии могут не до конца осознавать, на каких позици-

¹ *Barker M. The New Racism: Conservatives and the Ideology of the Tribe. Frederick, Maryland: Aletheia books, 1981. P. 20–22.*

² *Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2012. С. 12.*

³ *Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М.: НЛО, 2011. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 856 с.*

ях они находятся. Неорасизм отходит от биологизаторства. Однако сторонники данных подходов различия между людьми, большими массами людей сводят к тому же неустранимому положению, что барьеры между ними непреодолимы.

Неорасизм отказывается от понимания различий через неполноценность и переходит к логике дифференциации человеческих масс. «Другие» не ниже и не примитивнее «нас», они просто другие, причем радикально другие. Неорасизм говорит о принципиальной несовместимости с «нами» и все это выводится из глобальных несовпадений в ментальных установках и образе жизни, в культуре различных групп людей.

Неорасизм утверждает, что все должны иметь право быть «другими», иметь право на непохожесть. Но пусть все живут там, где родились, чтобы не было смешений, так как может пострадать своеобразие другого.

Политические процессы современности демонстрируют, с одной стороны, размывание границ национальных государств. С другой стороны, слабо контролируемые миграционные потоки на европейском континенте воспринимаются как угроза национальной безопасности и провоцируют рост этнонационализма и неорасистских установок как спасительной доктрины для европейцев.

Неорасизм представляет стратегию исключения. Неорасизм предлагает обоснование социальной дискриминации. На бытовом уровне в российском пространстве часто национальность определяется не по культуре и не по самосознанию, а по крови. Нация в обыденном понимании — это не гражданское, а именно кровнородственное сообщество.

«Нарушение межэтнического баланса» в антииммигрантской аргументации — одно из главных положений. Увеличение массы мигрантов в общей численности жителей в понимании неорасизма разрушает культуру и образ жизни автохтонного населения. Как считает В.А. Шнирельман, «это служит стержневой идеей культурного расизма, сторонники которого придерживаются эссенциалистского взгляда на культуру и считают, что, во-первых, человек едва ли не с молоком матери впитывает строго определенные культурные коды, во-вторых, они в неизменном виде сопровождают его на протяже-

нии всей его жизни и он не способен что-либо изменить, в-третьих, он является носителем одной, и только одной, строго определенной культуры»¹.

Мигрантофобия в российском пространстве является серьезной предпосылкой появления ксенофобии и расизма, которые довольно быстро распространяются среди молодежи. Идеологами расистских и неорасистских молодежных групп часто выступают представители праворадикальной интеллектуальной традиции.

Почвой для формирования неорасизма в России является бытовой расизм, который не требует разработанной идеологии. Бытовой расизм распространен в разных социальных группах и оказывает мощное влияние в семейном и повседневном общении людей.

Ксенофобия, мигрантофобия и всплески массовой агрессии в России могут быть связаны с завышенными социальными ожиданиями или с разочарованиями в реформах, с болезненным привыканием этнического большинства к своему новому социально-экономическому положению².

При неорасизме важным становится соблюдение дистанции и отказа от культурального смешивания с индивидом цивилизационно не схожим со мной. Неорасизм — это ментально-культурное дистанцирование местной этнической общности с другой этносоциальной группой. В данном случае надо учитывать иной некомплементарный культурный код, который не позволяет взаимодействовать и сотрудничать с первой группой в связи с тем, что вторая группа может деформировать свою идентичность. В тоже время этнические и религиозные различия между европейскими «белыми» нациями неорасизмом рассматриваются как вторичные по отношению к общей европейской культурной идентичности.

Именно проблема доминирования расовой идентичности над гражданской является сегодня актуальной.

Культурные практики в России отдельных социальных групп транзитного населения, а именно мигрантов могут вызывать у местного населения чувство ненависти, вражды, страха, зависти, где данные

¹ Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М.: НЛЮ, 2011. Т. 2. С. 19.

² Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 219.

негативные чувства основываются на невозможности преодолеть культурные различия, а отсюда избегание полноценного диалога. Культурно-духовный антагонизм умозрительно может выводиться из того, что пришлые группы виноваты в социально-экономическом неблагополучии автохтонного населения.

Неорасизм в России является мощным идеологическим концептом, который скрыто в рамках социальных практик закладывает мотивы политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти, ксенофобии или вражды в отношении какой-либо этнической или социальной группы.

Внутренние побуждения в виде стойкой неприязни к определенным культурным практикам отдельных социальных групп транзитного населения (прежде всего мигрантов), а также определенной расе, национальности, религиозной конфессии, социальной группе — как культурно-духовному антагонисту, являющиеся содержанием соответствующего мотива ненависти или вражды, основаны на восприятии иных, пришлых групп как виновных в бедах автохтонного населения, а также невозможности полноценного диалога в связи с априори представляемыми непреодолимыми культурными различиями. Данное предубеждение по отношению к соответствующим группам может строиться на восприятии их как представляющих особую опасность для принимающего общества, а также на зависти к ее представителям, либо на стремлении отомстить за принадлежность к такой группе.

Оппозиция «свой — чужой» в неорасизме является одной из центральных как в межкультурной коммуникации, так и во внутринациональном политическом дискурсе. Неорасистские оценки чрезвычайно устойчивы. Объектом оценки в политическом дискурсе чаще всего становятся группы — это люди, социумы, явления и так далее, которые воспринимаются как «свои» или «чужие», а также события и факты, которые находятся в той или иной связи с названными группами. Неорасизм может послужить стимулом для речевой или физической агрессии.

Неорасизм в России — это прежде всего использование различных способов речевой агрессии и поведенческих моделей дистанцирования от «Чужого», что с одной стороны, свидетельствует о наличии социальной напряженности в России, о невысокой толерантности, о

возрастании межнациональной неприязни и, с другой стороны, влечет за собой трансформацию картины мира адресата, воздействует негативно на стратегии коммуникативного поведения, вызывает ответную речевую и физическую агрессию.

Библиография

1. *Иванов А.В.* Профилактика и противодействие феномену «*Misanthropic Division*» в социальных сетях / А.В.Иванов // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. Т. 3. С. 170–175.
2. *Barker M.* The New Racism: Conservatives and the Ideology of the Tribe. Frederick, Maryland: Aletheia books, 1981. P. 20–22.
3. Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2012. 264 с.
4. *Шнирельман В.А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М.: НЛЮ, 2011. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 856 с.
5. *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 328 с.

ИГОНИН ДЕНИС ИВАНОВИЧ

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И В МИРЕ

Аннотация: в работе рассматриваются особенности понятия миграция, где автором представлено три основных блока определений, базирующихся на основных научных подходах. Миграция представлена как фактор, оказывающий существенное воздействие на политический процесс. Приведены примеры воздействия на политическую систему стран Европы. Отмечена Республика Татарстан своим толерантным отношением к иммигрантам, являясь показательной с точки зрения выявления наиболее эффективных методов миграционной политики в современных условиях.

Ключевые слова: миграция, политика, миграционный процесс, политический процесс, миграционная политика.

Миграция представляет собой явление глобальных масштабов, с внушительной силой, разворачивающейся в XXI столетии под влиянием множества разнородных факторов. На потоки переселения людей через государственные и политико-административные границы воздействуют и социально-экономические обстоятельства, и конъюнктура на рынках труда и занятости, и дестабилизация внутривнутриполитической обстановки, приводящая к вооруженным столкновениям.

ям во многих странах, входящих в конфликтные зоны современного мира, и гуманитарные катастрофы, и мотивации этнополитического и межрелигиозного характера. Столь же сложны и многообразны последствия притока значительных групп людей из-за рубежа и для ситуации в принимающих обществах. Неудивительно, что в современной отечественной научной литературе представлено более четырех десятков дефиниций миграции, содержащих различное смысловое наполнение.

В научных исследованиях такого явления, как миграция, достаточно отчетливо проявились следующие основные подходы. В современной науке они представлены тремя основными блоками определений, базирующихся на социологическом, политологическом и международно-правовом подходах.

Миграция с позиции социологической парадигмы интерпретируется с точки зрения нескольких классических теорий. Например, в концепции «притяжения и выталкивания» миграция понимается как уровень привлекательности страны для иммигрантов и эмигрантов с учетом преграждающих мер по регулированию миграционного потока. В теории «миграционной цепи» применяется понятие «сообщество мигрантов», в исследовании которого основной акцент делается на межличностных отношениях между мигрантами, родственными связями между выехавшими и планируемыми выезд группами людей, а также на феномен «землячества»¹.

В рамках культурологического подхода миграция понимается как феномен, возникающий в ходе взаимодействия населения двух различных стран, локализуемый в их географическом и экономическом пространстве². Институциональная парадигма социологической науки характеризует миграцию как явление межинституциональное именно с практической точки зрения. С этих позиций миграция не имеет своей собственной институциональной структуры, поскольку является динамичным процессом, но все же она так или иначе находится в рамках социальных, политических, социокультурных и пра-

¹ Блинова М.С. Социологические теории миграции населения. М., 2015. 212 с.

² Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Гиперион, 2007. С 88.

новых институтов принимающего общества, поэтому можно рассматривать миграцию как межинституциональное явление¹.

В современной политологии понятие миграции трактуется как «территориальное перемещение социальных групп, идентифицирующих себя как коллективного субъекта, с целью реализации своих политических интересов, отличных от политических интересов принимающего социума»².

Однако, очевидно, что данное определение также не охватывает весь спектр свойств явления миграции и становится в большей степени чисто операционным понятием, поскольку основной акцент делается на реализации политических интересов мигрантов как движущего фактора к выезду за рубеж.

Следует отметить, что понятие миграции и миграционных потоков не проработано в достаточной степени и в современном международном праве, поскольку для правовой дефиниции необходимо сужение понятия «миграции» для возможности однозначного применения. Законодательство требует ограничения понятия «миграции» до уровня родового понятия, поскольку от четкости и определенности терминологии зависит возможность применения самой дефиниции в правовом поле. Поскольку миграция — понятие комплексное и весьма сложное, его сужение до правовой дефиниции не представляется возможным. Единственное обобщение понятия миграции дается в документах отчета Международной организации по миграции: «Миграция — это процесс передвижения через международную границу либо в пределах страны. Миграция охватывает любой вид перемещений, независимо от их продолжительности, состава и причин»³.

Политологическое понимание процессов миграции дано в фундаментальной монографии Ю.Г. Ефимова, когда под миграцией понимается изменение политической реальности государства или региона под влиянием социальных перемещений населения или его части за

¹ Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Гиперион, 2007. С 112.

² Ефимов Ю.Г. Миграционные процессы как фактор перманентной трансформационной динамики социально-политических структур: политологический анализ / Ю.Г. Ефимов. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2006. 164 с.

³ Громов В.П. Концепция развития миграционного законодательства РФ // Власть. № 4. 2014. С. 27.

пределы государства или административной границы на относительно длительный срок¹.

Таким образом, политологические подходы основываются на том, что миграция является социальным процессом перемещения населения, оказывающим влияние на политическую реальность государства.

Мы предлагаем рассматривать миграцию как фактор, оказывающий существенное воздействие на политический процесс принимающего государства при достижении критических социально-демографических и экономических масштабов и этно-культурных изменений. Поскольку политика является сферой, в которой принимаемые решения воздействуют на все подсистемы общества и процессы в нем (в том числе и миграционные), это приводит к появлению политического компонента у миграционного процесса.

По достижении критических параметров миграция воздействует на всю политическую систему, становясь в современных условиях источником социальной и межнациональной напряженности. Ярким примером тому является миграционный кризис в ЕС. Руководство Евросоюза, признав провал политики «мультикультурализма», в настоящее время стоит перед угрозой дестабилизации политических систем государств, принимающих мигрантов. В этом отношении показателен пример Швеции, где вопрос миграции прочно вошел в политическую повестку дня и риторику правых радикалов (националистическая партия «Демократы Швеции» прошла в парламент впервые за всю историю шведского государства). Остро миграционная проблема стоит в Греции, Италии, в меньшей степени — в Германии, Франции и в Великобритании. Согласно новому подходу к миграционной политике стран ЕС, принятому в 2011 г., главный акцент делается на ограничение нелегальной миграции и на адаптацию уже прибывших мигрантов. Однако война в Сирии поставила Европу на грань миграционной катастрофы — по данным агентства Frontex, в 2015 г. в Европу прибыли 1,82 млн мигрантов². В течение 2016 г. борьба с миграционным потоком из стран Африки и Ближнего Востока

¹ Ефимов Ю.Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем / Ю.Г. Ефимов. М.: Изд-во АНМИ, 2005. С. 87.

² Кризис с мигрантами в Европе в 2015–2016 годах. URL: <https://ria.ru/spravka/20160414/1410128475.html>

стала основным вопросом политической повестки дня для стран-членов ЕС.

В современных условиях миграционные процессы развиваются стихийно, что неизбежно приводит к целому ряду негативных последствий. Это делает проблему управления миграционными процессами первоочередной, политически актуальной задачей, стоящей также и перед российским государством, особенно с учетом его многонациональности. По данным Росстата, в 2016 г. число иностранных граждан, въехавших на территорию России для получения постоянного места жительства, составило 6 миллионов человек. Статистика показывает, что свыше 60% из них проникли на территорию РФ нелегально или у них уже истек срок действия соответствующих документов¹. На примере отдельных субъектов РФ можно проследить влияние миграционных потоков и миграционной ситуации на политический процесс. В качестве объекта анализа могут служить отдельные регионы и субъекты РФ. Одним из крупных центров миграции является Республика Татарстан в Приволжском федеральном округе, что обусловлено благоприятной социально-экономической ситуацией, относительно высоким уровнем жизни, политической (этнополитической) стабильностью. Поток мигрантов в регионе стабильно высок: в январе-июне 2016 г. миграционный прирост населения в Республике Татарстан составил 2410 человек, что на 878 человек больше, чем за аналогичный период 2015 г. Увеличение миграционного прироста обусловлено сокращением числа выбытий из Татарстана и увеличением числа прибытий в республику из других регионов Российской Федерации. Миграционный поток в пределах Республики Татарстан в 2016 г. составил 26 076 человек, что на 5,4% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.² Республика Татарстан отличается от других субъектов Российской Федерации относительно толерантным отношением «автохтонного» населения к иммигрантам, отсутствием массовой ксенофобии, а также низким уровнем конфликтогенного потенциала. В силу этого Татарстан интересен для изучения с точки

¹ Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/cf2175804419dacabf7dff20d5236cbc/i070048r.pdf

зрения выявления наиболее эффективных методов миграционной политики в современных условиях.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, политологический ракурс исследования миграционных процессов приобретает все большую актуальность, поскольку миграция в критических масштабах превращается в явление социально-политическое.

Во-вторых, миграция имеет социально-политические эффекты для принимающей стороны, которые можно рассматривать двояко: как трудовой и демографический ресурс, и как угрозу социально-политической стабильности принимающего социума.

В-третьих, миграционный процесс является частью политического процесса, возникающего вследствие территориального перемещения людей, имеет двойственный характер, который определяет динамику развития во всех сферах как «принимающего», так и «отдающего» общества.

Библиография

1. Блинова М.С. Социологически теории миграции населения. М.: 2015. 212 с.
2. Громов В.П. Концепция развития миграционного законодательства РФ // Власть. 2014. № 4. С. 23–36.
3. Ефимов Ю.Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем / Ю.Г. Ефимов. М.: Изд-во АНМИ, 2005. С. 87.
4. Ефимов Ю.Г. Миграционные процессы как фактор перманентной трансформационной динамики социально-политических структур: политологический анализ / Ю.Г. Ефимов. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2006. 164 с.
5. Киреев А.Г. Проблемы экономической миграции на Западе // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 14–21.
6. Кризис с мигрантами в Европе в 2015–2016 годах URL: <https://ria.ru/spravka/20160414/1410128475.html>
7. Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Гиперион, 2007. 453 с.
8. Розин М.Д. Проблемы адаптации мигрантов в поликультурном регионе // Научная мысль Кавказа. Междисциплинарные и специальные исследования. 2008. Спецвыпуск № 1 (05). С. 22–32.
9. Семенчин Е.А., Бабченко О.В. Применение цепей Маркова для прогнозирования миграционных процессов. URL: www.science-education.ru/10-210
10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/cf2175804419dacabf7dff20d5236cbc/i070048r.pdf
11. Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

МАГОМАДОВ АБДУЛЛА ЛОМАЛИЕВИЧ

ТРИ ПОДХОДА К ФЕНОМЕНУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА

Аннотация: в статье излагается один из возможных путей анализа политического ислама как одного из актуальных проблем современности. Исламская общественно-политическая мысль делится на три больших течения: модернистское, традиционное и «возрожденческое».

Ключевые слова: политический ислам, исламизм, исламский фундаментализм.

Политические процессы, происходящие в мусульманском мире в XX-начале XXI вв., продемонстрировали, что религия не утратила своих позиций в исламских странах. Исламская революция в Иране 1979 года, правление движения «Талибан» в Афганистане с 1996 по 2001 гг., победа движения ХАМАС на выборах в законодательный совет в Палестине в 2006 году, всплеск активности исламистских партий и движений во время событий «арабской весны». Это далеко не полный перечень событий, где ислам проявил себя как организующая политическая сила. В отечественном и зарубежном востоковедении неоднократно отмечалось, что социальные слои и группы, выведенные модернизацией из привычного круга общения, забот и ожиданий, в поисках альтернативных идей обращаются к исламскому вероучению.¹ Разное понимание этой альтернативы в общественно-политической мысли мусульманского мира легло в основу деления исламской мысли на три течения: традиционалистское, фундаменталистское и модернистское². Некоторые специалисты считают эти разновидности типами религиозного сознания мусульман.³ Немецкий исследователь Петер Антес отмечает, что принадлежность к этим течениям со временем «может стать более важным индикатором, чем традиционное деление мусульман на суннитов и шиитов, или влияние принадлежности к разным мазхабам — правовым школам и толкам»⁴.

¹ См., например: Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х — начало 80-х годов XX в.) М.: Наука, 1986. С.10–11.

² *Игнатенко А.А.* Самоопределение исламского мира // *Ислам и политика*. М.: Ин-т религии и политики, 2004. С. 18–19.

³ *Жданов Н.В., Игнатенко А.А.* Ислам на пороге XXI века. М.: Политиздат, 1989. С. 16.

⁴ *Антес П.* Ислам в современном мире (пер. с нем.) // *Ислам в Евразии* / Под ред. М.В. Иордана М., 2001. С. 68.

Традиционалисты или ортодоксы выступают против любых реформ, как в религиозной сфере, так и в общественной жизни. Это направление сформировалось под влиянием этнокультурной специфики регионов, из которых состоит мусульманский мир. Народы с разными культурными традициями, вошедшие в состав арабского халифата с VII–XI вв., привнесли в ислам свои этические представления, обычаи и правовые нормы. По мере включения все новых народов в духовную жизнь мусульманского мира шел процесс взаимовлияния ислама «теоретического» и «бытового», «официального» и «народного», «арабского» и «этнического».¹ Этот процесс окончательно оформился с распадом единого арабского халифата на однородные этнокультурные государства. Практически в каждом историко-культурном регионе исламского мира (Иране, Северной Африке, Индии, Индонезии, Кавказе и др.) ислам приобрел специфические черты. Традиционалисты выступают в роли охранителей той формы бытования ислама, которая исторически сформировалась в стране или регионе, до прихода влияния европейской цивилизации, ее культурных институтов и представлений. По мнению известного российского востоковеда А.В. Малащенко «именно с традиционалистским, а не богословским исламом ассоциируется неразделимость этнического и конфессионального начал. ...Именно через традиционалистский, а не догматический ислам в первую очередь формируются стереотипы поведения каждого конкретного мусульманина, который на бытовом уровне является членом своей этноконфессиональной общины и только на макроуровне — носителем ценностей и атрибутов мировой уммы»².

Реформаторы или модернисты стремятся с помощью реформ приспособить мусульманскую догматику к нуждам современного мира. Они считают возможным синтезировать ислам с либеральными, а до этого социалистическими ценностями и институтами. Начиная с XIX века, религиозно-реформаторское движение ведет работу по переосмыслению догм, и подводит идеологические и этические основания для трансформации традиционных обществ. Реформаторы переместили акцент мусульманского богословия на проблемы земной жизни

¹ Прозоров С.М. Хрестоматия по исламу. М.: Восточная литература, 1994. С. 7–8.

² Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Московский центр Карнеги, 2001. С. 64–65.

ни уммы. Главное внимание уделяется не вопросам веры, а месту человека в сотворенном Богом мире. «Человек, — писал выдающийся реформатор М. Икбал, — обладает более высокой степенью реальности, чем вещи, его окружающие. Из всех творений Бога только он способен сознательно участвовать в созидательной деятельности своего Творца»¹. В отличие от двух других течений исламской мысли, реформаторы считают, что ислам — религия универсального гуманизма, проповедующая общечеловеческое братство. Для них терпимость представляет собой основополагающий принцип ислама.

Третье течение современной мусульманской общественно-политической мысли можно обозначить как возрожденчество (или фундаментализм). Политическим, этическим и социально-экономическим идеалом для сторонников этой парадигмы является период правления пророка Мухаммада и четырех праведных халифов.

Фундаменталисты, как и традиционалисты, отрицают любые нововведения и возможность любого рационального анализа исламских догматов. Однако в отличие от сторонников традиционалистской парадигмы фундаменталисты выступают за «очищение» ислама от множества локальных традиций и обычаев, которые стали неотъемлемой частью вероисповедания мусульман всего мира. Эти местные традиции, по мнению фундаменталистов, противоречат Корану и дифференцируют единую общину верующих. Они отрицают свободу воли человека и считают, что только в общине единоверцев можно вести нормальную жизнедеятельность. Целью своей деятельности фундаменталисты ставят реставрацию халифата, где халиф будет олицетворять собой единство светской и духовной власти.

Исламская общественно-политическая мысль динамично развивается. Формирование единого для всего мусульманского мира пути вряд ли возможно. Все три идейных течения действуют параллельно, нередко наслаиваются друг на друга. Практически все исследователи подчеркивают нечеткость и условность выделенных между тремя парадигмами границ. Например, А.В. Малашенко считает: «в идеологии исламского возрождения доминирует традиционалистская и возрожденческая тенденции. Обе они характерны для исламского мира.

¹ Степанянц М.Т. Реформаторство как антитеза традиционности // Бог — человек — общество в традиционных культурах Востока. М.: Восточная литература, 1993. С. 220.

Они взаимопересекаются, вступают в противоречия и вместе с тем составляют единое целое»¹.

Библиография

1. *Антес П.* Ислам в современном мире (пер. с нем.) // Ислам в Евразии. Современ. этич. и эстет. концепции суннит. Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульм. народов России / Под ред. М.В. Иордана М., 2001. С. 38–71.
2. *Жданов Н.В.* Ислам на пороге XXI века / Жданов Н.В., Игнатенко А.А. М.: Политиздат, 1989. 352 с.
3. *Игнатенко А.А.* Ислам и политика. М.: Ин-т религии и политики, 2004. 256 с.
4. Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х — начало 80-х годов XX в.) / Под ред. Л.Р. Полонской. М.: Наука, 1986. 279 с.
5. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Московский центр Карнеги, 2001. 180 с.
6. *Прозоров С.М.* Хрестоматия по исламу. М.: Восточная литература, 1994. 238 с.
7. *Степанянц М.Т.* Реформаторство как антитеза традиционности // Бог — человек — общество в традиционных культурах Востока. М.: Восточная литература, 1993. С. 218–222.

РЫЖОВ ИГОРЬ ВАЛЕРЬЕВИЧ ШМЕЛЕВ АНТОН ПАВЛОВИЧ

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация: статья посвящена изучению вопроса, связанного с потенциальной возможностью формирования вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации посредством использования миграционных потоков в качестве одного из инструментов в плане дестабилизации внутривнутриполитической ситуации, формирования конфликтного пространства, разжигания межнациональной розни и ксенофобии, переориентации протестного потенциала населения на официальные властные структуры и институты. Исследование, построенное на сопоставлении схожих процессов в Европе и России, актуализирует проблему выработки и реализации эффективной и комплексной политики профилактики и противодействия.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, беженцы, национальная безопасность, мигрантофобия, экстремизм, интеграция мигрантов.

¹ *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 93.

Миграция оказывала, оказывает и будет оказывать существенное влияние на развитие человечества, как на глобальном, так и на региональном уровнях. Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун опубликовал 10 мая 2016 г. доклад, в котором отмечается, что в 2015 г. число международных мигрантов и беженцев «достигло 244 млн человек, что на 71 млн, или на 41%, больше, чем в 2000 году», к 2050 г. число вынужденных переселенцев в мире при сохранении нынешних тенденций достигнет 321 млн человек¹. Пан Ги Мун акцентированно отметил рост численности таких категорий мигрантов, как «беженцы» и «вынужденные переселенцы», что вполне объяснимо, учитывая в первую очередь систему международно-правовой защиты, ориентированную именно на данные категории мигрантов.

Соответственно, пристальное изучение и миграционных процессов, и политики управления ими на глобальном и региональном уровнях в совокупности с практиками реализации политики интеграции мигрантов в принимающее сообщество, существенно актуализируется, особенно, принимая во внимание тот факт, что миграционные потоки способны формировать вызовы и угрозы национальной безопасности. Особенно в настоящий период, когда миграция начинает активно использоваться как оружие в рамках реализации теории «управляемого хаоса».

По словам Леонида Савина: «То, что мы видим сейчас, — это практическая реализация теоретических разработок стратегического характера. Подобные стратегии разрабатываются давно. Одной из них является исследование Белферского центра по науке и международным делам Гарвардского университета ... — «Strategic Engineered Migration as a Weapon of War»². Исследование было впервые опубликовано в марте 2008 года в журнале «Civil Wars». Автор этой работы Келли Гринхилл, используя комбинацию статистического анализа данных и тематических исследований, дал ответы на вопросы: могут ли беженцы быть особым видом оружия, можно ли применять это оружие не только в военное, но и в мирное время и насколько успешным может быть его применение. В целом на все эти вопросы

¹ ООН бьет тревогу по поводу взрывного роста числа вынужденных переселенцев// <http://izvestia.ru/news/613052> (дата обращения: 20.06.2016).

² http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/18120/strategic_engineered_migration_as_a_weapon_of_war.html (дата обращения: 21.11.2016).

Гринхилл ответил положительно»¹. Келли М. Гринхилл рассмотрел и технологии воздействия на принимающее общество массовых миграционных потоков².

Действительно, если проанализировать современные миграционные процессы в Европе, можно отметить несколько весьма интересных моментов. Во-первых, гендерный и возрастной состав беженцев (существенно преобладают мужчины, достаточно много молодежи), в принципе, не типичен для данной категории мигрантов. Создается впечатление, что в Европу направляется более молодая и по преимуществу мужская часть беженцев как более социально мобильная³. Во-вторых, на Европу сориентированы миграционные потоки не только из регионов Ближнего Востока и Северной Африки, но и из государств центральной и южной Африки, Афганистана⁴. В-третьих, информационные каналы и ресурсы обращают внимание на информационную и финансовую составляющие процессов формирования и обеспечения трафиков вынужденных мигрантов именно в государства Евросоюза (широкое освещение весьма хороших условий принятия первых мигрантов в таких государствах, как, например Германия и Италия; широкое распространение в социальных сетях, например в Твиттере, призывов направляться именно в Германию, причем, преимущественно с аккаунтов, зарегистрированных в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах Америки)⁵.

Учитывая вышесказанное, можно констатировать факт возможности управления миграционными процессами акторами мировой системы для достижения их определенных целей. Схематизируя ал-

¹ Савин Л. Стратегическое проектирование миграции как оружие войны//<http://www.fondsk.ru/news/2015/10/20/strategicheskoe-proektirovanie-migracii-kak-oruzhie-vojny-36209.html> (дата обращения: 20.06.2016).

² *Greenhill Kelly M. Weapons of Mass Migration: Forced Displacement as an Instrument of Coercion; Strategic Insights*, v. 9, issue 1 (Spring-Summer 2010) Monterey, California. Naval Postgraduate School. http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/11515/SI_V9_I1_2010_Greenhill_116.pdf (дата обращения: 21.11.2016).

³ Зачем Ротшильды финансируют миграцию в ЕС: 90% мусульманских мигрантов — молодые мужчины. <https://cont.ws/post/116667> (дата обращения: 20.05.2016).

⁴ Великое переселение народов 2.0. <http://www.vestifinance.ru/articles/62293> (дата обращения: 22.11.2016).

⁵ Черных Е. Вторжение беженцев в Европу организовали через Твиттер США и Англия. <http://www.nnov.kp.ru/daily/26434.4/3305391/> (дата обращения: 15.06.2016).

горитм реализации данной стратегии можно определить несколько этапов. На первом этапе предпринимается комплекс мер по дестабилизации социально-политической обстановки в отдельном государстве с транзитом нестабильности на весь субрегион в целом. К таким мерам можно отнести: распространение (современные СМИ и коммуникационные системы позволяют и распространять и представлять необходимую информацию в нужном ракурсе в плане формирования определенных поведенческих стереотипов) информации об определенных угрозах (эпидемии, природные катаклизмы, экологические проблемы, политическая нестабильность); формирование и поддержку (информационную, финансовую, политическую) оппозиционных структур и радикальных религиозных течений; прямое вмешательство в процесс функционирования общественно-политической и экономической систем государства посредством широкого спектра средств от санкций до информационной и гуманитарной интервенции. Целью реализации стратегии на первом этапе является формирование первых потоков беженцев, создающих напряженность как внутри государства, так и на территориях сопредельных стран.

Следует отметить, что такие категории мигрантов как «беженцы» и «вынужденные переселенцы» обладают определенной спецификой, и, в первую очередь, низким интеграционным потенциалом. Во-первых, ориентированные на возвращение на родину, мигранты данных категорий не испытывают стремление к интеграции и особенно адаптации и аккультурации, а процесс их вынужденной интеграции зачастую протекает вне рамок законности; во-вторых, данные категории мигрантов, как правило, мигрируют семьями, группами, что способствует сохранению комфортного коммуникационного пространства и снижает необходимость, опять же, адаптации и аккультурации; в-третьих, само государство-реципиент способствует снижению интеграционного потенциала, с одной стороны, возлагая на себя задачу финансового обеспечения существования беженцев и вынужденных переселенцев, с другой стороны, селя мигрантов компактно. С данной проблемой Российская Федерация столкнулась относительно переселенцев из республик Северного Кавказа в 1990-е годы.

Именно низкий потенциал беженцев и вынужденных переселенцев имеет существенное значения для реализации стратегии воздействия на принимающее государство на втором этапе. Причем, следу-

ет отметить, тот факт, что дестабилизация социально-политической ситуации в стране-реципиенте способна формировать, своего рода, цепную реакцию, с одной стороны, способствовать росту масштабов вынужденной миграции на последующих этапах, с другой. Реализуя данную стратегию, можно сформировать вектор движения глобального миграционного потока, ориентированного на государство-цель. Применительно к Российской Федерации можно говорить о существовании одного такого, четко обозначенного вектора: Афганистан → Таджикистан → другие постсоветские республики Средней Азии → регионы РФ с исторически присутствующим исламом → РФ в целом. Как правило, трафик миграционного потока коррелирует с «коридорами», создаваемыми представителями транснациональных преступных группировок (далее ТПГ), для которых, например, доставка нелегальных мигрантов и беженцев становится еще одной сферой бизнеса¹. Понимание того, что организация незаконной транспортировки мигрантов является одной из сфер деятельности ТПГ, отразилось в принятии Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего данную Конвенцию². Применительно к Европе аналогичное пересечение сфер деятельности и ТПГ, и радикальных мусульманских организаций можно наблюдать на примере действия так называемого «зеленого коридора»³.

На втором этапе реализации стратегии воздействия на принимающее сообщество мигранты (особенно беженцы и вынужденные переселенцы) формируют прямо, косвенно и опосредованно вызовы национальной безопасности принимающего государства и/или интеграционного образования с потенциальной возможностью трансформации вызовов в угрозы.

¹ Незаконный ввоз мигрантов: суровый поиск лучшей жизни. <https://www.unodc.org/toc/ru/crimes/migrant-smuggling.html> (дата обращения: 22.11.2016).

² Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2004. <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-r.pdf> (дата обращения: 22.11.2016).

³ Зеленый коридор террора. <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/509064/399> (дата обращения: 15.06.2016).

Во-первых, можно обозначить такие прямые вызовы, как влияние на рынок труда, развитие серых зон в экономике, рост коррупции, формирование криминогенной ситуации в стране либо регионе, создание напряженности в сфере здравоохранения, увеличение объемов распространения наркотиков, терроризм и прочее (например: последние события во Франции и Бельгии; убийство семьи полицейского под Сызранью и драка на Хованском кладбище в Российской Федерации).

К косвенным вызовам можно отнести следующие, формирующиеся в результате реализации прямых:

- рост криминогенности, связанный с преступной деятельностью мигрантов вызывает ответную реакцию автохтонного населения, нередко принимающую форму внесудебной расправы (показательный пример — убийство 9-летней таджикской девочки Хуршеды Султановой 9 февраля 2004 г. в Санкт-Петербурге¹). Германия, например, можно сказать идет по пути РФ в 1990-е годы. В стране существенно вырос спрос на средства самозащиты², формируется пространство для незаконного распространения оружия;
- «негативное» с точки зрения автохтонного населения поведение «пришлых» ведет к росту неприязни и ксенофобских настроений, реализуемых в повседневной практике, что, в свою очередь вынуждает мигрантов к обособлению и формированию защитных институтов. Как результат — процесс геттоизации, формирования этнических организованных преступных групп (ОПГ), еще большее взаимное дистанцирование аллохтонного и автохтонного населения.

Подобного рода косвенных вызовов безопасности можно привести достаточно много, но остановимся на выше приведенных, констатируя факты радикализации принимающего сообщества в целом и актуализации вызовов опосредованных, к наиболее важным из которых можно отнести рост недовольства общества по отношению к правящим элитам, государственным институтам и системе обеспечения национальной безопасности в целом. Фактически, грамотно ис-

¹ Харламов В., Антипов А. Виды неформальных молодежных объединений экстремистской направленности// Профессионал. 2008. № 2. С. 37.

² В Германии вырос спрос на электрошокеры// <http://ru.euronews.com/2016/02/11/are-europeans-spending-more-on-protecting-themselves> (дата обращения: 22.11.2016).

пользуя СМИ и коммуникационные системы (например, используя такие приемы, как утрирование, гиперболизация, деперсонализация, подмена объекта и прочее — как пример, приведем «дневники гибели Германии Галины Ивановой»¹ либо статью Элеоноры Шифрин «Чего не сообщают СМИ об исламе?»²) модераторы процесса имеют возможность способствовать формированию ряда конфликтогенных пространств в рамках общественно-политической системы государства-реципиента. Потенциально возможно возникновение конфликтов по следующим линиям «раскола» общества:

- мигранты/ местное население, с перспективой подмены группы «мигранты» на группу «исторически не местные, пришлые и их потомки»;
- к следующей линии «раскола» общества можно отнести формирование организованных сообществ противников и сторонников политики принятия мигрантов с последующей активизацией деятельности данных сообществ, как конвенциональной, так и не конвенциональной;
- и, наконец, потенциально самой опасной линией «раскола» может стать конфликт между обществом и властью. При наличии социально-экономических проблем, снижения доходов населения и ухудшения условий жизни, любые действия властей по поддержке мигрантов могут вызывать вопросы и претензии со стороны населения, а неспособность урегулировать конфликты между пришлым и коренным населением приводит к обвинениям властных структур в непрофессионализме, чуждости интересам простого населения, коррумпированности и прочее. Как результат — дальнейшая радикализация общества при смене основной цели воздействия с мигрантов/этнически либо религиозно чуждых на собственные властные структуры. В странах Евросоюза, например, прослеживаются следующие тенденции: усиление позиций в обществе таких общественно-политических организаций, как «Национальный фронт», «Свобода», «Альтернатива для Германии»;

¹ Скобейда У. Хроника гибели Германии: чтобы убажить беженцев, католическая церковь отказывается крестить младенцев. <http://www.nnov.kp.ru/daily/26426/3299114/> (дата обращения: 22.11.2016).

² Шифрин Э. Чего не сообщают СМИ об исламе? <http://www.7kanal.com/article.php3?id=221649> (дата обращения: 22.11.2016).

падение рейтингов действующих лидеров государств; актуализация сепаратистских и центробежных тенденций. Относительно Федеративной Республики Германии можно отметить формирующуюся связку между «Альтернативой для Германии», как конвенциональной политической партией и общественным движением PEGIDA, как потенциальным инструментом давления на власть и общество и распространения радикальной и националистической идеологии. В настоящий момент идет процесс создания отделений движения PEGIDA в ряде других стран Евросоюза. Близкий по своей идее проект в Российской Федерации — Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) в апреле 2011 года решением суда был признан экстремистским и запрещен, но до сих пор широко представлен в интернет-пространстве. Применительно к Российской Федерации можно отметить тот факт, что принятие в процентном отношении, нежели Европа, меньшего числа беженцев, близких этнически, конфессионально, культурно автохтонному населению, с востока Украины; отправка гуманитарной помощи в непризнанные республики и Сирию при официальной позиции поддержки населением, на неофициальном уровне вызывает недовольство, в первую очередь, финансовыми затратами в ущерб решению проблем граждан государства (проявление данного недовольства можно заметить в статьях — например¹, комментариях к статьям и новостным сюжетам, в социальных сетях). Еще одним «маячком» процесса смены объекта воздействия в Российской Федерации является тактика деятельности националистов, целью экстремистских акций которых становятся объекты и представители правоохранительных органов и властных структур².

Перед властными структурами государств, столкнувшихся с подобного рода вызовами, встает ряд существенных проблем и «обременений»:

¹ Украинские беженцы в Волгограде не хотят работать и жалуются на нищенскую жизнь города // <http://sprotyv.info/ru/news/8453-ukrainskie-bezhency-v-volgograde-nedyat-rabotat-i-zhaluyutsya-na-nishchenskuyu-zhizn> (дата обращения: 23.11.2016).

² Котляр П. Скинхеды устроили «день мести» в Нижнем Новгороде// http://www.infox.ru/accident/crime/2009/05/05/V_Nizhnyem_Novgorody_print.phtml (дата обращения: 23.11.2016).

- современные государства, будь то европейские, либо Российская Федерация, не способны полностью контролировать информационное пространство и особенно блогосферу, что позволяет и внешним акторам и внутренним (ангажированным с первыми либо автономным) формировать определенное видение ситуации, с одной стороны, негативный облик власти с другой (аргументы: «замалчивание», «обман», «не говорят всей правды» и прочее);
- эти же государства сталкиваются с дилеммой: продолжать прием мигрантов со всеми затратами согласного международным нормам, либо приоритетом считать обеспечение национальных интересов (в результате — ужесточение миграционных законодательств в государствах Евросоюза и Российской Федерации, структурные преобразования в органах власти, конфликт по квотам; актуализация тем отмены режима «Шенгенского соглашения», восстановления режима пограничного контроля, выхода из Евросоюза);
- и, наконец, возможно наиболее важным в плане сохранения единения власти и общества является проблема реакции государственных структур на противоправные акции со стороны местного населения и, особенно, на межэтнические и межрелигиозные конфликты и столкновения. Посредством соответствующего информационного сопровождения политику властных структур можно пытаться представлять населению как «антинародную», причем противодействие поползновениям подобного рода осложнено рядом причин, о некоторых из которых сказано выше.

Подводя итоги, можно говорить о том, что, особенно в условиях кризиса, существенный миграционный поток способен значительно усугубить социально-экономические проблемы с тенденцией их политизации, параллельно формируя вызовы и угрозы национальной безопасности, влияя на смену акцентов и приоритетов принимающих мигрантов государств во внутри- и внешнеполитической сферах. Политическая риторика лидеров Российской Федерации, структурные преобразования, организационные мероприятия и активная деятельность, как внутри государства, так и на международной арене, показывают осознание всей важности обозначенной проблемы и понимание путей ее разрешения.

Библиография

1. Великое переселение народов 2.0. <http://www.vestifinance.ru/articles/62293>
2. В Германии вырос спрос на электрошокеры. <http://ru.euronews.com/2016/02/11/are-europeans-spending-more-on-protecting-themselves>
3. Зачем Ротшильды финансируют миграцию в ЕС: 90% мусульманских мигрантов — молодые мужчины. <https://cont.ws/post/116667>
4. Зеленый коридор террора. <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/509064/399>
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней. Нью-Йорк: Организация Объединенных наций, 2004. <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCеbook-r.pdf>
6. *Котляр П.* Скинхеды устроили «день мести» в Нижнем Новгороде. http://www.infox.ru/accident/crime/2009/05/05/V_Nizhnyem_Novgorody_print.shtml
7. Незаконный ввоз мигрантов: суровый поиск лучшей жизни// <https://www.unodc.org/toc/ru/crimes/migrant-smuggling.html>
8. ООН бьет тревогу по поводу взрывного роста числа вынужденных переселенцев. <http://izvestia.ru/news/613052>
9. *Савин Л.* Стратегическое проектирование миграции как оружие войны. <http://www.fondsk.ru/news/2015/10/20/strategicheskoe-proektirovanie-migracii-kak-oruzhie-voyny-36209.html>
10. *Скобейда У.* Хроника гибели Германии: чтобы улажить беженцев, католическая церковь отказывается крестить младенцев. <http://www.nnov.kp.ru/daily/26426/3299114/>
11. Украинские беженцы в Волгограде не хотят работать и жалуются на нищенскую жизнь города. <http://sprtyv.info/ru/news/8453-ukrainskie-bezhency-v-volgograde-ne-hotyat-rabotat-i-zhaluyutsya-na-nishchenskuyu-zhizn>
12. *Харламов В., Антипов А.* Виды неформальных молодежных объединений экстремистской направленности // Профессионал. 2008. № 2. С. 36–39.
13. *Черных Е.* Вторжение беженцев в Европу организовали через Твиттер США и Англия. <http://www.nnov.kp.ru/daily/26434.4/3305391/>.
14. *Шифрин Э.* Чего не сообщают СМИ об исламе? <http://www.7kanal.com/article.php3?id=221649>.
15. *Greenhill Kelly M.* Weapons of Mass Migration: Forced Displacement as an Instrument of Coercion; Strategic Insights, v. 9, issue 1 (Spring-Summer 2010) Monterey, California. Naval Postgraduate School. http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/11515/SI_V9_I1_2010_Greenhill_116.pdf.

СИРЮКОВА ЯНА АЛЕКСЕЕВНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕДИЙНЫЕ ЭФФЕКТЫ И ПРАКТИКИ

Аннотация: в данной статье автором была предпринята попытка осветить значение государственных органов власти как одного из основных субъектов управления этнополитическими процессами, а также стратегии взаимодействия между ними и средствами массовой информации.

Ключевые слова: государственное управление, этнополитические процессы, СМИ.

На повестке дня сегодня актуальным является вопрос о выборе стратегий государства в области управления этнополитическими процессами. Органы государственного власти и управления, а также СМИ выступают одними из основных субъектов управления, что обуславливает актуальность выстраивания конструктивного взаимодействия между государством и средствами массовой информации по вопросам сохранения межнационального мира для поддержания этнополитической стабильности.

В этой связи нельзя не согласиться с В.А. Харченко¹, который отмечает, что политическое управление внутригосударственными межэтническими процессами и использование различных технологий направлено на формирование нормативно-правовой базы; создание соответствующих институциональных структур; мониторинг уровня конфликтности; целенаправленное разрушение дисбалансных этнических стереотипов и формирование установок на позитивное межэтническое общение, реализуемые при помощи программ стабилизации межэтнических отношений; специализированное этнологическое и конфликтологическое обучение субъектов управления конфликтами (представителей органов власти и силовых структур) и субъектов влияния на потенциальных участников конфликта (лидеров общественных объединений, этнических меньшинств, представителей СМИ, работников образования).

¹ Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления: Дисс... докт. полит. наук / Харченко В.А. Бишкек, 2011. 324с.

В тоже время важно отметить ряд проблемных зон в системе государственного управления в области межэтнических взаимоотношений, требующих решения.

1. Раздробленность функционала и отсутствие единой вертикали при реализации государственной национальной политики.

По данным руководителя Федерального агентства по делам национальностей И. Баринова приведенным в интервью¹ в 2015 г. субсидия из федерального бюджета на поддержку региональных программ составила 338,4 млн рублей для 43 субъектов, однако при этом отсутствует «единая региональная картина, и ощущение регионы работают по единым стандартам и правилам». В субъектах реализуется огромное количество фестивалей, национальных праздников, круглых столов и рекламных кампаний, которые так и остаются немасштабными, сугубо региональными.

На наш взгляд, позитивно можно оценить стремление органов государственной власти реализовывать крупные сетевые проекты, во всех субъектах Российской Федерации, нежели чем тратить средства федерального бюджета на проекты с небольшой целевой аудиторией. Среди перспективных направлений ФАДН определил развитие этнотуризма и модернизацию этнопарков, развитие этно-волонтерства, благотворительные фестивали национальных культур, проведение всероссийской культурно-просветительская акции «Ethnoweekend», детских образовательных этнопрограмм и, топовый проект «День народного единства».

Более того, пока не ясен вопрос с открытием региональных представительств ФАДН, и каким образом будет выстраиваться коммуникационные связи между федеральным центром и регионом, так как в каждом регионе функции по реализации государственной национальной политики рассредоточены и отнесены порой сразу к нескольким ведомствам.

2. Вопрос разграничения полномочий на федеральном уровне.

¹ Сайт Федерального агентства по делам национальностей [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/news/2015/09/24/2410-igor-barinov-provel-vserossiyskoe-soveshanie-s-organami-ispolnitelnoy-vlasti-sub-ektov-rf-po-realizatsii-gosnatpolitiki> — Проверено 28.09.2015.

По мнению Председателя комитета Государственной Думы по делам национальностей пятого созыва Г. Сафаралиева¹ некоторые вопросы по национальной политике еще остались в ведомстве Министерства культуры РФ. Затем в вопросах миграционной политики необходимо выстроить взаимоотношения с Федеральной миграционной службой.

3. Важным представляется вопрос кадрового обеспечения отрасли. Ведь специалистов, которые прошли обучение и имеют соответствующую квалификацию довольно немного, и не каждый регион может самостоятельно решить эту проблему.

Особое внимание на взгляд автора, стоит уделить использованию органами государственной власти и управления, местного самоуправления информационно-политических технологий управления этнополитическими процессами, таких как: работа со средствами массовой информации, обеспечение с помощью современных технологий информационной открытости и доступности информации, организация эффективной системы мониторинга и выявления негативных явлений на базе информационно-коммуникационных технологий.

Данный вопрос важен в свете того что, для многих журналистов освещение различных проблемных вопросов не является чем то исключительным и требующим особенного отношения, а наоборот составляет суть работы, так освещение конфликтов интересов в экономике, политике, достижений или провалов в социальной политике — основная сюжетная линия повседневных репортажей.

Однако проявления межэтнической напряженности, конфликтов значительно отличаются от остальной повестки, и представители СМИ иногда не обладая компетентными знаниями при некорректном освещении данных событий могут сыграть и серьезную дестабилизирующую роль, переведя итак конфликтную ситуацию в стадию еще большей эскалации.

Растущая роль СМИ и буквально «вторжение» в политическую сферу порождает феномен «медиатизации политики»², при котором

¹ Сайт «Национальный акцент» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://nazaccent.ru/content/17621-eksperty-otmetili-otsutstvie-edinogo-podhoda-k.html>, свободный. — Проверено 28.09.2015

² *Strömbäck J.* Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.socsc.hku.hk/sigc/gc2012/pdf/>

политические институты (субъекты управления) все более и более зависят от средств массовой информации, но тем не менее сохраняют свои функции в управлении политическими процессами. Роль СМИ в этих процессах может выражаться в следующем:

- на сколько те или иные СМИ являются самыми важными/доминирующими/единственными источниками информации в обществе;
- в какой степени СМИ независимы от других политических институтов;
- в какой степени медиа-контент подвержен политическому влиянию, и в какой степени субъекты управления руководствуются при принятии решений медиа-контентом, или сформированным им общественным мнением (в том числе и в среде интернет).

Средства массовой информации могут сыграть стабилизирующую роль, например за счет продвижения общегосударственных ценностей, если, по мнению ученых¹, субъекты политического управления выберут стратегию сотрудничества, готовность признать верховенство закона, отказаться от давления, обеспечить равный открытый доступ к информации.

Публикации в печатных СМИ, как отмечает один из исследователей², представляет возможность органам власти и общественным структурам прояснить идеологический, организационный уровни институционализации межэтнического конфликта.

Нами были выявлен ряд практик, когда структуры государственного управления сферой межнациональных отношений выработали со СМИ действенные формы работы:

1. Проведение конкурсов, обучающих семинаров на лучшее освещение реализации государственной национальной политики.

Так, например, на федеральном уровне — это проведение Всероссийского открытого журналистского конкурса «Многоликая Россия», Всероссийского конкурса на лучшее освещение темы межэтническо-

Reading%20Materials_Taiwan/Lecture%207_Four%20Phases%20of%20Mediatization.pdf. — Проверено 28.09.2015.

¹ Релжич Д. СМИ и трансформация этнополитических конфликтов [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Handbook/Articles/russian_reljic_handbook.pdf, — Проверено 28.09.2015.

² Рушанян К.С. Роль региональных СМИ в развитии этнополитических процессов и институтов в Ставропольском крае: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук / Рушанян К.С.; Ставроп. гос. ун-т, 2009. 203 с.

го взаимодействия народов России и их этнокультурного развития «СМИротворец». Последний организуется с 2008 г. Гильдией межэтнической журналистики, и предполагает на участие журналистов федеральных, региональных, а также национально-культурных СМИ.

На уровне субъекта, на примере Республики Татарстан, в Республиканском агентстве по печати и массовым коммуникациям ежегодно проходят обучающие семинары и круглые столы для журналистов, проводятся: Конкурс на лучшую журналистскую работу по антиэкстремистской проблематике среди районных средств массовой информации Республики Татарстан, Конкурс на лучшую журналистскую работу по освещению вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений среди республиканских средств массовой информации Татарстана.

2. Включение специалистов СМИ в работу консультативных и совещательных органов по реализации государственной национальной политики.

Так недавно была образована новая комиссия в Совете по международным отношениям при Президенте РФ, которая будет заниматься рассмотрением вопросов информационного сопровождения реализации государственной национальной политики, куда вошли видные медиасообщества.

3. Организация эффективной системы мониторинга и выявления конфликтных явлений, некорректных публикаций в СМИ.

События Арабской весны 2012 года, столкновения на международной почве между болельщиками и некоторыми диаспорами в г. Москве показали, что для разжигания международных и межэтнических конфликтов все активнее применяется потенциал социальных сетей и Интернета. При этом от момента появления конфликта до его выхода в публичную плоскость иногда проходит 1–2 дня. В этих условиях использование инструментов обычных социологических исследований становится неэффективным.

ФАДН выступило с инициативой создания качественно новой системы мониторинга¹, согласно которой будет обеспечен:

¹ Сайт Федерального агентства по делам национальностей [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/documents/8894-prezentatsiya-sistemy-monitoringa-fadn-rossii>. — Проверено 28.09.2015.

- мониторинг государственных программ в сфере межнациональных отношений;
- мониторинг качества оказания государственных услуг ФОИВ и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в местах компактного проживания национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, а также казачества;
- ведение регистров по учету субъектов государственной национальной политики;
- ведение схемы территориального планирования в сфере национальной политики;
- визуализация результатов мониторинга, анализа, планирования и прогнозирования реализации государственной национальной политики;
- автоматического формирования отчетов по различным вопросам реализации национальной политики и межнациональным отношениям.

Объекты системы мониторинга можно сгруппировать на следующие категории:

1. Государственные структуры и МСУ.
2. Акторы гражданского общества (социально-ориентированные некоммерческие организации, религиозных объединений, СМИ).
3. Коммерческие организации.

В этих целях ФАДН России разработало Дорожную карту по созданию и внедрению в 2015–2016 годах в Российской Федерации Системы мониторинга состояния и прогнозирования развития межэтнических отношений, предупреждения и нейтрализации межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Федеральное агентство по делам национальностей планирует, что с января 2016 г. все субъекты Российской Федерации будут осуществлять мониторинг состояния и прогнозирования развития межэтнических отношений, предупреждения и нейтрализации межэтнических и межконфессиональных конфликтов с использованием Системы мониторинга, разработанной Федеральным агентством по делам национальностей.

Важным является и обеспечение информационной открытости путем размещения новостей, планов работ, нормативно-правовой

базы и других информационных, аналитических и методических материалов на сайтах министерств и ведомств, как например, на сайте ФАДН <http://fadn.gov.ru/>

Подводя итог, мы можем утверждать, что в практике государственного управления межнациональными отношениями определились существенные позитивные тренды, такие как: сотрудничество органов государственной власти, местного самоуправления и национально-культурных объединений, научного сообщества по вопросу поиска эффективных форм профилактики межэтнической напряженности; привлечение СМИ к освещению программных мероприятий национальной политики.

В то же время, по мнению исследователей¹, актуальными проблемами на повестке дня выступают: религиозный экстремизм, распространение деструктивных учений, бытовой национализм, ксенофобия, межэтнические противоречия, локальные конфликтные ситуации.

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка осветить значение, спектр возможностей и технологий, применяемых органами государственной власти как одного из основных субъектов управления этнополитическими процессами: дана трактовка основным понятиям, приведены критические замечания в области нормативно-правового регулирования межэтнических и этноконфессиональных отношений, определены проблемные зоны в функционировании соответствующих институциональных структур, изучены и обобщены возможности использования ресурса СМИ субъектами управления (государственными структурами).

Библиография

1. Указ Президента РФ № 1168 от 13 сентября 2004 г.
2. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М.: Дело, 2008. 471 с
3. Артикуленко Т.А. Формирование этнонациональной политики России: теоретико-правовой анализ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Т.А. Артикуленко. Ростов-на-Дону, 2005. 28 с.

¹ Бурцев Ю.Д. Институционализация политико-административного управления этническими отношениями: (на примере Ставропольского края): Дисс. ... канд. полит. наук / Бурцев Ю.Д. ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет». Ставрополь, 2009. 213 с.

4. *Барбарян К.Б.* Этнополитический конфликт: концептуальный анализ [Электронный ресурс] // Московский гуманитарный университет: [сайт]. М., 2006. — Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Barbarjan2/>, свободный. — Проверено 22.02.2011
5. *Бурцев Ю.Д.* Институционализация политико-административного управления этническими отношениями: (на примере Ставропольского края): Дисс. ... канд. полит. наук / Бурцев Ю.Д. ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет». Ставрополь, 2009. 213 с.
6. *Валяровский Ф.И.* Актуальные проблемы правового регулирования межнациональных отношений в Российской Федерации. — Пятигорск, 2011. — 113 с.
7. *Зорин В.Ю.* Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики / Зорин В.Ю. М. 2002. 291 с.
8. Материалы заседания Совета при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf — Проверено 28.09.2015
9. *Михайлов В.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: вопросы теории и практических действий. / Все Мы — Россия». Материалы III Всероссийского конгресса просветителей организации: М.: Знание, 2013. 352 с.
10. Основы национальных и федеративных отношений: Учебное пособие / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; Общ. ред. Р.Г. Абдулатипов. М.: Изд-во РАГС, 2001. 352 с.
11. *Релжич Д.* СМИ и трансформация этнополитических конфликтов [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Handbook/Articles/russian_reljic_handbook.pdf, — Проверено 28.09.2015.
12. *Рушанян К.С.* Роль региональных СМИ в развитии этнополитических процессов и институтов в Ставропольском крае: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Рушанян К.С.; Ставроп. гос. ун-т, 2009. 203 с.
13. Сайт «Национальный акцент» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://nazaccent.ru/content/17621-eksperty-otmetili-otsutstvие-edinogo-podhoda-k.html>, свободный. — Проверено 28.09.2015.
14. Сайт «Национальный акцент» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://nazaccent.ru/content/17621-eksperty-otmetili-otsutstvие-edinogo-podhoda-k.html>, свободный. — Проверено 28.09.2015.
15. Сайт Федерального агентства по делам национальностей [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/documents/8894-prezentatsiya-sistemy-monitoringa-fadn-rossii>. — Проверено 28.09.2015.
16. Сайт Федерального агентства по делам национальностей [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/news/2015/09/24/2410-igor-barinov-provel-vserossiyskoe-soveshanie-s-organami-ispolnitelnoy-vlasti-sub-ektov-rf-po-realizatsii-gosnatspolitiki> — Проверено 28.09.2015.
17. Сайт Федерального агентства по делам национальностей [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/news/2015/09/24/2410-igor-barinov-provel-vserossiyskoe-soveshanie-s-organami-ispolnitelnoy-vlasti-sub-ektov-rf-po-realizatsii-gosnatspolitiki> — Проверено 28.09.2015.

18. Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН; Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013, 90 с.
19. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков. М.: Наука, 2001. 240 с.
20. Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления: Дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.04 / Харченко В.А.; Бишкек, 2011. 324 с.
21. Strömbäck J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.socsc.hku.hk/sigc/gc2012/pdf/Reading%20Materials_Taiwan/Lecture%207_Four%20Phases%20of%20Mediatization.pdf. Проверено 28.09.2015.

УСМАНОВ РАФИК ХАММАТОВИЧ

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ НА ГЕОПОЛИТИКУ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Аннотация: на основании анализа современных этнополитических процессов, с учетом последних тенденций геополитического развития Черноморско-Каспийского региона автор показывает миграционную составляющую федеральных округов Юга России. Значительное место уделяется сравнительному анализу различных периодов миграционных процессов повлиявших на фактор и развитие этнополитических конфликтов на Юге России и в целом Каспийском регионе.

Ключевые слова: этнополитика, миграция, конфликт, геополитика, политический процесс, глобализация, санкция, население.

В современный период нарастающего глобализационного кризиса этнополитическая ситуация в большинстве европейских стран, вследствие неуправляемых миграционных потоков значительно возрастает. Согласно данным Отдела народонаселения ООН, основанным на подсчетах правительств разных стран, в 2013 г. в мире уже насчитывалось 232 млн мигрантов. Однако, эти данные представляются неполными, поскольку этот поток сегодня значительно возрастает, кроме этого статистика не учитывает миллионы временных мигрантов, выезжающих из своих стран на непродолжительный срок, сезонных работников, а также работников, занятых за границей без

смены страны постоянного места жительства¹. Более того, сегодня этот поток вследствие вооруженных конфликтов и вмешательства во внутренние дела и развала некоторых государств многократно увеличился. Одним из серьезных факторов создавшегося кризиса является подрывные и разрушительные действия внешних сил по отношению к странам Ближнего Востока и Северной Африки и религиозная составляющая в странах Европейского союза, которая привносится населением из стран, исповедующих в основном Ислам (Ливия, Сирия, Йемен, Ирак и др.). Все что происходит сегодня на территории Евросоюза, разумеется, неизбежно будет иметь свои серьезные последствия и для всего Каспийского региона, включая и нашу страну. Что же касается политики Соединенных Штатов, то здесь совершенно ясно, что такая безответственная и близорукая стратегия Вашингтона по отношению ряда регионов мира в значительной степени спровоцировала тот сход миграционной лавины, который мы наблюдаем сегодня. Существенно усугубляет и влияет на эту напряженность ИГИЛ, деятельность которого, помимо нарастающего миграционного потока в страны Евросоюза, направлена на идеологическую, территориальную и политическую экспансию в сторону стран Центральной Азии (граничащих с Россией), Ирак, Турцию и возможно в Западную Европу. Немалый интерес к территории Российской Федерации, как части Каспийского региона, проявляют различные запрещенные в России террористические организации под эгидой «Исламского государства». Значительный негативный отпечаток на данный процесс накладывает этнополитическое напряжение на Юге России, особенно на Северном Кавказе, основанное на конфликте традиционного и радикального Ислама, что приводит иногда до террористических акций на территориях Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ингушетии других республик. Все это по вполне понятным причинам угрожает национальной безопасности всего Каспийского региона и в частности целостности российского государства. Более того, Каспийский регион это одна из территорий, где проявляют свои национальные интересы ведущие мировые державы, так как этот регион является важным стратегическим звеном между Севером и Югом — Россией

¹ Патрик Таран. Миграция, глобализация и экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии. — http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6665#top-content (электронный ресурс) (дата обращения: 07.08.2016).

и Персидским заливом — как транспортный коридор и источник снабжения нефтью и газом рынков Европы¹. Вполне справедливо отметил И. С. Иванов, что «фундаментальные причины миграционного кризиса лежат куда глубже. Они — в расширяющейся экономической пропасти между богатым Севером и бедным Югом. Они — в низкой эффективности программ помощи беднейшим развивающимся странам, в безответственности транснациональных корпораций и финансовых спекулянтов. Они — в слабости многих международных организаций, в кризисе глобального управления в целом. Ясно, что нынешний кризис — всего лишь верхушка целого айсберга проблем, которые накапливались в современном мире и в отдельных его регионах в течение многих десятилетий»². Таким образом, Россия является одним из активных участников глобальных миграционных процессов, что значительно влияет на этнополитические процессы, особенно в южных ее территориях. Следует отметить, что практически на протяжении последних столетий истории России, начиная с XIX века в государство переселились из других стран около пяти миллионов человек. В этом смысле советский период минимизации международной миграции и искусственной самоизоляции от внешнего мира можно рассматривать скорее как исключение, чем как привычное состояние дел для нашей страны. Исторический опыт наглядно свидетельствует о том, что каждый период успешной модернизации России был связан с резкой активизацией миграционных процессов; процветание нашей страны было тесно связано с ее открытостью внешнему миру. Хотя можно вспомнить и времена после развала Советского Союза в 1990-е годы, когда произошел миграционный взрыв в России и надо отдать должное политическому руководству Российской Федерации, которое, предвидя обострение миграционных проблем, заблаговременно предприняло целый ряд мер, призванных снизить возможное негативное воздействие этих проблем на нашу страну. Созданная Федеральная миграционная служба, как самостоя-

¹ Магомедов А.К., Никеров Р.Н. Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма / А.К. Магомедов, Р.Н. Никеров. Ульяновск: УлГТУ, 2010.

² Игорь Иванов. Россия как новая иммиграционная страна: вызовы и возможности// http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6611#top-content (электронный ресурс) (дата обращения: 07.08.2016).

тельное федеральное ведомство подтвердило приоритет миграционной тематики для российской власти. За годы своего существования ФМС накопила огромный опыт в отличие от европейской практики в управлении миграционными процессами, в предотвращении и решении проблем, связанных с миграционными и этнополитическими конфликтами. Это наглядно подтвердил председатель Комиссии по миграционным вопросам Совета при Президенте РФ по миграционным отношениям, директор Института миграции и межнациональных отношений А.Б. Паскачев на недавнем заседании Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. в Астрахани. Но это не означает, что все перечисленные проблемы успешно решаются всегда во всех регионах РФ. Сегодня существенно усложняет этнополитический и геополитический фон и накладывает свой негатив тот миграционный процесс, который происходит в Черноморско-Прикаспийском регионе, накапливая соответственно конфликтогенный потенциал, который в значительной степени может изменить геополитическую ситуацию в пользу некоторых не вполне дружественных, заинтересованных государств¹. До недавнего времени, что касается России, на начало 2013 г. по разным оценкам специалистов здесь находилось до 10 млн незаконных мигрантов в основном из республик Средней Азии и Закавказья (и только около 2 млн законных). За последние годы до начала общего кризиса и санкционной политики, рост числа мигрантов составлял 64% в год. «Положительно то, что труд низкооплачиваемых мигрантов удешевляет производство (особенно, в сфере строительства, сфере услуг) и является привлекательным. Но, вместе с тем — межнациональный климат в России ухудшается и очевидным образом ухудшает инвестиционную привлекательность страны»². В настоящее время, несмотря на социально-экономический кризис, как в мире, так и в России миграционный поток в нашу страну продолжается. По данным Федеральной службы государственной статистики общее число официально прибывших в

¹ Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х. Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России). Астрахань: Астраханский государственный университет: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. 317 с.

² Доклад: К 2020 году Россия потеряет 5,5 млн рабочих рук. 29 ноября 2012 — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/economics/11124728/?frommail=1>

Россию в 2015 году составляет 4,7 млн человек¹. По данным секретаря Совета безопасности Николая Патрушева, в течение года в России в среднем находится 16–18 млн иностранных граждан. С одной стороны, по словам ведущего экономиста Всемирного банка С. Канагараджа, «в целом вклад трудовых мигрантов в российскую экономику оценивается в 5–10% ВВП России» распределение мигрантов по секторам российской экономики отражает потребность страны в рабочей силе. По официальным данным, 40% рабочих-мигрантов заняты в строительстве, 30% — в торговле, 10% — в промышленности, 7% — в сельском хозяйстве, 5% — в сфере транспорта, 8% — в других секторах². С другой, фиксируется рост правонарушений в иммигрантской среде на 5–6% в год, в прошлом году таких нарушений было почти 60 тыс. 2 млн иностранных граждан находятся в России сверх установленного срока³. На долю самого привлекательного в этом плане ЮФО цифра прибывших мигрантов составляет почти 430 тыс. человек с приростом по сравнению с 2014 годом около 50 тыс. человек. Соотношение прибывших и выбывших мигрантов в ЮФО составляет соответственно 30,6:27,2; в Крымском ФО 29,3:14,5; (эти процессы схожи с Центральным и Северо-Западным ФО) в Северо-Кавказском ФО по вполне понятным причинам идет, как и прежде идет отток населения 20,5:23,0. Значительный приток из стран ближнего и дальнего зарубежья в ЮФО в прошлом году был в таких его субъектах как Краснодарский край, Ростовская и Астраханская область⁴.

¹ Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2015 году // Социально-экономическое положение федеральных округов. Раздел IV. Москва 2016. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641 (электронный ресурс) (дата обращения: 07.03.2016).

² Патрик Таран. Миграция, глобализация и экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6665#top-content (электронный ресурс) (дата обращения: 07.08.2016).

³ Путин потребовал не допустить миграционного кризиса. Известия. 31 марта 2016 г. // <http://izvestia.ru/news/608306#ixzz44UzXfgg1> (электронный ресурс) (дата обращения: 07.03.2016).

⁴ Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2015 году // Социально-экономическое положение федеральных округов. Раздел IV. Москва 2016. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641 (электронный ресурс) (дата обращения: 07.03.2016).

В настоящее время масштабы нынешнего миграционного вызова беспрецедентны в мире, и успешно решать эту проблему возможно только коллективными усилиями, что требует разработки и совместной реализации глобальной стратегии управления этнополитическими и миграционными процессами. Вполне понятно значимость и острота проблем миграции для разных стран различна, что все же затрудняет поиск единых подходов. В данном случае ярким и показательным примером такого подхода является периодически проводимые саммиты Прикаспийских государств, как модель международного сотрудничества и разрешения глобализационных вызовов. Однако, к большому сожалению политика, проводимая рядом европейских государств, включая и США, существенно снижает эффективность международного сотрудничества в этой области и может привести к необратимым последствиям.

Но, тем не менее, все же, несмотря на это РФ продолжает постоянно уделять значительное внимание этнополитическим процессам на своей территории. Свидетельством этому является, как отмечалось, недавнее проведенное заседание Совета по межнациональным отношениям в Астрахани под председательством Президента Путина В.В., на котором присутствовали ведущие ученые, специалисты, практики (Тишков В.А., Дробижева Л.М., В.Ю. Зорин, В.В. Михайлов, И. Баринов, М. Шевченко и др.). Надо отметить, что весьма актуальным вопросом была затронута академиком Руководителем Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН Л.М. Дробижевой проблема российской идентичности, гражданского сознания и культуры и именно соединение науки и образования в плане межнационального сотрудничества и патриотического воспитания могут дать положительные результаты в повышении уровня толерантности населения. В своем выступлении А.Б. Паскачев отметил, что «сейчас в России, по оценкам миграционных органов, находятся 2,5–3,0 млн нелегальных мигрантов, а некоторые эксперты называют число до 5 млн¹. Более того, эксперты прогнозируют увеличение миграционного потока в Россию и в следующем году. Только Украина за последние годы нам значительно увеличила приток

¹ Меры против нелегальной миграции <http://www.migimo.ru/news/2001/> (электронный ресурс) (дата обращения: 07.11.2016).

мигрантов. (В страну пришло порядка 3,8 млн человек, из них более миллиона – с юго-востока. И тем не менее при этом принято и размещено более 1 млн 100 тысяч лиц, вынужденно покинувших юго-восток Украины.) И как отметил докладчик устройство беженцев не только с Украины, но и с других государств, включая и внутреннюю миграцию признано успешным мировым сообществом. Понятно, что далеко не все, кто к нам едет, будут законопослушными, а пример Европы показывает, что в числе мигрантов могут оказаться и экстремисты. Поэтому, прежде всего, необходимо строгое государственное регулирование миграции и принятие соответствующих государственных программ. Разумеется, помимо ограничительных мер для нарушителей миграционного законодательства предлагается применить к более лояльным беженцам послабления и даже амнистию. Но столь важным как нам кажется необходимо, как сказал заведующий кафедрой национальных, федеративных и международных отношений РАГС. профессор В.В. Михайлов разработать общую координированную стратегическую линию и принять закон о российской нации – «О российской нации и управлении межэтническими отношениями». Следует отметить, что данная проблема уже достаточно назрела, так как еще ранее такое предложение выдвигал В.Ю. Зорин. Он писал, что «Федеральный закон можно было бы назвать как Закон об основах государственной политики РФ в сфере национальных отношений. При таком подходе нет противоречий между российской нацией как гражданской политической нацией и русской нацией как нацией в этническом смысле слова». Востребованность и значимость выдвинутых предложений подтверждает тот факт, что уже буквально на днях председатель комитета Госдумы по делам национальностей Ильдар Гильмутдинов сообщил, что комитет приступил к разработке концепции законопроекта о российской нации¹. Таким образом этот федеральный закон должен вобрать в себя все появившиеся современные проблемы и новации, что существенным образом внесет значительный вклад в существующую российскую практику миграционной политики, в том числе и в этнополитические процессы геополитики Каспийского региона.

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям <http://www.gumilev-center.ru/zasedanie-soveta-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam-2/> (электронный ресурс) (дата обращения: 07.11.2016).

Библиография

1. *Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х.* Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России). Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2004. 317 с.
 2. Доклад: К 2020 году Россия потеряет 5,5 млн рабочих рук. 29 ноября 2012. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: <http://news.mail.ru/economics/11124728/?frommail=1>
 3. Игорь Иванов. Россия как новая иммиграционная страна: вызовы и возможности// http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6611#top-content (электронный ресурс) (дата обращения: 07.08.2016).
 4. *Магомедов А.К., Никеров Р.Н.* Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма / А.К. Магомедов, Р.Н. Никеров. Ульяновск: УлГТУ, 2010.
 5. *Патрик Таран.* Миграция, глобализация и экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6665#top-content (электронный ресурс) (дата обращения: 07.08.2016).
 6. Путин потребовал не допустить миграционного кризиса. Известия.31 марта 2016 г.// <http://izvestia.ru/news/608306#ixzz44UzXfgg1> (электронный ресурс) (дата обращения: 07.03.2016).
 7. Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2015 году // Социально-экономическое положение федеральных округов. Раздел IV. Москва 2016. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641 (электронный ресурс) (дата обращения: 07.11.2016).
 8. Меры против нелегальной миграции <http://www.migimo.ru/news/2001/>. (электронный ресурс) (дата обращения: 07.11.2016).
 9. Заседание Совета по межнациональным отношениям <http://www.gumilev-center.ru/zasedanie-soveta-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam-2/>. (электронный ресурс) (дата обращения: 07.11.2016).
-

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

БОБЫЛЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНАЛИСТИКА: К ВОПРОСУ О МОЛОДЕЖНЫХ ЛИДЕРАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблематика формирования нового поколения молодежных лидеров в Российской Федерации в контексте политической персоналистики. Предложен авторский взгляд на возможные пути реализации молодежной политики в РФ, формирования патриотического мировоззрения, в т.ч. акцентуацией исторического образования.

Ключевые слова: политическая персоналистика, молодежный лидер, молодежная политика, патриотическое воспитание, историческое образование.

Обращение к политической персоналистике обосновано интегративностью данного научного направления, объединяющего политическую науку и историю, что в свою очередь, обусловлено общим информационным полем персонологических исследований. В данном случае связь истории и политологии подчеркнута особо потому, что в историческом опыте прошлого черпают знания как современные действующие политики, так и спешащее им на смену новая генерация современной политической персониферы. Именно им предстоит «творить» политику завтрашнего дня, а наследие их политической деятельности станет предметом изучения для последующих поколений.

Говоря о сегодняшнем моменте, необходимо отметить явно «помолодевшую» российскую политику. Стало привычным наличие 25–30-летних представителей в органах исполнительной и законодательной власти в Российской Федерации, многие из которых выросли до «большой политики», приобретя первоначальный опыт в политике «молодежной». В этой связи особый интерес к молодежной политике, молодежным лидерам и имеющимся в данной области пробле-

мам представляется вполне обоснованным. Наиболее актуальными проблемами молодежного лидерства и реализации молодежной политики в Российской Федерации в настоящее время являются:

- становление лидеров современной российской молодежи, что можно образно обозначить как отсутствие так называемого «героя нашего времени». Говоря о патриотическом воспитании посредством примеров достойного и героического поведения, обратимся к выступлению министра образования РФ О.Ю. Васильевой на молодежном образовательном форуме «Территория смыслов» в котором она сказала: «... герои есть среди наших современников — Сергей Солнечников, Александр Прохоренко»¹.
- изменения и деформации ценностно-смысловой сферы молодежи и студенчества, когда основой и мерилom всего жизненного пути становится лишь финансовое благополучие². Зачастую социальный «олимп» представлен удачливым коммерсантом, изворотливым юристом-адвокатом, влиятельным чиновником. Насколько привлекательны подобные образы для современной молодежи и могут ли они соответствовать портрету современного российского патриота — большой вопрос? (в качестве иллюстрации данного тезиса — при всем уважении к научной теории экономического либерализма с точки зрения гражданина и патриота она заслуживает беспощадной критики, как ставящая интересы индивидуума выше интересов государства).
- несбалансированность образовательной политики, «экономический и юридический уклон» рынка образовательных услуг, несмотря на явное «перепроизводство» специалистов вышеназванных образовательных направлений, в т.ч. ведущее к проблеме дальнейшего трудоустройства и самореализации выпускников. Что послужило причиной упадка некоторых сфер образования, которые связаны с потерей престижа, в частности, исторического образования, и, как следствие, снижением исторической, культурной и политической грамотности молодежи.

¹ <http://www.ug.ru/news/19304> (2016)

² *Невмержицкая Ю.П.* К вопросу о ценностно-смысловом развитии личности // Психологические проблемы педагогической деятельности: труды межд. науч.- практ. Интернет-конф. Ростов-на-Дону, 2010. С. 126–129.

- проблема патриотического воспитания и формирования патриотических мировоззренческих установок молодого поколения россиян. Трудно не согласиться с новым министром образования, профессором, доктором исторических наук Ольгой Юрьевной Васильевой (2016), которая прямо говорит о необходимости патриотического воспитания молодежи (за что либеральная общественность ее всячески осуждает).¹

Реализацию молодежной политики в контексте патриотического воспитания необходимо начать с формирования благоприятной информационной среды, исключая пропаганду чуждых нашей цивилизационной общности идей и ценностей. Без осознания своей принадлежности к стране, к ее многовековой истории, невозможно проникнуться патриотизмом. И базовое знание на этом пути — историческое. Особая миссия исторического образования становится архиважной на Юге России — формирование положительных парадигм исторической памяти народа, преодоление посредством рефлексии негативных моментов в общей истории (н-р, кавказские войны и др.) Как справедливо отмечает профессор В. Дегоев: «Историческое образование на Северном Кавказе должно стать монополией государства. Речь идет о воспитании высокой профессиональной и гражданской, нравственной ответственности исследователя за методы и результаты его работы с деликатными историческими материями и глубоко неоднозначной исторической реальностью».²

Проблема получения исторического образования связана не только с потерей его престижности, о чем было сказано выше, но и в связи со снижением количества вузов, ведущих подготовку по историческим специальностям. Например, по данным Федерального портала «Российское образование», в Краснодарском крае с численностью населения более 5,5 млн человек, набор абитуриентов 2016 года осуществляли только три исторических факультета: Кубанского Государственного университета, Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского в Краснодаре и Сочинского института (филиала) Российского уни-

¹ <http://www.ug.ru/news/19304> (2016)

² Дегоев В.В. (2010) Историческое образование на Северном Кавказе должно стать монополией государства. <http://old.mgimo.ru/news/experts/document142081.phtml>

верситета Дружбы Народов в Сочи¹. (Российское образование. Федеральный портал, 2016) При этом, государственных вузов всего два: КубГУ и Сочинский институт РУДН.

С целью наиболее полной реализации молодежной политики в РФ, необходимо выявление наиболее перспективных молодежных лидеров и их вовлечение в дальнейшую социально-политическую деятельность, для чего необходимо дополнительное образовательное и информационное обеспечение общественно-политической жизни и проведения специальных мероприятий, этому способствующих. Кроме того, немаловажным является воспитание гордости за свою страну путем личного участия в подготовке и проведению мероприятий, возвышающих престиж Родины. В качестве примера можно привести активное вовлечение молодежи и студентов в волонтерское движение в период проведения Зимних Олимпийских и Паралимпийских Игр в Сочи 2014 года и многочисленных международных мероприятий различного характера, таких как Компьютерная Олимпиада 2015 года, Всемирный фестиваль по робототехнике, Всемирные Хоровые Игры 2016 года и т.д.

Подобная вовлеченность важна и для профилактики экстремистского поведения молодежи, в том числе для «позитивного выхода пассионарной энергии»². Тяга определенной группы молодежи к экстремальному может реализоваться через экстремальные виды спорта, различные виды боевых искусств, исторические реконструкции и т.д., что направляет энергию в «мирное русло».

Крайне важно организовать работу по восстановлению системы идеологического просвещения, формированию гражданской идентичности, вести борьбу за умы и сердца будущего поколения. Регулярно проводить просветительные мероприятия, направленные на разъяснение молодежи и студентам основ геополитики и складывающейся геополитической ситуации. Применительно к настоящему моменту — разъяснять причины внешнеполитических действий Российской Федерации, возродить систему политинформаций. В противовес сепаратистским и экстремистским идеологиям необходимо

¹ <http://www.edu.ru/vuz/search?count=&vuzName=&vuzCity=&vuzCitySelect=&vuzRegion=krasnodarskiy&vuzSpeciality=030400&vuzSpecialitySelect=030400&vuzEducationForm=&vuzGos=&vuzMain=> (2016)

² *Иванов В.Н.* Феномен терроризма // Социс. 2005. №7.

формировать сознание целостности страны, единства нации-государства состоящего из множества уникальных этнических и культурных страт (политика, направленная на «национальное строительство»). Введение в Российской Федерации историко-культурного стандарта стало важным шагом в образовательной политике в этом направлении. В указанном случае кладывается парадоксальная ситуация: у иностранных граждан, прибывающих в РФ для проживания и трудовой деятельности, для получения разрешительных документов в обязательном порядке проверяется знание русского языка и истории России (в рамках комплексного экзамена), а у выпускников российских школ экзамен по истории не является обязательным. Именно поэтому в перечень обязательных дисциплин в рамках ЕГЭ необходимо введение экзаменационного испытания по истории России.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить следующее. В России накоплен уникальный положительный опыт многовекового толерантного сосуществования в полиэтничной и поликонфессиональной среде, трансляция которого для молодого поколения россиян несомненно является одной из основ формирования у них патриотического мировоззрения и воспитания политических лидеров будущего. Однако необходимо осознавать, что уровень успешности в реализации молодежной политики напрямую зависит от совокупных усилий общества и государства, системности и пролонгированности принимаемых мер.

Библиография

1. Дегоев В.В. Историческое образование на Северном Кавказе должно стать монополией государства. <http://old.mgimo.ru/news/experts/document142081.phtml> (2010)
2. Иванов В.Н. Феномен терроризма // Социс. 2005. № 7.
3. Невмержицкая Ю.П. К вопросу о ценностно-смысловом развитии личности // Психологические проблемы педагогической деятельности: Труды междунауч.-практ. Интернет-конф. Ростов-на-Дону, 2010. С. 126–129.
4. <http://www.edu.ru/vuz/search?count=&vuzName=&vuzCity=&vuzCitySelect=&vuzRegion=krasnodarskiy&vuzSpeciality=030400&vuzSpecialitySelect=030400&vuzEducationForm=&vuzGos=&vuzMain=> (2016)
5. <http://www.ug.ru/news/19304> (2016)

БОГДАНОВ АРТЁМ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Аннотация: в представленной статье рассмотрена проблема формирования политической идентичности современной российской молодежи. Автором проанализированы теоретические подходы к выявлению традиционалистских и модернистских ценностных политических ориентаций и практическая направленность политической культуры молодых людей. Выявлены факторы обусловившие рассогласованность научных позиций в вопросе особенностей политической культуры и политической идентичности подрастающего поколения. А также приведены результаты авторского социологического исследования на тему «Молодежь в современной России».

Ключевые слова: политическая идентичность, политическая культура, модернизация, традиция, современная российская молодежь.

В современных отечественных исследованиях обнаруживают себя проблемы теоретического и практического характера в осмыслении процесса политической социализации молодого поколения, формировании политической идентичности молодежи. В современных исследованиях отечественных авторов, посвященных молодежной проблематике, возникает парадокс в оценке состояния политической идентичности молодого поколения. Так, с одной стороны, ряд авторов считают, что подрастающему поколению уже полностью либерализировалась, то есть ее политическое сознание и направленность политической культуры носит модернизационный вектор развития¹. С другой стороны, ряд исследователей утверждают, что политическое поведение и политическое сознание молодых людей обременено традиционалистскими установками².

В результате такого противоречивого подхода к рассмотрению политической социализации молодежи в работах отечественных исследователей возникает следующий вопрос: является ли молодое поко-

¹ Зудин А.Ю. Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

² Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь в России / Приложение к журналу «Общая тетрадь», Левада-центр. М.: Московская школа политических исследований, 2011.

ление перспективным и самостоятельным субъектом модернизации или она может выступать только в качестве спутника процесса преобразований политической системы.

Сложившаяся ситуация рассогласованности между теоретическими подходами к выявлению традиционалистских и модернистских ценностных политических ориентаций и практической направленностью политической культуры обусловлена рядом факторов.

Во-первых, анализ исследований теории и практики традиционализма и модернизма позволяет констатировать, что существуют либо работы, в которых традиция выступает фактором тормозящим, препятствующим развитию социально-политической системы в России¹, либо — рассматривается только инновация, без анализа ее взаимодействия с традицией². В третьих исследованиях анализируются обе категории, но при анализе политического процесса происходит смещение акцента в ту или иную сторону, в зависимости от того какая компонента традиционная или модернизационная выделяется в качестве основополагающей³. В результате, возникает ситуация, когда фактически отсутствует целостная согласованная между исследователями, внутри самого политологического научного сообщества позиция относительно методологии исследования процесса политической социализации молодого поколения.

Во-вторых, в политологии, как науке сформировалась ситуация, когда реальная практика политического процесса развивается быстрее, чем теоретические методики осмысления этой практики. Это происходит, на наш взгляд, не в силу того что гуманитарное сообщество настроено консервативно, а в силу того что фундаментальные гуманитарные теории требуют определенного ресурса времени, определенных процедур верификации. Это, в частности, необходимо для

¹ Грязнова О.С. Оценки прошлого, политическая символика и российская политическая культура / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

² Федоров В.В., Дискин И.Е. Социальный потенциал российской модернизации (на материале Южного федерального округа) [Электронный ресурс] // Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения [сайт]. URL: www.wciom.ru (дата обращения: 02.02.2013).

³ Межуев В.М. Главный недостаток традиционализма — отказ от собственного разума // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт. 2008. Вып. № 5 (14).

того, чтобы эти теории были признаны научным сообществом в качестве фундаментальных. И в результате, пока идет процесс выработки и верификации основополагающих теоретических методик исследования, политическая практика заметно меняется и увеличивается несоответствие теории практике.

В-третьих, анализ эволюции концептуальных трактовок традиционализма и модернизма позволил проследить их историческое диалектическое развитие, а также выявить их социально-политическую и культурную обусловленность. Так идея, что существует модернизация и традиционализация, появилась в XIX веке, и она отражала общую стилистику мировосприятия людей данной эпохи, когда традиционализация ассоциировалась с Востоком, а модернизация с Западом. Уже в середине XX века, когда началось антиколониальное движение в странах третьего мира, стало очевидным, что такого жесткого деления не существует. При этом, исследователи, обращаясь к классическим теориям XIX века, воспроизводят теоретические наработки, которые были актуальны в условиях конкретной исторической эпохи.

Таким образом, изучение эволюции концептуальных трактовок традиционализма и модернизма позволяет утверждать, что единой концепции в рамках социально-гуманитарного знания не существует, но накоплены предпосылки к выработке базовой, основополагающей доктрины, совмещающей в себе, как сущностные характеристики и принципы традиционализма, так и модернизма.

Вместе с тем возникает ситуация, когда отсутствует целостная, согласованная позиция относительно методологии исследования процесса политической социализации молодого поколения. Она препятствует выработке синтетической модели анализа взаимодействия двух тенденций в развитии политической культуры российской молодежи — модернизационной и традиционной. Такая синтетическая модель могла бы стать основой практических рекомендаций по совершенствованию государственной молодежной политики в сфере социализации молодого поколения и формированию его политической идентичности. Существующая рассогласованность в методологии исследования процесса политической социализации и формирования политической идентичности подрастающего поколения препятствует выработке практических рекомендаций, адресованных

непосредственно акторам политического процесса, с целью принятия наиболее эффективных политических решений.

Решение сложившейся проблемной ситуации видится в выработке синтетической обобщающей модели взаимодействия двух тенденций развития политической системы — модернизационной и традиционной. В рамках такого подхода традиция и инновация выступают равноправными элементами развития политического процесса. При этом, ценности традиционализма и модернизма, конфликтно взаимодействуя друг с другом, в результате, являются объединяющим основанием, синтезирующим фундаментом для изменения политических установок и устремлений. Причем, с одной стороны, в результате такого взаимодействия, традиция выступает в качестве фундамента, выполняя селективную роль по отношению к инновациям. С другой стороны, — инновация служит неким ситом для отсеивания устаревших ценностных установок.

Также, существует потребность в выработке нового синтетического понятия, которое составило бы основу единой методологии в изучении процесса политической социализации общества в целом, и молодежного социума в частности.

Так, в качестве такой новой категории, может стать понятие «прогрессивный традиционализм» — это система социокультурных характеристик политической культуры, в рамках которой традиция и инновация выступают равноправными элементами политического процесса. А их диалектическое взаимодействие выступает фактором, способствующим развитию общества.

Однако следует отметить, что это отдельная проблема для самостоятельного исследования и что еще не полностью исчерпан ресурс понятий «традиционализм» и «модернизация».

С целью анализа взаимодействия традиционной и модернизационной компонент политической культуры, а также с целью выработки практических рекомендаций по совершенствованию методологии исследований политической идентичности и политической социализации в 2012–2014 гг. лабораторией кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского было проведено исследование на тему «Молодежь в современной России». Результаты проведенного исследования, в том числе подтверждают тезис о бесконфликтном взаимодействии двух полярных категорий «тради-

ция» — «инновация» в политическом сознании и политической культуре молодого поколения.

Анализ результатов, проведенного исследования показал, что противоречивость политической культуры современной молодежи носит сложный, дифференцированный и неоднозначный характер. С одной стороны, уровень политической активности молодежи является невысоким. При этом активность проявляет себя только в интересе к сфере политики и непосредственной вовлеченности в нее лишь в качестве участия в выборах. С другой стороны, существующая политическая активность молодежи по сравнению с предыдущими годами растет, и оказывает, в свою очередь, влияние на институты политической социализации, на всю политическую систему. Если говорить о возрасте, то пик активного включения в политический процесс приходится на период 20–25 лет. С одной стороны, значительная часть молодежи разделяет либерально-демократические ценности, представляет будущее своей страны как независимой державы, использующей в своем политическом развитии систему общечеловеческих ценностей, таких как свобода и права отдельной личности и их защита со стороны государства. Обнаруживает себя тенденция к увеличению политических установок молодежи, ориентированных на либерально-демократические ценности. С другой стороны, с возрастом, тем не менее, происходит смещение в ценностных установках респондентов в сторону традиционных элементов политической культуры. Материалы исследования ценностных суждений молодого поколения позволяют утверждать, что в политическом сознании и культуре респондентов происходит постепенное осознание значимости либерально-демократических ценностей. Подтверждением тому является противоречивое отношение респондентов к традиционным ценностям, при довольно четкой и ясной позиции относительно ценностных суждений либерально-демократического характера. При этом, в политическом сознании и политической культуре молодежи востребованы как традиционные, так и модернизационные (либерально-демократические) ценности. Они, в свою очередь, взаимодействуя друг с другом, вступая в противоречие, конфликт, в результате, являются объединяющим основанием, синтезирующим фундаментом для изменения политических установок и устремлений молодежи.

В качестве одного из примеров анализа взаимодействия традиционной и модернизационной компонент политического сознания молодежи можно привести следующий: большая часть респондентов испытывает чувство гордости за период истории нашей страны, связанный с эпохой Петра I — 71% опрошенных. Примечательно, что за ним сразу следует, хоть и с отрывом в 23,5%, период Путина — 47,5%. Ему не значительно уступает эпоха Екатерины — 32,2%, затем следует период реформ Александра II — 30,7%, эпоха Сталина — 29,7% занимает пятое место. Современный период значительно отстает от предыдущих, всего 13,6% опрошенных отметили этот вариант, затем, еще с большим отставанием расположились период Хрущева — 7,2%, период Брежнева — 6,7%, период Ельцина — 6,2% и период Горбачева — 4%, соответственно.

На наш взгляд, наиболее высокий процент оценки эпохи Петра I объясняется не только высокой оценкой результатов его деятельности в учебниках истории, но и воздействием тех положительных стереотипов, которые формируются с помощью искусства, и прежде всего кинематографа. Второе место периода В. Путина в ответах респондентов вполне соотносится с его высоким рейтингом в российском обществе.

В целом, первая пятерка исторических периодов, которыми, по мнению опрошенных, можно гордиться, позволяет констатировать, что доминирующими критериями их высокой оценки в глазах студентов являются характеристика лидеров, как сильных личностей, и успешность преобразований. С одной стороны, это говорит о склонности молодых респондентов к трактовке российской государственной власти как авторитарной, на основе «сильной руки» и централизованной политики. С другой стороны, данные периоды традиционно и стереотипно воспринимаются как реформаторские (особенно показателен в этом смысле период Александра II, в историческом образе которого стереотип сильной личности фактически отсутствует).

В итоге, у современной молодежи одновременно с представлениями о сильной власти востребованы ценности реформаторства и модернизма. Традиции и инновации не воспринимаются молодыми людьми как несовместимые ценности и не вызывают в их сознании конфликта, а наоборот, объединяются и образуют синтез двух раз-

нотипных установок восприятия власти. Возможно, в этом и кроется ключ к формированию общенациональной идеологии.

Таким образом, при определенных социально-политических и экономических условиях, направленность политической культуры молодежи может смещаться как в сторону традиционного вектора развития, так и в сторону либерально-демократического, инновационного.

Вышеуказанные особенности политических установок, характеризующих политическое сознание, а значит и политическую культуру молодежи выступают в качестве предпосылки к становлению такого общества, где одной из движущих сил, способствующих формированию действительно массового гражданского социума, как раз и может стать молодежь. В таком случае молодое поколение вполне способно выступить в качестве авангарда и объединяющей силы в формировании такого общества.

Однако, учитывая противоречивый характер политического сознания и поведения молодежи, вряд ли молодое поколение может выступать единственным фундаментом процессов модернизации, являться стержнем социально-политических преобразований. Принимая во внимание характер молодежной политической культуры, ее роль в процессе модернизации представляется нам в виде социальной сети (на подобии социальных интернет сетей). С ее помощью может происходить: быстрое распространение политически значимой информации, получение реакции (отклика) на те, или иные социально-политические изменения, установление обратной связи с молодежной средой, корректировка способов, методов и содержания модернизации социально-политической структуры. Учет особенностей политической культуры молодежи способствует созданию предпосылок по осуществлению преобразований, где движущей силой процесса модернизации может выступить молодежь.

При этом если не будет выработана соответствующая единая концепция формирования политической идентичности молодежи в современной России, подкрепленная апробированными механизмами политической социализации молодых людей, то вызов, брошенный нам самим процессом социально-политического развития может перейти в стадию угрозы национальной и территориальной идентичности.

Выход видится, в том числе в использовании площадок региональных отделений политических партий, общественных политических

движений и организаций (молодежных правительств и ассамблей, молодежных отделений российского общества политологов) с целью артикулирования и агрегирования существующих политических интересов молодых людей, а также в осуществлении гражданского и патриотического воспитания молодежи, привитии национально-культурных маркеров подрастающему поколению посредством обсуждения наиболее актуальных проблем социально-политического развития региона и страны в целом.

Библиография

1. *Грязнова О.С.* Оценки прошлого, политическая символика и российская политическая культура / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
2. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Молодежь в России / Приложение к журналу «Общая тетрадь», Левада-центр. М.: Московская школа политических исследований, 2011.
3. *Зудин А.Ю.* Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
4. *Межуев В.М.* Главный недостаток традиционализма — отказ от собственного разума // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт. 2008. Вып. № 5 (14).
4. *Федоров В.В., Дискин И.Е.* Социальный потенциал российской модернизации (на материале Южного федерального округа) [Электронный ресурс] // Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения [сайт]. URL: www.wciom.ru (дата обращения: 02.02.2013).

БУЗАНОВ НИКИТА АНДРЕЕВИЧ

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: данная статья повествует о роли исторической памяти в контексте реализации государственной молодежной политики. Рассматривается понятие исторической памяти, государственной молодежной политики и современный смысл данных понятий, а также их взаимосвязь и комплексное взаимодействие. Анализ исторической памяти в контексте понятия культурная память.

Ключевые слова: историческая память, государственная молодежная политика, культурная память.

Говоря о таких понятиях как историческая память хотелось бы обратить внимание, что же это такое? Историческая память — это набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Иногда рассматривается как измерение коллективной (или социальной) памяти¹. Близкое, но не совпадающее по смыслу понятие — культурная память, под которой понимается система базовых представлений общества о прошлом, закрепленное в памятниках культуры и социальной традиции².

Теперь выясним, что сегодня подразумевается под государственной молодежной политикой. Это комплекс мер, направленный систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене³. Таким образом, без политической социализации молодежи не получится успешно реализовать программу государственной молодежной политики. В ходе моего рассуждения мы попытаемся максимально четко раскрыть суть данного выражения.

При реализации любой стратегии государственной политики необходимо учитывать, как современное состояние социума, так и аспекты исторической памяти, которые влияют на его текущее состояние. С этой задачей в молодежной среде способно справиться

¹ Ср.: Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 10.

² Ср.: Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 11.

³ Распоряжение правительства Российской Федерации об основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 29 ноября 2014 г. № 2403-р МОСКВА [электронный ресурс] (дата обращения: 01.10.16).

школьное историческое образование, которое должно способствовать гражданской консолидации общества, становлению единой национальной идентичности. Например, в одной из работ справедливо отмечается, что для такого «подхода характерно фокусировать внимание на событиях, значимых с точки зрения построения национально-патриотической версии истории России, формирования коллективной исторической памяти, которая является основой самоидентификации человека, социальной группы»¹. Другие авторы считают, что с этой задачей способны справиться музеи формируя «музейную культуру». Вместе с тем приходится констатировать, что в современной литературе ставятся общие задачи выработки политики памяти, даже предлагаются многочисленные рецепты без всякого учета научных данных. Например, авторы одного из подобных текстов (Г.А. Быковская, А.Н. Злобин, И.В. Иноземцев) заявляют о необходимости «разработать детальную программу патриотического воспитания»: «С самого раннего детства семья, дошкольные учреждения, СМИ, школа, другие учреждения должны формировать положительное восприятие России, ее истории и культуры»². Далее авторы предлагают набор объектов исторической памяти, вокруг которых должна строиться новая система государственной пропаганды и которая разделена на «девять условных групп: основатели государства (правители, внесшие выдающийся вклад в развитие России), великие исторические события, герои, наука, литература, музыка, живопись, памятные места, памятники природы»³.

Теперь обратимся к главному вопросу: какое влияние имеет историческая память на реализацию государственной молодежной политики? Рассмотрим три основных аспекта:

- высокий уровень исторической памяти влияет на успех реализации данной политики, так как в среде «помнящих» уже имеются или зарождаются соответствующие общественные институты;

¹ Anderson M., Reeves A. Contested identities: museums and the nation in Australia // Museums and the making of «ourselves». The role of objects in national identity / Ed. F.E.S. Kaplan. London: Leicester University Press, 1996. P. 79–124.

² Быковская Г.А., Злобин А.Н., Иноземцев И.В. Концепция «мест памяти»: к вопросу о русском историческом сознании // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. №1 (13). С. 154.

³ .Быковская Г.А., Злобин А.Н., Иноземцев И.В. Концепция «мест памяти»: к вопросу о русском историческом сознании // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 1 (13). С. 150–157.

- уровень исторической памяти и меры государственной политики по данному вопросу влияют на развитие исторической памяти, то есть имеется, как прямая, так и обратная связь;
- пробуждение исторической памяти позволяет активизировать молодежные силы для помощи в реализации данной политики.

В заключение хотелось бы сказать, что органы государственной власти формулируют целостные программы политики памяти. Так, 15 мая 2009 г. была создана «Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», задачами которой были «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России»¹.

Это говорит о комплексном походе правительства РФ по проведению государственной молодежной политики, так как взаимосвязь между исторической памятью и формированием сообщества активных молодых граждан является одной из ключевых.

Библиография

1. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.
2. Ср.: *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.
3. Распоряжение правительства Российской Федерации об основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 29 ноября 2014 г. № 2403-р МОСКВА [электронный ресурс] (дата обращения: 01.10.16).
4. *Anderson M., Reeves A.* Contested identities: museums and the nation in Australia // *Museums and the making of «ourselves»*. The role of objects in national identity / Ed. F.E.S. Kaplan. London: Leicester University Press, 1996. P. 79–124.
5. *Быковская Г.А., Злобин А.Н., Иноземцев И.В.* Концепция «мест памяти»: к вопросу о русском историческом сознании // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 1 (13). С. 150–157.

¹ *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.

**ВНУКОВА ЛЮБОВЬ БОРИСОВНА
ЧЕЛПАНОВА ДИАНА ДМИТРИЕВНА**

**ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕГО УГРОЖАЕТ РОССИИ?
(МНЕНИЯ СТУДЕНТОВ-РАДИКАЛОВ ПО ДАННЫМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹**

Аннотация: статья продолжает цикл публикаций, основанный на результатах социологического исследования студентов вузов Ростова-на-Дону и Ростовской области, и отражает мнения групп студентов об актуальных угрозах России. Группы выявлялись в зависимости от отношения к радикальным лозунгам, и далее ответы на вопросы анализировались с помощью z-стандартизации для выявления характерных мнений.

Ключевые слова: радикальные убеждения, праворадикальные идеологемы, студенчество, угрозы России, социологический опрос, методика z-стандартизации.

Статья является продолжением исследований в рамках гранта РГНФ, методология подробно раскрыта в статьях: Поцелуев С.П., Константинов М.С., Макарова Е.К.²; Константинов М.С.³ и др. Социологический опрос на тему «Украинский кризис глазами студенческой молодежи» проводился в апреле–июне 2015 года в вузах Ростова-на-Дону: Южном федеральном университете, Ростовском государственном университете путей сообщения, Южно-Российском институте-филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Донском государственном аграрном университете, Донском государственном техническом университете. Всего было опрошено 718 человек (350 юношей, 368 девушек).

В статье мы проанализируем с помощью методики z-стандартизации пересечения двух вопросов: что в настоящее время больше всего угрожает России и отношение к «провокационным» ради-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00302а «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодежи Ростовской области».

² Поцелуев С.П., Константинов М.С., Макарова Е.К. По ту сторону «спирали молчания»: инструменты исследования праворадикальных идеологем // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2015. № 4. С.221–246.

³ Константинов М.С. Имперский палингенез: праворадикальные идеологемы в студенческой среде (статья первая) // Политика и общество. Москва. 2015. №12 (132). С. 1670–1681.

кальным лозунгам-призывам. Таким образом попытаемся выявить связь праворадикальных убеждений и выбираемых угроз, т.е. идентифицировать праворадикальные идеологемы.

В первую очередь посмотрим распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, в настоящее время больше всего угрожает России?» (табл. 1.) Респонденты могли выбрать два варианта, поэтому общая сумма процентов не равна 100. Лидирующая позиция принадлежит «коррупции и криминалу...», на втором месте с небольшим отрывом расположились позиции: «Исламские радикалы...» и «украинские фашисты-бандеровцы». Третье место поделили: «прозападные либералы как «пятая колонна»...», «русские националисты...» и «отсутствие в России национальной идеи». Второй вопрос анкеты, интересующий нас в данной статье, это отношение к 14 провокационным лозунгам. Распределение ответов представлено в табл. 2. Более половины студентов затруднились определить отношение к лозунгам «Долой пятую колонну!» и «Даёшь «русскую весну» в РФ!», т.е. большинству не знакомы эти понятия. Благодаря представленным частотам виден общий срез, однако интересно было бы понять: есть ли «группы» идей, которые образуют идеологему?

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, в настоящее время больше всего угрожает России?»

Ответные позиции	Частота	Процент
Исламские радикалы внутри России и за ее пределами	157	21,9
Украинские фашисты-бандеровцы	149	20,8
Отсутствие в России национальной идеи	84	11,7
Гражданская война между бедными и богатыми в России	50	7,0
Русские националисты и фашисты	86	12,0
Жидомасонский заговор против России	45	6,3
Чеченские террористы	70	9,7
Прозападные либералы как «пятая колонна» в России	89	12,4
Коррупция и криминал в современной России	301	41,9
Другое (свой вариант)	44	6,1
Затрудняюсь ответить	77	10,7

Распределение (в процентах) ответов на вопрос «Определите свое отношение к следующим лозунгам»

	Лозунги	Полностью согласен	Что-то в этом есть	Совершенно не приемлю	Меня это не волнует	Затрудняюсь ответить
1	Россия только для русских!	8,2	25,6	45,1	10,2	10,9
2	Фашизм не пройдет!	67,5	12,8	6,4	4,5	8,8
3	Долой олигархов!	20,5	37,6	9,1	18	14,9
4	Личная свобода и права человека неприкосновенны!	74	15,5	1,5	1,9	7,1
5	Хватит кормить Кавказ!	10,9	23,3	30,2	15	20,6
6	Долой пятую колонну!	16,4	11,4	7,2	11,7	53,2
7	Нация — всё, индивид — ничто!	3,9	10,6	51,1	7,7	26,7
8	Русские своих не бросают!	61,8	19,5	2,8	5,2	10,7
9	Россия должна быть империей!	32,2	21,3	14,2	8,5	23,8
10	Бей жидов — спасай Россию!	8,1	10,6	40,9	9,9	30,5
11	Даёшь «русскую весну» в РФ!	9,9	7,4	18	11	53,8
12	Место женщины — на кухне, а не в политике!	15,2	19,6	44,4	7,1	13,6
13	За славянское братство!	35,4	24,2	6,7	12,1	21,6
14	Все расы равноценны!	58,9	21,4	4,5	2,9	12,3

Методика Z-стандартизации ($Z = (x_i - \bar{x}) / \sigma$) дает возможность сопоставить данные, полученные по ответным позициям разных вопросов, и наиболее весомые совпадения выделить и интерпретировать в качестве выражения идеологем. Если значение Z заключено между -1 и +1, то наблюдаемое значение x_i представляет собой случайное отклонение от средней величины \bar{x} . Если значение $Z > +1$ или $Z < -1$, то соответствующая наблюдаемая частота представляет интерес как не подчиняющаяся нормальному распределению или даже являющаяся выбросом за его значения (если больше +2 или меньше -2), т.е. данная наблюдаемая частота существенно отличается от среднего значения, которое по сути рассматривается как случайная величина.

Представить в статье все результаты z-стандартизации не представляется возможным, поэтому сконцентрируемся на наиболее информативных. Итак, для тех, кто полностью поддерживает лозунг «Россия только для русских!», характерно представление о таких угрозах для современной России как «отсутствие в России национальной идеи» ($z = 1,43$) и «исламские радикалы внутри России и за ее пределами» ($z = 1,35$), а также «чеченские террористы» ($z = 1,43$). В меньшей степени эту группу респондентов волнуют «коррупция и криминал в сегодняшней России» ($z = -1,34$). Те, кто совершенно не приемлют этот лозунг, считают, что главной угрозой являются «русские националисты и фашисты» ($z = 1,23$) и «прозападные либералы как «пятая колонна» в России» ($z = 1,0$).

Четко просматривается поляризация: разделяющие праворадикальный лозунг «Хватит кормить Кавказ!» видят угрозу в «исламских радикалах...» ($z = 1,52$), «отсутствии национальной идеи» ($z = 1,39$), «жидомасонском заговоре» ($z = 1,16$) и не считают угрозой «русских националистов...» ($z = -1,07$). Кто «совершенно не приемлет» этот лозунг рассматривают главной угрозой «русских националистов» ($z = 1,38$) и «пятую колонну» ($z = 1,78$), и не видят угрозу в «исламских радикалах...» ($z = -1,07$). Складывается интересная картина: те, кто не принимают русские националистические идеи, склонны точно также рассматривать как угрозу «пятую колонну и либералов». Это же подтверждается далее. Полностью согласные с лозунгом «Русские своих не бросают!» видят угрозы в «жидомасонском заговоре» ($z = 1,28$), «чеченских террористах» ($z = 1,13$) и «прозападных либералах...» ($z = 1,11$), но не в «коррупции и криминале» ($z = -1,29$). Те, кого не волнует этот лозунг, видят угрозу в «исламских радикалах» ($z = 1,19$) и «русских националистах» ($z = 1,88$) и не придают значения «гражданской войне...» ($z = -1,07$) и «прозападным либералам как пятой колонне...» ($z = -1,44$). Схожим образом распределились ответы группы «совершенно не приемлю»: они предпочитают «русских националистов» ($z = 1,94$) и «жидомасонский заговор» ($z = 1,06$) и не видят угрозу в «пятой колонне» ($z = -1,03$). Те, кого не волнует этот лозунг, видят угрозу в «исламских радикалах» ($z = 1,19$) и «русских националистах» ($z = 1,88$) и не придают значения «гражданской войне...» ($z = -1,07$) и «прозападным либералам как пятой колонне...» ($z = -1,44$). Аморфность суждений респондентов проявила себя на

примере этого вопроса, так как наиболее малорефлексивная группа, указывающая ответ «что-то в этом есть», показала результаты, противоположные «полностью согласным». Эта группа не видит угроз со стороны «жидомасонов» ($z = -1,66$) и «чеченских террористов» ($z = -1,24$), а видит в «коррупции и криминале» ($z = 1,51$). Неоднородность взглядов также хорошо просматривается в реакции на лозунг «Фашизм не пройдет!», полностью согласные с этим лозунгом видят угрозу в «украинских фашистах-бандеровцах» ($z = 1,19$), «прозападных либералах как «пятой колонне» в России» ($z = 1,87$) и не считают опасностью «гражданскую войну между бедными и богатыми» ($z = -1,25$). Те, кто в определенной степени разделяют это убеждение — «что-то в этом находят», наоборот, только в «гражданской войне...» ($z = 2,00$) видят наибольшую угрозу. Поддерживающие лозунг «За славянское братство!» не видят проблемы в «гражданской войне между бедными и богатыми» ($z = -1,55$), однако те, кто в той или иной степени разделяет этот лозунг, наоборот, указывают на эту проблему в России ($z = 2,15$). Сторонники лозунга «За славянское братство!» рассматривают как угрозу «чеченских террористов» ($z = 1,00$) и «прозападных либералов...» ($z = 1,43$). Логично, что те, кого не волнует, или те, кто не приемлет этот лозунг, видят угрозу в «русских националистах...» (соответственно $z = 1,05$ и $z = 2,06$). Те, «кого не волнует», также указывали на «коррупцию и криминал...» ($z = 1,03$), не придавая особого значения «жидомасонскому заговору» ($z = -2,15$) и «прозападным либералам...» ($z = -1,58$).

Проанализировав эти и другие позиции, мы видим, что при условии частотного распределения более 41%, респонденты, согласные с «русскими» лозунгами в меньшей степени склонны указывать ответ «коррупция и криминал в сегодняшней России». Лозунг «Дашь «русскую весну» в РФ!» также подтвердил эту тенденцию. «Полностью согласная» группа видит угрозы в «чеченских террористах» ($z = 1,73$) и «жидомасонском заговоре...» ($z = 1,86$).

Подводя итог, как одну из праворадикальных идеологием идентифицируем устойчивую связь между наличием «русских» убеждений и отсутствием видения угрозы в «коррупции и криминале...» и наоборот. Для правых радикалов характерно рассматривать как угрозы: «чеченских террористов», «исламских радикалов...», «жидомасонский заговор...» и «отсутствие в России национальной идеи», реже «проза-

падных либералов...». Они не всегда воспринимают как врагов «украинских фашистов-бандеровцев» и не видят угрозы в «гражданской войне между бедными и богатыми».

Также интересно, что «прозападные либералы как пятая колонна», как и «русские националисты и фашисты», представляются респондентам в качестве угрозы. Находясь на разных идеологических полюсах, предлагая противоположные рецепты социальной реорганизации, они воспринимаются одинаково как нечто чуждое большинством опрошенных студентов.

Библиография

1. *Константинов М.С.* Имперский палингенез: праворадикальные идеологемы в студенческой среде (статья первая) // *Политика и общество*. М., 2015. № 12 (132). С. 1670–1681.
2. *Поцелуев С.П., Константинов М.С., Макарова Е.К.* По ту сторону «спирали молчания»: инструменты исследования праворадикальных идеологем // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2015. № 4. С. 221–246.

ГАЛИХУЗИНА РЕЗЕДА ГИЛЬМУТДИНОВНА

ПОТЕНЦИАЛ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Татарстан, являясь частью мусульманской цивилизации, исторически формировался как полиэтничный российский регион. Государственная политика в отношении различных конфессий в XX века привела к упрощению религиозных традиций и сохранению их на уровне обрядовости. На протяжении последних лет Духовное управление Республики Татарстан (далее ДУМ РТ) работает над смягчением последствий преобразований, ставшие результатом бурного роста религиозности, отмечавшийся в конце прошлого века. Продвижение традиционных исламских ценностей (ханафитский мазхаб) среди верующих татар происходит в условиях всемирной тенденции усиления исламизма и практического расширения влияния ислама на политику и общественные отношения.

Распространение идеологически мотивированного насилия, в основе которого лежат псевдоисламские ценности является дестабилизирующим фактором в развитие мусульманское сообщества республики. Совместная работа органов власти, научных кругов, гражданских структур позволяет локализовать данные явления.

Согласно данным экспертного опроса (представители органов государственного и муниципального управления, правоохранительных органов, представители СМИ, научных, общественных и религиозных организаций, молодежных объединений), проведенным Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН в июне 2012 г., в рамках проекта «Реакция российского общества на терроризм» в Республике Татарстан отмечается средний уровень (4,45 баллов) террористических угроз, где 0 означает отсутствие угрозы, 10 — максимальный уровень угрозы¹. Эффективность же идеологического противодействия экстремизму и терроризму (по 10-балльной шкале) в Республике Татарстан по оценкам экспертов составляет — 4,1².

В работе изучены формы работы ДУМ, нацеленные на обеспечение духовно-канонического единства среди молодых мусульман, позволяющие выявить возможности в профилактическом воздействии на различные категории мусульман.

В настоящее время при участии ДУМ РТ сформированы локальные документы³, где представлено общее видение основных направлений развития ислама в Татарстане, которые служат каналом донесения официальной позиции российских мусульман по различным актуальным вопросам современности до членов общины и светского общества.

Одним из важных направлений деятельности является выработка форм популяризации мазхаба Абу Ханифы применительно к разным группам мусульман. Исходя из этого формирование идеологических

¹ Маркин В.В., Роговая А.В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. 2011. № 11. С. 142.

² Там же. С. 145.

³ Концепция «Ислам и татарский мир». Принята на IV Всероссийском Форуме татарских религиозных деятелей. Казань, 2013. 38 с.; Социальная доктрина российских мусульман. <http://islam-today.ru/socialnaa-doktrina-rossijskih-musulman/> (дата обращения: 16.06.2016).

установок и позиции мусульманской молодежи, соответствующих традициям предков происходит как через ступени мусульманского образования (примечетьевских курсов, медресе, Российского исламского института) так и через мусульмански ориентированные СМИ (телевидение, радио и печать, Интернет).

Достижением в работе ДУМ являются использование дифференцированного подхода к различным группам мусульман (учащиеся медресе, мусульманская молодежь в приходах, мусульмане отбывающие сроки наказания).

Создается система идеологического противодействия идеологии экстремизма и терроризма, среди молодежи и других групп. Среди мер, предпринимаемые ДУМ по снижению риска увеличения количества мусульман с экстремистским сознанием, выделим организацию выпуск богословской и научной литературы с объяснением пагубности идей исламизма, развитие волонтерского движения, работа с заключенными мусульманами, дискредитация и осуждение экстремистских и террористических действий известными религиозными деятелями республики.

Разоблачение искаженных трактовок основных положений ислама выдвигаемых экстремистами происходит на страницах периодических изданий, выпускаемые ДУМ, официального сайта ДУМ, проповедей имамов. При этом формирование умений и навыков противостояния чуждым идеям, контраргументации, ведения спора у будущих имамов представляется важным направлением в работе ДУМ и его подведомственных организаций. Данные меры призваны предупредить возникновение различных радикальных группировок.

Концепция послевузовской подготовки специалистов в области ислама находит реализацию в строительстве Булгарской исламской академии, которая создается при участии ДУМ РТ. Ее основной целью является поднятие авторитета отечественного мусульманского образования и дальнейшее укрепление зарождающейся прослойки российских богослов. В академию будут привлекаться лучшие отечественные и мировые знатоки исламской мысли, что позволит сохранить идеологический суверенитет и повысить конкурентоспособность религиозных служителей. Важным шагом в упорядочение системы получения знаний об истории и культуре ислама стала разработка и введение ДУМ РТ в 2014 года единых программ обучения

и образовательных стандартов в исламские учебные организации. Данные меры нацелены на создание собственных исламоведов и исламских теологов, так как «при отсутствии своих богословов сложно выработать теоретические основы деятельности»¹.

Необходимо выработать механизмы распределения выпускников мусульманских учебных заведений и их привлечение в приходы от чего во многом зависит реальная просветительская, учебно-воспитательная, социально-практическая; организационно-управленческая работа в мечетях. В этом направлении достигнуты определенные результаты — усилиям ДУМ осуществляется грантовая поддержка молодых священнослужителей, преподавательского состава мусульманских учебных заведений, что способствует возрождению богословско — правовых основ ислама, созданию механизмов и донесения истинных исламских ценностей среди мусульманской молодежи.

Позитивные практики по дерадикализации мусульман отмечают-ся при взаимодействии ДУМ РТ и системой исполнения наказания. В ходе общения с представителями ДУМ определяются особенности исламских воззрений, религиозных практик среди лиц, отбывающих наказание в исправительных заведениях республики, проводится коррекционная работа по отречению от идей насильственного джихада.

Таким образом, возникшая в 90-е годы XX века в Татарстане мусульманская инфраструктура создает условия для формирования слоя мусульманкой интеллигенции и квалифицированных имамов, способных выстаивать организационную работу в приходах. На институциональном уровне при участии ДУМ РТ оформляются структуры, призванные продвигать ценности традиционного ислама, обеспечивать и согласовывать интересы прихожан, светского общества.

Работа на догматическом уровне осложнена тем, что богословское наследие татар мусульман сохранилось на арабском или старотатарском языке, не доступна широкой аудитории. Слабая информированность об выдающихся представителях религиозно-философской мысли у татар — мусульман отдаляет у современных молодых мусульман понимание специфики и особенностей бытования ислама в регионе.

¹ Мухаметшин Р.М. Ислам в Татарстане. М.: Логос, 2006. С. 55.

В разработке находится социально-психологический уровень деятельности ДУМ РТ, то есть оказание помощи в переориентации идеологических воззрений и отречение от идей насилия, развитие у будущих имамов компетенций противостоянию идеологической работы псевдопроповедников.

Духовное управления мусульман Республики Татарстан выступает не только координационным центром изучения и распространения традиционного ислама, оно также возрождает и формирует нормы и ценности следования традициям, которые позволяют предотвращать противоречия и разногласия среди отдельных групп мусульман и формировать поколение мусульман, соотносящих собственные интересы с интересами общества и государства.

Библиография

1. Концепция «Ислам и татарский мир». Принята на IV Всероссийском Форуме татарских религиозных деятелей. Казань, 2013. 38 с.
2. Маркин В.В., Роговая А.В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. 2011. № 11. С. 142–146.
3. Мухаметшин Р.М. Ислам в Татарстане. М.: Логос, 2006. 103 с.
4. Социальная доктрина российских мусульман. <http://islam-today.ru/socialnaa-doktrina-rossijskih-musulman/> (дата обращения: 16.06.2016).

ГОВОРОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: в данной статье отражены основные причины появления современной концепции совершенствования государственной молодежной политики. Обозначено современное состояние молодежной политики Российской Федерации. Приведены основные достоинства и недостатки описываемой концепции.

Ключевые слова: концепция, Российская Федерация, политика, патриотизм, молодежь.

Тематика молодежной политики является одной из основных в развитии и сохранении российской государственности. Так как именно от воспитания молодежи зависит судьба не только одной страны, но и всего Евразийского региона, ведь Российская Федерация представляется ключевым игроком данного политического пространства.

На данный момент государственная молодежная политика активно развивается в РФ. Учитывая сложную политическую ситуацию, сложившуюся на мировом уровне, а именно наличие военных конфликтов около границ РФ, а также участие страны в антитеррористической компании против группировки ИГИЛ. Можно говорить о формировании новой концепции развития государственной молодежной политики.

Молодежная политика в Российской Федерации обновляется, в том числе, возможно продвижение молодежи на муниципальные и региональные уровни власти; подобное формирование повестки значимо с точки зрения безопасности страны в контексте недопущения информационного воздействия на молодежь.

Исходя из данного направления, можно говорить о формировании концепции молодежного патриотизма. Учитывая, что по Конституции Российской Федерации в стране отсутствует идеология, то за основы политики патриотического толка можно брать лишь абстрактные понятия. При этом элементами механизмов формирования данного направления молодежной политики могут выступать лишь ссылки на мероприятия, посвященные исторической памяти государства.

Среди мероприятий патриотического толка можно выделить следующие:

1. Мероприятия, связанные с государственными праздниками федерального значения, приуроченными к событиям исторической важности, где присутствует место героизму и жертве во благо родины.
2. Мероприятия, связанные с военно-патриотической тематикой, направленные на пропаганду патриотизма и любви к родине.
3. Мероприятия, связанные с годовщинами трагических событий, направленные на правильность морального восприятия трагических дат в контексте выражения почестей.
4. Мероприятия, связанные с праздниками регионального значения, направленные на сохранение традиций социокультурного элемента памяти региона.

Данная концепция молодежной политики имеет как свои достоинства, так и свои недостатки. Основным недочетом является опора данной политики на периодический характер проводимых мероприя-

тий. Не присутствует постоянного информационного, просветительского поля. Отсутствие постоянно функционирующих механизмов осуществления государственной молодежной политики. При этом присутствуют элементы принудительного влияния на объекты участия в осуществляемой парадигме молодежной политики.

Несмотря на недостатки существующей концепции молодежной политики, достоинств в ней гораздо больше. Одним из основных является объединение молодежи на базе исторической памяти и поддержание целостности государства российского, что делает нашу страну неуязвимым к революционным сценариям.

Библиография

1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://molodej.info/> (дата обращения: 15.09.16).
2. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20141226/1040336119.html> (дата обращения: 15.09.16).
3. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rgub.ru/files/state-policy-1021-2.pdf> (дата обращения: 15.09.16).

ДУБРОВСКИЙ ДАНИИЛ НИКОЛАЕВИЧ

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Аннотация: в статье поднимаются вопросы, касающиеся процесса, особенностей организации и реализации молодежной политики в современной России. Молодежная политика рассматривается как неотъемлемая часть политического курса государства. Особое внимание уделяется концепции государственной молодежной политики, под призмой экспертного мнения анализируются и выявляются ее основные цели, задачи и актуальные проблемы.

Ключевые слова: Проблемы молодежи, молодежная политика, молодежь, государственная политика, гражданское общество, реализация.

На данный момент существует множество определений и подходов как к понятию «молодежь», так и пониманию «государственная молодежная политика». Молодежь — это социально демографическая, возрастная группа в интервале от 14 до 30 лет, проходящая ста-

дию социализации, характеризующаяся отсутствием полного перечня основных социальных функций, определяющих статус взрослого (образование, работа, профессия, жилье, семья)¹.

Государственная молодежная политика — система государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах государства и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности².

В современной России молодежная политика становится одним из важнейших направлений государственной политики страны. Здесь стоит задача обеспечения условий и гарантий для самореализации молодых граждан и содействия раскрытию их потенциала во всех сферах жизни общества. Данная политика характерна своей многофункциональностью, так как затрагивает разные сферы жизни молодежи: здоровье, учеба, жилье, образование, трудоустройство, безопасность и т.д.

29 ноября 2014 года состоялось закрепление Правительством РФ правового акта «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»³. Документ дает определение ГМП: «государственная молодежная политика» — «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, рас-

¹ Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Молодежные группировки: опыт пилотного исследования // СОЦИС. 2004. № 9. С. 55.

² Луков С.В. Анализ рекомендаций Тематической группы ООН (UNTG) по молодежной политике (2010 г.) // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6 (ноябрь — декабрь)

³ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/#review> (дата обращения: 15.10.2016).

ширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене.»¹. Категория «молодежь» понимается государством в широком смысле как возрастная группа населения 14–30 лет. То есть каждый четвертый гражданин Российской Федерации является представителем этой социальной группы. Далее стоит заметить, что «Целями государственной молодежной политики являются совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны. Государство и общество должны создать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, чтобы молодежь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности»². Таким образом, данный правовой акт будет на данном этапе рассматриваться в качестве базовой концепции дальнейшего развития и совершенствования государственной молодежной политики. Также документ выступает в качестве правовой основы практической деятельности органов государственной власти и управления, которые должны оказывать содействие полноценной интеграции и развитию молодых граждан в РФ на федеральном, региональном и на местном уровне.

Государство и общество должны создавать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, чтобы молодое поколение, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности».

В Основах государственной молодежной политики отмечалось, что эффективная реализация ГМП должна выражаться в устойчивом росте количества молодых граждан, которые будут разделять общечеловеческие и общенациональные духовные ценности, заниматься

¹ Там же.

² Там же.

физической культурой и спортом, вести здоровый образ жизни и не иметь вредных привычек, работать над развитием своих личностных и профессиональных качеств, готовы защитить интересы Отечества и прикладывать усилия для динамичного развития сильной и независимой Российской Федерации. Таким образом, молодежь должна быть мотивирована на позитивные действия в отношении своего государства. «Главным результатом реализации государственной молодежной политики должно стать улучшение социально-экономического положения молодежи Российской Федерации и увеличение степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны».

С одной стороны важно отметить, что процесс формирования нормативно-правовой базы государственной молодежной политики был перезапущен, так как получил новый импульс к развитию, принимая во внимание необходимость включения в процесс регионального уровня.

«В процессе становления государственной молодежной политики в первое десятилетие постсоветской России сформировался достаточно объемный массив федеральных законов и подзаконных актов, касающихся молодежи и направленных на создание условий для реализации их конституционных прав и свобод. Однако многочисленная нормативно-правовая база государственной политики в отношении молодежи оказалась представлена разрозненными юридическими актами, не оформленными в единое целое — федеральный закон о молодежи». Возможность выработки и принятия «на высшем уровне» нового федерального закона был бы последовательным шагом в развитии государственной молодежной политики. Такому закону необходимо связать все существующие элементы ГМП, разрозненные акты и реорганизовать их в систему с определенными стандартами их взаимодействия и функционирования, на которую власть могла бы опираться при реализации молодежной политики не только на федеральном уровне, но и в регионах страны¹.

В каждом субъекте РФ должны быть разработаны и утверждены нормативы по обеспечению молодежи необходимой инфраструктурой (культурные центры и дома молодежи, спортивные сооружения, центры досуга и т.п.). Нельзя откладывать вопросы, касающи-

¹ Меркулов П.А. Опыт нормативно-правового регулирования молодежной политики в постсоветской России // Власть. 2013. № 1. С. 108.

еся повышения заработной платы кадров, содействующих развитию молодежной политики или самих специалистов, задействованных в этой сфере. Тут же встает вопрос о квалифицированной подготовке кадров, работающих в области молодежной политики. «Невозможно совершенствовать молодежную политику без квалифицированных кадров. Необходимо предусмотреть систему мер поддержки специалистов отрасли молодежной политики для закрепления специалистов для работы с молодежью на селе»¹.

Также эксперты подчеркивают, что следует выделять два вида молодежной политики, определяемой на основе принципа субъектности: государственная и публичная (общественная) молодежная политика.

В первом случае здесь субъектом выступает государство, включая его институты или полноценные органы власти, в процессе деятельности которых основное внимание уделяется вопросам развития личности гражданина. В молодежной политике государства ресурсами ее обеспечения в рамках работы институтов возможно выделить: определенную правовую систему (определяет параметры идеального образа современной молодежи) и общенациональная идеология (как система взглядов, идей, выражающих отношение к существующим в обществе проблемам и противоречиям)².

Во втором случае публичная или общественная молодежная политика, где в качестве субъектов можно определить молодежные организации и объединения, политические партии, а также консультативно — совещательные структуры, представителей бизнес-структур, средства массовой информации и саму молодежь. Однако, здесь мы должны обратить внимание, что публичная молодежная политика как значимая характеристика гражданского общества в современной России скорее только «намечается, чем реально воздействует на политический и социокультурный процесс»³.

¹ Елисеев А.Л. Кадровое обеспечение реализации государственной молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 78–81.

² Меркулов П.А. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики // Власть. 2015. № 10. С. 28.

³ Луков В.А. О сущности молодежной политики и ее базовых положениях // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 5. С. 5.

Вместе с тем молодежная политика политических партий, общественных организаций и других субъектов, несмотря на некую ограниченность нормативно-правовых и финансовых ресурсов, имеет важное направление развития, состоящее в том, что «вырабатывается некая идеальная модель (нормативный образ) молодого человека, молодежи, которую организация (корпорация) стремится представить всему обществу как эталон»¹.

На протяжении последних лет в экспертных и научно-исследовательских кругах тема государственной молодежной политики подвергается активным обсуждениям. Выявлено, что в связи с этим основные критические замечания направлены в отношении двух аспектов: отсутствие единого федерального закона в рамках ГМП и низкий уровень эффективности работы системы институтов, реализующих данную политику на федеральном и региональном уровнях. В условиях развития гражданского общества и укрепления демократии в России ставка на социально активное и молодое поколение особенно актуальна. При этом реализация эффективной политики в сфере урегулирования молодежных проблем и ответа на их запросы со стороны государства являются ключевыми параметрами социальной стабильности и безопасности государства. Данную задачу возможно решить лишь в рамках диалога государства и становящегося, зреющего российского гражданского общества, которое уже в ближайшем будущем будет состоять из «вчерашней» молодежи.

Библиография

1. *Елисеев А.Л.* К вопросу о разработке государственной молодежной политики в Российской Федерации. // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2(43). С. 118–121.
2. *Елисеев А.Л.* Кадровое обеспечение реализации государственной молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 78–81.
3. *Луков С.В.* Анализ рекомендаций Тематической группы ООН (UNTG) по молодежной политике (2010 г.) // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6 (ноябрь–декабрь)
4. *Меркулов П.А.* Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики // Власть. 2015. № 10. С. 27–32.

¹ *Елисеев А.Л.* К вопросу о разработке государственной молодежной политики в Российской Федерации // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2(43). С. 121.

5. Меркулов П.А. Опыт нормативно-правового регулирования молодежной политики в постсоветской России. // Власть. 2013. № 1. С. 106–108.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: <http://www.garant.ru>
7. Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Молодежные группировки: опыт пилотного исследования // СОЦИС. 2004. № 9. С. 50–58.

ЗОТОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация: в данной статье поднимается проблема оценки эффективности молодежных некоммерческих организаций, вытекающая из сложности оценки социального эффекта, который в ряде случаев не поддается количественному измерению. Для решения данной проблемы предлагается разделить все молодежные НКО на две группы. В первой группе будут НКО, чей социальный эффект поддается количественному измерению, и поэтому оценка их эффективности будет осуществляться с помощью уже известных в социальных науках методов. Во второй группе будут НКО, которые производят социальный эффект, неподдающийся количественному измерению. В данной статье для их оценки предлагается использовать адаптированную для некоммерческого сектора разновидность факторного анализа.

Ключевые слова: молодежные некоммерческие организации, некоммерческий сектор, оценка эффективности некоммерческих организаций, факторный анализ.

Некоммерческий сектор, образованный негосударственными организациями, которые не находятся в частной собственности и не являются источником прибыли для своих владельцев, играет важную роль в современной экономике и обществе. Потребность в оценке деятельности некоммерческих организаций (НКО) усиливается в виду возросшей конкуренции за ресурсы в некоммерческом секторе, а также в существующих в обществе сомнений относительно того, насколько эффективно некоммерческие организации расходуют средства доноров, в том числе полученные из государственного бюджета.

Оценка эффективности НКО заметно сложнее аналогичной задачи для коммерческих фирм. Основной задачей коммерческой деятельности является получение прибыли, которая в то же время

представляет собой естественный рыночный критерий успешности частного предприятия. В случае НКО стандартные критерии прибыльности, рентабельности и капитализации по очевидным причинам не могут быть использованы. К тому же перед НКО нередко стоят нечетко сформулированные и плохо поддающиеся измерению цели, а производимые этими организациями нематериальные блага и услуги обычно не имеют рыночных цен. Наконец, различные группы стейкхолдеров одной и той же НКО могут по-разному воспринимать цели организации¹.

Помимо чисто экономического подхода к оценке эффективности «затраты — выпуск» существуют также и другие концепции оценки деятельности некоммерческого сектора: 1) целевая концепция (эффективность связана со степенью достижения целей НКО); 2) концепция системных ресурсов (связывает эффективность со способностью НКО обеспечить ресурсы для ее устойчивого функционирования); 3) концепция множественности заинтересованных сторон (эффективность НКО по-разному оценивается различными группами стейкхолдеров, что делает оценку деятельности организации многомерной); 4) концепция социального конструктивизма (стейкхолдеры могут манипулировать информацией в своих интересах, чем влияют на оценку эффективности деятельности НКО)².

Сложность измерения социального эффекта, производимого некоммерческими сектором (в том числе, молодежными некоммерческими организациями, которые его наполняют), и общий характер подходов к оценке их деятельности объясняет агностицизм ряда ученых, которые ставят под сомнение саму возможность измерить эффективность деятельности НКО. Автор доклада предлагает следующий подход к решению данной проблемы: все молодежные некоммерческие организации должны быть условно разбиты на две большие группы. Первая группа — это некоммерческие организации, чей социальный эффект поддается количественному измерению. Вторая группа — это НКО, чей социальный эффект не поддается ко-

¹ Автономов А.С., Виноградова Т.И. и др. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России: Учебник. М.: Фонд НАН, 2003. 416 с.

² Ефремов С.В. Государственная экономическая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации: Дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2014.

личественному измерению. Для оценки эффективности молодежных НКО, которые отнесены к первой группе, мы можем использовать следующие методики:

1) Индекс Вайсброда (доходы от выпуска общественных благ / доходы от выпуска частных благ);¹

2) Коэффициент социальной рентабельности (социальный эффект / затраты), а для оценки проектов некоммерческих организаций;²

3) Коэффициент чистой приведенной социальной стоимости;

4) Индекс социальной доходности.

Также для обеих групп могут подойти следующие оценки деятельности НКО:

1) Доля административных расходов (административные расходы / совокупные поступления);

2) Отношение собственного капитала к поступлениям (совокупный собственный капитал / совокупные поступления)³;

3) Концентрация в структуре финансирования (сумма квадратов отношений количества источников поступлений к совокупным поступлениям)⁴;

4) Излишек операционной прибыли ((совокупные поступления — совокупные расходы) / совокупные поступления).⁵

Для оценки эффективности второй группы молодежных НКО, чей социальный эффект не поддается измерению, необходимо применять разновидность метода факторного анализа. При использовании данного метода составляется набор критериев оценки анализируемых молодежных НКО (которые свойственны этому виду некоммерческих

¹ Wiesbrod B.A. The Nonprofit Economy, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 1988. P. 91.

² Schiff J., Weisbrod B. Competition between For-Profit and Nonprofit Organizations in Commercial Markets // The Nonprofit Sector in the Mixed Economy / Ed. by Ben-Ner B. Gui. The Univ. Michigan Press, 1993. P. 70.

³ Kramer R.M. Voluntary Agencies in the Welfare State, Berkley, CA: University of California Press. 2010. P. 56.

⁴ Pryor F.L. Determinants of the size of the nonprofit sector. European Journal Of Comparative Economics. 9(3). 2012. P. 334.

⁵ The Role of Non-Profit Organizations in Development: the Experience of the World Bank [Электронный ресурс], URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTSOCIALDEVELOPMENT/EXTPCENG/0,,contentMDK:20507529~menuPK:1278313~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:410306,00.html>

организаций), после чего формируется случайная выборка из комбинаций значений соответствующих критериев. Привлеченные эксперты (в их число входят стейкхолдеры НКО — потребители, работники, менеджеры, чиновники, представители бизнеса и представители академического сообщества) дают каждому из вошедших в выборку показателей агрегированную количественную оценку в определенной шкале, после чего методом регрессионного анализа рассчитываются веса индивидуальных критериев, наилучшим образом аппроксимирующие данные стейкхолдерами оценки, и при помощи найденных весов составляется агрегированный критерий эффективности (вес оценки в данном случае — это то, насколько оценка по определенному критерию влияет на общую оценку по всем факторам). Вес оценок должен определяться уже непосредственно после сбора количественных оценок стейкхолдеров с помощью регрессионного анализа для определения наиболее значимых для стейкхолдеров оценок. Например, чем выше средний бал оценок по определенному критерию всех стейкхолдеров, тем выше должен быть вес оценки в общем показателе. Также веса оценок могут быть определены экспертами (пример весовых показателей оценок дан в табл. 1). Однако в таком случае общая оценка будет зависеть от субъективных представлений эксперта, а не от математических вычислений.

Суть расчета эффективности НКО заключается в следующем: интегральная оценка определяется как средневзвешенная сумма оценок стейкхолдеров молодежных организаций на основе расчета баллов по определенным критериям по следующей формуле (рис. 1):

$$D = \sum_{j=1}^N X_j * K_j$$

$$1 \leq X \leq 10$$

$$\sum k_j = 1$$

N — общее количество критериев

X_j — балл по критерию отбора j

K_j — весовой коэффициент для критериев отбора j .

Рис. 1. Формула расчета интегральной оценки эффективности деятельности молодежных НКО

Критерии (факторы), которые лучше всего подходят для оценки молодежных некоммерческих организаций даны в табл. 1.

Таблица 1

**Пример факторов (критериев) для оценки молодежных НКО
и пример их весовых показателей**

№	Критерий:	Весовой коэффициент:
1.	Количество мероприятий в год	0,1
2.	Количество членов организации (до 35 лет)	0,1
3.	Средняя посещаемость мероприятий	0,25
4.	Активность в Интернете (сайт, соц. сети)	0,15
5.	Значение коэффициента информационной доступности	0,15
6.	Взаимодействие с другими молодежными организациями	0,1
7.	Работа с органами государственной власти	0,1
8.	Качество социальных услуг	0,05
	Total	1,00

Чем шире будет круг стейкхолдеров дающих оценку, тем она будет более точной и репрезентативной. Данный подход претендует на то, чтобы быть наиболее универсальным и подходящим для большинства молодежных НКО.

Библиография

1. Автономов А.С., Виноградова Т.И. и др. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России: Учебник. М.: Фонд НАН, 2003. 416 с.
2. Ефремов С.В. Государственная экономическая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации: Дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2014.
3. Kramer R.M. Voluntary Agencies in the Welfare State, Berkley, CA: University of California Press, 2010. P. 56.
4. Pryor F.L. Determinants of the size of the nonprofit sector. European Journal Of Comparative Economics, 9(3), 2012. P. 334.
5. Schiff J., Weisbrod B. Competition between For-Profit and Nonprofit Organizations in Commercial Markets // The Nonprofit Sector in the Mixed Economy / Ed. by Ben-Ner B. Gui. The Univ. Michigan Press, 1993. P. 70.
6. The Role of Non-Profit Organizations in Development: the Experience of the World Bank [Электронный ресурс], URL:<http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTSOCIALDEVELOPMENT/EXTPCENG/0,,contentMDK:20507529~menuPK:1278313~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:410306,00.html>
7. Wiesbrod B.A. The Nonprofit Economy. Cambridge: Massachusetts, Harvard University Press, 1988. P. 91.

МАСЛЕННИКОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в статье анализируется текущее состояние мер по профилактике праворадикальных настроений в молодежной среде города Санкт-Петербурга. Рассматривается уровень межэтнической напряженности в регионе и основные угрозы социальному спокойствию в данной сфере. Также выдвинут ряд рекомендаций по улучшению мер по профилактике праворадикальных настроений в молодежной среде в крупных городах.

Ключевые слова: правый экстремизм, межэтнические отношения, молодежная политика.

За последние несколько лет события внутривнутриполитической повестки были значительно потеснены новостями мировой политики. Именно с этим эксперты связывают деэскалацию большого числа внутренних противоречий в нашей стране и рост общего гражданского самосознания россиян. Тем не менее кризис российской экономики продолжается, а вместе с ним продолжается и процесс ухудшения уровня жизни наших соотечественников. Данные факторы дают все основания полагать, что радикализация общества и рост экстремистских настроений, которыми всегда сопровождаются экономические проблемы, в ближайшем будущем куда более вероятны, чем мы можем предположить на сегодняшний день.

Как по данным МВД, так и по результатам социологических исследований абсолютное большинство членов экстремистских организаций составляют люди от 20 до 30 лет¹. Несмотря на то, что практически во всех регионах нашей страны реализуются комплексные программы по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде, вовлечение молодых людей в деятельность экстремистских структур продолжается.

В нашем случае речь идет о правом экстремизме, здесь привлечение новых членов нередко происходит через организации, деятельность которых посвящена славянской культуре, русским национальным видам спорта и другим подобным сферам, не имеющим деструктивного

¹ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Экстремизм среди молодежи // Мониторинг общественного мнения. №1(89). январь — февраль. 2008. С. 152.

характера. Это происходит ввиду того, что большинство подобных объединений предоставлены сами себе, с ними не ведется планомерной работы, и они слабо контролируются, таким образом, для молодого человека, погружающегося в данную среду, возникает две угрозы:

1) Вступление в организацию, прикрывающую экстремистскую идеологию культурным или спортивным характером деятельности;

2) Личные контакты с «вербовщиками» и «предпринимателями от этничности» на мероприятиях законопослушных организаций, трудностей осуществления контроля над ними.

Также стоит отметить, что отсутствие проверенной и надежной альтернативы данным организациям в городской молодежной инфраструктуре только облегчает носителям экстремистских идей и «этническим предпринимателям» процесс привлечения новых членов, потому как это дает им повод обвинять власти страны и субъекта в «сознательной дискриминационной политике по отношению к русскому большинству». То, насколько опасно недооценивать этот сегмент протестного потенциала наглядно показали события декабря 2011 г. на Манежной площади¹ и октября 2013 года в Бирюлево².

Данные угрозы характерны для многих регионов России, но основную группу риска составляют мегаполисы и крупные города. Санкт-Петербург в силу своего национального состава (высокий уровень полиэтничности при русском большинстве) также находится в опасном положении. Это наглядно иллюстрируется количеством материалов, занесенных в список экстремистских петербургскими судами, более крупную цифру можно наблюдать только у столичных судов³. Подобные подтверждения можно найти и в материалах социологических опросов, так, 52% петербуржцев считают межэтнические отношения крайне серьезной городской проблемой и 46% уверены в неблагоприятном развитии этой проблемы в будущем⁴.

¹ Беспорядки на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 года [электронный ресурс]. <https://ria.ru/spravka/20151211/1339040841.html> (дата обращения: 15.10.2016).

² Федеральный список экстремистских материалов [электронный ресурс]. <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 15.10.2016).

³ Там же.

⁴ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года; версия 2; Санкт-Петербург; 2013. С. 96.

Сегодня реализаторам антиэкстремистской политики приходится действовать преимущественно запретительными методами, профилактика же экстремизма зачастую не имеет четко сформированной целевой аудитории — работа идет со всей совокупностью молодых людей. Спектр проблем, имеющих в данной сфере свидетельствует о том, что повысить для повышения эффективности работы по профилактике экстремизма необходима консолидация усилий как органов государственной власти, так и субъектов гражданского общества, а также представителей научной среды. Также важно сместить фокус работы с запретительных мер на профилактические, направленные в первую очередь на предотвращение попадания молодежи в экстремистские группировки, а не на наказание лиц уже преступивших закон. Разумеется, это не означает, что указанные лица должны избежать наказания, разница в том, что карательные не должны занимать центральное место в профилактике и противодействии правому экстремизму. В первую очередь необходимо дать молодежи альтернативу участию в деструктивных группировках, как было отмечено выше, в рассматриваемом случае большинство сомнительных организаций мимикрируют под спортивные клубы и русские культурные объединения (впрочем, адепты исламского экстремизма действуют по аналогичной схеме). Следовательно, предоставление возможности всем интересующимся русской культурой изучать ее в проверенных организациях дало бы возможность существенно снизить группу риска по попаданию в праворадикальные структуры. Организация подобной работы возможна, как через сеть уже имеющихся учреждений молодежной политики (дома молодежи, молодежные советы, дома национальностей) так и через новые учреждения, на базе которых можно было бы заниматься реализацией проектов в различных областях, таких как: культура и просвещение, гармонизация межэтнических отношений (через работу с национально-культурными автономиями и диаспорами), патриотическое воспитание, формирование гражданских ценностей и многих других.

Внимание к данному вопросу особенно важно сегодня, когда российская гражданская идентичность находится в процессе формирования. Проявления экстремизма и межэтнические конфликты, вспыхивающие в Российской Федерации под воздействием «предпринимателей от этничности», становятся осложняющим фактором

на пути к формированию единой российской нации, а действия «по горячим следам» уже произошедшего конфликта не могут нивелировать негативный эффект, оказываемый им на весь процесс национального строительства в нашей стране.

Библиография

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Экстремизм среди молодежи // Мониторинг общественного мнения № 1(89) январь–февраль 2008.
2. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года; версия 2; Санкт-Петербург, 2013.
3. Беспорядки на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 года [электронный ресурс]. <https://ria.ru/spravka/20151211/1339040841.html> (дата обращения: 15.10.2016).
4. Беспорядки в Бирюлево: хроника событий [электронный ресурс] <https://ria.ru/incidents/20131013/969693444.html> (дата обращения: 15.10.2016).
5. Федеральный список экстремистских материалов [электронный ресурс] <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 15.10.2016).

МОРОЗОВА ГАЛИНА ВИКТОРОВНА

ЦЕННОСТИ И МОТИВАЦИИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация: статья посвящена исследованию политических ценностей и ориентаций студенческой молодежи. Выбор студентов в качестве референтной группы обусловлен рядом значимых факторов, среди которых высокий интеллектуальный и творческий потенциал и высокая социальная и политическая мобильность, что позволяет говорить о студентах как о потенциально активной силе социальных и политических изменений в стране.

Ключевые слова: студенчество, молодежь, политическая активность, политические ориентации, политическое сознание.

Сегодня Россия находится в условиях модернизационного процесса, который отводит особую роль способности общества к самоорганизации, саморегуляции, что требует соответствующего высокого уровня социально-политической активности всех слоев населения, в том числе и молодежи.

В этой связи значимо исследование политической составляющей социального статуса современной российской молодежи, прежде всего, ее интереса к миру политики, участию в политическом процессе,

его мотивации. Указанная проблематика актуализируется и целым рядом факторов, связанных с особенностями социально-политического развития России. Во-первых, сегодня наблюдается омоложение состава участников политических процессов, общественных движений, что оказывает влияние на характер и формы политического участия молодежи, модели поведения и не может не отразиться на динамике развития основных политических институтов. Во-вторых, выявление отношения молодежи к политике всегда являлось актуальным для государства и общества, поскольку государству важно, как молодежь воспринимает жизнь в данном обществе, как оценивает результативность социальных и политических институтов и, прежде всего, государства¹. В-третьих, необходимо знать, что нового вносит молодое поколение в общественное развитие и деятельность страны. Не менее значима для изучения заявленной темы и сложившаяся сегодня ситуация в сфере социально-политического развития молодежи. Ее неоднозначность, определенная противоречивость выражается в том, что, с одной стороны, современную российскую молодежь отличает рост самостоятельности, мобильности и ответственности за свое будущее, достаточно четко выраженная озабоченность возможностью получения качественного образования и профессиональной подготовки и ориентация на дальнейшее трудоустройство и профессиональную карьеру, установка на интеграцию в международное молодежное сообщество. С другой стороны, как свидетельствуют результаты исследований ведущих научных центров страны (Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и других), имеет место невысокий уровень политической активности российской молодежи. Фиксируемая в молодежной среде определенная апатия, выражение отчуждения к миру политики, демонстрация незаинтересованности к тому, что происходит в политической жизни, обуславливает необходимость изучения мотивации политического участия молодежи.

Особую актуальность в данной ситуации приобретает изучение политических ориентаций, установок студенческой молодежи. Она

¹ Социальное самочувствие студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования / Г.В. Морозова, Д.Г. Мюллер, В.В. Лаптев; под ред. А.И. Остроумова. Казань: Казан. ун-т, 2012. С. 53.

выступает не столько возрастной, сколько особой социально-психологической группой, представляющей наиболее образованную и информированную часть молодого поколения, его интеллектуальную элиту, обладающую творческим, инновационным потенциалом, во многом задающим ценностные ориентации и установки в мире политики и власти не только в среде молодежи, но и воздействует на мировоззрение других социальных групп. Будучи одной из самых мобильных групп студенчество выступает активной силой социально-политических преобразований в стране, субъектом политических и социальных отношений в России и в регионах.

Изучение политических ориентаций, предпочтений, уровня интереса к политической жизни студенческой молодежи было проведено в 2014 году в одном из ведущих регионов России — в Республике Татарстан¹. Анализ ориентаций, установок и поведения студенческой молодежи в политической сфере строился на изучении ряда показателей (степень интереса к политике, уровень личного участия молодежи в политической жизни), а также факторов, определяющих мотивацию политического поведения студенчества, которые выявлялись с помощью как прямых, так и косвенных вопросов. Полученные результаты позволяют сделать вывод о присутствии интереса в молодежной среде к политическому развитию. Так, на вопрос «Какая проблема в жизни России волнует Вас больше всего?» только 4% респондентов ответили, что не знают, а абсолютное большинство разбирается в сложившейся социально-политической и экономической ситуации в стране, в проблемах внутренней политики, отношениях с миром и дает адекватную оценку (табл. 1).

¹ Исследование включало анкетный опрос студентов 2 и 4 курсов Казанского (Приволжского) федерального университета, в том числе его филиалов по Республике Татарстан с целью определения динамики в социальном самочувствии. Специальным аспектом исследования стало изучение политической составляющей социального статуса. Объект исследования — молодежь, обучающаяся в КПФУ в возрасте от 17 до 23 лет. В качестве генеральной совокупности для определения объема выборки была взята численность указанной группы, которая в соответствии с данными Госкомстата РТ и официальной информацией составляла 91 200 человек. Выборочная совокупность — 550 человек и представляла различные категории молодежи в зависимости от возрастных, профессиональных и территориальных признаков.

Таблица 1

Мнение студенчества о проблемах в жизни России (% к числу опрошенных)

№	Какая проблема в жизни России волнует Вас больше всего?	%	Ранг
1	Отношения России с Украиной	16,6	10
2	Угроза агрессии из-за рубежа	28,3	3
3	Коррупция во властных структурах	41,9	1
4	Инфляция, рост цен	37,5	2
5	Растущее неравенство доходов	20,6	7
6	Состояние здравоохранения, образования	25,6	4
7	Безработица	21,8	6
8	Экономическая слабость и зависимость страны	18,2	8
9	Угроза массовых беспорядков	6,7	11
10	Грубый материализм и бездуховность населения	22,7	5
11	Экологическая ситуация	17,7	9
12	Не знаю	4,2	

Если на основе полученных данных выстроить рейтинг проблем в развитии сегодняшней России, то, по мнению студенческой молодежи на первом месте, а его разделяет наибольшее число опрошенных (42%), находится коррупция во властных структурах. Нельзя не признать справедливость этой позиции, динамика и эффективность функционирования общества в решающей мере задается правящим классом. Из проблем внутреннего развития страны наибольшей остротой отличается в глазах обучающихся инфляция, рост цен (37,5%), состояние системы здравоохранения и образования (25,6%) и растущее неравенство в доходах (20,6%). В ранговой шкале эти проблемы занимают второе место. Этот результат во многом объясняется уровнем материальной обеспеченности студенчества, по признанию опрошенных 80% из них пользуется помощью родителей и родственников. Но даже при этой материальной поддержке 26,9% респондентов вынуждены подрабатывать, они отметили, что имеют еще дополнительный заработок, а 18,8% обучающихся работают на постоянной основе.

Третье место по значимости занимает проблема, связанная с внешнеполитическими аспектами, угрозы агрессии из-за рубежа, что подчеркнула почти треть опрошенных (28,3%). Этот результат подтверждает присутствие интереса молодежи к политическому развитию и свидетельствует о внимании студенчества к внешнеполитическому курсу России, к отношению мирового сообщества, к взаимодействию на международной арене. Рост агрессивных высказываний, угроз со стороны отдельных западных стран, откровенная информационная война, усилившаяся в последнее время, не остались незамеченными и обозначены в сознании молодежи как достаточно острая проблема в развитии страны и обеспечении ее безопасности. Тем не менее, внешнеполитическими проблемами студенчество озабочено в значительно меньшей мере. Так, отношения России с Украиной осознаются важными лишь шестой частью участвующих в исследовании (16,6%), хотя на момент проведения опроса эта тема, развитие событий в регионе были одной из самых обсуждаемых в российском обществе, в СМИ, в политических дискурсах. Отчасти сделанный вывод связан с достаточно стабильной социально-политической обстановкой в стране и в регионе (только 6,7% опрошенных высказали свою озабоченность возможностью массовых беспорядков) и удовлетворенностью условиями жизни. На вопрос «есть ли различие между тем, что Вам хотелось бы иметь, и тем, что Вы имеете?» каждый второй ответил, что разница, хотя и есть, но она несущественная, что позволяет оценить пребывание студенческой молодежи в отечестве в целом как счастливое. Фактором, определяющим удовлетворенность жизнью, можно рассматривать и самооценку молодежи уровня жизни. По полученным данным две трети опрошенных (67,5%) на просьбу оценить свои материальные условия, ответили, что живут не хуже, чем друзья.

Очевидной доминантой в политическом сознании студенчества являются проблемы внутривнутриполитического развития: грубый материализм и бездуховность населения (22,7%), проблему занятости отметили 21,8% респондентов, экономическая слабость и зависимость страны как актуальную проблему рассматривают 18,2% опрошенных и 17,7% подчеркнули значимость сложившейся ситуации в экологической сфере. Во многом этот результат связан с прагматическими ценностями в личностной структуре студенческой молодежи, обусловленными текущими проблемами жизнедеятельности, условиями

самореализации. Но бесспорно, что приведенные данные никак не свидетельствуют о дистанцировании студенчества от мира политики. Подтверждается этот вывод и оценкой опрашиваемых политики, проводимой российским государством в отношении молодого поколения. Число оценивших молодежную политику в России как неэффективную в два с лишним раза превышает долю опрошенных, подчеркнувших ее результативность (28,7% против 13,7%), что также подтверждает внимательное отношение молодежи к деятельности государства, к проводимой политике. Вместе с тем полученные результаты демонстрируют и определенное протестное поведение (четверть опрошенных отметили, что они не знают такую политику — 25,5%) на некоторую безответственность органов государственной власти, уход от решения проблем в социальном развитии российской молодежи, на фактически отсутствие в стране стратегии молодежной политики и неэффективности проводимых мер. Неслучайно одна треть респондентов (32,1%) вообще затруднилась ответить на этот вопрос и не дала оценку.

Однако проведенное исследование в целом подтверждает результат многих изысканий о том, что интерес молодежи к политике ограничивается преимущественно информационным уровнем¹, лишь иногда стремлением выразить собственную позицию или оценку по отдельным политическим ситуациям. Уровень же реального политического участия, социально-политической активности студенчества остается низким. По нашим данным только 7,4% респондентов отметили свое членство в молодежной организации или клубе, 26,5% состояли в них раньше, а большинство, почти две трети не участвуют ни в каких объединениях и организациях молодежи. Этот вывод вполне согласуется с результатами, связанными с выявлением установок студенчества на участие в работе политических партий. Только 19,1% участвующих в опросе (менее одной пятой) выразили такое желание, каждый второй (51,8%) ответили категорически «нет» на вопрос, хотели бы они стать членом политической партии или организации, и почти треть опрошенных (29,1%) вообще не думали об этом. Таким

¹ Гегель Л.А., Зубков В.Н., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты (отчет о всероссийском социологическом исследовании). М.: Изд-во ООО Типография «Парадиз», 2008. С. 30.

образом, можно сделать вывод о том, что степень сформированности желания и реального участия студенческой молодежи в молодежных организациях, политических процессах, не тождественны. А значит, сегодня молодежь готова только к получению информации и рассуждению о политике, нежели к активному участию в ней. Полученные результаты согласуются с предыдущими исследованиями политического поведения молодежи региона. На протяжении всех 2000-х годов неизменно фиксировался низкий уровень политической активности, единственной, по сути, формой участия молодежи в политике были избирательные кампании¹.

Во многом такая модель пассивного политического поведения стала следствием ослабления в переходный период гражданского самосознания всех групп населения, в том числе и молодежи. На протяжении десятилетия государство не выполняло в полном объеме свои регулятивные и социализирующие функции по отношению к молодому поколению в целом и студенчеству, в частности. Как следствие в политическом сознании учащейся молодежи не сформированы ценности политического участия, значимости собственных усилий, активности в решении государственных и общественных дел, сопричастности и ответственности за происходящее и будущее страны. В молодежной среде стал формироваться и накапливаться потенциал социального пессимизма, политического нигилизма, неверия в возможность добиться позитивных изменений в развитии общества путем собственного политического участия. На фоне неразвитости патриотического сознания в российском обществе, в том числе и у студенческой молодежи, и фактическом отсутствии в политическом спектре России политических сил, отражающих и агрегирующих ее интересы, сохраняется модель пассивного политического поведения студенчества.

В этой связи важно наладить контакт общества, государства с будущей интеллектуальной элитой страны, обладающей инновационной энергией, нравственным потенциалом и способной стать в ближайшей перспективе главной социальной силой, обеспечивающей

¹ См., напр.: *Морозова Г.В.* Научное обеспечение молодежной политики и политики в области физической культуры и спорта в Республике Татарстан: Монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2009.

демократическое, динамичное и эффективное развитие страны. Создание такого взаимодействия возможно не только путем обеспечения бесспорной приоритетности государственной молодежной политики, долгосрочного инвестирования в нее, но и усилий государственных и социальных институтов по формированию политических идеалов, нравственных ценностей, гражданских позиций, патриотизма и политической культуры участия студенческой молодежи.

Библиография

1. Социальное самочувствие студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования / Г.В. Морозова, Д.Г. Мюллер, В.В. Лаптев; под ред. А.И. Остроумова. Казань: Казан. ун-т, 2012.
2. Гегель Л.А., Зубков В.Н., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты (отчет о всероссийском социологическом исследовании). М.: Изд-во ООО Типография «Парадиз», 2008.
3. Морозова Г.В. Научное обеспечение молодежной политики и политики в области физической культуры и спорта в Республике Татарстан: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2009.

НИКИТИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЗДОРОВЬЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ КАК ИМПЕРАТИВ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация: в статье рассматриваются основные положения нормативных документов, регламентирующих основы молодежной политики и политики в области здравоохранения. Проводится попытка установить взаимосвязь данных документов, и на основе этого делается вывод о декларативности ряда норм, касающихся здоровья молодого поколения.

Ключевые слова: молодежь, здравоохранение, государственные программы, основы молодежной политики.

Молодежь является стратегическим ресурсом государства. Именно от его состояния — физического, нравственного, интеллектуального — зависит будущее страны. Статья 2 Конституции Российской Федерации устанавливает, что именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а статьи 7 и 41 гарантируют охрану здоровья граждан и бесплатную медицинскую помощь. Так-

же статья 41 предписывает органам государственной власти создавать специальные федеральные программы охраны и укрепления здоровья граждан.

В России существует ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих развитие отрасли здравоохранения, принципы ее функционирования. Наиболее значительным, помимо Конституции РФ, является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Также, в 2014 г. постановлением Правительства утверждена государственная программа «Развитие здравоохранения», разработанная в соответствии с Концепцией развития здравоохранения в Российской Федерации.

При этом программа включает в себя ряд подпрограмм, составляющих ее содержание: «Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Развитие первичной медико-санитарной помощи»; «Совершенствование оказания специализированной, включая высокотехнологичной медицинской помощи, скорой, в том числе скорой специализированной медицинской помощи, медицинской эвакуации»; «Развитие и внедрение инновационных методов диагностики и лечения»; «Охрана здоровья матери и ребенка»; «Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детям»; «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям»; «Кадровое обеспечение системы здравоохранения»; «Развитие международных отношений в сфере охраны здоровья»; «Экспертиза и контрольно-надзорные функции в сфере охраны здоровья»; «Медико-санитарное обеспечение отдельных категорий граждан»; «Управление реализацией Программы».

В целях развития молодежной политики в России 29 ноября 2014 г. распоряжением Правительства РФ утверждены «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». При этом подчеркивается, что «новые вызовы, связанные с изменениями в глобальном мире, новые цели социально-экономического развития страны требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики». Более того, данным документом признается, что именно молодежь «как наиболее восприимчивая и мобильная часть социума поддерживала прогрессивные реформы и претворяла их в жизнь».

Однако необходимо отметить, что ни в одном из перечисленных документов молодежь, ее здоровье не выводятся в отдельную целевую категорию. Развитие здорового образа жизни молодежи хотя и является одним из приоритетов молодежной политики, но представляется нам скорее декларативным принципом. Рассматривая механизмы реализации государственной молодежной политики, авторы не включили в них ни проблемы формирования здорового образа жизни, ни проблемы охраны здоровья молодого поколения.

Оценивая результаты развития отрасли здравоохранения в целом можно сделать ряд выводов. Несмотря на некоторые меры целевого характера, предпринятые с 2005 по 2015 г. в системе здравоохранения, по-прежнему сохраняются серьезные проблемы, которые будут препятствовать достижению модернизации здравоохранения. Главные из этих проблем:

1. Общий дефицит финансового и материально-технического обеспечения здравоохранения.

Недофинансирование и реализуемая в сфере здравоохранения государственная политика недостаточны, для решения существующих проблем. Итогом недофинансирования может стать: дефицит медицинских кадров, несоблюдение современных стандартов лечения, невозможность обеспечения больниц современным оборудованием и расходными материалами, уменьшение ожидаемой продолжительности жизни, так как показатель здоровья населения зависит прямо пропорционально от государственных расходов на здравоохранение. Так, в Российской Федерации в 2009 г. государственные расходы на здравоохранение составили 5,6% в доле ВВП, для сравнения, в Португалии — 10,7%, в Греции — 10,6% что в 2 раза выше, чем в России. Следует отметить, что эти страны имеют близкий к России ВВП на душу населения в год.

Концепция предполагает, что за период с 2010 по 2015 г. объем российского рынка услуг здравоохранения увеличится почти в два раза — с 82 до 155 млрд долл. Величина ежегодного прироста составит 14% — по этому показателю Россия существенно опередит страны Западной Европы.

Однако, Министерство финансов РФ представило информацию о снижении расходов на 17,8% к 2015 году. Современная же медицина требует больших затрат.

2. Дефицит и диспропорции в структуре медицинских кадров.

В России в ближайшие годы прогнозируется резкое сокращение медицинских кадров, причинами тому могут быть: неконкурентоспособность данной профессии по такому показателю как заработная плата, высокая доля врачей пенсионного и предпенсионного возраста (около 50%) и демографический провал.

3. Неудовлетворительное качество медицинской помощи. Сегодня не приходится говорить и о высоком качестве медицинского обслуживания. Неудовлетворительная квалификация медицинских кадров и, как следствие, низкое качество медицинской помощи. Следует также обратить внимание на крайне низкий уровень оплаты труда профессорско-преподавательского состава медицинских и фармацевтических вузов, что, естественно, не стимулирует повышение уровня обучения студентов.

4. Недостаточные объемы медицинской помощи, предоставляемые населению по Программе государственных гарантий.

5. Низкие объемы высокотехнологичной медицинской помощи.

6. Неэффективное управление отраслью на всех уровнях. Причинами неудач модернизации системы здравоохранения может стать не только недофинансирование, но и применение неэффективных управленческих методов. Так, например, исследования показывают, что благодаря эффективному управлению больницы способны поддерживать или повышать качество медицинских услуг даже в условиях ограниченного финансирования. Таким образом, отсутствие стратегического планирования и ответственности руководителей всех уровней за достижение результатов является препятствием эффективности деятельности.

Хотя статистические сборники говорят о снижении количества заболеваний различных этимологий, необходимо в данном случае помнить о снижении количественных демографических показателей, прежде всего о численности молодежи референтных групп.

При таких итогах модернизации, речь о выделении охраны здоровья молодежи в отдельную приоритетную отрасль здравоохранения в частности или всей государственной политики в целом не идет. Таким образом, ряд положений молодежной политики остаются лишь чисто декларативными.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения».
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года».
5. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года / Федеральный справочник. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2012/1-9.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).
6. Health expenditure ratios, by country, 1995–2014 // Global Health Observatory data repository / World Health Organization, URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.HEALTHEXPRATIORUS?lang=en> (дата обращения: 07.11.2016).

НИКИТИНА ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация: сегодня Россия находится в условиях модернизационного процесса, который отводит особую роль способности общества к самоорганизации и саморегуляции. Актуальность в данной ситуации приобретает изучение социально-политических ориентаций молодежи, а в частности — студенческой молодежи как более информированной и интеллектуальной прослойки общества. В статье приводятся и интерпретируются данные социологических исследований, проведенных кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета в Республике Татарстан в 2014, 2015 г., посвященных социальному самочувствию студенческой молодежи. Делается вывод о политической апатии современного студенчества, однако уточняется, что данная ситуация не носит тотальный характер.

Ключевые слова: политические ориентации; молодежь; социальное самочувствие; студенчество; политическая активность; политическая пассивность; политическое поведение молодежи.

Студенчество — самая мобильная часть населения, которая, являясь субъектом политических и социальных отношений в России, становится одной из наиболее активных сил социально-политических изменений.

Сегодня на российскую молодежь влияют множество различных факторов, таких как политическая обстановка и социально-экономическое положение в стране, специфика государственной молодежной политики, политическая культура и факторы, связанные с особенностями молодежи как социально-демографической группы. Все эти факторы крайне неоднозначно оказывают влияние на ее политические ориентации, предпочтения, модели политического поведения, социальное самочувствие.

Особую значимость эта проблема приобрела в настоящее время, когда в социальных и политических установках молодежи, и студенчества в том числе, преобладает отсутствие желания участвовать в реальной политике, брать ответственность за ситуацию, происходящую в российском обществе. При этом выход из трудного периода, переживаемого сегодня Россией, связанного с социально-экономическим кризисом, напряженными отношениями в международной политической системе, санкциями стран Запада в существенной мере определен способностью общества к самоорганизации, самообладанию, патриотическим чувствам и ориентациям граждан, где одна из ведущих ролей принадлежит молодежи¹.

Опросы студентов Казанского федерального университета были проведены в 2014 г., 2015 г. Генеральная совокупность исследований определена на основании отчетов о самообследовании и составляет порядка 46 000 человек. Выборка составила 550 человек. Таким образом, объектом исследования выступила студенческая молодежь Республики Татарстан в возрасте от 17 до 23 лет. Дифференцирующими индикаторами выступили поло-возрастные характеристики, учебное направление подготовки (гуманитарное или естественно-научное), национальная самоидентификация, преимущественное место проживания, семейное положение.

¹ *Morozova G. V., Nikitina T. I., Nikitin A. A. Modernization of the Social Sphere and the Healthcare System in Russia. Advances in Environmental Biology, 8(10) June 2014, Pages: 193–196. Date views: 25.08.2014. <http://www.aensiweb.com/old/aeb/June%202014/193–196.pdf>*

Содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи в известной степени определяется ее материальной обеспеченностью, финансовым положением, мерой социальной защищенности. Это обстоятельство обусловило необходимость изучения уровня жизни студенчества. Как показывают исследования, материальные возможности студенческой молодежи можно оценить как достаточно скромные, однако можно утверждать, что самооценка материального уровня жизни студенчества является завышенной. Так сегодня для 32,1% участвующих в исследовании покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения, что говорит о невысоком материальном достатке и только 2% могут себе позволить практически все.

Что касается источника дохода студенческой молодежи, то полученные данные позволяют утверждать, что государственная помощь по материальной поддержке учащейся молодежи незначительна. Студенческая молодежь стала надеяться только на свои силы, при этом сократился в сравнении с исследованием 2014 года, процент опрошенных, которые ждут помощи от родителей, родственников.

Таблица 1

Каковы источники Вашего дохода?

	2014 г.	2015 г.
Стипендия	38,4%	26%
Заработная плата	28,5%	14,2%
Помощь родителей, родственников	80,9%	39,5%
Ссуда, кредит	1,8%	0,3%
Социальное пособие	6,7%	4,3%
Дополнительный заработок	26,9%	
Случайные заработки, подработки, «халтура»	4,9%	12%
Другое	0,7%	3,7%

В целом полученные результаты позволяют сделать вывод о достаточно скромных материальных возможностях студенческой молодежи.

По результатам исследований можно зафиксировать изменения в жизненных приоритетах молодежи. Если в 2014 г. приоритетным для молодежи являлось стремление иметь хорошую, дружную семью, то сегодня приоритеты смещаются. Теперь молодое поколение хочет

иметь интересную и творческую работу, при этом быть материально обеспеченным, ни в чем не нуждаться.

Таблица 2

Каковы Ваши жизненные приоритеты?

	2014 г.	2015 г.
Сделать карьеру, добиться общественного признания	27,6%	10,7%
Быть материально обеспеченным, ни в чем не нуждаться	42,2%	23,1%
Иметь хорошую дружную семью, детей	65,7%	27,6%
Быть здоровым и долго прожить	19,3%	17,8%
Иметь интересную и творческую работу	25,3%	19,4%
Затрудняюсь ответить	3,4%	1,4%

Как показало исследование, сегодня студенты не видят Россию как социальное государство, критически оценивают политическую систему общества в целом. Так, например, по результатам опроса 2015 г., только 3,8% оценивают молодежную политику в России как эффективную, более 50% не знают, о таком виде политике и затрудняются дать ей оценку.

Как показывают результаты проведенного исследования 2014 г., лишь 19,1% респондентов, принявших участие в опросе, хотели бы стать участником политической партии, организации, в то время как около 52% высказали категорическое «нет», в 2015 г. ситуация практически не изменилась.

Таблица 3

Хотелось бы Вам стать участником какой-либо политической партии или организации?

	Всего
Да	19,1%
Нет	51,8%
Не думал об этом	29,1%

При этом процент желающих вступить в какую-либо политическую партию или организацию практически одинаков у мужской и женской частей респондентов (20,4% против 18,3%).

Таблица 4

Ориентации студенчества на участие в политических партиях

Хотелось бы Вам стать участником какой-либо партии или организации?	Пол		% опрошенных
	Мужской	Женский	
Да, хотелось бы	27,8%	16,2%	21,6%
Пока не решил(а)	19,6%	21,8%	20,8%
Нет	46,5%	51,1%	49,0%
Затрудняюсь ответить	6,1%	10,9%	8,7%

Так, в сравнении с данными социологического опроса, проведенного в 2011 году, можно сделать вывод, что девушки стали более активно проявлять интерес к политической жизни в стране и демонстрировать желание в принятии участия в реальной политике¹.

Однако когда мы спросили респондентов не о предполагаемом, а о реальном участии в общественно-политической деятельности, картина не изменилась.

Интересным остается тот факт, что реальное участие молодежи в общественных молодежных организациях крайне низкое. Так, на вопрос: «Приходилось ли Вам когда-либо состоять членами молодежной организации или молодежного клуба?» — только 7,4% ответили, что состоят и сегодня, 63,5% же респондентов никогда не состояли вообще. Однако именно молодежь до 18-ти лет (что почти в 4,5 раза больше, чем молодежь в возрасте 20–24 года) активно вступает в молодежные организации, что свидетельствует о высокой заинтересованности и желании принимать непосредственное участие в политической и общественной жизни страны. Причем по результатам исследований данные в 2014 г. и 2015 г. не изменились.

Связано это с тем, на наш взгляд, что молодежь до 18-ти лет не имеет четких социально-политических ориентаций, эта социальная группа характеризуется различными интересами, в том числе и политическими. Эта часть населения лишь ищет свое место в социуме, а потому готова к различного рода переменам. Политическая же пассивность молодежи в возрасте 20–24 лет связана с тем, что у данной

¹ Морозова Г.В., Мюллер Д.Г., Лантев В.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования. Казань: Казанский ун-т, 2012. С. 56.

социальной группы иные интересы и цели, такие как получение образования, поиск места работы, перспектива карьерного роста, семья и т.п.

Таблица 5

Приходилось ли Вам когда-либо состоять членами молодежной организации или молодежного клуба?

	До 18 лет	18–19 лет	20–24 года	Всего
Состою сегодня	27,3%	8,6%	6,1%	7,4%
Ранее приходилось состоять, но уже не состою		26,8%	27,2%	26,5%
Не приходилось состоять	36,4%	64,1%	64,1%	63,5%
Нет ответа	36,4%	0,5%	2,6%	2,5%

Таким образом, можно сделать вывод о том, что степень сформированности желания и реального участия студенческой молодежи в молодежных организациях, политических процессах не тождественны. А значит, сегодня молодежь готова только к получению информации и рассуждению о политике, нежели к активному участию в ней.

Также достаточно высокий уровень аполитичности современной молодежи доказывают и следующие результаты: наибольшее беспокойство вызывает коррупция и инфляция (16,4% и 20,4% соответственно). На втором месте находятся проблемы социального развития и социального обеспечения (в сумме 24,6% опрошенных). В то время как вопросы международной безопасности России интересуют чуть более 10%. При этом молодежь оценивает внутреннюю политическую ситуацию как достаточно стабильную.

Как видно, есть все основания говорить не о политической активности студентов, а об их политической бездеятельности. И это при том, что студентов, так или иначе, волнуют социально-политические проблемы молодежи. Однако добиваться их решения (в частности, политическими средствами) они не хотят.

Все это говорит о необходимости корректировки молодежной политики РФ, особенно направленной на молодежь в возрасте до 18–ти лет, когда происходит наиболее активная фаза первичной политической социализации и закладываются базовые представления о политике и месте и роли человека и гражданина в деятельности своего государства.

Таким образом, сегодня приходится говорить о политической апатии студенческой молодежи. У современной российской молодежи кроме политики есть множество других сфер и областей интереса. В первую очередь они ориентированы на проблемы личного характера, т.е. на получение образования, поиск работы, покупка жилья и т.д. Однако, несмотря на то, что молодежь заинтересована в получении информации развлекательного характера, тем не менее, молодые люди не отказываются и от информации более серьезного плана.

По нашему глубокому убеждению, активизация политического поведения — это проблема сегодня не только и не столько власти, сколько самих молодых людей. Практическая вовлеченность в политическую деятельность в большой степени зависит от личностных характеристик молодых людей: особенностей воспитания, интеллектуальных способностей и информационных потребностей — словом, от сложной совокупности индивидуальных качеств.

Учитывая, что молодежь (в частности, студенческая молодежь) продолжает оставаться в основном аполитичной, необходимо предложить для нее такую систему мотивации в рамках современной молодежной политики, которая позволит интенсивнее вовлекать ее в активную политическую жизнь, найти ответы на их вопросы.

Библиография

1. Морозова Г.В. Политические ориентации и интересы студенческой молодежи Республики Татарстан (по результатам исследования) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. 2013. № 1. С. 62–68.
2. Morozova G.V., Nikitina T.I., Nikitin A.A. Modernization of the Social Sphere and the Healthcare System in Russia. *Advances in Environmental Biology*, 8(10) June 2014, Pages: 193–196. Date views: 25.08.2014. <http://www.aensiweb.com/old/aeb/June%202014/193-196.pdf>
3. Babbie E.R. *The Practice of Social Research*, 12th edition. Wadsworth Publishing, 2009. 624 p.
4. Brians C.L., Willnat L., Manheim J.B., Rich R.K. *Empirical Political Analysis*, 8th Edition, 2010. Prentice Hall, 448 p.
5. Babbie E.R. *The Basics of Social Research*. 4th ed. Wadsworth Publishing, 2007. 576 p.
6. Report on results of self-inspection of the Kazan (Volga) federal university, 2014. Date views: 8/25/2014 http://kpfu.ru/docs/F1104020420/Samoobsledovanie..KFU._2013._6.pdf
7. The report on results of self-inspection for 2013. Yelabuga institute (branch) of the Kazan federal university, 2014. Date views: 8/25/2014 http://kpfu.ru/docs/F1096242526/Samoobsledovanie.Elabuzhskogo.instituta._filiala_.pdf

8. The report on self-inspection of the Naberezhnye Chelny institute (branch) of The Kazan (Volga) federal university for 2013, 2014. Date views: 8/25/2014 http://kpfu.ru/docs/F1227081914/Samoobsledovanie.Naberezhnochelninskogo.instituta_filiala_.pdf
9. The report on results of self-inspection of branch of The Kazan (Volga) federal university in Zelenodolsk, 2014. Date views: 8/25/2014 <http://kpfu.ru/docs/F1769835743/Samoobsledovanie.filiala.v.g.Zelenodolsk.pdf>
10. The report on self-inspection of branch of The Kazan (Volga) federal university in Chistopol for 2013, 2014. Date views: 8/25/2014 http://kpfu.ru/docs/F770112889/Otchet.po.samoobsledovaniju_2014.Chistopol.pdf
11. *Blaxter L., Hughes C., Tight M.* How to Research, 2010. Open University Press, 328 p.
12. Handbook of Public Policy Analysis: Theory, Politics, and Methods, 2007 / edited by Frank Fischer, Gerald J. Miller, Mara S. Sidney. CRC Press. 645 P.
13. *Philip H. Pollock III.* The Essentials of Political Analysis, 4th edition, 2011. CQ Press College. 280.
14. *Морозова Г.В., Мюллер Д.Г., Лантев В.В.* Социальное самочувствие студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования. Казань: Казанский ун-т, 2012. С. 56.
15. Молодежь в политике [Электронный ресурс]: опрос населения // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d082024> (дата обращения: 01.10.2015).

ОСТРОУМОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: в статье рассматриваются условия и факторы, влияющие на процесс политической социализации студенческой молодежи, отмечается, что особенно современным этапом развития российского общества является поиск новых адекватных форм и институтов социализации, новых опор, дающих возможность студенчеству ориентироваться в политической жизни и политическом процессе современной России

Ключевые слова: политическая социализация студенческой молодежи, агенты политической социализации, политическая активность, гражданское общество.

Политическая социализация личности — это процесс усвоения политической культуры общества, формирования определенных представлений и знаний и власти и мире политики, норм, ценностей и подготовки личности к выполнению определенных политических ролей (избирателя, политического лидера, гражданина).

Именно благодаря политической социализации происходит процесс передачи культуры и опыта предшествующих поколений новым

поколениям, что определяет характер и сущность социального воспроизводства. Политический характер социализация проявляется главным образом во взаимоотношениях индивидов и их объединений с основными субъектами политической власти.

Сегодня перед трансформирующимся российским обществом стоит триединая задача: 1) сформировать новые необходимые обществу институты — политические (демократическое правовое государство), экономические (структуры и механизмы рыночной экономики), и институты гражданского общества (прежде всего институты представительства интересов различных социальных групп и институты контроля за деятельностью органов государственной власти); 2) создать правовую нормативную базу для становления и функционирования демократического общества; 3) сформировать духовно-идеологические основания для достижения социально-политического консенсуса и солидарности различных субъектов власти и гражданского общества.

Выход на сцену политики разнообразных субъектов (политических партий, ассоциаций, объединений, корпораций, региональных элит и др.) нашел свое отражение в усилении социально-политических противоречий и увеличении конфликтов между ними.

Определенная децентрализация и гетерогенность российского политического пространства, становление ассиметричной (федеративной) модели территориальной организации политики не могли не сказаться на процессе политической социализации. Указанный процесс нашел отражение в деполитизации студенческой молодежи, ее политической апатии, уходу от социально-политической реальности в виртуальный мир.

Кроме того, содержание и особенности политической социализации российского студенчества в указанный период во многом оказались производными от таких факторов, как:

- уход государства из сферы управления социальными процессами, нашедших проявление в результатах и последствиях политических реформ постсоветского этапа развития, определенная невосприимчивость власти к проблемам большинства населения и молодежи, к сложностям и трудностям перехода российских граждан к рыночной экономике;
- беспрецедентного социального расслоения населения по степени владения собственностью и уровню доходов, что, безусловно, как

на процессе политической социализации в целом, так и нашло отражение в мотивации и участии молодежи в российском политическом процессе;

- наличие постоянного всеобъемлющего социально-экономического и политического кризиса отразилось на социально-политических и экономических возможностях развития человеческого потенциала основной массы населения, в том числе студенческой молодежи;
- занятость молодежи, ее положение на рынке труда как результат невнятной государственной молодежной политики;
- ослабление влияния на молодежь традиционных агентов политической социализации (семьи, системы образования и воспитания, коллективов сверстников и т.д.);
- дефицит управляемости процессом политической социализации студенческой молодежи со стороны местного сообщества и органов власти.

Важнейшим субъектом политической социализации выступает властвующая элита. Обладание властью и собственностью вот главное, что отличает современную российскую политическую элиту. Сегодня представители правящего в России класса имеют не только власть, но и многомиллионные состояния (достаточно посмотреть налоговые отчеты о доходах членов правительства и региональных руководителей). Такое обособленное положение властвующей элиты, позволяющее ей конвертировать административный ресурс и административную власть в собственность, а последнюю, через подконтрольные российские федеральные и региональные СМИ использовать для манипулирования общественным сознанием, делает ее абсолютным монополистом в сфере политики. «Основное ядро российской политической элиты, - отмечает А.А. Галкин, — сейчас заинтересовано, прежде всего, в сохранении и упрочении имущественных и властных позиций приобретенных в 1980-е и последующие годы. Это находит отражение в его устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую исключительно как неизменность сложившихся отношений власти и собственности. Соответственно любые перемены, пусть даже сулящие в перспективе позитивные результаты, обычно воспринимаются в штыки. Иногда это выливается в актив-

ное противостояние, но чаще всего принимает форму пассивного саботажа»¹.

Конечно, стабильность — это качество, которое необходимо для развития общества и любого нормального процесса политической социализации. Однако указанная «стабильность» искусственно ограничивает необходимый реформистский потенциал и ведет к стагнации и перманентному воспроизводству кризисного состояния. Кроме того, в условиях стратегического безвременья и политического застоя политическая социализация не способна сформировать у большинства молодежи чувства необходимости и сопричастности ни к процессу модернизации, ни к инновационному развитию страны. Чрезвычайно важная для развития России проблем модернизации в условиях масштабного экономического кризиса присутствует в политическом дискурсе скорее где-то на периферии, чем в центре информационного пространства российского общества.

В то же время мгновенное превращение властвующей элиты в господствующий в экономике и политике класс, определили и то, что она не считает себя, свой статус и свое положение, в полной мере легитимным. Это порождает необходимость скрывать многие свои действия от общества, что ведет к ее закрытости и обособленности от народа. Обособленное состояние Власти говорит о том, что она не связана с народом и имеет лишь смутные представления о его проблемах. А с такими представлениями вряд ли возможно выработать идеологию и политический курс, программу понятную и соответствующую интересам молодого поколения граждан страны. Идеология же господства и недоверия к своему народу вряд ли может быть одобрена этим народом. В то же время политическая и административно-политическая элита современной России образуют некий симбиоз. «В стране сложилось нечто вроде социального контракта из трех элементов: доверия верховному лицу со стороны большинства населения, закрепления привилегированной роли бюрократии — главного инструмента и главной опоры власти, обретшей невиданную силу и свободу действий, и защиты этой бюрократией экономических интересов приближенного к ней крупного бизнеса при условии отказа по-

¹ Галкин А.А. Инновационное развитие и проблемы современной России // Политика. 2008. № 3 (50). С. 36.

следнего (в пользу все той же бюрократии) от политических амбиций и части прибылей»¹. Отстраненность властвующей элиты от общества находит проявление в нежелании определиться в своем отношении к советскому прошлому, которое в лучшем случае представляется как большевистский переворот, прервавший поступательное движение России в число высокоразвитых цивилизованных государств, в худшем — как бесчеловечный эксперимент над собственным народом. Безусловно, такая необъективность в оценке недавнего прошлого не способствует современной политической социализации и идентификации студенческой молодежи.

Важнейшим результатом деятельности современной российской власти явились шаги и меры по ограничению движения к реальной демократии. Многие отмененные законодательные нормы и положения были не только символом, но и реальным воплощением движения российского общества к демократии². Отмена их не может быть связана только с ситуативностью или персоналиями. Конечно, иметь послушное, управляемое большинство в представительных органах государственной власти может быть более важно для современной властвующей элиты, чем поиск баланса интересов различных групп и слоев населения. Однако такая модель политического развития противоречит реальному движению к демократии и формированию у молодого поколения демократической ориентации и демократического политического сознания.

Особенностью современного этапа развития российского общества стал поиск новых адекватных форм и институтов социализации, новых опор, позволивших бы молодому поколению ориентироваться в жизни постсоветской России. В этот период начинает формироваться гражданское общество, различного рода объединения и ассоциации, однако формирование молодежных организаций и институтов в

¹ Холодковский К.Г. Россия в условиях глобального кризиса // Мировой экономический кризис в социально-политическом разрезе (Материалы круглого стола) // Полития. 2009. № 1. С. 60.

² В ряд мер по свертыванию публичной политики и развитию демократии можно отнести усиление централизации и построение жесткой вертикали власти; отмена выборов глав регионов, отмена графы «против всех», переход к пропорциональной системе формирования Государственной Думы РФ, отсутствие внятной стратегии развития общества на ближайшую и среднесрочную перспективу. Именно стратегии развития, а не топгания на месте вплоть до 2030–2035 гг.

основном осуществляется «сверху», что, безусловно, искажает реальное публичное представительство.

Для современного российского гражданского общества характерна недостаточная организованность и крайне низкая способность граждан к оппонированию и сопротивлению власти. Последнее, во многом определяется и самим процессом взаимодействия российской Власти и общества. Российская власть не признавала и не признает возможность существования в политике самостоятельных и независимых субъектов, которые могли бы выступать ее партнерами. Все общественные и общественно политические объединения граждан, попав в сферу политики, должны быть подчинены Власти. Самое большее, на что могут рассчитывать институты российского гражданского общества — это быть проводниками воли и интересов Власти. Более того, как справедливо отмечает К.Е. Коктыш: «Общество неизбежно воспринимается правящей элитой как непонятный потенциальный субъект, который структурировавшись, может нести в себе серьезную опасность. В силу этого мероприятия власти оказываются направлены в первую очередь на деконсолидацию общества и обеспечение его пассивности, то есть на поддержание его субъектности в латентном состоянии»¹.

Боязнь и постоянное желание воспрепятствовать развитию элементарных форм и институтов гражданского общества, прежде всего правящей элитой, номенклатурной бюрократией, определили вполне реальные олигархические тенденции социально-экономических и политических преобразований в нашей стране. Акцент, который делает правящий класс современной России на отсутствие или слабость гражданского общества, часто служил и служит оправданием корпоративно-олигархических порядков, элитарной или «управляемой демократии».

Процесс олигархизации российской политики последних 10–15 лет ставит под вопрос возможность демократических преобразований. В ближайшие годы России предстоит сделать выбор между демократическим и корпоративным обществами. Однако сегодня ни у общества, ни у власти пока не хватает воли и сил сделать этот выбор.

¹ Коктыш К.Е. Симметрии и асимметрии онтологии власти в Беларуси и России // Полития. 2008. № 3 (50). С. 137.

По мнению Ю.А.Красина, «российский олигархический корпоративизм стимулирует «эрозию» зарождающегося гражданского общества. Под давлением финансово-олигархических групп и политических кланов неокрепшие институты гражданского общества (среди них независимые профессиональные союзы, политические партии и ассоциации, средства массовой информации) часто прекращаются в закрытые бюрократические организации, в инструменты корпоративной политики»¹.

Преращение российской власти в традиционного для нашей страны единственного самовластного субъекта политического процесса тормозит процесс демократизации нашего общества.

Важную роль в становлении институтов демократии многие исследователи отводят институту переговорно-согласительных процедур необходимых для диалога между различными слоями и группами, общественными ассоциациями, между органами государственной власти и группами частных интересов. По мере дальнейшей социальной дифференциации общества и усилению интенсивности социальных взаимодействий диалог, как форма указанного взаимодействия, становится и приобретает особую значимость с точки зрения перспектив общественного развития. Однако, оставаясь лишь декларацией и не будучи реализованным на практике, диалогичный потенциал переговорно-согласительных процедур не только не способствует развитию демократии, но и направляет российское общество на путь групповых, корпоративных и этнических конфликтов.

Для формирования демократического общества необходимо создание системы сдержек и противовесов, как в политической сфере, так и в самом обществе. Парадоксальность ситуации состоит в том, что российская Власть, являясь единовластным субъектом политики, должна проявить усилия по развитию гражданской инициативы и ответственности, гражданской политической культуры, по привлечению институтов гражданского общества, таких как негосударственные ассоциации, объединения и союзы, к процессу принятия политических решений.

Становящееся субъектом публичной сферы российское гражданское общество должно научиться бороться за свои права и их расши-

¹ Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Публичная политика в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 29–30.

рение, способствовать возникновению ассоциаций и выдвижению инициатив, постоянному обновлению институтов, формирующих у граждан способности критического восприятия деятельности власти.

Сегодня российская молодежь находится в стадии своего становления и освоения новых социальных и политических ролей. В современной России только начался процесс формирования самостоятельной, независимой, самодостаточной и ответственной за свои действия личности. Речь идет о личности, умеющей ценить себя и уважать других. Именно такая личность способствует формированию и развитию гражданского общества и правового государства.

Библиография

1. *Галкин А.А.* Инновационное развитие и проблемы современной России // *Полития*. 2008. № 3 (50).
2. *Холодковский К.Г.* Россия в условиях глобального кризиса // *Мировой экономический кризис в социально-политическом разрезе (Материалы круглого стола)* // *Полития*. 2009. № 1.
4. *Коктыш К.Е.* Симметрии и асимметрии онтологии власти в Беларуси и России // *Полития*. 2008. № 3 (50).
5. *Красин Ю.А.* Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // *Публичная политика в России*. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

ПОРФИРЬЕВА ИРИНА ДМИТРИЕВНА

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: на данный момент от уровня экологической культуры зависит решение проблемы выживания населения нашей планеты: сможет ли человеческий вид выжить и остаться на планете, или его ожидает исчезновение? Непосредственно на такую дисциплину как «экологическая культура» на сегодняшний день возложена миссия спасения населения земли, формирования механизмов противодействия вымиранию и гибели. По этой причине необходимо очень серьезно относиться к проблемам экологического кризиса, и минимизировать его последствия с помощью пересмотра законодательства и изменения системы образования.

Ключевые слова: экологическая культура, молодежь, экологические проблемы, социально-экологические проблемы.

На данный момент социально-экологические проблемы на территориальном, общенациональном, региональном и мировом уровнях крайне актуальны. Экологический кризис, который так внезапно поразило место обитания человека, внес значительный коррективы во взаимоотношения природы и человека, вынудил пересмотреть все значимые разработки человеческой цивилизации¹. Экокультура — это степень восприятия людьми окружающего мира и оценка своего положения во вселенной, отношение индивида к миру. Немаловажно то, что уровень экологической культуры зависит от экологической обстановки в мире и находится в прямой зависимости от восприятия биосферы. Варианты предотвращения проблем экологического кризиса, лежат в плоскости повышения уровня экологического образования молодежной когорты.

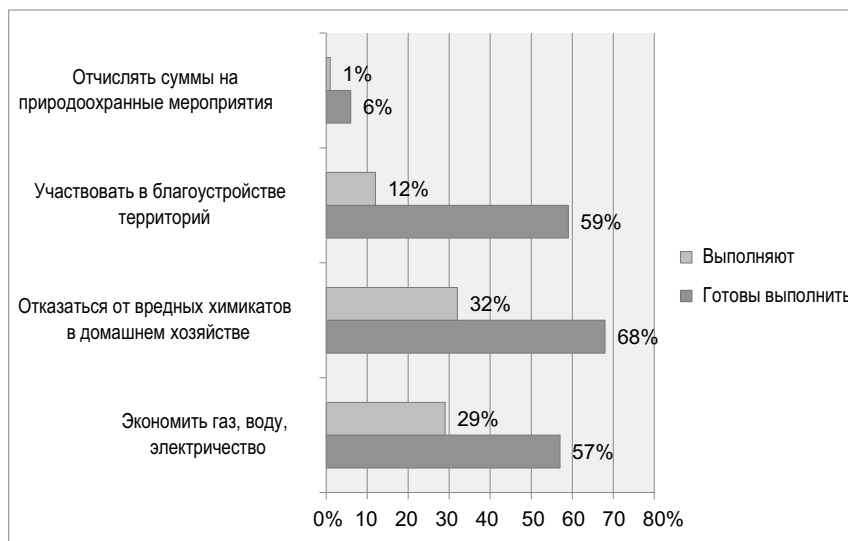

Рисунок. Что Вы готовы сделать, чтобы улучшить экологическую ситуацию

Цель исследования: провести анализ состояния экологической культуры и предложить пути формирования экологической культуры современной студенческой молодежи.

¹ Борзенков В.Г. Современная биология в зеркале методологической рефлексии // Современная биология: Новые идеи. Синергетика. Семиотика. Козволюция. М.: Наука, 2002. 68 с.

Методологическую базу составляют: сбор эмпирических данных и комплексные социологические исследования, которые дали возможность целостного представления о формировании сложившегося в настоящее время типа экологической культуры у студенческой молодежи.

Опытно-экспериментальной базой исследования явились респонденты Казанского (Приволжского) федерального университета. Всего исследованием было охвачено 346 человек.

Ниже, на рисунке представлены результаты проведенного исследования, они показывают что, подавляющее большинство студентов готовы в перспективе проявлять личную активность, в практическом решении экологических вопросов.

Развитие гуманного отношения к окружающему миру, которому до нынешнего времени уделялось гораздо меньше внимания, чем формированию научных экологических знаний, должно занять важнейшее место в содержании деятельности по формированию экологической культуры молодежи¹.

Уровень экологической культуры современной учащейся молодежи недостаточен и нуждается в немедленном повышении. Всего лишь 3,3% опрошенных студентов принимали участие в организации экологической деятельности, 38% респондентов достаточно систематически участвовали в экологической деятельности (субботники, природоохранные акции и конкурсы), а 39% опрошенных респондентов и вовсе не задумывались о возможности личного вклада в состояние окружающей среды. Анализ экологического восприятия природы студентами университета продемонстрировал, что из общего количества современной молодежи весьма мало тех, кто относится к ней как наивысшей социокультурной ценности. На данный момент наблюдается тенденция всеобщей заинтересованности состоянием окружающей среды, а источники экологической информации свидетельствуют о высоких социокультурных резервах и потенциальной готовности современной молодежи к природоохранной деятельности, формиру-

¹ *Лаптев И.Д.* Экологические проблемы современности / И.Д. Лаптев. М., 2008; *Скрипка А.П.* Формирование экологической культуры личности: Социально-философский аспект: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук / А.П. Скрипка. Киев, 1990. 25 с.

ющей стандарты и образцы экологической культуры¹. Однако это сознание обеспокоенности реализуется лишь в самом общем виде, оно не связывает существующее положение с действиями конкретных социальных групп своими поведенческими актами.

Рекомендации по формированию экологической культуры студенческой молодежи:

- разработать и реализовать проекты, направленные на увеличение эффективности восприятия экоккультуры студенческой молодежью;
- контролировать разработку природных ресурсов регионов страны, с целью предотвращения урона окружающей среде;
- повысить уровень информированности населения посредством свободного доступа к регулярно публикуемой экологической информации;
- привлечь научное сообщество к разработке рекомендаций по экологически безопасному природопользованию, охране природных ресурсов;
- заимствовать опыт соседствующих регионов и внедрение инновационных природосберегающих технологий для достижения высокого экологического уровня;
- органам и учреждениям культуры, обеспечить информационную и духовно-нравственную поддержку экологических разработок.

Заключение

Формирование экоккультуры открывает путь к созданию экологически ориентированного общества. Современный тип общества, который создан не на изменении социальных отношений, подобно как существовало прежде, а в изменении двухсторонних отношений индивида с природой, сознательно призывает к возникновению свежих взглядов о том, что считать критерием гораздо лучшего, современного.

Камнем преткновения экологической культуры являются имеющиеся противоречия между постоянно ухудшающимся состоянием

¹ Сосунова И.А. социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки / И.А. Сосунова // Социс. 2005. № 7. С. 94–104; Яницкий О.Н. Россия как экосистема / О.Н. Яницкий // Социс. 2005. №7. С. 84–93.

окружающей среды и растущими потребностями, со стороны общества. Для достижения высокого экокультурного уровня необходимо синтезировать следующие составляющие:

- повышение уровня экологической грамотности;
- информированность населения и повышения заинтересованности в информации, связанной с освещением глобальных проблем окружающей среды;

Экологическое образование — это не часть общего образования, а его новый смысл, его цель в полном соответствии с новой парадигмой развивающегося и развивающегося образования, которое связано с созданием гармонических отношений не только человека с человеком, но и человека с природой и окружающей средой. Особенностью формирования экологической культуры на современном этапе является ее планетарный, глобально-цивилизированный характер, так как экологические проблемы в любой стране влияют на экологическую ситуацию на планете. Это требует координации деятельности субъектов экологической культуры всех стран. В настоящее время очевидна тенденция интеграции экологической деятельности в международном масштабе.

Библиография

1. Борзенков В.Г. Современная биология в зеркале методологической рефлексии // Современная биология: Новые идеи. Синергетика. Семиотика. Козэволюция. М.: Наука, 2002. 68 с.
2. Лаптев И.Д. Экологические проблемы современности / И.Д. Лаптев. М., 2008.
3. Скрипка А.П. Формирование экологической культуры личности: социально-философский аспект: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук / А.П. Скрипка. Киев, 1990. 25 с.
4. Сосунова И.А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки / И.А. Сосунова // Социс. 2005. № 7. С. 94–104.
5. Яницкий О.Н. Россия как экосистема / О.Н. Яницкий // Социс. 2005. № 7. С. 84–93.

СИДЕЛЬНИКОВА ТАТЬЯНА ТИМОФЕЕВНА

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация: среди многообразия политических профессий в статье рассматривается «Исследователь политики, преподаватель политических наук», потенциал и ограничения его профессиональных и личностных качеств и компетенций, анализируется такой метод повышения квалификации молодых преподавателей политологии как акмеологический тренинг, который представляет собой итерактивность, интегративность и вариативность системы специально организованных в режиме погружения форм общения и обучения, направленных на развитие личностного и профессионального потенциала, самоконтроля преподавателей политических дисциплин вузов.

Ключевые слова: преподаватель политологии высшей школы, компетенции, повышение квалификации молодых преподавателей политических наук, акмеологический тренинг, метод «погружения».

Исследователь политики, преподаватель политических наук, политический лидер, дипломат, сотрудник международной организации, политический аналитик, консультант PR-менеджер в сфере политики, государственный служащий, политический журналист, политтехнолог, менеджер избирательных кампаний, GR-менеджер — эти политические профессии в большей или меньшей степени предполагают компетенции, которые априори присущи преподавательской деятельности.

Политтехнологу, консультанту дипломату необходимо умения *объяснять* клиенту сложности политической деятельности и способы их преодоления политическому лидеру не стать таковым без виртуозного *владения* различного формата *политическими публичными коммуникациями*. Каждый имеет свой вектор приложения усилий, но интегрирует все многообразие компетенций и профессионально значимых личностных качеств профессия «Исследователь политики, преподаватель политических наук». Причем численность людей, занятых в этой сфере, велика. К примеру, только на 2 съезде РОП (ноябрь 2016г, г. Казань) из 391 участника, заявленных в программе, более 80% были преподаватели высших учебных заведений.

Естественно. передача политических знаний другим предполагает не только владение приемами и технологиями обучения, но и фор-

мирование определенных профессионально — личностных качеств и компетенций, а также блокирование тех, которые могут помешать миссии преподавателя политических наук.

В числе первых — компетентность, целеустремленность, интуиция, наблюдательность, терпение, аналитические способности, внимательность, тактичность, доброжелательность, сдержанность, эмпатия, системность, исследовательское педагогическое мышление, непредвзятость анализа, адекватная самооценка, коммуникабельность, педагогическая рефлексия, наличие внутреннего локуса контроля, позитивная Я-концепция. Перечень можно продолжить.

Одновременно барьерами преподавательской деятельности может выступить недостаточная эрудиция, эмоциональная невыдержанность, инертность, замкнутость, фрагментарность сознания, политическая заангажированность, завышенная/заниженная самооценка, консерватизм мышления, низкая переключаемость, внешний локус контроля, слабая инициатива, отсутствие целостного видения своего профессионального пути и зоны ближайшего развития.

Как можно убедиться, перечень задач, действий и качеств преподавателей политологических дисциплин весьма обширен. Однако при всем многообразии компетенций они могут быть сведены в основные блоки, каковыми являются:

- компетентность в области преподаваемой дисциплины;
- социально-психологическая компетентность в области процессов общения;
- методическая компетентность в области формирования знаний, умений студентов, владение методиками, средствами приемами максимально адекватными возрасту, характеру образования аудитории и т.п.;
- аутопсихологическая компетентность, представляющая собой процесс решения совокупности рефлексивных гностических задач, способствующих адекватному восприятию и пониманию преподавателем различных сторон своей личности и деятельности.

Естественно, развитие этих качеств должно представлять собой целенаправленный процесс, при этом его активным субъектом должны выступать именно молодые преподаватели.

Выбор этой целевой группы обусловлен не дистанцированностью от других возрастных групп, но:

- объективно существующей мобильностью и коммуникабельностью молодых преподавателей и аспирантов;
- важностью взаимообмена образовательными и научными ресурсами молодых преподавателей и аспирантов кафедр смежных специальностей, интенсификацией контактов ППС,
- интересом молодых преподавателей к экспериментам, инновациям;
- экономической и профессиональной целесообразностью,
- имеющимся многолетним опытом, накоплены м автором при работе именно с этой категорией слушателей

К сожалению, в сознании многих укоренилось, что подготовка *преподавателей — политологов* — это само собой протекающий процесс, замешанный на высоком уровне полифоничных профессиональных знаний (чему посвящается большинство различного рода молодежных политологических форумов, летних (зимних) школ и т.д.) и спонтанном, во многом интуитивном, алгоритме проведения занятий.

Альтернативой такому подходу, на наш взгляд, может выступить целенаправленная научно — методическая подготовка молодых преподавателей, проходящая в формате акмеологических тренингов

Акмеологический (акме (греч.) — вершина зрелости) тренинг — это итерактивность, интегративность и вариативность системы специально организованных в режиме погружения форм общения и обучения, которые направлены на развитие личностного потенциала преподавателей, их самоконтроля, собственно профессиональной деятельности слушателей

Проанализируем коротко черты тренинга, которые, имея универсальный характер, были адаптированы и использованы автором при проведении занятий с преподавателями политологии.

Тренинг отличается от других средств обучения, прежде всего, *многофункциональностью*¹. В его активе развития целого спектра, как специальных профессиональных, так и личностных качеств, причем акцент делается на вторые, поскольку они являются базовыми, основополагающими для проявления личности в любой, в том числе, и профессиональной сфере деятельности. В тренинге осуществляется передача информации, помогающая преподавателю ориентиро-

¹ Пугачев В.П. Тесты, деловые игры, тренинги, управление персоналом / В.П. Пугачев. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 70–80.

ваться в организации и ее внешней среде, совершенствуются модели межличностных коммуникаций, взаимодействия. В конечном счете, тренинг может способствовать изменению установок слушателей, т.е. влияет на систему ценностей индивида.

Вторая особенность тренинга — его поведенческая направленность. Тренинг служит не только расширению знаний, но и отработке определенных моделей поведения, стратегий в организации учебного процесса, имеет ярко выраженный прикладной характер: больше, чем другие методы обучения (75% всего объема занятий), подчинен непосредственному решению практических задач.

Преимущество тренинга и вместе с тем неотъемлемая черта — групповой характер его организации, что предполагает ряд условий. В их числе:

- нацеленность на раскрытие потенциала участников группы, на саморазвитие, при этом инициирование данного процесса исходит не только (а порой, и не столько) от ведущего, сколько от самих участников;
- наличие постоянной группы (в тренинге преподавателей политологии);
- это группа из 20–25 человек, работающей непрерывно в течение трех и более дней, так называемые тренинги-марафоны);
- определенная пространственная организация (чаще всего занятия проводятся в удобном изолированном помещении, участники большую часть времени работают в кругу в микро- или макрогруппах);
- акцент на взаимоотношениях между участниками группы, которые развиваются и анализируются в ситуации «здесь и теперь»;
- применение методов активизации групповой работы;
- объективизация субъективных чувств и эмоций участников группы относительно друг друга и происходящего в группе, вербализованная рефлексия;
- атмосфера раскованности и свободы общения между участниками, климат психологической безопасности.

Участвуя в тренинге в постоянной групповой работе, преподаватель не только хорошо узнает, осознает, признает, но и в подавляющем большинстве случаев безусловно принимает преимущества такой формы учебной деятельности. Испытав на себе влияние «груп-

пового феномена», преподаватель готов использовать процедуры, создающие этот феномен, и на занятиях со студентами.

Еще одной характерной особенностью (можно даже сказать — *принципом*) тренинга является «погружение в предмет». Под этим понимается совокупность организационных структур, форм, средств, методов организации педагогического процесса, протекающего в короткий промежуток времени и реализующего задачу формирования целостного феномена профессионального мастерства.

Как подчеркивает Т.А. Стефановская, активный сторонник использования в вузовской практике «погружения», оно рассматривается как «эффективный способ (система действий) интенсификации педагогического процесса в вузе, а также как модель формирования мобильности, как ведущего личностного качества специалиста»¹.

Метафорой «погружения» можно назвать эффект «соленого огурца», когда каждый участник попадает в организованный определенным образом культурный универсум, среду неповседневных значений и смыслов, которыми через некоторое время он неминуемо «пропитывается». Достигается это

1. Интенсификацией (спрессовкой) времени обучения;
2. Связыванием знаний в единую непротиворечивую целостность, объединенную общей идеей конструкцию;
3. Творческим порождением знаний самими обучаемыми в процессе педагогической коммуникации;
4. Личностной включенностью обучающегося в образовательный процесс (осваивается прежде всего жизненно значимая деятельность);
5. Устойчивостью доминант (возможностью длительного сосредоточения на одном предмете, позволяющей определить «мое» или «не мое» это дело)².

В феномене «погружения» мы имеем реальность совместного продуктивного диалога многих заинтересованных людей, когда кооперативные усилия участников погружения вдруг обнаруживают кумулятивные следствия — резкое прибавление индивидуальных значений и смыслов у каждого участника. Мы имеем системное действие, не

¹ Стефановская Т.А. Технология обучения педагогике в вузе / Т.А.Стефановская. М.: Совершенство, 2000. С. 127.

² Полонников А.А. Очерки методики преподавания психологии: Системно-ситуационный анализ психологического взаимодействия / А.А. Полонников. Минск: ЕГУ, 2001.

сводимое к арифметической сумме индивидуальных усилий и проявляющееся в единстве когнитивных, аффективных и конативных компонентов. В контексте описываемых тренингов — это позиционирование себя в современной социокультурной и образовательной ситуации, в ситуации, сложившейся в современной политической науке и ее преподавании, в собственной профессиональной перспективе.

Естественно, погружение несводимо лишь к временной концентрации обучения. Оно должно быть выстроено на применении таких методик, средств, приемов ускоренного обучения, которые мобилизуют интеллектуальную, психологическую, эмоциональную готовность обучаемых воспринимать и усваивать большой массив информации.

Эти методики

- многократно *ускоряют* (минимум в два раза, а иногда и на порядок) процесс выработки интеллектуальных и практических навыков и умений высокого качества;
- *индивидуализируют* процесс обучения, доводя буквально каждого обучаемого до нужного уровня профессионализма;
- делают обучение практически *безошибочным* для обучаемых (нет тех «проб и ошибок», которые присущи обычным методам);
- представляют возможность *самообучения* любому желающему, если он захочет овладеть какой-нибудь новой для себя деятельностью;
- *исключают необходимость* специального заучивания, делают ненужным заблаговременное запоминание знаний до начала их применения;
- *не требуют* никаких дополнительных *дорогостоящих* технических средств обучения помимо тех, которыми обычно пользуются постоянно;
- дают долговременный *экономический эффект*, ибо каждая методика служит столь долго, сколько существует данная профессиональная деятельность;
- обеспечивают такое качество подготовки по осваиваемой деятельности, что, как правило, ее выполняют от 95 до 100% обучаемых¹.

¹ Бадмаев Б.Ц. Психология и методика ускоренного обучения / Б.Ц. Бадмаев. М.: Владос, 1998; Сидельникова Т.Т. Инновации в обучении социальным и гуманитарным дисциплинам: вопросы теории и практики (на примере курса «Политология»). Казань: Центр инновационных технологий, 2009; Стефановская Т.А. Технология обучения педагогике в вузе / Т.А. Стефановская. М.: Совершенство, 2000.

Конечно, в каждой сфере профессиональной деятельности данные методики, сохраняя изложенные выше общие характеристики и функции тренингов, будут иметь свой вектор и фокус.

На протяжении многих лет под руководством и непосредственным участием автора, в Казанском Федеральном университете проводятся летние и зимние акмеологические тренинги молодых преподавателей всех факультетов, имеется хороший опыт повышения квалификации молодых преподавателей политологии вузов Казани и Республики Татарстан, совместный тренинг с молодыми преподавателями политологии и аспирантами Нижегородского государственного университета. Приведем фрагмент программы такого тренинга¹.

Программа акмеологического тренинга «Инновационные технологии обучения политологии» (для молодых преподавателей политологии вузов)

Форма занятий	Тема и содержание	Цели и результаты
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ		
Вводное занятие	Ознакомление с программой и особенностями обучения. Психогео-метрия. Формирование игровых коллективов. «Разогрев» группы	Адаптация к учебному процессу
Тестирование	«В какой степени Вы владеете...?» (Входной контроль знаний слушателей по вопросам инновационного обучения)	Получение оперативной информации о наличии у слушателей знаний инноватики в образовании
Лекция-демонстрация	Традиции и инновации в обучении политологии	Анализ традиционного и инновационного типов обучения. Информирование о новых подходах в обучении политологии
Деловая игра	«Инновационные технологии в обучении — это...»	Коллективная деятельность по определению поля проблем внедрения инноваций в обучении политологии. Ранжирование проблем
Лекция-практикум	Психологическое обеспечение занятий как составляющая инновационных технологий обучения	Информация о создании игрового пространства, приемах «ломки льда», принципах формирования игровых коллективов. Закрепление коммуникативных умений

¹ Сидельникова Т.Т. Инновации в обучении социальным и гуманитарным дисциплинам: вопросы теории и практики (на примере курса «Политология»). Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 273–279.

Форма занятий	Тема и содержание	Цели и результаты
Лекция-демонстрация	Модерация: «Групповое обучение и его разновидности». Особенности использования системы методов интерактивного обучения»	Информирование слушателей о современных типологиях методов обучения (эвристические, интерактивные и др.)
Практикум	Ментальные/интеллект карты как инструмент нетекстового представления информации	Развитие навыков создания структурно-логических схем визуализация политических явлений и процессов

Тренинг преподавателей-политологов проходит в условиях интенсивного «погружения», являясь, «синтетической антропотехникой», сочетающей в себе учебную и игровую деятельность.

Протекая в условиях моделирования игровых ситуаций разного характера и направленности, тренинг имеет своей основной задачей подготовку преподавателей, обладающих широким спектром профессионально важных личностных качеств, а также профессиональных знаний и умений, направленных на овладение преподавателями знаниями в вопросах теории политики и прикладной политологии, современным научно-методическим инструментарием, алгоритмом построения публичных выступлений, механизмом убеждающего воздействия на аудиторию. Тренинг может включать блоки креативной подготовки, которая предполагает развитие способности к конструктивному, нестандартному мышлению и поведению, а также осознанию и развитию своего опыта, рефлексиию.

Библиография

1. *Бадмаев Б.Ц.* Психология и методика ускоренного обучения / Б.Ц.Бадмаев. М.: Владос, 1998. 269 с.
2. *Полонников А.А.* Очерки методики преподавания психологии: Системно-ситуационный анализ психологического взаимодействия / А.А. Полонников. Минск: ЕГУ, 2001. 127 с.
3. *Пугачев В.П.* Тесты, деловые игры, тренинги, управление персоналом / В.П.Пугачев. М.: Аспект Пресс, 2003. 284 с.
4. *Сидельникова Т.Т.* Инновации в обучении социальным и гуманитарным дисциплинам: вопросы теории и практики (на примере курса «Политология»). Казань: Центр инновационных технологий, 2009.
5. *Стефановская Т.А.* Технология обучения педагогике в вузе / Т.А. Стефановская. М.: Совершенство, 2000. 272 с.

ШИБАНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О РОЛИ
МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН В ТЕРРОРИЗМЕ: СТЕРЕОТИПЫ,
РЕАЛИИ, ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация: в статье освещается современное представление о месте женщин в террористическом движении. Рассмотрены мотивы женщин, приведших их в террористические организации и место, занимаемое ими там. Обозначены возможные пути профилактики радикализации молодых женщин.

Ключевые слова: терроризм, женщины-террористки, радикализация, гендер.

Терроризм — одна из характерных черт современного общества и одна из основных угроз его безопасности. Террористические организации, обладая различными целями, структурой и стратегией имеют ряд общих черт своей деятельности: ориентированность на насильственный нелегитимный способ разрешения конфликта; направленность масштабных действий против мирного населения (в противовес избирательной стратегии революционного терроризма в Российской империи); нацеленность на публичность, на широкую аудиторию, стремление посеять среди населения страх и панику; активное использование религиозного фактора для сокрытия политических целей, применение террористов-смертников. Привлечение девушек так же характерная черта современного терроризма.

Роль прекрасной половины человечества в террористических организациях, процессах экстремизма и радикализации все больше привлекает внимание академической среды, СМИ, общественных организаций, органов государственной власти и правопорядка. Такое повышенное внимание имеет свое объяснение — рост числа женщин, вовлекаемых в экстремистские и террористические организации. В России широкую известность получил случай В.Карауловой, и он далеко не единственный (например, задержание в 2016 году в Ростове-на-Дону трех девушек и молодого человек, готовивших теракты¹).

Ситуация радикализации женщин сопровождается гендерными стереотипами. Согласно одному из них, радикализация считается «мужской проблемой» — она затрагивает мужчин, и решать ее долж-

¹ В Ростове задержали девушек, готовивших теракты // Росбалт. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/01/18/1480666.html> (дата посещения: 01.11.2016).

ны мужчины. На сегодняшний день не существует точных статистических данных о количестве женщин-террористок. Так, согласно данным Э.Спекхард, доля женщин в террористических организациях 15–20%¹. Эксперты Института освещения войны и мира (IWPR) считают, что количество женщин, вовлеченных в экстремистские организации, составляет 23%, в 2001 г. — 1%². Осознание стереотипа — первый шаг к его преодолению. В этом направлении уже ведется определенная работа. Так, из 16 короткометражных фильмов на сайте Национального антитеррористического комитета, в 4 раскрывается реальная роль женщин в террористических организациях³. Начальником Росгвардии во Владимирской области назначена полковник А. Мокшина⁴. Однако привлечение женщин и женских организаций в процессы профилактики радикализации, присутствие женщин среди специалистов по борьбе с терроризмом на всех уровнях и по всем функциям еще недостаточно.

Стереотип: женщина-террористка — черта современности. Но участие женщин (как распространительниц идеологии, как исполнительниц террористических актов, как руководителей и вдохновительниц) в организациях Народная воля, в боевом отряде партии эсеров доказывают несостоятельность таких представлений.

Следующая группа стереотипов касается представлений о роли, женщин в террористических организациях. Как правило, женщины представляются чаще в трех ролях: как пассивные зависимые жертвы обстоятельств и мужчин, как смертницы и как представительницы «секс-джихада». Из поля зрения выпадают роли женщин в руководстве, идеологической деятельности, операционных и логистических действиях. В запрещенной в России организации ИГИЛ женщины

¹ Гирко Т. Женщины и терроризм / Les femmes et le terrorisme // Веб-сайт «Наша Газета» URL: <http://nashagazeta.ch/news/politique/zhenshchiny-i-terrorizm> (дата посещения: 01.11.2016).

² IWPR провел в Оше круглый стол «Радикализация ислама в Кыргызстане: вызовы и ответы» // ЦентрАзия — информационный портал URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1447148460> (дата посещения: 01.08.1016).

³ Веб-сайт НАК URL: <http://nac.gov.ru/dokumentalnye-filmy.html> (дата посещения обращения: 01.08.2016).

⁴ Формирование Росгвардии: бороться с терроризмом во Владимире будет женщина // Веб-сайт «ИА REGNUM». URL: <https://regnum.ru/news/polit/2191113.html> (дата посещения: 11.11.2016).

ведут наблюдение за рабынями, становится «полицейскими», выступают ключевыми узлами в распространении пропаганды ИГИЛ, поиске неофитов и сочувствующих, в восстановлении связей между участниками группы после ее закрытия, отвечают за вербовку и психологическую подготовку смертниц. В то же время сами террористические группировки активно используют стереотипный образ мирной женщины для привлечения новых участниц, для заявлений о ненасильственном характере их деятельности. За пределами внимания остаются и женщины-пособники, которые сами не совершают прямых террористических действий, но оказывают террористическим организациям различную помощь.

Еще один стереотип: женщины-террористки — это «восточные женщины-мусульманки» — пример В. Карауловой его опровергает. Этот же пример опровергает и стереотип о террористках, как необразованных, недалеких женщин. Действительно, у женщин-террористок различный уровень образования, но, как правило, их интеллектуальное развитие находится в пределах нормы.

Представление о том, что женщины-террористки — вдовы, как и большинство стереотипов лишь частично отражает реальность. По данным Э. Спекхард и Х. Ахмедовой только 23% чеченских женщин-террористок были вдовами¹.

Освобождение от стереотипов оберегает от ошибочных суждений, раздвигает горизонты познания и дает возможности выработки конструктивных мер по противодействию радикализации, экстремизма и насилия.

Эксперты отмечают, что радикализация женщин в России происходит в молодежном возрасте: большинство преступлений экстремистской направленности совершают женщины до 30 лет. При этом невозможно дать точный социологический портрет таких женщин. Так, среди джихадистов в Киргизии были представители обоих полов, с разным уровнем светского и религиозного образования, с разным экономическим статусом, с разной степенью религиозности².

¹ Female suicide bombers: dying for equality / Ed. by Y.Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee center for strategic studies, Tel Aviv University, 2006. 111 p.

² Иващенко Е. Кыргызстан: Кто уезжает воевать в Сирию // Информационное агентство Фергана URL: <http://www.fergananews.com/articles/8774> (дата посещения: 01.11.2016).

А среди 378 жительниц Германии, отправившихся в «Халифат» были девушки из мигрантских семей, урожденные мусульманки и немки, принявшими ислам¹. Таким образом, процессы радикализации и условия, ведущие к ней чрезвычайно вариабельны. Наряду с личностно-психологическим факторами необходимо учитывать исторические, политические, социально-экономические, демографические и многие другие факторы, что особенно важно, так как эффективные меры профилактики и предупреждения женского экстремизма немислимы без выявления, изучения, анализа, минимизации и устранения его истоков.

Существует широкий спектр причины радикализации молодых женщин, при этом каждая причина это основа для разработки мер по профилактике и предупреждению радикализации. Обозначим наиболее распространенные причины.

Низкий уровень религиозного образования. Не мусульманкам сложно разобраться в тонкостях ислама, обнаружить искажения текста Корана, либо вымышленные тексты, что часто используют вербовщики². Но и для мусульманок это сложная задача. В медресе и мечетях религиозное образование дают в основном мужчинам. При этом, работа радикальных интернет-имамов имеет высокий качественный уровень: приятный голос, правильные интонации, навыки убеждения, все направленно на то, что бы мягко направить на путь терроризма через идеи богоугодного дела, борьбы против неверных и врагов ислама, заслужить попадание в рай, построения «исламского государства».

В качестве профилактики этой причины может выступать развитие и внедрение образовательных программ, нацеленных на повышение грамотности девушек по вопросам религии, их ознакомление с историческим опытом конструктивного толерантного взаимодействия представителей различных религий и конфессий, а также негативного и трагического опыта религиозных войн и конфликтов. Эти программы должны иметь горизонтальное и вертикальное изме-

¹ Нимировский Б. Женщины и джихад //«Республика-деловое обозрение» URL: respublika-kz.info/n/txt/news/politics/38876/save/ (дата обращения: 01.11.2016).

² Борьба с ИГ 2.0: как вычислить вербовщика в соцсетях // Politikus.ru URL:<http://politikus.ru/articles/60297-borba-s-ig-20-kak-vychislit-verbovschika-v-socsetyah.html> (дата обращения: 01.07.2016).

рение: во всех уровнях образовательных учреждений, в СМИ, в интернет-пространстве, в общественных организациях, в медицинских учреждениях, на предприятиях и т.д. Необходимо помнить о формах этих образовательных продуктов. Так, большинство литературы по вопросам религии лежат на полках библиотек или книжных магазинов и не востребованы молодежью. В то время как красочные эффективные медиа-продукты экстремистов находятся в свободном доступе в сети, за них не надо платить, они понятны, доступны.

Безработица и недоступность социальных лифтов — еще одна причина. Отсутствие постоянной, хорошо оплачиваемой работы достаточно часто выступает детерминантой радикализации как женщин, так и мужчин. Но этот вопрос имеет женское измерение. Безработных женщин больше, чем мужчин, их больше на рынке теневого труда, их заработная плата часто ниже оплаты за аналогичный труд мужчины, девушкам устроиться на хорошую работу труднее. Кризис пополнил число безработных женщин, понизив их самооценку и уверенность в завтрашнем дне. В мусульманских регионах и странах доля экономически активных женщин еще ниже. Девушки, выбравшие путь хранительницы очага не всегда дополучают социального одобрения, а финансовая поддержка государства за их тяжелый каждодневный труд зачастую имеет символический характер. В итоге девушка, невостребованная на рынке труда в своем государстве, при отсутствии или малом доходе, но с высоким уровнем желаний и потребностей или молодая мать, недооцененная обществом, становятся легкой добычей вербовщиков, обещающих уважение и почет матери или карьерный рост, поощряющих искаженное желание быть активным строителем своей жизни и быть защитником слабых, бороться за справедливость.

Внимание к проблемам трудоустройства девушек со стороны государства и учебных учреждений, ориентация студентов на поиск работы уже во время учебы, поддержка работающих студентов, социальная и финансовая поддержка молодых мам, особенно во время учебы, создание курсов по востребованным профессиям, популяризация востребованных экономикой специальностей — эти меры имеют значительный понижающий потенциал для радикализации молодых женщин.

Желание выйти замуж — чрезвычайно распространенное желание девушек. «Невесты джихада» очень разные. Одни, едут к женихам, чтобы сбежать от осуждения и критики, что долго не выходят замуж. Для других это возможность выйти замуж и уехать за границу. Третьи стремятся получить высокий статус вдовы шахида, гарантирующий попадание в рай. Четвертые следуют за своими женихами или мужьями — членами экстремистских сообществ. Пятые прибывают в уверенности, что мусульмане — лучшие мужчины, которым вера запрещает обижать жен. Шестые — это матери-одиночки или брошенные мужьями ради новых жен. Седьмые — вдовы экстремистов, убитых сотрудниками правоохранительных органов или погибших во время совершения преступления экстремистской и террористической направленности. И многие из этих девушек окутаны романтикой и приключенческим духом.

Такое разнообразие мотивов невест джихада объясняется качественной работой вербовщиков. В сети девушек знакомят с интервью вдов боевиков, с советами как выйти замуж за экстремиста, а сами боевики предлагают им руку и сердце. Действуют специальные брачные агентства. Жены и сестры боевиков ведут активную агитацию. К весьма эффективным мерам профилактики следует отнести: работу по преодолению гендерных стереотипов (незамужние девушки не должны подвергаться осуждению), информирование девушек их родителей об опасности интернет знакомств с экстремистами, информирование аудитории о реальном положении женщин в зонах действия экстремистов, знакомство с опытом рерадикализованных девушек, действие программ по рерадикализации и реинтеграции таких девушек в мирное сообщество.

Многие девушки, подвергшиеся радикализации, обладают негативным опытом семейного насилия, испытывают отсутствие доверия к органам правопорядка, правосудия. Радикализация в этом случае — своеобразный побег от насилия в «безопасное место». Кроме вышеозначенных мер профилактики можно отметить организацию и функционирование в учебных учреждениях, в том числе и в высших, служб доверия или психологической помощи.

Нарушение прав человека могут подтолкнуть женщин к пути радикализации. Эти нарушения экстремисты интерпретируют как невыносимую обстановку преследований, противопоставляя ее «иде-

альному государству», где «есть место для каждого». Противостоять таким призывам могут эффективные институты защиты прав человека, а при необходимости временного ограничения прав — эффективное и доступное информирование о причинах и сроках принятых мер. Отдельно отметим, что важная составляющая профилактики радикализации женщин — внимание общества и государства к проблемам женщин, к их правам.

Злоупотребления должностными полномочиями со стороны государственных деятелей, чиновников, сотрудников правоохранительных органов провоцируют экстремистское настроение молодых женщин. Правомерное и морально-этическое поведение представителей власти и блюстителей закона — одна из мер противодействия преступлениям экстремистской направленности¹. Важно, что бы женщины имели возможность сообщить о злоупотреблениях и видели неотвратимые и серьезные последствия, которые оно влечет для нерадивого чиновника.

Девушкам, чьи родственники подвержены идеям экстремизма и терроризма, как правило, сложно избежать радикализации. Здесь же стоит указать практику отправки молодых девушек на учебу в заграничные исламские центры. Но опасность может быть и на территории республик Северного Кавказа². В этом аспекте крайне важна роль учебных заведений. Изменения поведения девушек, оставление учебы без уважительной причины — повод для проверки. Внимательное отношение к потенциальным жертвам радикализации преподавательского состава, психологов и социологов учебного заведения — эффективная мера предотвращения и рерадикализации.

Разрушение ценности семьи и авторитета родителей. Вакуум, создающийся при разрушении ценностей, заполняется новыми, которые не всегда конструктивны. Известны случаи, когда молодые женщины бросают семьи и отправляются воевать в Сирию³. Падение уров-

¹ Крючков В.Г. Проблемы экстремизма среди женщин в Республике Дагестан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 30.

² Зиядова Д., Крючков В. Криминологический анализ экстремизма среди женщин в регионах Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 211.

³ Уметалиев Т. Кыргызстан: женщин-экстремисток становится все больше // ЦентрАзия — информационный портал URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1457969220> (дата обращения: 01.07.2016).

ня воспитания и образования, низкая культура поведения — так же возможные источники радикализации женщин. В подобных случаях популяризация и поддержка традиционных ценностей, информирование об опасностях экстремистских движения защитит девушек от радикализации.

Поиск женщинами исламской среды для своих детей. В качестве профилактики подобного мотива выступают образовательные программы по вопросам религии, организация просветительской деятельности в рамках традиционного ислама, знакомство с опытом уважаемых матерей-мусульманок, внимание к проблемам женщины со стороны социального окружения: семьи, соседей, коллег, сокурсников и т.д.¹

Проблема изоляции имеет несколько измерений: изоляция жен и дочерей салафитов, джихадистов от социума и изолированность в западном мире. В обоих случаях возникает потребность в общении со старшей наставницей, которой можно задать волнующие вопросы, рассказать о проблемах, поделиться переживаниями. И такие наставницы с готовностью принимают девушек. Борьба с их пропагандой возможно контрпропагандой и информированием родителей о возможных угрозах непроверенного интернет общения, популяризация роли семейных уз и взаимопомощи.

Личностные особенности: героизация и романтизация джихада, стремление к мученичеству, поиск острых ощущений, стремление выделиться и эпатировать — возможные основы радикализации. Профилактика в данном случае немыслима без внимания семьи и образовательных учреждений к потенциальным жертвам.

Недостаточная информированность о наказании за терроризм и экстремизм для детей и женщин. Информированность населения о неотвратимости наказания за организацию и участие в террористических и экстремистских организациях должна носить массовый характер. Особенно важно информировать о том, что включает в себя понятие «участия в террористических и экстремистских организациях». Примеры применения подобного наказания в отношении жен-

¹ Сирия зовет: радикализация в Центральной Азии Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии No72, 20 января 2015 г. С.10 // International Crisis Group URL: [http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/central-asia/Russian%20translations/b072-syria-calling-radicalisation-in-central-asia-russian.ashx](http://www.crisisgroup.org/~/media/Files/asia/central-asia/Russian%20translations/b072-syria-calling-radicalisation-in-central-asia-russian.ashx) (дата обращения: 1.07.2016)

щин, нежелательных последствий для их семьи могут стать дополнительным барьером на пути радикализации.

Эффективность мер профилактики и предотвращения радикализации женщин значительно выше при комплексном подходе к этой проблеме, заключающемся в единстве социальных, политических, экономических, просветительских, психологических и иных направлений. Разъединение науки и политики также не способствует решению обозначенной проблемы. Лучшему пониманию вопросов радикализации в террористических целях и размышлению над ними способствует тесное взаимодействие между органами правопорядка и разведывательными службами и государственными органами в других областях, таких как образование, здравоохранение и социальные услуги, как на национальном, так и на местном уровне¹. Подобное сотрудничество — основа конструктивного и продуктивного обмена опытом и информацией, что лежит в основе безопасности и защищает современных женщин от угроз радикализации, терроризма и экстремизма.

Библиография

1. Female suicide bombers: ddying for equality / Ed. by Y. Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee center for strategic studies, Tel Aviv University, 2006. 111 p.
2. IWPR провел в Оше круглый стол «Радикализация ислама в Кыргызстане: вызовы и ответы» // ЦентрАзия — информационный портал URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1447148460> (дата посещения: 01.11.2016).
3. Борьба с ИГ 2.0: как вычислить вербовщика в соцсетях // Politikus.ru URL: <http://politikus.ru/articles/60297-borba-s-ig-20-kak-vychislit-verbovschika-v-socsetyah.html> (дата обращения: 01.11.2016).
4. В Ростове задержали девушек, готовивших теракты // Росбалт. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/01/18/1480666.html> (дата посещения: 01.11.2016).
5. Веб-сайт НАК URL: <http://nac.gov.ru/dokumentalnye-filmy.html> (дата посещения: 01.11.2016).
6. Гирко Т. Женщины и терроризм / Les femmes et le terrorisme // Веб-сайт «Наша Газета» URL: <http://nashagazeta.ch/news/politique/zhenshchiny-i-terrorizm> (дата посещения: 01.11.2016).
7. Женщины и радикализация в террористических целях: заключительный отчет // Organization for Security and Co-operation in Europe URL: <http://www.osce.org/ru/secretariat/99994> (дата посещения: 01.11.2016).

¹ Женщины и радикализация в террористических целях: заключительный отчет // Organization for Security and Co-operation in Europe URL: <http://www.osce.org/ru/secretariat/99994> (дата посещения: 01.11.2016).

8. Зиядова Д., Крючков В. Криминологический анализ экстремизма среди женщин в регионах Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 201–212.
9. Иващенко Е. Кыргызстан: Кто уезжает воевать в Сирию // Информационное агентство Фергана URL: <http://www.fergananews.com/articles/8774> (дата посещения: 01.11.2016).
10. Крючков В.Г. Проблемы экстремизма среди женщин в Республике Дагестан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 30–32.
11. Нимировский Б. Женщины и джихад // «Республика-деловое обозрение» URL: respublika-kz.info/n/txt/news/politics/38876/save/ (дата обращения: 01.11.2016).
12. Сирия зовет: радикализация в Центральной Азии Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии No72, 20 января 2015 г. // International Crisis Group URL: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/central-asia/Russian%20translations/b072-syria-calling-radicalisation-in-central-asia-russian.ashx> (дата обращения: 01.11.2016).
13. Уметалиев Т. Кыргызстан: женщин-экстремисток становится все больше // ЦентАзия — информационный портал URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1457969220> (дата посещения 1.11.2016).
14. Формирование Росгвардии: бороться с терроризмом во Владимире будет женщина // Веб-сайт «ИА REGNUM». URL: <https://regnum.ru/news/polit/2191113.html> (дата посещения 11.11.2016).

ЯГОДКА НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Аннотация: участие молодежи в современных социальных и гражданских практиках носит амбивалентный характер. Представители молодого поколения принимают участие в многочисленных социально ориентированных инициативах, достигая конкретных результатов, в то время как политический уровень во многом остается закрытым для них. В статье автором анализируются факторы, влияющие на уровень участия представителей молодого поколения в современных гражданских и социальных практиках, перечисляется их основная проблематика, описываются имеющиеся форматы для взаимодействия власти и молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, гражданское общество, гражданские и социальные инициативы, государственная власть, местное самоуправление.

На современном этапе развития российской политической системы государство уделяет все больше внимания вопросам молодежной политики. В центре внимания федеральных, региональных и муниципальных органов власти регулярно оказываются вопросы привлечения молодого поколения к решению социальных вопросов, разработке управленческих решений. При органах исполнительной власти создаются молодежные палаты и советы. Широкое распространение получила практика создания молодежных парламентов.

Как справедливо отмечает И.А. Задонская, российская молодежь постепенно формирует и повышает свою гражданскую культуру, которая позволяет утвердить самооценку молодых людей, их права и законные интересы, понять свою значимость и степень влияния в обществе, ощутить ответственность за социально-политическое развитие страны¹. Особое внимание уделяется вопросам развития молодежной политики в стране. В данном контексте под молодежной политикой понимается особое направление деятельности государства, политических партий, общественных организаций и иных субъектов общественной жизни, целью которой является влияние на социальное развитие и социализацию молодежи, ее привлечение к решению социальных, политических, экономических, культурных и иных вопросов общественно-политической повестки дня².

Молодежь, безусловно, представляет собой основной потенциал развития и роста гражданской активности и увеличения количества гражданских инициатив. Участие молодежи в гражданских и социальных практиках во многом связано со стремлением сделать мир лучше (19%), общением с единомышленниками (17%), защитой своих прав (16%), желанием поучаствовать в конкретных делах и самореализоваться (по 13%). Участие же старшего поколения в гражданских инициативах носит более осознанный и устойчивый характер, предполагает более глубокое погружение в проблематику и отстаивание своих прав и прав своих близких (см. табл. 1)³.

¹ Задонская И.А. Влияние молодежной политики на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи // Социально-экономические явления и процессы. № 1. Т. 10. 2015. С. 111.

² Там же. С. 112.

³ Трофимова И.Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10). С. 15.

Таблица 1

**Мотивы участия россиян в общественно-политической деятельности
(не более четырех вариантов ответа),%**

Мотивы	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
Борьба за идеалы, стремление сделать мир лучше	19	12	11	8	9
Общение с единомышленниками	17	16	18	20	17
Защита своих прав и прав своих близких	16	18	22	17	19
Участие в конкретных делах	13	13	11	9	7
Самореализация, личностный рост	13	7	9	8	2
Возможность разнообразить жизнь	8	8	9	8	5
Стремление выразить протест против власти	5	5	5	6	6
Стремление сделать политическую карьеру	1	2	1	1	0
Затрудняюсь ответить	3	4	3	4	5

Как отмечает в своем исследовании И.Н. Трофимова, российская молодежь оценивает возможность своего участия в общественно-политической жизни с нескольких точек зрения: 1) самореализация; 2) практическая деятельность; 3) эффективность собственных действий и др. Таким образом, если речь идет о наиболее предпочтительных формах участия молодого поколения в политической жизни, стоит отметить отказ большей ее части от рутинных процедур в виде голосования в пользу участия в выборах кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей, а также участия в общественно-политических акциях, в деятельности общественно-политических движений, политических партий, интернет-проектах. Представители как молодого, так и старшего поколения стремятся отстаивать свои права и интересы, но при этом скептически оценивают эффективность собственных действий. Опираясь на результаты проведенного социологического исследования, ученый приходит к выводу, что в современном российском обществе (как среди молодежи, так и среди старшего поколения) гражданская активность имеет скорее амбивалентное, чем актуальное демократическое значение, и данное значение воспроизводится во всех поколениях российских граждан¹.

¹ Трофимова И.Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10). С. 16.

Следует отметить, что уровень гражданской и социальной активности молодого поколения зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. К объективным можно отнести: 1) уровень благосостояния (чем выше уровень благосостояния граждан, тем выше их интерес к работе общественных и политических организаций, НКО, фондов, а также участие в них); 2) уровень образования (люди с высшим образованием, как правило, более активно следят за социально-политической обстановкой в стране, смотрят новости и аналитические программы, читают газеты, журналы и принимают участие в деятельности общественных организаций); 3) место жительства (жители городов и крупных мегаполисов ведут более активный и мобильный образ жизни, имеют широкий круг связей и знакомств, являются частью социальных, политических культурных и гражданских сетей). В малых городах и населенных пунктах уровень гражданской активности и мобильности, в силу объективных факторов, значительно ниже.

Среди субъективных факторов, влияющих на уровень гражданского активизма можно выделить: 1) гражданскую культуру и степень осведомленности о деятельности НКО и гражданских инициатив; 2) отсутствие веры в собственные силы и в то, что властные структуры могут прислушаться к мнению и требованиям граждан; 3) недоверие к своим согражданам и общественным организациям в целом; 4) отсутствие времени на общественно-полезную деятельность; 5) излишняя политизированность многих общественных организаций, производящая отталкивающий эффект на молодых людей; 6) ряд иных факторов, связанных с культурно-ценностными особенностями конкретно взятого сообщества или социальной группы.

Среди наиболее актуальных и перспективных сфер проявления гражданской и социальной активности молодежи можно выделить следующие направления общественно-политической жизни:

- защита основополагающих социальных, политических, экономических и гражданских прав населения РФ;
- защита интересов на уровне жилого дома и района (борьба с незаконной и «точечной» застройкой, вырубкой деревьев, уничтожением парков и рекреационных зон и др.);
- защита интересов социальных групп и организаций (ТСЖ, дети, женщины, инвалиды, пенсионеры, ветераны и др.);

- организация социальной и гуманитарной помощи уязвимым и нуждающимся группам граждан (помощь сиротам, больным пожилым людям, беженцам и вынужденным переселенцам, бездомным);
- организация благотворительных акций и сбор средств как напрямую нуждающимся гражданам, так и через авторитетные и крупные благотворительные фонды;
- борьба за права профессиональных групп граждан: врачи, учителя, водители, продавцы, мелкие предприниматели, творческие группы и др.
- поиск пропавших людей;
- «зеленые инициативы», направленные на защиту экологии и решению вопросов экологической направленности;
- защита прав и свобод Интернет пользователей;
- помощь жертвам стихийных бедствий и техногенных катастроф;
- движения автолюбителей (защита прав автомобилистов, борьба с «мигалками», плохими дорогами и произволом органов внутренних дел на дорогах и т.д.);
- инициативы активных родителей, защищающих интересы и права членов своей семьи;
- творческие и досуговые инициативы и практики;
- разнообразные политические инициативы¹;

Современные средства коммуникации, а также интернет-технологии оказывают значительное воздействие на развитие гражданского активизма в России. Представители молодого поколения активно пользуются диалоговыми и информационными площадками в сети Интернет, позволяющими гражданам обращаться за консультационной помощью и упрощающие решение основных социально-бытовых вопросов. Следует выделить 4 основных группы платформ для артикулирования гражданских инициатив, являющихся наиболее привлекательными для молодежи: 1) сервисы для работы с обращениями граждан, 2) краудфандинговые платформы, 3) волонтерские сервисы, 4) группы по обмену мнениями граждан.

¹ Ягодка Н.Н. Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 3. С. 48–55.

В настоящее время в России выделяются следующие платформы, которые позволяют молодежи транслировать гражданские инициативы в органы государственной и муниципальной власти: Общественная палата РФ, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, государственный электронный портал «Российская общественная инициатива», информационные порталы «Активный гражданин» и «Наш город» (г. Москва), гражданские форумы, институт общественных слушаний, многочисленные местные дискуссионные площадки, Общероссийский народный фронт.

С развитием и усложнением общества и государства наблюдается рост количества социальных организаций и инициатив, отстаивающих гражданские права и свободы, возрастает уровень общественного участия в решении социальных и политических проблем как напрямую, так и через многочисленные институты гражданского общества. Уровень социальной интеграции общества в значительной степени влияет на его способность к самоорганизации и совместному решению проблем. Практика отстаивания и решения гражданами проблем на уровне района, округа, города, страны позволяет накапливать социальный капитал, тем самым формируя устойчивый базис для развития гражданского общества и модернизации политических институтов. Активное вовлечение молодежи в обозначенные выше процессы и практики представляется одним из действенных инструментов повышения их эффективности.

Библиография

1. *Задонская И.А.* Влияние молодежной политики на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи // Социально-экономические явления и процессы. № 1. Т. 10. 2015. С. 111–116.
 2. *Трофимова И.Н.* Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10), С. 5–17.
 3. *Ягодка Н.Н.* Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 3. С. 47–59.
-
-

ПРОТИВОБОРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ОТ «ГИБРИДНЫХ ВОЙН» К «ГИБРИДНОМУ МИРУ»

ВЕДЕРНИКОВА МАРИЯ ИГОРЕВНА

ПРОДВИЖЕНИЕ КОНСТРУКТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ
В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Аннотация: в данной статье рассмотрены основные проблемы имиджа России в Европе. Существенное внимание уделено анализу механизмов создания и продвижения (в том числе и с помощью сети Интернет) конструктивного имиджа РФ. Акцент в работе сделан на использование возможностей «мягкой силы» во внешней политике России. Кроме того, рассматриваются возможности культурно-гуманитарного сотрудничества России с европейскими странами.

Ключевые слова: имидж страны, имидж, образ, восприятие России в Европе, европейские страны, «мягкая сила», культура, сотрудничество, брендинг, Интернет.

Сложившаяся международная структура отношений России со странами Запада свидетельствует о необходимости использования достижений современной науки в области политологии, имиджологии и брендинга для нейтрализации отрицательного отношения к нашему государству. Одновременно с этим необходима разработка теоретической базы обоснования конструктивного образа России в европейских странах.

В современной непростой и неоднозначной политической ситуации, которая привела к значительному уменьшению взаимовыгодного сотрудничества в разных сферах, только элементы «мягкой силы», одним из которых является имидж государства, могут способствовать скорейшему восстановлению партнерских отношений.

В настоящее время в Европе сложился отрицательный образ России, который определяется стереотипами, негативными историческими коннотациями, неоднозначным восприятием современных

событий и трудностями в политико-экономических отношениях. Ключевыми ассоциациями, связанными с нашим государством в европейских странах, являются недемократичность, жесткость и авторитарность.

Важно отметить, что в результате украинских событий и присоединения Крыма, имидж России в странах Европы серьезно ухудшился. Однако он не приобрел новых качеств. Произошла лишь актуализации негативных стереотипов и исторических представлений о России.

Отрицательный имидж серьезно затрудняет эффективное взаимодействие России с европейскими странами. Он ослабляет внешнеполитические позиции России и препятствует налаживанию политических и экономических связей с Европой.

К сожалению, как показывает анализ европейских СМИ, проведение имиджевых мега-событий (Сочи 2014, универсиада в Казани и подготовка к ЧМ-2018) не оказывает должного положительного воздействия на образ РФ, так как данные мероприятия не являются значимыми для европейской общественности и сопровождаются скандалами и неприятными подробностями. Успешная корректировка имиджа РФ в европейских странах возможна только при непрерывном и грамотном освещении событий, связанных с РФ и являющихся значимыми и острыми для европейской общественности и СМИ.

Концепция, которая наиболее полно позволяет раскрыть возможности имиджа государства как средства усиления его влияния — это концепция «мягкой силы». А насколько эффективно наша страна использует возможности «мягкой силы»? Большинство ученых и экспертов считают, что Россия не задействует имеющийся у нее в данной области потенциал.

Учитывая, что сама теория «мягкой силы» была описана и разработана на Западе, то естественно, что наша страна начала позже развивать данное направление во внешней политике. Здесь необходимо подчеркнуть, что сегодня, при упоминании термина «мягкая сила» в публичном информационном пространстве, он зачастую упрощается и практически сводится к вопросам продвижения имиджа государства. При этом опускаются другие его инструменты.

Сегодня в России «мягкая сила» вызывает интерес, особенно ее возможности применительно к нашим реалиям. Большинство отече-

ственных исследователей отмечают, что России необходимо развивать данное направление и что у нее есть для этого необходимый потенциал. Стоит признать, что Россия отстает от Запада в эффективности использования стратегии «мягкой силы» на международной арене.

К ресурсам и структурным компонентам «мягкой силы» относятся культура, образование, бизнес, правительство и дипломатия¹, однако различные ученые иногда расширяют и модифицируют данный список.

Несмотря на различия во взглядах исследователей, можно утверждать, что основные элементы «мягкой силы» практически идентичны у каждого автора, только могут отличаться названиями и быть более подробно раскрыты или, наоборот, обозначены только их ключевые направления. При этом все составляющие данного концепта служат либо укреплению имиджа страны, либо способствуют его продвижению, поэтому ресурсы «мягкой силы» должны использоваться максимально эффективно.

Это особенно значимо применительно к созданию имиджа нашего государства в европейских странах, поскольку у нашей страны давнее и тесное сотрудничество с этим регионом и «в экономической, научной, культурной сферах, на уровне человеческого общения Россия и ЕС уже представляют собой тесно переплетенный организм. В плане политическом сохраняется немало проблем, однако решение каждой из них возможно»².

Очень важным является и то, что «мягкую силу» государства нельзя использовать в отрыве от обстановки, которая сложилась в стране и в мире. Данный вид силы является существенным направлением внешней политики государства, и его «необходимо рассматривать в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами

¹ Русакова О.Ф. Дискурс soft power как компонент гуманитарной дипломатии: инструментально-измерительный анализ // Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека Материалы Международного конвента. Редакционная коллегия: Т.Г. Мерзлякова, С.И. Глушкова, Н.А. Комлева, А.П. Семитко, Н.А. Черных. 2014. С. 268–287.

² Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы / Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой М.: Весь Мир, 2013. С. 11.

начинают уступать место сетевым структурам¹» — таково мнение Г.Ю. Филимонова.

Учитывая, что культура является значимым элементом «мягкой силы», в сложившейся ситуации представляется наиболее продуктивным делать акцент именно на культурное и научное взаимодействие России с Европой по следующим причинам:

- в этой области наша страна обладает огромным потенциалом и хорошим бэкграундом;
- такое взаимодействие позволяет сделать максимально широкий охватит целевых аудиторий;
- продвижение гуманитарного образа не будет восприниматься как пропаганда;
- даже ухудшение международных отношений, произошедшее на современном этапе, не так сильно отразилось на сотрудничестве в данных областях, как в политической и экономической сферах.

Кроме того, важным является то, что «реалии современной культуры — по крайней мере внешне — оказываются чрезвычайно схожи как в европейских странах, так и в России²» — отмечает Е.В. Водопьянова. И это способствует и будет способствовать дальнейшему эффективному взаимодействию в данной области.

К примеру, одним из основных векторов российской научной и образовательной политики является сотрудничество с европейскими классическими университетами и научными центрами. Это общий тренд как для гуманитарных, так и для технических дисциплин. Примерами такого партнерства являются студенческие и преподавательские обмены, участие ученых и исследователей в различных программах (например, программе Марии Кюри по научным исследованиям и технологическим разработкам).

«Сфера культурного взаимодействия приобретает все большее значение в отношениях ЕС и России»³ — говорится на официальном сайте представительства Европейского Союза в России.

¹ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 9. С. 7–16.

² Европейская культура: XXI век / Под ред. Е.В. Водопьяновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 467.

³ Материалы официального сайта представительства Европейского Союза в России [Электронный ресурс] URL:http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/ibpp_cultural_cooperation/index_ru.htm/ (дата обращения: 27.02.2016).

Сегодня межкультурное взаимодействие успешно продолжается и с помощью дружеских связей между городами-побратимами (породненными городами), расположенными в России и Европе. Такой способ сотрудничества не только позволяет осуществлять взаимодействие в области культуры, спорта и искусства, но и делиться опытом решения конкретных проблем, которые бывают схожи в породненных городах. К примеру, городами-побратимами Москвы являются Афины, Белград, Берлин, Валансьен, Варшава, Вена, Дюссельдорф, Загреб, Ингольштадт, Лондон, Любляна, Мадрид, Мюнхен, Париж, Хельсинки, а Санкт-Петербурга — Антверпен, Барселона, Бордо, Варшава, Гавр, Гамбург, Гданьск, Генуя, Гетеборг, Грац, Даугавпилс, Дрезден, Загреб, Имата, Котка, Кошице, Лаппеенранта, Лион, Манчестер, Марибор, Миккели, Милан, Ницца, Орхус, Париж, Пирей, Пловдив, Прага, Рейкьявик, Рига, Роттердам, Салоники, Стокгольм, Таллин, Тампере, Турку, Хельсинки, Эдинбург.

Но, несмотря на интенсивное сотрудничество в гуманитарной сфере, необходимо и грамотное построение и продвижение имиджа России в европейских странах. Поскольку образ не только является отражением реального объекта, но и содержит определенную часть мифотворчества, то, для начала необходимо выяснить, какие характеристики имиджа являются наиболее привлекательными для каждой конкретной целевой группы.

Нам представляется целесообразным условно разделить население европейских стран на три группы:

- настроенные позитивно по отношению к России;
- не определившие свою позицию по данному вопросу, их мнение сильно зависит от получаемой информации;
- настроенные крайне негативно по отношению к России.

Для определения данных групп необходимо проведение региональных социологических и маркетинговых исследований, целью которых будет являться не только выяснение процентного соотношения настроенных позитивно и негативно по отношению к России, но и выявление таких характеристик каждой группы, как пол, возраст, социальный статус, уровень образования, интересы и приоритетные источники получения информации. Такие данные сразу позволят понять, вследствие чего возникло то или иное отношение к образу России, какие факторы могли на это повлиять, как и по какому каналу

коммуникации можно с наибольшей эффективностью воздействовать на каждую аудиторию.

Основное внимание, по мнению автора, целесообразно направить именно на среднюю группу, так как есть возможность сформировать в ее представлении позитивный имидж России и вызвать у них интерес к нашей стране, культуре, традициям, науке, искусству, уникальным туристическим маршрутам, памятникам природы и архитектуры. Кроме того, необходимо постоянно поддерживать коммуникацию с лояльно настроенной частью населения. А вот пробовать переубедить тех, кто настроен крайне негативно — задача довольно сложная, требующая огромного количества ресурсов (материальных и временных), поэтому с данной группой можно выстраивать взаимодействие по остаточному принципу и при условии, что это не будут требовать серьезных вложений.

Однако при более тщательном анализе каждая из трех групп может быть разделена на подгруппы для еще большей точности попадания именно в целевую аудиторию. Деление может производиться по тем характеристикам, которые были выявлены при проведении исследований.

Стоит отметить, что сегодня существуют две противоположные точки зрения, касающиеся улучшения имиджа государства. Первую выражает Э.А. Галумов, утверждая, что «имидж России можно улучшить без каких-либо существенных изменений в стране, поскольку имидж — это не реальность, а только отражение реальности, которое может быть позитивным»¹. У второй нет определенного автора, но ее смысл сводится к тому, что имидж улучшится сам собой в результате положительных изменений в государстве, а любые попытки исправить его с помощью PR, без реальных действий, окажутся бесполезными. Остальные мнения — некий средний вариант между ними. На наш взгляд, каждое из этих утверждений слишком категорично, а истина находится где-то посередине.

Имидж страны и ее руководителей является динамичной конструкцией, хоть и имеет в своей основе трудноизменяемые установки. Именно поэтому, несмотря на множество работ по теме имиджа

¹ *Feklyunina V.* Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. Issue 4. 2008. P. 605–629.

России в мире, и, в частности, в Европе, необходимо постоянно изучать информацию и анализировать произошедшие изменения. Формирование образа страны и политического лидера — это определенная технология, и, как и любая технология, она имеет в своей основе социально-психологические свойства, законы, тенденции. Определенный образ транслируется с помощью СМИ и Интернет, и именно глобальная сеть позволяет получить ответную реакцию населения.

Каждая отдельная пиар-кампания должна быть приурочена к какому-то событию (чтобы была возможность создать яркий информационный повод, интересный широкой аудитории) и иметь ограниченные временные рамки. После ее проведения необходим мониторинг ситуации и подробный анализ эффективности в рамках масштабной кампании по улучшению имиджа России в Европе. Воздействие должно быть постоянным, включающим в себя различные кампании, идущие друг за другом непрерывно. На первый план необходимо выдвигать те аспекты, которые наиболее важны для целевой аудитории (к примеру, культурные ценности и научные достижения), так как от этого зависит успех всей пиар-кампании.

Поскольку в настоящее время нашей стране необходимо серьезно работать над своим имиджем, нельзя упускать из вида ни одно из возможных направлений деятельности: от уровня дипломатических отношений до уровня коммуникации в сети Интернет.

К примеру, не так давно писали о дельности российских агентов в американских сетях¹. На наш взгляд, именно такой вид коммуникации желательно активно развивать и в европейском сегменте сети facebook, а также — на различных сайтах и форумах вступать в дискуссии с пользователями. У такой создаваемой активности есть несколько преимуществ. Если даже не получится переубедить конкретного оппонента, то у других и последующих посетителей этого ресурса, читающих комментарии, создается впечатление, что присутствует плюрализм мнений и есть люди, которые выражают свое позитивное отношение к России. Это и может стать началом раскручивания спирали молчания, когда большинство будет слушать «кричащее меньшинство». Такие методы воздействия можно назвать «полевыми», так как они подразумевают непосредственное взаимодействие с целевой аудиторией.

¹ Chen A. The Agency. The New York Times. 2.06.2015

Несмотря на очевидные плюсы такого метода воздействия, он имеет и свои минусы. Основными его недостатками являются следующие:

- высокая стоимость, так как для непрерывной деятельности требуются постоянные затраты;
- потребность в специалистах высокого уровня, владеющих различными европейскими языками;
- необходимость постоянно соблюдать осторожность (если комментарии и тексты будут похожи на заказные, то получится эффект воздействия, обратный ожидаемому);
- изначальная предвзятость и подозрительность, в т.ч. и к недавно созданным аккаунтам и позитивному контенту (здесь присутствует психологический момент: когда высказывают положительную оценку чему-то, то остальные сразу подозревают в личной заинтересованности и получении выгоды).

При анализе сложившегося образа страны в Интернете с целью его улучшения следует обращать внимание на такие важные аспекты, как:

- составление портрета целевой аудитории, на которую производится воздействие;
- ресурсы сети Интернет, где выбранная аудитория может находиться (при работе на каждой конкретной площадке (форуме, сайте или социальной сети) изучить, какая основная аудитория ее посещает, так как известно, что различным информационным ресурсам отдают предпочтение различные типы аудитории);
- работа с лидерами мнений на данных ресурсах.

Опираясь на личный опыт, автор исследования может утверждать, что ресурсом, на котором можно встретить представителей любой возрастной и социальной группы, имеющих различные политические взгляды, является крупнейший и самый посещаемый в сети видеохостинг YouTube. Данная площадка может быть эффективно использована для создания и продвижения положительного имиджа нашей страны. С помощью короткометражных фильмов, роликов и клипов, в которых будет создан положительный образ России и представлены все ее сильные стороны: красивая первозданная природа, уникальные памятники архитектуры, самобытные культурные традиции и интересные исторические события; может транслировать положительный

образ. Особенностью визуальных средств создания и продвижения имиджа является то, что они больше рассчитаны на эмоциональное восприятие, нежели на логическое. Поэтому, показывая видеоряд с прекрасными пейзажами, к которым правильно подобрано текстовое и музыкальное сопровождение, можно сформировать позитивный образ страны, не прибегая к логическим аргументам. Ведь сформировавшийся образ страны не всегда отражает реальную действительность, а возникает на основе тех характеристик, которые выступают на первый план. Учитывая сложившуюся ситуацию в нашем государстве, можно представить ее как в крайне позитивном, так и резко негативном свете. Здесь всё завит от того, на что делается акцент при создании и трансляции имиджа.

Самое простое, с чего может быть начата работа в данном направлении — это создание и перевод на английский или другие европейские языки текстовых, графических (к примеру, графики, отражающие положительную статистику, связанную с Россией), и прочих материалов и размещение их на различных европейских информационных ресурсах. При этом необходим постоянный контроль за тем, является ли воспринимаемое внутри страны качество или свойство контента положительным так же и в той стране, в которой будет транслироваться данный материал? Нужно постоянно сверять контент с общеевропейскими ценностями и особенностями менталитета конкретного народа, проживающего на данной территории.

Размещение электронных вариантов уважаемых печатных изданий, видеороликов и выпусков различных телепередач, а также графического и визуального контента и иная информационная поддержка в сети Интернет, по мнению автора, является наиболее эффективным способом распространения информации о положительных характеристиках России.

Можно сделать вывод, что в сложившейся геополитической ситуации самым целесообразным способом улучшить имидж России является использование средств «мягкой силы». Создаваемый образ должен обладать конкретными и понятными характеристиками, которые будут менять свою тональность в зависимости от той аудитории, на которую направлено воздействие в каждом конкретном случае.

В настоящее время ключевым аспектом имиджевой оптимизации может стать продвижение культурно-гуманитарного образа России

в европейских странах. Культурные, научные, образовательные связи на сегодняшний день являются тем образцами равноправного и корректного диалога Россия-Европа, который позволяет противодействовать углублению процессов видения нашей страны в Европе в негативном свете.

Библиография

1. Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы / Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. М.: Весь Мир, 2013. С. 11.
2. Европейская культура: XXI век / Под ред. Е.В. Водопьяновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 467.
3. Материалы официального сайта представительства Европейского Союза в России [Электронный ресурс] URL:http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/ibpp_cultural_cooperation/index_ru.htm/ (дата обращения: 27.02.2016).
4. Русакова О.Ф. Дискурс soft power как компонент гуманитарной дипломатии: инструментально-измерительный анализ // Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека Материалы Международного конвента. Редакционная коллегия: Т.Г. Мерзлякова, С.И. Глушкова, Н.А. Комлева, А.П. Семитко, Н.А. Черных. 2014. С. 268–287.
5. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 9. С. 7–16.
6. Chen A. The Agency. The New York Times. 2.06.2015.
7. Feklyunina V. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West // Europe-Asia Studies. Vol. 60, Issue 4, 2008. P. 605–629.

ВОЛКОВА АЛИНА МИХАЙЛОВНА

РОЛЬ МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ И КОНТРСАНКЦИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье автор рассматривает механизм политических и социально-экономических санкций и контрсанкций, который используется в качестве инструмента международной политики, на примере Российской Федерации и ее взаимодействия с иностранными государствами. Исследуется практика применения санкционного механизма в отношении РФ с 2010 года, законодательное закрепление санкционного механизма в российском законодательстве. Высказывается предположение о том, что существующее объединение США, ЕС и других стран по вопросу применения невоенных экономических ограничительных мер в отношении РФ является примером создания политической коалиции.

Ключевые слова: санкции, контрсанкции, политическая коалиция, результативность, санкционное давление, внешняя политика.

Закономерностью развития современных международных отношений является рост применения суверенными государствами или союзами государств инструментов невоенного воздействия, что обусловлено главенствующей ролью международного права, которое признает неправомерным одностороннее использование военной силы и запрет на проявление вооруженной агрессии. Глобализация международных экономических процессов, характеризующихся возрастающей степенью интенсивной интеграции как рынков товаров и услуг, так и капиталов, устанавливает тесные связи экономического сотрудничества между государствами, усиливает их взаимосвязанность и требует сохранения благоприятствующих экономических связей с государствами-партнерами. Поэтому прекращение или ограничение экономических отношений напрямую сказывается на состоянии экономики государства, с которым торговые отношения были разорваны или ограничены, а также на стабильном положении экономик тех стран, которые напрямую связаны торгово-финансовыми операциями с этим государством. Инструмент санкционных ограничений является современной альтернативой применению военной силы, так как он требует меньших денежных затрат от страны, которая утверждает санкционный режим, и не требует человеческих жертв.

В качестве примера интенсивного использования санкционного механизма в международных отношениях следует рассмотреть практику применения механизма социально-экономических и политических санкций, введенных в отношении Российской Федерации, ее граждан и юридических лиц в связи с украинским кризисом и присоединением Крымского полуострова к территории РФ в 2014 г., а также социально-экономических и политических санкций и контрсанкций, введенных руководством Российской Федерации. Важно отметить, что практика применения подобных мер в отношении России существовала и до 2014 г. С 1970-х гг. до 2012 г. в Соединенных Штатах Америки действовала поправка «Джексона-Вэника» к «Закону о торговле» (Trade Act of 1974), которая негативно влияла на советско-американские отношения, а затем формально была сохранена по отношению к

Российской Федерации как правопреемнице Советского Союза. Вместе с отменой устаревшей поправки Конгрессом США принимается «Закон Магнитского» («Sergey Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012»)¹, который предполагает визовые ограничения и замораживание американских счетов лиц, причастных к «делу аудитора Сергея Магнитского».

За два года существования санкционного режима руководством Соединенных Штатов было введено 14 санкционных списков, а Европейским Союзом — 11 санкционных списков, в которые вошли представители российской политической элиты и крупного бизнеса, а также финансовые, нефтедобывающие и оборонные структуры РФ. Существующее объединение Соединенных Штатов, Европейского Союза и других стран по вопросу применения невоенных экономических ограничительных мер в отношении Российской Федерации является примером создания политической коалиции. Историческим прототипом этого режима является торговая и технологическая блокада СССР, которая была организована Соединенными Штатами во второй половине XX века с помощью Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ). Ограничение экспорта касалось в первую очередь новой техники и современных технологий, мониторинга поставок средств производства, предназначенных для выпуска технических нововведений². Факт существующего межгосударственного сотрудничества на уровне политической коалиции США-ЕС является доказательством перехода применения санкционных ограничений от глобального централизованного к региональному межгосударственному уровню.

Позиция Российской Федерации по вопросу введения санкций в одностороннем порядке изложена в «Концепции внешней политики Российской Федерации», которая была утверждена еще до украинского кризиса. Согласно документу, попытки урегулирования кризиса с помощью одностороннего санкционного давления и иных мер сило-

¹ Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 [Electronic resource]- U.S. Department of the Treasury. Режим доступа: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/pl112_208.pdf (10.09.2016).

² Малькевич В. Экспортный контроль: от противостояния к сотрудничеству. М.: Общество хранения литературного наследия, 2012. С. 132.

вого воздействия вне рамок Совета Безопасности ООН представляют опасность для международного мира и стабильности. Поэтому одним из направлений работы в сфере международного права Российская Федерация провозглашает «продолжать усилия по совершенствованию санкционного инструментария ООН, вести дело к тому, чтобы решения о введении санкций принимались только Советом Безопасности ООН на коллегиальной основе после всесторонней проработки, прежде всего с учетом их эффективности для решения задач поддержания международного мира и безопасности и нанесения ущерба гуманитарной ситуации»¹. Но стоит отметить, что «Концепция внешней политики РФ» определяет вектор развития и не противоречит существованию в российском законодательстве права на использование санкционных ограничений. Так, Российская Федерация имеет право вводить меры ограничения внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью и широкий перечень специальных экономических мер в случае «возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющие угрозу интересам и безопасности Российской Федерации и (или) нарушающие права и свободы ее граждан» в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»² и Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. N 281-ФЗ «О специальных экономических мерах»³.

Российская Федерация начинает встраиваться в современную мировую практику применения санкционных ограничений с начала 2010-х гг. До конца 2015 года руководством Российской Федерации использовался исключительно механизм контрсанкций в качестве ответной меры на социально-экономические и политические санк-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 12.02.2013 [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (05.09.2016).

² Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ // Российская газета. 2003. № 3368.

³ О специальных экономических мерах: федеральный закон от 30.12.2006 г. № 281-ФЗ // Российская газета, 2007. № 4264.

ции США, ЕС и других стран. Механизм самостоятельных социально-экономических санкций был использован российским руководством один раз в отношении Турецкой республики в ответ на сбитый российский бомбардировщик Су-24 у турецко-сирийской границы 24 ноября 2015 г.¹ Таким образом, практика использования санкционных ограничений Российской Федерацией как инструмента внешней политики насчитывает не больше 5 лет, что является только начальным периодом развития применения этого механизма руководством Российской Федерации.

Одной из главных проблем санкционного механизма во внешней политике является то, что в большинстве случаев они не достигают тех целей, которые декларировались при их принятии, т.е. результативность является спорной. На сегодняшний день большая часть социально-экономических и политических санкций и контрсанкций, которые были введены в отношении Российской Федерации и Российской Федерацией, не достигла своих результатов. Проблема отсутствия желаемых результатов связана в первую очередь с тем, что формулировки целей принятия ограничительных мер являются широкими и расплывчатыми, как в американской практике, так и в российской. Для того чтобы механизм санкционных ограничений стал эффективным и результативным инструментом осуществления внешней политики РФ и ее взаимодействия с иностранными государствами, необходима тщательная подготовка и проработка статей законов, а также дополнительное изучение механизма введения точечных санкций и контрсанкций в отношении ключевых политических игроков и их компаний, который в российской практике недостаточно проработан.

Библиография

1. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 12.02.2013 [Электронный ресурс]// Гарант.ру. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> Загл. с экрана (05.09.2016).

¹ О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики: Указ Президента РФ от 28 ноября 2015 г. № 583 // Российская газета. 2015. № 6841.

2. *Малькевич В.* Экспортный контроль: от противостояния к сотрудничеству. М.: Общество хранения литературного наследия, 2012. 315 с.
3. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики: Указ Президента РФ от 28 ноября 2015 г. № 583 // Российская газета. 2015. № 6841.
4. О специальных экономических мерах: федеральный закон от 30.12.2006 г. № 281-ФЗ // Российская газета. 2007. № 4264.
5. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ // Российская газета. 2003. № 3368.
6. Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 [Electronic resource] — U.S. Department of the Treasury. Режим доступа: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/pl112_208.pdf Загл. с экрана. (10.09.2016).

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЙНЫ КАРЛОМ ФОН КЛАУЗЕВИЦЕМ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА «НОВЫХ ВОЙН»

Аннотация: война в первую очередь является политическим феноменом и следует за политикой из-за своего подчиненного по отношению к ней положения, с присутствующими политике стремительной резкостью, постоянными, порой скачкообразными изменениями. По этой причине война проявляется в каждую эпоху в новом образе, который отражает специфические исторические, общественно-политические условия соответствующего времени. На этом фоне важно никогда не упускать из виду сущность войны, чтобы не быть сбитым с толку изменяющимся образом войны. Уже несколько раз теория войны Карла фон Клаузевица объявлялась опровергнутой и безнадежно устаревшей. Эти признаки ее кончины регулярно оказывались ошибочными. Учитывая новые вызовы, мы можем извлечь пользу из тщательного и точного нового прочтения работ Клаузевица, особенно если это прочтение предполагает критический анализ.

Ключевые слова: Карл фон Клаузевиц; полемология; война; новые войны.

«Война есть только лишь продолжение политики другими средствами». Эта фраза — самая известная цитата из труда Клаузевица «О войне».

И всё же, что такое война?

Клаузевиц дает понятие войны в самом начале своего главного труда: *«Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению. Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»*¹.

Но если мы думаем о **поединке борцов**, мы невольно представляем себе **одинаковых контрагентов**, которые борются друг с другом в соответствии с **общими правилами**. Это не исключает того, что один из борцов хитрее и ловчее, а другой мощнее и физически сильнее, но оба соревнуются в борьбе. Такое понимание борьбы на ринге подразумевает определенную некую **обоюдность, симметрию борющихся**. Но это отнюдь **не обязательно связано** с понятием войны у Клаузевица. Его понятие войны предоставляет широкое пространство для **асимметрии, взаимно признаваемого свода правил для которой не требуется**.

Прежде чем мы продолжим, хочу ввести еще два понятия. Необходимо видеть различие между понятием **«образ»** как **внешним проявлением** войны и понятием **«сущность»** как всеобщей и неизменной определенности, нечто вроде **эссенции войны**.

Для Клаузевица «война бывает не только настоящим **хамелеоном**, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу», но и **«странной троицей»**. Вследствие этого триединства, продолжает Клаузевиц, война состоит *«из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку»*².

Слепой природный инстинкт, свободная душевная деятельность и простой рассудок образуют главные **сущностные** элементы войны.

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1936. Т. 1. С. 33–34.

² Там же. С. 57.

Из динамической взаимосвязи между этими тремя **сущностными** элементами Клаузевиц объясняет, почему война как хамелеон может постоянно изменять **свою форму появления, свой вид без ущерба для ее сущности**. Таким образом, можно установить следующее: одно и единственно **правильное описание внешнего проявления войны невозможно**. Напротив, по мнению Херфрида Мюнклера, требуется **«гибкая феноменология**, которая сможет в любой момент отреагировать на изменения соотношения этих трех элементов. Тем не менее война обнаруживает в своем изменяющемся облике те самые главные **сущностные** элементы, сходно хамелеону, который подстраивает свой цвет к окружающей среде и все же остается хамелеоном.

В эпоху кибервойны, гибридной войны и террора война изменила свой облик. Но в ее основе лежат **всегда те же главные сущностные элементы**, та же «странная тройца»: насилие, ненависть, вражда — случайность — примат политики. Если же говорить в соответствии с сегодняшней терминологией Херфрида Мюнклера: **брутальность, креативность и рациональность**. Перечисленные Клаузевицем **элементы** можно найти в так называемых **«новых войнах»**. **Чем же отличаются «новые войны» от «старых войн»?**

К вопросу по определению новых войн я хотел бы очертить взаимосвязанные подходы трех именитых исследователей феномена новых войн — Херфрида Мюнклера, Мартина ван Кревельда и Мэри Калдор.

Новые войны, по мнению **Мартина ван Кревельда**, характеризуются **эрозией определения границ и исчезновением четких полномочий национального государства**. Эти войны больше не ведутся с целью быстрого военного решения. Они не начинаются с официального объявления войны, и не заканчиваются заключением мира участвующих в войне держав. Напротив, они вспыхивают внезапно и продолжают часто тлеть для того, чтобы в одночасье вспыхнуть в другом месте. Для их прекращения требуются мирные процессы, которые, как правило, затягиваются на годы и в которых независимые модераторы, обычно внешние силы, играют решающую роль.

Мэри Калдор сосредоточивается преимущественно на политических изменениях от старых к новым войнам и устанавливает **сильную этнизацию войны** с последующим проникновением насилия в микроструктуры общества и фокусируется на мобилизации ресурсов

и финансировании новых войн. В противоположность классическому финансированию войны посредством налогов, кредитов и ссуд, в новых войнах получили развитие открытые формы финансирования, простирающиеся от торговли нелегальными товарами, как, например, наркотиками, до **поддержки со стороны национально, этнически или религиозно организованных диаспор**. При этом доходит до **взаимной стимуляции** военного насилия и ведения войны: война больше не расходует накопленные ресурсы, а сама выступает как **мобилизатор ресурсов**.

Херфрид Мюнклер рассматривает новые войны через **три тенденции**. Во-первых, **нарастание разгосударствления акторов войны**; это касается как региональных полевых командиров, так и частных военных компаний глобального масштаба. Эта тенденция ведет к **резкому снижению входных порогов способности ведения войны**. Во-вторых, **радикальная асимметрия в конфронтационных ситуациях**, при которых одна сторона использует свое **технологическое превосходство** при минимальных собственных потерях, в то время как другая сторона стремится компенсировать свое **техническое отставание** путем максимальной повышенной готовности нести жертвы (*ключевое слово: беспилотники против смертников*). В-третьих, **растущая автономизация элементов войны**. На региональном и в большей степени на глобальном уровне военную действительность все в большей степени определяют полувоенные и полугражданские группировки.

Таким образом, можно констатировать, что «новые войны» хоть и **значительно отличаются от способов ведения войны в 20 веке**, в то же время не менее значимым представляется **возвращение** военных действий к **довестфальскому мирному и государственному порядку**.

На сегодня **война в первую очередь остается политическим феноменом**. Война следует за политикой из-за своего **подчиненного по отношению к ней положения**, с присущими политике стремительной резкостью, постоянными, порой скачкообразными изменениями. По этой причине война проявляется **в каждую эпоху в новом образе**, который отражает специфические **исторические, общественно-политические условия** соответствующего времени.

На этом фоне важно никогда не упускать из виду **сущность войны**, чтобы **не быть сбитым с толку изменяющимся образом войны**. Такой подход делает возможным идентифицировать феномены, лежащие за пределами классического военного применения силы 20 века — такие как **терроризм — в качестве акта войны**, чтобы реагировать на новые вызовы **адекватными средствами**.

Война — это истинный хамелеон. Однако как поймать этого хамелеона?

В нашем случае по хамелеону можно изучать его **образ поведения (понимаемый как форма)** и, прежде всего, его **сущностные черты**. Для изучения сущности войны требуется **междисциплинарный подход**. Такой вновь открытый подход предлагает **полемология**.

Полемологию при этом я трактую **не как теорию феноменологии войны**, учение о ее постоянно меняющемся облике, но, согласно Рудольфу Штейнмецу и Гастону Бутулю, как **теорию о сущности войны**. Как попытку мыслить **войну как целое «в ее внутренней взаимосвязи»**.

Уже несколько раз теория войны Клаузевица объявлялась опровергнутой и безнадежно устаревшей. Эти признаки ее кончины регулярно оказывались ошибочными. Учитывая новые вызовы, мы можем извлечь пользу из тщательного и точного нового прочтения работ Клаузевица, особенно если это прочтение предполагает критический анализ.

Библиография

1. *Beyrau, Dietrich* (Hrsg.): *Formen des Kriegs. Von der Antike bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2007.
2. *van Creveld, Martin*. *Die Zukunft des Krieges*, München, 1998.
3. *Geis, Anna* (Hrsg.). *Den Krieg ueberdenken. Kriegsbegriffe und Kriegstheorien in der Kontroverse*, Baden-Baden, 2006.
4. *Jean, Francois/Ru, Jean-Christophe* (Hrsg.). *Oekonomie der Buergerkriege*, Hamburg, 1999.
5. *Kaldor, Mary*. *Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung*. Frankfurt/M., 2000.
6. *Muenkler, Herfried*. *Die neuen Kriege*. Reinbek bei Hamburg, 2002.
7. *Muenkler, Herfried*. *Der Wandel des Krieges. Von der Symmetrie zur Asymmetrie*, Weilerswist, 2006.
8. *Ruf, Werner* (Hrsg.). *Politische Oekonomie der Gewalt. Staatszerfall und die Privatisierung von Gewalt und Krieg*. Opladen, 2003.

ИЛЬМЯРВ МАГНУС

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС, «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА»
И СТРАНЫ БАЛТИИ

Аннотация: в статье анализируются как Украинский кризис влиял и влияет Балтийских стран, рассматривается как в сегодняшней внутренней и внешней политике стран Балтии господствующим направлением является противопоставление себя России. За последние два года выражение «гибридная война России» заняло существенное место в информационном пространстве многих стран.

Ключевые слова: гибридная война, внешняя политика, межгосударственные связи, Украина, Европейский союз, Россия, страны Балтий.

Россия и Балтийские страны дали диаметрально противоположные оценки событиям на Украине и поддержали в конфликте противоборствующие стороны. Россия оценила свержение Януковича как антиконституционный государственный переворот, а балтийские государства так же, как и члены Евросоюза и НАТО, признали смену власти на Украине законной, рассматривая референдум 16 марта 2014 г. о включении Крыма в состав России как нарушение международного права¹. В Эстонии только лидер центральной партии Эдгар Сависаар занял по этому вопросу нейтральную позицию. События на Донбассе и в Луганске Россия считает внутренним конфликтом Украины, а страны Балтии трактуют их как агрессию².

За последние два года выражение «гибридная война России» заняло существенное место в газетных материалах и в выступлениях политиков, военных и политологов многих стран, том числе Балтийских стран.³ По своей сущности гибридная война не является ни тактикой, ни стратегией. Ее можно рассматривают как результат гибридной социально-культурной структуры общества.

Термин «гибридная война» отражает совокупность исторических, социальных, культурных, политических, экономических и военных аспектов, приводящих к нестабильности в политике, экономике и

¹ <http://www.mfa.ee/et/uudised/valisminister-urmas-paet-uro-inimoiguste-noukogus-ukraina-kriis-oht-rahvusvahelisele>

² <http://valisministeerium.ee/et/uudised/valisminister-urmas-paet-osce-peab-valtimajargmise-kulmutatud-konflikti-tekkimist-ukrainas>

³ <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/ET/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018>; <http://www.diplomaatia.ee/artikkel/venemaa-riigikeskne-hubriidsoda/>; http://istina.msu.ru/media/publications/article/50d/cfd/10584094/Manojlo_-_Gibridnyie_vojny.pdf

межгосударственных отношениях. Касательно балтийских стран, а также других европейских государств и США здесь можно говорить о проявлении панических настроений. В Балтии это является, частично, отражением событий 1939–1945 годов. Эти события в странах Балтии — одна из исторических тем, которые до сих пор остаются в центре внимания и мешают нормализации отношений между балтийскими государствами и Россией. Исторический конфликт, несомненно, играет определенную роль в осуществлении странами Балтии своей внешней и оборонной политики. С другой стороны, балтийский исторический конфликт способствует созданию образа России в Европе. Такое случается в истории не впервые. Стоит вспомнить, что в Германии 1920–1930-х годов существенную роль в создании образа Советского Союза играли прибалтийско-немецкие эмигранты.

В связи с украинским кризисом наблюдается заметная активизация деятельности военно-морских и военно-воздушных сил как НАТО, так и России в регионе Балтийского моря, и наиболее вероятной территорией военных действий при сценарии конфликтов часто считается Балтийские страны¹. Украинский и сирийский кризисы усилили в странах Балтии опасения по поводу возможного повторения событий 1939–1940 гг.², что могло бы означать осуществление Россией действий, направленных на аннексию балтийских государств. Исходя из решения Европейского Союза, страны региона Балтийского моря прекратили в связи с украинским кризисом военные контакты с Россией.

После начала войны на Украине западные эксперты в вопросах безопасности обратили также внимание на внутреннюю уязвимость

¹ https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/.../RAND_RR1253.pdf https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf

² Расширение территории Советского Союза, ставшее следствием договоров, заключенных между СССР и Германией в 1939–1940 годах, до сих пор обуславливает напряжение в отношениях с Балтийскими странами, Польшей и Румынией. И это несмотря на то, что Съезд народных депутатов СССР признал секретные дополнительные протоколы юридически ничтожными с момента их подписания. Споры продолжают вызывать здесь два вопроса: вступили государства или части государств, оказавшиеся на основании советско-германских договоров в сфере интересов Советского Союза, добровольно в состав СССР либо же их включение в состав Союза ССР было результатом оккупации, осуществленной с помощью военной силы?

балтийских государств¹. В отношении Эстонии и Латвии имеется в виду русскоязычное население, самосознание которого выросло в результате украинского кризиса, а лояльность стране проживания, исходя из этого, является сомнительным.

В связи с кризисом на Украине балтийские страны участвуют в санкциях, введенных в отношении России. Согласно статистике Европарламента, три государства Балтии относятся к числу тех 11 стран, где экономика наиболее пострадала от российских санкций: Эстония потеряла 147, Латвия — 87, а Литва — 374 миллиона евро². Если в 2013 году эстонский экспорт в Россию составлял 39,5% от всего эстонского экспорта за пределы Евросоюза, то в 2015 году этот показатель упал почти на 13%, составив 26,8%. Несмотря на то, что Греция и Италия — страны, которые испытывают гораздо меньшее влияние от санкций против России, они громче всех призывают к отмене санкций. Однако в настоящий момент трудно оценить, каково будет отрицательное влияние санкций на экономику Эстонии и на эстонско-российские экономические отношения в более долгосрочной перспективе.

В сегодняшней внутренней и внешней политике Эстонии и других стран Балтии господствующим направлением является противопоставление себя России. В Балтийской политике имидж России продолжает играть значимую роль³. Это проявляется в постоянной критике российской внешней и внутренней политики, а также интерпретации Россией исторических событий. С одной стороны, такая критика направлена на привлечение к себе внимания внутри собственной страны, на мобилизацию избирателей и на отвлечение внимания людей от кризисной ситуации в экономике, а с другой — призвана обеспечить военную помощь со стороны США и других западных стран.

¹ <http://www.rand.org/pubs/perspectives/PE179.html>; <http://ru.delfi.lt/news/live/amerikanskij-ekspert-pered-litvoj-realnaya-ugroza.d?id=69672404>

² The Russian Embargo: Impact on the Economic and Employment Situation in the EU. [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2014/536291/IPOL_BRI\(2014\)536291_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2014/536291/IPOL_BRI(2014)536291_EN.pdf); Who are the Major Losers of Russian Sanctions? <http://blog.euromonitor.com/2014/08/who-are-the-major-losers-of-russian-sanctions.html>; Потери Европы от антироссийских санкций <http://ru.sputnik-news.ee/infographics/20150916/181727.html>

³ <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/ET/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018;>

До недавнего времени утверждалось, что у США есть свои интересы в Европе и в странах Балтии, потому будут защищать их, поскольку США будут защищать свой интересы. В то же время, нельзя не отметить, что некоторые американские политики ставят под сомнение оказание помощи странам Балтии со стороны НАТО. Например, в июле 2016 года бывший спикер Палаты представителей Конгресса США, республиканец Ньют Гингрич, отвечая на вопрос, смогут ли Трамп и США в случае нападения России прийти на помощь, например, Эстонии, указал, что он «всерьез бы над этим подумал». «Эстония — это пригороды Санкт-Петербурга. Русским даже не обязательно пересекать границу военным путем. Русские могут сделать то, что они делали на Украине, — заявил Гингрич. — Я не уверен, что рискнул бы ядерной войной за место пригородов Санкт-Петербурга. Я думаю, что нам следует задуматься об этом»¹.

Существует мнение, что в случае конфликта великих держав малые или слабые страны предпочитают сохранять, в основном, нейтралитет либо примыкать к сильнейшему (*bandwagoning*) и не стремятся к сохранению баланса сил. Американский политолог Стивен Уолт, изучавший реакции стран на угрозы, утверждает, что малые страны желают примкнуть к сильнейшим (*bandwagoning*), потому что боятся стать жертвами конфликта, потому что их ресурсы слишком ограничены, чтобы повлиять на решение конфликта, а также потому что у них отсутствуют союзники². По мнению Уолта, стремление к *bandwagoning*, как правило, характерно для малых и слабых соседей крупных держав. По Уолту, страна, делающая ставку на сохранение баланса сил, более защищена, поскольку агрессору в этом случае противостоит комбинированная оппозиция, а страна, желающая примкнуть к сильнейшему, остается уязвимой, поскольку успех агрессора прибавляет ему обычно союзников, то есть его силы и ресурсы увеличиваются³. Эрик Лэбс, в свою очередь, утверждает, что теория международных отношений в целом признает, что слабое государ-

¹ Newt Gingrich: NATO countries “ought to worry” about U.S. commitment. <http://www.cbsnews.com/news/newt-gingrich-trump-would-reconsider-his-obligation-to-nato>

² *Stephen M. Walt. The Origins of Alliance. Cornell University Press / Ed. by Robert J. Art, Robert Jervis. Cornell Studies in Security Affairs. Ithaca and London, 1987. 29–30. <http://web.stanford.edu/class/ips198/docs/Walt.pdf>*

³ *Ibid.*

ство в случае конфликта желает быть на стороне потенциального победителя вне зависимости от того, угрожает этот победитель балансу сил или нет¹. Американский историк Пол Шредер считает, что одной из возможных стратегий малой страны в условиях кризиса является *bandwagoning*. Таким образом, Шредер определяет *bandwagoning* как его стремление примкнуть к сильнейшей стороне в целях получения защиты, даже если это сопровождается отсутствием гарантии безопасности со стороны потенциального защитника и определенным отказом от независимости².

Улучшение или ухудшение отношений между странами Балтии и Россией зависит от Европейского Союза, НАТО и, безусловно, от США, то есть от процессов в глобальной политике. Если рассматривать отношения между Россией и балтийскими странами после восстановления ими независимости, то приходится признать, что эти отношения постоянно ухудшаются.

Библиография

1. *Eric J. Labs*. Do Weak States Bandwagon? *Security Studies*. 1(3). 1992. 383–416. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09636419209347476?journalCode=fsst20#preview>
2. *Newt Gingrich*: NATO countries “ought to worry” about U.S. commitment. <http://www.cbsnews.com/news/newt-gingrich-trump-would-reconsider-his-obligation-to-nato>;
3. *Stephen M. Walt*. *The Origins of Alliance*. Cornell University Press. Edited by Robert J. Art, Robert Jervis. *Cornell Studies in Security Affairs*. Ithaca and London, 1987, 29–30. <http://web.stanford.edu/class/ips198/docs/Walt.pdf>

¹ *Eric J. Labs*. Do Weak States Bandwagon? *Security Studies*. 1(3). 1992. 383–416. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09636419209347476?journalCode=fsst20#preview>

² *Paul W. Schroeder*. *The Neo-Realist Theory of International Politics: A Historian’s View*. — *Arms Control, Disarmament and International Security* [CDIS Occasional Paper, University of Illinois at Urbana-Champaign, April, 1991. 4. Vt. ka Michael Sheehan. *The Balance of Power. History & Theory*. Routledge, London and New York, 1996, 162–169.

СОЛОВЬЕВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» В КОНТЕКСТЕ
НЕОПОЛЕМОЛОГИИ

Аннотация. В статье поднимается проблема соотношения понятия «гибридная война» и военно-политической реальности XXI столетия. Автор показывает важность определения типа ведущейся войны. Рассматриваются трудности выработки дефиниции, с которыми столкнулись ее сторонники. Ставится вопрос о необходимости создания новой парадигмы исследования войны, адекватно оценивающей современные военно-политические концепции.

Ключевые слова: гибридная война, неополемология, трансформация войны, угрозы, военная стратегия, новая парадигма исследования войны.

Рассматривая войну как конкретный тип конфликта, необходимо отдавать себе отчет в том, что наиглавнейшей задачей государственного деятеля, а также командира — это определить тип войны, в которую погружается государство и армия, потому что ошибка может иметь роковые последствия. Чтобы не оказаться в роли побежденного, следует понимать — к какой войне нужно готовиться.

Относительно недавно в политический дискурс был введен концепт «гибридная война». Этот неологизм не остался незамеченным, так как он затронул содержательные, методологические, прагматические и прогностические стороны развития понятия «война». Исходя из того, что понятие должно отражать либо уже существующее, либо проецировать феномен, находящийся на стадии становления, термин «гибридная война» представляет интерес с точки зрения его соответствия реальному феномену.

С момента появления термина «гибридная война» прошло более десяти лет. Но за это время авторами и сторонниками этой концепции не было выработано четкой дефиниции главного понятия — «гибридная война». Тем не менее, термин получил распространение¹. Всплеск пропагандистской активности был вызван событиями на Украине: государственным переворотом, началом гражданской войны и возвращением Крыма в Россию. Такой неожиданный для Запада поворот событий, на который он не рассчитывал, породил новый во-

¹ *Dugoin-Clément Chr.* La guerre hybride en Ukraine // *Revue Défense nationale* n° 793, octobre 2016. P. 85; *Tenenbaum E.* “Le piège de la guerre hybride”. *Focus stratégique*. № 63, octobre 2015. P. 7–8.

енно-политический дискурс в лагере стран блока НАТО. Заговорили о «гибридной войне», с самого начала придавая ей негативную коннотацию¹. Понятие превратилось в некий синоним «несправедливой войны», но только оно приписывалась странам-изгоям, которые (по логике атлантистов) априорно неправы во всем, как Ягненок из басни И.Крылова, который был виноват перед Волком, потому что тому хотелось кушать. Здесь мы имеем дело с ярко выраженным ценностным характером неологизма, предназначенного для создания отрицательного имиджа неудобных субъектов политики с целью обретения морального, а вслед за этим и политического превосходства, дискредитации противника, а также принуждения к невыгодным для него шагам.

Введение в политический дискурс аксиоматически неверных утверждений типа: «Недавнее вторжение России в Украину ...» с самого начала закладывает неверный фактологический фундамент, на котором строится асимметричная теоретико-методологическая конструкция, оставляющая «в тени» свои собственные шаги и рассматривающая исключительно действия противоборствующей стороны в заведомо искаженном виде. Использование ложного утверждения о вторжении России в Украину сразу же обесценивает содержательную сторону утверждения и показывает его провокационный характер.

Кроме того, используется фигура умолчания по поводу той обширной практики Запада, которая подпадает под определение «гибридной войны» как объединяющей войны с использованием обычных и нетрадиционных средств вооружения: регулярную и иррегулярную, информационную войну и кибервойну. Сами натовские аналитики видят слабые стороны этого понятия (его расплывчатость и безликость) и предлагают рассматривать инвариантные стороны войны. Некоторые утверждают: «Когда угроза или применение силы расценивается как *гибридная*, этот термин теряет свою ценность и создает путаницу, вместо того, чтобы объяснить «реальность» современной войны»².

¹ Марков С.А. «Гибридная война» против России. М., 2015; Панарин И.Н. Гибридная война против России (1816–2016). М., 2016.

² La guerre hybride existe-t-elle vraiment ? // Revue de l'OTAN. <http://www.nato.int/docu/review/2015/Also-in-2015/hybrid-modern-future-warfare-russia-ukraine/FR/index.htm> (последнее вхождение 28.11.2016).

Частое употребление термина «гибридная» порождает еще одну проблему: необходимость разобраться, в чем состоит новизна гибридной войны. Некоторые западные исследователи, несмотря на свою ангажированность, напоминают коллегам о том, что англо-американский профессор, специалист по вопросам стратегии Колин Грей убедительно доказывал, что будущая война, а также современная заключается в воспроизведении уже известных схем¹.

Несмотря на насущность проблемы, 28 стран-участниц НАТО не могут выработать ясную дефиницию угроз, с которыми они сталкиваются. О какой эффективной военной стратегии НАТО может идти речь? — спрашивает себя западный обозреватель. Он предлагает руководству НАТО и прочим инстанциям, принимающим решения, забыть о «гибридности» и сосредоточить внимание на специфике и взаимосвязи современных угроз². Французская военная аналитика также не слишком восторженно встречает идею «навязываемую НАТО для характеристики действий России по отношению к Украине», называя ее «сомнительной».

Вместе с такой точкой зрения существуют и другие, рассматривающие «гибридную войну» как реальную и предлагающие искать решение этого вопроса с помощью превентивных мер (Даниэл Штефэнеску — Румыния), рассматривающие ее через призму информационной и кибервойны (Кристин Дюгуэн-Клеман — Франция), пытающихся использовать ее изучение для пересмотра основ западной военной стратегии (Эли Тененбаум — Франция).

Трансформация войн нашла отражение еще у древних (греки, римляне). Более поздние наблюдения мы находим у полемологов, в частности у Г. Бутуля, Р. Каррера и др.³ Подобные подходы нашли в свое время одобрение у члена Французской академии Жана Гиттона, генерального секретаря ООН (1992–1996) Бутроса Гали. Поиск гносе-

¹ Там же.

² Ștefănescu D. NATO strategy to defeat enemy forces in the hybrid war // International conference of scientific paper, AFASES 2015. Brasov, 28–30 May 2015. P. 5; La guerre hybride existe-t-elle vraiment ? // Revue de l'OTAN <http://www.nato.int/docu/review/2015/Also-in-2015/hybrid-modern-future-warfare-russia-ukraine/FR/index.htm> (последнее вхождение 28.11.2016).

³ Bouthoul G., Carrère R., Annequin J.-L. Guerres et civilisations (de la préhistoire à l'ère nucléo-spatiale). Paris, FEDN, 1980.

ологических корней гибридной войны можно найти и у продолжателей полемологии.

Один из разработчиков теории гибридной войны Жозеф Анротен¹ видит в роли предтечи создания нового концепта — Ги Броссоле, однако, на наш взгляд, это не соответствует реальной эволюции данного подхода и свидетельствует либо о незнании имен авторов, разработавших эти идеи, либо об избирательном VS тенденциозном подходе к истории вопроса.

Проблема использования всевозможных средств в войне (как разновидности политической борьбы) мы можем найти намного раньше, чем в XXI веке. Достаточно почитать трактат Сунь Цзы «Искусство войны» или книгу Н. Макиавелли «Государь». По нашему мнению, прототипом такой войны является древний вид борьбы у греков — «панкратион». Между этим видом борьбы и «гибридной войной» есть сходство, заключающееся в том, что они стремятся свести к минимуму правила ведения противоборства.

В 20-е гг. прошлого века наши соотечественники рассматривали возможности применения разнообразных средств и методов организации вооруженной борьбы: война на политическом, дипломатическом, экономическом и др. «фронтах» (А. Свечин), заполнение периодов, свободных от вооруженной борьбы «невоенными операциями»: агитацией, разрушением экономики противника и т.д. В шестидесятых годах XX столетия военный теоретик русского зарубежья Е.Э. Месснер писал в своих работах, опубликованных в Аргентине, о мятеже-войнах, которые будут распространены в будущем². К. Шмитт в «Теории партизана» также говорит о неклассических способах ведения войны³.

Сегодня можно констатировать, что термин «гибридная война» становится привычным и устоявшимся в современном военно-политическом дискурсе⁴. Это свидетельствует лишь о том, что задачи, воз-

¹ Henrotin J. *Techno-guérilla et guerre hybride. Le pire des deux mondes*. Paris, 2014.

² Домнин И., Савинкин А. Асимметричное воевание // Отечественные записки. № 5 (26) 2005 // <http://www.strana-oz.ru/2005/5/asimmetrichnoe-voevanie> (последнее вхождение 28.11.2016).

³ Шмитт К. *Теория партизана*. М., 2007.

⁴ Tenenbaum E. «Le piège de la guerre hybride». *Focus stratégique*. № 63, octobre 2015; Марков С.А. «Гибридная война» против России. М., 2015; Панарин И.Н. *Гибридная война против России (1816–2016)*. М., 2016.

ложенные на это понятие, очень серьезные, и обойти молчанием этот инструмент противоборства мы не можем и не имеем права. Принять антироссийскую трактовку этого термина, которую нам навязывают страны НАТО и их сторонники, не допустимо. Иначе мы можем столкнуться с проблемами, аналогичными тем, которые возникли, когда использованию термина «империя зла» в адрес Советского Союза не было противопоставлено должного анализа и критики.

Нужно констатировать недостаточную разработанность понятия «гибридная война», поэтому исследование данного концепта представляет научный и практический интерес. Необходимо очистить от идеологических плевел понятие «гибридная война» и рассмотреть его с теоретической точки зрения. Для этого, на наш взгляд, необходимо уточнить само понятие «война» для XXI века. Представители НАТО обвинили Россию в ведении гибридной войны против Украины. К ним присоединяются и другие представители Запада, многие из которых ассоциируют данный вид войны с конкретным военным конфликтом. Исследователями предлагаются различные, не совпадающие дефиниции нововведенного понятия, откуда возникают методологические противоречия.

«Гибридную войну» часто отождествляют с нелинейной войной, сопоставляют с асимметричными войнами и т.д. На основании этого и ряда других моментов можно констатировать, что понятие «гибридная война» недостаточно разработано, поэтому исследование данного концепта представляет научный и практический интерес.

Существует тенденция — подводить под понятие гибридной войны содержание, соответствующее понятию «противоборство». Надо четко определить, что есть война, тогда станет понятней, что включать в понятие «гибридная война». Представляется, что у различных авторов термин приобретает широкую, либо узкую трактовку. В этой области нет единого мнения по поводу того, что такое «гибридная война». В методологическом плане даже у самих западных теоретиков существуют точки зрения, по которым утверждение, что Россия ведет гибридную войну против Украины, попадает в разряд ложных с точки зрения законов логики. Анализируя попытку западных стран рассматривать «гибридную войну» как средство борьбы «несостоявшихся государств», мы сталкиваемся с методологическим казусом. Приводя в качестве характерного примера приписываемую России

«гибридную войну» против Украины, они противоречат сами себе. Так в списке государств по данным на 2005 г. в работе *Hybrid War: A New Paradigm For Stability Operations In Failing States* Россия в списке несостоявшихся государств отсутствует¹.

Для осмысления проблем, сложившихся в военно-политической сфере, требуются новые подходы, способные в соответствии с ее современным состоянием дать адекватную картину развития возможностей субъектов политики решать коренные проблемы между государствами на международной арене.

Проблема необходимости инноваций в теоретическом знании о войне поднимается в нашей стране и на Западе². В России проблема выбора новой парадигмы исследования войны очень актуальна, так как она опосредованно связана с доктринальными установками в области политики государства. Среди специалистов идут жаркие дискуссии по этому поводу. В этом смысле показательны публикации М.Га реева³, С. Тюшкевича⁴, И.Д аниленко⁵, отражающие конкурирующие позиции по этому вопросу.

Необходимость создания новой парадигмы исследования войны, которая определит свое отношение к «гибридной войне», становится насущным делом, как это уже неоднократно было в переломные моменты истории. Есть точка зрения, что расставшись с «нормальной наукой» (по терминологии Т.Куна) в результате научной революции произойдет переход к новой парадигме, роль которой может сыграть неополемология.

¹ *Margaret S. Bond* Hybrid war: a new paradigm for stability operations in failing states. U.S. Army War College, Carlisle Barracks, Pennsylvania 17013. P. 17.

² *Кревельд М. ван* Трансформация войны. М., 2005; *Myriam Klinger* (dir.), *Héritage et actualité de la polémologie*, Paris, Téraèdre, 2007.

³ *Гареев М.* Вырвать ересь с корнем / М. Гареев // Военно-промышленный курьер. 5 июня 2013. Вып. 489, №21. Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/16198>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус.

⁴ *Тюшкевич С.* Кризис военной мысли / С. Тюшкевич // Военно-промышленный курьер. 26 июня 2013. Вып. 492, № 24. Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/16482>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус.

⁵ *Даниленко И.С.* От прикладной военной науки к системной науке о войне // Военная мысль. 2010. № 10. С. 23–32.

Библиография

1. Белозеров В.К. Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Гео-политика и безопасность. 2014. № 4 (28). С. 9–13.
2. Гареев М. Вырвать ересь с корнем / М. Гареев // Военно-промышленный курьер. 5 июня 2013. Вып. 489, № 21. Режим доступа: <http://vprk-news.ru/articles/16198>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус.
3. Даниленко И.С. От прикладной военной науки к системной науке о войне // Военная мысль. 2010. № 10. С. 23–32.
4. Домнин И., Савинкин А. Асимметричное воевание // Отечественные записки. № 5 (26) 2005. <http://www.strana-oz.ru/2005/5/asimmetrichnoe-voevanie>
5. Клаuzeвиц К. О войне. М., 2003.
6. Костюк М.Е. Языковые войны: западные политические технологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 4. 2009. С. 93–100.
7. Кревельд М. ван Трансформация войны. М., 2005.
8. Марков С.А. «Гибридная война» против России. М., 2015.
9. Месснер Е.Э. Мятаж - имя третьей всемирной. Буэнос-Айрес, 1960.
10. Панарин И.Н. Гибридная война против России (1816–2016). М., 2016.
11. Соловьев А.В. Информационная война: теоретико-методологические и практические аспекты // Информационные войны. 2011. № 2. С. 15–22.
12. Тюшкевич С. Кризис военной мысли / С. Тюшкевич // Военно-промышленный курьер. 26 июня 2013. Вып. 492, № 24. Режим доступа: <http://vprk-news.ru/articles/16482>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус.
13. Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.
14. Bouthoul G., Carrère R., Annequin J.-L. Guerres et civilisations (de la préhistoire à l'ère nucléo-spatiale). Paris, FEDN, 1980.
15. Dugoin-Clément Chr. La guerre hybride en Ukraine // Revue Défense nationale n° 793, octobre 2016.
16. Henrotin J. Techno-guérilla et guerre hybride. Le pire des deux mondes. Paris, 2014.
17. Margaret S. Bond Hybrid war: a new paradigm for stability operations in failing states. U.S. Army War College, Carlisle Barracks, Pennsylvania 17013.
18. Myriam Klinger (dir.). Héritage et actualité de la polémologie, Paris, Téraèdre, 2007.
19. Ștefănescu D. NATO strategy to defeat enemy forces in the hybrid war // International conference of scientific paper, AFASES 2015. Brasov, 28–30 May 2015.
20. Tenenbaum E. “Le piège de la guerre hybride”. Focus stratégique. № 63. octobre 2015.
21. Wright Q.Ph. A Study of War. 1942. University of Chicago Press.
22. <http://www.nato.int/docu/review/2015/Also-in-2015/hybrid-modern-future-warfare-russia-ukraine/FR/index.htm> (последнее вхождение 05.11.2016).

СУВОРОВ ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в настоящее время угрозой безопасности многих государств являются развязываемые против них, так называемые, «гибридные войны», основанные на использовании «мягкой силы» и «непрямых действий» с целью подрыва их экономической, политической, военной мощи и смены власти. Феномен «гибридной войны» еще недостаточно изучен отечественной наукой, что обуславливает необходимость рассмотрения особенностей его проявления в современных условиях.

Ключевые слова: «гибридная война», «мягкая сила», «непрямые действия», обеспечение безопасности государства.

Для формирования основных направлений и приоритетов военной политики Российской Федерации на стратегическую перспективу большое значение имеет проблема выявления природы и характера, так называемых, «гибридных войн», которые в современных условиях являются угрозой безопасности многих государств. Опасность данного явления заключается в том, что ставка в них делается в большей степени на «мягкую силу» и «непрямые действия», которые направлены на подрыв экономической, политической и военной мощи отдельных стран.

Особую актуальность эта проблема приобретает в современных условиях, когда на фоне событий в Украине и в Сирии гибридная война все активнее разворачивается против России и ее союзников. При этом в ход идут различные формы давления, начиная от экономических санкций и политического манипулирования, до откровенной лжи. Все это, по мнению многих специалистов, придает данной проблеме большую значимость.

Анализу феномена «гибридной войны» как социально-политического явления в последнее время уделяется большое внимание как отечественными, так и зарубежными учеными. Крупные школы политологов, занимающиеся эти вопросом, функционируют сегодня при Российской академии наук, в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ), в Военной академии Генерального штаба Вооружен-

ных Сил РФ (ВС РФ), в Военном университете Министерства обороны (МО) РФ и ряде других высших учебных заведений и научных учреждений.

Прошедшие на площадках этих вузов научные конференции, круглые столы и дискуссии по этой теме показали неоднозначность в оценках и подходах к данному явлению. Одни ученые считают, что перед нами совершенно новое явление, другие не видят в нем ничего нового, а лишь изменение формы тех процессов, которые имели место и раньше. Ряд ученых вообще не признают данного понятия, считая его мифом. Вместе с тем, все сходятся в одном — проблему «гибридных войн» необходимо изучать.

Анализ исследований по данной теме позволяет отметить, что на сегодняшний день российские ученые вышли на новые позиции в переосмыслении природы данного явления, его сущности и форм развития. Если говорить о сути понятия «гибридные войны», оно в отечественной политологии появилось сравнительно недавно. Данный термин в большей степени использовался в зарубежной литературе и различных документах вооруженных сил стран-участниц Североатлантического блока НАТО. Сегодня в полной мере можно говорить о том, что оно нашло широкое распространение и в отечественной литературе.

В последние годы многие ученые и военные специалисты приходят к выводу о том, что государства при выяснении отношений все больше прибегают к «мягкой силе», стараясь решать все противоречия экономическими, политическими и информационными средствами давления на оппонента. При этом доля вооруженной борьбы сужается до применения точечных ударов и использования специальных подразделений.

По мере того, как в историю уходят классические методы ведения войны, сопровождающиеся фронтальным столкновением с участием массовых армий, выяснение отношений между государствами осуществляется «непрямыми действиями», когда воздействие происходит скрытно за счет расшатывания политических, идеологических и экономических устоев страны. В ход идут различные способы воздействия как на руководителей государства, так и на все социальные группы.

В этом отношении показательными являются действия США и их союзников по НАТО в Украине, где они используют данное госу-

дарство как средство для ослабления России и втягивания ее и в региональный конфликт с глобальными последствиями. При этом руководство США преследует двойную цель, «вбивая клин» не только между двумя славянскими народами, но и между Россией и Европой в целом.

Другими словами, применение невоенных средств, т.н. «мягкой силы» или использование в качестве средства воздействия вооруженных сил другого государства (как, например, в Украине) можно назвать скрытой формой войны, которую в последнее время принято называть «гибридной». По характеру и силе воздействия на геополитического противника данная форма «непрямых действий» ничем не уступает классической войне, поэтому все чаще используется для характеристики завуалированных действий, направленных на достижение своих интересов с целью скрыть истинные намерения.

Все это свидетельствует о серьезных изменениях в характере вооруженной борьбы, специфической особенностью которой является размывание границ между классическими операциями и войнами нового типа (т.н. «гибридными операциями»). Данное обстоятельство дает нам основание заключить, что вооруженная борьба сегодня имеет комплексный, системный характер, способствующий развитию и проявлению нового свойства — сочетаемости различных мер невоенного и военного характера или, другими словами, «гибридности».

В чем специфика данного явления? Для ответов на эти вопросы представляется авторский подход к сущностному пониманию «гибридности» действий.

Исходя из данных толкового словаря, «гибрид» (помесь) — объект, сочетающий в себе свойства других (двух или более) объектов.¹ Применительно к военно-политологической науке, понятие гибридности означает сочетание военных и невоенных способов достижения политических целей, что ведет на практике к отказу от широкомаштабных фронтальных боевых действий и переходу к комплексному использованию политико-дипломатических, экономических, информационно-психологических и собственно военных средств при проведении стратегических операций.

¹ Большой толковый словарь. 75 тыс. статей. Новосибирск, 2010. URL: <http://www.slovo.yaxy.ru>. (дата обращения: 10.02.2015).

Для теории национальной безопасности данный термин интересен тем, что при анализе всего спектра прогнозируемых угроз и опасностей мы часто прибегаем к комплексному (гибридному) подходу, который отражает их многогранный и взаимопроникающий характер. При этом специфика этих угроз такова, что нейтрализация какой-то конкретной из них невозможна усилиями только одного ведомства (министерства), а требует согласованных действий всех органов государственной власти во всех сферах обеспечения национальной безопасности, и как следствие — определяет необходимость применения «гибридного» (комплексного подхода) при создании силовых формирований и управлении ими.

В этой связи реализация принципа «гибридности» очень важна для противодействия угрозам национальной безопасности России, а также для согласованного применения сил и средств ВС РФ, иных федеральных органов исполнительной власти и использование потенциала негосударственных организаций. Это, возможно, и предопределило появление в рамках теории «гибридных операций (войн)» новой межведомственной формы применения сил и средств обеспечения национальной безопасности.

Сейчас сложно определить, когда именно была впервые сформулирована концепция «гибридной войны», но совершенно очевидно, что произошло это еще во времена СССР, в период «холодной войны». Так, например, еще до его распада начали формироваться концепции «войн нового типа» и «непрямой агрессии». Конкретно сформулированной доктрины «гибридной войны» не существовало ни у одного государства, между тем, взгляды на ее ведение постоянно развивались и видоизменялись в зависимости от текущей ситуации.

После распада Советского Союза и изменения послевоенного биполярного миропорядка концептуальные взгляды в сфере ведения «гибридной войны» получили дальнейшее широкое распространение. Появились такие теоретические исследования, как «технологии ненасильственных действий» Дж. Шарпа, концепция «сетевцентрической войны» А. Себровски и Дж. Гарска, концепция «мягкой силы» Дж. Ная, так называемая теория «управляемого хаоса» С. Манна, «теория пяти колец» Дж. Урдена, «DIME-войны» Ф. Бридлава (DIME — англ. аббревиатура: «дипломатия, информация, вооруженные силы, экономика») и «DIMET-операции» Д. Дептулы. Все это в совокупно-

сти привело к появлению и распространению терминов «гибридная война» и «гибридные военные действия»¹.

При этом каждый исследователь выделял свои критерии в оценке данных явлений. Ф. Хофманн, один из авторов концепции «гибридных военных действий», характеризует их как «полный арсенал различных видов боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования; террористические акты, включая беспорядочное насилие и криминальные беспорядки». Он считает, что «гибридные военные действия могут вестись как государством, так и различными негосударственными акторами»².

Бывший советник НАТО, парламентарий из Нидерландов и генерал-майор в отставке, Фрэнк ван Каппен дает следующее определение данному явлению: «Гибридная война — это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство, которое ведет гибридную войну, совершает сделку с негосударственными исполнителями — боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые само государство делать не может, потому что любое государство обязано следовать Женевской конвенции и Гагской конвенции о законах сухопутной войны, договоренностям с другими странами. Вся грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований»³.

А.А. Бартош, исследовавший проблематику гибридных военных действий, пишет: «Под гибридной войной американские военные подразумевают необъявленные, тайные военные действия, в ходе которых воюющая сторона атакует государственные структуры или регулярную армию противника с помощью местных мятежников и сепаратистов, поддерживаемых оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами (олигархами, организован-

¹ См.: Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0 // Изборский клуб. Русские стратегии. Вып. 9 (11). М., 2014.

² См.: Hoffman, Frank G. Future Threats and Strategic Thinking. Infinity Journal. 2011. № 4.

³ Захаров М. «Гибридная война» в степях Украины: кто сделал первый выстрел? // Мир и политика. 2014. 21 мая. URL: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-who-sdekal-pervyy-vystrel.html> (дата обращения: 08.02.2015).

ной преступностью, националистическими и псевдорелигиозными организациями)»¹.

Из данных исследований мы видим, что «гибридная война» ведется как силами, действующими внутри страны или региона и стремящимися ослабить или свергнуть правительство, так и внешними силами. Действия внешних сил заключаются в оказании содействия повстанцам, в вербовке сторонников и их подготовке, оперативной и тыловой поддержке, воздействии на экономику и социальную сферу, координации дипломатических усилий, а также проведении отдельных силовых акций.

Для этих целей привлекаются силы специальных операций, разведка, осуществляется масштабное информационное психологическое воздействие на население, личный состав вооруженных сил и правоохранительных органов, властные структуры с использованием всего диапазона информационно-коммуникационных технологий. Иногда делается ставка на организованную преступность и террористические организации, которые скрытно привлекаются для выполнения отдельных задач. При этом гибридные военные действия, как правило, ведутся тайно, на территории страны-объекта агрессии, силами части ее населения (мятежниками, повстанцами, террористами, сепаратистами и др.) при интенсивном внешнеполитическом давлении.

Главная особенность «гибридной войны» заключается в том, что это нетрадиционная война, которую ведет то или иное государство, используя все доступные ему ресурсы: политические, военные, технические, финансовые и человеческие. Главной силой в «гибридной войне» являются не армия, флот или авиация, а люди, имеющие специальную подготовку, которые являются либо кадровыми военнослужащими, либо сотрудниками специальных служб этого государства.

В «гибридной войне» государство осуществляет «скрытное вторжение» на территорию другого государства, широко применяя при этом специальные способы, технологии, а также завербованную агентуру на территории противника. Агрессором в «гибридной войне» является именно государство, но при этом оно использует тактику и методы специальных действий и терроризма. Именно это отличает

¹ Бартош А.А. Гибридные войны в стратегии США и НАТО // Независимое военное обозрение. 2014. 10 окт. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-10/1_nato.html (дата обращения: 08.02.2015).

«гибридную войну» от партизанской, гражданской войны или другого вида противоборства. В «гибридной войне» широко применяются подкуп, шантаж, ложь, практика взятия заложников, террор, провокации.

При этом само государство-агрессор, которое ведет «гибридную войну», формально стремится максимально долго вообще оставаться в стороне, и вести боевые действия опосредованно, руками оппозиционеров, ополченцев, повстанцев, сепаратистов и т.д.

Исходя из этой логики, под «гибридной войной» многие авторы понимают такие виды операций и действий, где помимо регулярных формирований, используются отряды т.н. «негосударственных исполнителей». Такие отряды могут состоять из идеологически мотивированных боевиков, откровенных «местечковых» банд, частных карательных формирований, международных наемников, иностранных «специалистов», связь с которыми формально отрицается. То есть, из тех, на кого можно переложить всю «грязную» работу, предполагающую привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений против человечности.

На основании вышеизложенного можно правомерно заключить, что «гибридные операции» могут рассматриваться сегодня как средство ведения войны «нового типа» и являются проявлением политики «непрямых действий» в современных условиях. В свою очередь, данная форма действий выступает как межведомственная операция, представляющая собой совокупность согласованных и взаимосвязанных мероприятий в области стратегического сдерживания, информационного противоборства, боевых и специальных действий войск, а также других асимметричных и непрямых действий, проводимых для достижения поставленных военно-политических целей.

Все это свидетельствует о том, что войны «нового типа», так называемые «гибридные войны», являются ни чем иным, как военными конфликтами, в которых политические цели достигаются невоенными средствами (политическими, экономическими, информационными и другими), а военная сила используется ограниченно, лишь для оказания помощи внутренней оппозиции (в том числе и вооруженной).

Многие ученые и военные эксперты задаются вопросом о причинах такой популярности данного явления, использование которого зачастую приводит к резкой эскалации вооруженного насилия. Ведь еще совсем недавно наука и общественное мнение больше обсуждали

возможность ведения «информационных», «финансовых», «продовольственных» и «террористических» войн. Понятие «гибридной войны» появилось, видимо, в тот момент, когда все эти средства стали применяться комплексно в качестве формы «непрямых действий» для достижения скрытых политических целей.

В современных условиях, когда в связи с событиями в Украине и Сирии резко изменился вектор отношений между Россией и США, встал естественный вопрос — что будет дальше: возврат к временам «холодной войны» или поиск компромисса? Соответственно, как, исходя из этого, изменится характер войн и вооруженных конфликтов будущего?

Ряд специалистов считают, что нас ждет именно первый сценарий развития, который приведет к новому витку гонки вооружений и дальнейшей эскалации напряженности в мире. Другие надеются, что всеобщий страх перед угрозой международного терроризма и третьей мировой войны позволит объединить наши усилия, выступить единой коалицией и не допустить скатывания к глобальному противостоянию.

Исходя из этого, многие из специалистов считают, что глобальной войны в традиционном виде не будет. По их мнению, она будет протекать в форме региональных конфликтов различной интенсивности, т.н. «мятеже-войны» или «гибридной войны», в которой ставка будет делаться на противостояние отдельных сепаратистских террористических организаций против регулярных вооруженных сил одного или нескольких государств. Катализатором таких конфликтов все больше становятся, по мнению специалистов, «непрямые действия», которые часто используются как скрытая фаза эскалации любого конфликта.

В связи с этим, некоторые ученые и политики считают, что «гибридные войны» уже давно идут, и начались они с момента начала, так называемых, «цветных революций» в различных регионах мира. Есть мнение, что данная форма войны началась с нападения США на Ирак. Многие сегодня за точку отсчета берут события «арабской весны» Ближнем Востоке и в Северной Африке (Ливия и Сирия), а также события в Украине. Невольно возникает вопрос, а кто будет следующим: очередное государство Африки, Азии или Латинской Америки? А может быть Россия, вокруг которой на территории постсоветского пространства возникает все больше очагов нестабильности?

Однако какие бы сегодня оценки не давались, и какие бы прогнозы не строились, неоспоримым остается тот факт, что любая война, в том числе и «гибридная», является порождением не столько «непрямых действий», сколько глубоких социальных и межнациональных противоречий и тенденций, которые проявляются в столкновении экономических, политических, геостратегических и других интересов. Без знания социальной природы и механизма их эскалации невозможно предотвратить или хотя бы минимизировать их трагические последствия.

Анализируя основные причины эскалации войн «нового поколения», и прежде всего, гибридных, хочется отметить, что нынешняя эскалация международной военно-политической обстановки в большей степени связана с глубинными процессами, происходящими в мировой экономике. Смена экономических укладов на основе принципиально новых технологий и механизмов сопровождается сменой вековых циклов накопления капитала. Формирующийся сегодня «азиатский цикл» постепенно вытесняет предыдущий «американский», который доминировал последние десятилетия.

В настоящее время, как это было и в предыдущие периоды смены вековых циклов, теряющий влияние лидер прибегает к принудительным способам поддержания своего доминирования. Сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, ряд государств, и прежде всего — США, пытается удержать лидерство за счет развязывания мировой войны с целью ослабления как конкурентов, так и партнеров. Именно этими причинами продиктовано стремление вбить клин между Россией и другими центрами геополитического влияния в мире (Европой, Ближним Востоком и др.). При этом установление контроля за Россией в сочетании с доминированием в Европе, Центральной Азии и на Ближнем Востоке дает США стратегическое преимущество над поднимающимся Китаем в контроле над основными источниками углеводородов и другими критически значимыми природными ресурсами.

В своем стремлении сохранить за собой статус мирового лидера США применяют старый проверенный принцип «разделяй и властвуй». Используя процесс углубления межцивилизационных, ме-

жэтнических, межконфессиональных, межгосударственных и внутргосударственных противоречий, они стремятся различными средствами инициировать конфликты в тех регионах, которые представляют для них большой экономический интерес. Обострение ситуации в том или ином регионе дает хороший повод для введения вооруженных сил США или НАТО, а где это не получается — различных незаконных формирований радикального толка, с целью, так называемого, наведения порядка (примером служат последние события в Ливии, Сирии и Украине).

В этой связи, особую озабоченность у многих политиков и ученых вызывает процесс распада национальных государств, рост сепаратизма, национализма и вооруженного экстремизма, который сопровождается политикой «непрямых действий». Так, бывший госсекретарь США У. Кристофер в свое время предупреждал комитет Конгресса по международным отношениям: «Если мы не найдем способа заставить различные этнические группы жить в одной стране..., то вместо нынешних сотни с лишним государств мы будем иметь 5000 стран».¹ Данный прогноз постепенно начинает сбываться. Причем вновь проявляется политика двойных стандартов Соединенных Штатов. С одной стороны, США латентно инициируют конфликты в каком-либо регионе мира, с другой — призывают к мировому сообществу о необходимости принятия мер по их деэскалации.

Одной из важных причин эскалации «гибридных» войн и вооруженных конфликтов современности, по мнению многих ученых, является *процесс углубления общемирового социального кризиса, переходящего в глобальную революцию*². Но, если еще несколько лет назад многие специалисты надеялись на то, что она пройдет мирным путем, то сегодня оптимистов становится все меньше и меньше. Основными признаками глобального кризиса в международных отношениях, по мнению ученых, являются следующие процессы.

Во-первых, усиливающееся недовольство в мире по поводу растущей пропасти между богатством и нищетой. Сегодня в мире нет такой

¹ См.: *Toffler A. and H. War and anti-war. Survival at the dawn of 21st century.* Boston, 1993. P. 242.

² Современная конфликтология в контексте культуры мира (материалы I-го международного конгресса конфликтологов) / Под ред. Е.И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

страны, такого большого города, где жизнь отдельных категорий населения не отличалась бы значительным образом. Даже в благополучных западных столицах есть свои изгои, униженные и обездоленные, жизнь которых не лучше, чем у населения беднейших стран. К тому же, прогнозы экспертов совсем не утешительны. По их данным, разрыв этот продолжает увеличиваться и в начале первого десятилетия XXI века уже составлял 75:1. Более того, на беднейшие 20% мирового населения сегодня приходится лишь 1% внутреннего мирового валового продукта.¹

Все эти факты свидетельствуют о том, что мировая политическая элита, представленная в различных национальных и наднациональных институтах власти, все больше обеспечивает интересы не столько простых граждан, сколько крупнейших финансово-промышленных групп и транснациональных корпораций (ТНК). Геополитические интересы ТНК всех стран направлены на планетарные ресурсы, а заодно — и рынки сбыта, которые, по их мнению, нужно вырвать из рук неумелого большинства и заново перераспределить в соответствии с социал-дарвинистскими критериями естественного отбора². Поэтому, в качестве второго признака углубления глобального кризиса выступает процесс ужесточения борьбы между ТНК за экономическое господство в мире.

Учитывая тот факт, что борьбу за лидерство на мировом рынке сегодня ведут американские ТНК (из 100 крупнейших в мире на США приходится 35, на Европу — 42, на Азию — 21, на остальные регионы мира — 2), то совершенно неслучайным может выглядеть их стремление удержать передовые позиции любыми средствами. Арсенал этих средств формировался десятилетиями и на сегодняшний день включает широкий спектр форм и методов, начиная от лоббирования «своих» президентов, правительств, как в США, так и в других странах, заканчивая прямыми военными акциями, используя вооруженные силы государства не столько во имя народа, сколько для своих эгоистических, хищнических интересов. При этом в качестве идеологической ширмы часто используются такие формы экспансии, как миротворческие операции (к примеру, в бывшей Югославии), кон-

¹ См.: Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2010. С. 9.

² См.: Делягин М.Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2010. С. 136–137.

террористические акции (как в Афганистане и Ираке), акции по принуждению к миру (в Ливии) или «цветные революции» (Ближний Восток и Северная Африка, Центральная Азия, Украина) и т.п.

Таким образом, еще одной причиной эскалации современных «гибридных» войн, выступает *процесс сращивания транснациональных корпораций и финансового капитала с наднациональной и национальной политической элитой своих стран*, сопровождающийся обострением глобальных политических противоречий. Используя государственную машину с ее экономическими, политическими и военными рычагами, ТНК стремятся реализовать свои интересы в различных регионах мира.

Самым ярким примером этому являются события в Украине, которые происходят сегодня под лозунгами вхождения ее в состав Европы. При этом никто не задумывается о дальнейшей судьбе этого государства, ставя перед собой сиюминутные выгоды. Характерной особенностью событий в Украине стало то, что процесс скрытой экспансии превратился в откровенный переворот с захватом власти группой олигархов, которых всячески поддерживали заинтересованные американские и европейские политики. Для организации этого переворота были задействованы спецслужбы США, частные военные компании (ЧВК), внутренняя оппозиция, ряд организаций националистического толка, признанные в России террористическими и др.

Все это не может не вызывать открытое или скрытое сопротивление со стороны многих стран. Нежелание терять государственную независимость и мириться с произволом США и других стран НАТО, заставляет государства укреплять свои вооруженные силы, объединяться, создавая коалиции, направленные на совместное обеспечение национальной и региональной безопасности (примерами служат: Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.). Поэтому в качестве следующей причины сегодняшних глобальных катаклизмов можно отметить *усиливающуюся борьбу между государствами за установление нового мирового порядка*, в которой основным средством будут использоваться «гибридные» войны в виде «непрямых действий» и мягкой силы. Каким будет их характер и специфика проявления — этот вопрос сегодня волнует многих специалистов.

Наряду с политическими и экономическими причинами эскалации «гибридных» войн в различных регионах мира важное место занимают *этно-конфессиональные*. Многие ученые называют выход на политическую арену радикального ислама одним из главных факторов распространения экстремизма и активизации вооруженных конфликтов современности. Действительно, если посмотреть на карту мира с Востока на Запад, то мы четко можем провести линию противостояния радикального ислама с остальным миром. В самой восточной исламской стране Индонезии поселенцы-мусульмане воюют в Ириане с христианизированными папуасами. До сих пор тлеют очаги вооруженного противостояния в Малайзии, Таиланде, на Миндао, где мусульманские партизаны воюют против буддистов и христианских ополченцев. В Мьянме (Бирме), в Индии, в Кашмире религиозный мир то и дело взрывается столкновениями многотысячных толп исламских фундаменталистов с индуистскими, а также правительственными силами. В Китайском Туркестане (Турфана, Хами, Урумчи) систематически вспыхивают восстания мусульманских сепаратистов.

Постоянный очаг напряженности, по мнению многих специалистов, еще долгое время будет оставаться в Афганистане, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Несмотря на то, что правительственным войскам пока с трудом удастся сдерживать атаки движения «Талибан» в Афганистане, сторонники его радикальных группировок создают боевые организации в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии и Казахстане.

Далека от стабильности ситуация на Ближнем Востоке и Северной Африке, где после войны в Ираке, а затем и череды революций, закончившихся вторжением коалиционных войск в Ливию, и войной сепаратистских сил в Сирии, этноконфессиональные противоречия еще больше усиливаются. Все это дополняется нарастающим противостоянием между суннитами и шиитами в этом регионе. Сегодня этой ситуацией стремятся воспользоваться шиитский Иран, ваххабитская Саудовская Аравия, новое квазигосударственное образование Исламское государство (ИГ), курды, стремящиеся получить автономию, а также другие государства региона. К этому следует добавить усиливающееся противостояние в палестино-израильском конфликте, которое при определенных обстоятельствах может перерасти в новую арабо-израильскую войну.

С учетом того, что ислам традиционно исповедуют многие народы, проживающие на территории постсоветского пространства (Закавказье, Средняя Азия) и России (Северный Кавказ, территория между Средней Волгой и Уралом, Сибирь), этот фактор становится существенным и для России. Если брать данные статистики, количество исповедывающих ислам только на территории Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, черкесы, адыги и балкарцы, значительная часть кабардинцев и осетин) составляют примерно около 3 млн человек. Почти столько же проживает в Поволжско-Уральском регионе (татары, башкиры). В Сибири мусульманами считаются сибирские татары. Их численность вместе с астраханскими татарами и казахами, проживающими вдоль российско-казахской границы, насчитывает около 2 млн человек.

Кроме того, значительная диаспора исламских народов внутри России — в Москве и Центральном регионе — сложилась из переселенцев из стран ислама (Афганистана, Курдистана, Азербайджана), а также из Чечни, Дагестана и других республик. Численность этой диаспоры составляет по разным данным до 1,5 млн человек. А если прибавить переселенцев с Кавказа в Волгоградской и Астраханской областях (около 400 тыс.), из Средней Азии в Сибирь, то в общей сложности это составляет около 8% населения России¹. Приведенные данные заставляют ученых и политиков еще раз задуматься о возможных последствиях расширения волны исламского экстремизма с территории Северного Кавказа (Чечня, Дагестан) и Центральной Азии вглубь России.

Все это говорит о том, что данный фактор сегодня становится одним из самых определяющих в мировой политике и создает потенциальную основу для новых конфликтов и «гибридных» войн. Следовательно, его необходимо учитывать в процессе формирования национальной политики нашего государства.

Раскрывая источники и причины происхождения «гибридных» войн как продолжение политики не прямых действий со стороны США, мы в очередной раз убеждаемся, что она является концентрированным выражением глубинных процессов, происходящих в мировой экономике. Вполне очевидно, что только исходя из этой диа-

¹ См.: Морозов Е. Мировая война ислама // Десятина. 2002. № 5.

лектической взаимосвязи, можно правильно определить проблемы обеспечения национальной безопасности России, разобраться в их существе и обоснованно сформулировать требования к обеспечению надежной защиты нашего государства.

Анализ природы современных гибридных войн позволяет выявить характерные черты и особенности их развития. При исследовании причин и факторов их эскалации в последнее время не покидает ощущение того, что границы между войной и миром, как формами человеческого бытия, окончательно стираются, а сама война, поглощая всё новые сферы общественной жизни, превращает их в полноценные «театры военных действий».

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал армии В.В. Герасимов на военно-научной конференции в Академии военных наук в январе 2014 г. отметил: «Возросла роль невоенных способов достижения политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходят военные средства. Они дополняются военными мерами скрытого характера, в том числе мероприятиями информационного противоборства, действиями сил специальных операций, использованием протестного потенциала населения»¹.

Именно для характеристики подобных способов внешнеполитического воздействия, как уже было сказано ранее, сегодня все чаще используется термин «гибридная война» (hybrid warfare (англ.)), который также переводится как «гибридные военные действия». Ввиду того, что данное понятие не имеет сегодня в отечественной военной терминологии нормативного закрепления и употребляется больше как термин публицистический, важное значение имеет его теоретическая проработка. При этом необходимы новые подходы к анализу форм и способов применения вооруженных сил, выполняющих задачи в условиях «гибридных» военных действий.

Применительно к рассматриваемому явлению, авторам представляется выделить несколько важных аспектов, характеризующих «гибридные» военные действия с различных сторон. Исходя из вышеприведенных определений и практики развития событий последнего

¹ Бартош А.А. Гибридные войны будущего — планирование и прогнозирование // Независимое военное обозрение. 2014. 19 дек. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html (дата обращения: 03.02.2015).

десятилетия в Украине, Северной Африке и на Ближнем Востоке, а также постсоветском пространстве, можно отметить их следующие **особенности**:

- скрытый характер «агрессии» без официального объявления войны с отрицанием субъектом нападения своего участия в конфликте;
- игнорирование в ходе ведения гибридных военных действий норм международного права;
- интенсивное применение различных форм внешнеполитического и экономического давления, широкой пропаганды и контрпропаганды с применением различных информационных технологий;
- искусственное наращивание протестного потенциала населения и использование его в интересах нападающего;
- широкое использование иррегулярных вооруженных формирований, общественных объединений и движений, молодежных группировок, террористических, националистических, преступных группировок, частных военных компаний и других негосударственных субъектов;
- отсутствие фронтов и четких линий разграничения между сторонами конфликта в географическом пространстве;
- атаки в кибернетическом пространстве.

Одной из важных особенностей данного явления является тот факт, что оно во многом зависит от уровня «гибридной агрессии». По мнению авторов, уровни «гибридной агрессии» определяются фазами «гибридных» военных действий, соответствующих следующим типовым этапам:

первый этап — *подготовительный* (этап формирования идеологических, политических и военных предпосылок предстоящей агрессии, наращивания протестного потенциала населения с активным использованием специальных служб, дипломатических ведомств, некоммерческих организаций, средств массовой информации, международных организаций, политических партий и движений, религиозных объединений);

второй этап — *протестный* (этап «цветной революции», в ходе которого производится попытка ненасильственного захвата власти через массовый политический протест при активном внешнеполитическом давлении и качественном организационно-техническом обеспечении протестных акций);

третий этап — *силовой* (этап активных «гибридных» военных действий, в ходе которого проводится скрытая агрессия через создание в стране-объекте агрессии незаконных вооруженных формирований из числа представителей местных антиправительственных или коллаборационистских сил, с привлечением сотрудников специальных служб, частных военных компаний, наемников, боевиков и пр., сопровождаемая скрытым участием сил специальных операций государства-агрессора и его союзников в боевых действиях на стороне противников легитимного правительства, а также открытой военной поддержкой ограниченного характера);

четвертый этап — *заключительный* (этап закрепления своих позиций в стране-объекте агрессии и подавления очагов сопротивления новой власти).

Таким образом, из данного анализа можно сделать вывод, что все эти особенности и виды «гибридных» военных действий будут оказывать влияние на характер урегулирования вооруженных конфликтов. При этом важно учесть следующие особенности данного процесса.

Первое. Правовая неопределенность как статуса самого конфликта, так и статуса участвующих сторон обуславливает повышенные требования, прежде всего, к юридической стороне вопроса, а также другим вопросам социального обеспечения военнослужащих и их морально-психологического обеспечения. Основные усилия в данной работе должны быть сосредоточены на глубокой аргументации и правовом обосновании действий воинских частей и соединений, поддержании лояльности военнослужащих конституционному строю, выявлении антигосударственной деятельности и политической агитации среди военнослужащих, недопущении роста протестных настроений, участия военнослужащих в деятельности политических партий, движений и в политической борьбе в целом.

Второе. В кризисный период обостряется ситуация с реализацией социальных гарантий военнослужащих и членов их семей. Большое внимание должно уделяться поддержанию и развитию взаимодействия с местными органами власти, общественными организациями, средствами массовой информации, религиозными учреждениями, а также постоянному анализу социальной обстановки с оценкой политических настроений военнослужащих и населения в районе дислокации воинской части и в зоне конфликта.

Третье. Скрытность проводимой агрессии предъявляет особые требования к содержанию информационно-пропагандистской работы, которая в данных условиях должна быть направлена на формирование бдительности среди военнослужащих, избирательности в использовании информационных ресурсов.

Четвертое. Политизированность всех сфер общественной жизни в условиях политико-экономической нестабильности и неопределенности, которыми сопровождается «гибридная агрессия», накладывает свой отпечаток на характер и содержание деятельности по ее предотвращению.

Если гипотетически предположить развитие вышеописанных сценариев в России, основным оружием воздействия на общество и армию станут манипулятивные протестные политтехнологии, основанные на политической идеологии, которой будет придерживаться несистемная оппозиция. Следовательно, вся информационно-пропагандистская работа должна носить характер активной контрпропаганды и иметь глубокое политико-идеологическое обоснование.

Исследование сущностных особенностей «гибридной войны» как социально-политического явления, основных форм и методов ее ведения на примере событий, которые происходят сегодня в различных регионах мира, позволили сделать следующие выводы:

Во-первых, «гибридные войны» являются источником военных угроз глобального, регионального и национального характера, в том числе и для нашего государства. При этом степень их опасности возрастает по мере обострения геополитических противоречий и роста напряженности в различных регионах мира.

Во-вторых, являясь на сегодняшний день мощным фактором влияния на политику других государств, они серьезно осложняют характер межгосударственных отношений. При этом они все чаще используются различными субъектами мировой «закулисы» для реализации своих геополитических интересов в мире, что зачастую сопровождается вмешательством во внутренние дела государств, разжиганием разного рода вооруженных катаклизмов политического, межэтнического и межконфессионального характера. Прямым подтверждением тому является рост военно-политической напряженности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в Украине, а также в других регионах мира.

В-третьих, использование термина «гибридная война» вкладывает несколько иной смысл в уже устоявшиеся определения, а также обуславливает необходимость поиска нового «гибридного» подхода к применению силы. При этом «гибридность» следует рассматривать как принцип сочетания заданных свойств. Исходя из этого «гибридная война» — это боевые действия, в ходе которых, помимо регулярных формирований, используются отряды т.н. негосударственных «исполнителей». В их числе: идеологически мотивированные боевики, «местечковые» преступные группировки, частные военные компании, международные наемники, иностранные «специалисты», связь с которыми формально отрицается.

В-четвертых, для описания современных взглядов на феномен применения силы в межгосударственных отношениях возможно введение нового термина в научное обращение: «гибридные действия» — действия, сочетающие в себе заданные свойства содержания форм (способов) применяемых сил и средств. Все это определяет новую тенденцию парадигмы применения силы, суть которой состоит в переходе к стратегии не прямых действий как средства «гибридной войны» или войны «нового типа».

Особенность «гибридной войны» заключается в том, что государство-агрессор использует все доступные ему ресурсы: технические, финансовые и людские. При этом само государство-агрессор, которое ведет «гибридную войну», формально стремится максимально долго вообще оставаться в стороне и вести боевые действия опосредованно, руками оппозиционеров, ополченцев, повстанцев, сепаратистов и т.д.

Опыт боевых действий в Сирии и других регионах, где сегодня ведутся войны «нового поколения», показывает, что в целом «гибридная война» представляет собой тяжелейшее испытание всех материальных и духовных сил государства. По средствам и способам она не похожа на прежние войны. Огромное значение в такой войне имеет, наряду с экономическими возможностями, моральная стойкость народа и личного состава вооруженных сил, а также его способность противостоять террористам. Таковы в общих чертах контуры современной «гибридной войны».

Библиография

1. *Бартош А.А.* Гибридные войны будущего — планирование и прогнозирование // Независимое военное обозрение. 2014. 19 дек. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html (дата обращения: 03.02.2015).
2. *Бартош А.А.* Гибридные войны в стратегии США и НАТО // Независимое военное обозрение. 2014. 10 окт. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-10/1_nato.html (дата обращения: 08.02.2015).
3. Большой толковый словарь. 75 тыс. статей. Новосибирск, 2010. URL: <http://www.slovo.yaхu.ru>. (дата обращения: 10.02.2015).
4. *Делягин М.Г.* Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2010. С. 136–137.
5. *Захаров М.* «Гибридная война» в степях Украины: кто сделал первый выстрел? // Мир и политика. 2014. 21 мая. URL: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-kto-sdelal-pervyy-vystrel.html> (дата обращения: 08.02.2015).
6. *Морозов Е.* Мировая война ислама // Десятина. 2002. № 5.
7. *Овчинский В., Ларина Е.* Холодная война 2.0 // Изборский клуб. Русские стратегии. Выпуск 9 (11). М., 2014.
8. Современная конфликтология в контексте культуры мира (материалы I-го международного конгресса конфликтологов) / Под ред. Е.И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
9. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М., 2010. С. 9.
10. *Hoffman, Frank G.* Future Threats and Strategic Thinking. Infinity Journal. 2011. № 4.
11. *Toffler A. and H.* War and anti-war. Survival at the dawn of 21st century. Boston, 1993. P. 242.

ЦЗИ ЮЕШЭН**ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ
В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ**

Аннотация: сегодня происходит культурный ренессанс самой большей части света, Азии, где активизируются процессы развития культурной самобытности и идентичности. При этом культурные ценности Азии в значительной степени опираются на конфуцианскую культуру, которая проявляется в ряде случаев и в исламской и индуистской культуре.

Ключевые слова: культурная безопасность, Китай, гео-культурное пространство, долгосрочная стратегия.

«Доминирующие в США международные теории и аналитические подходы исходят из прогрессивности ‘глобализации с американским

лицом' и рассмотрения незападных государств с позиций обоснования американского лидерства в мире»¹. В условиях глобализации, с ее экспансией западной культуры, прежде всего, американской, китайская культура имеет уязвимые места. Они особенно уязвимы в условиях угроз гибридного характера, имеющих своим объектом систему ценностей.

Культурное развитие и обеспечение культурной безопасности Китая схематично можно изобразить в виде концентрической геоструктуры, состоящей из трех колец.

Внутренний контур — укрепление культурного единства страны (ядро).

Второе кольцо — ближнее геокультурное пространство (основа).

Внешнее кольцо образуется при вовлечении Китая в глобальное культурное взаимодействие.

С учетом можно классифицировать и ряд обстоятельств, негативно влияющих на традиционную культуру Китая.

Первое. Зарубежные культурные обмены характеризуются диспаритетом. Китай является объектом американской и европейской культурной продукции, в меньшей степени ощущается влияние азиатских стран, прежде всего, со стороны Японии и Южной Кореи с их культурной продукцией. К культурным факторам следует отнести и вошедшие в состав Китая Гонконг и Макао, где до сих ощущается сильное влияние привнесенных извне нравов и традиций.

Второе. Китай ощущает негативные последствия гегемонистской западной культурной экспансии. Под руководством США западные страны продвигали в Китае «мирную эволюцию», и «демократию» в своем понимании, обвиняя правительство в «нарушении прав человека» и стремясь отеснить Пекин на второстепенные позиции в мировой политике. Это не только является серьезной проблемой для национальной безопасности Китая, но и прямой угрозой китайской культуре и идеологии.

Третье. Нарастание в современных условиях конкуренции между моделями общественного устройства сопровождается конфликтами между культурами.

¹ Цыганков П.А. Международные отношения и мировая политика. М., 2014. С. 10-639.

Четвертое. Характеризуя негативные факторы, следует указать на возрастание культурного национализма в азиатских странах. Некоторые азиатские культуры в процессе отпора культурной гегемонии США показали сильный культурный протекционизм. Побочным последствием стала активизация культурно-националистических тенденций. В итоге имеет место не только сопротивление американской или иной западной культуре, но и отторжение любой зарубежной культуры, в том числе и конфуцианской.

В случае европейской культурной экспансии Китай должен не только энергично укреплять свои культурные конструкции, но и планировать долгосрочную стратегию по нейтрализации актуальных и перспективных вызовов, рисков, опасностей и угроз на глобальном, азиатском и на региональном уровнях. Такая стратегия предполагает решение трех задач.

Первая задача — интенсификация культурного строительства страны. Чтобы устранить сложившиеся диспаритеты, пространственную ограниченность и уязвимость национальной культуры, властям КНР предстоит интегрировать ее внутренние элементы, создавая уникальную личность и универсальную ценность культурного ядра. Китайское правительство должно поддерживать традиционную конфуцианскую культуру как ядро всей культуры страны и развивать ее.

Вторая задача — гармонизации мирового культурного взаимодействия с целью обеспечения равных возможностей для субъектов такого взаимодействия. При этом сосредоточение только на противодействии американской культурной гегемонии является бесперспективным. Речь идет о творческом и конструктивно-критическом осмыслении достижений других культур, об изучении достижений других наций, о поддержке и поощрении культурного разнообразия мира.

Третья задача — консолидации близлежащего геокультурного пространства. Чтобы занять достойное место в современном мире, Китай должен активно участвовать в многокультурном взаимодействии, содействовать мультикультурной интеграции.

Библиография

1. 王岳川, 胡淼森: 文化战略, 上海: 复旦大学出版社, 2010年12月. Ван Юечуань, Ху Мяосэн. Вэнь хуа чжань люе. Шанхай: Издательство Фу дань университета.

12,2010. Ван Юечуань, Ху Мяосэн. Культурная стратегия. Шанхай: Издательство Фу дань университета. 12, 2010.

2. 周和平: 文化强国战略, 海南: 学习出版社, 2013年。Чжоу Хепин. Вэнь хуа цян го чжань люе. Хайнань: Издательство учеба, 2013.
3. Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке. Санкт-петербург: Санкт-петербургский государственный университет, 2016.

ОУБЕК МАХМУДОВ

THE VIRTUAL WARFARING FORMS OF CYBER TERRORISM THREATS IN EURASIA

Key words: virtual warfare, cyberwar, netwar, informational warfare, terrorism, militants,

At the last years in the Eurasia emerged new forms of nontraditional threats as virtual and cyber warfaring. The virtual warfaring used in cyberwar, netwar, informational warfare by the radical militants and terrorists groups. The enhancing of depending from the Information Technology, and transmit information, transforming to the importance of cybersecurity. That's why the cyberspace will be widely used by all types of actors, as traditional and nontraditional but the effects of their actions its very multifunctional¹.

In 1998, the terrorist groups flooded Sri Lankan embassies with several hundreds email a day for a two-week period. The messages simply read "We are the Internet Black Tigers and we're doing this to interrupt your communications." By the analyst it's a characterized it as the first cyber terrorism case from the foreign militants. Also was a stole e-mail from the India's Bhabha Atomic Research Center in the summer of 1998. The three anonymous saboteurs claimed in an Internet interview to have been protesting recent Indian nuclear blasts (Briere, 2005).

The electronic security is significant component in the countering extremists. The capability of extremists for cyber attacks, have a huge negatively impacts to the national economies and security after their expanding

¹ IT its the entire infrastructure, organisation, personnel, and components that collect, process, store, transmit, display, disseminate and act on information.

in space of destructive propagandas and agitation. The ISIS members already have attacked servers of military departments of EU states. The David DeWalt, (head of cybersecurity firm FireEye), noted that the militants grouping “uses internet capacities differently from the other extremists: if the majority of extremist organizations use internet as the mean to submit their ideas to the people, the ISIL uses the net to recruit the new members and send the threats to their opponents”. The Caliphate Cyber Army (CCA) is a pro-Isis hacking collective that is to target other hacktivists as Anonymous, which have been fighting against them and trying to embarrass the extremists. According the “information warfare” experts report that some members of the grouping took special courses in stage direction, camera work, announcers and actors courses.

The methods of virtual warfare

The methods of “warfare” in virtual space are used not only by state structures, however also by separate movements.” Terrorists also are used such as opportunities of the information technology. On a high priority the terrorist groups as Hizballah, the Hizbut ut Tahrir, Abu Nidal organization, ISIL and al Qa’ida organization are using computerized files, e-mail, and encryption to support their operations in all regions of the world. The IT devises much efficiently and quickly coordinate and recruit new members. According to the estimates of the analyst of UN, the membership of the grouping reached around 21.000– 31,500 fighters. The IS troops include fighters from 80 countries, including France, UK, Germany, Morocco, Saudi Arabia, USA, Canada and Russia.

The radicals using the social networks as Twitter and Facebook, that served them for their own interests. And for distribute the radical ideology in Europe the extremists, also the successfully use the Russian social network “Vkontakte”, and the Arab media reports. One of the distinctive features of those “information warfare” the extremists do their video clips made on the a high technological level. Among the different propaganda slogans and appeals spread in youtube, on the public executions took a special place.

ISIS has been doing the same thing now Hollywood has done in 40th of the last century when director Frank Capra shot the film called “Propaganda war”, by the opinion of the most experts. “We opened fire without weapons, without cartridges. Cyber acts have as a “psychological weapon”

have a destructive effects, there was its to difficult to resist it”, and that created a massive panics inside society.

Since the moment of its inception, ISIL has been closely connected with the international terrorist network “Al-Qaeda”, but in February 2014 the latter declared a break-off with the “Islamic State”. The reason for the split was in the quarrel of the ISIL with the official branch of “Al-Qaeda” in Syria named “Djabkhat an-Nusra”.

The destructive potential of cyber attacks is expected to increase exponentially with the progressive computerizations of all vulnerable systems in business, social services, governance, and defense. The future strategic challenges are unlikely to be successfully addressed through utilisation of single levers of power, or unilateral responses. Military power it will be necessary, but not sufficient in currenty. Similarly, hard power will be important, but combining it with soft power in a smart strategy is likely to be vital. The national security of major powers will dictate that they engage globally, and to a greater or lesser extent, multilaterally, in order to maintain the international system and ensure a degree of shared access to the global commons. The international terrorism, transnational organised crime, climate change, the proliferation and probable use of WMD, particularly chemical and biological devices, uncontrolled migration and cyber attacks are impervious to single-state or one dimensional policy responses. In particular, the need for shared access is likely to mean the multilateral coordination to secure supply lines, robust alliances and partnerships, and a varying degree of commitment to international legal norms. States will seek to integrate their national levers of power. This need to integrate on responses is likely to result in increased international cooperation and the formation of new alliances and partnerships. Interoperability between joint and coalition military forces will be vital. Training of partners, including state militaries, other arms of government and non-state partners, will grow. The parallel challenges of states ponsored proxies and instability in weak states is likely to make investment in capacity building and partnership a significant task.

Military education will be a vital component in preparing for the diversity of future challenges. Command and control of integrated multinational operations will evolve slowly, with organisations capable of directing integrated responses being developed incrementally. Victory in conflict will be difficult to define and winning may be reliant upon public perception or stability. It will still be possible to defeat an enemy militarily, just as Sri

Lankan forces defeated the Tamil Tigers in 2009. However, military victory alone will not necessarily lead to strategic success unless an enduring political settlement is achieved.

As integrated approaches are adopted, the roles and activities of civilian and military personnel will make the distinction between combatants and non-combatants difficult to discern at an individual level. Extensive use of PMSCs will add further complexity to the operating environment. The irregular forces, as gangs, bandits, militants, criminal elements, cyber warriors and tribal groups and insurgents, are operating, often as adversaries, but sometimes as neutrals or even as partners. The military staffs will find themselves employed in essentially non-military roles, owing to their readiness profile, training and capacity for organised action, often as the first response to natural disasters and other serious civil contingencies.

The threat in perspectives environment, fusing all the environmental domains, will be complex, as well as contested, congested, cluttered, connected and constrained. This is likely to require a shift in mindset by conventional defence and security forces. Conventional military powers have traditionally been built around fixed processes and hierarchal structures that, for both institutional and historic reasons, focus on providing military effect from environmental stovepipes. Such structures may need to adapt to maintain their utility when faced by a decentralised, asymmetric and agile adversary. Greater emphasis on open architectures, flattened organisational structures, mission command and decentralised control may be required to achieve desired effects. Adapting to the external environment, rather than seeking to control it is likely to be fundamental.

The new forms of cyber acts of extremist groups in Eurasia

For instance the religious terrorist groups as Hizbut Tahrir and Lachkarlar Tovba are actively using the Internet explore as effectively strategy in radical extremists ideologies propaganda expanding among the New Independent states. Also cyber attacks impacts to local industries that major concentrated in enclaves of Ferghana valley that neighboring with three countries (car construction, energy, electro, textiles, and hospitals) that usually are computerized. Because destroying industries would be, create unestimably damages to week socio-economical systems of Central Asian and Caucasus countries. Unfortunately even after series serious cyber terrorist's acts in Post Soviet spaces, that states still doesn't to enhance and de-

velop the countering strategy in virtual warfaring types of threats. Therefore, cyber terrorists creating another critical shift in the character of new terrorists threats in the Eurasia. The idea of the “one men army” is completely realized in the identity of well-informed hacker than ever has been through any other contemporary technologies. One is dangerous threats of cyber terrorists conclude in seizure of three pillars powers as political, military and economic.

That is why the Eurasian countries in short term perspectives should accepting the cardinal counter measures against cyber terrorist's threats. Militants use of the internet and other telecommunications devices is growing both for supporting organizational activities and for gaining expertise to achieve operational goals. The strong physical and border security could the attract the terrorists and extremists to try to use other types of weapons to attack in the Eurasian space.

Why the terrorist groups use the cyber attacks?

The IT and internet have a vulnerabilities in case of providing security, which have been expand in public, and that encourage terrorists to continue to enhance their computer skills, or develop alliances with criminal organizations and consider attempting a cyberattack against the strategic infrastructures located in CIS countries. The common dominator of these tragic events is that the attackers are representing only a small part of society and most of the victims are innocent people who just happen to be in the proximity of the explosion.

Countermeasures on cyber acts

The potential as religious and culturally, have a huge in counter terrorism. The Central Asian region as the historical junction between a multitude of culture, religion has marked it as an area of crucial with great geopolitical significances. Also will be play a significant role in the Islamic world, and center for learning of Islam.

Therefore this huge potential could to implement in the translating the cultural and religion heritage through world telecommunications systems, for countering to radical groups.

Creates of informational center on broadcasting, that in emergency cases, will objectively translating on internationals mass media, with professional performances.

The such as measures will reduced or prevent from recruiting youths to radical groups. Also need to obtain of the new methodology and experiences from world mass media, by the actively to participating and organizing on national, regional, international levels around tables, forums among television journalists, administrators, reporters, experts, scientists.

The terrorism has the traditional form of violence, but it has already begun to migrate into using computer technology and networks to launch such attacks. As in the case of Y2K, need to build awareness among information technology professionals and people alike that terrorism based on the use of computers and networks is a real threat.

Recently became time to countering on religious terrorists and their activities in Eurasian space, through international cooperation of mass media and IT. This measures reducing the nonobjective interpretation the translating news and enhance the religious educational among populations, that one is vital component in countering radical destructive ideologies.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

КОВАЛЕВ ВИКТОР АНТОНОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ФУТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. ГИПОТЕЗА

Аннотация: в работе рассматриваются проблемы социально-политических последствий демографических и технологических изменений в современном мире. Предпринимается попытка прогноза о новых социально-политических размежеваниях.

Ключевые слова: будущее, конвергентные технологии, безработица, социально-политические размежевания, политические перспективы, демократия, демография, кризис, война.

Грядущие изменения нельзя рассматривать как простую экстраполяцию нынешних тенденций. В силу накапливающихся изменений в развитии происходят качественные скачки, меняющие парадигму происходящих изменений. Как нам представляется, цивилизация ныне находится на пороге (или уже начала переступать через него) важнейшей трансформации в своей истории.

Конфликты и противоречия современного мира, вполне возможно, уже в обозримом будущем приобретут некое новое качество в того, что в них будут задействованы новые технологии, для которых часто используется обозначение «конвергентные». NBIC-технологии, представляющие из себя разработку и внедрение инноваций в нано-, био-, информационных и когнитивных областях, взаимно усиливают друг друга и приводят к взрывным эффектам, которые распространяются не только на сферу науки, но имеют также многообразные социально-политические последствия. Мы уже пытались описать эти эффекты в своей книге¹, но очевидно, что подробная разработка этих проблем еще впереди.

¹ Ковалев В.А. Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим: Монография. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 172 с.

Но сегодня, на наш взгляд, политологи недостаточно обращают внимания на эти новые вызовы, сосредотачивая усилия в русле привычных проблем и теорий. Можно даже сказать, что относительная «автономия политической науки» существенно сужает здесь исследовательские перспективы. Возможно, могло бы помочь возвращение к старой доброй политической экономии, но, разумеется, с учетом многообразных перемен XXI века. «Автономная политология», не учитывающая социально-экономические факторы быстро превращается в схоластику и пропаганду. Еще более важно видеть за экономическими кризисами проблемы демографии и ресурсов.

Среди подходов и теорий, объясняющих причины глобальных кризисов и национальных революций («Смут») нам, признаться, ближе всего неомальтузианские объяснения. На наш взгляд, именно эти подходы (разумеется, при сочетании и в дополнении с другими) дают наиболее убедительную картину каузальности того или иного социально-политического потрясения. Как пример подобных объяснений, мы могли бы сослаться на труды уральского историка С. Нефедова¹. Именно демографический перегрев и относительное перенаселение приводит ко всякого рода деструктивной политической активности, вспышкам войн, в том числе гражданских, и разнообразного революционного терроризма. Массами овладевают странные теории, типа коммунистического революционизма или исламского фундаментализма, и эти безумные идеи становятся «материальной силой», и они заставляют десятки миллионов людей уничтожать друг друга в ходе массовых насильственных действий.

На наш взгляд, сейчас мы столкнулись именно с такой случай глобального демографического перегрева, кризиса мирового перенаселения. Конечно, это не новость и этому посвящены многие тысячи работ. Новым является то, что люди «объективно» (по научно-технологическим причинам) и «субъективно» (по причинам культурным и социально-политическим) становятся все более *лишними*, и происходит это в огромных масштабах. Ранее такой многомиллиардной «ненужности» принципиально не наблюдалось, в традиционном обществе была нужда в людях как в рабочей силе, объекте «классо-

¹ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I–II. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010–2011.

вой эксплуатации». Модерн еще более обострил эту нужду в людских ресурсах, как в солдатах и рабочих, а потом и в гражданах национального государства, а, впоследствии, в покупателях «общества массового потребления». Известный исторический социолог Майкл Манн, пусть и отрицая концепцию «современности» (Общества Модерна), говорит о том, что «комбинация индустриального капитализма и идеал национального государства, так или иначе, подразумевают мобилизацию масс. Важнейшим вопросом начала XX столетия был способ этой мобилизации...»¹. Однако сейчас подобные мобилизации становятся все менее востребованными. На это накладываются как кризис национальных государств и соответствующих институтов, в том числе и политической демократии, так и принципиальные изменения на рынке труда, в связи с вытеснением «живого труда», объективной ненужности рабочей силы, не обладающей высокой квалификацией. Все чаще авторитетные экономисты обращают внимание на это обстоятельство. Так нобелевский лауреат Дж. Стиглиц выступил с работой «Безработица и инновации»². Его аналитические выводы сводятся к тому, что новая технологическая революция, может улучшить жизнь некоторой части населения, но, наряду с этим, инновации приведут к новому росту неравенства и экономического расслоения. Гуманистической перспективой разрешения этого противоречия было бы интенсивное вложение в человеческий капитал и развитие творческих способностей населения, но мы видим, наоборот, деградацию социальной сферы, здравоохранения, образования и глобальные усилия по примитивизации сознания людей, пусть и при помощи новых технических возможностей и приемов манипулирования. И все это на фоне научно-технологической деградации и торможения научно-технического прогресса в целом ряде стран.

Безусловно, это не может не отразиться и на сфере политики. Традиционные понятия и размежевания, если не уходят в прошлое, то часто служат маскировочной сетью для сокрытия от широкой публики новых и реальных противоречий, Можно ли их «вычислить»? На

¹ Манн М. Власть в XXI столетии. Беседы с Дж.А. Холлом М.: ИД ВШЭ, 2014. С. 155.

² Stiglitz Joseph E. Unemployment and Innovation. Режим доступа — <http://www.nber.org/papers/w20670.pdf>

наш взгляд, эта попытка может быть бесполезной, если воспользоваться «старым» подходом социально-политических расколов и их оснований, предложенных в классической работе С.М. Липсета и С. Роккана, при этом обогатив их новым, современным (или же уже «постсовременным») содержанием.

Напомним, что речь там шла об основных кливажах, обуславливающих партийно-политические противоречия на протяжении значительной части XX века. С.М. Липсет и С. Роккан писали о расколе «центр-периферия» и «город-село» — как территориальных проекциях «национальной» и «экономической» революций, а также размежеваниях типа «государство против церкви» и «собственники против рабочих», как функциональных проекциях национальных и экономических изменений¹. На наш взгляд, используя этот подход и эвристически перспективную матрицу, стоит посмотреть на территориальные и функциональные проекции новых глобальных трансформаций, который, по аналогии, можно обозначить как демографическую (перенаселенность мира) и конвергентно-технологическую (резко сокращающую потребность в живом труде) революции.

В качестве гипотезы тогда мы бы предположили, что структура основных расколов, следующих за этой схемой, может выглядеть следующим образом.

Таблица

Новая структура размежеваний

Синтагматические оси (А, В) / Парадигматические оси (С, D)	С. Демографический взрыв, перенаселенность	D. Революция NBIC-технологий
А. Территориальная	А С. Богатые и высококвалифицированные в зонах технологического роста vs «лишних ртов» вымирающей и бесперспективной периферии	А D. Элиты, заинтересованные в сокращении населения против элит, которые заинтересованные в сохранении вида HOMO Sapiens sapitns хомо в прежнем виде

¹ Ковалев В.А. Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим: Монография. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 172 с.

В. Функциональная	В С. Трансгуманисты, настаивающие на постчеловеческой революции и «традиционные» люди. Здесь же неизбежна схватка выгодополучателей от внедрения того или иного типа революционных технологий («мутанты» против людей, затем «киборги против химер»)	В D. Борьба «левых» за широкое распространение научно-технических достижений против «железной пяты», стремящейся их монополизировать
-------------------	--	--

Представление в виде таких схем и таблиц связано во многом с удобством изложения и восприятия. Разумеется, все многообразие политических последствий внедрения конвергентных технологий не сводится к этим расколам, так же как и многообразие партийно-политической жизни не укладывается в схему кливажей Липсета-Роккана. Но как некий начальный указатель, эта схема дает представление о возможном будущем политики, если, согласиться с той посылкой, что главными факторами изменений будут технологии и демография.

Разумеется, подобные схемы нуждаются в более подробных описаниях и обоснованиях, требуют серьезной доработки и корректировки по мере углубления соответствующих процессов. В любом случае, всего многообразия глобальной революционной ломки они отразить не могут. Но нам хотелось бы еще раз привлечь внимание к тому, что эта «фантастика» (а коммунизм — это тоже фантастика, повлиявшая на реальную жизнь миллиардов людей в XX веке¹). Если значительно расширится восприятие перспективы изменения природы человека и т.п., то это будет иметь вполне реальные последствия, в том числе и в направлении изменения природы политической власти.

Если же рассматривать в глобальном контексте национально-государственные перспективы Российской Федерации, то здесь, помимо масштабных и опасных вызовов будущего, есть проблемы отношения российской власти и российского общества к самому этому Будущему. Придут ли на смену бесконечным и теряющим смысл дискуссиям о нашем непредсказуемом прошлом, набившим оскомину «старым песням о главном», продуктивные споры и реальные действия по

¹ Ковалев В.А. К политологии постчеловека? Некоторые социально-политические перспективы и угрозы NBIC-конвергенции и «трансгуманизма» // Политическая экспертиза, 2012, №4, С.64–83.

конструированию достойного русского будущего, которые позволят нам сохраниться среди будущих изменений, противостоять опасностям, увидеть перспективу собственного развития и занять достойное место в мире завтрашнего дня.

Библиография

1. *Ковалев В.А.* Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим: монография. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.
2. *Ковалев В.А.* К политологии постчеловека? Некоторые социально-политические перспективы и угрозы NBIC-конвергенции и «трансгуманизма» // Политическая экспертиза. 2012. № 4. С. 64–83.
3. *Липсет С., Роккан С.* Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.
4. *Мелешкина Е.Ю.* Концепция социально-политических размежеваний: Проблема универсальности // Политическая наука. 2004. № 4.
5. *Манн М.* Власть в XXI столетии: Беседы с Дж.А.Холлом М.: ИД ВШЭ, 2014.
6. *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. I–II. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010–2011.
7. *Stiglitz Joseph E.* Unemployment and Innovation. Режим доступа — <http://www.nber.org/papers/w20670.pdf>

КОВАЛЕНКО ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ

ПЕРСПЕКТИВЫ КЛАССИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ в XXI веке

Аннотация: В статье рассматриваются основные принципы взаимодействия классических политических идеологий в современном мире. Обосновывается значимость многообразия идеологического спектра для оптимального конструирования будущего, отечественных духовных традиций для успешности модернизационных процессов в стране. Выявляются возможности классических политических идеологий в обретении национального согласия. Ставится проблема перспектив социалистической идеи в России и в мире.

Ключевые слова: национальное самосознание, отечественная политическая традиция, либерализм, консерватизм, социализм.

Обсуждая проблемы политического конструирования будущего, правомерно задаться вопросом: играют ли в этом процессе какую-либо роль политические идеологии или более плодотворным будет

использование какого-то иного понятийного ряда? Представляется, что включение в анализ политико-идеологических составляющих в определенных сегментах рассуждений о будущем может обеспечить более объемное видение оснований и путей такого конструирования. Тем более, что эта работа реально осуществляется сегодня в весьма сложных условиях, превосходящих в ряде отношений практику холодной войны. В центре борьбы — проблема ценностных оснований культуры, духовных традиций и всего политического бытия. Отдавая отчет в том, что палитра современных политических идеологий сегодня крайне многообразна, что полновесный политический анализ невозможен без учета таких ее сторон, как, к примеру, национализм, ее религиозные измерения самого различного толка и т.д., мы ограничим наши размышления одним только срезом: каковы сегодня перспективы классических политических идеологий?

Первое, что мы хотели бы отметить, это то, что постулаты любой из классических идеологий — консерватизма, либерализма, социализма — в громадной степени обладают мощным универсальным звучанием, отражая различные оттенки и потребности социального бытия. Так, консерватизм своими идеями о фундаментальных ценностях человеческого общежития, об органическом характере общественного развития, о значении преемственности и обновления социальных связей, передающихся от предков к потомкам, конечно же, существенно обогатил коллективный разум мира. Не случайно, и сегодня запрос на стабильность в обществе (родовое качество консерватизма) выступает зримо обозначающим себя императивом общественного развития. Либерализму, в свою очередь, принадлежит несомненная и великая историческая заслуга в осознании приоритетности личностного начала, свободы и ответственности человека, самих оснований гражданского общества. Можно ли сегодня представить мир без имеющей многовековую историю идеи социальной справедливости, возвращенной на социокультурных основаниях социалистической традиции? Такой ли безнадежно затхлою, в частности, выглядит отчетливо проявляющаяся сегодня в массовом сознании ностальгия по социалистическому прошлому страны?

История, к сожалению, научила нас чрезвычайно мало. Менее всего — пониманию экологии общественной жизни. И самую злую шутку играют с нами наш привычный революционаризм, отказ от

пути терпеливого взращивания культуры соревновательности различных общественных форм, обманчивый мираж правомерности «единственной правильности». Требуется осознать, наконец, что моносистема — это всегда смерть системы, путь к социальной атрофии и энтропии. Замечательный русский поэт Вяч. Иванов подметил: основная причина раздробленности мира заключается не столько в драматическом взаимоотталкивании ненавистного, сколько в трагедии противоречивой, убийственной расправы сопряженного, друг друга дополняющего. Политика сегодня не будет серьезной и ответственной, если она не усвоит простейшей механики политического и идеологического плюрализма, только и позволяющего движение в сторону преодоления конфронтационности на базе общесистемных исторических потребностей.

Вместе с тем, высказанные положения, если не сопроводить их необходимыми оговорками, у автора этих строк вызывают неизбежное чувство морального и интеллектуального дискомфорта. Говоря о возможности (и даже желательности) синтеза идеологий, крайне неверным, с нашей точки зрения, было бы представление о том, что они сольют себя в какой-то срединной точке. Мировая история сегодня — это общецивилизационный поток, в который включены все народы, страны и регионы нашей планеты. В этот поток, однако, они входят со своей уникальной культурой, мироощущением, неповторимым историческим опытом — всем тем, что составляет их вклад в сокровищницу единого, нераздельного человеческого сообщества.

Уместно и плодотворно, следовательно, говорить не только о комплексе индивидуальных ценностей, но и о комплексе ценностей национальных. К. Хьюбнер, современный немецкий философ, так и отмечает: конкретное право человека, в противоположность абстрактному, состоит в свободе каждого человека обладать как своим собственным, так и национальным бытием. Можно полагать, в частности, историческим курьезом, что вся политическая риторика Запада вращается вокруг личности, в то время как реальная политика самым жесточайшим образом следует национальным интересам.

Основной категорией социальной науки фактически сделана сегодня категория социальных изменений. Это понятно и оправданно: слишком масштабен динамизм происходящих перемен, слишком значимы проблемы общего вектора движения, стабильности в социаль-

ной и политической сферах. Не менее важным является, однако, вопрос: а что собственно изменяется, каков субстрат этих изменений? Вопрос тем более важный, что речь мы ведем сегодня об определении траекторий политического конструирования будущего.

Вспоминаются слова Л.А. Тихомирова: «Нельзя стройно и прочно устроить жизнь нации в противность качеству материала, из которого мы строим, — подобно тому, как в постройке архитектурной материал предопределяет все: и способы достижения прочности, и доставление удобства помещений, и формы красоты стиля. Из камня строим иначе, чем из дерева, из железа иначе, чем из камня. Таким материалом в политике и социологии является дух нации, сложившийся в процессе образования ее, под влиянием расы, истории, способов существования и т.д.»¹. Не будем вдаваться в дискуссию о значении ментальности, архетипов и др.; хотим лишь подчеркнуть, что без учета корневых оснований жизненного уклада нашего (и всякого другого) народа любые социальные изменения, самые масштабные реформы не смогут достигнуть необходимого оптимума, будут неизбежно вызывать мощные встречные тенденции, способствовать разрушению интеграционного потенциала государства.

Речь, скорее, может идти о своеобразной «прививке» позитивных сторон той или иной классической идеологии к тем конституирующим основаниям, которые в течение веков определяли строй национальных ожиданий каждого народа. С нашей точки зрения, в России, в частности, таким преимущественным основанием выступала идея социальной справедливости и — шире — обустройство социальной жизни в целом.

Социальная сторона жизни, вопросы социального обустройства в России традиционно имели более важное звучание, чем поиски приемлемых политических форм. В движении народных низов, включая крестьянские войны, в центре системы требований неизменно оказывались задачи социального, но не политического переворота. Последние имели лишь акцидентальное, но не субстанциональное значение. Политическая элита, приходящая к власти в переходные времена, стремительно теряла доверие населения, если за фасадом

¹ Тихомиров Л.А. К реформе обновлений России (статьи 1909, 1910, 1911 г.). М., 1912. С. 1–2.

демократических преобразований не стояло решение назревших социальных задач, Показательна в этом смысле судьба правительства А.Ф. Керенского, команды М.С. Горбачева, реформаторов 90-х годов. Государство в России неизменно и всегда воспринималось в системе его социальных функций и задач.

Вопрос, следовательно, так или иначе начинает упираться в возможности синтеза не только консервативной и либеральной идеологии, о чем сегодня много говорится, но и месте в этом синтезе социалистической традиции.

Вызывает интерес, с нашей точки зрения, высказанный рядом социалистически ориентированных российских и зарубежных политологов призыв отказаться от истолкования социализма как самостоятельной, полностью исключаящей капитализм «общественно-экономической формации», тем более, если последняя понимается как более высокий тип организации, закономерно утверждающейся на месте «отживающей» капиталистической системы. Показательна, в частности, трактовка капитализма и социализма как двух взаимопереплетающихся тенденций в рамках индустриальной цивилизации. В предложенной логике капитализм понимается как мотор экономики, область действия социализма — социальная сфера.

3. Млынарж, бывший одним из идеологов «пражской весны» 1968 г., уже в эмиграции писал: «Анализируя сегодня, более чем через сто лет после смерти Маркса, исторический опыт, можно кратко сказать следующее: способ производства, который первоначально вызревал под исключительным влиянием капитализма как тенденции развития, оказался началом нового цивилизационного типа развития — современной индустриальной цивилизации. Эта цивилизация сделала возможным, чтобы в рамках ее крепла и другая, корректирующая, ограничивающая капитализм и в определенной степени непосредственно против нее действующая тенденция — тенденция защиты и реализации таких человеческих потребностей и интересов, которые капитализм подавляет и игнорирует»¹. Социалистическая тенденция, по Млынаржу, проявляется прежде всего в расширении сферы социальной справедливости: в возрастании свободы и равен-

¹ Млынарж З. Понятие социализма и исторический опыт // Коммунист. 1990. № 5. С. 107.

ства жизненных возможностей для большинства, в преодолении бедности и социальной незащищенности.

Он же, уже после августа 1991 года, в ответ на вопрос корреспондента «Комсомольской правды», удивленного, как может человек, пострадавший от социалистического тоталитаризма, говорить о перспективах социалистической идеи, высказался коротко: то, что не нужно детям, может понадобиться внукам. И нам тоже представляется важным, чтобы в современном диалоге цивилизаций и культур, в определении контуров будущего, социалистическая идея, освобожденная от зашоренности и догматизма, заняла свое необходимое место.

Библиография

1. Тихомиров Л.А. К реформе обновлений России (статьи 1909, 1910, 1911 г.). М., 1912.
2. Млынарж З. Понятие социализма и исторический опыт // Коммунист. 1990. № 5.

МАЙОРОВ АРСЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

АНАЛИЗ ТАКТИЧЕСКИХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ ПОСТРОЕНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ МОДЕЛИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: рассматриваются основные тренды научно-технологического развития, анализируются основные вызовы и проблемы глобального цивилизационного развития и обосновывается выбор развития природоподобных (НБИКС-) технологий как основы построения конкурентоспособной модели инновационной политики РФ. Вместе с этим анализируются угрозы, связанные с выбором данного направления инновационного развития, а также рассматривается роль политологии как конвергентной дисциплины в формировании актуального контура политических решений реализации государственной политики в сфере научно-технологического прогресса.

Ключевые слова: глобализация, инновации, НБИКС-технологии, наноиндустрия, природоподобная техносфера, форсайт.

Россия вступает на долгий путь модернизации. Это не просто выбор элит — это жизненная необходимость. Или страна совершает

прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадежно стагнирует, теряя молодые кадры и растрачивая природные ресурсы. Однако победу в заданной гонке никто не гарантирует. Начиная с 1950-х годов, почти полсотни стран объявляли о начале модернизации, и лишь каждая десятая из них предъявила успешный и стабильный результат, который можно рационально описать и объективно измерить.

На одном из последних заседаний Президентского Совета по науке и образованию (ведущей современной отечественной дискуссионной платформы по вопросам инновационного развития) обсуждался вопрос о тактических и стратегических приоритетах научно-технологического развития.

Речь шла о том, как важно соблюсти правильное соотношение между ними: в отсутствие тактических приоритетов «будущее» как категория может не быть определена, а отсутствие стратегических приоритетов лишает смысла решение тактических задач.

В этом отношении показательным примером может служить ситуация конца Великой Отечественной войны: Советский Союз выиграл войну, реализуя тактические приоритеты, но новый «атомный вызов» задал новый стратегический приоритет. Сегодняшняя ситуация совершенно аналогична, отличие лишь в глубине и масштабах последствий современных глобальных вызовов по сравнению с «атомным».

Глобальный вызов XXI века связан с необходимостью обеспечения устойчивого развития цивилизации. Базовым условием такого развития является достаточное количество энергии и ресурсов. В условиях глобализации в технологическое развитие вовлекаются все новые страны и регионы, что приводит к интенсивному потреблению и истреблению ресурсов. Включение в состав «активных технологических игроков», таких как Китай и Индия, ведет к ситуации ресурсного коллапса.

Доминантой мировой политики стала борьба за истощающиеся ресурсы. При этом лидерство обеспечивается технологическим превосходством, а военная колонизация сменилась технологическим порабощением. Причиной кризиса является антагонизм природы и техносферы, созданной человеком. Природа миллионы лет существует без ресурсного голода в рамках замкнутого согласованного ресу-

рооборота. Индустриальная же цивилизация за 150–200 лет своего существования пришла на грань ресурсной катастрофы.

Сегодня ясно, что выход из кризиса возможен лишь путем создания «природоподобной» техносферы. Инструмент создания такой техносферы — конвергентные нано-, био-, информационные, когнитивные и социогуманитарные технологии (НБИКС-технологии).

Смысл создания «природоподобной» техносферы состоит в восстановлении естественного самосогласованного ресурсооборота — своеобразного «обмена веществ» природы, — нарушенного сегодняшними технологиями, вырванным из естественного природного контекста.

Приведем пример: самое совершенное творение природы — человеческий мозг — потребляет не более 30 Ватт, а современная супер-ЭВМ — десятки мегаватт. При этом эффективность всех компьютеров мира не достигает эффективности мозга среднестатистического человека. Выход из положения — создание компьютеров, работающих на принципах функционирования человеческого мозга. Таким образом, стратегическая цель современной цивилизации — включить технологии в естественный природный ресурсооборот на базе развития конвергентных НБИКС-технологий.

Природоподобные технологии, давая человечеству шанс избежать ресурсного коллапса, определяют, вместе с тем, принципиально новые угрозы и вызовы. Эти угрозы связаны с самим характером природоподобных технологий, построенных на возможности технологического воспроизведения систем и процессов живой природы. Эта возможность открывает перспективу целенаправленного вмешательства в жизнедеятельность природных объектов и, прежде всего, человека, в процесс его эволюции.

Такое вмешательство можно разделить на два важнейших типа:

- Биогенетическое, базирующееся на применении методов нанобиотехнологий;
- Когнитивное, основанное на конвергенции инфокогнитивных и социогуманитарных наук.

Первый уже сегодня реализуется в технологиях так называемой синтетической биологии, позволяющих продуцировать искусственные живые системы с заданными свойствами, в том числе несуществующие в природе. Базовым элементом такой системы является ис-

кусственная клетка, обладающая минимально необходимым набором генов, достаточным для жизни и размножения. Такая клетка может быть как сверхэффективным лекарством, так и оружием массового поражения, обладающим избирательным действием на различные этногенетические группы.

Второй тип вмешательства связан с воздействием на психофизиологическую сферу человека с целью контроля и управления его сознанием и телом. Активно разрабатываются принципиально новые мозго-машинные и мозго-мозговые интерфейсы, позволяющие формировать у человека заданное представление о действительности. В повестке дня — создание интегрированных человеко-машинных систем, управляемых извне.

Риски, сопровождающие создание природоподобных технологий, многократно увеличиваются следующими их особенностями:

- Двойственный характер технологий, размытые границы между гражданскими и военными применениями и, как следствие, неэффективность существующих методов контроля вооружений;
- Доступность и относительная дешевизна технологий, возможность создания средств поражения даже в кустарных условиях, отсутствие необходимости в сложнейших и чрезвычайно дорогостоящих системах доставки;
- Невозможность предугадать все последствия выхода искусственных живых систем в окружающую среду.

Исследования и разработки по созданию природоподобных технологий активно ведутся в ряде зарубежных стран, прежде всего в США. Только Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) реализует более двухсот программ в этой области.

В этих условиях возникает угроза национальной безопасности Российской Федерации, связанная с возможностью одностороннего владения нашими партнерами технологиями указанного класса. Первым ответом на этот стратегический вызов стала президентская инициатива «Стратегия развития nanoиндустрии»¹, первый и второй этапы которой были успешно реализованы в 2007–2015 гг.

¹ Президентская инициатива «Стратегия развития nanoиндустрии» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nanorf.ru/Attachment.aspx?Id=4825>

В качестве задачи третьего этапа, начавшегося в 2016 г., указано «опережающее развитие принципиально новых направлений ..., обеспечивающих создание в стране надотраслевой научно-образовательной и производственной среды в перспективе на ближайшие 10–20 лет.

Главным содержанием этого этапа станут разработка и создание:

- Продукции нанобиотехнологий;
- Гибридных устройств и приборов бионического типа;
- Биоробототехнических систем.

Реализация задачи третьего этапа приведет к созданию принципиально нового технологического базиса экономики в Российской Федерации».

Другим системным документом стал обсуждаемый сейчас проект Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период¹.

Учитывая вышесказанное, а также акцент на междисциплинарной методологии в реализации приоритетов национального научно-технологического развития, встает вопрос о месте и роли политологии как конвергентной дисциплины в описании и концептуализации целей и задач инновационной политики РФ.

Развитие технологий, открытость коммуникационной среды, изменение социально-бытового контура и др. характеризуют новый этап развития современной цивилизации. Становится очевидным тот факт, что наибольшими конкурентными преимуществами будет обладать та система-государство, которая будет способна предвидеть и построить модель, адаптивную грядущим переменам.

Тезис о том, что подобные структурные изменения должны быть «направляемы», в рамках развития политологической науки приобретает особое значение — важнейшей становится задача описать оптимальный контур управленческих решений, основанный на спрогнозированных координатах-трендах. В данном случае на первый план выступает технология политического прогнозирования (форсайта), характеризующаяся в том числе и как новая форма коммуникации между властью и экспертным сообществом политологов.

¹ Проект Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://sntr-rf.ru/materials/kontseptsiya-strategii-nt-russii-do-2035/>

Долгосрочное прогнозирование политического развития требует учета основных глобальных тенденций и вызовов, определяющих внешние и внутренние императивы для каждой страны. Для будущего России важнейшими представляются следующие.

Во-первых, современный этап глобализации общественного и экономического развития обостряет целый ряд проблем, с которыми действующие международные институты справляются пока неудовлетворительно. Неравномерность роста, демографические дисбалансы, старение населения развитой части мира порождают мощные миграционные потоки, создают и обостряют серьезные межцивилизационные противоречия. Остро стоят проблемы обеспечения международной безопасности, предотвращения и урегулирования региональных конфликтов, создания средств для борьбы с международным терроризмом, преодоления кризиса нераспространения ядерного оружия. К этому следует добавить глобальные экологические проблемы, потепление климата, рост числа природных катастроф.

Во-вторых, возрастает неопределенность мирового развития. Возросшее число игроков, определяющих формирование мировой экономической динамики, принципиально отличает ситуацию первых десятилетий XXI века. К сложившимся в середине XX века центрам силы уже добавились такие крупные игроки как Китай, Индия, Бразилия, Иран. Новые центры силы оказывают растущее воздействие на все мирохозяйственные тренды, меняют конфигурацию мировой торговли, валютной сферы, потоков капитала и трудовых ресурсов. Обострение конкуренции в этих направлениях чревато рецидивами экономического национализма, протекционизма, а также изменением ряда принципов мирохозяйственного регулирования.

В-третьих, нарастает скорость изменения ряда ключевых мирохозяйственных тенденций, обусловленная активизацией инновационной деятельности. В условиях глобализации тиражирование инноваций, их освоение в сфере производства идет настолько стремительно, что зачастую происходящие перемены трудно зафиксировать. Это обстоятельство связано и с тем, что центральным направлением инновационной активности становится сфера услуг — информационных, финансовых, инженерно-конструкторских, медицинских и социальных. «Виртуальный» характер многих услуг принципиально меняет саму возможность их анализа, оценки и прогноза.

Под воздействием всех этих факторов формируется новая архитектура мировой экономики и международных отношений, начинается возврат к политике баланса сил на основе использования как научно-технического и экономического потенциала, так и элементов военной силы. Скорость и многовекторность мирового развития, повышение рисков реализации крупных долгосрочных проектов во всех областях социально-экономического развития усложняют задачу долгосрочного прогнозирования. Анализ сценариев будущего становится востребован и требует нестандартных подходов, привлечения специалистов самого разного профиля.

Технология прогнозирования может рассматриваться в качестве ресурса и средства формулирования и обслуживания национальных интересов политического пространства Российской Федерации, в т.ч. и в перспективе реализации указанных выше программных документов, определяющих основные этапы инновационного развития нашей страны. Тренды, которые уже очевидны (истощение ресурсов, междисциплинарный подход в научном познании, «размывание» национальной идентичности, глобальное изменение климата и др.) необходимо описывать в рамках принятия управленческих решений на уровне руководства страны. Усиление интеллектуальной составляющей политико-экономического развития государства приводит к реструктуризации пространства принятия решений и перемещению науки и инноваций в центр политического регулирования, т.е. перед политологами становится задача обеспечения выработки таких решений и методов, которые обязаны «перейти» из узкопрофессиональных и научных сообществ в пространство публичной политики.

Библиография

1. Президентская инициатива «Стратегия развития nanoиндустрии» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nanorf.ru/Attachment.aspx?Id=4825>
2. Проект Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://sntr-rf.ru/materials/kontseptsiya-strategii-ntr-rossii-do-2035/>
3. Ковальчук М.В. Пятый элемент конвергенции // В мире науки. 2015. № 11.

ФЕОКТИСТОВА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА**В ОЖИДАНИИ СЕТЕВЫХ ВОЙН**

В современной социологии возникло новое направление, в рамках которого классические, традиционные методы исследований стали показывать свою недостаточную эффективность. Мы говорим об изучении он-лайн сообществ и социальных сетей как новых социальных реальностей нашего времени.

Размытость он-лайн пространства, делает неэффективным использование классических количественных методов на больших массивах данных. Изучать это пространство как устойчивую структуру невозможно. Оно как будто утекает между исследовательскими инструментами.

Весь инструментарий, использовавшийся социологической наукой в предыдущую эпоху, эпоху информационной прозрачности, сегодня дает сбой. И эти проблемы мы видим именно в зоне изучения социальных групп, функционирующих «In Cloud».

Та жизнь, та социальная реальность, которая сегодня протекает «In Cloud», скрыта не только от взглядов социологов и политологов, но мало изучена и психологией. Коммуникации, возникающие и работающие в он-лайн пространстве характеризуются анонимностью и независимостью от материальных ограничений.

В современности, отсутствие эффективных инструментов изучения он-лайн среды уже создает серьезные проблемы. Так, например, у исследователей уже введен новый термин «Войны сетевые», которые не только оказываются эффективнее традиционных «информационных войн», но по силе и глубине конкурируют с индустриальной и экономической мощью целых стран.

Сегодня мы можем выделить несколько онтологических особенностей реальности «In Cloud». Заметим, что, пока, это особенности фиксируются в противопоставлении реальным социальным процессам.

Процесс модернизации в истории человечества движется от сакрального, через реальное в виртуальное. В жизни традиционных обществ бытие сакрально и священо. Процесс модернизации был связан с потерей сакрального: при движении в индустриальное обще-

ство реальное заменило священное. Появился и долгое время торжествовал концепт реальности.

В настоящий период, который условно может быть нами назван «постмодерном», мир реальный заменяется миром виртуальным, иначе говоря, вновь меняется концепт. Виртуальность сегодня стала бытием — новой онтологией. И именно здесь разворачиваются «сетевые войны», угрожающие безопасности не только государств, но и самой человеческой природе. Новая онтология ставит вопросы переосмысления понятия времени в ней, особого понимания пространства.

Напротив, жизнь «In cloud» формирует человека нового типа, о котором сегодня нами почти ничего не известно. Новая онтология и человек нового типа рождают иной тип он-лайн общностей. Очень точное описание есть в работе А.М. Долгорукова: «С появлением интернет-пространства, оказывающего влияние на повседневность, мы наблюдаем рождение нового типа онлайн-общностей. В отношении категории человек, новизна, видимо, состоит в появлении новых видов приписанных и достигнутых статусов в интернет-сообществах. В офлайн-сообществах, к примеру, близкие отношения, устойчивая социальная иерархия и соответствующие паттерны поведения; наборы ценностей и культурных символов и т.д. — все это приобретает преимущественно благодаря общности территории и социального времени — приписанный статус. Тогда как достигнутый статус — это скорее личные достижения, часто связанные с эмансипацией от приписанного статуса. Но что такое «территория» и «социальное время» в онлайн-сообществах? Ответа нет, и нет исследований».¹

Сегодня необходима разработка концепции понимания онлайн культуры. И здесь обращение к классической «понимающей социологии» Макса Вебера становится весьма актуальным. В мире прозрачности, социологи будут меньше изучать, и все больше понимать и конструировать.

¹ Долгоруков А.М. Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения. Март-апрель 2015 г. № 2 (126). С. 37 URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/126/2015_126_4_Dolgorukov.pdf

ЧЕРНЯХОВСКАЯ ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА КАК МЕТОД КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Аннотация: научно-технический романтизм — политико-философское и культурное течение, достигшее своего пика в первой половине 60-х гг. в СССР. В ряде предыдущих работ автор рассматривал истоки научно-технического романтизма и его феномен — переход веры в научно-технический прогресс в веру в способность человека управлять законами социального развития. В данной статье рассматривается другой аспект научно-технического романтизма: его потенциал для конструирования общества будущего.

Ключевые слова: научно-технический романтизм, будущее, идеальное конструирование, утопия.

Феномен научно-технического романтизма уже рассмотрен автором в ряде статей, в том числе, в одной из статей этого сборника и в недавно вышедшей монографии «Братья Стругацкие: Письма о будущем»¹, потому подробно характеризовать его здесь не имеет смысла.

Следует уделить внимание лишь двум фактам, каждый из которых является по-своему очевидным:

А. Научно-технический романтизм — течение политической философии, одной из важнейших характеристик которого является устремленность в будущее, стремление сконструировать непротиворечивые модели общества будущего, этического и политического идеала.

Б. Прямым выражением научно-технического романтизма, хотя существует его творческое наследие и в виде научных исследований, и в виде публицистики, — прямым его выражением является научная фантастика: философская, утопическая, социальная.

Научно-фантастическая литература, как всякая литература и искусство являясь элементом общественного сознания, традиционно и достаточно давно рассматривается в двух своих проявлениях — в двух основных линиях развития: собственно научно-технической фантастики, частично популяризирующей, частично предсказывающей и описывающей возможные или предполагаемые научные открытия, — и социальной фантастики, которую иногда определяют и

¹ Черняховская Ю.С. Братья Стругацкие: Письма о будущем. М., 2016.

как философскую или философско-политическую и которая достаточно часто обладает явно выраженным политическим содержанием¹.

Обычно в качестве классических примеров социальной фантастики приводят книги Г. Уэлса, а в качестве научно-технической — Ж. Верна. Хотя и в произведениях первого присутствует технико-фантастические сюжеты, а многие книги второго явно имеют и социальное и социально-политическое содержание.²

Строго говоря, научная фантастика, во всяком случае, ее социально-фантастическая ветвь, описывая мир — отражает его, но, в этом отражении можно выделить две стороны. Во-первых, она описывает и отражает в значительной степени и политические аспекты действительности, и саму политическую действительность. Во-вторых, отражает ее в некой рефлексии — то есть, отражает не только существующее — но делает акцент на его преломлении и показе альтернативно-возможного.

Научно-технический романтизм достиг пика своего развития в СССР в 60-е гг., а затем пережил спад и кризис, пока в середине 80-х гг. не произошел полный отказ от самой идеи сознательного практического идеального конструирования будущего.

Отказ этот не был локальным и являл собою скорее комплексный отказ от смыслов: отказ от попыток построения будущего, отказ от идеологии, отказ от попыток придать содержание событиям жизни и полный, тотальный, гипертрофированный реализм в искусстве который при этом весьма косвенно соотносился с реальностью, так как отражал только одну, самую негативную ее сторону.

Любопытны два факта.

Во-первых, подобный отказ шел под лозунгами обращения взгляда на запад и подражания Западной социально-политической кон-

¹ И «Утопия» Т. Мора, и «Город Солнца» Т. Кампанелла безусловно относятся к памятникам философско-политической литературы — с большой долей обоснованности могут быть отнесены и к первым произведениям социальной фантастики. Причем книга Т. Кампанелла вполне может рассматриваться и как произведение технической фантастики.

² «Таинственный остров» — по сути, посвящен описанию успешного развития общины людей, объединенных коллективным трудом и опирающихся на научные знания и солидарность, а его последний роман «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» за тридцать лет до прихода к власти описали угрозу опирающейся на промышленную мощь и стремящейся к завоеваниям фашистской диктатуры — как и ее падение.

струкции, под декларациями о том, что западное искусство лучше отечественного и отечественное не станет популярным, интересным зрителю, пока не начнет соответствовать ему. При этом именно это новое, лишенное смыслов искусство, потеряло привлекательность для зрителя, который, к примеру, перешел на продукцию западных киностудий.

Во-вторых, именно на Западе в последующие годы можно наблюдать (впервые с середины 60-х гг.) некоторое подобие идеалов научно-технического романтизма, попыток напомнить людям о существовании тех самых смыслов, от которых мы хотели отказаться.

В России, в следствии отказа от идей будущего, как и от идеологии вообще, в последующие годы было сформировано поколения молодежи не только ориентированные на западные (США) и восточные (Япония, Корея) идеалы, но и зачастую лишенное этих идеалов вообще.

Сегодня мы пытаемся ставить вопрос о том, как снова сформировать идеалы у новых поколений и о том, почему они не принимают идеалы прошлого, в то время как молодежь как раз находится в поиске идеала, но идеал прошлого — или утопия прошлого — не может дать необходимого подрастающему поколению энергетического накала, не отвечает запросу на динамичное развитие и потребность в изменении мира. Молодежи необходим идеал будущего — и необходимы смыслы, которые могли бы объяснить происходящее вокруг, сложные переплетения человеческих отношений и интересов, с точки зрения этики.

Поэтому ответ на один из вопросов поставленный в рамках семинара — «Нужна ли Утопия XXI веку?» — может быть отрицательным только для людей, до сих пор живущих реалиями 80-х гг. — либо попавших под влияния той самой последующей деидеологизированной культуры 90-х гг.

Помимо названной тенденции к деидеологизации в качестве критики Утопии зачастую высказывается мысль о ее принципиальной не реализуемости.

Во-первых, здесь следует сразу сказать о том, что эта мысль не совсем верна. Видится нерациональным воспроизводить здесь все классические типологии утопий. В то же время есть смысл представить авторскую типологию утопий, разработанную в рамках научных исследований прошедших двух лет: автор статьи подразделяет утопии

на утопии будущего, утопии пространства, утопии несбыточного и утопии будущего.

Утопии прошлого происходят еще от Платона и всегда моделируют в прошлом некий Золотой век, существование которого недоказуемо, образ романтизирован и не имеет ничего общего с реальностью. Это консервативная утопия. Не говоря о том, что Золотой век как бы он не опирался на исторические изыскания всегда полностью идеальный конструкт, он так же не может быть реализован в будущем — просто в силу того, что тогда перестанет быть идеалом прошлого, а его место займет новый минувший Золотой век.

Утопией пространства по форме, но не по сути, можно считать утопию Т. Мора, а по сути — многочисленные романы странствий: о легендарных странах берендеев, Беловодье, Эльдорадо и т.д. Общую схему такой утопии можно описать следующим образом: «там, за рекой, где жить хорошо».

Утопия пространства имеет с реальностью так же мало общего, как и утопия прошлого или несбыточного, что обычно подтверждают уехавшие на запад эмигранты. На сегодняшний день она во многом реализована в преклонении перед Западом, в то время как еще несколько десятилетий назад воплощалась в преклонении перед утерянной мудростью востока. К слову, античные истории относили местонахождение такой утопии к северо-востоку — территорией обитания руссов, викинги — с легендарной страной великанов, обитающих на юго-востоке.

Утопия пространства тоже является очень древней по своему происхождению, она характерна для патриархальных обществ, где рядовой человек не имеет возможности повлиять на общественный уклад и может лишь мечтать о той самой стране «за рекой».

Утопия пространства не является негативным проявлением человеческого сознания и не говорит о его ущербности — это всего лишь поиск сакрального пространства и размещение его там, где его нельзя разрушить. В нашем случае это — следствие того, что была разрушена Утопия Будущего. Было разрушено сакральное пространство, а храм сакрального идеала — осквернен и предан не столько забвению, сколько анафеме. И человек, опасаясь касаться перепачканных святынь, но всё-таки нуждаясь в святынях, поместил их туда, где их невозможно достать — «за бугор».

Третья по счету утопия, утопия несбыточного, хоть и может быть возведена к легендарным образам загробных миров — «Вальхалла» или «Град божий» Августина — по большому счету последовательно сформировалась на Западе 70-х гг. — то есть в период максимального разочарования Запада в существующих идеалах. В то время как рационально мыслящая часть населения объявила новым идеалом доллар, а целью — накопление денежных знаков, те, кто нуждался в более глубоко осмыслении причинно-следственных связей в окружающем мире обратились к фэнтези — и поместили таким образом идеал в место еще более недоступное для осквернения, чем любая «страна за рекой». Причина формирования «утопии несбыточного» — прежде всего в том, чтобы минимализировать соприкосновения этого идеала с действительностью. Чтобы не позволить критикам отыскать в нем противоречия и объявить несбыточным, автор или носитель идеала заранее объявляет о его несбыточности и таким образом снимает все последующие вопросы. Кстати, этим же путем в более поздних работах пошли и А. и Б. Стругацкие в России, объявив, что их утопический конструкт, «мир Полдня» — это просто мир, в котором им хотелось бы жить.

На сегодняшний день, тенденции к формированию «утопий несбыточного» пошли на спад и на Западе, а создатели новых миров разделились в основном на две группы: те, кто целенаправленно занимается осквернением уже этого, несбыточного сакрального пространства, привнося в него насилие, секс и отказ от смыслов (к примеру, американский сериал «Игра престолов» и многочисленные компьютерные игры последнего поколения), и те, кто занимается конструированием альтернативной истории — то есть своеобразным апробированием, поиском мостиков между реальностью и идеалом. Надо сказать, что первое течение весьма популярно в России сегодня, но это лишь подтверждает, что и это сакральное пространство было уничтожено, а значит, существует или неизбежно появится в ближайшем будущем запрос на утопии нового типа.

И, наконец, четвертый тип утопии — утопия будущего, и является прямым выражением научно-технического романтизма.

Утопия будущего:

А. Расположена в будущем, которое человек строит сам, то есть принципиально достижима.

Б. Предполагает либо детерминированность исторического прогресса, исторический оптимизм, и, соответственно неизбежность построения утопии будущего, либо власть человека над историей и законами социального развития, и соответственно его способность построить смоделированную утопию.

В. В отличие от утопии пространства и утопии несбыточного утопия будущего покоится на строго рациональных основаниях, как, впрочем, и утопия прошлого. Только если рациональные основания утопии прошлого — в некоей идеализации исторических фактов, подтвержденных источниками и объектах культуры, являющихся олицетворением некогда существовавшего идеального общества, то в основе рациональности утопии будущего — теоретическое осмысление законов общественного развития и зачастую методология естественных наук (впрочем, само по себе, последнее условие вряд ли является обязательным).

Г. Утопия будущего, как и утопия пространства, и в отличие от утопий несбыточного и прошлого обладает мобилизующим потенциалом, так как формально помещает сакральное пространство в реальный и подвластный изменению мир, и таким образом делает это сакральное пространство принципиально достижимым и реализуемым на земле.

Таким образом, мы видим, что вопрос достижимости утопий не столь однозначен, как кажется на первый взгляд. Существуют утопии достижимые по формальным признакам, но тем не менее, как мы можем видеть из попыток построить западное общество в России — движении в направлении утопии далеко не всегда приводит к предсказуемым результатам.

И тем не менее утопии нужны. Утопия — это «маяк в Океане Будущего». Точка, которую капитан ставит на карте, прокладывая курс. Безусловно, нет никаких гарантий, что двигаясь по волнующемуся морю истории, корабль придет именно к этой точке и в назначенный срок. Нельзя утверждать, что он в эту точку вообще придет. Но, не проложив курс, — невозможно двигаться вперед.

И здесь уже нам выбирать — ставить свою точку в будущем, или «там за рекой». Хочется только напомнить напоследок притчу о зайце и черепахе: заяц, пытаясь догнать черепаху, всегда оставался на шаг позади. Не потому ли история России так похожа на его рваные прыжки?

Библиография

1. *Баталов Э.Я.* Сознание политическое / Э.Я. Баталов // Политическая энциклопедия: В 2 т. Т.2 / Под ред. д.п.н. ГЛО. Семигина. М.: Мысль, 1999.
2. *Бурлацкий Ф.М.* Ленин. Государство. Политика / Ф.М. Бурлацкий. М.: Наука, 1970.
3. *Гаджиев К.С.* Политическое сознание или политическая культура? // К.С. Гаджиев // Кентавр. 1991. № 12.
4. *Гозман Л.Я.* Политический лексикон. Энциклопедический лексикон в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЭР СЭ, 2005.
5. *Зеркин Д.П.* Основы политологии: Курс лекции / Д.П. Зеркин. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
6. *Ильин И.А.* О политическом успехе или забытые аксиомы // Ильин И.А. Путь к Очевидности. Мыслители 20 века. М., 1993.
7. *Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике: Учебное пособие / Б.Г. Капустин. М.: МГУ, 2004.
8. *Ленин В.И.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. М.: Политиздат. Т.42.
9. *Мапельман В.М.* Политическая и правовая формы общественного сознания / В.М. Мапельман, Е.М. Пеньков // Философские ануки. 1980. № 5. С. 137.
10. *Попов. А.В.* Ценности в политике / А.В. Попов, Л.А. Зуев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 1.
11. *Рахманин В.С.* Общественная психология и революционный процесс / В.С. Рахманин. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987.
12. *Широков Е.В.* Массовое политическое сознание в современной России: его состояние и особенности: Дисс. ... канд. полит, паук / Е.В. Широков. М., 1996.
13. *Шмитт К.* Понятие политического / К. Шмиг // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ СЕРГЕЙ ФЕЛИКСОВИЧ

ВСПОМНИТЬ О БУДУЩЕМ

«Сказали мне,
что эта дорога меня приведет к океану смерти,
и я повернул обратно...
И с тех пор все тянутся передо мной
кривые, глухие окольные тропы».

Россия сегодня живет без цели. И если даже не вспоминать морально-риторическое: «Нельзя жить без Надежды» — жизнь без цели никогда и никого не приводила к успехам. Утвердившаяся, четверть века назад или несколько более, мысль о том, что «не нужно ничего

строить — нужно просто жить» — привела к тому, к чему она и могла единственно привести — к потере ориентиров развития, причем в итоге страна с одной стороны не достигла каких либо стратегических успехов — но, с другой, и текущая жизнь для большинства стала скорее хуже, чем она была три десятилетия назад.

Дело даже не в «не романтичности» бесцельного и беспроектного существования. Дело в том, что, не зная своих целей — ни человек, ни социум не могут соотнести свои планы и действия — они сегодня не закладывают основы будущего, но более того — вместо них создают препятствия, не позволяющие никуда двигаться завтра. Жизнь без целей поставленных тобой — оборачивается подчинением целям другого.

В октябре 2011 г. Россия не оглянувшись прошла юбилей события, о котором в любом случае стоило говорить: исполнялось 50 лет принятия Программы строительства коммунизма. Сейчас ей исполняется 55.

Не оглянувшись на нее — общество не задумалось и о том, что эти полвека состоят из двух практически равных частей. Первые 25 лет, когда так или иначе считалось, что страна по обозначенному в 1917 и 1961 году пути идет — и вторые 25 лет, когда она явно по этому пути идти и не пыталась. И самое интересное, что если за первые четверть века она, так или иначе, действительно шла вперед — вторые четверть века она либо разрушала созданное ранее, либо ходила кругами.

Нельзя идти вперед, не зная, что ты хочешь получить в будущем. Российское общество сегодня этого не знает. И оказывается, что никакой цели, лучшей или худшей с точки зрения той или иной идеологической пристрастности, чем та, от которой отказались четверть века назад — не было ни сформулировано, ни провозглашено, ни поставлено. За исключением смутной и сомнительной — стать колониальной периферией иного мира. И не говоря о том, что этот «иной мир» сам сегодня не знает хотя бы приблизительно, что ему делать со своими проблемами — сама цель «быть колонией» вряд ли достойна служения и вдохновения.

Но если так и нет иной сопоставимой цели — нужно как минимум предположить, не стоит ли, все же, пойти к отброшенной. И как минимум задуматься, зачем мы от нее отказались.

Может быть, потому что сочли ее недостойной. Может быть потому, что сочли недостижимой. В обоих случаях — может быть, мы

были правы — но может быть были и не правы. Не говоря о том, что, может быть цель, была правильной и достижимой — но именно те, кто от нее отказался — попросту не сумели найти пути и средства ее достижения.

То есть, вопрос, который сегодня выглядит, возможно, абсолютно не серьезно: а не построить ли нам коммунизм. Раз все равно мы не знаем, что строить вместо него, а идея не строить ничего — пока оставляет лишь в чистом поле среди развалин.

Конечно, если исходить исключительно из того, что «коммунизм — это бесклассовое общество, где будет устранена эксплуатация человека человеком и осуществлен принцип распределения «по потребности» — это будет теоретически правильно, но на сегодня даже не вполне понятно. И потому, что не вполне окажется понятен сам язык. И потому, что хотя сегодня большая часть граждан страны работает по найму, почти никто из них не вполне понимает слово «эксплуатация». И потому, что в обществе на сегодня не сложились адекватные социально-классовые самоидентификации. И потому, что распределение «по потребности» будет воспринято не то как право не работать, не то как бессодержательная утопия.

Тем ни менее, если для простоты спор о тех или иных определениях вывести в инструментальных целях за скобки и вести речь о смысле и сути, в частности закладывавшихся самим Марксом, что имелось в виду.

По мысли Маркса, всю предыдущую историю человек был поработан необходимостью подчинять свою жизнь поиску средств пропитания и обеспечения первичных жизненных потребностей. Между тем, по его же мысли, по своим родовым признакам, человек, существо способное к творчеству и самим своим развитием имеющее творчество, созидательный труд — внутренним стержнем своей сущности. Чтобы дать ему возможность эту способность реализовать — нужно освободить его не только политически, но и экономически, освободить от экономического порабощения — необходимости постоянно думать исключительно о собственном материальном обеспечении. Возникновение крупной машинной индустрии, современных уже Марксу производительных сил — объективно такую возможность создает. Вопрос в адекватной организации общества, распределения и дальнейшего развития производства. То есть главная цель движе-

ния к коммунизму и главное содержание коммунизма — создание условий для свободного развития человека, создание условий, при которых каждый человек был бы не обречен на повседневное добывание средств существования, а имел возможность развития своего творческого потенциала, труд же из проклятия экономического рабства — становился способом самореализации личности. Идея уничтожения частной собственности (не нужно забывать — на средства производства, а не на вещи текущего потребления), при всей важности, имела не целевое, а инструментальное значение. И заключалась не в том, чтобы лишить всех собственности и сделать равными в небогатом достатке, а в том, чтобы устранить такое положение, когда есть люди, собственности на средства производства лишённые, попадающие в зависимость от других людей, ее монополизировавших и вынужденные не столько работать на себя и на общество — сколько на них. И в том, чтобы всех собственностью на средства производства наделить, то есть каждому открыть доступ к свободному труду, отвечающему его склонностям.

То есть — главное здесь вообще не то, как делить — а то, как производить, сделать труд свободным. При этом Маркс отлично понимал, что существовавшая крупная машинная индустрия создает возможности для такого положения дел, но еще его не обеспечивает. И сформулировал параметры, для такого положения необходимые, еще в ту эпоху не существовавшие, но возможные для достижения: 1). Наука превращается в непосредственную производительную силу; — 2). В результате «общественные блага льются как из рога изобилия»; — 3). Человек выводится из непосредственного процесса производства и становится над ним как организатор и контролер.

То есть, как условие собственно коммунизма Маркс сформулировал идею того, что спустя столетие и более назовут «информационным обществом». Кстати, Дэниэл Белл, в своем «Грядущем постиндустриальном обществе», просто прямо писал, что его концепция полностью основывается на идеях Маркса.

Отметившая свой полувековой юбилей 3-я Программа КПСС, «Программа строительства коммунизма», определяла это общество как как: 1). Бесклассовый строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества; — 2) Обеспечение всестороннего развития каждого

человека; — 3) Производительные силы, основанные на приоритетном и опережающем развитии науки и техники; — 4). Высокоорганизованное общество свободных тружеников, в котором утвердятся полное общественное самоуправление; — 5). Труд станет для всех первой жизненной потребностью; — 6). Полностью будут реализованы способности каждого.

При этом, хотя в основе Программы строительства лежало создание материально-технической базы коммунизма, это был лишь одна из трех составных создания такого общества. Кроме нее в качестве второй ставилась задача преобразования системы государственного управления в общественное **самоуправление**, обеспечивающее активное участие всех членов общества в управлении общественными делами. Общественные функции, аналогичные привычным сегодня государственным функциям управления хозяйством и культурой, должны были утратить политический характер и перейти к органам общественного самоуправления. Коммунистическое общество мыслилось как высокоорганизованное содружество людей труда.

Третья составная — формирование нового человека — высокообразованного, овладевшего богатством всей предшествующей культуры, относящегося к окружающим по нормам братства, выше всего ценящего возможность творчества и увлеченного любимым трудом.

Может быть, в самой лаконичной и яркой форме суть коммунизма в свое время выразил Маяковский, говоря тогда о социализме: «Социализм — это свободный труд свободно собравшихся людей». Если полгода назад свое пятидесятилетие отметила Программа строительства коммунизма, то в этом году исполняется 50 лет выхода в свет базового романа Стругацких «Полдень, 22 век», пожалуй — самой и яркой, и реалистичной картины будущего: авторов даже упрекали потом, что они лишь художественно расцвелили образы, заложенные в партийную Программу. Хотя, на само деле, большая часть составляющих книгу новелл была написана и даже опубликована еще до принятия официального документа: просто и их книга, и 3-я Программа КПСС отражали те настроения, которые в обществе существовали, и не только его видение идеального — но и то, что ощущалось реальным и возможным. Сами Стругацкие дали одно из наиболее четких определений сути коммунизма: общество, в котором люди свободны, увлечены свободно выбранным ими трудом и ни от чего не получают

и по сути своих устремлений не могут испытать большей радости и наслаждения, как от этого свободного труда.

Кстати пресловутая дата 1980-ого года, всерьез или с сарказмом называемая датой предполагаемого и не исполненного завершения строительства коммунизма — была датой лишь создания его материально-технической базы. Имелось в виду, что к этому сроку общество лишь «вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям», произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Полностью построение коммунистического общества предполагалось завершить в последующий период, который должен был стать предметом на тот момент еще только будущего планирования.

Причем, имелось в виду, что развитие общества и производства будет обеспечиваться «не путем принуждения, а на основе понимания общественного долга, определяются всем укладом коммунистического общества. Труд и дисциплина не будут в тягость человеку; трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости».

Что не удалось, почему не удалось и кто в этом виноват — и кто просто был заинтересован в том, чтобы это не удалось — вопросы естественные и огромной исторической и политической важности — но это вопросы самостоятельные и отдельные. В данном случае речь идет о другом.

Если несколько уточнить терминологию, создание коммунистического общества — это решение трех задач. Если описывать их не в рамках той или иной политико-идеологической пристрастности, а на технологически-функциональном уровне.

Первая, Создание производства и экономики постиндустриальной и информационной эпохи, производства и экономики высоких технологий и информационного типа, основанного в первую очередь на достижениях передовой науки, технологии и предполагающих, что в нем все трудовые операции, не требующие самостоятельного принятия решений, переданы технике и автоматике, а за человеком сохранены лишь операции с самостоятельным принятием решений. — То есть человеку оставлен лишь тот труд, который требует от него и дает ему возможность творческой реализации.

Вторая — создание всеохватывающего общественного самоуправления, в котором в решении затрагивающих их вопросов будут при-

нимать все заинтересованные в них граждане. Да, понятно, что если не исповедовать идею экспорта революции и совершения ее в форсированном темпе в мировом масштабе, общество будет нуждаться в системах, защищающих его от возможных внешних угроз своих конкурентов — но все остальное действительно передается самоуправлению. Это можно называть хоть системой полновластия Советов, хоть развитым гражданским обществом. Хоть земством. Хоть соборностью. Хоть Джамахирией. Хоть Коммуной. Суть — люди, их самоорганизация, а не отстраненный от них бюрократический аппарат, — решают проблемы организации своей собственной жизни.

Третья — развитие человека, предоставление ему всей полноты доступа к образованию и культуре, формирование его отношения ко всем согражданам — как к братьям. По-сути, отношение по принципу: «отнесись к другому так, как хочешь, чтобы отнеслись к тебе». И создание возможностей и потребности реализовывать себя в творческой созидательной деятельности: художника, врача, инженера, исследователя, поэта, учителя. В целом — превращение в непосредственную производительную силу не только науки, но собственно человеческой творческой способности.

Превращение человека из потребителя — в творца, свободного времени из не всем доступной роскоши — в главное общественное богатство, самого общества из общества, где главное — потреблять, в общество, где главное — познавать и созидать.

Постановка вопроса о строительстве коммунизма иногда в повседневно-пропагандистском плане сводилась к тезису: «Будете хорошо работать — постройте коммунизм, а вот там вам все достанется».

Но суть-то его в другом: эти цели — не вознаграждение за праведную жизнь и послушное поведение. Эти цели — не то, чем коммунизм обещает вознаградить за идеологическую верность. Эти цели — его суть.

И вопрос: «А не построить ли нам коммунизм», — это вопрос о том, мы хотим общества с вышеописанными параметрами или не хотим. Если не хотим — с какими параметрами мы хотим получить общество. Живущее по законам шариата. Реабилитировавшее «Майн Камф». Принявшее за основной закон «Домострой». Колонию США, живущую под управлением комиссаров ОБСЕ, 15 лет назад описанную в антиутопии Рыбакова и в трагическом 2011 — в инсоровско-юргенсовских докладах.

Страну, производящую научные знания и на их основе обеспечивающую функционирование своего производства — или страну, поставляющую сырье и зависимую от чужих технологий.

Страну, основанную на всеобщем участии и общественном самоуправлении — или страну, опекаемую «Железной пятой», как раз что лет назад описанной Джеком Лондоном, — и хорошо еще, если своей отечественной.

Страну, где человек ни от чего не получает большего наслаждения, чем от своего любимого труда — или страну, где он ни от чего не получает большего наслаждения, чем от счета в зарубежном банке и поездки в Куршавель.

Волей или неволей, — все выводит на ценностные и морально-риторические вопросы. Но развитие вообще не существует без ценностей.

Если более технократично, что значит сегодня в России строить коммунизм.

(Как однажды сказал Кириенко лет восемь назад: «Товарищи (!), по решениям 26 съезда КПСС уже к концу 80-х гг. нужно было построить полдюжины новых передовых реакторов. А мы их до сих пор не построили. Может быть, пора начать выполнять решения партии?»).

В первую очередь. Это развитие отраслей, обеспечивающих научно-технический прогресс, приоритетное развитие фундаментальной науки и технолого-производящих направлений, параллельной организацией реконструкции существующих производств на тех технологиях, которыми располагают отрасли, остающиеся лидером в технологической сфере — и тех технологиях, которые удастся получить извне.

Причем в любом случае центральный здесь вопрос — это именно создание производства, в котором все, что не требует самостоятельного решения — отходит технике. Все, что требует таких решений — отходит человеку.

С одной стороны — здесь стоит задача освобождения человека от неинтересного труда, с другой — его использование там, где наибольшую отдачу может дать именно его творческие способности и его потенциал нестандартных решений.

При этом стоит вопрос и о собственно технологической реконструкции: то есть старая тема создания новых материалов, нового типа энергопотребления, нового использования продуктов топливно-энергетического комплекса.

Опять-таки, если вспоминать — задача преимущественного использования нефти и газа нефти и газа как сырья для химических производств, а не как топлива — тогда, полвека назад, хотя бы ставилась. Сегодня, через полвека — о ней вообще никто не говорит. Хотя также известно, что себестоимость производства электроэнергии на атомных станциях — в три-четыре раза ниже производства ее на ТЭС. И экологически — безопаснее. Точно также известно, что если просто ввести в строй все остановленные после Чернобыля реакторы и достроить все замороженные — можно обеспечить энергетическое потребление страны только на этой основе, все предназначенное для сжигания сырья — либо, что лучше, направив на производство новых материалов, либо — на внешний рынок. Причем такой вариант приведет к снижению до трех раз внутренней цены на электроэнергию — и для граждан. И для потребления промышленности — с последующим снижением цены и на ее продукцию.

Кстати, еще тогда, полвека назад, говорили о задаче замены механической обработки материалов химическими методами, технологическим использованием электроэнергии, электрохимией и ультразвуком.

Ясно также, что и техническая, и технологическая реконструкция — это и вопрос повышения производительности труда. Что Россия по ней сегодня отстает от тех же США — общее место. Но то, что государство не занимается развитием и реконструкцией производства и созданием высокотехнологических производств — тоже общее место.

И понятно, что если идет задача создания нового производства — для него нужна не двухуровневая система образования, производящая магистров — для научных исследований, и бакалавров — для выполнения инструктивных задач, — а производящая инженеров-специалистов, способных создавать новое производство и инициативно решать встающие в ходе его создания задачи. Бакалавры, если и нужны — то именно для рабочих специальностей — то есть для подготовки и оформления статуса высококвалифицированных рабочих — то есть, людей, занятых физическим трудом с преобладанием интеллектуальных функций, требующих самостоятельного принятия решений.

Понятны все проблемы, которые страна имеет с сельским хозяйством. И понятно его отставание в советский период. Только все предпочитают забывать, что отставая по уровню технической воору-

женности от США примерно в 16 раз — советское сельское хозяйство отставало от американского же примерно в 4–6 раз: то есть уровень эффективности использования имевшегося оборудования в техники в СССР был в несколько раз больше, чем у ведущего конкурента.

Точно также странно старательно забывается, что наиболее эффективным видом сельскохозяйственного предприятия в тех же США является не отдельное фермерское хозяйство, как уверяли страну четверть века назад, а хозяйство с площадью примерно в 1000 га, несколькими десятками работников и полной компьютеризацией, позволяющей в зависимости от влажности, ветра и температуры определять тонкости производимых в тот или иной день работ.

Точно также понятно, что нормализация деятельности производства и самого его создания и развития, требует иной транспортной системы, чем та, которая есть сегодня в России. И дело не только в низком качестве шоссейных дорог. Задача полного освоения водных путей ставилась еще тогда, в 1961 году — но сегодня символом речного пароходства стал теплоход «Булгария». Из одного региона в другой самолеты летают подчас только через Москву, европейская часть страны связана в Дальнем Востоком одной нитью железной дороги. Почти не используются Северный Морской путь, хотя транспортировка из Тихоокеанского Региона в Европу через него — в несколько раз выгоднее транспортировки через Суэц и только сама по себе могла принести огромные суммы в бюджет страны. Не разработана и почти полностью забыта идея создания Среднесибирского железнодорожного пути по линии Свердловск-Тюмень-Якутск с дальнейшим раздвоением: на — Чукотку и на Владивосток, хотя это означало бы и освоение сегодня полубожитых регионов, и заселение их, и создание приемлемой для комфортной жизни среды в новой зоне страны. Хотя, опять таки, задача освоения и заселения Западно-Сибирских областей — тоже была поставлена в рамках Программы строительства коммунизма.

То ли мы определяем, что все это делать вообще не нужно — и программа была плоха тем, что эти задачи ставила. И тогда нужно поставить другие. То ли мы признаем, что они были правильны — но программа неверно определила пути их достижения. Но в последнем случае, отказ от нее выглядел бы обоснованным, если бы страны получила предложения о других путях — и за последние четверть

века ощутимо продвинулась к данным целям другими способами. Но именно последнего — нет.

Строить коммунизм сегодня — это значит, создавать преимущественные условия для науки и культуры. Когда-то, как раз после принятия Хрущевым названной программы, президент Кеннеди сказал, что Америка никогда не догонит СССР, «если не создаст своим интеллектуалам таких же привилегированных условий, какие Советы создали своим». Штаты такие условия создали — Россия уничтожила.

Сегодня Россия никогда не восстановит для себя достойного места в мире, если не создаст для своих ученых и инженеров того положения, которое сделает их производителем энергии движения вперед.

России нужно новое производство. Новые технологии. Новые материалы. Новая медицина. Развитие атомных отраслей. Освоение космоса. Биотехнологии. Новая транспортная система. Новое продовольственное производство. Информационные технологии и робототехника. Общественная самоорганизация граждан и специалистов. Новый тип стимулов к труду и новый характер труда. Восстановление культуры. Люди, умеющие читать книги, а не только записи в блогах сумасшедших.

Просто, в конце концов, нужна осмысленность существования.

России сегодня нужна структура экономики, при которой 1–2% трудоспособного населения будут заняты в производстве аграрной продукции, — достаточной, чтобы прокормить всю страну. 10% — будут заняты в традиционном промышленном производстве, — работающем с производительностью, которая обеспечит материальные потребности потребления и нового производства. Но только если при этом 90% населения должны быть заняты в производстве новых знаний и новых технологий — позволяющих первым двум группам обеспечить материальные потребности общества.

Все описанное России нужно делать и нужно создавать. Потому что иначе — она не сохранит ни свою, независимость, ни свое существование.

Нельзя отказываться от создания всего этого — на том основании, что это в свое время было названо словом «коммунизм» — которое кого-то пугает.

Можно спорить, возможно ли бесклассовое общество. Но на сегодняшний день от 60 до 70% граждан живет продажей своей рабочей силы по найму, порядка 30% получает стипендии и пособия, 3% —

добывают себе пропитание, занимаясь мелкой бизнес деятельностью без найма других работников, и 1% — получает доход от использования наемной рабочей силы.

Получается, что, в отличие от начала 20 века, сегодня созданию бесклассового общества препятствует существование от силы 1–4%% представителей иного класса.

Можно спорить, обозначенные цели можно достичь на пути рыночной экономики или на пути плановой. Но если одни скажут, что на втором пути это сделать не удалось — другие вполне могут ответить, что в ином варианте удалось лишь откатиться на еще большее историческое расстояние от них.

Дело не в концептуальных пристрастиях. Коммунизм, в конце концов, дело не идеологической верификации — это дело практики.

Рынок плох не тем, кто он апеллирует к материальным стимулам — этим он как раз хорош. Он плох тем, что апеллирует к стимулам краткосрочным — толкает к тому, что выгодно делать сегодня, не взирая на последующие результаты. Стратегические задачи, подобные переходу от одного типа производства к другому — можно решать только в рамках стратегических, то есть — долгосрочных стимулов.

О чем угодно можно спорить — но нужно определять узловые точки, когда приходится признать: так — не получается, поэтому от не оправдавших себя одних инструментов — переходим к другим, альтернативным. Если период с 1961 года по 1986 оказался более успешным, чем период с 1987 по 2012, значит, методы первого периода более эффективны, чем методы второго.

Думать, что другие страны и транснациональные корпорации будут давать деньги на то, чтобы Россия становилась в 21 веке технологической капиталистической сверхдержавой — все равно, что рассуждать о возможности турецкого султана стать римским папой: им это не нужно и им это опасно. Если они и будут давать на что-то деньги — то только на то, чтобы она ею не стала. Значит, решать свои задачи нужно ей самой.

Сосредоточить средства на ключевых направлениях. Отработать технологии. Создать определяющие будущее технологическое наступление ключевые плацдармы. Прорваться и закрепиться на них — и подтягивать отстающие отрасли. Честно сказать людям о целях — и признать, что это будет нелегко. И идти вперед, каждую неделю публично говоря о том, что удалось, а что не удалось. И что помешало.

Вопрос прагматики. Создать свободное общество можно, только создав экономику свободного общества — на пути технократического прорыва. Технократический прорыв — в полной мере возможен только при опоре на готовность человека открывать, изучать, конструировать, строить.

Гуманизм — не будет реализован без технократизма. Технократизм — бессмысленен и контрпродуктивен без гуманизма. Их соединение — собственно говоря, и есть коммунизм.

Если мы хотим спасти страну — и путь ее спасения нам предлагает только коммунизм — нужно спасти страну, и не комплексовать по поводу того, кому не нравится термин, академически определяющий путь ее спасения.

ШАПОВАЛОВ ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ В ПРОГРАММАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Аннотация: в статье представлен анализ представлений о будущем в программах российских политических партий. В качестве объекта исследования выступают программы политических партий, принявших участие в выборах депутатов Государственной Думы 2016 года по пропорциональной системе. Половина, семь из 14 партий не имеют сформированного образа будущего. Проекты будущего еще семи партий основаны на идеализации прошлого России или современного европейского общества.

Ключевые слова: политическая партия, образ будущего, коммунизм, социальное проектирование, «обновленный социализм», «новый социализм», «новый демократический курс», «Большой Русский Дом».

Мы живем в условиях глобальной трансформации мира. Кардинальные изменения происходят практически во всех отраслях и сферах жизни. Современное российское общество испытывает большую потребность в формировании образа будущего нашей страны, который стал бы основой для консолидации россиян. Это — актуальная задача для политического класса, интеллектуальной элиты страны.

Предстоит сформировать внятный образ российского будущего, в котором интересы всего общества будут максимально тесно связаны с потребностями и запросами конкретного гражданина. Очевидно,

решение этих проблем — задача не только государственных структур, но и всего российского общества.

Ведущую роль в формировании образа будущего, с нашей точки зрения, должны сыграть политические партии, представляющие в своей совокупности весь спектр политических мнений, существующих в стране.

Предметом данного исследования является анализ представлений о будущем в программах российских политических партий. Объектом исследования стали программы 14 политических партий, получивших право выдвигать партийные списки на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 18 сентября 2016 года. Ограничение обусловлено тем фактом, что все остальные политические партии на данный момент не играют сколько-нибудь существенной роли в федеральной политике и не представляют интересы значимых групп избирателей.

Из 14 партий у половины — Партии народной свободы «ПАРНАС», «Партии Роста», Российской партии пенсионеров за справедливость, Российской экологической партии «Зеленые», партии «Патриоты России», партии «Гражданская Сила» и партии «Гражданская Платформа» — в политических программах отсутствуют какие-либо представления о желаемом будущем России¹. При этом для шести партий данный факт, по всей вероятности, является свидетельством в целом слабой содержательной составляющей программных положений, недостаточной проработанности идеологических установок, размытости

¹ Платформа демократической коалиции «ПАРНАС». Официальный сайт Партии народной свободы «ПАРНАС». URL: <https://parnasparty.ru/news/42>; Программа ВПП «Партия Роста». Официальный сайт ВПП «Партия Роста». URL: <http://www.patriot-rus.ru/dokumentyi/programma.html>; Программа политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость». Официальный сайт политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость». URL: <http://ppzs.ru/2013-06-23-14-42-57/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8>; Программа Российской экологической партии «Зелёные». Официальный сайт Российской экологической партии «Зелёные». URL: <http://greenparty.ru/material/page/programma/>; программа политической партии «Патриоты России». Официальный сайт политической партии «Патриоты России». URL: <http://www.patriot-rus.ru/dokumentyi/programma.html>; Программа партии «Гражданская Сила». Официальный сайт партии «Гражданская Сила». URL: <http://gr-sila.ru/party/program/>; Программа Политической партии «Гражданская Платформа». Официальный сайт партии «Гражданская Платформа». URL: <http://праваяпартия.рф/3363#r0>

целей и способов их достижения. Это нельзя считать случайностью, так как именно эти партии стали аутсайдерами избирательной кампании¹.

Однако отсутствие картины будущего у шестой партии, «ПАРНАСа» обусловлено совершенно другой причиной. Это является ключевым элементом идеологии партии. Согласно программе партии попытка моделирования будущего является негативным процессом. Ключевой идеей программы представляется следующее утверждение: «Те, кто пытается придумать «идеальное будущее» и железной рукой загнать в него всех остальных, терпят крах, заводя себя и страну в губительный тупик. Мы увидим Россию такой страной, в которой настоящее не принесится в жертву мифическому будущему вместе с судьбами людей»². Государство, по мнению Партии народной свободы, должно перестать «навязывать обществу культурные и моральные стандарты, религиозные догматы, свои, выгодные ему, государству, представления о прошлом и будущем»³. Таким образом, «ПАРНАС» предлагает своим сторонникам отказаться от каких-либо мыслей о будущем, жить исключительно настоящим.

Принципиальный отказ партии от конструирования идеального будущего представляется серьезной стратегической ошибкой, одной из причин кризиса партии, ее неспособности заинтересовать избирателей и, как следствие, неудовлетворительного результата, показанного партией на выборах 18 сентября 2016 г.

Отдельно следует отметить партии «Единая Россия» и «Родина». Обе партии апеллируют к представлениям о будущем, сформулированным в предвыборных статьях В.В. Путина в 2012 г.⁴ В основе — курс на создание сильного, независимого, социального государства.

Еще пять партий, партия «Коммунисты России», Коммунистическая партия Российской Федерации, партия «Справедливая Россия», Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» и Ли-

¹ Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvд=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prvr=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=242

² Платформа демократической коалиции «ПАРНАС». Официальный сайт Партии народной свободы «ПАРНАС». URL: <https://parnasparty.ru/news/42>

³ Там же

⁴ Предвыборная программа ВПП «Единая Россия». Официальный сайт ВПП «Единая Россия». URL: <http://er.ru/program/#25>; Программа партии «РОДИНА». Официальный сайт партии «РОДИНА». URL: <http://www.rodina.ru/partiya/documentsForRead/23>

берально-демократическая партия России, предложили свое видение будущего. Данные проекты имеют существенные различия, представляют широкий спектр, от крайне левых, до крайне правых, идеологических установок.

Радикальную левую позицию занимают «Коммунисты России». Позиционируя себя в качестве приверженцев ортодоксального марксизма-ленинизма, партия заявляет о необходимости построения коммунизма как конечной точки развития общества. При этом в программе партии коммунизм является не абстрактным идеалом, но реальной целью развития российского общества: «Стратегической целью Коммунистическая (так в тексте. — В.Ш.) партии КОММУНИСТЫ РОССИИ является построение коммунизма как будущего человечества»¹. Детализация образа будущего выглядит следующим образом: «Основой подлинного коммунизма становятся отношения, которые включают: общенародную собственность на все средства производства; планомерное развитие народного хозяйства и других сфер общественной жизни; полную занятость населения; заботу общества о содержании нетрудоспособных его членах; обеспечение обществом равных условий для выявления и развития способностей всех членов общества; управление производством и общественной жизнью через систему народовластия на всех уровнях»².

Две партии, КПРФ и «Справедливая Россия», видят будущее России в построении социалистического общества. При этом даже названия проектов будущего стилистически схожи: «обновленный социализм» у коммунистов и «новый социализм» у «справороссов». Однако содержание проектов существенно отличается³.

Идеал будущего КПРФ — это скорее усовершенствованная версия «социализма с человеческим лицом» эпохи «перестройки»: «КПРФ рассматривает социализм как свободное от эксплуатации человека человеком общество, базирующееся на общественной собственности и распределяющее жизненные блага по количеству, качеству и ре-

¹ Программа партии «Коммунисты России». Официальный сайт партии «Коммунисты России». URL: <http://www.komros.info/about/programma/>

² Там же

³ Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party/program>; Программа партии «Справедливая Россия». Официальный сайт партии «Справедливая Россия». URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>

зультатам труда. Это общество высокой производительности труда и эффективности производства, достигаемых на основе научного планирования и управления, применения наукоемких и ресурсосберегающих технологий. Это общество подлинного народовластия и развитой духовной культуры, стимулирующее творческую активность личности и самоуправление трудящихся. Человек станет главной целью и фактором общественного развития»¹. Возврат к социализму коммунисты планируют осуществить в три этапа, через приход к власти в результате «честных выборов», национализацию основных средств производства, планирование основных показателей развития, экономическую и политическую реинтеграцию бывших республик СССР.

В отличие от коммунистов «справороссы» видят образ будущего России в современном европейском социализме: «Новый социализм — это современная рыночная экономика, обеспечивающая развитие социально-ориентированного государства... Новый социализм — это укрепление институтов гражданского общества и демократии, возможность граждан распорядиться природными ресурсами страны, развитие местного самоуправления, комфортная среда обитания, социальное государство, обеспечивающее достойную жизнь своих граждан»².

Близкую европоориентированную модель будущего предлагает и демократическая партия «Яблоко». Проект «яблочников» — «новый демократический курс» — является ничем иным, как вариантом европейской леволиберальной политико-экономической системы. Идеал сторонников Григория Явлинского — «устойчивый демократический порядок, включающий в себя правовое государство, социальную рыночную экономику, гражданское общество, современную систему безопасности и постиндустриальную стратегию в рамках европейского пути развития ... общество равных возможностей, основанное на принципах социальной справедливости и социальной солидарности сильных и слабых»³. При этом, в отличие от своих оппонентов по ли-

¹ Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party/program>

² Программа партии «Справедливая Россия». Официальный сайт партии «Справедливая Россия». URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>

³ Программа «Демократический манифест». Официальный сайт РОПД «ЯБЛОКО». URL: http://www.yabloko.ru/content/programma_demokraticeskij_manifest

беральной нише, Партии народной свободы, «яблочники» признают важность процесса осмысления будущего и определения ориентиров развития общества. «Новый демократический курс, — отмечается в программе партии, — ...основан на пересмотре вульгарных подходов прошлого и ясном осознании задач будущего». Обращает на себя внимание подчеркнутая апелляция партии «Яблоко» к европейскому опыту как образцу для конструирования российского будущего. В числе приоритетных целей партии — «европейская экономическая модель», «государство всеобщего благосостояния», близкое «по своим параметрам к европейским образцам», система «социальной поддержки европейского типа»¹.

Принципиально иная картина идеального будущего представлена в программе ЛДПР. Проект будущего «либерал-демократов» называется «Большой Русский Дом». Это — не что иное, как воссозданная и слегка модифицированная модель Российской империи, сохраняющая даже имперские символы — черно-желто-белый триколор и гимн «Боже, царя храни!». Проект ЛДПР представляет собой достаточно подробный перечень мер и результатов переустройства общества, основанного на трех принципах: «единство территорий (унитарная республика), единство власти (Президент как гарант единства), единство народа (с государствообразующей ролью русского народа)»².

Анализ программ российских партий позволяет констатировать недостаточное внимание со стороны основных политических акторов к вопросу формирования образа будущего. Имеющиеся модели будущего являются нечеткими и размытыми, как в целях и средствах их реализации, так и в основных параметрах общества будущего. Но самой главной проблемой является то, что все существующие партийные проекты будущего основаны на идеализации прошлого России, либо стремятся к мультиплицированию на российской почве современных европейских образцов. Идеал будущего для российских партий — Российская империя, советское общество 30-х гг. или 80-х гг., либо идеализированный и модернизированный вариант общества 90-х гг. Дефицит идей, неспособность политического класса к социальному проектированию будущего, неготовность к самостоя-

¹ Там же

² Программа Либерально-демократической партии. Официальный сайт ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/

тельному мышлению, отрыву от существующих шаблонов, к сожалению, является характерной чертой постсоветской партийной элиты.

Библиография

1. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vivid=100100067795854&type=242
 2. Платформа демократической коалиции «ПАРНАС». Официальный сайт Партии народной свободы «ПАРНАС». URL: <https://parnasparty.ru/news/42>
 3. Предвыборная программа ВПП «Единая Россия». Официальный сайт ВПП «Единая Россия». URL: <http://er.ru/program/#25>
 4. Программа ВПП «Партия Роста». Официальный сайт ВПП «Партия Роста». URL: <http://www.patriot-rus.ru/dokumentyi/programma.html>
 5. Программа «Демократический манифест». Официальный сайт РОПД «ЯБЛОКО». URL: http://www.yabloko.ru/content/programma_demokraticeskij_manifest
 6. Программа Либерально-демократической партии. Официальный сайт ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/
 7. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party/program;>
 8. Программа партии «Гражданская Сила». Официальный сайт партии «Гражданская Сила». URL: <http://gr-sila.ru/party/program/>
 9. Программа партии «Коммунисты России». Официальный сайт партии «Коммунисты России». URL: <http://www.komros.info/about/programma/>
 10. Программа партии «РОДИНА». Официальный сайт партии «РОДИНА». URL: <http://www.rodina.ru/partiya/documentsForRead/23>
 11. Программа партии «Справедливая Россия». Официальный сайт партии «Справедливая Россия». URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>
 12. Программа Политической партии «Гражданская Платформа». Официальный сайт партии «Гражданская Платформа». URL: <http://праваяпартия.рф/3363#r0>
 13. Программа политической партии «Патриоты России». Официальный сайт политической партии «Патриоты России». URL: <http://www.patriot-rus.ru/dokumentyi/programma.html>
 14. Программа политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость». Официальный сайт политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость». URL: <http://ppzs.ru/2013-06-23-14-42-57/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8>
 15. Программа Российской экологической партии «Зеленые». Официальный сайт Российской экологической партии «Зеленые». URL: <http://greenparty.ru/material/page/programma/>
-

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ, СОЮЗОВ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

БАЛАСАНЯН ГРИГОР

РФ, США И ЕС В ПРОЦЕССЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО
КАВКАЗА)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы внешней политики РФ, США и ЕС в регионе. Исследование условно разделено на две части — политика в 1990-х, и в 2000-х. В регионе в 1990-х была активна Россия, но, с началом 2000-х, США начали активизироваться. После признания Абхазии и Южной Осетии со стороны России, основное внимание силовых центров было сосредоточено на урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе.

Ключевые слова: Россия, США, ЕС, Южный Кавказ, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия.

Южный Кавказ или Закавказье всегда было в центре внимания российской дипломатии. Начиная с времен Петра 1-го Россия пыталась оснаться в регионе и была вынуждена вести тяжелые и кровопролитные бои с двумя империями — Персией и Османской империей, которые тоже считали регион зоной своих интересов. То же самое было после Октябрьской революции, когда в регионе пытались оснаться немцы и англичане и регион фактически разделить между собой. Это говорит о том, что регион очень важен для России и здесь у нее есть жизненные интересы. Кроме этого регион граничит с членом НАТО, с Турцией, и здесь кроме жизненных интересов, у России есть и геополитические интересы, так как в 2004 г., объявив о плане «Большой Ближний Восток», США Южный Кавказ тоже включили в этот регион. Кроме этого, на Южном Кавказе находится военно-по-

литический союзник России — Армения и здесь же дислоцирована 102-ая российская военная база.

После распада Советского Союза в разных уголках большой страны возникли конфликты, которые в основном по своей сути были этническими. Южный Кавказ не стал исключением. Исторический сложившиеся там конфликты, по мнению руководителей Советского Союза, были разрешены с созданием этого государства, однако после распада большой страны конфликты снова вспыхнули, так как коренного решения проблемы не было. По сравнению с остальными постсоветскими конфликтами, которые в течение времени постепенно утасили, конфликты на Южном Кавказе не утасили, а просто стали менее интенсивными.

В 1990-х годах США были не столь активны в вопросе Нагорного Карабаха. Даже подписанное в 1994 г. в Бишкеке перемирие между сторонами конфликта было достигнуто при посредничестве РФ. США приветствовали это событие, но не более того.

В США большое значение придавали экономическим интересам страны на Южном Кавказе. Кроме этого, в Белом Доме стремились сбалансировать свою политику в регионе и в отношениях с Азербайджаном и Арменией — оказывая обеим государствам финансовую и экономическую помощь.

Во второй половине 1990-х годов, как уже было отмечено нами, со стороны США наметилась определенная активность, а в 1997 г. был создан институт сопредседателей Минской группы ОБСЕ, в которую вошли РФ, США и Франция. России пришлось согласиться на этот формат, потому что она не была способна в одиночку разрешить конфликт.

Весной 2001 г. США активизировали усилие в Минской группе ОБСЕ. С 3–6 апреля в Ки-Весте была организована встреча президентов Армении и Азербайджана Р. Кочаряна и Г. Алиева. Переговоры велись при посредничестве Госсекретаря США Колина Пауэля, а встреча с президентом США Дж. Бушем младшим планировалась после удачного завершения переговоров. Нужно сказать, что это попытка США провалилась. После возвращения в Баку президент Г. Алиев по сути отказался от тех договоренностей, которые были достигнуты в Ки-Весте. Это можно понять от слов Р. Кочаряна, который в конце лета заявил: «...было бы ошибкой говорить о том, что мы пришли к общему знаменателю»¹.

¹ Ки-Вест: взлеты и падения. URL: <http://www.mediamax.am/am/news/keywest/541/>

После 11 сентября 2001 г. США стали вести активную внешнюю политику во всем мире. Южный Кавказ не стал исключением. Соединенные Штаты более активизировались после того, как в США была принята так называемая программа «Большого Ближнего Востока», в которую входил также Южный Кавказ. Это не могло не беспокоить Россию.

20 декабря 2006 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров встретился с представителями прессы и подвел итоги внешней политики РФ за 2006 г. По вопросу урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе Лавров подчеркнул, что не нужно давать прогнозы по этому вопросу. По его словам Россия вместе с США и Францией является сопредседателем, и их задача — обеспечение прямого общения между сторонами конфликта¹. Этим Россия хотела показать в первую очередь США, что для нее будет неприемлемым одностороннее вмешательство Соединенных Штатов без учета мнения России. РФ хочет показать Штатам, что хотя бы в региональном масштабе она является сверхдержавой и считает постсоветское пространство жизненно важным для себя, и для Москвы не приемлемо урегулирование конфликтов без участия России.

После Мадридской встречи Россия предприняла попытку взять инициативу в свои руки в переговорном процессе. 2 октября 2008 г. в подмосковном замке Майндорф по инициативе российской стороны состоялось встреча президентов РФ, Армении и Азербайджана, в результате которой была подписана Майндорфская декларация. Этот документ был первым после перемирия 1994 г., по которому стороны обязались решать конфликт только путем переговоров.² Но усилия России провалились, так как сразу после переговоров по вине Азербайджана в зоне конфликта ситуация вновь накалилась. Некоторые эксперты считают, что эта эскалация не могла быть организована без участия Запада и этим Запад хотел показать Россию, что она не имеет возможности разрешить этот конфликт в одиночку.

¹ Баласаян Г.А. Россия и США в процессе урегулирования конфликтов на Южном Кавказе, Вызовы для России в меняющемся мире, Мировая политика, Мировое развитие. Вып. 14. М.: ИМЭМО, 2015. С. 112.

² Встреча глав РФ, Армении и Азербайджана началась в замке Майндорф. URL: <http://ria.ru/politics/20081102/154308118.html>

После президентских выборов 2009 г. во внешней политике США наметились некоторые изменения. Это особенно проявилось в позиции США в отношении политических процессов в странах СНГ. Создалось впечатление, что администрация Обамы решающую роль в политических процессах в постсоветском пространстве передала России и объявила, что хочет иметь с Россией отношения нового уровня. С этим было связано и то, что после встречи Сергея Лаврова и Госсекретаря США Хилари Клинтон 9 ноября 2009 г. было объявлено о «Перезагрузке» отношений двух стран. С 2009г. США начали постепенно понижать уровень напряженности с Россией в отношении грузинской проблемы, осознав, что после признания независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России разрешение проблемы территориальной целостности Грузии возможно только в далеком будущем. По всей вероятности в США переоценили значимость Грузии в приоритетах внешней политики Вашингтона. Во время визита в Тбилиси в июле 2010г. госсекретарь США Хилари Клинтон заявила, что у США были две причины поддерживать Грузию. Первое было то, что идеи «Революций роз» в большинстве соответствовали так называемым «американским идеалам». А вторая причина, по словам Клинтона, была то, что с помощью США в Грузии были развиты демократические институты, а также начала развиваться экономика.

В июле 2009 г. в ходе саммита Большой Восьмерки в итальянском городе Аквила президенты стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ Барак Обама, Дмитрий Медведев и Никола Саркози выступили с совместным заявлением, в котором призвали президентов Армении и Азербайджана решить нагорно-карабахский конфликт путем мирных переговоров.

24-го июня 2011 г. в Казане проходил саммит сопредседателей Минской группы ОБСЕ. В саммите приняли участие также президенты Армении и Азербайджана. На повестке был документ, который был согласован с президентами стран-сопредседателей¹. Но в результате неконструктивной позиции Азербайджана не было достигнуто ощутимого прогресса в переговорах.

¹ Саммит глав РФ, Азербайджана и Армении, который прошел сегодня в Казани, завершился без достижения договоренностей. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20110624212217.shtml>

В начале августа 2014 г. ситуация на линии сопредседательства вооруженных сил Азербайджана и Нагорно-Карабахской республики, а также на армяно-азербайджанской границе сильно накалилась и обе стороны уже стали открыто говорить о начале новой войны. Изначально планировалась, что встреча будет проходить в Париже, однако после было решено провести трехстороннюю встречу президентов России, Армении и Азербайджана. Встреча прошла 10-го августа 2014 г. в сочинской резиденции Владимира Путина. Россия очень оперативно отреагировала и очень быстро взяла инициативу в свои руки.¹ Результатом этой встречи стало прекращение огня и спада напряжения на линии огня. Это можно считать дипломатической победой России над США и Францией и этим Россия показала, что имеет возможности повлиять на стороны конфликта для прекращения огня. России не хотелось, чтобы вслед за западными границами, военные действия начались и у южных границ.

С 1-го по 4-е апреля 2016 г. Азербайджан, нарушив все договоренности и обязательства, предпринял неслыханную военную агрессию в отношении жителей Арцаха, в результате чего кроме военных жертвами стали старики и дети. Было очевидно, что ситуация угрожает выйти из под контроля и превратится в ширококомасштабную войну. Это не было выгодно странам сопредседателям МГ ОБСЕ, и в первую очередь России, потому что официальная Москва не хотела еще одной войны у своих южных границ. Поэтому с первых дней обострения конфликта Россия, на уровне президента страны, призвала конфликтующие стороны к миру, а премьер министр Д. Медведев прибыл с визитом с начало в Ереван, а потом в Баку. Кроме этого активен был Генштаб России, и по инициативе начальника Генштаба в Москве была организована встреча начальников генеральных штабов Армении и Азербайджана, и в результате этого было объявлено о перемирии. Разговоры о том, что с просьбой о перемирии к РФ обратились власти Азербайджана, подтвердил президент Армении Серж Саргсян во время встречи президентов стран участниц ЕЭС в Астане 31-го мая, 2016 г.²

¹ Встреча с Сержем Саргсяном и Ильхамом Алиевым, <http://www.kremlin.ru/news/46427>

² Армения намерена последовательно работать в направлении реализации венских договоренностей: президент Армении. URL: <http://www.armenpress.am/rus/news/849152/president-of-armenia-armenia-will-be-consistent-with-implementation-of-vienna-agreements.html>

В 1990-х годах США не были активны также в вопросе урегулирования грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов. Здесь решающую роль играла Россия. Отметим, что договоры о прекращении огня между грузинами и абхазами и грузинами и осетинами были подписаны только при участии России и на территории России (договор о перемирии между грузинами и абхазами был подписан с второго раза. Первый раз 3 сентября 1992 г. в Москве¹, а второй раз — 27 июля 1993 г. в городе Сочи². А грузино-югоосетинский договор был подписан 24 июня 1992 г. в Догомысе³). Однако в период президентства Джорджа Буша-младшего военная политика в регионе начала доминировать над дипломатией и экономикой. После парламентских выборов в 2003 г. в Грузии, грузинская оппозиция с помощью США совершила государственный переворот, который вошел в историю как «Революция роз» Оппозиция пришла к власти с антироссийской риторикой и с обещаниями вернуть в состав Грузии Южную Осетию и Абхазию⁴.

9 мая 2005 г. американский лидер прибыл в Тбилиси с официальным визитом. Этим США хотели подчеркнуть, что на Южном Кавказе главным партнером для официального Вашингтона является Грузия. Если к этому добавить и тот факт, что на совместной пресс-конференции американский президент поддержал территориальную целостность Грузии, то этого было достаточно, чтобы власти Грузии впали в эйфорию. Мы считаем, что главной ошибкой США в Грузии было то, что Вашингтон сделал попытку разрешить этнополитические конфликты Грузии в одиночку, без России. В США видимо забыли, что именно Российская Федерация была посредником между сторонами с первых дней конфликта. Грузии показалось, что поддержка США и наличие большого количества оружия достаточны для разрешения конфликтов военным путем. Считаем, что некоторые заокеан-

¹ Конфликт между Грузией и Абхазией. История вопроса // РИА новости. 29.12.2006. URL: <http://ria.ru/spravka/20061229/58076287.html>

² Грузино абхазский конфликт: краткая история. Справка <http://ria.ru/spravka/20080701/112698696.html>

³ Соглашение о принципах урегулирования Грузинско-Осетинского конфликта (Дагомыское соглашение от 24.06.1992), <http://www.apsny.ge/notes/1127333974.php>

⁴ Баласанян Г.А. Россия и США в процессе урегулирования конфликтов на Южном Кавказе, Вызовы для России в меняющемся мире, Мировая политика, Мировое развитие. Вып. 14. М.: ИМЭМО, 2015. С. 110.

ские советники Саакашвили уверяли его, что в случае войны Россия не будет активно вмешиваться и ограничиться только осуждающими заявлениями. Но там не учли, что после 2000 г. в России поменялась власть и что новый президент Владимир Путин делает все для защиты национальных интересов РФ. По итогам пятидневной войны Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. В связи с этим МИД РФ распространил заявление, в котором говорится, что этот шаг даст возможность для обеспечения безопасного существования абхазского и осетинского народов, а также будет способствовать развитию региона.¹

В этих событиях Россия многим неожиданно дала понять, что не намерена уходить из Южного Кавказа и что этот регион является жизненно важным для нее. Об этом Путин прямо говорил во время государственного визита в Армению 2 декабря 2013 г. Он подчеркнул, что Россия не намерена уходить из Южного Кавказа.

Запад во главе с США резко раскритиковал Российскую Федерацию за признание независимости Южной Осетии и Абхазии. Но в России поспешили напомнить Западу, что в основе признания независимости Косово лежит принцип права народов на самоопределение, а в случае независимости Южной Осетии и Абхазии был выбран принцип территориальной целостности Грузии. Запад очередной раз показал всему миру, что в международных отношениях продолжает использовать двойные стандарты.

Отметим, что в свое время Владимир Путин предупреждал США не идти на такой шаг, так как это приведет к нежелательным последствиям во всем мире. 23 февраля 2008 г. во время неофициального саммита глав СНГ, Путин заявил: «Прецедент Косово — это страшный прецедент. Он по сути дела взламывает всю систему международных отношений, сложившуюся даже не за десятилетия, а за столетия. И он может повлечь за собой целую цепочку непредсказуемых последствий»².

Противники российской политики на Кавказе обвинили ее в том, что в первые со стороны Российской Федерации была использована

¹ Обзор МИД России за 2008. URL: [http://mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65/\\$FILE/Obzor.doc](http://mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65/$FILE/Obzor.doc)

² Путин назвал провозглашение независимости Косово «страшным прецедентом». URL: <http://lenta.ru/news/2008/02/23/putin>

военная сила в отношении постсоветского государства, а также подчеркивали, что в то время Россия не обладала достаточной международной поддержкой. Соратники кавказской политики России подчеркивали, что в первые Россия не словом, а делом доказала, что имеет возможность защищать свои национальные интересы, и сумела сделать так, что во всем мире начали считаться с ней¹.

Отдельно желаем представлять дипломатическую деятельность ЕС во время событий августа 2008 г. Конечно, ЕС в лице Франции представлено в переговорном процессе по Нагорному Карабаху (Франция страна сопредседатель Минской группы ОБСЕ), однако в августовских событиях ЕС была особенно активна. Особенно отличалась Франция, так как она была страной председателем ЕС. 12 августа в Кремле состоялась встреча президентов РФ и Франции и в результате которого был принят документ, состоящий из 6 пунктов, который еще известен как план Медведев-Саркози. В тот же день Саркози прибыл в Тбилиси и в результате трудных переговоров Саакашвили был вынужден принять этот документ.² Активность Франции было связано еще и тем, что ЕС хотела показать в первую очередь США, что в регионе имеет достаточного влияния для остановки военных действий.

Очевидно, что после признания со стороны РФ независимости Абхазии и Южной Осетии, международный интерес к этим субъектом снизился. Власти Грузии понимают, что в ближайшем будущем им не удастся вернуть контроль над этими территориями. Считаем, что это понимают и в США.

Обобщая, нужно сказать, что США, РФ и ЕС продолжают использовать конфликт в Нагорном Карабахе для своих интересов на Южном Кавказе и сохранение status quo им выгодно. Однако нерешенность конфликта опасна для всего региона и это будет продолжаться то тех пор, пока стороны не подписали договор о мире. Кроме этого России следует еще больше внимание уделять такому стратегический важному региону, как Южный Кавказ. Ибо вместе с миром и стабиль-

¹ Барановски В.Г. Система международных отношений: формирование новых реалий; Глобальная перестройка / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО, 2014. С. 304.

² Саркози доволен, что Россия выполнила договоренности по отводу войск, <https://ria.ru/world/20080823/150623160.html#ixzz3I5c96kzh/>

ностью Южного Кавказа, спокойным будет и Северный Кавказ, а это для России очень важно.

Библиография

1. Ки-Вест: взлеты и падения. URL: <http://www.mediamax.am/am/news/keywest/541/>
2. Баласаян Г.А. Россия и США в процессе урегулирования конфликтов на Южном Кавказе, Вызовы для России в меняющемся мире, Мировая политика, Мировое развитие. Вып. 14. М.: ИМЭМО, 2015. С. 112.
3. Встреча глав РФ, Армении и Азербайджана началась в замке Майндорф. URL: <http://ria.ru/politics/20081102/154308118.html>
4. Саммит глав РФ, Азербайджана и Армении, который прошел сегодня в Казани, завершился без достижения договоренностей. URL: <http://www.rbc.ru/rbc-freenews/20110624212217.shtml>
5. 1. Встреча с Сержем Саргсяном и Ильхамом Алиевым. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46427>
6. Армения намерена последовательно работать в направлении реализации венских договоренностей: президент Армении. URL: <http://www.armenpress.am/rus/news/849152/president-of-armenia-armenia-will-be-consistent-with-implementation-of-vienna-agreements.html>
7. Конфликт между Грузией и Абхазией. История вопроса // РИА новости. 29.12.2006. URL: <http://ria.ru/spravka/20061229/58076287.html>
8. Грузино-абхазский конфликт: краткая история. Справка URL: <http://ria.ru/spravka/20080701/112698696.html>
9. Соглашение о принципах урегулирования Грузинско-Осетинского конфликта (Дагомысское соглашение от 24.06.1992). URL: <http://www.apsny.ge/notes/1127333974.php>
10. Баласаян Г.А. Россия и США в процессе урегулирования конфликтов на Южном Кавказе, Вызовы для России в меняющемся мире, Мировая политика, Мировое развитие. Вып. 14. М.: ИМЭМО, 2015. С. 110.
11. Обзор МИД России за 2008. URL: [http://mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65/\\$FILE/Obzor.doc](http://mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/b286e140e4b7e48ac325752e002def65/$FILE/Obzor.doc)
12. Путин назвал провозглашение независимости Косово «страшным прецедентом». URL: <http://lenta.ru/news/2008/02/23/putin>
13. Барановски В.Г. Система международных отношений: формование новых реалий; Глобальная перестройка / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО, 2014. С. 304.
14. Саркози доволен, что Россия выполнила договоренности по отводу войск. URL: <http://ria.ru/world/20080823/150623160.html#ixzz315c96kzh/>

**АЗНАЕВ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ
СИДОРОВ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ**

**СУВЕРЕНИТЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ
КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
УРОКИ «БРЕКЗИТА»**

Аннотация: в статье анализируется состояние суверенитета национальных государств в современных условиях кризиса Европейского Союза. Предстоящий выход Великобритании из Европейского Союза подтверждает тезис о том, что суверенитет национальных государств находится под их полным контролем. Динамика общественного мнения также демонстрирует кризис имиджевой политики и идентичности ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, интеграция, национальное государство, суверенитет, Брекзит.

Референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе вновь сделал актуальным анализ состояния суверенитета национальных государств в условиях кризиса интеграции. Предстоящий выход Великобритании из ЕС испытает на прочность самый успешный интеграционный проект современности. Кроме того «Брекзит» показал, что национальный суверенитет остается важнейшим элементом государственности, с которым национальные государства не спешат расставаться.

Государственный суверенитет всегда стоял в центре внимания политической науки. В настоящее время вокруг данного феномена также ведутся интенсивные научные дискуссии. Количество статей и монографий посвященных проблематике суверенитета исчисляется тысячами и продолжает увеличиваться. Столь значительное внимание ученых связано с актуальностью и значимостью суверенитета, как для мировой политики, так и для внутренней политики всех без исключения государств мира.

Суверенитет, определяемый как верховенство государства во внешних и внутренних делах, выступает центральным и системообразующим признаком современного государства. Известный исследователь С.Краснер выделил четыре аспекта государственного суверенитета: суверенитет взаимозависимости, внутренний суверенитет, вестфальский суверенитет и международно-правовой суверенитет¹.

¹ Krasner S. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. July 2001. Vol. 22. № 3. P. 229–251.

Суверенитет взаимозависимости связан с контролем государства своей границы. Внутренний суверенитет подразумевает наличие у государства монополии на легитимное насилие для поддержания порядка и эффективного функционирования государства. Вестфальский суверенитет связан с отсутствием внешних источников власти как де-юре, так и де-факто. Во внешней политике это означает, что государства следуют правилу не вмешательства во внутренние дела других суверенных государств. Наконец международно-правовой суверенитет означает, что суверенитет имеет значение лишь, если он признается другими суверенными государствами.

Для того чтобы наднациональные институты ЕС смогли по-настоящему составить конкуренцию национальным государствам необходимо формирование сильной общеевропейской идентичности. Неофункционалисты предсказывали появление такого рода «лояльности» как у простых европейцев, так и у организованных групп интересов. В реальности мы наблюдаем противоположную картину. Исследования Евробарометра показывают, что позитивный имидж ЕС лишь в опросах начала 2007 года превысил отметку 50%. Опросы европейцев, проведенные в ноябре 2015 года, показали, что в глазах 23% опрошенных ЕС имеет негативный имидж, 37% отметили позитивный имидж, а 38% отнесли к имиджу ЕС нейтрально. 54% опрошенных высказали мнение, что их голос не учитывается в принятии решений на уровне ЕС. 41% респондентов высказали пессимистичные ожидания о будущем ЕС. Самой главной проблемой ЕС по мнению опрошенных является проблема иммиграции — на первое место ее поставили 58% респондентов¹. Следует констатировать, что у Европейского союза есть серьезные проблемы в имиджевой политике.

Большинство инструментов формирования политического имиджа (а по сути, речь идет о формировании идентичности) находятся в руках у национальных государств. Очевидно, что последние не заинтересованы в пропаганде успехов и полезности Европейского союза и распространении знаний об его устройстве.

Недавние события в Великобритании показали сложность взаимоотношений различных идентичностей в европейской политике.

¹ Данные по опросам европейцев приведены по последнему отчету Евробарометра. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/70150>, проверено 28.11.2016.

Великобритания справедливо считается государством, которое рассматривает европейскую интеграцию как серьезную угрозу своему суверенитету. Не зря в 1930 г. в своей знаменитой статье «Соединенные Штаты Европы» У. Черчилль писал: «Мы с Европой, но мы не Европа»¹. Прошло уже более 80 лет, а актуальность этой цитаты ничуть не уменьшилась, поскольку позиция У. Черчилля отражает позицию большинства британского общества.

Преградой на пути размывания суверенитета национальных государств стоят не только государственные институты как таковые, но и общественное мнение. Сама природа национального государства предполагает совмещение двух стержневых характеристик данного политического института — аппарата публичной власти и гражданской нации. Выше, основываясь на двух теориях интеграции, мы выявили, что политические институты национальных государств оберегают государственный суверенитет и даже вырабатывают механизмы его защиты на наднациональном уровне. Однако важно рассмотреть как общественная поддержка влияет на взаимоотношения национального государства и его суверенитета с одной стороны, и европейской интеграции с другой.

Для того чтобы наднациональные институты ЕС смогли понастоящему составить конкуренцию национальным государствам необходимо формирование сильной общеевропейской идентичности. Неофункционалисты предсказывали появление такого рода «лояльности» как у простых европейцев, так и у организованных групп интересов. В реальности мы наблюдаем противоположную картину. Исследования Евробарометра показывают, что позитивный имидж ЕС лишь в опросах начала 2007 года превысил отметку 50%. Опросы европейцев, проведенные в ноябре 2015 года, показали, что в глазах 23% опрошенных ЕС имеет негативный имидж, 37% отметили позитивный имидж, а 38% отнесли к имиджу ЕС нейтрально. 54% опрошенных высказали мнение, что их голос не учитывается в принятии решений на уровне ЕС. 41% респондентов высказали пессимистичные ожидания о будущем ЕС. Самой главной проблемой ЕС по мнению опрошенных является проблема иммиграции — на первое место

¹ Цит. по: Return to Normalcy Or a New Beginning: Concepts and Expectations for a Postwar Europe Around 1945. Copenhagen: Copenhagen Business School Press DK, 2008. P. 45.

ее поставили 58% респондентов¹. Следует констатировать, что у Европейского союза есть серьезные проблемы в имиджевой политике.

Большинство инструментов формирования политического имиджа (а по сути, речь идет о формировании идентичности) находятся в руках у национальных государств. Очевидно, что последние не заинтересованы в пропаганде успехов и полезности Европейского союза и распространении знаний об его устройстве.

На вопрос «Согласны ли вы с тем, что членство в ЕС подрывает британскую идентичность?» 47% опрошенных британцев ответили положительно и только 30% были не согласны. Социологи полагают, что восприятие членства в ЕС как угрозы для британской национальной идентичности может быть связано с растущим уровнем иммиграции внутри ЕС. Расширение ЕС в 2004 году привело к волне иммигрантов из Польши, Чехии, Венгрии, Словакии, Литвы и других стран Восточной Европы и Балтии в более благополучные западные страны, в том числе в Великобританию, в поисках работы. Согласно недавно опубликованным отчетам, было зарегистрировано более одного миллиона иммигрантов из восточно-европейских стран, живущих в Великобритании. Согласно опросам, 57% британцев придерживаются мнения, что при выходе из ЕС, уровень иммиграции в стране будет ниже, чем сейчас².

Однако проведение референдума о членстве в ЕС может сыграть с суверенитетом Великобритании злую шутку. По результатам референдума 62% избирателей Шотландии проголосовали за то, чтобы остаться в составе ЕС³. Поскольку общенациональное голосование показало противоположный результат, то в Шотландии резко усилились сепаратистские настроения и призывы провести референдум

¹ Данные по опросам европейцев приведены по последнему отчету Евробарометра. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/70150>, проверено 28.11.2016.

² Исследование «Насколько глубок британский евроскептицизм» проводилось независимым центром NatCen Social Research в апреле 2016 года. URL: <http://www.bsac.natcen.ac.uk/media/39024/euroscepticism.pdf>, проверено 28.11.2016.

³ Результаты голосования по регионам доступны на сайте Избирательной комиссии Великобритании. URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/elections-and-referendums/upcoming-elections-and-referendums/eu-referendum/electorate-and-count-information>, проверено 28.11.2016.

о выходе из состава Великобритании¹. Удивительным образом регионализация переплелась с проблемами европейской интеграции, и в совокупности эти процессы стали угрожать территориальной целостности Великобритании.

Современный мир, в котором глобализация, регионализация и интеграция происходят одновременно, с одной стороны, создает уникальные условия для процветания, а с другой стороны таит в себе и многие опасности для суверенитета национальных государств. Как было показано нами, процессы европейской интеграции на данный момент времени не угрожают суверенитету государств-членов Европейского союза. Во-первых, сама природа европейской интеграции является государственно-центричной. Государства объединяют суверенитет, а не передают его наднациональным институтам, используя последние лишь в своих прагматических целях. Во-вторых, это связано с теми кризисными явлениями, которые происходят на европейском континенте последние 10 лет. Формирование наднациональных центров власти, которые могли бы стать привлекательными для простых европейцев, остается все еще делом будущего. Общественное мнение также будет стоять на защите национального суверенитета, как и государственные институты. Процесс выхода Великобритании из ЕС, несомненно, заставит в ближайшем будущем пересмотреть основы европейской интеграции. Перед политической наукой также встают совершенно новые исследовательские вопросы. Современный кризис европейской интеграции требует своего научного осмысления, поскольку существующие теории интеграции создавались в совершенно другую эпоху.

Библиография

1. *Krasner S. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. — July 2001. Vol. 22. №3. P. 229–251.*
2. *Return to Normalcy Or a New Beginning: Concepts and Expectations for a Postwar Europe Around 1945. Copenhagen: Copenhagen Business School Press DK, 2008. 332 p.*

¹ Первый министр Шотландии Никола Стреджен, являющаяся лидером Шотландской национальной партии, заявила о высокой вероятности проведения второго референдума о выходе Шотландии из состава Великобритании, поскольку последняя покидает ЕС. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-36621030>, проверено 28.11.2016.

3. How deeply does Britain's Euroscepticism run? URL: <http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/39024/euroscepticism.pdf>, проверено 28.11.2016.
4. EU referendum results. URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/elections-and-referendums/upcoming-elections-and-referendums/eu-referendum/electorate-and-count-information>, проверено 28.11.2016.
5. Eurobarometer surveys. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm, проверено 28.11.2016.

ЗУБЕНКО ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: развал Советского Союза разрушил единое экономическое пространство мощнейшей державы. На фоне постсоветского упадка предлагались меры по мобилизации созидательного потенциала бывших республик. В 90 годы XX века они не имели адекватной методологической базы. В XXI веке интеграционные инициативы обрели реальное наполнение. Запуск зоны свободной торговли, создание Таможенного союза динамизировали механизм создания ЕЭП. На его основе разрабатывалась методология денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой, таможенной, тарифной политики. Развитие совместных транспортных, энергетических, информационных систем стало сущностной инфраструктурной основой интегрирующихся государств. Методологическая база и практика позволили создать ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, единое экономическое пространство, постсоветское пространство, глобализация.

Развал Советского Союза поставил под сомнение перспективы тысячелетнего русского мира. Период зыбкой неопределенности для федеративного государства на его резко сократившейся геополитической территории растянулся, как в политическом измерении, так и в геоэкономическом пространстве. Схематически он предстает двумя четко структурированными периодами.

Крушение социалистической системы хозяйствования открыло черную страницу современной истории страны. Ключевыми элементами общественной жизни стало принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР и расстрел Белого дома; утверждение олигархической системы и ее решающее влияние на политические процессы в стране; невиданный расцвет коррупции и преступности;

массовое обнищание населения и потоки беженцев; заигрывание и потакание сепаратистам; великие бедствия, порожденные кровопролитной войной на Кавказе. На евразийском пространстве власти утратили административные рычаги, финансовые ресурсы, а также способность представлять и защищать интересы российского государства. Работоспособными оставались, прежде всего, государственные функционеры, связанные с экспертным сообществом. Главным образом иностранным.

На фоне всеобщего постсоветского упадка идея, высказанная Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым 29 марта 1994 года в рамках первого официального визита в Российскую Федерацию, выглядела как системная основа, способная стать методологической базой. Прежде всего, противостоять деструктивным явлениям и элементам, а также мобилизовать созидательный потенциал на всем постсоветском пространстве. Авторский анализ строился на системе взаимосвязанных фактов и расчетов: «история дает нам шанс войти в XXI век цивилизованным путем. Одним из способов является ... реализация интеграционного потенциала инициативы по созданию Евразийского Союза, отражающего объективную логику развития постсоветского пространства и волю народов интеграции»¹. Но Россия, к таким предложениям еще не была готова.

Процесс осознания необходимости расчетливого собирания «осколков» некогда великого экономического пространства, пережившего «цивилизованный развод» республик, его составлявших, сама возможность выстраивания логических путей по возрождению взаимовыгодных экономических связей была обездвижена чередой националистических кровавых кризисов, клановых региональных противостояний, практикой расхищения общественной собственности, возведенной в ранг государственной политики, и пр. После «завлабовского» шока в России мучительно долго утверждался прагматический подход к процессу формирования нового типа взаимодействия на постсоветском пространстве.

Необходимость утверждения единого евразийского пространства, в качестве безусловной базы национального возрождения, виделась

¹ Цит. по: Мансуров Таир. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. М.: Реал-Пресс, 2011. С. 96.

чрезвычайно малому числу руководителей новообразованных государств. Во многом это было обусловлено «системой внешнеполитических предпочтения», которая утвердилась в среде бывших коммунистических лидеров национальных республик. Испытав горечь неприятия западом своих экономических систем и культурных предпочтений, часть из них сгинула в «дворцовых переворотах», другая была вынуждена постепенно утверждаться в новой/старой внешнеэкономической ориентации. Их переориентация подкреплялась выходом России из затяжного кризиса, утверждением в ней сильной «вертикали власти», решительным отстранением олигархата от политических рычагов и средств массовой информации. Решающим фактором экономического перелома стала благоприятная конъюнктура на рынках углеводородов. Авторитет России получил также качественное развитие после мюнхенской речи президента В.В. Путина. Такого рода совокупности XXI века дали возможность приступить к построению нового структурированного периода экономических взаимоотношений на евразийском континенте. В качестве объединительной интеграционной формы сотрудничества выбрано Единое экономическое пространство.

Его либеральная модель, как демонстрировал мировой интеграционный опыт, должна строиться на однотипных механизмах гармонизированной экономики, основанной на рыночных принципах с использованием международных правовых норм. Такая методологическая база делала необходимым развитие единой документарной инфраструктуры и проведения согласованной хозяйственной, прежде всего, таможенной, денежно-кредитной и валютно-финансовой политики. В этом государственные структуры видели возможность более эффективно использовать национальный производственный потенциал, формировать благоприятный инвестиционный климат, стимулировать эффективный менеджмент, проводить согласованную инновационную, а также антимонопольную политику. Сущностные основы апробировались и закреплялись в диалектически связанных единой методологической основой этапах.

Для первого этапа (с середины 1990 гг.) был характерен эмпирический метод обоснования контуров стратегии и тактики хозяйственного объединения государства СНГ. Его практическим воплощением провозглашалась зона свободной торговли (ЗСТ) как предтеча много-

уровневой экономической интеграции. В рамках подготовительного этапа происходило обоснование, утверждение, формирование законодательной базы главным образом двусторонних торгово-экономических договоренностей, которые впоследствии будут развиты и воплощены в базовые элементы Единого экономического пространства.

Поиск ключевых механизмов интеграции более высокого уровня, способных обеспечить заинтересованным государствам адекватную нормативную базу и возможности социально-экономического развития, является отличительной чертой последних 10–15 лет. Для него характерно выстраивание реперных точек в причинно-следственных мирохозяйственных связях, от которых запускались и инициировались (последовательно/параллельно) макро- и микропроцессы на евразийском пространстве. Такой подход позволил в 2014–2015 гг. перейти к законодательному оформлению и административному утверждению качественно нового типа мирового интеграционного образования — ЕАЭС.

В методологии обоснования зоны свободной торговли (1994–1995) Белоруссия, Казахстан, Россия и др. государства-участники СНГ исходили из необходимости последовательного прохождения ряда переходных этапов. В этом ключе надо рассматривать оба договора о таможенных союзах России с Белоруссией и Казахстаном (1995 г.). Накопленный здесь опыт получил оформление в Договоре об углублении интеграции¹.

Отправной точкой второго этапа, утвердившего принципы и формы хозяйствования на постсоветском пространстве, стала работа по созданию принципиально нового интеграционного явления — Таможенного союза (1999 г.), что обеспечило расширение рынка интегрирующихся стран до 170 млн потребителей, проживавших на 1/7 части планеты. Этот процесс можно рассматривать в качестве перспективной методологической базы. Его участники взяли на себя обязательство создать на основе ТС новое качество — Единое экономическое пространство (ЕЭП)².

¹ Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. ФЗ РФ от 21 мая 1996 года № 44-ФЗ.

² Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (Москва, 26.02.1999, с изм. от 10.10.2014).

Масштабная конструкция ЕЭП возводится также поэтапно. Его начальный период ставит своей комплексной целью завершить формирование ТС и единой таможенной территории. Второй — делает акцент на формирование общего (внутреннего) рынка: товаров, услуг, капитала и труда. Такой метод предполагал процедуру согласования общей экономической политики, создание единой инфраструктуры, а также завершение гармонизации законодательства сторон, которые, собственно, и обеспечивают запуск механизма ЕЭП. Методология последующих этапов исходит из необходимости согласования уже параметров основных макроэкономических показателей.

Функционирование рынка в этих условиях делает возможным проявление синергетического эффекта, формирование условия стабильного развития и структурной перестройки экономики, мобилизацию большого числа административно-хозяйственных ресурсов, обеспечивающих динамику повышения жизненного уровня населения. Расчетливое проведение согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой, таможенной и тарифной политики делает возможным построение единой финансовой системы, основанной на структурах национального потребления, как производственного, так и социального. Развитие совместных транспортных, энергетических и информационных систем выступает еще одной сущностной инфраструктурной основой, объединяющей интегрирующиеся государства. Наконец, создание общей системы мер государственной поддержки приоритетных отраслей и предприятий, производственной и научно-технологической кооперации позволяет намечать общую прогностическую основу, а также определять социально-экономическую динамику конкретных стран.

Новый Договор о зоне свободной торговли государств СНГ (октябрь 2011 г.) не только совершенствовал законодательную базу и практику трансграничного перемещения товаров. Его положения нацелены на обеспечение качественной степени участия интегрирующихся стран в системе МРТ. Регулирующим органом этого процесса выступил особый наднациональный орган — Комиссия Таможенного союза. Сфера ее деятельности усилена не только за счет расширения набора экстенсивных составляющих (ставок таможенных пошлин, уточнения товарной номенклатуры ВЭД, введения тарифных льгот, квот и т.д.). Комиссия имеет рычаги для проведения процедурных

действий при принятии комплекса, как специальных защитных, так и компенсационных мер на территории Таможенного союза в отношении третьих стран. Это позволило к началу 2012 г. разработать договорно-правовую базу Таможенного союза, которая уже насчитывала к этому времени более 70 международных договоров. На ее основе заработал Таможенный кодекс. После чего, естественно, была ликвидирована система таможи на внутренних границах Белоруссии, Казахстана, России. Таким образом, образовалась единая таможенная территория.

Процесс формирования единого экономического пространства, адекватный современной международной практике, раскрывался посредством принципа «четырёх свобод», который, в свою очередь, сочетался с рекомендациями по координации экономической политики на макро- и мезоуровнях. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), в качестве постоянно действующего наднационального регулирующего органа (с ноября 2011 г.) обеспечивает функционирование и перспективное развитие интеграционного процесса на ЕЭП. В расчёте на эту перспективу с 2012 г. введены 17 базовых международных договоров. Каждый из них, до образования ЕАЭС, имел знаковое значение, выраженное посредством рамочных параметров.

Прежде всего, соглашение о конкуренции¹ определяло параметры антимонопольного регулирования и ограничивало масштабы государственного вмешательства. Его главная цель — формирование «единой конкурентной политики для обеспечения свободного перемещения товаров, услуг и капитала, свободы экономической деятельности и эффективного функционирования товарных рынков на единой таможенной территории государств-участников Таможенного союза, гармонизация законодательства Сторон в области конкурентной политики и недопущения действий, способных оказать негативное влияние на взаимную торговлю Сторон».

Соглашение о правилах поддержки аграрного сектора² регламентировало правительственную практику цены продукции, в соответствии с которой уровень дотаций не может превышать 10% размера валовой цены сельхозпродукции. Отдельной областью договорных

¹ Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции. ФЗ от 11.07.2011 № 185-ФЗ.

² Соглашение о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства». ФЗ от 11.07.2011 г. № 177-ФЗ

отношений стали субсидии в индустриальной сфере¹ как способ выравнивания промышленного потенциала интегрирующихся стран. Соглашение о регулировании ценообразования в железнодорожном сегменте² регламентировало работу бизнеса посредством единой тарифной политики, что существенно ограничивало выборочное субсидирование национальных производителей. Соглашение о торговле услугами и инвестиционной практике³, хотя допускало ряд изъятий, но было принципиально ориентировано на режим наиболее благоприятствуемой нации. В основу соглашения о защите интеллектуальной собственности⁴ положен наработанный Россией опыт, который позволил утвердить региональную международно-договорную базу в этой чрезвычайно актуальной для нынешней стадии НТП, сфере. Соглашение о техническом регулировании⁵ стало отправной точкой для разработки технических регламентов, утверждение которых поручалось Комиссии. В качестве одного из знаковых способов борьбы с коррупцией следует рассматривать соглашение о государственных закупках⁶, которое устанавливало принципы открытости при их организации и проведении.

В качестве одного из ключевых, но болезненных, следует рассматривать соглашение о статусе мигрантов⁷, либеральный порядок применения которого позволил посредством логически связанного с ним соглашения о противодействии нелегальной миграции⁸ отменить

¹ Соглашение о единых правилах предоставления промышленных субсидий. ФЗ от 11.07.2011 № 187-ФЗ.

² Соглашение о регулировании доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 173-ФЗ.

³ Соглашение о торговле услугами и инвестициях государствах — участниках Единого экономического пространства. ФЗ от 11.07.2011 № 181-ФЗ

⁴ Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности. ФЗ от 11.07.2011 № 179-ФЗ.

⁵ Соглашение о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации. ФЗ от 27.06.2011 № 152-ФЗ

⁶ Соглашение о государственных (муниципальных) закупках. ФЗ от 11.07.2011 № 176-ФЗ

⁷ Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей. ФЗ от 11.07.2011 № 186-ФЗ

⁸ Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. ФЗ от 11.07.2011 № 178-ФЗ

принцип квотирования и выдачу обязательных разрешений для их работы. Его продолжением стала выработка коллективных мер, направленных на противодействие нелегальной трудовой миграции из третьих государств.

Ряд соглашений надо рассматривать в качестве методологической системы мер по координации макроэкономической политики. При этом некоторые из договоренностей принимались в качестве неких «предохранительных клапанов» с учетом трудноразрешимых противоречий, с которыми столкнулся Европейский союз. Речь, прежде всего, идет о введении участниками ЕЭП с 2013 г. макроэкономических ограничений, связанных с предельно допустимым значением дефицита госбюджета, госдолга, уровня инфляции¹.

Перспективы углубленного участия в системе МРТ потребовали переосмысления подходов применения валютной политики. Подписанное соглашение² рассматривается в качестве долгоиграющей «дорожной карты». Оно предполагает поэтапную унификацию правил, снятие ограничений, гармонизацию национальных законодательств в области МВК и ФО стран-участниц ЕЭП. Определение совместных принципов валютной политики обусловило установление основ для трансграничного движения капитала³. Речь идет о тех принципах, что разрабатывались в Европейском союзе в течение десятилетий. С учетом накопленного международного опыта сторонники евразийской интеграции определяли специфику работы на валютном рынке, на рынке ценных бумаг, в области страхования. Создание современной организационно-информационной базы здесь позволит активно использовать опыт международных институтов.

Одним из пионерных проектов в интеграционном процессе на евразийском пространстве стала система мер по регулированию деятельности естественных монополий. Необходимость их функционирования в ближайшей перспективе не подвергается сомнению. При этом они оказывают разнонаправленное влияние на перспективы ре-

¹ Соглашение о согласованной макроэкономической политике. ФЗ от 11.07.2011 № 182-ФЗ

² Соглашение о согласованных принципах валютной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 184-ФЗ

³ Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала. ФЗ от 11.07.2011 № 175-ФЗ

форм и их параметры. С учетом различий производственных направлений и степени развития в интегрирующихся странах было принято соглашение о естественных монополиях¹. В качестве его логической составляющей выступило соглашение об услугах естественных монополий².

Центральным производственным элементом ЕАЭС является энергетическая сфера. Основной акцент здесь предполагает реализацию двух направлений. Первый ориентирован на меры по выравниванию уровней промышленного производства интегрирующихся государств, что предполагает преимущественный доступ к источникам сопредельных стран. Второй — акцентирует внимание на практике ценообразования и тарифной политики. В качестве другой сопредельной составляющей энергетической сферы регулирования рассматривается соглашение по газу³. Реализация принципа «обеспечение доступа к газопроводам» предполагает единые права для различных хозяйствующих субъектов, независимо от владения/не владения трубопроводной магистралью. При этом каждому государству предварительно надо решить проблему «равнодоходных цен на газ». Наконец, соглашение о нефти⁴ в условиях ликвидации количественных ограничений и вывозных пошлин на углеводороды устанавливает единый порядок при их экспорте в третьи страны.

Ускоренная реализация третьего этапа позволила перейти на высочайший уровень евразийской интеграции. Договор о ЕАЭС⁵ характеризуется на основании признаков международной региональной организации. Его методологическая правосубъектность, выстроенная в соответствии с нормами международного права, определяется

¹ Соглашение о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий. ФЗ от 11.07.2011 № 183-ФЗ

² Соглашение об обеспечении доступа к услугам естественных монополий сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 174-ФЗ

³ Соглашение о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 172-ФЗ

⁴ Соглашение о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. ФЗ от 11.07.2011 № 189-ФЗ

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе. ФЗ от 03.10.2014 № 279-ФЗ.

диалектическим развитием первоначальных соглашений. Подавляющая часть этих документов утратила силу с 2015 г., в соответствии с Договором «О Евразийском экономическом союзе» от 29 мая 2014 г., в котором они получили свое новое методологическое развитие.

На основании провозглашенных два десятилетия назад принципов и исходя из существующих реалий, Договор зафиксировал основные цели Союза: «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики».

К моменту подписания Договора не был решен ряд важных методологических проблем. Вследствие того что Евразийская экономическая комиссия и Евразийский экономический суд не располагают такими ключевыми многонациональными факторами управления, как контроль за соблюдением договоренностей, то подписанное соглашение во многом имеет компромиссный характер. В этом случае окончательное решение «по спорам» откладывается до его рассмотрения на уровне Совета глав государств. Среди ключевых направлений, требующих дальнейшей конкретизации и утверждения в качестве договорной базы, стоят вопросы создания единого финансового регулятора, политики в области торговли энергоносителями, практика применения «изъятий и ограничений». Принятие решений по ним отложено до 2025 года.

В целом к 2030 году результаты развития ЕАЭС должны отразить степень мировой конкурентоспособности интеграционного объединения. Союз должен быть активно представлен в трансформационном мировом процессе «в складывающейся уже в настоящее время системе «интеграция интеграций» — системе взаимодействия и решения глобальных проблем на уровне интеграционных объединений. Если в краткосрочном и среднесрочном периодах предполагается использование имеющихся ресурсов и текущих конкурентных преимуществ государств-членов, то долгосрочное развитие ЕАЭС будет способствовать совершенствованию структуры экономик государств-членов (доставление экономик за счет создания в результате интеграции новых сегментов рынка) и строиться на лучших

практиках регулирования для повышения конкурентоспособности экономики»¹.

Библиография

1. Мансуров Таир. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. М.: Реал-Пресс, 2011. 320 с.
2. Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. ФЗ РФ от 21 мая 1996 года № 44-ФЗ.
3. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (Москва, 26.02.1999, с изм. от 10.10.2014).
4. Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции. ФЗ от 11.07.2011 № 185-ФЗ.
5. Соглашение о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства». ФЗ от 11.07.2011 г. № 177-ФЗ.
6. Соглашение о единых правилах предоставления промышленных субсидий. ФЗ от 11.07.2011 № 187-ФЗ.
7. Соглашение о регулировании доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 173-ФЗ.
8. Соглашение о торговле услугами и инвестициях государства — участниках Единого экономического пространства. ФЗ от 11.07.2011 № 181-ФЗ.
9. Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности. ФЗ от 11.07.2011 N 179-ФЗ.
10. Соглашение о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации. ФЗ от 27.06.2011 № 152-ФЗ.
11. Соглашение о государственных (муниципальных) закупках. ФЗ от 11.07.2011 № 176-ФЗ.
12. Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей. ФЗ от 11.07.2011 № 186-ФЗ.
13. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. ФЗ от 11.07.2011 № 178-ФЗ
14. Соглашение о согласованной макроэкономической политике. ФЗ от 11.07.2011 № 182-ФЗ.
15. Соглашение о согласованных принципах валютной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 184-ФЗ.
16. Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала. ФЗ от 11.07.2011 № 175-ФЗ.
17. Соглашение о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий. ФЗ от 11.07.2011 № 183-ФЗ.
18. Соглашение об обеспечении доступа к услугам естественных монополий сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 174-ФЗ.

¹ Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28. М., 2015. С. 4.

19. Соглашение о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики. ФЗ от 11.07.2011 № 172-ФЗ.
20. Соглашение о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. ФЗ от 11.07.2011 № 189-ФЗ.
21. Договор о Евразийском экономическом союзе. ФЗ от 03.10.2014 № 279-ФЗ.
22. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28. М., 2015. 68 с.

КУДУСОВ ХУДЖАМУРОД САФРАЛИЕВИЧ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные направления защиты геополитических интересов Китая в Центральной Азии, которые в последние годы реализуются за счет наращивания мягкой силы. В статье также дается краткий обзор геополитических интересов Китая в Центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, геополитические интересы, мягкая сила, безопасность.

Известно, что Китай усиливает свою геополитическую позицию в Центральной Азии с помощью политико-дипломатических, финансово-экономических и культурно-гуманитарных инструментов и этот процесс последние годы активно наращивается в условиях трансформации нового мирового порядка. Кроме того в условиях мирового экономического кризиса КНР активно и успешно использует свои возможности по поддержке развивающихся стран, которые сильно нуждаются в финансово-экономических поддержках. Такая ситуация усиливает процесс зависимости стран-партнеров от КНР, особенно стран Центральной Азии.

Наращивание влияния Китая в Центральной Азии, привязывание Пекином региона к собственному развитию, прежде всего, за счет финансирования в регионе строительства инфраструктурных объектов, расширения китайского участия в освоении природных ресурсов, использования потенциала ШОС. По общей протяженности китайская связь с Центральной Азией сопоставима только с российской, а по чис-

лу региональных государств, с которыми КНР имеет здесь общую границу, эта связь превосходит российскую. С учетом Афганистана Китай географически соприкасается четырьмя из шести стран региона, что суммарно составляет 2 908 км. Разумеется, такая географическая основа не может не порождать вовлеченных китайских интересов безопасности в этот регион и поведенческую функциональность соответствующей взаимозависимости КНР с государствами Центральной Азии¹.

Сохранение и дальнейшее развитие экономического проникновения Китая в регион усилит зависимость стран Центральной Азии от этого партнера. Китай при проведении своей политики в Центральной Азии, руководствуется теми же принципами, что и в других регионах мира. С одной стороны, Пекин оценивает в регионе спектр проблем, формирующих угрозы и вызовы национальной безопасности КНР, а с другой — учитывает открывающиеся возможности для решения стратегически значимых для Китая вопросов. Первый принцип связан с сохранением «трех сил зла» — угроз терроризма, экстремизма и сепаратизма, которые в свете вывода основного контингента войск США/НАТО из Афганистана могут существенно обостриться как в Центральной Азии, так и на западе КНР. Второй принцип в большей степени прикован к поиску КНР дополнительных источников углеводородов, которыми богат регион, а также приоритетам Пекина по обеспечению сбалансированного развития западных и восточных регионов Китая².

Последние годы Китай превратился в главного инвестора в регионе. Так например, на территории Таджикистана успешно действует ряд проектов с участием китайского капитала. Сфера инвестирования КНР впечатляет: телекоммуникации, сельское хозяйство, строительство, текстильная промышленность и т.д. Но в целом, внешняя политика КНР в отношении республик Центральной Азии, в том числе Таджикистана, преследует стратегические цели: укрепление своих позиций в приоритетных отраслях экономик стран региона³.

¹ *Эйвазов Дж.* Китай в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность / Дж. Эйвазов // *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 13. 2010. № 1. С. 9.

² *Голишников О.* Центральная Азия на прицель Китая: последствия для России [Электронный ресурс] / О. Голишников // *Россия в глобальной политике*. URL: <http://www.globalaffairs.ru/studconf/Tcentralnaya-Aziya-na-pritcele-Kitaya-posledstviya-dlya-Rossii-16693>

³ *Додихудоев Х.* Китайский вектор во внешней политике Таджикистана / Х. Додихудоев // *Центральная Азия и Кавказ*. 2009. №2 (62). С. 144.

Китай и без зоны свободной торговли довольно стремительно наращивает торгово-экономическое взаимодействие с центральноазиатскими государствами, при этом формат их сотрудничества доведен до «стратегического партнерства». За последний 20 лет товарооборот между Китаем и государствами региона вырос практически в 100 раз. Как заявил заместитель министра коммерции КНР Цзян Яопин, если в 1992 г. объем двусторонней торговли между КНР и центральноазиатскими странами был на уровне 460 млн долл., то к 2012 г. этот показатель увеличился до 46 млрд долл. Как уже было отмечено, Китай и страны региона подняли формат двустороннего сотрудничества до «стратегического партнерства». В таких условиях укрепляются геополитические позиции Китая в Центральноазиатском регионе¹.

С точки зрения культуры и цивилизации разница между народами Китая и Центральной Азии очень велика. Но данная проблема решается путем культурной политики Китая и формированием мягкой силы в регионе. Известно, что в 2002 году Китай начал использовать опыт других стран в распространении национальных языков и начал создавать за рубежом центры по продвижению китайского языка. В рамках государственной программы создания международных курсов китайского языка под названием «Моста китайского языка» Китай запланировал основать за рубежом 100 таких центров. В 2004 году центры по продвижению китайского языка и культуры получили официальное название — «Институт Конфуция». Первый институт Конфуция был открыт в 2004 году. Но по состоянию конца 2010 года в мире уже действовало 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах и регионах мира, за этот период число зарегистрированных слушателей составило 360 тыс. человек. В настоящее время почти в 126 странах и регионах мира функционируют около 600 китайских Институтов Конфуция. Согласно официальным данным, в средних школах по всему миру организованы более 850 классов Конфуция. Напоминаю, что Институты Конфуция являются некоммерческими организациями, которые впервые были созданы в 2004 году. Они призваны распространять за рубежом китайские культуру и язык.

¹ Голишников О. Центральная Азия на прицель Китая: последствия для России [Электронный ресурс] / О.Голишников // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/studconf/Tcentralnaya-Aziya-na-pritcele-Kitaya-posledstviya-dlya-Rossii-16693>

Сегодня в мире около 100 млн человек изучают т.н. «путунхуа» («официальный диалект китайского языка»), что более чем в 4 раза превышает показатель десятилетней давности.

В настоящее время в странах Центральной Азии, за исключением Туркменистана, функционируют 11 Институтов Конфуция и более 12 классов Конфуция.

Казахстан: в настоящее время в Казахстане функционируют 4 Института Конфуция при Казахстанском национальном университете им. Ал-Фараби, Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева, Актюбинском государственном педагогическом университете и Карагандийском государственном техническом университете.

Кыргызстан: В Кыргызстане действуют 3 Института Конфуция при Бишкекском гуманитарном университете, Кыргызском национальном университете и Ошском государственном университете. С февраля 2011 г. в Дипломатической академии МИД КР функционирует Класс Конфуция по изучению китайского языка при Институте Конфуция.

Узбекистан: в Республике Узбекистан в 2005 году открылся Узбекско-китайский институт имени Конфуция на базе Ташкентского государственного института востоковедения. Второй Институт Конфуция был открыт в 2014 году при Самаркандском государственном институте иностранных языков.

Таджикистан: В рамках соглашения Шанхайской организации сотрудничества в 2009 году в Таджикистане был открыт первый Институт Конфуция. Второй Институт Конфуция открылся при Горно-металлургическом институте Таджикистана (ГМИТ) в городе Чкаловске Согдийской области. Институт будет заниматься подготовкой специалистов в горно-металлургической и нефтяной промышленности. Здесь будут проходить языковые курсы, в том числе и изучение китайского языка.

Также следует отметить, что в конце сентября этого года в городе Урумчи на северо-западе КНР прошел форум представителей вузов Китая, стран Центральной Азии и экономического пояса Шелкового пути. В форуме приняли участие более 100 ректоров, проректоров и представителей множества вузов из 7 государств.

Основным итогом форума стало создание Союза университетов Китая и стран Центральной Азии. Членами Союза стали более 50 вузов этих стран.

Предполагается, что создание Союза расширит образовательное сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии. В дальнейшем будут осуществляться студенческие обмены, совместные образовательные проекты, льготная политика в сфере студенческих обменов, выдача двойных дипломов, воспитание международных талантов.

Также при помощи этого Союза Китай рассчитывает открыть в центральноазиатских странах новые Институты Конфуция в дополнение к уже имеющимся. Также будут учреждены совместные научно-исследовательские центры, платформы для сотрудничества международных «мозговых центров» и будут открыты исследовательские центры по междисциплинарным проблемам¹.

Таким образом, основная стратегия сети Институтов Конфуция и классов Конфуция является максимальное развитие мягкой силы Китая и его культурное влияние за рубежом, и расширить присутствие Китая в целевых странах, поощрять позитивное восприятие политики Китая и имидж в международном сообществе и зарубежных обществ. Кроме того, цели включают популяризацию глобального имиджа Китая и противодействие конкурентов в сфере мягкой силы на государственном уровне.

Библиография

1. Голишиников О. Центральная Азия на прицель Китая: последствия для России [Электронный ресурс] / О.Голишиников // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/studconf/Tcentralnaya-Aziya-na-pritcele-Kitaya-posledstviya-dlya-Rossii-16693>
2. Додихудоев Х. Китайский вектор во внешней политике Таджикистана / Х. Додихудоев // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 2 (62). С. 138–151.
3. Эйвазов Дж. Китай в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность / Дж. Эйвазов // Центральная Азия и Кавказ. Т. 13. 2010. № 1. С. 8–22.
4. Вузы России, Казахстана и Туркменистана объединили ... китайцы [Электронный ресурс] // Каспийские новости. — URL: <https://casp-news.ru/news/kazakhstan/vuzy-rossii-kazakhstana-i-turkmenistana-obedinili-kitaytsy> (дата обращения: 15.10.2016).

¹ Вузы России, Казахстана и Туркменистана объединили ... китайцы [Электронный ресурс] // Каспийские новости. URL: <https://casp-news.ru/news/kazakhstan/vuzy-rossii-kazakhstana-i-turkmenistana-obedinili-kitaytsy> (дата обращения: 15.10.2016).

ТАРАСОВ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ —
ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ¹

Аннотация: Евроатлантическая интеграция в Балтийском регионе на разных своих этапах демонстрировала различающиеся внешнеполитические эффекты. Нынешнее внутреннее состояние Евросоюза и сложности политического и экономического развития других частей континента существенно ограничивают внешнеполитические возможности ЕС. Существенной проблемой Европейского Союза является обеспечение коммунитарного (наднационального) единства. Процесс евроатлантической интеграции сегодня стимулирует конфронтационное поведение акторов международных отношений в Балтийском регионе, ведет к деградации форм регионального сотрудничества.

Ключевые слова: Балтийский регион, международные отношения, европейская интеграция, НАТО.

Одной из важнейших тенденций развития Западной Европы в послевоенные годы было стремление к экономической, политической и военной интеграции. В ней нашла свое выражение объективно существующая историческая тенденция к интернационализации хозяйственной жизни, политики, науки, культуры, стремление народов к взаимному сближению и сотрудничеству.

Сразу после окончания Второй мировой войны в Балтийском регионе не существовало никаких военно-политических или экономических групп стран при относительно развитых двусторонних отношениях между отдельными государствами. При этом нельзя безапелляционно утверждать, что в тот период здесь идейно доминировал СССР. Сталинской модели агрессивного продвижения собственных интересов со стороны СССР (как в Восточной Европе) вполне успешно противостояла модель нейтралитета шведских социал-демократов, почти непрерывно с 1936 г. находившихся у власти. Шведская внешнеполитическая доктрина уже в середине 1940-х стала ориентиром для финляндской политической элиты². Термин «финляндизация» нередко используется в негативной коннотации, как

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01209.

² Громыко А.А., Плевако Н.С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 14.

проявление слабости и неготовности к сопротивлению перед лицом агрессии, как представляется, в большей мере характеризует другую сторону внешней политики послевоенной Финляндии — стремление к удержанию суверенитета, чего не удалось добиться прибалтийским республикам накануне и в ходе Второй мировой войны.

В 1945–1955 гг. в Балтийском регионе происходило активное формирование военно-политических и экономических блоков и группы нейтральных стран. Драматургия «германского вопроса» в 1949 г. привела к образованию двух новых политических систем. Раскол Германии определил линию военно-политического размежевания формирующихся блоков стран в Балтийском регионе. В январе 1949 г. СССР наряду с другими странами «народной демократии», включая Польшу, учредили Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), который в последующем стал финансовой и торгово-экономической опорой отношений между странами социализма. Западные пределы СЭВ в Балтийском регионе были установлены вступлением в международную организацию Восточной Германии в 1950 году.

Чрезвычайно значение для продвижения евроатлантической интеграции было учреждение в апреле 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО). Единственным балтийским государством — учредителем НАТО стала Дания. Рубежным шагом на пути оформления конфигурации акторов балтийской политики стало присоединение Западной Германии к НАТО в мае 1955 года.

К середине 1950-х гг. в регионе Балтийского моря была сформирована конфигурация двух блоков и нейтральных стран, противоречивые отношения которых, определяли региональную повестку дня международной политики вплоть до конца «Холодной войны». Так или иначе, проблема обеспечения безопасности государств Балтийского региона с началом функционирования НАТО (1949) и ОВД (1955) была институализирована и получила вполне операциональные решение в рамках доктрины взаимного сдерживания. Стремление США включить ФРГ в военную структуру НАТО объективно способствовало активизации Западной Германии на поле европейской и мировой политики.

Характер международных отношений в Балтийском регионе заметно изменился в 1970-е годы, которые характеризуются разрядкой глобального противостояния. В частности, существенное влияние

оказала «восточная политика» Вилли Брандта, федерального канцлера ФРГ. Как замечает В. Яжомбек, «восточные договоры» открыли возможность интенсивного политического диалога, социального обмена и экономического сотрудничества для «народных демократий» не только с ФРГ, но и со Швецией, Данией, странами Западной Европы¹.

Другим примером вклада балтийских стран в дело укрепления международного мира в реалиях «Холодной войны» являются усилия политиков и дипломатов Швеции и Финляндии по подготовке и реализации Хельсинкского процесса, увенчавшегося подписанием в августе 1975 г. Заключительного акта. Р.И. Хасбулатов отмечает роль Урхо Кекконена, президента Финляндии, подчеркивая, то, что итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе не исчерпал своего потенциала и поныне². Модель добрососедских отношений стран Балтийского региона продвигалась в 1970–1980-е гг. как вариант устройства Европы в будущем.

Конечно, былая модель небезупречна и была отягощена многими проблемами взаимопонимания. Так, в период «Холодной войны» отношения между СССР и странами «Общего рынка» развивались исключительно на двухсторонней основе. Советское руководство рассматривало Европейские сообщества в качестве экономического придатка НАТО. Политика разрядки во второй половине 1980-х гг. поставила вопрос о возможности сотрудничества Сообществ и Совета экономической взаимопомощи. С началом «Перестройки» в СССР сложились политические условия для оформления отношений Сообществ со странами СЭВ. Летом 1988 г. в Люксембурге была подписана декларация об установлении таких отношений.

В начале 1990-х гг. Сообщества открывают новую страницу в своей истории. Завершение строительства единого внутреннего рынка поставило проблему углубления интеграции. На повестку дня был вынесен вопрос о валютном и политическом союзе западноевропей-

¹ Jarzabek W. Polska Rzeczpospolita Ludowa wobec polityki wschodniej Republiki Federalnej Niemiec w latach 1966–1976: Wymiar dwustronny i międzynarodowy. W-wa, 2011. S. 29.

² Хасбулатов Р.И. 40-летие Хельсинкского заключительного акта: настоятельная необходимость СБСЕ-2 // Международная торговля и торговая политика. 2015. № 4 (4). С. 12.

ских государств. В начале 1990-х гг. перед Евросоюзом остро встал и вопрос пространственного расширения. Стоявшая перед ЕС дилемма — расширение за счет новых членов или углубление, т.е. интенсификация процесса интеграции в рамках ее пятнадцати участников, была решена в пользу первого положения.

Очередной этап расширения, органически связанный с предыдущими, произошел уже после образования Европейского союза (1992). Три государства — Австрия, Финляндия и Швеция с 1 января 1995 г. стали членами ЕС. Необходимо отметить, что вступление в ЕС нейтральных стран стало возможным только после распада СССР и исключительно благодаря доброй воле политического руководства России, проявленной во время переговоров по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (1994).

Иначе сложилась судьба расширения НАТО на восток. С 1999 г. и по сей момент происходит расширение альянса за счет бывших стран «народной демократии» и республик СССР вопреки позиции России. Данное обстоятельство влияет на диверсификацию позиций участников процесса евроатлантической интеграции, в т.ч. в Балтийском регионе. Развитие единой внешней политики Европы зависит, в первую очередь, от характера отношений с Соединенными Штатами и НАТО. Если во времена «Холодной войны» политика Сообществ в отношении США и НАТО в сфере безопасности была во многом сходной по своему содержанию, то на рубеже XX-XXI вв. различия стали существенными. Наиболее рельефно расхождения выявила натовская агрессия против Югославии (1999).

Традиционно НАТО рассматривается в качестве проводника американской политики в Европе, а ЕС опирается на механизмы НАТО в обеспечении собственной безопасности. Вступление в 2004–2007 гг. в ЕС двенадцати европейских стран, а в 2013 г. Хорватии, изменило саму геометрию интеграционного пространства. Расширение предполагало вступление в ЕС большого числа стран Центральной и Восточной Европы, имеющих существенные отличия в социально-экономическом и политическом устройстве. В связи этим необходимо было разработать ряд страховочных принципов, провести институциональную реформу, изменить порядок принятия решений, представительства стран-членов в органах Союза. Кроме того, требовалось изыскать значительные финансовые ресурсы для оказания

помощи интегрирующимся странам и изменить ряд направлений в общей политике ЕС. Даже к настоящему моменту эти проблемы не имеют действенного решения.

Развитие европейского интеграционного пространства в начале XXI века существенно меняет облик Европы. Возникают новые проблемы и рождаются новые решения. Внутренне состояние Евросоюза и сложности политического и экономического развития других частей континента существенно ограничивают внешнеполитические возможности ЕС. Как представляется, существенной проблемой нынешнего Европейского Союза является обеспечение коммунитарного (наднационального) единства.

Удивительным образом процесс евроатлантической интеграции сегодня стимулирует конфронтационное поведение акторов международных отношений в Балтийском регионе (Польша, Литва, Латвия, Эстония), ведет к деградации форм регионального сотрудничества (упадок формата еврорегионов, Совета государств Балтийского моря), подрывает традиционно ограниченное участие в коммунитарной (ЕС) и союзнической (НАТО) политике Дании, Швеции и Финляндии. Заметно возрастает экономическая и политическая роль Германии в регионе. Маловероятно, что НАТО, ЕС и Россией в среднесрочной перспективе в Балтийском регионе может быть вновь востребована модель стабильного взаимодействия времен Вилли Брандта и Урхо Кекконена, которая характеризуется логикой взаимной обеспеченной безопасности, экономического сотрудничества и социального диалога.

Библиография

1. Громько А.А., Плевако Н.С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2 (68).
2. Хасбулатов Р.И. 40-летие Хельсинкского заключительного акта: настоятельная необходимость СБСЕ-2 // Международная торговля и торговая политика. 2015. № 4 (4).
3. Jarzabek W. Polska Rzeczpospolita Ludowa wobec polityki wschodniej Republiki Federalnej Niemiec w latach 1966–1976: Wymiar dwustronny i międzynarodowy. W-wa: Inst. studiów polit. PAN, 2011.

ХАЛАНСКИЙ ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

КИРГИЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ФОРМАТЕ ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: статья посвящена проблемам и перспективам функционирования Кыргызской Республики в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

Ключевые слова: Кыргызстан, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), проблемы, перспективы.

В августе 2015 г. Кыргызстан ратифицировал соглашение о присоединении к Евразийскому экономическому союзу, став его полноправным членом. Для Кыргызстана вступление в ЕАЭС есть не просто какой-то вынужденный или принудительный шаг, это вопрос выживания. Большинство экспертов справедливо полагают, что вступление Кыргызстана в ЕАЭС обусловлено в большей степени экономическими, чем политическими реалиями. Как отмечает премьер-министр Кыргызстана Темир Сариев, «вхождение республики считается исторически важным решением. Если бы Кыргызстан не вступил в этот интеграционный союз, то в стране была бы более сложная обстановка»¹.

Действительно, Кыргызстан сталкивается с большими экономическими проблемами, решение которых может дать полноправное участие в интеграционном проекте, свободный доступ к союзным рынкам, а также финансовую помощь со стороны России, Казахстана и союзных структур, включая Евразийский банк развития.

Кыргызстан, присоединившийся к Евразийскому экономическому союзу, предварительно выторговав себе довольно значительный список преференций, получив от России 300 млн в Фонд развития на «выравнивание» экономической кривой, и списание почти полмиллиарда долларов старых долгов. Нужно отметить, что почти все партии Кыргызстана на прошедших осенью прошлого года парламентских выборах основными своими целями называли укрепление интеграционных связей с Россией и другими членами ЕАЭС, зная, что избиратели отдадут свои голоса за стабильность и развитие экономики, за открытые границы и свободу передвижения. И конечно

¹ Т. Сариев: вхождение Кыргызстана в ЕАЭС — оправданное решение. URL: (31 января 2016).

за масштабные проекты типа строительства целого каскада ГЭС в верховьях Нарына, которые обещают не только светлое будущее, но рабочие места в небогатое настоящее.

Можно представить себе разочарование электората, когда Президент страны Алмазбек Атамбаев объявил о необходимости денонсировать это самое соглашение о строительстве ГЭС. Народу объяснили просто: у России возникли серьезные трудности и ей не до кыргызских ГЭС. Конечно, вспомнили, что условия того соглашения о строительстве были не очень выгодные для Кыргызстана. При этом, конечно, параллельные проекты и вливания в учет не брались. Кыргызскую сторону изначально не устраивал порядок кредитования, иными словами, льготного кредита под низкий и чисто символический процент, к какому здесь привыкли, получить не удалось. Не устраивал и предполагаемый состав правления проекта, в котором большинство мест россияне оставляли за собой до полной окупаемости объекта. Не устраивал и срок окупаемости, который, к слову, зависит и от тарифной политики самого государства. Известно, в Кыргызстане самые низкие тарифы на электроэнергию — для бытовых нужд населения 1 киловатт-час — менее 1 сома (1 рубля). Противники этого соглашения возмущались еще и тем, что российская сторона желает еще и прибыль получить. И только потом передать каскад Кыргызстану в полное владение. И это при том, что кыргызская сторона входила в проект не только землей, но и водой.

Надо признаться, денонсация соглашения встревожила и расстроила только электорат, эксперты-политологи и специалисты-энергетики с самого начала не верили в возможность реализации этого глобального проекта¹. И не потому, что его возведение требовало больших капиталовложений, а потому, что хорошо знали сложившуюся практику решения подобных вопросов.

Категорически против этого проекта выступал соседний Узбекистан, опасавшийся, что с возведением еще одного гидроэнергетического комплекса он может лишиться поливной воды в вегетационный период (водохранилища сбрасывают воду в зимний период,

¹ Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Российской Федерации о строительстве и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1, о строительстве и эксплуатации Верхне-Нарынского каскада гидроэлектростанций подписано 20 сентября 2012 года в городе Бишкеке.

когда высока потребность в электроэнергии), и никакие заверения в обратном его не могли разубедить. К слову, кыргызские энергетики так и считают, что это соседи тормозили реализацию проекта.

Политологи видят еще ряд причин. Одни утверждают, что Россия просто опасается делать масштабные инвестиции в политически неустойчивый, революционно непредсказуемый Кыргызстан. А все обещания тесного взаимодействия и сотрудничества с Россией — не более чем предвыборный PR-ход для утверждения во власти партии президента и его самого. Симпатии и настроения большинства кыргызстанцев по целому ряду причин всегда были и остаются на стороне России.

Другие склонны считать, что основной причиной охлаждения России к этому проекту стала практика пересмотра ранее заключенных инвестиционных договоров по другим проектам. Всем известна конфликтная ситуация по золоторудному месторождению Кумтор, где кыргызская сторона требует от канадской стороны пересмотра условий договора вплоть до национализации всего объекта. И только сложные условия производства, и высокий международный статус канадской компании, не дают пока кыргызской стороне желаемых результатов в этом споре.

Президент Кыргызстана поставил перед правительством непростую задачу: решить с Россией все вопросы по денонсации и найти нового инвестора. Вопросы начали решать. Создана и приступила к работе комиссия Жогорку Кенеша (парламента КР) по проверке строительства Верхненарынского каскада ГЭС. Глава комиссии, депутат Алмамбет Шыкмаматов посетил поселок каскада и заявил, что сумма в \$37 миллионов, потраченная на строительство объектов, завышена вдвое¹.

Самая трудная задача — найти нового инвестора. Вообще-то выбор не велик, учитывая кризисные явления в экономике, переживаемые даже недавно еще процветающими странами. В экспертных кругах строят разные предположения: одни видят инвесторов на Аравийском полуострове, предполагая, что это может быть одна из арабских стран, другие смотрят на ближайшего соседа — Китай, третьи отдают предпочтение Турции, где в Анкаре 21–22 января 2016 года прошел

¹ \$37 миллионов Кыргызстан должен вернуть ОАО «Русгидро» в течение 6 месяцев после денонсации соглашения. По договору строительством ВНК должны были заниматься ОАО «Электрические станции» и ОАО «Русгидро».

бизнес форум «Кыргызстан». В Торгово-промышленной палате Турецкой Республики министр экономики Кыргызстана Арзыбек Кожошев, Чрезвычайный и Полномочный посол Кыргызстана Ибрагим Жунусов и другие официальные лица встретились с тогдашним премьер-министром Турции Ахмедом Давотоглу, министром торговли и таможни Бюлентом Тьюфенкчи и с 150 бизнесменами этой страны.

Министр экономики Кыргызстана заверил собравшихся, что в Кыргызстане созданы благоприятные условия для инвесторов и правительство даже готово снизить налоги для турецких бизнесменов. В ответ министр торговли и таможни Турции заявил, что турецкая сторона заинтересована в развитии торгово-экономических отношений между двумя странами, и, если правительство Кыргызстана еще упростит ведения бизнеса для турецких предпринимателей, то Турция всегда готова оказать поддержку Кыргызстану. Между министерством экономики Кыргызстана и министерством торговли и таможни Турции были подписаны три соглашения по усилению торгово-экономических отношений и меморандум о строительстве промышленной зоны. Турецкое правительство, без сомнения, заинтересовано в создании промышленных зон в Кыргызстане, который является членом Евразийского экономического союза, учитывая сложные взаимоотношения Турции с Россией¹.

Руководитель проекта «Улучшение инвестиционного климата» Международной финансовой корпорации Сергей Осаволук озвучил итоги специального исследования, проведенного в Кыргызстане. Оказалось, что 80% инвесторов признались, что самыми большими барьерами для ведения бизнеса в КР являются коррупция, низкая прозрачность и непредсказуемость действий правительства. 43% опрошенных инвесторов называют коррупцию крайне значимым фактором. 41,6% респондентов отмечают непредсказуемость действий правительства страны. 62% не устраивает уровень общественного порядка и безопасности, а 40% опасаются экспроприации. 39% обижаются на дискриминацию иностранных инвесторов².

¹ Синяев Д. Россия — Кыргызстан: Стратегическое партнерство или внешнеполитические игры? // URL: <http://www.imperiyaneews.ru/details/db85ba51-4403-4e45-b58c-e362f22a65dc> (17 февраля 2016)

² «Коррупция и непредсказуемость властей», — Киргизия в зеркале СМИ // URL: <https://regnum.ru/news/polit/2069542.html> (02.02.2016).

Кыргызские аналитики сравнивали российское участие в экономике страны с турецким и пришли к выводу, что различия весьма ощутимые. Российские инвестиции в Кыргызстан несопоставимы и по размерам, и носят стратегический характер, работая в жизненно важных отраслях экономики. Турецкий бизнес носит в основном торговую направленность, нацелен на быструю оборачиваемость и высокие доходы.

Рост ВВП Кыргызстана осуществляется преимущественно за счет трудовых мигрантов и золотодобычи, в первую очередь проекта национального масштаба «Кумтор», вокруг которого в настоящее время идут споры между официальным Бишкеком и иностранными инвестором канадской компанией **Centerra Gold**¹. Несмотря на скандально сложившуюся ситуацию, предприятие продолжает работать, и даже наращивать производство (+76% в январе–апреле 2015 г. по отношению к тому же периоду в 2014 г.). Другие отрасли промышленности и сельского хозяйства республики переживают стагнацию (рост за тот же период +1% / +1,5%)².

Основной сектор экономики Кыргызстана составляет сфера услуг – примерно половина ВВП страны. Львиная доля сектора приходится на реэкспорт, транспортировку и перепродажу товаров китайского производства в страны СНГ. Однако в последние годы данный сектор экономики претерпевает кризис в связи с созданием Таможенного союза и усилением контроля на границе с Республикой Казахстан, параллельно идет блокирование основного потока товаров из Узбекистана. В результате, крупные реэкспортные рынки «Дордой» и «Карасуу» переживают спад товарооборота. Интеграция в рынок ЕАЭС, естественно, не решает данную проблему, она лишь способна перенести контроль с казахской границы на киргизскую, где за ввоз китайских товаров будут взиматься определенные сборы в рамках единой системы тарифов.

Большинство специалистов склонны считать, что те льготы и уступки, которые были предоставлены Кыргызстану в рамках согла-

¹ Владелец золотоносного рудника «Кумтор» прокомментировал обыск в офисе // URL: <http://www.stanradar.com/news/full/20645-vladelets-zolotonosnogo-rudnika-kumtor-prokomm-entiroval-obysk-v-ofise.html> (29.04.2016).

² В Москве подписаны документы о вхождении Кыргызстана в ЕАЭС // URL: http://www.vb.kg/doc/312563_v_moskve_podpisany_dokumenty_o_vhojdenii_kyrgyzstana_v_eaes.html (8 мая 2015).

шения, составляют рекордное и несопоставимое количество по сравнению с переходными положениями при вступлении в ЕАЭС Казахстана (Россия и Беларусь имели развитые механизмы кооперации еще до создания ТС) и условиями членства в ЕАЭС для Армении, то есть Кыргызстан получил временных преференций значительно больше, чем другие члены ЕАЭС¹.

Переход Кыргызстана на новые экономические рельсы неизбежен, поскольку поток реэкспортных товаров в последние годы всё больше переориентируется на Казахстан, где создается транспортный канал «Запад — Восток», соединяющий рынки КНР и ЕС, перевозки по железнодорожному полотну которого гораздо удобнее и экономичнее, чем через Кыргызстан, где скорость транспортировки лимитируется пропускной способностью и состоянием автодорог.

Система отношений с ЕАЭС, основанная на экспорте рабочей силы, не может отвечать интересам республики, так как ведет к деградации собственной экономики, научно-конструкторской сферы и даже государственных институтов. Поэтому Кыргызстан должен определить, какие товары он может представить на едином рынке ЕАЭС, кроме труда собственных граждан, которые связывают ожидания от вступления в ЕАЭС с улучшением положения трудовых мигрантов в России и Казахстане, количество которых в настоящий момент составляет сотни тысяч человек, а их банковские переводы соответствуют сумме 16,5% ВВП КР (2014)².

Если комплексно взять конкурентные преимущества экономики страны, то можно выделить следующие сферы: текстильная промышленность, горнодобывающая отрасль, сельское хозяйство, металлургия. Развитие горнодобывающего сектора во многом зависит от наличия в республике месторождений полезных ископаемых, включая золото и редкоземельные металлы. Надо сказать, разработка месторождений ведется, но в большинстве своем они простаивают в связи с неблагоприятным инвестиционным климатом в республике.

Сельское хозяйство Кыргызстана является одним из перспективных секторов экономики в силу климатических факторов, благопри-

¹ Кыргызстан официально вступил в Евразийский экономический союз // URL: <http://www.fergananews.com/news/23361> (12 мая 2015).

² Султанбекова С. Кыргызская Республика и Республика Армения в составе ЕАЭС: проблемы и перспективы // URL: [kyrgyzstan/kyrgyzskaya-respublika-i-respublika-armeniya-v-eaes-probl-i-perspekt/11619](http://kyrgyzstan.kyrgyzskaya-respublika-i-respublika-armeniya-v-eaes-probl-i-perspekt/11619) (4 июля 2016).

яствующих растениеводству, наличия пригодных почв и водных ресурсов (например, часть Ферганской долины). Но отрасль сельского хозяйства также нуждается в модернизации, из-за критического состояния данного сектора республика вынуждена импортировать ряд продовольственных товаров.

Текстильная отрасль является одним из приоритетных направлений экономики страны. Данный сектор экономики считается перспективным в связи со спросом и востребованностью товаров в «бюджетном» ценовом сегменте России и Казахстана. В рамках ЕАЭС кыргызская текстильная отрасль немного может потеснить китайскую продукцию, хотя отечественные предприятия и работают преимущественно на привозном материале (китайском или турецком). Для увеличения производства есть предпосылки, но необходимы большие стартовые капиталы. Однако в финансовой системе Кыргызстана кредиты идут преимущественно на финансирование реэкспортной сферы или отрасли услуг, а до реального производства доходят не слишком большие средства.

В настоящий момент наиболее важным моментом является готовность властей республики использовать открывающиеся перед нами экономические возможности. Для этого Кыргызстан явно нуждается в тщательно проработанной программе сотрудничества с ЕАЭС на уровне отдельных отраслей и крупных проектов. «Так, на сегодняшний день осуществляется единое таможенно-тарифное и нетарифное регулирование в торговле с третьими странами; введены единые требования в сфере технического регулирования, применения санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер; на внутренних границах государств — членов ЕАЭС отменены виды государственного контроля: таможенный, санитарный, ветеринарный, фитосанитарный, транспортный»¹.

Таким образом, 2016 год окончательно зафиксирует базовые тренды Евразийского союза, позволит выявить основные риски и внутренние противоречия, которые члены ЕАЭС обязаны будут решать в ближайший период.

¹ Ажекбаров К.А., Ишенов Б.Ч. Кыргызская Республика в составе ЕАЭС // Вестник Финансового университета. № 2. 2016. С. 119.

Библиография

1. *Сариев Т.* Вхождение Кыргызстана в ЕАЭС — оправданное решение. URL: (31 января 2016)
2. «Коррупция и непредсказуемость властей», — Киргизия в зеркале СМИ. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2069542.html> (2 февраля 2016)
3. *Синяев Д.* Россия — Кыргызстан: Стратегическое партнерство или внешнеполитические игры? // URL: <http://www.imperiyanews.ru/details/db85ba51-4403-4e45-b58c-e362f22a65dc> (17 февраля 2016).
4. Владелец золотоносного рудника «Кумтор» прокомментировал обыск в офисе. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/20645-vladelets-zolotonosnogo-rudnika-kumtor-prokomentiroval-obysk-v-ofise.html> (29 апреля 2016).
5. В Москве подписаны документы о вхождении Кыргызстана в ЕАЭС. URL: http://www.vb.kg/doc/312563_v_moskve_podpisany_dokumenty_o_vhojdenii_kyrgyzstana_v_eaes.html (8 мая 2015).
6. Кыргызстан официально вступил в Евразийский экономический союз. URL: <http://www.fergananews.com/news/23361> (12 мая 2015).
7. *Султанбекова С.* Кыргызская Республика и Республика Армения в составе ЕАЭС: проблемы и перспективы. URL: [kyrgyzstan/kyrgyzskaya-respublika-i-respublika-armeniya-v-eaes-probl-i-perspekt/11619](http://kyrgyzstan.kyrgyzskaya-respublika-i-respublika-armeniya-v-eaes-probl-i-perspekt/11619) (4 июля 2016).
8. *Ажекбаров К.А., Ишенов Б.Ч.* Киргизская Республика в составе ЕАЭС // Вестник Финансового университета. № 2. 2016. С. 119.

ЧЕРЕВЫК КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ

ТРАНСПОРТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЗНАЧЕНИЕ ПРОЕКТА ККУЖД

Аннотация: статья посвящена анализу значения проекта железной дороги «Китай-Киргизия-Узбекистан» (ККУЖД) в процессе транспортной интеграции в Центральной Азии. Автор дает общую характеристику данному проекту, анализирует его значение для каждой страны-участницы, региона в целом, формулирует проблемы и вызовы, тормозящие его реализацию.

Ключевые слова: Киргизия, Китай, Узбекистан, железная дорога «Китай-Киргизия-Узбекистан», ККУЖД, Центральная Азия, транспортная интеграция.

Создание и развитие железнодорожной инфраструктуры в странах, регионах, частях света, безусловно, имеет огромное значение, прежде всего с военно-политической и экономической точки зрения. Железнодорожный транспорт обеспечивает единство экономического пространства, свободное перемещение товаров и услуг, является

инструментом достижения социальных, экономических, внешнеполитических и других целей любой страны¹. Транснациональные железнодорожные проекты затрагивают интересы, как стран-участниц, так и соседних стран, влияя на региональные и международные отношения. При этом это влияние может быть как положительным, так и отрицательным.

В евразийском регионе, особенно в Центральной Азии, сегодня активно идут интеграционные процессы, прежде всего в транспортной сфере. Странами этого региона, прежде всего Россией и Китаем, региональными союзами (например, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ), а также другими заинтересованными внешнеполитическими игроками (ЕС, США) предпринимаются попытки создания международных транспортных коридоров, транспортных союзов и т.п. В данной статье будет рассмотрен проект создания одного из таких транспортных коридоров, а именно железной дороги «Китай-Киргизия-Узбекистан» (далее ККУЖД).

Идея строительства ККУЖД возникла в 1996 г., когда китайское правительство объявило об официальном начале прокладки Южно-Синьцзянской железной дороги². Уже в конце 1996 г. в Ташкенте прошла первая встреча представителей Китая, Узбекистана и Киргизии по вопросам проведения исследовательских работ и составления предварительного технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта³. Правительства трех стран создали тогда совместную экспертную группу и рабочую комиссию, которые провели первоначальные исследовательские работы на территории своих государств по изучению жизнеспособности и осуществимости данного проекта⁴.

Говоря о важности ККУЖД для стран-участниц, региона Центральной Азии в целом, отметим, что для Китая она является состав-

¹ *Липатов В.А.* Механизм согласования интересов государства и предпринимателей при разработке и реализации промышленной политики. М.: МЭСИ, 2012. С. 4.

² Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» / ГП «НК Кыргыз темир жолу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kjd.kg/ru/investment-projects/>

³ . *Лапенко М.В.* Проект строительства железной дороги Китай-Узбекистан и транспортная система Киргизии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. № 2. Т. 14. С. 95.

⁴ Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» / ГП «НК Кыргыз темир жолу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kjd.kg/ru/investment-projects/>

ной частью реализации другого масштабного регионального проекта «экономический пояс Шелкового пути», озвученного нынешними китайскими властями во главе с Си Цзиньпином. Проектируемая магистраль имеет особое значение для дальнейшего развития транспортной системы Евразийского континента. Она призвана в перспективе соединить китайские железные дороги с Узбекистаном и далее через Афганистан выйти, с одной стороны, на Иран и Ближний Восток, с другой — присоединиться к проекту железнодорожной магистрали Турции с выходом на европейскую сеть железных дорог¹. Что касается ближних целей, то они для Китая заключаются в следующем: экспорт китайских товаров на рынки Киргизии и Узбекистана, использование киргизского железнодорожного сообщения для импорта в Китай узбекских углеводородов, а из Киргизии — редкоземельных металлов, железной, медной и алюминиевой руд, угля и урана, усиление своего влияния на эти страны, регион в целом².

Киргизия ожидает от проекта, прежде всего, создания цельной железнодорожной сети, соединяющей север и юг страны³. Таким образом, будет сформирована отсутствующая на сегодня внутригосударственная железнодорожная сеть, обеспечивающая надежную транспортную связь между всеми регионами страны⁴. Кроме того, успешная реализация проекта означала бы выход Киргизии из транспортного тупика, поступление значительных средств в бюджет страны за счет сборов от транзита (по расчетам киргизских специалистов — это около 200 млн долл. США в год), а также рост налоговой базы в результате развития экономики республики⁵.

¹ Каукунов А. Транспортная стратегия Китая в Прикаспийском регионе [Электронный ресурс] (дата публикации: 20.03.2014). Режим доступа: <http://casfactor.com/ru/int/15.html>

² Пале С. Киргизия и китайский «Новый Шелковый путь» [Электронный ресурс] (дата публикации: 03.09.2015). Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/09/03/kirgiziya-i-kitajskij-novy-j-shelkovy-j-put/>

³ Рахимов К. Строительство транскыргызской железной дороги «Чуй-Фергана». Бишкек, 2012. С. 2–3.

⁴ Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» / ГП «НК Кыргыз темир жолу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kjd.kg/ru/investment-projects/>

⁵ Рахимов К. Строительство транскыргызской железной дороги «Чуй-Фергана». Бишкек, 2012. С. 23–28.

Что касается Узбекистана, то помимо прибыли от транзита благодаря ККУЖД еще более усилится влияние этой страны в регионе¹. В случае реализации данного проекта это государство избавится от коммуникационной зависимости от соседнего Таджикистана, а также выйдет на рынки Юго-Восточной Азии².

Преимущества ККУЖД для всех стран-участниц заключаются в том, что строительство дороги привело бы к стимулированию освоения и использования их природных ресурсов³, активизация международной торговли, туризма и экономического сотрудничества в целом⁴. Также ККУЖД позволила бы сократить путь товаров из Восточной Азии в страны Ближнего Востока и Южной Европы на 900 км, а сроки транспортировки — на 7–8 суток. Все это способствовало бы развитию транспортной инфраструктуры стран Центральной Азии и предоставлению нового удобного выхода к портам Персидского залива и Тихого океана⁵.

Тем ни менее, несмотря на двадцать лет переговоров, проект ККУЖД до сих пор не реализован. Это связано с рядом проблем и вызовов. Выделим основные из них:

- Проблема финансирования ККУЖД. Смета проекта только с 2000 по 2012 гг. возросла с 900 тыс. до 4 млрд долл. США. Отсутствие у киргизской стороны необходимых финансовых средств на реализацию проекта, но при этом наличие большого желания его осу-

¹ Озерски П., Омуркулова-Озерска Э. Китайско-кыргызское сотрудничество: прекрасные перспективы, а будут ли практические действия? [Электронный ресурс] (дата публикации: 26.02.2016). Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1456463940>

² Киргизия: Под китайским ножом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/print/news/6337/>

³ Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» / ГП «НК Кыргыз темир жолу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kjd.kg/ru/investment-projects/>

⁴ Правительство Кыргызстана не одобрило ТЭО по проекту строительства железной дороги Китай-Узбекистан-Кыргызстан (дата публикации: 22.04.2013) / Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/15617/>

⁵ Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» / ГП «НК Кыргыз темир жолу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kjd.kg/ru/investment-projects/>

ществить, привели к фактической зависимости Киргизии от одной из стран-партнеров по переговорам — Китая¹.

- Угроза для национальной и региональной безопасности Киргизии и Узбекистана, региона Центральной Азии в целом. Так, в 2009–2012 гг. киргизское правительство вело тайные переговоры о передаче Китаю ряда своих месторождений в обмен на китайские инвестиции в ККУЖД на своей территории, что было несовместимо с национальной безопасностью страны². Ряд экспертов полагает, что ККУЖД создаст военную угрозу со стороны Китая странам Центральной Азии в целом³.
- ККУЖД составляет конкуренцию не только для казахско-российского транзита, а также для транзитных проектов, обходящих Россию⁴.
- Реализация проекта ККУЖД может усилить влияние Узбекистана на Киргизию (особенно на южные регионы этой страны), а также на другие страны региона⁵.
- Нестабильная внутривнутриполитическая ситуация в Киргизии, пережившей за последние десять лет две «цветные революции».
- Техническая проблема — вопрос ширины колеи будущей магистрали. Китай настаивал на том, чтобы дорога имела европейскую ширину колеи, а Киргизия — российскую (советскую), которая была общей для всех постсоветских государств. В итоге только в 2015 г. Китай и Киргизия решили данный вопрос, выбрав второй вариант⁶.

¹ Рахимов К. Строительство транскыргызской железной дороги «Чуй-Фергана». Бишкек, 2012. С. 28.

² Черевык К.А. Угроза национальной безопасности Киргизии в связи с киргизско-китайскими переговорами о строительстве железной дороги «Китай-Киргизия-Узбекистан» // ООН и современные проблемы геополитических реалий: актуальные проблемы безопасности: Мат-лы IV Всероссийской ежегодной научно-практической конф. памяти Дага Хаммаршельда / Под общ. ред. С.Ю. Нарциссовой, В.В. Попадейкина. М.: МНЭПУ, 2016. С. 127–129.

³ Рахимов К. Строительство транскыргызской железной дороги «Чуй-Фергана». Бишкек, 2012. С. 27.

⁴ Озерски П., Омуркулова-Озерска Э. Китайско-кыргызское сотрудничество: прекрасные перспективы, а будут ли практические действия? [Электронный ресурс] (дата публикации: 26.02.2016). Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1456463940>

⁵ Симонян Ю. Москва кусает рельсы [Электронный ресурс] (дата публикации: 24.01.2015). Режим доступа: <http://geo-politica.info/moskva-kusaet-rely.html>

⁶ Бегалиева Н. Для железной дороги Китай-Кыргызстан выбрали российскую ширину колеи // Вечерний Бишкек [Электронный ресурс] (дата публикации: 25.02.2015). Режим доступа: http://www.vb.kg/doc/304479_dlia_jeleznoy_dorogi_kitay_kyrgyzstan_vybrali_rossiyskyu_shiriny_kolei.html

Библиография

1. *Бегалиева Н.* Для железной дороги Китай-Кыргызстан выбрали российскую ширину колеи // Вечерний Бишкек [Электронный ресурс] (дата публикации: 25.02.2015). Режим доступа: http://www.vb.kg/doc/304479_dlia_jeleznoj_dorogi_kitay_kyrgyzstan_vybrali_rossiyskuu_shiriny_kolei.html
 2. *Каукенов А.* Транспортная стратегия Китая в Прикаспийском регионе [Электронный ресурс] (дата публикации: 20.03.2014). Режим доступа: <http://casfactor.com/ru/int/15.html>
 3. *Киргизия: Под китайским ножом* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/print/news/6337/>
 4. *Лапенко М.В.* Проект строительства железной дороги Китай-Узбекистан и транспортная система Киргизии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. № 2. Т. 14. С. 94–99.
 5. *Липатов В.А.* Механизм согласования интересов государства и предпринимателей при разработке и реализации промышленной политики. М.: МЭСИ, 2012. 130 с.
 6. *Озерски П., Омуркулова-Озерска Э.* Китайско-кыргызское сотрудничество: прекрасные перспективы, а будут ли практические действия? [Электронный ресурс] (дата публикации: 26.02.2016). Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1456463940>
 7. *Пале С.* Киргизия и китайский «Новый Шелковый путь» [Электронный ресурс] (дата публикации: 03.09.2015). Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/09/03/kirgiziya-i-kitajskij-novu-j-shelkovy-j-put/>
 8. Правительство Кыргызстана не одобрило ТЭО по проекту строительства железной дороги Китай-Узбекистан-Кыргызстан. Дата публикации: 22.04.2013 / Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/15617/>
 9. Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» / ГП «НК Кыргыз темир жолу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kjd.kg/ru/investment-projects/>
 10. *Рахимов К.* Строительство транскыргызской железной дороги «Чуй-Фергана». Бишкек, 2012. 123 с.
 11. *Симонян Ю.* Москва кусает рельсы [Электронный ресурс]. Дата публикации: 24.01.2015. Режим доступа: <http://geo-politica.info/moskva-kusaet-relsy.html>
 12. *Черевик К.А.* Угроза национальной безопасности Киргизии в связи с киргизско-китайскими переговорами о строительстве железной дороги «Китай-Киргизия-Узбекистан» // ООН и современные проблемы геополитических реалий: актуальные проблемы безопасности: Мат-лы IV Всероссийской ежегодной научно-практической конф. памяти Дага Хаммаршельда / Под общ. ред. С.Ю. Нарциссовой, В.В. Попадейкина. М: МНЭПУ. 2016. С. 127–130.
-

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ

БАРСКИЙ ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: бурное развитие электронных средств коммуникаций в середине 2000-х годов оказало существенное влияние на способы и характер коммуникации подавляющего количества граждан нашей страны. Коммуникация между российскими гражданскими активистами также претерпела значительные изменения, заключающиеся не только в электронном, но и сетевом характере коммуникации. В статье были рассмотрены кейсы: общество «Синие ведерки», общественное движение «Мусора. Больше. Нет» и «Бессмертный полк», показывающие динамику использования гражданскими активистами различных Интернет-ресурсов и процесс образования локальных сетевых сообществ гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская активность, сетевая гражданская активность.

Способы и характер коммуникаций играют определяющую роль в деятельности любых общественных объединений. Наиболее отчетливо это прослеживается в напряженных и конфликтных ситуациях, которые можно увидеть в деятельности экологических, градозащитных или протестных гражданских кампаний. На сегодняшний день в своей деятельности гражданские активисты все чаще используют электронные формы коммуникаций, которые осуществляются, главным образом, в социальных сетях в Интернете и на персональных Интернет-сайтах активистов. Особенность такой формы коммуникации объясняется ее эффективностью: быстрый, беспрепятственный доступ к информации и дешевизна использования. В целом, электронные формы коммуникации доказали свою эффективность в качестве инструмента, повышающего уровень общественной значи-

мости проблемы, разрешаемой общественными организациями или гражданскими активистами путем рекрутирования и мобилизации значительного количества человек в деятельность кампании. Другими словами, гражданская активность россиян начинает приобретать сетевой характер коммуникации.

Несмотря на более чем полувековую историю исследования сетей, свое современное смысловое наполнение оно приобрело лишь в конце двадцатого — начале двадцать первого века. История исследования, теоретизации и появления сетей как категории политической науки берет свое начало с 1954 года, когда британский социолог Дж. Барнз¹ опубликовал в статье результаты исследования взаимоотношений членов одного из норвежских островных приходов. Ученый определил наиболее стойкие классовые, родственные и дружеские связи как «социальную сеть». Его определение социальной сети было довольно обширным, включая практически всю совокупность человеческих взаимоотношений, ограниченных степенью их постоянства (устойчивости).

Продолжателем исследовательской работы Барнза стал другой британский ученый — Э. Ботт², который в 1957 году применил понятие социальной сети к исследуемым им семьям рабочих. Ботт сделал предположение о том, что семейные взаимоотношения осуществляются не в рамках социальной группы, а в рамках «сети», понимая под ней структуру, имеющую сложную систему взаимоотношений.

Впоследствии научный интерес к изучению социальных сетей проявили Дж. Клайд Митчелл³ и С.Ф. Надель⁴, но исследовательский прорыв произошел в 1980-х годах, когда социальная сеть стала пониматься как определенная совокупность взаимодействующих людей, обладающая базовыми принципами связности и децентрализованности⁵. Принцип

¹ *Barnes J.* Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 39–58.

² *Bott E.* Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families. L.: Tavistock Publications, 1957.

³ *Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф.* Социальная технология сетевого взаимодействия // *Общество. Техника. Наука: На пути к теории социальных технологий*. М.: Альфа-М, 2012. С. 301–317.

⁴ *Nadel S.F.* The Theory of Social Structure. L.: Cohen and West, 1957.

⁵ *Олескин А.В.* Сетевые структуры в биосистемах // *Журнал общей биологии*. 2013. Т. 74. № 2. С. 112–138.

связности в данном случае означает степень взаимозависимости элементов коммуникации сети, а принцип децентрализации — наличие в сети значительного количества лидеров, центрирующих активность и относительную социальную однородность элементов сети.

Одними из наиболее ярких теоретиков сетевого общества является М. Кастельс, изложивший свои подходы к сетевому обществу в трудах: «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»¹ и «Галактика Интернет»². «Сетевое общество» Кастельса — это понятие, показывающее не только степень развитости и роль электронных средств коммуникации в современном обществе, но и изменение общественных отношений в процессе пользования ими. Сетевые формы коммуникации стали эффективнее иерархических форм, что привело к постепенному вытеснению последних.

Практика применения сетевых моделей коммуникаций представителями российского гражданского общества прослеживается со второй половины «нулевых», когда граждане, образующие собой сообщества, начали активно отстаивать свои права. Наиболее яркой кампанией, построенной на сетевой модели коммуникации, стали автолюбители, наиболее активные из которых создали общество «Синие ведерки»³, которое боролось с «мигалками» (проблесковыми маячками) на автодорогах. Деятельность общества также была направлена на разрешение ряда других проблем, с которыми сталкиваются автомобилисты, а именно: принятия поправок к закону «Об ОСАГО», повышения топливного акциза, борьба с коррупцией в рядах сотрудников ДПС и др. В своей деятельности гражданские активисты активно использовали возможности электронных коммуникаций. Сеть Интернет стала пространством и инструментом для демонстрации результатов деятельности активистов, привлечения новых членов общества, организаций гражданских активистов с целью проведения мероприятий.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

³ Соколов А.В., Фролов А.А. Протестная активность в субъектах РФ и построение межрегиональных сетей // Актуальные проблемы современности: Материалы 7-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир» / Отв. ред. Д.В. Буяров. 2013. С. 163–167.

Движение «Мусора. Больше. Нет»¹ появилось в 2006 году по инициативе петербуржца Дениса Старки. За шесть лет существования кампания имеет своих сторонников по всей территории России, а также около ста городов-участников и более 1 000 проведенных акций по уборке мусора. Сетевая форма организации движения оказалась крайне эффективной для достижения цели гражданских активистов. Благодаря освещению деятельности гражданских активистов в СМИ, наличию персональных сообществ в социальных сетях в Интернете и знакомству гражданских активистов друг с другом, движение разрослось из малочисленной группы инициативных граждан до всероссийского масштаба.

Еще одной гражданской кампанией стал «Бессмертный полк», активисты которого проводят памятные мероприятия, посвященные погибшим или пропавшим без вести участникам Второй мировой войны. Коммуникация участников проходит, главным образом, в сети Интернет, который выступает организационным и информационным ресурсом активистов, также в персональных сообществах социальных сетей в Интернете содержится инструкция по изготовлению памятных табличек. Подавляющая часть «Бессмертного полка» — молодежь, которая, в своем большинстве является уверенным пользователем социальных сетей и других Интернет-ресурсов, что определяет эффективность их использования в деятельности.

Практика сетевой коммуникации также проявляет себя не только в форме Интернет-коммуникаций, но и в специфической форме коммуникации внутри профессиональных групп. Наиболее отчетливо это прослеживалось в протестах водителей-дальнобойщиков², возмущенных введением новой системы взимания денежных средств «Платон». На ранних стадиях развития конфликта протест водителей не был политизирован и носил неинституциональный характер, который заключался в осуждении системы «Платон» и артикуляции интересов водителей, заключающихся в отмене этой системы.

¹ Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195–198.

² Соколов А.В., Барский Я.В. Освещение протестной активности в СМИ (в 2013–2015 годы) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2 (47). С. 141–150.

В дальнейшем, когда протест перерос из межрегионального уровня на федеральный, поддержку водителям составили как политические силы — политические партии КПРФ, «Яблоко» и «ПАРНАС», так и гражданские активисты, видящие в системе взимания денежных средств потенциальную причину повышения цен на товары повседневного потребления. Коммуникация между гражданскими активистами проходила, главным образом, через социальные сети в Интернете и телефонные звонки, которые являлись эффективными ресурсами вовлечения и организации людей в протестное мероприятие. Внутри профессионального сообщества водителей-дальнобойщиков коммуникация проходила с помощью установленных в кабинках грузовых автомобилей радиостанций. Коммуникация по средству использования радиостанций оказалась действенной при организации протестных автопробегов, а также протестных мероприятий «улитка», в которых значительное количество грузовых автомобилей, придерживаясь правой полосы дорожного движения, двигалось на скорости 20–30 км/ч, нарушая или блокируя движение автомобилей в крупных окружных автодорогах, проспектах или трассах. Исходя из опыта протеста водителей-дальнобойщиков, можно отметить зарождающиеся сетевые формы коммуникаций гражданских активистов, которые наиболее быстро проявляются в профессиональных сообществах.

Современное российское гражданское общество активно использует электронные формы коммуникации, которые выступают как в качестве инструмента вовлечения граждан в деятельность гражданских активистов, организации людей, их мобилизации для участия в мероприятии, так и в качестве инструментов электронного активизма (подписание петиций, адресованных публичным политическим персоналиям или представителям бизнес-структур). Зачастую Интернет-ресурсы: социальные сети в Интернете, а также персональные Интернет-сайты частично замещают активистам информационный ресурс, как правило, с подобными сложностями сталкиваются региональные гражданские активисты и члены протестных гражданских кампаний. Опыт использования Интернет-ресурсов в разрешении общественно-значимых проблем в большинстве своем позитивен, он дает не только ощутимые результаты деятельности активистов, но и положительную мотивацию другим активистам или гражданам, стре-

мящимся проявить свою активность. Вышеперечисленные кейсы наглядно демонстрируют потенциал развития гражданской активности россиян.

К сожалению, сетевые формы организации гражданских кампаний имеют свои недостатки, которые заключаются в рекомендательном для представителей органов власти характере активизма, если рассматривать способы Интернет-активизма. Зачастую гражданские инициативы, артикулированные и представленные в форме петиций на таких Интернет-ресурсах, как, например, Change.org, остаются без обратной реакции со стороны представителей органов власти. Также сетевая гражданская активность в настоящий момент существенно сегментирована, относительно участия в ней всех социальных групп. Старшее поколение, в большинстве своем, не имеет возможностей для Интернет-коммуникации в силу отсутствия опыта использования технически сложных средств, предвзятости их использования, относительной дороговизны технических средств и подключения к сети-Интернет. Но, в целом, можно говорить о количественном и качественном росте гражданской активности в России: с одной стороны появляются новые некоммерческие организации и инициативные группы граждан, разрешающие общественно-значимые проблемы не только в крупных городских агломерациях, но и на периферии субъектов страны — в средних и малых городах, а также в сельской местности. С другой стороны идет профессионализация гражданских активистов, которая происходит по средствам их обучения в различных образовательных мероприятиях, инициируемых ресурсными центрами и представителями органов власти. Также расширяющиеся коммуникативные возможности способствуют привлечению в деятельность гражданских активистов квалифицированных граждан.

Делая прогноз развития гражданской активности в России можно сказать о двух наиболее явных тенденциях. Первая тенденция — специализация гражданской активности, когда гражданские активисты, как в форме некоммерческих организации, так и в форме инициативных групп граждан ориентируются на разрешение узких по своей проблематике задач. Другая тенденция заключается в изменении положительной мотивации к действию гражданских активистов на негативную. На этот процесс влияют множество факторов, основным из которых является «смена поколений», при которой иде-

ологические, идеализированные основы к действию уступают место рациональным. Это связано также и с истончением понятий общественных классов, и четко сегментированной общественной структуры. Общество постмодерна благоприятствует появлению значительного количества мобильных граждан, регулярно меняющих свой социальный и профессиональный статус. Мотивация к действию нового, молодого поколения россиян, в рамках гражданского активизма, может сместиться от действий, направленных на улучшение общественных отношений посредством разрешения общественно-значимых проблем к действиям, направленным на отстаивание собственных интересов, в рамках своего социального статуса.

Библиография

1. *Barnes J.* Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 39–58.
2. *Bott E.* Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families. L.: Tavistock Publications, 1957.
3. *Nadel S.F.* The Theory of Social Structure. L.: Cohen and West. 1957.
4. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195–198.
5. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. *Олескин А.В.* Сетевые структуры в биосистемах // *Журнал общей биологии*. 2013. Т. 74. № 2. С. 112–138.
8. *Соколов А.В., Фролов А.А.* Протестная активность в субъектах РФ и построение межрегиональных сетей // Актуальные проблемы современности. Материалы 7-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир» / Отв. ред. Д.В. Буяров. 2013. С. 163–167.
9. *Соколов А.В., Барский Я.В.* Освещение протестной активности в СМИ (в 2013–2015 годы) // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2016. № 2 (47). С. 141–150.
10. *Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф.* Социальная технология сетевого взаимодействия // *Общество. Техника. Наука: На пути к теории социальных технологий*. М.: Альфа-М, 2012. С. 301–317.

БЕЛЯЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ОТЛИЧИЯ ПОКОЛЕНИЯ ЭЛИТЫ ТАТАРСТАНА 2010-х гг.

Аннотация: в статье рассмотрены различия между двумя поколениями правящей элиты Татарстана, показаны возможности дальнейшей эволюции этой элиты, вызванные ее технократизмом, иным генерационным характером, спецификой выхода из маргинальности, потерей черт самостоятельной элиты и личным операциональным опытом.

Ключевые слова: генерационный характер, маргинальность, операциональный опыт, элитные качества, методология позитивизма, технократизм.

Последнее время политическая жизнь в республике снова присутствует в основных центральных СМИ. Здесь и судебный процесс над 9 членами «Чистопольского джамаата», организовавшими ряд терактов, от убийства заммуфтия РТ В. Якупова, покушения на муфтия И. Файзова до сожжения ряда церквей, подготовки и запуска самодельных ракет (типа палестинской Кассам) в завод-гигант «Нижнекамскнефтехим». Одновременно муфтият очищается от сторонников признанной экстремистской «Таблиги джамаат»¹. У всех этих событий имеется единая основа: они являются проявлениями новой политики правящей элиты Татарстана. Она довольно сильно отличается от политики 1990–2000-х гг. — как и сам президент Р.Н. Минниханов от президента М.Ш. Шаймиева. Чем же именно? Можно назвать, как минимум, пять групп отличий нынешней правящей элиты от прежней.

Первое — это разница в образе жизни и в мировосприятии соответствующих поколений. Расчеты Шаймиева на общность биографий его и Минниханова не во всем точны, ибо при этом не учтен временной лаг, разница в возрасте в 20 лет, а следовательно, и в эпохе, когда эти будущие руководители формировались: «при Катееве» и «при Табееве». Шаймиев рассказывал, что его отец, будучи председателем колхоза при Сталине, все время был между молотом плана, заставлявшего отнимать последнее у крестьян, и наковальной рядовых колхозников, и потому завещал ему «стать таким, как Катеев». Крестьяне были в полукрепостной зависимости и видели рядом лишь один канал освобождения от нее — МТС (машинно-тракторные станции), где рабочие — если хотели, то работали, а не хотели — пили и уволь-

¹ Возглавит ли Исхаков болгарскую академию и почему Миргалимов подрался с Прокофьевым? // Аргументы недели. Татарстан 2016. № 44. С. 13–14.

нялись, а от главного инженера МТС Катеева, согласно М.Ш. Шаймиеву, «зависело, сколько и какую технику дадут колхозу. ...Для нас он был, образно выражаясь, «и царь, и Бог»»¹. Потому Шаймиев и пошел учиться на только что открытый механизаторский факультет сельхозинститута как близкий ему ментально (связан с татарской деревней) и диспозиционно (единственный способ восхождения).

Аграрии той сталинской эпохи с детства не видели быстро меняющийся мир через экран ТВ, а наблюдали чередование природных циклов и зависимость от них всей жизни людей — поэтому они закономерно являются *стихийными материалистами и даже прагматиками*. Повторяемость и застойность природных и производственных процессов на селе способствуют *метафизичности* подхода к общественным процессам и убеждению в историческом *круговороте* социальных событий. Отсюда вытекают консерватизм, ретроградность, настороженное отношение к новшествам и дихотомичность сознания сельчан, предпочтение ими стабильности и достатка правам человека. Зависимость от природной стихии и социального давления города формирует повышенную лабильность, гибкость, «крестьянскую хитрость».

Минниханов формировался в иную эпоху, при 1-м секретаре Обкома Ф.А. Табееве, когда сельчане уже дышали свободнее, а индустриализация пронизывала быт крестьян: у них появились телевизоры, холодильники и даже машины — с чем и связано увлечение Минниханова автоспортом и компьютерами (он не скажет, что «говорят, у компьютера есть какой-то мышонок»). Эта технизация позволяет надеяться на остановку тренда возврата РТ к аграрному обществу. Так, Минниханов постоянно ставит вопросы компьютеризации всей профессиональной и учебной деятельности татарстанцев, модернизации производства; он полностью отказался от геронтократии, поставил молодых министров. Но жесткости со стороны Москвы при его жизни уже не было, не было и необходимости столько изворачиваться.

Второе. Личный (операциональный) опыт способен сказаться на политическом поведении отдельных элит, причем омоложение не всегда ведет к либерализации. Например, Шаймиев вынужден был

¹ Беляев В.А., Ахметшина А.А. Современные социально-политические проблемы. Казань: КНИТУ-КАИ, 2015. С. 136.

пройти через период господства «лис» в политике до 1995 г., а Минниханов вошел в политику в период правления «львов». Лисы умеют согласовывать интересы, лавировать между вышестоящим начальством и народом, способны на более или менее равноправное сотрудничество с оппозициями, причем двусторонними, горизонтальный диалог, взаимное обсуждение проблем. А львы, подчиняясь вышестоящему начальству и умело отчитываясь перед ним раз в год, в своем регионе видят лишь послушно склоненные одинаковые затылки подчиненных и способны только диктовать. Есть время, требующее лис, есть время, нуждающееся во львах. «Старый лис» Шаймиев окунулся в политику перестройки, когда ему приходилось использовать противоречия между союзной и российской властью в 1990–1991 гг., между законодательной и исполнительной ветвями российской власти в 1992–1993 гг., лавировать между национальным и демократическим движениями в Татарстане и его парламенте в 1991–1995 гг. С 1995 г. Шаймиев, победив всех и почувствовав перемену климата в стране, стал по номенклатурной традиции львом и просто убрал любую оппозицию из парламента республики, правя с тех пор самодержавно и авторитарно, однако мастерство поиска компромиссов не забывается. Другое дело — Минниханов, сформировавшийся как руководитель уже в условиях после 1995 г. и потому приобретший качества льва, знающий лишь «вертикаль власти», диктат и подчинение. Он пока не имеет жизненного опыта строительства компромиссов, не пытался слышать «глас народа», качеств лисы до настоящего времени не просматривается. Вместе с тем в ближайшее время в России и Татарстане, в частности, понадобятся именно «лисы», ибо заморозки и застои вынужденно сменяются оттепелью. Это означает, что Минниханову придется с большими усилиями вновь вырабатывать необходимые навыки «лисы» в политике. А пока мы видим лишь «рубку с плеча», когда экстремистами считаются обычные оппозиционеры-интеллигенты (но в списке экстремистов нет ни одного ваххабита), разовые акции по «борьбе с коррупцией», суды над полицейскими ОП «Дальний» (но не систематическое переустройство деятельности полиции), упрямство в возобновлении строительства АЭС без учета геологии и мнения татарстанцев. Этим порождены расхождения между действиями более лояльных к местным властям СК, МВД в РТ, с одной стороны, и ФСБ по РТ, с другой, когда первые преследуют

борцов с экстремизмом, а вторые реально борются с терроризмом, а также борьба внутри гуманитарной интеллигенции, между сходными тенденциями, когда одни (сервильно настроенные) всяко возбуждают студентов и преподавателей республики бороться против антиэкстремистски настроенных исламоведов, а другие дают свидетельские показания в СК в пользу последних. В итоге пока при поддержке властей побеждают первые.

Третье. Будучи типичными сельско-городскими *маргиналами* с социальной точки зрения, руководители РТ 1990-х и 2000-х гг. вынужденно проходят типичные формы преодоления маргинальности, не способной быть стабильной. По Э. Стоунквисту, в случае успеха индивид покидает слой маргиналов или остается частично адаптированным маргиналом. Если трудности чрезмерны или маргинальность стала привилегией, маргинальность консервируется. Урегулирование этого конфликта может осуществляться тремя способами: а) ассимиляция в доминирующую группу (характерна для татар-горожан), б) ассимиляция в подчиненную группу (конфронтация и мобилизация сельских маргиналов сначала в националистических движениях, ныне отброшенных правящей элитой, затем — в радикально-«религиозных» как более прочных), в) частичное, временное и неполное приспособление, балансирование между горожанами и сельчанами. В итоге после агрономенклатурной революции 1990-х гг. доминирующая и подчиненная группы в республиках поменялись местами и отсутствие этноакцента, раньше мешавшего продвижению, ныне минимизирует шансы на политическую и профессиональную карьеру. Поэтому элита Шаймиева так и балансировала между имитацией вхождения в городскую среду и консервацией в сельском статусе, где сохраняя двойственность сознания, а где теряя черты сельского менталитета, так и не приобретя городской культуры. А элита 2010-х гг. четко сориентировалась на третий способ, на имитацию урбанизма, что тоже не дает ей почувствовать социальную ситуацию в РТ, прежде всего в городах.

Отсюда — и непонимание традиционного ислама, предпочтение более «четкого» салафизма-ваххабизма — тогда как элита Шаймиева использовала для «запугивания» Центра лишь националистов-сепаратистов, число которых не растет. Элита Минниханова совершенно не осмысливает опасность ваххабизма, то, что его невозможно вы-

корчевать с тех позиций, которые власть ему уступила. Этим и были вызваны покушение на муфтия РТ и убийство его заместителя некоторое время назад.

Четвертое. В период нынешней централизации региональные элиты были вытеснены из федерального политического пространства, из Совета Федерации, исчезли механизм коллективного лоббирования, воздействия на Центр и горизонтальные связи между элитами регионов (замена «горизонтальной партии» ОВР на «партию Центра» ЕР), установлена одновекторная «вертикаль власти» (отменена необходимость согласия лидеров региона на назначение руководителей местных отделений силовых и иных федеральных ведомств; фактически введена назначаемость и снимаемость сверху глав регионов, ставших «завхозами», чиновниками, координаторами, спускающими указания Центра вниз и торгующимися с ним за трансферты, в ответ платя, как и раньше, обеспечением нужных Центру итогов выборов). Легитимация «снизу» заменена легитимацией «сверху». При этом лучшими стали элиты, больше выбившие средств из Центра, а не больше заработавшие, а для Центра эффективными представляются элиты вертикально ориентированные (бесконфликтно управляемые и управляющие), а не добивающиеся модернизации региона. Одновременно воссоздано единство правового и экономического пространства; из законов республик убрано большинство норм, противоречащих федеральным, — от статусных (международной правосубъектности и суверенитета) до «экономических» (о введении местных налогов и ограничений на торговлю и передвижение капитала между регионами; сокращена доля регионов в консолидированном бюджете с 54% в 1998 г. до 33,8% в 2005 г., дальше — еще меньше) и политических («специфика» избирательных и политических систем и наличие региональных партий), что ограничило амбиции элит. Контроль Центра пресек шансы сугубо криминальных групп на власть. В законодательном плане принципы взаимоотношений элит стали едиными, в финансовом же (трансферты) остались двусторонними, слабо институционализированными. «Олигархи» 1990-х уступили место «иерархам», знающим свое место. Тем самым отказ от принципов мягкой федерации приводит к стиранию различий между разными элитами, теряющими элитное качество, вновь превращающимися в филиалы федеральной элиты, ротируемые с позволения Центра.

Функции, создающие из местных начальников отдельную элиту (элементы руководства и полностью независимое от Центра управление), переходят к Москве, образуя единую авторитарную и тяжеловесную федеральную элиту с «щупальцами» в регионах. Эта неповоротливость и занятость местных властей лишь функциями «выбить, освоить и отчитаться» и вызывают запаздывание реакции на экстремизм.

Вместе с тем и в области отдельных элементов стратегии, и в сфере оперативного управления у Татарстана больше самостоятельности, чем, к примеру, у Болгарии. В частности, Татарстан — единственный регион, который сохраняет и пост президента республики, и «дружеские контакты» с Латвией, США и (в период сразу после убийства нашего летчика) с Турцией.

И последнее — пятое. Если поколение элиты Шаймиева имело и гуманитарное образование (Шаймиев закончил, помимо КСХИ, еще и ВПШ), то элита Минниханова сугубо технократична. А *естественнонаучная* составляющая образования и начального профессионального опыта объективно подталкивает элиты к неосознанно *позитивистскому* (а не *гуманитаристскому*) восприятию социальной реальности, они — прирожденные «физики», а не «лирики», что проявляется в их ориентации на признание постулатов позитивизма (прошу простить за ряд научных терминов, но в скобках я раскрою их применение элитой к нашему обществу):

1) наивный натурализм в виде упрощенческого редукционизма, органицизма и механицизма (веры в сходство законов развития природы, механизмов и общества, уверенности в *простоте и управляемости* социальных процессов, подход к людям как аналогу механизма или организма, даже — как к популяции, стаду);

2) вытекающий из предыдущего стихийный сциентизм (методы «работы с человеческим материалом» выбираются простейшие — *административно-командные и противоправные* (приказ, нажим, телефонное право, вброс бюллетеней в избирательные урны) вместо сложных экономических, политических, идеологических и психологических, что, якобы, позволяет контролировать жизнь людей, как контролируются процессы в физике и химии);

3) неосознанный бихевиоризм — *игнорируются мысли, чувства, намерения, цели, сложные конгломераты интересов людей, человек оценивается лишь по открытому поведению; при этом не учитывают-*

ся уникальные реакции людей, предполагается, что люди реагируют одинаково по сигнальной системе «стимул — реакция», аналогично собакам И. Павлова;

4) малоосмысленный верификационизм, когда правители считают себя вправе *экспериментировать* на людях, целом регионе, ставя непроверенные опыты при создании «*модели Татарстана*» и т.п., и предполагают, что действия людей суть простое производное от социальных структур;

5) квантофрения (вера в возможность измерения всех социальных явлений) при недооценке качественного анализа (интерес к *валовому производству, а не к внедрению новшеств науки, к показателям среднего уровня жизни, а не к децильному коэффициенту и к качеству жизни, к тому, что дает измеряемый эффект, а не к социальной и духовной сферам*);

6) увлечение естественнонаучной и постноменклатурной номотетикой (доходящее до *социал-дарвинизма и функционализма*), когда *игнорируются как специфика социальных законов (формационно-классовый, цивилизационный, социокультурный (понимание сдвигов в культуре, идеально-типическое моделирование общественных процессов) подходы; законы малых групп и средних социумов), так и идиография, т.е. анализ уникального, неповторяющегося — как химик не изучает процесс, если его нельзя повторить, так и правящую элиту РТ не интересуют уникальные таланты, реакции и явления*;

7) абсолютизация методов *внешнего наблюдения, сравнения* вместо феноменологизма как метода познания сущности социальных явлений;

8) объяснение вместо понимания (технократы ищут лишь причины явлений, ответ на вопрос «Почему?», как при изучении природы, а не цели действий людей, они не ставят вопрос «Зачем? Для какой цели?», без решения которого не выявить подлинной сути событий). Технократическим уклоном вызвана известная проговорка Шаймиева «А почему? А потому что». Главное в методе понимания составляет анализ субъективного смысла действия, *мотива*, вкладываемого в последний индивидом, *его намерений и цели*; для чего надо *поставить себя в положение других*, что недоступно членам технократических элит;

9) идейно-политический объективизм, ценностная нейтральность — *свобода от связи с реальными идеологиями и доктринальны-*

ми партиями, от моральной оценки последствий своих действий; от защиты отдельных базовых ценностей; ведь даже признание правительствами РТ высокого уровня бедности, неравенства или самоубийств не говорит, что они станут выкорчевывать социальные корни этих явлений или что они осудят своих подчиненных, чья деятельность привела к этому. Из позитивизма элиты вытекает ее *деидеологичность* и *инструментальный* подход к людям, отношение к ним, как к вещам и «черным ящикам», где на «входе» — простейшие стимулы, на «выходе» — нужные реакции.

Именно последним и объясняется игнорирование социальной базы ваххабизма и его идейных корней — того, что питательной средой для появления *трех тысяч ваххабитов* в РТ явились как татары, «учившиеся» в разных Саудиях, так и маргиналы — из числа сельских татар и мигрантов-среднеазиатов и кавказцев, утратившие связи со своей мудрой и благородной сельской культурой и не нашедших себя в городской среде, замещающие падение статуса уважением и самоуважением со стороны радикальных ваххабитских сект.

Библиография

1. *Беляев В.А.* Региональные политические элиты // Политическая регионалистика. Казань: Отечество, 2011. С. 62–83.
2. *Беляев В.А., Ахметшина А.А.* Современные социально-политические проблемы. Казань: Изд-во КНИТУ-КАИ, 2015. 292 с.
3. Возглавит ли Исхаков болгарскую академию и почему Миргалимов подрался с Прокофьевым? // Аргументы недели. Татарстан. 2016. № 44. С. 13–14.
4. *Дахин А.В.* Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // Полис. 2009. № 2. С. 52–59.
5. *Козлов Н.Д.* Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // Полис. 2008. № 4. С. 8–26.
6. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. 2008. №6. С. 86–97.
7. *Суханов В.М.* Башкортостан: проблемы идентичности в мультикультурном пространстве // Полис. 2008. № 4. С. 55–65.
8. *Туровский Р.Ф.* Региональные политические режимы в России // Полис. 2009. № 2.
9. *Чирикова А.Е.* Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Полис. 2008. № 6. С. 98–112.

ГОЛОВИН ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
В РАМКАХ КАДЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Аннотация: В современных условиях особое значение приобретает духовно-нравственное и патриотическое воспитание российской молодежи, повышение ее гражданской активности. Значимую роль в деле военно-патриотического воспитания юношей и девушек вносят учреждения кадетского образования. Сегодня требуется обратить внимание на совершенствовании кадетского образования, развивать систему военно-патриотического и гражданского воспитания, активно привлекать к этой работе НКО, ветеранские и молодежные организации.

Ключевые слова: гражданская активность, кадетское образование в Ярославской области, военно-патриотическое воспитание, духовно-нравственные качества молодежи.

Успешная реализация стратегии развития современной России возможна при наличии высококвалифицированных кадров, способных отстаивать национальные интересы нашей страны и обладающих высокими духовно-нравственными качествами. Высокие духовно-нравственные качества активных граждан необходимо воспитывать с раннего возраста. Важным документом для воспитания гражданской активности российской молодежи стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г., в которой в качестве одной из приоритетных задач определяется повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии².

Государственным учреждением Ярославской области «Ярославский областной молодежный информационный центр» совместно с социальными учреждениями молодежи Ярославской области в феврале-апреле 2015 года было проведено социологическое исследование, посвященное изучению гражданской позиции молодежи Ярославской области. К задачам, поставленным в ходе следования, были

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта №16-03-00394 а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года // Российская газета. 2015. 31 декабря.

отнесены: определение наиболее значимых для молодежи региона жизненных ценностей (идеалов), и ее понимания гражданственности; оценка деятельности различных социальных институтов по гражданскому воспитанию и востребованности программ гражданско-патриотической направленности со стороны молодого поколения. В данном исследовании под гражданственностью понимается степень осознания себя гражданином своей страны, соответствующее этому поведение, готовность личности активно содействовать процветанию общества. Проблемы гражданско-патриотического воспитания приобретают сегодня особую актуальность и значение. Современной России необходимо возрождение духовности, воспитание детей и молодежи в духе патриотизма, любви к Отечеству. Гражданское воспитание должно способствовать активному участию молодых граждан в решении проблем общественного развития, в стремлении способствовать развитию государственности, социально-экономической и духовной сфер, в готовности с честью нести воинскую службу в Вооруженных Силах России. Эффективная система гражданского и патриотического воспитания невозможна без учета и анализа информации о происходящих в обществе явлениях и процессах, в том числе в молодежной среде. Размер выборки исследования составил 485 человек в возрасте от 14 до 30 лет, опрошенных по пропорциональной квоте во всех муниципальных образованиях Ярославской области. Доля респондентов в возрасте от 14 до 18 лет составила 28%; от 19 до 22 лет — 33%; от 23 до 30 лет — 39%. Объективность представленных результатов обеспечивалась включенностью в выборочную совокупность представителей разных возрастных и социальных групп, проживающих во всех муниципальных образованиях, и сбалансированный гендерный состав.

Проведенное исследование показало, что большинство молодых жителей Ярославской области (60,6%) определяют патриотизм через чувство любви, уважения и чувства гордости за свою страну; для 16,7% опрошенных патриотизм — это готовность к выполнению гражданского и конституционного долга по защите Отечества; для 13,6% — это приверженность идеалам, ценностям и традициям своего народа и страны.

Большинство опрошенных молодых жителей Ярославской области (66,8%) считают, что гражданская позиция молодежи должна

проявляться в гордости за свою страну, народ. Около половины респондентов (42,9%) видят проявления гражданской позиции в защите интересов своей страны; треть (32,8%) считают, что главное — знание истории своей страны; 22,7% видят гражданскую позицию в укреплении семьи и воспитании детей в духе патриотизма; 21% — в готовности защищать свою страну с оружием в руках; 20,4% — в вере в светлое будущее своей страны; 17,3% — в ощущении гражданской, политической общности с гражданами своей национальности.

По мнению молодых респондентов, наиболее значимым институтом в воспитании любви к Родине является семья (65,2%); второе и третье места в оценке деятельности по гражданско-патриотическому воспитанию заняли образовательные учреждения и патриотические объединения (соответственно, 13,5% и 8,1%); на четвертом месте — средства массовой информации (5,2%); оценка респондентами роли ветеранских организаций в гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения на пятом месте (4,4%); на шестом месте по оценке вклада в сферу в гражданско-патриотического воспитания — органы власти 1,9%.

Результаты исследования позволили заключить вывод о том, что для воспитания гражданско-патриотических ценностей молодого поколения государству необходимо предпринять ряд мер. 61,2% молодых людей полагают, что важнее всего — воспитание чувства патриотизма у детей с ранних лет; 46% — поднятие престижа страны (в том числе и на международной арене). 39,4% участников исследования самой необходимой мерой считают воспитание патриотизма через практическое знакомство с культурой, искусством (поездки по историческим местам, знакомство с культурным наследием, встречи с ветеранами). Создание большего количества детских и молодежных кружков, клубов, общественных организаций патриотической направленности — необходимая мера для воспитания гражданско-патриотических ценностей среди молодого поколения — так считают 32,8% опрошенных; 28% полагают, что государству необходимо создать большее количество патриотических фильмов, проводить выставки, распространять художественную литературу патриотической тематики. Необходимо проводить больше фестивалей и конкурсов патриотической направленности среди молодежи, организовывать военно-спортивные игры — мнение 23,1% респондентов. Государ-

ству нужно финансировать мероприятия и акции патриотической направленности — уверены 19,6% молодежи, поддерживать деятельности военно-патриотических музеев — 14%, размещать рекламу патриотического характера на улицах города — 9,3%¹ [5, с. 187–199].

В нашей стране исторически сложилась эффективная система военно-патриотического воспитания молодежи, координатором развития военно-патриотического воспитания молодежи в Ярославской области стало Государственное автономное учреждение Ярославской области «Центр патриотического воспитания» создано постановлением Правительства Ярославской области в 2011 году на базе гарнизонного дома офицеров, упраздненного в период сердюковских реформ. Только за 2015 год на базе Центра: в преддверии 26-ой годовщины вывода советских войск из Афганистана, Дня памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества были проведены Уроки Мужества «Мы помним тебя Афганистан» для учащихся 9–11 классов общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций.

К 23 февраля — Дню защитников Отечества — ГАУ ЯО «Центр патриотического воспитания» организовал акцию «Наш выпускник — защитник Отечества». Более 30 образовательных организаций выложили на главных страницах сайтов информацию о выпускниках, принимавших участие в Великой Отечественной войне, военных действиях в Афганистане, Чеченской республике и других «горячих точках» и тех выпускниках, которые в настоящее время несут службу в Вооруженных Силах Российской Федерации или проходят срочную службу.

70-летие Победы в Великой Отечественной войне — это не просто очередная юбилейная дата, это знак нашего неравнодушия, века памяти. Спектакли и концерты, выставки — конкурсы и творческие встречи, классные часы и соревнования прошли в различных муниципальных районах нашего региона в рамках акции «Есть память, которой нет забвенья».

При поддержке ГАУ «ЦПВ» команда из Ярославской области участвовала во Всероссийской молодежной военно-патриотической игре

¹ Сборник социологических исследований в молодежной среде. Ярославль, 2015. С. 187–199

«Зарница», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., где заняла 4 место, опередив 25 команд из других регионов Российской Федерации. Конкуренция была очень высокой, для некоторых команд военная подготовка является частью обучения в вузе.

3 октября 2015 г. на территории Ярославского высшего военного училища ПВО собрались более 100 школьников со всей Ярославской области для участия в ежегодной Спартакиаде по военно-спортивному многоборью «Призывник России-2015». Юноши попробовали свои силы не только в военно-спортивных видах, но также и в интеллектуальных. Сложность видов, территория военно-стратегического объекта, непривычные погодные условия позволили участникам прочувствовать на себе все особенности военной службы. Это пригодится им в будущем, когда они станут настоящими призывниками.

11 декабря 2015 г. состоялось комплексное мероприятие, посвященное празднованию Дня Героев Отечества. Комплексное мероприятие состояло из следующих площадок: заседание Координационного совета по вопросам гражданско-патриотического воспитания в Ярославской области; Круглый стол с руководителями поисковых отрядов; Спортивные соревнования «Только вперед!»; Квест-игра «Объекты памяти»; Фестиваль межнационального сотрудничества «На одной земле». Завершающим этапом проведения комплексного мероприятия стал торжественный концерт, посвященный празднованию Дня Героев Отечества.

В 2015 году сотрудники ГАУ «ЦПВ» организовали и провели множество выездных мероприятий в сфере молодежной политики, такие как Интерактивный урок «Подвиг 6 роты 76-ой Псковской десантной дивизии», «Выездное занятие по недопущению вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность», «Выездной урок на тему «Отряды правоохранительной направленности», «У героизма нет национальности» и др. Особо стоит выделить проведение профильных палаточных лагерей: «Патриот. Гражданин. Воин» и «Народные традиции».

На базе «Центра патриотического воспитания» уже пятый год действует отряд «Правопорядок», который оказывает содействие правоохранительным и иным государственным органам, органам местного самоуправления в охране общественного порядка, в предупреждении и пресечении правонарушений, профилактике негативных явлений в

молодежной среде. Так же с сентября 2015 г. начал свою работу патриотический клуб¹.

Особое внимание уделяется поддержке кадетских школ и классов Ярославской области. 20 июня 2013 г. в государственном образовательном учреждении «Центр патриотического воспитания» состоялось межведомственное совещание «Реализация кадетского образования на территории Ярославской области», цель которого — дать стимул развитию кадетского движения в регионе и помочь решить актуальные проблемы субъектов, работающих с кадетскими классами.

В Ярославской области данному направлению уделяется особое внимание: в общеобразовательных учреждениях действуют 125 кадетских классов и групп (общевойсковые, ФСБ, МЧС, МВД, ГИБДД), в которых обучаются 1857 человек. С 1 сентября 2008 года в Ярославской области работает МОУ «Кадетская школа-интернат № 2 г. Рыбинска «Рыбинский кадетский корпус», а 1 сентября 2010 года в Ярославской области открыто МОУ «Кадетская общеобразовательная школа Ростовского района».

Однако единой образовательной программы работы с профильными кадетскими классами в области пока нет. В рамках межведомственного совещания были сформированы предложения для включения в региональный комплексный проект «Ярославский кадет». Кроме этого, обсуждались вопросы создания муниципальных базовых площадок в общеобразовательных учреждениях для совершенствования кадетского образования, а также рассматривалась тема осуществления эффективного патронажа кадетских классов специализированными ведомствами. Участниками совещания были представители ведомств, курирующих кадетские классы, руководители и кураторы кадетских классов².

В области ежегодно проводится смотр-конкурс конкурса кадетских классов Ярославской области «Ярославский кадет», Смотр-конкурс проходит с 1999 г. и число участников постоянно увели-

¹ Официальный сайт ГАУ ЯО «Центр патриотического воспитания») [Электронный ресурс]. URL: <http://срв.edu.yar.ru> / Новости декабрь 2015 — март 2016 г. (дата обращения: 11.04.2016).

² Официальный сайт ГАУ ЯО «Центр патриотического воспитания») [Электронный ресурс]. URL: <http://срв.edu.yar.ru> / Новости декабрь 2015 — март 2016 г. (дата обращения: 11.04.2016).

чивается, в начале их было всего 8, в 2013 г. Смотр-конкурс собрал 11 команд в двух возрастных категориях: 5–6 классы и 10–11 классы, представляющие г. Ярославль, г. Рыбинск, г. Переславль-Залесский, г. Углич, Гаврилов-Ямский муниципальный район, а в 2014 было уже 16 команд-участников¹.

В феврале 2016 г. по итогам совместной работы представителей Администрации Президента России, Государственной Думы, Совета Федераций, министерств и ведомств, органов исполнительной власти субъектов РФ, общественных объединений и организаций Российской Федерации, при Министерстве образования и науки создан Совет по Кадетскому образованию. Главная цель этого органа — совершенствование условий получения знаний по основам военной или иной государственной службы, в том числе государственной службы российского казачества.

Первоначальным источником педагогических концепций, на которых основываются кадетские корпуса во всем мире, были древние Афины, из которых эти концепции распространились сперва на Древнюю Грецию, а затем также и на весь эллинистический мир. Даже можно было бы сказать, что источником системы кадетского образования была афинская демократия. Однако, афинская демократия была лишь последним этапом в истории афинского полиса. Система же публичных гимназий в Афинах зародилась раньше, хотя она продолжала существовать и в последний, демократический период Афин. Кроме того, эта афинская система включала в себя многие общегреческие элементы, в первую очередь спартанские. В Спарте детей обучали уже с восьми лет, в первую очередь гимнастическим и военным предметам. Такое военнизированное обучение в Спарте продолжалось 13 лет, включая последних два походных года. Современные источники системы кадетского воспитания находятся на Руси, во Франции и в Германии. Уже в XV и XVI вв. в России существовали полки «дворянских детей», которые иногда даже принимали участие, в качестве вспомогательных частей, в военных действиях. Эти полки и являются прямыми отечественными предшественниками русских кадетских корпусов.

¹ Молодежный портал Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molportal.ru/> (дата обращения: 10.04.2016).

Император Петр Великий основывает в России в 1701 г. Морскую кадетскую школу, под названием «Школа навигацких и математических наук». В 1732 г. Императрицей Анной Иоанновной был основан первый русский армейский кадетский корпус. Всего в России в XVIII в. было основано 4 кадетских корпуса, в XIX в. 22 кадетских корпуса, и в XX в., до Первой Мировой войны, 4 кадетских корпуса¹.

Суворовские военные училища в Советском Союзе были созданы в 1943 г. — году коренного перелома в Великой Отечественной войне и всей второй мировой войны в целом. Инициатива создания суворовских военных училищ по образцу дореволюционных кадетских корпусов принадлежала генерал-лейтенанту Красной Армии, бывшему выпускнику Пажеского корпуса, графу А.А. Игнатьеву. В апреле 1943 г. он обратился с письмом к И.В. Сталину, в котором говорилось: «Специфика военного ремесла требует привития к нему вкуса с детских лет, а недостаток дисциплинированности детей в домашней, школьной обстановке вызывает необходимость создать специальные военные средние школы для подготовки нравственно воспитанных и физически развитых будущих командиров Красной Армии»².

Одним из пунктов Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» наряду с другими мероприятиями по устранению последствий разрушительной войны предусматривалось создание для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, суворовских военных училищ «типа старых кадетских корпусов, по 500 человек в каждом, всего 4500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников».

За прошедшие 70 лет суворовские военные и нахимовские военно-морские училища выпустили более 120 тысяч воспитанников. Многие из них, учитывая целевую направленность созданных суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ, стали

¹ Андрушкевич И. Кадетское письмо: Сборник статей «Русская кадетская педагогическая система». (Кадетское письмо № 72) [Электронный ресурс]. Буэнос-Айрес, январь 2015 г. / Mailto: kadetpismo@hotmail.com.

² Горьковское суворовское военное училище / Составитель В.А. Гурковский. М.: Атлет-пресс, 2014. С. 27.

офицерами и генералами, продолжателями дела своих великих предшественников — полководцев П.А. Румянцева и генералиссимуса А.В. Суворова, фельдмаршала М.И. Кутузова и адмиралов — флотоводцев Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова.

Активное и целенаправленное движение по объединению выпускников СВУ и НВМУ началось в конце 1980-х гг. Первым таким объединением стал Всесоюзный суворовско-нахимовский клуб (сопредседатели Ю.Г. Стрельцов и В.А. Джанибеков), созданный в 1986 г. Позже, в 1988 году, был создан Московский суворовско-нахимовский клуб (МСНК), первым председателем которого стал выпускник 1-го, 1948 г., выпуска Свердловского СВУ В.Е. Аниканов. В последующем, пройдя соответствующую трансформацию (Московский суворовско-нахимовский союз — с 1993 г., Московское суворовско-нахимовское содружество — с 1998 г.), с апреля 2010 г. объединение приобрело статус — «Московское содружество суворовцев, нахимовцев и кадет».

В 2007 г. на Первом Съезде кадет России был создан Всероссийский Союз кадетских объединений России «Открытое содружество суворовцев, нахимовцев и кадет России» (ОССНКР), в которое вошли общественные объединения выпускников суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ СССР, России и стран СНГ всех выпусков большинства регионов Российской Федерации, а также Объединения выпускников русских кадетских корпусов за рубежом, тем самым было сформировано и оформлено кадетское движение России.

Сегодня в России учатся более пятидесяти тысяч суворовцев, нахимовцев и кадет почти в двухстах образовательных организациях разного уровня. Из них ежегодно выпускается более двенадцати тысяч человек. В кадетские образовательные организации (Президентское кадетское училище, Суворовское военное училище, Нахимовское военно-морское училище, Кадетский корпус) принимают после 5 класса. Продолжительность обучения составляет 7 лет. Кадеты в обязательном порядке продолжают изучать школьную программу. Воспитанникам также предоставлена возможность получить раннюю профессиональную подготовку, ориентированную на определенный профиль рода войск Вооруженных Сил РФ. При этом приоритет отдается кадетскому воспитанию, суть которого состоит в безупречном и бескорыстном служении Отечеству.

В 1992 г. впервые в современной России по инициативе и на средства Московского суворовско-нахимовского клуба был создан Первый Московский кадетский корпус, первым директором которого, по решению Совета Московского клуба стал выпускник Свердловского СВУ полковник Владимир Владимирович Кирсанов.

В последующем в Москве и России появились другие кадетские образовательные учреждения, но только в 2012 г. в связи с принятием Федерального закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации» кадетские образовательные учреждения приобрели правовой статус своего существования. Развитие военно-патриотического воспитания школьников в рамках кадетского образования повышает политическую безопасность личности в современной России.¹

Сейчас, наряду с суворовскими военными и нахимовскими военно-морскими училищами, при поддержке и непосредственном участии суворовских объединений, решаются многие вопросы организации и развития кадетского образования в стране. Участие представителей зарубежных кадет в деятельности объединений выпускников СВУ и НВМУ на протяжении более двух десятилетий стало традиционным: взаимное участие в проводимых съездах, посещениях кадетских учебных заведений в целях передачи традиций начатого около трех столетий назад кадетского образования в России.

Библиография

1. *Андрюшкевич И.* Кадетское письмо. Сборник статей «Русская кадетская педагогическая система». (Кадетское письмо № 72) [Электронный ресурс]. Буэнос-Айрес, январь 2015 г. / Mailto: kadetpismo@hotmail.com.
2. Горьковское суворовское военное училище / Составитель В.А. Гурковский. М.: Атлет-пресс, 2014. С. 27
3. *Головин Ю.А.* Политическая безопасность личности в Российском государстве // Общество. Государство. Политика. 2009. № 1. С. 74–82.
4. Официальный сайт ГАУ ЯО «Центр патриотического воспитания») [Электронный ресурс].- URL:<http://срв.edu.yar.ru> / Новости декабрь 2015 — март 2016 гг. (дата обращения: 11.04.2016).
5. Сборник социологических исследований в молодежной среде. Ярославль, 2015. С. 187–199.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года // Российская газета. 2015. 31 дек.
7. Молодежный портал Ярославской области) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molportal.ru/> (дата обращения: 10.04.2016).

¹ *Головин Ю.А.* Политическая безопасность личности в Российском государстве // Общество. Государство. Политика. 2009. № 1. С. 74–82.

ЖУРАВЛЕВА ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА

УПРАВЛЕНИЕ СЕТЕВЫМИ АЛЬЯНСАМИ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ
И ПРЕДЕЛЫ

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты управления политико-административными сетями. При рассмотрении вопросов управления политическими сетями, представляющих наиболее сложный тип социальных сетевых отношений, в силу высокой степени нелинейности и неопределенности происходящих внутрисетевых процессов, пока не существует комплексных исследований для определения механизмов управления подобными сетевыми образованиями. В статье описывается один из возможных подходов по выявлению ключевых акторов сети, посредством влияния на которых можно сформулировать некоторые механизмы управления сети в целом.

Ключевые слова: политические сети, политико-административные коалиции, государственная политика, сеть, *governance*, управление.

Начиная с 1970-х гг. концепция сетевого управления стала активно применяться для выработки государственной политики посредством анализа взаимодействия различных управленческих подсистем, а также отдельных групп интересов¹. На современном этапе развития в отличие от принципов классической и новой школ государственного управления, сетевая теория, развивая концепцию *Governance* («руководство»), вводит понятие «сложности» (*complexity*)², которое подразумевает, что различные взаимодействия агентов как политической, так и административной подсистем формируют сложную адаптивную систему, синергетический эффект в которой создается как путем конкуренции, так и путем кооперации.

Формирующиеся взаимодействия, суть — политико-административные сети, как правило, базируются на принципе акторного плюрализма, то есть участники сети могут быть представителями различных общественных сфер. Пожалуй, можно выделить два ос-

¹ *Gais T.L.* Interest Groups, Iron Triangles, and Representative Institutions in American National Government / T.L. Gais, M. A. Peterson, J. L. Walker, Jr. // *British Journal of Political Science*. 1984. № 14. P. 161–85.

² *Bogason P., Toonen T.* Introduction: Networks in Public Administration // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. N 2; *Barabasi A.L., Jeong H., Neda Z., Ravasz E., Schubert A., Vicsek T.* Evolution of the social network of scientific collaborations // *Physica*. 2002. A 311. P. 591.

новых обстоятельства, по которым происходит отбор: ресурс и/или публичный статус. Если первый параметр представляется довольно очевидным, так, потенциальный представитель сети должен вносить свой вклад в происходящие внутри взаимодействия (информационный, материальный, административный и проч.), то второй параметр представляется менее очевидным. С одной стороны, публичный статус может рассматриваться как разновидность ресурса, которым обладает потенциальный участник сети. С другой — представляется важным выделить публичный статус как отдельную категорию, позволяющую отделить латентную сферу от публичной и призванную решать задачу легитимации происходящих внутри сети непубличных процессов.

Вследствие нелинейного характера сетевого образования профилирующих групп внутри правящего класса механизмы контроля формирующихся систем рассматриваются в рамках нелинейного динамического моделирования, однако, здесь не существует единого подхода в связи с чрезвычайно сложной зависимостью между морфологией сети и происходящими нелинейными динамическими процессами в политике. Существует ряд исследований, относящихся, скорее, к частным случаям попытки выделения механизмов управления и контроля сложными сетями, посвященных отдельным аспектам коммуникационного процесса (в частности, процесс нахождения консенсуса), изучению трафика и некоторым технологическим сетевым образованиям¹. Что же касается рассмотрения вопросов управления политическими сетями, представляющих наиболее сложный тип социальных сетевых отношений, в силу высокой степени нелинейности и неопределенности происходящих внутрисетевых процессов, пока не существует комплексных исследований для определения механизмов управления подобными сетевыми образованиями.

¹ Slotine, J.-J. & Li, W. in *Applied Nonlinear Control* (Prentice-Hall, 1991). Wang, X. F. & Chen, G. Pinning control of scale-free dynamical networks. *Physica A* 310, 521–531 (2002). Wang, W. & Slotine, J.-J. On partial contraction analysis for coupled nonlinear oscillators. *Biol. Cybern.* 92, 38–53 (2005). Sorrentino, F., di Bernardo, M., Garofalo, F. & Chen, G. Controllability of complex networks via pinning. *Phys. Rev. E* 75, 046103 (2007). Yu, W., Chen, G. & LuË, J. On pinning synchronization of complex dynamical networks. *Automatica* 45, 429–435 (2009). Rahmani, A., Ji, M., Mesbahi, M. & Egerstedt, M. Controllability of multi-agent systems from a graph-theoretic perspective. *SIAM J. Contr. Optim.* 48, 162–186 (2009).

Для определения механизмов управления политико-административной сетью предварительно необходимо сделать ряд замечаний.

Во-первых, принимая во внимание, что основой любой сети является целеполагание, одним из ключевых вопросов остается необходимость спецификации изначальных целей формирования сети. В данном случае значение имеют как личные мотивы акторов, так и стимулы для вступления в сеть, а также контекст формирования сети. Понимание данных параметров в политическом пространстве крайне затруднительно. Реальные цели, стимулы и мотивы участников могут носить как эпифеноменальный, так и скрытый характер, и следовательно, являются трудно артикулируемыми даже при использовании социологического инструментария. Более того, зачастую на практике с целью объективизации результатов исследование сетевых образований происходит без непосредственного контакта с участниками сети, а так называемым методом «стороннего наблюдателя», получающего информацию из открытых источников или от третьих лиц. При данном методе сбора информации искажение результата может быть во много раз больше допустимого.

Во-вторых, важным вопросом остается понимание границ сети. В научной литературе при определении границы сети используется чаще всего экспертный подход, когда ученый самостоятельно осознанно проводит черту по количеству акторов одной сети, полагая, что далее отношения будут рассматриваться в межсетевом контексте. Наряду с подобным принудительным ограничением существует также подход, получивший название «Мир тесен» или концепции «Маленького мира», которая показывает, что незнакомых людей связывает небольшое количество промежуточных знакомых¹. Оба подхода имеют серьезные недостатки: в первом случае, исследователь сужает границы исследования, тем самым, искажая конечные результаты, а во втором — существует риск схоластической трактовки процессов и попытки создать «сеть всего».

¹ *Duncan J. Watts & Steven H. Strogatz. Collective dynamics of 'small-world' networks. Nature Publishing Group, a division of Macmillan Publishers Limited. (1999); A. Barrat and M. Weigt. On the properties of small-world network models. Europ. Phys. J. B 13, 547 (2000); R. Cohen, S. Havlin, and D. ben-Avraham (2002). «Structural properties of scale free networks». Handbook of graphs and networks (Wiley-VCH, 2002) (Chap. 4); V. Van Noort, B. Snel, M.A. Huynen (Mar 2004). «The yeast coexpression network has a small-world, scale-free architecture and can be explained by a simple model». EMBO Rep. 5 (3): 280–284.*

В-третьих, как обозначалось ранее, для описания поведения сети, состоящей от десятков до сотен взаимодействующих акторов или (и) компонентов, в первую очередь, необходимо понять ее структуру и тип. В социальной системе, для этого потребуется, не только знание списка взаимодействующих субъектов, но и понимание типов связей между ними. На сегодняшний день сбор подобной информации стал, во многом, возможным благодаря развитию технологий работы с «большими данными» (Big Data), позволяющих не только собирать и обобщать огромные массивы данных с минимальными промежутками времени, но и отслеживать изменения в них. Однако, возможность искажения реального типа связи между участниками при экспертной оценке обобщенных данных по-прежнему крайне высока в силу наличия скрытых мотивов и форм взаимодействия участников.

И наконец, наиболее важным замечанием является вопрос цели управления. В данном случае необходимо понимать «внутри» или «снаружи» сети находится субъект управления, а также непосредственно конечную цель воздействия на сеть. В качестве таковой могут выступать получение информации о деятельности участников сети «в моменте» и в динамике, коррекция поведения участников сети, трансформация части сети, разрушение сети в целом и т.д.

Воздействие на сеть может быть оказано как из внешнего по отношению к сети окружения, так и внутри сети. Внутренние механизмы управления могут быть инициированы участниками сети (субъекты управления) и призваны влиять на текущие процессы сети изнутри сети. Например, О.В. Михайлова придерживается позиции, что в сети существует менеджер, основная цель которого «обеспечить координацию стратегий участников, преследующих различные цели и имеющих различные предпочтения и приоритеты в отношении общей проблемы, для решения которой создается сетевая структура»¹. Однако, на практике статус «менеджера сети», как правило, отсутствует. Деятельность акторов сети зачастую происходит одновременно, и в силу взаимозависимости всех акторов бездействие одного из

¹ Михайлова О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: Дисс. ... докт. полит. н. С. 277; Kikert W.J.M., Klijn E.-H., Koppenjan J.F.M. Managing Complex Networks: Strategies for Public Sector. London: Sage Publications, 1997. P. 10.

участников сети способствует удовлетворению интересов других участников.

Определяя стратегии и технологии управления сетью, формируется цель управления политико-административной сетью, которая может заключаться в:

- изменении стратегии поведения сети;
- изоляции политико-административной;
- необходимости большей вовлеченности отдельных участников сети в процесс выработки государственного решения;
- изменении акторного состава сети (кадровые перестановки);
- и других.

Учитывая указанные замечания можно выделить общие стратегии создания и разрушения политико-административных сетей.

Логично предположить, что формирование сети происходит за счет появления новых вершин, то есть путем появления новых участников политико-административной сети.

Как правило, подобное образование сети идет по принципу предпочтительного соединения (Preferential attachment)¹. Новые узлы предпочитают присоединяться к узлам с более высокой степенью (то есть с большим количеством связей с другими участниками сети). Механизм предпочтительного соединения обеспечивают механизм формирования сети: чем более вовлечен узел, тем больше вероятность того, что новые узлы будут соединяться с ним, что позволяет вершинам с наибольшим количеством узлов наращивать количество связей быстрее. Данный принцип чаще всего работает с сетями типа «безмасштабные сети» (Scale-free networks), в рамках которых формируются некоторые ключевые узлы, хабы.

Стратегия управления сетью на этапе ее формирования при постановке цели изменения ее морфологии может заключаться в воздействии на хабы, то есть на конкретную группу лиц, при помощи изменения направления распределения потоков ресурсов (финансовых, административных, информационных и др.). Так, ставя целью изменение в сторону меньшей организованности сети, например, в случае когда в качестве сети происходит организация оппозиционного

¹ Например: *Albert, R. & Barabasi, A.-L.* Statistical mechanics of complex networks. *Rev.Mod. Phys.* 74, 47–97 (2002).

движения, есть смысл увеличения количества участников сети, так, чтобы большинство акторов имели примерно одинаковое количество связей. В итоге, если взять двух произвольных участников сети, то они с большой вероятностью не являются смежными, однако, один может быть связан с другим посредством небольшого количества связей. Таким образом формируется иллюзия системы управления и организованности, сеть обладает низкими параметрами плотности, соответственно, сплоченность находится на крайне низком уровне, что не позволяет предпринять каких-либо значимых организационных действий.

В обратной ситуации, когда стратегией воздействия на формирующуюся сеть является необходимость ее большей сплоченности. Например, в случае формирования сильного отраслевого лобби, встроенного в систему государственного управления. В данном случае воздействие идет также на ключевые узлы сети (хабы). Но с целью укрепления конструкции сети и противодействия неравномерного распределения ресурсов формируется небольшая группа из четырех плотно связанных узлов. Далее, сеть, по указанному выше принципу, создает три копии подобного модуля, образуя кластеры, присоединенные к центральному узлу базового кластера четырех вершин, который производит большой модуль из 16 узлов. Три копии этого модуля затем генерируют 16 периферийных узлов, подключенных к центральному узлу основного модуля, который производит новый модуль, состоящий из 64 узлов. Подобная архитектура подразумевает, что редко связанные узлы являются частью кластеров, которые связи между собой поддерживаются при помощи хабов. Подобная структура легко управляема при помощи условно нормативных внутренних правил и норм. Ярким примером подобных сетевых образований являются Общероссийский народный фронт и «Молодая гвардия».

Вместе с тем, в процессе выработки и принятия государственных решений сеть может как следовать принципу предпочтительного соединения, так и нет. На практике в случае необходимости увеличения ресурсов для принятия необходимого данной сети решения — сеть растет. И в данном случае принцип предпочтительного соединения в большинстве случаев будет работать, поскольку новые участники сети будут, в свою очередь, также заинтересованы в привлечении

ресурсов сети. Например, в случае необходимости публичного освещения принятого решения с целью формирования лояльного к нему отношения в обществе в сеть может быть включен дополнительный актер — «публичное лицо».

В случае же, когда принятие решения возможно в условиях текущих ресурсных возможностей, то сеть может находиться в одном состоянии до тех пор, пока ресурс не будет исчерпан или же не потребуются дополнительные. При этом важно еще раз подчеркнуть, что на каждой стадии выработки и принятия государственного решения сети будут разными как по количественному, так и качественному составу участников.

Процесс «разрушения» сети требует тщательного анализа групповых параметров в зависимости от типа сети и целевого воздействия, по крайней мере на трех стадиях состояния сети:

1. Целостная сеть;
2. Кластерное образование;
3. Потенциальная оценка возможности формирования новой сети в рамках остаточных несвязных узлов.

Например, центр изучения сетей Военной академии West Point занимается алгоритмом вычисления ключевых узлов террористических сетей. По мнению ученых, если устранить определенные звенья сети, то командование террористической сетью вынужденно концентрируется в руках одного-двух человек, убив которых, можно разрушить или парализовать деятельность всего террористического подполья. Исследования показали, что в каждой из пяти реальных террористических сетей удаление всего 12% узлов может снизить централизацию всей сети на 17–45%¹.

Так и в политико-административных сетях высокой степени сплоченности и высокими показателями плотности и централизации в случае необходимости разрушения сети достаточно изолировать ключевых акторов сети от ближайшего окружения (среднего звена), при этом даже не воздействуя на периферию сетевого образования. Подобная схема приведет к потере ключевых связей коммуникационных, информационных, ресурсных и т.д.) и, по сути, парализует деятельность сети в целом.

¹ Network Science: Robustness Cascades March 23, 2011.

В случае же низкого уровня централизации и сплоченности сети достаточно применения «мягких» технологий воздействия, носящий преимущественно информационный характер и связанных и коммуникационными потоками.

Библиография

1. Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лике власти. Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 70–98.
2. Barabasi A.L., Jeong H., Neda Z., Ravasz E., Schubert A., Vicsek T. Evolution of the social network of scientific collaborations. Physica. 2002. A 311. P. 591.
3. Bogason P., Toonen T. Introduction: Networks in Public Administration. Public Administration. 1998. Vol. 76. № 2.
4. Gais T.L. Interest Groups, Iron Triangles, and Representative Institutions in American National Government / T.L. Gais, M.A. Peterson, J.L. Walker, Jr. British Journal of Political Science. 1984. № 14. P. 161–185.
5. Hirst P. Democracy and Governance. Debating Governance, Oxford: Oxford University Press, 2000.
6. Kooiman J. Governing as Governance. London: Sage Publications, 2003.
7. Pierre J. Debating Governance. Oxford: Oxford University Press, 2000.
8. Rahmani A., Ji, M., Mesbahi, M. & Egerstedt, M. Controllability of multi-agent systems from a graph-theoretic perspective. SIAM J. Contr. Optim. 48, 162–186 (2009).
9. Sorrentino F., di Bernardo, M., Garofalo, F. & Chen, G. Controllability of complex networks via pinning. Phys. Rev. E 75, 046103 (2007).
10. Wang W. & Slotine, J.-J. On partial contraction analysis for coupled nonlinear oscillators // Biol. Cybern. 92, 38–53 (2005)
11. Wang X. F. & Chen, G. Pinning control of scale-free dynamical networks // Physica A 310, 521–531 (2002).
12. Yu W., Chen, G. & LuĖ, J. On pinning synchronization of complex dynamical networks. Automatica 45, 429–435 (2009)

ЗОРИН АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

ИЗМЕНЕНИЯ СТРАТЕГИЙ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ НЕПРЕДВИДЕННЫХ ФАКТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: статья посвящена анализу влияния ареста губернатора области Н. Белых и назначением временно исполняющим обязанности губернатора И. Васильева на предвыборные кампании политических партий во время выборов в Законодательное Собрание Кировской области 2016 года.

Ключевые слова: предвыборная кампания, политические партии, Законодательное Собрание Кировской области, «Единая Россия», КППРФ, «Справедливая Россия», «Коммунисты России», Н. Белых, И. Васильев.

Задержание и арест 24 июня по подозрению в получении взятки губернатора Никиты Белых стало ключевым событием 2016 г. для Кировской области. Произошедшее оказало существенное влияние на всю политическую жизнь региона, в том числе на предвыборные кампании. Помимо выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ 18 сентября в области избиралось Законодательное Собрание (ОЗС, 54 депутата, пропорциональное формирование по партийным спискам и одномандатным округам). Вопрос местного парламента был чрезвычайно важен для правительства: предыдущий созыв 2011 г. едва не отправил губернатора Н. Белых в отставку, а незначительное преимущество фракции партии «Единая Россия» сокращалось в основном по возбужденным уголовными делами.

Стратегии предвыборных кампании в ОЗС основных партий проявились к началу лета 2016 г. К этому времени выстроилась система, основанная на договоренностях и взаимных обязательствах местных групп влияния, правительства во главе с Никитой Белых и федеральными структурами. Отделение «Единой России» действовало в заданных общепартийных трендах: провело праймериз не только по кандидатам в Госдуму, но и в Заксобрание, повысила свою привлекательность кандидатами от Общероссийского народного фронта. Предварительное голосование, на которое не распространялось действие избирательного законодательства, получило максимальное освещение в СМИ, позволило проверить мобилизацию сторонников и работоспособность организационной структуры партии, ее взаимодействие с органами власти. По опыты предыдущих выборов 2011 г. партия сделала основную ставку на одномандатные округа, не стала включать кандидатов-одномандатников в партийные списки, тем самым повысив степень их персональной ответственности за результаты в округе. Ресурсная база партии укрепились однозначным определением в пользу «ЕР» собственника крупнейшего предприятия области — Кирово-Чепецкого завода минеральных удобрений Дмитрия Мазепина (компания «Уралхим»). Статусные представители компании перешли из «Справедливой России» в «ЕР» (депутаты ОЗС

В. Метелёв, С. Момцемлидзе, Е. Перминова). Одновременно от «Уралхима» готовился кандидат в Госдуму по 105-ому одномандатному округу — Рахим Азимов, занимающий пост заместителя директора филиала «КЧХК» «ОХК «Уралхим» по социальным вопросам и взаимодействию с органами власти. В 2015 году Р. Азимов успешно прошёл на довыборах в Законодательное Собрание и продолжил свою предвыборную кампанию, ориентируясь на Госдуму.

«ЕР» готовило традиционную и апробированную кампанию, делая ставку на т.н. «партийные проекты» по строительству детских садов, благоустройству территорий, реализации других социальных программ, со статистикой изменений за последние годы, планами на будущее. Особенностью 2016 г. являлось использование примеров из реализации проекта «Победа — 70 лет» и деятельности Военно-исторического общества, который в регионе возглавлял Н. Белых: открытие мемориалов и памятников, мероприятия патриотической направленности.

Некоторое беспокойство «ЕР» вызывал только выход из партии бывшего руководителя регионального отделения, возглавлявшего список на выборах в ОЗС и входившего в тройку лидеров на выборах в Госдуму в 2011 году, депутата Заксобрания Василия Сураева, его возможное участие в кампании.

Стратегия КПРФ по областной кампании строилась на обвинениях правительства Белых в коррупционности, жесткой критике результатов его социальной политики и доведением области до фактического банкротства. На этих тезисах планировалось привлечь к себе весь протестный электорат, превратив выборы в референдум доверия региональной власти. Поэтому главная линия противостояния намечалась между «ЕР» (вкуче с правительством Белых) и КПРФ. Для снижения рейтинга коммунистов, которые на выборах в ОЗС в 2011 году победили на территории областного центра — г. Кирова, в рамках общенациональной кампании готовилось региональное отделение «Коммунистической партии «Коммунисты России», похожее на КПРФ до степени смешения. На уровне области оно фактически управлялась из министерства информационной и внутренней политики правительства.

ЛДПР традиционно опиралась на имидж лидера партии, который и возглавил партийный список в ОЗС, общей координации федераль-

ной и региональной кампаний, появлении молодых кандидатов, в том числе по одномандатным округам в Госдуму.

Под воздействием федеральных политических процессов «Справедливая Россия» подошла к выборам в разбалансированном состоянии. Шансы партии оценивались ниже порога прохождения в Собрание. Отделение потеряло ресурсную и кадровую поддержку «Уралхима», а ее региональные руководители (депутат Госдумы С. Доронин и депутат Заксобрания К. Мошуренко) находились под массированным информационными атакам по поводу банкротства их предприятия («Абсолют-Агро») и личного банкротства. Однако неожиданно для многих на выборы в Заксобрание от «СР» начали выдвигаться оппозиционные «ЕР» и Н. Белых кандидаты, не являющиеся членами партии.

Но события 24 июня — задержание и арест губернатора Никиты Белых — вызвали шоковое состояние в региональной элите, фактически парализовали работу местного правительства, стали основной темой обсуждения в СМИ и населением области. Зашаталась и вся выстроенная по предвыборным кампаниям система договоренностей. Нервозности партиям добавила затянувшаяся неопределенность с главой региона.

Наиболее оперативно на арест отреагировала «Единая Россия»: руководитель регионального отделения, глава города Кирова В. Быков официально заявил, что никаких денег на нужды города от Н. Белых городской бюджет не получал. Но арест губернатора влиял на репутацию партии: большинство правительства региона — члены «ЕР», в том числе входящие в президиум регионального отделения, на выборах 2014 г. Н. Белых шел с активной поддержкой партии, которая своего кандидата не выдвигала, доверенные лица тоже были из «ЕР». Этим могли активно воспользоваться политические противники.

Первоначально восторженные комментарии лидеров КПРФ по поводу ареста Белых сменились растерянностью: идет кампания, а основной ее тезис — борьба с политикой правительства Белых перестает быть актуальным.

Назначение 28 июля вр.и.о. губернатора Игоря Васильева, далеко не чужого для «ЕР» человека, первоначально тоже не вносило ясности. При представлении нового главы Полномочный представитель Президента в ПФО Михаил Бабич в качестве первоочередных обо-

значил две задачи: выборы в Государственную Думу и, что еще более важно, повышение репутации региональной власти в глазах избирателей после «случая» с предыдущим губернатором.

Возникшая ситуация требовала от участников предвыборной кампании изменения своих стратегий. Прежде всего, это касалось оппозиционных партий, так как пропадала сама актуальность вотума недоверия местному правительству. Но, как показала кампания, партии не смогли справиться с этой задачей и сформулировать другие повестки дня, а перенос на местные выборы федеральных проблем выглядел неубедительно. Сама региональная повестка стала стремительно сужаться в ожидания действий нового главы. Инициатива действительно перешла к правительству области во главе с И. Васильевым. Вр.и.о. губернатора начинает принимать жалобы населения через сервис на сайте правительства, ведет личный прием граждан в районах, восстанавливает такой способ общения с избирателями, как «хождение в народ» (стал неожиданно заезжать в поликлиники, в центры оказания госуслуг, просто гулять по городу). И. Васильев лично озвучивает несколько самых актуальных проблем жителей области: состояние здравоохранения и автомобильных дорог, обеспечение автолюбителей полисами ОСАГО. В результате им отправлен в отставку министр здравоохранения и курирующий здравоохранение заместитель губернатора, в правительство неоднократно вызываются представители страховых компаний, которым поручается в кратчайшие сроки найти решение проблем с полисами. Новый глава был готов лично войти в инициативные группы контроля Общественной палаты области за ремонтом дорог. Все эти действия и решения, естественно, широко освещались и тиражировались в областных и районных СМИ. Соответственно, данная проблематика тоже стала уходить из плоскости актуализации оппозиционными партиями. Население начинает связывать свои надежды с «человеком Путина».

В качестве однозначного посыла региональным элитам на обновление И. Васильевым было оперативно подписано заявление об увольнении самого близкого к бывшему губернатору его первого заместителя — С. Щерчкова, практически все «люди Белых» в правительстве так же уходят в отставку. Перед лицом нового главы региона происходит консолидация местных групп влияния в «ЕР». Одновременно стало заметно снижение публичного присутствия лидера

списка в Заксобрание, руководителя регионального отделения «ЕР» и главы города Кирова В. Быкова, как весьма неоднозначного в восприятии избирателями областного центра.

В результате основное противостояние по выборам в ОЗС перемещается в плоскость конфликта «ЕР» и «СР». В этом ее заметное отличие от федеральной кампании. Партийный список «СР» включал людей, которые неоднократно и публично жестко выступали не только против политики правительства Белых, но и против политики местных групп влияния, сосредоточившихся в региональном «ЕР». Именно через «СР» в выборах стал участвовать упоминаемый Василий Сураев, весьма уважаемый и авторитетный в политической и бизнес-элите человек, узнаваемый среди населения как директор популярной своей продукцией Кировского молочного комбината. Здесь же оказался Михаил Скворцов, депутат Законодательного собрания, избранный ранее от КПРФ, — и тоже авторитетный в элитах, узнаваемый предприниматель. От «СР» оказался заявлен Валерий Туруло, тоже депутат ОЗС от КПРФ, убежденный коммунист, активист «Рот Фронта», ярый оппонент политики регионального правительства и «ЕР».

К началу осени складывается некое равновесие предвыборной кампании в ОЗС. Каждая из партий реализовывала свои стандартные агитационные мероприятия, основное внимание естественным образом было сосредоточено на действиях вр.и.о. губернатора. Именно он становится ключевой фигурой политического поля региона. Происходит очевидное изменение предвыборной кампании «ЕР», которая фактически сливается с деятельностью вр.и.о. губернатора, направленной на повышение репутации власти с которой партия непосредственно ассоциируется. Это совпадает с периодом использования «ЕР» в своей кампании мессиджа «партия Президента».

Декада накануне дня голосования превращается в серию контркампаний. Основным объектом становится «СР» и, прежде всего, руководитель регионального отделения, депутат Госдумы Сергей Доронин. Мощная информационная кампания, развернутая в СМИ и Интернете, в специальных выпусках газет и видеорепортажах инкриминировала ему дружбу с Белых, содействие назначению вице-губернатором М. Гайдар, банкротство компании «Абсолют-Агро» и рассмотрение персонального банкротства, наличие вида на жительство в

Испании и собственность за рубежом. В кампании против «СР» стали принимать участие и КПРФ, ЛДПР, «Коммунисты России». На этом фоне «СР» выглядела слабой и деморализованной, явно неготовой к жесткому противостоянию. Она не смогла перестроиться в условиях смены региональной власти и консолидации «ЕР», не произвела корреляцию федеральных тем на местный уровень. Это объяснилось в последствии, когда выяснилось, что для доноров партии приоритетным являлась именно Государственная Дума¹.

Под информационный удар попала и КПРФ. «Коммунисты России» накануне дня голосования выпустили специальную газету, поступившую в каждый почтовый ящик, где вскрыли «настоящее лицо» своих противников, обвиняя их в связях с криминалом, в больших объемах личной собственности и т.д.

Итоги голосования 18 сентября 2016 г.

Год	Государственная Дума (общефедеральные результаты)		Государственная Дума (результаты по Кировской области)		Законодательное Собрание Кировской области	
	2011	2016	2011	2016	2011	2016
Явка избирателей	60,21%	47,88%	54,1%	42,5%	47,58%	42,5%
«Единая Россия»	49,32%	54,20%	34,9%	37,05%	36,7%	36,49%
КПРФ	19,19%	13,34%	22,7%	13,04%	22,35%	14,95%
ЛДПР	11,67%	13,14%	16,7%	26,72%	17,14%	25,55%
«Справедливая Россия»	13,24%	6,22%	19,8%	8,69%	21,06%	13,33%

Результаты выборов 2016 г. повторяют тенденции предыдущей кампании: явка ниже общефедеральных показателей, показатели «ЕР» ниже на 17%, по «КПРФ» — выше в пределах 2%, «СР» — на 3%, а вот ЛДПР больше общероссийского уровня на 14% (протестный электорат, скорее всего, переместился именно к ЛДПР, как уже неоднократно было в политической истории области). Заметное количество голосов КПРФ забрали себе «Коммунисты России» (3,33%), партия «Яблоко» смогла получить 2,48% голосов.

¹ С. Доронин, прошедший в Госдуму по партийному списку, отказался от своего мандата в пользу Вадима Белоусова, бывшего генерального директора УК «Макфа».

По одномандатным округам в Госдуму ожидаемо выиграли кандидаты от «Единой России»: по 105-му Кировскому избирательному округу Рахим Азимов (51,29% голосов), по 106-ому Кирово-Чепецкому избирательному округу Олег Валенчук (41,69%).

Распределение мест в Законодательном собрании Кировской области

	2011 год (одномандатники/ партийный список)	2016 год (одномандатники/ партийный список)
«Единая Россия»	27 (17/10)	37 (26/11)
КПРФ	10 (4/6)	4 (0/4)
ЛДПР	5 (0/5)	8 (0/8)
«Справедливая Россия»	10 (4/6)	5 (1/4)
Самовыдвижение	1	
	53 (26/27)	54 (27/27)

В новом созыве Собрания «Единая Россия» смогла получить 37 мест из 54. Это очевидный успех партии, учитывая, что пять лет назад большинство обеспечивалось одним голосом. Практически при тех же процентных показателях, что и в 2011 г., 26 одномандатников от «ЕР» смогли стать депутатами (правда, трое их них — это бывшие парламентарии от «СР» и трое беспартийных из ОНФ), 14 человек были депутатами прошлого созыва.

Самые большие потери понесла КПРФ, неожиданно она проиграла в своих традиционных округах. За счет партийных успехов увеличило свое представительство ЛДПР, у «СР» стало только пять депутатов, включая В. Сураева, единственного, победившего кандидата от «ЕР» в одномандатном округе.

Впечатляющий результат «Единой России» на выборах в ОЗС позволяет дополнить еще некоторые особенности ее предвыборной кампании. Прежде всего, следует выделить высокую степень технологичности кампании. Это выразилось в своевременной и персональной работе по формированию избирательных комиссий, в уже упоминаемых праймериз, вовлечении внепартийных активистов ОНФ, четком разделении на кандидатов по партийным спискам и одномандатным округам, качественном подборе кандидатов от округов. «Единая Россия» показала, что является единственной полити-

ческой организацией, которая готова к выборам различного уровня сразу после завершения предыдущих, что для этого у нее достаточно кадровых, организационных и финансовых ресурсов, что она в состоянии определять стратегию предвыборной кампании в целом, в том числе «коридоры возможностей» другим партиям. Важным для победы являлось, в отличие от 2011 г., отсутствие внутривнутрипартийного конфликта местных групп влияния, для которых более важным стала презентация своих возможностей новому главе региона в решении поставленных перед ним задач. Было продемонстрировано активное участие кандидатов во встречах с избирателями своих округов, вплоть до каждого микрорайона и двора, проведение контркампаний против своих политических оппонентов.

Но такие результаты, на наш взгляд, были бы невозможны без назначения в условиях политической и морально-психологической дестабилизации, возникавшей в регионе после ареста губернатора, человека, непосредственно связанного с «Единой Россией» и Президентом. Выборы проходили при фактическом слиянии системы государственной и муниципальной власти с партией «ЕР», неразличимой границе между служебными обязанностями и должностными полномочиями членов «ЕР» с их партийными или депутатскими поручениями. Использование «ЕР» ресурсов государственной системы управления воспринималось как само собой разумеющееся, включая служебный транспорт, средства связи, аппарат подчиненных специалистов, пресс-службы, все мероприятия, организуемые администрациями, от культурно-массовых и спортивных состязаний до августовских педсоветов.

Выборы 2016 г. показали, что идеологические, ценностные позиции партий и кандидатов, их программные тезисы не оказывают существенного влияния на итоги голосования. Персональный состав предвыборных списков партий еще раз продемонстрировал особенность российской партийной системы, ярко выраженную именно на региональном уровне: партии являются не более чем инструментами для приобретения или сохранения политического влияния, используются преимущественно в ходе предвыборных кампаний, отражают конфликты и противоречия местных групп влияния, вплоть до противостояния конкретных персон.

Пример событий в Кировской области зафиксировал дополнительный урок политическим партиям, формирующим свои стратегии на выборы: обязательное наличие сценария действий в форс-мажорных обстоятельствах, возникших в результате непредвиденных и непреодолимых событий. Готовность и возможность оперативно менять свои стратегии является важным фактом достижения необходимого результата.

МАРТЫНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

ОПЫТ РАБОТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОП В ПОДГОТОВКЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СУБЪЕКТЕ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: рассматриваются методологические проблемы исследования гражданского общества. Предлагается объяснение специфики формирования институтов гражданского общества в современной России. Излагается опыт работы общественных организаций региона по подготовке программных документов формирования гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, политическое участие, гражданский контроль, некоммерческие организации.

Политическое участие граждан — неперенное условие формирования устойчивого демократического политического режима. Гражданский контроль за властью, выступает глубинным регулятором, индикатором общественного развития и социокультурного прогресса¹. Однако в современной России, как отмечают исследователи, существуют ряд факторов, снижающих уровень гражданского активизма. По мнению А.И. Неклессы, специфика российской модели гражданского общества состоит в своеобразной форме общенационального согласия, сформировавшегося в условиях дефицита личностного начала в политической культуре². Следствием этого становится низкий

¹ Соколов А.В., Исаева Е.А. Гражданский контроль: опыт политического исследования // Власть. 2015. № 2. С.152.

² Неклесса А.И. Генетика гражданского общества / Quo vadis? Перспективы становления гражданского общества в России (часть II) // Полис. 2012. № 3. С. 82.

уровень институционального доверия и коллективной самоорганизации¹. Как справедливо замечают отечественные исследователи: «Основная проблема гражданского участия состоит в ответе на вопрос о том, как эффективно соединить или интегрировать индивидуальные и коллективные предпочтения с пространством институциональных практик»². Таким образом, условием политического участия в современной России является формирование институтов гражданского общества, обеспечивающих диалог граждан и власти.

Работа в этом отношении ведется во многих регионах РФ. В Ханты-Мансийском автономном округе концепция политического участия граждан разрабатывается в рамках корректировки «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа–Югры до 2020 года и на период до 2030 года». Причем впервые в Стратегию развития автономного округа задача формирования институтов гражданского общества включена как специальное направление. Таким образом, проблема дальнейшего развития гражданского общества в Югре рассматривается Правительством автономного округа как одна из самых значимых. От ее решения зависит эффективное использование социального ресурса территории — творческого потенциала его населения, социальных групп, организаций, институтов.

Для разработки направления «Формирование институтов гражданского общества в Югре» была создана рабочая группа, в которую вошли члены регионального отделения РОП, ученые Сургутского государственного университета, представители общественных организаций, гражданские активисты.

Первой методологической проблемой при разработке стратегии развития институтов гражданского общества является определение их роли в современной России.

Существует достаточно распространенная точка зрения в духе либерального фундаментализма, согласно которой «гражданское общество в России следует модели догоняющего развития Это простая констатация факта отставания всей политической системы от

¹ Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 77.

² Климова С.Г., Климов С.А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социс. 2015. № 4. С.56.

передовых образцов Запада»¹. Принципиальную причину подобного «отставания» в формировании гражданского общества авторы этого направления усматривают в превалировании в западном обществе «горизонтальных» социальных связей между свободными людьми, в результате чего «накопление социального капитала происходит не только в деятельности по решению масштабных социальных задач или продвижению социально-экономических и политических интересов, но и в любых коллективных действиях...»². В России же преобладают «вертикальные» связи, несовместимые с самоорганизацией граждан и гражданским обществом. Причина такого положения дел — в авторитарном характере власти, подавляющем политические свободы³.

Такой подход представляется облегченным, усматривающим причины явлений, пусть и в существенных, но, по сути, вторичных процессах, таких как особенности менталитета или политическая воля отдельных акторов.

На самом деле, определяющей предпосылкой формирования гражданского общества в его классическом выражении стал институт частной собственности и образование класса, на этот институт опирающегося (буржуазии). Возможность использования этого ресурса на принципах солидаризации и согласования интересов вне государственной системы и является основой функционирования гражданского общества.

Попытка формирования в России общества подобного типа последний раз закончилась неудачей в начале 1990-х годов вследствие проведения приватизации олигархическим способом. Поэтому говорить о возможности формирования в России гражданского общества классического типа ни в его «догоняющей» трактовке, ни в какой другой, в принципе, говорить не приходится.

Впрочем, утверждение, что и в современном западном обществе по-прежнему функционирует гражданское общество классического типа с преобладанием «горизонтальных» связей, также является

¹ Гражданское общество — ресурс развития России. Аналитический доклад Центра политических инициатив. М. 2013. С. 6 <https://komitetgi.ru/analytics/863/#.UkcHtIZT5qk>

² Макаренко Б.И. Гражданское общество как ресурс развития России // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13). С. 75.

³ Там же. С. 77.

большой натяжкой. Так, западные исследователи подтверждают активное участие государства и «вертикальных» связей в формировании гражданского общества и в прошлом, и, тем более, — в настоящем¹. Тем не менее, существенные различия в функционировании институтов гражданского общества, действительно, существуют.

В странах «западного» типа гражданское общество — это, в первую очередь, отношения между гражданами, их самоорганизация вне государства и независимого от него. Данная возможность связана с развитым институтом частной собственности, являющимся системообразующим для данного типа общества, и основным ресурсом, обеспечивающим экономическую независимость граждан от государства. Соответственно, главной проблемой здесь выступает разграничение обязательств, сфер деятельности государства и гражданского общества. Основным институтом гражданского общества в этом случае выступают НКО.

В странах «незападного» типа, к которым относится и Россия, гражданское общество — это, в первую очередь, отношения граждан и государства, организация их партнерства. Это связано с первичностью в таком типе общества института не частной собственности, а — власти, и властными отношениями как системообразующими данное общество. Соответственно, основной проблемой здесь выступают способы организации взаимодействия общества и государства. Основными институтами в таком типе гражданского общества, помимо НКО, является «гражданский контроль».

Опираясь на этот методологический принцип, рабочая группа разработала проект направления «Формирование институтов гражданского общества в Югре» в рамках «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2020 года и на период до 2030 года».

В документе проанализировано состояние институтов гражданского общества и политического участия в регионе. Были выявлены основные проблемы развития этих институтов. В частности, были отмечены следующие проблемы: деятельность НКО в сфере оказания социальных услуг носит главным образом факультативный характер;

¹ *Ховард Марк М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / Пер. с англ. И.А.Кокарева. М. Аспект Пресс, 2009. С. 54. 191 с.

не сформирована устойчивая система участия НКО в решении социальных проблем, например через госзаказ; среди населения престиж общественно-активной деятельности невысок; отсутствует система (площадка) информационного взаимодействия НКО с государственными и муниципальными органами управления; отсутствует система мониторинга, оценки социальной эффективности НКО; практически, не реализуются такие формы гражданских инициатив как общественная проверка, общественный мониторинг и общественная экспертиза.

Далее рабочей группой в проекте документа были предложены четыре приоритетных направления развития институтов гражданского общества в автономном округе: эффективный контроль гражданским обществом деятельности органов государственной и муниципальной власти; эффективная система поддержки населения в социальной сфере средствами НКО, в том числе путем передачи части функций государственных и муниципальных учреждений, а также использования системы госзаказа; участие институтов гражданского общества в принятии управленческих решений; институциональное обеспечение развития гражданского общества. Под каждое из этих приоритетов были разработаны цели, задачи и формы реализации.

Библиография

1. Гражданское общество — ресурс развития России. Аналитический доклад Центра политических инициатив. М., 2013. С. 6 <https://komitetgi.ru/analytics/863/#.UkcHtIZT5qk>
2. Климова С.Г., Климов С.А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социс. 2015. № 4. С. 51–57.
3. Макаренко Б.И. Гражданское общество как ресурс развития России // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13). С. 74–95.
4. Неклесса А.И. Генетика гражданского общества / Quo vadis? Перспективы становления гражданского общества в России (часть II) // Полис. 2012. № 3. С. 74–84.
5. Соколов А.В., Исаева Е.А. Гражданский контроль: опыт политического исследования // Власть. 2015. № 2. С. 152–157.
6. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72–77.
7. Ховард Марк М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / Пер. с англ. И.А. Кокарева. М.: Аспект Пресс, 2009. 191 с.

**ПОНЕДЕЛКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
СТАРОСТИН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ****СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ЭКСПЕРТНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Аннотация: в статье обращается внимание на продолжающийся процесс конституирования элитологической парадигмы в российской политической науке, поддерживаемый развитием ряда научных школ в политической элитологии. На основе экспертного опроса, проведенного в 2016 г., опирающегося на инструментарий Ростовской научной элитологической школы, анализируются тенденции изменений и позиционирования современной российской политической элиты. Показаны угрозы и риски олигархизации, коррумпированности, бюрократизации российских правящих элит. Изложены рекомендации и выводы, которые могут снизить указанные риски для национальной безопасности и повысить эффективность элитных действий.

Ключевые слова: элиты, элитология, научные школы, экспертный опрос, ценностные ориентации элит, эффективность элит, коррупция, бюрократическая система, олигархизация элит, риски элитных интеракций.

Анализируя современную литературу, так или иначе трактующую механизмы и движущие силы социально-политических процессов, мы можем констатировать возрастающую значимость и популярность элитологического подхода. В этом видится симптом не только эвристических возможностей самого по себе элитизма, но и более широких парадигмальных изменений в современной политологии. Суть этих изменений состоит в перемещении центра внимания с объективистских схем и логических систем, ко все более пристальному изучению роли социально-политических субъектов разного уровня в формировании происходящих социальных трансформаций. В свою очередь, среди субъектов разного порядка обращается внимание на наиболее деятельных и активных, которые, зачастую, и могут рассматриваться как своеобразные коллективные (или индивидуальные) режиссеры динамичных изменений в обществе, влекущие значимые и даже революционные изменения.

Особую значимость элитологический анализ приобретает применительно к современным российским политическим процессам, поскольку в них все еще сказывается определенная институциональная недостроенность, компенсируемая лидерско-элитным позиционированием и «ручным» управлением. Что касается конкретизации элитологических принципов и методов на теоретическом уровне, то

речь может идти о той или иной авторской элитологической концепции. Обозревая те из них, которые появились в нашей элитологической мысли и получили известность: концепции региональных элит Санкт-Петербургской и Ростовской элитологических школ, концепция этнократических элит М.Х. Фарукшина, концепция социально-управленческих типов взаимодействия элит О.В. Гаман-Голутвиной или концепция ценностной обусловленности деятельности элит А.К. Магомедова, практически везде просматривается не только выход в широкий социально-экономический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода.

Иными словами, мы имеем дело и с конкретно-теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с помощью элитологии.

Вместе с тем, нельзя не сказать о том, что каждая из научных школ и научных групп опирается на свой отработанный набор методов, которые приводят к обобщениям, касающихся элит, порой весьма серьезно отличающихся.

Ростовская элитологическая школа в этом плане использует и опирается на экспертные опросы, разнообразие, подбор политических экспертов и региональные выборки, а также широко опираясь на панельный метод, позволяющий отслеживать эволюцию экспертно-элитных образов и накладывая их на эволюцию социально-экономических и политических ситуаций.

В преддверии Второго Всероссийского элитологического конгресса мы провели в июле-августе 2016 г. панельный экспертный опрос, несколько модифицировав базовый вопросник используемый уже более 15 лет.

Обратимся к результатам опроса, прокомментируем его данные и сопоставим с рядом позиций предшествующих замеров.

В экспертный опрос вошли оценки около 900 представителей экспертного сообщества из более 20 регионов страны.

Большой удельный вес (до 40%) среди них составляют ученые, хотя есть и представители административно-политических кругов (ок 14%), бизнеса (около 15%), культуры, образования и других групп. С нашей точки зрения опора на суждения и оценки экспертов из на-

учного сообщества, как людей рационально мыслящих, информированных, склонных к рефлексии и обобщениям, но без разделения их по мировоззренческим и идеологическим основаниям, позволяет получить более взвешенную и достоверную информацию. К тому же, в предшествующих экспертных опросах с использованием данного инструментария фигурировало также значительное представительство научного сообщества. Что позволяет дать обоснованные сопоставления по ряду позиций¹.

Прежде всего, нуждаются в оценке суждения о степени сформированности российской (постсоветской) элиты, поскольку, как уже отмечалось выше, в научных исследованиях встречается значительный разброс мнений и оценок. Именно так и был сформулирован первый вопрос (табл. 1).

Таблица 1

В научной и публицистической печати достаточно распространено мнение о том, что современная российская элита (прежде всего правящая политическая и административная, и бизнес-элита) по уровню своего профессионализма, нацеленности на национальные интересы и духовно-нравственным качествам таковой не является. Это квазиэлита, т.е. элита лишь по своему статусу и властным полномочиям. Каково Ваше отношение к данной позиции?

№ п/п	Варианты ответов	% ответов	
		2016 г.	2013 г.
1	Положительное	26,2	62,8
2	Скорее положительное	53,4	
3	Скорее отрицательное	9,7	14,8
4	Отрицательное	1,9	
5	Безразличное	1,0	11,7
6	Затрудняюсь ответить	2,9	
7	Другие	7,8	

Прежде всего, следует отметить, что порядка 80% экспертов разделяют оценочную позицию «квазиэлита». И данная позиция по срав-

¹ Следует отметить, что в 2007 году нами был проведен экспертный опрос ведущих ученых-элитологов России (см.: Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. Ростов н/Д.: СКАГС, 2008), где были отмечены различия в методологических и аксеологических позициях представителей и лидеров различных элитологических школ и научных групп.

нению с результатами экспертного опроса 2013 г.¹ (накануне I Всероссийского элитологического конгресса) значительно сдвинулась в худшую сторону. Более четко обозначилась и позиция «адвокатов» (с 14,8% — к 11,6% ныне). Скорее всего, на позицию экспертов повлияли последствия социально-экономического кризиса последних двух лет. Уже не внушает прежнего оптимизма позитивная эмоциональная реакция на решительные шаги России во внешнеполитической сфере, наметившиеся в 2014 г. в связи с присоединением Крыма. Думается, что требует существенных коррективов информационная политика, в которой по-прежнему преобладает подача социального и экономического негатива, что, соответственно, и население, и эксперты, связывают с эффективностью, принимаемых элитами и лидерами решений.

Отмеченные оценочные позиции подтверждаются оценками экспертов на другой вопрос (табл. 2).

Таблица 2

Что Вы можете сказать, исходя из своих наблюдений, о динамике качественных изменений современных российских политических и административных элит?

	Варианты ответов	% ответов
1	Изменилась в лучшую сторону	14,6
2	Осталась на прежнем уровне	45,6
3	Изменилась в худшую сторону	33,0
4	Затрудняюсь ответить	3,0

В балансе «полюсов» изменений почти в 2,5 раза преобладают оценки, смещенные в сторону ухудшений: так ныне считают около 1/3 экспертов.

Можно отнести это, как сделано нами выше, к отрицательной динамике социально-экономического развития. Но, думается, что ответы на ряд последующих вопросов подсказывают нам, что дело связано и с определенными изменениями в составе элит, обусловленными сменой поколений: все меньший удельный вес занимают люди, имевшие большой опыт административно-политического управления, а также определенный нравственный стержень.

¹ Понеделков А.В., Старостин А.М. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследований последнего 20-летия (1994–2014 гг.). Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014.

Коррелируют с приведенными экспертными оценками и суждения экспертов о преобладающих установках в ценностно-мотивационной среде элитных слоев (табл. 3).

Таблица 3

Какие ценностные установки и мотивы лежат в основе властно-политической и управленческой деятельности современной правящей элиты России?

№ п/п	Варианты ответов	% ответов
1	Стремление честно служить Отечеству	5,8
2	Владение властью	55,3
3	Иметь доступ к богатствам страны	35,0
4	Обогащение	46,6
5	Карьера, стремление к высоким должностям	54,4
6	Стремление завоевать уважение народа	3,9
7	Другое	14,6

В принципе ничего необычного в элитном аспекте экспертные оценки не показали. В самом деле, если представитель элитной группы не имеет властных, карьерных, собственнических амбиций, то для такого рода индивида и группы в целом это аномально.

Хуже другое — нет сочетания личностных и национально-государственных устремлений. И что от этого, по прошествии ряда лет, исходит с нарастанием процесс формирования антигосударственной, компрадорской элиты. На острую опасность этих тенденций, которые уже на виду, и указывают эксперты. Тем более что запросы текущего момента в России прямо противоположны. Но, очевидно, переломить опасные тенденции пока не удастся.

Следует также отметить, что эксперты, спустя 2–3 года после перехода от докризисного состояния общества к современному, как бы подчеркивают некоторое сужение эффективности механизмов демократического отбора в состав элиты и усиление действенности механизмов теневого отбора (взаимоподдержка в карьерном росте «нужных людей», их приоритетная нацеленность на личные и групповые интересы).

Анализ следующей группы вопросов и ответов позволяет уточнить и конкретизировать оценки и суждения, касающиеся, прежде всего, качественных изменений в элитном слое.

Прежде всего, имеет первоочередную значимость выделить системно-ценностные характеристики элит — на что нацелена их деятельность: на решение частно-корпоративных или общенациональных проблем. От ответа на эти вопросы зависит степень устойчивости государства и его легитимность. Рассмотрим оценки экспертов, посвященные, прежде всего, этой проблематике и тому — просматривается ли здесь какой-то сдвиг.

Так на вопрос о достоинствах и недостатках в деятельности элит получены следующие ответы (табл. 4).

Таблица 4

Какие достоинства и негативные характеристики проявляются в деятельности современных российских политико-административных и региональных элит?

№ п/п	Варианты ответов	% ответов	
		2016 г.	2013 г.
	Умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку	53,4	44,5
	Координация действий различных групп населения	34,0	23,5
	Умение лоббировать интересы населения региона	31,1	26,8
	Чуткость к проблемам населения	11,7	15,5
	Патронирование развития малого бизнеса	8,7	12,3
	Забота о развитии национальной культуры и образования	5,8	13,8
	Другое	8,7	10,3

В принципе, главные приоритетные позиции мало изменились, наблюдается некоторое ослабление и без того низкорангового положения пункта «Чуткость к проблемам населения», который переместился с предпоследнего на последнее место. Как говорится: комментарии излишни.

Но важны детерминанты этого положения. Они просматриваются при ранжировании экспертами факторов, составляющих управленческую эффективность элит. Они были заложены в соответствующий вопрос, заданный и в 2016 г., и в 2013 г. (табл. 5).

Мы «обрезали» около десятка менее значимых позиций. Но в целом кластер негативно-деструктивных факторов за три года практически не изменился. Можно кратко выразить сущность, направленность действий указанных факторов: «Бюрократическая система работает на себя». И изменить в ней что-то крайне сложно. Сложно, потому что механизмы элитообразования сложились и закрепились.

Таблица 5

Отметьте, пожалуйста, факторы, снижающие эффективность действий представителей региональной политико-административной элиты

№ п/п	Варианты ответов	% ответов	
		2016 г.	2013 г.
1.	Коррупция	64,1	57,5
2.	Бюрократизация органов власти	51,5	35,8
3.	Отрыв власти от народа	50,5	47,5
4.	Низкий профессионализм служащих, исполнителей	33,0	28,5
5.	Слабая финансовая и материальная база	22,3	27,8
6.	Отсутствие должной информационной поддержки	20,4	8,5

Переломить действие этих приоритетов крайне сложно. Однако эксперты полагают, что меры такого порядка имеются. Об этом говорят ответы на вопрос (табл. 6).

Таблица 6

Какие меры Вы бы предложили для улучшения качественных характеристик современной правящей российской элиты?

Варианты ответов		% ответов
1	Ужесточение персонального спроса за некачественное исполнение служебных обязанностей	58,3
2	Коррупционное очищение	49,5
3	Дебюрократизация государственного аппарата управления	36,9
4	Кардинальное улучшение работы системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров государственного и муниципального управления	26,2
5	Что еще?	1,9

Какие дополнительные ресурсы могут быть подключены для повышения эффективности элит и усиления их потенциала?

Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Какие силы, Вы считаете, заслуживают поддержки в первую очередь в контексте вывода страны из кризисного состояния?» (табл. 7).

Мы представляем выборку из числа позиций наиболее приоритетных для экспертов.

Таблица 7

Какие силы, Вы считаете, заслуживают поддержки в первую очередь в контексте вывода страны из кризисного состояния?

№ п/п	Варианты ответов	% ответов
1	Малый бизнес	42,7
2	Сильные личности	41,7
3	Президент страны	36,9
4	Ученые, преподаватели	35,9
5	Средний бизнес	32,0
6	Патриотические движения	26,2

В принципе несколько выпадает из этого ряда позиция «Президент страны». Однако за этим чувствуется определенная тревога экспертного сообщества, связанная с нарастающими атаками на В.В. Путина не только со стороны глобалистских сил, но и их партнеров внутри страны. На опасность факторов теневых межэлитных взаимодействий оппозиционно-деструктивной направленности эксперты вполне отрицательно указали, отвечая на вопрос (табл. 8).

Таблица 8

В России всегда значительный удельный вес занимали латентно-теневые взаимоотношения в среде правящего элитного слоя. Поэтому многие качественные изменения в системе российской власти в перестроечные годы и постперестроечные годы конца XX в. оказались неожиданными и трагическими для нашего общества. Какова вероятность такого рода кардинальных трансформаций в ближайшие годы? Как Вам кажется?

№ п/п	Варианты ответов	% ответов
1	Такие изменения возможны, но их вероятность невысокая	43,7
2	Вероятность средняя в режиме «пятьдесят на пятьдесят»	22,3
3	Кардинальные изменения возможны и их вероятность высокая	16,5
4	Кардинальные изменения неизбежны и их вероятность очень высокая	7,8
5	Вероятность практически нулевая	4,9
6	Затрудняюсь ответить	1,0

Из мнений экспертов следует, что их тревожные ожидания соотносятся с политическим оптимизмом на уровне 1:1. Что и включает

в ряд элитных и неэлитных участников современного политического процесса в России Президента страны и как арбитра, и как гаранта устойчивости политической системы.

Выводы. 1. Экспертный опрос 2016 г. показал устойчивость в преобладании ряда стереотипных представлений, прежде всего, о политической и бизнес-элите. И общественное, и экспертное мнение по-прежнему низко оценивают именно элитный человеческий капитал современного правящего слоя. Хотя отдают должное тем качествам, благодаря которым этот слой позиционируется ныне как элитный: агрессия, политическая амбициозность, нацеленность на власть и карьеру. Но в то же время: избегание следования общенациональным интересам и чаяниям населения, способность к манипуляции людьми и т.п. Это действительно комплекс качеств, без которых вряд ли возможна победа в политической борьбе в России. Отмечается все большее стремление действующей элиты обособиться и сохранить властные позиции и полученные коммерческие преференции, и все меньше — в ориентации на решение общегосударственных проблем, проблем национальной безопасности. Можно говорить о фиксации вполне выраженных системных симптомах олигархизации элиты и склонности ко внедемократическим средствам продвижения во власть.

2. Закономерный вопрос: что с этим делать, когда гражданское общество, электорат не силах воздействовать на коррумпированную бюрократившуюся элиту? Четкого ответа на этот вопрос эксперты не дают. С одной стороны, они приветствуют усилия Президента, направленные на очищение элиты административно-политическими мерами и требуют большей стойкости и последовательности, с другой стороны, апеллируют к правовым и культурно-образовательным инструментам, которые призваны окультуривать необходимые устремления элиты. Назрел вопрос о смене «правил игры» в сложившейся в современной России социально-политической ситуации. Однако вариантов смены этих «правил игры» пока достаточно много, они альтернативны и несут в себе значительные риски, которые в российской ситуации XX в. уже неоднократно имели место.

Мы явно находимся на развилке, к тому же подталкиваемые агрессивными кругами глобалистского сообщества, преследующими свои собственные интересы, явно расходящиеся с нашими национальными интересами.

Библиография

1. Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. Ростов н/Д.: СКАГС, 2008.
2. Понеделков А.В., Старостин А.М. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследований последнего 20-летия (1994 — 2014 гг.). Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014.

ПОТАПОВ АРТЕМ ДМИТРИЕВИЧ**ФЕНОМЕН СЕПАРАТИЗМА И ЕГО ТЕНДЕНЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация: в работе проанализировано содержание понятия «сепаратизм», рассмотрены тенденции сепаратизма в современной российской политике и характер политики федерального центра в отношении данных тенденций. Представлены актуальные рекомендации, целью которых является разработка мер для противодействия сепаратизму в современной Российской Федерации.

Ключевые слова: сепаратизм, федерализм, регионы, тенденции, российская политика.

В большинстве определений, которые были сформулированы в советский период развития политической науки, сепаратизм имел отрицательную коннотацию и рассматривался исключительно как явление, характерное для «капиталистического мира». В современных исследованиях сепаратизм рассматривается вне зависимости от типа политической системы в которой он развивается, и практически во всех определениях сепаратизм представляется как система действий, преследующих определенную цель — это отделение: «стремление к отделению»¹, «движение за территориальное отделение»², «действия, направленные на обособление той или иной части политического образования»³, «идеология, политика и практика социальных сил,

¹ Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. М.: Лань, 1999. С. 327.

² Политическая энциклопедия: В 2 т. // Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семитин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семитин. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 158.

³ Купряшин Г.Л. и др. Введение в политологию: Словарь-справочник / Под ред. А.И. Пугачева. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 187.

направленная на отделение от единого государства»¹. Также, в большинстве определений выделяется ряд специфических черт, характеризующих сепаратистские движения: «стремление к отделению от единого государства, этнополитическая природа сепаратизма, остро-конфликтный характер по отношению к национальным политикам государств, наличие в содержании сепаратизма угрозы суверенитету государств и национальной безопасности»².

Рассматривая такой феномен как сепаратизм, необходимо учитывать его природу. В первую очередь, акцент делается на этнонациональных и этноконфессиональных политических процессах, которые могут иметь сепаратистскую направленность, поскольку нередко связаны со стремлением территорий или общностей к самоопределению и носят конфликтогенный характер. В настоящее время, как в России, так и во всем мире, этнополитическая сфера по причине высокой конфликтогенности обоснованно вызывает всё больше интереса и внимания (в связи с этим, например, в 2015 году в СПбГУ на факультете политологии была открыта первая в России кафедра этнополитологии). Причиной стало осознание научным сообществом недооценки значимости этнополитических процессов, которые в перспективе могут привести к неконтрольному росту этнополитической напряженности и перерастанию сепаратистских тенденций в открытые фазы этнополитических конфликтов. Несмотря на то, что проявления этнонационализма в ряде российских регионов на современном этапе не имеют радикального характера и не распространены повсеместно, угроза разрастания этносепаратизма сегодня сохраняется, пусть и носит латентный характер³. Этнополитический фактор зачастую имеет ключевое значение при возникновении сепаратистских движений и тенденций, однако признавая его значимость, стоит отметить, что он не может быть единственным: не последнюю роль играют политические, экономические и социальные факторы. Всё это

¹ Володин А.В. Региональный сепаратизм: проблемы теории и практики. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 16.

² Ахметов А.А. Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления: дис. канд. полит. наук. Моск. гос. обл. ун-т. М., 2013 С. 39.

³ Гордеев В. Дальневосточный сепаратизм: миф или реальность? // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в.: Сб. науч. статей. Владивосток, 1999. С 135–135.

говорит о том, что сепаратизм выступает как многомерный, сложный феномен, обусловленный целым комплексом причин.

Сегодня на территории Российской Федерации не существует крупных, действующих политических течений, организаций или партий, которые открыто выступают за сецессию или максимальную автономию региона от федерального центра. С приходом к власти В.В. Путина, за 2000-е годы федеральный центр с помощью реформ, жесткой централизации и, в случае Северо-Кавказского региона, военного вмешательства смог ликвидировать сепаратистские настроения и их очаги, возникшие в 90-е годы. Результатом такой политики стало снижение уровня влияния организаций, поддерживающих сепаратистские идеи (например, Всетатарский общественный центр), и восстановление контроля над Северо-Кавказским регионом (сторонники независимого государства Ичкерия находятся в эмиграции (А. Закаев и др.), убиты (А. Масхадов, Хаттаб и др.) или приняли сторону действующего легитимного правительства республики (М. Ханбиев и др.)). Таким образом, как отмечает Чарльз Кинг, профессор Джорджтаунского университета, «за время пребывания Путина на российском политическом Олимпе автономистские и сепаратистские устремления смолкли»¹. Однако, при всех упомянутых успехах, сепаратизм для России, как для крупного полиэтничного государства, остается одной из самых актуальных и серьезных угроз.

На сегодняшний день совершенно необходимым видится поддержка советской концепции «дружбы народов», которая, несмотря на распад СССР, не потеряла своей актуальности и значимости. Активный «диалог культур» должен стать неотъемлемой частью и одной из наиболее приоритетных задач внутренней политики Российской Федерации, поскольку в противном случае вероятность развития сепаратистских тенденций будет зависеть лишь от способности федерального центра поддерживать на должном уровне экономическое благосостояние регионов страны. Концепция «дружбы народов» для Российской Федерации является альтернативой «единой общероссийской идеологии», создание и формулирование которой на государственном уровне запрещена статьей 13 Конституции РФ. На се-

¹ Маркедонов С. Беловежское наследие. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 23.12.2012. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Belovezhskoe-nasledie-15788> (дата обращения: 18.04.2016).

годняшний день существование т.н. идеологического и культурного «вакуума» в регионах приводит к тому, что на региональные, локальные, этнические идеологии и культуру местные жители ориентируются в первую очередь, не ощущая тесной связи ни с федеральным центром, ни и с другими регионами страны. В связи с этим, во-первых, необходимо проводить как можно больше форумов, посвященных единству и солидарности всех граждан Российской Федерации, культурному обмену и знакомству людей из различных регионов России, а во-вторых, организовать обмен студентами внутри страны по примеру международного обмена студентами. Подобные меры позволят сформировать и поддерживать бренд многонационального государства, который будет положительно отражаться на общероссийской гражданской идентичности.

Важно сказать, что отсутствие у части населения Российской Федерации гражданского самосознания и гражданской идентичности является одной из наиболее острых и важнейших проблем, которая берет свои корни в 90-х годах. Автор считает, что решение данной проблемы может стать профилактикой не только латентных, но и радикальных сепаратистских тенденций в стране. Вместе с этим существует мнение, что причина существования сепаратистских тенденций, особенно в радикальной форме, заключается не столько в отсутствии гражданской идентичности, сколько в необразованности, однако существуют конкретные прецеденты присоединения образованных людей к сепаратистским организациям, группировкам и боевым джамаатам: дагестанец Абузагир Мантаев, получивший кандидатскую степень политических наук в Москве, стал боевиком одной из ваххабитских группировок и был убит бойцами федеральных правоохранительных органов в 2005 году; Махач Расулов, выпускник ДГУ, работавший журналистом и телеведущим, стал боевым «амиром» Махачкалы и был убит бойцами федеральных правоохранительных органов в 2006 году. Таким образом, можно предположить, что во многом именно отсутствие чувства сопричастности к гражданскому обществу является одной из реальных и наиболее важных причин оттока граждан таких регионов как Северный Кавказ от мирной жизни и присоединения к различным сепаратистским группировкам.

О методах борьбы с сепаратистскими тенденциями, которые являются альтернативой силовому решению проблем, начали говорить

(в частности, глава ФСБ А.В. Бортников) еще в 2010 г. в рамках борьбы с сепаратистскими группировками в Северо-Кавказском регионе. Один из возможных методов — это ведение диалога с умеренными сепаратистскими организациями и их контроль. Причиной конфликтов с сепаратистами может служить резко негативное отношение руководства страны к умеренным сепаратистам. Проблема заключается в том, что умеренные и радикальные сепаратистские организации часто никак не разграничиваются, в связи с чем правоохранительные органы ведут активную борьбу силовыми методами с практически любыми проявлениями сепаратизма. Таким образом, на место ликвидированных умеренных организаций приходят радикальные и ультрарадикальные группировки. И.П. Добаев, автор множества монографий и публикаций по проблемам радикального ислама и геополитики Кавказа, зам.директор Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН, считает, что «...среди этого движения есть разные джамааты, а власти без разбору наносят удары по ним, радикализуя тех, с кем можно было бы еще поработать в идеологическом плане...Если мы поймем, что с этими людьми можно и нужно работать, а не таскать их по тюрьмам, то мы еще чего-то сможем достичь»¹.

Несмотря на то, что в рамках обсуждения темы сепаратистских тенденций в России традиционно рассматривают Северный Кавказ, на сегодняшний день можно назвать несколько регионов, где предположительно могут существовать или существуют сепаратистские тенденции. Сегодня существование региональных идентичностей, которые так или иначе могут противопоставляться российской, наблюдается в таких регионах как Сибирский ФО, Дальневосточный ФО и Уральский ФО. В связи с этим возникает объективная необходимость в формулировке индивидуальных стратегий взаимодействия федерального и регионального уровней государственной власти, которые соответствовали бы специфике каждого отдельно взятого региона и позволяли бы поддерживать реальный диалог. Отсутствие подобного рода стратегий приводит к возникновению мифа о непричастности руководства страны к жизни региона у местных жителей

¹ Волошинова В. Что такое джамаат? Интервью с Добаевым Игорем Прокопьевичем. [Электронный ресурс] // Кавказский Узел. 21.02.2005. URL: <http://werawolw.narod.ru/sociology/interethnic/SinterethnicDobaev.htm> (дата обращения: 24.04.2016).

того или иного субъекта, что может способствовать развитию сепаратистских тенденций.

Библиография

1. *Ахметов А.А.* Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления: Дисс. ... канд. полит. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2013. 184 с.
2. *Володин А.В.* Региональный сепаратизм: проблемы теории и практики. М.: Диалог-МГУ, 1999. 103 с.
3. *Гордеев В.* Дальневосточный сепаратизм: миф или реальность? // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в.: Сб. науч. статей / Ред. Н.Е. Черьолуцкая. Владивосток, 1999. С. 135–135
4. *Добаев И.* Конфессиональные факторы — не ключевая причина войны на Северном Кавказе. [Электронный ресурс] // Кавказский узел. 18.01.2005. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.ru/articles/68544/> — Загл. с экрана (30.04.2016).
5. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Конституция Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-6.htm> — Загл. с экрана (14.04.2016).
6. *Купряшин Г.Л.* и др. Введение в политологию: Словарь-справочник / Под ред. А.И. Пугачева. М.: Аспект Пресс, 1996. 264 с.
7. *Маркедонов С.* Беловежское наследие. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 23.12.2012. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Belovezhskoe-nasledie-15788> Загл. с экрана (18.04.2016).
8. Политическая энциклопедия: В 2 т. // Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семитин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семитин. М.: Мысли, 1999. Т. 2. 701 с.
9. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. М.: Лань, 1999. 528 с.

ЦВЕТКОВА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА

ТЕХНОЛОГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье показаны технологии моделирования современного территориального устройства Российской Федерации, которые представляют собой — объединение (укрупнение, слияние) субъектов, деление существующего субъекта на части, разукрупнение субъектов и создание новых субъектов за счет новых территорий. Автор рассматривает более десятка моделей изменения территориального устройства Российской Федерации на протяжении последних десятилетий.

Ключевые слова: территориальное устройство, укрупнение субъектов РФ, изменение границ субъектов РФ, административно-территориальное деление.

В настоящее время проблема укрупнения ряда субъектов РФ особо актуализировалась в политических кругах. Неоднократно многие политики и ученые высказывались за «сокращение числа полноправных субъектов, либо за создание дополнительных структур, которые бы компенсировали чрезмерную диверсификацию для того, чтобы обеспечить устойчивость этой системы и эффективность принимаемых в ней управленческих решений»¹.

В апреле 2016 г. спикер Совета Федерации В. Матвиенко заявила о необходимости укрупнения ряда субъектов РФ. Причем укрупнение должно происходить «не по чей-то воле, а имея под этим экономические, инвестиционные и иные обоснования. Есть субъекты РФ, которые точно нежизнеспособны самостоятельно в силу объективных причин, а не по тому, что там плохие губернаторы»². Причем Председатель Совета Федерации не уточнила, какие субъекты должны присоединиться к более успешным.

Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации по экономической политике Сергей Калашников обозначил регионы, которые нуждаются в скорейшем укрупнении. По его мнению, в Поволжье «следует объединить ряд национальных республик (например, Чувашию, Мордовию и Марий Эл), поскольку несправедливо, что одни малые народности имеют квазигосударственную субъектность, а другие — нет»³. Единые экономические конгломераты возможны после слияния Пермского края и Свердловской области, а также Хабаровского края, Амурской области и Еврейской автономной области. По мнению, федеральных властей укрупнение позволит оживить депрессивные территории и уйти от дисбаланса в социально-экономическом развитии между субъектами РФ.

На урбанистическом форуме в Москве мэр столицы С. Собянин заявил о концентрации населения в крупных агломерациях как конкурентном преимуществе России и указал на необходимость разра-

¹ Политический анализ концепции федерализма / И.Б. Гоптарева, Оренбург: Юж. Урал, 2002. С. 225–226.

² В России могут появиться «суперсубъекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2016/4/27/807577.html> (дата обращения: 29.08.2016).

³ Пересмотр границ регионов встряхнет РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: html.ocial.utro.ru/blog/43341883500/Peresmotr-granits-regionov-vstryahnet-RF

ботать новое территориальное устройство Российской Федерации¹. Причем программа форума включала тему быстрорастущих мегаполисов и развития их технологий. Многие эксперты связывают тему укрупнения с не промышленным развитием, а наоборот, со сворачиванием производств в небольших субъектах РФ. Формирование крупных агломераций сегодня является неизбежным следствием деиндустриализации и экономического кризиса всей современной экономической системы.

Идея нового территориально устройства Российской Федерации в основном связаны с агломерацией и многие политики делают ставку на концентрацию населения в агломерациях. При этом возникает много вопросов. Президент Института национальной стратегии М. Ремизов обратил внимание, на сколько, широко следует понимать агломерацию и какой радиус предполагается вокруг расселения крупных городов. По мнению М. Ремизова, укрупнение регионов в целом ряде случаев позволило бы решить проблему без ущемления прав этнических групп, так как эти права могут реализовываться в образовании на родном языке, в сохранении идентичности относительно территориальным формам. Второй аспект в том, что это экономически равномерное отчленение регионов, так как если региональные власти хотят бюджетного федерализма, тогда это требует более равномерных, более сопоставимых регионов, так как перекосы в потенциале затрудняют развитие федеративных отношений на экономическом и бюджетном уровне².

В субъектах РФ идея вызвала у региональных властей противоречивые отклики. Мэр Пермского края И. Сапко заявил о необходимости объединения территории двух субъектов РФ — Пермского края и Удмуртии, аргументировав данное предложение социально-экономическими, культурными и этническими связями между субъектами РФ³.

Отметим, идея объединения с другими территории и изменения границ Пермского края звучала неоднократно. Ранее в Совете Феде-

¹ Численность населения на территории московской агломерации достигла 25 миллионов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2152091.html> (дата обращения: 29.08.2016).

² Диспаритет регионов и заселение провинций: эксперт о новом обустройстве РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2152789.html>

³ Глава Перми предложил объединить Удмуртию и Пермский край [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aifudm.net/news/news117466.html>

рации сенатор от Брянской области С. Калашников предлагал объединить Свердловскую область с Пермским краем. По его мнению, Пермский край и Свердловская область могли бы объединиться, так как эти субъекты РФ обладают взаимодополняемыми промышленными предприятиями¹.

Представитель коммунистической партии «КПРФ» В. Губарев не видит целесообразности в изменении территориального устройства страны и усилении агломераций. Парламентарий остро отреагировал на высказывания С. Собянина о том, что правительство Российской Федерации готовит проект нового территориального устройства страны, который учитывает современные процессы урбанизации. В то же время было отмечено, что любые территориальные изменения должны сочетаться с объективными условиями².

Автор считает, что Российская Федерация особая моноэтническая и многонациональная страна и образованию каждого отдельного субъекта способствовала этническая идентичность. Укрупнение административно-территориальных единиц (субъектов РФ) приведет к территориальным конфликтам и напряженной обстановке, особенно в национальных республиках. В основном укрупнение субъектов РФ достигается для оптимизации в управлении, но процесс территориального укрупнения не устраняет существующие между ними разрывы в уровне жизни, а идея самодостаточности субъекта объективно толкает их к сепаратизму³.

Обратим внимание, проблема изменения территории и укрупнения субъектов РФ стоит на повестке дня уже более двадцати лет. За последние годы было обнародовано более десятка моделей изменения территориального устройства Российской Федерации.

Рассмотрим модели изменения административно-территориального деления Российской Федерации в хронологической последовательности. Одним из первых был проект географов Л. Смирнягина и А. Новикова в 1995 г. По проекту предполагалось формирование

¹ Сенатор предложил объединить Томскую область с Пермским краем и Свердловской областью [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tv2.tomsk.ru/news/senator-predlozhit-obedinit-tomskuyu-oblast-s-permskim-kraem-i-sverdlovskoy-oblastyu>

² Территориальные изменения должны сочетаться с объективными условиями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2153112>

³ *Бабурин В.* Чем больше территория — тем лучше жизнь? // Век. 2002. № 12. С. 4.

на каждом властном уровне автономной территориальной структуры, при этом учитывался ключевой принцип, который был заложен в разной конфигурации субъектов РФ и сетки федеральных округов. В 1999 году В. Жириновский отстаивал идею отказа от национально-территориального принципа административно-территориального деления¹. Данная модель была направлена на территориальный принцип размежевания территории и ликвидацию межнациональный и межэтнический противоречий. Было предложено разбить территорию Российской Федерации на семь губерний (Московскую, Поволжскую, Северную, Южную, Уральскую, Сибирскую и Дальневосточную). Предложения В. Жириновского о создании «семи губерний» стало не актуально после образования семи федеральных округов в соответствии с указом Президента России от 13 мая 2000 г., не затронувших субнациональные границы субъектов РФ. Хотя создание федеральных округ, по мнению политика, так и не позволило отказать от принципа национально-территориального размежевания территории.

В марте 2004 г. В. Жириновским был предложен проект «суперукрупнения» субъектов РФ, предполагавший создание 15 губерний по географическому, экономическому и естественному принципам. Образование 15 губерний повлекло бы за собой кардинальные изменения не только субнациональных границ субъектов РФ, но и конституции РФ.

Аналогичный проект, не предусматривавший изменения субнациональных границ субъектов РФ, представлен в работе О. Герасимова, И. Яхонтова и Я. Бутакова².

В 2004 году был разработан проект «пятнадцать округов Российской федерации». Его разработчики В. Бельдей, А. Собянин, В. Турабов, Г. Хрусталеv выступали за создание 15 округов России с сохранением ныне действующих (89) субъектов РФ по принципу обеспечения национальной безопасности и экономической целостности макрорегионов, что требовалось в данный период времени. По

¹ Национально-государственное строительство России в свете проблем внутренней безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_5_1.htm (дата обращения: 29.08.2016).

² Укрупнение регионов [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// old.duma.tomsk.ru/files2/5393.pdf](http://old.duma.tomsk.ru/files2/5393.pdf)

проекту необходимо было разделить административное устройство и государственное регулирование экономического и социального развития субъектов РФ. Главы федеральных округов должны были быть назначены президентом России и иметь достаточно широкие полномочия, а роль федерального округа максимально усилена. На тот период времени сохранялась напряженная обстановка в отношении укрупнения субъектов РФ, особенно среди глав национальных республик. Данный проект был сосредоточен на внешнеэкономических приоритетах приграничного сотрудничества.

По сути, аналогичные элементы имели проекты «пятнадцать губерний» и «пятнадцать округов Российской Федерации»¹, подразумевавшие слияние субъектов РФ с минимальными изменениями и корректировкой субнациональных границ субъектов РФ.

В 2004 году была предложена еще одна модель реорганизации административно-территориального деления Российской Федерации. Доктор экономических наук А. Потемкин выступал за создание 12 субъектов РФ (на тот период вместо 89 субъектов РФ), один федеральный округ — 11 губерний и один федеральный округ г. Москва². Данная модель строилась на раскрытии преимуществ экономического подхода, концентрации ресурсов субъектов РФ, так как исследователь предполагал, чем больше по территории субъект федерации, тем выше концентрация его ресурсов. Отметим, в данной модели применение центр-периферийного подхода. Региональные элиты не размываются по небольшим субъектам РФ, а стягиваются к федеральному центру, где проходят более жесткий отбор. При этом А. Потемкин указывает на районирование в развитых странах, которое происходит по экономическому принципу и превалирует над политическим. Например, в ФРГ 80 миллионов населения проживает в 15 субъектах федерации; в Индии миллиард жителей располагаются на 9 союзных территориях и в 21 штате; в США 300 миллионов проживают в 52 штатах, Китай с населением выше миллиарда делится на 22 провин-

¹ Региональная реформа управления: проекты и реальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/mba/nr/11ch.pdf (дата обращения: 29.08.2016).

² Региональная реформа управления: проекты и реальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/mba/nr/11ch.pdf (дата обращения: 29.08.2016).

ции и 5 автономных районов; на Бразилию с численность граждан 200 миллионов приходится 52 штата и 4 территории.

Проект СОПС имел широкую огласку и нашел поддержку региональной элиты по вопросу упразднения части субъектов РФ. Данный проект был разработан Советом по изучению производительных сил. Данная организация одна из старейших научно-исследовательских организаций России. В основу изменения территориального устройства была положена концепция экономической самодостаточности субъекта РФ, его самодостаточность и способность существовать без поддержки федерально центра. Территория Российской Федерации по проекту СОПС была разделена на 28 субъектов, придав им статус губерний (28 губерний). Разработчики впервые предложили эволюционный подход перехода к данной модели — общероссийский референдум, территориальные объединения субъекта федерации без конституционного статуса и губернатор-координатор для управления группой областей, краев, республик. Для ускорения процесса, по мнению главы Комитета Совета Федерации по делам федерации и региональной политике А. Казакова, необходимо внести коррективы в действующую правовую базу, в частности в законе «О референдуме Российской Федерации»¹. Российское законодательство по вопросу проведения референдума указывает на запрет проведения плебисцита по изменению территориального устройства Российской Федерации. В данной модели приоритет был отдан экономической составляющей, с чем согласится крайне сложно, так как Российская Федерация многонациональная страна и на первое место необходимо ставить социальные и национально-культурные особенности.

Проблема укрупнения субъектов РФ напрямую зависит от особенностей политического пространства России. К особенностям относят: неоднородность «большого пространства»; преобладание вертикальных связей над горизонтальными; неосвоенность стратегически важных территорий; большие разрывы между освоенными и обжитыми ареалами².

¹ Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2004/06/30/referendum-zakon.html> (дата обращения: 29.08.2016).

² Бирюков С.В. Регионализм в современной России: Проблемы и перспективы: монография. М.: ТЕИС, 2011. С. 65.

На наш взгляд, главная причина укрупнения субъектов основана на концепции «центр-периферия» (Дж.Фридман). «Сильный» субъект (центр) стремится к слиянию с экономически выгодным «сырьевым» субъектом (периферия), обладающим высоким промышленным потенциалом (нефть и газ). Примером выступает единственная в стране Еврейская автономная область, которая может стать частью Хабаровского края.

Особая ситуация складывается в сложносоставных «матрешечных» субъектах РФ. Суть «матрешечного принципа» построения федерации, когда по Конституции один ее субъект федерации (автономный округ) входит в состав другого, равноправного с ним субъекта. Вспомним, процесс укрупнения регионов начался в 2001 году, после принятия закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта»¹. Тенденция укрупнения регионов началась в 2000-х годах в ходе реформы административно-территориального деления России. Первый пример продемонстрировали Пермский край и Коми-Пермяцкий автономный округ. В ходе реформы 2007 г. Таймыр и Эвенкия вошли в Красноярский край, Усть-Ордынский Бурятский округ влился в Иркутскую область. «Матрешечные» регионы постепенно теряют статус самостоятельного субъекта Федерации и присоединяются к более крупным по экономическому потенциалу территориям.

В настоящее время существуют два сложносоставных, «матрешечных» субъекта РФ (Тюменская область и входящие в нее Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа; Архангельская область и входящий в нее Ненецкий автономный округ).

Автор отмечает, что от географического положения зависит спорный участок территории. Процесс тяготения происходит не к тому субъекту Российской Федерации, который владеет территорией, а к субъекту, который окружает данный участок. На таком основании возник территориальный спор между Тамбовской областью и Саратовской областью по Мучкапский району. По этой же причине произошло ряд изменений территории Российской Федерации (передача

¹ Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10103372/> (дата обращения: 05.04.2015).

Сокольского района из состава Ивановской области Нижегородской области, передача Татарского района Новосибирской области Омской области; передача территориального участка села Заречье из состава Еврейской автономной области Амурской области; передача поселка Гремячий и прилегающих к нему территорий из состава Солигаличского района Костромской области в состав Грязовецкого района Вологодской области).

Причина ряда случаев изменения границ субъектов РФ связана с экономическим фактором, получение прибыли от спорных участков территории заставляет субъектов выдвижения инициативы разжигать вопросы территориальных притязаний (территориальный конфликт между Калмыкией и Астраханской областью по поводу «Черных земель»; территориальный конфликт между Костромской и Ивановской областями по прохождению субнациональной границы в районе реки Немда).

Историческая принадлежность территории влияет на вероятность возникновения спорного вопроса в отношении ее субъекта Российской Федерации (территориальный конфликт между Чеченской Республикой и республикой Ингушетия в отношении Сунженского и части Малгобекского районов республики Ингушетии).

В основном изменение внутристрановой территории и моделирование политического пространства происходит между городами федерального значения (между г. Санкт-Петербургом и Ленинградской областью; г. Москвой и Московской областью).

При моделировании современного территориального устройства Российской Федерации следуют рассмотреть политико-правовую базу. В настоящее время по законодательству в Российской Федерации изменение границ между субъектами федерации могут проходить только при взаимном согласии субъектов федерации (ч. 3 ст. 67 Конституции РФ). Изменение границ субъектов РФ подлежит утверждению Советом Федерации (ст. 102). Территория субъекта Российской Федерации может быть изменена путем объединения двух и более субъектов, имеющих между собой границы, а также в результате принятия в ее состав нового субъекта. Изменения территории предусмотрено в Федеральном Конституционном законе от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в состав Российской

Федерации и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»¹.

По Федеральному закону образование нового субъекта РФ осуществлялось на добровольной основе, с учетом мнения населения, выраженного на региональных референдумах прежних субъектов РФ, выступивших с инициативой объединения. Таким образом, на практике реализовались нормы Федерального закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» в части образования путем слияния новых субъектов в составе Российской Федерации. Реализовалась и норма принятия в Российскую Федерацию нового субъекта РФ после проведения референдума 16 марта 2014 г. в Республике Крым и городе Севастополе (Украина). В результате референдума было принято решение о воссоединении с Российской федерацией на правах субъектов Российской Федерации. С учетом свободного и добровольного волеизъявления народов Крыма Президент РФ В.В. Путин издал Указ от 17 марта 2014 г. «О признании Республики Крым», что стало предпосылкой для заключения Договора от 18 марта 2014 г. между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов. После ратификации Договора в составе Российской Федерации были включены Республика Крым и город Федерального значения Севастополь. Отметим, данный договор полностью соответствует Конституции РФ и по существу нормативно оформил легитимность присоединения республики Крым и Севастополя, добровольность их вхождения в Российскую Федерацию на правах равноправных субъектов.

Итак, технологии моделирования современного территориально-устройства Российской Федерации представляют собой — объединение (укрупнение, слияние) субъектов РФ; деление существующего субъекта на части, разукрупнение субъектов РФ; создание новых субъектов из частей двух и более (объединение фрагментов).

¹ Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/184002> (дата обращения: 29.08.2016).

ЧАПКОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: статья анализирует опыт международного взаимодействия Астраханской области с другими государствами. На сегодняшний день возвышение регионов как административно-территориальных единиц в составе государств обусловлено современными мировыми тенденциями усиления международной интеграции и глобализации, а вопросы приграничного и трансграничного сотрудничества актуализируются с каждым днем. В статье автор акцентирует внимание на взаимодействии Астраханской области со странами Каспийского региона, а также на политико-экономическом международном межрегиональном взаимодействии Астраханской области со странами дальнего и ближнего зарубежья.

Ключевые слова: Каспийский регион, Астраханская область, международное межрегиональное сотрудничество, регион, приграничное сотрудничество, внешнеторговый оборот, особая экономическая зона, геополитика.

На сегодняшний день возвышение регионов как административно-территориальных единиц в составе государств обусловлено современными мировыми тенденциями усиления международной интеграции и глобализации. Актуальными на повестке дня сегодня становятся вопросы, касающиеся трансграничного и приграничного сотрудничества, что, в свою очередь, вызывает всё больший интерес. Это подтверждается тем, что сегодня во многих государствах действует законодательство, закрепляющее за регионами полномочия, выходящие естественным образом за пределы их территориальных границ, как то, в сфере внешней торговли, экологии, научного и гуманитарного сотрудничества.

Регионы все активнее участвуют в международной деятельности, стремятся к расширению собственной самостоятельности на международной арене, что является важной частью более широкого процесса регионализации и федерализации. Региональная вовлеченность в сферу международных отношений, долгое время относившейся к исключительной компетенции государства, требует четкой проработки политико-правовых аспектов. В контексте этой проблематики затрагивается ряд вопросов — от обеспечения территориальной целостности государства и его единого внешнеполитического курса, межнационального и межэтнического взаимодействия в приграничных

зонах до вопросов, касающихся регионального экономического и социального развития.

Сегодня Астраханская область активно участвует в международном сотрудничестве с целью содействия росту экономики, привлечения инвестиций и технологий, укрепления научных, образовательных и культурных контактов, а также поддержки соотечественников.

Приоритетные направления международной межрегиональной деятельности Астраханской области определяются ее географическим положением. Располагаясь в Прикаспийской низменности, Астраханская область поддерживает исторические контакты, в первую очередь, со странами Каспийского региона. Помимо этого уже на протяжении нескольких лет Астраханская область активно сотрудничает со странами дальнего зарубежья, расширяя уже имеющиеся связи со странами Европы и Азии.

На сегодняшний день важным стратегическим вектором в осуществлении российской внешней политики является отношения со странами Каспийского региона. Как географическая величина Каспийский регион богат внушительным запасом углеводородного сырья, а также представляет собой геополитический перекресток межконтинентальных и межнациональных транспортных направлений и коммуникаций¹.

Каспийский ареал претерпевал значительные, порой кардинальные переоценки, превращаясь из евразийской периферии в динамичный геополитический перекресток².

С учетом расположения Астраханской области в прикаспийской низменности на юго-востоке европейской части страны, руководство Астраханской области всячески поддерживает исторические связи и налаживает новые, в первую очередь, со странами Каспийского региона: Республикой Казахстан, Азербайджанской Республикой, Исламской Республикой Иран и Туркменистаном. Геополитические «координаты» Каспийского региона представляют собой сообщество

¹ Усманов Р.Х., Джавад З.Д. Новый вектор исследования современных геополитических процессов в каспийском регионе в аспекте национальной безопасности государств // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 73.

² Усманов Р.Х. Проблемы и перспективы этнополитической безопасности и стабильности государства. Прикаспийский вектор Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 445.

государств, объединенных географическими, политическими, социально-экономическими, религиозными и этническими ценностями¹.

Продвижение интересов области на рынках стран Каспийского региона, а также создание эффективной структуры взаимодействия с прикаспийскими странами для обеспечения устойчивого развития международного и межрегионального сотрудничества является стратегической целью Астраханской области. За счет подготовки и заключения соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Астраханской области и анализа их реализации, проведения встреч и переговоров с прикаспийскими партнерами на официальном уровне осуществляется достижение поставленной цели.

Астраханская область, являясь равноправным субъектом Российской Федерации, ведет активную международную деятельность и поддерживает тесные и плодотворные контакты со странами ближнего и дальнего зарубежья. Ведь именно с давних пор астраханские земли были географическим центром торговли между азиатскими и европейскими государствами. В рамках внешнеэкономического курса Астраханская область на сегодняшний день становится одной из приоритетных и желанных площадок для реализации разного рода продукции, инвестирования капитала и осуществления совместных проектов.

Международное сотрудничество дает высокие результаты деятельности астраханских предприятий в области добычи энергетических природных ресурсов, охраны окружающей среды, торговли и так далее. Астраханская область, реализуя международное межрегиональное сотрудничество со странами Каспийского региона, постепенно становится обладательницей статуса форпоста России на Каспии, тем самым, повышая свой международный потенциал. Именно от международной активности Астраханской области под эгидой федерального центра зависят позиция Российской Федерации и расстановка сил в Каспийском регионе.

Важнейшей формой международного сотрудничества для Астраханской области является приграничная форма сотрудничества с

¹ Усманов Р.Х. Международное взаимодействие и перспективы Каспийского региона — предварительный анализ итогов Астраханского саммита // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 95.

Республикой Казахстан. Сотрудничество Астраханской области с областями Республики Казахстан является стратегически важным, взаимовыгодным и актуальным на сегодняшний день, поскольку способствует расширению производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, стимулированию бизнеса и приграничной торговли, что, в свою очередь, стимулирует экономическое развитие области¹.

Налаженные и крепкие приграничные связи выступают, своего рода, гарантом совместного решения экономических, гео-стратегических, гуманитарных, экологических и ряда других проблем, возникающих не только между Россией и Казахстаном, но в Каспийском регионе в целом. Развитие взаимоотношений в рамках приграничного сотрудничества позволит в перспективе выработать единую нормативно-правовую базу в рамках реализации проекта особой экономической зоны, функционирующей на территории Астраханской области.

Приграничное сотрудничество дает высокие результаты деятельности астраханских предприятий в области добычи энергетических природных ресурсов, охраны окружающей среды, торговли и так далее. Астраханская область, реализуя приграничное сотрудничество, постепенно становится обладательницей статуса форпоста России на Каспии, тем самым, повышая свой международный потенциал, и именно от международной активности Астраханской области под эгидой федерального центра зависят позиция Российской Федерации и расстановка сил в Каспийском регионе.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что работа астраханской дипломатии направлена на осуществление партнерства с прикаспийскими государствами, что подтверждается эффективными результатами во всех сферах деятельности: от открытия дипломатических представительств до реализации большого числа совместных гуманитарных проектов. Международное межрегиональное сотрудничество дает высокие результаты деятельности астраханских предприятий в области добычи энергетических природных ресурсов, охраны окружающей среды, торговли и так далее. Астраханская об-

¹ Джанталева М.Ш. Приграничное сотрудничество России и Казахстана как фактор обеспечения национальной безопасности в пограничном пространстве двух стран. Астрахань: Издательство АГУ, 2015. С. 26.

ласть, реализуя международное межрегиональное сотрудничество со странами Каспийского региона, постепенно становится обладательницей статуса форпоста России на Каспии, тем самым, повышая свой международный потенциал.

Библиография

1. Джанталева М.Ш. Приграничное сотрудничество России и Казахстана как фактор обеспечения национальной безопасности в пограничном пространстве двух стран. Астрахань: Издательство АГТУ, 2015. С. 24–30.
 2. Усманов Р.Х. Международное взаимодействие и перспективы Каспийского региона — предварительный анализ итогов Астраханского саммита // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 93–102.
 3. Усманов Р.Х. Проблемы и перспективы этнополитической безопасности и стабильности государства. Прикаспийский вектор Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 443–452.
 4. Усманов Р.Х., Джавад З.Д. Новый вектор исследования современных геополитических процессов в каспийском регионе в аспекте национальной безопасности государств // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 71–77.
-
-

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ВОЛОСОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

ЧЕЧНЯ И РУССКИЙ МИР

Аннотация: рассматривая особенности общественно-политического развития России на современном этапе, нельзя оставить без внимания проблемы межнационального взаимодействия, поскольку последние далеко не всегда осуществляются по консервативному сценарию. Вхождение Чечни в состав России было непростым, что, в свою очередь, обусловило целый ряд проблем межэтнического, межконфессионального, политико-управленческого, культурного характера. Безусловно, решение этих вопросов не может и не должно связываться с силовым подходом. Напротив, диалог и взаимопонимание являются важнейшими и ключевыми условиями достижения, сохранения и укрепления полноценного мира и гармонии как в отдельном регионе РФ, так и в стране в целом. В этой связи автор статьи предприняла попытку выявить и изучить возможные «точки соприкосновения» между чеченским и русским миром.

Ключевые слова: культура, ценности, русский мир, российская цивилизация, Православие, исламский фактор, диалог культур.

Ключевой характеристикой современных обществ является резкое обострение противоречий во всех жизненно важных сферах человеческого взаимодействия. Особой остротой и актуальностью отличаются национальные проблемы, которые также свойственны и российскому обществу.

Пристальный исследовательский интерес к данному разряду проблем обусловлен, прежде всего, стремлением сохранить Россию в качестве устойчивого, гармонично развитого, многонационального государства, которое признает равное положение всех народов, исключение политики дискриминации, необходимость профилактики

межнациональной конфронтации, вражды, опасность таких проявлений общественного поведения, как расизм, ксенофобия, крайний национализм, которые имеют глубокие исторические корни.

В силу объективных причин, последнее десятилетие характеризуется повышенным интересом исследовательских кругов к такому вопросу как политическое и этнокультурное устройство Северо-Кавказского региона. Тенденция, направленная на межнациональное укрепление отношений федерального центра с республиками Северного Кавказа, актуализирует проблему этнокультурной характеристики его народов.

Северный Кавказ справедливо рассматривать в качестве уникального региона, но при этом следует отметить, что он остается зоной сложного переплетения социокультурных, религиозных, духовных и политических противоречий. Затруднительным сегодня является определение социокультурной идентичности региона, а также его места и специфики в составе РФ.

Изучая Северо-Кавказский регион, ученые стремятся подчеркнуть то общее, что роднит народы, этого региона с другими гражданами РФ.

Составной частью «кавказской и общероссийской цивилизации»¹ является история и культура чеченского народа. Чеченская Республика — неотъемлемая часть РФ, однако при тесном взаимодействии с культурами народов России, сумевшая сохранить свою идентичность, культурные особенности, традиции и духовно-нравственные ценности. В связи с этим, возникает закономерный вопрос о том, как обеспечить стройное, гармоничное многоголосье народов, национальностей, проживающих на территории РФ. По мнению ряда исследователей, универсальным инструментом в данном случае является диалог культур.

В постоянно меняющихся условиях современного мира, взаимодействие культур России, Чечни, а также других участников международных отношений — исключительно актуальная тема. Высокий уровень культурной взаимосвязи между различными народами, этносами, является залогом целостности любого государства. Суще-

¹ *Ибрагимов М.М.* Чеченская Республика как субъект Российской Федерации: историософские размышления // *Ибрагимов М.М.* Современная научная мысль. М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2015. № 3. С. 79–85.

ствование и развитие любой культуры невозможны без общения, взаимодействия, диалога. Под диалогом культур Ш.М. Арсалиев подразумевает «открытость культур друг другу»¹. Это возможно, по мнению автора, только при выполнении ряда условий, таких как, «равенство всех культур, признания права каждой культуры на отличия от других, уважения к чужой культуре»².

На роль взаимосвязанной системы социокультурного развития, которая опирается на общность традиций и обычаев народов России, претендует, набирающая популярность в научном дискурсе, концепция «русского мира». Тема, сформулированная фондом «Русский мир», с точки зрения А.Н. Архангельского, является центральной для понимания того мира, в котором живет Россия. Это ключ к тому, как сохраняется русская традиция, проходя через эпохи, через сломы цивилизации, через смену ментальных привычек, оставаясь при этом самой собой. Концепция «русский мир» более 15 лет активно используется в научной и публицистической литературе, также часто она употребляется в СМИ, при этом четко сформулированного определения и его строго очерченных границ не существует.

Повышенный интерес российских авторов к понятию «русский мир» связан с проблемой самоопределения постсоветской России. Ключом к пониманию причин и условий разработки концепции является то, что в границах Российской Федерации и за ее пределами проживает множество русских людей, говорящих и думающих на русском языке, что, несомненно, представляет собой потенциально объединенный (либо объединяемый) социум. В 1999 г. анализом феномена «русский мир» занимался П.Г. Щедровицкий, именуемый в среде сторонников его идей «несменным автором»³. Исследователь утверждает, что «в XX веке под воздействием тектонических исторических сдвигов, мировых войн и революций на планете сложился русский мир — сетевая структура больших и малых сообществ,

¹ Арсалиев Ш.М.-Х. Культурный диалог Россия — Чечня как основа успешного развития двух народов // Межнациональные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. Материалы Всероссийской научной конференции 2015 г. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 57–67.

² Там же. С. 59.

³ Полоскова Т.В., Скрипник В.М. Русский мир: мифы и реалии // Полоскова Т.В. М.: Русский Архипелаг, СОЛИД, 2003. С. 182.

думающих и говорящих на русском языке»¹. Основу русского мира, по мнению П.Г. Щедровицкого, составляет «русский капитал», т.е. «совокупность культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выразимых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка»². Позиция автора в известной мере задавала основной тон для дискуссий об экономической, политической и духовной составляющих «русского мира», представителями которого являются носители русского языка и русской культуры.

В настоящее время концепт «русский мир» по-разному интерпретируется российскими исследователями. В рамках цивилизационного подхода «русский мир» понимается как особенная цивилизация, культурное ядро которой составляют Православие, русская культура и традиции. Приверженцы данного подхода считают, что понятие «русский мир» ввел в русскую публицистику Ф.М. Достоевский, его дальнейшей разработкой занимались представители славянофильства. Виднейший идеолог евразийства П.Н. Савицкий, связывал специфику развития России с «евразийско-русским культурным миром»³. Вопрос исключительности России также освещался в работах С.М. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.И. Ильина, труды которых во многом явились фундаментом для историософского анализа понятия «Русская идея», имеющей непосредственное отношение к концепции «Русский мир».

Наряду с цивилизационным подходом В.В. Кривопусков выделяет лингво-симиотический подход, в рамках которого акцент ставится на русском языке как первостепенном факторе принадлежности к «русскому миру». Русский язык выступает как действенный механизм конструирования национального сознания и культурной идентичности.

Еще одним подходом, рассматривающим феномен «русский мир» является социокультурный подход, который предполагает влияние

¹ Щедровицкий П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?libr_ary=2015 (дата обращения: 31.10.2016).

² Там же.

³ Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П.Н. Основы евразийства. М.: Аграф, 2002. С. 170.

не только культурных, языковых, ментальных и ценностных характеристик, но и социальных параметров, которые содержат в себе стратификационную структуру российского общества. Однако данный подход ограничивает содержание концепции «русский мир» только российским социумом и не включает русскоязычного населения зарубежья. В современном общественно — политическом дискурсе употребление концепта «русский мир» становится все более популярным. Данный термин получил настолько широкое распространение, что о нем говорят и первые лица российского государства. Однако каждый политолог, исследователь или политик, вкладывает в понятие «русский мир» разный смысл. Так, например, В.А. Никонов — председатель фонда «Русский мир», считает, что «русский мир» находится вне рамок государственных границ, «это понятие не географическое, не религиозное, и, конечно, не этническое»¹, это главным образом самоидентификация и самоощущение. Академик В.А. Тишков, анализируя концепцию «русский мир», утверждает, что это не только реальность, но и идея, метафора, миф. Понятие «русский мир», по мнению автора связано с проблемой воспроизводства определенной культуры: это глобальный феномен, трансгосударственное сообщество, объединенное своей сопричастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре. «Именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир»².

А.А. Проханов, председатель Изборского клуба, рассматривая природу и сущность «русского мира», заостряет внимание на мессианской составляющей российской государственности. Русский мир связывает три славянских народа: русских, украинцев и белорусов. Но это не просто суммирование, сосуществование и сотрудничество этих народов. Эти народы русские потому, что их объединяет Православие. При этом автор указывает, что в российскую государственность, основой которой являются славянские народы, вливается множество народов и религий. Одним словом, это огромное евразийское пространство — славяне, тюрки, угро-финны, евреи и др.

¹ Никонов В.А. Русский мир и русский язык // Никонов В.А. Русский язык за рубежом. 2000. № 5. С. 112–114.

² Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Тишков В.А. Стратегии России. М.: Русский мир, 2007. С. 36.

В качестве отдельного концептуального подхода можно выделить религиозно-интегративный подход Русской Православной Церкви. Сторонники данного направления утверждают, что ядро концепции составляют Россия, Украина и Белоруссия. По мнению Патриарха Кирилла, это не случайно, так как народы этих стран объединяют общность происхождения, православная вера, русский язык и культура. Церковь сегодня свидетельствует о том, что русским является православный человек, принадлежащей к русской духовной традиции. Несмотря на то, что Россия и Русский мир являются многоконфессиональными, по мнению Игумена Евфимия (Моисеева) — ректора Казанской семинарии, их духовную основу составляет Православие

В настоящее время начинает преобладать интерпретация «русского мира» в качестве глобальной цивилизационной системы, охватывающей сотни миллионов русскоязычных людей, которые идентифицируют себя с русской культурой, с духовными и нравственными ценностями русской традиции¹. Однако, продолжаются дискуссии о ядре «русского мира», компонентах, периферии, признаках принадлежности, границах, этническом составе и менталитете народов, входящих в состав РФ.

В развитии «русского мира» в XX–XXI вв. важным обстоятельством является то, что он стал «диаспориальным», по мнению А.А. Громыко, «Ядром Русского мира является Россия и другие постсоветские славянские страны — Украина и Белоруссия. Внутренняя сфера Русского мира состоит из страны и регионов Ближнего зарубежья, т.е. постсоветского пространства. Внешнюю сферу Русского мира составляют различные категории государств Дальнего зарубежья»². Касаясь вопроса о функциональных ценностях Русского мира, автор относит к ним, прежде всего «многонациональность и полиэтничность, с русской доминантой, многоязычие с русской доминантой, поликонфессиональность с доминантой православия, многокультурье»³.

¹ Кравченко В.А. «Русский мир» как бренд современной России / В.А. Кравченко. Культурная жизнь Юга России. 2016. № 1. С. 98–101.

² Громыко А.А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <http://www.russkiymir.ru/analytics/tables/news/119902/> (дата обращения: 31.10.2016).

³ Там же.

В.А. Никонов, размышляя над вопросом «Что отличает российскую цивилизацию?», вслед за Н.А. Бердяевым, выделяет такой компонент, как дуалистичность российского сознания. «Мы — страна крайностей, и у нас сознание крайнее. С одной стороны, русские — самые государственные люди на свете, которые, однако, ненавидят государство, стараются от него убежать и постоянно его критикуют. Но, с другой стороны, это страна, где создано самое крупное и самое мощное государство. Это абсолютный дуализм. С одной стороны, люди постоянно критикуют власть, с другой стороны, так, как полагаются на власть у нас, не полагаются нигде»¹. Склонность к крайностям является ярко выраженной чертой противоречивости русской ментальности. С.Н. Шевченко, развивая эту мысль в своих исследованиях, приходит к выводу о том, что противоречивость обуславливает хроническую нестабильность все системы культуры. Это стимулирует попытки обрести стабильность и устойчивость посредством постулирования неких конституирующих идей, детерминирующих поиски русской идеи.

В междисциплинарных исследованиях в последнее время набирает популярность тенденция выделения в ментальном мире системы универсальных концептов. Так, А. Вежбицкая в качестве основных для русского ментального мира называет концепты «душа», «тоска» и «судьба», отдельные исследователи дополняют этот перечень концептами «совесть» и «свобода».

Своеобразием концепта «свобода» в русском ментальном пространстве является интерпретация свободы как воли, возможности действовать по-своему, в отличии от европейского понимания свободы, как сознательного и добровольного учета необходимости в своих поступках.

Свою национальную специфику имеет и русская трактовка концепта «душа». Душа в понимании отечественных мыслителей представляет собой бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею. При этом под духом понимаются не только психические способности, сознание, мышление, но и внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива.

¹ «Культурные доминанты Русского мира». Стенограмма заседания круглого стола структура // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <http://www.russkiymir.ru/analytics/tables/news/67914/> (дата обращения: 31.10.2016).

Доминантой русского менталитета является духовность, под которой понимается «исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором человеческие ценности занимают ведущее место в ценностной иерархии общества и человека»¹.

Русский ментальный мир также тесно сопряжен с концептом «тоска». На эту характеристику обращал внимание Н.А. Бердяев, который считал, что тоска русского человека направлена к высшему миру и сопровождается чувством пустоты, конечности этого мира: «Тоска, в сущности, всегда есть тоска по вечности, невозможность примириться со временем. В обращенности к будущему есть не только надежда, но и тоска. Будущее всегда, в конце концов, приносит смерть, и это не может не вызывать тоски»².

Свою национальную специфику имеет и концепт «совесть». В статье «Русская языковая картина мира и православное сознание» исследователь Е.В. Петрухина отмечает, что совесть неизбежно соотносится с христианской верой и предстает как чувство личной ответственности за свои мысли, слова, поступки.

Анализируя концепт «справедливость», необходимо отметить, что в русской культуре особое чувство — любовь к справедливости или «страсть справедливости»³ и в случае противоречия между законом и справедливостью выбор русского человека находится на стороне справедливости. Таким образом, в русской культуре справедливость воспринимается не только рационально, но и эмоционально.

Основываясь на этих национально-культурных, ментальных особенностях, русские люди осваивали культурное пространство и взаимодействовали с представителями иных культур.

Сложную и противоречивую историю имеют российско — чеченские взаимоотношения. Первые контакты чеченцев с русскими начались в XVI в., при этом систематическое продвижение России на Кавказ продолжилось только в XVIII в. По мнению А.А. Гунашева. в

¹ Зуев Д.Д. Учебник // Зуев Д.Д. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 480.

² Чеснокова Л.В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/toska-kak-natsionalnyy-kontsept-russkoy-kultury> (дата обращения: 31.10.2016).

³ Шмелев И.С. Лето Господне // Шмелев И.С. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 653.

этот период российско-чеченские отношения развивались в основном конфронтационно. Позиция современных чеченских авторов состоит в том, что это была непрерывная борьба чеченцев за свою независимость¹. Однако в российской историографии продвижение России на Кавказ оценивалось как исключительно позитивное явление, вызванное военной и политической необходимостью. При этом, необходимость установления стабильных связей с Кавказским регионом, участие Российской Империи в решении Восточного вопроса, вхождение России в круг великих держав — все эти обстоятельства опускали такие вопросы, как и посредством чего Россия утвердилась на Северном Кавказе в целом и Чечне в частности, а также какая историческая память сложилась у кавказского народа об этих событиях.

Современные ученые, анализирующие чеченский менталитет, подчеркивают, что феномен исторической памяти относится к числу наиболее значимых характеристик. В современных представлениях чеченского народа сохраняются архетипы и знания об истории своего государства, что наиболее сильно проявляется в кризисные моменты, когда историческая память выступает действенным инструментом сохранения национальной идентичности народа Чечни.

Историки уделяют серьезное внимание развитию российско-чеченских отношений, основной же интерес сосредоточен на событиях Кавказской войны. Повышенный интерес к военным событиям XIX в. связан в первую очередь с обострением российско-чеченских отношений уже на рубеже XX–XXI вв. и необходимостью проанализировать природу и сущность этносоциальных особенностей чеченцев.

Формирование чеченского менталитета происходило в сложных социальных и политических условиях, что существенно отразилось на составляющих его компонентах, определенных личностных качествах чеченского народа. Суровые природные условия, постоянное участие в военных конфликтах закалили характер чеченцев, сделали их воинственным народом, для которых особую важность имеют такие черты характера, как честь, храбрость, отважность. Укоренившееся представление о чеченцах как бесстрашных и жестоких войнах, вследствие русско-чеченских конфликтов, нашло отражение в повышенном внимании к традициям и обычаям чеченского народа.

¹ Гунашев А.А. Ичкерия: месь историн // Гунашев А.А. Политическое эссе. Алматы: Изд. Нурлы Алем, 2001 г. С. 200.

Духовные ценности, которые выражаются в культуре того или народа, оказывают большое воздействие на все стороны его бытия, а также выступают в роли регулятора общественной жизни. Кроме того, поступательное развитие, стабильность того или иного общества зависит от наличия в нем исторически сложившихся традиций и норм поведения.

В традиционной чеченской культуре исключительное значение придается нравственным качествам личности. По мнению М.М. Ахмадова «чеченское традиционное общество изначально было предельно «жестким» при оценке человека, рассматривая, прежде всего, соответствие его поведения нравственным нормам. При этом не принимались во внимание ни прежние заслуги, ни громкое имя, ни способности. Все эти достоинства в глазах чеченцев могли быть нивелированы одним недостойным поступком»¹. Главная ценность чеченской традиционной культуры — это уважительное отношение к человеку, к личности, главным принципом нравственно-этической культуры чеченцев является «глубокое понимание величайшей ценности человека, как творения Всевышнего, Его заместителя на земле»².

В качестве наиболее высоко оцениваемых духовных ценностей в традиционном чеченском обществе выступают принципы равенства и справедливости. При этом, в отличие от русского понимания принципа справедливости, в чеченском обществе это принцип понимается как равное воздаяние за те или иные поступки.

Стержнем духовной культуры чеченского народа выступает категория свободы. По мнению чеченского исследователя Р.Н. Джабраилова, свобода является фундаментальной ценностью чеченского менталитета, «самим рождением человек обретает право на жизнь и свободу»³.

В советский период происходит процесс постепенной трансформации чеченской традиционной культуры. По мнению ряда чеченских исследователей, в годы депортации произошло значительное размывание национальной культуры. В данный период перестал со-

¹ Ахмадов М.М. Основные этические ценности чеченцев и их трансформация на современном этапе // Ахмадов М.М. Вестник ЛАМ. № 1. Грозный, 2000. С. 34.

² Там же, с. 46.

³ Джабраилов Р.Н. Чечня и чеченцы: прикосновение к исторической правде // Р.Н. Джабраилов. Махачкала: Юпитер, 2005. С. 28.

блюдаться ряд чеченских традиций. Кардинально изменился образ жизни чеченского народа, существенно ослабла духовно-культурная связь между поколениями.

В 90 годы XX в. в Чечне начинается «процесс национального возрождения и обретения государственной независимости». Острые социально-политический и экономический кризисы в Чеченской Республике протекали на фоне падения общественной морали и быстрой деградации национальной культуры. Политолог Б.А. Нанаева подчеркивает: «в постсоветский период эйфория «первооткрытия» ряда духовных идеалов и нравственных принципов прошлого чеченцев, особенно идеи свободы, сопровождалась, как всегда бывает в таких случаях, завышенными ожиданиями и иллюзиями невозможного. Падение укоренившихся норм привело к освобождению таких социальных стихий и энергии, которые вышли за рамки разумного и стали представлять серьезную опасность для выживания этноса»¹.

Во вторую половину 1990-х годов в Чечне идет активное распространение идей ваххабизма, что также негативно сказалось на традиционных духовных ценностях. Возрождение радикального течения ислама в Чеченской республике было вызвано, в первую очередь, реакцией на внутренние социально-политические изменения. Так, Т.А. Серганова отмечает, что значительная часть чеченцев на сегодняшний день почти лишилась тех духовных ценностей, которые составляли «иммунитет» национальной чеченской культуры. За последние 20 лет в чеченском менталитете сформировались новые черты, а также трансформировались, исторически присущие, особенно сти мироощущения. Характерными чертами чеченского менталитета стали «тоталитарность массового и индивидуального сознания, отсутствие идеи неприкосновенности личности, резкая нетерпимость к инакомыслию, склонность к агрессивному поведению, нежелание брать на себя ответственность»². Относительно негативных изменений в культурной составляющей чеченского народа говорит Р.Х. Макуев, констатируя, что «чеченское общество оказалось у той черты, когда возникла угроза потери самоидентичности, того, что состав-

¹ Нанаева Б.А. Мораль как способ нормативной регуляции чеченского общества // Б.А. Нанаева. Вестник ЛАМ. № 30. Грозный, 2005. С. 43.

² Серганова Т. К проблеме этнопсихологических исследований в Чеченской Республике // Серганова Т.К. Вестник ЛАМ. №25. Грозный, 2004. С. 30.

ляло душу народа»¹. В связи с этим наиболее остро встал вопрос о возможных средствах сохранения самобытной чеченской культуры. В.А. Тишков, анализируя возможные сценарии развития чеченского социума, считает, что современную чеченскую культуру необходимо рассматривать как элемент общероссийской культуры. Автор подчеркивает, что «знание и понимание отличительных черт чеченской культуры не должно приводить к игнорированию культурных схожестей разделяемых всем населением государства культурных норм и ценностей, сложившихся на основе доминирующей в нем русскоязычной российской культурной системы. В современном культурном арсенале чеченцев остается гораздо больше элементов от региональной северокавказской и от российской культурных систем, чем тот набор культурного материала, который можно определить как «собственно чеченский»².

Таким образом, решить проблему сохранения чеченской культуры без учета процессов культурной трансформации, протекающих на общероссийском уровне невозможно. Для поддержания чеченской самобытности необходимо поддерживать все культурное многообразие России.

Уникальность российской цивилизации состоит в том, что ее существование невозможно представить без добровольного союза русского основания, с другими традиционными этноконфессиональными общностями. Данная точка зрения находит свое отражение и в концепции «русский мир», однако трактуется она несколько иначе. Так, философ В.Ю. Даренский, характеризуя русский мир как «объективно сложившуюся культурно-историческую общность этносов, отмечает, что определяющим влиянием обладает российская государственность»³. Политолог О.Н. Батурина, разделяя данную позицию, вносит свои коррективы в определение понятия «русский мир», подразумевая под ним «глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и

¹ Макуев Р.Х. Проблемы российской государственности через призму трагедии Чеченской Республики / Р.Х. Макуев. Орел, 2000. С. 131.

² Тишков В.А. Война и культура // Тишков В.А. Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002. С. 39.

³ Даренский В.Ю. «Диалог культур»: панацея или новая мифология? // Даренский В.Ю. Глобальное пространство культуры. Материалы Междунар. науч. форума 12–16 апреля 2005 г. СПб.: Центр изучения культуры, 2005. С. 212–215.

русского зарубежья, которое объединяет носителей русской культуры и русского языка, духовно связанных с Россией и равнодушных к ее делам и судьбе»¹. Однако некоторые исследователи, работающие в рамках цивилизационного подхода, критически настроены по отношению к концепту «русский мир». В частности, В.А. Лепехин, член Зиновьевского клуба предлагает совсем от него отказаться, так как концепт «содержит раздражающий многих этнический фактор». Автор считает, что наиболее соответствующей российской действительности является понятие «российская цивилизация». С данной точкой зрения согласны многие авторы, так как понятие «российская цивилизация» включает в себя культуры с разными ценностными системами, когда в рамках единого государства в органичной взаимосвязи находятся различные этноконфессиональные общности.

При этом ряд российских исследователей скептически относятся к попыткам отождествления понятий «русский мир» и «российская цивилизация». Так, профессор МГУ В.Н. Расторгуев разделяет позицию, согласно которой культурные границы и духовное влияние русского мира несравненно шире территории российской цивилизации, которая ограничивается рамками существования Российской Федерации. Еще дальше в этом вопросе идет А.С. Филатов, который считает, что целесообразно рассматривать концепцию «русский мир», как «возможность выражать не только сугубо русские этнокультурные характеристики, но и в широком смысле российскую социокультурную традицию, включающую в себя разнообразные этнические компоненты, развивавшиеся и существующие на пространстве, очерченным в свое время границами Советского Союза, а еще раньше Российской Империи»². Таким образом, автор расставляет приоритеты в пользу полиэтничности русского мира. Такая интерпретация, на наш взгляд, не ущемляет потенциал и возможности чеченского народа и других этносов и национальностей.

В современном политическом дискурсе численность исследователей, рассматривающих концепцию «русский мир» с позиции трех

¹ Батанова О.Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие // Батанова О.Н. Вестник Национального института бизнеса. М., 2008. Вып. 6. С. 83–91.

² Филатов А.С. Российская цивилизация в современном мире: внутренние угрозы и внешние вызовы // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cisdf.org/TRM/TRM16/filatov_16.html (дата обращения: 01.11.2016).

основных элементов: русский язык, Православие и русская культура, превосходит численность сторонников цивилизационного подхода. В рамках исследуемой темы, данное обстоятельство ставит перед необходимостью рассмотрения вопроса о том, как Чеченская Республика вписывается в понятие «русский мир» и может ли «русский мир» стать консолидирующим фактором многонациональной и многоконфессиональной России? Данный вопрос поднимался в рамках круглого стола на тему «Имперскость современной России — каждый народ драгоценен!», который прошел в Чеченском государственном университете с участием членов Изборского клуба. На него ответил председатель Парламента Чеченской Республики, М.Х. Даудова: «Что такое «русский мир»? Мы с вами тоже являемся частью этого русского мира. Но при этом необходимо понимать, что человек, который имеет отношение к этому миру, может быть другой национальности и вероисповедания. И мы сегодня как чеченцы, как самодостаточный народ, имеющий древнейшую культуру, зафиксированную нашими предками в эпоху бронзового века, приобщаем себя к ментальности «русского мира» и можем совершенно спокойно, в одном цивилизационном пространстве общаться с русским, белорусским, украинским народами»¹. В этом заключается официальная позиция представителя органа исполнительной власти правительства Чеченской Республики, однако убеждения М.Х. Даудова не разделяют представители не только духовной сферы, но и научной среды. Так, заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации Д. Мухетдинов, критикуя концепцию «русский мир», обращает внимание на тот факт, что «в России растет число приверженцев ислама, но при этом российская идентичность не следует за демографическими тенденциями, идеологи «русского мира» никак не продумывают место и роль нашей веры»².

Позиция теоретиков концепта «русский мир» по отношению к исламу в значительной степени обусловлена тем, что в основе концепции

¹ Выступление М.Х. Даудова на расширенном круглом столе «Имперскость современной России — каждый народ драгоценен» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlamentchr.ru/official/vystupleniya/3062-vystuplenie-m-kh-daudova-na-rasshirennom-kruglom-stole-imperskost-sovremennoj-rossii-kazhdij-narod-dragotsenen>. (дата обращения: 02.11.2016).

² Нерусские в «русском мире» // [Электронный ресурс]. URL: <http://russiaforall.livejournal.com/200087.html>. (дата обращения: 02.11.2016).

лежит православная религия, где понятия «русский» и «православный» слились воедино. Митрополит Санктпетербургский и Ладожский Иоанн считает, что в России национальное самосознание имеет религиозную основу. Данную точку зрения поддерживает историк А.Д. Степанов, который считает, что «православная церковь должна быть признана русским государством первенствующей церковью»¹.

Рассуждения об особом статусе и особой роли православия как религии большинства населения российского государства не могут не беспокоить российских мусульман, которые в данном случае выступают в роли конфессионального меньшинства. На современном этапе в российском социуме сложилась тенденция, когда данная проблема в широко тиражируемых изданиях и выступлениях затрагивается мусульманами весьма редко, при этом она становится ключевой на различных мусульманских съездах и форумах. В то время как разработчики и сторонники концепции «русский мир», настаивая на доминирующей роли Православия в России, вместе с тем провозглашают равенство всех конфессий. В данной позиции можно увидеть определенную противоречивость, на наш взгляд она обусловлена, с одной стороны, желанием не умалить роль Православия, а с другой стремлением показать свою приверженность общепризнанным нормам демократии.

О необходимости существования православно-исламского союза говорит А.А. Проханов, однако российский востоковед А.В. Малащенко рассматривает данную позицию как поддержку и своеобразную интерпретацию возрождения СССР. Также автор констатирует возрастание роли исламского фактора в современной России и вокруг нее, которое идет параллельно с усилением негативного отношения к исламу в российском социуме. Вместе с тем вызывает тревогу то обстоятельство, что многонациональная и многоконфессиональная русская культура, которая составляет основу российской цивилизации, в наше время испытывает определенные трудности. Они обусловлены постепенным вытеснением русской культуры из чеченской национальной культуры, начало этому процессу положили события новейшей истории России, при этом образовавшийся вакуум начал

¹ Русская народная линия // [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/09/05 (дата обращения: 02.11.2016).

заполняться радикально-экстремистскими учениями. В дальнейшем, по мнению ряда отечественных исследователей это может привести к разрушению социокультурного кода российской цивилизации. Эффективно противостоять этим тенденциям возможно лишь в условиях сохранения фундаментальной основы российской цивилизации — многонациональной российской культуры. Думается, что у «русского мира» как реальной программы, стратегии есть будущее, однако пока объективный исторический потенциал растрачивается на конъюнктурные политические баталии и высокопарные фразы, адресованные мировой аудитории, данная концепция остается лишь брендом современной России.

Библиография

1. *Арсалиев Ш.М.-Х.* Культурный диалог Россия — Чечня как основа успешного развития двух народов // Межнациональные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. Материалы Всероссийской научной конференции 2015 г. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 57–67.
2. *Ахмадов М.М.* Основные этические ценности чеченцев и их трансформация на современном этапе // Ахмадов М.М. Вестник ЛАМ. № 1 Грозный, 2000. С. 34.
3. *Батанова О.Н.* Концепция русского мира: зарождение и развитие // Батанова О.Н. Вестник Национального института бизнеса. М., 2008. Вып. 6. С. 83–91.
4. *Ибрагимов М.М.* Чеченская Республика как субъект Российской Федерации: историософские размышления // Ибрагимов М.М. Современная научная мысль. М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2015. № 3. С. 79–85.
5. *Громыко А.А.* Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <http://www.russkiymir.ru/analytics/tables/news/119902/> (дата обращения: 31.10.2016).
6. *Гунашев А.А.* Ичкерия: месь истории // Гунашев А.А. Политическое эссе. Алматы: Изд. Нурлы Алем, 2001. С. 200.
7. *Даренский В.Ю.* «Диалог культур»: панацея или новая мифология? // Даренский В.Ю. Глобальное пространство культуры. Материалы Междунар. науч. форума 12–16 апреля 2005 г. СПб.: Центр изучения культуры, 2005. С. 212–215.
8. *Джабраилов Р.Н.* Чечня и чеченцы: прикосновение к исторической правде // Р.Н. Джабраилов. Махачкала: Юпитер, 2005. С. 28.
9. *Зуев Д.Д.* Учебник // Зуев Д.Д. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 480.
10. *Кравченко В.А.* «Русский мир» как бренд современной России / В. А. Кравченко. Культурная жизнь Юга России. 2016. № 1. С. 98–101.
11. *Макуев Р.Х.* Проблемы российской государственности через призму трагедии Чеченской Республики / Р.Х. Макуев. Орел, 2000. С. 131.
12. *Нанаева Б.А.* Мораль как способ нормативной регуляции чеченского общества // Б.А. Нанаева. Вестник ЛАМ. № 30. Грозный, 2005. С. 43.

13. Никонов В.А. Русский мир и русский язык // Никонов В.А. Русский язык за рубежом. 2000. № 5. С. 112–114.
14. Полоскова Т.В., Скрипник В.М. Русский мир: мифы и реалии // Полоскова Т.В. М.: Русский Архипелаг, СОЛИД, 2003. С.182.
15. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П.Н. Основы евразийства. М.: Аграф, 2002. С. 170.
16. Серганова Т. К проблеме этнопсихологических исследований в Чеченской Республике // Серганова Т.К. Вестник ЛАМ. № 25. Грозный, 2004. С. 30.
17. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Тишков В.А. Стратегии России. М.: Русский мир, 2007. С. 36.
18. Тишков В.А. Война и культура // Тишков В.А. Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002. С. 39.
19. Шмелев И.С. Лето Господне // Шмелев И.С. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 653.
20. Чеснокова Л.В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/toska-kak-natsionalnyy-kontsept-russkoj-kultury> (дата обращения: 31.10.2016).

ГРУЗНОВА ЕЛЕНА БОРИСОВНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Аннотация: об официальных юбилейных мероприятиях как способе распространения научно обоснованных исторических знаний; о роли власти и научного сообщества в этом процессе; об истинном и ложном понимании задач, связанных с памятливыми датами; о «плюсах» и «минусах» исторических аналогий; о значении правдивого и полномасштабного представления истории обществу; об использовании информационных технологий для трансляции исторических знаний.

Ключевые слова: памятливые даты; государственные праздники; электронные ресурсы; архивные документы; исторические аналогии; историческая культура; общественное мнение; историческая наука; историческое просвещение; исторические мифы.

Нередко приходится слышать недоуменные или даже возмущенные высказывания в отношении практики проведения на государственном уровне мероприятий, связанных с разного рода юбилеями. Суть критики обычно сводиться к обвинению поклонников подобных мероприятий в следовании политической конъюнктуре. На самом деле востребованность исторической памяти как способа осмысления текущих социальных процессов существовала во все времена

во всех государствах. Ведь только опираясь на исторические аналогии возможно более или менее успешно обеспечивать передачу традиций и прогнозировать политическую динамику. А памятные даты как нельзя лучше подходят для демонстрации сходств и различий однотипных политических процессов всем членам общества, сплочения разнородных социальных групп вокруг общих символов и идентификации каждым своей судьбы и судьбы своих предков и потомков с прошлым, настоящим и будущим своей страны.

В свое время автор специального исследования о праздниках, К. Жигульский, обрисовал универсальную модель крупного государственного торжества: отдание почестей символам, воплощающим идею государства; военные парады и массовые шествия для демонстрации мощи государства, его достижений и сплоченности нации; публичное награждение отличившихся; выход представителей власти в народ и демонстрация единения с ним; воспроизведение основных черт центрального праздника в административно-территориальных центрах нижнего уровня¹. В несколько трансформированном виде эта модель действует и при реализации разовых памятных государственных мероприятий, связанных с юбилеями трагических событий или значимых исторических деятелей. В первом случае фокус внимания обычно смещается в сторону преодоления последствий трагедии, недопущения ее повторения и отдания почестей ее героям и жертвам. Во втором наибольшее значение придается вопросу о роли личности в истории, опыту ее взаимодействия с обществом и государством и оставленному ею наследию. Характерной чертой современного государственного памятного мероприятия является также реализация разнообразных научных, образовательных и просветительских проектов, раскрывающих его тему, что позволяет вовлечь в процесс подготовки и проведения торжеств максимально широкие круги общества.

Выполнение последней из обозначенных задач обычно возлагается на соответствующие государственные учреждения науки, образования и культуры, к числу которых относится и Президентская библиотека. К наиболее крупным государственным мероприятиям подобного типа здесь проводятся научные конференции и круглые

¹ Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. С. 145–146.

столы с полной или частичной интернет-трансляцией на портале библиотеки и последующей публикацией материалов выступлений или их видеозаписей¹; издаются сборники документов²; организуются специальные образовательные и просветительские проекты для студентов и школьников (выставки, встречи в рамках видеолектория «Знание о России», мультимедийные уроки, интернет-трансляции документальных фильмов, видеолекций и видеосюжетов, презентации изданий). Но главное — на ее портале обязательно публикуются специально подготовленные в сотрудничестве с партнерами общедоступные тематические электронные коллекции материалов из библиотечных, архивных, музейных фондов России и частных собраний, либо, когда таких мероприятий много, как минимум, отдельный актуальный документ и информационная статья в ведущемся уже более семи лет историческом календаре «День в истории».

Для того чтобы успеть к назначенной памятной дате, работа по подготовке цифровых копий материалов должна начинаться заблаговременно. Обычно не позднее чем за год до начала мероприятий отбираются первоисточники, затем проводится их оцифровка, описание, загрузка в информационную систему, группировка и визуальное оформление коллекции. Особое внимание при этом уделяется архивным документам, перевод которых в цифровую форму требует больших трудозатрат и серьезного финансирования. Публиковать же их желательно не в памятный год, а гораздо раньше, иначе широкие круги ученых и учащихся профильных специальностей не успеют воспользоваться возможностями такой публикации для проведения своих исследований к памятной дате. Не случайно специалисты об-

¹ 150-летие отмены крепостного права в России: сборник материалов круглого стола. СПб.: Президентская библиотека, 2012. 226 с.; 1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания: сборник научных трудов [Всероссийского круглого стола, 21 ноября 2012 г.]. СПб.: Президентская библиотека, 2012. 188 с.; Российская судебная власть: современность и перспективы: материалы конференции [«Российская судебная власть: история, современность, перспективы», 28 марта 2014 г.]. СПб.: Президентская библиотека, 2014. 138 с.

² 1941: документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. СПб.: Президентская библиотека, 2011. Т. 1–2. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: сборник документов : к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. СПб., 2014. 632 с. (Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы»).

ращают внимание на необходимость централизации работ по планированию и реализации электронных публикаций архивных источников¹. Например, Президентская библиотека еще в 2011 году начала заниматься оцифровкой архивных фондов, связанных с периодом Революции и Гражданской войны, и научная общественность получила возможность заблаговременного ознакомления с целым рядом документальных комплексов, посвященных этому периоду, по мере их включения в фонд, доступный посетителям ее электронных читальных залов. Часть этих материалов впоследствии планируется опубликовать в рамках поддержки официальных мероприятий в специальных тематических коллекциях для всеобщего доступа².

К сожалению, путем перспективного планирования реализуется лишь ограниченное число научных и обеспечивающих науку конкретных проектов, тогда как для получения от юбилеев требуемого эффекта необходима целевая разработка целых направлений, поскольку от научной основы зависит и качество конечной образовательной и просветительской продукции. Пока научное сообщество запаздывает с проведением исследований, результаты которых могут быть представлены еще до момента проведения официальных мероприятий хотя бы руководителям страны и специалистам из сферы образования и культуры. Без этого сложно получить и адекватную политическую оценку анализируемых исторических событий и явлений, опирающуюся на научные данные, а не на мифы и эмоции. Ошибочная же оценка может привести к постановке ложных задач и распространению ложных идей, последствия которых потом бывает очень трудно исправить. А ответственность за это в равной мере лежит как на власти, так и на ученых. Ведь абсолютное большинство представителей научной элиты состоит на службе в государственных учреждениях, и формирование ими информационных материалов упреждающего характера и предложений для руководителей государства входит в число тех функций, выполнение которых финансируется из бюджетных средств.

¹ Шевченко О.К. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г.: к вопросу о создании единого реестра источников // Вестник архивиста. 2015. № 2 (130). С. 43–58.

² Подробнее см.: Грузнова Е.Б. Деятельность Президентской библиотеки по информационному обеспечению исторической науки, образования и просвещения в электронной среде // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М.: Этерна, 2016. С. 282–292.

Существенно, что политические просчеты нередко порождаются тем, что наша научная, политическая, информационная элита зачастую весьма своеобразно воспринимает задачи, которые ставят руководители государства, предлагающие использовать памятные даты в том числе для разворачивания широкой дискуссии по сложным общественно-политическим вопросам. Но в реальности объявление о юбилейных мероприятиях, скажем, в честь какого-нибудь крупного писателя или государственного деятеля трактуется исключительно как требование восхваления его самого и его наследия, хотя личность и деятельность этого человека может неоднозначно восприниматься обществом или какой-то его частью, и тогда неумеренное прославление может вызвать эффект, прямо противоположный тому, на который рассчитывало государство.

Например, мероприятия, проводившиеся в 2011 г. в связи со 100-летием со дня смерти П.А. Столыпина способствовали не только распространению знаний о нем и его реформах, но и в определенной мере усилили позиции тех, кто считает его политику антигуманной и противоречившей интересам большинства населения России. Отсутствие полноценной дискуссии в опоре на научные данные просто не позволило снять целый ряд острых вопросов в отношении этого государственного деятеля, хотя задача такая давно назрела.

Широкое празднование 250-летия Н.М. Карамзина вызвало неоднозначную реакцию профессионального исторического сообщества, часть которого весьма низко оценивает научные достоинства «Истории государства российского», рассматривает этот труд скорее как популярный с элементами художественного вымысла и ставит его в один ряд с современными пиар-технологиями. Использовать подобное произведение для популяризации истории России — довольно рискованное занятие с непредсказуемым результатом. Вместе с тем изучать и разъяснять биографию и политические взгляды Карамзина просто необходимо для понимания специфики умонастроений разных общественных течений в условиях нарастания революционного движения в XIX — начале XX столетий.

Еще большие риски кроются в запланированных на 2018 г. празднованиях 100-летия со дня рождения А.И. Солженицына, художественные и публицистические произведения которого нередко пытаются ставить вровень с настоящими историческими источниками,

тем самым возводя вымысел в ранг исторической правды. Это особенно опасно в условиях ярко выраженного разделения общества на две группы с прямо противоположным восприятием советской эпохи, отношения между которыми и без того будут ожидаемо обострены в связи со столетием событий Революции и Гражданской войны и все усиливающимися попытками проводить аналогии между современностью и отдельными этапами советской эпохи и других сложных периодов отечественной истории.

Исторические аналогии — оружие обоюдоострое. Они могут как помочь в разрешении кризисных ситуаций, так и усугубить их, поскольку обычно опираются не столько на реальные исторические источники, сколько на их интерпретации, причем преимущественно даже не на научное, а на художественное осмысление прошлого как в вышеприведенном примере. В результате нейтральные или даже позитивные моменты истории зачастую приобретают негативное значение, а «черное» вдруг становится «белым». Порой такая смена полюсов производится намеренно и рассматривается как способ примирения общества в отношении конфликтного момента в прошлом — именно такое объяснение можно услышать в связи с практикой героизации лидеров Белого движения, которая предполагает обратный процесс в отношении их противников. Однако рассчитывать на примиренческий эффект подобных действий не приходится, скорее наоборот, они вызывают усиление поляризации взглядов на проблему. Но основным результатом таких резких поворотов в оценках прошлого становится общественный нигилизм, неверие в возможность остановить разрушительные процессы, нежелание людей вообще связывать свою судьбу с судьбой своей страны, у которой даже прошлое непредсказуемо.

Не меньшую опасность таит в себе и сакрализация прошлого, особенно когда речь идет о казалось бы таких однозначно святых для всего общества символах как Великая Отечественная война. Любое «белое», а уж тем более вновь выявленное «темное пятно» может быть использовано для дискредитации всех прежних знаний о данном событии. Яркий пример тому — история с 28-ю панфиловцами, когда поданный определенным образом и в определенной ситуации малоизвестный документ заставил часть общества усомниться не только в этом эпизоде войны, но и во всем, что было известно о ней прежде.

На интернет-форумах нередко приходится встречать весьма острые дискуссии и о причинах войны, и об ее начальном периоде, и об отдельных эпизодах, и о результатах. И все это со ссылками не просто на научные публикации, а на изображения оригинальных документов, поскольку люди давно перестали верить ученым и пытаются во всем разобраться самостоятельно, причем многие делают это достаточно грамотно. И поэтому заставить такого глубоко погрузившегося в вопрос человека сменить свои убеждения даже путем тщательно спланированных манипуляций оказывается очень трудно, практически невозможно. Тем не менее, не все склонны углубляться в историю, если она не является источником дохода, и не все погружившиеся в состоянии отделить зерна от плевел, качественные публикации источников и исследований от фальсифицированных и ангажированных. Поэтому ситуации, подобные упомянутой, требуют повышенного внимания и своевременной реакции со стороны государства и профессионального сообщества, особенно в периоды приближения юбилейных дат — при всей видимости сплочения общества перед лицом таких акций, семя сомнений в части душ все-таки прорастает и может в самый неподходящий момент дать весьма неожиданные всходы.

Единственным надежным противоядием против информационной отравы может стать только отказ от намеренно искаженного или упрощенного изложения исторических фактов и гипотез, основанного на ложном понимании общественного блага, на уверенности в том, что народ не сможет правильно осознать ситуацию, если она будет представлена не в черно-белом варианте, а во всем многообразии оттенков. Реальность показывает, что даже люди со средним образованием вполне адекватно воспринимают сложные страницы отечественной истории, в том числе и непосредственно затронувшие их семью, если имеют перед глазами полную картину, а не тенденциозно подобранные фрагменты. Потому что они не хуже специалистов понимают, что история уже состоялась, изменить ее не получится, как бы нам этого не хотелось. И именно поэтому она не требует ни нашего осуждения, ни нашего оправдания — только изучения и осмысления того, что именно из опыта предков и в каком именно виде может быть использовано для решения текущих задач. Но для того чтобы это осознание состоялось, при любой политической конъюнктуре

нужно изучать историю честно и честно доводить до широких кругов общества результаты исследований, как бы трудно это не было. Надо говорить и писать о прошлом только правду, потому что правда не только нравственна, но и наиболее безопасна и наиболее надежна для обеспечения устойчивости общества.

Библиография

1. 150-летие отмены крепостного права в России: сборник материалов круглого стола. СПб.: Президентская библиотека, 2012. 226 с.
2. 1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания: сборник научных трудов [Всероссийского круглого стола, 21 ноября 2012 г.]. СПб.: Президентская библиотека, 2012. 188 с.
3. 1941: документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. СПб.: Президентская библиотека, 2011. Т. 1–2.
4. Грузнова Е.Б. Деятельность Президентской библиотеки по информационному обеспечению исторической науки, образования и просвещения в электронной среде // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М.: Этерна, 2016. С. 282–292.
5. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. 336 с.
6. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты : сборник документов : к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. СПб., 2014. 632 с. (Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы»).
7. Российская судебная власть: современность и перспективы: материалы конференции [«Российская судебная власть: история, современность, перспективы», 28 марта 2014 г.]. СПб.: Президентская библиотека, 2014. 138 с.
8. Шевченко О.К. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г.: к вопросу о создании единого реестра источников // Вестник архивиста. 2015. № 2 (130). С. 43–58.

КОТКИН КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ

СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НА ПУТИ К МЯГКОЙ ПАМЯТИ?

Аннотация: политика памяти — один из ключевых вопросов для современной России. Политика памяти в нашей стране характеризуется конфликтным содержанием, отражающим поляризацию социальных групп. Конфликтная, жесткая память является наследницей картины истории, сформировавшейся в советское время. Более конструктивными являются исследования и презентации мягкой памяти — антропо- и микроцентричной, акцентирующей внимание на повседневном

и обыденном. Внимание к проблематике мягкой памяти демонстрирует причастность человека к прошлому через сопереживание и самоотождествление, а также индивидуализацию, сетевое и горизонтальное взаимодействие.

Ключевые слова: политика памяти, мягкая память, жесткая память, региональная история, антропология, история повседневности.

Содержание и осуществление политики памяти — один из ключевых вопросов для современной России. Память объединяет в себе различные уровни отношения к прошлому: индивидуальный и общегосударственный, научный и популярный, эмоциональный и отстраненный. Как отмечал еще на рубеже 1980–1990-х гг. П. Нора, тема памяти характеризуется «взрывной актуальностью»¹. Традиции, постколониализм, язык и речь, современные культуры и цивилизации прошлого, восприятие исторических периодов и оценки современных событий — вот далеко не полный перечень проблемных областей, с которыми соприкасаются *memory studies*. Наличие множества определений, встречающихся в купе со словом память (историческая, коллективная, культурная, социальная), иногда заставляет осторожничать исследователя. Например, некоторые отмечают, что еще не установилось четкое содержание понятия, упоминается о некоторой его расплывчатости².

Почему же необходимо еще одно понятие — «политика памяти»? Следует указать, что взаимоотношение власти и прошлого всегда присутствует в разговоре о памяти в явном или скрытом виде. Эксплицируя традицию политики памяти, можно вспомнить академика М.Н. Покровского с приписываемой фразой об истории как политике в прошлом или оруэлловскую взаимозависимость прошлого, настоящего, будущего через контроль, более древняя история заставляет упомянуть римское «проклятие памяти». Можно говорить об историографической традиции совместного анализа памяти и политики: с 1980-х понятие политика памяти активно употребляется в Германии, в 2000-е в Польше. А. Ассман в 2006 г. писала о мемориальной культуре и исторической политике, а политическую память определяла как символически опосредованный формат памяти, связанный

¹ Нора П. Память, история // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Пер. с франц. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 439.

² Савельева И.М. Перекрести памяти // Хаттон П. История как искусство памяти. / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 407.

с коллективной проработкой¹. Словом, политика и память идут рука об руку. В современности выявляются новые векторы и смыслы историкографического движения политики и памяти, которые заставляют присматриваться к нему с точки зрения применимости ценностного, теоретического и методического инструментария сложившихся в других странах теорий и практик мемориальной культуры.

Взаимодействие памяти и политики в современном обществе обусловлено значением информации для любого индивида, группы, института. Большой объем качественного и количественного содержания информации, разнонаправленность оценок в информационных сообщениях открывают широкие возможности для манипуляции, что означает потенциальную конфликтность в условиях почти органического желания обратиться к прошлому в состоянии «шока будущего». Индивидуальный характер распространения и восприятия информации налагает большую ответственность на человека, ставит вопрос о позиции государства по отношению к прошлому и его восприятию в обществе. Одновременно, более жесткими становятся формы забвения.

Ключевое содержание «политики памяти» можно определить через конструирование необходимого образа прошлого. Его формируют различные внутренние и внешние политические силы, элиты, социальные и национальные группы, историки, организации. Главной целью конструирования является превращение прошлого в «символический капитал», обеспечивающий статус того, кто его воспроизводит². Содержание политики памяти нельзя воспринимать как осуществление вертикальных, субъект-объектных отношений через подчинение и зависимость. Антропологические смыслы термина «память» задают отношения горизонтального уровня, направленные на кооперацию, взаимодействие, конструктивную дискуссию субъектов политики памяти. Одновременно политика памяти должна формировать гражданскую идентичность, ощущение сопричастности с прошлым, настоящим и будущим малой родины и страны в целом.

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 34–35.

² Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства / Пер с франц. отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 49–62.

Важную роль в политике памяти играют институты мемориальной культуры: система образования (особенно курсы социально-гуманитарной направленности в школе и вузе), музеи, архивы, библиотеки, киноиндустрия и средства массовой информации (СМИ). Элементами политики памяти являются закрепленные в сознании людей факты и оценки истории; коммеморации и другие публичные практики, презентующие прошлое.

Российское восприятие прошлого обладает собственной спецификой и сложностью. Его составляют, в частности, следующие элементы: полиэтнический и поликонфессиональный состав страны; исторические, социокультурные, экономические и географические особенности регионов; наличие в истории страны конфликтов различных по длительности, содержанию и итогам; взаимное недоверие друг к другу общества и власти; отсутствие консолидации элит по отношению к прошлому; наличие различных картин истории в центре и регионах, а также сложность создания унифицированной модели отечественной истории.

На восприятие прошлого влияют позиции акторов мировой политики (от субрегиональных стран до межгосударственных объединений) и внешнеполитические тенденции последнего времени (конфликт с Западом, поворот на Восток, миграции, террористическая угроза).

Во многом кризисное и переходное состояние различных сфер жизни 1990–2000-х заставляло искать ресурсы, минимизирующие конфликтность власти и общества. Такими ресурсами стала, например, память о Великой Отечественной войне, полете в космос Ю.А. Гагарина, спортивных победах СССР. Они воплощались и воплощаются в масштабных информационных проектах или фильмах, а также коммеморациях, осуществляемых на различных уровнях. Стоит заметить, что восприятие этих событий отнюдь не бесконфликтно (например, во взаимоотношениях политической элиты и несистемной оппозиции). Ужесточение внешнеполитической ситуации также заставляет обращать внимание на восприятие прошлого и процесс его формирования. Наконец, почти иссякла инерция полного отрицания советского, заявившая о себе в на рубеже 1980–1990-х.

Но для современной политики памяти в России приходится констатировать ее конфликтный характер. Между различными субъек-

ектами политики памяти отсутствуют точки соприкосновения в наполнении прошлого. Общество и элиты остро реагируют на отрицание, замалчивание, радикальные оценки различных событий и роли личностей прошлого. Примерами противоречивого отношения к прошлому для современного российского общества являются, в частности, события революции, репрессий и Великой Отечественной войны или, например, оценки роли политических деятелей российской истории (Иван IV, Петр I, Столыпин, Ленин, Сталин, Ельцин). Противоречия восприятия прошлого концентрируются на советском периоде истории России, во многом определяются оценками его содержания и последствий, а также связью с современными идейно-политическими течениями. Чрезмерная политизация истории, которой нет возможности избежать, актуализирует и чрезвычайно осложняет анализ прошлого и оценки современности. Обращение политических элит к проблематике прошлого из-за желания легитимизировать проводимую ими политику в глазах общества (концепт «Русский мир», традиционалистские установки) входит в противоречие с модернизационной повесткой в экономике и либерально-демократическими правовыми нормами, закрепленными в Конституции.

В целом, проблемными полями политики памяти в современной России являются: освещение так называемых сложных (трудных) вопросов отечественной истории (революция, гражданская война, репрессии, Вторая мировая война), а также периодов Перестройки, распада СССР, реформ 1990-х годов; отсутствие набора элементов, оставляющих основу общей неконфликтной истории: (события, люди, процессы); презентация истории народов и регионов как части общей истории страны с учетом их историко-культурных особенностей; формирование неконфликтной картины советской истории послевоенного времени и периода 1990–2000-х годов; излишняя теоретическая нагруженность и абстрактность знаний по истории и обществоведению без практики и применения; недооценка регионального компонента, в частности, изучения семейной истории и местной истории; коммерциализация, утилитарность и упрощение исторической тематики в СМИ; художественное искажение исторической действительности и как следствие деформации восприятия прошлого страны; недостаточное количество качественного медийного продукта, связанного с историей.

В то же время целый ряд направлений политики памяти, осуществляемых при помощи государства можно признать успешными (акция «Бессмертный полк», разноплановые мероприятия, посвященные юбилейным датам и юбилеям деятелей культуры, проведение годов культуры, истории, кино и т.д.). Целый ряд общественных организаций (Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество, Российское общество политологов и другие) призван обеспечить конструктивное взаимодействие между элитами различного уровня и профессиональной направленности.

Следует также отметить, что не только российская история имеет конфликтный потенциал. В европейских странах и США идут дискуссии, связанные с темами миграций и национальной идентичности, неудобных страниц второй мировой войны, колониальной истории и деколонизации¹.

Описывая отношение к истории можно говорить о формировании жесткой и мягкой памяти по аналогии с понятиями жесткой и мягкой/гибкой силы у Дж. Ная².

Термин «политика памяти» жесток как задающий первоначально вертикальные отношения подчинения и зависимости. В этом опасность его использования в дискурсе власти. Жесткая память России частично обусловлена картиной истории, сформировавшейся в советское время. История любой страны очень часто рассматривается, главным образом, как государственная история, которая базируется на описании истории из столицы, акцентах на масштабных событиях, великих личностях, самоотверженных героях. Прошлое региона (на примере Мурманской области) часто встраивается в «столичную» историю: революция, индустриализация, коллективизация, культурная революция, война, восстановление, развитие в послевоенный период (по отдельным сферам жизни общества). Даты региональной истории носят сниженный характер, лишь подыгрывая вторым планом главным персонажам из столицы. Это иногда приводит к мифологизации местной истории и частому умолчанию о неудобном про-

¹ Ассман А. Указ соч.; *Он же*. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

² Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най; пер. В.И. Супруна. Новосибирск; М.: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. 221 с.

шлом. Данная картина прошлого, утратив опору в виде центрального стержня общегосударственной советской истории, потеряла свой статус конструктора идентичности, сменилась граничащими с лженаучным знанием представлениями о местной истории (представление о древней цивилизации Гиперборее, якобы существовавшей на Кольском полуострове) и была замещена конфликтной картиной истории, отрицающей советское прошлое (история Кольских саами).

Понятие «мягкий» в проблематике мемориальной культуры и политики памяти употреблялось, в частности, А. Ассман, которая указывала на наличие в культурной памяти более мягких форм забывания — пренебрежение, деформация, потеря¹. В недавней своей публикации А. Эткинд описывает мягкие формы памяти (романы, фильмы и споры о прошлом) и твердые (монументы, мемориалы, музеи). Он отмечает, что в России и Восточной Европе мягкие формы обгоняют твердые, а это связано с диссонансами восприятия конфликтного прошлого «жертвами», «палачами», «свидетелями» и их потомками². Однако ключевым для мягкой памяти (возможны также определения «легкий», «гибкий», «тихий»), как представляется, является антропо- и микроцентричное содержание, акцентирующее внимание на повседневном, обыденном, собственно человекаразмерном измерении истории. Они являются менее конфликтными, выявляют причастность человека к прошлому через сопереживание, самоотжествление, индивидуализацию, а не генерализацию, горизонтальное и сетевое, а не вертикальное и иерархическое взаимодействие.

Потенциал «мягкой памяти» в современной политике памяти на общегосударственном и региональном уровнях недостаточно раскрыт. Хотя региональный ракурс представлений о прошлом не лишен конфликтности и манипулятивного содержания за счет распада общей картины истории, особенно в такой большой стране, как Россия. Но мягкая память позволяет сформировать иное отношение к прошлому, так необходимое для человека и страны — отношение к прошлому как к своему, а значит вспоминаемому и переживаемому как близкому.

Направлениями в осуществлении конструктивной политики мягкой памяти являются следующие: 1) осуществление через политику

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 52.

² Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 226–228.

памяти медиации, которая позволит уйти от радикальных оценок и действий, вызывающих негативную реакцию со стороны общества и элит; 2) формирование и актуализация через СМИ кейсов (события, личности, явления, процессы), объединяющих элиты и общество России, различные регионы страны, страны Ближнего зарубежья, Запада и Востока. Наиболее удобными являются примеры из науки, культуры, образования как менее конфликтные; 3) внимание материальному и нематериальному историко-культурному наследию как основанию, объединяющему власть и общество на основе осознания ценности прошлого; 4) создание условий для «работы с прошлым» научного сообщества путем открытия архивов (в частности, анализа сложных вопросов отечественной и мировой истории, а также современности); 5) осуществление диалога и поиск конструктивных решений по сложным вопросам истории на уровнях «центр-регион», «регион-регион» через усиление взаимодействия между научным сообществом (историки, политологи, социальные антропологи, социологи, философы), представителями политической элиты и СМИ, имеющими различные политические взгляды.

Данные мероприятия можно реализовать через соответствующие нормативно-правовые акты, создание специальных фондов, программ, грантов и проведение конкурсов проектов. Политика памяти не должна обозначать единственную точку зрения, позицию сверху, позиция центра или идеологию. Мягкая память, в свою очередь, не означает подмены истории государства другой историей, распада общей картины прошлого и культивации сепаратизма. Скорее мягкая память расширяет возможности того теоретического и методического инструментария, с помощью которого человек воспринимает прошлое — свое, близких людей, региона и страны.

Библиография

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства / Пер с франц. отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 49–62.

4. *Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най; пер. В.И. Супруна. Новосибирск; М.: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. 221 с.*
5. *Нора П. Память, история // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Пер. с франц. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 439–441.*
6. *Савельева И.М. Перекрести памяти // Хаттон П. История как искусство памяти. / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 398–421.*
7. *Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.*

СИМОНОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОСЧЕТЫ

Аннотация: в статье на основе системного подхода охарактеризована современная историческая политика и рассмотрена политика формирования исторической памяти, а также факторы, влияющие на успешность ее реализации. Особое внимание уделено основополагающим составляющим данной политики: системе среднего и высшего образования, роли СМИ, телевидения и интернета в процессе формирования исторического сознания.

Ключевые слова: историческая память молодежная среда историческое образование сознание политика.

Политика исторической памяти и историческая политика — важные составляющие в системе государственной политики как внутри страны, так и вне ее. Формирование исторической памяти является составляющей гражданской идентичности, патриотизма, национальной идеи. Периодически мы наблюдаем как знание (а скорее незнание истории) приводит к обострению международных отношений, концептуальные основы внутренней политики базируются на национальной идее — патриотизме, который немалозначим без знания истории как страны в целом, так и малой родины. Понять значимость происходящих событий невозможно без соотнесения с тенденциями мирового исторического процесса в исторической ретроспективе. Нельзя обойти стороной и психологическую составляющую интереса к жизни предшествующих поколений и своей семьи, желание осознать свое место в истории.

Термин «историческая память» тесно связан с такими терминами как: «историческая культура» и «историческое сознание». Историческая память — процесс осовременивания прошлого в сознании индивидуальных или коллективных субъектов¹. Историческая память является культурным кодом общества и государства. Процесс ее формирования сложный, многообразный и многоуровневый, на который влияют комплексно многие факторы: идеологические установки, уровень образования в средней и высшей школе, отношение к истории и исторической науке в целом, средства массовой информации², авторитеты носителей информации.

Формирование исторической памяти в молодежной среде, прежде всего, связано с системой исторического образования (системного и контролируемого государством — школьного и высшего, обеспеченного рецензируемой научным сообществом научной литературы, электронных ресурсов, а также бесконтрольного — через электронные ресурсы сети Интернет, блоги, соцсети, различного рода издательскую продукцию), патриотического воспитания, бытовыми и семейными представлениями.

Значимость исторической науки и предмета в учебных заведениях разного уровня для общества и государства на современном этапе очевидна. В последние годы интерес к истории в современном российском обществе значительно возрос: воссозданы исторические общества с дореволюционным прошлым, пользующиеся и тогда, и сейчас государственной поддержкой,³ по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина была разработана единая концепция преподавания истории (составной частью которой является

¹ *Васильев А.Г.* Историческая культура // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 170.

² *Ахметшина А.В.* Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 6(38). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 13.

³ В 2009 г. Русское географическое общество возглавил С.К. Шойгу, Попечительский совет — Президент России В.В. Путин; в 2012 г. воссоздано Российское историческое общество во главе с Председателем Государственной думы РФ 6 созыва С.Е. Нарышкиным; в 2012 г. по Указу Президента РФ В.В. Путина создано Российское военно-историческое общество во главе министром культуры РФ В.Р. Мединским, Попечительский совет возглавляет Д.О. Рогозин).

историко-культурный стандарт), на базе Института всеобщей истории РАН¹ проведены три съезда учителей истории и обществознания. Естественно, что на этом фоне усилилось внимание к проблемам преподавания этого предмета как в школе (так как в ней закладываются основы исторического мировоззрения и культуры), так и в вузе, где ведется подготовка учителя, способного организовать процесс изучения предмета, пробудить устойчивый интерес, вдохновить на самостоятельный поиск. Однако действующие ФГОС, особенно в педагогическом образовании, имеют формулировки, трактуемые в пользу освоения педагогических технологий в ущерб изучению предмета и, как следствие, в ущерб формированию исторического сознания, «как явления, связанного с присутствием прошлого в настоящем»², по сути, знания исторических фактов и процессов, умений устанавливать причинно-следственные связи, то есть знания предмета и, главное, основных «исторических блоков», базовых основ исторической памяти.

Одной из проблем в современных условиях является отсутствие целостности в системе исторического образования с точки зрения формирования исторической памяти. ФГОС школьного и вузовского исторического образования (как по направлению «Педагогическое образование», так и «История») в разделе освоения предметных знаний, умений и навыков слабо связаны между собой. И если новая линейка школьных учебников, разработанная при активном участии Российского исторического общества, прошла научную, общественную и методическую экспертизы, то базовая историческая учебная литература для высшей школы подобные процедуры проходит номинально или вообще не проходит, появляется на рынке по инициативе издательств.

Отсутствие интегрированности в содержании гуманитарных предметов как в школе, так и в вузе (так как разработка учебно-методического обеспечения осуществляется различными ФУМО, отделами в издательствах, Ассоциациями) существенно ослабляет эффек-

¹ Директор ИВИ РАН А.О. Чубарьян является председателем Ассоциации учителей истории и обществознания, а также руководителем группы по разработке единой концепции по отечественной истории.

² *Васильев А.Г.* Историческая культура // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 170.

тивность политики формирования исторической памяти, суживает каналы передачи и закрепления исторической информации, эмоционального воздействия.

СМИ и телевидение, исходя из коммерческих интересов, чаще всего используют историческую тематику утилитарно и упрощенно — в формате шоу, документальных фильмов и сериалов. Подобный подход не позволяет транслировать обществу современные достижения исторической науки, привлечь интерес широкой молодежной аудитории к вдумчивому изучению и пониманию исторического процесса, а приводит в силу своей специфики к художественному искажению исторической действительности, что чревато деформациями в формировании исторической культуры. В то же время по данным ВЦИОМ, молодежь получает информацию в первую очередь из кинофильмов и сериалов. По результатам опроса 2014 г. 11% (это второй по популярности жанр респондентов) опрошенных россиян выбирают для чтения книги по истории и исторические романы: такую литературу читают, особой популярностью она пользуется у людей старше 35 лет¹.

Интернет может как расширить, так и ограничить возможности по формированию исторической памяти. Отбор, создание и дальнейшая широкая презентация сайтов с качественным контентом (аудио и видеоматериалами, коллекциями оцифрованных документов, научных и научно-популярных публикаций, картин и т.д.) — единственный путь получить позитивный результат от «всемирной паутины».

Большую пользу в формировании исторической памяти могут принести издательские программы энциклопедий, научно-популярной литературы, адаптированной к разным возрастам школьников. Недооцененным ресурсом в историческом образовании и воспитании, формировании исторической коллективной памяти и культуры до сих пор остается так называемый региональный компонент — изучение истории мест проживания, семей. Такое требование упоминается и в концепции исторического образования, и в ФГОС. В частности в стандарте говорится: «Личностные результаты освоения основной образовательной программы основного общего образования долж-

¹ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3133. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115740> (дата обращения: 20.09.2016); URL: <http://www.rbc.ru/society/02/06/2014/57041dc89a794761c0cea4d6> (дата обращения: 20.09.2016).

ны отражать: 1) воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлое и настоящее многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества». В Примерной основной образовательной программе основного общего образования (в редакции протокола № 3/15 от 28.10.2015 федерального учебно-методического объединения по общему образованию)¹ написано: «Курс отечественной истории является важнейшим слагаемым предмета «История». Он должен сочетать историю Российского государства и населяющих его народов, историю регионов и локальную историю (прошлое родного города, села). Такой подход будет способствовать осознанию школьниками своей социальной идентичности в широком спектре — как граждан своей страны, жителей своего края, города, представителей определенной этнонациональной и религиозной общности, хранителей традиций рода и семьи». Задача поставлена, однако в настоящее время в школах эта задача реализуется спонтанно. Учебно-методическим сопровождением занимаются региональные министерства образования, Институты повышения квалификации учителей, разнообразные методические службы, сами школы и учителя). В результате появляются всевозможные издания как по форме, так и по отбору содержания. В связи с этим нарастает проблема качества регионоведческой и краеведческой литературы. При отсутствии системы рецензирования и вольностей издательств в подготовке подобных изданий появилось такое их многообразие, что учителю и ученику трудно разобраться в потоке информации, а при уважении к печатному слову — проблема усугубляется, на веру принимаются мифологические конструкции, непроверенные данные. В это же время

¹ Примерная основная образовательная программа основного общего образования (в редакции протокола № 3/15 от 28.10.2015 федерального учебно-методического объединения по общему образованию). С. 279 [Электронный ресурс] // Сайт «Реестр примерных основных общеобразовательных программ» Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://fgosreestr.ru/registry/primernaya-osnovnayaobrazovatel'naya-programma-osnovnogo-obshhego-obrazovaniya-3/> (дата обращения: 08.02.2016).

в высших учебных заведениях на всех направлениях подготовки (от инженера до врача) обязательным является изучение курса истории в течение семестра. Однако подобное требование к изучению истории своего региона в ФГОС отсутствует и только по решению самих университетов такая дисциплина может быть включена в учебный план. Долгие годы курс исторического краеведения был обязательным на исторических факультетах университетов, в ряде учебных заведений его вводили по решению руководства, понимающего важность освоения дисциплины для воспитания гражданина, а не только подготовки специалиста по профессии. Для непрофильных специальностей подобная дисциплина не предусмотрена, однако было бы ошибочным отождествлять ее с обязательным для всех курсом «История». При малом количестве часов, отводимом на изучение огромного объема материала (эта проблема отмечается всеми преподавателями, работающими как на профильных, так и не профильных специальностях) изучение истории края, вписанного в общероссийский исторический процесс в соответствии с периодизацией и хронологией событий, не представляется возможным.

Особое внимание требует проблема научного изучения истории региона, подготовки исследовательских кадров, сохранения их преемственности в регионах. С изменениями в организации образования (введения так называемой третьей ступени) не только удлинился период традиционной формы образования, но и места в бюджетную аспирантуру в региональных университетах не только уменьшились, но и вообще не предоставляются. Сам процесс организации учебного процесса направлен на традиционное изучение предметов и сдачу экзаменов и зачетов, а не написание диссертационной работы. А именно профессиональные исследователи являются носителями научного знания по локальной истории, являющегося важной составляющей самоидентификации россиянина и гражданина.

Таким образом, на современном этапе в условиях глобальных вызовов повышается значимость исторической и гражданской идентичности, а, следовательно, усиливается внимание к разработке и реализации политики формирования исторической памяти. На сегодняшний день в ее содержании можно констатировать наличие ряда направлений, в рамках которых успешно реализуются проекты, признанные в обществе эффективными (коммеморация значимых

событий военной, политической и социокультурной истории, «Бессмертный полк», серии разноплановых мероприятий, посвященных юбилейным датам — Первой мировой и Великой Отечественной войнам, деятелям культуры, в рамках Годов культуры, истории, кино и т.д.), стремление упорядочить преподавание истории (в содержательном и методическом планах) и повысить престиж профессии учителя и преподавателя истории, ученого-историка, однако также следует признать необходимость разработки единой стратегии и системного подхода к формированию исторической памяти среди молодежи, а также мониторинга реализации исторической политики.

Библиография

1. *Ахметшина А.В.* Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 6(38). Новосибирск: СибАК, 2014. 90 с.
 2. *Васильев А.Г.* Историческая культура. // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
 3. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3133. URL:<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115740> (дата обращения: 20.09.2016). URL:<http://www.rbc.ru/society/02/06/2014/57041dc89a794761c0cea4d6> (дата обращения: 20.09.2016).
 4. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL:<https://rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html> (дата обращения: 20.09.2016).
-
-

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: ИСТОКИ, РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ
ШЕСТОВ НИКОЛАЙ ИГОРЕВИЧ**

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ
ПОЛИТОЛОГОВ

Аннотация: авторы представляют многолетний опыт подготовки дипломированных политологов в Саратовском государственном университете и раскрывают ряд проблем, которые возникают сегодня при реализации принципа вариативности на основе ФГОС-3+, обосновывая корректировку «идеологии» современных профессиональных и образовательных стандартов для вузовской подготовки политологов.

Ключевые слова: кафедра политических наук СГУ, политологическое образование, политическая наука в регионе, государственные образовательные стандарты, профессиональные стандарты.

20-летний юбилей первого набора на специальность «политология», отмеченный в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского стал хорошим поводом для того, чтобы оглянуться назад, оценить сделанное, подвести итоги, разобраться в существующих проблемах и наметить пути их решения.

Данные проблемы стали предметом обсуждения на региональном научно-практическом форуме Саратовских отделений Российского общества политологов и Российской Ассоциации политической науки на тему «20 лет политологическому образованию в СГУ: итоги и перспективы». Целью форума было заявлено обсуждение итогов и опыта становления и развития политологического образования в СГУ и других вузах г. Саратова, выявление достижений и существующих проблем подготовки политологов в регионе, способов оптими-

зации и перспектив обучения бакалавров, магистров и аспирантов в этой области.

Становление специальности «политология» начиналось не на пустом месте. Важнейшим фактором ее становления в СГУ стало наличие хорошо развитых традиций преподавания обществоведческих наук. История кафедры политических наук СГУ насчитывает 75 лет. Образована она была как общеуниверситетская кафедра истории КПСС и стала одной из крупнейших в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского. В разные годы она возглавлялась такими известными учеными, как Г.Ф. Ходаков, В.Б. Островский, В.В. Всемиров, В.М. Долгов.

Еще в 1960–1970-е годы профессор, заведующий кафедрой В.Б. Островский заложил теоретико-методологический фундамент прикладного изучения проблем деревни и одним из первых в СССР создал научную школу сельской социологии. Именно сильная обществоведческая база (кадровая и методологическая) определила благоприятные возможности для развития в Саратове новой науки — политологии. Появилась также возможность для открытия специальности «Политология» в СГУ и других крупных вузах г. Саратова, где в то время трудились многие преподаватели и выпускники университета.

Начиная с 1991–1992 гг. кафедра политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского подготовила теоретико-методологическую базу преподавания политологии на всех факультетах СГУ. С 1992 г. на базе исторического факультета стала осуществляться специализация старшекурсников по политологии и были защищены первые дипломные работы по данной специальности¹. В этот же период был открыт набор в аспирантуру по политическим наукам и начали формироваться основные кафедральные направления научных исследований по политологии.

¹ Среди первых выпускников, специализировавшихся на кафедре по политологии, многие к настоящему времени стали кандидатами и докторами политических наук (И.И. Кузнецов — д.п.н., профессор МГУ, исполнительный директор Российского общества политологов; М.В. Мамонов — к.п.н., доцент, руководитель проектов управления мониторинговых и электоральных исследований ВЦИОМ; Н.В. Трошина — к.п.н., доцент, Советник министра Саратовской области — председателя комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области; С.Г. Сергеев — к.п.н., доцент ПИУ им. П.А. Столыпина, и многие другие).

С 1996 г. начался набор студентов на специальность «политология» в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского, а в 2001 г. соответственно состоялся первый выпуск¹. За прошедшие годы диплом специалиста-политолога получили более 400 выпускников дневной и заочной формы обучения. Сегодня они успешно трудятся и продвигаются по карьерной лестнице в различных органах власти города Саратова и районных центров Саратовской области и других регионов России, в структурах политических партий и общественных организаций, в региональных и федеральных СМИ, в ведущих саратовских, других региональных и столичных вузах, консалтинговых центрах, рекламных агентствах и коммерческих структурах.

Непросто шло накопление опыта организации образовательного и научного процессов. За это время четыре раза менялись государственные образовательные стандарты подготовки профессиональных политологов. А это влекло за собой изменения учебных планов и содержания учебных дисциплин. Благодаря высококвалифицированному составу преподавателей и технических работников каждый раз коллектив кафедры успешно справлялся с обновлением учебно-методической базы преподавания базовых и вариативных дисциплин по политологии. Сейчас кафедра осуществляет подготовку политологов в рамках академического бакалавриата, двух магистерских программ («Государственная политика и управление» и «Политическое управление этноконфессиональными процессами в регионах РФ»), а также двух специальностей аспирантуры («Теория и философия политики, история и методология политической науки» и «Политические институты, процессы и технологии»). Сотрудники и аспиранты кафедры все эти годы были и остаются постоянными участниками различных научно-исследовательских коллективов, работающих по грантовой проблематике.

Особое значение для развития политологии в Саратове и в Поволжском регионе имело открытие в СГУ диссертационного совета

¹ Среди первых выпускников — М.В. Данилов, В.Г. Семенова, Г.М. Барашков, Д.В. Попонов, которые после окончания аспирантуры стали кандидатами политических наук, доцентами и плодотворно работают на кафедре политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. В 2014 году М.В. Данилов успешно защитил докторскую диссертацию. К.п.н., доцент О.С. Скороходова работает в Поволжском институте им. П.А. Столыпина.

по политическим наукам под руководством В.М. Долгова. Среди первых защищенных кандидатов политических наук в Поволжье стали А.Г. Чернышов и С.Б. Суuroвov, О.В. Шудра (Афанасьева), Е.В. Ислентьева, Т.Н. Митрохина, М.В. Мамонов, Э.М. Гуцин, И.В. Федорова-Кузнецова, И.И. Кузнецов, С.Г. Сергеев, и многие другие. С 1999 г. диссовет по политическим наукам стал докторским и обеспечил подготовку кадров высшей квалификации не только для СГУ других вузов города Саратова, но и для многих других российских регионов от Ульяновска и Самары до Новосибирска и Владивостока. Всего за годы работы диссовета кафедра политических наук СГУ обеспечила научную экспертизу более 30 докторских и более 110 кандидатских диссертаций.

Диссовет дал возможность профессионального роста и создания собственных направлений исследовательской работы докторам политических наук А.Г. Чернышову (Москва), В.С. Слобожниковой (Саратов), Н.И. Шестову (Саратов), О.Н. Фомину (Саратов), Л.М. Семеренко (Ростов на Дону), В.А. Труханову (Саратов), Н.С. Мухаметшиной (Самара), И.И. Санжаревскому (Тамбов), И.В. Андроновой (Самара), В.А. Титаренко (Тамбов), Г.Н. Долговой (Саратов), Т.Н. Мирохиной (Саратов), В.Н. Демченко (Ростов-на-Дону), О.В. Суuroвovвой (Саратов), О.Г. Овчаровой (Москва), Н.И. Изергиной (Саранск), В.И. Головченко (Саратов), Э.В. Чекмареву (Саратов), И.И. Кузнецову (Москва), Е.В. Матвеевой (Кемерово), М.В. Данилову (Саратов). Фактически, СГУ стал «кузницей» высококвалифицированных педагогических и научных кадров для вузов Саратова. Следствием этого стал, по-своему уникальный в масштабах постсоветской провинциальной России мультипликационный эффект бурного роста политической науки и политологического образования в Саратовском регионе в целом. Специальность политологии была открыта еще в трех вузах Саратова (Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина; Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; Саратовская государственная юридическая академия).

По ходу решения всех этих организационных и экспертно-исследовательских задач выявилось немало проблем содержательного плана, требующих дальнейшего осмысления и, как представляется, решения совместными усилиями сообщества политологов. Одной из

важнейших видится проблема вариативности на всех уровнях подготовки политологов.

Принятие закона «Об образовании в Российской Федерации» и переход к уровневой системе образования и компетентностному подходу в значительной степени были обусловлены (по крайней мере в публичных дискуссиях) возникающими возможностями для обучающихся свободы выбора не только определенной профессии, но и индивидуальной «траектории обучения».

Не случайно, что среди основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования в ст. 3.7 была закреплена «свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования, а также предоставление педагогическим работникам свободы в выборе форм обучения, методов обучения и воспитания»¹

В статье 11.3 прямо указывается на то, что ФГОСы обеспечивают «вариативность содержания образовательных программ соответствующего уровня образования, возможность формирования образовательных программ различных уровня сложности и направленности с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся»².

Однако в процессе перехода подготовки политологов по ФГОС-3+ обнаружилось некоторые проблемы, часть из которых предлагается обсудить на данном круглом столе.

Ключевой видится проблема профессионального стандарта, на который уже сегодня в определенной мере ориентирована вся подготовка бакалавров и магистров политологии в современном российском вузе. Точнее было бы сказать, что проблема не в самом стандарте. Сам

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // URL Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/15956ae575273a483e753fc119fb41fc4c37f846/ (дата обращения: 24.11.2016 г.)

² Там же.

по себе профстандарт необходим в качестве инструмента, обеспечивающего согласованность работы образовательных структур и взаимопонимание между будущими работниками и работодателями. При надлежащем подходе к его разработке и дальнейшему усовершенствованию профстандарт способен играть роль аккумулятора всего того лучшего, что к настоящему времени есть в системе подготовки кадров политологов. Стандарт этот находится в процессе разработки и оптимизации, и тем важнее экспертному политологическому сообществу уже сейчас обратить внимание на те принципиальные моменты этой работы, которые в перспективе могут просто лишить ее конструктивного смысла.

Проблема в том, что этот нормативный документ будет действовать в российском пространстве правовых и административных отношений, которое на практике организовано на пересечении официальных и неофициальных традиционных правил. На наш взгляд, несмотря на то, что официально в современной России закреплена приверженность демократическому принципу «разрешено все, что не запрещено», негласное следование многовековой российской традиции «запрещено все, что не разрешено» продолжает проявлять себя.

Как представляется, именно эта традиция побуждает разработчиков не только профстандарта, а, вообще, всех нормативных документов для современной отечественной системы высшего политологического (и не только политологического) образования идти по пути максимальной, доходящей до мелочности, детализации всевозможных знаний (входных и выходных), умений, навыков и компетенций (общих, общепрофессиональных, профессиональных), которыми должен обладать дипломированный российский политолог.

Вся эта титаническая систематизаторская работа больших административных и экспертных коллективов обесценивается, в перспективе, одним единственным соображением. Политическая жизнь современных обществ интенсивна и разнообразна. Сегодня она требует от политологов одних знаний и навыков. Они и закрепляются в нормативных документах. А какие знания и навыки она потребует завтра? Этого никто сказать не может. Хотя, не сложно понять, что документы эти создаются с расчетом на то, что вузы, обучающиеся и работодатели будут ими руководствоваться в оказании и получении «образовательных услуг» не год и не два.

В свете этого обстоятельства не трудно предвидеть вероятную ситуацию, когда политолог бакалавр или магистр, которого вузы уже сегодня обязаны готовить строго в соответствии с теми квалификационными позициями, которые предписывают профессиональные и образовательные стандарты (и за рамки которых выходить вузы не могут), завтра не будет востребован на рынке труда. По формальным, но весомым основаниям. Просто потому, что работодатель, чьи потребности в знаниях и способностях политического менеджера либо аналитика изменил ход политической жизни, предъявит выпускнику вуза богатый список компетенций из нынешнего, разработанного до мельчайших деталей профессионального и образовательного стандарта и скажет соискателю трудового места: «В списке Ваших компетенций нет тех, которые в данный момент нужны, а, значит, вы не соответствуете должности, на которую претендуете». И получится так, что нормативные документы, которые должны, в идеале, обеспечить максимальную гарантированность трудоустройства дипломированного политолога станут для последнего источником реального риска остаться безработным. Либо, потребуется непрерывная адаптация профессиональных и образовательных стандартов к меняющимся запросам сферы политических отношений и меняющейся конъюнктуре рынка труда, которая поставит под сомнение самый факт существования каких-либо «стандартов» в функционировании российской системы высшего политологического образования.

На примере ФГОС 3+ по магистратуре можно продемонстрировать суть этой проблемы, общей для всей нынешней государственной политики детальной регламентации образовательного процесса в вузе.

В соответствии с ФГОСом, выпускники магистранты могут готовиться к шести **видам профессиональной деятельности:**

научно-исследовательская;

экспертно-аналитическая деятельность;

политико-управленческая деятельность;

консультативная;

коммуникативная;

педагогическая;

Соответственно, задачи профессиональной деятельности выпускников прописаны по соответствующим направлениям.

Соответственно этим направлениям формализуются и компетенции. И тут возникают проблемы. Если общекультурные компетенции еще едины для всех видов профессиональной деятельности, то общепрофессиональные компетенции уже строго распределены по отдельным видам деятельности. Такой подход входит в противоречие с аксиоматическим требованием мировой и отечественной педагогической науки к соблюдению внутреннего смыслового единства во всем образовательном процессе. Возникает противоречие структурного порядка. С одной стороны, пункты 5.2. и 5.3. ФГОС-3+ четко формулируют, что выпускник, освоивший программу магистратуры, должен обладать конкретными общекультурными (ОК) и общепрофессиональными (ОПК) компетенциями, после чего без исключения перечисляются все три ОК и все девять ОПК. Но, в отношении профессиональных компетенций уже откровенно используется подход, основанный на традиционном для российской административной практики разрешительном принципе. Например, если обучающиеся выбрали для себя два вида деятельности — научно-исследовательскую деятельность (ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, — ПК-7) и политико-управленческую деятельность (ПК-11, ПК-12, ПК-13), то компетенции ПК-8, ПК-9 и ПК-19, они использовать уже не вправе (по сути это и есть принцип: «запрещено все, что не разрешено»).

Хотя, здравый смысл, например, подсказывает, что без компетенции ПК-8, нацеливающей на «осуществление комплексной политической диагностики, участие в экспертизе нормативно-правовых документов и организации работы по объяснению, прогнозированию политических процессов и проблемных ситуаций», невозможно проводить ни научно-исследовательскую деятельность, ни политико-управленческую.

То же самое можно сказать и в отношении корреляции большинства из 22 обозначенных во ФГОС-3+ профессиональных компетенций.

Можно, наверное, разрешить эту проблему механически. То есть, дать возможность обучающемуся выбрать все виды профессиональной деятельности и соответственно все 22 профессиональные компетенции. Но тогда теряет смысл сама идея «выбора» и сам принцип деления магистратуры на академическую и прикладную. Сам «компетентностный подход» теряет смысл.

Есть опасность, что такой формальный подход на основе «разрешительного» принципа будет закреплён и в профстандарте для нынешних и будущих политологов бакалавров и магистров. Соответствующая тенденция уже обнаружила себя в проекте профстандарта, обсуждавшемся на специально для этого созванном Совете РОП в ноябре 2015 г. в Нижнем Новгороде. Взаимосвязь между профстандартом и тогдашним проектом ФГОС-3+ была очевидной в выделении основных видов профессиональной деятельности. Соответственно, и в этом нормативном документе прогнозируемы и те проблемы, о которых уже было сказано выше.

Например, в проекте профстандарта отсутствовала специальность 23.00.06 — конфликтология и почти отсутствовала соответствующая характеристика трудовых функций, связанных с этой областью. Понятие конфликт упоминается в проекте всего три раза. Первый раз в рамках трудовой функции «Организация подготовки, принятия, оформления и экспертизы управленческих решений в сфере политики» в качестве необходимых знаний отмечалось знание конфликтологии. Второй раз — в рамках трудовой функции 3.2.4. «Политическое консультирование» в качестве необходимых знаний также отмечалось знание конфликтологии. И наконец, в рамках трудовой функции 3.4.3. «проведение воспитательной работы с обучающимися» в качестве необходимого умения отмечалось «Регулировать конфликты в коллективах обучающихся».

Такая формализация не просто ограничивает возможности применения профессиональных знаний, умений и навыков политологов различных уровней, но может также ограничить и возможности их трудоустройства в соответствии с данным профстандартом.

В сложившейся ситуации выходом, возможно единственным, не требующим принципиального изменения самих подходов к проектированию профессиональных и образовательных стандартов и требующим лишь отказа от нынешней дробности требований к профессиональному качеству дипломированного политолога, является изменение официальной трактовки самого смысла и назначения этих нормативных документов. А именно, трактовка их не как стандартов, определяющих обязательный **минимум** и **максимум** компетенций дипломированного политолога, а как стандартов, определяющих только **минимум** компетенций, благодаря освоению которых выпуск-

ник специальности «Политология» может претендовать на вузовский диплом. И в соответствии с которыми работодатель будет вправе требовать от профессионального политолога при предоставлении ответственной работы и повышении по службе больше, чем того когда-то научили в вузе. Но и сам политолог не будет себя чувствовать на рынке труда человеком, уже некогда достигшим своего профессионального «потолка» и потому потенциально бесперспективным.

Библиография

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016). URL Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/15956ae575273a483e753fc119fb41fc4c37f846/ (дата обращения: 24.11.2016 г.)

КАПТО АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация: рассматривается процесс институализации отечественной политологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины, хронологическими рамками которой (институализации) стали созданные в 1960 г. Советской ассоциации политических наук и оформление в 1989 г. постановлением ЦК КПСС политологии в качестве обществоведческой дисциплины. Раскрывается двусмысленность ситуации, в которой продолжительное время пребывала политическая наука из-за неясности того, принимается ли она в качестве самостоятельной дисциплины, обладает ли она собственным признаком и методологией исследования, есть ли у нее свой теоретический инструментарий и понятийный аппарат. Охарактеризован вклад в становление отечественной политологии академического сообщества и системы высшей школы страны.

Ключевые слова: политология, политическая наука, политические исследования, институализация, дифференциация, интеграция (в науке), сотрудничество (в науке), номенклатура политологии.

К числу актуальных проблем политической науки относится проблема ее институализации (наряду с социологией) в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины. Прежде всего обратим внимание на такие особенности процесса институализации отечественной политологии.

Во-первых, о ее (институализации) хронологических рамках. Если в Европе сам термин «политическая наука» утвердился на рубеже XIX–XX вв., после чего вскоре заблестали не только имена отдельных выдающихся западных политологов, но и появились целые научные школы, то институализация отечественной политологии в собственном смысле (а не политической мысли, политических идей и теорий) произошла в 1960–1980 гг., т.е. в период между двумя советскими либерализациями — хрущевской «оттепелью» и горбачевской «перестройкой». Доктор исторических наук, профессор Дилигенский Г.Г., говоря о советском периоде в развитии политологии, в свое время выделил внутри его «подпериод», «который начинается с середины или конца 60-х гг. и продолжается до перестройки».¹

Причем, неоднозначный и извилистый путь становления политологии и ее институализация фактически один в один (в своих плюсах и минусах) повторяет судьбу возрождающейся в это же время социологической науки. У этих двух дисциплин удивительно одинаковыми оказались и хронологические рамки их институализации: для политической науки таким начальным официальным рубежом стал 1960 г., когда была учреждена Советская ассоциация политических наук, а завершающим 1989 г., когда в соответствии с Постановлением ЦК КПСС произошла легализация политологии и ее оформление в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины; для социологии соответственно — создание в 1958 г. Советской социологической ассоциации и ее вступление в Международную социологическую ассоциацию (в соответствии с Постановлением Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и межпартийных связей от 11 февраля 1958 г.) и признание самостоятельного статуса социологической науки Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г.

Во-вторых, в отличие от классического становления абсолютного большинства научных дисциплин путем их внутренней постепенной интеллектуально-поисковой эволюции на становление политологии (как и социологии) во многом решающее воздействие оказывали крутые зигзаги политического пути каждого нового лидера страны с ярко выраженными акцентами на критику предшественника и с

¹ См.: Интервью с Г.Г. Дилигенским опубликовано в № 1 сборника «Политическая наука» за 2001 г. С. 41.

претензией на новации с чистого листа. В самом деле, одному поколению политологов довелось преодолевать вначале в молодые годы последствие сталинского культа личности, а потом хрущевский «волюнтаризм», брежневский «застой», черненко-андроповские геронтологические издержки. Да и сам акт оформления самостоятельного статуса политологии в 1989 г. происходил не в тиши кабинетов мудрецов-интеллигентов, а в условиях политического Чернобыля в стране, уже разразившейся «катастрофки» (А.А. Зиновьев).

В-третьих, институализация политологии в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины началась фактически на «чистом» исследовательском поле: не был определен ее (политологии) предмет, не отработан понятийный аппарат, не определено место этой дисциплины в системе наук, полностью отсутствовала инфраструктура этой дисциплины (первая в нашей стране кафедра политологии была открыта в 1981 г. (!) на философском факультете Ленинградского университета).

В-четвертых, если дамочным мечем для возрождающейся социологии был догматизированный исторический материализм, то политическое исследовательское поле «аннексировалось» такими «идеологическими дисциплинами» как История КПСС, научный коммунизм, марксистская философия.

В-пятых, политологи, в отличие от многих социологов, не занимались созданием мифов о партийных «погромах» их детища, а более правдиво оценивали как объективные трудности в этой сфере, так и издержки субъективизма и некомпетентности, в том числе и со стороны властей. Здесь не было и «героев» в борьбе с режимом, так как многие политологи сами входили в состав структур режима в качестве консультантов отделов ЦК КПСС, секретарей ЦК партии, помощников генерального секретаря и т.д. Достаточно назвать таких молодых исследователей, входивших в те годы в партийную элиту, как Ф. Бурлацкий, Г. Арбатов, О. Богомолов, А. Бовин, Ф. Петренко, Г. Шахназаров, Г. Герасимов — некоторые из них со временем стали академиками АН СССР и руководителями академических институтов, продолжая пребывать в этом статусе и в составе постсоветской РАН.

Замечательной страницей в истории становления политической науки стало создание в самом начале 1950-х гг. ректором МГИМО

Ю.П. Францевым кружка молодежи («Кружок Францева»), занявшегося изучением проблем политологии и социологии. Среди этих энтузиастов были будущие академики Г.А. Арбатов, Д.М. Гвишиани, Н.Н. Иноземцев, В.В. Журкин, профессора Г.К. Ашин, Э.А. Араб-оглы, Д.В. Ермоленко, Ю.А. Замошкин, Э.А. Баграмов, Бестужев-Лада, Г.Л. Епископов, В.С. Семенов, Ю.Н. Семенов. Со временем в эту школу вошли более молодые мгимовцы Э.Я. Баталов, В.М. Володин, А.М. Мигранян, Т.В. Панилова, М.Т. Степанянц, А.М. Салмин, Б.С. Старостин, А.В. Шестопап.

Зарождение профессионального сообщества отечественных политологов связано с созданием в 1955 г. Секции экономических, философских и правовых наук Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Участие этой секции в том же году в III Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук (МАПН) в Стокгольме дало ей статус коллективного члена МАПН. В этом качестве Секция как структура созданного в 1958 г. на основе ВОКС Союза советских обществ и организаций участвовала в IV конгрессе МАПН в Риме. В апреле 1960 г. была осуществлена реорганизация Секции в Советскую Ассоциацию политических (государственных) наук (САП(г)Н)¹, что подтверждено решением общего собрания членов Секции в мае и сентябре 1960 г. В декабре 1960 г. Ассоциация по решению Президиума АН СССР переходит в Отделение экономических, философских и правовых наук Академии наук при сохранении ее участия в МАПН. Сотрудничество САПН/РАПН и АН СССР/РАН продолжалось до 2000 г. 20 декабря 1991 г. преемницей САПН стала Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация политической науки» с сохранением за собой статуса члена МАПН.

¹ Предшественником официально создаваемых в период становления политической науки ее организационных структур с определенными оговорками можно считать учрежденный в системе Коммунистической академии Институт мирового хозяйства и мировой политики (устав принят на заседании Президиума КА 28 февраля 1925 г.). К концу 1928 г. КА наряду с другими печатными органами стала издавать журнал «Мировое хозяйство и мировая политика». В 1936 г. в соответствии с постановлением № 215 СНК СССР и ЦК ВКП(б) после ликвидации Коммунистической Академии Институт мирового хозяйства и мировой политики был передан в Академию наук СССР.

В соответствии с Уставом Ассоциация стала добровольным научным обществом, объединяющим лиц, занимающихся вопросами политической науки. Ее цель — содействие развитию политических наук в духе демократии, развитие международного сотрудничества специалистов в этой области, ознакомления общественности с актуальными проблемами этой научной дисциплины посредством проведения научных конференций, совещаний, публикации статей, научных докладов, ознакомление мирового научного сообщества с развитием политической организации российского общества.

Однако политическая наука продолжительное время пребывала в двусмысленной ситуации, так как неясно было, принимается ли политология в качестве самостоятельной научной дисциплины, обладает ли она собственным предметом и методологией исследования, есть ли у нее свой теоретический инструментарий и понятийный аппарат и др. Поэтому и эволюция отечественной политологии в период ее возрождения отмечена извилистым путем: были как крупные резонансные шаги, так и малозаметные, на первый взгляд, но тоже имеющие определенное значение шажки. В тематическом отношении по известным причинам основное внимание концентрировалось на партийной политической и идеологической проблематике, интенсивно набирала силу внешнеполитическая ветвь политической науки, налаживались механизмы постоянного творческого взаимодействия советских политологов со структурами Международной ассоциации политических наук, а также с коллегами исследовательских и аналитических центров партий соцлагеря и развивающихся стран.

В институционализации политологии в СССР большую роль сыграл проведенный в Москве 12–18 августа 1979 г. XI Всемирный конгресс Международной ассоциации политических наук. К открытию конгресса вышел в свет специальный выпуск Ежегодника САПН, содержащей материалы советской делегации¹. Открывал и закрывал заседания Конгресса и выступил на нем президент САПН Г.Х. Шахназаров, который был представителем Советского оргкомитета по подготовке и проведению конгресса. Основным доклад, который произнес на конгрессе вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосе-

¹ Политика мира и развитие политических систем. Навстречу XI конгрессу Международной ассоциации политической науки. М.: Наука, 1979.

ев — «Политические науки и современность». С докладом «Накопление политических знаний с 1949 г.» на пленарном заседании выступил член Программного комитета конгресса В.С. Семенов, получивший со стороны участников конгресса высокую оценку.

Значение этого форума для отечественной политологии определялось по крайней мере такими двумя факторами: во-первых, советские ученые продемонстрировали достаточно высокий профессиональный уровень, что свидетельствовало о возросшем потенциале политической науки в СССР, а, во-вторых, впервые происшедшее на таком уровне соприкосновение советских политологов «лицом к лицу» с крупнейшими фигурами зарубежной политологической элиты, занимавшейся кстати, в условиях «холодной войны» нередко враждебные позиции — все это стало серьезным испытанием, в котором исследователи СССР показали себя с самой лучшей стороны. С точки зрения положительных последствий конгресса важным является и то, что в его подготовке и проведении большую роль сыграли такие академические отраслевые и страноведческие институты как Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт востоковедения, Институт Африки, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Все они со временем стали признанными исследовательскими центрами, сыгравшими важную роль в институционализации отечественной политологии. Официальные и итоговые материалы конгресса, обзорные статьи по трем основным темам конгресса и ряд статей советских ученых, в частности, Б.Л. Губмана, М.Н. Руткевича, Р.О. Карапетяна, Р.Г. Яновского, М.Т. Иовчука, В.В. Лазарева, Э.Н. Ожиганова, Р.Н. Исмаилова были опубликованы в еженедельнике САПН тиражом 3700 экземпляров¹. Позже на основе переработанных докладов советских участников XI Всемирного конгресса МАПН была издана монография.

С начала 1960 г. САПН стала выпускать свои ежегодники, тематика которых была достаточно разнообразной. Вслед за уже упоминавшимся ежегодником, опубликованном по итогам работы XI конгресса МАПН, ежегодники последующих лет посвящались таким темам как «Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики»

¹ Проблемы политических наук. К итогам XI Конгресса МАПН: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. М.: Наука, 1979.

(1980 г., издан в 1982 г.), «Новый мировой порядок и политическая общность» (1981 г., издан в 1983 г.), «Политическая наука и политическая практика» (1982–1983 гг., издан в 1984 г.). Два ежегодника — «Политические науки и НТР» и «Развивающиеся страны в мировой политике» — вышло в 1987 г.; теме «Новое политическое мышление и процесс демократизации» был посвящен ежегодник за 1990 г.

К числу важных акций, связанных с постановкой вопроса о том, чтобы «узаконить» политическую науку, относится опубликованная 10 января 1965 г. в газете «Правда» статья Ф. Бурлацкого «О политической науке», которая под таким названием появилась в первом, утреннем выпуске газеты, но которая в московском издании была переименована главным редактором на другое название — «Политика и наука», сохранившего при этом призыв к созданию самостоятельного научного направления. Но в появившемся летом того же года газетном обзоре «Правды» прозвучало предложение отказаться от названия «Политическая наука» на том основании, что, мол, «все марксистские науки- политические», и обсуждать вопрос о политологии можно, главным образом, как преподавательской дисциплине¹.

Известный политолог, дипломат и журналист А. Бовин, работавший в 60–70 гг. вместе с Ф.М. Бурлацким на политологическом попечище, в свое время отметил, что Федор Михайлович «вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки»² (подчеркнуто нами. — А.К.). О том, что «для нас важен тот факт, что Ф.М. Бурлацкий первым из советских ученых публично выступил за восстановление в правах политологии как научной и учебной дисциплины»³ (подчеркнуто нами. — А.К.) — пишут, пользующиеся высокой профессиональной репутацией профессора Московского государственного университета им. Ломоносова А.Ю. Шутов и Е.Б. Шестопал. Из множества областей политологии, которые успешно исследовал Ф.М. Бурлацкий, особо выделяются такие три направления: развитие самой политической науки на этапе ее институализации, дизайн политической системы, проблематика политического лидерства и политических элит.

¹ См.: Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 21.

² Бовин А. XX век как жизнь. М., 2003. С. 115.

³ См.: Бурлацкий Ф.М. О политической науке. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 7.

Важнейший шаг в становлении политологии — организация в рамках созданного в 1968 г. Института конкретных социальных исследований АН СССР отдельного и самостоятельного (наряду с социологическим) политологического направления, курирование которого было поручено Ф.М. Бурлацкому как заместителю директора ИКСИ. Во всем этом проявилась большая прозорливость и смелость вице-президента АН СССР А.М. Румянцева, ставшего первым директором нового ИКСИ. Говоря о смелости Алексея Матвеевича, в данном случае, мы не хотели бы растворить такую оценку в пафосном возвеличивании его, а подкрепить наше утверждение конкретным аргументом — во всех документах Президиума АН СССР, Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, Секретариата ЦК, связанных с учреждением ИКСИ — политологическая составляющая как терминологически (упоминание терминов «политология», «политические науки», «политологические исследования»), так и содержательно (определение политологической проблематики, основных направлений этих исследований) вообще отсутствовала, все сводилось только к конкретным социальным исследованиям, т.е. к сфере социологии¹.

И вот на свой риск А.М. Румянцев за счет внутриинститутских резервов сформировал первое политологическое подразделение в системе Академии наук СССР. Со временем ввиду уточнения функций ИКСИ и концентрации его внимания на социологической проблематике Президиум АН СССР 18 мая 1972 г. принял решение о передаче на правах сектора группы сотрудников ИКСИ вместе с Ф.М. Бурлацким в Институт государства и права, а отдел проблем социально-политической динамики в условиях научно-технической революции в составе сектора динамики социальной структуры и сектора политической динамики упразднил в связи с переводом этих структур в Институт международного рабочего движения. Получившее распространение в постсоветское время заявление о том, что создание в ИКСИ политологического направления «фактически ... было сделано за счет науки социологической», что в результате того, что А.М. Румянцев «продолжил линию на привлечение к работе в нем близких ему по духу политологов, отчего многим специалистам из смежных областей ... не нашлось места» для проведения конкретных социологических

¹ См.: Социология и власть. Сб. 1. Документы. 1953–1968. М.: Academia, 1997. С. 137.

исследований, и что создание в таком формате ИКСИ «не только не улучшило положение социологической науки, но даже усугубило ее» так как из-за этого «с первых дней работы нового научного подразделения (ИКСИ. — А.К.) в нем сложилась довольно странная, явно не способствующая слаженной продуктивной работе ситуация»¹ — все это свидетельствует о том, какие трудности пришлось преодолевать директору ИКСИ внутри института по воплощению в жизнь инициированной им лично идеи создания академической политологической структуры.

Фактом является и то, что продолжительное время отечественную политологию отличали аморфный, импульсивный, крайне слабый уровень ее развития, отсутствие собственных научных школ и центров подготовки профессиональных кадров. Сказывалось отсутствие концептуальных документов (прежде всего Президиума АН СССР и Министерства высшего и специального образования СССР), определяющих предмет политологии как научной и учебной дисциплины, ее понятия и категории, структуру политологического знания, основные направления развития этой ветви науки.

Словом, в сторону своей институционализации политическая наука двигалась «шагами» и «шажками», благодаря которым и накапливался определенный опыт. Одним из таких шагов явилась подготовка и издание в 1980 г. «Краткого политического словаря» под общей редакцией Л.А. О니кова и Н.В. Шишлина. Среди многих достоинств этого издания следует отметить и то, что наряду с трактовкой абсолютного большинства терминов и определений с позиций господствовавшей в СССР идеологии, в нем нашли отражение и интерпретации западных политологов, что позволило советским исследователям познакомиться со взглядами своих зарубежных идеологических оппонентов. Осуществлена также попытка дать определение политической науки: «Политическая наука (политология) — термин, утвердившийся за общественной наукой, изучающей всю область политических отношений ... Политическая наука развивалась в тесной связи с историей, юриспруденцией и политической экономией, постепенно выделялась в самостоятельную сферу исследований. К предмету политической науки относятся прежде всего принципы

¹ *Осипов Г.В.* Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 31.

политической системы общества, роль и соотношение ее основных компонентов — государства, политических партий, общественных организаций; способы проведения в жизнь государственной политики; регулирование общественно-политических проблем, составляющих понятие демократии»¹. Такое определение было воспринято научным сообществом в основном положительно (при некоторых дискуссионных моментах), и оно стало хорошим подспорьем в дальнейшей «шлифовке» понятийного аппарата политологии.

Институционализация же политологии, как и социологии, состоялась перед самым закатом советской эпохи. К числу глубоких разработок этой проблемы следует отнести монографические исследования Я.А. Пляйса². Важным шагом стало принятие 13 марта 1987 г. совместного Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР № 327, в котором предлагалось Государственному комитету СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) совместно с Министерством высшего и среднего образования СССР, Академией наук СССР и с участием заинтересованных министерств и ведомств СССР «пересмотреть и утвердить номенклатуру специальностей научных работников, по которым должна проводиться подготовка докторов и кандидатов наук, в соответствии с новым перечнем специальностей по подготовке специалистов с высшим образованием и учетом развития новейших направлений науки и техники»³ (подчеркнуто нами. — А.К.). Подчеркнутая нами фраза Постановления, хотя изложена и в общей, абстрактной форме, для политологии и социологии звучала обнадеживающе. Это подтвердилось после того, как ГКНТ своим постановлением №386 от 4 ноября 1988 г. «О номенклатуре специальностей научных работников» внес в номенклатуру следующие специальности по политическим наукам: «теория и история политической науки»; «политические институты и процессы»; «политическая культура и идеология»; «политические проблемы международных систем и глобального развития».

¹ Краткий политический словарь / Под общ. ред. Л.А. Оникowa и Н.В. Шишлина. М., 1980. С. 319.

² См.: Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009.

³ Собрание постановлений правительства СССР (отдел первый). 1987. № 24. С. 498. П. 6.

По специальности «политические науки», но в разделе «социологические науки» в том же постановлении проходили еще две специальности: «социально-политические процессы, организация и управление» и «общественное мнение»¹. Номенклатура, утвержденная ГКНТ, была по приказу ВАК при СМ СССР № 1 от 25 января 1989 г. принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров. После этого открылись реальные возможности для создания инфраструктуры политологии, открытия специализированных кафедр, отделения по подготовке профессиональных политологов, формирования диссертационных советов. Осенью 1990 г. в ВАК был создан первый Экспертный совет по политическим наукам в составе 26 видных ученых; председателем совета был утвержден директор Института Европы АН СССР, член-корреспондент АН СССР В.В. Журкин. Первые специализированные диссертационные советы по политологии были созданы в 1990 г. — в Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР. В том же 1990 г. состоялась первая защита докторской диссертации, и произошло это в диссертационном совете Института общественных наук при ЦК КПСС под председательством Ф.М. Бурлацкого. Номенклатура политологии со временем менялась и уточнялась несколько раз, пока она не была утверждена в окончательном на данный момент виде.

Отечественная политология, пройдя сложный путь становления и институализации в условиях господства теоретико-методологических доктрин советского обществоведения, вскоре оказалось перед новыми вызовами, порожденными цивилизационным сломом всей общественно-политической системы страны. Многие из этих вызовов не менее сложные чем те, которые пришлось преодолевать ранее. Но это отдельная тема, требующая тщательного исследования. Мы же из множества острых проблем отметим одну. Речь идет о нависшей опасности оказаться реформирующейся ныне Академии наук без института политологии. Для политологического сообщества обнадеживающим было преобразование в 1990-е годы Института международного рабочего движения в Институт сравнительной политологии, который стал первой легитимной самостоятельной политологиче-

¹ Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. 1989. № 3. С. 18.

ской структурой в системе РАН. Однако он вскоре был расформирован, его исследовательские подразделения были переданы в другие институты. В нынешней же «реформаторской утряске» системы институтов РАН места для академического института политологии пока не нашлось. Неужели кто-то всерьез считает, что сложнейшие проблемы современности можно решать без важнейшего научного направления — академической политологии. Или может быть порой дающий о себе знать нигилизм по отношению к фундаментальной науке открывает дорогу для лишения политологии академического статуса.

Библиография

1. Бовин А. XX век как жизнь. М., 2003. С. 115.
2. Бурлацкий Ф.М. О политической науке. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 7.
3. Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. 1989. № 3. С. 18.
4. Интервью с Г.Г.Дилигенским опубликовано в № 1 сборника «Политическая наука» за 2001 г. С. 41.
5. Краткий политический словарь / Под общ. ред. Л.А. Оникова и Н.В. Шишлина. М., 1980. С. 319.
6. Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 31.
7. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН. 2009.
8. Политика мира и развитие политических систем. Навстречу XI конгрессу Международной ассоциации политической науки. М.: Наука, 1979.
9. Проблемы политических наук. К итогам XI Конгресса МАПН. Ежегодник Советской ассоциации политических наук. М.: Наука, 1979.
10. Собрание постановлений правительства СССР (отдел первый). 1987. № 24. С. 498. П. 6.
11. Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: Academia, 1997. С. 137.

КРАЮШКИНА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ
ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация: в представленной статье поднимается вопрос о необходимости общественной дискуссии по проблемам структуры, содержания и контрольно-измерительных материалов по «Обществознанию», являющемуся одним из ключевых школьных предметов, формирующих российскую идентичность. Анализируется опыт США в преподавании аналогичных школьных предметов. Критикуются контрольно-измерительные материалы по обществознанию, применяемые во Всероссийской олимпиаде школьников и при проведении ЕГЭ по обществознанию.

Ключевые слова: формирование российской идентичности молодежи, проблемы содержания, структуры и контрольно-измерительных материалов по обществознанию,

Обществознание играет важную роль в формировании российской идентичности у школьников. Базируясь на сочетании различных гуманитарных наук, именно оно способствует пониманию молодежью происходящих общественных процессов, участвует в воспитании ценностных ориентиров и формировании гражданской позиции. В связи с этим представляется крайне недостаточным внимание экспертного сообщества как к содержанию и методике преподавания обществознания в школе, так и к качеству контрольно-измерительных материалов по обществознанию при проведении единого государственного экзамена и Всероссийской олимпиады школьников.

Представляется, что подход к обществоведческому образованию в образовательных организациях необходимо основывать на следующих принципах: 1) обществоведческое образование должно давать адекватную подготовку ко всем этапам и различным направлениям жизненного пути; 2) обществознание призвано не только давать знания, но прежде всего воспитывать человека; 3) обществоведческое образование призвано играть направляющую этическую роль в период кризиса ценностей на современном этапе развития человеческого общества. Обществоведческое образование выступает основой для формирования у молодежи чувства гражданственности, помогает им выработать активную жизненную позицию, и в то же время формируют нравственность.

На наш взгляд существующая структура и содержание дисциплины «Обществознание» недостаточно отвечает задачам, стоящим перед современным российским обществом. Учебные пособия оказываются перегруженными абстрактными теоретическими понятиями, обучение не носит практикоориентированный характер. Например, обучающиеся знакомятся с бюджетно-налоговой политикой государства, но не получают необходимых знаний и умений собственного поведения как налогоплательщика, не понимают принципов формирования тарифной политики государства и порядка расчета за жилищно-коммунальные услуги и д.т. Детей учат рассуждать о толерантности и т.п., но абсолютно отсутствуют разделы о культуре, обычаях, традициях народов, населяющих Российскую Федерацию. Недостаточно освещаются вопросы, связанные с особенностями и историей мировых религий. Система государственной власти излагается только с позиций описания федерального центра, не дается понимания структуры органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Нет у учащихся представления о реальных механизмах взаимодействия государства и гражданского общества в России (системы «открытое правительство», «открытие данные», «открытый регион», конкурсные процедуры при приеме на работу государственных служащих, антикоррупционная политика государства, работа с обращениями граждан и т.п.).

В этой связи интересен опыт США, где вопросы граждановедения изучаются фактически с детского сада. Проанализируем содержание Стандартов образования для государственных школ штата Вирджиния (Standards of Learning for Virginia Public Schools), опубликованных в июне 1995 г. В главе стандартов, касающихся истории и социальных наук выделяется в качестве предмета то, что можно назвать граждановедением либо обществоведением (**Civics**). **Целью** этой области знания стандарты называют развитие во всех учениках умений получать информацию и развивать ответственное соучастие в общественной жизни. Стандарт обязывает обеспечивать возможность на каждом уровне образования развивать базовое понимание политики и системы государственной власти, а также приобретение практических навыков хорошего гражданина (the skills of good citizenship).

В детском саду (kindergarten), согласно стандартам (под шифром К.7), учащиеся должны показать понимание того, что хороший гражд-

данин должен уметь совершать такие важные поступки как: уметь делиться и чередоваться (take turns and sharing); уметь брать на себя ответственность; уметь заботиться о своих вещах (карандашах, одежде, тетрадях, книгах) и относиться с уважением к том, что принадлежит другим; уметь называть примеры честности, мужества, патриотизма и других замечательных черт характера, которые можно увидеть в американской истории; уметь называть примеры правил и последствия их нарушения.

Помимо этих знаний элементарных правовых норм, учащиеся должны уметь идентифицировать традиционные патриотические символы государства (индекс К.8), а именно: те из них, которые символизируются с Америкой, включая флаг, бесперогого орла, национальные памятники и пр.; те из них, которые ассоциируются с Вирджинией, включая флаг штата, символ штата — птицу кардинал и пр. Также в детском саду учащийся должен знать традиционные патриотические мероприятий, включая the Pledge of Allegiance и the Star-Spangled Banner.

Раздел стандарта **для первого класса** определяет, что первоклассники должны изучать ценность прав и обязанностей, они должны помогать создавать и проводить в жизнь правила для своего класса. В учащихся поощряются, способствуют развитию хороших черт характера через рассказы, которые учат таким добродетелям как честь, правдолюбие, доброта, самодисциплина, ответственность. Подробно раскрывается механизм восприятия детьми норм поведения в обществе. Детям объясняется процесс создания этих правил: «Учащиеся должны уметь описывать и сравнивать созданные в некотором классе правила непосредственной демократии (например, целый класс голосует за правила поведения) и представительной демократии (например, избранная классом небольшая группа создает правила)». Считаю необходимым обратить особое внимание, что уже в первом классе *«Учащиеся должны уметь идентифицировать избранных представителей, отвечающих за разработку местных законов, законов Вирджинии и федеральных законов»* (индекс 1.14). Помимо вышперечисленного учащиеся должны знать имя президента США и узнавать национальные символы Вирджинии и США, такие как флаги, праздники и the Pledge of Allegiance (индекс 1.15). И так далее до старших классов.

Двенадцатый класс изучает специальный курс «Государственное управление США и Вирджинии», благодаря которому учащиеся должны понимать общие и особенные признаки американской и вирджинской политических систем. Стандарты предусматривают, что учащиеся должны знать Конституции США и Вирджинии; структуру управления США и Вирджинией; политические процессы, включая экономические, внешнеполитические вопросы и проблемы прав человека; уметь определять общественные интересы, интересы партий и групп населения и др. Учащиеся должны уметь сравнить конституционную систему США с формами демократий, которые существовали в Древней Греции и Риме, в Англии и Американских колониях, американских штатах в XVIII веке. Они должны уметь идентифицировать фундаментальные американские политические принципы, выраженные в Конституции Вирджинии, Декларации Независимости, Конституции США, публикациях Федералиста, и сравнивать их с принципами управления и права, выраженными такими европейскими политическими мыслителями как Локк, Гоббс, Монтескье, Руссо и Блэкстоун. Учащиеся должны понимать вклад Верховного Суда в толкование Конституции США. Они должны уметь идентифицировать и понимать фундаментальные основы демократии, включая равенство всех граждан перед законом, верховенство права, защиту индивидуальной свободы и т.д. Ученики должны уметь анализировать письменно, в дискуссиях и дебатах различные точки зрения на демократические ценности, включая конфликты между правами индивида и публичным интересом; уровнем налогового бремени и возможностей государственной поддержки; федеральная власть и власть штата в федеральной системе и т.д. Ученик должен уметь анализировать и сравнивать федеральную власть и власть штата, в том числе структуру, функции и полномочия каждого; принципы федерализма, разделения властей, систему сдержек и противовесов и т.д. Таким образом, вся система обучения в области общественных наук в США выражает единую систему требований к формированию гражданственности и патриотизма в американских школьниках, что, несомненно, представляет интерес при анализе содержания обществознания в российской школе.

Также считаем необходимым обсудить содержание контрольно-измерительных материалов по обществознанию. В последнее время

вызывает недоумение подбор тем для эссе по обществознанию, которые предлагаются старшеклассникам — участникам регионально-го этапа Всероссийских олимпиад школьников, начиная с 2014 г. Так, например, в 2014 году помимо прочих участникам олимпиады были предложены следующие темы: «Религия — это общечеловеческий навязчивый невроз» (З. Фрейд), «Государственно-правовое существование есть существование враждующих» (Н.А. Бердяев), «Банковские учреждения более опасны, чем регулярная армия» (Т. Джефферсон) и др. В 2015 году: «Русский, какого бы он звания не был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно делать безнаказанно; и совершенно также поступает правительство» (А.И. Герцен), «В тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем» (Б. Мандевиль), «Меньшинство может быть право, большинство всегда ошибается» (Г.И. Ибсен), «Деньги — одно из величайших орудий обретения свободы, придуманных человеком» (Ф. фон Хайек), «Убогий человек, не имеющий ничего, чем он мог бы гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит» (А. Шопенгауэр). (См.: Официальный портал Всероссийской олимпиады школьников // URL: http://www.rosolymp.ru/index.php?option=com_participant&action=task).

В 2016 году странный подбор тем для эссе «перекочевал» и в контрольно-измерительные материалы ЕГЭ по обществознанию. Детям предлагались такие темы: «Законы — прекраснейшее изобретение разума, но, обеспечивая народам покой, они умаляют их свободу» (Л. Вовенарк), «Выработка бюджета — есть искусство равномерного распределения разочарований» (М. Станс), «Законы в сущности бесполезны как для дурных людей, так и для хороших. Первые от них не становятся лучше, вторые же не нуждаются в них» (Демокрит), «Самая жестокая тирания та, которая выступает под сенью законности, под правом справедливости» (Ш. Монтескье) и т.д.

Считаем, что фразы, вырванные из контекста, сказанные иногда с целью эпатировать публику, побудить ее к дискуссии, могут быть «хороши» для учебных занятий, но не для официальных мероприятий, проводимых от лица государства, от результатов которых зависит будущее ребенка.

ПЛЯЙС ЯКОВ АНДРЕЕВИЧ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИI-я часть: Состояние и перспективы политической науки
в современной России

1. Давно и хорошо известно, что политика — это наука и искусство. Наука и в истинном смысле этого слова, и в смысле накопления и учета опыта. Поскольку это наука, значит, ее надо основательно, системно и последовательно изучать, как по части теории, так и по части практики. Несмотря на очевидность, эта аксиома очень долго в силу различных причин игнорировалась во многих странах и в том числе в нашей стране.

Исправление этой ошибки в конце 80-х годов прошлого века, когда политическая наука была наконец-то признана и институционализована, я уверен, никому не нанесло вреда. Скорее, наоборот. И по мере развития нашей науки, надеюсь, эта польза будет только прибавляться. Отсюда следует мой первый вывод: *политическую науку, как, разумеется, и любую другую, следует всячески поддерживать, не ограничивать ее возможности и ресурсы, не считать второстепенной и тем более ненужной, вредной и даже ненаукой.* (К сожалению, такие оценки до сих пор можно услышать.)

2. Любая молодая наука проходит в своем становлении и развитии, как я неоднократно писал¹, три основных этапа: 1 — **инфраструктурный**, или этап создания всей необходимой для науки и сферы образования инфраструктуры; 2 — **теоретический**, или этап создания национальной теоретической базы (для обществоведческих наук это особенно важно); 3 — этап **зрелости** и активного целенаправленного применения достижений науки на практике.

В современной России мы прошли 1-й этап в основном в 1990-е годы, что явилось необходимой предпосылкой и условием для перехода ко 2-му этапу, ибо без соответствующей инфраструктуры на-

¹ См., например, мою монографию «Политология в контексте переходной эпохи в России» (М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009, 2010), главы II, III, IV, с. 29–70.

циональную теоретическую базу, разумеется, не создашь. (Здесь надо сделать одно существенное дополнение, состоящее в том, что национальную теоретическую базу нельзя создать без устойчивых научных школ, которые, в свою очередь, не могут образоваться без устойчивой инфраструктуры, не говоря уже о том, что это весьма долговременные процессы и к тому же достаточно трудоемкие и сложные.)

Из вышесказанного следует мой второй вывод. Он состоит в том, что *если ограничивается и тем более сокращается, ломается инфраструктура, то это неизбежно негативно сказывается на всем последующем развитии науки и особенно на создании теоретической базы. Поэтому ни ограничивать, ни сокращать и тем более ломать созданную инфраструктуру нельзя. Наоборот, ее надо развивать, дополнять, совершенствовать, что особенно было и остается актуально для территории за Уралом.*

В подтверждение приведу следующие данные. Если по состоянию на сентябрь 2008 г., число политологических диссертационных советов равнялось 50 и еще 18 существовало до первой реорганизации этой сети¹, то по состоянию на начало января 2016 г., их число составляло 29, из которых два зарубежные. Это советы при Кыргызско-Российском Славянском университете и Таджикском национальном университете.

Особенно значительно уменьшилось число диссоветов в регионах. Вместо 23-х их стало всего лишь 5. Политическая наука из всероссийской стала фактически московской, как это было в начале 1990-х годов, и это, разумеется, абсолютно неправильно и очень тревожно.

Резко сократилось не только число диссоветов, но и количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций. Если в 2007 году число защищенных в год кандидатских диссертаций равнялось 386, а число докторских — 41, то в 2015 году, соответственно, 192 и 20 диссертаций, т.е. фактически в два раза меньше.

По разным причинам, в том числе потому, что аспирантура стала третьей ступенью высшего образования, заметно сократилось также число аспирантов, докторантов, обучающихся в бакалавриате, магистратуре.² Нет сомнения, это скажется негативно не только на состо-

¹ См. там же, с. 440–444.

² На мой взгляд, превращение аспирантуры в третью ступень высшего образования — неверное решение в принципе. Главным образом потому, что сфера образования и сфера науки, несмотря на их теснейшую связь, все-таки различные

янии нашей науки, на перспективах ее развития, но и на конечных результатах.

Так ли надо было решать возникшую проблему диссертационного вала и качества научных исследований, возникшую в 90-х годах прошлого века, как ее решили?

Да, надо признать, что предпринятое ужесточение правил подготовки к защите и самой защиты было в целом оправдано. И увеличение числа опубликованных по теме диссертации научных работ (статей и монографий), и трансляция защиты в режиме online в Интернете, как и многое другое, помогло повысить качество диссертационных исследований. Но, на мой взгляд, ненамного. Почему ненамного? Потому что, как мне представляется, проблему качества всей нашей науки надо решать принципиально по-другому.

На мой взгляд, эту проблему, не откладывая в долгий ящик, надо решать следующим образом. Во-первых, в аспирантуру и, особенно, в докторантуру, следует отбирать людей действительно способных к науке (а не только желающих остепениться). Эту задачу можно решать через портфолио, создаваемое претендентами в аспирантуру, начиная с 3-го курса бакалавриата или специалитета и, особенно, в магистратуре. Думаю, также, что дистанция между кандидатской и докторской диссертацией в *общественных и гуманитарных науках* должна быть более продолжительной. Человек, особенно молодой, должен созреть до докторской степени.

Второе обязательное обстоятельство — достойная стипендия для аспирантов. Нынешняя мизерная (около 2 тыс. рублей) — вынуждает аспирантов работать, что крайне негативно сказывается на конечном результате. Каждый из нас, начиная с меня, знает немало случаев, когда вполне пригодные для научной работы молодые люди были вынуждены отказываться от занятий наукой ради карьеры в другой, более доходной сфере или даже ради выживания.

В-третьих, у научного работника должна быть более высокая зарплата и более достойные условия жизни, позволяющие ему не думать

сферы, так как создание нового интеллектуального научного продукта *не является* для сферы образования важнейшей задачей (таковой является передача знаний, связанных с профессией и формированием личности), в то время как в сфере науки именно это, т.е. создание нового продукта, является главным. Отсюда следует все остальное, а именно содержательные, организационные функции этих сфер и пр.

денно и ночью о хлебе насущном и о том, как выжить, а заниматься любимым делом с полной отдачей. Несмотря на предпринятые нашим правительством меры, денежное довольствие научных работников, как и преподавателей вузов, далеко не только от желаемого, но и необходимого. Более адекватно, на мой взгляд, должен оцениваться и труд научного руководителя, особенно по результатам защищенных работ.

Нельзя не сказать и о том, что публикационные возможности аспирантов осложняются финансовыми требованиями статусных изданий и скромными возможностями соискателей научных степеней.

И еще одно замечание по этой теме: можно бесконечно менять и ужесточать требования, предъявляемые к научной работе, апеллируя при этом к необходимости повышения качества научной продукции. Но пора, я уверен, уже остановиться. Не только структуры и институты, но и правила, по которым они работают, должны быть достаточно константными. Иначе добиться положительных результатов будет крайне трудно.

Это же относится и к номенклатуре научных специальностей, которую в очередной раз хотят перекроить в сторону сокращения. Не сокращать надо, а уточнять и конкретизировать. В политической номенклатуре, по моей оценке, сейчас не хватает сравнительной политологии и специальности по межнациональным и межэтническим отношениям. (О нехватке профессиональных специалистов в этой области российский президент говорил 31 октября этого года в Астрахани на заседании Совета по межнациональным отношениям при президенте России).

Какой же общий вывод можно сделать из 2-го тезиса. *Сокращение инфраструктуры (и научной, и образовательной) не только пагубно отразится на состоянии перспективах науки, но и не решит ту проблему, т.е. проблему качества, ради которой все это по официальной версии делается.* Проблему качества научной работы, как и говорилось выше, надо решать иначе.

II часть: Состояние и перспективы политологического образования в современной России

За 25 лет, прошедших с 1991 г., т.е. с момента введения подготовки профессиональных политологов в нашей стране, изменилось, конеч-

но же, немало. Мы обрели значительный методический опыт, подготовили не одну тысячу профессиональных политологов. Пришла пора этот накопившийся опыт обобщить, посвятив ему один из ближайших съездов РОП.

С учетом этого, мне хотелось бы очень кратко обозначить некоторые актуальные проблемы российского, а также политологического образования.

Во-первых, нам следует, как мне представляется, основательно разобраться в нашей учебно-методической базе, особенно в содержании учебников по политологии, как общего характера, так и написанных для определенных специальностей (например, юристов или экономистов). При этом особое внимание следует уделить национальному содержанию учебно-методической базы.

Во-вторых, необходимо, думаю, конкретизировать, т.е. диверсифицировать, наше политологическое образование, ввести больше профилей подготовки; основательно подумав какие, кроме экономики и PR, мировой политики еще необходимы.

В-третьих, полагаю, настало время заняться политическим образованием, как в широком смысле слова, т.е. со всем населением, так и в более узком, например, с партийцами, в частности «Единой Россией». Но для этого надо определиться с системой национальных ценностей, в соответствии с которыми следует организовать и политическое образование, и политологическое.

Заканчивая, отмечу, что без развитой политической науки и не менее развитого политологического образования в России не будет и политики, как науки и искусства. Тот серьезный (кстати говоря, по большей части рукотворный) кризис, который возник в последние годы в нашей науке и в политической в том числе, необходимо срочно, но не сломя голову разрешить. Иначе процесс станет необратимым на радость нашим недругам, коих немало.

РЕЗОЛЮЦИЯ II СЪЕЗДА ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТОЛОГОВ»
(Казань, 11–13 ноября 2016 г.)

Делегаты и участники II съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов», состоявшегося 11–13 ноября 2016 г. в г. Казань (Республика Татарстан, Россия),

обсудив комплекс теоретико-методологических и практических вопросов, связанных с актуальными тенденциями российской внешней и внутренней политики в условиях динамично меняющейся ситуации в мире, согласовав систему научных взглядов на глобальные приоритеты, фундаментальные принципы, важнейшие направления политики Российской Федерации с учетом ее национальных интересов;

объединяя усилия профессионального политологического общества в теоретическом осмыслении политических процессов на всех уровнях, в анализе происходящих изменений и их последствий, в деле освоения предметного поля современной политической науки, в том числе, с использованием междисциплинарных подходов, совершенствуя методологию профильных теоретических и прикладных исследований;

придавая первостепенное значение формированию и распространению актуальных и объективных знаний о тенденциях и закономерностях современного мира политического во всем многообразии его форм и проявлений, а также расширению и углублению соответствующей тематики в общегуманитарной подготовке студентов и переподготовке квалифицированных кадров;

принимая во внимание исторические традиции формирования политической науки в России, глубокую заинтересованность политических элит и общества в поддержке и продвижении отечественных научных школ, ориентированных на национальные интересы страны, в популяризации всех форм политического знания, а также в решении насущных проблем политологического образования и укреплении

нии авторитета российских исследовательских школ в международном академическом сообществе;

признают необходимость эффективного сложения усилий научных, образовательных, экспертных и иных профессиональных государственных и общественных структур, специализирующихся на сохранении и развитии отечественных школ политической науки, выработки механизмов формирования и реализации обновленной стратегии согласно приоритетам внутренней и внешней политики Российской Федерации с учетом логики ее исторического развития и уникальной геополитической роли в формирующемся миропорядке;

обращают внимание на необходимость использования теоретических и прикладных политологических исследований для эффективного ответа на вызовы современности, дальнейшего развития эмпирических политических исследований, совершенствования понятийно-категориального аппарата и методологии политической науки;

выступают за продолжение усилий по формированию профессиональных политологических корпораций, способных на основе аналитических моделей разрабатывать и предлагать научно обоснованные сценарии и прогнозы развития страны и миропорядка, а также за формирование более эффективного механизма включения отечественных политологов в решение актуальных задач современного российского общества, государственной политики и международного взаимодействия;

выражают заинтересованность в продолжении диалога и укреплении плодотворного сотрудничества между различными научными школами, экспертными структурами и образовательными учреждениями Российской Федерации, а также выстраивания эффективного диалога с партнерами в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Важнейшими направлениями деятельности профессионального сообщества II съезд Российского общества политологов считает:

1.1 объединение усилий профессионального политологического сообщества страны по формированию эффективной российской национальной политологической школы, сохранению и развитию отечественной политической традиции, социокультурных оснований политического процесса в стране, взаимодействия государства и

общества, власти и бизнеса, развитию способов и методов политической мобилизации;

1.2 содействие консолидации российского общества, находящегося в электоральном цикле 2016–2018 гг., укреплению моделей многонационального консенсуса, в том числе на основе использования прикладных этнополитических исследований для предупреждения и преодоления межэтнических противоречий;

1.3 развитие региональной сети Российского общества политологов, обмен лучшими научными работками между центром и регионами, поддержка исследовательских и организационных инициатив региональных отделений Общества, активизация региональных экспертов, их включение в процессы выработки и принятия политических решений на федеральном и региональном уровнях, совершенствование механизма вступления новых членов в региональные отделения организации, поддержка региональных отделений в инициативах по созданию на своей базе политологических исследовательских объединений, ведущих научные проекты, готовящих методические рекомендации, в том числе, для образовательных организаций;

1.4 оказание информационной, консультативной, организационной, методической и иной помощи региональным политологическим образовательным центрам и научным школам с целью их более динамичного развития и полноценной интеграции в общероссийское и международное научно-образовательное пространство;

1.5 последовательная работа по повышению качества образовательных стандартов, образовательных программ, учебной и учебно-методической литературы по политологии, включая их открытую профессиональную экспертизу;

1.6 создание механизмов преемственности отечественного политологического знания и исследовательских традиций, всесторонняя поддержка молодых ученых-политологов, прежде всего, через механизмы привлечения и сотрудничества Молодежного отделения Российского общества политологов, содействие молодым научно-исследовательским коллективам, создание возможностей для их качественного роста и профессиональной самореализации в отечественном и интернациональном политологическом пространстве, присуждение Стипендии имени Ф.М. Бурлацкого для студентов, проявивших выдающиеся способности в области политологии, а также

содействие стажировкам и трудоустройству молодых специалистов-политологов в структурах государственной власти, экспертных и общественных организациях;

1.7 использование опыта конструктивного взаимодействия между политологическими научными и образовательными центрами России и постсоветских государств, активное включение российских политологических школ в разработку наднациональных образовательных программ с учетом консолидации межгосударственного академического пространства, формирующегося в рамках евразийских интеграционных процессов;

1.8 формирование сообщества экспертов, способных адекватно оценивать сложные политические процессы на постсоветском пространстве на основе профессионализма и научной объективности, вырабатывать экспертные рекомендации для углубления многосекторальной интеграции с учетом многообразия политико-экономических интересов всех вовлеченных государств.

Первоочередными задачами профессионального сообщества II съезд Российского общества политологов считает:

2.1 расширение перечня общероссийских общественных организаций, наделенных статусом «Центр ответственности» по выработке предложений по определению объемов и структуры контрольных цифр приема граждан по направлениям подготовки высшего образования укрупненной группы направлений подготовки 41.00.00 «Политические науки и регионоведение»;

2.2 продолжение разработки проекта Паспорта профессии «политолог», его широкое экспертное обсуждение и принятие в качестве официального профессионального стандарта, а также внесение профессии «политолог» в Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (в раздел «Должности служащих»);

2.3 включение направления подготовки «политология» в предусмотренный квалификационными требованиями перечень направлений подготовки, являющихся профильными для занятия должностей государственной гражданской службы, включая группу ведущих должностей;

2.4 содействие выработке и реализации научно обоснованной государственной политики в Российской Федерации, а также привле-

чение политологической общественности к участию в проектах и программах, направленных на повышение эффективности государственного и муниципального управления;

2.5 продолжение создания реестра отечественных политологических школ, имеющих признанные научные и учебно-методические заслуги, содействие им в реализации стратегии развития и профессионального позиционирования, выделение перечня актуальных для публичного и информационного пространства тем научных исследований региональных политологических школ;

2.6 продолжение работы над созданием к 2018 году нового учебника по политологии с привлечением лучших российских экспертов, с учетом направленности российской политологии в сторону обеспечения национальных интересов и патриотического воспитания, формирования и закрепления осознанной гражданской позиции;

2.7 продолжение ежегодного конкурса Российского общества политологов на лучшие научные издания и учебные пособия по политическим наукам;

2.8 обновление коммуникативной стратегии Российского общества политологов, приоритетом которой должны стать не только органы государственной власти и научно-академические круги, но и деловое сообщество, СМИ и независимые журналисты, студенты и молодые специалисты, институты гражданского общества, широкая общественность.

Съезд считает необходимым принять следующие решения:

3.1 оставить вакантной должность Президента Российского общества политологов;

3.2 закрепить должность Почетного Президента Российского общества политологов за Е.М. Примаковым (1929–2015);

3.3 внести изменения в Устав Российского общества политологов;

3.4 внести изменения в состав Президиума Российского общества политологов, а именно по итогам голосования на Пленарном заседании РОП 11 ноября в г. Казань ввести в состав Президиума следующие кандидатуры:

Морозов Олег Викторович — член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации — представитель от администрации Республики Татарстан;

Плигин Владимир Николаевич — экс-председатель Комитета Государственной Думы VI созыва по конституционному законодательству и государственному строительству;

Рыхтик Михаил Иванович — директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского;

Шахрай Сергей Михайлович — проректор МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель Высшей школы государственного аудита;

3.5 поручить Президиуму Российского общества политологов изучить вопрос о возвращении политологии статуса обязательной дисциплины;

3.6 поручить Исполнительной дирекции в течение одного месяца направить протокол Съезда в Министерство юстиции России;

3.7 присудить Премию имени академика Е.М. Примакова за вклад в развитие отечественной политической науки выдающемуся российскому ученому-обществоведо А.А. Галкину;

3.8 одобрить работу Исполнительной Дирекции РОП;

3.9 одобрить предложенный план конференций и мероприятий;

3.10 одобрить создание Рабочей группы по организации и подготовке III Съезда РОП в 2018 году в следующем составе:

Якунин Владимир Иванович, сопредседатель РОП, член Президиума РОП, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова;

Шутов Андрей Юрьевич, сопредседатель РОП, член Президиума РОП, декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова;

Еремеев Станислав Германович, сопредседатель РОП, член Президиума РОП, декан факультета политологии, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета;

Морозов Олег Викторович — член Президиума РОП, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации — представитель от администрации Республики Татарстан;

Рыхтик Михаил Иванович — член Президиума РОП, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского;

Кузнецов Игорь Иванович — Исполнительный директор РОП, профессор кафедры истории и теории политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

В заключение делегаты и участники съезда в контексте решения задач реализации национальных интересов России в меняющемся мире, осознавая актуальность и значимость государственных стратегий в области внешней и внутренней политики нашей страны, отмечают, что Общероссийская общественная организация «Российское общество политологов» со времени своего создания в ноябре 2013 г. прошла путь становления и зарекомендовала себя в качестве мощной силы, интегрирующей профессиональное сообщество на основе широкой региональной структуры, состоящей из шестидесяти отделений. Делегаты и участники съезда подчеркивают, что сильное политологическое сообщество наряду с другими организациями, объединяющими ученых — обществоведов, может и должно выступать как профессиональный инструмент для решения политических, экономических, социальных, культурных и иных задач.

Вместе с тем, в условиях нарастающей сложности и разнообразия современного мира перед Российским обществом политологов стоит ряд важнейших задач, реализация которых потребует объединения таких качеств как профессиональная ответственность и смелость научного поиска.

Делегаты и участники II съезда считают необходимым учесть при формировании дальнейшей стратегии развития организации, а также при составлении научных программ конференций, семинаров, круглых столов нижеприведенные **пожелания и предложения**:

4.1 обратить особое внимание на политическое прогнозирование, осмысление тенденций развития современного мира, опираясь на парадигмы политической философии, совершенствование научного альтернативного идеального конструирования политической реальности, обладающей мобилизующим воздействием и стимулирующей теоретический и практический поиск путей совершенствования мира, исследование политических традиций и проектирования образа Будущего в пересекающихся предметных областях различных типов гуманитарного знания;

4.2 уделять повышенное внимание изучению новых возможностей виртуальных технологий в организации публичного дискурса, особенностям формирования современного языка политики с учетом его новых семантических и знаково-языковых конструкций, а также

углублению контекста исследования политико-коммуникативного пространства, расширяя основания знаний в этом предметном поле;

4.3 в контексте международной проблематики усилить исследования, отражающие роль цивилизационных факторов и значение ценностей в отношениях Запад-Россия, а также следующие актуальные вопросы международных отношений и мировой политики: рост числа «спорных государств» в мире как ответ на процессы политической дезинтеграции; препятствие распространению радикальной исламской идеологии на территории России; политические детерминанты региональной интеграции в современном мире;

4.4 продолжить углубленное изучение проблематики интеграционных процессов в евразийском регионе и в постсоветском пространстве, осмысление трудностей и противоречий, концептуализации уже имеющихся наработок и формулирования направлений дальнейших исследований в данной сфере;

4.5 с целью противодействия угрозам национальной безопасности России продолжить изучение феномена «гибридных войн», в частности, в рамках курсов лекций по военной конфликтологии и политологии, особое внимание обратить на способы и методы нейтрализации комплекса гибридных угроз как сочетания различных мер военного и невоенного характера, а также на необходимость использования органами государственной власти теоретических наработок и консультаций экспертного политологического сообщества;

4.6 в связи с тем, что осуществляемая в России политика в отношении молодого поколения во многом утратила комплексный характер, необходимо формирование новой модели молодежной политики как системы (целостности) мер государственного регулирования социального развития молодого поколения с единым центром ответственности и контроля, восстановление отечественных научных ювенологических школ, разработка комплекса мер по привлечению талантливой молодежи в науку;

4.7 уделить приоритетное внимание формированию модели политологического образования в условиях трансформации рынка политических профессий, приближению политологического образования к запросам политической практики и государственного управления при должном разграничении политического и политологического образования, отличающихся между собой по целям и аудитории;

4.8 учитывая особую актуальность этнополитической проблематики для современной России, поставить вопрос о возможности включения дисциплины «Этнополитология» в базовую часть образовательного стандарта политолога ФГОС-3+, а также о переработке профессиональных компетенций во ФГОС-3+, в том числе ликвидации привязки профессиональных компетенций к определенным видам деятельности;

4.9 принимая во внимание, что гражданская нация, формирующаяся в России, включает все многообразие этнической, религиозной и культурной специфики народов, проживающих на ее территории, содействовать созданию специального Федерального закона о российской гражданской нации;

4.10 рассмотреть возможности дальнейшей консолидации исторического, политологического и социологического сообществ на площадках Российского общества политологов и Российского исторического общества с целью всестороннего изучения отечественной историко-политической культуры и экспертного обеспечения государственной политики в данной сфере, проработать возможность заключения Соглашения о сотрудничестве Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов» с Ассоциацией «Российское историческое общество». Также предлагается сформировать экспертную группу для реализации долгосрочных мониторинговых и аналитических проектов в сфере изучения коллективной памяти и исторической политики совместными усилиями Российского общества политологов и Российского исторического общества.

С развитием национально-государственной идентичности вопросы консолидации общества на основе исторической памяти приобретают первостепенную важность. В этом контексте, в углубленных теоретических исследованиях нуждается и понятие гражданской нации, подразумевающее не только общие государственные границы и язык, но и общие исторические смыслы и ценности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамов Андрей Вячеславович* — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета.
- Абрамова Марианна Григорьевна* — кандидат исторических наук, магистр юриспруденции, доцент кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Авзалова Эльмира Илгизовна* — кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Алексеева Татьяна Александровна* — доктор философских наук, заведующая Кафедрой политической теории факультета политологии МГИМО МИД России.
- Аминов Ильдар Ринатович* — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета.
- Артамонова Юлия Дмитриевна* — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Ачкасов Валерий Алексеевич* — доктор политических наук, профессор кафедры этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Баласанян Григор* — заместитель декана факультета Международных отношений Ереванского государственного университета. Доцент кафедры Международных отношений и дипломатии.
- Баранов Андрей Владимирович* — доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета.
- Барсенков Александр Сергеевич* — доктор исторических наук, профессор кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Барский Яков Васильевич* — студент кафедры социально-политических теорий факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.
- Бельский Виталий Юрьевич* — д-р филос. наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.
- Беляев Владимир Александрович* — доктор политических наук, профессор и зав. каф. социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ).
- Биатрис Биссио* — декан факультета политологии Федерального университета Рио-де-Жанейро (Бразилия).
- Бобылев Владимир Владимирович* — кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Сочинского института (филиала) Российского университета Дружбы народов.

- Богданов Артем Владимирович* — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
- Большаков Андрей Георгиевич* — доктор политических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Бузанов Никита Андреевич* — студент кафедры прикладного политического анализа и моделирования, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
- Буховец Олег Григорьевич* — доктор исторических наук, руководитель Центра белорусских исследований ИЕ РАН, профессор кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета.
- Василенко Ирина Алексеевна* — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Ващенко Александр Владимирович* — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета.
- Ведерникова Мария Игоревна* — аспирант отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.
- Ветренко Инна Александровна* — доктор политических наук, профессор кафедры политологии исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.И. Достоевского.
- Вилков Александр Алексеевич* — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук юридического факультета, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».
- Внукова Любовь Борисовна* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории правовых исследований Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного центра Российской академии наук.
- Волкова Алина Михайловна* — студент I курса магистратуры по направлению «Политический процесс в России» факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Волосова Татьяна Васильевна* — студентка кафедры общей и прикладной политологии философского факультета Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.
- Волох Владимир Александрович* — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления.
- Гайдук Вадим Витальевич* — доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета.
- Галинский Илья Николаевич* — заведующий кафедрой политологии и политических процессов Приднестровского госуниверситета имени Т.Г. Шевченко (Молдавия / Приднестровье).

- Галихузина Резеда Гильмутдиновна* — к.и.н., доцент кафедры конфликтологии КФУ. Потенциал Духовного управления мусульман Республики Татарстан в противодействии молодежному экстремизму.
- Говоров Михаил Вадимович* — магистрант, профиль подготовки «Психологическое сопровождение в физической культуре и спорте» Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма.
- Голованов Роман Сергеевич* — кандидат политических наук, докторант Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина.
- Головин Юрий Алексеевич* — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.
- Грибанова Галина Исааковна* — доктор социологических наук, профессор кафедры международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.
- Грузнова Елена Борисовна* — кандидат исторических наук, ученый секретарь Президентской библиотеки.
- Гуторов Владимир Александрович* — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Демчук Артур Леонович* — кандидат философских наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Денисов Андрей Евгеньевич* — научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан.
- Дергунова Нина Владимировна* — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры методики гуманитарного и поликультурного образования Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова.
- Дроботушенко Евгений Викторович* — кандидат исторических наук, декан исторического факультета Забайкальского государственного университета.
- Дубови Александр* — сотрудник Института философии права, религии и культуры юридического факультета Венского университета, научный сотрудник центра полемологии и правовой этики Академии национальной обороны Австрии (Австрия, Вена).
- Дубровский Даниил Николаевич* — студент Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
- Евстифеев Роман Владимирович* — доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- Ефанова Елена Владимировна* — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета.
- Жаде Зуриет Анзауровна* — доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Адыгейского государственного университета.

- Жильцов Сергей Сергеевич* — доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ.
- Жихаревич Михаил Ефимович* — кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром гражданского образования Псковского областного института повышения квалификации работников образования.
- Журавлева Татьяна Андреевна* — ассистент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
- Завершинский Константин Федорович* — доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Зазнаев Олег Иванович* — доктор юридических наук, заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Закиров Айдар Робертович* — аспирант кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Зверев Андрей Леонидович* — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультет политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
- Зорин Андрей Сергеевич* — Председатель Совета, Некоммерческое партнерство «Региональная ассоциация специалистов по связям с общественностью» (НП «РАСО-Вятка»).
- Зорин Владимир Юрьевич* — доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
- Зотов Никита Сергеевич* — магистрант кафедры Управления и планирования социально-экономических процессов Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- Зубенко Вячеслав Васильевич* — доктор экономических наук, профессор департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
- Иванов Андрей Валерьевич* — кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Игнатъев Николай Петрович* — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Игонин Денис Иванович* — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Ильин Александр Юрьевич* — кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета.
- Ильмярв Магнус* — старший научный сотрудник Гуманитарного института Таллиннского университета, Доктор государственных наук (Эстония, Таллин).

- Кадочников Алексей Николаевич* — доцент кафедры российской политики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат физико-математических наук.
- Казаринова Дарья Борисовна* — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.
- Капто Александр Семенович* — доктор философских наук, почетный профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Чрезвычайный и Полномочный Посол.
- Карабущенко Павел Леонидович* — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет.
- Карадже Татьяна Васильевна* — доктор философских наук, зав. кафедрой политологии и социологии МПГУ.
- Керимов Александр Алиевич* — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук департамента политологии и социологии Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина.
- Кехлер Ганс* — профессор философии Инсбрукского Университета. Президент Международной организации за прогресс (Австрия).
- Ковалев Виктор Антонович* — доктор политических наук, профессор кафедры института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени П.А. Сорокина.
- Коваленко Валерий Иванович* — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Козиков Иван Андреевич* — доктор философских наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Комлева Наталья Александровна* — доктор политических наук, профессор, директор Центра геополитического анализа.
- Кондратенко Сергей Евгеньевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Коткин Константин Яковлевич* — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета.
- Красноцветов Глеб Владимирович* — член Президиума Молодежного отделения Российского общества политологов, Председатель Президиума первого созыва Молодежного отделения Российского общества политологов, магистрант кафедры «Государственная политика и управление» факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Краюшкина Светлана Владимировна* — кандидат политических наук, доцент кафедры правовых дисциплин факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

- Кудусов Худжамурод Сафаралиевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры политических процессов философского факультета Таджикского национального университета.
- Кукушкина Елена Иосифовна* — доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Летуновский Петр Васильевич* — доктор политических наук, профессор кафедры государственно — правовых дисциплин факультета истории и права Смоленского государственного университета, руководитель регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российского общества политологов» в Смоленской области.
- Линде Андрей Николаевич* — аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Лошкарёв Иван Дмитриевич* — преподаватель Кафедры политической теории факультета политологии МГИМО МИД России.
- Ляховенко Олег Игоревич* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Магомадов Абдулла Ломалиевич* — магистрант 2 курса кафедры этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Майоров Арсений Валерьевич* — аспирант кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Мальцева Дарья Александровна* — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета.
- Мансуров Тимур Зуфарович* — кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Мартынов Михаил Юрьевич* — доктор политических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин Института государства и права Сургутского государственного университета.
- Масленников Владимир Михайлович* — магистрант кафедры Этнополитических процессов в современной России и мире факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Махмудов Ойбек Нигматуллаевич* — кандидат политических наук, советник по стратегическому развитию Высшей школы бизнеса при Кабинете Министров Республики Узбекистан (Узбекистан).
- Минеев Александр Петрович* — кандидат физико-математических наук, доцент Кафедры политической теории факультета политологии МГИМО МИД России.
- Мирзаде Лилия* — Национальная Академия Наук Азербайджана, Институт Философии, ведущий научный сотрудник, доктор философии по экономическим наукам, доцент.
- Морозов Олег Викторович* — научный руководитель Учебно-научного центра государственного строительства и подготовки управленческих кадров МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук.
- Морозова Галина Викторовна* — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Высшей школы

- журналистики и медиакоммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Никитин Алексей Александрович* — кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Никитина Татьяна Игоревна* — кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Олейник Владимир Игоревич* — аспирант кафедры политологии и политического управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета.
- Омельченко Николай Алексеевич* — доктор исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления.
- Орехова Валерия Дмитриевна* — аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.
- Остроумов Александр Иванович* — кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского Приволжского федерального университета.
- Палитай Иван Сергеевич* — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Пляйс Яков Андреевич* — доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета при Правительстве РФ.
- Понеделков Александр Васильевич* — доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- Попова Анна Владиславовна* — доктор юридических наук, кандидат философских наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Юридического факультета Российского университета кооперации, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
- Порфирьева Ирина Дмитриевна* — аспирант кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Потапов Артем Дмитриевич* — магистрант кафедры политических процессов в России факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

- Пророкович Душан Н.* — доктор политических наук, исполнительный директор, преподаватель, Центр стратегических альтернатив, Факультет дипломатии и безопасности.
- Радиков Иван Владимирович* — доктор политических наук, профессор, заместитель декана, председатель Учебно-методической комиссии факультета политологии, профессор кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета.
- Рогожина Евгения Михайловна* — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова.
- Рыжов Игорь Валерьевич* — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.
- Рютовуори Аунун Хелена* — профессор Университета Тампере (Финляндия).
- Сидельникова Татьяна Тимофеевна* — доктор педагогических наук, профессор кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Сидоров Виктор Владимирович* — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Сидорова Галина Михайловна* — заведующая кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета, к.и.н.
- Силаева Зоя Владимировна* — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии отделения социально-политических наук Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.
- Симонова Елена Викторовна* — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.
- Сирюкова Яна Алексеевна* — аспирант второго года обучения Казанского (Приволжского) Федерального Университета.
- Смутькина Наталья Валентиновна* — кандидат политических наук, младший научный сотрудник кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
- Соловьев Алексей Васильевич* — кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Соснин Дмитрий Петрович* — кандидат политических наук, координатор проекта «Муниципальная карта России: точки роста» Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив.
- Старостин Александр Михайлович* — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Южно-Российский институт

управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Суворов Владимир Леонидович — доктор политических наук, профессор, генерал-майор, заместитель начальника кафедры государственного управления и национальной безопасности Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Суворова Вера Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Тарасов Илья Николаевич — доктор политических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени И. Канта.

Телин Кирилл Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Тимофеев Александр Александрович — соискатель ученой степени кандидат политических наук, отдела социально-политического анализа и стратегических оценок Института социально-политических исследований РАН.

Третьяков Виталий Товиевич — декан Высшей школы (факультета) телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Трунов Филипп Олегович — ассистент кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Тузиков Андрей Римович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и социологии факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета.

Усманов Рафик Хамматович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и международных отношений факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета.

Федорова Светлана Сергеевна — кандидат политических наук, Выпускница факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Феоктистова Оксана Анатольевна — кандидат политических наук, директор научно-образовательного центра «Высшая школа политической культуры» Московского государственного института культуры

Фомин Вячеслав Васильевич — доктор исторических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Фомин Олег Николаевич — доктор политических наук, профессор, заместитель директора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ.

Халанский Игорь Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, факультет международных отношений Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина.

Хлебников Иван Евгеньевич — аспирант кафедры Сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

- Хордецки Бартош Маркович* — кандидат политических наук, кандидат юридических наук, адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани
- Цветкова Ольга Викторовна* — кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Цзи Юешэн* — аспирант политических наук, доктор юридических наук по степени Китая кафедры политологии института международных отношений и социально-политической наук, Московского государственного лингвистического университета.
- Чапковская Екатерина Алексеевна* — аспирант кафедры политологии и международных отношений факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета.
- Чворович Зоран* — доктор юридических наук Университета в Крагуевце, член Правового-политического совета Автономного края Косово и Метохия (Сербия).
- Челпанова Диана Дмитриевна* — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальных и экономических исследований, ученый секретарь Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук.
- Черевык Константин Антонович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Черняховская Юлия Сергеевна* — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного Наследия им. Д.С. Лихачева, доцент Научно-образовательного центра Высшая школа политической культуры Московского государственного института культуры.
- Черняховский Сергей Феликсович* — доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член Общественного Совета Министерства культуры РФ.
- Шаповалов Владимир Леонидович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры политических исследований России и постсоветского пространства, заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.
- Шашкова Ярослава Юрьевна* — доктор политических наук, заведующая кафедры политологии факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета.
- Шестов Николай Игоревич* — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук юридического факультета, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского». Проблема вариативности в подготовке политологов
- Шестопал Елена Борисовна* — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
- Шибанова Наталья Александровна* — кандидат философских наук, ассистент кафедры конфликтологии факультета социально-философских наук и массовой коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Шмелев Антон Павлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Шопрад Эмерик — эксперт по геополитике, член комитета по международным делам Европарламента (Франция)

Шульце Петер — профессор Института политологии Гёттингенского университета (Германия)

Юрченко Виктор Михайлович — кандидат политических наук, доцент, руководитель лаборатории политического анализа и конфликтологической экспертизы проблем национальной и региональной безопасности Кубанского государственного университета

Юрченко Инна Вадимовна — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Ягодка Николай Николаевич — аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Якунин Владимир Иванович — заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

Научное издание

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА:
ПОВЕСТКА ДНЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

МАТЕРИАЛЫ II СЪЕЗДА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

11–13 ноября 2016 г., Казань

Издание выполнено в авторской редакции

Компьютерная верстка *Л.В. Тарасюк*

ISBN 978-5-19-011323-5

9 785190 113235